

А. Б. Карповъ.

УРАЛЬЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Посвящается памяти Юасафа Игнатьевича Желѣзнова.

ЧАСТЬ 1-я.

Яицкое войско

отъ образованія войска до переписи полковника Захарова
(1550—1725 гг.)

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ

ХЦ-21321

И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

УРАЛЬСКЪ.

Войсковая Типографія.

1911.

ЧАСТЬ 1-я.

Отъ основанія войска до первой переписи, произведенной въ 1723 году.

— Живите, братцы, пока Москва не знаетъ,
Москва узнаетъ—плохо будетъ!
(Послов. Урал. казаковъ).

— По крутымъ берегамъ,
Вдоль Яика рѣки,
Видны здѣсь, видны тамъ,
Казаки, казаки...
Все то вольный народъ,
Всюду сабли стучать,
Нѣтъ печали, заботъ,
Всюду пѣсни звучать.
Здѣсь и тамъ туманы,
Черный волосъ до плечъ,
И шумятъ казаки
И свободна ихъ рѣчь.

А. П. Хорошкинъ.

I.

Кто жилъ на Яикѣ до прихода казачевъ¹⁾.

— „Дѣла давно минушихъ дней
Предаде старинамъ глубокой!“.

П у ш к и н а.

Давно это было. Много тысячъ лѣтъ назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь несетъ свои быстрыя воды старинъ Яикъ, были глубокія воды огромнаго моря. Ходили на его просторѣ снѣга, высокія волны. Широкой безъ мѣры полосой разливалось оно по нынѣшней киргизской степи, захватывая собою Аральское и Каспійское моря. И среди него отдѣльными островами выдѣлялись вершины вышнихъ Уральскихъ горъ.

Но шли годы, проходили сотни, тысячи лѣтъ, поднималось незаметно морское дно, поднимались выше Уральскія горы, стекали воды широкаго моря на сѣверъ въ Ледовитый океанъ и, среди его волнъ, появились обширныя полосы земли. Прошли еще сотни лѣтъ и отодвинулось море на югъ, заняло оно собою обширную низменность нынѣшнихъ киргизскихъ степей, а между нѣмъ и Ледовитымъ океаномъ встали Уральскія горы и восточная русская равнина. Прошли опять годы и сотни лѣтъ... Несоединенное съ океаномъ море стало терять свои воды и становилось все меньше и меньше и наконецъ распалось оно на два моря: Каспійское и Аральское, а на бывшемъ морскомъ днѣ появилась растительность, расцвѣла жизнь. Появились озера и рѣки. Заиграли своими быстрыми зеркальными водами Яикъ, покатылась широкая тихая матушка Волга. И понесли они свои воды въ Каспійское море.

Все оживилось;—зацвѣли пышнымъ ковромъ широкія степи, покрылись берега Яика курчавою зеленью тѣнистыхъ лѣсовъ. Тысячи перелетныхъ птицъ оглашали его воздухъ радостными влѣками; надъ широкими вьменами и по густымъ прибрежнымъ камышамъ раздавалось гоготанье гусей, перемежалась съ звонкимъ серебрянымъ влѣкомъ пролетающихъ лебедей. Въ густыхъ лѣ-

¹⁾ Матеріаломъ для составленія этого очерка служили слѣдующія книги: Соловьевъ „Исторія Россіи“; Карамзинъ „Исторія Государ. Россійскаго“; Ричковъ „Топогр. Оренб. губерніи“; Хозяйств. опис. Астр. и Кавказской губерній 1809 г. Элизе Реклю „Человѣкъ и земля“; „Россія“—подъ ред. В. П. Семенова, томъ VI и XVIII и многіе другіе источники. Нѣкоторые же свѣдѣніями о хозаряхъ и печенѣгахъ, а также и о гор. Самсаитъ, бывшемъ на Яикѣ, я обязанъ Серг. Влад. Вероднну, любезно доставившему мнѣ выписки изъ сочин. Ибнъ-Даста, арабскаго географа, жившаго въ X вѣкѣ и писавшаго о нашихъ сѣверныхъ странахъ; арабскій текстъ съ русскими переводами и прикличаніями издавъ проф. Хвольсономъ. С. П. В. 1870 г.

сахъ и въ камышовыхъ заросляхъ по Янку и Илеку бродили табуны дикихъ свиней, на устьѣ его строили свои высокія хижины суетливые бобры. Табуны сайгаковъ, кулановъ и тарпановъ (дикихъ лошадей) паслись по его привольнымъ степямъ. Воды Янка и моря были полны всевозможныхъ рыбъ и всюду то тутъ, то тамъ, въ волнахъ морскихъ, плескался неуклюжій тюлень—на слѣдѣ Сѣвернаго океана, подарокъ давно исчезнущаго громаднаго моря, покрывавшаго степную равнину, да кое гдѣ подъ яркими лучами жаркаго солнца блестяла на раскаленной землѣ морская соль, искрясь и бѣля пушистымъ налетомъ по гладкой степи.

И по этой широкой, необозримой, цвѣтущей равнинѣ кочевали со своими стадами разныя дикія воинственныя орды.

Но кто были эти орды, какъ назывались они—ни народныя преданія, ни древнія лѣтописи не оставили намъ объ нихъ никакого воспоминанія.

Давно это было.

Первыя извѣстія о народахъ, жившихъ съ незапамятныхъ временъ по Янку, встрѣчаются у греческаго историка Геродота, жившаго за 400 лѣтъ до Рождества Христова. Описывая нынѣшнія южно-русскія степи, Геродотъ говоритъ, что тамъ, по берегамъ Чернаго и Каспійскаго моря, между Танаисомъ (Дономъ), Истромъ (Дунаемъ), и на востокъ до Дависа (Янка) жило дикое воинственное племя скифовъ. Это было пастушеское, кочевое племя, занимавшееся скотоводствомъ. Скифы были бѣлокожи, краснолицы, съ голубыми глазами; съ мягкими, длинными, жадкими, искрасно-желтыми волосами. Они были очень похожи другъ на друга, толсты и мясисты. Браки ихъ не отличались плодовитостью. Нрава были дикаго, необузданнаго, страстны, вспыльчивы и гнѣбны. Ихъ обычаи были какъ и у всѣхъ кочевыхъ народовъ Азіи: весь годъ они кочевали со своими стадами по необозримымъ степямъ нынѣшней южной Россіи, мужчины на лошадяхъ, а женщины и дѣти въ телѣгахъ, запряженныхъ волами. Паша ихъ была лошадиное молоко и мясо. Самымъ почетнымъ занятіемъ у нихъ считалась война; они пользовались въ древности широкой извѣстностью, какъ отважные наѣзники и мѣткіе стрѣлки изъ лука. Сражались они пѣшие и ковыни; стрѣлы намазывались ядомъ. Они не знали желѣза и копья и топоры ихъ были изъ мѣди и бронзы. На войнѣ скифы отличались жестокостью и хитростью, они сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, дубили ее и употребляли для домашнихъ подѣлокъ. Геродотъ рассказываетъ подробно способъ дубленія этой кожи и обшивку кожей, снятой съ руки человѣка, футлара (колчана) для лука и стрѣлъ. „Человѣческая кожа была толстою и блестящею изъ всѣхъ по бѣлизнѣ“—говоритъ Геродотъ. „Многіе изъ нихъ одѣваются въ содранныя кожи, какъ въ плащи, шивая ихъ на манеръ козьихъ тулуповъ“. Изъ череповъ убитыхъ враговъ скифы дѣлали чаши и пилы изъ нихъ. Разказы о скифскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они были людоеды и что патались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ.

Скифы распадалась на нѣсколько родовъ, во главѣ которыхъ стояли кня-

зья; одинъ изъ родовъ — паралаты, въ мѣстности Герросъ въ Борисофень (Диди-рѣ), считался главнымъ и изъ него выбирался царь. Главный богъ у нихъ былъ богъ неба и назывался Пашей, кромѣ него они поклонялись огню счастья и богу войны, но не имѣли ни кумировъ, ни алтарей; приносили кровавыя жертвы, иногда даже человѣческія. Съ греками, жившими по берегамъ Чернаго моря, особенно въ Тавриѣ (Криму), они поддерживали самыя оживленныя и дружественныя сношенія, но въ массѣ чуждались всѣхъ народовъ и цивилизаціи.

Живя набѣгами и любя войны, скифы были безпобойными сосѣдями и предпринимали иногда довольно далекіе походы. Такъ, за 630 лѣтъ до Рождества Христова они вторглись въ Мидію (въ нынѣшнюю персидскую провинцію Азербейджавъ) и проникли въ Месопотамію и Сирію до Египта; двадцать лѣтъ скифы владѣли завоеванными землями, но наконецъ царь Киаксаръ побѣдилъ и выгналъ ихъ въ ихъ степи. Желая отомстить имъ за это нашествіе, персидскій царь Дарій I, въ 515 г. до Рождества Христова, пошелъ на нихъ съ большимъ войскомъ въ походъ въ глубь ихъ страны, но, потерявъ много людей и не имѣя возможности встичъ ихъ въ пустынныхъ степяхъ, вернулся обратно.

На востокъ отъ скифовъ, отъ моря Каспійскаго въ Азію, въ нынѣшнихъ киргизскихъ степяхъ жило сильное и воинственное племя *массагетовъ* побѣдившихъ Кира, царя персидскаго, подъ предводительствомъ своей царицы Томирисъ. Одеждою и нравами они были сходны со скифами и украшали золотою шлемы, пояса, конскіе приборы и какъ скифы-же не знали ни жѣлаза, ни серебра и дѣлали свое оружіе изъ мѣди.

За два вѣка до Рождества Христова господство скифовъ въ южныхъ степяхъ смѣнилось господствомъ другого дикаго племени — *сарматовъ*, которые вошли изъ Мидіи черезъ Кавказъ и, отбросивши скифовъ въ Азію, сами заняли ихъ степи отъ Дуная до Каспійскаго моря. Древній греческій историкъ Птоломей, описывая въ это время скифовъ, говоритъ, что они жили на востокъ отъ сарматовъ и въ ихъ странѣ протекали рѣки Рямносъ (нынѣшніе Узени), Давексъ (Яккъ), Оксосъ (Аму-Дарья), Яксартъ (Сыръ-Дарья) и Паронамизъ (Обь).

Сарматы, подобно скифамъ, были кочевники и по своему образу жизни почти ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ. Сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороды и широкую одежду; свое тѣло они расписывали разными узорами. Отличались дикостью и жестокостью нравовъ; поклонялись мечу, огню и приносили въ жертву лошадей. Любимое занятіе ихъ, какъ и всѣхъ дикихъ племенъ, были набѣги и война. Они не умѣли сражаться пѣшкомъ, но, какъ лхіе наѣздники, на лошадяхъ были неотразимы. Женщины у сарматовъ отличались замѣчательною силою, были воинственны и храбры и сражались вмѣстѣ съ мужьями.

Два вѣка кочевали сарматы по южнымъ степямъ на берегахъ Чернаго моря и на сѣверѣ отъ Кавказа, но незадолго до Рождества Христова изъ Закавказья

казья выходить новия дикія орды алане и вѣтѣсняють сарматовъ на сѣверъ и западъ, а сами поселяются на ихъ мѣстѣ, отъ сѣвернаго Кавказа вплоть до Дона. Подробныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни алановъ не сохранилось. Известно только, что они были кочевники и занимались грабежомъ и войнами.

Волѣе трехсотъ лѣтъ прожили они на занятыхъ ими степяхъ и въ 375 г. послѣ Рождества Христова были вѣтѣснены новымъ могущественнымъ и воинственнымъ племенемъ *гуннами*.

Многотысячными толпами, съ жеванами, дѣтьми и со всѣми своими стадами ринулся неудержимой волной этотъ дикій безстрашный народъ изъ глубины Азии, переправившись черезъ Яикъ, Волгу и Донъ, истребилъ и покорилъ передъ собою всѣ племена, которые встрѣтились ему на пути. Храбрые аланы не могли въ битвахъ вынести ужаснаго вида гунновъ и были разбиты и истреблены, остатки ихъ присоединились къ гуннамъ. Что случилось со скифами, сарматами и другими народами, историки того времени не упоминаютъ, такъ какъ все ихъ вниманіе было обращено на тѣ бѣдствія, которыя происходили въ Европѣ отъ нашествія полчищъ этого дикаго неваданнаго еще въ Европѣ звѣроподобнаго народа.

Гуны отличались отвратительнымъ видомъ—у нихъ почти не было лица, а вмѣсто него безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ видѣлись какія-то пята. Они рѣзали лицо ножомъ, чтобы не росла борода; были толстошеи, сутулы и казались не людьми, а грубыми болванами, имѣли кривыя ноги отъ постоянной ѣзды верхомъ. Безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бороды и жили, какъ дикіе звѣри; питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ; о домахъ они не хотѣли знать, считая ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ лоскутьями. Безобразная обувь имѣла имъ ходить. Они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, на сѣдлахъ отправляли свои дѣла: ѣли, спали, пили, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ. Военно-плѣнные должны были обработывать землю и пасти стада. Не было у нихъ ничего постоянного: ни жилищъ, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Они ни во что не вѣрили. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткала грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей и были также безстрашны, какъ и ихъ мужья, а въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ ними. Многоженство было у нихъ въ обычай.

Какъ могучая волна, хлынулъ потокомъ этотъ свирѣпый народъ въ сердце Европы разоряя и истребляя все на своемъ пути прошелъ Германію и Италію. Ужасъ предъ гуннами былъ настолько великъ, что даже знаменитый въ Европѣ полководецъ Эрманирихъ не рѣшился вступить съ ними въ битву и лишилъ себя жизни.

Разбитые потомъ на Каталаунскихъ поляхъ, гуны отхлынули на востокъ и заняли земли отъ Яива до Тиссы (въ нынѣшней Венгріи). Послѣ смерти

ихъ вождя Атиллы въ 453 г. царство гунновъ распадается и самое имя гунновъ исчезаетъ изъ исторіи. Исчезло только названіе, но не исчезли народности, которые жили въ этой области и остались здѣсь осадкомъ отъ гунскаго переселенія. Народности эти становятся извѣстны въ среднемъ Поволжьи подъ именемъ *болгаръ* въ V вѣкѣ и отчасти *аваръ* (одного происхожденія съ гуннами) и жившихъ въ степяхъ за Яикомъ. Часть болгаръ поселилась по низовьямъ Волги и Яика и заняла сѣверное побережье Каспійскаго моря; это племя называлось *хвалиссы*, отъ которыхъ въ то время получило свое названіе и Каспійское море—Хвалисское море, а славяне, а потомъ и русскіе называли его *Хвалышское* (искаженное Хвалисское).

Въ 565 г., тѣсниемые другими народами, авары (или обры, какъ называютъ ихъ русскіе лѣтописи) перешли изъ Азіи черезъ Яикъ и расселились по южно-русской степи, занявъ мѣсто на сѣверъ отъ Кавказа по Дону, Волгѣ и Яику.

Авары очень походили на гунновъ и отличались только тѣмъ, что не брали головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшая ихъ лентами. Болгары признали власть ихъ свирѣпшаго хана Баяна, который вскорѣ завоевалъ Моравію, чеховъ и другихъ западныхъ славянъ, а также Паннонію. Вскорѣ онъ напалъ на сѣверныхъ славянъ. Онъ вступилъ къ нимъ съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латвизовъ и началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жителей, которые спасаясь разбѣгались по лѣсамъ. Спасались отъ рабства и разоренія только славяне, жившіе за Вислою и далѣе къ сѣверу. Со своими покоренными народами авары обращались высокомерно и жестоко. Пріѣзжая на зиму къ славянамъ, они оскорбляли цѣломудріе ихъ женъ и дочерей; брали съ народа тягостную дань и вслѣдствіе ея угнетали. Авары презирали славянъ за ихъ хлѣбопашество.

Назвавши на славянское племя дулебовъ-бужанъ (волынннъ) и покоривъ его, обры стали звѣрски поступать съ ихъ женами: „когда нужно было ѣхать обрину, — говорить лѣтописецъ, — то онъ не велѣлъ впрягать въ челягу ни кова, ни вола, но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по шести женщинъ. Были обры, — продолжаетъ лѣтописецъ, — тѣлохъ велики и умомъ горды и Богъ истребилъ ихъ—все померли, не осталось ни одного“; въ лѣтописи имѣется и поговорка того времени: „погибоша аки обре, ихъ-же нѣсть племени, ни наслѣдника“.

Обры просуществовали на Яикѣ и въ южныхъ степяхъ до 796 г., когда Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Панноніи, а въ 867 г. они почти все были истреблены болгарами.

На мѣста, занятые обрами, переправившись черезъ Яикъ, хлынула изъ Азіи новая волна переселенцевъ—это были *хазары* (или козары). Уже русскія лѣтописи упоминаютъ хазаръ въ срединѣ IX вѣка и говорятъ, что славяне платили имъ дань. Это былъ народъ сибирякннй изъ разныхъ племенъ, что было вполне естественно на границѣ Азіи и Европы, на пути всѣхъ наро-

довъ, воротами котораго была равнина, лежащая по теченію р. Яика между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ. Мудесси¹⁾, писатель того времени, говоритъ слѣдующее о странѣ хозаръ. „Она, — говоритъ онъ, — лежитъ по ту сторону (на западъ) Каспійскаго моря, очень обширна, но суха и неплодородна. Много въ ней овецъ, меду и евреевъ. На границѣ этой страны (на западѣ) находится стѣна Яджуджа и Муджуджа и она смежна со странами Византійскаго государства. Двѣ рѣки, въ этой странѣ, впадающія въ Каспійское море²⁾, на берегахъ которыхъ находятся самые большіе города ихъ. На границѣ страны лежитъ гора³⁾. Столица ихъ называется Италемъ⁴⁾. Въ городахъ этой страны принадлежатъ и Булгарь, Семендеръ, Сиверъ, Хомладжъ, Беленджеръ и Вейда. Изъ этого видно, что хозарамъ платили дань и болгары.

Интересныя свѣдѣнія о большомъ городѣ хозаръ, бывшемъ по всѣмъ даннымъ на Яикѣ, С а к с и н ѣ упоминаетъ тотъ же писатель Ибнъ-Даста. Перечисляя большіе города хозаръ, онъ говоритъ и объ этомъ городѣ, но т. е. въ числѣ городовъ, лежавшихъ по Волгѣ, онъ совершенно не упоминаетъ объ немъ, то очевидно, что этотъ городъ лежалъ на другой рѣкѣ, впадающей въ Каспійское море, т. е. на Яикѣ. Это былъ, какъ увидимъ ниже, на столько большой городъ, что Ибнъ-Даста не могъ его пропустить, перечисляя города на Волгѣ.

Смѣшанность племенъ въ Хозарскомъ царствѣ соответствуетъ смѣшенію религій; здѣсь уживались другъ противъ друга четыре религіи: языческая, магометанская, христіанская и еврейская. Последнюю исповѣдывалъ каганъ, верховный предводитель хозаровъ. Большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ города пустѣли, жители забирали имѣнія и откочевывали въ степь.

Хозары распространяли свою власть далеко на западъ; покоривши болгаръ, они завоевали Крымъ и Кіевъ. Славянскія племена полянъ, сѣверянъ, родимичей и вятичей признали надъ собою ихъ верховную власть и платили имъ дань по бѣлкѣ съ дыма (дома). Иго хозаръ не угнетало славянъ, но крайней мѣрѣ лѣтописецъ, изобразивъ жестокость обрвовъ, не говоритъ ничего подобнаго о хозарахъ.

Царь ихъ каганъ долженъ быть императорскаго поколѣнія. Входящіе къ нему падаютъ ницъ и ждутъ, чтобы онъ велѣлъ имъ встать и говорить. Никто не смѣетъ ѣхать верхомъ мимо кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклониться гробу, итти пѣшкомъ и сѣсть на лошадь, когда могила

¹⁾ Выписки изъ Ибнъ-Даста (сообщ. Серг. Влад. Бородинъ).

²⁾ Волга и Яикъ.

³⁾ Вѣроятно Кавказскія горы.

⁴⁾ На рѣкѣ Волгѣ въ 12 верстахъ выше нынѣшней Астрахани, развалины этого города существуютъ донынѣ.

уже скроется изъ глазъ. Если каганъ скажетъ кому либо: „поди, умри!“, то тотъ немедленно идетъ дождь и убиваетъ себя.

Для царствованія кагану назначалось 40 лѣтъ; по истеченіи этого срока граждане и вельжожи немедленно убивали его, чтобы предупредить ослабленіе его ума и души, и избирали новаго кагана.

У кагана 25 женъ, присылаемыхъ ему обыкновенно сосѣдственными государями изъ числа ихъ родственницъ, и 60 наложницъ.

Когда царь выѣзжаетъ верхомъ, то войско слѣдуетъ за нимъ, сзади его на цѣлую версту, народъ-же падаетъ ницъ и встаетъ тогда, когда онъ уже пройдетъ.

Воинствъ, побѣждавшихъ съ поля сраженія, лишали жизни, военачальниковъ за то же самое отдавали вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми другимъ военачальникамъ, которые разсѣкали преступника на двое и вѣшали въ такомъ видѣ на деревья за шею.

По рѣкѣ Волгѣ, раздѣлявшей столицу на двѣ части, ходили вверхъ и внизъ торговныя суда и кипѣла бойкая торговля.

Хозары раздѣлялись на два типа: одни были черноволосы, смуглы лицомъ и были похожи на индійскихъ народовъ, другіе были блѣды, красивы и стройны.

Въ главномъ городѣ Итиль сосредоточивалась главная торговля окрестныхъ народовъ; здѣсь были склады товаровъ всѣхъ странъ и шла караванная дорога изъ Европы въ Азію черезъ Яикъ до Индіи. У этихъ хозаръ гостившіе арабскіе писатели встрѣчаютъ впервые *руссовъ*, также гостей, прибывшихъ въ Итиль по Волгѣ изъ славянскихъ земель (русскихъ) черезъ Донско-Волжскую переволоку (между нынѣшнимъ Царяцкимъ на Волгѣ и Калачемъ на Дону) отъ хозарскаго городка Бѣлой Вѣжи на Дону. Одинъ изъ арабскихъ писателей, Ибнъ-Фолланъ, описываетъ этихъ руссовъ и особенно подробно ихъ похоронный обрядъ (тогда языческій), который онъ видѣлъ по случаю смерти прибывшаго въ Итиль ихъ князя.

Въ 913—914 г.г. пятьсотъ русскихъ судовъ, спустившихся по Дону до Волжно-Донской переволоки, просили у хозаръ пропуска черезъ ихъ владѣнія для того, чтобы идти воевать прикаспійскіе народы, причемъ половину добычи они обѣщали отдать хозарамъ. Получивъ отъ кагана пропускъ, руссы перетянули черезъ переволоку изъ Дона въ Волгу свои суда, проплыли мимо Итиля и, выплывъ въ Каспійское море, разгромили западныя его побережья до Азербейджана (провинція въ Персіи). Но на возвратномъ пути, у устья Волги, жители Итиля, собравшись вмѣстѣ съ буртасами (мордвою) и волжскими болгарамъ, напали на руссовъ, разбили ихъ и присвоили себѣ ихъ добычу.

Въ концѣ VIII вѣка черезъ Яикъ проходитъ новая орда торскаго происхожденія *угры*. Переправившись черезъ Яикъ, часть ихъ направилась на сѣверъ и заняла южныя отроги Уральскихъ горъ и образовала впоследствии особый народъ, потомъ извѣстный у русскихъ подъ именемъ *башкиръ*, а другая часть угровъ направилась на западъ, тѣсня хозаръ, прошла мимо Кіева въ 898 г. и заняла степи по Днѣпру до Чернаго моря.

Начиная съ 700 года хозары вѣли на своей восточной границѣ безпрерывныя войны съ воинственной и дикой ордой *печенѣговъ*. Съ давнихъ поръ народы турецкаго племени подъ названіемъ *ханзровъ* кочевали въ средней Азіи и распространялись на западъ до Яика, гдѣ историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ печенѣговъ. Печенѣги граничили на западѣ съ хозарами, а къ востоку, въ далекой Азіи — съ другими турецкими ордами, кочевавшими на вышнихъ приаральскихъ и алтайскихъ степяхъ и носившихъ названіе *узговъ* или *пугговъ*, т. е. свободныхъ, а впоследствии у русскихъ подъ названіемъ *половцевъ*. Первое извѣстіе о печенѣгахъ въ русскяхъ лѣтописяхъ имѣется подъ 915 годомъ.

Оттѣснивъ хозаръ на западъ, печенѣги заняли въ IX вѣкѣ степи между Волгою и Яикомъ. Но недолго жили печенѣги на Яикѣ. Желая удалитъ изъ своихъ степей и съ Яика печенѣговъ, хозары заключили союзъ съ своими единоплеменниками узамъ. Узы напали на печенѣговъ, вытѣснили ихъ и заняли ихъ мѣста по Яику и Волгѣ. Печенѣги въ свою очередь двинулись на западъ и напали на угровъ (мадьяръ), которые жили въ степяхъ Азовскихъ и Днѣпровскихъ. Угры не выдержали натиска и перешли въ концѣ IX вѣка въ Средне-Дунайскую равнину, гдѣ впоследствии основали свое Венгерское королевство. Попытки хозаръ остановить движеніе печенѣговъ не имѣли успѣха и скоро послѣдніе заняли все степи отъ Дона до нижняго Дуная, и въ серединѣ IX вѣка печенѣги уже появились въ области Днѣпра.

Вышедъ въ это время у узговъ, занявшихъ тогда мѣста по Яику и Волгѣ, извѣстный путешественникъ Казвини¹⁾ описываетъ ихъ главный городъ.

Городъ этотъ называется имъ Саксыномъ и описывается очень многолюднымъ, имѣющимъ много каналовъ и изобилующимъ деревьями. Сорокъ разныхъ племенъ *узговъ* жили въ немъ и тамъ стекалось множество иностранцевъ и купцовъ. Жители мусульмане и имѣютъ много мечетей. Холодъ тамъ очень силенъ. Дома внутри обиты войлокомъ и крыты сосновымъ деревомъ. Жители этого города въ торговлѣ употребляли свинецъ вмѣсто серебряной монеты. Городъ лежалъ на очень богатой рыбамъ рѣкѣ, которая больше Тагра и по показанію Аль-Гариста, переправившагося ѣзникомъ черезъ покрытую льдомъ рѣку, имѣетъ въ ширину больше 1840 шаговъ (больше версты). Географъ Ибнъ-Ансъ, впоследствии сообщавшій въ сокращенномъ видѣ извѣстія Казвини объ этомъ городѣ, прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: „вышъ наводнила вода протекающей мимо рѣки эту страну такъ, что и слѣдовъ строеній не осталось“. Если бы этотъ городокъ лежалъ на Волгѣ, то объ этомъ бы Казвини сообщилъ бы прямо, т. к. Волга ему была извѣстна, извѣстенъ былъ и Итиль и во всякомъ случаѣ онъ прямо сказалъ бы, что это рѣка Волга и не сталъ бы ее мѣрять шагами (какъ рѣку ему мало извѣстную), да и ширина рѣки Волги въ то время (1000 лѣтъ назадъ) была далеко бо-

¹⁾ Выписка изъ Ибнъ-Даста.

лѣе версты, т. е. она и теперь даже у Казани¹ (въ бывшемъ болгарскомъ царствѣ) шире версты. Нѣтъ сомнѣнія, что такой ширины могъ быть тогда только одинъ Яикъ (другая рѣка хозарь, кромя Волги). Но гдѣ былъ этотъ городъ на Яикѣ—неизвѣстно: до насъ не сохранились даже его развалины, вѣроятно, уничтоженныя Яикомъ, перемѣнившимся за эту тысячу лѣтъ, навѣрное, на одно русло.

Въ десятомъ вѣкѣ значеніе хозарь, какъ сильнаго государства, падаетъ. Великій князь Святославъ въ 965 г. разбилъ хозарь, завоевалъ ихъ крѣпость Сарканъ, разграбилъ города Итиль и Семендеръ и окончателно сломилъ ихъ могущество. Они сохранили свое господство только въ Крыму, но и здѣсь они были совершенно разбиты въ 1016 г. соединенными силами грековъ и русскихъ, подъ предводительствомъ Мстислава Тмутараканскаго, сына св. Владиміра. Съ тѣхъ поръ хозары изъ исторіи исчезаютъ; остатки ихъ нѣкоторые видятъ въ караймахъ южной Россіи.

Печенѣги дѣлились на 8 ордъ подъ управленіемъ родовыхъ хановъ; четыре орды поселились къ западу, а четыре къ востоку отъ Днѣпра. Они заняли также и степную часть Крымскаго полуострова. Это были самые безпокойные сосѣди Руси. Въ мирное время печенѣги помогали торговлѣ Руси съ корсунскою областью (Крымомъ), занимались перевозомъ товаровъ или продавали Руси коней и прочій скотъ; при враждебныхъ отношеніяхъ задегали на дорогахъ въ Византию, особенно у днѣпровскихъ пороговъ и грабили судовые караваны: въ 972 г. они у пороговъ напали на Святослава, возвращавшагося изъ Болгарскаго похода, и убили его. Они не разъ вривались въ Кіевскую землю и опустошали ее, и вели безпрерывныя войны съ Русью. Въ 1036 г. печенѣги въ послѣдній разъ напали на Русь, но были разбиты и бѣжали. Съ этой поры печенѣги болѣе не приходили и русскія лѣтописи лишь изрѣдка упоминаютъ о печенѣгахъ вмѣстѣ съ тюрками (узны) и берендѣями.

Будучи народомъ волюгъ кочевнымъ, не зная земледѣлія, печенѣги быстро передвигались съ мѣста на мѣсто въ своихъ подвижныхъ жилищахъ, ища мѣстъ, удобныхъ для паствы скота—главнаго источника ихъ жизни. Печенѣга славились быстротою своихъ коней; вооруженные копьемъ, лукомъ и стрѣлами, они моментально окружали непріятеля, и, въ случаѣ неудачи, моментально же скрывались изъ глазъ; броситься вмѣстѣ съ лошадыю въ глубокія и быстрыя рѣчки—для нихъ было обычное явленіе. Додокъ для переправы они не имѣли, а употребляли для этого большіе надутыя кожи. Окладъ лица печенѣговъ отличался свирѣбностью; одежда же походила на старинную персидскую.

Первый писатель, который упоминаетъ о печенѣгахъ, былъ императоръ Константинъ Багрянородный. „Печенѣги—говоритъ онъ—жили вначалѣ между рѣками Артель (Волгой) и Гееръ (Яикомъ) въ сосѣдствѣ съ хозарами и узями. Позже послѣдніе два варода вытѣснили ихъ изъ этихъ жилищъ, и тогда печенѣги двинулись дальше на западъ. Только немногіе печенѣги остались въ своихъ старыхъ жилищахъ между узями, отъ которыхъ они отличались

своими своеобразными костюмами". Таким образом видно, что были восточные, оставшіяся въ своихъ первобытныхъ жилищахъ, и западные печенѣги, переселившіеся въ Европу. Первый известный намъ магометанскій писатель, упоминавшій о печенѣгахъ, былъ Ибнъ—Хордоббекъ, писавшій между 855—874 годами; онъ причисляетъ къ пограничнымъ народамъ туркскихъ тагазгазъ, кытайцевъ, тибетцевъ, гузовъ и проч., а также и печенѣговъ. Ибнъ—Хордоббекъ во всякомъ случаѣ могъ имѣть въ виду только тѣхъ печенѣговъ, которые жили между Яикомъ и Волгой.

Абу-Доледъ¹⁾, который путешествовалъ около 940 года, отправился изъ Бухары черезъ разныя Туркестанскія земли и прибылъ въ страну печенѣговъ, и рассказываетъ объ нихъ, что они имѣютъ длинныя бороды и усы, ведутъ войны между собой, употребляютъ въ пищу одно просо, публично сообщаются со своими женами и никому не платятъ дани. Пространство ихъ земли онъ считаетъ въ 12 дней пути (т. е. приблизительно 400—450 верстъ) и при томъ замѣчаетъ, что печенѣги говорили ему, что страна ихъ простирается до земли славянъ (русскихъ).

Изъ сказаннаго видно, что Абу-Доледъ посѣтилъ первобытныя жилища печенѣговъ, жившихъ между Яикомъ и Волгой, но не тѣхъ, которые жили въ Европѣ. При томъ изъ его указаній видно, что на Яикѣ оставалась ихъ некая часть, какъ показываетъ Константинъ Вагрявородскій, а напротивъ, въ Европѣ только небольшая часть ихъ переселилась въ Европу, а остальные оставались на Яикѣ и въ степяхъ отъ Яика до Волги. Здѣсь, очевидно, подпавъ подъ власть узовъ (половцевъ), они продолжали жить до прихода татаръ.

Въ концѣ XI вѣка печенѣги въ Европѣ были отгнаны половцами (узми). Благодаря междоусобицамъ между печенѣжскими ханами половцы одержали надъ ними верхъ и печенѣги ушли за Дунай, гдѣ они получили отъ грековъ земли для поселенія, гдѣ и слились въ XIII вѣкѣ съ окружающими ихъ народностями.

Узы, куманы или, по русскимъ лѣтописямъ, половцы явились изъ глубинъ Азіи въ IX вѣкѣ, занявъ степи по Яику и Волгѣ и поразивъ печенѣговъ, заняли въ концѣ XI вѣка все южно-русскія степи. Въ русскихъ лѣтописяхъ они упоминаются въ 1055 году по смерти Ярослава I-го. Это былъ народъ татарскаго происхожденія и языка. Себя они называли кичакъ (рода Кичака). Въ этомъ году эта орда съ ханомъ своимъ Волушемъ появилась въ предѣлахъ Переяславскаго княжества и ушла въ степи; въ 1056 и 1068 году они вступаютъ опять въ русскую землю, разбиваютъ русскую рать, грабятъ села и города и уходятъ въ степь; съ этого времени у русскихъ князей начинается съ ними безпрерывная борьба, продолжавшаяся почти двѣсти лѣтъ.

Весною въ 1185 г. выступилъ противъ кочевниковъ Игорь Святославичъ князь Новгородъ-Сѣверскій, но потерпѣлъ полное пораженіе; память объ этомъ бѣдственномъ походѣ, повлекшемъ за собою опустошеніе обширныхъ

¹⁾ Выписка изъ Ибнъ-Даста.

пограничныхъ областей, долго жила на Руси и навсегда сохранена въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Были-ли у половцевъ города—неизвѣстно. На Яикѣ-же, какъ было сказано выше, они жили въ г. Саксинѣ (узы). Въ то время, какъ Русь вела непрерывную борьбу съ половцами, въ дальнихъ восточныхъ степяхъ Азіи, на сѣверо-западъ отъ Китая, кочевали два народа монголовъ и тата (татарь); образъ жизни ихъ былъ одинаковъ съ другими подобными же кочевниками, являвшимися прежде въ исторіи, какъ-то: скифы, гунны, половцы и друг. Въ первой четверти XIII вѣка монгольскій ханъ Темучинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Чингизъ-хана, подчинилъ себѣ всѣ монгольскія орды, татарь и казаковъ (киргизъ), кочевавшихъ тогда въ вершинахъ Амура въ сообществѣ съ монголами и на западъ до Иртыша. Образовалась огромная масса воинственнаго народа, которая двинулась на востокъ, западъ и юго-западъ, разрушая все на своемъ пути.

Въ 1222 г. часть этихъ народовъ подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ Чингизъ-хана: Джебѣ и Субугъ, прийдя изъ за Каспійскаго моря черезъ Кавказъ, напала на половцевъ и стала жестоко бить ихъ. Русскіе князья, чтобы предупредить татарь, соединились съ половцами, но 31 мая 1223 г. потерѣли полное пораженіе на р. Калкѣ. Татары, какъ называли эту орду наши лѣтописцы, преслѣдуя разбитое русское войско, дошли до Днѣпра, избивая всѣхъ жителей и опустошая землю. Вся южная Россія обратилась въ пустыню и груды развалинъ. Дойдя до Днѣпра, татары повернули на востокъ и, перейдя Довъ, Волгу и Яикъ, скрылись въ степяхъ, уводя съ собою въ столицу Чингизъ-хана въ г. Каракорумъ¹⁾ плѣнныхъ русскихихъ—первыхъ и невиданныхъ еще ими до сихъ поръ европейцевъ.

Шесть лѣтъ прошло съ ухода татарь и объ нихъ не было никакихъ извѣстій. Въ это время въ ордѣ умеръ Чингизъ-ханъ. Ему наследовалъ сынъ его Удегей (Октай). Страною, лежащею между Яикомъ и Днѣпромъ (какъ покоренною) досталось править внуку Чингизъ-хана Батю (Бату). Съ 300 тысячами войскомъ, въ составъ котораго вошли два (изъ пяти) киргизскихъ племени *кыпчаки* и *алчины*, составившіе ядро *Золотой* или *Кыпчакской* орды. Батый въ 1229 г., переуравившись черезъ Яикъ, вошелъ въ южнорусскія степи въ земли половцевъ. Половцы и хвалицы, жившіе на Яикѣ, собравшись вмѣстѣ, встрѣтили Батюя неподалеку отъ берега моря между Волгой и Яикомъ въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Рязь-пески, гдѣ были имъ разбиты и, по сохранившимся преданіямъ у татарь, мѣсто это названо Батыемъ Такъ-Салганъ, что значить „возстановленіе престола“. Это названіе сохранилось до сихъ поръ²⁾.

Объ этомъ новомъ нашествіи татарь наши лѣтописцы говорятъ слѣдующее: „Того-жь лѣта (1229 г.) саксини и половцы избѣгоша

¹⁾ Въ верховьяхъ р. Ангары въ Забайкальѣ.

²⁾ Опис. Астрах. и Каяк. губ., изд. Яки. Вольн. Экон. Общ. 1809 г., стр. 48.

и внизу къ болгаромъ передъ татары и сторожеве болгарскыи при бѣгоша, бѣеви отъ татаръ близъ рѣки, ей жениа Якъ¹⁾. Предоставленные собственнымъ силамъ половцы не могли отстоять своей независимости и были совершенно порабощены татарами. Часть печенѣговъ бѣжала въ Венгрію и здѣсь получила земли подъ условіемъ вассалитета, остальная часть постепенно слилась съ родственными имъ татарами. Той же участи подверглись и низовые болгары — хвалиссы, жившіе по сѣверному берегу Каспійскаго моря, по низовьямъ Яика и Волги; отъ половцевъ, бывшихъ на Якѣ, осталось въ воспоминаніе только одно названіе рѣкъ Узеней²⁾, гдѣ, слившись съ татарами, жили послѣдніе узы (половцы) и названіе этого мѣста и рѣкъ отъ нихъ перешло къ татарамъ, а отъ послѣднихъ къ казанамъ на Якѣ.

Въ 1236 г. Батый со всей своею ордою напалъ на верхнихъ болгаръ, взялъ ихъ столицу Великій Городъ на Волгѣ (ниже устья р. Камы) и истребилъ почти всѣхъ жителей, а въ слѣдующемъ году ворвался въ русскіе предѣлы, взялъ Москву, разорилъ землю и, обложивъ русскихъ князей тяжелою данью, съ массою русскихъ плѣнныхъ вернулся со своею ордою на Донъ, Волгу и Якъ. Съ этого года Россія стала данницею татаръ и находилась подъ ихъ ярмомъ около двухсотъ лѣтъ.

Извѣстный путешественникъ Плано-Карпини³⁾, посѣтившій берега Яика въ 1246 г., описывая землю кумановъ (половцевъ, они же узы) по сю сторону р. Яика и далѣе за нею землю кивглей, между прочимъ говоритъ, что въ землѣ команской было четыре рѣки: Дибуръ, Донъ, Волга и Якъ, т. е. Якъ, и что въ этой землѣ близъ сѣвера подлѣ руси были „мордва, билеры, сирѣчь болгарія, бастраки иже есть венгры“, подразумѣвая подлѣ бастраками башкарь; далѣе же онъ пишетъ: „команская земля есть велика и долгаго пространства, ея народъ большею частью искорененъ отъ татаръ, а прочіе всѣ скривились, а остатокъ пребылъ въ работѣ подлѣ нихъ; но и тѣ, которые было укрылись, многіе возвратились и подверглись подлѣ нихъ“.

Изъ этого описанія можно вывести только одно заключеніе, что это была печальная пустыня, въ которой только „подобно помету лежали кости мертвыхъ людей“ — жертвы Батыева нашествія.

Спустя семь лѣтъ тутъ проѣхалъ другой путешественникъ Рубриковисъ⁴⁾,

¹⁾ Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. III, стр. 175, примѣчаніе 355. Эти строки лѣтописи окончательно подтверждаютъ, что гор. Салкинъ лежалъ на р. Якѣ.

²⁾ Хозяйств. опис. Астрах. и Кавказ. губ. 1809 г., стр. 69.

³⁾ Плано-Карпини — итальянскій монахъ въ 1245 г. былъ отправленъ папою Иннокентіемъ IV во главѣ посольства къ татарамъ. Посольство проѣхало черезъ Польшу, Кіевъ и половецкія степи въ станъ Батыя, который отправилъ его вглубь Азии ко двору верховнаго хана въ Каракорумъ къ хану Гаюгу, гдѣ, проживъ нѣсколько недѣль, онъ отправился въ обратный путь. Онъ оставилъ о своемъ путешествіи любопытныя замѣтки о нравѣхъ татаръ и монголовъ. На русск. языкѣ языкѣ соч. Плано-Карпини издѣтся въ „Собраніи путешествій къ татарамъ“ Языкова, Сиб., 1825 г.

⁴⁾ Рубриковисъ, монахъ, былъ отправленъ въ 1253 г. Людовикомъ IX французскимъ къ монгольскому хану Мангу. Онъ посѣтилъ Крымъ, южную Россію, Кавказъ, Сибирь и Среднюю Азію. Его весьма интересныя путевыя записки переведены на русскій языкъ и изданы Д. И. Языковымъ въ 1825 г.

который говорит слѣдующее: „Вѣдши около двѣнадцати дней отъ рѣки Этилія (отъ Волги), обрѣли мы другую большую рѣку, именуемую Ягакъ (Якъ), которая истекаетъ изъ полувоинныхъ странъ земли паскатиръ (башкваръ) и владаетъ въ сіе море (Каспійское, о которомъ онъ говоритъ ранѣе); языкъ же паскатиръскій и венгерскій есть одинъ, и оны суть всѣ пастыри (т. е. кочующіе народы-скотоводы), не имѣющіе ни единого города, ни пригорода; со стороны западной граничатъ они съ Великою Булгаріею и этой земли къ востоку. Въ сихъ полувоинныхъ странахъ не находится уже ни единого города, т. ч. Малая Булгарія (т. е. Дунайская, куда еще ранѣе этого ушла часть болгаръ) есть послѣдняя страна, гдѣ оны есть“.

Слѣдовательно и Рубриквизъ на всемъ протяженіи южной Россіи и по Янку встрѣтилъ лишь одну пустыню, населенную остатками кочевныхъ народовъ, уцѣлѣвшихъ отъ Батыева нашествія. Въ ней не было ни одного города.

На обратномъ пути изъ Каракорума въ 1255 г. онъ уже говоритъ о построеніи г. Сарая¹⁾ на Волгѣ, будущей столицы Золотой орды. Въ 1335 г. флорентянец *Петролетти*, ѣздившій въ Азію съ караваномъ генуэзскихъ купцовъ уже говоритъ и о городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ²⁾ и даже опредѣляетъ разстояніе между Сарайчикомъ, Сараемъ и Ургенчемъ.

Но кто же были эти страшные завоеватели, оставившіе за собою только развалины селъ и городовъ и поля, усыянные трунами побѣжденныхъ ими народовъ?

Это были такіе-же кочевники, дикіе, храбрые и не боявшіеся смерти, какъ и бывшіе прадѣ тѣмъ другіе подобныя-же народы. Но этотъ народъ, съ которымъ Русь вела безпощадную и кровавую, почти четырехсотъ-лѣтнюю борьбу и съ которымъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу на Яикѣ первымъ явцимъ казакамъ, по виду былъ совершенно не похожъ на другихъ, бывшихъ до сихъ поръ на югѣ Руси завоевателей. У нихъ были выдающіеся скулы, приплюснутый носъ, узкіе, маленькіе глаза съ большимъ, чѣмъ у другихъ племенъ, разстояніемъ между ними. Они были не большого роста, имѣли рѣдкіе волосы на бородѣ и усахъ. Жили они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ, сверху которыхъ было отверстіе для свѣта и выхода дыму, потому что посрединѣ юрты у нихъ всегда былъ разведенъ огонь. Эти юрты легко разбирались и складывались и возились на телѣгахъ. Главное богатство ихъ было въ скотѣ: въ верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ. Вѣровали въ одного Бога, но этому Богу они не молились и не чествовали его, и приносили жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщавшимся противъ дверей юрты; подъ этими идолами клали изображеніе сосцовъ, считая ихъ охраня-

¹⁾ Сарай — столица хановъ Золотой орды лежала на берегу Волги тамъ, гдѣ нынѣ находится г. Царевъ. Развалины Сарая сохранились до сихъ поръ. При раскопкахъ, произведенныхъ тамъ въ 1843 — 47 г.г. найдена масса золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ татарскихъ, турецкихъ и индійскихъ съ 1310 г., кольца, серьги и др. предметы, а также и золотая корона хана Джанибека (хранящаяся въ Вѣнѣ).

²⁾ Развалины Сарайчика находятся недалеко отъ нынѣшней Сарайчиковской станицы.

тебяни стадь. Боготворили умершихъ хановъ, изображеніямъ которыхъ приносили жертвы, и клали поклоны, смотря на югъ. Сильно держались суебренныхъ преданій, напр., считали грѣхомъ дотронуться ножомъ до огня, бичемъ до стрѣлъ, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить одну кость о другую, пролить на землю молоко или какой либо другой напитокъ и т. п. Молвию они считали огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба и могущимъ оплодотворить женщинъ. Вѣрили въ будущую жизнь, но думали, что и тамъ будутъ вести такую же жизнь, какъ и на землѣ. Вѣрили гаданіямъ и чарамъ; вѣрили, что огонь все очищаетъ и потому иностранныхъ пословъ и русскихъ князей съ дарами проводили сперва между двухъ огней, чтобы они не могли принести хану какого либо зла. Не было ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Бранились они между собою рѣдко и никогда не дрались. Воровъ у нихъ не было и потому вбитыя ихъ никогда не запирались; другъ съ другомъ они были общительны, помогали въ нуждѣ; были выдержанны и терпеливы, могли нѣсколько дней оставаться безъ пищи и быть въ то же время веселыми—пѣть, играть, какъ будто сыто пообѣдали. Они легко переносили также холодъ и жаръ; жены ихъ были цѣломудренны на дѣлѣ, но невосдержанны на непристойныя слова. Татары любили пить, но и въ пьяномъ видѣ не любили браниться и никогда не дрались между собою. Татары могли ивѣтъ женъ кто сколько хотѣлъ, покупая ихъ дорогою цѣной у родителей послѣднихъ. На женщинахъ лежали всѣ хозяйственныя работы. Вообще же женщины у татаръ пользовались большимъ уваженіемъ; шадить ихъ по возможности было закономъ.

Мужчины ихъ ничѣмъ не занимались кромѣ стрѣльбы изъ лука, и еще нетрудною заботою о стадахъ; большую-жъ часть времени они проводили на охотѣ и были поэтому отличными стрѣлками. Дѣти съ 2—3 лѣтъ начинали ѣздить верхомъ и стрѣлать въ цѣль. Даже женщины и дѣвушки ѣздили верхомъ и ивѣтъ луки и стрѣлы. Татары, столь обходительные другъ съ другомъ, были столь же раздражительны и гвѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы и сварливы: убить человѣка ивѣтъ ничего не стоило. Наконецъ они были очень неопратны и верашливы.

Татары были страшны и грозны своею военною организаціей. Всѣ они были воины. Чингизъ-ханъ опредѣлялъ, чтобы надъ каждымъ десяткомъ человѣками былъ одинъ начальникъ—десятникъ; надъ десяткомъ десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десяткомъ сотниками—тысячникъ. Надъ десяткомъ тысячниками особей начальникъ, а число войска, ему подчиненнаго, называлось тькою. Сторожевыя отряды назывались караулами. Вѣглецы съ поля битвы (если бѣгство не было общимъ) умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе предавались смерти; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ плѣнъ, а товарищи не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Каж-

дый татаринъ долженъ былъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и перчатки для того, что бы тащить осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣли кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; у вѣкоторыхъ были брони и для себя и для лошадей изъ кожи; у нихъ были шаты, сдѣланные изъ хвороста. По приказанію Чингизъ-хана татары не должны были щадить имѣнія и жизнь враговъ, т. е. плодъ пощады — сожалѣніе противно духу война. Миръ заключали они только съ тѣми народами, которые признавали ихъ господство. Условія, при которыхъ они принимали другіе народы въ подданство, были слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому требованію и давать десятину отъ всего: отъ людей, отъ вещей; у русскихъ брали они десятиаго отрока и дѣвицу, которыхъ отводила въ свои кочевья и держали въ рабствѣ, а остальныхъ жителей перечисляли для сбора податей. Батый имѣлъ до 600 тысячъ воиновъ, изъ которыхъ было 160 тысячъ татаръ, а 450 тысячъ иноплеменниковъ — христіанъ и другихъ подданныхъ.

На востокъ отъ этой орды за Яикомъ до песковъ Каракорума жила другая орда, называемая Заяицкой или Синей ордой, управляемая особымъ ханомъ.

Таковы были новые завоеватели, съ которыми суждено было Россіи вести безпрерывную многолѣтнюю и кровавую борьбу, въ разгаръ которой впервые появился на Руси передоной борецъ ея и хранитель ея границъ безстрашный и отважный казакъ.

Борьба Москвы съ татарами и образованіе казачьихъ общинъ на Руси.

„Въ стары времена Россія была земля казачья, слабая, малочисленная. Коли устояла она, коли возросла, возмощала надъ всеми царствами и князьями, въ томъ много ей помогли казаки—лицары, всея казаки: и доволжскіе, и терекскіе, и заповолжскіе, и волжскіе, и сибирскіе, и яцкскіе—они по границамъ российскимъ крѣпко держали и басурмановъ усмирляли. Всея казачья не знала чуждыя Россіи было“.

Соч. Желызнова. „Уральцы“. Ч. III. Три Ивана. Рассказъ казака Ивана Чакрыгина.

Обложивши русскихъ данью, татары болѣе ихъ не беспокоили; отличаясь въротерпимостью, они не принуждали русскихъ принимать свою религію.

Но гнетъ порабоженія былъ силенъ и тяжелъ. Великій князь могъ быть назначаетъ только по ханской грамотѣ; пріѣзжавшіе татары за сборомъ дани грабили русскія села и города.

Медленно поправлялась Россія отъ нанесеннаго ей жестокаго пораженія, и разрушенныя области долгое время были пустынями и необитаемы.

При Баткѣ была построена на берегу Волги столица хана Сарай и по смерти Баткы его преемникъ Берте въ 1260 г. принялъ исламъ; эта новая религія татаръ быстро распространялась среди кочевниковъ, прибавивъ къ ихъ дикой храбрости мусульманскій фанатизмъ. Но, на счастье Руси, могущество Золотой орды продолжалось не долго; орду разъядали пережитки родового быта—усобицы родовъ. Уже въ концѣ XIII вѣка одинъ изъ главныхъ полководцевъ Сарайскаго хана по имени Ногай, отказавшись ему повиноваться и, отдѣлившись съ частью татаръ отъ главной орды, образовалъ въ пространствѣ между Янкомъ, Волгой и Камой независимую орду, которая по его имени и стала называться *Ногайской*, столицей которой сталъ г. Сарайчикъ на р. Яикѣ.

Послѣ этого орда значительно ослабла и русскіе князья стали дѣйствовать смѣлѣе. Во всѣхъ русскихъ областяхъ начинаетъ прорываться у народа ненависть къ своимъ угнетателямъ. Такъ когда одинъ изъ мурзъ Тагай въ 1367 г. напалъ на Рязань и выжегъ ее, русскіе князья напали на него сами и разбили на голову. Въ тотъ-же годъ болгарскій мурза Булатъ-Темиръ напалъ на приволжскіе города, но князья погнались за нимъ и разбили татаръ у р. Цыани, гдѣ большая часть ихъ утонула.

Эта побѣда ободрила русскихъ князей и постепенно стали вспыхивать возмущенія противъ татаръ; такъ въ 1374 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ народъ перебилъ болѣе тысячи татаръ, прѣбывшихъ со своимъ посломъ къ князю Дмитрію Константиновичу и нагло оскорблявшихъ его.

Но вотъ въ 1377 г. Зайицкій ханъ Арапша съ береговъ Сиваго или Аральскаго моря пришелъ изъ за Яика и съ согласія сарайскаго хана Мамай, соединившись съ мордвою, напалъ на русскіе предѣлы. Выступившія противъ него русскія войска при битвѣ на р. Пьяни онъ разбилъ на голову. Русское войско погябло почти все. На плечахъ бѣжавшихъ остатковъ русской рати татары ворвались въ Нижній-Новгородъ и разорили всю область, другая орда взяла Рязань и разорила и эту область. Обѣ эти области представляли груды развалинъ; тысячи плѣнныхъ русскихъ увели съ собою татары въ степь.

Главнымъ виновникомъ этого разгрома русскіе считали мордву и потому осенью этого же года русскіе князья въ отмщенье разорили мордву и взяли въ плѣнъ почти всѣхъ жителей.

Мамай, разсерженный этимъ, т. е. мордва была подъ его верховнымъ правленіемъ, послалъ своихъ военачальниковъ наказывать русскихъ и на слѣдующій годъ толпы татаръ наводнили Нижегородскую землю.

Русскіе князья въ свою очередь *начали на грабившихъ землю татаръ, разбили ихъ; тысячи татарскихъ труповъ покрыли поле битвы. Слабые остатки татаръ едва спаслись отъ преслѣдованія русскихъ. Это была первая большая побѣда русскихъ.

Мамай рѣшилъ отомстить русскимъ и ждалъ удобнаго случая и наконецъ 1380 г. выступилъ на Московскія земли съ громаднымъ войскомъ. Великій князь Дмитрій Донской въ свою очередь сталъ собирать русскія войска и 8-го сентября на Куликовомъ полѣ участь Мамай была рѣшена: татары были разбиты и самъ Мамай едва спасся отъ плѣна. Послѣ этой знаменитой въ исторіи Россіи и рѣшительной битвы, русскіе уже перестали бояться татаръ и временно свергнули съ себя вхъ постыдное и тяжелое иго.

Но торжество русскихъ было недолго. Въ 1381 г. волны Яика переправляли черезъ себя новую дикую орду, вышедшую изъ глубинъ Азіи. То былъ Зайицкій ханъ *Тохтамышъ*, востомъ Чингизъ-хана, который, получивъ въ свой удѣлъ отъ Тамерлана Кичакскую орду, двинулся со всею своею ордой получить ханство Мамай. Между нимъ и Мамаемъ на берегу р. Калки произошла битва и Мамай былъ разбитъ и бѣжалъ въ Крымъ, а Тохтамышъ въ слѣдующій годъ разбилъ Московское княжество, взялъ Москву; испенеливъ ее, поребивъ массу жителей онъ вернулся въ Сарай, уводя съ собою тысячи плѣнныхъ и награбленное имущество¹⁾.

¹⁾ Послѣ ухода татаръ великій князь Дмитрій Донской давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по 1 руб. и издержалъ на это 300 рублей. Слѣдовательно было погребено 24 тыс. челов. (Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. 3, стр. 366).

Россия снова подпала подъ иго татаръ, снова татары собирали дань и разбѣжались по русскимъ городанъ и селанъ. Снова великіе князья должны были ѣздить въ орду на покловны.

Прошло одиннадцать лѣтъ и на берегахъ Яика въ 1392 году появились безсчетныя полчища знаменитаго завоевателя и владыки всей Азии грознаго Тамерлана. Онъ шелъ наказать своего вѣроломнаго ставленника Тохтамыша. Тохтамышъ собралъ свою орду, перешелъ Волгу и здѣсь въ степяхъ между Яикомъ и Волгой разыгралась еще невиданная прилицкою степью грандіозная битва. Около милліона воиновъ участвовало въ ней.

Тохтамышъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ за Волгу, а повелитель половинъ міра „на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносили яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ“.

Удовольствовавшись побѣдою, Тамерланъ возвратился обратно.

Прошло три года и снова на берегахъ Яика появились полчища Тамерлана. На этотъ разъ грозный завоеватель переправлялъ свои орды за Яикъ съ цѣлью окончательно уничтожить ненавистнаго и даже послѣ побѣды не признававшаго надъ собою его власти Тохтамыша. На этотъ разъ враги сошлись на берегахъ Терека. Тохтамышъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ за Волгу. Въ этой жестокой сѣчи, какъ пишутъ наши лѣтописи, татары гибли „тмами“.

Такъ одна орда врывалась другую и облегчала русскимъ ихъ тяжелое иго. Разгромивъ Тохтамыша, Тамерланъ двинулся въ Рязанскую область, сжегъ Рязань и, ограбивъ, разоривъ ее и взявъ плѣнныхъ, круто повернулъ на югъ, гдѣ, спустившись по Дову, разорилъ Азовъ и взялъ самыя неприступныя крѣпости Грузіи; послѣ этого повернулъ на Волгу, разрушилъ и срылъ до основанія столицу хановъ Сарай и снова скрылся за Яикъ въ свои степи.

Послѣ этихъ двухъ битвъ Кипчакская орда потеряла окончательно свою силу и хотя и не была такъ страшна, какъ во время своего могущества, но все-же съ ея дикою силою и набѣгами Москва считалась еще почти цѣлыхъ двѣсти лѣтъ и вела съ татарами самую непримиримую кровавую и непрерывную борьбу.

Теперь татары уже не властвовали надъ Россіей, а довольствовались подарками, которые посылали имъ московскіе князья. Сами татары уже не ходили на Русь покорять ее, а лишь дѣлали непрерывные набѣги для грабежа и захвата плѣнныхъ.

У татаръ все время шла междоусобія и только въ 1412 г., когда въ Золотой ордѣ воцарился сынъ Тохтамыша Зелени-Султанъ, великій князь Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ орду съ подарками хану и со всѣми своими вельможами, но эта была послѣдняя поѣздка и послѣдніе слѣды татарскаго ига надъ Москвою.

Приблизительно въ это же время наши лѣтописи упоминаютъ о *казакахъ*¹⁾. Это было въ 1444 г., когда султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ татаръ и, разоривъ ея села и волости, захвативъ богатую добычу и массу плѣнныхъ, онъ остановился недалеко отъ Рязани и сталъ ихъ продавать на выкупъ пришедшимъ къ нему рязанцамъ. Плѣнные были выкуплены и Мустафа опять пошелъ на Рязань, но на этотъ разъ уже съ миромъ. Ему необходимо было перезимовать въ городѣ, потому что оставаться въ степи не было ни какой возможности — вся степь съ осени была сожжена пожаромъ, зима же была лютая съ большими снѣгами и сильными вьюгами; отъ безкорыяны лошади у татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двухъ своихъ воеводъ — князя Василія Оболенскаго и Андрея Гольяева „съ дворомъ своимъ да мордеу на лижахъ“. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на р. Лястани, потому что рязанцы не пустили его въ свой городокъ. Татары полузамерзшіе, безконныя, не могшіе владѣть луками по причинѣ снѣжного вѣтра, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ мордвы и отъ *казаковъ Рязанскихъ*; казаки пришли вооруженные „сулицами, рогатинами и саблями“²⁾. Не смотря на свое безпомощное состояніе татары рѣзались крѣпко, но выраженію лѣтописца живыми въ руки не давались и были сломлены только превосходнымъ числомъ русскихъ. Мустафа былъ убитъ.

Но кто же были эти казаки? Откуда и какъ появились они на Русь.

Еще въ XI и XII вѣкахъ въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются по юго-восточнымъ границамъ русскихъ княжествъ различное населеніе, слышущіе, то подъ именемъ *черныхъ-клубуковъ*, то *берендѣевъ*, *коусевъ*, *турпѣевъ*, *торковъ* и *бродниковъ*. Изъ лѣтописей видно, что они находились подъ властью своихъ воеводъ или же князьковъ; видно также, что ихъ образъ жизни былъ полукочевой, полусѣдлый. „По всей вѣроятности это были сбродныя и бродячія шайки вродѣ позднѣйшихъ казаковъ“ пишетъ объ нихъ Соловьевъ³⁾. Торки упоминаются уже въ 1114 г.: „битися половцы съ торки и печенѣги у рѣки Дону и сѣкошася два дни и двѣ ноци и придоша торки и печенѣги ко Владимиру“ (Мовомаху). Къ этому Караяязъ замѣчаетъ⁴⁾: „Гдѣ въ однихъ лѣтописяхъ говорится о торкахъ, берендѣяхъ и печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только черныя клубука. Сіе ния было для нихъ общими и даво имъ безъ сомнѣнія отъ черныхъ шапокъ. Слѣхъ же черныхъ клубуковъ называли *черкасами*“. Это подтверждается словами кievской

¹⁾ Въ историческомъ очеркѣ казачьихъ войскъ М. Хорошина, 1884 г., онъ говоритъ, что о казакахъ впервые упоминается въ 1380 г., поднесшихъ Дмитрію Донскому, послѣ Куликовской битвы, образъ Гребенцевской Божіей Матери. Въ исторіи нигдѣ объ этомъ не упоминается, а потому этотъ вопросъ остается открытымъ.

²⁾ Соловьевъ „Ист. Рос.“, т. 4, стр. 64 и 244.

³⁾ Ист. Рос., т. 3, стр. 38—39.

⁴⁾ Ист. Рос. Рос., т. 2-я, прилѣч. 218.

лѣтописи: „и склона свою дружину (въ 1141 г.) поиде поия съ собою Вячеславъ полкъ весь и всѣ черныя клобуки, еже зовутся черкасы“¹⁾. Прибывшихъ къ Владимиру Мономаху въ 1114 г. половцевъ и торковъ олъ вынужденъ былъ прогнать, т. к. они „любя грабежъ, не могли кочевать тамъ (въ Переяславлѣ) спокойно. Однако жъ многіе изъ нихъ остались на Дѣпрѣ и были извѣстны подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ и служили россиянамъ“²⁾.

О бродникахъ въ первый разъ упоминается въ 1147 г. Святославъ, идя войною на Смоленскъ, соединился съ ханомъ половецкимъ, со своимъ дядей и такъ называемыми бродниками.

Говора объ нихъ, Карамзинъ³⁾ говоритъ: „Сии люди были христіане, обитали въ степяхъ донскихъ среди варваровъ, удоболагали имъ дикою жизнью и, какъ вѣроятно, состояли большею частью изъ бѣглыхъ русскихъ. Они за деньги служили нашимъ князьямъ въ ихъ междоусобицахъ“. Во время битвы на берегахъ р. Калки въ 1224 г. бродники присоединились къ татарамъ, у нихъ былъ свой воевода *Плоскина*; послѣдній цѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ князьямъ, что если они сдадутся, то татары не убьютъ ихъ, но отпустятъ на выкупъ; князья повѣрили, сдались и были задавлены: татары подложили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать⁴⁾.

Что среди половцевъ обитало не мало русскихъ людей, порвавшихъ связь съ Россіей и, надо думать, бѣглецовъ видно изъ записокъ Плато-Карвина (въ 1246 г.) „Начальники монгольскіе, пишеть олъ въ земляхъ, завоеванныхъ, именуются басанами и прв малѣйшемъ неудовольствіи лютятъ кровь людей безоружныхъ: такъ истребили они великое число россиянъ, обитавшихъ въ землѣ половецкой“. Въ своемъ замѣчаніи⁵⁾ по этому Карамзинъ говоритъ, что эти люди, вѣроятно, были бродники, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи.

Объ этихъ людяхъ, жившихъ среди половцевъ и, поздѣе, среди татаръ, упоминается и у Рубриковса (1253 г.) Олъ говоритъ, что между Волгою и Дономъ въ ставѣ монгольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество россиянъ, венгровъ (башырцевъ) и ясовъ, которые, составляя какъ-бы народъ особенный и заимствуя яравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ, занимались разбоемъ и грабили путешественниковъ⁶⁾.

Далѣе изъ исторіи видно, что черкасами наши лѣтописи называли малороссийскихъ казаковъ. Такимъ образомъ всѣ эти берендеи, бродники, торки и другіе были ничто иное какъ первые русскіе казаки, ядромъ которыхъ были малороссы. Въ то время, какъ на югъ Россіи по привольнымъ степямъ ютились берендеи, бродники и другіе вольные люди, не признававшіе надъ собою

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., т. 2-й, примѣч. 374.

²⁾ Тамъ-же, т. 2, стр. 99.

³⁾ Тамъ-же, т. 2, стр. 142.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 2-й, стр. 450.

⁵⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. 4, стр. 86.

⁶⁾ Тамъ-же, т. 2, примѣч. 302 и т. 4, стр. 38.

ни чьей власти, въ восточной Россіи въ верховьяхъ Волги, народилась другая вольница, извѣстная у нашихъ лѣтописцевъ подъ названіемъ *ушкуйниковъ*.

Подвигами ушкуйниковъ и ихъ разбоями пестрить вся наша исторія того времени.

Уже въ 1366 г. наши лѣтописцы упоминаютъ о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ. Причиной этой ссоры были разбой Новгородскихъ ушкуйниковъ. Въ 1360 г. эта вольница взяла гор. Жукотинъ на р. Камѣ, перебила много татаръ и разграбила ихъ богатства. Вслѣдъ за этимъ идетъ цѣлый рядъ набѣговъ ушкуйниковъ на приволжскіе города, въ 1369 г., „осень шло Волгою 10 ушкунъ (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камю... въ слѣдующемъ году дважды ходили ушкуйники Волгою и много зла надѣлали. Въ 1371 г. ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 г. разбойники въ 90 ушкуняхъ пограбили Вятку; потомъ взяли г. Болгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились за 300 рублей, послѣ чего разбойники раздѣлялись: 50 ушкунъ пошли внизъ по Волкѣ къ Сарая, а 40 — вверхъ, дѣшли до Обухова, опустошили все. Засурва и Марывашъ, высадились на лѣвый берегъ Волги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ и дорогою разорили много селъ на берегахъ Ветлуги. Въ 1375 г., въ то время когда великій князь Дмитрій стоялъ подъ Тверью, Новгородскіе разбойники на 70 ушкуняхъ подъ начальствомъ Прокона и какого-то Смольячина явились подъ Костромою; тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ 5000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1500 человекъ. Но Проконъ раздѣлялъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые вошли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя дома и забирая въ плѣнъ жителей; они забирали съ собою только то, что было недорого и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнниковъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній-Новгородъ, они повернули въ Каму, и немедленно тутъ нѣкоторое время, вошли въ Волгу, въ г. Волгарахъ продали басурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣненныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ в поплавахъ въ посадахъ по Волгѣ внизъ къ Сарая, грабя гостей (купцовъ) христіанскихъ, а басурмановъ побывая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь Астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ¹⁾.

Такіе же разбой повели и къ ссорѣ Новгорода со Псковнимъ въ 1390 г., „но ушкунничество не прекращалось: подъ слѣдующемъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались и пошли въ посадахъ

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 3, стр. 371, 373 и 374.

и ушкуяхъ рѣкою Ваткою и Камюю, взяли Жукотинъ, Казань, выплыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей¹⁾.

Таковы были ушкунники.

Замѣчательно, что послѣ 1444 г., послѣ упоминанія о Рязанскихъ казакахъ наши лѣтописи уже болѣе ни разу не упоминаютъ ни о черныхъ-кзобукахъ, ни о бродникахъ, ни объ ушкунникахъ,—они исчезаютъ изъ исторіи Россіи и вмѣсто нихъ на тѣхъ-же мѣстахъ появляются на сценѣ казаки подъ разными наименованіями, ушкунники уже называются Волжскими казаками, хотя названіе судва „ушкун“ существуетъ до конца царствованія Ивана Грознаго. Но на нихъ уже плывутъ не ушкунники, а казаки²⁾.

Но когда и въ силу какихъ обстоятельствъ эти русскіе бѣглецы утратили свои первоначальныя имена и стали называться казаками, исторія намъ не говорить. Можно предположить только одно, что живя среди татаръ болѣе 200 лѣтъ, эти люди приняли ихъ обычаи и настолько усвоили ихъ нравы, что стали въ концѣ концовъ называть себя такъ-же, какъ назывались у хановъ и мурзъ ихъ воины т. е. казаками.

Что у татаръ такъ называлась легкая конница видно изъ многихъ примѣровъ. Такъ, когда въ 1477 г. крымскій царевичъ Зенебекъ запросилъ великаго князя Іоанна III—можетъ ли онъ найдти у него безопасное убѣжище, въ случаѣ изгнанія, то Іоаннъ отвѣчалъ: „Еще не имѣя ни силы ни власти и будучи единственно казакѣмъ ты спрашивалъ меня найдешь-ли отдохновеніе въ моей землѣ?“ и т. д.³⁾.

А въ 1481 г., когда ханъ Ахметъ возвратился съ богатою добычей изъ набѣга, изъ Литвы, „приде царь Ивакъ (ногайскій) въ Ногай, а съ нимъ силы 1000 казаковъ и взялъ съ собою шурью свою изъ Ногай, а съ нимъ силы 15 тысячъ казаковъ“⁴⁾. Изъ этихъ примѣровъ видно, что отборная и легкая конница татаръ носила названія казаковъ.

Киргизы до сихъ поръ называютъ себя казаками.

Съ развитіемъ казачества названіе казакъ означало на Руси вольницу, набѣдниковъ, удайцовъ. Самое характерное значеніе казака находимъ въ писемѣ Ногайскаго князя Уруса къ Ивану Грозному: „я твой казакъ,—пишетъ онъ—и твоихъ воротъ человекъ; братству моему знамя то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною итти, то я, если смогу ихъ унять, уйму: если не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю“⁵⁾.

Такимъ образомъ въ серединѣ XV вѣка въ южно-русскихъ предѣлахъ и на юго-востокѣ Россіи появляются казаки; они живутъ на Дефирѣ: *Мало-*

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 4, стр. 15.

²⁾ Такъ, въ 1554 г. въ лѣтописи говорится: „Угонилъ Атаманъ Бедька Павловъ ушкунъ (на Каспійск. морѣ) съ дѣтками царскими (казанск. царя дочери), да и набаты царевича“... Карамзинъ. Ист. Рос. Рос. т. 8, прил. 408).

³⁾ Карамзинъ, т. 6, стр. 57.

⁴⁾ Карамзинъ, т. 6-я, примѣч. 240.

⁵⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. т. 6-я, стр. 123.

россійскіе казаки, или по русскимъ лѣтописямъ „черкасы“, Рязанскіе въ верховьяхъ Дона и на Волгѣ Волжскіе.

Полняясь постепенно все новыми и новыми выходами изъ Руси, они широкимъ кольцомъ опоясываютъ южную часть Руси, располагаются на пустынномъ „поле“, отдѣляющемъ Русь отъ хищной орды татаръ, и постепенно образуютъ тамъ свои вольныя общины и современемъ уходятъ и за это дикое „поле“ и захватываютъ далекія „запольныя рѣчки“ Донъ, Терекъ и Яикъ.

Но кто же были эти люди, почему они шли изъ Руси въ широкія вольныя степи, предпочитая буйную и полную опасности боевую жизнь тихой и мирной обстановкѣ на своей родинѣ?

Въ каждомъ государствѣ всегда были и есть люди, недовольные тѣмъ или другимъ порядкомъ, люди угнетаемые, люди думающіе, что ихъ угнетаютъ, или люди неподходящіе подъ рамку обыденной политической жизни общества.

Неурядицы въ древней Руси настолько извѣстны, что о нихъ я не буду распространяться. Вѣчныя междоусобія и страшныя поборы воеводъ — все это давило и ложилось тяжелымъ ярмомъ на простой народъ, который все это выносилъ на своихъ плечахъ и выносилъ стойко и долго. Одно татарское иго лежало на его плечахъ цѣлыми столѣтіями.

Одну изъ тяжелыхъ и грустныхъ картинъ жизни народа рисуетъ намъ лѣтописецъ при управленіи Русью бояръ во время дѣтства Ивана Грознаго: „Потомъ (бояре) на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были — исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможамъ; думали, что править и строить, а вмѣсто того всадъ были только неправды и нестроенія, изду безмѣрную отовсюду брали, всеговорили и дѣлали по жадъ“¹⁾. И молодой Иванъ Грозный въ рѣчи къ народу съ лобнаго мѣста во всеуслышаніе всей земли русской говорить, что власть князей и бояръ, дикомцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась; что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона²⁾. Но царствованію Ивана Грознаго не суждено было облегчить тяготы народной и наши лѣтописи, передавая объ этомъ времени и о дѣлахъ его опричины, съ тревогою сообщаютъ, что многія села и деревни запустели и народъ бѣжалъ цѣлыми массами.

Бѣжалъ народъ куда глаза глядятъ, бѣжалъ, бросалъ свои разоренныя дома... Бѣжалъ на Волгу, на Донъ, на Дибирь къ черкасамъ, подальше отъ неправыхъ судей, отъ алчныхъ бояръ, отъ тяготы, неурядицы и отъ произвола, царившаго на Руси. Бѣжалъ „въ молодечество“, „казаковать“, потѣшить свою улазъ, бить нехристей — басурманъ.

Всюду по областямъ шло бѣгство народа. Въ 1502 г., отправляя Кафьянскаго посла, Іоаннъ III писалъ Рязанской княгинѣ Агрипинѣ: „а послушается

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 6-й, стр. 48.

²⁾ Тамъ-же, стр. 64.

кто и пойдёт самодурью на Дюнь въ молодечество ихъ бы ты Агриппина, велѣла казнити, вдовѣешь да женскимъ дѣломъ не отпирайся; а по уму бабью не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавати¹⁾.

Но ни казни, ни жестока мѣры не сдерживали народа: онъ уходилъ толпами.

Стараясь въ свою очередь колонизовать свои украинны, московское правительство, давая разрѣшенія въ заселенію мѣста, обычно приказывало новоселамъ: „людей къ себѣ звать не тяглыхъ и не писменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не ибедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, *которые изъ городовъ и волостей выбиты*“²⁾.

Куда же было дѣваться этимъ людямъ, выбитымъ изъ городовъ и волостей, которыхъ даже вновь возникающія села на украиннахъ русской земли не имѣли права принимать къ себѣ?

Конечно и эти люди шли туда-же въ дикое „поле“, въ невѣдомые имъ края, гдѣ не было ни московскихъ воеводъ, ни земской тяготы. Они сходились тамъ, соединялись въ военныя общества, имѣвшія свою организацію, для которыхъ война служила главнымъ занятіемъ. Они называли себя казаками, „лицарями“, предпочитая жизнь безъ всякой зависимости отъ кого-либо, жизнь воинственную, привольную, жизнь разгульную, жизнь въ степи на границахъ и даже за границами государства.

Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное извѣстному, составляли самую отважную, самую воинственную часть населенія. Въ исторіи Россіи они имѣли важное значеніе какъ колонизаторы пустынныхъ степей, какъ пролагатели путей къ новымъ жилищамъ. Отвага и удалъ нужны человеку, чтобы бросить родину и итти искать счастье въ степь въ невѣдомыхъ ему краяхъ; эта-же отвага и рѣшимость поддерживались въ немъ и далѣе при непрерывной борьбѣ со степными хищниками, зная, что онъ предоставленъ самому себѣ и что сзади на родинѣ его ждетъ не поддержка, а можетъ быть неволя и мука.

Существованіе казаковъ на границахъ Московскаго Государства, какъ поселянъ-воиновъ, готовыхъ во всякое время отразить нападеніе врага, было весьма важнымъ для Москвы. Понятно поэтому, что первые такіе поселяне-воины появляются Рязанскіе казаки, т. е. Рязанская Украина болѣе всего подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. Уже въ княженіе Василія Іоанновича московское правительство употребляло ихъ съ пользою при сношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ и Крымомъ: они провожали пословъ и указывали дороги болѣе безопасныя въ степи; на запросы, гдѣ лучше сходитьсь ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, Рязанскіе казаки отвѣчали, что „на подорогѣ отъ Азова въ московскимъ границамъ находится переволока; на этой переволокѣ (между Дюномъ и Волгой) прибой людямъ

¹⁾ Иловайскій. Истор. Рязанск. княжества. Моск. 1858 г., стр. 224.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 480.

астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатнымъ сходиться нельзя; надобно быть съезду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великаго князя Украинѣ, но всего лучше назначить съездъ на Хопрѣ¹⁾). Тогда уже Рязанскіе казаки знали всѣ степи до Чернаго моря.

Потомъ, съ развитіемъ поселеній Рязанскіе казаки, вѣроятно, слутались на Довъ и потерявъ свое первоначальное названіе стали извѣстны въ исторіи подъ именемъ Донскихъ.

Между тѣмъ татарская орда, благодаря междуособіямъ, царившимъ въ ней, разбилась на слѣдующія самостоятельныя царства: *Астраханское* на низовьяхъ Волги съ городами Астраханью и Тюменью²⁾. Разрушенный Тамерланомъ, а потомъ и Иваномъ Грознымъ Сарай постепенно теряетъ значеніе и падаетъ, *Ногайская большая орда*, которая кочевала „отъ верху рѣки Бузулука на поляхъ и до Синяго моря“³⁾, т. е. до Аральскаго моря, занимая и теченіе рѣки Яика съ г. Сарайчикомъ; *Ногайская малая орда*: „Отъ рѣки Куба (Кубани) отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому и до верху рѣки Маньчи“⁴⁾. При этомъ ногаи постепенно разбиваются въ свою очередь на массу мелкихъ ордъ подъ управленіемъ самостоятельныхъ царей, князьковъ и мурзь, почти независимыхъ другъ отъ друга⁵⁾. *Казанское*, на мѣстѣ бывшихъ болгаръ, по Камѣ и среднему теченію Волги съ славнымъ городомъ Казанью и *Крымская орда* въ Крыму.

Лишенная прямой дани отъ Московскаго правительства, эти хищныя орды занимались непрерывными набѣгами на русскія Украины, грабили села и города, плѣнили жителей и уводили ихъ въ рабство. Особенно были грозны и страшны Москвѣ крымскіе татары. Безпрерывными набѣгами оны безсчетное число разъ разоряли русскія южныя области и не разъ брали и самую Москву, уводя съ собою тысячи русскихъ плѣнныхъ. О состояніи этихъ несчастныхъ въ Крыму до насъ дошло современное извѣстіе литовца Михалона, бывшаго въ Крыму посломъ отъ Литвы: „Корабли, приходящіе къ крымскимъ татарамъ часто изъ за моря изъ Азіи привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами; и всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для пролажи, и для залога, и для подарковъ, и всякій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, имѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ имѣетъ у него раба, но предполагая, что можетъ достать ихъ несмѣтное количество, общается по контр-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 383.

²⁾ Гор. Тюмень лежалъ у Каспійскаго моря на юго-западѣ и былъ подверженъ наводненію, почему въслѣдствіи вѣсте него былъ построенъ городъ Терки, который и существовалъ какъ крѣпость до 1722 г., но потомъ сталъ тоже заливаться моремъ и уже къ концу 1770 г. вѣстѣ съ Тюменью былъ совершенно зальтъ и исчезъ въ морѣ. (Хоз. описаніе Астраханск. и Кавказск. губ. 1809 г., стр. 204).

³⁾ Карамзинъ, т. 6-я, примѣч. 242 и „Большой Чертежъ“, стр. 229.

⁴⁾ Тамъ-же и „Большой Чертежъ“, стр. 93.

⁵⁾ Карамзинъ, т. 6-я, стр. 121.

акту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней, живыми-же, но не конями, а людьми и при томъ нашей крови. И эти обѣщанія исполнялись въ точности, какъ будто наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. По этому одинъ еврей—мѣняло, вида безпреставно безчисленное множество привозимыхъ въ Тавриду плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются-ли еще люди въ нашихъ сторонахъ или нѣтъ и откуда такое ихъ множество? Такъ всегда они имѣютъ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости. Тѣ, которые посыляѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, покрытыхъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины, которыя похѣнѣе, держатся иначе; нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если укрѣютъ нѣтъ или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ хану. Когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, цѣлыми десятками приковываютъ другъ къ другу около шеи и продаютъ такими десятками съ аукціона¹⁾.

Но не только Крымъ, но и Ногаи и Казань имѣли массу русскихъ плѣнныхъ. Уже тогда, когда Москва была въ силѣ, въ царствованіе Ивана Грознаго въ 1550 г. при возведеніи имъ на казанскій престолъ Шигъ-Алея послѣдній отпустилъ болѣе 60 тысячъ русскихъ плѣнныхъ²⁾.

Отсюда понятно почему всѣ войны съ татарами считались войнами священными, угодными Богу, какъ противъ хищныхъ враговъ своей родины, враговъ Христа.

Московскіе государи всегда старались выкупать плѣнныхъ изъ Крыма. Обычно посланникамъ въ Крымъ, послѣ набѣговъ крымцевъ, они наказывали по возможности выкупать плѣнныхъ: обыкновенно платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей, за сотника стрѣлцаго 50, за поладью 25, за дочь княжескую 50. Въ одинъ изъ послѣднихъ набѣговъ крымцевъ въ 1591 г. попало въ плѣнъ очень много значительныхъ людей и потому русскому послу къ Крыму Везобразову приказано было ихъ выкупить за 100—200 рублей каждаго. Особенно былъ страшенъ набѣгъ Крымцевъ въ 1592 г. Они вывели тогда изъ Москвы такъ много полову, „что старые люди не запомнили такой войны отъ поганыхъ“³⁾.

Ожесточеніе Москвы къ татарамъ дошло до того, что плѣнныхъ татаръ умерщвляли жестокимъ образомъ. Въ малолѣтство Ивана Грознаго находятся

1) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7-й, стр. 169 и 170.

2) Карамзинъ. Т. 8-й, стр. 81.

3) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7., стр. 327.

страшныя извѣстія поэтому подъ 1535 годомъ, когда послѣ набѣга татаръ часть ихъ была настигнута московскими войсками, разбита и взята въ плѣнъ: „Посадили татаръ царя Шигъ-Алея, въ Псковѣ, 78 человекъ въ тюрьму на смерть, въ томъ числѣ семеро дѣтей, а въ Новгородѣ 84 человекъ; въ продолженіи сутокъ они померли, только 8 человекъ остались живы въ тюрьмѣ, не поены, не кормлены много дней; этихъ побилъ; а женщинъ посадили въ другую тюрьму полегче“. Подъ 1555 годомъ: „давали дѣвки по монастырямъ татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститься, а которые не захотѣли, тѣхъ метали въ воду“¹⁾.

Съ образованіемъ казачества, между Москвой и татарами завязалась отчаянная, непрерывная и безпощадная борьба. Теперь уже бывшіе бродники и ушугѣйки не грабятъ Руси,—они превращаются въ „казакъ-лицарей“; борцевъ за многострадальный русскій народъ, „за вѣру христіанскую“ „Бить нехристей“ они считаютъ своею главною и святою обязанностію. На югъ Россіи эти „казаки-лицари“ сплываются въ военныя общины, дѣлаютъ набѣги на крымцевъ, ногайцевъ, громятъ ихъ улусы по берегамъ Чернаго моря, ведутъ священную войну, войну христіанскаго креста съ мусульманскими полумѣсяцемъ и вершатъ великое русское дѣло—укрѣпила мощь Московскаго государства.

Противъ нашихъ казакъ мусульманскій міръ выставляетъ своихъ князевъ. Со временъ Іоанна III-го *Азовскіе турецкіе казаки* упоминаются какъ злые разбойники. Въ 1501 г. московское правительство посылаетъ жаловаться султану на ихъ разбой²⁾. Въ Крыму у татаръ были свои *Блгородскіе казаки*³⁾ (въ Аккерманѣ).

Въ царствованіе Ивана Грознаго казачіе набѣги на татаръ дѣлаются съ каждымъ годомъ все отважнѣе и страшнѣе. Они представляли тогда изъ себя уже столь грозную силу, что съ нею считались не только татары, но и турецкій султанъ. Малороссійскіе казаки громили не только Крымъ, но и турецкіе берега. Донцы въ свою очередь нападали на Крымъ съ другой стороны и грабили турецкій Азовъ. Она нагнали страхъ на крымцевъ настолько сильный, что когда крымскій ханъ узналъ, что Иванъ Грозный прислалъ на Дѣвиръ въ князю Богдану Рожинскому и ко всѣмъ Дѣвировскимъ (малороссійскимъ) казакамъ „великое жалованье“ и приказалъ имъ, чтобы они весною шли на крымскія украинны, онъ настолько былъ испуганъ, что сталъ совѣтоваться съ князьями и мурзанами, какъ ему быть. Мурзы ему отвѣчали:— „Если придетъ много людей на судахъ, то города ихъ не оставоватъ; вѣдь казакъ—собака: когда и на корабляхъ на нихъ приходятъ турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ!“⁴⁾

¹⁾ Соловьевъ, т. 7-й, стр. 168.

²⁾ Тамъ же, т. 5-й, стр. 117 и 436.

³⁾ Тамъ же, т. 6-й, стр., 26.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 7-й, стр. 31.

Ханъ крымскій непрерывно жаловался польскому королю на малороссійскихъ казаковъ, которые не упустили случая поживаться на счетъ татаръ и провѣдывали про крымцевъ и доносили о нихъ въ Москву¹⁾. Благодаря этимъ развѣдамъ вѣсти о походѣ крымскаго хана на Русь доходили до Москвы черезъ казаковъ на 15 дней раньше прибытія хана съ войсками²⁾.

Нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ въ 1551 г. доносилъ Иоанну Грозному изъ Ногайскихъ улусовъ: „Прислалъ Турецкій царь къ Измаиль-Мирзѣ после сее весны съ тѣмъ: уже и мнѣ отъ него (Иоанна Грознаго) обиды великія: — поле все и рѣки у меня поотнималъ, Донъ у меня отаялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю; казаки его съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дона пить не даютъ. Русскіе же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюють. Какъ вы за это стоять не увидите?“³⁾.

Когда же случалось, что казаки грабили караваны ногайскихъ купцовъ или пословъ, то московское правительство на подобныя жалобы отвѣчало: „Вамъ гораздо вѣдомо: ликихъ людей гдѣ вѣтъ? На поле ходять казаки многіе — казанцы, азовцы, крымцы и иные боровни казаки; и изъ нашихъ украинъ съ ними смѣшавшись ходять: и тѣ люди какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лихо никто ихъ не учитъ; а учинивъ какое-либо лихо, они развѣзжаются по своимъ землямъ“⁴⁾.

Въ царствованіе Ивана Грознаго на югѣ Россіи казаки уже образуютъ изъ себя правильныя военныя общины: *Малороссійскіе* казаки (черкасы) на Днѣпрѣ, *Донскіе* на Дону и *Волжскіе* на Волгѣ.

Кромѣ этихъ вольныхъ и почти независимыхъ отъ Москвы казаковъ, на границахъ Московскаго государства были свои московскіе городовые казаки, — Смоленскіе, Путивльскіе, Тульскіе, Рязанскіе, Мещерскіе, Орельскіе, Новосильскіе, Донковскіе, Елифанскіе, Рижскіе, Дѣдиловскіе, Рыльскіе, Шацкіе⁵⁾ и др. Всѣ они въ концѣ царствованія Ивана Грознаго были переписаны и имъ были даны наказы какъ служить. Они должны были служить о двуконь, посылать станицы въ степь и держать развѣзды по степи, слѣдить за воинскими людьми, смѣчать сакмы (слѣды) и доносить объ этомъ въ ближайшіе города. Въ прибавку къ казакамъ посылалась дѣти боярскіе, посадскіе люди, и жители сѣверной украины — севрюжи. За свою службу они получали особое жалованье въ городахъ Шацкѣ, Новосильѣ и Орлѣ. Что касается границъ станичныхъ развѣздовъ, то во время управленія этими казаками въ 1571 г. боярина Никиты Романовича Юрѣва (зачальника вадъ сторожевою и станичною службою) Путивльскія станицы ѣздили къ верховъ-

1) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 5, стр. 379.

2) Тамъ-же, т. 5, стр. 437.

3) Тамъ-же, т. 6, стр. 124 и Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т. 8, прим. 254.

4) Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-я, стр. 420.

5) Тамъ-же, стр. 25—29.

лях Тора по Миссу, Самарѣ (притокъ Дѣйпра), Орели, къ Дѣйпру до Песыхъ костей, Тульскіе ко Мжу и Коломану на Муравскій шляхъ (дорогу); Рязанскіе къ Сѣверному Донцу и Святамъ горамъ, а Мещерскіе внистъ по Дону до Волжской переволки.

Подъ охраной двойного ряда казаковъ Москва собиралась съ силами, крѣпла чтобы окончательно сломить своихъ старинныхъ враговъ. И вотъ въ 1552 г. Москва, собравши сильную рать, громить Казань. Самъ Іоаннъ Грозный съ 150 тысячнымъ войскомъ послѣ многодневнаго кровопролитнаго боя беретъ Казань и подчиняетъ себѣ Казанское царство.

Нельзя пройти молчаливѣе того, что при взятіи Казани участвовали не менѣе 15 тысячъ казаковъ¹⁾ и что они были всегда во главѣ войскъ и даже при самомъ послѣднемъ штурмѣ шли во главѣ колонны съ своими атаманами. Эти казаки были казаки вольные, а не московскіе городовые, т. е. они имѣли атамановъ, у московскихъ же городовыхъ казаковъ были сотники и головы. Вооружены они были саблями, луками и рогатинами. Но кто были эти казаки: Малороссійскіе, Донскіе, или Волжскіе — лѣтописи не говорятъ.

Послѣ взятія Казани идетъ полный развалъ Ногаевъ. Остались только царства: Астраханское на устьѣ Волги, Ногаи большіе и малые и Крымское. При чехъ у Астраханцевъ съ Ногаями начинается рядъ междуусобій. Въ виду того, что первымъ Яндкиемъ казакамъ пришлось имѣть дѣло съ ногаями, является необходимымъ преслѣдить ихъ исторію нѣсколько подробнѣе.

Въ октябрѣ 1553 г. пришли въ Іоанну послы отъ ногаевъ отъ мурзы Измаила (изъ Сарайчика) съ челобитьемъ, чтобы великій князь оборонилъ ихъ отъ Астраханскаго царя *Ямурча*, послалъ-бы рать свою на него и посадилъ-бы въ Астрахань на его мѣсто царя Дербнша, а Измаиль и другіе мурзы будутъ исполнять государеву волю²⁾.

Пользуясь этимъ случаемъ, Іоаннъ Грозный весной 1554 г. выслалъ съ княземъ Юріемъ Пронскимъ-Шемякинцмъ 30 тысячъ войска, которое пошло Волгою и взяло Астрахань 29 іюня. При взятіи Астрахани впередъ съ переволки на Дону пошли на развѣдку дѣти боярскіе и казаки съ атаманомъ Федоромъ Павловичемъ. Астрахань была взята. Астраханцевъ было уже настолько мало, что Пронскій передалъ новому Астраханскому царю Дербншъ-Алею всего: мурзъ 500, черныхъ людей 7 тыс. и бѣглецовъ, пойманныхъ въ степи, 3 тысячи.

Уже въ слѣдующемъ году ногайскій князь Измаиль поссорился со своимъ братомъ Юсуфомъ и братья „рѣзались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока Измаиль не одолѣлъ Юсуфа“. Юсуфъ былъ убитъ. Ногайцевъ съ обѣихъ

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., т. 8-й, стр. 98—117 и примѣч. 325: Всея конницы было 85 тыс., изъ нихъ въ каждой полку 1000 стрѣльцовъ и 700—800 казаковъ.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-й, стр. 125 и, дажѣ относящееся къ Ногаямъ, стр. 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133 и 134.

сторонѣ пало множество: „Какъ орда Ногайская стала, такого падежа надъ ними не бывало“. Такъ дорѣзывали кочевники другъ друга, приготавливая торжество московскому правительству.

Всякъ появленія въ Сарайчикѣ изъ Крыма Юсуфовыхъ дѣтей, Измаилъ просилъ Государя послать стрѣльцовъ и казаковъ на Волгу по перевозамъ, чтобы не пропустить ихъ. Просьба была немедленно исполнена: стрѣлцѣй голова Кофтировъ и казачій атаманъ Павловъ отправилъ на Волгу. Но въ 1555 г. Ямгурчей, бѣжавшій въ Крымъ, и дѣти Юсуфа, собравъ около себя вѣрныхъ Ногаевъ, Крымцевъ и Янчаръ, появились подъ Астраханью. Дербышъ съ Астраханцами и казачьимъ отрядомъ, оставленнымъ Провскимъ, отразилъ непріятелей. Но Дербышъ пропустилъ дѣтей Юсуфа черезъ Волгу, которые появились подъ Сарайкомъ, напали врасплохъ на Измаила и выгнали его. Измаилъ въ свою очередь, собравшись съ людьми, опять выгоняетъ племянниковъ и владѣеть всѣми ногаями.

Въ мартѣ слѣдующаго года Дербышъ извѣщаетъ царя и, соединившись съ крымскимъ ханомъ и Юсуфовыми дѣтьми, напалъ въ Астрахани на московскаго посла Мансурова, который отбивался три дня, но, не будучи въ силахъ держаться, сѣлъ на суда и поплылъ вверхъ по Волгѣ до перевозки на Донъ, откуда доносилъ царю, что у него изъ 500 чел. отряда осталось 308: „иные побиты, иные истонули, другіе съ голоду на дорогѣ померли“. Государь немедленно выслалъ Измаилу 50 казаковъ съ пикалами, а „поземъ“ послалъ для него Измаила и Астраханскаго дѣла 500 казаковъ съ атаманомъ Лянуномъ Филимоновымъ. Волгою кромѣ того отаравились стрѣльцы съ головами Черемисовымъ и Тетеринымъ, казаки съ атаманомъ Колупаевымъ и вятчане съ главнымъ головою Писемскимъ. Атаманъ Филимоновъ предупредилъ всѣхъ и первый напалъ на Дербыша и взалъ Астрахань, побивъ много татаръ и взявъ ихъ много въ плѣнъ. Дербышъ убѣжалъ въ Крымъ съ Юсуфовыми дѣтьми. Но послѣдніе не долго оставались въ Крымской сторонѣ, началась опять рѣзня между ногаями; три дня рѣзались они, но потомъ помирился съ дядею Измаиломъ, и вскорѣ прислала бить челомъ къ русскимъ головамъ, что желаютъ служить Государю, какъ служилъ ихъ дядя Измаилъ, будутъ кочевать у Астрахани, а дурного ничего дѣлать не будутъ. Головы приняли ихъ челобитье, дали имъ суда „на чемъ ѣхать къ Измаилу (моремъ въ Сарайчикъ) и на чемъ кормиться на Волгѣ“.

Послѣ этого Государь велѣлъ Филимонову встать на Волгѣ, а сотнику Кобедеву на „р. Ирмизъ для обереганія Ногаевъ отъ Крымскихъ и Русскихъ казаковъ“, а также и для перевоза пословъ.

Сыновья Юсуфа не долго прожили въ мирѣ съ дядею. Осенью 1557 г. они согнали его съ княженія и просили Государя не сердиться на нихъ за это, такъ какъ „между ними прошла кровь—Измаилъ убилъ у нихъ отца“.

До чего была уже слаба тогда Ногайская орда, видно изъ того, что въ станѣ у Юсуфовыхъ дѣтей говорили: „Если Государь дастъ Измаилу пичаль-

няковъ, то ногаи всё пропали; Государь всю Волгу до самаго моря скоро возьметъ и Сарайчикъ, возьметъ весь Яикъ, Шемаху, Дербентъ и намъ всёми быть отъ него взятымъ. Книги говорятъ, что всё басурманскіе государи русскому государю порабощаютъ“.

Въ то же время русскіе послы доносили Царю: „Ногаи заводятся, людей у нихъ мало добрыхъ и, тѣ голодини необычайно и пѣши; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; земля ихъ пропала, другъ друга грабятъ“.

Но въ томъ-же году у ногаевъ опять была рѣзня, Измаилъ напалъ на племянниковъ, осилилъ ихъ и прогналъ, изъ которыхъ старшій Юнусъ отъѣхалъ на службу въ Москву. Послѣ этого русскій посолъ доносилъ Грозному; „Ногаи всё пропали, немного ихъ съ Измаиломъ осталось, да и тѣ въ розни. Измаилъ сильно боится Юнуса, потому что его любятъ всё улусаме люди, а кромѣ Юнуса юрта держать не кому. Измаилъ не юртовый человекъ, да и старъ уже; улусы у него жутятся, грозятъ ему, хотятъ въ Крымъ бѣжать“.

Такъ сами ногаи дорѣзнявали друга друга и безъ выстрѣла отдавались въ руки Москвы. Между тѣмъ въ этотъ годъ наступила жестокая зима. Ногаи окончательно опустѣли и упали: скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Даже у сильнаго тогда крымскаго хана осталось къ веснѣ не болѣе 10 тысячъ исправныхъ конныхъ воиновъ, а у ногаевъ еще менше¹⁾.

Въ такомъ жалкомъ и плачевномъ положеніи находились ногаи въ то время, когда на берегахъ Яика появился первый русскій колонизаторъ отважный и смѣлый казакъ.

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. 8, стр. 160.

III.

Нанъ собиралось Яицное войско.

За Ураломъ за рѣкой казаки гуляютъ
 И стрѣлою казеной за рѣку пускаютъ!
 Казаки не простаки—вольные ребята;
 Все на шапкахъ тумакъ, всё живутъ богато.
 Они ночи мало спятъ, въ погѣ разъѣзжаютъ,
 Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.
 Ихъ товарищъ острый ножъ, сабля-лиходѣйка...
 Пропадемъ мы ни за грошъ, жизнь наша—богѣйка!
 (Изъ писемъ Уральскихъ казаковъ).

Вънѣ ковецъ царствованія Ивана Грознаго.

Быстро катилъ свои воды древній Яицъ, поднимая свои „круты яры обривчаты“, разсыпая свои „желты пески“. Какъ сказочный богатырь, растянулся онъ въ сладкой дремѣ по вольной зеленой степи, задумчивый и молчаливый, играя своею жемчужной волной съ яркими лучами золотистаго солнца. А вокругъ него зеленымъ бархатнымъ ковромъ, распахнувшись широкою гладью, лежала безконечная степь, убѣгая своими цвѣтами далеко далеко на просторъ, пока видѣлъ ее глазъ. И гдѣ ни взглянетъ, всюду колыхалась она яркою зеленью... И нѣтъ ей конца, нѣтъ ей мѣри! Съ громкимъ хлопотомъ парилъ надъ нею „низкий орелъ“—беркутъ, распустивъ свои могучія крылья. Лишь изрѣдка опускался онъ на курганъ, смотрѣлъ своими зоркими оконъ и ждалъ добычи. Длинною цѣпью убѣгали въ синюю даль эти курганы—древнѣ могильники скифовъ, половцевъ и другихъ, кочевавшихъ когда-то по Яику, дикихъ народовъ. Высоко поднявшись надъ ними и треща своими крыльями, нѣлъ надъ степью свою звонкую пѣсню веселый жаворонокъ, и повсюду перелетая съ мѣста на мѣсто населись по ковильной степи стада стрепетовъ и тяжелыхъ дрофъ. Разсыпавшись по долинамъ и среди кургановъ въ степи, блестя своею голубоватою шерстью и опустивъ свои большія головы, бродила тысячная стада дикихъ коней—турпановъ.

Рядомъ съ ними населись другія дикія лошади, стройныя и поджарыя, съ длинными стоячими ушами, съ небольшою гривой и короткими хвостами, съ густою дымчато-сѣрою шерстью, они „великии табунами“¹⁾ быстро перебѣгали съ одного поля на другое; это были вуланы. Вздымая пыль, пронеслись

¹⁾ Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. 1762 г., стр. 206.

табунами по степи легкие и быстрые, как вѣтеръ, осторожные сайгаки и повсюду по альпьянжъ и озерамъ слышалось гоготавье гусей, серебристый крикъ лебеди—шипуна и раздавались невозможные крики тысячи утокъ и куликовъ.

Лишь только наступала весна, лишь только степь покрывалась зеленымъ ковромъ, какъ проносились надъ нею волными и безсчетными табунами дикія птицы. Оглашали они степь своимъ радостнымъ крикомъ и гвѣиємъ. Покрывали они собою пространныя степныя озера, скрывались въ заросляхъ камышей и вили свои гвѣзда. Съ звонкимъ серебристымъ крикомъ одинъ только лебедь кликунъ проносился дальше на сѣверъ въ дикія тундры. Шумъ и стонъ стоялъ въ это время на взморьѣ въ черняхъ. Красный гусь и лебеди ютились тогда въ его камышевыхъ заросляхъ, вили гвѣзда и оставались на все лѣто; блестя своими бѣлыми перьями и махая пушистыми крыльями по песчанымъ морскимъ островамъ, гвѣдались тысячные табуны пеликановъ и баклавовъ. Лишь проходя среди зарослей камышей по берегу моря, одинъ только дикія свиньи нарушали покой этого мирнаго пернатого царства.

Блеста своею тѣнистою зеленью по всему Янку, расли могучіе темные лѣса; широкою полосомъ тянулись они его берегомъ и по берегамъ его притоковъ. Широкою десятиверстною полосомъ болѣе чѣмъ на сто верстъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря были такіе же могучіе лѣса между Волгой и Янкомъ по Ринъ-пескамъ, охватывая собою камышъ-самарскія озера и Узени. Тихо шумѣли они своею зеленою лѣтвю, тихо шептались ихъ горючие листья съ прилетающимъ степнымъ вѣтеркомъ и звали и манили подъ свою тѣнь на отдыхъ и покой. Подъ ихъ пышнымъ покровомъ ютились куницы, выдры и дикіе кабаны; перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, въ ихъ густыхъ заросляхъ жили суетливыя и вертлявыя бѣлки; особенно славились своею пушистою шерстью бѣлки по р. Илеку ¹⁾.

Воды Янка были полны всевозможною цѣнною рыбой:—бѣлуги, осетры, шипы, сазаны пѣнили его быстрыя воды. Не даромъ-же Янкъ называли во всѣ времена „рыбною рѣкою“.

Все было дико и вольно надъ Янкомъ. И по его необозривымъ степямъ всюду кочевали въ легкихъ кибиткахъ со своими стадами остатки когда то могучей и грозной для Руси Золотой орды, ногайскіе татары. Разбившись на мелкія княжества, они кочевали по этой степи по всему теченію Янка, по впаднямъ Волги и далеко на востокъ до Аральскаго моря. Столицемъ ногайской орды былъ городъ Сарайчикъ ²⁾ на Янкѣ. Когда то цвѣтущій, богатый и обширный, овъ хотя и не былъ, какъ раньше, многолюднымъ и шумнымъ, но все же былъ сильнымъ и грознымъ оплотомъ ногаевъ. Это былъ городъ, окруженный высокими земляными, длиною около пяти верстъ, валомъ.

¹⁾ Рычковъ. Топограф. Оренб. губ. 1762 г., стр. 201.

²⁾ По татарски Сарай-Джадидъ, т. е. Новый Сарай.

Въ среднѣй крѣпости была цитадель, окруженная стѣною болѣе высокою, чѣмъ городъ, и имѣвшая въ длину около двухсотъ и въ ширину до ста сажень. Въ цитадели находились роскошные дворцы хановъ, сдѣланные изъ кирпича, мрамора и изразцовъ; тамъ-же былъ монетный дворъ, гдѣ чеканили монеты со своимъ именемъ ханы Ильбашъ (1373 г.), Тохтамышъ (1380 г.) и Дервишъ (1402 г.)¹⁾. Самъ городъ занималъ площадь болѣе одной квадратной версты [1]. Подъ защитою его стѣнъ цѣля когда то богатая торговля, шли караваны купцовъ изъ Азова черезъ Сарай на Волгѣ на Сарайчикъ и далѣе въ Ургенчъ на Хиву. По этой караванной дорогѣ съ незапамятныхъ временъ были вырыты глубокіе, иногда выложенные внутри камнемъ, колодцы, остатки которыхъ виѣсть съ развалинами Сарайчика сохранились до нашихъ дней [2]. Это былъ всемірный торговый караванный путь, по которому обихивались товары Европы и Азіи; путь, который шелъ до Монголіи, Китая и Индіи, и вѣроятно, всѣ орды, шедшія изъ Азіи, на Янкъ шли этою дорогою, что видно уже изъ того, что Батый разбилъ половцевъ и хвалиссовъ на Рынъ-пескахъ, въ мѣстности, лежащей по этой дорогѣ. Рядъ колодцевъ, до сихъ поръ сохранившихся между Янкомъ и Волгою, казныя называли Тамерлановою дорогою, подъ такимъ именемъ эти колодцы извѣстны и теперь у киргизъ.

Но мало жили татары въ своемъ городѣ, они все еще были кочевниками. Круглый годъ кочевали они по степи, оглашая ее своими заунывными пѣснями и крикомъ своихъ табуновъ. На сѣверъ отъ татаръ, занимая верховья Яика и южные отроги Уральскихъ горъ, жило другое кочевое племя—*башкиры*; они были, какъ и татары, скотоводы и бродили со своими стадами круглый годъ. Они входили въ составъ Казанскаго царства; послѣ взятія Казани сами добровольно подчинились Москвѣ. На западъ отъ ногаевъ кочевали на устьѣ Волги остатки татаръ Астраханскаго царства, а на востокъ отъ Яика далеко-далеко въ степяхъ у Аральскаго моря кочевали вышедшіе изъ приалтайскихъ степей грозные своею численностью воинственныя *калмыцкія* орды; еще далѣе за ними на востокъ кочевали *киргизы* или *казаки*, какъ они сами называли себя.

Вольно жилось въ этой необъятной равнинѣ кочевнымъ народамъ, и повсюду въ степи стояли ихъ улусы, и мирно паслись табуны ихъ скота. Только въ Сарайчикѣ, Астрахани и Казани, въ этихъ трехъ единственныхъ городахъ, бывшихъ тогда во всей необъятной степи, развивались зачатки культурной жизни этого дикаго пастушескаго народа.

Все дышало тутъ просторомъ и волей, тихо колыхался еребристый ковыль по гладкой, какъ сатерть, степи, разодѣлась, разукрасилась она веселыми цвѣтами и, какъ невѣста, въ богатомъ и узорномъ нарядѣ ждала къ себѣ дорогихъ гостей.

Но вотъ показались они—эти ждавшіе гости; плывутъ они на ладьяхъ по зеркальной глади Яика, разсѣкаютъ и пьютъ веслами его тихія воды,

¹⁾ Извѣст. Общ. Археол. Истор. и этнограф. при Казанск. университетѣ, т. I XIII, вып. 3, стр. 242.

идутъ отъ веселъ круги. Въ казацкихъ кафтанахъ, въ кольчугахъ, въ пачкахъ, съ бердышами и копыями, съ сайдеками и съ кривыми саблями медленно движутся они по глади Яика. И услышали въ первый разъ зеленые берега его русскій говоръ. Пришли давно ждавшие гости!... Замскрился, заблестѣлъ жемчужной струею древній Яикъ, радостно принимая своихъ новыхъ дѣтей, смотреть, какъ плывутъ они на ладьяхъ, какъ, взмурзавъ суровыя очи, они чутко прислушиваются къ каждому звуку, какъ зорко смотреть они по сторонамъ въ густую прибрежную заросль и не сводятъ своихъ очей съ синей дали, съ широкой и зеркальной глади Яика.

Но вотъ гости остановились. Вышли они изъ лодокъ. Высокіе, бородастые, усталые отъ длиннаго похода, свершись о кобы и пшчала, встали они толпою на его берегу.

— Славное мѣсто! и островъ большой, и отъ орды далеко. Для коша мѣста лучше не надо! говоритъ одинъ изъ нихъ.

— Кошъ такъ кошъ,—отвѣчаютъ другіе.

— Эй, не зѣвай, атаманъ молотцы!

Оглянулись, а изъ за кустовъ, изъ протока выплыла близко къ нимъ длинная лодка, въ ней сидятъ татары.

— Не робь, братцы! кричитъ атаманъ: проворитѣй—не то уйдутъ!

И зазвенѣла тетива лука, ударилъ камень по огниву и въ первый разъ огласились берега Яика громомъ московской пшчала, въ первый разъ понеслась московская стрѣла надъ его водами, засвистѣла, загудѣла она и глубоко впилась во вражескую грудь. Убиты враги русской земли, схвачены оставшіеся заживо въ плѣчь.

— Вотъ и языка лобили,—говорятъ гости,—будетъ черезъ кого развѣдать о татарахъ!

Расположились казаки кошомъ. Осмотрѣли они островъ, сдѣлали вокругъ земляной валъ.

— Рыбы много, орда кочуетъ далеко по Яику, звѣря и кабана кругомъ много,—говорили имъ схваченные плѣнные.

И остались гости зимовать на Яикѣ, чтобы съ ранней весной идти на промыселъ на широкую матушку Волгу, на сине-море Хвалынское.

Но кто же были эти первые удалцы?

Кто осмѣлился дерзко войти въ самое гнѣздо враговъ Руса, не боясь ни тяжкой неволи, ни хищной и злобной татарской орды? Когда пришли эти отважные и безстрашные люди на эти зеленые берега, на вольныя степи этой далекой и невѣдомой „запольной рѣки“?

Увы! исторія намъ этого не говоритъ. Лишь осталось объ этомъ на Яикѣ одно старинное преданіе объ атаманѣ Гуритѣ и о его женѣ, первой женщицѣ

ва Явкъ, бабушкѣ Гугянкѣ. Это преданіе записано Рычковомъ въ ноябрѣ 1748 г. въ Янцкомъ городѣ со словъ казацкихъ старшинъ¹⁾.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Рычковъ:

«Въ сію мою бытность тогдашней войсковою атаманъ *Илья Григорьевъ*, сынъ *Меркурьевъ*, въ разговорахъ со мною о началѣ того войска, противъ учиненнаго въ вышеозначенномъ описаніи объявленія²⁾, гораздо пополнительнѣе связывалъ. Сіе его показаніе достойно всякаго вѣроуя, потому паче что не токмо онъ, но и отецъ его, войсковою же атаманъ Григорій Меркурьевъ (который, живъ около ста лѣтъ отъ роду, въ прошломъ 1741 г. умеръ), были ямцкіе уроженцы, и какъ тамошніе главные командиры, всѣ тамошнія обстоятельства только свѣдущіе, что нынѣ таковыя едва уже могутъ ли тамъ и снискаться, кромѣ внѣшняго войскового атамана *Андрея Бородина*, но и сей все тожъ мнѣ подтверждалъ. И такъ прежде, нежели настоящее того войска состояніе изъ живущихся въ Оренбургской губернской канцеляріи дѣлъ описано будетъ, не безприсяжно здѣсь объявить, о чемъ я отъ иныхъ войсковыхъ атамановъ увѣдомленъ, что можетъ сочинить исторію оваго войска впредь для знанія.

По сказаніяхъ ихъ, помянутый войсковою атаманъ *Григорій Меркурьевъ*, коей, какъ выше значится, болѣе ста лѣтъ жилъ, помнилъ бабу свою, а отъа его, *Меркуря*, тещу, которая умерла въ младенчествѣ его, *Меркурьева*, живъ также болѣе ста лѣтъ. Сія его бабушка сказывала ему и другимъ, что она, будучи уже лѣтъ двадцати отъ рожденія, знала весьма престарѣлую женщину татарской природы, по прозванію *Гугянку*, которая о началѣ войска *Янцакаю* и о первыхъ ихъ обстоятельствахъ объявляла слѣдующее.

Въ самыя де тѣ времена, когда *Темиръ-Аксакъ*, а по европейскому названію *Тамерланъ*, со многими татарскими войсками разныя области разорялъ (по исторіи объ немъ могло быть сіе въ исходѣ XIV или въ началѣ XV столѣтій), былъ вѣсто изъ *донскихъ* казакъ именемъ и прозваніемъ *Василій Гугя*; сей, прибравъ себѣ въ товарищество тамошнихъ казакъ челоуѣкъ съ тридцать, въ томъ числѣ былъ одинъ *татаринъ*, отлучился съ Дону на промыселъ, или паче для воровства, и, сдѣлавъ лодки, тако жъ и запасу наготовя, сколько было надобно, сначала выѣхали на Каспійское море, гдѣ она въ камышахъ все лѣто пробыла, производя свои промыслы, и дошедъ до устья до протоковъ *рѣчки Яика*, кони она въ помянутое море впадаетъ, пошли по ней вверхъ. Усмотря же, что она мѣста глухія, незаселенныя, а при томъ и лѣсъ имѣющія (звѣтаю, что тогда лѣсу тамъ было довольно, хотя нынѣ оваго весьма уже мало), разсудили, какъ ту рѣку, такъ и она мѣста имѣть себѣ убужищемъ и пристанищемъ. Препроводя жъ тутъ первую зиму, по вскрытіи воды лодки на суда убрались а на первый свой

1) Рычковъ. Топогр. Оренб. Губ. 1762 г., изд. 1887 г., стр. 278—286.

2) Рычковъ упоминаетъ тутъ о своей книгѣ „Исторія Оренбургской губерніи“, написанной имъ раиѣ „Топографіи Оренб. губ.“ и гдѣ между прочимъ онъ тоже писалъ о происхожд. Яицк. войска.

промыселъ поѣхали; и будучи на мерѣ, разбивали и грабили многія купеческія суда съ разными товарами до самой осени, а къ зимѣ пакы въ рѣку Янкъ возвратились, и такъ нѣсколько лѣтъ въ томъ своихъ промыслахъ упражнялись, подаваясь отъ устья рѣки Янка вверхъ съ мѣста на мѣсто.

Во время сихъ ихъ промысловъ и первыхъ по рѣкѣ Янку пристанищъ, между Волги и Янка рѣкѣ, и за Янкомъ на степной сторонѣ, кочевали тогда татары называемой *Золотой орды*, которые, имѣя слухъ, что *Тамерланъ* по возвращеніи своемъ изъ *Россіи* намеренъ учинить нападеніе на ту ихъ орду и оную разорить, пребывали въ крайней отъ него опасности; и для того предуготовляя себя ко всегдашней отъ него оборонѣ, лошадинне свои табуны и скотскія стада близъ кибитокъ своихъ содержали, и по нѣскольку осѣдлавныхъ лошадей при самыхъ кибиткахъ имѣли. Но еще прежде нежели объ ономъ *Тамерланѣ* получены были у нихъ подлинныя вѣдомости, съ оной *Золотой орды* произошло междоусобіе и великое смятеніе, которому та старуха, называемая *Гумица*, весьма малую, но внезапную и странную причину сказывала, а именно:

Въ самую темную и глубокую полночь осѣдлавная и у кибитки на привязи бывшая молодая лошадь, невѣдомо чего испугавшись, напугнулась и, оторвавшись отъ кибитки, имѣвшееся на ней сѣдло стала съ себя сбивать и, такъ бѣгая по табунамъ, всѣ табуны перетревожила, а отъ того и въ уусахъ у людей сдѣлался шумъ и безпокойство, въ томъ чашніи, что конечно отъ войскъ *Тамерлановыхъ* учинено на нихъ нападеніе; почему де всякъ взялся за оружіе, и сѣдши на готовыхъ лошадехъ, въ той ночной темнотѣ и торопости одни на другихъ стали нападать, и учинили вопль, и промежъ себя такое кровопролитіе, что нѣсколько тысячъ побито ихъ въ томъ незнаніи. А когда день и свѣтъ насталъ, и узнали, отъ кого конемъ улусамъ болѣе пагубы причинено, и болѣе другъ на друга вознегодовали, признавая, якобы то умышленно и со злобы сдѣлано; и такъ улусъ противъ улуса дѣйствительно сражаться стали, каждый свой родъ и улусъ защищая, отчего еще больше между ними кровопролитія сдѣлалось, и многіе въ отдаленныхъ степныхъ мѣстахъ укрывались; а нѣкоторые роды или аймаки, уходили тогда къ рѣкѣ Янку. Между сими послѣдними и оная старуха, называемая *Гумицою*, съ одною своею семьей, въ которой было три брата и три снохи, въ томъ числѣ и она была за меньшимъ братомъ, скиталась нѣсколько времени по пустой степи, къ рѣкѣ жъ Янку пѣше; пришли. И хотя де у троихъ братьевъ былъ одинокъ лукъ и сайдакъ, но нигдѣ ни звѣря, ни птицы убить изъ него не могли, и отъ крайняго де голода убивши они двухъ снохъ, большую и среднюю, будучи на степи, ихъ съѣли, а потомъ съ великимъ трудомъ едва дошедъ до рѣки Янка, сдѣлали тутъ изъ таловъ плетневый себѣ шалашъ, гдѣ и зимовали. Сей ихъ шалашъ былъ у нихъ близъ озера, при которомъ усмотря ненарочно полянью, и что тутъ рыба отъ множества дохнетъ, обрадовались, но былъ въ недоумѣніи, какъ оную доставать, ибо никакихъ рыболовныхъ снастей не

имѣли. Въ такомъ размышленіи будучи, она *Гуника* догадалась обрѣзати имѣвшіяся у нея давнина косы, и изъ оныхъ суча тоневкія нити, сдѣлала маленькій сакъ, какіе при неводахъ бывають, коимъ по бывшему въ томъ озерѣ множеству рыбы начали ловить, и ею имѣли свое процваніе.

Вышеозначенные донскіе или паче *первыя лицкіе промышленники*, хотя и поблизку того жъ мѣста зимовье свое имѣли; однако ни они про сіе татарское семейство, ниже оное про нихъ, казаковъ, ничего не знали до тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ трехъ братьевъ, меньшей, а ея *Гугнихинъ* мужъ, вышелъ на степь, съ тѣмъ намѣреніемъ, не найдетъ ли онъ послѣ разбитой и отдаленнейшей орды лошадей, или чего другого, прося братьевъ своихъ, дабы они въ небытность его жену его такъ, какъ и первыхъ двухъ, не убили и не съѣли, угрожая, ежели они то сдѣлають, то онъ ихъ обонхъ живота лишеть, а потомъ самъ себя умертвить; и, такъ взявши свой лукъ и сайдакъ, пошелъ въ степь для своего намѣренія.

Во время отлучки того татарина, означенные казаки за ихъ нуждами ходили по лѣсу на лыжахъ, и тотъ ихъ татарскій станъ примѣти, стали ихъ присматривать, а показанный *Гугнихинъ* мужъ, возвращаясь изъ степи, притянулъ нѣсколько лошадей, при томъ и оный лыжный шляхъ примѣти, братьямъ своимъ съ великимъ удивленіемъ рассказывалъ; да и сіе объявлялъ, яко онъ будучи въ малыхъ лѣтахъ слышалъ отъ стариковъ, что *отъ рѣки Яика далеко есть російскіе города Астрахань и другіе*, и російскіе де люди въ зимнія времена подъ ногами носятъ деревья, съ которыми они по глубокому снѣгу способно ходять, признавая изъ того, что конечно по близости отъ нихъ російскіе люди заходятся и ради того отъ нихъ должно имъ заранѣе убраться. Но въ самый де тотъ разговоръ напали на нихъ означенные казаки и двухъ большихъ братьевъ на томъ же мѣстѣ убили, а меньшей братъ, мужъ ея, *Гугнихинъ*, сперва хотя было и поудалился, однако и онъ убитъ, и платье его на станъ привезено, и ей было показано. Сіе чинилось при самомъ вступленіи весны, послѣ чего рѣка *Яикъ* вскрылась, и время пришло онымъ казакамъ отравляться паки на проииселъ. При томъ своемъ отправленіи металы они объ ней, *Гугнихѣ*, жребій, положи ея въ цѣву съ тѣмъ, чтобъ тому, кому она по жребію достанется, ту цѣву изъ будущей добычи вычестъ. Не жребію трижды доставалась она находившемуся въ ихъ артели татарину, на что прочіе только много озлобились, что, признавъ его за волшебника, взявъ за руки и за ноги, размахавъ, бросили его въ *Яикъ*, гдѣ онъ и утонулъ, а ее, *Гугниху*, безъ жребія подарили атаману своему *Василію Гумъ*.

Отправляясь въ море на проииселъ, взята была помянутый ихъ атаманомъ и она, *Гуника*, и находилась при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ; а пониже оставшіяся отъ Золотой орды татары кочевьями своими еще располагались тогда по *Яику* рѣкѣ, и извѣстася о тѣхъ казакахъ, нѣкоторые изъ нихъ вступили съ нимъ въ союзъ, и въ ту же компанію отъ времени до времени приставать начали. И такъ они женѣ стала получать себѣ отъ нихъ, а при томъ и на

плѣнныхъ *калмычкахъ женились*, и вѣскольکو дѣтей прижили; но по тогдашнему ихъ разбойничьему обыкноенію, или паче по вѣкоторому суевѣрію, а другіе мнать, яко бы для того, что отъ младенческаго ихъ крику, отъ помыки и отъ непріятелей своихъ укрываться имъ было невозможно, общими приговоромъ положили, при самомъ рожденіи всѣхъ ихъ убивать, и вѣскольکو лѣтъ такъ дѣйствительно со всѣми тирански поступали, что и нынѣ всѣ *яицкіе казаки* подтверждаютъ, съ тою только разностию, что вѣкоторые мнать, яко бы то чинилось съ младенцами одного женскаго рода, а мужескъ полъ оставляемъ былъ.

При такихъ безчеловѣчныхъ ихъ поступкахъ, одинъ изъ нихъ казакъ именемъ *Тимъ Федоровъ*, родившюся ему дочь, по просьбѣ жены своей, сожалѣя, держалъ у себя потаенно года съ два, а когда узнали то другіе его братья, и онъ укрывать ее болѣе уже не могъ, то при случаѣ ихъ казацкаго собранія, взявъ за руку, ввелъ въ кругъ, сказалъ: что хотя у нихъ и есть приговоръ такихъ младенцевъ побивать, но онъ рукъ своихъ на кровь свою подвѣять не могъ, а нынѣ не только сего неповиннаго младенца, но и себя самого за то, что общій приговоръ пренебрегъ, въ войсковое разсужденіе передаетъ. Сперва приговаривали многіе, чтобъ обоихъ, какъ отца, такъ и младенца, предать смерти, дабы не зарушить права своего я приговора; но наконецъ большая часть почувствуясь и прашедъ въ сожалѣніе, закричали, чтобъ ихъ не казнить, и такъ не только оный казакъ *Тимъ Федоровъ* съ дочерью его отъ смерти спаслся, но и тотъ ихъ безчеловѣчный приговоръ вовсе отмѣненъ, и всѣхъ дѣтей своихъ воспитывать началъ.

Послѣ того, что далѣе, то болѣе, людство ихъ умножаться стало приходомъ съ *Дону* и изъ другихъ великороссійскихъ городовъ, и согласясь выбрали они для житья своего первое мѣсто при урочищѣ, называемомъ *Коловоротное*, отъ нынѣшняго ихъ городка разстояніемъ внизъ по *Яику* рѣкѣ 60 версты. Тутъ подѣлали для житья своего землянки, а для обороны отъ непріятелей небольшой ровъ. Оставшіеся отъ *Золотой орды татары*; не навѣдя, что они въ ихъ мѣстахъ заселились, и подѣзжая къ ихъ кибиткамъ въ ночныя времена на лодкахъ, кибитки ихъ ломали, пожитки грабили, а женъ и дѣтокъ къ себѣ увезили, часто нападали на нихъ, казаконъ, многлюдными собраніями и съ великимъ устремленіемъ; и хотя они, казаки, многожды бывали отъ нихъ въ осадахъ, но *оседа отбивались, дѣлая деревянныя пушки и вмѣсто ядеръ употребляли каменя, кости и тому подобное*. Чего ради оны *татары*, не возмогши ихъ преодолѣть силою, стали было ласкати, увѣщавая, чтобы они къ нимъ склонились, а общая: ежели склонятся и къ нимъ въ орду перейдутъ, учинить ихъ мурзами, и дать во владѣніе имъ по вѣскольку кибитокъ; но казаки нимало на то не склонились; и такъ они, татары, вида, что ихъ ни силою, ни обманомъ достать не можно, отъ тѣхъ мѣстъ отдалились и никакихъ противностей болѣе уже имъ не показывали.

На показанномъ мѣстѣ живши они нѣсколько лѣтъ, наконецъ усовѣтовали послать отъ себя къ Его Величеству Государю Царю и Великому Князю *Михаилу Ѳеодоровичу* объявить о себѣ и просить, дабы Онъ, Великій Государь, ихъ, казаковъ, милостиво принялъ подъ царскую свою державу, обѣщаясь служить Ему, Великому Государю, и наследникамъ Его; и для того избравъ между собой двухъ человекъ, *одного русскаго, а другого татарина*, послали въ Москву къ Его Царскому Величеству и, объявивъ чрезъ нихъ о всѣхъ обстоятельствахъ, просили у Его Царскаго Величества милостиваго защищенія, которую ихъ просьбу Его Величество соизволилъ милостиво принять, и на рѣку *Яикъ пожаловалъ имъ грамоту съ тѣмъ, чтобъ они, живучи тутъ, ему, Великому Государю, служили вѣрно*; изъ-за чего приходомъ въ вѣкъ изъ Великороссійскихъ городовъ разнаго званія людей стали они еще усиливаться.

Потомъ съ показаннаго урочища *Коловоротнаго* переселились они немого поввыше на другое урочище, называется *Ортынымъ*, отъ вышшняго городка въ визъ же 50 верстъ; отсюда, собравшись изъ нихъ 300 человекъ, ѣздили на лодкахъ въ море для своихъ обновленныхъ промысловъ, куда выѣхавъ, нашли тамъ донскихъ казаковъ 400 человекъ на такомъ же промыслѣ, съ которыми сообщаясь, учали разбивать *персидскія* торговня суда и тамошнія деревни грабить и другія разоренія причинять; почему отъ *персидскаго* двора произошли на нихъ многія жалобы. И потому отправлены были на *Донъ и Яикъ* Его Царскаго Величества грамоты и велѣно было послать *пирочныхъ* для утѣщенія ихъ отъ того, чтобъ они, оставя тѣ свои промыслы, къ Великому Государю явились съ повинною. И для того повелѣно было прислать къ Москвѣ съ *Дону войсковою атамана Фрола Минаева, съ Яика атамана же Ивана Блюсова*, которые по тѣмъ грамотамъ и ѣздили. И будучи Его Царскому Величеству представлены, получили повелѣнїе именнымъ Его Величества указомъ, обоимъ имъ ѣхать на море, дабы тѣхъ разбойниковъ уговаривать; а какъ уговорятъ, всѣхъ ихъ привести къ Москвѣ. По тому Его Царскаго Величества указу оные атаманы, бывъ на *Каспійскомъ* морѣ и уговора казаковъ, въ самыхъ тѣхъ лодкахъ, въ коихъ они по морю ѣздили, Волгою рѣкою до *Нижняго Новгорода* пришла, а оттоль на яскихъ подводахъ привезены были въ Москву. По привозѣ жъ ихъ въ Москву, какъ они представлены были ко двору, то каждый имѣлъ у себя тоноръ и плаху; и увидѣвъ Его Царское Величество, всѣ легли на плахи, прося въ винахъ своихъ всемилостивѣйшаго прощенія, почему они и прощены. Однако-жъ вѣсто наказанія посланы въ *Польшу и подъ Римъ* вни свои заслуживать, гдѣ служили семь лѣтъ. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ по ихъ желаніямъ отпущены на *Донъ и на Яикъ*; а которые похотѣли остаться въ тамошней сторонѣ, тѣ и по ихъ желаніямъ поселены на *Великиахъ Лукахъ*, и дано имъ для тамошняго ихъ содержанія по одному крестьянину, а такъ оная войска *Яицкаго въ Польшу и подъ Римю* бывшая служба за самую первую почитается*.

Таково единственное преданіе, дошедшее до насъ о первомъ появленіи казаковъ на Яикѣ. Что Гуганха не мифъ, а существовала дѣйствительно, хотя въ далеко позднее время, чѣмъ нашествіе Тамерлана, видно изъ того, что не такъ давно казаки на своихъ пирахъ пили, да иногда и теперь пьютъ „за прсбабушку Гуганху!“

Другимъ документомъ о первоначальномъ появленіи казаковъ служатъ челобитныя казаковъ при царѣ Петрѣ I-мъ. Самыя интересныя изъ нихъ — челобитная станичнаго атамана Федора Рубакинникова въ 1720 году, поданная отъ войска въ Петербургъ въ военную коллегію, и другая челобитная станичнаго атамана Федора Михайлова 1721 г. 1-го февраля, поданная отъ лица войска также въ Петербургъ въ военную коллегію. Такъ какъ объ оныхъ по своему содержанию почти схожи, то я привожу изъ нихъ только одну послѣднюю. Вотъ что писало тогда войско о своемъ основаніи:

„Въ прошлыхъ, Государь, давнихъ годѣхъ, собрались прадѣды и дѣды наши въ степь на рѣку Яикъ, всякіе польные люди: русскіе съ Дову и изъ иныхъ городовъ, а татары изъ Крыма, съ Кубани и изъ иныхъ мусульманскихъ народовъ, и поселились той рѣки Яика въ лукѣ, и жили на томъ мѣстѣ многое время, а было ихъ всего сорокъ человекъ, и подѣ то ихъ жилище приходили татары Золотой орды великии собраніемъ и присылали отъ себя съ такии словомъ, чтобы они оную рѣку оставили (хотя то мѣсто поселить своими татары), а шли жить въ орду, что хотѣли ихъ всѣхъ поставить мурзами и дать улусы. Они того не учинили и въ орду къ нимъ не пошли, за что они, татары, ихъ осадили, и хотѣли всѣхъ поморить голодною смертію. И отъ голоду ѣли подошвы и кожи и коренья и иную всякую нечистоту, и дѣлали деревянные пушки и били по нихъ, татарахъ, въ которыя, вмѣсто ядеръ, бзали кости и задыжки, и побили ихъ, татаръ, немалое число, что они, татары, видя, и отступили. И потомъ жили они, дѣды наши, немалое время своеволью, ни подѣ чьею державою, и собравшись думали: у кого имъ быть подѣ властію, и послали отъ себя двухъ казаковъ, русскаго да татарина, къ дѣду Вашему, Великій Государь, блаженной памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу съ челобитьемъ, чтобы онъ, Великій Государь, ихъ пожаловалъ — принялъ подѣ свою протекцію. И онъ, Великій Государь, указалъ имъ быть подѣ своею властію и служить себѣ, Великому Государю и своимъ наследникамъ. Также дать свою Великаго Государя грамоту на оную рѣку Яикъ, съ угодыи и съ сущами при ней, рѣкѣ, притоки, и всякими угодыи, съ вершины той рѣки до устья, что имъ на той рѣкѣ жить и владѣть и ему, Великому Государю, служить казачью службу, и набираться на житье вольными людьми, которая дана была, а изъ котораго приказа, того у насъ на Яикѣ никто не помятъ“ (*).

*) Москв. отд. архива Главн. Штаба. Дѣло Воен. колл. № 30 (по описи № 107).

Въ челобитной Рукавишниковъ кромѣ того добавлено, что дѣды и прадѣды ихъ пришли „тому назадъ лѣтъ двѣсти“. Въ другихъ челобитныхъ того времени казаки, повторая почти то-же самое, говорятъ только различное количество казаковъ, первоначально пришедшихъ на Яикъ. Такъ въ челобитной отъ войска станичнаго атамана Астраханкина, подавннй въ воен. колл. въ 1720 году 18 мал, казаки говорятъ: „Въ прошлыхъ годахъ было насъ ниженоименованныхъ на Яикѣ казаковъ только 600 человекъ“. Въ своихъ отвѣтахъ на вопросные пункты въ воен. колл. въ томъ же 1720 году 10 января другіе казаки, прѣбывавшіе съ зимовою ставицей съ презентомъ (кусомъ), говорятъ тоже самое, что ихъ было въ началѣ 600 человекъ. Какъ увидимъ далѣе, оба отвѣта имѣли свои основанія.

На основанія этого преданія и челобитныхъ казаковъ установилось мнѣніе, что первые яицкіе казаки произошли отъ донцовъ. Не вдаваясь въ настоящее время въ оцѣнку этихъ данныхъ, я считаю нужнымъ замѣтить здѣсь только то, что не только Гугны, но и послѣдующіе, переселившіеся на Яикъ, казаки были не донцы, а жители сѣверныхъ русскихъ областей, тѣ-же ушкунники, называвшіеся при царѣ Иванѣ Грозномъ волжскими казаками, о чемъ мною подробно будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Между тѣмъ, на основаніи словъ Рычкова и челобитныхъ казаковъ, всѣ писавшіе впоследствии объ уральцахъ: Левшинъ¹⁾, Пушкинъ²⁾, Витевскій³⁾ и другіе, повторая рассказъ о Гуганхъ, шаблонно увѣрили, что яицкіе казаки произошли отъ донцовъ. Мордовцевъ въ болѣе позднѣйшемъ трудѣ, не основываясь уже совсѣмъ ни на какихъ давнихъ, прямо пишетъ, что Яицкое войско произошло отъ донцовъ. Витевскій-же въ своихъ очеркахъ уже не удовольствовался преданіемъ Рычкова, а рассказалъ особое преданіе, сообщенное ему „однимъ почтеннымъ и уже пожилымъ урядникомъ Уральскаго войска С—вымъ“. Въ этомъ преданіи онъ говоритъ объ извѣстномъ всему войску героѣ Рыжечкѣ, что якобы этотъ герой Рыжечка отличился въ битвѣ при царѣ Михайлѣ Федоровичѣ⁴⁾ и, выпросивъ за свою службу Яикъ, построилъ неслышанный въ Уральской исторіи и преданіяхъ „Горячій“ городокъ, а потомъ и Яицкій городокъ (внѣшній Уральскъ). Въ концѣ-же этого замѣчательнаго „преданія“ Витевскій категорически заявляетъ, что первоначальное основаніе Яицкаго войска принадлежитъ донскимъ казакамъ, что подтверждается и историческими данными. Но какія данныя подразумѣвалъ Витевскій—неизвѣстно, объ нихъ онъ не обмолвился ни однимъ словомъ, сохранивъ эту тайну навсегда при себѣ. [3]

Прежде чѣмъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, кто были первые яицкіе казаки, постараемся выяснитъ приблизительно то время, когда они впервые

¹⁾ Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ 1823 года.

²⁾ Исторія Пугачевского бунта.

³⁾ Яицкое войско до Пугачева (Рус. Арх. 1879 г. № 3, 4, 8, 10, 11, 12).

⁴⁾ Фактически же Рыжечка жилъ при царѣ Петрѣ I, гдѣ отличился въ Полтавской битвѣ.

появились на Яикѣ. Въ преданіи о Гугнихѣ о первомъ появленіи казаковъ на Яикѣ говорится между прочимъ, что „Войсковой атаманъ Григорій Меркурьевъ поминалъ бабушку свою, а отца его, Меркурья, тещу, которая умерла въ младенчествѣ его, Меркурьева, живъ также болѣе ста лѣтъ. Сія его бабушка сказывала ему и другимъ, что она, будучи уже лѣтъ двадцати отъ рожденія“, знала весьма уже престарѣлую Гугниху, жену перваго атамана Гугни, которому она досталась молодою женщиной.

Если мы взглянемъ теперь въ перенесъ войска, произведенную полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, то увидимъ, что войсковому атаману Григорію Меркурьеву въ это время было 57 лѣтъ. Слѣдовательно Григорій Меркурьевъ родился въ 1666 г. Если предположить, что ему было 10 лѣтъ, когда онъ слышалъ отъ своей столѣтней бабушки рассказъ о Гугнихѣ, то выходитъ, что его бабушка родилась приблизительно въ 1576 г. и познакомилась съ Гугнихой въ 1596 г. (двадцати лѣтъ отъ рожденія) и если предположить, что „престарѣлой“ Гугнихѣ было тогда 90 лѣтъ, то выйдетъ, что родилась она въ 1506 г., и если 20 лѣтъ (приблизительно) была взята атаманомъ Гугнею, то это произошло въ 1526—1530 году.

Упомянутое-же въ преданіи о Тамерланѣ, бывшемъ въ Россіи въ 1392 и 1395 годахъ, не можетъ быть принято во вниманіе, т. к. имя этого грознаго завоевателя и разгромъ, который онъ сдѣлалъ Золотой ордѣ, настолько вѣзались въ память татаръ, что всѣ послѣдующіе безпорядки и междуусобія войны, бывшіе въ Золотой ордѣ, казались татарамъ предъ Тамерлановымъ нашествіемъ столь незначительными, что исчезали изъ памяти. Осталось одно только грозное имя Тамерлана, какъ виновника всѣхъ бѣдъ и полнаго развала Золотой ордѣ.

Въ исторіи ногайскихъ татаръ за вторую половину XVI вѣка, именно въ то время, когда появился Гугня у устья Яика, красною нитью проходитъ рядъ кровавыхъ междуусобій; съ 1550—до 60-хъ годовъ князь Измаилъ (Яицкій, въ Сарайчикѣ) рѣжется со своими племянниками изъ за престола, битвы идутъ съ переменнымъ счастіемъ и иногда продолжаются по нѣскольکو дней. Упомянувъ о времени прихода казаковъ на Яикъ, Гугниха говоритъ, что въ ордѣ были междуусобія и великія смутенія, что вполне совпадаетъ и съ историческими данными. Въ челобитвой Федора Рукавишника, ѣзданной имъ въ 1720 г.; онъ говоритъ, что казаки поселились на Яикѣ лѣтъ двѣсти тому назадъ, т. е. приблизительно тоже въ 1520 году.

И если прижемъ 1550 годъ за время перваго появленія казаковъ на Яикѣ, то едва ли отступимъ отъ истины.

Посмотримъ, нѣтъ-ли еще какихъ-либо данныхъ для подтвержденія сообщеннаго Рычковымъ преданія о существованіи казаковъ на Яикѣ въ 1550-хъ годахъ.

Мы уже знаемъ изъ II главы, что въ 1551 году нашъ посланникъ Петръ

Турсеньевъ, будучи въ ногайскихъ улусахъ, доносилъ Іовну¹⁾: что турецкій царь писалъ къ Измаилу Мирзѣ, что „русскіе-же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и *ваши улусы воюютъ*. Какъ вы за это стоять не умѣете“?

Въ томъ-же году русскій гонецъ доносилъ Грозному²⁾: „Шли вы Волгою изъ Казани въ Астрахань и какъ поровнялись съ *Иртызскимъ устьемъ*, прішель на насъ на стругахъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личуга Хромоі Путивлецъ и взяли у насъ султанъ царя Ямгурчея (Астраханскаго царя); я у нихъ просилъ его назадъ, но они ниѣ его не отдали и меня позорили“...

Въ 1567 году приходили къ турецкому султану послы изъ Хивы и изъ Бухары и говорили, что „Московский государь взялъ Казань да Астрахань *ихъ воюетъ и друіе мноіе басурманскіе юрты*“³⁾.

Кто-же были эти удалцы, которые не только воюютъ улусы ногаевъ князя Измаила, улусы, находящіеся на Яикѣ, но и воюютъ Хиву и Бухару, лежащія далеко за Яикомъ? Кто этотъ казакъ Личуга Хромоі, который смѣло грабить въ присутствіи князя Мещерскаго у устья рѣки Иртыза (со стороны Яика) московскаго гонца, идущаго по Волгѣ съ судномъ царя Ямгурчея?

Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если допустимъ, что это были „пріяцкіе орляки“ — первые яцкіе казаки.

Еще при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ въ 1552 году было около 15 тысячъ вольныхъ казаковъ. Но кто они были — исторія нова намъ ничего не говоритъ. О томъ, что допцы участвовали при взятіи Казани, у нихъ сохранилось преданіе, а у яцкихъ казаковъ объ участіи ихъ въ этомъ боѣ осталась на память внукамъ только старинная пѣсня:

— И сказалъ Ермакъ царю Грозному:
 „Догоритъ свѣча—я Казань возьму!“
 Догорѣла свѣча—въ Казани поднялося облако!
 Какъ вскрепянетъ Ермакъ *Донскимъ* казакамъ,
Донскимъ казакамъ *Гребенскимъ* и *Яиковскимъ*:
 — „Ой, вы братцы мои, атамань молодцы!
 Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,
 Вы гоняте язъ города всѣхъ басурмань!“...⁴⁾

Кто знаетъ, можетъ быть когда-нибудь исторія намъ скажетъ, кто были эти вольные казаки, бравшіе въ числѣ около 15 тысячъ городъ Казань? Можетъ быть это были дѣйствительно донскіе, терскіе и яцкіе казаки со своимъ общимъ атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевичемъ, потому уже, послѣ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 6-й, стр. 124 и Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос., т. 8 прил. 254.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 6-й, стр. 421

³⁾ Тамъ-же, стр. 290.

⁴⁾ Якушинъ, Сборн. Урал. каз. пѣсенъ, стр. 28. О взятіи Яцкими казаками Казани иѣется и другой вариантъ этой пѣсни на стр. 29.

взятія Казани, сдѣлавшиися „воровскимъ атаманомъ“ и покорившимъ впоследствии Сибирь?

О томъ, что казаки на Яикѣ поселились въ царствованіе Ивана Грознаго, между прочимъ служить единственной уцѣлѣвшій въ войскѣ памятникъ старины—это соборный диптихъ Михайло-Архангельскаго собора въ г. Уральскѣ. Въ этомъ диптихѣ, видимо начатомъ съ первыхъ лѣтъ существованія войска, написаны имена в московскихъ царей и первый изъ нихъ упомянутъ царь Иванъ Грозный.

Зачѣмъ-бы ялицкимъ казакамъ въ соборномъ диптихѣ, если бы они поселились на Яикѣ при Федорѣ Ивановичѣ, записывать отца его Иоанна Грознаго? Очевидно, что они записали первымъ того царя, при которомъ они или поселились на Яикѣ, или того, которому они начали служить свою первую службу.

Гдѣ жили первые казаки на Яикѣ: въ Орѣшномъ-ли, Коловертномъ и другомъ какомъ мѣстѣ—трудно сказать, т. е. надо предполагать, что къ концу царствованія Иоанна Грознаго число ихъ было невелико. Зимуя на Яикѣ, они, вѣроятно, въ лѣтнее время уходили „на промыселъ“ на Волгу или, спускаясь по ней, „гуляли по сѣню морю“ и грабили суда и купеческіе караваны. Съ Волги на Яикъ были у нихъ проторенныя и хорошо извѣстныя дороги, о которыхъ весьма часто упоминается въ исторіи.

Въ 1556 г., послѣ вторичнаго занятія Астрахани, Иванъ Грозный велѣлъ казацкому сотнику Кобелеву встать „на рѣкѣ Иртызѣ для обереганія *нозаевъ отъ крымскихъ и русскихъ казаковъ*“, а также и для перевоза пословъ.

Изъ этого распоряженія видно, что далеко до 1556 г. русскимъ казакамъ былъ извѣстенъ Яикъ, и что по Иртызу или вблизи него была одна изъ „воровскихъ дорогъ“ къ югаамъ; но надо полагать, что эта дорога на Яикъ была степью—конная или пѣшая.

Другая дорога, болѣе удобная и безопасная отъ татаръ и видимо самая излюбленная, шла по рѣкѣ Самарѣ, вершины которой лежатъ въ трехъ верстахъ отъ рѣчки Камышъ-Самары, впадающей въ Яикъ. Этотъ водораздѣлъ между двумя рѣками издавна служилъ волокомъ и находящаяся въ настоящее время вблизи него казачья станица Оренбургск. войска носитъ названіе Переволочкой. По этимъ рѣкамъ въ 1730-хъ годахъ Татищевымъ, по указанію самарскихъ казаковъ, устроенъ Московскій трактъ изъ вновь основаннаго Оренбурга.

Въ книгѣ „Большой Чертежъ“, относящейся къ концу 1600 года, такъ описаны эти рѣки*):

„Рѣка Самара вытекаетъ съ востоку четырьмя разсошшинами отъ *Дюнгил* рѣки (р. Камышъ-Самара): протоку Самары 620 верстъ. А рѣка Дюнгилъ пала въ рѣку Яикъ; отъ верху рѣки Самары до рѣки Яика 120 верстъ“. Уже тогда эти двѣ рѣки описывались вѣдѣть, какъ составляющія одно общее—путь на Яикъ, хотя длина теченія обѣихъ рѣкъ сильно преувеличена.

*) Книга „Большой Чертежъ“ Г. И. Смирновъ, изд. 1846 г., стр. 150.

Что р. Самара была въ то время большой глубины, видно изъ географическаго лексикона, составленнаго въ 1773 г., въ которомъ говорится, что для построения въ 1737 г. Сорочинской крѣпости на Самарѣ (въ 245 верстахъ отъ Самары) возили грузъ „водою на большихъ лодкахъ“; тамъ же въ описаніи р. Самары сказано, что она истекаетъ отъ рѣки Яика такъ близко, что отъ *Татищевой пристани, на Яикѣ именуемой*, къ Переволодской крѣпости, которая въ верховьяхъ рѣки Самары построена, по мѣрѣ только восемнадцать верстъ¹⁾.

Царь Федоръ Ивановичъ, желая построить на устьѣ р. Самары городъ Самару, писалъ въ 1586 году въ грамотѣ къ князю Урусу (Имамлову сыну): „а мы на Волгѣ и на Самарѣ велѣли вась берега накрѣпко и вши улусы отъ воровъ отъ казакъ, чтобъ отяудъ ни казовъ казакъ не воровалъ и на вши улусы не приходилъ, того для есмы и городъ поставили на Самарѣ, чтобъ вамъ и вашимъ улусамъ было бы бережье. А которые вору казаки будутъ на *Яикѣ или оверхъ Самары* и вы бы сослалъ въ нашъ городъ Самару, съ вашими воеводами на тѣхъ воровъ ходили съ нашими людьми видѣсть и ихъ побивали и вши вѣшали“...²⁾.

Объ этой-же переволокѣ на Яикѣ упоминаютъ астраханскіе воеводы, князь Охоевскій и Головинъ, въ своей отпискѣ къ самарскому воеводѣ въ 1614 г. іюня 19: „И тебѣ-бы, господине, пишуть они, про то было бы вѣдомо и распроса бы тебѣ про то подлинно, *сколько отъ Самары ходу на Яикъ... и сколько отъ Самары, отъ котораго мѣста до Яика переволоки и ходу* и распроса бы послати тебѣ съ Самары проѣзжую станицу“³⁾.

Таково было значеніе р. Самары, какъ главнаго воднаго пути между Волгою и Яикомъ. И по этому главному пути шли „удалые добры-молодцы“ съ Волги на Яикъ на промисель и обратно на Волгу.

Гуляя по Волгѣ и по морю, казаки со дня взятія Казани сдѣлались не только грозною ногоавъ, но стали страшны и для торговыхъ каравановъ на Волгѣ; разбой ихъ приняла на столько обширные размѣры, что прекратила всякую торговлю на Волгѣ и по Каспійскому морю, гдѣ казаки грабили и убивали не только купцовъ русскихъ и иноземныхъ, но и русскихъ пословъ и пресѣкли торговлю англичанъ, незадолго передъ тѣмъ начавшихъ сбывать свои товары зтижъ путемъ въ Персію.

Пируютъ казаки, не щадятъ они бусы—корабли ни на Волгѣ, ни на морѣ Хвалынскомъ; пройдетъ ли „вѣмецъ“, или русское кунеческое судно, или царское съ „сизими орлами“ на борту,—летятъ удалцы... Обступаютъ его на легкихъ стружкахъ, и раздается зловщій окликъ:

¹⁾ „Географическій лексиконъ Росс. госуд. или словарь описующій“ и т. д., составл. Федоромъ Ползуновымъ, 1773 г., стр. 366, 367 и 300.

²⁾ Войск. арх., матер. для исторіи войска. Выписано изъ Главнаго Моск. архива минист. ин. дѣлъ. Дѣла ногайскія.

³⁾ Акты Историч., т. 3, № 26—1614 г. іюня 19. Ур. В.век. арх. дѣло 8 разр. № 85, отд. 35 стр. 13—14.

— „Гей, сарынь на кичку!“

Падаеть на колѣни оторопѣлая стража и челядь. Напрасна защита. Уже разбираются, карабкаются казаки со всѣхъ сторонъ на судно и пяруютъ, дуваняъ добычу.

Двадцать лѣтъ гуляли на просторѣ казаки. Но вотъ насталь 1577 г. и тахо двинулась рать царя Грознаго внизъ по Волгѣ съ воеводоу Иваномъ Мурашкинымъ; плывуть съ нимъ на судахъ стрѣльцы, а берегомъ идетъ военная рать, ловить оны по дорогѣ „воровскихъ казаковъ“ и казнитъ ихъ лютою смертью.

Но не унывають безшабашные казаки, кликнули имъ кличь атамань-могсдцы, собрались оны и напали на московскаго воеводу.

И закипѣлъ бой на Волгѣ; бьются казаки и на рѣкѣ и пѣшіе на берегу; крѣпко и долго бьются двѣ рати. Но вотъ сдаются казаки, тѣснятъ ихъ московскіе стрѣльцы, рѣдѣеть казацкая сила, и бросались оны въ разныя стороны кто вверхъ, кто внизъ по „матушкѣ Волгѣ“, а слѣдомъ за ними спѣшать стрѣльцы. И долго послѣ этого собирались разсѣянные „казаки охотнички“ около своего атамана Ермака Тимофѣевича...

„На рѣчкѣ, братцы, на Камышинкѣ
Собиралися, съѣзжалися люди вольные:
Что Донскіе, Гребенскіе казаки со Яицкими,
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ-душа...

...Да меня, Ермака-казака, вы послушайте:
Вотъ проходить у насъ, братцы, лѣто теплое,
Наступаетъ-то у насъ зима холодная.
Да мы гдѣ-же эту зимушку зимовать будемъ?
На Яикъ-городъ идтить—переходъ великъ;
На Казань городъ идти—тамъ самъ царь стоять,
А на тихомъ Дону быть—намъ ворами слать!“

Задумались молодцы и надумалъ Ермакъ ядти и взять Сибирь подѣ царскую руку...

Намъ на Волгѣ быть—все ворами слать,
Намъ ворами слать, быть половленнымъ,
По разнымъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшеву!“¹⁾

Говорить другая старинная пѣсня этого времени.

Гдѣ удалые добры-молодцы зимовали эту зиму—неизвѣстно, но только въ слѣдующемъ году казаки во главѣ со своими атаманами: *Митей Бритоусовымъ, Иваномъ Юрьевымъ, Иваномъ Кольцомъ и Барбошей*²⁾ появились

¹⁾ Якушинъ. Сборникъ пѣсенъ Урал. каз., стр. 24 и 27.

²⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. IX примѣч. 663. Изъ нихъ Барбоша, какъ увидимъ дальше, былъ однимъ изъ атамановъ яицкихъ казаковъ.

ожиданно у г. Сарайчика на Яикѣ и въ ляхомъ налетѣ взяли этотъ городъ съ бою. Чтобы взять этотъ городъ, нужна была сила немалая. Но казаки взяли, разграбили и сожгли его; они не только „людей живыхъ съели“ — какъ писалъ потомъ въ своей жалобѣ князь Урусъ Ивану Грозному — но „и мертвыхъ изъ земли вынимали и гробы ихъ разорили“¹⁾.

Нагруженные богатой добычей, казаки вѣроятно разбрелись въ разные стороны: яцкіе со своимъ атаманомъ Барбошемъ ушли на Яикъ, а волжскіе и донскіе на Волгу.

Получивъ отъ князя Уруса извѣстіе о этомъ грабежѣ, Иванъ Грозный, будучи съ нимъ въ дружбѣ, послалъ снова рать ловить казаковъ и въ отвѣтъ своемъ Урису писалъ такъ: „И мы на Волгу и къ Сарайчику казаковъ не посылавали, и воровали (они) сами безъ нашего вѣдома и нашихъ пословъ вмѣстѣ съ вашими переграбили; я прежде того они воровали и мы сыскавъ казнить велѣли; а нынѣ есьма на Волгу людей своихъ изъ Казани и изъ Астрахани многихъ послали, а велѣли имъ тѣхъ воровъ *волжскихъ и донскихъ* казаковъ перевѣшати“²⁾.

Посланное изъ Казани войска снова разбѣли казаковъ на Волгѣ и атаманы *Митя Бритоусовъ* и *Иванъ Юрговъ* были пойманы и въ присутствіи пріѣхавшихъ отъ князя Уруса пословъ были казнены въ Москвѣ³⁾. Спаслись отъ захвата только Иванъ Кольцо да Барбошь, вѣроятно, скрывавшіеся на Яикѣ, куда казанскія войска за дальностію не пошли.

Но Иванъ Грозный заочно приговорилъ ихъ къ смертной казни, что видно изъ грамоты къ князю Урису: „а для атамановъ *Ивана Кольца* да *Барбоши* и для иныхъ казаковъ послалъ Государь въ Казань и во всѣ украинныя города, а велѣлъ тѣхъ *волжскихъ атамановъ* казнить смертію“⁴⁾.

Съ ранней весны, съ апрѣля слѣдующаго 1579 г. Иванъ Кольцо уже состоитъ въ числѣ атамановъ у Ермака и 21 іюня этого года, вмѣстѣ съ Ермакомъ, является въ Строгоновнѣ на р. Камѣ.

Эти всѣ казаки, бывшіе у Ермака, называются въ грамотѣ, посланной царемъ Грознымъ къ Строгоновнѣ, „*волжскими казаками* атамана Ермака Тимофѣевича съ товарищи“⁵⁾.

Въ то время какъ Ермакъ громилъ сибирскихъ татаръ, яцкіе казаки сдѣлались страшны для ногаевъ князя Уруса. Они грабили и жгли ихъ улусы, истребляли мужчинъ, брали въ плѣнъ ихъ женъ. Жалобами на эти подвиги казаковъ пестрить за это время вся верениска съ ногаями въ „Ногайскіяхъ дѣлахъ“.

¹⁾ Карамзинъ. Дѣла ногайскія 1581 г. № 10, листъ 140.

²⁾ Ногайскія дѣла № 10, листъ 195.

³⁾ Тамъ-же, № 10 листъ 269.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 258.

⁵⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 6-я, стр. 427.

Такъ продолжалось вплоть до конца царствованія Ивана Грознаго.

Но вотъ въ 1584 г. онъ умеръ. Не стало на Русь Грознаго царя, вмѣсто него вступилъ на царство его сынъ, кроткій и тихій царь Феодоръ Иоанновичъ.

Но грабежи казаковъ на Яикѣ не прекращались.

Въ это-же время, приблизительно въ 1584—85 гг., на Волгѣ, у устья р. Самары собралось до 600 волжскихъ казаковъ со своимъ атаманомъ „Мягущкой“¹⁾. Шумить „удалые добры-молодцы“, судятъ они въ своемъ вельномъ кругу, куда имъ идти зимовать. Ходятъ среди нихъ ихъ товарищи старые „орлы пріятели“, что пришли на Яикъ еще съ атаманомъ Василиемъ Гугнею и которые вмѣстѣ съ волжскими казаками были на промыслѣ на матушкѣ-Волгѣ. Немного этакъ удалцевъ, теряются они въ общей массѣ волжскихъ казаковъ; зовутъ они ихъ къ себѣ въ гости на вольный и быстрый Яикъ.

Шумить казацкій кругъ... Но вотъ застучали весла, поднялись паруса и быстро одна за другою потянулись казацкія лодки вверхъ по р. Самарѣ. Вдуть удалцы зимовать на Яикъ. Шестьсотъ человекъ новыхъ гостей идутъ на далекую „заполяную рѣчку“, идутъ и бороздятъ челнами тихія воды Самары. А кругомъ лѣсъ, луга, раздолье и воля-вольная. Не найдутъ ихъ тутъ московскіе военеды, не страшень имъ тутъ никто.

Ведутъ ихъ на Яикъ старые казаки янцкіе, радостно ведутъ они ихъ за собою, — мало ихъ было на Яикѣ, теперь будетъ больше.

Но вотъ и переволока. Перетянули удалцы свои лодки, спустились по Камышъ-Самарѣ на Яикъ в полная вязь по его широкой глади.

Проплыли они по Яику и встали у широкаго острова.

— Здѣсь, атаманы-молодцы, и кошу быть! — говорятъ имъ проводникъ и — янцкіе казаки старожилые: вотъ тутъ и наши курени стоятъ.

Встрѣчаютъ гостей оставшіеся казаки на Яикѣ.

И вышли изъ лодокъ удалые гости, расположились они кошемъ и стали готовиться на зимовку. Кто строитъ курени, кто роетъ ровъ и дѣлаетъ валъ, кто ловитъ дикаго звѣря и рыбу.

Настала зима и у казаковъ уже выросъ цѣлый городокъ, построены крѣпкія стѣны — валы, выкопанъ глубокій ровъ²⁾.

Но въ какомъ-же мѣстѣ на рѣкѣ Яикѣ казаки построили свой городокъ? На это намъ можетъ отвѣтить только сохранившееся до насъ описаніе „Большаго Чертежа“, т. е. карты Московскаго государства того времени. Это описаніе было составлено въ царствованіе Михаила Феодоровича по старому большому чертежу, который сдѣланъ былъ „давно при прежнихъ государяхъ“ и былъ настолько ветхъ, что „впредь по немъ урочищъ смотрѣть не

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайск. дѣла, дѣло № 8.

²⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., т. X стр. 42 и прилѣж. 138, а также Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайскія дѣла № 8, стр. 8, письмо князя Уруса въ 1584—86 гг. — „я въ тѣ поры пришедъ на Яикъ казаковъ съ шестьсотъ или семьсотъ, поставили городъ большой“. Карамзинъ считаетъ постройку этого городка въ 1584 году.

можно, избулся весь и развалился“ и былъ въ употребленіи до конца царствованія Бориса Годуновъ, т. е. до 1600 года.

Вотъ что тамъ сказано при описаніи рѣки Яика:

„А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ пала въ Яикъ съ лѣвныя страны Яика Илезъ рѣка (рѣка Илекъ) ниже горы *Тустоби*, по нашему та гора *Соленая*; ломаютъ въ ней соль.

А на устьи тое рѣки островъ *Кошъ Яикъ*. А промежъ тѣхъ протоковъ и рѣки Яика на острову *казачій городокъ*“ [4].

Карамзинъ упоминая о построеніи этого городка въ своей исторіи (томъ X, стр. 42) называетъ его „нынѣшнимъ Уральскомъ“ и въ то же время для опредѣленія его (тамъ-же въ своей выноскѣ 138) говоритъ, ссылаясь на Большой Чертежъ, что казачій городокъ на Яикѣ былъ при устьѣ р. Илекъ. Уральскъ-же стоитъ при устьѣ рѣки Чагана въ 180 верстахъ ниже устья рѣки Илека. Уже если Карамзинъ такъ легко перемѣшалъ оба эти мѣста, то винить другихъ писателей, повторявшихъ тоже самое, не приходится.

И такъ первое казачье поселеніе на Яикѣ, извѣстное Москвѣ, было у устья рѣки Илека.

Изъ преданій-же, записанныхъ Юс. Игн. Желѣзновымъ, видно, что казаки называли этотъ городъ *Голубымъ городкомъ*. Проѣзжая въ 1858 г. въ этомъ мѣстѣ, Желѣзновъ такъ описываетъ остатки этого городка ¹⁾.

„Между Бородинскимъ форпостомъ и Илецкимъ городкомъ въ равномъ разстояніи, прихвѣрно верстахъ въ 15 отъ того и другого, къ Илеку впрочемъ ближе, справа отъ Урала, начинается старое русло Урала Кошъ-Яикъ. Овъ искривленной линіей описываетъ дугу и пониже Бородинскаго форпоста впадаетъ въ Уралъ. Кругомъ его будетъ верстъ 50, а отъ устья до другого, по Уралу, верстъ 25, а прямо по линіи отъ устья до устья верстъ 15. Выше Бородинскаго форп., верстахъ въ трехъ, выпала въ Кошъ рѣка Киндели. Въ старину казаки всякое старое русло Яика называли кошемъ, что нинѣ называется старицей. Верстахъ въ трехъ ниже верхняго кошевского устья есть возвышенное мѣсто на подобіе гребня, упирающагося въ Яикъ. Эта возвышенность называется „*Голубое городище*“. Такъ оно называется отъ рѣчки за Ураломъ, текущей въ лугахъ. Эта рѣчка ничто иное, какъ обыкновенный луговой ерикъ. Она называется Голубой рѣчкой, отъ нея и городище Голубымъ называется. Уже по одному городищу можно догадываться, что это былъ городъ. Овъ дѣйствительно былъ. Теперь есть призраки, но лѣтъ за 8 всѣ рвы и валы были видны, даже основанія башенъ кирпичныхъ были видны. Но лѣтъ 8 или десять вазадъ Уралъ въ этомъ мѣстѣ сильно сталъ рвать яръ и почти все городище сорвалъ. По разсказамъ старика Куликова, прежній яръ остался теперь уже на Бухарской сторонѣ, гдѣ, какъ обыкновенно видимъ, образуется песокъ и растетъ лѣсъ. Два года назадъ послѣднюю башню

¹⁾ Войск. арх., III раз. № 85, отд. 42, стр. 11—18. Путевыя замѣтки Желѣзнова, до сихъ поръ еще неизданныя, гдѣ между прочимъ имѣется набросанный его рукою планъ этого городка.

сорвало. Нынѣшней весной, да и въ прежнія, вырывало кости человѣческія съ признаками *тробовъ*¹⁾. Значить городъ весь сорвало—рветъ кладбище, которое было во всякомъ случаѣ внѣ города. Но сверхъ городскихъ непосредственныхъ укрѣпленій съ одной, именно съ луговой стороны, крѣпость защищена была сторожевыми башнями. Нѣкоторые изъ нихъ и доселѣ видѣются, т. е. основаніе или рытье значатся.

По преданію Уральскихъ казаковъ и киргизовъ, тутъ жили вольные люди. Илецкіе казаки говорятъ, что жила орда. Или илецкіе казаки не знаютъ или съ нахвреніемъ болтаютъ, чтобы заглушить всякую мысль, что тутъ жили илецкіе казаки. Вѣроятно они в Палласу говорили, что тутъ жила орда. Въ 1768 г. Палласъ видѣлъ это укрѣпленіе и говоритъ, что та крѣпость была ногайскихъ татаръ...

Повиже Голубого городища есть возвышенность, называемая *Дуванное*. Еще доказательство, что тутъ жила русскіе молодцы, дуванъ дуванавшіе²⁾.

Въ сторовѣ отъ Голубого городища есть пчельникъ. Въ немъ живетъ старый студеовскій казакъ и передаетъ, что прежде наканунѣ Благовѣщенія слышалась въ лугахъ пушечная пальба, но нѣсколько лѣтъ прекратилась.

— *Приходные*, — говоритъ старикъ. Въ старину, дескать, когда наши начинали сраженіе съ басурманами, то открыли огонь въ полночь, не почли праздника, и оттого потерпѣли поражение. Въ назиданіе другихъ и происходила по ночамъ въ Благовѣщеніе пушечная пальба. Передъ началомъ боя одинъ старикъ уговаривалъ нашихъ, чтобы почли праздникъ и боя не начинали. Послѣ того и городъ перенесли къ Кирсановскимъ ярамъ³⁾.

Такъ собирались казаки на Яикъ.

Изъ этого очерка видно, что постепенное заселеніе казаками рѣки Яика началось съ царствованія Ивана Грознаго, приблизительно въ 1520—1550 году, сначала въ количествѣ 30—40 человѣкъ, а потомъ въ 1584—85 году приблѣло 600—700 человѣкъ волжскихъ казаковъ.

Отсюда понятно, почему илецкіе казаки въ своихъ челобитныхъ при Петрѣ I, говоря о первыхъ казакахъ на Яикѣ, считаютъ количество ихъ то въ 40, то въ 600 человѣкъ; все зависѣло вѣроятно отъ того, чьи потомки были казаки, писавшіе челобитная, первой партіи атамана Гугая или слѣдующей, пришедшей съ атаманомъ Матюшкой.

Первоначальные пришельцы съ атаманомъ Василіемъ Гугней въ первне-же годы, вѣроятно, соединились съ другими волжскими казаками гдѣ-нибудь на Яикѣ и построили свой городокъ или у Коловертнаго или у Орѣшнаго, т. е. надо полагать они зимовали на Яикѣ тамъ, гдѣ считали для себя лучше и удобнѣе, и въ ногайскихъ дѣлахъ имѣются указанія на то, что у казаковъ на Яикѣ было нѣсколько городковъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Ясный признакъ что тутъ жили христіане, т. е. могометане хоронятъ безъ гробовъ.

²⁾ Т. е. дѣлявшіе добычу.

III.

Откуда собирались казаки на Яикъ, кто они были, ихъ нравы и обычаи.

— На Яикъ собирались со всѣхъ сторонъ, со всей можно сказать вселенной. Народъ шель сюда ловкій, смѣлый, храбрый, гордый, народъ съ амбиціей; такой, батюшка, народъ, которому не жилось на мѣстѣ своего рожденія, который искалъ вольготы, простора; одно слово народъ, что называется, сорты.

— Сказать тебѣ притчу—отгадаешь-ли?

— Говори. Попробую, авось отгадаю.

— Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку. Что выведетъ?

— Медъ, отвѣчалъ я.

— Отгадалъ, сказала старикъ. Подобно сему и наше дѣло: со всякаго значить сословія по молодцу и вышло славное, храброе войско Яицкое, по нынѣшнему Уральское. Этого не забывай, голубчикъ, и нашими братьями не брезгуй.

Соч. *И. И. Жемзюла „Уральцы“*, т. III, стр. 61.
Казакъ Терскій. Разсказъ казака Барсукова.

Вопросъ о томъ, кто были первые яицкіе казаки, были-ли то донцы или другіе какіе-либо казаки, до сихъ поръ оставался исторіею не выясненнымъ и всѣ писавшіе объ яицкихъ казакахъ шаблонно повторяли одно, что яицкіе казаки произошли отъ донскихъ, т. е. главную массу ихъ составляли донскіе казаки.

Въ настоящее время въ Войсковомъ архивѣ нѣются матеріалы, взятые изъ архива Москвы, которые даютъ полную картину о томъ, кто были эти первые пионеры Яика и изъ какихъ людей состояла тогда буйная цонизовая вольница, т. наз. волжскіе казаки, отъ которыхъ и произошли уральцы.

Самые старыя списки яицкихъ казаковъ, дошедшіе до насъ, были составлены *Богданомъ Зміевымъ въ 1632 году*. Эти списки найдены *И. П. Хорошенинымъ* въ Московск. Главномъ Архивѣ Мѣст. Юстиціи (столбецъ Вѣлгородскаго стола, дѣло № 40, листы 22—83) и были переписаны имъ какъ матеріалъ для исторіи войска, но безъ указанія, по какому поводу они составлены. Въ настоящее же время удалось отыскать челобятную *Богдана Зміева*¹⁾, изъ которой видно, что эти списки составлены при производствѣ имъ первой переписи казаковъ на Яикъ въ 1632 году при царь *Михаилѣ Федоровичѣ* (см. приложение I).

Изъ этой переписи видно, что казаковъ на Яикѣ въ то время было 950 человекъ, всѣ они великорусскаго происхожденія за исключеніемъ 4 инородцевъ,

¹⁾ Акты Моск. госуд., т. 2 № 429, разр. приказъ, Московскій столъ, столбецъ № 227, листъ 14.

всѣ носятъ православныя имена, кромѣ корельца (Оношко). Изъ всѣхъ 95^ч человѣкъ только 93 имѣютъ прозвища или фамилія, остальные называютъ себя по имени и отчеству (Иванъ Михайловъ, Петръ Ондоровъ и т. д.) и лишь 487 человѣкъ къ своимъ именамъ прибавляютъ названія мѣста, откуда они прибыли на Яикъ ¹⁾. Эти драгоценныя въ историческомъ отношеніи указанія проливаютъ яркій свѣтъ на то, откуда собирались эти „добрыя молодцы“, эти „вольскіе казаки“ — „понизовая вольница“, и кто были первые яицкіе казаки.

Распредѣливъ по городамъ всѣхъ казаковъ, давшихъ указанія о своей родинѣ, или мѣста, откуда они пришли на Яикъ, мы увидимъ, что самое большее количество выходцевъ даютъ города: Нижній Новгородъ 47, Казань 37, Москва 31, Астрахань 25, Темниковъ 20, Шацкъ 16, Ярославль 14; затѣмъ слѣдуютъ въ порядкѣ численности города: Кострома, Смоленскъ и Вологда, давшіе по 12 чел.; Краснослободскъ и Владиміръ по 10; Арзамасъ 9 ч., Уржумъ и Рязань по 8; Саратовъ, Чебоксары, Вязьма в Кадомѣ (Тамб. губ.) по 7 чел., Самара и Устюгъ (Вологод. губ.) по 6; Шуя, Юрьевъ (Влад. губ.), Касимовъ, Курмышъ и Козьмодемьянскъ по 5 чел.; Бѣлозерскъ, Архангельскъ, Тетюши и Свияжскъ по 4 чел.; Переяславль-Залѣсскій, Ржевъ, Ростовъ (Яросл. губ.), Коломна, Балахна, Суздаль, Путивль, Воронежъ, Черный Яръ, Лаишевъ, Курскъ, Вятка, Псковъ, Галичь (Костромской) и Лухъ (Костром.) по 3 человѣка; Дмитровъ, Бѣлевъ, Жадѣзныи Устюгъ (Новгород.), Кашинъ, Новгородъ, Угличъ, Василь, Холмогоры, Новый Торжокъ, Пешехонье, Калуга и Никольское (Влад. губ.) по 2 человѣка, и наконецъ слѣдующіе города дали по одному выходцу: Дивны, Волоколамскъ, Сибирскъ, Дергобужъ, Вѣжецкій Верхъ, Малмыжъ, Верхогурье, Кинешма, Михайловъ, Гороховецъ, Тюмень, Вычегодская соль (Сольвычегодскъ Волог. губ.), Руза (Моск.), Юрьевъ Повольскій (Влад.), Павлово (Нижегор.), Тула, Тяхвинъ, Свияжскъ, Стародубъ, Ряжскъ, Орлецъ (Архангел. губ. „орленецъ“), Можайскъ, Вѣлгородъ, Брянскъ, Каргополь, Оса, Романовъ (Яросл.), Лысково, Останковъ, Дѣдиново, Лебедянь, Карачевъ, Уляжъ (Костр.), Волховъ и Торонецъ.

Кромѣ того назвавшихъ себя терцами 7 и гребенцами 2 человѣка, и сверхъ того инородцы: пермякъ 1, корелецъ (по имени Оношко) 1, мещерякъ 1, лемзякъ (въроэтво лѣфляндецъ изъ г. Лемзела) и сибирякъ (правосл.) 2, поморцевъ 2 (видимо Арханг. губ.) и имѣется пять человѣкъ съ неяснымъ указаніемъ мѣста своей родины: „мурашкянецъ“, „погорѣлаго городища“, „гусенинъ“, „чивеленинъ“ и „долгорашенинъ“.

Если-же ихъ распредѣлять по существующимъ нынѣ губерніямъ, то получится слѣдующая картина:

Нижегородской губерніи 63, Казанской 61, Тамбовской 44, Владимирской 42, Московской 39, Астраханской 28, Сибирской 25, Ярославской 22, Костромской и Смоленской по 20, Вологодской 19, Рязанской 16, Вятской

¹⁾ Такъ наприм.: Митыка Федоровъ Ярославецъ, Андрюшка Анисимовъ Нижегородецъ, Фрѣшка Потаповъ Казанецъ и т. д.

12, Пензенской 10, Новгородской и Архангельской (сюда включены и два помора) по 9, Саратовской, Курской, Тверской по 7 человекъ, Самарской 6, Псковской, Орловской и Пермской (сюда включены и инородецъ „пермякъ“) по 4 чел., Тульской, Воронежской губери. и сибиряковъ (сюда включены тюменецъ) по 3 чел., Черниговской и Олонецкой губери. по одному и по одному же лемзаку, мещеряку и корельцу, терскихъ казаковъ 7 и гребенскихъ казаковъ 2.

Изъ этого списка видно, что бывшіе волжскіе казаки и первые яицкіе казаки были выходцами главнымъ образомъ изъ великорусскихъ сѣверныхъ областей, лежащихъ по бассейну рѣки Волги и даже изъ Вологодской и Архангельской губери. Чтобы изъ Холмогоръ или Архангельска добраться въ то время до Яика, нужна была рѣшимость немалая, нужна была отвага и смѣлость выдающіяся. Не всякій человекъ могъ рѣшиться на такой подвигъ.

Въ этомъ спискѣ не видно ни одного донца, между тѣмъ имъ скрывать свое званіе не было никакой необходимости: терцы и гребенцы смѣло говорили о себѣ, а одинъ изъ нихъ терецъ Лапша подалъ даже челобитную о зачисленіи его въ яицкіе казаки; одинъ изъ гребенцовъ, какъ видно изъ списковъ, сказался прямо „гребенской казакъ“. Если-бы среди яицкихъ казаковъ были тогда донцы, то безусловно хотя вѣскольکو человекъ изъ нихъ попало бы въ перепись, но этого мы не видимъ.

Другимъ документомъ, дающимъ яркую характеристику того, изъ какого элемента составилось Яицкое войско, служить перепись Войска, произведенная полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, т. е. почти 90 лѣтъ спустя послѣ переписи, произведенной въ царствованіе Михаила Феодоровича. Каждый казакъ давалъ показаніе о себѣ подъ присягою подъ страхомъ „лишенія живота“ и подъ своимъ показаніемъ „клялъ руку“, т. е. подписывался. Каждый казакъ долженъ былъ показать: 1) откуда родомъ онъ самъ или предки его и изъ какого званія происходить; 2) сколько лѣтъ приверстанъ въ казаки (т. е. сколько лѣтъ на службѣ) и при какомъ атаманѣ; 3) дѣти его, сыновья и лѣта ихъ; 4) когда прашель на Яикъ онъ или предки его.

По этимъ показаніямъ выяснилась вся картина прошлаго Яицкаго войска, происхождение казаковъ, ихъ служба, бывшіе атаманы.

Подлинная перепись находится въ бывшихъ дѣлахъ Военной коллегіи, нынѣ въ Москов. отд. архива Главнаго штаба: „Книга сказокъ яицкимъ казакамъ“ въ кожаномъ переплетѣ и прошнурована; въ ней листовъ въ № 23—1016, № 24—1012, № 25—972, № 26—542 л., въ этомъ послѣднемъ, кромѣ сказокъ казаковъ, сказки пришлыхъ людей и работниковъ, которые въ общій списокъ казаковъ не записаны. Изъ этихъ сказокъ составленъ общій списокъ подъ № 22 на 360 листахъ¹⁾. Перепись эта была переписана по просьбѣ М. П. Хорошхина писцомъ Я. Егоровымъ; съ этой переписи снята собствен-

¹⁾ Въ томъ-же архивѣ (казачье повѣтье) и книга эта составлена такъ: „Книга, переписная переписи господина полковника и лейб-гвардіи капитана Захарова со товарищи Яицкимъ казакамъ 1723 и 1724 годовъ“.

норучно копія Вяч. П. Бородиннѣ, что составило книгу въ 201 полулистѣ, которая и хранится въ архивѣ Войск. хоз. правленія; гдѣ-же находится копія съ подлинной, списанная для М. П. Хорошхина, — неизвестно. Перепись эта была всесторонне разработана Вяч. Петр. Бородиннѣ, вмѣ составлены были таблицы казаковъ: 1) по городамъ и губерніямъ, откуда они прибыли; 2) по времени ихъ прихода на Яикъ; 3) особый списокъ донскимъ казакамъ и 4) по бывшему званію и общественному положенію ихъ на мѣстахъ родины и 5) таблица, показывающая сроки службъ казаковъ (когда превратятся въ казаки (см. приложения II, III, IV, V, VI и VII).

Изъ этихъ списковъ и таблицъ видно, что если распределить всѣхъ переписанныхъ у Захарова 3164 чел., бывшихъ тогда на Яикѣ, казаковъ по нынѣ существующимъ губерніямъ, то получится слѣдующее:

Старинныхъ яицкихъ казаковъ 74 человекъ; *прибывшихъ съ 1599 года изъ разныхъ губерній:*

Казанской губерніи—874, Симбирской 578, Самарской 523, Нижегородской 315, Владимирской 107, Уфимской 99, Пензенской 90, Московской 83, Тамбовской 58, Донской области 50, Рязанской губ. 38, Костромской 25, Ярославской 26, Польши 13, Тульской и Ватской по 9, Курской и Астраханской по 8, Смоленской 7, Воронежской 5, Саратовской и Черниговской 4, Вологодской и Сибирской губерніи по 3, Терской области, Петербургской и Выборгской губерніи по 2, Архангельской, Кіевской, Полтавской, Запорожск., Орловской по одному человекъ. Кроме этого, неизвестно откуда прибыли (не помнятъ) 72, показали себя прямо завоеванными или бѣжавшими изъ киргизск. плѣна калмыками 4, показавшихъ мѣста прежняго жительства въ искаженномъ видѣ, такъ что опредѣлить, изъ какой губерніи, трудно (запр. Г. Погорѣловъ, Г. Кампиръ и др.) всего 9 чел. и калмыкъ, причисленныхъ къ войску при Петрѣ I (буддиста) — 43 человекъ.

Какъ видно изъ этого перечня, всѣхъ болѣе количество бѣглецовъ дали Казанская, Симбирская, Самарская и Нижегородская губерніи; если же принять во вниманіе, что губерніи Казанская и Самарская сами комплектовались переселенцами жителей сѣверныхъ областей, то будетъ ясно, что главною составною частью Яицкаго войска были люди сѣверной Руси, а никакъ не юга, а тѣмъ болѣе Дона.

На первомъ мѣстѣ, давшемъ наибольшее число переселенцевъ, нужно поставить г. Алатырь, а главное Алатырскій уѣздъ, давшій 565 человекъ, изъ нихъ однихъ арестьянъ было 544 человекъ. Второе мѣсто занимаетъ Самарскій уѣздъ, давшій 331 человекъ, изъ нихъ крестьянъ 327 чел. Постаралась поставкою бѣглыхъ и сама Самара: кроме 20 посадскихъ людей, она дала войску 84 военныхъ и ившихъ стрѣльцовъ, а всего 135 человекъ.

Затѣмъ, по количеству бѣжавшихъ, слѣдуютъ уѣзды: Симбирскій, Арзамасскій, Казанскій, Нижегородскій и т. д.

Вѣжалъ народъ, что называется, всякаго чина и облика. Кромя крестьянъ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей, бѣжали дѣти подъячихъ, бѣлодворцы, духовные, дворовые люди, бобыли, и т. д. Вѣжалъ тоже одинъ подпрапорщикъ и даже одинъ „изъ нѣмецкихъ князей“, какъ значится въ переписи Захарова. Что бѣжавшій былъ князь,—это, разумеется, сомнительно, но что въ числѣ бѣжавшихъ на Янкъ были и иностранцы, можетъ свидѣтельствовать даже теперь существующая въ Войскѣ фамилия казаковъ *Маркобруновыхъ*. Вѣжавшій нѣмецкій князь носилъ чисто-русскую фамилію—Рѣзовъ, что, впрочемъ, неудивительно, ибо русскій человекъ имѣетъ замѣчательную способность приурочивать иностранныя фамиліи къ русской почвѣ, чему прихвромъ можетъ служить хотя бы фамилія Гамильтоновъ, передѣланная народомъ въ извѣстную теперь фамилію Хомутовихъ.

Вотъ списокъ казаковъ по ихъ общественному положенію, бывшему на родинѣ, и по національностямъ:

Старианне яцкіе казаки	74.
Крестьяне	1922.

Казаки, вновь прибывшіе изъ великороссійскихъ городовъ и мѣстечекъ (городовые казаки):

юртовые, станичные	90	} 369.
казачьихъ слободъ	112	
бѣлопахатные казаки	75	
городскіе служилые	37	
конные казаки	6	
отставные конные казаки	1	
довскіе казаки	48	

Посадскіе люди 212, конные и пѣшіе стрѣльцы 152, ясачные служилые и другіе татары 70, завоеванные и бѣглые башкиры 49, дворовые люди 40, польской породы (завоеванные и другіе) 29, служилые и бѣлопахатные солдаты 28, бобыли 20, духовнаго званія 13, пушкаря 9, бѣлодворцы 7, дворяне („по дворянскому списку“) 7, мордовской породы 7, черкашени и изъ черкасъ (горскихъ) 7, шведской и чухонской породы 5, калиницкой породы 4, записные бѣлодворцы и рыбные ловцы государевой рыбной слободы 4, яцки 4, ногайскіе татары 3, записные Его Имп. Вел. неводчики 2, мѣщане 2, записные государевы кузнецы 2, записные камельщики 1, черные кузнецы 1, ямскіе охотники 1, служилые иноземскія службы 1, дѣти подъячихъ 1, подпрапорщики 1, чувашской породы 1, турчанцы 1, нѣмецкаго роду 1, волошанцы 1.

Теперь мы должны обратиться къ другому интересному-же вопросу о томъ, кто-же были главныя поставщики въ Войско. Вотъ что пишетъ объ этомъ

Вячеславъ Петр. Бородинъ въ своемъ неизланномъ и неоконченномъ трудѣ: „Краткій очеркъ 300-лѣтія службъ Уральскаго войска“¹⁾.

На это намъ отвѣчаетъ та-же перепись Захарова. Главный поставщикъ былъ бояринъ, стольникъ Михаилъ Плещеевъ, владѣвшій селомъ *Промынно-Городище*, въ Алатырскомъ уѣздѣ. За нимъ слѣдуютъ и другіе сильные влстители, а по всемъ вѣроятіямъ и утѣшители: боярявъ князь Лнковъ, помѣщикъ Никита Бутлеровъ, стольникъ князь Щербатовъ, князь Баратынскій, князь Черкасскій, помѣщикъ Аргамыновъ, князь Вяземскій, свѣтлѣйшій князь Александръ Дан. Меньшиковъ, князь Буракинъ, князь Трубецкой, князь Ростовскій, князь Василій Долгорукій, помѣщикъ Соймоновъ, бояринъ князь Иванъ Троекуровъ, князь Баратынскій, бояринъ Борисъ Петровичъ князь Ромодановскій, бояринъ Морозовъ, Шереметевъ, князь Волховской, бояринъ Прозоровскій, князь Репнинъ, бояринъ Гагаринъ* и т. д. и т. д.

Изъ этого, далеко не полного перечня поставщиковъ, не избраннаго умышленно, а сдѣланнаго по порядку черновой записи, при разработкѣ переписи Захарова, видно, что поставщиками были люди все именитые, люди съ большимъ значеніемъ въ тогдашнее время.

У насъ есть интересное историческое свѣдѣніе, что даже самая перепись Захарова произведена была по приказанію свѣтлѣйшаго князя Александра Даянлов. Меньшикова (Петръ былъ тогда въ Персидскомъ походѣ), который считалъ въ Яицкомъ войскѣ *болше 500 своихъ крестьянъ*, но объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить въ перечнѣ событій второго столѣтія Яицкаго войска.

При внимательномъ чтеніи переписи часто можно встрѣтить, что сначала, напр., бѣжить старшій братъ, а потомъ, черезъ годъ, появляется уже его отецъ, дѣдъ и младшіе братья. Изъ этого ясно, что сообщенія Яика съ Русью были болѣе или менѣе частыя, такъ что уголокъ этотъ былъ въ общеніи со старымъ пепелищемъ.

Сказавъ ранѣе, что главный контингентъ войска были *бѣлые*, мы прибавимъ, что второстепенный были *бѣлые же и „завоеванные“* изъ тѣхъ мѣстъ, куда яицкіе казаки ходили въ походы.

И это наше положеніе мы основываемъ на переписи-же Захарова.

Часто ходя въ походы²⁾, казаки, разсказали-ли о своемъ житьѣ, или своимъ свободнымъ, незабитымъ, какъ у тогдашняго крестьянина, яedomъ, вѣроятно, возбуждали интересъ въ населеніи, находящемся при тогдашнемъ крѣпостномъ правѣ и неурядицахъ далеко не въ завидномъ положеніи. Полная свобода

¹⁾ Войсковой архивъ. Матеріалы для исторіи войска.

²⁾ А также и Москву „въ станицахъ“ и „съ кусомъ“, куда ходили по слѣдующей дорогѣ: „на Сагару, Симбирскъ, Алатырь, Арзамасъ, Муромъ, Владыяръ и на Москву“. (Дополненіе Захарова въ 1723 г. августа 20 въ Военную коллегію. Войск. архивъ, дѣло III раз. № 86, отд. № 86, стр. 20). Какъ видно изъ переписи, эти города служили главными поставщиками бѣлгородъ въ войско. А. В. К а р я в ъ.

своих же собратьев, крестьян, которых правительство теперь, когда они бѣжали от казаки, жалует деньгами, сукнами, свящомъ, парохомъ и даже чарою зеленѣ-вина, ихъ рассказы о привольныхъ мѣстахъ, безъ буржистровъ, старость и прочихъ атрибутовъ крѣпостничества, невольно заставляли задумываться многихъ, а болѣе рѣшительныхъ и бѣжать въ обѣтованныя мѣста. Положенія казачьи нравились народу еще и потому, что даже своихъ плѣнныхъ, „завоеванныхъ“, какъ говорить перенясь, казаки не дѣлали рабами, а привертывали къ себѣ въ товарищи, въ казаки. Поэтому въ перенясь мы встрѣчаемъ выраженіе: „изъ завоеванныхъ полковъ, башкирцевъ, шведской и чухонской породы“ и т. д. ¹⁾

Всѣ, писавшіе о Яицкомъ войскѣ, единогласно показывали, что „Яицкіе казаки произошли отъ Донскихъ“. Эти показанія они основывали главнымъ образомъ на показаніяхъ атамана Рукавишника, въ 1720 году, показаніяхъ яицкихъ депутатовъ—Тамбовцева, Анкудянова, Колпакова и Акутина, въ 1766 году, а также на свидѣніяхъ, собранныхъ Неплюевымъ и Рычковымъ.

Въ отвѣтъ на это скажемъ только то, что всѣ эти свидѣнія были чисто-официальныя. Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли атаманъ Рукавишниковъ,—этотъ крайне умный и энергичный человекъ, какъ увидимъ далѣе,—въ 1720 году говорить въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ свѣтлѣйшему князю Меньшикову, что онъ, Рукавишниковъ, и почти всѣ яицкіе казаки бѣгли отъ него, свѣтлѣйшаго князя Меньшикова, отъ Апраксина, Реинна, Шереметова и другихъ сильныхъ властій сподвижниковъ Петра? Могъ ли умный человекъ, избранный въ депутаты цѣлымъ войскомъ, а следовательно и самими бѣглыми, заявить официально, передъ цѣлою коллегіей, что все избранное его войско почти поголовно бѣглое крестьяне, стрѣльцы и посадскіе люди? Невозможно, что этого быть не могло, тѣмъ болѣе, что такой посланный всегда снабжался самыми подробными инструкціями, и въ то же время долженъ былъ звать о тѣхъ 4-хъ указахъ Петра, посланныхъ казакамъ, въ которыхъ онъ строжайше запрещалъ принимать бѣглыхъ „подлыхъ“ и другихъ людей, а принимать въ казаки только „вольныхъ людей“. Такими многократными указами переполнена вся исторія казачьихъ войскъ и изъ-за укрывательства бѣглыхъ людей потому началась въ Яицкомъ войскѣ даже распря войска съ атаманомъ Меркулевымъ, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

„Набираться вольными людьми“ ни одно войско, разумеется, не могло, ибо, во народной пословицѣ „отъ воли—къ волѣ не бѣгаютъ“, а потому единственная ссылка была на донцовъ, какъ старѣйшихъ казаковъ, которымъ жинный переходъ въ Яицкое войско не могъ быть воспрещенъ, „по казачьимъ вольнымъ обычаямъ“.

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ сказать и о слѣдующемъ обычѣ казаковъ: всѣ завоеванные, какой-бы вѣры они ни были, обязаны были принять православіе, а всѣ бѣглые никакъ право исповѣдывать ту вѣру, которую находили лучшимъ.

Депутаты же 1766 г., которых мы поименовали выше, получили такую обстоятельную инструкцію отъ войска (она есть въ войсковомъ архивѣ), что, ясно, не могли говорить ничего другого, кромѣ того, что имъ приказано, а имъ приказано было говорить то, что показывалъ атаманъ Рукавицниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, серьезно вдумываясь въ поставленный вопросъ, мы конечно должны остановиться на слѣдующемъ: какая была необходимость донцамъ бѣжать на Яикъ, когда въ то время на Дову жалось много лучше, чѣмъ на Яикъ? Донскіе казаки прекрасно „добывали себѣ зипуан“ не только на окраинахъ Россіи, за Кубанью, но и на Черномъ морѣ, безпрестанно разоряя турецкіе города по всему побережью моря, даже до самаго Царьграда. Всѣ цари, начиная съ Ивана IV Васильевича и почти до конца царствованія Петра I-го, должны были усиленно отписываться въ Константинополь, отказываясь отъ донцовъ, какъ отъ неподвластной Москвѣ вольницы и даже возвратити назадъ Азовъ,—эти ворота въ Черное море,—взятый донцами въ 1637 году. Все это дѣлалось, разумеется, изъ-за болзни разорвать дорогой миръ съ Турціей, въ то время, когда Москва не была еще „собрана“ какъ слѣдуетъ и что сдѣлано было только потому сильною рукою Петра Великаго*.

Къ всему сказанному В. П. Бородиницъ, я считаю должнымъ добавить слѣдующее:

Перепись полковника Захарова, сдѣланная въ Яицкомъ войскѣ въ 1728 году, даетъ намъ указаніе, что всѣхъ донцовъ пришло на Яикъ 44 человека; при этомъ видно и то обстоятельство, что направившійся изъ донцовъ пришелъ на Яикъ только въ 1617 году, т. е. въ 33 года позднеѣ 1584 года, т. е. того года, когда на Яикъ пришло 600 волжскихъ казаковъ.

Остальные же донскіе казаки пришли на Яикъ въ 1623 г. (два человека) и въ болѣе поздніе года, начиная съ 1633 года.

Если же мы справимся въ словарь Даля, то увидимъ, что самый первый выходецъ на Яикъ атаманъ *Василій Гуня былъ не донецъ, а житель сѣверной Руси—новгородецъ*¹⁾. И мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не донцы пополняли кадры волжской вольницы, а что бывшіе ушкуйники—волжскіе казаки—сами иногда уходили на Довъ и тѣмъ усиливали собою ряды донцовъ. Въ тѣ времена, когда появились первые казаки на Яикѣ, за все время царствованія Ивана Грознаго, среди донцовъ то и дѣло встрѣчаются атаманы и казаки, которые носятъ прозвища то „новгородецъ“, то „мещерякъ“ и т. д., о чемъ часто упоминается хотя бы у того-же Соловьева въ его „Исторіи Россіи“. Отсюда видно что Яицкое войско образовалось самостоятельно вначалѣ отъ волжскихъ казаковъ, а потомъ бѣглецами изъ сѣверной Руси. На Довъ же шли жители южныхъ областей, что будетъ вполнѣ ясно, если хотя бѣдо

¹⁾ В. И. Даль „Толковый словарь живого великорусскаго языка“ 1873 г. „Гуня, Гуниска жер. Новгородское, Уральско-казачье, тоже гнусарь, кто гнусить. За здоровье бабушки Гуняника!—примантеръ Урал. казаковъ“.

заглянуть на наши рѣчные системы, служившія тогда единственными путями сообщенія и расселенія жителей древней Руси.

Да какіе-же это были донцы—жители самой южной русской области, которые умѣли ходить на лыжахъ? Гдѣ вы найдете такого поселенна южныхъ областей, хотя-бы на томъ-же Дону или въ нынѣшнемъ Уральскомъ войскѣ, который ходилъ-бы, или умѣлъ ходить на лыжахъ? А вѣдь у Василія Гургія его молодцы умѣли ходить на лыжахъ! Неужели и это были донцы?

Различное происхожденіе донцовъ и уральцевъ рѣзко выразилось какъ въ характерахъ и типахъ этихъ двухъ различныхъ войскъ, такъ и въ бытовомъ и общинномъ строѣ ихъ, и главнымъ образомъ въ нарѣчіяхъ, въ говорѣ казаковъ. У донцовъ слышенъ южно-русскій говоръ, уральцы-же говорятъ сѣвернымъ нарѣчіемъ.

Чтобы увѣрить, что уральцы произошли отъ донцовъ, нужно доказать, что главное ядро яицкихъ казаковъ составляли донцы—и только при этомъ условіи можно было бы смѣло говорить, что уральцы произошли отъ донцевъ, а когда этого нѣтъ, когда историческія данныя, голые факты намъ говорятъ, что главную массу и почти единственную яицкихъ казаковъ составляла волжская вольница, комплектовавшаяся жителями сѣверныхъ русскихъ областей,—повторять это было-бы нелѣпностью. Можно только спрашивать, были ли въ Яицкомъ войскѣ хотя нѣсколько донцовъ, а не увѣрить, что уральцы произошли отъ донцовъ. Съ такимъ-же основаниемъ, конечно, можно увѣрять, что уральцы произошли отъ мещеряковъ или отъ корельцевъ, такъ какъ ихъ въ войскѣ было по одному человѣку. Что касается пути, по которому шла эти бѣглецы на Яикъ, то конечно было-бы смѣшно думать, что этотъ путь лежалъ черезъ Каспійское море и далѣе вверхъ по Яику. Между тѣмъ большинство писавшихъ объ Яицкомъ войскѣ рассказываютъ, что первые яицкіе казаки подвигались вверхъ по Яику и остановились въ первомъ поселеніи яицкихъ казаковъ, какъ мы теперь знаемъ—въ Голубомъ городкѣ или по преданіямъ въ Орѣшномъ или Коловертномъ.

Подобное предположеніе—пишетъ Вяч. Петр. Воровинъ въ своемъ трудѣ—болѣе чѣмъ неосновательно.

„Да и въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ—воровскіе казаки, чтобы достигнуть своего перваго поселенія на Яикѣ, Голубого городка, должны бы были спуститься внизъ по Волгѣ, проплыть мимо нѣсколькихъ городковъ, пробиться у Астрахани, пробѣжать моремъ до р. Яика, пробраться по Яику мимо Ногайской орды,—и плыть *вверхъ* по Яику *около 700 верстъ* это по тракту, а рѣкою, пожалуй, и около тысячи верстъ! Является прямой вопросъ: почему же они не остановились на какомъ-либо другомъ мѣстѣ, ближе къ устьямъ Яика, напр. въ *Бударинамъ*, известномъ въ древности своими лѣсами и другими угодыями, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, такъ какъ весь берега Яика были тогда покрыты лѣсомъ, о чемъ сообщаетъ намъ известный путе-

шественникъ Палласъ. Затѣмъ, почему Орѣшное или Голубое городище могло прельстять ихъ? На сколько извѣстно, ни то, ни другое мѣсто не отличались какими-либо преимущественными удобствами. Не проще-ли и не ближе-ли къ истинѣ будетъ постановка вопроса совершенно иначе, согласно прихвѣривъ исторіи древней Руси.

Извѣстный историкъ Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи говоритъ, что русскій народъ, въ своихъ переселеніяхъ, особенно цѣнялъ рѣчной путь, обязательно пользуясь волоками и разселялся по какой-либо большой рѣкѣ почти всегда *вниз по теченію*. Сѣверная Двина и Волга — живые этому прихвѣры. Если мы остановимся на этомъ положеніи, то заселеніе Яика окажется очень простымъ. Казаки шли съ Волги въ р. Самару, оттуда спускались по р. Камышъ-Самарѣ, въ р. Яикъ, около нынѣшней Татищевой станицы¹⁾. Волокъ въ 3—4 версты — разстояніе ничтожное, тѣмъ болѣе, что у насъ есть прихвѣры болѣе широкихъ волоковъ, которыми пользовалась Русь, — перевозакивались, наприм., изъ Волги въ Донъ, у Добувки, или извѣстнаго въ древности Волока Ламскаго, изъ-за котораго были даже распри между удѣльными князьями.

Далѣе все становится просто: первое, ближайшее къ устью р. Камышъ-Самары, мѣсто, которое полюбилось „воровскимъ казакамъ“, было *Голубое Городище*, гдѣ они остановились, окопались и даже сдѣлали на нѣкоторомъ разстояніи отъ городка сторожевую башню. Всего же вѣрнѣе, они встрѣтили тутъ или покинутыя жилища и окопы, а можетъ быть даже и жителей.

Основавшіеся на Яикѣ, будущіе яицкіе казаки, подобно разселенію хотя бы новгородцевъ, начали спускаться *вниз по теченію* рѣки и послѣдовательно одно за другимъ основывали временныя поселенія, т. е. ярали ту нитку, по которой потомъ новыя недовольныя и ищущіе вольности и простора добирались до самаго влубка, состоявшаго изъ тѣхъ смѣльчаковъ, которые, въ силу привычки, не могли вить постоянное гнѣздо, а продолжали движеніе впередъ до тѣхъ поръ, когда, можетъ быть, встрѣтились съ другой такой-же группой смѣльчаковъ, громившихъ „погань некрещеную“ около устьевъ Урала у Сарайчика²⁾.

О нравахъ первыхъ яицкихъ казаковъ мы имѣемъ весьма смутныя представленія. Это была буйная вольница, не признававшая надъ собою ничьей власти, можетъ быть, даже вначалѣ и не признававшая семью, но современнѣе, уже

¹⁾ Прежде берега Камыша-Самары и притока ея Грязнушки были покрыты сплошнымъ лѣсомъ; не смотря на то, что теперь лѣсовъ по берегамъ ихъ уже нѣтъ, рѣчки эти теперь все-таки на столько глубоки, что по нимъ возможно плыть въ лодкахъ, ибо въ настоящее время глубина названныхъ рѣкъ (въ вершинахъ) отъ 1 до 3 аршинъ, а ширина до 3-хъ сажень. По берегамъ Грязнушки до сихъ поръ сохранились признаки стариннаго жилья, повидимому развалины землянокъ.

В. Бородинъ.

²⁾ Что казаки дѣйствительно постепенно заселяли Яикъ внизъ по теченію, видно будетъ изъ слѣдующихъ главъ.

А. Б. Карповъ.

приблизительно въ 1615—20 году, при переселеніи казаковъ изъ Кирсанова яра въ впадину Уральскъ, видно, что у казаковъ были семьи, о чѣхъ имѣются данныя. Люди съ жѣлзною волей, съ сильными характерами, люди, не признававшіе надъ собою никого, кромя своей личной воли, и дорожившіе этой волей болѣе всего на свѣтѣ, каковы были первые яцкіе казаки, сплотившись въ общину, нуждались и въ твердой власти, которая могла бы управлять ими, и эта власть и сама община выработали для этого свои суровые и жестокіе законы. За побѣгъ со службы, за воровство, убійство—казнили смертію; за буйство, драки „били нещадно рычажемъ“ или виновнаго били „на шары на палы“, т. е. раскладывали на цѣпки и „били нещадно.“ Отголосокъ этого наказанія до сихъ поръ еще существуетъ на Уралѣ въ дѣтскихъ играхъ: до сихъ поръ казачата раскладываютъ виновнаго „на шары на палы“¹⁾. Смертную казнь производили или сажаніемъ „въ куль да въ воду“, или виновнаго пристрѣлывали изъ ружья. Приговореннаго къ казанию посадили въ воду, если эта казнь совершалась лѣтомъ, вляли въ мѣшокъ мѣсть съ камнями и бросали въ воду, или, привязавъ камень на шею, стлкивали его въ воду съ высокаго яра; если же это происходило зимою, то осужденнаго стлкивали въ прорубь и толкали подъ ледъ, а если онъ хотѣлъ еще взглянуть на божій свѣтъ, то били его дубиной по головѣ²⁾.

Принесъ съ собою изъ древней Руси древне-русскіе обычаи, казаки принесли на Яикъ и *впчсой колоколъ и впчсой кругъ*. Всѣ дѣла рѣшались *кружомъ*, на который они собирались по зову колокола или по словесному распоряженію своихъ начальниковъ. Въ кругу участвовалъ всякій казакъ и имѣлъ право высказывать все, что онъ думалъ и что по его мнѣнію было необходимо. Власть надъ войскомъ сосредоточивалась въ рукахъ *атамана*, избраннаго казаками изъ своей среды въ кругу всѣмъ войскомъ вольными голосами. Въ помощь къ атаману выбирался *есаулъ* (ясаулъ) олявъ или два, смотря по количеству казаковъ. Власть атамана у первыхъ казаковъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, была почти неограниченная: такъ по преданію атаманъ Нечай повѣсилъ дѣдка только за то, что тотъ предсказывалъ неудачный походъ въ Хиву. Атаманы сѣбялись и назначались, когда того хотѣли сами казаки. Съ первыхъ-же временъ существованія казачества на Яикѣ видно раздѣленіе ихъ на *десятки* со своимъ выборнымъ *десятникомъ*. *Ни сотниковъ, ни хорунжихъ* у яцкихъ казаковъ тогда не было вплоть до Петра I, и лишь послѣ перелиса Захарова въ грамотахъ встрѣчаются хорунжіе, а сама перелиса, раздѣливъ казаковъ на *сотни*, дала мѣсто новой должности *сот-*

¹⁾ Если, напр., казаченокъ дѣлаетъ въ игрѣ какую-нибудь фальшь или въ "среднихъ" игрѣ заика-привираетъ, броситъ игру и тѣмъ расстроитъ весь ходъ игры, тогда участники, чтобы отучить товарища отъ капризныхъ недобныхъ роде, кричатъ: „на шары на палы“, и если угрозы эта не подѣлствуетъ, то хватаютъ его за руки и за ноги и опускаютъ на рядъ разложенныхъ по землѣ палокъ и какъ вдекъ по спалкѣ катютъ виновника по палкамъ. Поистинѣ, при такомъ наказаніи важна не физическая боль, а нравственная. (Желѣзнова „Уральцы“, томъ III, стр. 62—66, „Кавказъ Терскій“).

²⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“ 1877 г. № 18.

никовъ. Для походовъ, набѣговъ и для службъ московск. правительству, казаки наряжали отъ себя *станицы*, во главѣ которыхъ стояли выбранные вольными голосами *походные атаманъ*, къ нимъ выбирались помощники: — *походные есаулы (ясаулы)* и *знаменщики*. Количество есауловъ и знаменщиковъ вполнѣ зависѣло отъ числа казаковъ, находящихся въ станицѣ; такъ напр., при нарядѣ казаковъ въ 1682 г. во второй Чигиринскій походъ было 200 человекъ при одномъ походномъ атаманѣ, есауловъ 2, знаменщиковъ 2; въ 1701 г. при нарядѣ 600 чел. въ Шведскій (Свѣтскій) походъ при одномъ походномъ атаманѣ было есауловъ 4, знаменщиковъ тоже 4 ¹⁾.

Есаулы, или ясаулы, какъ они назывались въ грамотахъ того времени, и знаменщики были лица начальствующіе, что видно изъ того, что когда у казаковъ выработалась наемка, т. е. дача денежной подмоги „на подъемъ“ выходившимъ на службу казакамъ, то подмога платилась есауламъ и знаменщикамъ почти одинаковая; такъ, во 2-й Чигиринскій походъ (въ 1682 г.) „подмоги даво атаману 25 р., двумъ есауламъ по 22 р., двумъ знаменщикамъ по 21 р., рядовымъ по 18 р.“ ²⁾.

Уѣзжая на промыселъ или рыбную ловлю, казаки для охраны своего городка, своихъ куреней и имущества оставляли своихъ товарищей, на обязанности которыхъ лежало охранять городокъ отъ татаръ. Это послужило началомъ такъ называемой „домосѣдной команды“ или „домосѣдцевъ“, просуществовавшей вплоть до начала 1800-хъ годовъ. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ историческихъ актовъ, имѣющихся въ Войсковомъ архивѣ, домосѣдцы были люди пожилые, въ большинствѣ старяки или малолѣтки, остававшіеся въ городкѣ по своему желанію и за извѣстную плату, „наслику“, дававшуюся имъ остальными казаками, уѣзжавшими на промыселъ или на рыбную ловлю.

Въ самомъ началѣ образованія войска эту команду, вѣроятно, составляли семейные казаки и старики, имѣвшіе склонность къ осѣдлой жизни, и вѣроятно также получали наемку или же часть изъ рыбныхъ промысловъ или добычи.

Не имѣя возможности заниматься земледѣліемъ и не имѣя хлѣба, казаки вынуждены были силою необходимости покупать или мѣнять его на рыбу или добычу въ ириволжскихъ городкахъ: Самарѣ, Саратовѣ, Сызрани и другихъ, построенныхъ уже въ концѣ 1580 годовъ, куда отправлялись большими станицами, вносилдствіемъ даже съ пушками, гдѣ и запасались хлѣбомъ на всю зиму, а можетъ быть и на круглый годъ. Этотъ хлѣбъ и другіе нужные для нихъ товары они безусловно везли на лодкахъ по извѣстному уже пути черезъ перевозку на рѣкѣ Самарѣ, т. е. едва ли можно допустить существованіе у древнихъ яицкихъ казаковъ какого-либо другого способа перевозки

¹⁾ Челобитная яицкихъ атаманъ Иванъ Иванова и 2600 чел. рядовыхъ 1720 г. 12 окт. Матер. ист. войска, Ур. войск. арх.

²⁾ Тамъ-же.

тяжестей, кромѣ какъ на лодкахъ и на вьючныхъ лошадяхъ, т. е., не занимаясь хозяйствомъ, они не имѣли и телѣгъ.

Рыболовство у первыхъ казаковъ едва ли составляло предметъ промысла; оно было развито на столько, на сколько требовали того обстоятельства дѣла—необходимость имѣть продовольствіе, чтобы имѣть запасы ея для себя и для обитва на хлѣбъ въ приволжскихъ городахъ.

Эти рыболовства, въ началѣ не имѣвшія характера промышленности, вѣроятно были въ самомъ зачаточномъ состояніи. Вагренье производилось гдѣ-либо вблизи городка, а также весенняя и осенняя плавня, если она тогда производилась. На эти рыболовства казаки вынуждены были выѣзжать въ полномъ вооруженіи и всѣмъ войскомъ, такъ какъ иначе рисковали быть захваченными и разбитыми тогда еще все же сильными для казаковъ ногами. Такимъ образомъ составились *базреное* и *плавенное войско* со своими *атаманами*.

Объ рыбной ловлѣ на Яикѣ въ прежнее время, когда рыболовство съ развитіемъ на Яикѣ гражданственности превратилось въ одну изъ главныхъ отраслей народнаго хозяйства, а также о костюмахъ, нравахъ и обычаяхъ мы скажемъ въ соответствующемъ мѣстѣ при описаніи перенесенія казаками своего городка на устье рѣки Чагана, когда уже община казаковъ принимаетъ опредѣленную извѣстную форму и среди нихъ является склонность къ гражданственности и семейной жизни.

Одежда казаковъ того времени едва ли отличалась чѣмъ-либо отъ одежды московскихъ поселенцевъ. Только съ развитіемъ казацкой общины, она постепенно видоизмѣняется и переходитъ въ выработанный босвымъ опытомъ казацкій бешметъ и въ кафтанъ съ откидными рукавами, какъ у московскаго опашеня или однорядки. Только старая московская стрѣлцкая шапка съ мѣловой опушкой и высокими козусообразными цвѣтными верхомъ—тумакомъ сохранилась у казаковъ на Яикѣ вплоть до начала 1800-хъ годовъ, какъ типичная принадлежность костюма уральскихъ казаковъ.

Первые казаки на Яикѣ были люди воинственные. Они проводили жизнь въ походахъ и на войнѣ, и ихъ мысли были далеки отъ семейнаго очага. Зимую на Яикѣ и занимаясь въ это время охотою или рыбною ловлею, она раннею весною отправлялись „на промыселъ“ или, какъ называлось это у довцовъ, „добывать зипуны“. Раздолье было на матушкѣ Волгѣ, еще раздольнѣе было тогда на синемъ морѣ Хвалынскомъ... И повсюду гладкія воды и Волги и моря бороздили тогда легкіе „струги разсварженныя“—воровскіе кораблики.

Собирались удалые добры молодцы на излюбленныхъ ими островахъ вблизи устья Яика на Пешномъ и Камыниномъ и разбирали тамъ „бусы корабли“ купеческіе и русскіе и басурманскіе... все гаушались они иногда помѣриться силою и съ бусами государевыми, „сизими орлами клейменными“. И два-

или добры молодцы свою добычу. Не было купцовъ на морѣ — ѣхали тогда удалыцы далеко въ синее море и грабили персидскіе берега.

Приходила осень, казаки возвращались на Яикъ въ свой Голубой городокъ, гдѣ и зимовали. Но, видимо, нѣкоторые зимовали и въ другихъ мѣстахъ по Яику, т. е. въ историческихъ актахъ того времени видно, что у казаковъ на Яикѣ было нѣсколько городковъ, вѣрнѣе зимовокъ.

Сообразно съ этимъ казаки, отдѣлявшіеся для зимовки въ другое мѣсто отъ Голубого городка, имѣли у себя своего особаго атамана, что видно изъ другихъ актовъ. Такъ въ 1586 г. у казаковъ на Яикѣ было одновременно нѣсколько атамановъ, вѣроятно, каждый изъ нихъ со своими казаками имѣлъ особое мѣстопребываніе на Яикѣ.

О нравахъ того времени и объ удалой казачьей жизни сохранилось до насъ преданіе, записанное І. И. Желѣзновымъ въ разсказѣ: „Казакъ Терскій“¹⁾.

Вотъ что записалъ І. И. Желѣзновъ о казакѣ Терскомъ:

„Кажись, чего бы лучше казакъ съ Терена. По всѣмъ правамъ долженъ бы быть молодчина. Авъ вѣтъ. Такой вышелъ, съ позволенія сказать, уродина, такой лѣнтай, изъ рукъ вонъ. Ничего-то онъ, бывало, не сдѣлаетъ, все-то у него изъ рукъ валится. Въ примѣру: пойдутъ казаки-десятники въ луга сѣно косить, — всѣ работаютъ какъ слѣдуетъ, а Терскій только и знаетъ, что косу точить да пробиваетъ; въ цѣлый день больше двухъ-трехъ прокосовъ не пройдетъ. Пойдутъ десятники рыбачить, закинутъ неводъ, всѣ тянутъ, всѣ работаютъ до пота лица, только Терскій ни за что не принимается, — возьметъ въ руки багоръ и ждетъ, когда подтянутъ неводъ, чтобы забagrить готовую рыбу. Соберутся десятники на кошъ, станутъ обѣдъ или ужинъ варить, — всѣ что-нибудь дѣлаютъ, только Терскій ни за что не принимается: ни дровъ онъ не наберетъ, ни воды не принесетъ, ни рыбы не почиститъ. Словомъ, такой былъ увалень этотъ Терскій казакъ, хоть брось. На два дѣла былъ только гораздъ: поспать да пожрать. Супротивъ этой статьи не было Терскому ни спорщика, ни поборщика. На счетъ ѣды одинъ за десятерыхъ уписывалъ, а на счетъ спанья — словно богатырь послѣ боя по цѣлымъ суткамъ головы не поднималъ, развѣ только для ѣды. Сварятъ казаки обѣдъ, собираютъ чашки, ложки, присажутся чиннымъ манеромъ сѣсть за столъ; глядь, а Терскій ужъ у котла, лѣзетъ съ ковшомъ, схватитъ самый лучший кусокъ и сожретъ. Когда, бывало, варятъ рыбу, казаки сначала щербу хлебаютъ, а Терскій сѣю-жъ мянуту „присоснится“ къ рыбнымъ варкамъ, всѣ понтыскается изъ котла и сожретъ — любитъ, значить. И сѣихъ, и грѣихъ. Отъ этого самого казаки и сложили про него поговорку: „кто за что, а Терскій за варочки“. Казаки посмѣиваются надъ нимъ, а онъ и въ

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова „Уральскіе“, т. 3-й стр. 62—66. „Казакъ Терскій“ разсказъ казака Афанасія Дмитріевича Версукова.

усть не дуетъ, только ухмыляется. Отъ жранья да отъ славья Терскій разбухъ, словно тюлень.

Такимъ образомъ прожилъ Терскій сколько-то времени, десятники особенно не нудили его, а только подтрунивали. На послѣдокъ попалъ Терскій въ другой десятокъ. Новые товарищи пристривали его, говорятъ: „Ты что за атаманъ такой! Коли хочешь сладко ѣсть, работай, а мы тебѣ не халуя“. Терскій и тутъ вздумалъ было алырничать, да не на таковскихъ попалъ. Новые десятники разъ сказали, два сказали, въ третій ужъ не говорили, а пошли къ атаману и пожаловались.

Атаманъ собралъ кругъ, и въ кругу присудили дать Терскому науку, а если наука не пойдетъ въ прокъ, то выключить его, какъ ледащаго, изъ казачьяго званія и прогнать съ Яика на всѣ четыре стороны. За наукой дѣло не стало — тутъ же въ кругу, при всемъ честномъ народѣ разложили Терскаго на шары-ва-пады и откатали голубчика.

Чтожъ изъ этого вышло? А то, что Терскій словно переродился, — золото, а не казакъ сталъ. Еще десятники, бывало, спятъ, а онъ поднимется на свѣтъ, ни зари и примется хозяйничать: и воды принесетъ, и дровъ наберетъ, и кашу сваритъ: словомъ, работаетъ за десятерыхъ, а самъ веселъ, доволенъ, дѣлаетъ все впоодпрыжку, да казакамъ спасибо сказывалъ, что уму-разуму научили. Справедливо, значитъ, сказано, что „битый двухъ небитыхъ стоитъ“.

Прошло сколько-то времени, Терскаго сдѣлали десятникомъ. Пошелъ въ гору нашъ Терскій. Разъ въ одной стнчкѣ съ ордой Терскій показалъ большую храбрость и расторопность, и общество сдѣлало Терскаго старшиной. Вотъ какъ! Прошло еще сколько-то времени, умеръ главный атаманъ. Казакъ, не долго думалъ, въ Терскому: „Опрічь тебя никто-де иной не достоинъ быть атаманомъ. Вери въ свои руки атаманскій посохъ и запровай нашими дѣлами“. — Вотъ какъ, — замѣтилъ рассказчикъ, — Терскаго въ атаманъ! А все шары-да-пады. Справедливо видно, сказано: „не уча, въ пошы не становять“.

Терскій отъ атаманства отказывается, говоритъ, что атаманомъ быть недостойнъ.

— Сами знаете, казакъ я причинный, то-ись штрафованный, — пояснилъ рассказчикъ.

— Чѣмъ же причинный? спрашиваютъ казаки.

— Какъ чѣмъ? — говоритъ Терскій. — Развѣ забыли, какъ вы меня на шарахъ-ва-падахъ валяли?

— Эта причина не въ причину. Это наука — ничего больше. Если-бы наказали тебя за воровство или за другое какое преступленіе противъ общества, то дѣло иное, тогда бъ и сами мы тебя атаманомъ не сдѣлали.

Дѣло происходило, какъ слѣдуетъ въ кругу, при собраніи всѣхъ казаковъ. Терскій отговаривается: я-де молодъ, есть постарше меня. Но ему возражаютъ, что въ такихъ дѣлахъ вужень не старій, а бывалый. Терскій проситъ дать ему три дня на размышленіе. Казаки не соглашаются, прямо требуютъ, чтобы онъ сейчасъ-же взялъ въ руки атаманскій посохъ и дѣло съ концомъ.

— Полно, товарищъ, очураться, сказалъ кто-то изъ казаковъ: тебѣ-же хуже будетъ. Смотри, говорятъ проказникъ смѣхомъ, опять взваливъ на шары-на-палы.

Весь кругъ отъ этихъ словъ разсѣялся. Улыбнулся и Терскій.

— Ну, быть по вашему, — промолвилъ онъ. — Только вотъ что, товарищи: дайте мнѣ ваши руны, т. е. подписку, — помнилъ рассказчикъ.

— Въ какой силѣ? — сараниваютъ казаки.

— Чтобы вы во всемъ меня слушались, — говоритъ Терскій.

— Да какъ же мы не будемъ тебя слушаться, — говорятъ казаки, а ты ты и атаманъ.

— Однако, — говоритъ Терскій, отобравши отъ васъ руки, я буду спокоенъ. Казаки согласились, и сталъ Терскій атаманствовать отличнѣмъ манеромъ, словно ридился атаманомъ.

Перезимовали. На весну казаки собираются въ море на промыселъ.

Ты не подумай рыбу ловить, — замѣтилъ казакъ и улыбнулся. — Терскій не соглашается, говоритъ, что годъ высокосный, что Кассіанъ-Римлянъ обидится, и отъ того удачи не будетъ, что если разъ потерпять они неудачу, то всегда фортуна служить не будетъ.

— Если нынче пойдемъ на промыселъ, — говоритъ Терскій, то никогда не будемъ ходить; а если нынче не пойдемъ, то вѣчно будемъ ходить.

Но казаки резонамъ атамана не вникали, требовали похода. Терскій согласился на „за рушныи“ листъ. Но казаки пуще прежняго уперлись. — „Вишь гусь лапчатый“, — говорятъ казаки про Терскаго. „Вонъ онъ зачѣмъ требовалъ отъ насъ руки, чтобы совсѣмъ волю съ насъ снять! Дудки! чтобы тамъ ни случилось, а пойдемъ въ походъ; на зло атаману пойдемъ, чтобы впредь не было атаманамъ повадки распоряжаться нами по своей волѣ“.

Въ тотъ же день собрались казаки въ кругъ и выбрали новаго атамана. „За рушныи листъ“, значить, потерялъ свою силу.

Новый атаманъ изъ воли казаковъ не вышелъ, повелъ ихъ въ море и попалъ, словно куръ во-щи. Гдѣ-то на персидскомъ берегу попали казаки въ засаду и половины не досчитались, а добычи получили брусъ съ оселкомъ. Послѣ того, собравшись съ силами, пошли казаки сухонутьежъ въ орду, кажется, подъ Хиву. Та же исторія: — казаковъ пощипали и прогнали. Словомъ, куда послѣ того казаки ни пойдутъ, вездѣ уронъ повесутъ. Сбылось, значить, предсказаніе Терскаго, — фортуна отказалась служить.

Казаки дулись-дулись, да и перевернулись: рѣшались идти въ Москву просить подданства. Подданство-то выпросили, а фортуна все-таки не воротилась, — повинила она казаковъ на вѣки-вѣчные“.

Борьба яицких казановъ съ татарами и первыя ихъ службы 1586, 1591 и 1594 годовъ.

Изъ холоства, изъ неволи
Выйдець доблестный чужакъ—
И поскочетъ въ чисто поле
Русскій рыцарь—мой казакъ.
Отъ сѣйскаго боярства
Убѣжитъ онъ въ курени,
На украйинахъ государства
Разведеть свои огни.
Онъ, просѣяный сквозь сито,
Прокаленный на огнѣ,
Выйдець смѣло и открыто,
Выйдець съ шакой на кофѣ.
Онъ что встрѣтитъ—выпрокинетъ,
Какъ шаторный злой потокъ;
Царство русское раздвинетъ
И на югъ и на востокъ.

Н. Ф. Самойловъ.

Настала весна 1586 г. Разбилъ свои ледяныя оковы Янкъ Горшковичъ, закрился, заблестѣли его воды и быстрой струею повеселись онѣ въ сѣнему морю Хвалыискому. Облѣзають онѣ островъ Кошъ-Янкъ и отражаютъ въ своей зеркальной глади высокія и крѣпкія стѣны казачьяго Голубого городка.

Выснопали изъ куреней „казаки—лицари“, кто стоятъ на берегу Яиска, кто на крѣпкомъ валу. Либуются они зеленою степью, радуются красному дню, яркому солнцу. Смотрятъ они на матушку широкую степь, какъ распахнулась она своей безграничною гладью далеко по всѣмъ сторонамъ и манить-зоветъ ихъ къ себѣ на просторъ.

Тянетъ она „удалыхъ добрыхъ молодець“ на „волю-вольную“ подальше отъ душившихъ куреней, на свою зеленую гладь потѣшать удалъ молодецкую. Уже влякнулъ влечь лихою атаманъ Матюшка, вызываетъ онъ охотниковъ погромить соседніе татарскіе улусы. Много въ нахъ добра и шелка и золота, много въ улусахъ червокиихъ красавицъ.

И суетятся у берега „яцкіе орляки“, чинятъ они легкіе стружки, быстроходныя бударки, собираются молодець на промыселъ.

Приготовлены пещали и турки ¹⁾ и тяжелые кистени богатырскіе. Заострены кремни у курковъ, звенятъ кровавыя сабли, блещутъ острыя конья.

Но вотъ садится ясное солнце за синюю далью, повѣло вечернею прокла-

¹⁾ Тяжелыя турецкія ружья, имѣвшія внутри ствола нарѣзы, въ отличіе отъ пищалей, которыя были гладкоствольныя.

дой, застучали весла, гребутъ молодцы внизъ по Янку. Едва слышны такіе удары весла, сдержанный шепотъ.

Прошла холодная ночь, чуть чуть забрешило на востокъ, вспыхнула алая зорька.

— Тававъ ¹⁾, молодцы,—шепчутъ есаулы. Передается этотъ шепотъ изъ стружка въ стружокъ, изъ лодки въ лодку.

Осторожно причалены къ берегу лоды, осмотрѣны кремни у щипалей приготовлены кистени и сабли. Собрались толпой казаки вблизи атамана на берегу Янка.

— Пора, атаманы-молодцы! Съ Богомъ! Двинулись удалъцы. Тихо, безшумно влутъ они по гладкой стени.

Но вотъ зазаялъ чуткій татарскій песъ. Подхватили его лай пси изъ сосѣднихъ кибитокъ. Еще минута—двѣ и засуетились сторожевые татары, засвистѣла стрѣла!

— Урусъ! урусъ!! разносится крикъ по кибиткамъ.

— На словъ, атаманы молодцы!! кричить атаманъ.

— На словъ! закричали въ рядахъ. И огласилась тихая степь громкими боевыми кликами удалъцовъ казаковъ, и ринулись они на сонные улусы.

Разбудили эти крики полусонныхъ татаръ. Выбѣгаютъ они изъ кибитокъ, засвистѣли татарскія стрѣлы, и закипѣлъ бой.

Крѣпко бьются татары, но страшна сила казацкая, тяжело бьютъ богатырскіе кистени, намертво рубятъ острыя сабли. Уже загорѣлся ясный день, взошло веселее яркое солнце. Разбиты татары, ускакали на быстрыхъ коняхъ оставшіеся въ живыхъ. Плачутъ пльняныя татарки, лежатъ убитые ихъ мужья и братья, а вокругъ стоятъ бородатые лхѣе казаки, загоняютъ они разбѣжавшійся скотъ, ловятъ лошадей, собираютъ по кибиткамъ добро, снимаютъ кровавые доспѣхи съ убитыхъ татаръ.

Выше поднимается яркое солнце, льетъ оно свои золотые лучи на зеленый цвѣтушій коверъ гладкой, какъ скатерть, стени. Уложена богатая добыча на лодке, взяты красавицы, сидятъ онѣ среди молодцовъ на ладьяхъ, испуганно озираясь кругомъ. Вмѣстѣ съ ними на стругѣ сидятъ дочь князя Измаана, сестра ногайскаго князя Уруса. Но вотъ подняли удалъцы паруса, застучали весла, и поплыли они на быстрыхъ стругахъ въ Голубой городокъ, а рядомъ по берегу, гарцуя на татарскихъ лошадяхъ, ведутъ ихъ товарищи отбитые табуны скота.

Встрѣчаютъ молодецъ оставшіеся казаки въ городкѣ. Любо имъ глядѣть, какъ плывутъ ихъ товарищи съ громкими пѣснями, какъ разсѣкаютъ легкіе струги зеркальныя воды Янка.

Сложена добыча, сидятъ робкою толпою испуганныя и блѣдныя татарки, приведенъ скотъ.

¹⁾ Таваантъ—гребти обратно, задерживать ходъ лодки.

Мечутъ молодцы жеребій — дуванать добычу.

А добычи не мало... „Взяли казаки въ полонъ у ногайскихъ людей женъ триста душъ, и взяли ховаяна жену, сестру Уруса, въ полонъ, да всего взяли казаки у ногаевъ съ три тысячи животныхъ (животныхъ) да пятнадцать панцирей“¹⁾.

Раздуванена добыча. Покрыла ночь темнотъ пологомъ казацкій городокъ. Несутся надъ Яикомъ разгульныя пѣсни, звенятъ бубны и гусли, слышны живьлыми рѣчи...

А въ татарскихъ улусахъ идетъ суета; скачутъ отъ улуса къ улусу, отъ одного мирзы къ другому гонцы. Летятъ гонцы къ князю Урусу, везутъ они съ собою недобрую вѣсть о набѣгъ казаковъ.

Разсердился князь Урусъ и велѣлъ задержать только что отпущеннаго было въ Москву русскаго посла Ивана Хлопова, прѣхавшаго къ Урусу, чтобы взять съ него „шертъ“, т. е. присягу на вѣрность новому царю Ѳеодору Иоанновичу.

Заарестовавъ посла, Урусъ немедленно приказалъ мирзѣ Сеидъ-Ахмету итти на казаковъ и прогнать ихъ съ Яика. Сеидъ-Ахметъ, получивъ это приказаніе, въ свою очередь задержалъ бывшаго при немъ посла боярскаго сына Разгильдѣя Любочиненова, прѣхавшаго къ нему съ тѣми-же порученіемъ, что и Хлоповъ къ Урусу. Собралъ свои силы, Сеидъ-Ахметъ обложилъ Голубой городокъ и восемь дней держалъ казаковъ въ осадѣ.

Вотъ что писалъ объ этомъ въ Москву Любочиненовъ²⁾.

„Казаки лошадей и людей и Измаилову княжю дочь въ полонъ взяли... воевали казаки ногайскіе улусы и Урусъ князь прислалъ къ Сеидъ-Ахмету мирзѣ челоуѣка своего и велѣлъ ему итти со всѣми его братьями и дѣтьми и племянники и со всѣми улусными людьми на казаки на Кошъ Яикъ, а я де Урусъ-князь со всѣми людьми пойду на Кошъ-же на Яикъ, а станемъ де вмѣстѣ промышлять надъ казакани и будетъ возьмемъ казаковъ и мы де государевыхъ послзовъ къ Москвѣ отпустимъ, а будетъ де казаковъ не возьмемъ и мы де ихъ съ людьми распродадимъ. И Сеидъ-Ахметъ пришелъ со своею братію и дѣтьми и со всѣми людьми на Яикъ и къ казакамъ приступалъ восемь дней и казаки у Сеидъ-Ахмета мирзы, да у Канъ-мирзы многихъ людей побили и на Яикѣ Сеидъ-Ахметъ мирза Уруса князя не дождался, прочь пошелъ“...

Не во время-ли этой осады казаки стрѣляли изъ деревянной пушки въ осаждающихъ татаръ костями и сами отъ голода бѣли подошвы и кожи?

Казацкія преданія, за весьма малымъ исключеніемъ, какъ увидимъ далѣе, подтверждаются историческими данными. Нѣтъ основанія не согласовать и

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Ногайска дѣла 1586 г. Показаніе бѣжавшихъ отъ князя Уруса, служивыхъ юртовскихъ татаръ Баклея и Казымайдана астраханскому воеводѣ Лебавому-Ростовскому, 25 августа 1586 г.

²⁾ Ногайска дѣла 1586 г. № 5.

ниѣющееся у насъ преданіе объ осадѣ казаковъ въ городкѣ съ этимъ историческимъ документомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще не найдено другихъ данныхъ объ этой осадѣ.

Не будучи въ состояніи прогнать казаковъ, татары отошли отъ Яика ближе къ Волгѣ. Казаки же, почувствовавъ свою силу, стали дѣлать одинъ набѣгъ за другимъ.

Вмѣстѣ съ этимъ князь Урусъ не отпуская посла Ивана Хлопова; взятые въ плѣнъ у Голубого городка 3 казака были доставлены къ Урусу и при допросѣ показали ему, „что городъ вѣрно взятъ и взяты имъ, ногаимъ, города нельзя“ и „что они люди царскіе“. Озлобленный за Москву Урусъ все время возилъ съ собою Хлопова и лишь поздно осенью рѣшилъ отпустить его въ Москву и, призвавъ его къ себѣ въ послѣдній разъ, выговаривалъ ему:

„Только де язь, помня отца своего да стараго великаго князя, что отецъ мой ему другъ былъ и шерть давалъ, язь тебя отпущу, а не для ниѣшняго великаго князя. А на казаковъ язь иду, авъ и што вадъ ими сдѣлаю, то сами увидите. И только твой государь не похочеть со мною въ иру быти и казаковъ съ Яика и Волги не стонитъ и я съ ними стану воеватца и сложуся съ крымскимъ за одинъ“¹⁾.

Ограбивъ посла до нага: „животишко и рухлядь все поймалъ—жаловался Хлоповъ,—взялъ двухъ коней, oprичъ рухляди всякой, кожъ и платъ“²⁾, Урусъ отпустилъ его въ Москву.

Обобравъ такимъ образомъ посла и отпустивъ его, Урусъ пишетъ новому царю Фѣдору Иоанновичу³⁾:

„Многата крестьянства государю, царю и великому князю Фѣдору Ивановичу всея Руси Урусъ князь много челомъ бьетъ. Отецъ твой, бѣлый царь, съ моимъ отцомъ, Исмаиломъ княземъ, въ дружбѣ былъ и въ любви, а какъ отца моего Исмаила князя не стало, и язь отъ отца твоего, бѣлаго царя, не отсталъ. А ты, какъ не стало отца твоего, тотчасъ же отъ меня отсталъ. А лѣтось послалъ ты ко мнѣ посла своего Ивана Хлопова и посолъ твой Иванъ зазимовалъ въ Астрахани и пришелъ ко мнѣ по веснѣ. А язь передъ Ивановомъ тебѣ роту и шерть учинилъ на томъ, что мнѣ отъ тебя до своей смерти не отстала. И хотѣлъ еси послати къ тебѣ посла своего съ твоимъ посломъ вмѣстѣ, но въ тѣ поры прѣехалъ отъ тебя толмачъ Бахтіаръ съ досадными словами. Такихъ словъ отъ отца твоего, бѣлаго царя, отецъ мой Исмаилъ не слышалъ. А приказалъ еси съ нимъ, что ты на четырехъ мѣстахъ хочешь города ставить: на Уфѣ, да на Увекѣ, да на Самарѣ, да на Бѣлой воложкѣ. А тѣми мѣстами твои дѣды и отцы владѣли ли? Да писалъ еси ко мнѣ, вѣкторые мурзы съ Саадемъ Киреемъ царемъ кочуютъ, и мнѣ

¹⁾ Ногайскія дѣла 1586 г.

²⁾ Моск. Арх. Минист. Иностр. дѣлъ. Дѣло 1586 г. № 8. Отправленіе посла Ивана Хлопова къ ногайскому князю Урусу къ Сентъ-Ахметъ мурѣ и въ прочимъ мурзамъ для приведенія ихъ къ присягѣ въ вѣрности Россійскому Государю Фѣдору Иоанновичу, страница 8 я.

бы тѣхъ мурзъ жаловати и чтати и бити съ ними въ соединенье, а Козинева улуса мурзы не други я твои, и мон. И ты недруги свои другомъ себѣ чинишь.

То если недоброе и съ тѣми своими досадными словами хотѣлъ еси послати къ тебѣ съ посломъ твоимъ съ Иваномъ посла своего, ажъ тѣ поры, *пришедъ на Яикъ казаковъ оз 600—700 человекъ, поставили городъ большой.* И съ того города намъ много лиха починили, и Иванъ Хлоповъ то видѣлъ. А которые русаки намъ въ руки попадались и ови сказывали: мы де дѣлаемъ по государя нашего приказу, и городъ де поставили на Яикѣ и воюемъ по государеву велѣнью. Зачѣмъ такъ надо мною дѣлаешь? Отецъ твой такъ надо мною не дѣлалъ. И мы, видѣвъ твою такую недружбу, чаяли тебѣ недругомъ и задержали твоего посла Ивана Хлопова“.

Пока Урусъ держалъ Ивана Хлопова, въ это время другіе ногайскіе владѣтели—мурзы, принявъ царскихъ пословъ, немедленно отпустили ихъ обратно и въ свою очередь отправили своихъ пословъ съ подарками въ Москву. Въ присланныхъ грамотахъ ови все завѣряютъ царя о вѣрности и дружбѣ, но все ови просятъ свести казаковъ съ Яика и съ Волги. Такъ одинъ изъ нихъ Урмахметъ-мирза между прочимъ пишетъ¹⁾:.... „И только свое жалованье къ намъ учинишь и какъ недругъ твой турецкій солтанъ пойдетъ въ Астрахань, и мы учнемъ противъ его стоять. И буде того нашего слова не послушаешь, съ нами завоюешься, изъ Яика и Волги воды не дашь и казаковъ не сведешь и наша шерть нарушится и любовь наша до конца урвется. И со мною ратью учнемъ искать, кому-жъ что Богъ дастъ, то и будетъ“.

Но какъ ни просили татары о выводѣ казаковъ съ Яика, русское правительство было совершенно другихъ взглядовъ и въ расчеты его не только не входило вывести казаковъ съ Яика, но оно само старалось по возможности закрѣпить за собою все низовье Волги и обезопасить свою восточную Украину отъ набѣговъ ногайцевъ. И не смотря на все протесты татаръ, Федоръ Іоанновичъ не только не караетъ казаковъ за ихъ набѣги, но одновременно приказываетъ строить въ томъ же 1586 г. на Волгѣ городъ Самару.

Съ этого времени начинаются непрерывные набѣги казаковъ на ногаевъ; ногаи въ свою очередь истаютъ казаками и вѣроятно не разъ осаждали казаковъ въ ихъ городки. Урусъ, отпуская Хлопова, говоритъ, что овъ „на казаковъ идетъ“ и вѣроятно ходилъ и не одинъ разъ, о чемъ говорятъ казачьи преданія.

Къ этому-же времени относятся и *первыя извѣстныя исторіи службы яницкихъ казаковъ московскому правительству.*

¹⁾ Ногайскія дѣла 1586 г.

Но кромія этихъ исторически извѣстныхъ службъ у казаковъ нѣтъ преданія о своихъ первыхъ службахъ. Одно изъ ялъ о „трехъ Иванахъ“ записано І. И. Желѣзновымъ со словъ казака Ивана Чкарыгина ¹⁾. Народная фантазія относитъ эту службу къ Куликовской битвѣ. Но пѣть днівъ безъ огня, и если народное сказаніе забыло или перепутало время совершившагося событія, отъ этого самый фактъ, самыя дѣйствующія лица этого событія не утрачиваютъ ни на іоту своего значенія, какъ лица историческія, и лишь возведенія народною фантазією въ сказочныхъ героевъ лицъ царей — богатирей.

Вотъ что говоритъ это преданіе:

„Въ старину басурмановъ было видимо-невидимо, словно саранчи проклятой. Со всѣхъ сторонъ они безперечь вривались въ Русю и визывали царей нашихъ на брань-войну. Хоть, бывало, радъ-нерадъ, а воюй, не то дань плати. Такъ было и въ то время. Напали на Русю заразъ три невѣрныя царя: салтанъ турецкій, царь казанскій и ханъ крымскій. Ну, нашему-то царю и не въ моготу стало. Что ставешь дѣлать? Сила солому ломить. Вотъ оны, батюшка нашъ, и шлетъ на Янкъ къ казакамъ грамоту, пишетъ: „Такъ и такъ, помогите, православные! нехрести одолавають. Сколько васъ тамъ на Янкъ есть, всѣ не ходате: будетъ и половиночки“.

Значить и въ тѣ поры царямъ вѣдомо было, что яцкіе казаки молодцы, настоящіе воины, на руку охулки не положатъ. Ладае.

Въ тѣ поры казаковъ на Янкъ было всего-на-всего человекъ триста, — значитъ, самая малость. Получили они отъ царя грамоту, сошлись въ казачій кругъ, распустили знамечко свое шелковое, — позлащенное, и стали думать думу крѣпкую. Что дѣлать? Всѣхъ идти — царь не желаетъ, да Янкъ бросать опасно, пожалуй, еще какъ-нибудь орда нахлынетъ. Половиночкѣ идти — другою половиночкѣ завидно. Какъ тутъ быть? Думали, думали казаки, да и рѣшили: послать на подмогу къ царю только трохъ казаковъ, что ни самыхъ лучшихъ воиновъ, трохъ лицарей поединщиковъ. Помолясь и благословясь, поѣхали наши лицары на поле Куликово, гдѣ было собраныце воинское. Первому лицарю имя *Иванъ Пыжала*, второму — *Иванъ Шатала*, а третьему — *Иванъ Кладъ*. И четвертый лицарь съ ними поѣхалъ: въ случаѣ какой неустойки, было бы кому на Янкъ вѣсть дать. Этого лицаря звали *Иванъ Бирючьихъ-лань*. Дядно. Пріѣхали наши лицары въ армию царя расейскаго, то-есть въ саму пору. Стоять на полѣ Куликовскомъ расейская армейшка, словно сиротинушка: всѣ войны невеселы, всѣ воеводы и бояры головы повѣсили. И было, касатикъ, отчего. Супротивъ одной рати царя расейскаго стоять три рати трехъ царей невѣрныхъ. Воля они не начинаютъ, а визываютъ поединщиковъ. Въ старину, вишь, былъ такой обычай: супротивныя армии рѣдко въ бой вступали, а рѣшали споръ поединщиками. Такъ было и въ ту пору.

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова „Уральци“, т. III, рассказъ Три Ивана, стр. 1—5.

Отъ трехъ ратей басурманскихъ выѣхали три богатыря поединщика, прешрапнѣвшіе. Каждый съ ногъ до головы желѣзомъ покрытъ, точь въ точь собака, лютый индрикъ-звѣрь.

— Какой звѣрь! прервалъ я.

— Индрикъ-звѣрь, что въ пѣснѣ поется. Развѣ не слыхалъ?

— Нѣтъ, а желалъ бы послушать, — сказалъ я.

— Пожалуй, вначекъ мой уже пропоеть.

— Нѣтъ, Иванъ Никитичъ, ты самъ пропой, если можно.

— Экой ты, экой ты какой! на старости-то лѣтъ я буду грѣшить.

— Ну, пожалуй, не пой, Иванъ Никитичъ, а расскажи словами.

— Словами? Словами можно, — сказалъ старикъ и началъ:

Не галичья стая подымалася,
Не звѣряное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣряное собраньице въ перебѣгъ бѣжить; —
Напередъ бѣжить собака, лютый индрикъ-звѣрь.
У индрички копыточки булатныя,
Шерсточка на индричѣ буажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На сливочкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченькѣ, къ быстру Дивѣру.
Засвисталъ-то онъ, собака, по звѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посложалися.

— Вотъ овъ какой собака, лютый индрикъ-звѣрь! — сказалъ старикъ. — Сунься-ка на него, ожгесся, зубъ скусишь. Побить такого звѣря, касатикъ, не мутовку обливать. Сколько тамъ съ расейской стороны ня было князей и бояръ, а выйтѣ супротивъ басурманскихъ поединщиковъ ни одного 'охотника не выискалось. А невѣрные-то царя свое дѣло дѣлають, нудать нашего, говорятъ: „высылай поединщиковъ, иль-бо самъ выходи: не то покорись а дань платя“. Каково нашему-то царю слушать таковы словеса изъ устъ орды! Царь, говорятъ, самъ хотѣлъ идти на поединокъ, велѣлъ было коня сѣдлатъ и латы себѣ приготавливать. А тутъ, какъ разъ, и прилетѣли наши орлы орловичи, сирѣчь наши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успѣлъ только вымолвить: „Голубчика!“ А голубчики ужъ вылетѣли въ поле и ударили на басурманскихъ поединщиковъ, даромъ что они похожи на индрикъ-звѣря. Разъ, два, три: басурманы съ коней долой! Разъ, два, три: басурманскія головы торчатъ уже на казачьихъ коняхъ! Значить, шабашъ!

Басурманскія рати, извѣстно, послѣ того преклонились передъ камнемъ. Значить, ваша взяла! Царь нашъ возвеличился а по всей вселенной промѣнился. Значить: никто же на ны!

На такихъ великихъ радостяхъ царь сзываетъ всѣхъ: и князей, и бояръ, и казаковъ нашихъ въ первопрестольный градъ, въ каменну Москву. Значить, пиръ пировать и награды раздавать! Потуманили гурьбой въ Москву всѣ князья и бояры, другъ друга переговоряютъ, другъ друга перебивають. Отъ поединка хоша они и отказались, но отъ пира-банкета, а пуще отъ награды не прочь. Значить, печи бить—нѣтъ насъ, пиво пить—мы не хуже васъ.

И наши ящари поѣхали, но не торопятся, и ѣдутъ себѣ, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, потихохоньку, посирихохоньку. Думаютъ про себя: „наше отъ насъ не уйдетъ“.

Много-ли мало-ли пировали у царя князья и бояры и казаки ящичіе, наконецъ пришло время награды раздавать.

Спрашиваетъ царь князей и бояръ:

— Чѣмъ нѣтъ васъ дарить-жаловать: золотомъ казною или драгоценными камнями? Отвѣчаютъ князья и бояры:

— Не надо намъ ни золотой казны, ни драгоценныхъ камней, а пожалуй насъ деревнями да крестьянами.

И пожаловалъ царь князей и бояръ деревнями да крестьянами.

Спрашиваетъ теперь царь нашихъ казаковъ.

— А васъ, атаманы-молодцы, чѣмъ дарить-жаловать: золотомъ ли казною, самоцвѣтными камнями, или, какъ князей и бояръ, деревнями да крестьянами?

Отвѣчаютъ наши казаки:

— Не надо намъ, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцвѣтныхъ камней, не надо намъ ни деревень, ни крестьянъ; а пожалуй насъ рѣкой Димонъ, отъ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, съявными покосами и лѣсными порубками.

А князья и бояры слышать да смѣются: „Вотъ дураки казаки то, вотъ дураки—чего просятъ!—говорятъ межъ себя.—Развѣ земля ваша кликомъ сошлась: гдѣ нѣтъ воды, гдѣ нѣтъ травы, гдѣ нѣтъ лѣса? Воткни палку и дерево вырастетъ. Прямые дураки, безтолочь!“ говорятъ про нашихъ казаковъ.

А наши казаки не дураки, не безтолочь. Они знали честь и совѣтъ, помнили заповѣдь Божию: „въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывай“, твердо знали и пословицу: „на чужой каравай рта не разѣвай“. Нѣтъ, старики наши не дураки, они не о своей одной выгодѣ заботились, а заботились о пользѣ всего своего общества.

Вотъ нывѣшніе-то казаки,—прибавилъ Чакрыгинъ,—можно сказать, тоже не дураки, да за малинъ дѣло стало, себѣ на умѣ. Стараются только сдѣлать какую-нибудь отлибу, выслужить что набудъ себѣ одному, прихвѣрно

крестъ, а пуше чинъ, чтобы, знаешь, чиновникомъ сдѣлаться, да съ нашего брата, нечиновнаго казака, волокшу драть¹⁾.

Такъ говорить народъ объ одной изъ своихъ первыхъ службъ.

Пусть это будетъ легенда, сказка, но народъ въ этой сказкѣ описываетъ свою исторію, свою жизнь, высказываетъ свое мировоззрѣніе, свои думы, и вмѣстѣ съ разсказываемымъ фактомъ рѣзкими штрихами рисуетъ намъ бытъ и нравы той далекой эпохи, въ которой дѣйствовали его любимые герои.

Храня эту сказку, онъ вмѣстѣ съ нею хранитъ и воспоминаніе объ одной изъ первыхъ службъ своему царю, которая врѣзалась въ его память, какъ фактъ доблестный и славный для его родного края, вмѣвший мѣсто въ давно забытомъ и далекомъ прошломъ.

Можетъ быть, позднѣйшія историческія данныя намъ подтвердятъ эту сказку и укажутъ точное время дѣйствія ея героевъ, но пока этихъ данныхъ нѣтъ, эта сказка, это преданіе служитъ единственнымъ документомъ о *первой службѣ* пріяцкихъ „орловъ орловичей“ [5].

Первая-же известная въ исторіи служба ямскихъ казаковъ была въ 1586 г. Объ ней сохранились весьма скудные свѣдѣнія. Поводомъ къ ней послужили набѣги казаковъ на ногайскіе улусы.

Въ то время, какъ они громили татаръ на Яикѣ и озлобленный князь Урусь ходилъ неоднократно на Голубой городокъ, въ это время въ 1586 г. на устьѣ р. Самары на Волгѣ строился городъ Самара; осенью этого года къ г. Самарѣ приплылъ на суднѣ изъ Москвы Муратъ-Гирей, крымскій царевичъ, въ сопровожденіи двухъ московскихъ воеводъ Цивона и Бурцева.

Этотъ Муратъ-Гирей²⁾ и его родной братъ Сеидъ-Гирей были выгнаны изъ Крыма въ 1586 г. своимъ дядею Исламъ-Гиреемъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, царь предложилъ имъ убѣжище у себя, дозволивъ первому кочевать со своими татарами близъ Астрахани, а Муратъ-Гирея позвать въ Москву, областкая и посадивъ его на княженіе въ Астрахань. Муратъ-Гирею суждено было быть слѣпымъ орудіемъ политики московскаго правительства. Царь Федоръ, обѣщая племянникамъ крымское ханство, въ свою очередь пугалъ ими крымскаго хана Исламъ-Гирея, чѣмъ сдерживалъ его набѣги, а также склонялъ его на свою сторону противъ польскаго короля Баторія.

Въ числѣ порученій, данныхъ Муратъ-Гирею, было склонить всѣхъ ногайскихъ князей и мурзъ на сторону московскаго правительства и наказать одного изъ ногайскихъ князей *Якшисата*, который, соединившись съ крымскими и азовскими татарами, три раза въ теченіе 1586 года ходилъ въ набѣги на русскія земли. Для этого похода, а также и для предполагаемаго похода въ Крымъ и Польшу московское правительство обѣщало выслать ему казаковъ и до десяти тысячъ стрѣльцовъ и пушекъ. Въ то-же время царь

¹⁾ Волокшу драть — брать клятку.

²⁾ О царевичѣ Муратъ-Гирей — у Каракина, т. X, стр. 33—34 и такъ-же примѣчаніе 113.

Федоръ послалъ съ Федоромъ Акифовичемъ къ бывшему во вновь строящемся гор. Самарѣ воеводѣ Григорію Засѣкину грамоту (которую онъ получилъ 11 сентября), гдѣ приказывалъ, чтобы Засѣкинъ вывелъ всѣхъ виновныхъ предъ царемъ казаковъ на „его государствену службу“. Получивъ эту грамоту, Засѣкинъ, не зная на Волгѣ „виноватыхъ царю“ казаковъ, посоветовавшись съ воеводами Пиняновымъ и Бурцевымъ, рѣшилъ послать яа казакми на Яикъ, гдѣ было тогда не мало виноватыхъ передъ царемъ казаковъ. Тамъ были и Барабощъ, давно уже приговоренный къ смертной казни за Сарайчикъ и много другихъ атамановъ, виновныхъ въ разгромѣ ногайскихъ улусовъ. Въ это время въ Самарѣ находился одинъ изъ яицкихъ казаковъ, вѣроятно прибывшій съ Яика по какимъ-нибудь дѣламъ къ воеводѣ. Воспользовавшись этимъ, Засѣкинъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ на Яикъ своего литовскаго голову Семейку Кольцова, съ которымъ писалъ казакамъ, чтобы они „шли на государствену службу въ Астрахань, а изъ Астрахани на Терку“ и что Государь „за ихъ службы велеть вины имъ ихъ отдати“.

Воеводы Бурцевъ и Цевовъ написали царю о всемъ слышанномъ ими о разгромѣ казаками на Яикѣ ногайскихъ улусовъ и вмѣстѣ съ царевичемъ Муратъ-Гиреемъ уѣхали въ Астрахань.

Муратъ-Гирей прибылъ въ Астрахань позднюю осенью 1586 года; для встрѣчи его „войско стояло въ ружьѣ, въ крѣпости и пристави гремѣли пушки, били въ набаты и въ бубны, играли въ трубы и въ сурны“. Но окруженный пышнымъ дворомъ, онъ былъ окруженъ и русскими чиновниками, которые наблюдали за всѣми движеніями Мурата; даже въ мечеть онъ ѣздилъ черезъ многочисленные ряды стрѣльцовъ, но и тамъ не могъ ни съ кѣмъ объясниться безъ свидѣтелей.

Не смотря на это онъ служить московскому царю ревностно: склонялъ погаетъ къ тишинѣ и покорности и „называлъ себя Владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терка, всѣхъ вольныхъ улусниковъ и казаковъ“¹⁾.

Пока Муратъ-Гирей шлгъ по Волгѣ, въ это время литовскій голова Кольцовъ прибылъ въ Голубой городокъ, гдѣ и объявилъ царскую грамоту.

Собравный по этому поводу кругъ вѣроятно былъ очень шумный. Барабощъ и другіе атаманы, видимо, считая вызовъ казаковъ на службу ловушкой, „грамотѣ не повѣрили“. Барабощъ прекрасно зналъ, что двухъ товарищей его, за набѣгъ на Сарайчикъ, повѣсили, а третій Иванъ Кольцо спасся только тѣмъ, что ушелъ съ Ермакомъ въ Сибирь. Оставалась очередь быть повѣшенному Барабощу, но осторожный атаманъ рѣшилъ лучше остаться на Яикѣ, чѣмъ рисковать своей головой.

Атаманы-же Мещерякъ и другіе грамотѣ повѣрили и пошли на службу, и пришли въ Самару 23 октября, откуда выступили въ Астрахань 28 октября.

1-го ноября Засѣкинъ получилъ изъ Москвы другую грамоту, въ кото-

¹⁾ У Карамзина, примѣч. 112.

рой уже прямо указывалось о томъ, чтобы выслать на службу виноватыхъ янцзкихъ казаковъ, атамановъ Барабоша и Мещеряка и другихъ, громившихъ ногайскіе улусы казаковъ, о которыхъ писали царю воеводы Пивовъ и Вурцевъ изъ Самары.

Въ отвѣтъ на эту грамоту Засѣкинъ писалъ слѣдующее: ¹⁾

„Государю Царю и Великому князю Ѳедору Іоанновичу всея Россіи холопъ твой Гришка Засѣкинъ челомъ бьетъ. Писалъ ты, Государь, ко мнѣ, холопу твоему, ноября 1 день: писалъ къ тебѣ къ Государю воевода Романъ Пивовъ, да Михайло Бурцевъ про казачье воровство, что громили ногайскіе улусы казачіе атаманы Бодашка Барабоша да Мазимка Мещерякъ и иные атаманы и казаки и такія великія бѣды починали и тебя, Государь, съ ногайской ордой ссорили. И Романъ, и Михайло, поговора со мною, послали съ твоею государевою грамотою къ тѣмъ-же атаманамъ и ихъ казакамъ литовскую голову Семейку Кольцова, да казака, который отъ нихъ-же пришелъ, чтобы они шли на твою государеву службу въ Астрахань и ко мнѣ, холопу твоему, писано въ твоей государевой грамотѣ сентября въ 11 день съ Ѳедоромъ съ Авинфовымъ, которые атаманы и казаки виноваты тебѣ, Государю, были и ты, Государь, за ихъ службу пожалуешь, велишь вины ихъ отдати, а они шли-бъ на твою государеву службу въ Астрахань, а изъ Астрахани на Терку, и на Волгѣ, Государь, атамановъ и казаковъ виновныхъ не было и изъ холопъ твой по той твоей Государевой грамотѣ поговора съ воеводами Рожанемъ и Михайлою, посылали на Яикъ къ атаманамъ и казакамъ Семейку Кольцова и велѣлъ имъ идти на твою, Государь, службу за Муратъ-Гиреемъ царевичемъ въ Астрахань и октября, Государь, въ 23 день пришли ко мнѣ, къ холопу твоему, на Самару съ Яика Мазимка Мещерякъ, да Ермакъ Петровъ, да Ортыха Болдаревъ, да Тихонъ П—изъ ²⁾, а съ ними казаковъ 150 человекъ, а на Яикъ остались атаманъ Бодашка Барабоша, да Нечай Шацкой, да Ямбулатъ Чембулатовъ, да Якуня Павловъ, да Никита Усъ, да Пероуша Зея, да Ивашко Дуда, а съ ними казаковъ полтрети ста человекъ ³⁾ и изъ холопъ твой, октября въ 28 день изъ Самары Мазиму Мещеряка съ товарищи до твоей государевой грамоты, которая ко мнѣ прислана ноября 1 день, за шесть день на твою государеву службу за Муратъ-Гиреемъ царевичемъ

¹⁾ Главн. Моск. Арх. Минист. Иностр. дѣлъ, ногайскія дѣла 1586 г. № 13 объ отпускѣ изъ Москвы въ Астрахань Крымскаго Муратъ-Гирея царевича съ воеводами Пивовымъ и Вурцевымъ, дабы икъ, промывая надъ Янцзискомъ княземъ, а потомъ соединясь съ ногайскими татарами идти войскою на Польшу. Тутъ-же описки оныхъ воеводъ и Астраханскихъ и отиски Государевыхъ къ икъ грамотъ. Страница дѣла 35. Этотъ документъ былъ найденъ есауломъ С. Н. Севастьяновымъ, работавшимъ въ этомъ архивѣ и связавшимъ съ него копію, которую онъ потомъ передалъ А. П. Харошкину.

²⁾ Фамилія этого атамана настолько неприятна, что помѣстить ее полностью не представляется возможнымъ.

³⁾ „Полтрети ста значить 250“. Фамилія С. Н. Севастьянова на копіи съ этой отиски.

отпустилъ, а Богданка, Государь, Вараша съ товарищи съ Янка на твою Государеву службу не пошли и твоимъ Государевимъ грамотамъ не повѣрили*.

Изъ этой отписки воеводы Засѣкина видно, что на Янкѣ казаковъ въ это время было на лицо 400 человекъ, остальные были гдѣ нибудь на промыслахъ; управляли казаками одиннадцать различныхъ атамановъ, имѣвшихъ каждый свою станицу, но надо полагать, что въ городѣ у нихъ былъ и общій атаманъ; но кто изъ названныхъ въ отпискѣ воеводы атамановъ былъ войсковою атаманъ — не видно. Не видно тутъ и атамана „Матюшка“, съ которымъ казаки пришли на Янкѣ въ 1584—85 году, а также и Василия Гуганъ. Послѣдній или умеръ, или сложилъ свою голову гдѣ-либо въ лихолье влетѣ на ногаевъ.

Когда пришли яцкіе казаки въ числѣ 150 человекъ съ Мазимомъ Мещеракомъ въ Астрахань — неизвестно. Были ли они вмѣстѣ съ русскими войсками въ походъ на князя Яхисата и ходили ли въ Польшу, свѣдѣній пока не имѣется, но можно сказать одно, что походъ въ Польшу едва ли состоялся, т. к. еще 6 января 1582 г. было заключено съ Польшею перемиріе на десять лѣтъ, и если требовались казаки „въ Польшу“, то лишь для службы на польскія границы. Съ собранными въ Астрахани войсками Муратъ-Гирей „вмѣстѣ со своимъ братомъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ ногаями, казаками, черкесами, ожидая только Федорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячъ обѣщанныхъ ему стрѣльцовъ. Но царь медлилъ. Опасаясь Стефана Баторія гораздо болѣе, чѣмъ крымскаго хана Ислама и не увѣренный въ миръ съ Польшею, онъ писалъ Мурату въ февралѣ 1587 г.: „Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирять яного врага, сильнѣйшаго. Будь готовъ съ вѣрными ногаями и казаками итти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мною; и когда управимся со своимъ литовскимъ недругомъ, тогда легко истребимъ и вашего, поздравимъ Сайдеть-Гирей ханомъ улусовъ крымскихъ“¹⁾.

Но войны съ Крымомъ и съ Польшею не было и лишь въ 1590 г., въ январѣ, началась война съ шведами подъ Нарвой. Но Муратъ-Гирей былъ въ это время въ Астрахани.

Вотъ все, что извѣстно о первой удостоверенной историческими документами службѣ яцкіихъ казаковъ. Но можно быть болѣе чѣмъ увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ снова найдутся гдѣ-либо въ архивахъ свѣдѣнія о новой первой службѣ войска московскому правительству.

Оба свѣдѣнія, какъ о считающейся до этого первой службѣ яцкіихъ казаковъ въ 1591 г. (походъ на Шамхала Тарковского), такъ и о службѣ въ 1586 г. найдены совершенно случайно, т. е. для московскихъ и другихъ архивовъ не всѣ еще подверглись всесторонней обработкѣ и не всѣ обнаружены въ Актахъ Историческихъ, Археографическихъ и другихъ собраньяхъ.

¹⁾ Карамзинъ, т. X, стр. 84.

Частное-же лицо может наткнуться на них среди массы всевозможных документов только случайно, т. е. свидѣнія о первыхъ службахъ яццкихъ казаковъ находятся въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ и архивахъ. Такъ, указаніе о службѣ въ 1586 г. случайно найдено въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ „Ногайскихъ дѣлахъ“, документъ же о службѣ казаковъ въ 1591 г. извлеченъ на Божій свѣтъ изъ астраханскаго архива въ 1830-хъ годахъ и сталъ извѣстенъ лишь благодаря опубликованію его въ 1841 г. въ Актахъ Историческихъ¹⁾.

Не будучи въ состояніи взять Голубого городка и выгнать казаковъ съ Яика и въ тоже время не желая подчиняться царевичу Муратъ-Гирей, князь Урусъ въ этомъ же году послалъ своихъ пословъ къ турецкому султану, чтобы тотъ пошелъ на Астрахань и что князь Урусъ со своими ногаями будетъ ему помогать. Послы Уруса оставившись въ Крыму, жаловались толмачамъ московскаго посла²⁾: „Государь великій князь завоевалъ съ нами пословъ Уруса князя, велѣлъ обезчестить и отпустить ихъ съ Москвы не пожаловавъ, а казаки волжскіе сильно обижаютъ насъ, много улусовъ у насъ повоевали, много городковъ поставили на Яикъ и за Яикомъ, тѣсноту намъ сдѣлали большую“.

Но турецкій султанъ войскъ въ Астрахань не отправилъ и ногаи принуждены были подчиниться Москвѣ, объясняя потомъ это турецкому султану тѣмъ, что „чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся ногайская орда“³⁾.

Для ногаевъ настали тяжелыя времена. Съ одной стороны ихъ громили яццкіе казаки, съ другой терскіе и даже донцы. Терцы, кромѣ того, громили крымцевъ и турокъ, которые шли изъ Азова къ Дербенту. Въ свою очередь Муратъ-Гирей и астраханскіе воеводы потребовали отъ ногаевъ „лучшихъ людей въ закладъ“ на вѣрность московскому правительству. Московскій посолъ доносилъ изъ Крыма царю⁴⁾: „Поѣхали мурзы ногайскіе и всѣ лучшіе люди въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, жонъ и дѣтей и все имѣніе, говорятъ: „Просили у насъ Муратъ-Гирей и воеводы Астраханскіе лучшихъ людей, братью нашу и дѣтей въ закладъ: но наши отцы, дѣды и прадѣды вѣкъ свой жили, а закладовъ не давали, въ волѣ государя московскаго бывали и присягали, но никогда надъ ними такой неволи не бывало, что надъ нами дѣлаеть теперь Муратъ-Гирей царевичъ“. Мурзы и всѣ лучшіе люди вслѣдствіе этого послали турецкому султану битъ челомъ, чтобы принялъ въ подданство.

Какой отвѣтъ привезли мурзы отъ султана—неизвѣстно, но только большая

¹⁾ Томъ I, 1384—1598 г. Сиб. 1841 г. № 230, стр. 486—446.

²⁾ Соловьевъ, томъ 7, стр. 332.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

часть татаръ, жившихъ на Яикѣ, вѣроятно, съ княземъ Урусомъ, т. е. объ немъ болѣе въ исторіи не упоминается, перекочевала въ Хиву въ городъ Ургенчъ. Другая часть ушла въ Крымъ и въ степи на востокъ отъ него, на низовья Кубани, а оставшіеся вынуждены были признать себя подданными московскаго царя и остались кочевать на старыхъ мѣстахъ.

О жизни яицкихъ казаковъ за это время не осталось никакихъ свѣдѣній. Надо предполагать, что они занимались исключительно своими „промыслами“ на Волгѣ или на Каспійскомъ морѣ, куда была свободная дорога по Яику. Донцы въ это время грабили Крымъ, а запорожцы въ 1588 г. взяли Очаковъ и въ числѣ 1500 человекъ пришли моремъ на судахъ въ крымскіе улусы и взяли 17 селъ¹⁾. Казаки въ царствованіе Федора Ивановича являются на границахъ Московскаго государства столь грозною силою, что оно, опасаясь на нихъ, громить на своихъ окраинахъ одного за другимъ многолѣтнихъ враговъ и пріобрѣтаетъ Сибирь, Яикъ и Терекъ.

О службѣ казаковъ въ 1591 году имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Вѣсть о взятіи сильнаго Казанскаго царства московскимъ царемъ быстро разнеслась между кавказскими князьками и потому тотчасъ-же по взятіи Казани, въ ноябрѣ 1552 г., въ Москву пріѣхали двое черкасскихъ князей съ просьбою, чтобы государь „вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопы“. Послѣ этого не прошло и 3-хъ лѣтъ, какъ явились въ Москву „князья черкасскіе жаженскіе, Сибокъ съ братомъ Ацымзукомъ да Туракомъ“, въ сопровожденіи 150 челов. Они били челомъ отъ „всей земли Черкасской, чтобы государь далъ имъ помощь на турецкаго и крымскаго царей, а они — холопы царя и великаго князя съ женами и дѣтьми и во вѣки“.

„Государь пожаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, на счетъ-же турецкаго царя велѣлъ имъ отмовить, что турскій султанъ въ миру съ царемъ и великимъ княземъ, а съ крымскаго государя хочеть ихъ беречь, какъ только можно“.

Когда-же Московское государство утвердилось въ устьяхъ Волги, завоевавъ Астраханское царство, въ 1556 году, то событіе это открыло Москвѣ возможность завладѣть цѣлымъ рядомъ мелкихъ княжествъ въ Прикавказьѣ. Такъ, напр., лѣтомъ 1557 года пріѣзжали въ Москву „другіе черкасскіе князья“. Тогда-же „двое князей черкасскихъ кабардинскихъ — Темрюкъ и Тизрютъ — прислали бить челомъ, чтобы государь велѣлъ имъ себѣ служить и велѣлъ бы астраханскимъ воеводамъ дать имъ помощь на Шамхала Тарковскаго“. Посолъ говорилъ: „Только Государь ихъ пожалуетъ, какъ пожаловалъ жаженскихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь грузинскій и вся земля грузинская будутъ также бить челомъ Государю въ службу, потому что грузинскій князь въ союзѣ съ кабардинскими князьками“.

¹⁾ Соловьевъ, т. 7, стр. 219.

Но въ это же самое время Шамхаль Тарковскій и князь тюменскій (съ береговъ Терека) тоже прислали пословъ съ челобитьемъ, „чтобъ государь велѣлъ имъ быть въ своемъ имени, приказалъ бы астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговнымъ людямъ далъ бы дорогу чистую“...

И такъ, черкасскіе князья просили помощи на Шамхала, а Шамхаль просилъ помощи на черкасскихъ князей; тюменскій-же мурза просилъ помощи на дядю своего, тюменскаго князя: „посади-ль-бы Государь его на Тюменѣ, а онъ холопъ государевъ“.

Московское государство было въ сильномъ затрудненіи, какъ разобраться со всѣми этими челобитьями „о холопствѣ“, но, тѣмъ не менѣе, обнадежило осязае челобитчиковъ. Результатъ, разумеется, былъ тотъ, что власть московскаго царя и общаая помощь была только на словахъ, т. е. земли челобитчиковъ, кромѣ сообщенія моремъ отъ Астрахани, были далеки отъ предѣловъ настоящаго Московскаго царства, а поэтому отношенія между прикавказскими князьями оставались тѣ-же, не смотря на то, что всѣ числились „холопами государевыми“.

Но самый безпокойный изъ всѣхъ холопей былъ Шамхаль Тарковскій, владѣвшій Дагестаномъ, а также Кумыкскою степью. Его разбои на морѣ и безпокойства, которыя онъ дѣлалъ поселившимся на Терекъ „вольнымъ русскимъ людямъ“, вызвали, наконецъ, указъ царя астраханскому воеводѣ, чтобъ отправить для усмиренія Шамхала войска.

Земля эта, находясь въ сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказа, соприкасалась съ Хвалынскимъ (Каспійскимъ) моремъ, а такъ какъ жители его, какъ и всѣ горцы, вели тогда жизнь разбойничью, то это княжество, съ отчаяннымъ, изощрившимся въ морскихъ и сухопутныхъ набѣгахъ населеніемъ, было своего рода мезолію для окружавшихъ его сосѣдей. Главное поселеніе (и почти единственное)—было *Тарки*, откуда и самое названіе правителя *Шамхалъ Тарковскій* („князь Дагестанскій“).

Однимъ изъ очень старинныхъ путешественниковъ, *Герберъ*, вотъ что пишетъ о *Таркахъ*¹⁾: „Сей городъ лежитъ въ пяти верстахъ отъ Каспійскаго моря, на обширной долинѣ, между скалами... Шамхаловъ дворецъ построенъ на высокомъ мѣстѣ... улицы тѣсны и дома не красивы. Вода проведена съ горъ черезъ трубы въ ханскій дворецъ и во всѣ части города, древняго и весьма незначительнаго... Достоинство Шамхала произошло отъ арабовъ, которые въ первыхъ вѣкахъ могометанскаго лѣтоисчисленія овладѣли берегами Каспійскаго моря. *Шамъ*—есть имя города *Дамаска*, откуда прислазались начальники или князья въ сіи завоеванныя земли; имя *Халъ*—означаетъ князя... Другой извѣстный старинный путешественникъ, *Олеарій*, говоритъ, что Шамхаль по арабски значитъ *свѣтъ*.“

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., т. X, примѣч. 380. Городъ Тарки былъ срытъ въ 1728 г. Нынѣшніе Тарки стоятъ на другомъ мѣстѣ. Тамъ-же примѣч. 117.

Особенно хлопоталъ о походѣ на Шамхала кахетинскій царь Александръ (въ Грузіи), который въ числѣ другихъ князей искалъ покровительства у единовѣрной съ нимъ Москвы. Александръ предлагалъ царю построить крѣпости на Терекѣ и послать тысячъ двадцать воиновъ на Шамхала, овладѣть его столицей Тарками и берегомъ моря открыть сообщеніе съ Иверією и съ Кахетією. Уже въ 1590 году русскія войска стали тѣснить Шамхала „и рѣку Копсу государевы люди у него отняли и городъ на Копсѣ хотѣтъ ставяти“¹⁾.

Вѣроятно въ помощь дѣйствовавшимъ тамъ войскамъ было приказано въ 1591 году астраханскіи воеводамъ князю *Сичкому* и *Пушкину* послать войско противъ „непослушника царскаго, Шевкальскаго“ и въ томъ войскѣ „быть яцкиимъ и волжскимъ атаманамъ и казакамъ“. Яцкиимъ велѣно взять для этой цѣли 500 чел., а волжскихъ 1000. Въ актѣ опредѣляется имъ отъ казны жалованье: „и на кормъ имъ давати въ Астрахани по осьминь муки челоуьку, да десятма челоуькамъ четверть крупъ и толочна, или по колку пригоже, смотря по житью, сколько они у Астрахани стануть жита, а коннымъ сверхъ того дати по четверти овса челоуьку. А буде они для нужи учнутъ просити денегъ, и имъ дати по полтинь челоуьку на вужду, а о достальномъ о денежномъ жалованьи и о хлѣбномъ запасѣ для шевкальскія службы государевъ указъ будетъ впередъ“.

Рать должна была идти на Шамхала съ гор. Терки (зновъ заложенный городъ на рѣкѣ Терекѣ), а казаки должны были прійти къ Астрахани „къ сроку, къ Троицкву дню и кончѣ къ Петрову заговѣйну и грамоты государевы о томъ къ нимъ посланы“ [6].

Дорога на Тарки шла черезъ Тюмень (на берегу Каспійскаго моря), отъ города Терки „съ Терки до Тюмени конному днюше, а пѣшему два дни; а отъ Тюменскаго до Шамхала до города Тарки дваждъ дни“²⁾.

Когда выступили яцкіе казаки въ Астрахань и оттуда на Терки, что дѣлали въ этомъ походѣ и когда вернулись обратно на Яикъ, свидѣній не имѣется.

Въ Исторіи же Карамзина³⁾ говорится, что царь Федоръ Іоанновичъ послалъ войска на Шамхала два раза; первый разъ съ воеводою княземъ Григоріємъ Засѣкинскимъ, подъ начальствомъ котораго, вѣроятно, были яцкіе казаки. Засѣкинъ разбилъ Шамхала и прогналъ его въ неприступныя горы „и многихъ людей (у него) побили и самого Шевкала ранили“. Довершить покореніе Шамхальской области поручено было князю Андрею Хворостину, походъ котораго относится уже къ 1594 году; но такъ какъ казаки въ то время слу-

¹⁾ Карамзинъ, т. X, прилѣч. 119.

²⁾ Карамзинъ, томъ X, прилѣч. 117.

³⁾ Карамзинъ, т. X, стр. 17, прилѣч. 380.

жили неопредѣленное время, то легко можетъ быть, что яцѣіе казаки, продолжая свою службу на Терекѣ, могли быть и подъ командою Хворостина. Хворостинъ долженъ былъ, занявши Тарки, ждать союзныхъ войскъ отъ Иверскаго царя Александра, подъ командою его сына Юрія, и, соединившись съ нимъ, окончательно разгромить Шахкала и передать его область тестю Юрія, другому князю Дагестанскому. Но этотъ походъ оказался неудачнымъ. Князь Александръ не прислалъ обѣщанныхъ войскъ и Хворостинъ, занявши всю Шамхальскую землю и гор. Тарки, напрасно и долго ждалъ войскъ Иверскаго князя. Въ это время Шевкаль успѣлъ соединиться съ кумыками и черкесами и въ свою очередь началъ на Хворостина; вотъ что извѣстно объ этомъ: „и на Консѣ городъ поставиша и съ ратники людьми саде воевода князь Владиміръ Тимоф. Долгорукій, а въ Тарвахъ города поставити не дали: пришли многіе шевкальскіе и кумыцкіе люди и черкасы и государевыхъ людей побияша. Воеводи-жъ утекли не со многими людьми; а убиши ту (тутъ) Ив. Вас. Измайлова и иныхъ дворянъ, а разныхъ людей съ три тысячи“... Оставшіяся войска собрались въ г. Терки.

Въ то время какъ казаки пошли въ походъ на Шамхала, въ этотъ-же годъ на берегу Волги былъ заложенъ новый городъ Саратовъ.

О слѣдующей службѣ яцѣиныхъ казаковъ, бывшей въ 1594 году, явѣются еще болѣе скудныя свѣдѣнія, чѣмъ о предыдущихъ. Этотъ годъ застаеъ яцѣиныхъ казаковъ въ *Переяславѣ Рязанскомъ* (на берегу р. Оки въ нынѣшней Рязанской губерніи), *омытъ съ волжскими и донскими казаками*. Сколько ихъ было — неизвѣстно, также неизвѣстно, когда они были вызваны съ Яика и на какую службу. Объ нихъ упоминаетъ лишь „Вѣдомость о хлѣбномъ жалованьи, выдаваномъ Василіемъ Колтовскимъ казакамъ и память расхлыщнику Омеляву Васильеву о томъ, чтобы онъ доправилъ на Колтовскомъ недостающій у него хлѣбъ“¹⁾. Въ этой вѣдомости, помѣченной 18 августа 1594 г., приложенъ длинный списокъ казакамъ съ атаманомъ Федоромъ Недобромъ, всего 353 человекъ, съ именами и отчествами (изрѣдка фамиліи или прозвища) безъ указанія и раздѣленія ихъ по войскамъ; т. ч. опредѣлить, сколько было яцѣиныхъ и другихъ казаковъ, не представляется возможнымъ. Въ концѣ списка сказано: „И всего по Васильеву-Колтовскому даточному списку казаковъ оныхъ далъ къ счету, далъ Василій въ Переяславѣ Рязанскомъ *Донскимъ и Волжскимъ и Яицкимъ* атаманомъ и казакомъ хлѣба 1562 чети безъ полутретника ржи, 2057 частей безъ полусемени овса; и передалъ сверхъ указу Василей лашка 19 четей ржи, 4 чети съ четвертью овса. И тотъ хлѣбъ на Васильѣ доправитъ.“ Въ этомъ документѣ между прочимъ имѣется любопытная подробность: казаки остались недовольны на раздатчика Василія тѣмъ, что „Василій ималъ у крестьянъ хлѣбъ вверхъ, а имъ (казакамъ) давалъ вровень, потому у него и

¹⁾ Русск. Истор. бібліотека, т. XVIII. Донскія дѣла кн. 1-я 1908 года, стр. 1—24. У подлиннаго документа начала иѣтъ (якоже и въ Арх. Мин. Ин. Дѣл. Донскія дѣла, связка 1-я 1594 г.)

лишекъ сталъ въ овсѣ“, ввиду этого „достальной прихѣрный овсѣ 25 четей безъ четерика отдавъ Ѳеодору Недоброму съ товарищи 353 человека всѣмъ на раздѣлъ“.

Въ этомъ году Россія ждала войны со Швеціей, съ которой было заключено временное перемиріе на два года, и русскія войска собирались къ Новгороду и разставлялись отъ него по Эстонской и Финляндской границамъ, гдѣ стояли въ бездѣйствіи до 18 мая 1595 г., когда наконецъ былъ заключенъ окончательный миръ. Вѣроятно и яцкіе казаки, бывшіе въ Переяславѣ Залѣсскомъ, шли къ шведской границѣ, гдѣ и участвовали при заключеніи мира. Можно также предположить, что они предназначались для усиленія гарнизоновъ южнорусскихъ городовъ, когда московское правительство, послѣ страшнаго набѣга крымскаго хана въ 1592 г., опустошившаго рязанскіе, каширскіе и тульскіе предѣлы и захватившаго небывало большое количество плѣнныхъ, рѣшило построить на югѣ Руси „на всѣхъ сакмахъ (путяхъ) татарскихъ“ новые города и населить ихъ ратными людьми: „стрѣльцами и казаками“. Къ постройкѣ новыхъ городовъ было приступлено съ осени 1593 г.

Но гдѣ именно изъ этихъ двухъ мѣстъ были на службѣ яцкіе казаки въ 1594 году, въ историческихъ документахъ пока не имѣется никакихъ указаній. Безусловно, со временемъ, эти прѣблы исторія Уральского войска будутъ пополнены, и можно ожидать, что въ числѣ службъ войска окажутся такіе, о которыхъ мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго представленія.

VI.

Смутное время на Руси. Походъ Нечая въ Хиву. Участіе Яицкихъ казановъ въ рядахъ самозванцевъ. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова (1594—1613 гг.)

„Горы бо могли тогда явшася побіенныхъ, по правдѣ ратовавшихся, аже быша величїи бои на простѣи отъ Тулы въ Калугу, и похъ Кромаи на Ворскѣ подъ Кашарою и похъ Орломъ и похъ Нижнимъ Новымъ-Городомъ и во многыхъ мѣстехъ; и крыхуса тогда человекъ въ дѣбри не проходимы и въ чаши темныхъ лѣсовъ и въ пещеры невѣдомыя“.

Изъ лѣтописи Аврамъ Палицына. Карамзинъ, т. XII, прим. 311.

Въ 1598 г. умеръ царь Феодоръ Иоанновичъ, у царя Феодора лѣтей не было. Единственный наследникъ престола, второй сынъ Иоанна Грознаго царевичъ Дмитрій былъ еще въ 1591 г. убитъ наемными убійцами въ Угличѣ. Тогда собраннымъ въ Москвѣ земскимъ соборомъ былъ избранъ на царство братъ жены царя Феодора бояринъ Борисъ Годуновъ.

Съ воцареніемъ Бориса Годунова для казаковъ настало тяжелое время. Разгнѣванный на донцовъ за ихъ грабежи крымцевъ и ногайцевъ, онъ въ первый-же годъ своего царствованія приказалъ не пускать донцовъ въ города, ловить ихъ тамъ и казнить, всѣхъ безъ разбора¹⁾. Распространилось ли это распоряженіе на другія казачьи войска—неизвѣстно, во виду того, что въ то время, какъ и въ послѣдующія времена, вплоть до царствованія Петра Великаго, казачество на Руси составляло какъ-бы одну общую семью, надо предполагать, что и другимъ казакамъ не было пощады отъ Бориса. Это былъ первый царь, который, вступивъ на престолъ, вмѣсто милостивой грамоты казакамъ—съ первыхъ дней объявилъ свою опалу и отдалъ ихъ въ руки палачей. Думалъ-ли тогда царь Борисъ, что эти опаленные и озлобленные казаки въ недалекомъ будущемъ будутъ первыми и главными виновниками его паденія?

Вмѣстѣ съ опалю на казаковъ, Борисъ Годуновъ подтвердилъ и указъ 1593 г. о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и объ отдачѣ ихъ во власть помещикамъ. Къ этому присоединился голодъ и въ одной Москвѣ погибло 500 тысячъ человекъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. 8, стр. 92.

И вотъ въ Польшѣ въ 1603 г. является человекъ, назвавшій себя спасшимся отъ смерти въ Угличѣ царевичемъ Дмитріемъ. Большинство историковъ называетъ его самозванцемъ *Гришкою Отрепьевымъ*, другіе же склонны думать, что это былъ дѣйствительно спасшійся отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ, настоящій царевичъ Дмитрій.

Въ этомъ-же году, зная, что донскіе казаки не любили Бориса, самозванецъ послалъ на Донъ литвина Свирскаго съ грамотою, гдѣ онъ писалъ, что онъ истинный сынъ Ивана Грознаго, и что вмѣсто него убили другого, а онъ бѣжалъ отъ Годунова въ Польшу; въ этой грамотѣ, называя казаковъ „вольными христіанскими рыцарями“, онъ звалъ ихъ къ себѣ на службу „на славное дѣло: свергнуть раба и злодѣя съ престола Юаннова“¹⁾.

Получивъ грамоту, донцы немедленно отправили двухъ атамановъ Андрея Корела и Михаила Нежанова въ Краковъ, гдѣ въ это время находился самозванецъ, чтобы убѣдиться въ подлинности царевича.

Въ Краковѣ они увидѣли его „честимаго Сигизмундомъ королемъ польскимъ и вельможными панами“. Увидѣвъ его въ такой обстановкѣ, донцы признали его за настоящаго царевича и немедленно послали къ нему 2 тысячи человекъ казаковъ. Вся сила самозванца, когда онъ вступилъ въ августъ 1604 г. въ русскіе предѣлы, состояла всего изъ этихъ двухъ тысячъ казаковъ и двухъ тысячъ русскихъ бѣглецовъ и поляковъ.

Царь Борисъ, узнавъ объ этомъ, послалъ на Донъ дворянина Хрущова уговорить казаковъ и объяснить имъ ихъ заблужденіе. Но уже ни грамота, ни слова не подѣйствовали на озлобленныхъ казаковъ, они схватили Хрущова, сковали и привезли къ самозванцу, гдѣ Хрущовъ, увидѣвъ его, упалъ на колѣни и призналъ его за Дмитрія царевича. Такъ разгорался бунтъ.

По мѣрѣ того какъ Отрепьевъ двигался въ московскіе предѣлы, къ нему постепенно подходили казаки. Въ декабрѣ 1604 г. къ самозванцу присоединилось 12 тыс. малороссійскихъ казаковъ и въ январѣ 1605 еще 4 тыс. донцевъ.

Принимали-ли участіе въ дѣлахъ этого самозванца яицкіе казаки, пока историческихъ данныхъ не имѣется. Въ виду дальности разстоянія Яицкаго городка отъ Дона, надо думать, что призывныя грамоты донцевъ и самозванца и вѣсти о событіяхъ на Руси дошли до Яицкаго войска уже тогда, когда все было кончено и самозванецъ въ іюлѣ 1605 г. подъ именемъ Дмитрія сѣлъ на московскій престолъ.

Въ это время яицкіе казаки были заняты походомъ въ Хиву.

Вѣсть о покореніи Ермакомъ Сибири, его слава дошла и до Яика. Это событіе волновало казаковъ и кружило имъ головы. Имъ захотѣлось самимъ совершить подобный же подвигъ и принести царю вмѣстѣ со своими повинными головами какую-нибудь страну, какъ это сдѣлалъ Ермакъ. Но един-

¹⁾ Сигельманъ. Исторія Донского войска, 1834 г., часть 1-я, стр. 86—87.

ственная страна, находившаяся, въ сосѣдствѣ съ Яикомъ, была Хива. Туда лежала пустынная и дальняя дорога черезъ степи. Грабя въ степи караваны хивинскихъ купцовъ, казаки не могли не знать о ея существованіи. Изъ разспросовъ хивинцевъ они прекрасно знали, сколько войска у хана и когда возможно напасть на Хиву. Кромя покоренія Хивы была и другая цѣль— это добыча и женщины, которыхъ на Яикѣ было мало.

Какъ бы то ни было, но казаки раннею весною 1605 г., ограбивъ караванъ хивинскихъ купцовъ и узнавъ отъ нихъ, что хивинскій ханъ *Арабъ-Магомедъ* находится въ лѣтнее время далеко отъ столицы Ургенча, рѣшились въ числѣ 500 человекъ итти въ Хиву съ походнымъ атаманомъ *Нечаемъ*, вѣроятно съ тѣмъ самымъ *Нечаемъ Шатикинымъ*, который „грамотѣ не повѣрилъ“ и не пошелъ на службу въ 1586 году въ Астрахань.

Объ этомъ походѣ на Яикѣ сохранилось преданіе, записанное Рычковымъ во время пребыванія его въ Яицкомъ городкѣ въ 1748 году ¹⁾.

Вотъ, что рассказывали ему казацкіе старшины объ этомъ походѣ:

„Въ тѣ же времена изъ казаковъ Яицкаго войска нѣкто по прозванію *Нечай*, собравъ себѣ въ компанію 500 человекъ, взялъ нахѣренное итти на Хиву, уповавъ быть тамъ великому богатству и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ *сверхъ*“ ²⁾ и будучи у горъ, называемыхъ нынѣ *Дьяковыми* ³⁾, отъ высѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился и по казацкому обыкновенію учинилъ совѣтъ, или кругъ, для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать человека, для показанія прямого и удобнѣйшаго туда тракта. Когда въ кругу учиненъ былъ докладъ, тогда дьякъ его взял писаря, выступя, сталъ представлять, коль отважно и несходно оное ихъ предпріятіе, — изъясняя, что путь будетъ степной, незнакомый, провіанта съ ними недовольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малолюдно. Помянутый Нечай отъ сего дьякова представленія такъ много рассердился и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣсить, почему онъ тогда жъ и повѣшенъ, а оныя горы прозваны и по нынѣ именуется *Дьяковыми*.

Отправясь онъ, Нечай, въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ и, подступая подъ нее въ такое время, когда хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ кромя малыхъ и престарѣлыхъ нѣкого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія городъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а ханскихъ женъ въ полонъ побралъ, изъ которыхъ одну онъ, Нечай, самъ себѣ взялъ и при себѣ ее содержалъ. По таковомъ счастлиномъ завладѣніи онъ, Нечай, и бывшіе съ нимъ казаки *нѣскольکو времени жили въ Хивѣ* во всякихъ забавахъ и объ опасности мало думали; но та ханская

¹⁾ Рычковъ, Топогр. Оренб. губ. 1762 г., изд. 1887 г., стр. 286—290.

²⁾ Тутъ, вѣроятно, ошибка, надо читать: *снизъ по Яику*.

³⁾ Эти горы до сихъ поръ извѣстны подъ названіемъ *Дьяковыхъ горъ*.

жена знатно, любя его, Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животь свой спасти, то бѣ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ, Нечай, той ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатомъ добычею, скоро слѣдовать не могъ; а ханъ вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего похода и вида, что городъ его Хива разграбленъ, немало не ишкавъ, со всѣми своимъ войскомъ въ погону за нимъ, Нечаемъ, отправился, и чрезъ три дня его настигъ на рѣкѣ, именуемой *Сыръ-Дарья*¹⁾, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправлялись, и напалъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся и многихъ хивинцевъ побилъ, но напоследокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побить, кромѣ трехъ или четырехъ человекъ, кои, ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились и о его гибели рассказали. Въ ономъ войсковомъ атаманомъ объявленія показано и сіе, яко бы хивинцы съ того времени ону горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впадала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судамъ ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство за неизвѣніемъ достоверныхъ извѣстій не утверждаю, а представляю оно такъ, какъ мнѣ отъ помнящихъ войсковыхъ атамановъ сказано*.

Это преданіе вполне подтверждается *Абдуль-Гази-ханомъ*, сыномъ хивинскаго хана Арабъ-Магомета, при которомъ яицкіе казаки взяли Хиву (Ургенчъ).

Въ своемъ сочиненіи „Родословная исторія татаръ“ *Абдуль-Гази* рассказываетъ о набѣгѣ яицкихъ казаковъ такъ²⁾:

„Шестъ мѣсяцевъ спустя послѣ вступленія на престолъ Арабъ-Магометъ-хана, тысяча русскихъ казаковъ съ Яика неожиданно впадала въ началѣ іюня на Ургенчъ, въ которомъ не было никого, кромѣ простого народа, такъ какъ ханъ съ войскомъ находился на берегахъ рѣки Аму. Русскіе умертвили въ городѣ тысячу человекъ, захватили около тысячи молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, нагрузили тысячу повозокъ самыми дорогими вещами, а остальные вещи, какъ ткани, шубы, одежды, ковры, одѣяла, тюфяки и подушки, сожгли, послѣ чего вышли изъ города и направились къ берегу рѣки. Но такъ какъ они провели въ городѣ семь сутокъ, то Арабъ-Магометъ-ханъ, извѣщенный объ этомъ въ Хивѣ, имѣлъ время возвратиться въ Ургенчъ. Онъ направился въ тылъ казакамъ, чтобы отрѣзать имъ отступление и устроить на ихъ пути окопы со рвами. Русскіе сражались двое сутокъ и на третью имъ удалось овладѣть окопами и пройти ихъ. Они были ищше. Наши всѣ на коняхъ и потому заскакали два фарсаха впередъ и снова устроили окопы со рвами. Наши хотѣли захватить русскихъ, пока они еще въ

¹⁾ Тутъ ошибка: надо читать *Аму-Дарья*.

²⁾ Выписка взята изъ соч. А. И. Макиеева „Истор. обзоръ Туркестана“ 1900 г., стр. 50—52.

стены и жары сильны, въ томъ расчетѣ, что если они успѣютъ достигнуть воды, то построить укрѣпленіе въ одинъ день, дадутъ о себѣ знать, получить подкрѣпленіе, и тогда мы всѣ погибнемъ, — поэтому наши удвоили свои усилія. Русскіе продолжали сражаться, но истощили свои запасы воды и начали пить кровь, а на пятый день не находили даже крови для питья. Узбеки атаковали ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе сражались сначала изъ полъ, вѣ обоза, а потомъ за телѣгами. На *седьмой день* узбеки нахлынули на нихъ всѣ сразу. Достигнувъ обоза, они свѣзились, ворвались въ лагерь и стали рубить обороняющихся саблями. Сотня русскихъ успѣла однако бѣжать въ то время, когда наши занялись грабежемъ, достигла берега Дарьи, гдѣ устроила изъ дерева небольшое укрѣпленіе подлѣ крѣпости *Тукъ*. Арабъ-Магометь-ханъ атаковалъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого продовольствія кромѣ рыбы, и *послѣ пятнадцатидневной осады* завладѣлъ укрѣпленіемъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Абуль-Гази, по поводу своего рожденія (въ іюль 1605 г.), рассказываетъ слѣдующее: „Въ годъ моего рожденія, весною, десять кушцовъ, отправившіеся по торговымъ дѣламъ къ русскимъ, были встрѣченъ около Яика тысячею русскихъ казаковъ. Казаки перебили ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ, отъ которыхъ желали получить свѣдѣнія объ Ургенчѣ. Одинъ изъ двухъ кушцовъ, родомъ изъ Туркестана, сказалъ мнѣ, что въ настоящее время въ Ургенчѣ нѣтъ ни одного человѣка изъ войскъ, что самыя ближайшія войска находятся въ разстояніи суточного хода (коннаго), что въ городѣ не осталось никого, кромѣ простого народа, и что съ одной стороны города разстилается степь, по которой стотысячная армія можетъ незамѣтно подойти къ самымъ городскимъ воротамъ. Сообщивъ эти свѣдѣнія, онъ, какъ иноземецъ, говорилъ и дѣлалъ все, что могло быть приятно казакамъ. Обрадованные русскіе тотчасъ же двинулись въ путь въ числѣ тысячи, взявъ съ собою этого туркестанца въ качествѣ вожака, и прибыли въ городъ, въ который вошли черезъ ворота Мерзы. Жители города были такъ далеки отъ подобнаго сюрриза, что когда одявъ русскій ударилъ пикой мясника, торговавшего въ первой лавочкѣ, мясникъ, принимая его за сипая (своего воина), закричалъ: „зачѣмъ ты ѣшь грязь, проклятый армянинъ!“ Русскіе убили въ этотъ день тысячу человѣкъ, но мой отецъ бросился ихъ преслѣдовать, востягъ и истребилъ всѣхъ до одинаго. Когда я родился, черезъ сорокъ дней послѣ этого происшествія, отецъ мой сказалъ: „побѣдою, одержанною нами надъ невѣрными, Богъ благословяетъ первый шагъ этого ребенка“, и далъ мнѣ имя Абуль-Гази, такъ какъ съ другой стороны еще мать моя была изъ фамиліи, известной подъ именемъ Гази“.

Оба эти разсказа подтверждаютъ одинъ другого, разница только въ количествѣ бывшихъ въ походѣ казаковъ. Въ этомъ случаѣ болѣе правдивая цифра будетъ на сторонѣ казачьяго преданія, т. е. трудно предположить, чтобы въ то время казаки могли отправить въ походъ болѣе 500 человѣкъ,

ихъ всего-то на Яикѣ тогда было не болѣе 1000—1500 человекъ; если бы изъ этого количества погибло въ Хивѣ тысяча, то мы едва ли бы встрѣтили потомъ яицкихъ казаковъ въ войскахъ самозванцевъ, между тѣмъ участіе ихъ въ событіяхъ этого времени подтверждается многими историческими актами.

Что казаки были не всѣ перебиты и что часть ихъ вернулась на Яикъ, показываетъ уже тотъ фактъ, что останшіеся на Яикѣ были подробно осведомлены объ участи своихъ погибшихъ товарищей, объ чемъ могли имъ сообщить только спасшіеся казаки.

Объ этомъ походѣ у казаковъ сохранилась слѣдующая пѣсня:

Не яны соколики солеталися,
 Не хивинскіе визирушки соѣзжались,
 Сходилися, соѣзжались добры молодцы,
 Удалые казаки пріяицкіе;
 Ови крѣякую тутъ думу думали:
 „А кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
 Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слить?
 Ужъ мы выберемъ ребятушки атаманушку,
 Налета мы возьмемъ себѣ походнаго
 Нечая казака возьмемъ бывалого!“
 Нечай говорить—словно труба трубить,
 Начнетъ покрикивать словно сверѣль свистать.
 ...— А и долго-ль намъ, ребята, на моряхъ стоять?
 На моряхъ стоять, ребята, лишь разбой держать!
 Не пора ли намъ, ребята, все опомниться,
 Все опомниться, ребята, воспokaяться,
 Воспokaяться, ребята, въ своихъ вольностяхъ?
 Не итти-ли намъ, ребята, во Россіюшку,
 Во Россіюшку, ребята, все съ повинною?
 Мы съ повинною пойдемъ къ царю Бѣлому,
 Повесемъ мы къ нему свои головы повинныя,
 А не то пойдемъ, ребята, да полонимъ Хиву,
 Покоримъ мы ее царю-батюшкѣ,
 И Хивой, тогда, ребята, мы поклонимся¹⁾.

Кромѣ этой пѣсни имѣется еще два варианта ея; обѣ онѣ кончатся тѣмъ, что казаки хотятъ поклониться Хивою царю Бѣлому.

Что казаки были знакомы съ Хивою далеко до похода Нечая, видно изъ жалобы хивинскихъ пословъ въ 1567 г. турецкому султану о томъ, что казаки не только взяли Астрахань, но что „и ихъ воюють“. Жалуясь султану,

¹⁾ Эта пѣсня была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. (см. Макушина, „Сборн. пѣсн. и а. каз.“, стр. 54).

что казаки и ихъ воюють, хивинцы безусловно говорили именно о хивинскомъ ханствѣ, которое и тогда не выходило изъ предѣловъ рѣки Аму-Дарья. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ яцкіе казаки, воспѣвая Яикъ, между прочимъ говорятъ:

„Ахъ бывало мы, казаки-братцы,
На твоихъ волнахъ лихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычею
За персидскою, за хивинскою“...¹⁾

Гдѣ же казаки могли, плавая на легкихъ стругахъ, имѣть себѣ хивинскую добычу?

Всѣ историческія данныя говорятъ намъ, что рѣка Аму-Дарья когда-то однимъ изъ рукавовъ своихъ (горловиной) впадала въ Каспійское море, о чемъ упоминается и въ книгѣ „Большой чертежъ“, гдѣ свѣдѣнія о Хивѣ занесены по разспросамъ хивинскихъ купцовъ или путешественниковъ. Тамъ объ Аму-Дарьѣ говорится такъ: „Изъ Синего моря (Аральскаго моря) вытекла рѣка Арзасъ и потекла въ Хиалимское море (Каспійское)... А въ рѣку Арзасъ съ востоку пала рѣка Аму-Дарья...“ Очевидно, что тутъ подъ названіемъ Арзасъ надо понимать ту „горловину“, которая шла отъ Аму-Дарьи въ Каспійское море и которая известна у хивинцевъ подъ именемъ *Узбой*. Разгуливая по Каспійскому морю и посѣщая персидскіе берега, яцкіе казаки не забывали навѣщать и горловину Аму-Дарьи и знакомиться съ хивинскими товарами... А разживаться тамъ было чѣмъ: въ то время по берегу горловины Аму-Дарьи отъ Каспійскаго моря вплоть до Ургенча стояли богатые города, развалины которыхъ, сохранившіеся до нашихъ дней, вмѣстѣ съ развалинами крѣпостей, большихъ зданій, минаретовъ и памятниковъ изящнаго восточнаго зодчества, построенныхъ изъ жженого кирпича съ разноцвѣтною поливой, слѣды водопроводовъ и оросительныхъ канавъ, золотыя и серебряныя монеты и записки—все напоминаютъ о томъ, что живъ въ безводной Турменской пустынѣ когда то живѣла жизнь²⁾.

По этой „горловинѣ“, Узбою, лежалъ съ незапамятныхъ временъ торговый путь изъ Каспійскаго моря въ Хиву и города, стоявшіе по его берегу, славились своимъ богатствомъ и красотой.

Было тогда гдѣ разгуляться пріятели орла. Испуганные ихъ набѣгами и грабежами на морѣ и особенно набѣгомъ Начая, хивинцы дѣйствительно перегородили Аму-Дарью вблизи Аральскаго моря, о чемъ и говорится въ преданіи яцкихъ казаковъ, тогда болѣе другихъ заинтересованныхъ въ этомъ событіи. Преданія хивинцевъ и записки путешественниковъ того времени вполне согласуются съ преданіями яцкихъ казаковъ, хотя годъ

¹⁾ Н. Г. Якушкинъ. Сбор. пѣс. Урал. каз., стр. 50.

²⁾ Книга „Аму и Узбой“ неяснѣнн. автора. Печатаю въ Самарѣ 1879 г., стр. 44.

устройства плотины, существующей до сих пор у устья Аму-Дарьи въ Хивѣ, показанъ различно ¹⁾.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что хивинцы перегородили русло Узоя послѣ морскихъ налетовъ янцзыхъ и волжскихъ казаковъ на города и села, лежавшіе по Узюю; и лишь только послѣ этого и переселенія жителей съ береговъ Узоя въ Хиву казаки предприняли туда набѣгъ черезъ степь.

Дальнѣйшія событія на Руси не прошли безслѣдно для янцзыхъ казаковъ; поводомъ для этого могло послужить волненіе у терцевъ, ближайшихъ соудей янцзыхъ казаковъ на морскихъ промыслахъ.

Вѣсть о событіяхъ въ Москвѣ долетѣла и до нихъ далекой запольной рѣки, и къ нимъ на Терекъ дошли вѣсти, что при вступленіи на престолъ самозванецъ, принимая въ первый разъ бояръ, допустилъ къ своей рукѣ раньше бояръ главныхъ своихъ помощниковъ—донскихъ и малороссійскихъ казаковъ.

Захотѣли-ли терцы имѣть и себѣ такую же честь или по другимъ причинамъ, но въ 1606 г. они одного изъ своихъ казаковъ *Илью Муромца* назвали *Петромъ* и стали разглашать, что въ 1592 г. царица Ирина (жена Федора Иоанновича) родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Θεодосіей, вскорѣ послѣ того умершею,—выдумка, по всѣмъ вѣроятіямъ, московская—замѣчаетъ Соловьевъ²⁾, т. к. странно, чтобы какому-нибудь казачку пришли на умъ такіа хитрости.

И вотъ раннею весною 1606 г. терцы всѣмъ войскомъ спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ противъ устья Терека. Напрасно терскій воевода уговаривалъ ихъ не покидать границу беззащитною и оставить по крайней мѣрѣ половину казаковъ на Терекѣ; но казаки не послушались и всѣ, въ числѣ 4 тысячи, отправились къ Астрахани и поплыли далѣе по Волгѣ. Узнавъ объ этомъ, Лжедмитрій послалъ звать даревича въ Москву, посланный засталъ ихъ въ Самарѣ; казаки согласились и двинулись вверхъ по Волгѣ, но дядя не могъ уже свидѣться съ племянникомъ.

Въ Москвѣ въ это время не существовало Лжедмитрія,—онъ былъ убитъ (17 мая 1606 г.) и вмѣсто него былъ избранъ на царство бояринъ *Василій Шуйскій*.

Янцзие казаки не могли не быть освѣдомлены о происходившихъ событіяхъ и еще раннею весною, гуляя на промыслахъ по Каспійскому морю, они встрѣтали тамъ своихъ товарищей терцевъ съ ихъ царевичемъ Петромъ. Если они удержались отъ совѣстной побѣды съ ними въ Москву, то вѣроятно присоединились къ нимъ въ то время, когда терцы шли назадъ и спускались внизъ по Волгѣ, узнавъ, что Лжедмитрій убитъ. Когда же вслѣдъ за смертью Лжедмитрія распространился слухъ, что онъ не убитъ, а спасся и зоветъ опять

¹⁾ Въ книгѣ „Аму и Узюю“ находятся интересныя матеріалы по этому вопросу. Въ этой книгѣ главнымъ образомъ рѣшается въ утвердительноиъ смыслѣ вопросъ о направленіи Аму-Дарьи по старому руслу и о соединеніи такимъ образомъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 144—145.

въ службу вѣрныкъ ему казаковъ, ялиціе казаки двинулись вмѣстѣ съ терцами и съ царевичемъ Петромъ мимо Царицына на Довъ¹⁾, гдѣ и приняли потомъ совмѣстно съ донцами и съ другими казаками самое дѣятельное участіе подъ знаменами второго самозванца. Въ довершеніе смуты, чтобы крестьяне не переходили толпами къ самозванцу, царь Василій Шуйскій издалъ 9 марта 1607 г. рѣшительный указъ о укрѣпленіи навсегда крестьянъ за помѣщиками.

Въ виду того, что ялиціе казаки участвовали во все время смуты въ войскахъ самозванцевъ и принимали участіе во всѣхъ бояхъ, и т. к., за весьма рѣдкими исключеніями, во всѣхъ этихъ бояхъ казаки въ лѣтописяхъ не раздѣляются по войскамъ, а прямо называются казаками, является необходимость хотя въ краткомъ очеркѣ изложить послѣдовательно всѣ событія того времени.

Вся сѣверская украинна (лежавшая тогда по лѣвому берегу Дибиря) по призыву Путивльскаго воеводы князя *Шаховскаго* возстала первая. Вождемъ собравшагося ополченія сдѣлался бѣглый холопъ *Болотниковъ*. Матернія войска быстро шли къ Москвѣ, но подъ городомъ Серпуховымъ 2 декабря 1606 г. были разбиты царскими войсками подъ начальствомъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Болотниковъ бѣжалъ. Нѣкоторые казаки (4 тысячи, какіе—неизвѣстно) еще держались въ селеніи Заборѣ, но наконецъ съ атаманомъ Беззубовымъ сдались, присягнувъ царю Василію въ вѣрности. Болотниковъ же укрѣпился въ Калугѣ. Недовольные прикрѣпленіемъ къ землѣ и отдачею ихъ въ зависимость помѣщикамъ, крестьяне толпами стали переходить къ Болотникову. Между тѣмъ Шаховской призвалъ къ себѣ терскаго Илью Муромца—царевича Петра, который вмѣстѣ съ терскими, донскими и вѣроятно и ялицкими казаками былъ встрѣченъ въ Путивлѣ „съ честью“ и скорѣ съ Шаховскимъ, разбивъ царскія войска при Пчельнѣ и принудивъ ихъ снять осаду съ Калуги, прибылъ въ Тулу, гдѣ присоединился къ нимъ и Болотниковъ со своею толпою.

Узнавъ, что Болотниковъ соединился съ Илейкой, какъ звали самозванца царевича Петра, царь Василій послалъ князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Дянунова къ *Каширѣ*. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель, пошелъ тоже къ этому городу. Войска сошлись на берегахъ рѣки *Восмы 5 іюня 1607 г.* Въ этой битвѣ, по словамъ лѣтописей, „воровъ было казаковъ донскихъ и терскихъ и волжскихъ и *ялицкихъ* и украинскихъ людей, путивцевъ и ельчанъ съ товарищи тридцать тысячъ“... Битва продолжалась съ утра до 5 часовъ вечера. Болотниковъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ Тулѣ, „а достальные вору и лучшіе ихъ промышленники терскіе

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. XII, стр. 99.

и ямскіе, волжскіе, донскіе, и путявльскіе и рыльскіе атамань и казаки... тысяча семьсотъ человекъ... сѣли въ бояракѣ (въ оврагѣ) и городокъ себѣ сдѣлали... а подлѣ боярака стояли съ рязанцы, Ѳеодоръ Булгаковъ да Прокофій Дяпуновъ и воровскіе люди изъ боярака изъ ружья стрѣляли по рязанцамъ... и воры казаки въ бояракѣ сидѣли два дни... упрямылись, чтобъ имъ помереть, а не отдаться... стрѣляли изъ ружей до тѣхъ жѣсть, что у нихъ зелья (пороха) не стало; и тѣхъ воровъ многихъ побили, а достальныхъ взяли и назавтрее всѣхъ казнили... *только оставили семь человекъ съ жемчужъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородцевъ да Арзамасцевъ, что они тѣмъ дворянамъ учинили добро, какъ они шли казаки съ Терека съ воровъ съ Петрушкою, Волгою, къ вору расстригѣ (первому Лжедмитрію) и воротились съ воровъ Волгою назадъ, и тѣхъ дворянъ встрѣтили на Волгѣ и воръ ихъ хотѣлъ побить, и они ихъ не ведали побить"...¹⁾.*

Разбивъ матешниковъ подѣ Каширою, царь Василій, вмѣстѣ съ войсками, двинулся къ Тулѣ, гдѣ заперся Болотниковъ съ самозванцемъ Петрошъ. У нихъ было не менѣе 20 тысячъ войска. Чтобы взять безъ боя Тулу, рѣшили запрудить рѣку Упу плотиною; боясь потона и голода, Болотниковъ 10 октября 1607 г. сдался, послѣ чего Болотниковъ, Шаховской, Ильи Муромецъ и казачій атаманъ Ѳеодоръ Нагиба были посланы въ ссылку, гдѣ потомъ Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, а Болотникова и Ѳеодора Нагибу утопили въ Каргополѣ.

Казалось, что всѣ враги, волновавшіе русскую землю, были уничтожены, но поляки отыскали другого смѣльчака, который согласился принять на себя роль царевича Дмитрія. Это былъ впоповскій сынъ Матвій Веревкинъ или, какъ увѣряють современныя лѣтописи, „жидъ“, который и объявилъ себя спасшимся царевичемъ Дмитріемъ.

Снова на Руси поднялась смута. Снова сѣверская украинна, казаки и толпы крестьянъ стали толпами приходять къ новому самозванцу. Къ нему пристали также толпы поляковъ подѣ зачальствомъ Мѣховецкаго, который назвался гетманомъ войскъ второго самозванца. Начальство надъ казаками принялъ на себя атаманъ малороссійскихъ казаковъ Иванъ Мартыновъ *Заруцкій*, лукавый и рѣшительный человекъ²⁾.

Вся южная Россія признала его своимъ царемъ; толпы самозванца двинулись къ Калугѣ, гдѣ и укрѣпились. Царь Василій вмѣстѣ съ другими войсками послалъ въ Калугу и тѣхъ четыре тысячи казаковъ, которые сдались подѣ Серпуховомъ 2 декабря 1606 г. Но эти казаки, прибывъ въ калужскій станъ, взбунтовались, и воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву, а казаки передались самозванцу. Одновременно съ этимъ къ самозванцу приходили все новыя и новыя войска изъ Литвы и Польши. Собравшись съ силами, самозва-

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., томъ XII прим. 131 и 132 и Акты Арх., т. II № 74.

²⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т. XII, стр. 39.

нець двинулся къ Москвѣ и, разбивъ по дорогѣ высланное противъ него царское войско, расположился 1 іюня 1608 г. станомъ въ селѣ Тушинѣ близь Москвы, почему и получилъ названіе *Тушинскаго вора*. Отпущенная изъ Москвы жена перваго самозванца, *Марина Мнишекъ*, была перехвачена вторымъ самозванцемъ, который принудилъ ее признать его своимъ мужемъ, что ему было необходимо для доказательства того, что онъ дѣйствительно тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія.

Вслѣдъ за утвержденіемъ втораго самозванца въ Тушинѣ ему присягнули 22 сѣверныхъ города.

Пока самозванецъ стоялъ въ Тушинѣ, польскій король Сигизмундъ вступилъ въ предѣлы Россіи, осадилъ Смоленскъ и послалъ гетмана Рожинскаго схватить Лжедмитрія. Но Лжедмитрій, узнавъ объ этомъ, переодѣвшись, тайно ночью бѣжалъ въ Калугу (29 декабря 1609 г.). Русскіе, считавшіе все время Лжедмитрія истиннымъ царевичемъ, не захотѣли служить королю и на утро казаки всѣ двинулись изъ Тушина въ Калугу, но Рожинскій со своими латинками настигъ ихъ и изрубилъ болѣе тысячи человекъ и казаки вынуждены были вернуться обратно. Но спокойствіе было не надолго. Казаки, не желая служить полякамъ, воспользовавшись случаемъ, ушли въ Калугу, куда перѣехала и Марина Мнишекъ. Между тѣмъ мятежъ разгорался все болѣе и болѣе... Поляки осаждали Троицкую лавру, король шелъ войною на западныя области. Города были разорены, селенія пусты. Всѣ были вооружены, всѣ стремились невѣдомо куда, но общія мысли были направлены теперь противъ одного врага, поддерживавшаго смуту — поляковъ. Войско, посланное Шуйскимъ противъ Сигизмунда подъ начальствомъ брата его Дмитрія Шуйскаго, было разбито польскимъ гетманомъ Жолѣвскимъ и это пораженіе погубило Шуйскаго. Жолѣвскій послѣ побѣды пошелъ къ Москвѣ, чтобы возвести на московскій престолъ Владислава.

Самозванецъ тоже двинулся къ Москвѣ изъ Калуги. Тогда москвитяне съ Захаромъ Лянуновымъ низложили Шуйскаго съ престола и насильно постригли его въ монахи, а братьевъ его заключили подъ стражу (1610 г. 17 іюля).

Послѣ низложенія Василія на Русь наступило *междоусерствіе*. Жолѣвскій, стоявшій подъ Москвою, требовалъ избранія на престолъ Владислава, и боярская дума рѣшила лучше подчиниться Владиславу, чѣмъ самозванцу, послѣ чего Жолѣвскій вошелъ въ Москву, но узнавъ, что Сигизмундъ самъ хочетъ быть московскимъ царемъ, немедленно уѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, захвативъ съ собою низложеннаго Шуйскаго съ братьями, а начальство надъ поляками, оставшимися въ Москвѣ, поручилъ *Гонимскому*. Между тѣмъ жители сѣверо-восточныхъ городовъ, страшно разоряемые воровскими шайками самозванца, стали постепенно возставать противъ него и города, еще не занятые тушинцами, слыша о ихъ разбояхъ, пересылались между собою грамотами, чтобы имъ тушинскому царю не присягать, а стоять за московское го-

сударство, и одинъ за другимъ они стали возставать противъ самозванца.

Въ это же время (въ декабрь 1610 г.) самозванецъ былъ убитъ ногойскимъ княземъ Арсланомъ.

Москва, присягнувшая Владиславу изъ страха предъ самозванцемъ, закумала послѣ его смерти свергнуть польское иго и, выгнавъ поляковъ изъ Московскаго государства, выбрать своего русскаго царя. Разосланные патріархомъ Гермогеномъ грамоты по городамъ, призывавшіе народъ на защиту православной вѣры, возмѣли свое дѣйствіе и къ Москвѣ потянулись служилые люди изъ областей.

Во главѣ ополченія всталъ *Проконій Ляпуновъ*. Видя, что надежды на возведеніе на московскій престолъ своего кандидата рушились, и видя полный разгромъ Руси и засилье поляковъ, казаки подъ начальствомъ Заруцкаго и князя Трубецкаго присоединились къ ополченію Ляпунова. И вотъ въ мартѣ 1611 г. сто тысячъ войска вошли въ сожженную поляками Москву, жители присоединились къ войскамъ и осадили поляковъ въ Кремль и Китайгородъ. Битвы продолжались съ перемежнымъ счастіемъ. Въ то-же время Заруцкій, „алчный и венасытнѣй“, какъ называютъ его лѣтописи, женившись на Маринѣ-Миншекъ и общаясь ей возвесты на престолъ сына ея отъ Тушинскаго вора — Ивана, пользуясь смутными обстоятельствами и желая еще болѣе расположить къ себѣ казаковъ, разрѣшилъ казакамъ грабить не только въ городѣ, но и въ селеніяхъ. Строгій Ляпуновъ захотѣлъ прекратить эти грабежи и, для примѣра и въ страхъ другимъ, 20 казаковъ, пойманныхъ и уличенныхъ въ грабежахъ, приказалъ, посадивъ въ ящикъ, бросить въ воду. Но казаки спасли брошенныхъ и стали роптать на Ляпунова. Въ свою очередь засѣвшій въ кремль Госѣвскій написалъ именемъ Ляпунова указъ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи казаковъ въ одинъ день и часъ. Этотъ подложный указъ поналъ въ руки казаковъ, которые потребовали отъ Ляпунова объясненія. Въ кругу, среди собравшихся казаковъ Ляпуновъ объяснилъ имъ подложность этой бумаги, но казаки, руководимые Заруцкимъ, возмущались и убили Ляпунова.

Вся власть послѣ этого перешла къ честолюбивому Заруцкому и казаки подъ его руководствомъ вновь предались грабежу.

Казалось, земля русская погибла. Но въ это время въ Нижнемъ-Новгородѣ явились патріоты: князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій* и гражданинъ *Мининъ*. Они сдѣлали воззваніе къ народу, молили спасти Россію отъ гибели, и отовсюду пошли къ Нижнему ратные люди, посвящались пожертвованія. Находившійся подъ Москвою Заруцкій, боясь нижегородскаго ополченія, хотѣлъ избавиться отъ Пожарскаго убійствомъ, но это ему не удалось. Тогда онъ съ частію казаковъ и съ Мариною Миншекъ бѣжалъ въ юго-восточныя области къ Астрахани.

Другая часть казаковъ, подъ начальствомъ князя *Трубецкого*, присоединилась къ ополченію князя *Пожарскаго*.

Придя къ Москвѣ въ августѣ 1612 г., *Пожарскій* разбилъ польскаго гетмана *Ходкевича*, прішедшаго на помощь полякамъ, сидѣвшимъ въ Кремлѣ. Битва была кровопролитная и упорная; не имѣя болѣе надъ собою злой воли *Заруцкаго*, казаки отчаянно бились вмѣстѣ съ ополченцами. Въ седьмой часъ битвы, когда ополченіе было утомлено, *Пожарскій* для поддержанія пыхоты принужденъ былъ слѣзнуть конницу. *Трубецкой* не пожелалъ принять участія въ битвѣ, тогда бывшіе у него казачьи атаманы *Межаковъ*, *Колонна*, *Романовъ* и *Козловъ*, вида, что поляки берутъ верхъ, сказавъ *Трубецкому*: „Отъ вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится!“¹⁾ крикнули „на коня!“ и со всѣми своими казаками²⁾ быстро ввалили на польское войско и рѣшили битву, — поляки бѣжали къ *Поклонной горѣ*.

24 августа, въ поведѣльникъ, на разсвѣтѣ опять начался бой и продолжался до шестого часа утра. Поляки смяли русскихъ и втоптали ихъ въ рѣву, такъ что самъ *Пожарскій* едва устоялъ со своимъ полкомъ и принужденъ былъ переправиться на лѣвый берегъ. Казаки не принимали участія въ битвѣ, ушли за рѣку въ своему табору и покинули *Клементьевскій острожекъ*, который тотчасъ былъ занятъ поляками, вышедшими изъ *Китай-города*. Поляки распустили свои знамена на церкви св. *Климента*. „Этотъ видъ литовскихъ знаменъ на православной церкви раздражалъ казаковъ, — пишетъ *Соловьевъ*,³⁾ — они съ яростью бросились опять къ острожку и выбили оттуда поляковъ; но одно чувство у этихъ дикарей смѣнялось другимъ: увидавъ, что они одни бьются съ непріятелемъ, а дворяне *Пожарскаго* имъ не помогаютъ, казаки въ сердцахъ опять вышли изъ острога, ругая дворянъ: „они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда!“ *Клементьевскій острогъ* опять былъ занятъ поляками.

Видя, что съ однимъ своимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣло, *Пожарскій* и *Мининъ* послали къ казакамъ келаря *Авраамія Палыгина*. *Авраамій* въ сопровожденіи многихъ дворянъ отправился въ началѣ къ самому важному мѣсту къ — *Клементьевскому острогу*, у котораго еще стояла толпа казаковъ, и началъ говорить имъ: „Отъ васъ началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростію: а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить?“ Эти слова тронули казаковъ: они отвѣчали, что готовы идти на враговъ и помереть, а безъ побѣды не возвратятся, только пусть келарь ѣдетъ въ таборы къ другимъ казакамъ⁴⁾ и угошариваетъ ихъ также всту-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 448.

²⁾ Какіе это были казаки — неизвѣстно.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 449—450.

⁴⁾ Изъ этого видно, что казаки въ Москвѣ были различнаго войска.

пить въ дѣло. Келарь лѣзъ на берегу рѣки увидалъ множество казаковъ, которые собирались переходить на тотъ берегъ въ свои таборы; Палицынъ уговорилъ и ихъ возвратиться назадъ; другіе казаки, которые стояли уже на другомъ берегу, вида, что братья ихъ возвращаются назадъ, не зная еще въ чемъ дѣло, бросились также назадъ черезъ рѣку, одни вбродъ, другіе по лавамъ; вида, что дѣло пошло на лады, Палицынъ перебѣжалъ черезъ рѣку въ самые таборы казацкіе; здѣсь одни казаки преспокойно пили, другіе играли въ зернь, но Палицынъ успѣлъ и ихъ уговорить, и вотъ вся эта толпа оборванцевъ, босыхъ, вагихъ (ибо все награбленное тотчасъ пропивалось и проигрывалось) бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей, съ крикомъ „Сергіевъ! Сергіевъ!“¹⁾. Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарскаго тоже двинулось впередъ, острогъ Клементьевскій былъ снова взятъ у поляковъ и русская пѣхота залегла по ямамъ и крапивамъ по всѣмъ дорогамъ, чтобы не пропускать гетмана къ городу“²⁾. На другой день гетманъ Ходкевичъ, вмѣстѣ съ бывшими у него малороссійскими казаками, ушелъ отъ Москвы въ Можайску.

Но въ это время опять наступила рознь между казаками и дворянами. Виновики этого считаютъ князя Трубецкаго, который не хотѣлъ подчиняться Пожарскому, а также князя Шаховскаго, Плещеева, Шереметьева и князя Засѣкина, которые начали „атамановъ и казаковъ научать на всякое зло, чтобъ раздѣленіе и ссору въ землѣ учинить“. Результатомъ этого было то, что казаки стали кричать, „что они голодны и холодны, не могутъ долѣе стоять подъ Москвою, пусть стоятъ подъ нею богатые дворяне!“

Послѣ такого заявленія казаковъ, архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры Діонисій и келарь Авраамій послали казакамъ церковныя сокровища: ризы, стихари, епитрахили въ закладъ въ тысячѣ рублей на короткое время и написали имъ грамоту. Эта посылка тронула казаковъ: имъ стало совѣстно и страшно брать въ закладъ церковныя вещи изъ монастыря и они возвратили ихъ обратно съ двумя атаманамъ и въ грамотѣ своей обѣщались все перетерпѣть и отъ Москвы не уйти.

Послѣ этого дружными усиліями обѣ рати осадили Кремль и 22 октября 1612 г. казаки взяли штурмомъ Китай-городъ. Черезъ мѣсяць послѣ этого сдался и Кремль. При этомъ польскій полковникъ Струсь со своимъ полкомъ достался казакамъ, которые „многихъ плѣнныхъ ограбили и побили“. 27 ноября оба ополченія Трубецкаго и Пожарскаго сошлись въ Кремлѣ, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Обѣдней и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ, — говоритъ Соловьевъ, — окончилось великое народное торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно черезъ два вѣка“ (1812 г.).

¹⁾ Св. Сергій считался заступникомъ русской земли, почему въ данномъ случаѣ это былъ боевой кличъ московской рати.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 450.

Въ то время, когда въ Москвѣ праздновали побѣду, князь Пожарскій послалъ особый корпусъ на встрѣчу Сигизмунду, сѣдшавшему къ освобожденію осажденныхъ въ Кремлѣ; этотъ отрядъ разбилъ, шедшаго впередъ короля, войско Адама Жолтѣвскаго. Король въ свою очередь потерпѣлъ неудачу и подѣ Волоколамскомъ, гдѣ казацкіи атаманы Нелюба Марковъ и Иванъ Еванчинъ на трехъ приступахъ „побили много литовскихъ и нѣмецкихъ людей“. Послѣ этой неудачи король повернулъ назадъ въ Польшу.

Освободившись отъ враговъ, Москва стала готовиться къ выборамъ царя. Разославы были по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать въ Москву выборныхъ для великаго дѣла. При выборахъ царя „какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ *Михаилъ Федоровичъ Романовъ*, его и надобно избрать въ цари. Въ это-же время вошелъ донской-атаманъ и также подалъ письменное мнѣніе. — „Что это ты подалъ, атаманъ?“ — спросилъ его князь Пожарскій. — „О природномъ царѣ *Михаилѣ Федоровичѣ*“, — отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ, рѣшило дѣло: *Михаилъ Федоровичъ былъ провозглашенъ царемъ*¹⁾.

Новый царь былъ избранъ. Междоусобице кончилось. Въ 1613 г. въ казачьемъ кругу, собранномъ на Дону, гдѣ было много волжскихъ и яицкихъ казаковъ — казаки присягнули на вѣрность новому царю. Вотъ что пишетъ объ этомъ Соловьевъ²⁾. „Донцы по этому случаю вынесли только-что полученное царское знамя, составили около него кругъ, а подѣ знаменемъ лежалъ человекъ, осужденный на смерть. Когда царскій посланникъ Олухтинъ спросилъ, что это за человекъ? то ему сказали: „двое пьяныхъ казаковъ проговорились, что атаманы и казаки за насѣхъ вертятся, а отъ Ивашки Заруцкаго не набить, быть подѣ его рукою“. Одного изъ этихъ казаковъ прежде повѣсили, а другой приговоренъ къ смерти и лежитъ теперь подѣ знаменемъ. При этомъ многіе казаки били челомъ посланнику, чтобъ онъ для имени царскаго величества отпросилъ у нихъ этого молодца отъ казни, потому что онъ виноватъ безъ хитрости, неумышленіемъ сопьяна. Посланникъ, зная, что такъ бывало и прежде, и видя, что тутъ было много казаковъ со Волги и Яика, что ихъ государскою милостию обладежить, началъ говорить: „Вы этому казаку ничего не сдѣлали до меня, я теперь пріѣхалъ съ царскимъ жалованьемъ, у васъ у всѣхъ теперь радость, а государь милосердъ и праведенъ, всѣхъ насъ виноватыхъ пожаловалъ, ни чьихъ винъ не помянулъ: такъ и вы бѣ теперь этого виноватаго для имени царскаго величества пощадите; а царское величество Богъ въ сохраненіи держитъ, и враги ему никакого зла сдѣлать не могутъ.“ Только что посланникъ выговорилъ эти слова, казаки завопили: „Дай Господи государю царю на многія лѣта! Сами мы зна-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 8, стр. 460—461.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 25—26.

емъ, что государь милосердъ и праведенъ, Божій избранникъ, никто ему зла сдѣлать не можетъ“. Осужденнаго подняли и атаманъ Епиха Радиловъ сталъ его бранить: „пора прійти въ познаны: сами знаемъ, сколько крови пролилось въ Московскомъ государствѣ отъ нашего воровства и смутныхъ словъ, что виѣщали въ простыхъ людей; мы уже по горло ходимъ въ крови христіанской; теперь Богъ далъ намъ государя милостиваго, и вамъ бы собакамъ перестать отъ воровства, а не перестанете, то Богъ васъ всѣхъ побьетъ, гдѣ бы вы ни были“.

Присутствіе янцѣихъ и волжскихъ казаковъ на Дону объясняется тѣмъ, что въ то время и вплоть до царствованія Петра I-го казачьи общины составляли какъ бы одну семью. Донское же войско, какъ болѣе многочисленное и старѣйшее, виѣло вліяніе на другія казачьи войска. Здѣсь на Дону собирались казаки всѣхъ войскъ, рѣшались всѣ серьезныя казачьи дѣла: куда итти казакамъ въ походы за зипунами, кому служить и т. д. Донцы, когда ихъ было мало, чтобы итти куда-либо на промышель, а также и другіе казаки (янцѣе, малороссійскіе, волжскіе и терскіе) посылали станицы въ соседнія войска и приглашали ихъ съ собою въ походы. Что Донское войско виѣло громадное вліяніе на другія казачьи войска, въ томъ числѣ и на Янцѣе, видно будетъ изъ слѣдующихъ главъ.

Такъ кончилось смутное время на Руси, затихли бранные клики, но внутри Россіи остались пустынные области, инопеленные города и деревни, тысячи разоренныхъ и обнищавшихъ крестьянъ. Земля была разорена.

Дошедшіе до насъ акты того времени рисуютъ намъ страшныя картины того, какъ грабилась тогда земля руская: ятчане, извѣщая черняковъ въ 1611 г. о присягѣ своей Тушинскому Дмитрію и приглашая ихъ сдѣлать тоже самое, послали имъ образецъ кресто-цѣловальной записи, въ которой присягающіе, между прочимъ, обязываются не пускать къ себѣ казаковъ, въ томъ числѣ и *янкѣихъ*, иначе какъ только по торговымъ дѣламъ и не слушать указовъ ихъ..... „А казаковъ вамъ волжскихъ, и донскихъ, и терскихъ, и *янкѣихъ*, и астрянскихъ стрѣльцовъ въ городъ многихъ людей не пущати и ихъ указовъ не слухати-же; а пущати казаковъ въ городъ для торговли по немногу, десятка по два или по три и долго имъ въ городѣ не жити“¹⁾.

Это заявленіе ятчанъ было вызвано безконечными грабежами какъ казаковъ, такъ и выбитыхъ изъ селъ тысячи крестьянъ. Въ это тяжелое время для Руси всѣ сословія находились въ какомъ то броженіи, но болѣе всѣхъ страдали крестьяне и посадскіе люди. Не говоря о врагахъ виѣшнихъ — полякахъ, литовцахъ, много воровскихъ казачьихъ и крестьянскихъ шаекъ грабили въ городахъ и селахъ, грабили на большихъ дорогахъ, грабили на окраинахъ государства и подъ самой Москвою; и были по выраженію тогдаш-

¹⁾ Акты Арх. Эк., т. 2, № 170.

нихъ лѣтописцевъ „пуще я грубѣе латы и пѣмецъ“. Вотъ что говорится въ грамотахъ того времени объ этомъ: „велико посылати къ атаманамъ и казакамъ, которые стоятъ въ уѣздахъ и земли нашего государства пустошатъ, церкви Божія разоряютъ и образы обдираютъ, и всякое поруганіе православной крестьянской вѣрѣ чинятъ безпрестани и православныхъ крестьянъ мучать всякими различными муками и огнемъ жгутъ и до смерти побиваютъ какихъ посягъствъ въ всѣхъ земляхъ не бывало мукъ и позора всякими позорять, и собрати ничего не дадутъ, и казны нашей, которая нынѣ и впредь собрана въ городахъ, и запасовъ никакихъ къ намъ къ Москвѣ не пропустятъ, и ратныхъ нашихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей ихъ съ запаси, на нашу службу и торговыхъ людей ни съ какими товарами и проѣзжихъ конныхъ и пѣшихъ никакихъ людей нигуда не пропускаютъ, грабятъ и побиваютъ“¹⁾. Вотъ что говорятъ Карамзинъ о состояніи земли русской въ періодъ разгара смутнаго времени, гдѣ не казаки, а лахи и служилые московскіе люди „русскіе извѣнники“, перебѣжавшіе къ Тушинскому вору, разорали русскія области²⁾. „Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменины: путеводами, наставниками и хранителями лаховъ были наши извѣнники³⁾, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: лахи съ оружіемъ въ рукахъ только смотрѣли и смѣялись безумному междусобію. Въ лѣсахъ, болотахъ непроходимыхъ россияне указывали или готовили имъ путь и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасности, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала лахамъ, они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ красныхъ юношей и дѣвицъ или отдавали на увѣкузъ ближнимъ — а свои отнимали, къ забавѣ россиянъ! Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стлала теплая кровь, гдѣ лежали трупы убитыхъ, тамъ гнусное любострастіе искало овра для своихъ мерзостныхъ наслажденій... Святыхъ юныхъ иноковъ обнажали, позорили; лишены чести, лишались и жизни въ мукахъ срама... Были жены, прельщаемыя иноплемениниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражались за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ въ грудь лаху... всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самоколовъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Вида сію веселханную злобу, лахи содрагались и говорили: „что же будетъ намъ отъ россиянъ, когда она и другъ друга губятъ съ такою лютостью?.. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы — гос.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, №№ 44, 50, 53, 57, 59 и 61.

²⁾ Карамзинъ, т. XII, стр. 79—81.

³⁾ Это уже никакъ не казаки, казаковъ лѣтописцы называютъ своимъ именемъ: „казаки“

подажи, червь — дворянствомъ, дворяне — вельможами. Не только простые простые, но и знатные знатныхъ и разумные разумныхъ обольщали немѣною въ домахъ и въ самыхъ битвахъ... скотъ и псы жили въ алтарахъ; воздухомъ и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ; мяса стояла на дискосахъ, на икодахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы. Инокѡвъ, священниковъ палили огнемъ, допытывалась ихъ сокровищъ...“ и т. д.

Такъ разоряли землю свои „русскіе измѣнники“. Нельзя отрицать, конечно, и того, что въ этихъ грабежахъ принимали участіе и казаки, но вѣдь казаковъ у самозванцевъ было не болѣе 10—12 тысячъ, а остальную массу 30—40 тысячъ составляли „русскіе измѣнники“ и „ляхи“.

Основываясь на этихъ и другихъ документахъ, многіе, писавшіе объ участіи казаковъ въ рядахъ самозванцевъ, объясняютъ это исключительно только однимъ стремленіемъ казаковъ къ грабежу *родственнаго имъ русскаго народа*. Это какъ фактъ вошло даже въ учебники исторіи. Но это предположеніе болѣе чѣмъ неосновательно. Было бы наивно думать, что казаки шли въ самозванцамъ *ради только одного грабежа родной земли*. Трудно представить себѣ, чтобы сегодняшній выходецъ изъ Руси, самъ часто русскій и православный человѣкъ, этотъ борецъ за „вѣру православную“ шелъ бы съ легкимъ сердцемъ въ Русь исключительно только для грабежа. И кого онъ могъ грабить на Русь? Обищалаго, забитаго, полуголоднаго крестьянина? Что онъ могъ взять съ него? Зачѣмъ было имъ идти туда за зинчунами? У казаковъ было тогда широкое поле для грабежа, гдѣ имъ никто не мѣшалъ и гдѣ они имѣли богатую добычу—эти края были: Волга, Каспійское и Черное моря; тамъ вдали воеводъ, вдали бояръ они могли пировать на вольной волѣ, какъ борцы за Русь, какъ „лицари“, истребляя басурякъ, на пользу родины.

Имѣя такое обширное и богатое поле для грабежа, могли-ли казаки желать промѣнять его, рискуя быть переловленными и побитыми на другое поле—Русь? И что это вдругъ вздумалось имъ такъ сразу, ни съ того, ни съ сего, пограбить своего брата православнаго человѣка, да еще выдумать для этого самозванца да не одного, а потомъ и сразу нѣсколько?

Причину этого явленія надобно искать нѣсколько глубже.

Мы видимъ, что царь Борисъ сразу вооружилъ противъ себя казаковъ. Онъ запретилъ имъ бывать въ городахъ, гдѣ ихъ велѣлъ ловить, сажать въ тюрьмы и казнить, не отличая виноватыхъ отъ правыхъ. Этими сажимъ онъ поставилъ ихъ въ безвыходное положеніе, т. е. они не могли получать себѣ хлѣбъ, котораго не имѣли, и товары, которые имъ были необходимы.

И вотъ они слышатъ, что въ Польшѣ появился спасшійся отъ смерти царевичъ Дмитрій. Они получаютъ отъ него грамоту, посылаютъ своихъ доверенныхъ, чтобы убѣдиться въ подлинности царевича и вѣдать его въ Кра-

вовѣ у польскаго короля, окруженнаго пышною свитой и вельможными панами!

Этого было довольно, чтобы темные и безграмотные казаки увѣровали въ подлинность царевича.

Въ ихъ же казачьихъ вольныхъ поляхъ, гдѣ каждый былъ свободенъ и волея говорить, думать и дѣлать что ему хотѣлось, не справляясь съ желаніемъ своего начальства, гдѣ свобода слова и совѣты были главными и основными устоями общины,—тамъ, вѣроятно, знали о Борисѣ и Василиѣ далеко больше, чѣмъ въ Москвѣ, и не только ихъ подноготную жизнь, но и всѣ тѣ пути, благодаря которымъ они заняли престолъ московскихъ монарховъ,—эти свѣдѣнія, можетъ быть, даже и въ искаженномъ видѣ, во всякомъ случаѣ не въ пользу первыхъ, быстро распространились врагами царей Бориса и Василия среди казачьихъ общинъ и поэтому неудвительно, что казаки идутъ противъ Москвы, убѣжденные въ правоту своего дѣла, можетъ быть, даже увѣренные въ подлинности обоехъ самозванцевъ.

Грабежъ казаковъ былъ лишь—послѣдствіе и неизбежное зло тогдашней войны,—не только казаки, но и московскія рати на войнѣ занимались грабежомъ. А казаки тогда были на войнѣ: они вели войну съ правительствомъ, они хотѣли имѣть царя поставленнаго ими,—казаками; удачный опытъ допцовъ съ первымъ Лжедмитріемъ далъ имъ надежду имѣть другого царя, который будетъ относиться къ нимъ милостиво и ласково; они не любили Бориса за его казни, а Василия Шуйскаго уже, вѣроятно, потому, что онъ былъ виновникомъ паденія ихъ ставленника перваго Дмитрія и, понятна, они, какъ сторонники послѣдняго, не могли ждать къ себѣ милости и отъ Василия. Они не любили и самый строй Московскаго государства того времени, съ его лихоимными боярами, съ его сысками, застѣнками, съ его тяжелымъ гнетомъ и полнымъ безправіемъ низшаго класса.

Поэтому неудвительно, если мы видимъ казаковъ слѣпо и упорно бьющихся за своихъ ставленниковъ и когда надежды возвести ихъ на Московскій престолъ рушатся и когда они видятъ войска поляковъ въ стѣнахъ Москвы, видятъ развалъ земли русской, то они первые встаютъ на защиту Руси и дерутся рука съ рукою рядомъ съ русскимъ ополченіемъ, берутъ штурмомъ Китай-городъ, вкланутся, что не уйдутъ, пока не возьмутъ Кремля, и дѣйствительно держатъ свое слово.

Они грабили до тѣхъ поръ, пока находились подъ властью темной силы Болотнякова, Тушинскаго вора и Заруцкаго. Но достаточно было въ Москвѣ появиться среди ихъ рядовъ священному для нихъ духовенству, услышать ласковое слово этого ратовавшаго тогда за спасеніе родины духовенства и казаки отказались отъ жалованья, прекращаютъ грабежи и ревностно очищаютъ русскую землю отъ ненавистныхъ имъ поляковъ.

Шесть лѣтъ полной анархіи и междоусобія—время достаточное для того

чтобы разбудить въ темной массѣ народа инстинкты къ грабежу и превратить этотъ грабежъ въ дѣло обычное, привычное для вольницы, которая, какъ увидимъ далѣе, уже не довольствуется обычнымъ грабежомъ купцовъ и баржъ на Волгѣ и морѣ, а идетъ дѣйствительно уже на грабежъ земли русской, чего ранѣе до самозванщины въ казачьихъ общинахъ не бывало, а если и было, то какъ рѣдкое исключеніе.

Нельзя также умышленно подчеркивать грабежи только однихъ казаковъ и ратныхъ людей и не придавать значенія другимъ дѣятелямъ на томъ-же поприщѣ.

Кромѣ нихъ и казаковъ Русь грабили и далеко въ большей степени, чѣмъ казаки, люди высшаго правшаго класса: воеводы, дѣяки, сомѣщики и купцы.

Вотъ что имѣется у другого историка Соловьева о правахъ того времени¹⁾:

„Внутреннее духовное отношеніе человѣка было слабо; все держалось только формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя связь отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ самыя нѣжныя, самыя священныя связи! Взяточничество не уменьшилось, только взяточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія подозрѣнія просители вѣшали подарковъ къ образу въ домѣ правительственнаго лица, или при христосованіи всовывали деньги въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ. Во всѣхъ сословіяхъ, — говорить другой современникъ — иностранецъ, — воцарялись раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неизмѣрно; богачи брали росты больше жидовскихъ и масульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ сужалъ друга не иначе какъ подъ закладъ и сверхъ того бралъ четыре процента еженедѣльно, если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ безвозвратно“.

Это говорятъ иностранцы, а вотъ слова русскаго современника: „впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ и въ лихвы, и въ неправды и во всякія злыя дѣла“. О доносахъ при царѣ Борисѣ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: ²⁾ „довосили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ, отъ таково ужаса мужа отъ жень таялись и въ этихъ океанныхъ доносахъ много крови пролилось незваной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами разорили: ни при однои государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ. Люди происхожденія знаменитаго — князья, потомки Рюрика, доносили другъ на друга, мужьяны доносили царю, женщины — царицѣ“.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. 8, стр. 62—64.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. 8, стр. 68 и 69.

Такъ жила Русь въ то время.

И зная это, однихъ ли казаковъ—нужно обвинять въ разбоѣ? Конечно грабежи не дѣлаютъ чести казакамъ, но вѣдь тѣ, кто на Руси, должны были высоко носить знамя чести, тѣ первые не знали или забывали о ней и не темной и безграмотной массѣ казаковъ должно было быть выразителями ея идей? Они были дѣти своего времени и при томъ дѣти свободные, воинственные, умѣвшіе добывать себѣ добро только саблею. Они брали прихѣръ со своихъ старшихъ братьевъ—воеводъ и помѣщиковъ и дѣйствовали такъ же, какъ они, съ тою только разницею, что казакъ, занимаясь грабежомъ, рисковалъ въ отвѣтъ получить или пулю и ножъ, или тюрьму и висѣлицу; тогда какъ облеченный властью воевода и помѣщикъ, грабя народъ, не рисковалъ ни чѣмъ, напротивъ ограбленный имъ поселянинъ самъ рисковалъ, въ случаѣ сопротивленія, тюрьмою и даже жизнью.

Зная это, можно ли подчеркивать грабежи казаковъ и увѣрять, что ради только желанія пограбить русскую землю они вступали въ ряды самозванцевъ? Говорить это—значить говорить завѣдомую неправду и явно искажать исторію.

ГЛАВА VII.

Перенесеніе городна къ Кирсановскимъ ярамъ. Поимна на Яинѣ Заруцкаго и Марины. Перенесеніе городна на устье рѣни Чагана. Походъ Шемая въ Хиву. Служба казакѣвъ въ 1629 г. (1613—1632).

Ты, Янкушка, золотое дно!
На твоёмъ на днѣ, у крута яра,
У крута яра, у думаннаго,
У думаннаго, у Маринкина,
Лежить лодочка потоплена
Отъ золотой князевы со Маринкиной,
Въ Москвѣ каменной ей награбленной.
Ты теки, теки, нашъ Янкушка,
Ты корни, корни нашъ удалникъ
Добрнхъ молодцевъ, скажутъ вѣрннхъ
Царя батюшки благовѣрнаго.
(Изъ пѣснн Урал. казак.)

Нрошелъ, какъ тяжелый кошмаръ, кровавый періодъ самозванщины. Прислгою новому царю кончились казачьи смуты, но на окраинахъ Россіи остатки разбойничьихъ шаекъ продолжали грабить и разорять области; особенно отличался неутомимый наѣздникъ Лисовскій, который съ польскими отрядами, быстро переходя съ мѣста на мѣсто, опустошалъ южную и юго-западную Русь. Противъ него былъ посланъ Пожарскій.

Въ Астрахани-же скрывался другой врагъ Россіи—атаманъ Заруцкій съ Мариною Мнишекъ. Объявляя вездѣ ея сына Ивана царевичемъ и истиннымъ наследникомъ престола, онъ волновалъ всѣ юго-восточныя области и противъ него былъ посланъ изъ Москвы отрядъ подъ начальствомъ князя *Ивана Никитыча Одоевского*, окольничаго *Семена Васильевича Головина* да дьяка *Василія Юдина* и съ ними „дворяне и дѣти боярскія и стрѣльцы отъ московскихъ и сонзовыхъ городовъ и атаманы-казакки съ Дону, и съ Волги, и съ Яику, и съ Терян¹⁾“. Этотъ отрядъ выступилъ изъ Москвы 1614 г. въ маѣ мѣсяцѣ, водою („плавной“) Волгою.

Одновременно съ приказомъ о посылкѣ войскъ въ Астрахань противъ Заруцкаго новымъ царемъ была послана на Донъ грамота, въ которой онъ, обращаясь милостиво къ казакамъ, шлетъ имъ свое жалованье и велитъ имъ нарядить отъ себя казакѣвъ въ помощь московскимъ воеводамъ для помини Заруцкаго съ Мариною Мнишекъ. Въ этой грамотѣ, посланной 13 марта 1614 г., между прочимъ, говорится²⁾.

¹⁾ Акты Истор., т. III № 270, стран. 486—488. Тоже Донскія дѣла (Русск. Истор. библ.), т. XVIII, стр. 58.

²⁾ Русская Историческая бібліотечка, т. XVIII, Донскія дѣла стр. 67—68. № 14. Царская грамота Донскому казачьему войску съ посылкою знамени, воинскихъ и другихъ запасовъ, съ извѣщеніемъ о походѣ воеводъ подъ Астрахань, и съ требованіемъ помощи противъ Заруцкаго и Марины.

...А на Волгу-бъ есте, и на Яикъ, и на Терекъ, и по нѣмъ рѣчкамъ къ атаманомъ ихъ казакомъ отъ себя писали и послали, чтобъ они, помни Бога, я души свои, и нашу истинную православную хрестьянскую вѣру греческаго закона, и прежнихъ великихъ государей Російскихъ, предковъ нашихъ, къ себѣ ихъ царское милостивое жалованье и свою къ нимъ, великимъ государемъ, службу и правду, и видя нашу царскую милость и жалованье во всѣмъ нашимъ подданнымъ, хто намъ, великому государю, ставеть служить, нынѣ намъ, великому государю, потому-жъ съ вами вмѣстѣ— служили и правили, и на Астороханскихъ воровъ, на Івашка Заруцкого съ товарищи съ нашими бояры и воеводы и съ ратными людьми шли вмѣстѣ, и намъ, великому государю, служили, и надъ ними промышляли, сколько милосердый Богъ помощи подаетъ, а ихъ воровской смуте ни въ чемъ не верили и крови хрестьянскіе вновь ляти не заводили. *А мыне-бъ къ намъ, великому государю, Волские, и Яицкие и Терские и иныхъ рѣкъ атаманы и казаки прислали съ товарищей своихъ наши царскіе очи и къ себѣ наше царское милостивое жалованье и повелѣнье видети, и мы, великій государь, дадимъ наши царскіе пресвѣтлые очи видети, и пожалованъ ихъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, къ нимъ отпустимъ, и съ ними прикажемъ и отпашемъ къ нимъ подлинно, какъ имъ быти въ нашемъ царскомъ жалованье и въ повелѣньи. А какъ вы, атаманы и казаки, намъ, великому государю, подъ Астраханью послужите, и божиею милостию, а вашею приемою къ намъ службою и радѣньемъ наша отчина Астраханское государство отъ воровъ очиститца и будетъ подъ нашею царскою десницею, и мы, велики государь,— васъ за ту службу пожалуемъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ выше прежнихъ великихъ государей царей Російскихъ, и въ впередъ учнемъ васъ держати въ нашемъ царскомъ великомъ жалованье и въ прирѣзные на веки, на дети наша и на влучата“.*

Видѣтъ съ этою грамотою въ томъ же году 18 марта была послана на Донъ грамота и отъ російскаго духовенства. Повторяя почти то-же самое, что и царская грамота, духовенство, между прочимъ, говоритъ, что Заруцкій, живи въ Астрахани, дѣлаеть смуту „и на Волгу, и на Яикъ, и на Терекъ къ атаманомъ ихъ казакомъ смутныя слова пишетъ, приводячи ихъ въ свою жъ въ душепгубную погибель; и съ персидскимъ шахомъ ссылаютца; и государеву искони вѣчную отчину Астороханъ и въ ней всѣхъ православныхъ хрестьянъ шаху отдаетъ, хотятъ великаго государя нашего и его великие государства съ шахомъ тѣмъ ссорити“¹⁾.

Получивъ эти грамоты, Донское войско послало ихъ отъ себя для прочтенія съ казакомъ Кудряцевымъ съ товарищи къ другимъ казачьимъ войскамъ на Волгу, Терекъ и Яикъ. Этотъ въ высшей степени интересный и, кажется,

¹⁾ Русская Ист. библ., т. XVIII. Донскія дѣла, № 18, 1614 г., марта 18. Соборная грамота російскаго духовенства Донскому казачьему войску о принатіи хѣръ противъ Заруцкаго и Марьяна, съ описаніемъ бѣдствій, нанесенныхъ ими государеву.

единственный сохранившийся образец переписки между казачьими войсками говорят слѣдующее: „Великому и славному рыцарскому Волжскому, и Терекскому и Яицкому войску, и всѣхъ рѣкъ преслаутыхъ господамъ атаманомъ и изакомъ и всему великому войску. Прислалъ къ вамъ Самодержавный Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Руси свои царскія грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запасъ, и къ вамъ на преслаутую рѣку писалъ тоже, жалованье многое денежное, и сукна, и селитру, и запасъ; и мы къ вамъ, господа, послали его царскія грамоты ко всему войску, и въ Асторохань, и къ Зарудскому, и ко всѣмъ Російскаго царства и Московскія области, чтобъ Господь Богъ гнѣвъ свой отовратилъ и на милосердіе презожилъ, чтобъ покой и тишину есте воспріяти, и въ соединеніи были душами и сердца своими, а ему, Государю, служили и прямили, а бездѣлникомъ не потакали; задна забывайте, на предняя возвращаетесь, а ожидайте, государя, будущихъ благъ, а вѣдаете и сами святаго Бога писанье: тысяща лѣтъ яко одинъ день, и день одинъ яко тысяща лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали преже сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, и мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; и мы, господа наши, на насъ не дивитесь. А которыя царскія грамоты къ вамъ посланы, и вы, господа, знаете, какъ ихъ дослати въ Асторохань, явно или тайно, любо кто не посмѣетъ, ино дровеникомъ дайте, да къ вамъ отпашите о всемъ подлинно; а послали еси къ вамъ съ тѣми грамотами казака волнаго, Третьяка Дмитріева сына Кудрявцева. А мы вамъ о любви челомъ бьемъ до лица земнаго, до общія нашей матери, аминь. А отпущенъ Третьякъ съ товарищи съ Дону мая 17 день“¹⁾.

Подлинная грамота эта была найдена въ Астраханскомъ губернскомъ правленіи, писана столбцомъ на одномъ листѣ безъ скрѣпы. Былъ сверзута пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: „Великія Російскія державы и московскія области, оберегателямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску“. Ниже надписи: „122 (1614 г.) іюня въ 17 день привезенъ атаманъ Третьякъ Дмитріевъ Кузнецовъ“.

Какъ видно изъ поимки, эта грамота попала въ Астрахань черезъ мѣсяцъ. Когда она побывала на Яикѣ—неизвѣстно. Извѣстно только одно, что казаки на Яикѣ въ это время были въ крайне тяжеломъ положеніи; и безъ того малочисленные, они потеряли 500 человекъ въ Хивѣ, потеряли много людей во время смутнаго времени и обезсиленные должны были вести непрерывную борьбу со своими сосѣдами татарами, которые, въ свою очередь раздраженные частыми набѣгами казаковъ, старались нападать на казаковъ, захватывать ихъ въ плѣнъ и также и ихъ скоть. Отброшенные далеко отъ русскихъ городовъ, изъ которыхъ самый ближайшій Самара находился почти въ 300 вер-

¹⁾ Акты истор. т. III, стр. 12, 1614 г., мая 17. Грамота Донск. кав. войска къ казакамъ волжскимъ, терскимъ и яицкимъ съ препровожденіемъ грамотъ.

отъяхъ отъ Яика и предоставленные самимъ себѣ въ борьбѣ съ этими сильными тогда противникомъ, казаки уже не разъ задумывались пойти съ повинною къ русскому царю. Наступившее смутное время и съ нимъ полная аварія въ русскихъ областяхъ отразилась и на явородческія племена, жившія на Яикѣ. Изъ преданій видно, что татары, пользуясь малочисленностью казаковъ, осадили ихъ городокъ, и, какъ видно изъ записокъ І. И. Желѣзнова, у казаковъ былъ бой и весьма неудачный, при чемъ рассказавшій ему объ этомъ казакъ говорилъ, что причиною этого было то, что казаки не почли праздникъ и начали бой съ татарами въ Благовѣщеніе, отчего и потерпѣли неудачу.

Все это взятое вмѣстѣ, а также недостатокъ пороха и свинца, составлявшихъ тогда монополию казны, послужило одной изъ причинъ, что получение царской грамоты о признаніи ихъ къ царю явилось для казаковъ событіемъ какъ нельзя болѣе кстати. Бывшіе же на Дону во время принятія дождями присяги новому царю явчіе казаки своими рассказами о добротѣ и милостяхъ царя еще болѣе убѣдили казаковъ въ необходимости воспользоваться случаемъ и идти съ челобитьемъ въ Москву. Собравъ кругъ и прочитавъ грамоту царя, *звасиши ихъ видѣти ея царскія пресвѣтлыя очи* и общаващаго пожаловать ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, казаки „усовѣтовали послать отъ себя, какъ говорятъ преданіе, къ царю Михаилу Федоровичу объявить о себѣ и просить, чтобы онъ, Великій Государь, ихъ, казаковъ, милостиво принялъ подъ царскую свою державу, и для того, избравъ между собою двухъ человекъ, одного русскаго и другого татарина, послалъ въ Москву“. По преданію-же царь принялъ посланныхъ милостиво „и на Яикъ рѣку пожаловалъ имъ грамоту съ тѣмъ, чтобы они, живучи тутъ, ему, Великому Государю, служили верно“.

Но получивъ эту грамоту, стараяк-лицари не уберегли ее. Она сгорѣла въ пожарѣ, бывшемъ въ Яицкомъ городкѣ около 1680 г.

Услышавъ отъ царя милостивое слово и получивъ грамоту на Яикъ или „владѣнную“, какъ называютъ ее казаки до сихъ поръ, казаки приблизительно въ этомъ же году надумали перенести свой городокъ къ Кирсановскимъ ярамъ. Нашли-ли казаки свой Голубой городокъ неудобнымъ для обороны отъ татаръ, убѣдившись въ этомъ послѣ „неудачи“, или по другой причинѣ, но казаки бросили насиженное мѣсто и перешли вѣкъ войскомъ на новое. Этотъ новый городокъ назывался у нихъ *Кирсановскимъ городкомъ*.

Палласъ, проезжавшій мимо мѣста, гдѣ стоялъ Кирсановскій городокъ въ 1769 г. 25 іюля, говоритъ слѣдующее ¹⁾:

„Потомъ ѣхали по высокому берегу Яика, который тамошніе жители Нижній Кирсановъ яръ называютъ. Выше онаго видѣтъ еще такой-же высокой берегъ, Верхній Кирсановъ яръ называемый, на которомъ, какъ то сказываютъ

¹⁾ Палласъ. Пут. по раз. пров. Росс. Изд. 1809 г., стр. 408.

яицкіе казаки, былъ прежде построенъ Яицкій городокъ. Еще и нынѣ видны тамъ окопы и остатки землянокъ; и такъ объявленіе казаковъ кажется справедливымъ“.

Вышій тамъ же въ 1858 г. Юс. Игн. Желѣзновъ пишетъ въ своихъ нумерованныхъ запискахъ ¹⁾: „Кирсановскій городокъ былъ ниже Орѣшной луки у Красныхъ Кирсановскихъ яровъ. Теперь тутъ Кирсановскій форпостъ. Остался признакъ довольно большого значительнаго вала. Валъ начинался отъ Урала и подходилъ къ ерику. Теперь измѣнилось. Гдѣ былъ ерикъ, тутъ течетъ Уралъ, гдѣ текъ Уралъ, тутъ сдѣлалась низъ, обросшая лѣсомъ. Тутъ много жучковъ (осетровыхъ) рыбъ и проч.“ Въ дневникѣ приложенъ набросанный рукою Желѣзнова планъ бывшаго городского вала и окружающей мѣстности.

Но пока грамота донцовъ съ атаманомъ Кудрявцевымъ съ товарищи шла на Яикъ, пока въ казацкомъ кругу рѣшили послать въ Москву съ челобитьемъ, въ это время въ низовьяхъ Яика разыгрывался послѣдній кровавый актъ самозванщины.

Выѣхавъ изъ Москвы съ ратью, князь Одоевскій 12 марта (1614 г.) послалъ жителямъ Астрахани грамоту съ увѣщаніемъ оставить Заруцкаго и Марину Мишкекъ, гдѣ пишетъ, что идетъ на Заруцкаго съ ратью, перечисляя которую, упоминаетъ и яицкихъ казаковъ ²⁾.

По дорогѣ онъ получилъ извѣстіе отъ Астраханскаго выходца „отъ Микиты Иванова Карагана съ товарищи, что въ Астрахань пришли волжскіе казаки 560 человекъ на вербойной недѣлѣ и Ивашкомъ Заруцкимъ и съ Маринкою учали было заводити воровство“ и хотѣли выслать изъ Астрахани 700 чел. служилыхъ людей на море подъ предлогомъ оберегать казылбашскіе (персидскіе) бусы (суда), а самимъ воспользоваться этими случаями и на свѣтлое воскресенье въ субботу перебить въ городѣ остальныхъ служилыхъ людей „и животи ихъ пограбати“ ³⁾.

Получивъ это свѣдѣніе, Одоевскій 17 мая послалъ въ Астрахань къ жителямъ другую грамоту, въ которой, желая подѣйствовать на религиозное чувство жителей, пишетъ слѣдующее ⁴⁾:

„А преждее воровство и смута и на крестьянское кроворазлитіе и на православную на хрестыанскую вѣру посяганье, Сендомирскаго дочери Маринки, какъ она, по совѣту и по сенакѣ съ польскимъ Жигмонтомъ, королемъ и съ папою Римскимъ хотѣла въ Россійскомъ государствѣ истинную нашу православную хрестыанскую вѣру попрали и учинити Римскую и Люторскую Пачежскую вѣру, и вмѣсто церквей Божьихъ учинити свои Римскіе костелы, и воровство жъ и многую измѣну къ Россійскимъ государствамъ Ивашѣ Заруцкаго, Царскаго Величества богомольцы, митрополиты и архіепископы и епископы и весь освященный сборъ и Царскаго Величества бояри писали къ

¹⁾ Войсков. архивъ, дѣло III раз., № 85, отд. 42, стр. 10.

²⁾ Рус. Ист. библ., т. XVIII, Донскія дѣла, стр. 53.

³⁾ Акты Истор., т. III, стр. 436 и 438.

⁴⁾ Тамъ-же.

вамъ подлинно; а Великій Государь, нашъ Царь и Великій князь, Михаилу Оеодоровичъ всю Русію, по своему царскому милостивому обычаю, жалѣя о васъ и о думаяхъ вашихъ, чтобы вы думами и тѣломъ въ ихъ прелести не погибли, и Царскаго Величества отчина Астрахань въ невѣрѣе не была и имя-бъ Божье не перестало въ ней славиться, послалъ на Заруцкаго въ плавной, Волгою, боярина и воеводу своихъ, нашь князя Ивана Никитыча Одоевского, да окольничего Семена Васильевича Головина, да дьяка Василья Юдина... и (мы) по Царскаго Величества наказу, прося у всещедрого Бога милости, идемъ на того вора Заруцкаго въ Астрахани и гдѣ его свѣдаетъ..."

Пока князь Одоевскій и Головинъ плыли Волгою къ Астрахани, въ это время терскій воевода Петръ Головинъ, узнавъ, что Заруцкій хочетъ его убить, чтобы взволновать Терекъ, отправилъ подъ Астрахань стрѣльцкаго голову Василья Хохлова съ 700 человекъ. Прибывъ подъ Астрахань, Хохловъ нашелъ жителей Астрахани въ явной войнѣ съ Заруцкимъ. 9000 мужчинъ и 6000 женщинъ выбѣжали въ станъ къ Хохлову, Заруцкій же, вида, что ему нельзя далѣе оставаться въ Астрахани и дожидаться посланныхъ по Волгѣ воеводъ, 12 мая бѣжалъ изъ Астрахани и поднялся немного вверхъ по Волгѣ; Хохловъ бросился за нимъ съ „астраханскими служилыми людьми и съ терскими съ атаманомъ съ казаками и съ терскими со всеми ратными людьми“ и вступилъ въ бой „противъ вора Заруцкаго и Маринки и воровъ волжскихъ атамановъ и казаковъ... и ихъ побили, а иныхъ многихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ живыхъ взяли, а воръ Заруцкій съ немногими людьми ушли на Яикъ“¹⁾. Вместе съ Заруцкимъ бѣжала и Маринка съ сыномъ.

Прибывъ въ Астрахань, воеводы Одоевскій и Головинъ 6 іюня послали на Яикъ моремъ стрѣльцкихъ головъ Гордѣя Пальчикова и Савостьяна Овучуна, съ которыми кромѣ стрѣльцовъ пошли на Яикъ „литва и нѣмецъ“, т. е. наемное войско изъ литвы и нѣмцевъ²⁾.

15 іюня вслѣдъ за Пальчиковымъ воеводы отправили тоже моремъ на Яикъ стрѣльцкаго голову Баима *Голчина*. Поводомъ къ этой посланкѣ послужила поимка 15 іюня двухъ ногайскихъ татаръ, которые въ распрое съ пытки показали:³⁾ „Послали ихъ съ Яика съ Соленой горы, а по татарски словесъ *Индера* казаки, которые съ Ивашкой Заруцкимъ, къ Интереку князю, да въ Коракельмаметъ мурзѣ для лошадей тому двадцать день, чтобы они прислали къ нимъ за аманаты десять тысячъ лошадей и стоять де казакамъ на Яикѣ на Медвѣжьемъ острову, поставя острожекъ, а отъ Соляной горы, откуда ихъ

¹⁾ Акты арх. Эксп. т. III, № 18.

²⁾ Акты ист., т. III, № 38.

³⁾ Акты Историч. № 26, 1614 г. іюня 19. Отписка астраханскихъ воеводъ князя Одоевского и Головина Самарскому воеводѣ князю Пожарскому, о показаніи двухъ захваченныхъ ногайцевъ относительно Заруцкаго, Маринки и волжскихъ каз.

послали, до того Медвѣжья острова ходу вверхъ Яикомъ въ другой день и послали... на Самару восемь человекъ казаковъ провѣдывать, что на Самарѣ вѣсти, а переволочиться де имъ съ Яика на Самарскихъ вершинахъ, а переволоки будетъ день... всѣхъ де казаковъ съ шестьсотъ и въ тѣхъ многіе ранены; а всѣхъ де владѣютъ казаки атаманомъ Трени Усь съ товарищи, а Ивашѣ Заруцкому и Маринкѣ ни въ чемъ воли нѣтъ... а сколько имъ на Яикѣ стоять и куды съ Яика идти и что ихъ думы того подливно не вѣдаютъ“.

Пославъ Байма Голчина съ 600 стрѣльцовъ, воеводи ему наказываютъ¹⁾: „И Байму ѣхать на Яикъ на свѣхъ и днемъ и ночью и сколитесь съ головами съ Гордѣемъ да съ Савостьяномъ, а шедши съ Гордѣемъ и провѣдавъ про вора про Ивашка Заруцкаго до прима и прося у Бога милости на него приходити и промыслати надъ нимъ сколько милосердый Богъ помощи подастъ и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ надъ нимъ повскъ учинити, и никуда бь его не упустити, а себя уберечи. Да будетъ казаки, которые съ Ивашкомъ Заруцкимъ, учнутъ имъ сдаваться, а имъ будетъ учнутъ говорить, чтобъ они имъ казаккомъ крестъ цѣловали на томъ, чтобъ ихъ не побити, и Гордѣю, и Савостьяну и Байму крестъ казаккомъ не цѣловати, а писати о томъ о указѣ на скоро въ Астарахань къ боярину и воеводамъ и дьяку, а самимъ, особа Ивашка Заруцкаго и воровскихъ казаковъ, стояти до указу съ великимъ береженимъ, чтобъ ихъ никуда не упустити и себя отъ нихъ уберечи. Да посланы изъ Астарахани на Яикъ, на Ивашка же Заруцкаго, Кавай мурзы, да Курманш мурза съ товарищи, сухимъ путемъ, и какъ они близко ихъ будутъ, и Гордѣю и Байму сослаться съ ними, чтобы они берегли того на крѣико, чтобъ воръ Ивашко Заруцкой съ воровскими казаками сухимъ путемъ не перешелъ къ Самарѣ рѣкѣ. А будетъ казаки имъ сдадутся съ Ивашкомъ Заруцкимъ безъ крестнаго цѣлованія, и имъ Анараслана Мурзу и Иттерекowychъ дѣтей и остальныхъ аманатчиковъ, которые были у Ивашки Заруцкаго въ аманатѣхъ, Конай мурзѣ и Курманш мурзѣ съ товарищи не давати, а вести ихъ съ собою въ Астарахань. А будетъ Баймъ встрѣтися съ Гордѣемъ, да съ Савостьяномъ на дорогѣ, а Гордѣй и Савостьяну буде про вора про Ивашка Заруцкаго вѣсти не было, и Гордѣй бы воротился съ нимъ назадъ и промыслати и одволично надъ Ивашкомъ Заруцкимъ и надъ казаками не одлошно“.

Боясь, чтобы Заруцкій, добывъ лошадей, не бѣжалъ съ Яика степью, эти же воеводы пишутъ грамоты на Донъ (19 июня), чтобы въ случаѣ если Заруцкій бѣжитъ на Донъ, то чтобы войско было вѣрно царю и схватило вора. Одновременно же извѣщаютъ о показаніяхъ татаръ самарскаго воеводу князя Пожарскаго и просятъ послать станицу по р. Самарѣ узнать, гдѣ перево-

¹⁾ Акты Ист., т. III, стр. 23. Память стрѣльцкому головѣ Голчину о томъ, чтобы онъ соединился съ стрѣльцкимъ головою Падъчиковымъ для преслѣдованія на Яикѣ Заруцкаго и Марини 1614 г. іюни 18.

дока по Самарѣ на Яикъ и слѣдить, чтобы Заруцкій съ Яика не ушелъ черезъ Самару.

Пальчиковъ, выступивъ 6 іюня, прибылъ къ устью Яика 11 іюня, гдѣ увидѣлъ слѣды стана шайки Заруцкаго, „наѣхали на городище“, какъ пишетъ въ своемъ донесеніи Пальчиковъ¹⁾; тотчасъ въ этотъ день онъ по слѣдамъ двинулся дальше и 13 числа пріѣхалъ до „Ваксакаго верховья и по дорогѣ до Ваксакаго верховья видѣли слѣды семи воровенныхъ становъ, гдѣ они стояли и паслися рыбою и звѣрьемъ и на всѣхъ станахъ огни смѣчались и на всѣхъ у нихъ станахъ по тридцать два котла“, при этомъ Пальчиковъ пишетъ, что гдѣ по вожевской сказкѣ (т. е. описаніе пути, по которому онъ шелъ съ отрядомъ) „на коихъ урочищахъ и сколько до какого урочища ходу и мы тѣ урочища написавъ подлинно послали къ вамъ. (Это описаніе пути, къ сожалѣнію до сихъ поръ вѣроятно еще не найдено, т. е. въ актахъ историческихъ видѣ не опубликовано). А вверхъ Яикъ рѣка по вожевской сказкѣ узка и лѣса по тѣмъ урочищамъ крѣпки и въ стругѣхъ безвѣстно на Маринку съ сыномъ и на вора на Ивашка Заруцкаго и на воровскихъ казаковъ притти и языкъ промыслить невозможно; а Кутукъ мурза Енарслановъ съ конными стрѣльцами и съ татарами, іюня 14 день съ нами не сѣзживался; а съ Ваксаку, государи, проси у Бога милости, пошли за Маринкою вверхъ по Яику по тѣмъ урочищамъ, гдѣ начаемся Маринки съ сыномъ и вора Ивашки Заруцкаго, на слѣхъ, того жъ числа іюня въ 14 день; а которы, государи, мы на Маринкинѣ стану, на городищѣ, нашли браное воровское письмо, за печатью послали къ вамъ въ Астрохань“.

Въ слѣдующемъ своемъ донесеніи Пальчиковъ говоритъ²⁾, что съ устья Яика они „поѣхали вверхъ по Яику ни днемъ и ночью, пѣтали Яикомъ двѣ недѣли“ и 24 іюня наѣхали на *М. двѣжой городокъ*³⁾ [7], гдѣ застали Заруцкаго и Маринку „и съ ними бились, и въ городѣхъ ихъ осадили, и казаки видя себѣ тѣсноту Государю... челомъ били и цѣловали крестъ іюня въ 25 день, а злокозныхъ врыгомъ вора Ивашка Заруцкаго и Маринку и сына ея Ивашка вручилъ Богъ въ руки ваши боярина и воеводѣ... и ведите ихъ къ вамъ въ Астрахань сязавныхъ съ собою вмѣстѣ“...

¹⁾ Акты Истор., т. III, стр. 22. Отписка стрѣльцкихъ головъ Пальчикова и Онуचना астраханскимъ воеводамъ князю Одоевскому и Головану о преслѣдованіи Заруцкаго и Маринки 1614 г. между 14 и 24 іюня. Подлинное изъ архива Астрах. губ. привлеція.

²⁾ Акты Историч., т. III, стр. 32, 1614 г. іюня 6. Отписка стрѣльцкихъ головъ Пальчикова и Онучина астраханскимъ воеводамъ о поимкѣ Заруцкаго и Маринки.

³⁾ Маринкинъ яръ находится на правомъ берегу Урала между Кулагинскимъ и Гребеншиковскимъ поселками, съ иначе зывающагося „Красный Маринкинъ яръ“, вблизи этого яра находится городище, гдѣ и бытъ поймакъ Заруцкій съ Маринкою.

Въ Маринкинѣ городѣхъ есть пятьдесятъ тому назадъ дѣлалъ раскопки топографъ капитанъ Алексѣевъ, который вырылъ кирпичи, осколки глиняной посуды, уголья и проч. остатки шайки. При Маринкинѣ городѣхъ находится котлабуша „Побочень“ и въ полуверстѣ протекаетъ р. Уралъ-Татары зовутъ здѣшнее жѣсто „Ягура“.

27 июня, возвращаясь обратно, Пальчиковъ „на Омькаловомъ урочищѣ“ встрѣтилъ посланную къ нему изъ Астрахани степью „конную станицу“ (т. е. конное войско), благодаря чему онъ посылаетъ въ Астрахань съ сотниками Базанскими, Пыхачевыми и Хлюстовыми донесеніе о помянутомъ „воровѣ“. Въѣздъ съ этими сотниками послалъ въ Астрахань „казаки къ воеводамъ атамановъ казачьихъ шти (шесть) человекъ *Истому Желѣзное копыто, да Василья Соловцова, да двуаццати человекъ казаковъ, очи очими видѣти и милостивое слово отъ васъ слышати*“.

Это были казаки изъ шайки Зарудкаго. Относительно амазатовъ Пальчиковъ пишетъ, что въ скорѣ за нимъ ведутъ казаки въ Астрахань, но какъ увидимъ дальше, они и не думали ихъ отпускать.

5 июля Пальчиковъ прибылъ на устье Волги „на Учугъ за Чуреку“, откуда на другой день онъ съ колодниками прибылъ въ Астрахань, гдѣ ихъ немедленно отправили въ Казань. Зарудкѣй былъ отправленъ отдѣльно отъ жены; Маряну провожало 600 стрѣльцовъ, Зарудкаго 230; въ случаѣ нападенія сильнѣйшаго отряда провожатыхъ было приказано побить плѣнниковъ. Въ Москвѣ Зарудкаго посадила на колъ, сына Марьян повѣсила; сама Марьяна умерла въ тюрьмѣ.

Такъ жалко кончила свои дни одна изъ знаменитѣйшихъ авантюристокъ, того времени, игрушка судьбы и слѣдного счастья, она была попеременно: дочерью знатнаго польскаго вельможи, русскою царицей, женою двухъ самозванцевъ и казацкаго атамана, чтобы потомъ быть пойманной среди послѣдней преданной ей горсти своевольныхъ казаковъ на пустынной и чуждой ей рѣкѣ, и вновь войти въ Москву, но уже не съ блестящею свитой, не при радостномъ звонѣ колоколовъ, а въ цѣпяхъ колодника и скрыться навсегда за темными стѣнами тюрьмы...

О смутномъ времени на Руси и о пребываніи Марьянъ Миншекъ на Яикѣ у казаковъ сохранилось преданіе. Это преданіе, записанное І. И. Желѣзновымъ со словъ казака Ивана Никитича Чаврыгина, помѣщено въ соч. І. И. Желѣзнова подъ названіемъ „Марьяна, бѣгая царица“¹⁾. Вотъ что пишетъ объ этомъ І. И. Желѣзновъ:

„Кто такая была эта Марьянка, чай, самъ знаешь, говорилъ Иванъ Никитачъ Чаврыгинъ: — Чай и по вашимъ печатовавшимся книжкамъ объ ней значится.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Стало быть и толковать объ этомъ нечего. Однако, — спросилъ онъ меня, — однако спрошу тебя, касатикъ, какъ тамъ, по вашимъ то книжкамъ значится насчетъ Марьянкина мужа, сирѣчь насчетъ злодѣянаго и злокознаго Гришки Разстрижки: кто онъ такой? А пуще: какіежъ побѣтожъ въ Москвѣ ва царство съѣлъ? Вѣдь дѣло-то, сударь мой, что ни бай, не шуточное, а?

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова, Уральцы, т. 2, стр. 278—282.

Вопрос старика заставил меня из слушателя перейти в роль рассказчика. Задача предстояла мне не легкая, надо было поддержать авторитет человека „свѣдущаго“, какъ частенько величалъ меня, иногда съ отгѣнкомъ ироніи, Иванъ Никитичъ, старикъ въ своемъ родѣ умный и лукавый, не сляшкомъ то вѣрующій въ историческія познанія нашего брата чиновнаго люда.

Въ простыхъ и короткихъ словахъ, насколько можно, я рассказала старику о Лжедмитріи и о событіи, сопровождавшемъ его воцареніе и паденіе. Само-собой разумится, что въ рассказѣ моемъ Лжедмитрій являлся простымъ смертнымъ „проходимцемъ“, какъ величалъ я его передъ моимъ съдѣиъ слушателемъ.

— Нѣтъ, касатикъ! Разстрижка былъ не простой человекъ, не проходимецъ,—возразилъ старикъ, когда я кончалъ рассказъ о самозванцѣ.— Статочное ли дѣло,—продолжалъ онъ,—чтобы простой проходимецъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, хоть бы съ неба звѣзды хваталъ,—статочное ли дѣло, говорю, чтобы простой проходимецъ на царство сѣлъ! Гдѣ это видано, а!

— Да вѣдь сидѣлъ же!—сказала я не безъ грусти, что „лекція“ моя—увы! не убѣдила сѣдого слушателя.

— Сидѣть-то, сидѣлъ, что и бать, всѣ знаютъ, да сѣлъ-то какъ—не всякій, видно, знаетъ!—сказалъ старикъ съ жаромъ—вотъ этого и хотѣлъ отъ тебя допытаться, а увь, вижу, ничего насчетъ этой прищчи не знаешь. Оно, есть когда говорить правду, гдѣ-жъ и звать-то вашему брату. Знамо, въ вашихъ печатованныхъ книжкахъ ничего этакого не будетъ, да и въ нашихъ-то не во всѣхъ найдешь,—прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ.— Въ печатованныхъ книгахъ многого не сыщешь, не безпокойся: все общинало, все урѣзано, все укорочено, все устожено... Вотъ, хоть бы, къ примѣру, между нами будь сказано, „Псалтырь“—что онъ, полный что ли?—Ни!—старикъ потрясъ головой.—Десятой доли, сударь мой, въ немъ нѣтъ того, что царь Давидъ по вдохновенію Божьему, записалъ. Оно, пожалуй, есть когда говорить правду, съ одной стороны, такъ и слѣдуетъ, добавилъ старикъ:—вѣдь по явнымъ псалмамъ летать можно человекъ...

— Какъ летать?—спросилъ я.

— Какъ летаетъ птица по воздуху,—отвѣчалъ старикъ,—такъ и человекъ можетъ летать по воздуху, прочитавши такой псаломъ изъ секретныхъ, что изъ вашихъ-то „Псалтырей“ выкинуты. Ну, всего этаго въ міръ и нельзя щущать, не равенъ человекъ, иной добро-то и употребить во зло.

— А, вотъ въ чемъ штука-то!—замѣтилъ я.

— Да, въ этомъ-то и штука!—подтвердилъ старикъ.—Иль-бо вотъ еще къ примѣру, насчетъ „Четь-Миней“,—продолжалъ онъ:—тоже, сударь мой, урѣзана.

Сказавъ это, старикъ замолчалъ и приложилъ палецъ ко лбу. Замѣтно было, что онъ старался что-то припоинить.

Черезъ минуту, тихо, самъ про себя, онъ забормоталъ: „и явился пре-

подобному Макарію...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! сказала вслухъ старикъ и опять замолкъ, потомъ, немного погодя, снова что-то забормотала, а наконецъ ясно и отчетливо стала, смотря прямо на меня, говорить, какъ будто по книгѣ читать:

„Явился сватый мученикъ Дмитрій царевичъ, единому отъ монаховъ въ монастырѣ града Углича, добродѣтельно жительствовавшему именемъ Тихону, и сказа ему, глагола: „нѣкто у васъ именованъ именемъ моимъ, и прослышетъ царевичемъ и погубитъ губителя моего Бориса Годунова и истребитъ родъ его и самъ на престолѣ Русейскаго царства погибнетъ...“

— Это, сударь мой, что я тебѣ сію минуту прочиталъ, — заговорилъ старикъ, — показано въ печатовааной „четь-мивен“ о житіи Дмитрія царевича, убиенаго по наущенію Бориса Годунова, а въ писанномъ житіи Дмитрія царевича читалъ не то, совсѣмъ другое.

— Въ писанномъ! почти вскрикнулъ я. — Есть у тебя, Иванъ Никитичъ? Пожалуйста, покажи!

— Нѣтъ! былъ короткій отвѣтъ. А видѣлъ я, продолжалъ старикъ, — лѣтъ двадцать тому назадъ, у одного уставщика въ Сергіевскомъ скиту. Вотъ въ писанномъ-то житіи показано, что самому, вишь-ли, Гришкѣ Разстрижкѣ было откровеніе. Ставтъ это онъ разъ въ соборѣ поблизъ гробницы Дмитрія царевича и слышитъ гласъ, исходящій изъ гробницы, отъ честныхъ, значится, мощей святаго мученика и чудеса влителя, гласъ таковой! — сказала старикъ, и потомъ снова началъ говорить, будто по книгѣ читать:

„Пресвѣкъ Бориса сія царское: и завелось оттого въ Москвѣ нечестіе великое. Гряди въ Москву, Григорій! Изми вѣнецъ царскій съ главы истребителя царскаго, и царствуй съ вѣрой и благочестіемъ. И почиетъ на тебѣ Божіе благословеніе и мое благословеніе, дондеже пребудеши въ вѣрѣ и благочестіи. Но горе тѣ будетъ, окаянному, аще совратяшя съ пути истиннаго: погибнешъ ты смертію лютою, и не наследуеши царствія небесаго.“

— Да ты просто чудеса рассказываешь, замѣтилъ я, улыбаясь.

— А какъ-же бы ты думалъ, — возразилъ старикъ съ едва замѣтнымъ удивольствіемъ. — Знаю чудеса! Да ты, не смѣйся, касатикъ. Въ писанномъ житіи Дмитрія царевича показано такъ: былъ-де онъ, то-есть Гришка Разстрижка, въ юности своей угодець Богу, и потому самому возшло на него откровеніе Божіе. Но окаянный врагъ рода человѣческаго переименилъ по своему, нарылъ Гришкѣ аму и ввернулъ его въ тартарары, въ триесподню и вовлекъ все наше царство въ бѣду горшую, нежели была при Борисѣ. Захѣсть того, чтобы изъ града Углича идти прямо въ Москву и повѣдать откровеніе патриарху и всему снхлиту, злолукавый Гришка, знамо по наущенію дьявольскому, кинулся въ землю еретическую, сирѣчь, въ поляцкую, сложилъ козны съ крижаками, съ оборванцами, связался съ люторкой Маринкой, — этого мало, сударь мой, — снюхался съ папой римскимъ, съ ненавистникомъ вѣры православной, апостольской, да и задумалъ, сатанинское

отродіе, всю Расею проназвешъ въ Римскую, въ панешскую, значить, вѣру. Какую штуку-то удралъ было!

Но милостивый Господь Богъ не допустилъ въ конецъ погибнуть православному народу.

— Чудеса, чудеса! говорилъ я, смотря на рассказчика, и не скрывая невольной улыбки.

— Чудеса, чудеса! передразнилъ меня старикъ, видимо, недовольный своимъ невѣріемъ и легкомысліемъ. — Знаю чудеса! — сказала наконецъ старикъ съ жаромъ. — Хошь вѣрь, хошь не вѣрь — твое дѣло: вольному воля, спасенному рай, что я батя!

— Только не смѣйся голубчикъ: не хорошо. Въ старину, сударь мой, — продолжалъ онъ, немного помолчавъ, — бывали чудеса, а нынче вотъ и не будутъ! прибавилъ старикъ со вздохомъ.

Тутъ старикъ занесся въ область такой фантазіи, сказанія о которой хотя, по моему мнѣнію, и не лишены своего рода интереса, но за всеѣмъ тѣмъ не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Если бы я вздумалъ передавать здѣсь и все то, что толковалъ мнѣ Иванъ Никитичъ Чакрыгивъ по поводу рукописанаго житія Дмитрія царевича и по поводу чудесъ отъ антихриста, я слишкомъ бы далеко зашелъ и потерялъ бы, пожалуй, изъ вида главный предметъ этого рассказа. И такъ обращаюсь къ Маринѣ, бѣглой царичѣ.

— Какъ задали ей въ Бѣлокаменной перць-азъ-ра съ гвоздичкой, — говорилъ Иванъ Никитичъ про Марину, — такъ тое-жъ секунду подобрала, бестія, подоль-то свой въ зубы — даромъ, — что царичей величалась, — да и драла вонъ изъ Москвы безъ оглядки. Значить: залѣтѣла ворона въ чужія хоромы. Кшишь, проклятая! — прибавилъ старикъ съ презрѣніемъ.

— Ложь-ли, правда-ла, говорятъ, — продолжалъ онъ, — что сорокою оборотилась, да и выпорхнула изъ окна царскихъ палатъ. Вишь, чернокожица, сказываютъ, была, а есть-когда бы не то, то, дескать, сидѣтъ бы ей на одномъ колу съ сожителемъ своимъ, злокознимъ и злолукавымъ Гришкой Разстрижкой.

— Долго, говорятъ, слонялась она по Расеи, изъ одного мѣста въ другое, мутила и поднимала народъ на Москву, подыскивала, вишь, согласничковъ, чтобы опять, какъ ни на есть, завладѣть первопрестольнымъ градомъ, каменной Москвой, да опять, какъ ни на есть, на царство сѣсть. Значить, разлакомилась, сударна, вѣсть крупнчатая калачики. Однако немного взяла. Немного выискалось охотниковъ служить колобродницѣ, самая малость, человекъ до ста два, не больше. Ну, видимое дѣло, съ такой партіей Москвы не захватишь, на царство не сядешь, толковать ли? Значить не до царства пришло бѣглянка, а лишь бы только голову свою уберечь. Вотъ она, говорятъ, и удрала на Янкъ, выстроила тамъ городъ, что и теперича значится близъ Кулагинской крѣпости, выстроила городъ и въ немъ съ своими согласничками засѣла. Что она тутъ дѣлала, на что надѣялась, долго-ли пролаждалась — шутъ ее знаетъ. Напоследокъ, сказываютъ, пришли изъ Ра-

сея войска и подступили подъ ея городокъ, чтобы пошаташить колобродницу. Долго, говорятъ, бѣсовская дочь, отбивалась и въ руки живая не давалась, во не отвертѣлась-таки. Взяли ее въ полонъ, засадили въ колодку и увезли, голубушку, въ Москву. Тамъ, значить и жизнь свою скончала.

— Все?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не все!—сказала старикъ.— Вотъ только на счетъ казны Маринкиной расскажу: тогда ужъ и все.

— Въ послѣднее время, живши въ городѣ своемъ,—говорилъ старикъ.— Маринка стала замѣчать, что согласнички ея стали измѣнять и одинъ по одному отъ нея отставать, почитай все отстали, осталась при ней самая малость и то не ради ея самой, а ради казны ея золотой. У нея, изволишь ли знать, было многое множество—воза, сударь мой, казны золотой и серебряной, что въ каменной Москвѣ награбила. Вотъ этой то казной, извѣстное дѣло, и хотѣли согласнички ея покорыстоваться. Хоша прямо они и не высказывали свои замыслы, однако Маринка понимала весь ихъ умыселъ, не плошала, ухо востро держала, бестія.—Раздѣлала она, братецъ мой, казну свою на двѣ равныя части и нагрузила цѣлыхъ двѣ лодки.—Вишь, собачья дочь, сколько захватила добра христіанскаго!—Одну лодку кокуда оставила при себѣ въ городѣ,—видно, надѣялась еще какъ-нибудь отбояриться,—а другую лодку, на всякій случай, отравила съ двумя приближенными, съ самими, значить, вѣрными согласничками, вверхъ по Яику и велѣла гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ спрятать,—видео, думала въ случаѣ неустойки удрать изъ городка, какъ и изъ Москвы удрала.

Вѣрныя ея согласнички, что на лодкѣ то уѣхали, видно, только на глазахъ у нея были вѣрными, а за глазами себѣ на умѣ, ужъ бать ла! Отплыли они съ версту отъ Маринкина городка, взяли да и утопили лодку съ казной въ Яикѣ, къ бухарской сторонѣ, подъ самымъ краснымъ ярмомъ, что зовется, чай, и ты знаешь, и дуваннымъ ярмомъ, и Маринкинымъ ярмомъ, знамо дѣло, хотѣли опосля достать и одни покорыстоваться, да не покорыстовались, голубчики.—Сказываютъ, что лишь только они задумали это сдѣлать, какъ Маринка,—знамо, посредствомъ черноокняжя,—узнала ихъ замыслы и ихъ самихъ погубила: вмѣстѣ съ лодкой и сами они пошли по топорному на дно, а были, говорятъ, первыя пловцы и водолазы славные. Значить, супротивъ черноокняжя ничего не подѣлаешь.

Лодка эта со всей казной и подвесь лежать въ Яикѣ подъ самымъ Дуваннымъ ярмомъ,—продолжалъ старикъ.— И въ стары годы, слышалъ я отъ стариковъ, многіе изъ нашихъ казаковъ ластылись около этой казны. И на моей памяти—самъ бывалъ свидѣтелемъ... Да что скрывать,—у человѣка утаишь, у Бога не утаишь,—самъ, грѣшный человекѣтъ, самъ въ былое время, зарылся на эту казну, самъ, сударь мой, за компанію съ другими, запустилъ багорчикъ въ Яикъ! Сказать прямо, многіе изъ нашихъ казаковъ пытались достать лодку съ казной: и неводами, и ярыгами, и баграми пре-

бывали, и водолазы по цѣлымъ днямъ ныряли, но все по пустому: вѣтъ лодки, да и на поди! Словно и не было. А была, всё толкують, что была. Только, сударь мой, какия то огромнѣющія, должно быть слоновья, кости выплавлявали—вотъ и все. Значать ильбо землей завалило,—время то много прошло,—ильбо Маринка заколдовала.—Значить, лежать этой казнь на днѣ Яркушки до скончанія вѣка. Значить, будетъ съ насъ и того, что въ пѣснѣ просееть, да въ побрянкѣ упомянемъ.

— Въ казой пѣснѣ? въ какой побрянкѣ?—спросили я какъ-то невольно, хотя хорошо зналъ ту и другую.

— Пѣсню то расскажу;—сказалъ старикъ,—это ужъ мое дѣло: взялся за гужъ—будь дужъ, а на счетъ побрянки уволь. Если когда не слыхалъ, прабазилъ онъ, то ступай на Янкъ, гдѣ ребятишки купаются и кончень балъ: какъ разъ услышишь.

Но мнѣ на тотъ разъ не зачѣмъ было ходить на Янкъ и наблюдать за казачатами. Въ жизни моей я не разъ слыхалъ, какъ иной казаченокъ, а иногда и бородастый казакъ, разобяженный или раздосадованный другимъ, сулить, бывало, обидчику, между прочимъ, чтобы тотъ съ Маринкина яра свалился, чтобы полъ Маринкиномъ яромъ волной захлебнулся и чтобы Маринкиной казной подавился. Зная это, я и не настаивалъ у старика, чтобы онъ сказалъ побрянку, но пѣсню прослушалъ. Вотъ она:

Ты Янкъ, Янкъ, быстра рѣченька,
 Издалеча течешь ты мутвахонька.
 Позади себя оставляешь ты—
 Въ одну сторону круты яры,
 Въ другу сторону желты пески:
 Круты яры—обрывчаты,
 Желты пески—разсыпчаты.
 Ахъ, бывало, мы, казаки-братцы,
 По твоимъ волнамъ тихо плавали
 На легкихъ стругахъ за добычею,
 За персидскою, за хивинскою.
 Ты Яркушка—золотое дно.
 На твоенъ на днѣ, у крута яра,
 У крута яра, у Дуваннова,
 У Дуваннова, у Маринкина,
 Лежитъ лодочка позатоплена,
 Съ золотой казной со Маринкиной,
 Въ Каменной Москвѣ ей награбленной!
 Ты теки, теки, нашъ Яркушка,
 Ты корми, корми насъ удалыхъ,
 Добрыхъ молодецвъ, слуговъ вѣрныхъ
 Царя-батюшки, благовѣрнаго.

Кончивъ пѣсню, которая, замѣчу кстати, ни больше, ни меньше, какъ вариантъ на общеупотребительную между Уральцами и ими до бѣснаго сердца любимую пѣсню о Янкушкѣ Горняновичѣ, Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ продолжалъ:

За часъ или бо за два до того, какъ, значить, попасть ей въ колодку, Маринка велѣла у полуоткрытыхъ воротъ своего городка, близъ самой воды, вырыть глубокую яму. Вырыли. Ладно.—Велѣла въ эту яму опустить другую лодку съ казной. Опустили. Ладно.

— Пойду я теперича,—говорить она своимъ согласничкамъ, что при ней еще оставались, пойду, говорить, въ лагерь къ царскимъ воеводамъ просить замиренія, а вы, говорить, оставайтесь здѣсь.

Тѣ рады, сударь мой, что казна въ ихъ рукахъ остается.

— Слушаемъ!—говорятъ она.

— Слушать то слушайте,—говорить Маринка, да не зѣвайте.—Кто охотникъ стоять на часахъ и караулить казну до моего прихода?—спрашиваетъ она согласничковъ.

Долго что то охотника не высккивалось: всѣ чего то другъ друга испугались. На послѣдкомъ вызвался одинъ удалый молодецъ, что ни самый первый и любимый ея наперстникъ. Маринка посмотрѣла на него и вся затряслась: отъ злости, значить.

— Не думала я, не чаяла,—говорить она ему,—что ты остаешься здѣсь, я думала, ты со мной пойдешь.—Знать, казна моя тебѣ дороже меня. Да ладно, ладно!—говорить она.—Хочешь караулить?—еще разъ спрашиваетъ она его.

— Хочу!—говорить онъ, а самъ поблѣднѣлъ и трасется. Значить, почувало сердечко невзгоду.

— Ну, стой здѣсь, сказала она, и велѣла ему стать посередѣ лодки.

— Онъ нехотѣ, нехотѣ сталъ, а она какъ выхватить изъ зени (изъ кармана) пистоль, да какъ бацнетъ въ него—онъ и съ копоть долой!

— Карауль же теперь! сказала она убитому и велѣла засыпать землей и лодку съ казной, и убитаго своего наперстника. И всѣ, кто тутъ былъ изъ ея согласничковъ, всѣ, сударь мой, нехотѣ, нехотѣ, а послушались.

Такимъ манеромъ, сударь мой, продолжалъ Иванъ Никитичъ и другая лодка съ казной сгнбла—пропала въ мать сырой землѣ.—Ужъ бать ли,—и около этой лодки ластились наши казаки, особенно калмыки охотники до кладовъ. Изрыли, ископали земли довольно таки, не оставили живаго мѣстечка около Маринкина городка, а шишъ взяли.—Значить, Маринка заколдowała, — что я бать.

А въ лодкѣ этой, сударь мой, сказываютъ, лежить: въ одной половинѣ, что къ кормѣ, чистое золото, а въ другой половинѣ, что къ носу, чистое серебро, а посередѣ лодки четыре ружья: два изъ нихъ,—заключилъ старикъ,—неоцѣненныя!...

Хотя казаки и выдали Марину и Заруцкаго и „дѣловали крестъ Государю“, хотя и посылали бить челомъ атамана Желѣзное Копыто со ставицею въ Астрахань къ воеводамъ, но сами, оставшись на Яикѣ, не только не отвезли татарскихъ аманатовъ, но часть ихъ, человекъ болѣе ста, съ атаманами Тренею Усомъ и Верзигой задумали идти съ Яика къ иргизскимъ вершинамъ, а оттуда на Волгу и, ограбивъ рыбныхъ ловцовъ, добыть струги и грабять караваны; другая половина съ атаманами Максимомъ Дутая Нога и его братомъ Алешей „съ товарищи“ рѣшили идти на Самару по домамъ¹⁾.

Узнавъ объ этомъ, астраханскіе воеводы посылаютъ на Яикъ стрѣльцкихъ головъ Ивана Черткова и Ивана Остренева съ ратью, чтобы разбить казаковъ и недопустить на Волгу тѣхъ, которые хотѣли идти на воровство²⁾.

Стрѣльцкіе головы застали казаковъ въ началѣ августа на Медвѣжьемъ островѣ и „многихъ казаковъ побили и живыхъ поймали и городокъ ихъ взяли и знамена, которые у казаковъ были, Ивашко Заруцкаго поймали и утвари съ бою казаки на лѣсъ и по болотамъ немногіе“.

Послѣ этого бою 25 августа были пойманы около Астрахани „у учуга у бузана“ восемь человекъ яицкихъ казаковъ „Денка Ивановъ съ товарищи“, которые съ пытки показали³⁾, что они въ то время, когда были на Яикѣ, Чертковъ и Остреневъ въ Медвѣжьемъ городкѣ не были, а были на Богатомъ; и что пріѣхали на Яикъ послѣ разгрома, гдѣ зайзжали и на Медвѣжій островъ „и на Медвѣжьѣ де бродятъ разгромные казаки Илейка Воровъ, Максимко Ласой, Ивашко Кувшиновъ съ товарищи двадцать человекъ, и сказывали имъ, что собрались послѣ разгрому казаковъ съ атаманами съ Тренею Усомъ да съ Верзигой сорокъ человекъ, съ Вирюгомъ тридцать человекъ, съ Олферкомъ съ Губою пятьдесятъ человекъ, пошли воровать на Волгу да съ Микиткой да съ Усомъ собралось человекъ съ пятьдесятъ, и пошли вверхъ по Яику на Чепанъ, на Чепанъ де имъ зимовати, для того что де и Микиткя за старостію нынѣ на Волгу перейти не мочно, а Илейка де Воровъ съ товарищи пошли вверхъ по Яику на Иргизъ, а съ Иргиза идти имъ для воровства на Волгу; а напередъ де того, до разгрому, пошли съ Медвѣжья острова отъ казаковъ изъ городка на Иргизъ охотники, казаки Васка Рѣзвой, Жылка Васильевъ, Гряшка Шаблякинъ, Шомалко Гайдукъ съ товарищи человекъ съ шестьдесятъ, а съ Иргиза де было имъ идти на Волгу жъ воровати“. Узнавъ эти свѣдѣнія, астраханскіе воеводы пишутъ объ этомъ самарскимъ воеводамъ, предостерегая ихъ о нашествіи казаковъ: „И вамъ бы, господа, про воровскихъ казаковъ тѣ вѣсти были вѣдомы, чтобы они на Иргизъ и на Волгѣ безвѣстно на рыбныхъ ловцовъ не пришли, и государевыхъ казенныхъ запасныхъ судовъ и провѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей не погромили“.

¹⁾ Акты истор., т. III, № 34, 1614, іюля 15.

²⁾ Акты истор., т. III, № 42, 1614, августа 30. Отписана Астрах. воеводе самарскимъ воеводе о разбитіи Волжскихъ казаковъ на Яикѣ.

³⁾ Тамъ-же.

Въ этомъ показаніи янцкихъ казаковъ мы видимъ нашего стараго знакомаго янцкаго атамана Никиту Уса, который 28 лѣтъ тому назадъ грамотѣ не повѣрилъ и не пошелъ въ 1586 году на службу въ Астрахань, а теперь за старостью не можетъ итти на промыселъ на Волгу, а пошелъ со своими товарищами на Чагаизъ. Интересно было бы знать, пришелъ ли онъ къ волжскимъ казакамъ въ Медвѣжій городокъ, чтобы вѣстѣ итти на промыселъ или былъ и ранѣе все время у Заруцкаго въ шайкѣ? Можетъ быть, онъ оставался единственнымъ со своими 50 молодцами представителемъ тѣхъ янцкихъ казаковъ, которые были все время въ рядахъ самозванцевъ?

Такъ окончился послѣдній актъ тяжелаго для Россіи времени.

Медленно врачевала Русь свои тяжелыя раны—въ землѣ всюду было неустройство, всюду еще продолжали бродить шайки разбойниковъ, грабившихъ окраины Руси. Приводя въ порядокъ внутреннія области, новый царь старался утихомирить и окраины. Ногайскіе татары, особенно кочевавшіе вблизи Крыма, за смутное время перестали признавать власть царей и стали дѣлать набѣги на русскіе села и города.

Въ 1616 году въ маѣ былъ посланъ по этому дѣлу изъ Москвы въ Астрахань Григорій Плещеевъ съ княземъ Алексѣемъ Львовымъ, которые всѣхъ большихъ ногаевъ, кочевавшихъ на Крымской сторонѣ и ушедшихъ туда „изданныхъ лѣтъ“¹⁾, привели „подъ государеву руку“ и перевели съ крымской стороны на ногайскую сторону и „учинили ихъ въ государевой волѣ и въ послушаніи крѣпкихъ свыше прежняго“. Эти же Плещеевъ и Львовъ уговорили бѣжавшихъ ранѣе къ Ургенчу въ Хиву татаръ вернуться обратно съ Абху-мурзою и съ 15 тысячами улусныхъ людей, которые стали кочевать вблизи Астрахани. У этихъ татаръ было взято до 15 тысячъ русскихъ плѣнныхъ²⁾.

У казаковъ на Яикѣ за это время не происходило ничего выдающагося.

Вернувшись съ похода изъ Москвы, казаки отдыхали. Въ это время много изъ нихъ имѣли семьи. Въ нихъ пробудился духъ гражданственности. Война въ стѣнахъ Москвы, какъ война религиозная, народная, война противъ поляковъ, какъ противъ еретиковъ, укрѣпила у казаковъ религиозныя чувства. Принявъ подданство царю Михаилу Федоровичу, обзаведясь семьями, казаки почувствовали потребность имѣть у себя церковь, имѣть священника, который могъ бы крестить дѣтей, отпѣвать умершихъ, служить церковныя службы и дѣлать другія христіанскія требы. Годъ постройки церкви можно отнести приблизительно къ промежутку времени между 1614—1620 г. Церковь была построена по предавію, изъ дерева, во имя *Казанской Божіей Матери*. Между тѣмъ въ своемъ очеркѣ „Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ“³⁾; Влад.

¹⁾ Тѣхъ, которые ушли въ 1590 г. при Муратъ-Гирей-царевичѣ.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. II № 75. Дѣло по челобитью Григорія Плещеева о пожалованіи ему за службу отчины.

³⁾ Оренб. Епархіал. Вѣд. № 2 и 3, 1878 г. Витевскій.

Витевскій говоритъ, что эта церковь была не во имя Казанской Божіей Матери, а во имя Алексѣя Митрополита; это онъ основываетъ на слѣдующемъ соображеніи: „Чудотворная икона Казанской Божіей Матери хотя и была найдена (на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Окучина его десятилѣтней дочерью, Матреной) еще въ 1579 году, но казаки могли узнать о ней не раньше смутнаго времени, т. е. ратники, отправлявшіеся изъ Казани подъ Москву, ваяли съ собой списокъ съ Чудотворной иконы Казанской Богородицы, чудесной помощи которой приписано было потомъ и спасеніе Москвы отъ поляковъ. Далѣе извѣстно, что праздникъ Казанской Божіей Матери установленъ былъ для всей Россіи только въ 1649 году, послѣ того какъ 21 октября, наканунѣ праздника Казанской Богородицы у царя Алексѣя Михайловича родился наследникъ престола Дмитрій Алексѣевичъ“. На основаніи этого и на основаніи показанія священника Степана Афанасьева¹⁾ въ 1772 г., который говоритъ, что молебень былъ отслуженъ въ церкви „Алексѣя Митрополита, она же Кирсановская“, Витевскій приходитъ къ заключенію, что первая церковь на Яикѣ была во имя Алексѣя Митрополита. Но это предположеніе не вполне основательно, такъ какъ не только время построенія Казанской и Алексѣевской церкви, но и другихъ церквей: Петра и Павла, Михайло-Архангельской и Преображенія Господня, бывшихъ въ Яицкомъ городкѣ до 1736 г., установить до сихъ поръ не удалось. Объ нихъ имѣются самыя отрывочныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно лишь догадываться о приблизительномъ времени ихъ постройки. Также не имѣется никакихъ историческихъ документовъ, которые могли бы намъ указать, которая изъ этихъ церквей была первою церковью на Яикѣ, и поэтому правильнѣе будетъ, оставивъ этотъ вопросъ открытымъ, руководствоваться въ данномъ случаѣ казачьимъ преданіемъ, записаннымъ І. И. Желѣзновымъ, гдѣ говорится, что первая церковь на Яикѣ была во имя Казанской Божіей Матери; не вѣрнѣе этому преданію мы пока не имѣемъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ преданія казаковъ оказывались до сихъ поръ вполне правильными.

То что праздникъ Казанской Божіей Матери былъ установленъ въ 1649 г. не даетъ основанія предполагать, что церковь нельзя было построить ранее этого времени, т. е. по справкамъ у лицъ компетентныхъ, это служить препятствіемъ не могло, ибо святиня фактически существовала и была дано еще въ 1579 г., признавая церковью. Что касается до показанія священника въ 1772 году, то какъ увидимъ далѣе, у насъ имѣются данныя, что церковь Алексѣя Митрополита находилась въ Яицкомъ городкѣ не въ Куреняхъ, т. е. старой части города, а въ Кирсановской станицѣ, поселившейся рядомъ съ Куренями приблизительно въ 1680 годахъ изъ Кирсановскаго городка, гдѣ по переселеніи войска на устье Чагана въ 1620-хъ годахъ, оставалась часть

¹⁾ Ур. Войск. Арх. III р., хлѣо № 85, стр. 83.

казаковъ и жила тамъ вплоть до 1680-хъ годовъ, когда „по малолѣтству“ переселилась въ Яицкій городокъ и завяла своими куревями *отдѣльное мѣсто* сѣвернѣе стараго городка, почему въ то время Яицкій городокъ раздѣлялся на двѣ части: на старый Яицкій городокъ и на Кирсановскую станцію, отчего и церковь святого Алексѣя Митрополита, построенная среди Кирсановской станицы, носить потомъ названіе Кирсановской церкви.

Во всякомъ случаѣ казаки въ то время могли построить церковь только или во имя Казанской Божіей Матери или во имя Михаила Архангела, имя котораго носилъ царь.

Слѣдуя казачьему преданію и принимая во вниманіе совершавшіяся на Руси событія можно прійти къ заключенію, что казаки находясь подъ впечатлѣніемъ битвъ, кровавыхъ междоусобій, будучи почти цѣлый годъ подъ Москвою въ рядахъ русскаго ополченія, конечно знали о томъ, что спасенію Москвы рати были обязаны чудесамъ Казанской Божіей Матери; и это конечно не могло не повліять на то, что первая церковь на Яикѣ была построена казаками во имя Казанской Божіей Матери, какъ спасительницы Россіи отъ ига поляковъ, тѣмъ болѣе, что они сами яроостно имѣли случай убѣдиться во время боевъ въ Ея чудодѣйственной силѣ. Подъ впечатлѣніемъ Ея чудесъ и потому, что, (какъ мы видимъ изъ списковъ 1632 г.), самое большое число казаковъ дали Казанская и Нижегородская губерніи, которымъ конечно была ближе къ сердцу своя родная святыня, — казаки и построили церковь во имя Казанской Божіей Матери.

Это былъ первый священникъ въ Кирсановскомъ городкѣ, ни преданій, ни документовъ не сохранилось, но, какъ увидимъ далѣе, казаки все время посылали на благословеніе своихъ священниковъ въ г. Казань къ казанскому и свѣяскому епископамъ.

Но не долго прожили казаки въ новомъ городкѣ. Выбранное ими мѣсто у Кирсановскихъ яровъ оказалось неудобно: „зимою заносило снѣгомъ, а лѣтомъ отъ песку житья не было“.

И вотъ приблизительно въ 1620 году казаки рѣшаютъ переселиться вновь на другое и болѣе удобное мѣсто на устьѣ рѣки Чагана. Установить точно годъ, когда именно переселились казаки къ устью Чагана въ вышній Уральскъ, не представляется возможнымъ. Данными для этого служатъ лишь слѣдующіе документы.

Въ 1720 году 10-го января казаки, прибывшіе съ зимовою станицею, на вопросные пункты Коллегіи вностр. дѣлъ отвѣчали о времени основанія Яицкаго городка слѣдующее: „Между рѣки Яика и другой — Чагана сдѣланъ усть въ деревянный острогъ. Званіе тому ихъ острогу — Острогъ. А то ихъ жилище началось, какъ они отъ старинныхъ людей слышали, тому нынѣ назадъ лѣтъ со ста“, т. е. приблизительно въ 1620 году.

Въ 1720 г. на Яикѣ среди казаковъ находились такіе сатрапхи, какъ казакъ Осипъ Вѣлюсовъ, которому во время перевеси Захарова было болѣе

100 лѣтъ и который находился на службѣ не мало ни много—ровно 76 лѣтъ! Другой патриархъ, бывшій тогда на Яикѣ, былъ казакъ Ключесть Таучевъ, который во время перепяси Захарова былъ на службѣ уже 70 лѣтъ.

Ссылаясь въ своемъ показаніи на старинныхъ людей, казаки, имѣя у себя такихъ старожиловъ, конечно, не могли ошибиться и если ошиблись, то развѣ на нѣсколько лѣтъ, ибо эти старики были почти живые свидѣтели основанія Яицкаго городка. Другимъ основаніемъ для опредѣленія времени построения Яицкаго городка на устьѣ Чагана служитъ указаніе Рычкова въ его „Топографіи Оренбургской губ.“ (стр. 291), гдѣ онъ говоритъ, со словъ старшинъ и казаковъ, „что отъ построенія того городка по тотъ 1748 годъ (когда Рычковъ былъ въ Яицкомъ городкѣ) было лѣтъ съ полтораста“, т. е. Рычковъ опредѣляетъ его построеніе приблизительно въ 1600 году.

Въ своемъ преданіи о второмъ походѣ въ Хиву казаки говорятъ, что Шемалъ ходилъ туда *послѣ перенесенія городка къ устью Чагана*, и при походѣ *встрѣтилъ калмыковъ* въ степяхъ далеко за Яикомъ *у береговъ Аральскаго моря и Аму-Дары*. Калмыки-же, кочевавшіе до этого далеко на востокъ, появились у береговъ Аму-Дары и въ вершинахъ Эмбы только въ 1620 г. и, постепенно подвигаясь на западъ, въ 1630 году занимаютъ нижнее теченіе Яика и всю степь до Волги¹⁾.

Такимъ образомъ походъ Шемала въ Хиву могъ быть въ промежутокъ времени между 1620—1625 годовъ; если бы онъ пошелъ позже, то встрѣтилъ-бы калмыковъ по своему пути въ большомъ количествѣ и едва ли бы онъ дая ему возможность пройти къ Хивѣ; если бы онъ пошелъ ранѣе 1620 г., то не встрѣтилъ-бы ихъ совсѣмъ. Въ своемъ походѣ онъ встрѣтилъ лишь передовыя части калмыковъ, которыя даже не рѣшались напасть на него, чтобы отбить своихъ плѣнныхъ, а вступили въ переговоры.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно вывести одно заключеніе, что Яицкій городокъ, нынѣшній Уральскъ, основанъ приблизительно въ 1620 г.

О томъ, какъ перебѣжали казаки съ Кирсановскихъ яровъ къ устью Чагана, имѣется прекрасный разсказъ Юс. Игн. Желѣзнова „Видѣніе“²⁾.

Казакъ Никита Чакрыгинъ, разсказывалъ ему это преданіе такимъ образомъ:

—...Задумали наши казаки перенести свой городъ съ Кирсанова яра къ рѣчкѣ Чагану,—говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Мѣсто, вѣдь, на Кирсановомъ яру было неудобно, зимой снѣгомъ заносило, а лѣтомъ отъ песку житья не было. Задумали они это дѣло, снарядили небольшую партію послышниковъ, да и послали спросить совѣта у старѣйшихъ, что жали на морѣ, на Камышъ-островѣ.

Искони бѣ тамъ жили казаки—лицари, самыя то ись старики—старожилы, которымъ въ городѣ было душно и которые, между нами будь сказано,

¹⁾ Рычковъ „Топогр. Оренб. губ.“, стр. 88, и Махшеевъ „Истор. обзоръ Туркестана“, стр. 30.

²⁾ Соч. І. И. Желѣзнова „Уральци“, т. 8, стр. 48—52.

любили просторъ и раздолье, а ужъ есть ли что просторнѣе и раздольнѣе батюшки сина моря Каспійскаго? Може статься, на Яикѣ сверху и поселеній настоящихъ не было, а на морѣ, на островахъ да на буграхъ навѣрное были казачьи притоки. И нельзя не быть, касатикъ: вѣдь въ стары годы казаки наши частенько развѣзжали по морю, какъ въ пѣсняхъ поется: „во легкихъ стругахъ за добычею, разбивали бусы кораблики все армянскіе, татарскіе, басурманскіе“; этимъ только и жили, что грѣха таять. Такъ какъ же на Камни-островѣ, иль бо на другомъ какомъ, не жить нашимъ казакамъ? И въ пѣснѣ про Якишу-Горныча, знаешь, поется:

...На островѣ—Камни-островѣ,
Братцы, старки живутъ.
Старки живутъ старожилы,
Имъ же по девяносто лѣтъ...

— Пстой, пстой, Иванъ Никитичъ!—перебилъ я.—Въ этой пѣснѣ говорится про стариковъ—старожилыхъ. Може статься, они жили на Камни-островѣ ради Бога, то есть спасали свои души.

При сихъ словахъ Иванъ Никитичъ улыбнулся: замѣчаніе мое насчетъ стариковъ, спасавшихъ души, показалось старику до крайности смѣшнымъ и навывнымъ.

— Но нѣтъ ли такой пѣсенки,—продолжалъ я,—гдѣ бы прямо говорилось, что на Камни-островѣ, иль бо на другомъ какомъ жили не старики старожилы, а казаки-лицаря?

Старикъ подумалъ и сказалъ:

— Какъ не быть! Есть! Вотъ одна такъ и вертается на языкѣ, да, чтобъ ее намочило, забылъ, какъ съ конца-то начинается. Поди ты, вотъ такъ и вертается... чтобъ ее... Пстой, пстой! Вспомань.

И старикъ началъ нарспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

Выметывалъ нашъ Якишка
На синемъ-морѣ Камни-островѣ.
На островѣ-Камниѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казною.
Снимали съ золотой казною красну-дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлать золоту казну пуховою шляпой.
На конь клали раскрасавицу, красну дѣвушку
И начали между себя трасти жеребій.
Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.

Возговорить атаманушка таковы слова:

„На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;

На паю на дубахъ я послѣдній сталъ:

Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красная дѣвушка.

Возговорить красна дѣвушка таковы слова:

Ужъ ты, гои еси, казачій атаманушка!

У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,

Золото кольцо, оно въ пятьсотъ рублей;

Подпозочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.

Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣянъ нѣту.

Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ.

— Вотъ тебѣ я лицари, коли хочешь знать! — сказалъ старикъ. — Эти, чай, не оченно заботились о душѣ, — прибавилъ старикъ, засмѣявшись. — Потому продолжалъ:

— Да что объ этомъ толковать! Наши праотцы, какъ орлы поднебесные, перепархивали съ мѣста на мѣсто, когда и куда хотѣли, и жили тамъ, гдѣ лучше и вольготѣе. Хоша непостоянно, временно, а надерживались-таки казаки около устьевъ Яика, по островамъ морскимъ, да по буграмъ черевымъ. Тамъ было, значить, и въ ту пору, когда ваши задумали переносить городъ. Вотъ къ нимъ-то, къ этимъ, значить, камыньскимъ старикамъ-лицарямъ, кирсаповскіе казаки и поѣхали за совѣтомъ. Тогда, сударь мой, не какъ нынче, тогда все дѣлали собча, всѣмъ войскомъ.

— Побыли ваши казаки сколько-то времени на Камынь-островѣ у старѣйшихъ, усовѣтовались съ ними насчетъ этого дѣла, тоишь насчетъ переноса городка, и поплыли назадъ къ устьямъ Яика. Лишь только вѣхали они въ Золотинскій прорывъ, на встрѣчу имъ попался старецъ, злываетъ въ маленькой лодочкѣ одинъ-однихонекъ, гребетъ на одно весельце. Старецъ такой древній, важный, благолѣпный, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ на лбу. Съѣхались казаки и старецъ; поздоровались. Казаки говорятъ:

— Отче святой! — Задумали мы перенести городъ съ мѣста на другое. — Начинать ли намъ это дѣло дѣлать? — Дай совѣтъ.

Старецъ спросилъ ихъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали на Чаганъ рѣку. — Тогда старецъ говоритъ имъ:

— Не былъ я на томъ мѣстѣ, а знаю, что оно хорошо, къ поселенію удобно, лугами и всякими угодами богато. Только вѣдайте, чада, на томъ мѣстѣ городу вашему придется испытать разныя коловратности: будутъ у васъ тамъ трусы, мятезы, кровопролитныя брани и всякія сумятицы и неурядицы. Ставуютъ васъ тамъ нудить насчетъ креста и бороды, ставуютъ заводять у васъ солдатскія очереди, богопротивныя легіоны и разныя неполезныя для васъ штаты, а въ одно время появится между вами такой на-

бѣглый царь... Вотъ изъ-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако современнѣе все затихнетъ, и вы уariate покой...

Казаки говорятъ:

— Ничего, святый отче, къ трусамъ, нятежамъ и кровопролитникамъ братьямъ намъ не привыкать стать: на томъ и живемъ. Намъ и прежде говаривали: „на крови-де Яикъ зачался, на крови де и кончится“. — Да мы на это мало смотримъ. А на очереди, да на легионы и плевать-то не хотимъ: все перемелется, мука будетъ. Ты только благослови насъ, отче!

— Вотъ васъ благословить!—сказалъ старецъ, освѣтилъ казаковъ крестомъ, да и поплылъ путемъ-дорогой.

И казаки поплыли своимъ путемъ-дорогой. Много-ли, мало-ли отплыли отъ того мѣста, гдѣ съ старцемъ то повстрѣчались, остановились, да и говорятъ промежъ себя: „Что же, братцы, мы не спросили старца-то, кто онъ такой? Вернемтесь!“ Сказали это да и вернулись назадъ. А старецъ плылъ уже въ морѣ. Однако они скоро его догнали и спрашиваютъ:

— Прости насъ, отче, давай мы не спросили тебя,—кто ты такой?—Повѣдай намъ.

— Алексѣй Митрополитъ!—говорить старецъ.

Лишь только онъ выговорилъ, какъ въ тое жъ секунду поднялось отъ воды густое облако, скрыло и лодку, и святителя. Отъ такихъ словъ казаки пришли въ ужасъ неописанный. Не пришли они еще въ себя отъ страха и ужаса, не отудобили, какъ облако зрорѣдѣло, разсѣялось, и ни лодки, ни святителя не видать стало, одно гладкое, какъ стекло, море.—Значить: видѣние было.

— Такое-то, сударь мой, чудо повстрѣчалось съ нашими казаками. Не откладывая дѣла вдаль, казаки въ то же лѣто поднялись съ Кирсанова яра и перебрались къ рѣкѣ Чагану. Подѣлали плоты, посадили на нихъ женъ, дѣтей, нагрузили имуществомъ и всякимъ скарбомъ, что можно было взять, отслужили Господу-Вогу молебень, проѣли канувъ Алексѣю Митрополиту и пустились внизъ по Яику, а лошадей и всю животную погнали берегомъ. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановскомъ городищѣ тьма-тьмуца углей, чай, и ты видѣлъ.

— Изъ строевія казаки взяли только одну церковь чернаго лѣса. Береженько разобрали ее по бревенкамъ, да по дощечкамъ и славяли на плету. Церковь была во имя Казанской Божіей Матери. Постановивши на новомъ мѣстѣ церковь, казаки по приговору всего общества и по благословенію духовныхъ чиновъ сдѣлали къ ней въ память чуднаго видѣнія прядѣль во имя св. Алексѣя Митрополита. Этотъ прядѣль и поднесъ существуетъ*.

Мѣстность, выбранная для построевія новаго городка, оказалась весьма удачною и удобною для обороны. Въ то время Яикъ обвивалъ городъ не только

съ востока, но съ юга и съ запада¹⁾. Его воды текли по нивѣшной старицѣ (что у Михайло-Архангельскаго собора), обмывали городокъ (нижніе Курени) съ юга и поворачивали на сѣверъ вдоль берега, называемаго нынѣ Чечора, и, проходя по этому берегу сѣвернѣе собора, сливались съ водами Чагана, такъ что нижнѣшее теченіе Чагана отъ города до устья было въ то время русломъ Яика. Такимъ образомъ Хавская роща была за Ураломъ и самый Яицкій городокъ, расположенный на высокомъ мѣстѣ въ лукѣ Яика, былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ водою и лишь съ сѣверной стороны была стѣна. Кирсановская церковь во имя Казанской Божіей Матери должна была находиться приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ находится Михайло-Архангельскій соборъ или гдѣ либо южнѣе его, т. е. городокъ простирался только до этого собора и лишь приблизительно въ 1680 г., когда Кирсановская станица „по малолюдству“ переселилась въ Яицкій городокъ и заняла мѣсто сѣвернѣе городка, городъ расширился до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ церковь Петра и Павла. Съ сѣверной стороны внѣ городка у казаковъ находилось кладбище тамъ, гдѣ теперь находится Михайло-Архангельскій соборъ. Это предположеніе подтверждается произведенными въ концѣ іюня 1909 года раскопками въ мѣстности южнѣе собора, вблизи бывшей войсковой избы. Поволомъ для этого послужилъ образовавшійся легкій провалъ земли на этомъ мѣстѣ. Раскопки велъ войсковой архитекторъ Ив. Мих. Желѣзновъ; благодаря имъ явилась возможность убѣдиться, что тутъ были могилы; въ нѣкоторыхъ было по 2 и по 3 скелета въ одной ямѣ, обложенной досками. Что это кладбище старинное, видно изъ того, что слой мѣла, извести и щебня толщиной около 1½ вершковъ, бывший на поверхности земли во время постройки Михайло-Архангельскаго собора и впоследствии занесенный сверху другимъ слоемъ черной земли, оказался лежащимъ и на этихъ могилахъ, что вполне доказываетъ, что они существовали ранѣе постройки собора, т. е. до 1748 г.

Разсказъ настоятеля собора отца протоіерея Корнаухова вполне подтверждаетъ это предположеніе:—когда вокругъ собора въ 1874 г. строилась каменная ограда, то при заложеніи фундамента было найдено много чело-вѣческихъ костей и остатки гробовъ. Кости эти сложены вблизи наружной стѣны собора у алтара и зарыты въ общую могилу.

Объ устройствѣ и планѣ древняго Яицкаго городка до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній.

Рычковъ, посѣтившій Яицкій городокъ до Шлихтина пожара, въ 1748 г. заставшій городокъ въ первобытномъ видѣ, пишетъ объ немъ слѣдующее²⁾: „Улицы въ немъ по большей части тѣсныя и нѣкоторыя такъ узки, что двумъ

¹⁾ Это видно изъ сохранившагося плана, сдѣланнаго до Шлихтина пожара (до 1751 г.), но когда именно—неизвѣстно, а также изъ плана 1772 года.

²⁾ Городокъ при Рычковѣ простирался до нижнѣшней Петропавловской церкви и лишь послѣ Шлихтина пожара въ 1751 году былъ распланированъ нѣсколько иначе и расширенъ до предѣловъ Казанской церкви (бульвара и торговой площади).

телѣгамъ разбѣхаться почти невозможно. Что до укрѣпленія принадлежить, то въ 1744 году все жило (жилище) съ одной стороны отъ Чагана въ старому теченію Яика¹⁾ двойнымъ плетнемъ обнесено, между котораго насыпана земля и укрѣплено столбами, а снаружи весь оный плетень обмазанъ глиной, а кругъ всего сдѣланъ ровъ, а съ прочихъ сторонъ, *окружая все селеніе*, означенная старина и рѣка Чаганъ мѣстоположеніемъ дѣлають оный довольно оборонительнымъ“.

Тѣснота построекъ стараго городка и узкость улицъ объясняются желаніемъ казаковъ во что бы то ни стало сдѣлать оборону городка наиболѣе удобной: чѣмъ меньше городъ, тѣмъ легче его защищать и потому казаки въ ущербъ удобства и безопасности отъ пожара тѣснились до возможныхъ предѣловъ и въ своей отпискѣ Неплюеву въ 1751 году, какъ увидимъ далѣе, отказываясь принять, послѣ пожара, новый планъ городка съ широкими улицами и правильно раздѣленными кварталами, мотивировали это тѣмъ, что имъ тогда оборонять городокъ будетъ невозможно по причинѣ большой длинны его укрѣпленій.

Ввиду свученности построекъ каждый пожаръ грозилъ гибелью городку и, какъ увидимъ далѣе, городокъ не разъ выгоралъ до чиста, но казаки снова воздвигали свои *курени*, какъ они называли свои дома, на старнхъ мѣстахъ (каждый казакъ на старожъ своемъ мѣстѣ) и городокъ принималъ снова прежній видъ съ тѣми-же узкими улицами и съ тѣми-же очертаніями кварталовъ. Мѣстность, гдѣ былъ первый городокъ, до сихъ поръ называется „*Курени*“.

Съ переселеніемъ казаковъ въ городъ на устьѣ Чагана, или какъ онъ сталъ называться — Яицкій городокъ (Яицк-городъ), жизнь ихъ постепенно ^{начи}наетъ принимать жизнь правильно устроенной общины. Они имѣютъ церковь, священника, семьи и навозецъ, слотавшіеся въ одвоцѣлое, имѣютъ и общихъ начальниковъ. Въ этотъ періодъ мы не встрѣчаемъ у нихъ уже нѣсколькихъ атамановъ и нѣсколькихъ городковъ. Всѣ они сосредоточиваются въ Яицкомъ городкѣ и лишь весьма незначительная часть ихъ остается въ Кирсановѣ или, какъ называли потомъ это поселеніе казаки въ своихъ отпискахъ, въ Кирсановской станицѣ.

Въ это-же время начинаются у казаковъ постоянныя сношенія съ Москвою, и въ 1726 году мы видимъ, что правительство вызываетъ яицкихъ казаковъ — охотниковъ поселиться въ г. Самару, за что изъявили желаніе только нѣсколько человекъ²⁾: атаманъ Максимка Гильявецъ, казаки: Янушка Микитицъ, Семейка Петровъ, Ивашка Васильевъ Путивлецъ, Гришка Васильевъ, Степанашка Федоровъ и Ивашка Павловъ, которые „вышли съ Яика изъ юрты съ женами и съ дѣтьми“, за что по Государеву указу іюля въ 24 день 1726 г. они были пожалованы „по сукну по доброму“. Всего-же

¹⁾ Тогда Яицкъ уже ушелъ къ Бухарской сторонѣ и его старое русло получило названіе старини.

²⁾ Московск. Арх. Министер. Императ. двора и ружейной палаты, дѣло № 111, 1726 г.

даю имъ „по 4 аршина безъ чети суква лазореваго по 2 р. портище“...

Такимъ образомъ видно, что въ 1626 г. у казаковъ были уже жены и дѣти и что нѣкоторые изъ нихъ, болѣе малодушные, предпочли вмѣсто тревожной и бранной жизни на Яикѣ жизнь болѣе тихую и мирную въ городѣ Самарѣ.

Приблизительно къ этому же времени относится и второй неудачный походъ казаковъ въ Хиву. Преданіе о немъ записано Рычковымъ въ его „Топографіи Оренбургской губерніи“ (стр. 288), когда онъ былъ въ Яицкомъ городѣ (въ 1748 г.) Старшины передавали ему объ этомъ походѣ слѣдующее:

„Нѣсколько лѣтъ послѣ того яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки Чагана, на третье мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкій казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію Шамай, прибравъ себѣ въ товарищество человекъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Нечай, а именно: чтобъ еще оныѣ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ согласясь пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки Сыръ-Дарья, на степи усмотрѣли двухъ калмычкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства, разрывали ямы звѣринныя, ибо тогда около оной рѣки Сыръ-Дарья¹⁾ кочевали еще калмыки. Захвата сихъ калмычкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя калмыки оныхъ своихъ ребятъ у нихъ, казаковъ, къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе калмыки, озлобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что, собравшись многолюдно, скрылись въ потаенное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ калмыкъ, и приказали, усмотря яицкихъ казаковъ, рыть землю и, бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, якобы они роютъ звѣринныя же ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что то еще калмычкіе гулебники роютъ ямы, и сказали о томъ Шамая, своему атаману, и потому всѣ изъ обоза поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытое калмычское войско, и такъ ихъ навели на калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ, казаковъ, ударилъ и поманутаго атамана съ нѣсколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ями калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпусти, требовали оныхъ своихъ калмычатъ къ себѣ обратно; но казаки отвѣтствовали, что у нихъ атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сыръ-Дарья²⁾ переправлялись, не потра-

¹⁾ Тутъ надо понимать не Сыръ-Дарья, а Аму-Дарья.

А с т.

²⁾ Тутъ тоже ошибочно названа та же р. Аму-Дарья.

А с т.

фили, но, прошибшись, выше угодилъ къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало. Къ тому же наступило зимнее время, чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великій гладъ пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіеся жъ посылали къ хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ себѣ взяли, и спасли бъ ихъ тѣмъ отъ смерти; почему, пріѣхавъ къ нимъ, хивинцы всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оныя яцкіе казаки, 300 человекъ, тамъ пропали. Означенный же атаманъ Шамай, спустя вѣскольکو лѣтъ, калмыками привезенъ и отданъ въ Яцкое войско⁴.

Такъ печально окончился второй походъ яцкихъ казаковъ въ Хиву. Послѣ этого казаки уже не предпринимали туда ни одного похода. Въ ихъ воображеніи Хива стала рисоваться какой-то заколдованной недоступной страной. „Хива—заклятая страна“, говорили казаки. Съ Хивой имъ пришлось встрѣтиться снова только въ 1717 г. и опять таки неудачно:—всѣ они, въ числѣ 1500 человекъ, погибли.

О первой службѣ яцкихъ казаковъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Объ ней упоминается въ царскомъ указѣ 29 марта 1629 года воеводамъ князю Солнцеву-Засѣкину и Благово, назначеннымъ въ *Переяславль Рязанскій противъ крымскихъ татаръ*, гдѣ имъ предписывается принять всѣ мѣры предосторожности и между прочимъ велѣно: посылаемымъ въ разѣзды дѣтямъ боярскимъ и попавшимся по несчастью въ плѣнъ на разспросы татаръ отвѣчать, что московскія ратниногочисленны и что въ ихъ рѣдахъ *есть много храбрыхъ воиновъ*, въ числѣ которыхъ упоминается и о казакахъ яцкихъ¹⁾. Что дѣлалъ отрядъ князя Засѣкина и былъ-ли въ боюхъ—данныхъ не имѣется.

¹⁾ Акты Арх. эксп. т. III № 187, Рязанскія, географич. и статистич. очеркъ Урал. каз. войска, часть I, стр. 17.

Старинная жизнь и обычаи яицких казачковъ.

Не бѣла березышка къ землѣ клонится,
 Не ковыль трава въ чистомъ полѣ зашаталася;
 Зашаталася, загулялся добрый молодецъ
 Въ одной тоненькой каразинной¹⁾ во черкешекъ;
 У черкешечки рукавчики назадъ заткнуты
 И серебряной булавочкой они приткнуты.
 За плечами онъ несетъ ружьецо—турку цѣльную,
 Турку цѣльную, все ружьецо снасть турецкую,
 Въ правой рукѣ онъ несетъ посомочекъ тоненькій гордоленкій,
 Онъ посомочкомъ, добрый молодецъ, подпиралася,
 Горючими слезами, разудаленькій, заливалася.
 Какъ негъ нимъ надъ молодчиковъ несчастныце случилося:
 Занесло у добра молодца путь-дороженьку,
 И сбивало-то добра молодца со дороженьки,
 Прибивало добра молодца ко городу;
 Ко тому ко городу, къ незнакомому,
 Къ незнакомому ко городу ко Яицкому.

Старинная пѣсня яицк. казачковъ.—Съ рукописи *Иос. Ивн. Желѣзнова*.

Съ переселеніемъ казачковъ въ Яицкій городокъ, ихъ жизнь, какъ строгаго рыцарскаго ордена, жила безъ женщинъ кончилась,—казаки хотя и оставились по прежнему „промышленниками“, но уже они имѣютъ осѣдлость, имѣютъ семьи.

Объ ихъ образѣ жизни, о нравахъ ихъ, костюмахъ, общинномъ управленіи того времени до насъ дошли самыя скрупюльны свѣдѣнія, и то благодаря лишь бывшимъ въ Яицкомъ войскѣ такимъ лицамъ, какъ Рычковъ въ 1748 г., и извѣстный путешественникъ Палласъ въ 1769 г. Впоследствии по разпросамъ стариковъ Иосифу Игнат. Желѣзнову удалось кое-что возстановить изъ этого далеко прошлаго и въ его замѣткахъ, разбросанныхъ въ его черновыхъ бумагахъ, хранящихся въ Войсковомъ Архивѣ²⁾, имѣется очень много цѣннаго матеріала по Яицкой старинѣ. Во время Желѣзнова на Яикѣ еще были люди, хорошо помнявшіе старину, жизнь казачковъ, ихъ нравы и ихъ одежды, тѣмъ болѣе что послѣднія носились казачками до 1837 г., т. е. когда окончательно ввели казачкамъ однообразную форму.

Дополненіемъ къ этимъ матеріаламъ служатъ различныя грамоты въ войско, отписки казачковъ и ихъ челобитныя.

¹⁾ Каразинъ отъ арабскаго слова „карзини“—ткань краснаго цвѣта.

²⁾ Войск. Арх., неизд. зам. I. И. Желѣзнова, д. III разр., № 85, отд. 18, стр. 79—82, а также неизд. статья „Что такое казачій офицеръ“ (тамъ же).

Суммируя всё эти данные, мы получим хотя краткую, но все же достоверную картину того, какъ жили лиціе казаки въ старину, какъ они уравнились, какъ ходили въ походы и чѣмъ занимались у себя дома.

Какъ было сказано въ IV главѣ, казаки принесли съ собою на Дѣкъ и древне-русское вѣче и древне-русскую общину. Свобода религій, свобода слова и полная свобода отдѣльной личности были главными и основными устоями этой общины.

Всѣ члены въ этой общинѣ были равны между собою: всѣ покорялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу закона: словомъ, не было между ними привилегированнаго класса, какимъ является нынѣ офицерство вообще и дворянство въ особенности.

Домашнее правленіе у казаковъ было выборное.

Главу общины, войскового атамана и всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная отъ походнаго атамана и кончая простымъ десятникомъ, казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ своей среды и давали имъ власть творить судъ и расправу надъ собой въ тѣхъ однакожъ размѣрахъ, какіе допускались обычаями народа, но не больше.

Дѣла обыкновенныя, обиденныя, какъ напр. тяжбыя, спорныя и т. п., разбирались и рѣшались атаманомъ и другими начальниками по обычаямъ, имѣвшимъ силу закона.

Дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ цѣлаго общества или дѣла уголовныя, по такимъ преступленіямъ, которыя непосредственно влекли за собой смертную казнь, или тяжкое тѣлесное наказаніе, обсуживались и рѣшались по большинству голосовъ въ войсковомъ кругу—имѣвшемъ характеръ древняго славянскаго вѣча—въ кругу, гдѣ каждый изъ казаковъ имѣлъ право подачи голоса.

Главнымъ начальникомъ этой общины являлся выборный кругомъ *Войсковой атаманъ*, у него въ распоряженіи состояло два *Войсковыхъ есаула*: къ концу 1800-хъ годовъ въ числѣ чиновъ, состоящихъ у атамана, мы видимъ *Войскового писаря*—это тоже что нынѣ начальникъ штаба, который велъ всю переписку и былъ правою рукою Войскового атамана. Вслѣдъ за этими должностями въ грамотахъ при Петрѣ Великомъ у казаковъ видны *Войсковые старшины*, которые являлись товарищами Войскового атамана при управленіи войскомъ и при рѣшеніи различныхъ дѣлъ засѣдали вмѣстѣ съ Войсковымъ атаманомъ и Войсковымъ писаремъ въ *Войсковой избѣ*, т. е. въ мѣстѣ, гдѣ сосредоточивалось управленіе войскомъ и находилась канцелярія атамана. Эта Войсковая изба иногда въ грамотахъ называется *Станичною избой*, и находилась тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Михайло-Архангельскій соборъ, на углѣ отъ него въ 10 саженахъ.

Какъ видно изъ переписи полковника Захарова, Войсковые атаманамъ, слу-

жили не болѣе года, иногда же въ теченіе года смѣнялось нѣсколько атамановъ. Многіе-же уважаемые казаки выбирались снова къ атаманы и есть примѣры, что одинъ и тотъ-же казакъ былъ выбираемъ въ разные годы атаманомъ войска и атаманствовалъ съ перерывами до 15 разъ.

Выбирались атаманы изъ самыхъ храбрыхъ, разумныхъ и толковыхъ людей—рѣдко они были грамотны, большинство не умѣло подписать своей фамиліи и за нихъ расписывался Войсковою писарь. Чтобы водить казаковъ въ бой, нужна была отвага и храбрость, а не грамотность, грамотныхъ же, но менѣе отважныхъ, казаки выбирали въ Войсковые писаря—каждому давали свое.

Всѣ должностныя лица, въ началѣ служившія изъ за чести, впоследствии, съ развитіемъ общины, должны были удѣлять много времени на службу обществу и не имѣли возможности заниматься своимъ хозяйствомъ, отчего терпѣли убытки, поэтому издаде общество стало платить имъ жалованье; такъ Неплюевъ въ 1748 г. засталъ у казаковъ слѣдующіе оклады жалованья: Войсковому атаману 40 руб. въ годъ и 3 ярынка на багренье (о чемъ будетъ сказано дальше въ описаніи багренья), войсковому писарю и войсковымъ есауламъ по 15 руб. въ годъ. Войсковые старшины получали всего лишь по одному лишнему ярнику на багренье.

Всѣ дѣла войска рѣшались *кружомъ*, каждая грамота, полученная войскомъ, объявлялась войску въ этомъ-же кругу, чины, заставляшіе въ Войсковой набѣ, не имѣли права дѣлать никакихъ несогласныхъ съ обычаемъ распоряженій безъ согласія круга.

Вотъ что пишетъ Палассъ о войсковомъ кругѣ, видѣнномъ имъ въ 1769 г. ¹⁾:

„Власть сего установленнаго правленія (атамана и старшинъ) вообще очень ограничена и являющій народъ такъ же, какъ у донскихъ казаковъ, имѣетъ первый голосъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Ничего рѣшить не можно безъ собранія народа, которое у нихъ *кругъ* называется. Если надлежитъ взъяснить окрѣпленіе, или полученныя изъ вышняго суда указы объявить народу, то благоустаять въ колоколь у соборной церкви и чрезъ то даютъ знать къ собранію. Обыкновенное къ тому время назначено предъ полуднемъ въ исходѣ десятаго часа: но въ чрезвычайныхъ случаяхъ можетъ быть собраніе и во всякое другое время. По такой повѣсткѣ собираются изъ всего города состоящіе въ службѣ казаки къ малому канцелярскому подлѣ главной церкви находящемуся каменному строенію и, не наблюдая порядка, становятся вокругъ нарочаю огороженнаго четверугольнаго мѣста. Если довольно собралось народу и есаулы доведутъ о томъ атаману, сидящему въ канцеляріи со старшинами, то выходитъ онъ съ булавою, у которой голова серебряная и вилочена, на покрытое крыльцо имѣетъ со старшинами. Потомъ выходятъ оба

¹⁾ Палассъ, Путеш. по разн. пров. Росс., изд. 1809 г., стр. 413—416.

есаула на огороженное мѣсто, кладутъ свои шапки и жезлы на землю и, прочитавъ обыкновенную молитву, кланяются сперва атаману и старшинамъ, а потомъ каждый на свою сторону около столбцу народу, который взаимно имъ кланяется. Послѣ того, взявъ жезлы и шапки и подошедъ къ атаману, кладутъ свои шапки предъ его ногами, а жезлы держать въ рукахъ. Получивъ отъ атамана приказъ, выходятъ опять къ народу и, повторивъ нѣсколько разъ слѣдующія слова: „*Помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско Яицкое!*“, объявляютъ громкимъ голосомъ народу то дѣло, о которомъ совѣтовать должно, собираютъ народное мнѣніе и доносятъ оное атаману, который опять чрезъ есауловъ объявляетъ либо потребное и противное ихъ мнѣнію представленіе, или утвержденное согласіемъ опредѣленіе. На пріятное представленіе обыкновенно кричатъ: „согласны, ваше высокородіе“¹⁾, а на противное: „не согласны“, и притомъ ропшутъ, напоминая о вольности своихъ предковъ. Полученный изъ Государственной военной коллегіи указъ читаетъ писарь, стоя между есаулами, и народъ слушаетъ оный, снявъ шапки, о чемъ есаулы также напередъ уведомляютъ*.

Но не всегда войсковою кругъ собирался по звону вѣчевого (церковнаго) колокола.

Обычно-же казаки оповѣщались о сборѣ круга войсковыми есаулами.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Желѣзновъ и подтверждаетъ неизвѣстный авторъ въ „Уральск. Войск. Вѣд.“ за 1867 г. (№ 48).

„Наканунъ того дня, какъ быть кругу, одинъ изъ свиты атамана—войсковой есаулъ (въ родѣ нижшняго адъютанта), въ роскошной одеждѣ, на богато убранномъ конѣ, съ жезломъ въ рукахъ развѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, во всеуслышаніе выкливалъ къ народу:

„*Послушайте, атаманы-молодцы и все войско Яицкое, не пейте зелена вина, ни дарового, ни купленаго: завтра кругъ будетъ!*“

Извѣщенные есауломъ и предупрежденные на счетъ воздержанія отъ чарки зелена вина, казаки съ трезвыми и непохмѣльными головами, какъ по крайней мѣрѣ предполагалось, собирались въ назначенный день на площадь къ войсковой избѣ.

Въ этомъ кругу рѣшались всѣ дѣла и производились расправы. Изъ записокъ Желѣзнова видно, что въ этомъ кругу иногда бывали случаи комическіе: „Иногда подвергался кто нибудь изъ казаковъ штрафованію; вина преступника громко объявлялась, а также объявлялось и наказаніе, какому овъ подлежить; толпа вѣнство кричала: „Бить его хорошенько!“ что тутъ-же и исполнялось. Иногда стоящіе казаки и по огромности сбора не видѣв-

¹⁾ Казаки отвѣчали криками „Добол!“ или „Недобол!“ что видно изъ донесенія Неплюева изъ Воин. Белл. въ 1748 г. Казаки въ 1769 г. не могли называть своего же казака, хотя бы и Войск. атамана, ваше высокородіе. Палласъ, вѣроятно, слышалъ отвѣты казаковъ, бывшихъ тогда въ доблѣ, офицерамъ, производившимъ слѣдствія. *А. е. т.*

шіе, кого именно присуждаютъ къ наказанію, кричатъ тоже: „бей его хорошенько!“, между тѣмъ нѣкоторые, зная, кто такой виноватый, немилосердно наказывающійся, говорятъ кричащему: да это твой отецъ, дядя или братъ; тогда вновь крикъ: „не надо бить, простить его!“ Но уже поздно, — бѣдникъ грѣшникъ выводится подъ руки, покрытый кровью“.

Особенно жестоко наказывали казаки за воровство, иногда даже смертной казнью. Палласъ, упоминая о нѣкоторыхъ обычаяхъ того времени, говоритъ между прочимъ: „Прежде были они (казаки) вѣсколько грубы и по большей части имѣли обыкновеніе запорожскихъ казаковъ, какъ напримѣръ: заимодавецъ могъ должника, привязавъ къ лѣвой рукѣ веревку, водить я бить до тѣхъ поръ, пока онъ соберетъ мирскимъ подаваніемъ потребное на платежъ долгу число денегъ, или выкупать его пріятель. При томъ еще наблюдалось примѣчаніа достойное обстоятельство, что если заимодавецъ сдѣлаетъ ошибку и привяжетъ должника за правую руку, которою обыкновенно крестятся, то заимодавецъ дѣлается чрезъ то виноватымъ и не можетъ уже требовать долга. Прежде было еще такое обыкновеніе, что если кто не захочетъ больше держать своей жены, то выводитъ на площадь и продаетъ“.

Описывая жизнь яицкихъ казаковъ въ 1696 г., Палласъ говоритъ слѣдующее¹⁾:

„Лицкіе казаки какъ въ правленіи ихъ дѣла, такъ и въ житіи совершенно вольны. Молодые люди почти всегда препровождаютъ дни въ забавахъ, и многіе казаки вдали въ праздность и пьянство. Женскій полъ также любить увеселеніе и кажется, что имѣетъ склонность къ щегольству и къ любви. Убранство ихъ разнится отъ простаго россійскаго только въ пестрыхъ и красныхъ рубахахъ, которыя они любятъ, и еще есть разность въ богатыхъ вышитыхъ чепцахъ, которые отъ чела торчатъ прямо вверхъ; но верхушка у нихъ круглая и плоская. Мушкетеры носятъ обыкновенное казацкое или польское платье. Никѣ между ними есть уже люди знающіе и хорошихъ правовъ; да и вообще находится при Яикѣ добронравный и чистоту наблюдающій народъ, а все оное произошло отъ довольнаго достатка и частаго обхожденія съ иностранными купцами.“

Во все большіе церковные праздники и торжественные дни народъ обыкновенно собирается по окончаніи Божіей службы къ канцеляріи, гдѣ для подчиванія его бываетъ выставлено вѣсколько ведеръ вина, и на древесной корѣ положенъ хлѣбъ и рыба. Въ канцеляріи снимаютъ зеркало со стола холной и ставятъ всякіе кричкіе напитки, вяленую рыбу, прѣсаю и пивную икру и хлѣбъ; потомъ атаманъ и старшины пьютъ при пушечной пальбѣ за Высочайшія здравія, также за здоровье главныхъ начальниковъ и всего казацкаго войска.

Ко многимъ увеселеніямъ подаетъ молодому народу поводъ сватаніе и бра-

¹⁾ Соч. Палласа, стр. 416—419.

сочетаніе, о чемъ для многихъ особливыхъ обстоятельствъ упомянуть надлежитъ. Въ сговоренной невѣстѣ, со дня достойныхъ свѣху сговоровъ до самой свадьбы собираются ея подружки каждый вечеръ, поютъ ѳвсли, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ сіе время, которое иногда продолжается до 20 недѣль, женихъ почти можетъ обходиться съ невѣстою такъ, какъ мужъ съ женою. Въ двиншикъ долженъ онъ принести невѣстѣ въ подарокъ платье и весь женскій уборъ; въпротивъ того, невѣста даритъ ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣчанія ѳдетъ невѣста отъ церкви на телѣгѣ, а позади ея сидитъ мать и сваха, которая на всѣхъ пазьцахъ должна имѣть кольца, а обѣ со стороаъ прикрываютъ невѣсту полотенцемъ, дабы зрители лица ея не видали. Предъ телѣгою влетъ женихъ съ отцомъ и дружкой; позади телѣги многіе ѳдутъ на ломадахъ верхомъ и одинъ изъ нихъ держитъ полосатую плахту, какую черкасскія¹⁾ жены обыкновенно носятъ вмѣсто юбки, на длинномъ шестѣ такъ, какъ знамя; и оная плахта тѣмъ достойнѣ примѣчанія, что здѣшнія женщины оной не носятъ. Въ прочемъ пріезде ли препровождаютъ день бракосочетанія въ пять, пляскѣ и ѳвѣян, и притомъ еще по большей части на улицѣ. Очень часто пляшутъ по татарски, и въ сей пляскѣ молодые люди дѣлаютъ перемѣнныя движенія съ удивительнымъ проворствомъ и крѣпостью членовъ: ибо они съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ ко всякимъ труднымъ упражненіямъ и, употребляя огнестрѣльное оружіе и коньѣ, искусно стрѣляютъ изъ луковъ".

Въ этой замѣткѣ, говоря о чепцахъ, Палласъ описываетъ „сороку“ — женскій головной уборъ, бывшій во всеобщемъ употребленіи у уральскихъ казаковъ до 1840-хъ годовъ. Говоря, что казаки носятъ польскій костюмъ, Палласъ имѣлъ въ виду казацкіе кафтаны съ откидными рукавами, которые были ничто иное какъ видоизмѣненный древне-русскій опашень или однорядка, во времена Палласа уже вышедшій въ Россію изъ употребленія и оставшійся лишь на окраинахъ у казаковъ, въ томъ числѣ и у яицкихъ.

О костюмахъ казаковъ того времени имѣются самыя точныя указанія. Одно изъ нихъ, записанное І. И. Желѣзновымъ въ 1850-хъ годахъ со словъ генерала Бизанова, бывшаго очевидцемъ того времени, когда казаки еще носили національные костюмы, другимъ-же указаніемъ служатъ старинныя акты, въ томъ числѣ и прозектъ Нейлюова объ одеждѣ казаковъ, а также и дошедшіе до насъ гравюры и рисунки яицкихъ казаковъ конца 1700 г., которые вполне подтверждаютъ записанное Желѣзновымъ.

Кромѣ этихъ данныхъ въ „Войсковыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1867 г.²⁾ имѣются прекрасныя „Замѣтки о народномъ бытѣ и одеждѣ уральскихъ казаковъ“ неизвестнаго автора, подписавшагося псевдонимомъ Н—ъ. Авторъ, какъ онъ пишетъ, имѣлъ специальное порученіе для сбора свѣдѣній и описанія старинной

¹⁾ Черкасскій, т. е. мажорсіскій.

²⁾ № 2—5.

казацкой одежды уральских казаков, которое могло бы служить дополнением и разъяснением для коллекций казачьих костюмов, посланных в 1867 году в Москву на русскую этнографическую выставку. Заканчивая описание уральских костюмов, автор статьи в заключение говорит: „Перечисляя детали народного костюма и описывая их значение, мы имѣли источникомъ исключительно рассказы старыхъ людей, которые по мѣрѣ возможности провѣряли отыскиваніемъ и сличеніемъ вземляяромъ старинной одежды, но тѣмъ не менѣе надѣмся, что со временемъ историкъ Уральскаго войска почерпнетъ въ этихъ свидѣніяхъ матеріалы для своихъ изслѣдованій по этому предмету“.

Авторъ этой замѣтки едва ли живъ, но все же отъ лица войска должно поблагодарить пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ этого труженника, работавшаго на общую пользу родной земли. Безъ его указаній, какъ увидимъ ниже, мы едва-ли бы имѣли теперь возможность имѣть такое точное и подробное знакомство съ прежними костюмами нашихъ казаковъ, какое мы имѣемъ благодаря его весьма добросовѣстному труду.

І. И. Желѣзновъ говоритъ, что казаки въ старину одѣвались такъ:

„*Бешметъ* бязевого, пунцового, малиноваго или желтаго цвѣта, преимущественно въ сукна или шелковой матеріи; кругомъ низкаго воротника и по борту галузъ; на бешметъ надѣвался суконный малиновый или синій *кафтанъ* съ весьма низкими воротникомъ, который не застегивался на шею, а открытый шелъ до половины груди, такъ что бешметъ оставался открытымъ и видимымъ; съ половины груди у кафтана были застежки или крючки; у рукавовъ кафтана подъ мышками были длинныя прорѣзы, куда могли прѣдвѣться руки, тогда рукава закидывались назадъ и завязывались или застегивались шнурками или застежками; кафтанъ по воротнику, борту и на прорѣзахъ подъ мышками обшивался галуномъ широкимъ или узкимъ, смотря по званію: широкимъ—у старшихъ и узкимъ—у младшихъ чиновъ. Галузъ на кафтанахъ нашивался и сзади по швамъ отъ талии до мыщцъ или плечъ. Поверхъ бешмета надѣвалась азіатская сабля, не касаясь земли, на португезю накладывался *кушакъ* съ камнями, серебромъ и другими украшениями; тутъ-же привѣшивались принадлежности огнестрѣльнаго оружія: сумки для пуль и пороку и для храненія насаленныхъ тряпокъ. *Шаровары* были широкія, завернутыя въ сапоги. *Парадные шапки* вродѣ польскихъ конфедератовъ или уланскихъ полковъ, но, чтобы не слазили, дѣлали ихъ невысокими съ закругленными углами“.

Такъ описалъ костюмъ казаковъ, со словъ старожиловъ и генерала Вязанова, І. И. Желѣзновъ, но имѣ кажется, что этотъ костюмъ, особенно шапка, носился лишь однимъ зажиточнымъ классомъ. Шапка, похожая на польскую конфедератку, нигдѣ не упоминается и нигдѣ не встрѣчается на гравюрахъ—напротивъ того всѣ единогласно утверждаютъ, что у яцкихъ казаковъ шапки были высокія стариннаго русскаго типа.

Описывая одежду янцзихъ казаковъ, Раявскій¹⁾, между прочимъ, говоритъ, что казаки одѣваются такъ же, какъ донскіе, „во томъ *шанку* и *шѣпъ*, подобныя ямскимъ,“ высокія, но притомъ малиноваго цвѣта, опушенныя черною овчиною“.

Н—ъ такъ описываетъ казачью *шанку*: „Перехода къ головному убору, мы на первомъ пластвѣ встрѣчаемъ шанку съ широкимъ бархатнымъ или перлушчатимъ околышемъ и высокими остроконачнымъ верхомъ, который дѣлался преимущественно изъ малиноваго бархата или сукна и обшивался узкимъ золотымъ галуномъ“.

Это описаніе вполне подходитъ къ иныѣющимся у насъ рисункамъ янцзихъ казаковъ въ старинныхъ костюмахъ. Этотъ верхъ назывался у казаковъ — *тумакомъ*.

Описывая *бешметъ*, Н—ъ говоритъ, что онъ „былъ до колѣнъ — подходилъ покроемъ къ татарскому бешмету и застегивался у груди на 3 или 4 пуговицы. По вороту и по борту обшивался иногда галуномъ. Эта принадлежность уральскаго костюма, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы получили изъ разсказовъ старыхъ людей, играла въ одеждѣ роль прежняго камзола или вышнѣвшаго жилета, а потому въ старину часто шился такъ обр., что передъ бешмета былъ шелковый, а спинна и рукава изъ китайки или другой какой-либо недорогой матеріи“.

Кромѣ этой, такъ сказать, парадной одежды, Н—ъ говоритъ, что повседневный костюмъ казака составляли:

„*Халатъ* съ рукавами широкими, суживающимися къ кисти руки. Шился изъ шелковыхъ и полшелковыхъ, часто нестраго цвѣта, матерій; въ лѣтнее время шился изъ нанки и другихъ легкихъ матерій.“

Зипунъ — тотъ же халатъ, съ болѣе широкими рукавами, шился преимущественно изъ сукна одного цвѣта. Самый нарядный зипунъ былъ малиноваго сукна, обшитый у ворота и рукавовъ узкимъ золотымъ галуномъ.

Тулупъ, или тогдашняя шуба — былъ тотъ же зипунъ, обшитый по вороту и подбитый, смотря по состоянію, болѣе или менѣе дорогимъ мехомъ“.

Скажемъ отъ себя, что халатъ, зипунъ и тулупъ, особенно халатъ, были взяты казаками отъ татаръ, кавказцевъ, а главнымъ образомъ отъ киргизъ, когда они въ началѣ 1700-хъ годовъ прикочевали къ берегамъ Яика.

Что касается сапоговъ, то Н—ъ говоритъ, что „старинные *сапоги* шились изъ кожи разныхъ цвѣтовъ и часто передки и оторочка голенища были злаго цвѣта, а все остальное чернаго“.

Нижнюю одежду казаковъ Н—ъ описываетъ такъ:

„Покрой нижней одежды, которая иногда шилась изъ шелка съ разноцвѣтными „ластовицами“, подходилъ къ азіатской рубашкѣ прямыми воротомъ и широкими воротниками, часто обшиваемыми галуномъ или шауркомъ.“

¹⁾ Раявскій, Хорейскъ. Описаніе Астрах. и Кавказской губ. 1809 г., стр. 579.

Кромѣ этого рубаха шилась нѣсколько длиннѣе русской, а извѣстно, что азіатцы носятъ очень длинныя рубахи. Задняя часть казачьихъ панталонъ кроилась „шириною“, т. е. въ этомъ мѣстѣ была вставка, весьма удобная для казака при верховой ѣздѣ, какъ увѣряютъ портняхи тогдашняго времени.

Вотъ главнѣйшіе виды старинной верхвей одежды уральцевъ, о формѣ которой мы постарались узнать самыми тщательными розысканіями и насъ очень удивляютъ слова Палласа, который говоритъ, что на Яикѣ „мужчины носятъ обыкновенное казачье или польское платье“.

Такъ заканчиваетъ свое описаніе мужского костюма Н—ъ.

Что касается женской одежды, которую носили яицкія казачки, а потомъ и уралки до середины 1800 годовъ, то она, по словамъ Н—а, состояла въ слѣдующемъ:

Начнемъ съ головного убора, который у замужнихъ женщинъ назывался „сорокою“, это былъ родъ глухого кокошника съ покрывшкою малиноваго или темнозеленаго бархата. Передъ сороки, называемый „налобникомъ“, вышивался жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, почему этотъ головной уборъ часто имѣлъ значительную цѣну. Въ Уральскѣ, въ семействѣ Г. М. Митрасова, сохранился сорока, стоимость которой въ Петербургѣ оцѣнена въ 10/т. руб. сереб.¹⁾ Покрывшка и бока сороки, или лопасти ея, обшивались золотымъ галуномъ. У бѣдныхъ людей драгоцѣнные камни сороки замѣнялись тяжелыми, стразами, а жемчугъ—бусами.

Для того, чтобы сорока, какъ слѣдуетъ, сидѣла на головѣ, волосы заплетались въ двѣ косы и обвивались поперекъ головы: потомъ на ту прическу надѣвался „подкошникъ“, слѣзанный изъ весьма плотной матеріи, а затѣмъ уже надѣвалась сорока. Сверхъ ея повязывался длинный кисейный, расшитый золотомъ, серебромъ, а иногда шелками платокъ, концы котораго слабо уязомъ завязывались подъ горломъ. Касательно повязки этого платка была еще особенность: когда уралка ѣхала кататься, концы платка завязывались назадъ.

Вотъ подробное описаніе стариннаго бабьяго головного убора, и мы своимъ остаемся въ удивленіи, читая такое описаніе у Палласа, который говоритъ, что женщины на Яикѣ носятъ на головѣ „чепцы, торчащіе вверхъ съ круглой и плоской покрывшкою“.

Головной уборъ дѣвушки отличался слѣдующимъ: волосы заплетались въ одну косу, къ которой прикрѣплялась золотая „кисть“ довольно массивная; кромѣ этого, сзади головы привязывалась „лопасть“, имѣвшая форму трапеціи; узкая сторона ея, параллельная нижнему краю лопасти, имѣла выемку, которая охватывала затылокъ. Съ наружной стороны лопасти обшивалась разноцвѣтными матеріями и ими опредѣлялись мѣста различныхъ частей лопасти, какъ-то: „подзорина“—отверстіе въ средней лопасти, чрезъ которое продевалась коса; а мѣста, на которыхъ лежала прикрѣпленная къ ней кисть, на-

¹⁾ Это относится къ 1867 г. А. ет.

звалась „поджистниками“ — „большимъ“ и „малымъ“, другія части лопасті назывались „подпальникъ“ и „зеркальце“. Лобъ дѣвушки украшался „поднизкою“, т. е. снѣзанной изъ болѣе или менѣе крупнаго жемчуга сѣткою, прикрѣпленной къ золотому галузу, которымъ и обвязывалась голова.

Весь этотъ уборъ былъ праздничный или парадный; въ обыденное же время голова повязывалась платкомъ и преимущественно „шириною“, то есть тѣмъ же платкомъ, но продолговатымъ. Ширинки были всегда шелковыя и носили различныя названія, какъ-то: „барсовая“, „итальянская“ и др. Старухи носили платки болѣе темныхъ, а молодыя женщины и дѣвушки болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ. На молитву и дѣвушка не могла являться съ непокрытой головой и повязка опускалась на лицо.

Въ основѣ одежды казачекъ были, какъ и теперь, — „сарафанъ“ и „рубашка“. Сарафанъ казачій шьется подѣ горло съ широкими проймами. Воротъ и проймы (кромя той части послѣднихъ, которая приходится подѣ мышцами) обшита галузомъ. Спереди, начиная отъ шеи до подола, идетъ двойной рядъ галуза, который внизу, по подолу, расходится вершковъ на 5-ть къ каждую сторону. (Эта часть галуза называется „усами“). Сарафанъ кроится косымъ, съ складками на верху, такъ что въ началѣ узкій на столько, что лишь можетъ охватить горло, овѣ постепенно расширяется къ низу и въ подолѣ ставовится очень широкимъ. Между двумя рядами галуза, отъ шеи и до подола, нашивается рядъ высокихъ, золотыхъ или серебряныхъ пуговицъ; число пуговицъ, смотря по росту, бываетъ отъ 17-ти до 19-ти. Матерія для сарафановъ употреблялись различныя; большая часть ихъ уже не существуетъ нынѣ. Сарафаны были „нарчевые“, „зарбатные“, „перусевые“, „канаватные-черемковые“, „тафтяные“ и т. д. Покрой прежней рубашки, надѣваемой при сарафанѣ, былъ тотъ-же, что и нынѣ (въ 1867 г.). Къ ситцевому, а у бѣдныхъ къ выбойчатому стану рубахи, пришивались широкіе въ плечахъ и суженные у кисти „рукава“, плечи которыхъ, называемыя „выставками“, всегда дѣлались изъ матерій совершенно другого цвѣта и болѣе нарядныхъ, чѣмъ рукава, отъ которыхъ овѣ отдѣлялись широкимъ, серебрянымъ или золотымъ, часто съ рубцами (городками) галузомъ. Надѣвъ рубаху, казачка очень высоко, почти у самой груди, подпоясывалась узкимъ плетенымъ шнуркомъ, который выветѣ съ крестомъ на шеѣ былъ вѣрнопольной принадлежностью каждаго уральца и уралки, съ ними они вѣлись въ гробъ¹⁾.

Надѣтый на рубаху, сарафанъ повязывался въ свою очередь поясомъ изъ крученого шелка, тканого золотомъ и серебромъ. На фонѣ его ткались чернымъ шелкомъ имя, отчество и фамилія владѣтельницы пояса. Работа этихъ поясовъ, которыхъ концы украшались кистями, производилась самими казачками, и мы считаемъ долгомъ указать на нее, какъ на результатъ труда уральской женщины, о дѣятельности которой весьма невыгодно отзываются

¹⁾ Крестъ носится также на шнурѣ, а у женщинъ иногда на бисерномъ или серебря „гайтанѣ“.

лица, писавшія объ Уральскомъ войскѣ, и Палласъ, упоминая объ этомъ, говорятъ, что „жеяскій полъ на Яикѣ любитъ увеселенія и имѣеть склонность къ щегольству и любва“.

Овертъ сарафана надѣвалась „фуфайка“ -- распашная изъ парчи, или другой, шитой золотомъ и серебромъ матеріи, круглый воротничъ фуфайки и пологъ ея обшивалась галуномъ; рукавовъ не было. Въ зимнее время фуфайку замѣняла „шубка“, довольно короткая, подбитая бѣличьимъ или лисьимъ мѣхомъ и обшитая по краямъ „портышкою“¹⁾. Фуфайка, единственная деталь костюма, похожая покроемъ на бешметъ, напоминаетъ собою азіатское вѣевіе, которое отразилось также и на обуви старинной женщины, называемой „черыками“ -- родъ туфель, передъ которыхъ былъ вышитъ золотомъ и серебромъ. Подъ черыками носились „насторовые“ чулки -- сиваго цвѣта, со „стрѣлками“.

Вотъ описаніе старинной одежды уральскихъ казаковъ и мы просимъ читателя не поспѣвать на насъ, если его утомитъ этотъ длинный перечень нашего мѣстнаго костюма. Мы имѣли въ виду то, что пройти 20—30 лѣтъ (отъ 1867 г.) и о живописномъ, старинномъ костюмѣ уральцевъ останутся лишь преданія, часто весьма искаженна“.

Такъ окончивъ неизвѣстный авторъ свою статью и его слова обзались пророческими: ровно черезъ тридцать лѣтъ на улицахъ Уралска уже не было видно почти ни одной казачки, одѣтой въ свой національный костюмъ, а объ сорокахъ сохранилось только одно смутное воспоминаніе и въ настоящее время во всемъ войскѣ не нашлось ни одной сороки, чтобы сдѣлать съ нее рисунокъ, а лишь едва удалось найти двѣ фотографіи (и то единственныя) казачекъ, снятыхъ въ сорокѣ, чтобы эти фотографіи, какъ драгоценныя реликвіи безвозвратнаго прошлаго, приложить къ настоящему очерку.

Въ теченіе почти трехсотлѣтняго своего существованія сарафанъ уральской казачки по требованію моды иногда мѣнялъ свою вышность.

„И, дитячко! говорила монахиня Августа Невзорова І. И Желѣзкову“²⁾ -- что за одежда? Одежда дѣло переходящее; нынче одна, а завтра другая. И въ стары годы одежду безперечъ мѣняли. Вотъ уже мы, на что бабы, да и то зачастую мѣняли одѣваніе одно на другое. Примѣрно сказать о полущубкахъ (шубка). Нашивали полущубки съ двойными рукавами, оденъ какъ подобаетъ надѣвали на руки, а другіе такъ себѣ болтались позади и скусались почестъ до земли, такъ себѣ, не для удобности, а для красы, для блезира, а послѣ и ихъ отпороли, стали объ однихъ носить. Тоже къ примѣру и о сарафанахъ. Извѣстно, сарафаны были безрукавны, а въ старину была съ рукавами, но рукавички опять такъ не надѣвались на руки и дѣлались-то не для

¹⁾ Порѣшня, т. е. выдра. Авг.

²⁾ Соч. І. И. Желѣзнова „Уральцы“, т. 3, „Рассказъ монахиня“, стр. 137.

того, чтобы называть, а пришивались сзади къ мышкамъ для одного блезира*.

Такъ измѣнялся въ мелочахъ казачій сарафанъ, оставаясь въ общемъ своемъ видѣ безъ измѣненія вплоть до конца 1800-хъ годовъ.

Казачій сарафанъ и вмѣстѣ съ нимъ фуфайка, сорока, подпязъ и прочія принадлежности женскаго казачьяго костюма были принесены казаками такъ же, какъ вѣче, какъ общинное устройство и мужская одежда, изъ древней Руси. Это было когда то костюмъ зажиточнаго класса всей сѣверной Руси. Достаточно взглянуть для сравненія на прилагаемую при этомъ очеркѣ фотографію женщины города Галича (взятой изъ книги „Живописная Россія“, т. VI часть 2-я, страница 212, изданіе Вольфа 1899 г.), чтобы убѣдиться, что никакой разницы въ одѣваніи, какъ уральской казачки, такъ и женщины изъ Галича не имѣется. Все одинаково: и сарафанъ, и сорока, и фуфайка (безрукавка).

Первыя женщины у казаковъ, вѣроятно, были татарки, персіянки и можетъ быть илѣнныя калмычки (взятія у татаръ), но уже во время смутнаго времени и послѣ него казаки стали брать себѣ женъ изъ мѣстъ своей родины, изъ сѣверной Руси, откуда послѣднія и принесли съ собою свой народный древне-русскій костюмъ, сохранившійся на Уралѣ до сихъ поръ, хотя носить его теперь почти одни старухи.

Казачки къ своимъ сарафанамъ ткали сами себѣ кушаки, но у нихъ кромѣ этого дѣла были и другія занятія, — онѣ вели хозяйство мужа, вѣчно занятаго служебными командировками, рыбными и звѣринными промыслами; въ свободное время занимались тканьемъ изъ верблюжьей шерсти особой ткани, называемой армякъ, объ этомъ упоминаютъ и Рычковъ и Палласъ; вотъ что говорить послѣдній:

„Нѣкоторыя изъ казачихъ женъ, а особливо татарки, дѣлаютъ изъ некрашеной верблюжьей шерсти весьма крѣпкій камлотъ разной доброты и простой, продаютъ очень дешево; но есть столь изрядные и чистые камлоты, что они нимало не уступаютъ Брюссельскому въ добротѣ, да и были бы еще превосходнѣе, если бы не имѣли порока російскаго полотна, то есть ежели бы ткали большіе и широкіе куски. Камлотъ называютъ они по татарски армякъ, и кажется, что такое названіе произошло отъ кавризовъ: ибо ихъ жены ткутъ такой же, но не очень чистый камлотъ. Клеетъ въ здѣшнихъ странахъ верблюжья шерсть совершенно хороша и весьма дешева, то желать должно, чтобы люди поощрены были къ приготовленію онаго товара въ большемъ количествѣ и ткали бы камлотъ широкими и большими кусками, ибо на сей товаръ вездѣ много кушцовъ сыщется. При рѣкѣ Яикѣ можно бы держать множество верблюдовъ для ихъ шерсти и такой верблюжьей заводъ былъ-бы явственно казачкамъ весьма избыточенъ. Нынѣ хотя и держатъ верблюдовъ, но очень мало, по причинѣ худой продажи азіатскимъ караванамъ. Впрочемъ здѣшнія колючими и солеными травами оброслыя степи доставляютъ пріятный кормъ верблюдамъ.“

Рычковъ опредѣляетъ и цѣну армяка. Куски въ 20 аршинъ длиной и шириною въ два четверти продавались отъ трехъ до пяти рублей. Цѣна же верблюжьей шерсти во время Палласа была: самой худой 60 коп., а хорошей по два рубля пудъ.

Въ то время какъ казачки вели домашнее хозяйство, ихъ мужья занимались скотоводствомъ, звѣриными и рыбными промыслами и торговлей. Объ этихъ промыслахъ говорятъ и Рычковъ и Палласъ; послѣдній говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Между ними (яцкими казаками) находятся самые нужные ремесленники, какъ напримѣръ: сапожники, кузнецы, плотники и прочіе мастеровые люди; и не могутъ терпѣть, чтобы пришлые ремесленники между ними селились домами. Великими товарами, коихъ тамъ не дѣлаютъ, изобильно снабждаютъ городъ прѣзжающіе для рыбнаго торгу купцы.

Содержаніе скота почитается у казаковъ за превосходный промыселъ: во Россіи по большей части держатъ только рогатый скотъ и лошадей. Въ сей теплой странѣ скотъ родится хорошъ и ростомъ великъ, а особливо лошади ни мало не уступаютъ російскимъ въ бодрости, силѣ и пригожествѣ. При томъ же они привыкли лѣтомъ, и по нуждѣ зимою сами промышлять себѣ кормъ на пастбищахъ, и только тогда даютъ имъ сѣно и хорошій кормъ, когда ихъ берутъ домой для употребленія въ тяжелую работу при рыбной ловлѣ. Здѣсь никогда не подковываютъ лошадей, и потому отъ сухой земли дѣлаются у нихъ хорошія и твердыя копыта. Стенные татары, содержавшіе множество барановъ, кочуютъ въ войлочныхъ кибиткахъ: напротивъ того Россіане въ тѣхъ мѣстахъ, куда они ночью скотъ гоняютъ, имѣютъ землянки (баски) изъ плетней, которыя снаружи обмазаны глиною или грязью. Отъ рѣки Лика гоняютъ много скота на Волгу и далѣе, также отпускаютъ множество сала и кожъ въ тѣ мѣста, въ коихъ есть кожевенные и шальные заводы, какъ напримѣръ, въ Казань, Ярославль, Арзамасъ и въ другіе города.

Сверхъ того еще здѣшніе казаки ходятъ на звѣриный промыселъ ¹⁾ и бьютъ кабановъ, волковъ, бобровъ, степныхъ лисицъ и корсаковъ. На такой промыселъ ходятъ они по большей части по наступленіи зимы для того, что слѣдъ звѣрей на снѣгу легко усмотрѣть можно; при томъ же въ оное время не бываетъ зватной рыбной ловли“.

Эти свѣдѣнія дополняетъ Рычковъ, говоря, что казаки, отправляясь на звѣриные промыслы, собирались большими вооруженными партіями человекъ до 500 и болѣе. Кромя этого съ развитіемъ казачьей общины среди казаковъ является классъ часто купеческій, который ведетъ торговлю съ сосѣд-

¹⁾ Казаки, который занимался „звѣринымъ промысломъ“, иначе говоря охотой, назывался у яцкихъ казаковъ „зулебичикомъ“. Прич. авт.

чи кочевыми народами, даже съ далекою Хивою, а также и съ приволжскими городами.

Но самымъ главныиъ и самымъ добычливымъ промысломъ у яицкихъ казаковъ была рыбная ловля. Живя на берегу рыбной рѣки, казаки хорошо изучили жизнь рыбъ и ихъ привычки и сообразно съ этими привычками и характеромъ рыбы, безъ рыболовныхъ техниковъ, безъ бюрократической указки ихъ вольная община, самъ народъ, примѣнилъ для ловли рыбы выработанные имъ самымъ многолѣтнимъ опытомъ такіе усовершенствованные практичныя и оригинальныя приемы, которые своею простотою и въ то же время и рационально организованною системою приводили въ удивленіе и поражали всѣхъ бывшихъ на Яикѣ путешественниковъ. Этими ловлями, подобныиъ которымъ нѣтъ не только нагдѣ въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, уральцы по справедливости могутъ гордиться.

Были ли надежъ скота, случался ли неврожай, ихъ надежды, ихъ помыслы обращались къ родному кормилицу „Яикушкѣ—золотому дну“ и старшій Яикъ-Горныновичъ не измѣнялъ своимъ дѣтямъ „пріятелииъ орламъ“. Бѣлуги, осетры, севрюги трепетали золотистыми тѣлами въ сѣтяхъ казаконъ-лицарей или бились на длинныхъ баграхъ...

И полюбилъ-же народъ своего кормильца прозвалъ, отъ его Горныновичемъ—много крови, много горя казацкаго видѣли крутые и разсѣчатые его берега, много казачьей силы, много женскихъ горькихъ слезъ отдали ему его любимыя дѣти, защищая его, кормилицу, отъ своихъ враговъ..

„Круты бережия, низки долушки
У нашего преслоутаго Яикушки,
Костями бѣлыми, казачьими усѣяны,
Кровью алою, молодецкою унитаны,
Горючими слезми матерей и женъ полаваны“....

Такъ говоритъ казачья пѣсня о берегахъ родного Яика.

И много разныхъ пѣсень поетъ казакъ, прославляя своего Яикушку; но одна изъ нихъ—гимнъ Яику Горныичу распространена болѣе всѣхъ и поется сверху до низу по его крутымъ берегамъ, гдѣ лишь живутъ его вѣрные дѣти казаки пріятелии.

„Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ ты смѣль Горныичъ!
Про тебя-ли, про Яикушку,
Идетъ слава добрая,
Про тебя-ли, про Горныича,
Идетъ рѣчь хорошая.
Золочено у Яикушки
Его было доньшко,
Серебряны у Яикушки
Его были враешки,

Жемчужные у Янкуши
Его круты бережки.
Мутнехонекъ нашъ Янкушка,
Вѣжись ты быстрехонько.
Прорылъ, протекъ нашъ Янкушка
Всѣ горы, всѣ долушки,
Выметывалъ нашъ Янкушка
Посередѣ себя часты острова.
Съ вершинъ взялся нашъ Янкушка,
Вѣжись-же ты вилоть до устьяца,
До славнаго ты до моря,
До моря до Каспійскаго,
Какъ до славнаго до города,
До города до Гурьева,
За Гурьевымъ выпадалъ ты
Во батюшку-спие море,
Какъ до славнаго до острова,
До острова Каминива.
На островѣ Каминивѣ,
Братцы, старики живутъ,
Старики, братцы, старожиле,
Они по девяносто лѣтъ.
Съ покороною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ”.

Такъ воспѣвають казаки свою родную рѣку — кормилицу.

О первыхъ рыбныхъ ловляхъ янцкихъ казаковъ мы имѣемъ понятіе лишь по запискамъ бывшихъ на Янкѣ Рычкова и Пылласа. Ихъ обоимъ поразили рыбные промыслы казаковъ и каждый изъ нихъ сдѣлалъ описаніе этихъ промысловъ и оба они дополняютъ другъ друга.

Ихъ поражаетъ также и перегородка, сдѣланная поперекъ Янка вблизи Янцкаго городка, — учугъ, но они мало удѣляютъ вниманія на его устройство и лишь слегка говорятъ о немъ. Когда казаки оставили первый учугъ, давнихъ не ищетъ, но можно предположить, что первый учугъ на Янкѣ, около Янцкаго городка, былъ забитъ въ то время, когда на устьѣ Янка въ 1640 годахъ былъ построенъ гостемъ (купцомъ) Гурьевымъ янцкій каменный городокъ (получившій потомъ названіе Янкъ Гурьева городка) и когда въ первый разъ Гурьевымъ была устроена на устьѣ Янка „учужная забойка“, т. е. тотъ-же учугъ и что казаки, по примѣру гурьевскаго учуга, устроили и у себя вблизи городка свой учугъ. Въ своихъ показаніяхъ капитану Маврляу янцкіе казаки въ 1774 году являя подтверждаютъ это предположеніе и говорятъ, что учугъ близъ Янцкаго городка былъ сдѣ-

лать ими по прихвѣру гурьевскаго учуга, „потому что много рыбы черезъ гурьевскій учугъ въ нихъ приходило“¹⁾).

Во всякомъ случаѣ казачій учугъ существовалъ въ Янкѣ, какъ свидѣтельствуютъ историческіе документы, далеко ранѣе 1752 года, т. е. того времени, когда Яицкому войску былъ отданъ гурьевскій учугъ.

Участвовать въ рыбной ловлѣ по казачьему обычаю могли только казаки, состоящіе на службѣ, въ удостовѣреніе чего каждый служащій казакъ получаетъ ярлыкъ за войсковою печатю или какъ называли его казаки — „печатка“. Каждый служащій казакъ имѣлъ право только на одинъ ярлыкъ, войсковою же атаманъ получалъ въ видѣ жалованья три печатки²⁾ и такимъ образомъ могъ ловить рыбу своими домашними за трехъ человекъ; старшинамъ давалось по одной лишней печаткѣ. Отставные и малолѣтки могли покупать эти печатки и, имѣя ихъ, багрить наравнѣ со служащими казаками, но никто не имѣлъ права продавать свою печатку не яицкому казаку — ловить рыбу имѣли право только яицкіе казаки.

Во время пребыванія Рачкова (въ 1748 г.) на Янкѣ цѣна на печатки была до 5 рублей.

Палласт, описывая рыбныя ловли казаковъ, говоритъ слѣдующее:

„Главный промыселъ и упражненіе яицкихъ казаковъ состоитъ въ рыбной ловлѣ, которая нигдѣ въ Россіи столь хорошо не распоряжена и законами не ограничена, какъ въ здѣшнемъ мѣстѣ. Въ рѣкѣ Янкѣ бываетъ ловъ только четыре раза въ году, и три лова можно почесть главными. *Первый и самый важный ловъ въ году бываетъ въ январь мѣсяцъ*: ибо тогда таскаютъ рыбу баграми, потому называется *багренье*. *Второй или северужій ловъ (вешняя плавня) бываетъ въ мѣзь мѣсяцъ* и продолжается до іюня. *Потомъ третій и не столь важный ловъ (осенняя плавня) случается въ октябрь мѣсяцъ* и ловятъ рыбу сѣтями. На послѣдокъ *въ началѣ декабря* ловятъ рыбу сѣтями подо льдомъ въ другихъ рѣкахъ и степныхъ озерахъ, а не въ Янкѣ; и сіе можно назвать *четвертымъ ловомъ*, который ни мало не важенъ, потому что тогда ловятъ только мелкую рыбу про домашній обиходъ.

При верхнемъ концѣ Яицкаго городка переружена вся рѣка заколомъ, такъ что хоша рыба свободно входитъ въ Янкъ изъ Каспійскаго моря, но выше Яицкаго городка идти не можетъ.

Потомъ надлежитъ упомянуть о рыбѣ въ Янкѣ, и сіе можетъ служить руководствомъ къ сочиненію извѣстія о рыбной ловлѣ. Въ рѣкѣ Янкѣ обыкновенно водятся осетры, бѣлуги, шипы (особливой родъ осетровъ, которые по своей гладкости и острому носу такъ названы), северуга, стерляди, сомы, са-

¹⁾ „Памятникъ Новой Русской Исторіи“. Т. II, 1872 г. Волемие на Янкѣ черезъ Пугачевскіи бунтовъ, стр. 253.

²⁾ Донесеніе Нелухова въ Воен. Коллегію въ 1748 г. ноября 22 (Войск. арх., дѣло III раз., № 85, отд. 3, стр. 1—47).

заны и бѣлая рыбаца, а изъ малыхъ и простыхъ рыбъ суть щуки, судаки, бершники, лещи, голавли, чеховъ и множество мелкой рыбы, которой и въ Волгѣ не меньше находится. Напротивъ того здѣсь совсѣмъ нѣтъ ходящей въ Волгѣ стадами желѣзницы и малыхъ осетровъ, костерами называемыхъ. Также весьма рѣдко попадаетъ въ Яикъ красная рыба, которая на Волгѣ и Камѣ рѣкѣ подъ симъ именемъ довольно извѣстна; но здѣсь оное названіе значить совсѣмъ иное; ибо подъ онымъ разумѣють всѣхъ большахъ и дорогахъ осетровъ, напротивъ того всякую простую и мелкую рыбу называють общимъ именемъ бѣлая рыба.

Изъ ходящихъ стадами рыбъ сперва идетъ вверхъ Яика бѣлая рыбаца въ февралѣ мѣсяцѣ. Тогда очень много ея ловятъ подо льдомъ большими удами, на которыхъ насаживаютъ кусочки изрѣзанной рыбы. Хоша она весной и осенью попадаетъ въ сѣти, однако очень рѣдко. Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ идутъ осетры разнаго рода изъ Каспійскаго моря. Сперва входятъ въ Яикъ бѣлуги, потомъ осетры и стерляди, а въ исходѣ апрѣля севрюги гораздо въ большемъ количествѣ, нежели бѣлуги. Всѣ сіи рыбы ходятъ стадами, а особливо севрюгъ бываетъ въ Яикѣ такое несказанное множество, что при Гурьевѣ ясно видѣть можно въ водѣ тѣмъ оныхъ. Всѣ казаки увѣряють, что прежде сего при Мицкесѣ городкѣ сдѣлались отъ сильнаго напора рыбы проломы въ проведенномъ чрезъ рѣку учуѣ или заколь, и принуждены были поставить на берегъ пушки для прогнанія рыбы пальбою. Сказываютъ, да и вѣрять тому можно, что всякая рыба идетъ въ верхъ рѣка для метанія икры, и что осетры въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда растетъ трава, трутся на каменныхъ мѣстахъ, и такимъ образомъ икру выпускають, а севрюги дѣлають то съ половиною мая подчасъ до половины іюня. Однако никогда не видно ни въ Яикѣ, ниже въ Волгѣ осетровыхъ дѣтенышей: напротивъ того ловятъ множество малыхъ и чрезмерно вѣжаныхъ стерлядей узкими сѣтями. Впрочемъ казаки въ томъ увѣрены, что осетры и бѣлуги бывають въ рѣкѣ во всю зиму, а севрюги еще лѣтомъ уходятъ назадъ въ море. Потому у казаковъ сдѣлано такое узаконеніе, что во время бываемаго въ маѣ севрюжьяго лова должны они бѣлугъ и осетровъ въ сѣть попавшихся опять бросать въ воду: ибо какъ оную рыбу зимою ловить и мерзлую развозить можно, то надлежать по высокой цѣнѣ продавать, и отъ того ожидать большей прибыли. Сіе узаконеніе столь строго у нихъ соблюдаютъ, что если кто оное преступить, то непрекѣнно того наказывать на тѣлѣ, и лишаютъ всей наловленной рыбы ¹⁾.

Осетровъ и бѣлугъ таскають баграми или по тамошнему названію *багражи* въ февралѣ мѣсяцѣ. Сіи рыбы осенью, какъ то сказываютъ, становятся рядами въ глубокыхъ мѣстахъ рѣки, гдѣ они во всю зиму спокойно пребываютъ. Но какъ въ Яикѣ глубокая мѣста отъ пересыпанія песку и наноснаго ила очень

¹⁾ Въ повзвотомъ узаконеніи точно поставлены сіи слова: „бить и грабить“.

часто, да и почти ежегодно, переи́вняются во время бываемаго некою заводненія, то и не можно звать, гдѣ зимою рыба больше стоять будетъ. Почему многіе казаки еще осенью, когда ледъ начинаетъ ставиться, привѣчаютъ за рыбою, и сказываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыба хочетъ стать, въ то время играетъ и часто выбрасывается изъ воды. Напротивъ того другіе ходятъ туда, какъ скоро рѣка льдомъ покроется, ложатся вичкомъ на гладкія и еще снѣгомъ непокрытыя мѣста, завѣшиваютъ головы полотенцемъ и такъ могутъ видѣть стоящую на двѣ рыбы. Такія мѣста они замѣчаютъ и стараются во время ловли больше наловить. Если осенью будетъ въ Яикѣ большая вода, то рыба становится на равныхъ и мелкихъ мѣстахъ, а въ противномъ тому случаѣ ищетъ глубины и обыкновенно бываетъ больше рыбы въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ.

Какъ скоро стало время багревя, а именно 3 или 4 числа генваря, то бываетъ всеобщее собраніе народа съ обыкновенными обрядами. Спрашиваютъ вокругъ, возвратились-ли по большей части отъѣхавшіе за дѣлами казаки, навѣдываются о тѣхъ примѣчанныхъ мѣстахъ, въ коихъ находится больше рыбы, и наослѣдокъ назначаютъ день, въ который должно начать рыбную ловлю. Какъ при семъ, такъ и во время прочихъ лововъ избираютъ для наблюденія порядка одного атамана, и придаютъ къ нему нѣсколько старшинъ, а простые казаки собираются артелями по пяти человекъ и больше. Каждый казакъ къ рыболовному времени приготовляетъ все потребное. Главное дѣло состоитъ, чтобы хорошіе были *багры* и *багровища* разной длины, на которые насаживаютъ *крючки*. *Багоръ* долженъ быть очень остръ и для того навариваютъ укладомъ. Они согнуты на подобіе полукруга, такъ что конецъ съ тою широкою частью, которая прикрѣплена къ багровищу посредствомъ наложенной кожи и тонкой веревочки, находится почти параллельно. Обыкновенный короткій багоръ, *соромной* называемый¹⁾, бываетъ длиною отъ трехъ до пяти сажень, и состоитъ кромѣ желѣзнаго крюка и гладкаго кола, навязъ называемаго, на который крюкъ насаживаютъ еще изъ длиннаго шеста, который у нихъ багровище называется. Потомъ дѣлаютъ багры отъ 7 до 10 саж. и называютъ *яровыми*, ибо таковы баграми баграютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть яръ или высокой крутой берегъ, и слѣдовательно большая глубина. Къ упомянутымъ двумъ шестамъ сего багра привязываютъ еще третій середышъ или *подчалокъ* называемый, отчасти для того, что трудно найти столь длинныя шесты, а отчасти для того, что посредствомъ такихъ составныхъ шестовъ можно скорѣе привѣтить рыбу на крюку. Для багревя въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ требуется шестъ длиною отъ 12 до 15 саж., привязываютъ еще третій длинный шестъ или багровище, а къ навазу, то есть къ колу, на который крюкъ насаженъ, привѣшиваютъ желѣзную ги-

¹⁾ Сорма называютъ казаки резное дно въ рѣкѣ, и какъ короткіи баграми ловятъ только въ неглубокихъ мѣстахъ: то оныя и называются соромы.

рю до пяти фунтовъ тяжелую, дабы опущенный багоръ тѣмъ меньше водою относился. Всѣ сіи шесты должны быть изъ хорошаго сухого еловаго, изъ сѣверныхъ странъ привозимаго или другого прямого дерева и отстружены гладко. Концы у шестовъ скашиваются, шесты связываютъ крѣпкими веревочками, поливаютъ водою и замораживаютъ, такъ что въ связанномъ мѣстѣ ни мало не гнутся. При томъ еще наблюдаютъ, чтобы всѣ связанные концы шестовъ точно были въ прямой линіи съ острымъ концомъ крюка, а въ противномъ случаѣ рыбу ловить не можно. Кромѣ длинныхъ багровъ долженъ каждый казакъ имѣть при себѣ еще *подбагреникъ*, т. е. короткій крѣпкій багоръ и не далѣе полуторы сажени, которыми вытаскиваютъ рыбу на ледъ; сверхъ того *пешню*, для прорубанія во льду проруби.

Въ тотъ день, въ который должно начать ловить рыбу, собираются всѣ имѣющіе яранки казаки отъ запряженныхъ саней и со всѣмъ сварядясь, еще до восхода солнца, на обыкновенное мѣсто предъ городомъ и становятся рядами по порядку, какъ кто пріѣхалъ прежде или послѣ¹⁾. Выбранный въ сей рыбной ловлѣ атаманъ тамъ ихъ осматриваетъ, всякій-ли казакъ имѣетъ при себѣ ружье, чтобы въ случаѣ нападенія киргизовъ можно было дать отпоръ. Потомъ два войсковые есаула увѣщаютъ собравшіяся народъ къ наблюденію порядка, и какъ скоро настанетъ день, то изъ города даютъ знать двумя пушечными выстрѣлами; послѣ чего каждый скачетъ во всю конскую прыть въ назначенную къ рыбной ловлѣ страну, чтобы занять выгоднѣйшее мѣсто, которое напередъ пріятно. Однако никто не смѣетъ прорубь рубить прежде, пока всѣ по своимъ мѣстамъ не станутъ, и тогда уже атаманъ даетъ къ тому знать ружейными выстрѣломъ.

При каждомъ рубежѣ должны всѣ казаки до разсвѣта собираться въ тотъ день, въ который будетъ происходить ловля, и ожидать сигнала отъ атамана; послѣ чего всѣ, такъ какъ и въ первый день, стараются по возможности другъ друга предупредить.

Всякій казакъ прорубаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вознамѣрился ловить, посредственную круглую прорубь, ибо позволено становиться другъ подлѣ друга столь близко, какъ хотятъ, но никто не можетъ присвоить себѣ двѣ проруби; развѣ что другой оставя, прочь отойдетъ. Частыми перемѣнами мѣстъ и новыми опытами проходятъ ловлею все назначенное на одинъ день и много верстъ занимающее пространство. Гдѣ мелкія мѣста, тамъ употребляютъ казаки короткіе багры, и обыкновенно въ каждой рукѣ держать по багру, и при томъ еще такимъ образомъ, чтобы острый конецъ стоялъ противъ воды для того, что встревоженная рыба изъ мелкихъ мѣстъ идетъ внизъ для прискакиванія глубокаго мѣста. Багры опускаютъ на самое дно, и отдѣляютъ отъ онаго только вершка на 3, ибо идущія по двѣ большія рыбы, попавши

¹⁾ Рычковъ въ своей „Топограф. Оренб. губ.“ пишетъ, что казаки въ 1748 г. передъ багреникъ собирались къ войсковой шефѣ, которая была Михайло-Архангелскаго собора.

на острый конец багра, гнетутъ князу. Какъ скоро казакъ сіе прихватитъ, то тащитъ къ себѣ и вздымаетъ пойманную рыбу, пока подбагреннакомъ достать и на ледъ вытащить можетъ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ длинныя багры употребляютъ должно, держать казакъ только одинъ багоръ по причинѣ его тяжести. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлаютъ длинныя проруби для того, что какъ рыба стоитъ спокойно, то, оборотивъ острый конецъ багра по водѣ, водятъ оный сверху къ низу и потомъ вытаскиваютъ къ верхней части проруби. Но какъ водятъ баграми по всѣмъ сторонамъ вокругъ, то часто случается, что два казака вдругъ изловятъ одну рыбу, и тогда по нѣмъ обыкновенно дѣлать оную по-поламъ. Такъ же долженъ и тотъ, который, будучи не въ силахъ вытащить большую рыбу на ледъ, призываетъ ближняго товарища на помощь, раздѣлить съ нимъ изловленную рыбу. Во время сей удивительной ловли не рѣдко имѣетъ казакъ счастье вытащить въ одинъ день десять большихъ рыбъ, а иногда и больше; напротивъ тому другой стоитъ цѣлый день и больше, не выдѣвъ ни одной рыбы, и потому иногда во весь мѣсяцъ не изловитъ настолько, сколько оный долженъ дать подата на вооруженіе и заплатить имѣющіеся на немъ долги. Каждый казакъ при своемъ отъѣздѣ обыкновенно обѣщаетъ церкви первую рыбу или больше, если ему будетъ въ ловлѣ счастье. При ловлѣ рыбы баграми имѣютъ они такое суевѣріе, что если кому попадется лягушка на багоръ, что дѣйствительно иногда случается¹⁾: тотъ во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя оная и будетъ перемѣнять багры и мѣста. Удивленія достойно, что сіи искусные въ рыбной ловлѣ люди могутъ не токмо слышать на багрѣ лягушку, но всякую мелкую рыбу; однако иногда вытаскиваютъ лягушку вмѣсто хорошей рыбы.

Второй большой ловъ бываетъ *севрюжій весной*. Какъ скоро находящіеся въ Гурьевѣ казаки приплывутъ въ каѣ мѣсяцъ извѣстіе, что сія рыба вошла въ устье Янка, ибо они должны то наблюдать, тогда всѣ приготовляются къ лову. Порядокъ притомъ наблюдаютъ такой же, какъ при зимней ловлѣ. Выбираютъ также атамана, которому каждый имѣющій право къ рыбной ловлѣ казакъ долженъ повиноваться. При каждомъ рубежѣ обыкновенно протягиваютъ черезъ рѣку веревку по приказу атамана, дабы никто не могъ чрезъ предѣлъ переступить. Въ каждомъ верхнемъ отлѣленномъ урочищѣ продолжается ловъ съ недѣлю, а въ нижнихъ къ Гурьеву занимахъ только по три дня, потому что севрюга тогда уже начинаетъ возвращаться въ море. Послѣдній рубежъ обыкновенно бываетъ при Сарачинѣ, отъ котораго ловля простирается до самаго моря и въ одинъ день кончится. Ночью даютъ рыбѣ время опять всходить въ выловленное мѣсто рѣки; потомъ всѣ казаки собираются до восхода солнца къ рубежу и ожидаютъ тамъ атаманскаго сигнала къ

¹⁾ Въ рѣкѣ Янкѣ возводятся превеликія лягушки, о конѣ ниже упоминаютъ будеть.

продолженію рыбной ловли въ низъ рѣки: при чемъ каждый старается быть переднимъ до забрасыванія сѣтей. Казаки сидятъ порознь въ лодкахъ, будары называемыхъ, сами гребутъ и сѣтями управляютъ. Такія лодки обыкновенно дѣлаютъ изъ стволовъ чернаго и бѣлаго тополеваго дерева, потому что при Яикѣ едва можно сыскать другое дерево надлежащей толщины. Въ Смоленіи овихъ употребляютъ ту каменную чистую смолу, которую находятъ въ Уфимской провинціи въ высокомъ берегѣ въ Вѣзую текущей рѣчки Изаера и съ другими матеріалами привозятъ изъ верхней страны. Употребляема при сей ловлѣ сѣти длиною бывають отъ 20 до 30 саж. и состоятъ изъ двухъ *реши*, изъ коихъ одна уже и на два аршина длиннѣе, такъ что въ водѣ дѣлаетъ излучину, и передъ собою нибѣтъ переднюю изъ тонкихъ веревочекъ сплетенную решу, въ которой кѣтки шириною почти на полторы палеца. Одинъ конецъ такой двоякой сѣти привязанъ къ плывущему по водѣ чурбану, а другой конецъ держитъ сидящій въ лодкѣ казакъ посредствомъ двухъ къ верхнему краю решы привязанныхъ веревокъ, а на нижнемъ краю привязаны камни для того, чтобы оныя волочились по дну и не скоро бы несло сѣть водою. Казакъ, забросивъ сѣть поперекъ рѣки, плыветъ на лодкѣ безъ гребли и наблюдаетъ, чтобы сѣть не шла вандскосъ. Идущіе противъ воды северюга не заходятъ въ передней рѣдкой сѣти ни малѣншаго препятствія, но если оны, увидѣвъ другую частую сѣть, хотять идти назадъ, то передняя сѣть одерживаетъ ихъ за плавания перья и шероховатый хребетъ. Казакъ можетъ по веревкамъ, которые держитъ въ рукахъ, чувствовать, когда много рыбы въ сѣть набралось. Въ такомъ случаѣ оный рыбу вытравъ, опять сѣть забрасываетъ. Отъ великаго движенія безчисленныхъ одна за другой плывущихъ сѣтей и лодокъ дѣлается вода столь мутна, что идущая въ верхъ рыба не можетъ сѣти видѣть и потому больше въ оную попадаетъ. Сказываютъ, что отъ крику и стуку ловящихъ казаковъ уходитъ рыба въ низъ и при нижнемъ рубежѣ собирается оной такое множество, что есть-ли передніе казаки, хотя мало переступивъ за рубежъ, бросать сѣти, то едва бывають въ силахъ вытасить оныя изъ воды отъ множества позавшейся рыбы.

По окончаніи сей ловли принимаютъ казаки за другіе промыслы, ѣздятъ для торгу, или для покупки хлѣба на Волгу и Самару, и осенью убирають хлѣбъ съ полей¹⁾. Какъ скоро все оное исправятъ, то въ исходѣ сентября или въ началѣ октября мѣсяца начинается осевью въ нижней странѣ Яика рыбная ловля большими рѣдкими сѣтями, ярыми называемыми и дозволяется ловить всякую большую и малую рыбу. Но и во время сей ловли не чрезвычайно много бываетъ сазановъ, сомовъ и другой мелкой рыбы. Порядокъ при томъ наблюдаютъ такой же, какъ при прежнихъ ловляхъ. По всякое утро собираются для ожиданія сигнала, стараются другъ друга опередить,

¹⁾ Пашни у казаковъ появились лишь съ 1780—60 годовъ.

чтобы закинуть сѣть въ наилучшее мѣсто, и каждый вечеръ кончатся ловъ при напаченномъ рубежѣ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ того бываетъ ловля подо льдомъ въ другихъ рѣчкахъ, о чемъ уже выше упомянуто; но сія ловля не почитается важною, и ловятъ только простую рыбу, а по большей части такъ называемую чехонь, а при семъ еще упомянуть надлежитъ, что по окончаніи осенней ловли многіе казаки на возвратномъ пути обыкновенно ловятъ рыбу въ озерахъ и степныхъ рѣчкахъ.

Теперь слѣдуетъ описать обыкновенное употребленіе и приготовленіе рыбы, икры и другихъ ея частей. Наипаче во время багорной и севрюжьей ловли прѣзжаютъ къ Яику кушцы изъ дальнихъ странъ Россіи. Наловленныхъ зимою осетровъ и бѣлугъ казаки продаютъ, не взирая на ихъ потрепа, по договорной цѣнѣ, а кушцы, приготовляя рыбу и икру, укладываютъ въ воза и заморозивъ, развозятъ по городамъ. Цѣна рыбы не по всякій годъ бываетъ одинаковою, и прежде сего покупали рыбу гораздо дешевле. Нынѣ обыкновенно продаютъ *десять хорошихъ осетровъ по 30 и по 45 руб.*, а большихъ, хотя въ нихъ и нѣтъ икры, по шести, а иногда и по семи рублей однихъ. Бѣлужина продается на вѣсъ почти вполнѣ дешевле осетряны, но цѣлая бѣлуга въ разсужденіи превосходной ея величины превосходитъ а цѣною осетра. Самыя большія бѣлуги, коихъ ловятъ въ Яикѣ, бываютъ вѣсомъ до 25 пудовъ, а иногда и больше. Икры вынимаютъ до пяти пудовъ, которая по причинѣ слизи почитается за самую худую и продаютъ *пуда не дороже полутора рубля*. Осетры длиною около сажена и самыя большіе обыкновенно бываютъ съ молоками или самцы вѣсомъ до пяти пудовъ. Въ прочемъ случаются превеликіе съ икрою и верѣдко вынимаютъ изъ нихъ икры по пуду, которая почитается за самую лучшую, и продаютъ *пуда оной по два рубля и дороже*. Лѣтъ за восемь начали въ Яикѣ показываться какъ осетры, такъ и севрюги, которые снаружи ни величиною, ниже видомъ не разнятся отъ обыкновенныхъ, но имѣютъ въ себѣ бѣлую икру, хотя и въ меньшемъ количествѣ, но вкусомъ гораздо превосходитъ простой, и для того обыкновенно посылается ко Двору. Если то правда, что рассказываютъ, то еще больше удивленія достойно, а именно за нѣсколько лѣтъ нашли въ старой бѣлугѣ большую часть окаменѣлой икры; напротивъ того весьма рѣдко попадаетъ такъ называемый бѣлужій камень въ изловленныхъ въ Яикѣ рыбахъ сего рода.

Всякую свѣжую икру чистятъ слѣдующимъ образомъ: пропускаютъ сивозъ частую сѣтку или сквозъ рѣшето, придавливая слегка руками и какъ въ сѣбъ полузенной странѣ послѣ новаго года часто случается теплая погода, отъ которой прѣвая икра можетъ испортиться, то обыкновенно прифриваютъ въ оную вѣсколько соли. Если зимою солить икру, то кладутъ близъ фунта соли на каждый пудъ икры, а во время осенней ловли до полтора фунта соли. Въ прочемъ примѣчено, что чѣмъ ниже въ Яикѣ ловится рыба, тѣмъ

слизноватѣ и хуже икра въ ней бываетъ; напротивъ того, чѣмъ выше заходить рыба въ рѣку, тѣмъ лучше икра изъ нея вынимается. Какъ севернѣйшій ловъ происходитъ въ жаркое время года, то сію рыбу разрубаютъ, вынимаютъ позвонки и мясо, надрѣзавъ полосами, солятъ крѣпко. Потомъ отчасти вялятъ и отчасти невяленую возятъ на Волгу и тамъ грузятъ въ суда. Такимъ-же образомъ солятъ сазановъ и другую худую рыбу или не соленую вялятъ и развозятъ. Но сожалѣнія достойно, что ни мало не стараются отчасти солить осетрину въ бочкахъ и приправлять вкусомъ и перцемъ, отъ чего можно бы гораздо больше прибыли получить; напротивъ того нынѣ отъ худого соленія много рыбы портится, или, по крайней мѣрѣ, дѣлается она нездоровою и вкусу противною пищею.

Севернѣйшій икра мало уступаетъ осетриной въ добротѣ, да и на Волгѣ, гдѣ севернѣе умѣютъ сберегать живую до зимы, мѣшаютъ съ осетриною икрой; но при Янкѣ не можно много соблюсти, какъ соленую, и потому она продается гораздо дешевле, а наипаче умевшаетъ цѣну чрезвычайное множество сей рыбы. Соленую икру готовятъ троякимъ образомъ. Самая простая называется *мясная*. Очищаютъ икру отъ большихъ жилокъ, кладутъ до двухъ фунтовъ соли въ пудъ икры и расталяютъ на цинковкахъ для сушенія на солнцѣ, потомъ давятъ ногами и продаютъ пудъ по 80 коп.

Хорошая икра называется *зернистая*; но не всякому вкусу пріятна, потому что она бываетъ очень солена. Очищенную икру солятъ въ долгихъ корытахъ, кладутъ отъ восьми до десяти фунтовъ соли на пудъ икры, мѣшаютъ лопатами и потомъ кладутъ въ рѣшета или въ частыя сѣтки, чтобы вышла изъ ней жижка и сдѣлалась бы гуще; послѣ чего вялятъ въ бочки и угнетаютъ. Пудъ зернистой икры продается по рублю и обыкновенно почитается она востановкою пищею простого народа.

Самая чистая и лучшая по виду, изъ цѣлыхъ зеренъ состоящая и не такъ скоро портѣ подверженная, икра называется *мяшная* по ея приготовленію, а именно: сперва разводятъ крѣпкій рассолъ и берутъ длинныя, узкія, изъ толстаго холста или храща, сшитыя мѣшки, которые наполняютъ свѣжею икрою до половины, а потомъ наливаютъ сверху рассоломъ. Какъ скоро икра просолевѣтъ, то сія повѣшанная между обыкновенными поперечными шестами мѣшки выжимаютъ сильно руками; послѣ чего даютъ висѣть икрѣ въ мѣшкахъ еще 10 или 12 часовъ, чтобы она нѣсколько провѣтрѣла и напоследокъ вялятъ въ бочки и угнетаютъ. Такая икра продается дороже, а по крайней мѣрѣ пудъ по рублю съ четвертью.

Такъ-же собираютъ, а наипаче изъ севернѣе синяныя жила, которая сушатъ, называютъ *визною* и употребляютъ въ пищу. Такую жилу въ свѣжей рыбѣ у шея подрѣзываютъ, вырываютъ и сушатъ на воздухѣ. Сушеную вяжутъ по 25 оучковъ, и продаютъ тысячу отъ трехъ до четырехъ рублей. Какъ почти весь осетровый и севернѣйшій потрохъ почитаютъ за годный на-

лицу, то желудокъ, который здѣсь татарскимъ словомъ *танакъ* называютъ, никогда не бросаютъ, но ѣдятъ охотно.

Драгоценная часть, которую изъ осетровъ и севрюгъ собирая продаютъ, называется иланной пузырь. Скушающіе всякую рыбу купца обыкновенно продаютъ назадъ оный пузырь казакамъ, которые дѣлаютъ изъ него *рыбий клей* слѣдующимъ образомъ: вынувъ пузырь изъ рыбы моютъ и выворачиваютъ, такъ что наружная кожа будетъ внутри, а бѣлая, свѣтлая, клейкая внутренняя кожа снаружи и такъ вялятъ на воздухѣ; черезъ что клейкая кожа легко отстаетъ отъ другой. Содравъ оную, завертываютъ въ мокрую тряпку, потомъ наворачиваютъ одинъ пузырь на другой, и згибаютъ на подобіе змѣи или сердца между тремя вколоченными въ доску саяцами: и какъ они въ такомъ положеніи нѣсколько просохнутъ, то вѣшаютъ на ниткѣ въ тѣни, дабы они совершенно засохли. Такимъ образомъ приготовленный рыбій клей продается по разной цѣвѣ, а именно: севрюжій, который за самый лучший почитается, покупаютъ иногда по сорока рублей пудъ; осетровый отъ 20 до 30; а бѣлужій, который хуже всѣхъ, отъ 12 до 15 и 18 рублей. Здѣсь дѣлаютъ также клей изъ сомовныхъ пузырей, который хотя и бѣлъ, однако для худой его доброты продается пудъ не съ большими по пяти рублей.

Соль при яцкихъ рыбныхъ ловляхъ есть столь нужная вещь, что неотдѣнно должно о ней упомянуть. Яцкіе казаки имѣютъ вольность сами оною запасаться, и кромѣ домашняго расхода употребляютъ ежегодно много тысячъ пудовъ на соленье развозимой во Россіи рыбы и мѣры. Стени вдоль Яика самъ добромъ отъ природы столь богато снабдѣны, что тамошніе жители никогда не будутъ въ томъ имѣть недостатка. Знатѣйшія мѣста, откуда яцкіе казаки берутъ готовую поваренную соль, суть два озера. въ киргизской степи находящіяся, изъ коихъ одно называется *Грязное* [8], а другое *Индерское*, да еще два озера въ калмыцкой степи по ту сторону рѣки Усы лежація, и по тому *Усенскіе соли* называются. О сихъ и о большомъ Индерскомъ озерѣ будетъ ниже упомянуто пространнѣе, а о первомъ озерѣ, о которомъ впродъ не будетъ случая гворить, объявлю я то, что я отъ достовѣрныхъ людей слышалъ. Ибо опасность отъ киргизцовъ и другія обстоятельства удержали меня осмотрѣть сіе озеро, при томъ же оно и не очень важно.

Грязное озеро находится отъ яцкаго городка въ южно-восточной сторонѣ больше 250 верстъ въ киргизской степи, а отъ Яика прямо въ восточную сторону больше ста верстъ.

Какъ сіе озеро гораздо ближе другихъ и казаки, *собравшись до нѣсколькихъ сотъ человекъ и вооружась*, ходили туда только лѣтомъ и привозили соль въ городъ на домашнее употребленіе. Но не по всякій годъ и не во всякое время года, а только въ жаркое и сухое лѣто садилась въ семь озерѣ соль толстымъ черепомъ и въ послѣдніе года садилось очень мало соли, такъ что для сей неизвѣстности и для труднаго собранія тамошней соли нинѣ туда

не бьдять, но берутъ соль на употребленіе во время немней рыбной ловли изъ Индерскаго соленого озера; какъ то при всѣхъ форпостахъ въ нижней странѣ Яика лежить запасная сол.ь отчасти въ ямахъ, а отчасти въ бочкахъ, которыя покрыты рогожами и обмазаны глиною.

Но казаки сказываютъ, что Грязное озеро, по ихъ исчисленію, имѣеть въ окружности больше 20 верстъ. Оно находится въ голой и ровной степи, которая состоитъ изъ желтой съ пескомъ смѣшанной глины. Съ сей стороны не видно ни рѣчекъ, ни ключей, которые бы въ озеро текли, изъ него выходили. Дно въ озерѣ, которое кажется вездѣ очень мелко, состоитъ изъ синяго мягкаго ила, который во время сильнаго вѣтра смѣшивается съ водою. Самые толстые соляные черепы, кои въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ обыкновенно находили, были толщиной въ палецъ. Казаки ходили въ воду и, съ великимъ трудомъ собирая оный черепъ руками, клали въ привезенныя съ собою колоды или лодки, которыя длинною веревкою привязываютъ къ своимъ лошадямъ для вытаскиванія на берегъ, ибо для глубокой и вязкой тины не можно привести лошадей на самый берегъ. Прежде сего казаки для добыванія денегъ въ межеевое время, то есть когда рыбнаго лова не бываетъ, брали соль изъ сего озера, возили на лодкахъ черезъ степь въ Самару и тамъ отдавали въ казенные магазины по десяти копѣекъ пудъ, но послѣ оное оставлено.

Въ сѣверную сторону отъ сего озера находится еще другое, но не очень соленое, и казаки называютъ его мордо, то есть малое море. Сіе озеро лежить выше Чаганскаго форпоста въ восточной сторонѣ, а по прямой дорогѣ считается до него 80 верстъ. Сказываютъ, что сіе озеро нѣсколько меньше Грязнаго и никогда въ немъ много соли не садится*.

Рычковъ, описывая тѣ же ловли, говорить о нихъ очень кратко, но при этомъ объясняя причину того, почему рыбы во время багренья попадаютъ на багры, говорить, что „осетры, будучи потревожены, то внизъ по водѣ спускаются хвостомъ, имѣя голову впереди“. Можно добавить только, что осетръ спускается, имѣя тѣло направленнымъ почти поперекъ теченія рѣки; благодаря чему, встревоженный шумомъ народа и пробиваніемъ прорубей, онъ солываетъ вязь и самъ „наваливается“ на багры, направленные остриемъ вверхъ по теченію рѣки, въ чемъ и заключается весь секретъ багренья.

Эти рыбные ловли съ разягтіемъ войска составляли самый главный промыселъ яицкихъ казаковъ. Рычковъ говорить, что по окончаніи весенней плавни, въ іюлѣ мѣсяцѣ, казаки ѣздили „за хлѣбомъ въ Самару и Омургань, яко у нихъ при Яицкомъ городкѣ пашень не бывало и нѣтъ“; послѣ багренья, въ концѣ февраля или началѣ марта, казаки вновь отправлялись въ эти города. Туда они везли рыбу и покупали тамъ хлѣбъ и необходимыя товары. Шля туда казаки большимъ обозомъ, съ ними для охраненія ихъ, шелъ конвой „станица“, доходившая до 100 человекъ казаковъ

иногда даже съ пушкой, о чемъ имѣются указанія въ дѣлахъ войскового архива. „Понеже ѣдимъ мы для покупки хлѣба на Самарь и на Самару многолюдствомъ со всѣмъ боемъ и съ пушками“—писали казаки въ своей челобитной Петру I (въ 1720 г. 20 мая). „Станица“ при обозѣ называлась „*ертаулъ*“. Этимъ именемъ „ертаулъ“ казаки называли всякій караулъ при войскѣ на походы (головной отрядъ, даже сторожевые разѣзды). Приѣхавъ въ Самару или Самарь, казаки разѣзжались по ближайшимъ городамъ и селамъ, гдѣ и продавали свои товары и въ свою очередь закупали то, въ чемъ нуждались сами, а главное хлѣбъ; послѣ этого они съѣзжались къ заранѣ назначенному времени въ тотъ-же пунктъ, откуда разѣзжались, и всѣ снова также возвращались на Яикъ.

Признавъ подданство царю Михаилу Федоровичу, казаки, кромѣ этихъ станицъ, ежегодно отправляли въ Москву одну *зимовую станицу* одновременно съ обозомъ въ концѣ февраля и нѣсколько *легкихъ станицъ*, отправляемыхъ въ разное время по мѣрѣ нужды. Съ каждою изъ этихъ станицъ ѣхалъ *станичный атаманъ* и его помощникъ *станичный есаулъ* и нѣсколько казаковъ, человекъ отъ 10 до 30. Съ зимовою станицею отправлялся царскій „кусъ“ или по нынѣшнему *презентъ*, состоявшій изъ осетровъ, осетровой икры и кабановъ, которые относились отъ войска къ царскому столу. Вислѣдствіи къ кусу стали прибавлять калмычатъ, кабитки, шубы и проч., которые дарились лицамъ, власть имущимъ при царскомъ дворѣ. Откуда получилъ свое начало этотъ обычай, точно не установлено, но по всей вѣроятности овъ явился съ перваго же дня подчиненія войска царю Михаилу Федоровичу, когда первые депутаты войска—„татаринъ и русскій“ били ему челомъ и положили предъ его „ясными очами“ дары своихъ трудовъ и родного Яика¹⁾.

Этотъ старинный обычай сохранился и донынѣ. Кромѣ этого съ зимовою станицею войско получало отъ царя грамоты и распоряженія, и само било челомъ о своихъ нуждахъ, какъ-то: просило порохъ, свинець, пушки, колокола и проч., которые, получивъ изъ московскихъ арсеналовъ, казаки съ раннею весною нагружали въ лодки и спускались внизъ по Волгѣ до Самары. Легкія станицы посылались по мѣрѣ надобности; они везли съ Яика различныя челобитныя и отписки отъ войска и въ свою очередь получали грамоты и распоряженія отъ царя. Всѣ прибывшіе со станицами казаки получали въ награду сабли, сукна за кафтаны, ковши и денежные награды. Дорога, по которой шли станицы, лежала на Самару, потомъ на Сибирскъ, Алатнрь, Арзамасъ, Муромъ, Владимиръ и на Москву²⁾. Нуждаясь въ казакахъ, малочисленное тогда Яицкое войско старалось со своими вез.

¹⁾ О томъ, сколько и кому везлось въ презентъ, будетъ сказано въ соответствующихъ мѣстахъ.

²⁾ Докосенія полковника Захарова 1723 г. августа 20 въ Военную Коллегію. Войск. Арх. дѣло Ш раз. № 85, отдѣлъ № 86, стр. 20.

вращавшіяся изъ Москвы станицами набираться „вольными людьми“. Этѣмъ объясняется, почему такъ много было въ войскѣ выходцевъ изъ этихъ городовъ, — бѣжавшіе раньше звали съ собою товарищей или родныхъ. Пройти же на Яикъ инымъ путемъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ мы видимъ, что казаки изъ своего городка ѣздили „въ Русь“ не иначе какъ большими и вооруженными обозомъ съ ертауломъ и даже съ пушкою. Какъ-же могъ пробраться туда одиночный и беззащитный бѣглець? Только этой опасностью пути на Яикъ и объясняется то, что когда донскіе и терскіе казаки быстро росли и пополнялись пришельцами и считала, даже во времена самозванцевъ, въ своихъ рядахъ по нѣскольку тысячъ человекъ, яцкіе казаки только черезъ сто лѣтъ послѣ этого къ царствованію Петра I-го едва едва насчитывали въ своихъ рядахъ около четырехъ тысячъ человекъ! На Яикъ шелъ самый смѣлый, самый рѣшительный народъ, не боявшійся ничего. Прибывшій на Яикъ бѣглець былъ вполне гарантированъ, что его не выдадутъ. „И ранѣе въ прошлыхъ годѣхъ отъ насъ, Яцкаго войска, никакимъ бѣглымъ людямъ отдачи не бывало: на поле къ себѣ бѣглыхъ людей не призываемъ, а съ поля не смылаемъ“, говорятъ казаки запольной рѣки Яика въ своей отпискѣ епископу казанскому въ 1688 г., отказывая ему въ выдачѣ „бѣлаго пона“. Всякій бѣглець, прибывшій на Яикъ, кто бы онъ ни былъ, становился равноправнымъ членомъ казачьей семьи и имѣлъ право исповѣдывать ту вѣру, которую онъ находилъ для себя лучшей, — свобода вѣроисповѣданія была полная. Только взятые въ плѣнъ на войнѣ обязаны были принять православіе, но у казаковъ, не признававшихъ рабства, плѣнные не дѣлались рабами и какъ у славянъ въ древней Русі¹⁾, они были вольны и по принятіи православія оставались жить въ качествѣ вольныхъ людей и такихъ-же равноправныхъ казаковъ, какъ и ихъ завоеватели. Поэтому всѣ завоеванные по переписи Захарова считаются православными, пришедшіе-же на Яикъ сами, по своей волѣ, исповѣдуютъ свою вѣру.

Отрѣзанные отъ Руси широкимъ и дикимъ полемъ, по которому отъ Яика до Волги кочевали воинственные татары, а съ 1630 г. многочисленные и еще болѣе воинственные калмыки и, имѣя дажѣ на востокъ дикія киргизскія орды, предоставленные самимъ себѣ, яцкіе казаки сплотились въ одну безстрашную военную семью, готовые во всякую минуту отразить навязчиваго врага. Куда бы ни ѣхалъ казакъ, онъ былъ вооруженъ. Оружіе стариннаго яцкаго казака состояло главнымъ изъ ружья — *турки* или *пищали*. Туркомъ называлось тяжелое турецкое ружье, имѣвшее внутри нарѣзы, пищалью — ружье московской рати, тоже тяжелая, но гладкоствольная; у ружей казаки имѣли *ражки*, т. е. двѣ деревянные ножи, приврѣщенные къ цѣвью ружья на особомъ шпенькѣ, и на которыя клалось ружье, какъ на подпорки, для бо-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. I, стр. 72.

лѣе точнаго и вѣрнаго выстрѣла. Не имѣвшіе ружей были вооружены *лукомъ* (*сайдакъ*) и *стрѣлами*, которые хранились въ *колчанѣ*. Главнѣйше-же оружіемъ коннаго боя было *копье*, получающее впоследствии названіе *тиски*. Кромѣ этого оружія казаки имѣли *сабли*, но сабель они почему-то не долюбывали; ихъ имѣли въ большинствѣ только старшины и другіе начальники, хотя они были и у рядовыхъ казаковъ. Сидя на конѣ, казаки, какъ видно по сохранившимся гравюрамъ, предпочитаютъ имѣть правую руку свободною, имѣли копье въ большинствѣ на лѣвой сторонѣ; ружья вѣшались черезъ правое плечо, при чемъ прикладъ ружья находился съ лѣвой стороны. Впоследствии, когда появились пистолеты или, какъ называли ихъ казаки, *пистолы*, они составляли одну изъ главныхъ принадлежностей вооруженія яицкихъ казаковъ и носились заткнутыми за поясомъ.

„Любо-дорого было смотреть на стараго казака,“ — говорила монахиня І. И. Желѣзнову¹⁾. „Разодѣнется, бывало, въ карамзинный зипунъ, въ широкія парчевары, въ ивую пору парчевня, — на голову нахлобучитъ высокую баранью шапку съ вострымъ бархатнымъ верхомъ, за плечи забинуетъ винтовку иль-бо турбу подъ серебряной насѣчкой и серебрянными бляхами, въ руки возьметъ ирку острую, древко ленточкой перевитое, къ боку прицѣпитъ кривую саблю турецкую въ серебряной оправѣ иль-бо сайдакъ съ колчаномъ — и этихъ старые казаки рудовать умѣли, — да какъ сядетъ во всехъ убранствѣхъ на лошадь, такъ и раздуется: гора-горой, конья-конвой, ну, просто богатырь старинный, примѣрно Илья Муромецъ иль-бо Добрыня Никитичъ“.

Въ походы, на войну и въ набѣги, какъ уже было сказано рѣше, казаки ходили *станицами*, въ каждой станицѣ былъ *походный атаманъ*, *есаулы* и *знаменщики*, смотря по числу казаковъ, одинъ, два, три, иль болѣе.

Яицкіе казаки, сваржая отъ себя казаковъ на службу правительству, руководствовались древнимъ русскимъ обычаемъ, гдѣ земство, выставляя рать на ополченіе, вызывало для этого желающихъ и давало имъ на подъемъ деньги; этотъ обычай принесли съ собою казаки и на Лѣвѣ. На службу шли только желающіе „охотники“ и за это получали отъ общины деньги „на подъемъ“ или, какъ называютъ теперь, „наемку“, цѣна наемки была различная, смотря по походу, отъ 20 до 100 и болѣе рублей.

Отправлялись-ли казаки въ набѣгъ или въ походъ, они имѣли каждый по двѣ лошади, шли „о дву-конь“, — это вызывалось необходимостью службъ противъ татаръ, потомъ калмыкъ и авргизъ, которые сами, отправляясь въ набѣгъ, имѣли тоже по двѣ лошади, и потому догнать ихъ, имѣя одну лошадь, не представлялось возможнымъ. Въ бою *на сломъ* (въ атаку) они шли рассыпаннымъ одиночнымъ строемъ „*лавою*“, чтобы каждому казаку было свободно и удобно владѣть копьемъ, главнѣйшимъ его оружіемъ. Опасная атаку

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова, т. 3-й, стр. 142 „Рассказъ Монахини“.

яицкихъ казаковъ, Равинскій¹⁾ говоритъ, что на Кавказѣ въ низовомъ корпусѣ „они очень дружно ударяютъ на непріятелей и въ тотъ мигъ, какъ должно броситься въ бой, вдругъ закричатъ, схватываютъ съ себя пазки, берутъ опья въ зубы и поражаютъ непріятелей пиками и саблями“. Другого боевого строя казаки не знали. Сибѣнные они шли на словъ такъ-же, какъ и пѣхота, окруженные большими силами, они батовали лошадей (связывали особымъ образомъ вмѣстѣ) и, положивъ ихъ или устроивъ изъ нихъ живую стѣну, отстрѣлявались отъ непріятеля.

Служить казаки начинали съ 16—18 лѣтъ, что видно изъ переписи Захарова, и служили до глубокой старости, пока въ силахъ были владѣть оружіемъ. Только болѣзнь или увѣчье давали право казаку оставить службу ранѣе, чѣмъ придетъ старость.

Завися отъ Москвы, только по нарядамъ станицъ на службу, казаки въ своемъ внутреннемъ управленіи ни подчинялись никому, вплоть до царствованія Петра Великаго.

Въ своихъ отвѣтахъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ 1720 г. 10 января казаки говорятъ, что „вѣдомы они бывали наредѣ сего всѣми дѣлами и нарядомъ въ приказѣ Казанскаго дворца (въ Москвѣ), а по опредѣленію губерній вѣдомы они были и жалованье давано имъ по 1719 г. изъ Казанской губерніи и нарядъ имъ былъ на службу оттуда же. И о нарядѣ на Его Великаго Государя службы къ нимъ въ войско присланы изъ приказа Казанскаго дворца Великаго Государя грамоты“²⁾.

Со своими сосѣдами, — татарами, а потомъ съ калмыками, казаки самостоятельно вели войны, объявляя войну или заключая миръ („замиренье“) смотря по обстоятельствамъ.

Окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными ордами, казаки ни одной минуты не могли быть спокойны за дѣлность своего городка и своихъ стадъ. Чтобы охранить табуны отъ внезапнаго захвата врагомъ, они съ первыхъ же лѣтъ окружили свой городокъ тройнымъ рядомъ рововъ и валовъ — первый валъ непосредственно окружалъ городъ (городской валъ), второй наедемся въ верстѣ отъ перваго, а третій въ семи верстахъ отъ города шелъ отъ Яика до Чагава и предназначался для пастьбы скота. Въ случаѣ внезапнаго нападенія врагъ не могъ сразу погнать табуны и казаки вовремя могли прійти на помощь и прогнать нападавшихъ. Мѣстность, окруженная ближайшимъ къ городу валомъ, вѣроятно предназначалась для загона скота на ночь.

Палась, бывшій въ Яицкомъ городѣ второй разъ въ 1772 году, обратилъ вниманіе на остатки этихъ валовъ и говоритъ объ нихъ слѣдующее:

„Не доѣзжая за семь верстъ съ сѣверной стороны до Яицкаго городка

¹⁾ Равинскій. Хозяйственное описаніе Астрах. и Кавказ. губерній 1809 г., стр. 579.

²⁾ Московск. отд. Архива Главн. Штаба. Дѣло Воен. Кол. 1721 г. № 30 опись 107, дѣло яицкое повитые — (передано при Петрѣ изъ Казл. Иностр. Дѣлъ).

видна линія, которую въ прежнія времена яицкіе казаки для защищенія общихъ частей противъ набѣговъ ногайцевъ и киргизцевъ между Яикомъ и Чаганомъ валомъ и рвами укрѣпили; такъ же надлежало и черезъ другой подобный перевѣзжать ровъ не дождаа за версту до города, заключающій внутренній уголъ рѣки сея“¹⁾).

Въ описываемый періодъ всѣ казачьи войска, какъ было говорено выше, составляли одну семью. Главные вопросы о войнахъ, набѣгахъ и другіе, имѣвшіе общій казачій интересъ, рѣшались на Дону, гдѣ всегда находились станицы или цѣлыя отряды другихъ, особливо яицкихъ казаковъ. Яицкіе казаки въ своихъ отбитыхъ пунктахъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ въ 1720 году 10 января отвѣчали, что они даже „между собою въ приключившихся ссорахъ главную расправу имѣли и винѣ имѣють отъ Довского войскового атамана съ войскомъ. А отъ Дона до Яика мѣсяць ѣзды“.

Что это не пустая фраза, удостовѣряють акты того времени, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Конечно, тутъ говорится не о простыхъ ссорахъ и разногласіяхъ, а о болѣе важныхъ дѣлахъ и спорахъ между войсковыми партіями. Казаки въ своихъ преданіяхъ называютъ себя „орлами“, „орливами приицкими“ или „орлами-орловичами“ и дѣйствительно въ то далекое время Яицкій городокъ, гдѣ жило все Яицкое войско, представлялъ изъ себя настоящее богатырское орлиное гнѣздо. Чтобы рѣшиться жить въ немъ, нужно было быть героемъ, безстрашнымъ казакомъ-лицаремъ, съ орлиною душою. Заброшенный на далекой украинѣ государства, находясь на самомъ послѣднемъ краю Руси, отрѣзанный отъ нее пустынною широкою степью и окруженный со всѣхъ сторонъ на сотни верстъ непримиримою дикою воинственною и хищною ордою татаръ, а потомъ калмыкъ и киргизъ—Яицкій городокъ представлялъ изъ себя единственный, крещеный клочекъ земли, гдѣ развивался русскій флагъ и гдѣ горсть безстрашныхъ и отважныхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, не только не боялась этой орды, но сама была грозною и страшною окружающимъ врагамъ. Это было въ буквальныймъ смыслѣ слова орлиное гнѣздо, откуда приицкіе оран дѣлали свои отважные набѣги, то въ степь, то на морь, оран, ничтожную горсть которыхъ не могли сломить тысячныя полчища калмыкъ и киргизъ, каждый разъ со страхомъ отходившихъ въ свои степи подлѣ многодневной осады городка, а осаждали они городокъ чуть не каждый годъ, а иногда и по нѣсколько разъ въ годъ.

Да это-же могъ пробраться въ этотъ далекій, окруженный со всѣхъ сторонъ хищной ордой городокъ, какъ только не человекъ съ орлиною душой? Туда шелъ только отважный, готовый отдать жизнь за орлиную волю!

¹⁾ Палласъ, часть 3-я кн. 2, стр. 92. Во время Палласа Яицкій городокъ простирался до вѣншей Кавказской церкви.

IX.

Разбой казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Разгромъ ими стрѣльцовъ. Посылка Богдана Змѣева уговаривать казаковъ. Казаки заслуживаютъ вины подѣ Смоленскомъ. 1632—1634.

...Ужь ты, батюшка нашъ, православный Царь!
Мы скажемъ тебѣ всю правду—истину,
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили:
Ужь мы были, ужъ мы ѣздили въ синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ морѣ бусы-кораблечны
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сива-орла, безъ Государя.
Ты прости насъ, батюшка, во вѣхъ винахъ,
Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ рѣку"...
(Изъ письма Урал. каз.)¹⁾

В широко распахнулось Хвалынское море, манитъ и ласкаетъ оно синев-
глядью, просторомъ и волей зоветъ къ себѣ удалыхъ добрыхъ молодецъ. Есть
гдѣ разгуляться по его необъятному раздолю, потѣшить удаля молодецкую. Не
достать тутъ удалыхъ добрыхъ молодецъ московскимъ воеводамъ. Воляники
орлами летаютъ по его волнамъ на своихъ легкихъ стругахъ пріяніеки зидцари,
изъ конца въ конецъ бороздятъ его пѣнистыя волны ихъ легкія лодки. При-
стаютъ къ нимъ и другіе казаки-охотники и съ тихаго Дона, и съ Тереза,
и съ матушки Волги. Нѣтъ ни прохода, ни проѣзда ни кораблямъ-бусамъ, ни
легкимъ лодкамъ—все гремятъ и дувантъ удалые молодецъ; не поймать вѣтра
въ полѣ—не поймать казаковъ на морѣ. Разгромятъ и скроются, затеряются
они, словно чайки, среди бѣлыхъ гребней въ синей дали въ невѣдомыхъ островахъ.

Уже распротѣивался царь Михаилъ Федоровичъ. Не разъ онъ писалъ при-
яніекии орламъ бросить свое воровство. Много разъ писалъ онъ в доцкимъ
внтяимъ. Писалъ онъ доццамъ: „отъ васъ многіе атаманя и казаки ходятъ
на Волгу и на Яикъ и на море и на Волгѣ суды и бусы гремятъ и многую
шкоту дѣлаютъ, а вы ихъ отъ того не унимаете. А впредь-бы еще однолично
нашего повелѣнія не ослушались: подѣ турскіе города и на крымскіе улусы
не ходили и ссоры не чинили, і воровъ-бы есте атаманъ в казаковъ, которые
ходятъ на Волгу и на Яикъ, отъ воровства унимали и чинили имъ наказа-
ніе по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось“²⁾. Но трудно усвоиться
взволнованному морю, еще труднѣе казакамъ бросить свои промыслы. Не слу-
шаютъ казаки царскихъ грамотъ. Идутъ грабежи на Волгѣ и на морѣ. Раз-

¹⁾ Якушинъ, Сборн. пис. Урал. каз., стр. 39.

²⁾ 1626 г. 22 октября, царская грамота на Донъ съ выговоромъ за набѣгъ на Азовъ, турскіе
города и крымскіе улусы, за грабежи на морѣ и за сношеніе съ запорожскими. Русск. Ист. общ.
т. XXIII. Донскія дѣла, стр. 261—259.

гнѣвался царь и положилъ на казаковъ свою опалу—лишилъ онъ ихъ своего жалованья и приказалъ ловить ихъ и бить. Погромивши въ 1631 году много судовъ и нагруженныя добычею, шестьсотъ яицкихъ и донскихъ казаковъ ушли зимовать на Донъ, гдѣ расположились „въ семи городкахъ отъ городка отъ Куншака да до городка Голубихи“¹⁾, къ нимъ стали собираться казаки съ Дону съ нижнихъ городковъ, чтобы съ весною снова идти на Волгу и на море.

Много зимовало въ эту зиму на Дону и другихъ яицкихъ казаковъ, задумали они идти всё на службу къ литовскому королю. Провѣдали объ этомъ въ Москвѣ и вотъ царичневскій воевода князь Волковскій послалъ для развѣдки на Донъ Ваську Угримова. Вотъ что доносилъ воевода со словъ этого развѣдчика:²⁾ „...а говорятъ де, государь, они донскіе і яицкіе воровскіе казаки, что де ты, Государь царь і великій князь Михайлъ Ѳеодоровичъ всеа Русии на нихъ, казаковъ, за ихъ вину свою государеву опалу положилъ, і ихъ де ты, государь, казаковъ, отъ своего государева жалованья учинилъ въ забвеньи. Да они-жъ де, государь, донскіе і яицкіе казаки въ нижнихъ і въ верхнихъ городкахъ говорили, токо де къ намъ на Донъ ввѣча на весѣ не будетъ государева жалованья і ево государева жалованново слова, і мы де пойдемъ з Дону всё въ Запороги къ литовскому королю на службу. Да севрала, государь, во 12 день перешао де съ Яику на Донъ въ верхній городокъ въ Бремьянне полтораста человекъ воровскихъ казаковъ съ отаманъ, съ Иваномъ Зыковымъ да съ Елькою Спицынымъ для провѣдыванья твоей государевн службы, куды де, государь, по твоему государеву указу на твою государеву службу ратнымъ людемъ походъ будетъ; а ихъ де, государь, казаковъ нынеча на Яине въ зборе доъ тысячи человекъ конныхъ: а ожидаютъ де, государь, они къ себѣ твоей государской милости і твоего государева жалованья, гдѣ ты, государь царь і великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русии, указешъ имъ бытъ на своей государеве службѣ. І про тѣ вѣста, я, холопъ твой, на Черной яръ къ воеводе къ Левонтью Вувакову і въ Астороховъ къ воеводамъ, къ Ивану Салтыкову съ товарища, писалъ же. А изъ Царицынъ де, государь, они, воровскіе казаки, хвалятца і хотять, пришедъ, городъ змечъ и людей побить за то, что де, государь, имъ, воровскимъ казакамъ, отъ царичневскихъ служилыхъ людей чинитца теснота великая, вездѣ де ихъ казаковъ на переходехъ побиваютъ, і въ языцехъ емлютъ і приводятъ на Царицынъ. І Царицынъ де, государь, имъ, воровскимъ казакамъ, сталъ пуще Азова, вигдѣ де имъ отъ Царицынскихъ служилыхъ людей з Дону на Волгу, а съ Волги на Донъ переходовъ нѣтъ. А какъ, государь, чаать по вестямъ къ Царицыну приходу воровскихъ казаковъ, і имъ, холопу твоему, въ городе сидѣтъ будетъ і оборонитца вѣкметъ: служилыхъ, государь, людей на Царицыне мало,

¹⁾ Русск. Ист. биб. т. XVIII. Донскія дѣла № XXIV, стр. 388. Отписка царичневскаго воеводы князя Льва Волковскаго о разныхъ вѣстяхъ азовскихъ, погайскихъ и казачьихъ; получена въ Москвѣ въ 1632 г. марта 27.

²⁾ Тамъ-же.

всего конныхъ і вѣснихъ стрѣльцовъ триста человекъ, і тѣ не спозна, да годовальщиковъ, государь, пятьдесятъ человекъ. І тѣхъ, государь, царицывскихъ стрѣльцовъ внечеа на Ахтубе у кирашной ломки сто человекъ. І о томъ мѣ, холопу своему, какъ ты, государь царь і великий князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русии уважешь*.

Такъ писалъ воевода царю о воровскихъ казакѣхъ.

Но должно быть распоряженію царя къ веснѣ не послѣдовало, т. к. донесеніе воеводы было получено въ Москвѣ 27 марта. Не дождавшись себѣ службы, большая часть янцѣихъ казаковъ, бывшихъ на Яикѣ въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, поплыла внизъ по Яику въ море, по обычаю, „на промыслы“; бывшіе же въ Голубомъ городкѣ на Дону тоже отъ нихъ не отстали и ввиду слабости царицывскаго гарнизона, прошли съ Дону мимо Царицына, захватили на Волгѣ струги и загуляли по матушкѣ Волгѣ.

Для разгрома янцѣихъ казаковъ царь послалъ изъ Астрахани стрѣльцовъ. Встрѣтились стрѣльцы съ янцѣями казаками на Яикѣ; казаки разбили ихъ на голову и забрали у нихъ пушки. Получивъ эту вѣсть отъ спасшихся стрѣльцовъ, воеводы донесли объ этомъ царю.

До чего тогда была слаба Москва, видно изъ того, что правительство не рѣшилось вновь послать на Яикъ стрѣльцовъ, а послало туда *уговаривать казаковъ Богдана Семеновича Змѣева* съ товарищемъ *Прибылымъ Аристовымъ*. Какъ видно изъ челобитной казака Ялоши, съ Змѣевымъ была послана грамота не только къ янцѣихъ казакамъ, но и къ терданѣ, звать ихъ на службу къ Москвѣ „противъ государевыхъ недруговъ—польскихъ и литовскихъ людей“. Долго пришлось Змѣеву путешествовать по запольной рѣкѣ Яику, по морю, по Волгѣ, пока удалось ему уговорить „яндарей“ бросить воровство и втѣ на службу въ Москву. Это путешествие овъ кончилъ поздней осенью и казаки только въ ноябрѣ поплак заслуживать свои вина въ Москву. Вслѣдствіи уже въ царствование Алексѣя Михайловича въ 1650 г. въ своей челобитной объ отставкѣ, перечисляя свои службы, Змѣевъ говорить о своей послѣднѣ на Яикъ такимъ образомъ: ¹⁾ „да я жъ былъ посланъ на Яикъ атамановъ и асудовъ и казаковъ уговаривать и, *уговоря, ко кресту ихъ приводить*; и я всѣхъ казаковъ уговорилъ и ко кресту привелъ: крестъ цѣловали блаженныя памяти государю нашему, отцу твоему, государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодорову всеа русіи, и тебѣ, государю, *по полной записи*; а *отричь меня на Яикѣ казаковъ ко кресту никто не приваживалъ*. Да я жъ учинилъ тебѣ, государю, *пробыль*: взялъ у казаковъ на Яикѣ пушки и пушечные запасы, какъ ови побѣли на Яикѣ твоихъ государевыхъ людей высылку изъ Астрахани, и съ тѣмъ прислалъ къ тебѣ, государю, *Прибылова Аристова, и Прибылой за тотъ прѣздъ пожалованъ*; а съ Яика прислалъ При-

¹⁾ Акты Москов. госуд. т. II № 429. Челобитная Богдана Змѣева объ отставкѣ его отъ службы 1650 г.

былова жъ, что казаки крестъ цѣловали, а за то Прибылой пожалованъ же. И за ту мою службу пожаловалъ ты, государь, меня своимъ государевымъ жалованьемъ только денежною придачею, и придача не выдана, а инымъ ничѣмъ не пожалованъ". Просить по причинѣ старости отставить его отъ службы, а вмѣсто себя посылать на службу даточнаго человѣка.

Найденные списки казаковъ въ числѣ 950 человекъ (см. приложение I) представляютъ изъ себя списки только „воровскихъ казаковъ“, тѣхъ, которые были „на промыслахъ“ и пришли въ Москву заслуживать свои вины. Къ сожалѣнію до сихъ поръ не найдено донесеніе самого Зиѣва о его пребываніи на Янкѣ и списки остальныхъ янцкихъ казаковъ, которые были дома на Янкѣ и которыхъ Зиѣвъ безусловно тоже уговаривалъ и приводилъ къ присягѣ „по вѣрной записи“, что не могло обойтись безъ подписи подъ присягою или безъ составленія списковъ присягнувшихъ казаковъ. Казаковъ же на Янкѣ, какъ мы знаемъ, было въ сборѣ „двѣ тысячи конныхъ“. Можно предположить, что эти списки были привезены Зиѣвымъ съ собою и хранятся гдѣ-нибудь въ архивахъ Москвы вмѣстѣ съ его донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ на Янкѣ.

Давъ присягу, янцкіе казаки въ зимнее время потянулись нѣсколькими станицами по дорогѣ въ Москву; тѣ, которые не успѣли цѣловать креста на Янкѣ, цѣловали его на пути въ Темниковѣ, въ Касимовѣ, въ Владимирѣ. Съ первою станицею пошелъ *войсковой атаманъ Тимофей Никифоровъ Попъ*, который прибылъ въ Москву 5 января 1633 года. Казаки шли на службу о двуконь, что видно изъ челобитной Лапоши. Къ характеристикѣ того времени можно отнести то обстоятельство, что по дорогѣ въ Москву къ казакамъ приставали люди, которые были вовсе не казаки, — для этого нужно было только заявить казакамъ свое желаніе быть казакомъ и по казачьему обычаю имъ откажутъ въ этомъ казаки не могли; такихъ атаманомъ Попомъ записано около 90 человекъ: „приставали къ нему въ дорогѣ, какъ отошелъ съ Самары къ Москвѣ, и сказались тѣ казаки съ Янка и съ запольныхъ рѣкъ“. Этыхъ казаковъ зачислили на службу наравнѣ съ прочими, между тѣмъ, какъ увидишь далѣе, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно пристали къ казакамъ, будучи крестьянами ближайшихъ къ дорогѣ селъ и городовъ.

Всѣхъ казаковъ прибыло въ Москву около 950 человекъ и всѣ они были посланы на службу „въ полки“ подъ Смоленскъ.

Во главѣ этихъ 950 человекъ первоначально были: *войсковымъ атаманомъ Никифоръ Прокофьевъ* (очевидно войсковой атаманъ Попъ, прибывшій съ Янка, былъ отправленъ обратно); войсковые есаулы: Федоръ *Дербенскій*; Яковъ *Даниловъ*, Савва *Овдеевъ*; станичные атаманъ: Андрей, прозвище *Потана Сноксаревъ*, Калина *Ивановъ*, Овсѣишъ *Ивановъ*, Иванъ *Семеновъ Черноярской*; есаулы станичные: Василій *Лисаревъ*, Яковъ *Гуща*, Василій *Казинъ*, Андрей Федоровъ сынъ *Сазанъ*, Иванъ *Копыто*, Григорій *Павловъ* и Гаврила *Микулинъ*.

Вскорѣ послѣ первыхъ-же битвъ подъ Смоленскомъ среди этихъ начальниковъ мы встрѣчаемъ потомъ или совершенно другія фамиліи или тѣхъ-же

лицъ, но занимающихъ другія должности. Изъ этого списка видно, что станичныхъ атамановъ было 4 человека, а всѣхъ есауловъ 10 человекъ на 950 казаковъ, т. е. каждый есаул начальствовалъ приблизительно надъ сотнею казаковъ, и каждая станица была отъ 200 до 300 чел.

Прибывшимъ въ Москву войсковому атаману Полу было дано 15 руб. и „камка добрая, сукно аглацкое доброе“, а казакамъ по 10 руб. По мѣрѣ прибытія остальныхъ станицъ имъ всѣмъ выдавалось по 10 р. жалованья и, кромѣ того, при отправленіи подъ Смоленскъ выдано за январь „на кормъ, на муку“ атаманамъ по 2 алтына, есауламъ по 10 денегъ, казакамъ по 8 денегъ на день человѣку“. [9]

По прибытіи въ Смоленскъ яцкіе казаки стали просить о прибавкѣ жалованья и конскаго корму, причемъ указывалось, что такая прибавка имъ производилась въ прежнее время, когда они находились подъ Смоленскомъ съ княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ [10]; изъ надписи на этой просьбѣ видно, что донскимъ и яцкимъ казакамъ отпускатось тогда такое же жалованье, какое было выдано имъ и въ этотъ разъ, но по чело-битію прибавлено на кормъ по 2 деньги въ день на человѣка, а къ жалованью по 1 руб. въ годъ¹⁾.

Къ Смоленску передовыя станицы прибыли въ томъ-же году 23 января²⁾ (въ какомъ числѣ казаковъ—неизвѣстно) и вошли въ составъ арміи „боярина и воеводы“ Михаила Борисовича Шейна.

Въ это время русская армія, посланная еще въ 1632 г. для того, чтобы „неправды польскому и литовскому королю. отомстить и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблю, поворотить попрежнему къ Московскому государству“³⁾, а главнымъ образомъ чтобы вернуть Смоленскъ, взятый поляками во время смутнаго времени въ 1611 г., состояла изъ 32 тысячъ войска со 158 орудіями. Часть этой арміи, тысячъ около 20, осаждала Смоленскъ подъ общою командою главнаго воеводы Шейна. Находявшійся въ Смоленскѣ польскій губернаторъ Станиславъ Воеводскій не сдавался и отражалъ всѣ приступы русскихъ.

Вступивъ въ составъ арміи, осаждавшей Смоленскъ, яцкіе казаки принимаютъ во все время осады, продолжавшейся болѣе года, самое дѣятельное участіе во всѣхъ бояхъ, и въ каждомъ боѣ въ донесеніяхъ о нихъ воеводы пишутъ, что яцкіе казаки „служали государю и билась явственно“, т. е. мужественно и храбро. Въ спискахъ отличившихся послѣ каждого боя вездѣ видно много яцкскихъ казаковъ, которые билась явственно и убивали непріятельскихъ ратниковъ, „мужиговъ“—какъ называютъ ихъ акты того времени. Кромѣ этого казаки были почти единственнымъ войскомъ, которое умѣло добывать языковъ (пленныхъ для разспроса), за что они награждались за каждого взятаго языка „до сукну“, т. е. по куску сукна на кафтанъ.

¹⁾ Акты Моск. госуд. ред. Н. А. Попова, т. I, разрядный приказъ, Моск. столъ, № 553, 554.

²⁾ Акты Моск. госуд., ред. Н. А. Попова т. I, № 479, 480, 491.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 222.

Своей сильной позиціей у русскихъ подѣ Смоленскомъ была Покровская гора, хорошо укрѣпленная, имѣвшая артиллерію, сильно безпокоившая защитниковъ Смоленска; начальникомъ горы былъ полковникъ Маттисонъ; недалеко отъ этой горы былъ особый „острожекъ“, т. е. укрѣпленный лагерь князей Прозоровскаго и Бѣлосельскаго. Яцкіе казаки, какъ видно изъ историческихъ данныхъ, находились подѣ козандою князя Прозоровскаго и вѣдѣвъ съ его войсками занимали этотъ „острожекъ“.

Всѣ старанія поляковъ были направлены на Покровскую гору, гдѣ бои происходили весьма часто.

Первый бой, гдѣ пришлось быть яцкимъ казакамъ, былъ бой въ Спирокорень 6 февраля, гдѣ участвовала станица атамана Каляны Иванова¹⁾. Подробности этого боя неизвѣстны.

Въ мартѣ часть яцкихъ и донскихъ казаковъ ушли отъ Смоленска къ Стародубу, гдѣ съ атаманомъ Балашемъ, какъ свидѣтельствовалъ стародубскій воевода Ерошкинъ, будто бы занималась грабежомъ, но донской атаманъ Семень Прирогъ это опровергъ и довѣсь съскому воеводѣ Пушкину, что они „донскіе и яцкіе казаки съ атаманомъ Балашемъ бились съ литовскими людьми подѣ Кричевымъ и Сурожемъ“ и даже отбили у неприятеля пять знаменъ и пушку, которыхъ и отравили — въ Москву²⁾.

Апрѣля 1-го поляки едѣлали вылазку, напали на Покровскую гору; для отбитія ихъ, въ числѣ другихъ войскъ, Прозоровскимъ „былъ посланъ атаманъ Каляна Ивановъ сынъ съ станицею“³⁾.

18 мая войска ходили на приступъ Смоленска; отъ князя Прозоровскаго, въ числѣ другихъ войскъ, были наряжены для этого и яцкіе казаки: „станичный атаманъ Василій Афонасьевъ сынъ Бутаковъ со своею станицею“ „Атаманъ Потапъ Андреевъ сынъ Сноксаревъ съ своею станицею съ есауломъ и казаки“⁴⁾ — всего двѣ станицы, т. е. половина всѣхъ бывшихъ у Смоленска яцкихъ казаковъ. Приступъ былъ отбитъ; въ дѣлѣ сохранился списокъ казаковъ станицы Бутакова, отличившихся въ этомъ дѣлѣ. О всѣхъ казакахъ вообще говорится, что они „бились явственно“, про особо отличившихся сказано такъ: „Атаманъ Василій Афонасьевъ сынъ Бутаковъ на томъ приступѣ Государю служилъ, бился явственно — убилъ мужика. Потапъ Петровъ сынъ Толстой бился явственно, убилъ мужика и его на томъ приступѣ ранили въ правую ногу. Иванъ Васильевъ сынъ Лоцимовъ бился явственно, убилъ мужика и его на томъ бою ранили въ правую ногу да въ спину“... и т. д.

¹⁾ Дѣла объ участіи яцкихъ казаковъ въ боюхъ подѣ Смоленскомъ найдены въ Московск. отдѣлѣ архива министерства юстиціи, Новгородскій столб, столбецъ 80 и 83 на различныхъ листахъ, гдѣ послѣ указанія о времени боя иногда ищются и списки казаковъ. О боѣ 6 февраля — указаніи на листѣ 86.

²⁾ Акты Москв. Госуд. т. I, № 509.

³⁾ Новгород. столб, столб. 83, листъ 81.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 1—5 и 143.

Самые кровопролитные и самые сильные штурмы Смоленска были 26 мая и 10 июня. Перед штурмами были сдѣланы въ стѣнахъ города „проломы“, на штурмъ шли всѣ войска, бывшіе у Шенна. 26 мая войска ходили два раза на приступъ и не смотря на то, что оба раза яцкіе казаки занимали стѣны и вносили туда свои знамена—оба приступа были отбиты.

26 мая яцкіе казаки шли на приступъ подъ командой Семена Горяинова *Гуринова* (одинъ изъ начальниковъ московскихъ войскъ), который „съ яцкіими атаманы и есаулы и съ казаки государю служилъ и къ городу Смоленску съ такимъ приступомъ приступали и у пролома на городской стѣнѣ съ знаменами были“⁴⁾.

Въ спискѣ отличившихся казаковъ въ этомъ бою видно, что войсковымъ (походнымъ) атаманомъ былъ тогда бывший станичный есаулъ Василій Никитичъ сынъ *Писарева*, который, какъ и всѣ остальные, бился явственно и крокъ того „застрѣлилъ изъ пищали мужика“. Крокъ Писарева, въ числѣ другихъ, бился явственно и убили „мужиковъ“: станичный атаманъ *Потапъ Андреевъ Сноксаревъ*, атаманъ *Овксимъ Ивановъ Чертопрудъ* („застрѣлилъ изъ пищали мужика“), атаманъ *Иванъ Филипповъ Копыто*, атаманъ *Кална Ивановъ*, войсковой есаулъ *Яковъ Брага*; Васильевой станицы (имя одного изъ атамановъ, можетъ быть Писарева) казаки: „*Григорій Ивановъ сынъ Казанецъ* былъ съ знаменемъ и на городской стѣнѣ съ знаменемъ былъ, бился явственно, убилъ мужика“. Дальше идетъ перечисленіе наиболѣе отличившихся казаковъ Васильевой станицы, въ концѣ-же сказано: „да у него жъ Василья въ станицѣ на приступѣ убили двухъ казаковъ до смерти—*Олксейка Иванова* да *Фотѣйка Григорьева сына Лемзяка*“.

Послѣ списка станицы Васильевой идетъ списокъ отличившихся казаковъ „*Андреевой станицы Толстошеина*“ и т. д. по станицамъ.

Въ спискѣ русскихъ и нѣмецкихъ солдатамъ (бывшимъ въ московскомъ войскѣ), донскимъ и яцкіимъ казакамъ и всякимъ ратнымъ людямъ, которые къ Смоленску приступали и на приступѣхъ подъ городомъ и въ шанцахъ побиты и переранены мая въ 26 день“, показаны убитыми на первомъ приступѣ, яцкіе казаки: *Ивашко Дмитріевъ сынъ татаринъ-Нижегородецъ*, *Васька Ивановъ сынъ Верхотуренинъ*. Въ спискѣ раненыхъ на первомъ приступѣ яцкіихъ казаковъ не видно. Во время второго приступа „побито до смерти“ яцкіихъ казаковъ, Тимофѣевой станицы *Микифорова*: *Гуляйко Федоровъ*, *Фелька Герасимовъ сынъ Москвитинъ*, *Федька Андреевъ Архангельскаго города*. Раненые: Тимофѣевой станицы *Микифорова*: *Архипко Алексѣевъ Путимецъ* и еще 4 человекъ, всего 5. Васильевой станицы *Писарева*—4 человекъ, Ивановы станицы *Копыта*—2 чел., Калинин станицы *Иванова*: *Ивашко Федоровъ Щедра* и еще 2 чел., Андреевы станицы *Сноксарева*—6

⁴⁾ Новгород. столъ, столб. 33, листы съ 36 по 49.

человѣкъ, Анисимовы станицы *Иванова* 1 чел., *Ивашковы* станицы *Черноярская* 2 чел. Всего же было убито въ этомъ бою 7 человекъ и ранено 23 человекъ ¹⁾). Изъ этихъ данныхъ видно, что на штурмъ Смоленска 26 мая были всѣ яцкіе казаки и что у нихъ были знамена, — это первые знамена ямскихъ казаковъ, о которыхъ упоминаютъ историческіе акты. Когда они были жалованы войску и первыя-ли это знамена вообще — указаній не имѣется.

На слѣдующій приступъ, 10 іюня, изъ отряда князя Прозоровскаго, въ числѣ другихъ войскъ, былъ посланъ „яцкихъ казаковъ атаманъ *Василій Афанасьевъ* сынъ *Бутакосъ* съ своею станицею и съ казаки“ ²⁾).

Въ этомъ бою были также отличившіеся казаки. Оглячѣ ихъ заключалось, какъ и въ предъидущихъ бояхъ, въ томъ, что они „блись явственно“ и многіе „мужиковъ побили“.

Черезъ два дня снова былъ штурмъ Смоленска, на этотъ разъ войска шли, захъ и 26 мая, въ большомъ количествѣ въ проломы въ стѣнѣ. Яцкіе казаки были на этомъ штурмѣ подъ командой *Семена Туринова* въ полномъ своемъ составѣ „атаманы и ясаулы и казаки и у пролома на городской стѣнѣ знаменами были“ ³⁾). Въ спискахъ отличившихся видны тѣ же атаманы и ясаулы, что и при штурмѣ 26 мая, а также много и рядовыхъ казаковъ ⁴⁾). Отбилъ подрядъ нѣсколько штурмовъ, поляки рѣшили сдѣлать вылазку на безпосредственную ихъ *Покровскую* гору и 29 іюня вышли „изъ Смоленска изъ Молоховскихъ воротъ конные и пѣшіе польскіе и литовскіе и ябмецкіе люди и былъ бой околичному и воеводѣ князю *Семену Васильевичу Прозоровскому* и яцкихъ казаковъ атаману *Василію Афанасьеву* сыну *Бутакосу* со всею своею станицею съ казаки“, а также „яцкихъ казаковъ атаману *Потапу Сноксареву* со всею своею станицею съ ясауломъ и казаки“. Всѣ они „блись явственно“, вылазку отбили и многіе отличились ⁵⁾).

Въ своемъ донесеніи яцкіей войсковой (походной) атаманъ *Писаревъ* пишетъ, что 3 іюля онъ былъ посланъ княземъ Прозоровскимъ „со своею станицею, да войсковой ясаулъ *Яковъ Давиловъ* сынъ *Брага* за рѣзу за *Катынко* и я, холопъ твой *Василій Микитичъ* сынъ *Писаревъ*, служилъ тебѣ, Государю, бился явственно, убилъ мужика, другого срубилъ“ ⁶⁾). Изъ этого донесенія видно, что у войскового атамана была своя станица, т. е., начальству надъ всѣмъ походнымъ войскомъ, онъ въ то-же время былъ и станичнымъ атаманомъ.

Въ это-же время въ іюль мѣсяцъ къ осажденному Смоленску стали подходить на выручку постепенно отряды польскихъ войскъ. Для отраженія одного

¹⁾ Новгородск. столъ, столбецъ 30, листы 3, 11, 42 и 50—52.

²⁾ Новгород. столъ, столб. 33, листы 6 и 147.

³⁾ Новгородск. столъ, листъ 50.

⁴⁾ Списки яцк. казаковъ заняли 10 листовъ съ 50 по 60 (Тамъ-же).

⁵⁾ Новгород. столъ, столб. 33, листы 11 и 152.

⁶⁾ Тамъ-же, листъ 127.

изъ такихъ отрядовъ были 30 июля посланы всѣ яцкіе казаки съ тѣмъ-же, начальствовавшимъ надъ ними, Семеновъ Гуриновымъ. „Шли на проходъ въ городъ Смоленскъ—доносить Гуриновъ— польскіе и литовскіе и вѣмецкіе люди и послалъ меня князь Прозоровскій съ яцкими атаманъ и ясаулы и казаки на рѣчку на Есяновую и бой былъ в моесъ *Семенова приказу* атаманы и ясаулы и казаки государю служили“ ¹⁾.

Поляки были отбиты. Соловьевъ ²⁾ пишетъ, что гарнизонъ Смоленска былъ настолько истощенъ восьмидесячной осадой, что готовъ былъ уже сдаться, но въ это же время вступившій на престолъ новый польскій король Владиславъ послѣдствіемъ на помощь къ Смоленску съ 23 тысячами войскомъ; вмѣстѣ съ нимъ шли запорожскіе и малороссійскіе казаки, а союзники его крымскіе татары напали на южныя русскія области. Узнавъ объ этомъ, мало дисциплинированныя и плохо организованныя русскія рати пришли въ волненіе.

„А дворяне и дѣти боярскія украинскихъ городовъ, видя татарскую войну, слыша, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, матери, жены и дѣти въ полонъ взаты, изъ подѣ Смоленска разѣхались и остались подѣ Смоленскомъ немногіе люди“ ³⁾.

Король прибылъ къ Смоленску 25 августа 1633 г. и всталъ съ войсками на рѣкѣ Боровой, въ семи верстахъ отъ города. Первымъ распоряженіемъ его было сбить русскихъ съ Покровской горы, гдѣ укрѣвился полковникъ Матисовъ и гдѣ вблизи стояли въ острожкѣ князья Прозоровскій и Вѣлоселскій⁴⁾.

Уже черезъ три дня послѣ своего прихода часть польскаго войска двинулась подѣ этотъ острогъ нижнею дорогою за Дѣвпроемъ. На встрѣчу имъ былъ посланъ отрядъ *и Гуриновъ со всѣми яцкими казаками*. Казаки сошлись съ ними „*Августа въ 28 день подѣ острогомъ, по катанской дорогѣ, по луговой, за рѣкою за Дѣвпроемъ*“ и закипѣлъ бой; много было непріятельскаго войска: „польскій и литовскій король Владиславъ, да королевичъ Казимиръ а съ нимъ гетманы Радивилъ да Казановскій съ польскими и съ литовскими и съ вѣмецкими со многими людьми“. Но яцкіе казаки не считали врага и всѣ они „и атаманы, и ясаулы, и казаки Государю служили и противъ короля и королевича и противъ гетмановъ стояли на крѣпко... и польскихъ и литовскихъ людей яцкіе казаки *побивали и языки (пальцы) и знамена у литовскихъ людей поимали*“ ⁵⁾. Разбитые на голову гетманы едва унесли ноги. Въ этомъ бою было особенно много отличившихся казаковъ, „убившихъ мужа“ и проч.

Пока происходилъ у яцкихъ казаковъ бой за Дѣвпроемъ, часть поляковъ пробралась по Покровской горѣ къ Смоленску, оттуда осажденные сдѣлали

¹⁾ Новгородск. столб. столб. 33, листъ 61.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 225.

³⁾ Тамъ-же, стр. 229.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 225.

⁵⁾ Новгородскій столб, столбецъ 33, листъ 69.

вылазку и овладѣли шанцами Маттисона, но были вытѣснены изъ нихъ сотнями, присланными Прозоровскими и Вѣлосельскими¹⁾.

Отбитые со всѣхъ сторонъ и потерявъ поражение, поляки 11 сентября снова напали на Маттисона и на острогъ Прозоровскаго, бой длился два дня и две ночи²⁾. Яцкіе казаки участвовали въ этомъ бою въ отрядѣ Прозоровскаго и, какъ и всегда, бились явственно³⁾. Всѣ штурмы были отражены, но воеводы рѣшили, что „государеннымъ людямъ польскіе и литовскіе люди не въ мочь и городка на Покровской горѣ не удержать“ и ночью вывели весь гарнизонъ полковника Маттисона къ себѣ въ большой острогъ; Прозовскій тоже очистилъ свой острогъ и перешелъ въ большой обозъ за Дѣворь, при чемъ покинуто было въ окопахъ нѣсколько пушекъ и запасы⁴⁾. По слезамъ поляковъ, огромные валы, равнявшіеся высотой стѣнамъ Смоленска, насыпаны были съ изумительнымъ трудомъ, если бы ихъ добывать приступомъ, то много пролилось бы крови⁵⁾. Но воеводы со спокойной совѣстью отдали эти почти непреступныя твердыни безъ бою. Въ то же время поляки въ тылу Шенна взяли и сожгли Дорогобузь, гдѣ были сложены запасы для войска.

Вѣсть съ этимъ въ московскихъ войскахъ стала ощущаться большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, дисциплина падала и много ратныхъ людей стали самовольно уходить изъ войска по домамъ. Глядя на нихъ, стали потихоньку уходить и казаки. Собирались казаки въ Рославскомъ и Брянскомъ уѣздахъ, гдѣ въ серединѣ октября мѣсяца собралось донскихъ и яцкскихъ каз. около 1200 человекъ съ атаманами Ивановъ Никитичемъ Тесловымъ, Анисимомъ Ивановымъ Чертопрудомъ и Василиемъ Ивановымъ. Рославскій воевода въ своемъ донесеніи, полученномъ въ Москвѣ въ Приказѣ 6 ноября, писалъ, что эти казаки занимаются грабежомъ. Поэтому къ нимъ былъ посланъ 6 декабря воевода Илья Васильевичъ Наумовъ, которому и удалось уговорить ихъ вернуться обратно къ Смоленску⁶⁾. Надъ этими казаками Наумовъ былъ назначенъ начальникомъ. По дорогѣ къ Смоленску въ декабрѣ, не доѣзжая до него 30 верстъ, „донскіе и яцкіе казаки, сойдясь съ польскими и литовскими ратными людьми въ деревнѣ Охмарѣ, тѣхъ литовскихъ людей побили“ и взяли въ плѣнъ 30 человекъ, изъ которыхъ воеводою Наумовичъ 15 человекъ были посланы въ Москву⁶⁾. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ актовъ, съ этими плѣнными поѣхалъ въ Москву яцкскій атаманъ Анисимъ Чертопрудъ.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 225.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

³⁾ Новгород. степъ, столбецъ 32, листы 15 и 157.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

⁵⁾ Акты Моск. Госуд., ред. Н. А. Попова, т. 1, №№ 584 и 591.

⁶⁾ Тамъ-же, № 610.

Между тѣмъ подъ Смоленскомъ происходили одинъ бой за другимъ. 18-го сентября польскія войска съ Покровской горы пошли на приступъ „къ Иадрыкову городку“, а одновременно изъ Смоленска была сдѣлана вылазка „конная и пѣшая“. Въ отраженіи этого приступа участвовали войска Прозоровскаго съ яицкими казаками, которые были со своимъ войсковымъ атаманомъ *Писаревымъ*, войсковымъ есауломъ *Браюю*, и атаманами *Сноксаревымъ* и *Бутаковымъ* „съ ихъ станицами“¹⁾.

Положеніе русской рати съ очисткою Покровской горы становилось съ каждымъ днемъ хуже. 6 октября король съ Покровской горы перешелъ на Богданову обочицу вверхъ по Двѣбурю и сталъ обозомъ позади русскаго острога, а пѣшихъ людей и туры оставилъ противъ большого русскаго острога на горѣ²⁾. 9-го октября Шениъ вывелъ свои войска противъ непріятеля. Польская конница обратила въ бѣгство часть русскаго пѣхоты, но отъ другой была привуждена бѣжать сама; лишь наступившая ночь остановила дѣло³⁾. Въ этомъ бою участвовали всѣ бывшіе у Прозоровскаго яицкіе казаки со своимъ войсковымъ и другими атаманами³⁾.

По польскимъ извѣстіямъ русскіе потеряли 2 тысячи убитыми, у поляковъ-же было очень много раненыхъ, убито людей не много, но много погибло лошадей. Соловьевъ говоритъ⁴⁾: „Шениъ писалъ въ Москву, что дороги московскія непріятель занялъ всѣ и проѣзду ни откуда нѣтъ. Съ конца октября русскіе начали терять недостатокъ въ съвѣстныхъ принасахъ, особенно въ конеконномъ корму. Стрѣльба продолжалась между обоими обозами. Поляки стрѣляли съ горы Скворонковой на русскій станъ, русскіе стрѣляли снизу и потому не причиняли вреда непріятелю, но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметовъ королевскихъ“.

Такъ постепенно русская армія изъ осаждающей превратилась въ осажденную.

Шениъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было попытаться ударить на королевскій обозъ, о чемъ особенно настаивалъ полковникъ *Лески*, главный между иноземными войсками, бывшими на службѣ у московскаго правительства подъ Смоленскомъ. Поэтому 18 декабря часть войскъ была направлена „на шанцы подъ латовскій обозъ“; изъ отряда Прозоровскаго былъ посланъ „голова Богданъ *Дятковъ* да яицкихъ казаковъ есаулъ *Григорій Павловъ*, да атаманъ *Калина Ивановъ*“. Взять обоза не удалось; отличившихся въ этомъ бою яицкихъ казаковъ очень много⁵⁾.

21 декабря снова произошелъ бой „у Воярскаго острога у задняго земляного городка“. Въ бою участвовалъ отрядъ Прозоровскаго и всѣ яицкіе

¹⁾ Новгородск. столб., столб. 33, листы 20, 129 и 161.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 9, стр. 226.

³⁾ Новгородскій столб., столбецъ 33, листы 24, 83, 92, 132 и 166.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. кн. 9, стр. 226 и 227.

⁵⁾ Новгородск. столб., столб. 33, листы 78 и 89.

казаки подъ начальствомъ головы Богдана *Цыткова*. — Казаки шли „со всѣми атаманы, есаулы и казаки“, при чемъ фамиліи атамановъ и есауловъ тѣ же. Всѣ они „Государю служили и билися явственно“ и отличившихся „убившихъ вужика“ и проч. было много ¹⁾.

Войска Шенна были окружены со всѣхъ сторонъ. Во чтобы то ни стало вужно было взять королевскій обозъ и вотъ 28 декабря снова завязался бой. Русскіе пошли за Днѣпръ „подъ королевскій таборъ и на томъ бою были бои... князь Прозоровскому и посылавъ былъ голова Богданъ *Цытковъ* съ явскими казаками на шанцы и съ шанцемъ литовскихъ людей выбили“. Въ бою былъ войсковой атаманъ *Писаревъ* и атаманы *Сюксаревъ* и *Бутаконъ* со своими станицами и „казаки Государю служили и билися явственно“ ²⁾.

Но эта побѣда не улучшила положенія русской рати.

„Вслѣдствіе холода и голода — говоритъ Соловьевъ³⁾ — въ русскую стаять открылась сильная смертность. Узнавъ объ этомъ, король въ послѣднихъ числахъ декабря послалъ Шенну и чужестраннымъ офицерамъ грамота съ увѣщаніемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того чтобы погибать напрасну отъ меча и болѣзней“.

Пока шли бои подъ Смоленскомъ, 1200 донскихъ и явскихъ казаковъ, подъ начальствомъ воеводы Наумова, не имѣя возможности пробраться къ осажденной въ Смоленскъ арміи Шенна, остались въ Рославскомъ уѣздѣ и безпокоили непріятеля своими наѣздами на ихъ флаги, гдѣ, судя по полученнымъ ими наградамъ, происходили весьма частые бои и казаки брали не мало языковъ.

О подробностяхъ этой службы пока не имѣется никакихъ указавій. Атаманъ Чертопрудъ, посланный отъ Наумова съ 15 языками (плѣнными), прибылъ въ Москву въ началѣ января, гдѣ онъ и товарищи его были пожалованы сукнами, при чемъ „атаману Онисиму Иванову сыну Чертопруду“ дано сукно „аглинское (англійское) противъ добраго настрафилю 4 аршина по 25 алтынъ аршинъ, а казакамъ 15 суконъ настрафильныхъ по 2 рубля портеще“. На отсутствовавшихъ казаковъ два сукна взялъ Чертопрудъ „і въ его мѣсти есаулъ казачей Васка Михайловъ Налетовъ руку приложилъ“ ⁴⁾.

Наградивъ казаковъ за привозъ въ Москву плѣнныхъ, ихъ 21 января отправили обратно къ боярину Наумову, при этомъ послали къ нему „съ Анисимомъ Чертопрудомъ и съ казаки знамя дорожное да десять знаменъ киндяшныма“, которыя было приказано Наумову, по прибытіи Чертопруда, раздать „дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и казакомъ, которые съ тобою въ полку, по сотнямъ, да о томъ къ вамъ отписать“ ⁵⁾.

¹⁾ Новгород. ст. столб. 33, листы 24, 85 136 и 171.

²⁾ Новгород. ст. столб. 33, листы 32, 139, 177.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 227.

⁴⁾ Москов. Арх. Минист. Импер. Двора и Оружейной палаты дѣло № 92.

⁵⁾ Акты Москов. Госуд. ред. Н. А. Попова, т. I, № 608, стр. 569.

Это первое упоминаніе о дарованіи знаменъ явцимъ казакамъ. Сколько ихъ было дано станицѣ Чертогруды, свѣдѣній не имѣется:

Въ началѣ февраля въ Москву прибыла отъ Наумова другая казачья станица, надо полагать, съ вѣстями о ходѣ дѣлъ въ Рославскомъ уѣздѣ и съ отписками о раздачѣ знаменъ. Этой станицѣ приказано было выдать „за Рославскую службу и за язычный приволь донскимъ и явцимъ атаманамъ, есауламъ и казакамъ государево жалованье язычково по сукну доброму за языкъ“. Сукно было роздано по „росписи“.

Какъ образчикъ „росписи“ того времени о выдачѣ суконъ казакамъ, привожу эту роспись:

„Роспись что дати государева жалованья донскимъ и явцимъ атаманомъ и есауломъ и казакомъ за Рославскую службу нивѣшняго 142 (1634 г.) за язычный приволь.“

Атаману Агѣю Иванову за четыре языка четыре сукна добрыхъ. Казаконъ Миките Аѳонасьеву сыну Черному за два языка два сукна добрыхъ, Григорью Филипову, Мартину Бузыяву, Лукьяну Олексѣеву, Лазарю Ильяву, Василью Полозову, Федору Иванову, Обросиму Васильеву, Исаю Андросону, Степану Григорьеву, Дмитрею Кубылкину, Осипу Петрову, Фомѣ Карьеву, Борису Пароенову, Оѳонасью Волку, Сергѣю Иванову, Терентью Иванову, Савену Ильину, Климу Дроконову, Володимеру Крениву, Иаву Федулину по сукну по доброму человекъ. Казаконъ Степанковъ станицы Кругозого Овашке Тимоѣеву за четыре языка четыре сукна добрыхъ, Федке Вурнице за два языка да Дружинѣ Черному за два жъ языка по два сукна человекъ добрыхъ, Ильи Наумова человеку Ивашу Кирилову сукно доброе.... Дано всего 188 суконъ настрафилю лазоренаго по 2 рубли. Атаману и есаулу дано по 4 аршина сукна англвнскаго сизово по рублю аршинъ, (на оборотѣ). По сей памяти за Федора Вурника взялъ два сукна Дружинка Черной и руку приложилъ, справилъ Тимилка Васильевъ ¹⁾.

По полученіи суконъ „тотчасъ велѣно имъ итти на государеву службу, въ полки къ боярамъ и къ воеводамъ“.

Изъ этого раздаточнаго списка видно, что во время только одного 1634 г. въ службѣ похъ Рославлемъ явцие и донскіе казаки поймали 188 языковъ.

19 февраля окруженный со всѣхъ сторонъ полянами и теряя всевозможныя лишеныя Шевякъ послѣ переговоровъ очистилъ свой острогъ и вышелъ изъ подъ Смоленска. „Русскіе выступили изъ острога— пишетъ Соловьевъ²⁾— со свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо, безъ барабаннаго боя и музыки. Поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, русскіе люди должны были положить всѣ знамена наземлю; знаменовосцы отступитъ на три шага назадъ

¹⁾ Моск. Арх. Минист. Импер. Двора и Оружейн. палаты дѣло № 127, листы 1, 2, 7 и 8.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 228, 229 и 231.

и ждать, пока гетманъ именованъ королевскимъ не велитъ имъ поднять знамена; тогда, запаливши фитили и ударивши въ барабаны, русское войско двинулось по московской дорогѣ, взявши съ собою только 12 полковыхъ пушекъ по особому позволенію короля. Самъ Шенъ и всѣ другіе воеводы и начальники, поравнявшись съ королевемъ, сошли съ лошадей и низко поклонились Владиславу, послѣ чего по приказанію гетмана, сѣли опять на лошадей и продолжали путь.

Всего вышло изъ подъ Смоленска съ Шеннымъ 8056 человекъ; изъ этого числа многіе повезены больные и въ дорогѣ умерли, другіе оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ. Больныхъ осталось подъ Смоленскомъ 2004 человека.

Что касается яцкихъ казаковъ, то ихъ вышло вмѣстѣ съ отрядомъ Шенна 344 человека и осталось въ Смоленскѣ въ числѣ больныхъ 36 человекъ¹⁾.

По прибытіи въ Москву воевода Шенъ былъ казненъ, какъ изменникъ, а вѣзлей Семена Прозоровскаго и Михаила Вѣлосельскаго прагнорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣнныя отобрать на Государя. Отъ смертной казни эти воеводы были освобождены только потому, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣньи Прозоровскаго и бѣдѣзни Вѣлосельскаго.

Казаки прибыли вмѣстѣ съ войсками Шенна тоже въ Москву. Здѣсь всѣхъ яцкихъ казаковъ, какъ видно изъ сохранившихся челобитныхъ того времени, „Государь пожаловалъ... и государевы очи видѣли и у государевой благодатной руки были“.

Были казаки также пожалованы за свои службы и за язычный приводъ и за половное терѣвнѣе сукнами: „Яцкому казаку Андришкѣ Логанову за приводъ языка 4 аршина настрафилю“, дано было по 4 аршина яцк. казикамъ Олешкѣ Вирюку, Гришкѣ Павлову, Олешкѣ Фалилову, Олешкѣ Кирилову, Олешкѣ Исватѣеву, Оронко Поталову, Мокѣю Алексѣеву (последнихъ пяти за половное терѣвнѣе), Гришкѣ Левонтьеву, Денису Иванову (за взятыхъ языковъ), Трифону Темяникову и Ивановой станицѣ Колыта казаку Савкѣ Гребенскому за языка и т. д. ²⁾.

Постепенно выздоравливавшіе яцкіе казаки, выходя изъ Смоленска, по прибытіи въ Москву подавали челобитныя о допускѣ ихъ въ царской рукѣ и видѣть царскія очи.

На всѣхъ этихъ челобитныхъ на оборотѣ пишется надпись: „Государь пожаловалъ, велѣлъ написать — въ рукѣ“ (см. приложение VIII и IX).

Многіе раненные казаки, которые послѣ выздоровленія уже не могли продолжать казачьей службы, „за свои раны и кровь“ были устроены на службу: „Осинѣ Прутцкой, Михайло Шелковниковъ, Ивашко Шумовской въ городѣ

¹⁾ Акты Арх. Экспедиц. т. III №№ 220, 239 и 246, Рябининъ Георг. и стат. опис. Урал. войска, часть 1-я, стр. 18.

²⁾ Москов. Арх. Минист. Импер. Двора и Оруж. палаты дѣло №№ 170, 202, 231, 244, 294 и 316.

Козловъ дворовыми и загородными мѣсты. А государева жалованья денежныя оклады имъ: Осипу Прутцкому 8 р. (въ годъ), Михайлу Шелковникову 6 р., Ивашку Шумовскому 5 р., да имъ же государева жалованья дано въ Козловскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Турмасовкѣ подъ дворы усады въ длину по 70, а поперекъ по 20 саж. человекъ.

Дякаго поля на пашню Осипу Прутцкому да Михайлу Шелковникову по 15 чети человекъ, Ивашку Шумовскому 10 чети въ поле, а потому жъ сѣна межъ полъ и по заполью Осипу да Михайлу по 30, а Ивашку 20 копенъ⁴. Такимъ-же образомъ, впоследствии, равенный и изуродованный яицкій казакъ Трофимъ Афанасьевъ Ратовъ получилъ мѣсто подъячаго въ Козловъ¹⁾ (см. прилож. X).

Такъ устраивались „на мѣста“ лицари—инвалиды въ доброе старое время.

Что инвалиды казаки предпочитали устраиваться „въ Руси“, объясняется тѣмъ, что на Яикѣ довольствоваться рыбною ловлею, единственнымъ доходнымъ промысломъ, могли только состоящіе на службѣ казаки, оставшие-же были лишены этого промысла и потому предоставленные самимъ себѣ, если не шли родныхъ, должны были влечить самое бѣдственное существованіе. Впоследствии, благодаря этому обычаю, очень многіе казаки, особенно малолѣтки, сироты и старики, уходили изъ войска „за скудостью“ въ Самару или въ другіе ближайшіе города „на житье“.

Долго-ли стояли казаки въ Москвѣ и когда отпущены на Яикъ—неизвестно. Въ этомъ-же 1634 году мы видимъ часть тѣхъ-же казаковъ, которые были подъ Смоленскомъ и вышли съ Шеннымъ, уже на службѣ въ Туль, Ливнахъ, Яблотовѣ, Дѣдиловѣ и др. „украинныхъ городахъ“ „поверстанными (записанными) помѣстными окладами и деньгами“. Объ этой службѣ яицкихъ казаковъ, продолжавшейся очень долго, почти не имѣется никакихъ указаній, кромя раздаточныхъ списковъ на жалованье и челобитныхъ самехъ казаковъ, о чемъ будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Казаки, бывшіе въ отрядѣ Наумова, послѣ отступленія Шенна своевольно ушли въ Рославль, потомъ были на Стверской убривѣ и подъ Калугою, откуда въ іюнь 1634 г. отошли на Любунское городище, гдѣ имъ была получена царская грамота съ приказаніемъ сыскать людей Стрешнева. Казаки отыскали ихъ, но „воры—атаманъ“ Ѳеодоръ Коляхъ и Анисимъ Чертопрудъ съ шестью тысячами человекъ донскихъ и яицкихъ казаковъ, захвативъ находившуюся у людей Стрешнева государеву зеленую (порохъ) и свинцовую казну, пошли Тульскою дорогою къ полю. Присланные изъ Серпухова съ этими вѣстями въ Москву яицкіе казаки Томила Ѳеодоровъ и Оверка Никифоровъ въ разспросѣ показали, что воровскіе казаки съ землемъ и свинцомъ пошли на Донъ²⁾.

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣд. ст. столб. 138 л. 111—113.

²⁾ Акты Моск. Госуд. редакц. Н. А. Попова, т. I, № 608, стр. 569.

Характеристическою порядковъ, царявшихъ какъ въ русской, такъ и въ польской рати, а также и у казаковъ, является любопытное показаніе 24 яцкихъ и „кормовыхъ“ казаковъ, ушедшихъ самовольно изъ подъ Смоленска на службу къ польскому королю и дѣйствовавшихъ противъ русскихъ подъ Смоленскомъ.

Это показаніе привожу цѣликомъ ¹⁾.

„142 г. (1633 г.) ноября въ 29 день приславы къ государю къ Москвѣ изъ Мещовска и изъ Серпѣйска яцкіе и кормовые казаки, которые отъѣзжали къ литовскимъ людямъ, а нынѣ побивъ литовскихъ людей въ Серпѣйскомъ уѣздѣ въ Деминской волости, прѣехали къ государю къ Москвѣ, а привели съ собою литвина Ивашка Матвѣева:

Атаманъ—Ивашко Семеновъ сынъ Черноярецъ, есаулъ—Андрюшка Ѳеодоровъ сынъ Сазанъ. Казаки: Гришка Ивановъ сынъ Растегай, Аюнька Борисовъ, Микифорко Ѳеодотовъ, Нифонтко Никитинъ сынъ Заборовской, Потапко Ѳеодоровъ сынъ Болдырь, Степанко Ѳеодоровъ, Логинко Корниловъ, Ивашко Григорьевъ сынъ Камариченинъ, Левка Дмитріевъ сынъ Галичаянъ, Сенька Никитинъ сынъ Татаринъ, Демка Васильевъ, Фотѣйко Андреевъ, Ивашко Игнатъевъ, Симонко Аванасевъ, Еуфимко Сидоровъ сынъ Болдыренокъ, Ивашко Ивановъ сынъ Черниковъ, Ивашко Антоновъ, Левка Тимошеевъ сынъ Головачевъ, Клишко Тарасовъ, Павликъ Ивановъ.

Кормовые Иядрикова полку:

Пронка Ѳеодосеевъ сынъ Полякъ, Якушко Ѳеодоровъ сынъ Устюжевннъ и всего 25 человекъ, а 4 чел. отстали отъ нихъ въ Калугѣ и въ Мещовску и на Москвѣ і въ розрядѣ не объявились.

А на Москвѣ атаманъ Ивашко Семеновъ сынъ Черноярецъ да есаулъ Андрюшка Ѳеодоровъ сынъ Сазанъ съ товарищи 23 чел. сказали: Вышли де они съ Яика и посланы на государеву службу подъ Смоленскъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Черноярцомъ ²⁾ вѣствѣ въ 141 г. и пришли въ Смоленскъ въ великой мясоѣдѣ за 4 недѣли до масленицы и были подъ Смоленскомъ 15 недѣль и учалъ быть голодъ и они бѣгали изъ подъ Смоленска человекъ по 2 и по 3 и по 5 и по 6 и больше и собиралися въ Смоленскомъ уѣздѣ за 40 верстъ отъ Смоленска въ волости въ Корсаковщинѣ и собралось ихъ донскихъ и яцкихъ и кормовыхъ казаковъ съ 700 чел. и въ 141 (1633) году, передъ Николаевымъ днемъ, вешнимъ, отобралось ихъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Аристовымъ съ 80 чел. пошли къ Балашу, а иные хотѣли проходить на Донъ, и какъ будутъ за 3 версты отъ Рослава на рѣкѣ на Остревъ, и на нихъ посылалъ рославскій воевода кн. Дмитрій Сентовъ государевыхъ ратныхъ людей и ихъ многихъ побили, а иные въ рѣкѣ перетонули, а которые остались и тѣ, боясь итти на государеву службу подъ

¹⁾ Москв. Арх. Министерств. Юстиціи, Москв. ст., столб. 100, листы 498—508.

²⁾ Станичный атаманъ. Прнжнчан. авт.

Смоленскъ, измѣнили государю и пришли въ Кричевъ, а иные съ тѣхъ поры измѣнили государю, — отъѣхали съ атаманомъ же Севергою Левонтьевымъ 50 чел., а собралось ихъ русскихъ всякихъ людей въ Кричевъ 120 чел., а въ Кричевъ послали ихъ въ Красное къ паву въ Меделонскому и Меделонской далъ имъ по 3 р. человѣку да королевскихъ денегъ дано имъ по 5 руб. человѣку, и были они съ королею и съ королевичемъ и съ гетманъ подъ Смоленскомъ недѣль съ 20 и больше, а держали де ихъ въ обозѣ, приказаны были ротмистру паву возу вѣнни ему не вѣдаютъ, а изъ обозу ихъ не отпускали — не вѣрили имъ; и тому недѣль съ 6 у того ротмистра взялъ ихъ къ себѣ на поруку черкасской (малороссійскій) польсквиникъ вѣнни ему не вѣдаютъ, а прозвище Вечовка, потому что она *зналися съ нимъ на Дону*, и съ тѣмъ полковникомъ пошло черкасъ въ загонъ для корму конныхъ и пѣшихъ 140 чел. да ихъ русскихъ казаковъ 60 чел. и вѣдучи, они съ есауломъ съ Андришкою и съ казаки межъ себя стоваривались, какъ бы имъ вину свою къ государю привести надъ литовскими людьми учинить проныслъ и ѣхать къ государю въ Москвѣ съ службою; и какъ пришли въ Серпѣйской уѣздѣ въ Деменовскую волость въ деревнѣ Торквѣ, остался черкасъ ¹⁾ съ 50 чел. да ихъ товарищей, русскихъ казаковъ, 35 чел.; а съ ними пошло (далее) черкасъ съ 70 чел., а ихъ казаковъ 30 чел., и отшедъ отъ той деревни перстѣ съ 10 столли въ деревнѣ 2 дни да 2 ноща, а урочища, той деревни не помнать, а въ 3-ю нощъ тѣхъ литовскихъ людей, которые были съ ними въ трехъ избахъ, человѣкъ съ 40 — побили, а достальныя де литовскіе люди учали съ ними бится и стали имъ сильны и ихъ разогнали — 22 чел. приближали въ Мещовскъ, а 7 чел. пришли въ Серпѣйскъ, да онъ жъ съ собою связавъ увелъ литвина Ивашка Матѣева и того литвина привелъ съ собою къ Москвѣ; казаки жъ Левка Дмитріевъ сынъ Галиченинъ да Аевелья Борисовъ сказали, что оставлены они были въ кошу ²⁾ и какъ приближали къ нимъ съ бою черкасы раненыя и сказали, что русскіе казаки измѣнили и черкасы учали казаковъ вязать и казаки съ литовскими людьми учали бится и они Левка и Аевелья побѣжали и сошлись съ товарища своими изъ той деревнѣ гдѣ побили литовскихъ людей, а изъ деревни ушли въ Серпѣйскъ. И всего было съ ними вѣстѣ въ Мещовскомъ и въ Серпѣйскомъ уѣздѣ въ нощѣ черкасъ и смоленскихъ мужиковъ съ бердышами и съ рогатинами съ 1000 чел. Да солдаты Индрикова полку Фамдана Прольва Фодосѣевъ сынъ прозваше Полякъ сказалеа казачій братъ, а въ кормовые написалеа во 141 году. — Каписова полку Унжиамъ, Якушко Фодоровъ сынъ Устюженнъ гуляцій человѣкъ написалеа въ кормовые во 141-й же году, а изъ подъ Смоленска пошли они въ соровство къ казакамъ, которые собирались въ Смоленскомъ уѣздѣ въ Корсаковщанѣ и государю измѣнила съ яицкими жъ казаки вѣстѣ.

¹⁾ Малороссійскихъ казаковъ. Приж. авт.

²⁾ Т. е. въ деревнѣ Торквѣ на станѣ (коштѣ) съ полковникомъ Вечовка. Авт.

А вѣстей атаманъ и казаки свазали: король и королевичъ и гетманъ Радзивиль стоятъ подъ Смоленскомъ выше Дѣвичьей горы, противъ боярскаго полку, а людей съ ними по сѣбѣ всякихъ конныхъ и пѣшихъ и черкасъ съ 30 тысячъ чел., и тѣ голодны бредутъ въ Литву безпрестанно, а сколько кашихъ людей порознь, того не вѣдаютъ, и при нихъ изъ королева табару били по боярскому острогу изъ паряду (пушекъ), а они русскіе люди и черкасы стояли у города у Смоленска. И слышали отъ литовскихъ людей, какъ король ставился въ боярскому острогу, и государевы люди выходили на вылазку и литовскихъ и вѣмецкихъ людей пѣшихъ побилъ много, а убито-де пѣшихъ людей съ треть, а иные говорятъ что вполн; да слышали они отъ литовскихъ же людей, что идутъ къ королю пѣшихъ цесарскихъ вѣмецъ 20 тыс. человекъ да черкасъ 10.000 чел., а подливно ль вѣицы и черкасы идутъ, того она не вѣдаютъ; а больше того прибыльныхъ людей нигдѣ не сказывали, да они жъ слышали что король хотѣлъ идти въ Польшу, а будетъ у короля сеймъ, а о чемъ будетъ сеймъ того не вѣдаютъ. Хлѣба запаснаго въ Смоленскъ никакого при нихъ отнюдь не вазивали да и на торгу мало хлѣба — съ московскій съ 2-дешевнич хлѣбъ купили въ 2 алтына; а пѣшіе люди зѣтва гайдуки и вѣицы ѣдятъ кобылятину. И били человекъ королю о заслуженныхъ грошэхъ и король имъ грошей не далъ, а говорилъ имъ чтобъ они подождали; а иныхъ никакихъ вѣстей не вѣдаютъ и не слышали. А литвинъ, котораго привели казаки, Иванко Матвѣевъ сказало новгородскаго повѣту: отецъ де его служилъ гетману Хаткѣвичу, а вѣицы за отцомъ его было въ волости въ Торцѣ, а онъ инѣ служилъ подъ Смоленскомъ у ротмистра у Буйницкаго на одинъ конь и на Чату пошелъ съ черкасы и съ русскими казаки и на станѣхъ ставился съ есауломъ съ Андрюшкомъ Сазаномъ вмѣстѣ; и какъ тотъ есаулъ и казаки въ Сергѣйскомъ уѣздѣ въ деревнѣ товарищей его 2 чел. убили а его связали и въ иныхъ избахъ казаки побили черкасъ съ 30 чел.; и какъ черкасы учали быть тѣмъ казакомъ сильныи и казаки разбѣжались и его покинули связана и онъ развязался ушелъ въ гумно и хотѣлъ идти на государево имя и его нашли казаки жъ Левка Галиченинъ да Аеоныка Борисовъ да Мака Васильевъ и связавъ привели въ Серпѣвскъ, а вѣстей никакихъ не вѣдаютъ*.

Всѣ эти казаки были посажены въ тюрьму и надъ ними началось слѣдствіе. Отвѣты казаковъ тоже даютъ любопытную картину быта того времени:

„Роспрошиваны явцкіе казаки про жены и про дѣти и что у кого есть ружья. У атамана у Ивашка Семенова Черноарца жена Катеринка Григорьева дочь, въ Темниковѣ въ Красной слободѣ, да у него жъ пицаль да саадакъ.

У есаула у Андрюшки Ѳедорова Сазана жены нѣтъ да онъ же сказалъ что розрядной подъячій Томило Васильевъ взялъ у него лошадь да у него жъ у Андрюшки саадакъ да 2 сабли.

У казаковъ: у Андрюшки Иванова Ростегая жена Ульянка Сергѣева дочь, сидятъ тутъ же въ тюрьмѣ, а посажена изъ разбойнаго приказы, а въ ка-

комъ дѣлѣ того не вѣруетъ, а овъ Гришка жилъ въ Шацкомъ въ казачьей слободѣ въ казакахъ, и тое-де жену его безъ него отдалъ во дворъ шатчанину сыну боярскому Ѳедору Андрееву сыну Губкову дядя жены его, потому что тотъ дядя его живетъ во врестлянѣхъ за тѣмъ Ѳедоромъ Губковымъ, а Ѳедоръ-де Губковъ нинѣ сидитъ на Москвѣ въ тюрьмѣ, въ черной палатѣ, а сынъ его Гришкянъ 5 лѣтъ ннѣ въ Шацкомъ уездѣ въ Ѳедоровѣ помѣстьѣ Губкова, въ деревнѣ въ Обуховѣ, а ружья у себя не сказалъ.—У Степанна Ѳедорова жена Татьяна Сидорова дочь, на Москвѣ, въ Гавриловѣ приказѣ Воинна, у слободчика, у Дороейка Васильева а ружья у себя не сказады. У Гаврилла Яковлева Казанца жена Марейца Иванова дочь, на Саратовѣ а ружья у себя не сказалъ. У Петрушки у Дементьева Сѣдово жена Марина Иванова дочь, во дворѣ у Надѣи Свѣтешникова да 2 дѣтей—сынъ Бузка 5 л., а другой Аргюшка 3 л., а у Надѣи де Свѣтешникова овъ Гришка и жена его кабальные; а какъ сбѣжалъ отъ Надѣи съ Москвы тому 3-й годъ и былъ въ Астарахани, а изъ Астарахани пошелъ было въ Казань и на дорожѣ присталъ къ яицкимъ казакамъ въ тѣ поры какъ яицкіе казаки шли съ Яика ко государю къ Москвѣ, а ружья у себя не сказалъ. У Левки Дмитриева Галиченева, у Аеоныи Борисова, у Логвиика Корнилова, у Фотѣйка Андреева, у Ивашка Автонова, у Левки Тихошеева Головачева, у Павлика Иванова женѣ вѣтъ, а ружья у себя сказали по пицали. У Нифонтеа Микитина Заборовскаго, у Потапка Ѳедорова, у Якушка Ѳедорова Устюжанена жевѣ вѣтъ, а ружья у себя сказали по пицали да по саблѣ. У Ивашка Иванова Чернякова жены вѣтъ а ружья у себя сказалъ пицаль да карабинъ, у Микифорка Ѳедотова, у Аеоныи Антипина жевѣ вѣтъ, а ружья у себя сказали по саблѣ, у Ивашка Григорьева Комаречиняна, у Сеньки Микитяна Татарина, у Демки Васильева у Ивашка Игнатьева, у Симонка Аоанасьева, у Алфиика Сидорова Болдыренка, у Клиика Тарасова, у Левки Кириллова Василевца, у *донскаю казика* у Лучки Кондратьева, у Проньки Ѳедосѣева Поляка женѣ и ружья никакого у себя не сказали, а ружье-де все взято у нихъ въ Разрядѣ. Да тѣ жъ яицкіе казаки сказали что ихъ же товарищъ яицкой казакъ Гришка Семеновъ вышелъ изъ-за рубежа послѣ ихъ и пришелъ ихъ въ тюрьму навѣщать, и они того казака отъ себя не отпустили, потому что овъ съ ними жъ изъ-подъ Смоленска въ Литву отъѣзжалъ и держать въ тюрьмѣ съ собою жъ, а жена у него въ Темниковѣ въ Красной слободѣ.

На оборотѣ: По сей росписки взялъ Василій Яковлевъ 13 пицалей да 2 саадака да 5 сабелей да съ мелкою ружлядыю мѣшокъ а въ вемъ кафтанашко зазоревъ ветчанъ да рубашка" 1).

Чѣмъ кончилось ихъ дѣло, выпущены ли они были на свободу или суждено имъ было сидѣть въ бѣло-ваменной тюрьмѣ, неизвѣстно—указавіи по этому не найдено.

1) Москов. Архив. Министр. Юстиц., Москов. столъ, столб. 100, листы 621—623.

ГЛАВА X.

Появленіе калмыковъ на Яикѣ. Разбои казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Доносъ Полѣнова. Постройка на устьѣ Яика города Гурьева. (1634—1645).

Въ то время какъ казаки заслужили свои вѣны подъ Смоленскомъ, на Яикѣ совершалось событіе, имѣвшее громадное значеніе для яицкихъ казаковъ. Кочевавшіе далеко за Аральскимъ моремъ, у границъ Китая, часть калмыцкой орды (Зюнгорь) подъ начальствомъ двухъ владѣльцевъ *Лоузама* и *Елдема* около 1620 г. двинулись на западъ и заняли своими кочевьями вершины рѣкъ Ишима, Тобола и Эбю; въ слѣдующіе годы они постепенно подвигались на западъ, заняли теченіе р. Ори, а въ 1630 г. все низовье рѣки Яика, подчинили себѣ татары, кочевавшихъ за Яикомъ и, перейдя приблизительно въ 1636 г. Яикъ, покорили татаръ, жившихъ въ числѣ 40 тысячъ кибитокъ въ степи между Яикомъ и Волгою и стали кочевать на ихъ мѣстахъ¹⁾. Такимъ образомъ яицкій казачій городокъ оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ новою воинственною и враждебною ордою и окончательно отрѣзаннымъ отъ Руси. Пройхать въ Русь одиночнымъ людямъ или малочисленнымъ отрядамъ не представлялось уже возможнымъ. Новыя сосѣди казаковъ были такія-же кочевья, востушскія, джикія и воинственныя орды, какъ и татары и считали войну и набѣги дѣломъ обычнымъ.

Управлялись калмыки своимъ *ханомъ*, каждый родъ ихъ или улусъ управлялся *найономъ* или княземъ (въ русскихъ актахъ того времени они назывались „*владѣльцами*“). Улусы въ свою очередь разбивались на *аймаки* и управлялись *зайсамами*, каждый аймакъ дѣлился для паствы скота на особныя группы или *хатуны* изъ 10 или 12 кибитокъ, составлявшихъ самое меньшее административное дѣленіе, т. е. слово хатунь означало котель, въ давномъ случаѣ являлось выраженіемъ общества, варившаго себѣ пищу въ одномъ котлѣ. Найонъ получалъ ежегодно отъ своихъ подданныхъ десятую часть отъ всего скота и имѣлъ власть подвергать за преступленія различнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а также отрубать руку, рѣзать уши, носъ и проч., только не имѣлъ права казнить. Послѣ смерти найона дѣти его дѣлили улусъ между собою; власть хана также была наследственная. При ханѣ состояли князья и совѣтники *тайши*; предводителя аймана или отдѣльной толпы назывались *дайчимъ*. Судьи назывались *аряси*, секретарь хана или

¹⁾ Ричковъ. Топогр. Оренб. губ., стр. 88 и Макинѣвъ, Истор. обзоръ Туркестана, стр. 30.

зайсанта — *найречи*. Особые доверенные, посылаемые от одного улуса къ другому или въ русскіе города по дѣламъ, назывались *дарана* или *дарта*.

Все богатство калмыкъ заключалось въ скотѣ, поэтому цѣлое лѣто они кочевали по степямъ отъ одного пастбища къ другому. Взрощенія они были ламейскаго.

Прибывъ на Янкъ, они возобновили свои старинные законы, для чего съѣхались къ уваламъ Уральскихъ горъ (на Общемъ Сырту), гдѣ дали клятву строго исполнять эти законы. Въ этихъ законахъ были установлены самыя строгія наказанія за слѣдующія преступленія¹⁾: за разбой, убійства, воровство, приемъ бѣглыхъ, безчестье духовнымъ и чиновникамъ, за то если кто либо не пуститъ къ себѣ проѣзжаго ночевать (бездѣтная вдова должна непремѣнно пустить къ себѣ молодого проѣзжаго), за непочитаніе родителей и учителей, за поджогъ, за насиліе женщѣвъ и за поцѣлуй чужой жены (тому публично давался шельчокъ по одному члену). У тѣхъ, кто трусилъ въ битвѣ, отбирались всѣ военные доспѣхи и украшения и штрафовали большою цѣною; тѣмъ же, кто оказывалъ храбрость и защищалъ отъ непріятельскаго удара своего товарища, награждали конемъ и оружіемъ.

Палась, бывшій среди калмыкъ въ 1769 г., описывая ихъ костюмы, нравы и обычаи говорить объ нихъ слѣдующее²⁾:

„Тягчайшее тѣлесное и въ лишеніи пожитковъ состоящее наказаніе положено за воровство. Кромя платежа за украденную вещь и положенной придачи изъ скота, еще предписано вору за кражу малыхъ вещей изъ посуды или платья отрубить палець у руки, если оный не похочетъ откупиться пятаю лошадыми или быками, да и за кражу иголь и нитокъ положено наказаніе.

При семъ случаѣ должно еще упомянуть о судебной и обыкновенной клятвѣ у калмыковъ. Простая клятва въ томъ состоитъ, что они цѣлуютъ дуло у ружья, а если сего нѣтъ, то прикасаются языкомъ къ стрѣлѣ и острому концою представляютъ къ головь. Въ важныхъ дѣлахъ даютъ клятву слѣдующимъ образомъ: взявъ топоръ или какую нибудь желѣзную вещь, раскалываютъ, и виноватый принужденъ нѣсколько сажень вести оную на концахъ пальцевъ для оправданія себя въ томъ, въ чемъ его увѣряютъ.

Калмыцкое оружіе состоитъ по большей части въ коняхъ, стрѣлахъ и лукахъ, сдѣланныхъ изъ дерева, а особливо изъ ясени или еще изъ рога, которые за лучшіе и потому драгоценные почитаются. Стрѣлы употребляютъ они разнаго вида, а именно: короткія, деревянныя съ шишкою на концѣ, ксики бьютъ стигъ и зѣрковъ; еще легкія стрѣлы съ узкимъ желѣзнымъ копейцомъ, также съ малымъ, на долотце похожимъ, а большія военныя стрѣлы съ большимъ остроконечнымъ копейцомъ. Всѣ такія стрѣлы опушиваютъ они орлиными перьями, которыя берутъ только изъ хвоста: ибо перья изъ

¹⁾ Равнинскій. Хозяйств. опис. Казнал. и Астр. губ. 1809 г., стр. 177. Равнинскій относитъ изобрѣтеніе калмыцкими старыми законами къ 1640 г.

²⁾ Палась. Пут. по разн. пров. Рос., изд. 1809 г., стр. 455—490.

крыльевъ къ тому не способны, по той причинѣ, что опушенныя ими стрѣлы косо летаютъ. Разныя стрѣлы кладутся въ особлыя перегородки въ калчакѣ, привязанномъ по правую сторону сѣдла, а лукъ виситъ въ сумкѣ по лѣвую сторону. Зажитонныя калмыки охотѣе употребляютъ огнестрѣльное оружіе. Каждый вооруженный калмыкъ имѣетъ кольчугу, которая достаютъ они по большей части отъ торгующихъ тухменцевъ. Я видѣлъ у нихъ кольчуги персидской работы, которая цѣнили съ славкомъ въ 40 лошадей, и сдѣланы изъ полированной стали. Но есть и простыя кольчуги, кои вышиваются они на шесть и на восемь лошадей. Совершенное ополченіе состоитъ изъ круглаго шшака, отъ котораго вокругъ шеи до самыхъ плечъ, а спереди до бровей виситъ желѣзная сѣтка, такъ-же состоитъ изъ кольчугъ съ рукавами, простирающимися до самой кисти, а сію снаружи покрываетъ особлявой кольчужной доскутѣ съ врючками, которые кладутся между пальцами. Нанослѣдокъ наружная сторона руки отъ локтя до кисти прикрывается двумя стальными бляхами, которые застегиваютъ плотно посредствомъ пряжекъ, и служатъ къ удерживанію удара въ сраженіяхъ¹⁾.

Таковы были новыя сосѣди лицехъ казаковъ, съ которыми имъ пришлось жить рядомъ ровно полтораста лѣтъ.

Съ этихъ поръ у казаковъ начинается съ калмыками рядъ стычекъ: казави то ведутъ съ ними войну, то заключаютъ миръ.

О первыхъ столкновеніяхъ казаковъ съ калмыками свидѣній не имѣется и лишь только въ 1680-хъ годахъ видно, что у казаковъ была съ ними война, послѣ которой было и „замиренье“ (хвѣръ).

Вернувшись казаки изъ подъ Смоленска и снова взялись за свои промыслы. Настаетъ весна, разобьютъ свои ледяныя обочы Яикъ и раздѣлятся войско на двѣ части. Олая „казаки-охотнички“ ѣдутъ на промыслы на Хвалынское море и на Волгу, другіе остаются на Яикѣ и идутъ всѣмъ войскомъ на северную плавню. Изъ каждаго десятка рыболовы выбираютъ по одному казаку для сторожевой станицы—*ертаула* и изъ каждаго двухъ десятковъ по одному *кошевому*¹⁾; ѣдутъ ертаульные съ ертаульнымъ атаманомъ „конны и оружанъ“ по обѣимъ сторонамъ рѣки и на бухарской и на степной сторонѣ, сторожатъ они, чтобы не застали въ раскломъ рыболововъ хищныя калмыки и татары. Рядомъ съ войскомъ по Самарской сторонѣ движется обозъ, ведутъ его кошевые, охраняютъ его тѣ же ертаульные. Приѣдетъ обозъ на *кош*²⁾—засутятся кошевые: приказываютъ выпрягать лошадей, разставлять

1) Кошевые—казаки, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за порядкомъ на кошѣ. Этотъ порядокъ рыболовства и также и съюзеренія (съ ертаульными и кошевными) продолжался до начала 1800 годовъ, что видно изъ дѣлъ Войск. Арх. III р. По хронолог. Указ. № 219 (1738—1800), листы 149—162 и 230—243. Въ то время казанскія сторожевой станицѣ и кошевые получали наемку отъ 20 до 25 руб.

2) Кошъ—станія; изъ нѣкотор. документ. Войск. арх. можно заключить, что два десятка казаковъ, имѣвшіе одного кошевого, составляли отдѣльную административную станицу, называвшуюся тоже кошомъ. (Войск. Арх. Опрѣдѣленія Войск. Канц. за 1804—10 г.г.)

кошары ¹⁾ и ждут плавенное войско. А ертаульные казаки уже стоят далеко от обоза въ степи... стоят они тамъ отдѣльными отъязжими караулами ²⁾, ведутъ разъезды. Наставеть ночь и прислушиваются чутанки ухомъ сторожевые казаки въ ночной тишинѣ, не крадется-ли гдѣ врагъ, не слышно ли гдѣ конскаго топота, басурманскаго говора.

Тихо въ это время въ Яицкомъ городѣ, остаются тамъ только старше да малые, жены да дѣти. Сторожатъ ихъ *домосѣдная команда*. Выставляютъ она, кругомъ по городскому валу сторожевыхъ казаковъ, а въ степи далеко и на Самарской и на Бухарской сторонѣ ставятъ по воровскимъ калмыцкимъ и татарскимъ перелазамъ на обычныхъ мѣстахъ *притины* (заставы) ³⁾. Наловятъ казаки севрюгъ и тѣмъ-же порядкомъ ѣдутъ обратно. Приѣдутъ и потянется длинный обозъ на Сызрань и Самару. Придетъ время покоса—опять всѣмъ войскомъ ѣдутъ они на степь, на луга... опять съ ними идетъ сторожевая станица—ертаульные казаки и кошевые.

Придетъ осень, собираются казаки на осеннюю плавню и опять таже охрана, тѣже кошевые при обозѣ. Вернутся, а тамъ ужъ скоро зима а багренье... и снова съ раннею весною тянется казачій обозъ на Волгу „въ Русь“ ⁴⁾.

Другая часть войска, охотничьи-промышленники, все лѣто гуляютъ по санену морю Хвалынскому, по матушѣ Волгѣ. Скрываются они на сивей морской глади, на своихъ любимыхъ островахъ Камыняномъ и Пѣшномъ ждутъ себѣ добычи. Плохо приходилось торговымъ судамъ. Не было имъ проходу отъ воровскихъ казаковъ. На Волгѣ, по свидѣтельству путешественника Оленя, въ 1636 году яицкіе казаки разграбили у Чернаго яра громадный караванъ судовъ и ушли на Каспійское море, гдѣ и загуляли.

Изъ донесенія воронежскаго воеводы князя *Козловскаго*, написаннаго со словъ яицкаго есаула Ивана Яковлева *Польнова* ⁵⁾ видно, что яицкіе казаки въ 1636 году, на пятой недѣлѣ великаго поста, человекъ съ пятьсотъ или больше „ходили въ походъ въ судѣхъ Хвалынскимъ моремъ погромомъ на Казылбашскаго (персидскаго) шаха на городъ Фарабось и городъ Фарабось взяли ⁶⁾, а овъ Иванъ Польновъ въ тѣ поры у яицкихъ казаковъ былъ есауломъ, и погромивъ тотъ городъ пошла назадъ Хвалынскимъ моремъ и пригребла въ рѣку Яицъ“.

1) Кошаръ—временное жилище, обычно конусообразный, покрытый парусинами или конями палашъ.

2) Отъязжій караулъ тоже, что и застава, но подвижная, мѣняющая мѣсто.

3) Притины—постоянные всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ сторожевыя заставы (посты). Вслѣдствіи притинъ стали называться ияицетми.

4) Жившие въ Кирсановской станицѣ казаки производили ловлю въблизи своей станицы и, какъ пишетъ Палласъ по преданію яицкихъ казаковъ, гранью рыбныкъ довелъ и настояще для скота между казанами, жившими въ Яицкомъ городѣ и въ Кирсановѣ, служила р. Рубежная, почему она и получила свое названіе. (Палласъ, часть 3, т. 2, стр. 90—91) (11).

5) Русская Истор. библиот., т. XVIII, Донскія дѣла № 1, стр. 549—552. Донесеніе Воронеж. воевод князя Козловскаго о грабствѣхъ яицк. хан. на морѣ и Волгѣ.

6) У Оленя этотъ городъ названъ Рештъ (Жуковскія, Краткій обзоръ достопримѣч. соб. Оренб. края, 1822 г., стр. 64).

Здѣсь казаки встрѣтили волжскихъ казаковъ, атамана Ивана Самару и съ нимъ семьдесятъ человекъ. Встрѣтились удальцы и пошли разспросы.

И тотъ атаманъ Иванъ Самара сказывалъ имъ, что плыть въ Казылбаскую землю рекою Волгою Немецкой корабль съ товаромъ и стали казаки въ кругъ думу думать, стала они „домышляться чтобъ его погромить“.

А онъ Иванъ Полѣвовъ говорилъ въ кругу „самъ другъ съ атаманомъ яцкиимъ казакомъ, что бѣ того корабля не громить и государевы опалы на себя тѣмъ не навести и Нѣмецкому кораблю съ государемъ смуты не учинить“.

Но не поиравились эти рѣчи казакамъ охотничкамъ. „И въ томъ кругу всѣмъ войскомъ на него Ивана зашумѣли“:

„Въ томъ Государевы воли—закричали казаки—за то по государеву указу вѣшаютъ насъ, не жалѣютъ повсѣмъ по низовымъ городамъ!“.

И придумали казаки въ кругу „всѣмъ войскомъ яцкиимъ“ этотъ нѣмецкій корабль погромить, дождавшись его на Хвалынскомъ морѣ. Взять-же они его придумали на ходу „какъ оль парусомъ побѣжить по веснѣ въ 145 (1637) году, а напередъ того корабля придумали громить Государевы бусы по той же веснѣ, которые бусы пойдутъ съ Терека въ Астрахань, а изъ Астрахани на Терекъ съ государевымъ запасомъ и съ ратными людьми; и тѣми бусами тотъ корабль на ходу погромить“.

Сказано—сдѣлано. Разгромить государевы бусы для казаковъ было легко—бусы эти шли обычной дорогою и въ обычное зрѣмя. Искать ихъ не приходилось. Нужно было узнать, гдѣ находится нѣмецкій корабль.

И вотъ для развѣдки о нѣмецкомъ кораблѣ, чтобъ его „снѣчать“, казаки послали Полѣнова и съ нимъ сорокъ человекъ казаковъ степью. Шли удалые молодцы ровно три недѣли и увидѣли этотъ корабль „выше Самары, пониже Тегушъ“. Встрѣтилось имъ по дорогѣ судно „казавца посадскаго человека Спирива прикащика“; можно ли иройдти мимо!—разгромили они это судно и захватили на немъ четырехъ человекъ „арыжныхъ“¹⁾, которые „про тотъ корабль сказывали имъ, что на томъ кораблѣ только сорокъ человекъ боевыхъ людей Немецъ, окривъ торговыхъ людей. Да тѣ-жъ арыжные сказывали имъ, что плыть за тѣмъ кораблемъ и иные многие Немцы съ товаромъ торговать за моря въ Казылбаскую землю“.

Получивъ эти свѣдѣнія, Полѣвовъ съ товарищи вернулись обратно на Яикъ. Добрые вѣсти сдѣлали свое дѣло. Казаки стали собираться, чтобъ разгромить „Нѣмецъ“ и не выпустить добычу изъ рукъ. Застучали весла и на помощь къ морскимъ товарищамъ поплыли съ Яика двѣнадцать лодокъ.

„И тѣ государь, яцкіе казаки, писалъ воронежскій воевода, тѣхъ нѣмецъ приговорили громить и вынѣ, государь, для того занимало на Хвалынскомъ морѣ девять струговъ яцкиихъ казаковъ, а въ стругу по шестидесять (60) и по семидесять человекъ да двенадцать лодокъ выгребли изъ Яику на Хвалынское-жъ море къ тѣмъ же казакомъ, а въ лотке по двадцати человекъ для

¹⁾ Арыжные—работе на судахъ.

твоихъ государевыхъ Терскихъ и Астраханскихъ бусь и Немецкихъ кораблей“.

Въ общемъ собралось приянцкихъ добрыхъ молодцевъ въ море около 900 человекъ. Но мало показалось имъ этой силы. Рѣшили они послать вѣсть на Довь, чтобы шли казаки охотнички къ нимъ въ товарищество. Послали они за этимъ на Довь того же Полѣнова въ день Покрова Пресвятой Богородицы, а съ нимъ янцкихъ казаковъ Алексѣя *Степанова* да Алексѣя *Наумова* съ товарищи пятьдесятъ трехъ человекъ.

Приѣхали казаки на Довь „о Дмитріевской субботѣ (въ 1637 г.)“, и разсмѣались по довскимъ городкамъ „въ Маначъ, и въ Голубне, и во всѣ казачьи городки и стали ото всего Янцкаго войска называть втайнѣ изъ тѣхъ донскихъ казачьихъ городковъ запорожскихъ черкасъ и донскихъ казаковъ на Хвалынское море громить Государевы бусы Терскіе и Астраханскіе и немецкіе корабли“.

Развезли кличъ приянцкихъ орловъ по всему Дону, и стали собираться „Запороскіе черкасы и Довскіе казаки въ верхіе казачьи городки къ Пяти Избамъ, и къ Чару, и въ Голубне, и въ Стрѣльчіе, и въ Пашино“... чтобы „собраться идти имъ на Волгу и на Хвалынское море для того что имъ по вышней вѣсѣ громить Государевы бусы Терскіе, и Астраханскіе и Немецкіе корабли“...

Въ заключеніи воевода пишетъ: „А онъ есаулъ Иванъ Полѣновъ, помянутое государево крестное целованье, идти съ ними не похотѣлъ твоихъ Государевыхъ бусъ Терскихъ, и Астраханскихъ, и Немецкихъ кораблей громить“...

Какъ видно, лхой есаулъ задумалъ выслужиться и, выѣхавъ съ Дону въ Воронежъ, явился тамъ къ воеводѣ и выдалъ головою и своихъ товарищей и все войско.

Получивъ отъ Полѣнова всѣ эти свѣдѣнія, князь Козловскій послалъ объ этомъ донесеніе въ Москву и туда же въ посольскій приказъ направилъ и Полѣнова.

Полѣновъ былъ типичнымъ представителемъ тогдашней „бродячей Руси“. Натура энергичная, беззаконная, неуживчивая. Гдѣ только не побывалъ Полѣновъ? Что это былъ за бродяга—видно изъ его челобитной, поданной имъ въ Москвѣ 27 марта того-же года ¹⁾:

... „Служилъ я, холопъ твой, тебѣ Государю—пишетъ Полѣновъ—прежъ сего злѣсь на Москвѣ, твою государеву службу казачью; а какъ у тебя, праведнова государя, учинилась съ Литовскимъ королемъ мирное поставленье и была розмена на рубеже (1618 г.), какъ признали на розмене, блаженные памяти отца твоего государя, великаго государя святѣйшого патриарха Филарета Накитича Московскаго і всея Руси, и я, холопъ твой, на томъ розмене былъ, а какъ съ тоѣ розмены пришли къ Москвѣ, и меня, холопа твоего, похолопилъ твой государевъ бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ; и я, хо-

¹⁾ Русская Истор. библіотека т. XVIII, Донскія дѣла, № 2. 1637 г. марта 27. Челобитная янцкаго казака есаула Ивана Полѣнова объ освобожденіи его за службу изъ холопства боярина Морозова.

лопъ твой, не хотя быть въ боярскомъ дворе и похотѣлъ служить тебѣ, государю, попрежнему, отъ боярина отъ Василья Петровича спелъ на вѣзъ и служилъ тебѣ, государю, въ твоѣй государевой вотчинѣ на Теркахъ, въ конныхъ стрельцахъ восемь лѣтъ, а былъ въ пятидесятичашкахъ стрелецкихъ. И по твоему государеву указу, въ тѣ поры приславъ былъ на Терки и съ Посольскаго приказу толмачъ Айгилда Витюковъ съ твоими государевыми дѣломъ, а велено тово толмача Айгилду проводить съ Терекъ въ Кизылбашу. И по твоему государеву указу, съ Терекъ твой государевъ воевода князь Юръ Дмитръевичъ Хваростининъ послалъ того толмача Айгилду провожать до Кизылбашъ сотника конныхъ стрельцовъ Степана Агабалова да насъ, холопей твоихъ, десять человекъ конныхъ стрельцовъ. И какъ мы, холопи твои, того толмача проводили въ Кизылбаскую землю, и поѣхали изъ Кизылбаской земли опять на Терки, и поѣхавъ Дербень противъ Усмей Койдацкова князя, и тотъ Усмей выѣхалъ изъ горъ съ узденями своими, и насъ, холопей твоихъ, поималъ за смертныи боемъ въ половъ къ себѣ въ горы; и сидели мы, холопи твои, у него, Усмея подъ полатаю въ чепяхъ і въ железе шеснадцать нелѣтъ, животь свой мучили за тебя, праведнова государя. И объ насъ, холопей твоихъ, прислалъ къ тому Усмею изъ Кизылбаски земли изъ Дербени шаховъ воевода Уметъ Султанъ; для де ты чѣво, праведнова Московскаго царя людей поималъ за провозатыми шаховыми? И онъ, Усмей, сказалъ: за то де я государевыхъ людей Терскихъ стрельцовъ поималъ въ половъ, што де они у меня побили узденей моихъ, луччехъ людей. И по многимъ, государь, присылкамъ шахова Дербенскаго воеводи, тотъ Усмей насъ отпустилъ въ Дербень, а изъ Дербени, государь, воевода насъ, холопей твоихъ, отпустилъ съ Терскими стрельцами, которые провожали твоихъ государевыхъ кречениковъ въ Кизылбашу съ твоими государевыми кречети съ послами, съ княземъ Григорьемъ Тюеякинымъ съ товарищи. И та, государь, моя Кизылбаская службишка и полонское теренье извесно въ Посольскомъ приказе; и твоѣ царское денежное жалованье мнѣ, холопу твоему, съ товарищи, за изровъ по пяти рублевъ дано. І какъ я, холопъ твой изъ Дербени приѣхали на Терки, и меня съ Терки твой государевъ воевода князь Иванъ Одрѣевичъ Дашковъ прислалъ къ тебѣ, государю, въ Москвѣ съ твоими государевыми дѣлами въ приказъ казанскаго Дворца. И за тоѣ службишку, я, холопъ твой, и за выѣздъ твоимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ пожалованъ и сукно взялъ, и у тебя, праведнова государя, у руки былъ. И по твоему государеву указу, съ Москвы былъ отпущенъ на Терекъ, и подорожная и прогоны мнѣ были даны. И твой государевъ бояринъ Василей Петровичъ Морозовъ, не спустя меня съ Москвы, безъ твоего государева указу, по той старой кабале похолопилъ сильно, потому что та кабала на меня, взата на мя боярина Ивана Васильевича Морозова. И я, холопъ твой, отъ боярина Ивана Васильевича шолъ на Енкъ, а въ твою государеву вотчину на Терки яти не посмелъ, потому што, сведавъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ меня съ

Терекъ велить взять къ себѣ. А ныне я, холодъ твой, помня твое государено прежнее крестное целованья какъ служилъ на Теркахъ приѣхалъ къ тебѣ, праведному государю, съ Еяка съ твоими государевыми тайными дѣломъ въ Посольской приказъ. А которне, государь, моя братья, боярские люди, прещъ всего съ Еяку, и съ Терекъ, и и з Дону приехали къ тебѣ, государю, съ твоими государевыми дѣлы, и тѣ боярские люди отъ бояръ за такие службы не холоптава свободены на волю и служатъ тебѣ, государю, въ разныхъ чинахъ. Милосердный государь, царь і великій! Князь Махавло Оударовичъ всеа Русси, пожалуй меня, холопа своего, за мое прежнее службшка и за нынешнее, и за полонское терпенья, вела, государь, меня отъ бегрина, Ивана Васильевича Морозова не холоптава освободить, чтобъ я, холодъ твой, служа въ невольѣ, въ конецъ не погябъ, и твоей царской службы ваяредь не отбилъ. Царь государь смиауйся" ¹⁾.

Изъ этой челобитной между прочимъ видно, что главною цѣлью довося его на яццкихъ казаковъ было желаніе освободиться изъ холоптава боярина Морозова, что въ Москвѣ и практиковалось для поощренія довосчикова, объ чемъ, видимо, онъ былъ хорошо освѣдомленъ.

И дѣйствительно, по его челобитью „Государь... яццкаго ясаула Ивана Полѣнова пожаловалъ, велѣлъ ему дать своего государева жалованья за яходъ и за вѣсти семь рублей да сукно доброе... и (приказалъ) служить ему въ Москвѣ въ казакахъ Круговаго станицы. А государева жалованья по денваго корну давать ему велѣно по 10 деневъ на день" ²⁾.

Такимъ образомъ Полѣновъ достигъ своего — былъ освобожденъ изъ холоптава и назначенъ на службу въ Москву съ донскими казаками. Но и тутъ Полѣновъ не ужился. Прибывшій съ Дону со станицею станичный атаманъ Иванъ Каторжний съ товарищи въ 1640 году подали въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ на Полѣнова жалобу ³⁾:

„Живеть де на Москвѣ и называется донскимъ казакомъ Ивашкомъ, зовутъ, Полѣновъ и ихъ оглашаетъ всякамъ дурношъ". Просили казаки ихъ пожаловать: — „велѣтъ того Ивашка сысбать, для чего онъ донскимъ казакомъ называется"?

Полѣнова сыскали и навели о немъ справки. Чѣмъ кончалось это дѣло — неизвѣстно. Не имѣется свѣдѣній также и о томъ, — удалось ли послѣ довося Полѣнова яццкимъ, запорожскимъ и донскимъ казакамъ погромить яццкые корабли.

¹⁾ Помѣтка на оборотѣ челобит.: „Выписати въ докладъ: нимъ такимъ свобода отъ холоптава боярскова давана ли; и будеть давана, и гдѣ имъ і въ какихъ людехъ быти велено“.

²⁾ Русская Истор. Библіот. т. XVIII, Донскія дѣла, № 7. 1639 г. декабря 28. Ответная память въ разрядѣ думному дяку Ивану Гавреву и дяку Григорію Ларіонову со свѣдѣніями по дѣлу о челобитии казака Ивана Полѣнова на боярина Ивана Васильевича Морозова.

³⁾ Русская Истор. Библіот. т. XVIII, Донскія дѣла, № 10. 1640 г. февраля 24. Распространенъ рѣши казака Ивана Полѣнова по челобитію атамана Ивана Каторжнаго и казаковъ его станицы за оглашеніе дурныхъ вѣстей про донскихъ казаковъ въ Москвѣ.

Но всякомъ случаѣ разгромъ яицкими казаками каравана на Волгѣ и города Фарабата въ Персіи, а также и доносъ Полѣнова не могли остаться безслѣдно. Въ февралѣ 1637 года въ Москву явились *пріѣхавшіе съ Яика съ отписками* два донскихъ казака: атаманъ Нефедъ Осиповъ и есаулъ Фодоръ Трифоновъ. Что это были за отписки и зачѣмъ были посланы донцы на Яикъ — неизвѣстно, можно лишь предположить, что эта посылка была вызвана грабежами яицкихъ казаковъ и донцы возили къ нимъ царскія грамоты. Донцамъ было дано за пріѣздъ 8 аршинъ камки адаманши лазоревой мелкотравной по 30 алтынъ аршинъ, 2 портища сукна лундышу тмовишняеваго по полу 2 рубли аршинъ, 2 портища сукна аглинскаго тмоснего по рублю аршинъ¹⁾.

Другихъ мѣръ относительно казаковъ, кромѣ уговора, тогда Москва не предпринимала. Донцы-же въ этомъ году, соединившись съ запорожцами, взяли турецкую твердыню на устьѣ Дона городъ Азовъ (1637 г. 19 іюня), итшавшій имъ выходить съ Дона на Черное море.

Трудно было тогда московскому правительству бороться съ казаками. Послать рать на Яикъ за дальностію разстоянія было опасно; эта рать встрѣтила бы на пути пустынные заволжскія степи, и, кромѣ того, ей пришлось-бы прокладывать себѣ дорогу среди многочисленныхъ и воинственныхъ калмыцкихъ ордъ, тогда еще непризнававшихъ надъ собою ни чьей власти, и занимавшихся исключительно грабежами русскихъ селъ и башкиръ. Они были тогда настолько сильны, что не только нападали на села, но въ 1639 г. осадили городъ Самару²⁾. Калмыки, кочевавшіе по рѣкамъ: Торгуну, Еруслану и Узенямъ, задумали тогда пробраться для грабежа въ камско-волжскіе предѣлы и, встрѣтивъ на пути г. Самару, окружили ее въ числѣ 10 тысячъ человекъ. Самарскій воевода рѣшилъ защищаться и послалъ за помощью въ Казань. Не смотря на свою многочисленность, калмыки, вооруженные только стрѣлами, не были въ состояніи штурмовать городъ и потому держали его въ крѣпкой осадѣ. Когда же изъ Казани прибыла на судахъ нѣхота и сухопутьемъ конница, калмыки были окружены и потеряли поражение. Разбитые они бросались влѣвъ черезъ Самару, но спастись удалось немногимъ.

Въ 1640 г. яицкіе казаки, гулявшіе по морю, были смущены появленіемъ на устьяхъ Яика астраханскихъ стрѣльцовъ съ гостемъ (кунцомъ) Гуріемъ. Прибыли стрѣльцы и гость Гурій съ рабочими и стали они строить городъ и сдѣлали учужную забойку (учугъ).

И на пустынномъ устьѣ Яика выросъ „Яикъ—каменный городокъ“³⁾. Объ основаніи этого городка, внослѣдствіи Яикъ-Гурьева городка (нынѣшняго Гурьева), Рычковъ³⁾ пишетъ со словъ яицкихъ казаковъ, что г. Гурьевъ былъ построенъ кунцомъ *Михаиломъ Гурьевымъ*, въ то время, когда еще

¹⁾ Москв. Арх. Мѣст. Импер. Дворъ и Оружейной палаты дѣло № 61, листъ 4.

²⁾ Россія, изд. Семенова, т. VI, стр. 421.

³⁾ Рычковъ. Топогр. Орен. губ., изд. 1887 г., стр. 250—251.

существовалъ Сарайчикъ и Янкомъ владѣли татары. Чтобы обмануть татаръ, Гурьевъ прибѣгалъ къ хитрости и во время постройки городка „все оное мѣсто съ той стороны, отколѣ татаръ спасались, задернуто было парусами, въ тотъ видъ, дабы они мнили, что то суда торговыя и рыболовныя стоятъ, а не крѣпость строить“, и что въ началѣ оны платили дань татарамъ, жившемъ въ Сарайчикѣ, пока не укрѣпиль городъ.

Но это преданіе не выдерживаетъ повѣрки съ историческими документами. Да и трудно было казакамъ въ то время (1759 г.) точно помнить годъ постройки городка на устьѣ Янка; перепутавъ время, казаки не забыли только фамилію перваго основателя этого городка и то, что ему пришлось откупаться отъ дикихъ шаекъ калмыкъ и татаръ, ночевавшихъ тогда въ близости устья Янка.

Въ то время, когда существовалъ еще Сарайчикъ, города Гурьева не было. Объ этомъ свидѣлствуетъ путешествіе англійскаго посланника въ Россіи Дженкинсова въ 1558 г., когда оны ѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ Астрахань, а оттуда моремъ въ Мангышлакъ; оны былъ тогда на устьѣ Янка и, упоминая о Сарайчикѣ и о князѣ Измаилѣ, въ слова не говоритъ о какомъ бы то ни было русскомъ городкѣ или селеніи на устьѣ Янка. Слѣдовательно тогда Гурьева городка не существовало. Въ книгѣ Большого чертежа также не упоминается ни о какомъ городкѣ на устьѣ Янка; по всему теченію его въ то время (около 1600 г.) былъ только одинъ казачій городокъ на Кошъ-Янкѣ (Голубой городокъ). Слѣдовательно и тогда Гурьева городка еще не было. Въ 1614 г., преслѣдуя Заруцкаго и Марину, стрѣлцкіе головы Пальчиковъ и Онучивъ также не видѣли на устьѣ Янка никакого городка. Если бы въ то время тамъ былъ русскій городъ или селеніе, то головы стрѣлцкіе всего вѣрнѣе могли бы узнать здѣсь о Маринѣ и Заруцкомъ, или по крайней мѣрѣ донесли бы, какія вѣсти ими тутъ получены, но вмѣсто того они должны были разсматривать слѣды Заруцкаго.

Единственнымъ указаніемъ о времени построенія Гурьева служитъ жалованная грамота, данная царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ въ 1679 г., декабря 4 дня, гостю Михаилу Гурьеву на освобожденіе его отъ разныхъ податей и повинностей, гдѣ сказано ¹⁾: „Да дядь же ево Михайловъ родной Гурій съ дѣтьми своими, а съ его (Михайла) дядьми съ Михайлой да съ Андреемъ да съ отцемъ его Иваномъ, радѣя намъ Великимъ Государемъ я ица нашей государевой казны во всемъ прибыли, въ прошломъ въ 148 (1640) году завели вновь и устроили за моремъ на рѣкѣ Янкѣ своими деньгами городъ каменной и для рыбной ловли *сдѣлали учугъ*; и въ то городовое строеніе и учужные заводы пожитки свои все истощали и одолжали, а въ строеніи тотъ каменный городъ сталъ имъ со всякимъ разореніемъ

289.942 руб. 4 алтына и 5 денег и взять тотъ городъ и со всёхъ учужныхъ промысловъ и съ заводами въ приказѣ Большого дворца; а въ нашу Великихъ Государей казну отъ того ихъ новаго завода Яицкаго учуга учинилось денежной казны въ откупъ и въ иеряныхъ промыслахъ и въ пошлинахъ во всёхъ городѣхъ многія прибыли и впредь та прибыль отъ того Яицкаго учуга въ нашу Великихъ Государей казну стала быть прочна*.

Въ то время, когда цѣны на всё продукты были до смѣшного малы, сумма въ 289 тысячъ рублей, затраченная Гуріемъ на постройку городка, является суммою колоссальной.

Конечно, казаки не могли быть довольны постройкою Гурьева, а также и учужною забойкой, мѣшавшей проходу рыбы вверхъ по Яику. Но замѣтивъ, что черезъ учугъ все-таки рыба проходитъ и въ довольно значительномъ количествѣ, казаки по примѣру гурьевскаго учуга построили точно такой-же учугъ вблизи верхней части своего городка, тотъ самый городской учугъ, который, мѣняя съ годами свое мѣсто, существуетъ до нашихъ дней.

Какъ видно изъ дальѣйшихъ актовъ, гость Гурій не сразу приступилъ къ постройкѣ каменнаго городка. Въ началѣ былъ построенъ *острогъ*, по типу обычныхъ русскихъ остроговъ, деревянный или земляной, укрѣпленный плетнями. Лишь въ 1645 г. сынъ Гурія, Михайлъ Гурьевъ рѣшился строить вмѣсто острога каменный городокъ, о чемъ и подалъ челобитную.

Но едва успѣлъ построиться этотъ новый городокъ (острогъ), какъ ему стала угрожать опасность со стороны донцовъ, задумавшихъ въ 1643 г. идти на Яикъ и срыть его до основанія.

Поводомъ къ этому послужило недовольство донцовъ тѣмъ, что въ найденной, послѣ убитаго на Дону посла Кантакузина, грамотѣ къ турецкому султану, донскіе казаки были названы московскимъ правительствомъ ворами. Казаки возмутились и донской атаманъ Иванъ Каторжный и другіе говорили въ кругу: „Всегда про насъ такъ пишутъ, называють ворами, а службъ нашей къ нимъ много. На Дону намъ не житье; подождемъ съ моря нашу братію, если они придуть всё по здорову, то мы еще на Дону поживемъ, а если съ моря придетъ немного людей, то намъ на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на другое мѣсто: на устьѣ Яицкомъ поставленъ городъ, мы этотъ городъ сроемъ, станемъ жить на Яикѣ и на море ходить!“¹⁾

Узнавши объ этомъ намѣреніи донцовъ, царь приказалъ астраханскому воеводѣ князю Борису Рѣвнину съ товарищи слѣдять за приходомъ ахъ на Яикъ и промыслать надъ нами воинскими людьми, а если въ городѣхъ на устьѣ Яика ратныхъ людей мало, то послать туда „сколько пригоже“.

Воеводы въ свою очередь въ 1644 г. 28 марта написали объ этомъ въ Яицкій городокъ (Гурьевъ) стрѣльцкому головѣ Ивану Юрьевичу Глѣбову, гдѣ, излагая событія на Дону, приказываютъ ему, по получеаніи грамоты, жить

1) Акты Ист. т. III, статья 293, стр. 475—478 и Соловьевъ, Ист. Рос. т. 9, стр. 312.
14**

въ Гурьевѣ въ великомъ береженьи и провѣдывать не появятся-ли Довские казаки, а если понятся то сколько и въ какихъ мѣстахъ и не захотятъ-ли они того городка, который построенъ на устьѣ Яика, взять и засѣсть въ немъ, и если людей въ городѣ мало то отнестъ въ Астрахань откуда ему вышлютъ ратныхъ людей въ прибавку „сколько пригоже“. Глѣбову назначалось городокъ Серечь и не дать его казакамъ¹⁾.

Но дощцы на Яикъ не пошли и городокъ съ 1646 года сталъ строиться каменнымъ. Изъ документовъ не видно, для чего Михаилъ Гурьевъ просилъ о построеніи каменнаго городка; но вѣтъ сомнѣнія, что главною къ тому причиною послужила опасность отъ ногайцевъ и калмыковъ, а такъ-же и нежеланіе платять имъ ту дань-откупъ, о которомъ говорить казачье преданіе. Въ то время часть ногайцевъ удалилась отъ калмыкъ за Кубань и въ Крымъ, а другая часть стала кочевать въ степи между Болгою и Яикомъ и не разъ то измѣняла Россію и переходила къ калмыкамъ, то снова возвращалась въ подданство Россіи. Это были во всякомъ случаѣ очень безпокойные сосѣди для вновь строящагося городка.

О томъ какъ строился на устьѣ Яика каменный городокъ историческіе акты говорятъ слѣдующее²⁾:

„Да въ прошломъ во 153 (1645) году апрѣля въ 18 день, блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи указалъ гостю Михайлу Гурьеву, по его, Михайлову, челобитью, на рѣкѣ на Яикѣ устроить городъ каменной, мѣрою четырехъ сотъ саженьъ крокъ башень, четверугольной, чтобъ всякая стѣна была по сту саженьъ: а по угламъ сдѣлать четыре башни да въ стѣнахъ мѣжь прясель четыре жъ башни; а стѣны бѣ были мѣжь башень поровну, по пятидесяти саженьъ мѣжь башни; да двухъ башняхъ быти двоимъ воротамъ. А сдѣлать тотъ каменный городокъ въ ширину и въ толщину и въ вышину и съ зубцами, противъ Астраханскаго каменнаго города, каковъ каменной городокъ сдѣлалъ въ Астрахани князь Ѳеодоръ Оболенской съ товарищи: стѣна городова я межъ воротъ и башень дѣлать въ ширину въ полторы сажени, а въ вышину и съ зубцами четырехъ саженьъ, а зубцы по стѣнѣ сдѣлать въ длину сажень, а въ толщину въ полсажени, а въ вышину въ полторы сажени; а башни дѣлать мѣрою противъ Астраханскаго жъ каменнаго-города, каковы башни дѣлаши въ Астарави межъ городовыхъ прясель; а дѣлать башни въ Яицкомъ городѣ въ смотря подмастерымъ каменного дѣла накрѣпко, чтобъ изъ тѣхъ башень, въ приходѣ воинскихъ людей, можно было изъ наряду³⁾ городъ очищать на всѣ стороны. А поставити тотъ каменной городъ на Яикѣ рѣкѣ, мѣрою четырехъ сотъ саженьъ, да восемь башень съ вороты, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ на Яикѣ рѣкѣ поставленъ острогъ, отъ Яика рѣки, отъ берега саженьъ съ

¹⁾ Акты Истор. т. III, стр. 475—478.

²⁾ Акты Историч. т. IV, стр. 129, 132—136.

³⁾ Нарядъ — пушка. А в т.

двадцать; а каменного города стѣнъ быти отъ Яика рѣки по тому мѣсту, гдѣ вышѣ у Яицкаго острогу, отъ рѣчные стороны ровъ выкатанъ для того что Яикъ рѣка будетъ близко городовне стѣны; а ровъ около того города копати со всѣхъ сторонъ новой, чтобъ былъ глубокъ и широкъ и набить тотъ ровъ частичкохъ; да около того жъ каменного города, отъ Яика рѣки по Яикъ же рѣку, съ трехъ сторонъ, сдѣлати надолобы крѣпкіе; а гдѣ былъ по берегу Яика рѣки, городскіе стороны, плетень заплетень, а въ томъ мѣстѣ у Яика рѣки гдѣ былъ плетнемъ заплетено, сдѣлати обрубъ противъ того жъ, каковъ обрубъ сдѣланъ въ Астарахани. А за то каменное городовое дѣло пожаловалъ Государь гости Михайла Гурьева, велѣлъ ему Яицкой учюгъ и Еябинскіе воды держати безобразно семь лѣтъ, съ Семева дна 154 (1646) году по Семева же дель 161 (1653) году; а что съ того Яицкаго учюга и съ Еябинскихъ водъ довелось на тѣ на семь лѣтъ взять *откупныхъ* денегъ, противъ годового окладу и съ печатными пошлинами, семнадцать тысячъ восемь сотъ двѣнадцать рублевъ тридцать два алтына полшесть деньги, и тѣхъ откупныхъ и пошлинныхъ денегъ на тѣ урочные годы, ямати на немъ Михайлѣ не велѣлъ. И въ прошлыхъ въ 156 (1648) и во 157 годѣхъ, по отпискамъ изъ Астрахани боярина и всеводъ князя Федора Семеновича Куракина съ товарищи, Яицкой каменной городъ почать дѣлати въ прошломъ во 155 году іюня съ 6 числа и сдѣлано де того Яицкаго каменного города: отъ рѣки Яика проѣзжая башня въ ширину двѣ стѣны, по семи сажень стѣна, двѣ жъ стѣны по семи сажень безъ четьи стѣна, а въ вышину та башня двѣ сажени съ третью, а толщина полторы сажени; а на той проѣзжей башнѣ сдѣлана каменная *церковь шатровая, во имя всемилостиваго Списа Нерукотворнаго Образа* да въ придѣлѣхъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла да Алексѣя человека Божія, а вышина той церкви десять сажень съ полусаженью. Да у того жъ Яицкаго города сдѣлана башня проѣзжая да башня середняя брусанья, да три башни круглыхъ наугольныхъ, а мѣроу тѣ круглыя и брусяныя башни, кругомъ по девятнадцати и по двадцати по четьри сажени башня, а въ вышину одна трехъ сажень съ полусаженью, другая полторы сажени и пол-полтрети сажени, а двѣ башни по сажени безъ полтрети, а поперекъ по шти сажень всѣ башни, а толщина полторы сажени; да башня проѣзжая, въ вышину дву сажень съ третью и пол-полтрети сажени, въ ширину двѣ стѣны по шти сажень безъ четьи, толщина полторы сажени. А городовне стѣны по орасломъ двѣсти пятьдесятъ одна сажень въ четью, а въ вышину въ одномъ праслѣ дву сажень съ полтретью, а въ иныхъ праслѣхъ по полусажени и пол-полтрети сажени, а толщина по полторы сажени. Да подъ середнюю брусаную башню да подъ городовую стѣну, подъ пятьдесятъ сажень, биты сваи и буюныи каменемъ набучено, и стѣннимъ каменемъ обложено, гдѣ бытъ городовой стѣнѣ; а башни и городовой стѣны не дѣлано, да и не почато дѣлати городовне стѣны два прасла, по мѣрѣ сто сажень, да башня наугольная

круглая отъ рѣки Яика, и ровъ не копанъ, гдѣ сваи бить. Да въ нѣвѣнѣмъ во 158 (1650) году писалъ ко Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Руссiи изъ Астарахани бояринъ и воевода князь Иванъ Андрѣевичъ Голицинъ съ товарищи, и прислали Яицкому городовому дѣлу роспись, какову роспись подаль имъ Астараханецъ Иванъ Остриковъ, которому приказано бить у Яицкого городского дѣла; а въ росписи вписано: въ прошломъ въ 157 году апрѣля съ 28 числа да сентября по 3 число нѣвѣшняго 158 году¹⁾, на Яикѣ сдѣлано городского каменнаго дѣла, надъ старымъ городомъ дѣломъ: отъ Яицкіе отъ наугольные башни до средней четверугольной башни городовые стѣны прасло, въ длину пятьдесятъ сажень, а въ вышину по городовые зубцы двѣ сажени, да середніе четверугольные башни, сверхъ стараго дѣла, въ вышину по малую зубцовую стѣнку полчетверти сажени, а въ длину и поперегъ та башня шесть сажень да у тоѣ жъ башни, по обѣ стороны въ городовыхъ стѣнахъ сдѣланы двѣ избы каменныхъ для городовыхъ караульщикова; а отъ середніе башни да наугольные до стѣнные круглые башни, сдѣлано городовые стѣны, сверхъ стараго дѣла, прасло, въ длину пятьдесятъ сажень, а въ вышину по городовые зубцы двѣ сажени; да круглые наугольные стѣнные башни сдѣлано, сверхъ стараго жъ дѣла, по малую стѣну по зубцы полчетверти сажени, а кругомъ тоѣ башни девятнадцать сажень, а у тоѣ башни, по обѣ стороны, въ городовыхъ стѣнахъ сдѣланы двѣ—избы каменныхъ для городовыхъ караульщикова; а отъ круглые отъ наугольные отъ стѣнные башни по середнюю четверугольную башню съ ворота сдѣлано прасла пятьдесятъ здинь сажень; а сверхъ стараго дѣла, сдѣлано того прасла по всей городской.... А городовыхъ запасовъ отъ 157 году въ нѣвѣшней во 158 годъ осталось у того городского дѣла: восемьдесятъ тысячъ кирпичу сженаго, восемьдесятъ двѣ тысячи шесть сотъ кирпичу необжиганого, сорокъ пять сажень дровъ (пригнаны плетомъ послѣ Семена дни, и тѣ де дрова изойдутъ въ осень на кирпичное сженье, а къ веснѣ нѣвѣшняго 158 году дровъ не будетъ), да верстоваго и бутаваго каменни, дачи, осталось пятьдесятъ паусковъ, три пауска извести, свай дубовыхъ съ пять сотъ. А позинули де Яицкое городское дѣло дѣлать сентября съ 1 числа нѣвѣшняго 158 году, потому, что де у Михайлова приказщика Гурьева на городское дѣло работнымъ людямъ денегъ не стало, да и для того, что де въ прошломъ во 157 (1649) году воровскіе казаки, атаманъ *Ивашко Кондыресъ* съ товарищи, городовые многіе запасы на морѣ погромили, и дровъ и всякихъ запасовъ на городовые дѣла припасать вверху по Яику рѣкѣ не дали, и отъ того де казачья воровство городскому дѣлу въ прошломъ во 157 году было мачавье, да нѣвѣшнемъ де во 158 году отъ ихъ казачья воровство городскому дѣлу мотчанье будетъ же, потому что запасовъ къ го-

¹⁾ Новый годъ считался тогда съ 1-го сентября.

родовому дѣлу принашено мало.—И боярину и воеводамъ князю Михайлу Петровичу да околичему Тимошею Федоровичу и Ильѣ Кузмичу, и дьякомъ, послати изъ Астрахани на Яикъ нарочно астраханца сына боярского добра, котораго бѣ съ такое дѣло стало и кому бѣ мочно было вѣрять, и велѣши ему на Яикѣ городовае всякое дѣло досматрять и переписать на росписи: сколько того Яицкаго городовае всякаго строенья сдѣлано и сколько того городовае дѣла противъ Государева указу не додѣлано, и сколько какихъ городовыхъ запасовъ у нынѣшняго 158 году во 159 году осталось и впередъ принашено, и сколько какихъ запасовъ къ тѣмъ запасомъ въ прибавку надобно, и какъ то Яицкое городовае дѣло часть совсѣмъ въ отдѣлкѣ будетъ и переписать то городовае каменое всякое дѣло, и тое росписи велѣши привести къ себѣ въ Астрахань, за его переписываевою рукою; да какъ съ Яика переписчика Яицкому городоваму каменому дѣлу росписи къ нимъ въ Астрахань привезеть, и боярину и воеводамъ князю Михайлу Петровичу Пронскому съ товарищи, о томъ отписать ко Государю и росписи Яицкому городоваму каменому дѣлу прислати въ приказъ Казанскаго Дворца*.

Изъ этихъ актовъ видно, что дѣло постройки городка подвигалось медленно и что много матерьяловъ привозилось изъ Астрахани и что Яицкимъ казакамъ постройка городка пришлась не по душѣ. Съ постройкою городка закрывался имъ выходъ въ море, служившее главною ареною ихъ удалыхъ подвиговъ. Въ городкѣ былъ поставленъ гарнизонъ изъ астраханскихъ стрѣльцовъ ¹⁾, слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ казаковъ и доносившихъ обо всемъ въ Астрахань. Построеніе же учуга на устьѣ Яика не могло не повліять на рыбныя промыслы казаковъ. И по этому неудивительно, что Яицкіе казаки старались всеми иѣрами тормозить постройку городка, а иногда, какъ увидимъ далѣе, грабили и самый городъ. На этотъ разъ, какъ видно изъ актовъ, Яицкіе казаки не давали рубить по Яику лѣса для дровъ и всякихъ запасовъ по городоваму дѣлу и погромили на морѣ съ атаманомъ Иваномъ Кондыревымъ транспортъ съ запасами и матерьялами.

О значеніи Гурьева въ исторіи войска видно будетъ изъ дальнѣйшихъ главъ.

¹⁾ Стрѣльцы въ Гурьевъ назначались изъ Астрахани со свѣною каждый годъ и потому назывались „годовальщиками“.

Г Л А В А XI.

Служба казаковъ въ Тулѣ, Ливнахъ, Яблоницѣ, Веневѣ, Осколѣ, Усманѣ и другихъ „украинныхъ“ городахъ. (1634—1645).

Молодой турчинъ города беретъ,
Города беретъ, по себѣ дѣлать:
Кому золото, кому серебро,
Кому молодца, кому дѣвицу...
(Изъ писемъ Урал. казаковъ¹⁾).

Начиная отъ Тулы, далеко на югъ отъ Московской Руси вплоть до Чернаго моря въ началѣ 1600-хъ годовъ лежало дикое поле. Не было тамъ ни одного жилья. Лишь только на Дону и въ южной части Дѣвора жили кое гдѣ русскіе люди — донскіе и запорожскіе казаки. Раздолье было татарамъ... Настанетъ весна и какъ хищные волки разсыплются они по степи, налетаютъ на русскія украинны, грабятъ села и деревни и уводятъ въ плѣнъ толпами мирныхъ поселанъ. Но вотъ послѣ польской войны русское правительство начинаетъ укрѣплять свои южныя границы, строятъ оно въ 1636 году города Козловъ, Тамбовъ, Ломовъ, Яблоницъ и населяетъ ихъ ратными людьми. И по всѣмъ татарскимъ шляхамъ встаютъ одинъ за другимъ укрѣпленные городки; отъ городка до городка, проводятся валы укрѣпляются эти валы тыномъ, засѣками, башнями и острогами и вездѣ на югъ, по этой линіи окоповъ и рововъ, ждутъ хищную орду русскія дружины. По всѣмъ татарскимъ шляхамъ проходятъ далеко на югъ проѣзжіа казачьи станицы, развѣдывая о врагѣ. Противъ трехъ главныхъ татарскихъ шляховъ *Муравскаго, Изюмскаго и Калміюсскаго* [12] были поставлены рати въ укрѣпленныхъ городахъ: — противъ Муровскаго въ Тулѣ, противъ Изюмскаго въ Изюмѣ, противъ Калміюсскаго — въ Ливнахъ. Это были главные города, гдѣ сосредоточивалось управленіе ратныхъ людей и казачьихъ развѣздовъ. Въ одинъ изъ этихъ городовъ — Тулу и были посланы, послѣ выхода изъ подъ Смоленска, около ста яицкихъ и столько-же донскихъ казаковъ на постоянную службу. Здѣсь казакамъ разрѣшено было поселиться семьями, даны были земли подъ пашню; на обзаведеніе домовъ и хозяйства („на селитьбу“) было выдано пособіе по 5 р. на человѣка.

Въ 1636 году часть этихъ казаковъ около 140 человѣкъ были переведены изъ Тулы во вновь построенный Козловъ, но, какъ видно изъ челобитной этихъ казаковъ въ 1638 году, „за своею скудостью“ и неудобной пахотной землей они окончательно разорились. „Многіе Государь — пашутъ они въ челобитной — наши братья казаки и дворишки поставя изъ Козлова обрели съ бѣдности,

¹⁾ Изъ неизданныхъ записокъ Г. Игн. Желѣзнова. Войск. Арх., дѣло III раз., № 86, отд. 18, стр. 68.

з нынѣ насъ холопей твоихъ въ Козловѣ осталось 40 человекъ съ женишками и дѣтишками и пашни, Государь, пахать начали, розъ сѣяли занимаючи и одолжали великіе долги и ружьишко, Государь, проѣли¹⁾). Излагая свои бѣды, казаки просятъ пожаловать ихъ деньгами по ихъ бѣдности. Одновременно съ донскими и яицкими казаками подали челобитную о прибавкѣ жалованья и поселенные въ Козловѣ „стрѣльцы, и полковные и сторожевые казаки, и пушкари, и затишники, и воротнички и кузнецы“, всего 595 человекъ. Изъ этой челобитной видно, что и они тоже „завели пашню и дворишками построились, а многіе бѣдны и безхлѣбны и только Государь не укажетъ дати нынѣ своего хлѣбнаго жалованья и изъ нихъ многіе побредутъ розно“²⁾). По этой челобитной приказано было выдать донскимъ и яицкимъ казакамъ по 5 р. на человека. Очевидно, первые поселенцы въ Козловѣ терпѣли страшную нужду, и хотя при выдачѣ жалованья по 5 р. донскимъ и яицкимъ казакамъ Бориски Бухарцеву съ товарищи, велѣно было взять съ нихъ крѣпкія поруки въ томъ, „что имъ устроится въ Козловѣ на житье и изъ Козлова не сбѣжать“, но въ дальнѣйшихъ документахъ уже нигдѣ не упоминается о казакахъ въ Козловѣ, — надо полагать, они „убредли розно“ или переселились въ Тулу къ товарищамъ.

Часть донскихъ и яицкихъ казаковъ (сколько человекъ — точно неизвестно) жили въ Москвѣ и ходили на службу вмѣстѣ съ жившими въ Тулѣ и составляли съ ними одну ставицу. Въ своей челобитной, поданной царю въ 1648 г. о выдачѣ имъ впередъ жалованья на подъемъ на службу, они говорятъ: „Живемъ мы холопы твои на Москвѣ своими домишками“³⁾). Тамъ жаль между прочимъ несауль яицкихъ казаковъ Григорій Копитовъ.

Казаки, поселившіеся въ Тулѣ, несли сторожевую службу и ходили въ походы для отраженія набѣговъ татаръ. Но объ этой службѣ ихъ, къ сожалѣнію, не осталось почти никакихъ документовъ. До насъ дошли лишь свѣдѣнія о выдачѣ имъ жалованья, ихъ челобитныя съ упоминаніями о бояхъ съ татарами и кое гдѣ донесенія воеводъ о этихъ бояхъ. Но все эти свѣдѣнія на столько отрывочны и сжаты, что составить по нимъ полную картину службы казаковъ въ этихъ городахъ не представляется возможнымъ. Они лишь слегка приподнимаютъ завѣсу съ этого, бывшего до сихъ поръ совершенно неизвестнымъ, далекаго прошлаго и годны лишь какъ материалъ для исторіи войска.

Но какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, все же они проливаютъ свѣтъ на эту, бывшую во тьмѣ прошлаго, службу яицкихъ казаковъ и освѣщаютъ общую картину быта того времени и характеръ этой эпохи.

Изъ имѣющихся данныхъ видно, что казаки получали опредѣленное жалованье:

¹⁾ Челобитная дон. и яиц. каз. Бориски Бухарець съ товарищи 40 чел. 1638 г. янв. 18, Моск. Глав. Арх. Минист. Юстиціи, Влггород. столб., столбець № 92, листы 258—267.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Москов. Глав. Арх. Минист. Юстиціи, Влг. ст. столб. 215, лист. 116.

атаманы 2 алтына 2 деньги, есаулы 2 алтына, а рядовые по десять денегъ на день.

Жалованье это всегда выдавалось впередъ на каждые 4 мѣсяца съ новаго года, считавшагося тогда съ 1-го сентября. Дѣти казачьи зачислялись на службу одинаково съ отцами „на убылыя мѣста“, но получали жалованье значительно меньше, отъ 4 до 5 денегъ въ день. Жалованье это возвышалось лишь за личныя заслуги и за долгую службу. За равни, за отличія въ бою казакамъ кромѣ прибавки жалованья къ ихъ окладамъ прибавлялось и количество отведенной подъ нашни земли.

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ сохранившихся списковъ, атаманы имѣли „по окладу“ по 550 чети и 300 чет. земли; столько же имѣли и казаки.

Изъ многихъ челобитныхъ видно, что казаки часто отпускались „по обѣщанію“ на моленье въ Соловки, другіе-же „за старостью и за ранами“ устранились въ монастыри и постригались въ монахи.

Служба казаковъ въ украинныхъ городахъ продолжалась весьма долго вплоть до царствованія Петра Великаго, когда въ спискахъ казаковъ не видно уже ни одного первоначальнаго выходца съ Яика, а въ ихъ рядахъ стоятъ или поверстанныя постороннія лица или дѣти и внуки старыхъ яцкихъ казаковъ, утратившіе совершенно всякую связь съ Яикомъ, но все еще официально называемые яцкими казаками.

Данная о этой службѣ появляются лишь съ 1636 года. О службѣ же 1634—35 годовъ не имѣется совершенно никакихъ свѣдѣній за исключеніемъ челобитной яцкаго казака Ратова и справокъ по ней въ приказѣ¹⁾, изъ которыхъ видно, что верстанье казаковъ на службу въ Тулу было въ 1634 году и что уже въ 1635 г. они служили въ *Дюдиловѣ*, гдѣ былъ бой съ татарами и гдѣ Ратовъ за рану получилъ 3 р. прибавки къ жалованью.

Какъ видно по сохранившимся спискамъ, всѣхъ донскихъ и яцкихъ казаковъ въ Тулѣ въ 1636 году было 192 чел., изъ нихъ яцкихъ 85. У нихъ было три атамана и 4 есаула при 185 рядовыхъ. Атаманы были Ларіонъ *Анисимовъ*, Фирсъ *Бурдуковъ* и Ларіонъ *Кудринъ*. Есаулы — Сила *Семеновъ*, Кондратій *Кузьминъ*, Афанасій *Ивановъ* и Григорій *Коптевъ* (яцкій). (см. прилож. X).

Воеводами въ Тулѣ въ это время были стольникъ князь Юрій *Буйносовъ-Ростовскій* и Иванъ *Ржевскій*. Услышавъ весной 1636 г. о набѣгѣ татаръ къ *Ливнамъ*, они послали туда голову Севостьяна Протасова и съ нимъ всѣхъ донскихъ и яцкихъ казаковъ всего 191 человекъ²⁾. Казаки встрѣтили татаръ, не добывая до *Ливенъ*, въ городкѣ *Новосильѣ*, гдѣ „за тѣмъ татары пошли въ походъ и татаръ побали и языковъ поймали“. Но когда казаки пришли въ *Новосильѣ* обратно, то воеводы *Новосилья* князь *Димитрій Сеитовъ*

¹⁾ См. приложение X, относящееся къ службѣ казаковъ въ украинныхъ городахъ.

²⁾ Москов. отд. Арх. Мян. Юст. Моск. столб., столб. № 115, листы 377—378.

и Максимъ Крюковъ подѣ языкъ не дали ни подводѣ, ни провожатнхъ, и казаки должны были сами нанять подводы и сами ихъ провожать; это стоило имъ отъ Новосилья до Тулы на каждаго языкъ по рублю. Также не дали воеводы подводы и подѣ раненаго казака; пришлось казакамъ нанять и раненому подводу и заплатить тоже рубль. По этому поводу казакки во главѣ съ есауломъ Григоріемъ Колтѣвнымъ подали воеводамъ челобитную о возвратѣ израсходованныхъ денегъ (сколько — неизвѣстно), которую воеводы направили со своимъ разъясненіемъ царю. На оборотѣ этой челобитной помѣтка: „Отписать въ Новосиль къ воеводамъ, чтобы отписали къ Государю подлинно, для чего казакамъ подѣ языкъ подводѣ не дали и только будетъ не дали подводѣ дуростию своею, и то она учинили не дѣломъ; и на которыхъ подводахъ казаки языкъ до Тулы везли и за эти подводы прогони велѣть доправить на нихъ“¹⁾.

Порядки въ арміи существовали тогда самыя погрѣхальныя; не только не было опредѣленнаго указанія о дачѣ казакамъ подводѣ, но и выдача пороха и свинца производилась имъ по личному взгляду воеводъ, такъ напримѣръ передъ походомъ въ это лѣто казакамъ было роздано 2 пуда зелья и 1 пудъ свинцу „и на томъ бою зелья и свинець у нихъ вышло“. Въ возвратѣ израсходованнаго, казакамъ пороха не выдали и они должны были объ этомъ подавать челобитную царю, и лишь по царскому указу велѣно было давать имъ его каждый разъ когда они израсходуютъ его въ бояхъ, но приказывалось головѣ Севостьяну Протасову „чтобы онъ надъ донскими и надъ яицками казакъ смотрѣлъ того на крѣпко, чтобъ они зелья и свинцу безъ дѣла не теряли“.

Въ началѣ октября этого же года у казаковъ въ Ливнахъ вышла большая неурядица. По донесенію изъ Ливенъ новаго казачьяго головы Захара Мичина видю, что 18 октября, когда крымскіе послы возвращались изъ Москвы въ Крымъ и остановились въ Ливнахъ, то Яковъ Дашковъ (ливенскій воевода) велѣлъ крымскихъ пословъ поставить въ слободахъ, гдѣ стояли донскіе и яицкіе казаки „мимо порожнихъ слободъ (свободныхъ), а Ямска слобода и Засосенская была порожня, и конскій кормъ донскихъ и яицкихъ казаковъ крымскіе послы потравили и яицкаго казака Тимошку Маркова били и бить взяли его къ себѣ и держали у себя связавъ два дни, а съ Ливенъ повели его съ собою... и ныне у казаковъ конскаго корму нѣтъ, хѣтятъ брестъ розно“...²⁾

Такъ боялись тогда татары! — Воеводы не смѣли ничего предпринять, чтобы высвободить захваченнаго казака и не позволять брать съна, а лишь только доносить объ этомъ царю. На оборотѣ этого донесенія помѣтка: „145 (1636 г.) ноябръ въ 21 день, отписать къ Якову Дашкову для чего то учинилъ, что у ратныхъ людей поставилъ татаръ“.

Въ слѣдующій 1637 г. тѣ же казаки были посланы отъ тульского вое-

¹⁾ Тамъ-же Бѣлгородск. столб, столб. 61 листы 308—309.

²⁾ Бѣлгор. столб, столб. 83 листы 120—121, Челобитія князя Буйносова-Ростовскаго и Гжедскаго на Якова Дашкова.

води князя Ивана Никитича Хованскаго ¹⁾ тоже подъ Ливны „по вѣстямъ“ на татаръ съ головою Венедиктою Сухотинимъ. Придя въ Ливны, Сухотинъ потребовалъ отъ ливненскаго воеводы Якова Дашкова „вожей“ для дальнѣйшаго похода, но Дашковъ не далъ и въ своей челобитной царю пишетъ: „а у меня холопа твоего государева указу нѣтъ, чтобъ имъ давать вожей, а въ донскихъ казакахъ ливненцевъ и ельчанъ много, которые были на Дону, а пришли съ Дону на твою государеву службу подъ Смоленскъ, а иные многіе писались въ донскіе казаки какъ пошли на твою государеву службу подъ Смоленскъ: два атамана Ларя Онисимовъ да Ларя Кудрявъ; есаулъ Афона Ивановъ ельчане, есаулъ Кондратій Кузминъ—ливенецъ и рядовыхъ казаковъ ливненцевъ и ельчанъ много и я холопъ твой безъ твоего государева указу вожей давать ему не смѣю и о томъ государь какъ укажешь“ ²⁾.

Пока шла переписка въ Москву и обратно, можно ли дать вожей Сухотиню, дѣло не ждало и казаки пошли въ поле со своими проводниками. Какъ видно изъ челобитныхъ казаковъ, Сухотинъ татаръ отыскалъ и вступилъ съ ними въ бой, многіе казаки были ранены и были взяты въ плѣнъ татары. Осенью часть этихъ казаковъ:—атамановъ два и рядовыхъ 23 человекъ были отпущены изъ Тулы въ Москву, куда они „съ язвыи съ татары“, а также и раненые казаки прибыли 11 августа.

Здѣсь казаки, будучи у государя у руки, „били государю челомъ—подавали челобитныя, чтобъ государь ихъ за прежнюю смоленскую службу, и за раны, и за отходъ, и за ливненскія службы 1636—37 годовъ и за язычные приводы пожаловалъ, а кто и о чемъ бьетъ челомъ, было записано на перечни:

Атаманъ 1 чел. бьетъ челомъ въ задворные конюхи и о нѣмецкой пистولي, что у него отбили татарова.

Атаманъ же 1 чел. да 2 чел. казаковъ—атаманъ женился на вдовѣ на Воронежѣ на тягломъ дворѣ, а казаки купили на Тулѣ дворъ, и тѣ бы имъ дворы обѣлить ³⁾.

Казаковъ 4 чел. бьютъ челомъ о верстанѣ ⁴⁾. Челобитная жъ всѣхъ донскихъ и яицкихъ казаковъ за службы о годовомъ жалованьѣ. Казаковъ 5 чел.—въ побитыхъ и во взятыхъ лошадей—о лошадяхъ.

Казакъ 1 чел. взятъ былъ въ полонъ—бьетъ челомъ о лошади-жъ.

Казакъ 1 чел.—отбито у него пистоль да сабля. Казакъ 1 чел. бьетъ челомъ въ Астараханъ въ толмачи—а прежняго толмача не стало ⁵⁾.

Что было сдѣлано по этимъ челобитнымъ—изъ дѣла не видно.

¹⁾ Этотъ воевода былъ временно, дакъ видно, что въ Тулѣ оставались старые воеводы Буйкомъ-Ростовскій и Гзевскій.

²⁾ Тамъ-же Бѣлгород. столб. столб. 83, листы 719—721; написана отвѣтъ изъ Москвы 1637 г. июля 17. На оборотѣ этой челобитной пометка: „отписать: для вѣщества давать человекъ по 2 по 3“.

³⁾ Т. е. записать за ними не платя пошлины.

⁴⁾ Зачислять на службу, на жалованье (видимо новые казаки или дѣти казаковъ).

⁵⁾ Бѣлгородск. ст. столб. 83, листъ 792—793.

Въ слѣдующіе годы мы видимъ этихъ-же казаковъ, командировавшихся каждое лѣто изъ Тулы въ Яблоновъ, Веневъ, Ливны и др. пограничные городки. Такъ въ 1638 году они были въ *Ливнахъ* съ головою Иваномъ *Даниловымъ*, которому приказано было въ Ливнахъ „свѣстися съ Дмитріемъ Колтонскимъ въ приходѣ воинскихъ людей (татаръ) съ ратными людьми промышлять“¹⁾.

Въ этомъ году, какъ видно изъ челобитя. каз. Ратова и помѣтки на этой челобитной, у казаковъ съ татарами былъ бой въ *Новосильѣ*, куда они вѣроят-но ходили изъ Ливенъ: отличившемуся въ этомъ бою казаку Ратову было дано „за убитые мужики (татаръ) въ прибавокъ къ жалованью два рубля“.

Въ 1639 г. казаки были посланы снова на службу въ *Ливны*, при чемъ имъ было выдано жалованье впередъ на три мѣсяца—на июнь, июль и августъ прибывшимъ въ Тулу бояриномъ княземъ Дмитріемъ Мамстроковичемъ *Черкасскимъ* съ товарищи, который передъ отправленіемъ прозвелъ имъ смотрѣть. Изъ списка, составленнаго по этому поводу, видно, что всѣхъ яицкихъ и донскихъ казаковъ состояло 187 чел. и что изъ яицкихъ казаковъ Абрамъ Ивановъ постригся въ монахи, а „Вторышко Павловъ Темниковецъ умре“ и что нѣкоторые казаки къ смотру не послѣли: „живутъ на *Ельцѣ*“ и къ государеву жалованью и къ денежной раздачѣ будутъ впредь“²⁾. Казаки были посланы съ головою Афонасіемъ *Крюковымъ*, который долженъ былъ свѣстѣ съ ливенскимъ воеводою Дмитріемъ *Колтовскимъ* въ случаѣ прихода чюмскихъ людей чинить надъ ними промисель³⁾.

Въ 1640 г. эти-же казаки въ числѣ 176 чел. служатъ все лѣто съ апрѣля по августъ въ *Яблоновѣ*, куда были отправлены княземъ Алексѣемъ *Трубецкимъ* съ головою Владимиромъ *Власевымъ* въ распоряженіе воеводы князя *Василія Львова*⁴⁾. При раздачѣ кормовыхъ было дано еще на подъемъ для Ябловской службы атаману (одному) 7 р., есауламъ 4—по 6 р., рядовымъ 167 чел. по 5 р. и казачьимъ дѣтямъ 4 чел. по 4 р. Яицкіе казаки были подъ командою того же есаула Григорія Колтѣва, вышло въ этомъ году у нихъ умершимъ Севостьянъ Терентьевъ и больнымъ въ Курскѣ казачій сынъ *Ивашко Волокитинъ*⁵⁾.

Въ 1641 году казаки были отправлены на лѣто при стольникѣ и воеводѣ князѣ *Яковѣ Черкасскомъ* снова въ *Яблоново* въ распоряженіе ябловскаго воеводы Бориса *Пушкина* съ головою Петромъ *Вельяминовичемъ*⁶⁾. Всѣхъ казаковъ было рядовыхъ 165 чел.⁷⁾ Въ 1642 г. казаки все лѣто служатъ въ *Веневѣ*, куда отправлены изъ Тулы княземъ Алексѣемъ *Воротыцкимъ* съ

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Минист. Юст., Бѣлгородск. столъ, столб. 183, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же—Дѣла Десятець, книга 186, листы 80—89, 75—80, 83—84, 87—91.

³⁾ Тамъ-же, Бѣлгор. ст. столб. 183, листы 14—15.

⁴⁾ Бѣлгор. ст. столб. 183, листъ 14—15.

⁵⁾ Дѣла Десятець, книга 186, листы 94—101.

⁶⁾ Бѣлгор. столъ, ст. 183, листы 14—15.

⁷⁾ Дѣла Десятець, книга 186, листы 102—103, 107—114. Раздаточ. списокъ на жалованье.

бояриномъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ *Сичкимъ* ¹⁾.

Лѣтомъ 1643 года они вновь были въ *Венець* со стольникомъ и воеводою княземъ Юріемъ *Долгоруково*, но оттуда по отпискѣ тульскаго воеводы князя *Куракина* посланы были на *Ливны* къ воеводѣ Ивану *Бутурлину* съ головою *Василіемъ Трубниковымъ*, при чемъ Бутурлину наказывалось о дѣйствіяхъ головы и казаковъ писать въ Тулу къ князю *Куракину* ²⁾.

Въ *Ливнахъ* Бутурлинъ со всѣмъ своимъ отрядомъ имѣлъ бой съ татарами, о чемъ онъ, сообщая въ Москву, пишетъ:

„Августа въ 3 день, въ 4-мъ часу дня, прибѣжалъ на *Ливны* изъ *Галичъ* острожку ливенець, снявъ боярскій, *Сенька Борисовъ*, а сказалъ: того же числа и часу пришли татаровья съ *Калмійской* сакмы къ рѣкѣ *Соснѣ* многоіе люди и перелѣзали рѣку *Сосну* въ *Реутовъ* бродъ и учали воевать ливенскій уѣздъ *Серболовъ* станъ; и на тѣхъ татаръ послалъ головы, туляня, *Микулу Вельяминова*, *Якова Ильяна* съ сотами, ротмистровъ *Василія Веселовскаго* и *Андрея Фамедина* съ воемцами, *Сунгура Бордакова* съ ливенскими съ *полковыми казаки*, и *донскихъ* и *яицкихъ* атамановъ и казаковъ и ливенцевъ дѣтей боярскихъ. И того же числа въ 6-мъ часу ночи, головы и служилые люди пришли на *Ливны*, а сказали: сошлись они съ татарами противъ деревни *Гряды*, отъ города въ 8 верстахъ, и съ татарами они бились, а было татаръ на томъ бою съ 600 человекъ, и съ бою татары пошли тою жъ сакмою къ рѣкѣ *Соснѣ* въ *Реутовъ* бродъ; и они, головы и служилые люди, шли за татарами тою жъ сакмою, чтобъ татаромъ *Ливенскаго* уѣзда воевать не давать, и дошли они татары въ *Ливенскомъ* уѣздѣ къ рѣкѣ *Соснѣ* на *Нетесовскимъ* полѣ, отъ города въ 20 верстахъ, а было татаръ по сибѣ тысяча 4 и больше; и они съ тѣми татары бились съ 5-го часу дня до вечера. и татары многихъ побили и переранили и *Ливенскаго* уѣзду воевать не дали; а на бою взяли въ язничѣхъ татаръ 3 человекъ. И татаровья съ того бою пошли назадъ тою жъ *Калмійской* сакмою“ ³⁾.

Но сообщая о своемъ бою, воевода Бутурлинъ умолчалъ о своихъ потеряхъ и о томъ, что изъ его отряда татары взяли въ плѣнъ не мало ратниковъ, а также захватили много жителей изъ *Ливенскаго* уѣзда. Вѣсти объ этомъ дошли въ Москву другими путями и по этому поводу воеводѣ пишутъ ⁴⁾: „А намъ вѣдомо учинилось, что въ тотъ татарскій приходъ наши служилые люди побиты и въ полонъ поиманы, а ты пишешь къ намъ только о службѣ своей, а что на томъ бою служилыхъ *Тульскаго* полку дворянъ и дѣтей боярскихъ, и воемцевъ, и *донскихъ* и *яицкихъ* казаковъ, и ливенцевъ дѣтей бояр-

¹⁾ Вѣдгор. столб, ст. 163, листы 14—15.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Акты Московскаго Государства, т. II № 199 Государева грамота ливенскому воеводѣ Ивану Васильевичу Бутурлину о присмакѣ слисковъ убитыхъ и плѣнныхъ людей при шествіи татаръ. 1643 г. августа 22.

⁴⁾ Тамъ-же.

скихъ и казаковъ и стрѣльцовъ, и черкасъ, и что въ уѣздѣ какіхъ людей побито и въ полонъ взято, и ты о томъ къ намъ не пишишь. А намъ, великому государю, то надобно вѣдать, какъ которые служилые люди съ басурманъ за православную крестьянскую вѣру и за наше государство бились, и кровь свою пролили, а иные въ полонъ пойманы, чтобы побитыхъ и полоненныхъ дородство и кровь николи въ забвеньи не было, и за ту ихъ явную службу было бы почему взискати нашею государскою милостію дѣтей и родивцевъ ихъ; а которые въ полону, и тѣхъ бы за ихъ явную службу было почему въ полонъ окупить. А по вашему царскому указу служилыхъ людей, которые на татарскомъ бою побиты, и тѣхъ вѣлно писать на *Москвѣ въ соборной церкви Пречистой Богородицы, честнаго и славнаго Ея успенія и по монастыремъ въ овчьи сенокосы...*

А кто именовъ въ татарскую войну августа въ 3 д. служилые люди побиты и въ полонъ взяты на татарскомъ бою, и кто именовъ и какіе люди въ татарскую войну въ уѣздѣ побиты и въ полонъ пойманы мужскаго и женскаго полу, и ты бы тому всему прислалъ къ намъ именную роспись*.

При переписи Захарона яицкіи казакъ Иванъ Емурановъ показалъ: „Дѣдъ мой родиною ногайскихъ татаръ—завоеванъ яицкими казаками въ 151 г. (1643) году“. Не въ числѣ-ли плѣнныхъ татаръ, взятыхъ въ этотъ бою, былъ его дѣдъ?

Въ этомъ-же году у яицкихъ казаковъ въ Тулѣ въ спискахъ произошла вѣкоторая перемѣна. Казакъ Василій Андреевъ просилъ челобитной отпустить его въ Казань „Оброкъ свезти и помолиться Пречистой Богородицѣ Казанской и казанскимъ чудотворцамъ Гурію и Варсунофію и съ родимцами повидаться и съ родителями проститься¹⁾“. Андреевъ былъ отпущенъ, а для прохода въ Казань былъ ему выданъ пропускъ: „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича... по городамъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ. По нашему указу отпущенъ съ Москвы въ Казань яицкой казакъ Васьян Андреевъ по общанію своему для мольбы. И на которые города яицкіи казакъ Васьян Андреевъ въ Казань лождеть и вы бы воеводы наши и приказные казака Васьяну Андреева пропускали безъ задержанія“²⁾.

Тогда-же зачислили въ списки казаковъ выбѣжавшихъ изъ турецкаго плѣна Кирилу Ковдратьева *Каторжнаго* и Петра *Мирславскаго*. Въ своей челобитной, поданной царю въ 1647 году, Каторжный такъ описываетъ свое пребываніе въ турецкомъ плѣну: „Былъ я холопъ твой въ полону въ туркахъ на каторгѣ³⁾, животъ свой мучилъ 22 года и всякую полонную вужду терпѣлъ и въ прошломъ въ 151 (1643) году, Божіею милостіею и твоимъ государственнымъ счастиемъ и промысломъ атамана нашего Ивана Семенова, украдчи

¹⁾ Вѣзгородскій ст., столб. 188, листъ 28.

²⁾ Тамъ-же, листъ 29.

³⁾ Каторга—большое турецкое судно, гдѣ плѣнные работали въ веслахъ.

на каторгѣ у турецкихъ людей пороку 40 фунтовъ, подложили подъ турецкихъ людей, гдѣ они сидѣли въ заднемъ чердакѣ и тотъ порохъ подъ ними зажегъ и турецкихъ людей разбросало въ море, а иные погорѣли, а достальныхъ турецкихъ людей побили на голову, а 40 человекъ въ языкахъ въ живыхъ взяли; а невольниковъ насъ на каторгѣ было 280 человекъ; а вышли мы, холопы твои, на каторгѣ въ шпанской городѣ въ Мисинѣ и шпанскіе державцы на каторгѣ турецкихъ людей, которые съ нами бились 40 человекъ, взяли и что у насъ, было на каторгѣ добра и то у насъ добро все съ каторгою отвяли и насъ, холоповъ твоихъ, призывали служить къ своему королю, а давали жалованье большое. И мы, холопы твои, помня православную христіанскую вѣру и наше царское жалованье, не покусились на ихъ прельщенье ни на что. И шли мы, холопы твои, на разныя земли чрезъ шпанскую землю, да на римскую, да венеційскую да царскую, да на шмидтскую, да на литовскую землю и изъ литовскія земли вышли на Вязму на Ваше Государево имя, а изъ Вязмы пришли къ тебѣ государю къ Москвѣ съ атаманомъ съ Иваномъ Семеновымъ съ товарищи 20 человекъ“¹⁾).

Казакъ Петръ Мирославскій былъ въ плѣну „въ Литвѣ и въ Крыму, и въ туркахъ на каторгѣ“ больше 30 лѣтъ, и, согласясь съ невольниками, на пяти каторгахъ „турковъ порубили и всѣхъ побали“, при этомъ потеряли убитыми сами 700 человекъ... и послѣ разныхъ приключеній пробрались къ Москвѣ²⁾).

Мирославскій былъ причисленъ къ лицамъ казакамъ.

Собравшись 20 сентября въ съѣзжую избу, казаки подали Бутурлину челобитную о томъ, чтобы отпустить челобитчика ихъ донского казака Нестерко Афанасьева къ Москвѣ бить челомъ государю о своихъ нуждахъ³⁾. Пробывъ въ Москву, Афанасьевъ съ товарищами подали 18 октября челобитную, въ которой жаловались, что они до сихъ поръ служатъ въ Ливнахъ; „и по сѣ мѣста мы не отпушены — испробылся... Милосердный государь Царь... покажуи насъ, холоповъ своихъ, вели государь насъ съ своей государевой службѣ отпустить по домышкамъ“⁴⁾).

Одновременно съ этимъ подаль челобитную верстаный кормовой лицій казакъ крымскій полованикъ Мишка Автоновъ, который говорить, что онъ въ прошломъ (1642) году женился въ Тулѣ на вдовѣ кузнеца Елизара; Клубукова Авдотья, гдѣ и жилъ въ ея домѣ и дворѣ у Елизара имѣлись еще два брата Калина и Фотѣй. „А какъ Елизаръ живъ былъ и мать ихъ родная (Ульяна) всѣхъ ихъ трехъ братьевъ раздѣлила въ животахъ и дворами порезы, и его Елизаря отдѣлила прочь дворошъ и жилъ онъ собою врозни отъ меньшихъ своихъ братьевъ, а съ меньшими дѣтьми она Ульяна, съ Каливомъ да Фотѣемъ осталась жить въ старомъ дворѣ своемъ и раздѣльную запись

¹⁾ Вѣлгородскій ст. столб. 215 листъ 14.

²⁾ Вѣлгородскій ст. столб. 215 листъ 19.

³⁾ Вѣлгородскій ст. столб. 183, листъ 27.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 30.

меж себя написали". Но эту раздѣльную записку Ульяна скрыла и задумала со своими дѣтьми выгнать съ участка свою дочь Авдотью и казака Антонова. „Сживаютъ меня вонъ — жалуются Антонові — и продаютъ меня напрасно и убытчатъ, хотятъ меня безъ службы дослѣть и съ женщиною межъ дворъ (по дворахъ) пустить и тѣмъ дворомъ завладѣть... вели Государь про тотъ дворышко сыскать повальнымъ обыскомъ Кузнецкою слободою и ихъ захребетники всякихъ чиновъ людьми и ея Ульяниномъ отцомъ духовнымъ что Государь имъ то вѣдомо... и вели Государь допросить посадскаго челоуѣка Осипа Саломенцева, который у записи раздѣльной сидѣлъ, и о томъ вели имъ на Тулу дать свою государеву смысную грамоту, чтобы имъ холопу своему отъ нея Ульяны и отъ ея дѣтей отъ ихъ ложнаго челобитья и отъ напрасной продажи въ конецъ не погнать и твоей царской службы не отбыть" ¹⁾.

Отправляясь обратно въ Ливны, казаки повезли съ собою два указа — одинъ въ Тулу воеводѣ Дорофееву Остафьеву, другой въ Ливны боярину Вутурлину.

Въ первомъ приказывалось Остафьеву дѣло по жалобѣ казака Антонова разобрать и дать ему съ Ульяною и ея дѣтьми очную ставку и разспросить ихъ, а послѣ очной ставки „сыскать на Тулѣ всякими людьми накрѣпко и будетъ въ смыслу дѣловомъ скажутъ, что Елизарю Клобукову съ матерью своею и съ его Елизарковыми братьями жилъ въ раздѣлѣ себѣ дворомъ и записи дѣловыя межъ ими были, и ты-бъ тѣмъ дворомъ по смыслу велѣлъ владѣть яницкому казаку Митѣ Антонову по прежнему" ²⁾.

Въ указѣ Вутурлину приказано было отпустить казаковъ съ Ливны въ Тулу по домамъ съ 1 ноября ³⁾. Послѣ смотра они были отпущены 3 ноября, о чемъ и донесъ Вутурлинъ въ Москву съ яцкимъ казакомъ Нестеромъ Максимовымъ ⁴⁾.

Что послѣдовало по челобитью казака Антонова, получивъ ли онъ во владѣніе свой дворъ, въ дѣлахъ указавій не виѣтся.

21 мая 1644 года казаки были высланы изъ Тулы тульскими осадными воеводою Дорофеемъ Остафьевымъ согласно царской грамотѣ въ г. Осколь, куда пошло всего 127 чел. Остальные казаки, въ количествѣ 38 челоуѣки, остались по разнымъ причинамъ въ Тулѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Тулу прибыли: бояринъ и воевода Иванъ Васильевичъ *Морозовъ*, князь Григорій Петровичъ *Барятинскій* да дьякъ Семенъ *Сафоновъ*, которымъ было поручено командованіе московскими ратными людьми въ Тулѣ. Имѣя царскій указъ о высылкѣ казаковъ съ Тулы на Осколь, Морозовъ отослалъ туда 22 мая голову Филиппа Петровича *Хощинскаго* съ оставшимися 38 яцкими и донскими казаками, гдѣ, по прибытіи, онъ долженъ былъ взять казаковъ первой высылки, находя-

¹⁾ Вѣст. стол., листъ 38.

²⁾ Вѣстгор. ст. столб. 183, листъ 34. Указъ писанъ 1644 г. октяб. 22.

³⁾ Вѣстгор. ст. столб. 183, листъ 31. Указъ писанъ 1644 г. октяб. 20.

⁴⁾ Тамъ-же листы 1, 2, 5—9. Челобитная 1644 г. ноября 8.

щихся у оскольскаго воеводы Дмитрія Плещеева, и со всѣми донскими и яицкими казаками быть на государевой службѣ на Осколь съ воеводою Плещеевымъ. Для слѣдовавья въ Осколь Морозовъ согласно царскаго наказа дать Хвоцкинскому подробную инструкцію, гдѣ ему вѣщается въ обязанность: „идучи дорогю до Оскола на станяхъ ставиться въ крѣпкихъ мѣстахъ и береженно держать великое, чтобъ на дорогѣ ночнымъ временемъ татаровя на станяхъ не побали и какого дурна надъ казаками не учинивъ“. По прибытіи въ Тулу приказано всѣхъ казаковъ пересмотрѣть и написать списокъ „я ести и нѣты прислать“, т. е. показать всѣхъ, кто есть на лицо (ести) кого нѣтъ (нѣты), и если Дмитрій Плещеевъ пошлетъ его вмѣстѣ съ оскольскими служилыми людьми на татарь, то ему „за татары промышлять“ и обо всѣхъ своихъ дѣлахъ писать въ Тулу боярину Морозову съ товарищи, т. е. яицкіе и донскіе казаки „Тулскаго полку“; будучи же на Осколь оскольскими служилыми, посадскими и уѣздными и проезжими торговыми людями бою и грабежу не дѣлать и „зерни и бл—ни и табаку не держать и иного никакаго дурна не чинить и по дорогамъ для грабежу не ѣздить“.... Въ случаѣ же непослушанія велѣво Хвоцкинскому про то сыскивать и отъ воровства казаковъ унимать и наказанье чинить, смотря по вѣвѣ:—бить батогами нещадно и сажати въ тюрьму; и чтобы по дворамъ въ Осколь стояли смирно, посадскихъ и всякихъ жилицкихъ людей, у кого будутъ поставлены, женъ ихъ и дѣтей не били и не грабили и сильно ни что ни у кого не вняли....¹⁾

Посылая Хвоцкинскаго на Осколь, Морозовъ одновременно пишетъ Плещееву²⁾ о томъ, чтобы онъ отдалъ подъ команду Хвоцкинскаго посланныхъ ранѣе въ Осколь 127³⁾ казаковъ и послалъ ихъ противъ татаръ вмѣстѣ съ оскольскими служилыми людьми.

Хвоцкинскій съ казаками прибылъ въ Осколь 1 іюня⁴⁾ и былъ въ іюль-же посланъ Плещеевымъ въ походъ на татаръ.

Но прежде чѣмъ отправиться въ походъ, казаки, собравшись къ Плещееву, потребовали отъ него выдачи обычно положеннаго имъ пороку и свинцу; Плещеевъ имъ отказалъ, ссылаясь на то, что они должны были получить его изъ Тулы. Не получая ни тутъ, ни въ Тулѣ слѣдуемый имъ порохъ, казаки, Сила Семеновъ съ товарищи, подали челобитную царю: „пожалуй насъ холоновъ своихъ—пишутъ они—вели намъ свое государево жалованье, порохъ и свинець выдать, чтобы намъ, будучи на твоей государевой службѣ на Осколь, было съ чѣмъ противъ твоихъ государевыхъ недруговъ вѣхатъ и твоей бы царской службѣ впредь не отбыть“⁵⁾.

¹⁾ Вѣлгород. столб. 172, листы 11—20.

²⁾ Тамъ-же, листы 20—22.

³⁾ Въ доложеніи царю о высылкѣ казаковъ на Осколь Морозовъ говоритъ, что было послано ранѣе не 127, а 130 чел. (Тамъ-же, листы 23—25).

⁴⁾ Вѣлгород. столб. 172, листъ 106, отв. Плещеева Морозову.

⁵⁾ Вѣлгор. столб. 188, листъ 39.

По этой челобитной Плещееву приказано было выдать казанамъ по 1 фунту пороху и свинцу.

Кромѣ того всѣ прибывшіе казаки изъ Тулы на Осколь получили сверхъ корховыхъ по 1 рублю жалованья явдѣ награды за службу ¹⁾).

Не понравился-ли сразу казачій голова Плещееву или Хвоцинскій дѣйствительно былъ пьяница, какъ увѣрялъ воевода, но съ перваго-же дня прибытія Хвоцинскаго между ними начинается рядъ недоразумѣній, которые оканчиваются явнымъ ссоромъ и доносами другъ на друга. Эти доносы даютъ яркую характеристику отношеній между начальствующими лицами того времени.

Прежде всего Плещеевъ не сразу отдалъ казаковъ въ распоряженіе Хвоцинскаго, а передалъ ихъ только 7 іюня, но судъ и расправу надъ ними оставилъ за собою, отобравъ для этого у Хвоцинскаго и тѣхъ 38 казаковъ, которыхъ онъ привелъ съ собою. Въ своемъ донесеніи Морозову Хвоцинскій писалъ, что Плещеевъ сталъ распускать казаковъ по городамъ и что на лицо казаковъ „объявилось 156 человекъ, а вѣтчиковъ 13 человекъ“, излагая Морозову въ своей жалобѣ, что Плещеевъ не отдаетъ ему казаковъ, не даетъ имъ зелья и свинца, и не велитъ ему вѣсть расправу надъ казакани, Хвоцинскій проситъ Морозова заступиться за него и послалъ съ своимъ челобитьемъ 20 іюня яицкаго казака Куиріана Родіонова ²⁾).

Получивъ эту жалобу, Морозовъ 30 іюня послалъ съ тѣмъ же казаконъ Родіоновымъ къ Плещееву отписку, чтобы онъ отдалъ, какъ велѣно въ государевомъ указѣ, яицкихъ и доискихъ казаковъ въ полное распоряженіе Хвоцинскаго и не отпускалъ-бы для торговли по городамъ, а за татарами послалъ бы вмѣстѣ съ оскольскими служилыми людьми. А зелья и свинець чтобы онъ выдалъ казанамъ по государеву указу „какъ у тебя въ государевѣмъ указѣ написано“, а если у казаковъ съ татарами боя не будетъ, „то зелья и свинець вѣтъ имать назадъ въ государеву казну сполна противъ дачъ“ ³⁾).

Но не успѣла дойти эта отписка въ Осколь, какъ Хвоцинскій 9 іюля снова написалъ Морозову челобитье, гдѣ жаловался, что Плещеевъ отпустилъ казаковъ съ государевой службы по разнымъ городамъ одиннадцать человекъ и многихъ другихъ казаковъ „невѣдомо для чего“ и въ случаѣ прихода татаръ ему не съ вѣтъ будетъ идти въ походъ, „да онъ-же Дмитрій (Плещеевъ), пишетъ Хвоцинскій, казанамъ меня слушать не велѣлъ ни въ чемъ, и многіе казаки на кабаки пропались и зерню проигрались, а онъ Дмитрій мнѣ ни въ чемъ воли надъ ними не даетъ. Умилюстивись государь бояринъ Иванъ Васильевичъ, избави меня отъ таковаго гоненья, чтобы государь указалъ мнѣ

¹⁾ Тамъ-же, листы 41—53, челобитная Плещеева къ Царю.

²⁾ Тамъ-же, листы 98—106.

³⁾ Вѣдорг. ст. столбець 172, листы 100 и 102.

быть на своей государевой службѣ на мнози городѣ, а Дмитрій Плещеевъ меня безпрестанно лаетъ матерны... 1) Морозовъ донесъ объ этомъ царю и послалъ свое челобитье въ Москву 18 июля съ донскимъ казакомъ Нестеромъ Афанасьевымъ 2).

Въ то же время, когда Родіоновъ прѣѣхалъ съ отпискою отъ Морозова въ Осколь, Хвоцинскій опять послалъ челобитье на Плещеева 3). „Приславъ отъ тебя боярина на Осколь съ отписки къ воеводѣ въ Дмитрію Плещееву яццою казакъ Кипреянко Родіоновъ и тотъ Дмитрій въ сѣзжей избѣ того казака учалъ бранить матерны и сажалъ его въ тюрьму и на опослѣ твоей боярской отписки, онъ-же Дмитрій, отпущалъ съ государевой службѣ донскихъ казаковъ есаула Кондратья Козмина съ товарищи и многихъ донскихъ и яццкихъ казаковъ отпускаетъ по разнымъ городамъ а меня ямъ слушать ни въ чемъ не велить; да онъ-же Дмитрій писалъ на меня, что я въ соборной церкви на государевъ ангель у молебна не былъ, а я былъ на государевъ ангель въ церкви у Пресвятыя Богородицы честного и славнаго Ея Покрова, а у той церкви дьячка вѣту и я въ той церкви у вечерни стихеры и канонъ говорилъ и псалмы, а на заутрени и на молебнѣ псалмы и канонъ аразднику а же говорилъ и у обѣдни я много грѣшннй у той же церкви былъ и на клирошѣ пѣлъ, а въ соборѣ не былъ потому, что грѣхомъ своимъ заведомогъ; да онъ-же Дмитрій посылалъ меня въ походѣ одного съ казаки, а въ твоей боярской наказной памяти написано у меня, что велѣно ему меня посылать вмѣстѣ съ служивыми съ оскольскими людьми, а оскольскихъ людей посылалъ всѣхъ съ головою Севостьяномъ Протасовымъ въ иное мѣсто, гдѣ чаяли татарамъ приходу, а меня посылалъ въ такое мѣсто, гдѣ приходомъ не бываетъ и впредѣ хочеть посылать такъ-же, а коихъ казаковъ я посылалъ къ тебѣ, боярину, съ отписки, и онъ Дмитрій на тѣхъ казаковъ писалъ къ Москвѣ, что будто они съ государевы службѣ сбѣжали, а какъ ни прѣйду въ сѣзжую избу и онъ меня бранить матерны. Умилившись государь бояринъ Иванъ Васильевичъ и князь Григорій Петровичъ, заступите меня, а житье мое отъ Дмитрія стало коротко, а тебѣ государь великому боярину обшная будеть отъ Бога мзда, что я отъ него безпрестанно плачу; а у прежнихъ головъ писывали казаки отписки, а ко мнѣ никто нейдетъ писать, боасъ Дмитрія, и я маракую своею рукою отписки“.

Въ слѣдующей своей челобитвой къ Морозову Хвоцинскій, видимо доведенный Плещеевымъ до бѣлаго каденія, писалъ Морозову: „Изгоняючи меня воевода Дмитрій Плещеевъ велѣлъ меня покланать яццокому казаку Авдрюшѣ Петрову будто преде мною у нихъ судъ былъ, а у меня никакого суда не бывало; да какиамъ, государь судамъ бытъ—казаки ко мнѣ никто не ходитъ. И тотъ Дмитрій Плещеевъ прислалъ ко мнѣ память съ оскольскими казакомъ

1) Тамъ-же, листъ 103; тутъ-же списки отпущенныхъ казаковъ.

2) Бѣлогр. ст. столб. 172, листъ 104.

3) Бѣлогр. ст. столб. 172, листъ 174.

ст. Ивашкой Алифановичъ на дворъ и тое память велѣлъ мнѣ бросить въ глаза и казаку Андрюшкѣ Петрову велѣлъ меня даять материн и всякою неподобною лаею... и тое, государь, Дмитріеву память послалъ я къ тебѣ бсярину подклея подъ сею отпискою.... а только не булетъ ко мнѣ твоего боярскаго призражня только пойдти въ монастырь отъ такого позора и гоненья¹⁾.

Должно быть, донялъ-же Плещеевъ Хвощинскаго!

Но послушаемъ, что пишетъ Плещеевъ въ отвѣтъ на отписки Морозову, и что говоритъ онъ ему въ свое оправданіе.

„Государя, царя (титулъ) боярину Ивану Васильевичу—пишетъ онъ Морозову²⁾—Дмитрій Плещеевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, господине, въ 152 году (1644 г.) іюля съ 1 числа была челомъ государю царю... Михаилу Федоровичу... и ко мнѣ, господине, въ сѣвскую избу приходили многожды съ великою доукою донскіе и яцккіе есаулы и казаки и казацки дѣти что де ихъ голова Филиппъ Хвощинскій пишетъ въ нѣтъ (въ отлучкахъ) для своей корысти и тѣ де нѣтъ (т. е. слѣдующее за время отлучки жалованье) посылаетъ на Тулу къ тебѣ боярину Ивану Васильевичу“.

Далѣе онъ пишетъ, что по этой жалобѣ онъ 5 іюля провѣрилъ казаковъ и нашелъ ихъ всѣхъ на лицо.

Въ другой своей отпискѣ Плещеевъ говоритъ, что онъ согласно государеву указу и отпискѣ къ нему Морозова отъ 30 іюня всѣхъ казаковъ передалъ въ команду и расправу Хвощинскому³⁾. „Да я-жъ тому головѣ Филипу—пишетъ далѣе Плещеевъ—приказалъ, чтобъ онъ, будучи на государевой службѣ на Осколѣ по вѣстямъ, въ сполошное (въ тревожное) время былъ опасенъ и донскихъ бы и яцккихъ казаковъ отъ всякаго дурна унималъ и расправу межъ ими чинилъ; и тотъ Филиппъ Хвощинскій по вѣстямъ въ сполошное время живетъ неопасно, въ городъ и въ сѣвскую избу ко мнѣ не ѣздитъ, бранячасть, вьетъ безъ престаива. И донскіе, господине, и яцккіе казаки будучи на Осколѣ многіе на кабацкѣхъ испропились и зерню проигралась, волочатся ваги, лошади и оружье и платье изаложили, и лошади, господине, у нихъ ходятъ врозни отъ города въ дальнихъ мѣстахъ въ стени къ татарской сакмѣ верстахъ въ 15-ти и въ 20-ти и больше и станы подѣланы у тѣхъ донскихъ и яцккихъ казаковъ въ стени жъ, а не у крѣпей, а въ тѣхъ станѣхъ тѣхъ донскихъ и яцккихъ казаковъ перемѣняючи живутъ у конскихъ стадъ чело-вѣкъ по 20 и по 30 и въ приходъ воинскихъ людей, тѣмъ людямъ уберечиса и конскихъ стадъ уберечь никакими манерами нельзя; а голова Филиппъ Хвощинскій тѣхъ донскихъ и яцккихъ казаковъ не унимаетъ и наказанья имъ никакого не чинитъ и меня слушать имъ ни въ чемъ не велеть“.

Результатомъ всѣхъ этихъ дразгъ былъ указъ 21 іюля отъ царя боярину

¹⁾ Вѣлгород. столъ, столб. 172, листъ 175.

²⁾ Вѣлгор. столъ, столб. 172, листъ 168 и Вѣлг. ст. столб. 188 листъ 60.

³⁾ Вѣлгор. ст. столб. 172, листъ 169.

и воеводамъ Морозову съ товарищи, въ которомъ приказано во всемъ вѣдать надъ казаками головѣ Хвощянскому, а Плещееву не вмѣшиваться въ его дѣла ¹⁾).

Получивъ 3 августа этотъ указъ, Морозовъ послалъ память (наставленіе, инструкцію) Хвощянскому ²⁾, въ которой излагаетъ поподробнѣе указъ изъ Москвы и въ тоже время пишетъ объ этомъ и Плещееву но бѣ бумаги отослалъ 8 августа въ Осколь съ донскимъ казакомъ съ Несторкомъ Афанасьевичемъ сѣномъ Комаревымъ ³⁾).

Примирились-ли Хвощянской и Плещеевъ или ихъ развели, изъ дѣла не видно; но послѣ указа жалобъ другъ на друга уже не было.

По призыву воеводъ казаки, будучи въ Осколѣ, тоже занимались абедами. Взяты въ плѣнъ и крестившіеся татары „новокрещенн“, записанные въ яцкіе казаки „Ивашко, да Васко, да Кирилко, да Сенька Айтемирови, явившись къ Плещееву, заявили, что яцкій казакъ, тоже новокрещенъ, Федька Яиковъ хочетъ извѣстить и отъѣхать въ Крымъ“. Плещеевъ немедленно взял Яикова подъ караулъ и донесъ въ Москву ⁴⁾).

Дѣло было въ октябрѣ, пришелъ декабрь, а отвѣта все не было. Источленникъ садѣяемъ подъ караулкомъ, Яиковъ взмолился Плещееву, чтобы тотъ отправилъ его въ Москву, и подалъ челобитную. Плещеевъ написалъ объ этомъ царю, гдѣ между прочимъ говорилъ: „а онъ Яиковъ ко мнѣ въ сѣзакъ избу присыластъ многія челобитныя съ великою доукою, чтобы ты государь пожаловалъ, велѣлъ его съ Оскола послати съ приставомъ къ тебѣ государю въ Москвѣ, а я холопъ твой того татарина Федьки къ тебѣ послати безъ твоего государева указу не смѣю и о томъ, государь, татаринъ Федькъ мнѣ великой государевъ указъ учинять, а челобитную, государь, его послалъ я холопъ твой къ тебѣ государю царю подъ сею отпискою“.

Интересна также и челобитная Яикова, изъ которой видно, что все дѣло не стояло, какъ говорится, выѣденнаго яйца.

„Въ прошломъ, государь, — пишетъ Яиковъ — въ 152 (1644) году по твоему государеву указу былъ я х. т. ⁵⁾ на твоей государевъ службѣ на Осколѣ присланъ съ кормовыми донскими и яцкими казаками на твою государеву службу за вонесскими людьми, и съ донскими и съ яцкими казаками въ походы ходилъ; а былъ я х. т. въ походѣ сверхъ (въ верху) *Убли рѣки*, да былъ я х. т. *на рѣкѣ на Катль* да былъ я х. т. на казачьемъ перевозѣ, да ходилъ я х. т. съ оскольскимъ казачьимъ головою Савостьяномъ *Прота-*

¹⁾ Вѣлгород. ст., стол. 183, листъ 17.

²⁾ Вѣлгород, ст., столб. 172, листъ 181.

³⁾ В. л. ст., столб. 172, листы 179 и 180.

⁴⁾ Москов. Арх. Мин. Юстиціи, Вѣлгород. ст., столб. 174, листы 391—393 и 395. Грамота царя Михаила Федоровича воеводѣ Дм. Ив. Плещееву о провѣрѣ показаній казаковъ новокрещенныхъ изъ татаръ Айтемировыхъ о томъ, что яцки. казаль новокрещенъ Фед. Яиковъ хочетъ ѣхать къ татарамъ; такъ-же и челобитная Яикова.

⁵⁾ Х. т. значить холопъ твой.

соумы и съ оскольскими служивыми людьми въ походъ за татары подъ *Валулку* да ходилъ я х. т. въ походъ съ оскольскими служивыми людьми и съ донскими и яицкими казаками за большими за воинскими людьми за татары кои воевали твои государевы Обверскія мѣста и Комарицкія волости за *Бьлгородъ* и въ тѣхъ государь походѣхъ я х. т. тебѣ государю служилъ и въ подѣзды во многія мѣста подъ воинскихъ людей подъ татаръ ѣздилъ и дурна никакого въ тѣхъ походѣхъ я х. т. въ той твоей гос. службѣ не учинилъ и про ту государь мою службишко вѣдомо твоимъ гос. головамъ и ратнымъ людямъ кои на твоей гос. службѣ въ походѣхъ были... И о праздникѣ о Покровѣ Пресвятныя Богородицы на 3 день былъ у праздника товарищ мой Иванъ Михайловъ сынъ Татаринъ новокрещенъ у станничаго вѣдока у Прокофья Соина, и тотъ государь товарищ мой Иванъ нанялся плънь пришедъ на подворье, гдѣ мы съ нимъ стоимъ у полкового казака у Ивана Лепехова, учалъ меня х. т. тотъ товарищ мой Иванъ бить и увѣчать за напрасно и меча х. т. изувѣчалъ, а вѣдомо государь про тотъ мой бой у кого мы стояли—Иванъ Лепеховъ и его жена и дѣти; и послѣ того было учалъ я х. т. тому своему товарищу Ивану говорить что въ своемъ увѣчьи бить челомъ на Москвѣ; и тотъ Иванъ Татаринъ рясъя про то чтобъ я х. т. на него не билъ челомъ тебѣ государю, умысли надо мною х. т. пришедъ на Осколь въ сѣзжую избу передъ воеводу передъ Дмитрія Ивановича Плещеева, извелъ на меня х. т. неовинно твое государево дѣло, будто я х. т. хочу обѣжать и я х. т. никакого побѣгу на себя не вѣдаю и то государь вѣдаетъ днорникъ нашъ Иванъ Лепеховъ, у кого мы стояли, что тотъ товарищ мой Иванъ поклепалъ меня х. т. занапрасно. И нишъ государь я по его Иванову ложному извѣту на Осколь съ тѣхъ мѣсть (съ того времени) сижу за приставы животь свой мучу и помираю голодною смертью за напрасно, а извѣститъ тебѣ государю обо мнѣ холопѣ твоимъ бѣдномъ некому, помѣщича никакого нѣтъ, а онъ товарищ мой Иванъ поклепавъ меня хол. т. съ твоей государевы службы съ Оскола обѣжалъ безъ твоего государева указу. Милосердный государь царь... пожалуй меня х. т. вели меня взять къ Москвѣ поставитъ съ очей на очи съ тѣмъ товарищемъ моимъ Иваномъ, въ томъ его пощепномъ дѣлѣ свой царьской указъ учинитъ, чтобъ мнѣ х. т. отъ того Ивана занапрасно не погнута, и твоей царьской службы впредъ не отбѣтъ. Царь государь смилуйся пожалуй¹⁾).

Казалось бы, все это дѣло можно было разобрать на мѣстѣ въ Осколь и разобрать очень быстро, но не такъ просто рѣшалась въ то время эти дѣла. Плещеевъ получилъ приказъ отъ 16 января немедленно прислать казака Яикова въ Москву съ приставомъ или съ кѣмъ пригоже и дорогою велѣтъ приставу вести его съ большимъ береженьемъ, чтобъ Федька Яиковъ съ дороги и на станѣхъ не ушелъ и дурна какого надъ собою не учинилъ, а на Москвѣ

¹⁾ Москов. отд. Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. столъ, столб. 174, листъ 395.

валѣть пристава съ Оедькой Яковнмъ явиться въ разрядъ думнымъ дьякамъ Ивану Гавреневу, да Михайлу Волошеиннову, да дьяку нашему Григорію Ларионову“...

Что случилось съ Яковнмъ — изъ дѣла не видно, но изъ его челобитной видно, что казаки въ Осколѣ не сидѣли праздно и были все лѣто въ походахъ.

Въ этомъ году въ составѣ яицкихъ казаковъ произошли, какъ и въ прошломъ году, нѣкоторыя перемены: два яицкихъ верстаныхъ кормовыхъ казака Ивашко Михайловъ сынъ Татаринъ и Лучка Оофоновъ сынъ Стародубецъ были отпущены для моленія въ Соловецкій монастырь.

Въ своей челобитной по этому поводу они писали ¹⁾: „Были мы холопы твои на твоей государевой службѣ подъ Смоленскомъ и какъ насъ на боямалы литовскіе люди въ полонъ и будучи въ полону два года обѣщались по своему обѣщанію помолиться Соловецкимъ чудотворцамъ. . Вели государь насъ отпустить... и дать намъ свою государеву грамоту“.

По этой челобитной они оба были отпущены, на что имъ была дана вмѣстѣ съ двумя донскими казаками общая проходная:

„Отъ царя и великаго князя Михаила Оедоровича всея Руссіи по городамъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ. По нашему указу отпущены въ Соловецкій монастырь для моленія казаки Лучка Григорьевъ, Абрамко Клементьевъ, Ивашка Михайловъ Татаринъ, Лучка Оофоновъ Стародубецъ и на которые города казаки Лучка Григорьевъ съ товарищи поѣдутъ и выбѣ воеводы наши и приказные люди, казаковъ Лучку Григорьева съ товарищи 4 человека въ Соловецкій монастырь и назадъ къ Москвѣ пропускали безъ пенья и безъ задержанья. Писавъ на Москвѣ лѣта 7152 (1644), марта въ 18 день“ ²⁾.

Тогда же отпросился яицкій казакъ Ивашка Каторжный повидаться „съ редакциами“ въ Нижегородскій уѣздъ въ Павловъ, куда и дана была ему проходная грамота, гдѣ, какъ и въ предыдущей, приказывалось пропускать его безъ задержанія и безпечно ³⁾.

Въ слѣдующемъ 1645 году былъ полученъ приказъ о высылкѣ казаковъ изъ Тулы во вновь построенный на польской границѣ городъ Усмань.

Приказъ объ этомъ написанъ такъ: ⁴⁾

„Лѣта 7153-го мая въ 8 день. По государеву... указу и по приказу стольника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкаскаго съ товарищи, память головѣ Аталыку Никитичу Писареву. Ъхати ему въ новыи въ польскій городъ на Усмань, для того: въ нынѣшнемъ во 153-мъ году указалъ государь... донскихъ и яицкихъ есауловъ и казаковъ отпустить съ Тулы для службъ

¹⁾ Вѣдгор. ст. столб. 183, листъ 23, челобитная 1644 г. марта 18.

²⁾ Тамъ-же, листъ 22, челобитная объ отпускѣ на Соловки донск. кнз. Григорьева и Клементьева — тамъ-же, листъ 24.

³⁾ Тамъ-же, листъ 26.

⁴⁾ Акты Моск. Госуд. томъ II — № 237-я. Наказная память головѣ Аталыку Писареву отъ тульскаго воеводы Я. К. Черкаскаго съ товарищами объ отводѣ изъ Тулы донскихъ и яицкихъ казаковъ на службу въ г. Усмань. (Разряды, приказъ, Моск. ст. столб. № 200, листы 54—55).

въ новый польскій городъ на Усмани, велѣно имъ быти на государевѣ службѣ съ воеводою, съ Степаномъ Вельяминовымъ, а для той же службы дано имъ государева жалованье кормовыхъ денегъ на 4 мѣсяца: на май, на июнь, на июль, на августъ пшѣшняго 153-го года; а кто имеемъ донскіе и яцкіе есаулы и казаки въ новый польскій городъ на Усмани посланы, я списокъ именъ ихъ подъ свою памятью. И *Атальку Писареву* съ донскими и яцкими казаками въ новый городъ на Усмани ити не мѣшая ни часу, чтобъ ему съ донскими и съ яцками казаки приидти на Усмани въ скорѣ; и того надѣ казаки смотрѣти и беречи накрѣико, чтобъ въ дорогѣ и на ставѣхъ отъ казаковъ нигдѣ воровства никакого не было; и ити съ казаки на Усмани съ великимъ береженьемъ неоплошно, и про татарскій приходъ провѣдывать всякими обычай, и на ставѣхъ ставиться въ крѣпкихъ мѣстахъ обозомъ, и оберегаться того накрѣико, чтобъ на нихъ въ дорогѣ и на ставѣхъ татаровья не пришли и дурна какого надѣ ними не учинили. И быти *Атальку* съ донскими и съ яцкими казаки въ новомъ городѣ на Усмани съ воеводою, съ Степаномъ Вельяминовымъ, до государева указа. А въ дорогу донскимъ и яцкимъ казакамъ дано на Тулѣ по фунту зелья да по фунту свинцу челобѣку; *юловъ Атальку Писареву дано знамя чернычатое тафтяное, въ немъ мажъ тафты бѣлой, опушено тафтою желтою*¹⁾.

Въ этой службѣ на Усмани казаки ходили въ походы на татаръ, и у нихъ съ ними были бои. Казакъ Кирила Каторжнѣй говорить въ своей челобитной объ этой службѣ такъ: „и вышедши изъ полону былъ я на службѣ въ украинныхъ городахъ на Осколѣ и на новомъ городѣ Усмани, въ походѣ за татары ходили и на татарскихъ бояхъ былъ, съ татары бился не щадя головы своей, и службишка наша тебѣ государю писана въ послужныхъ спискахъ“...¹⁾.

Казаки изъ Усмани были отпущены по домамъ 1-го декабря этого-же года²⁾.

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст. Вязгор. столб. 25, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же, листъ 35. Челобитная яцк. каз. Олешки Донского.

Г Л А В А XII.

Вступленіе на царство царя Алексѣя Михайловича. Намѣреніе калмыкъ итти на русскіе города. Продолженіе службы яицкихъ казановъ въ Усмани, Бѣлгородѣ, Ливнахъ и другихъ украинныхъ городахъ. Приготовленія къ польской войнѣ (1645—1653).

Въ 1645 году 12 іюля послѣ тяжелой болѣзни умеръ царь Михаилъ Федоровичъ. На царство вступилъ шестнадцатилѣтній сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Передъ смертью царь, простившись съ женою, благословилъ сына на царство и сказалъ дядькѣ его Борису Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ весельемъ и радостью, остави домъ, имѣніе и покой, пеки о его здоровьи и наученія страху Божію и всякой премудрости, жаль къ нашему домѣ безотступно въ терпѣніи и безвокоиствѣ тринадцать лѣтъ и соблюди его, какъ зеницу ока, такъ и теперь служи“. Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ исповѣдался, приобщился св. Таинъ, послѣ чего въ началѣ третьяго часа ночи скончался¹⁾.

При бѣгломъ взглядѣ на время царствованія царя Михаила Федоровича мы видимъ, что ему пришлось выполнять двѣ главныхъ и тяжелыхъ задачи: освободить русскую землю отъ враговъ внутреннихъ и вѣнскихъ и заняться ея внутреннимъ устройствомъ. Враги вѣнскіе были изгнаны; попытка вернуть обратно взятый въ смутное время поляками Смоленскъ окончилась неудачно. Въ областяхъ хотя и наступило полное успокоеніе, но подъ этии видными спокойствіемъ тлѣлись искры неудовольствія.

Поводомъ къ этому служило крѣпостное право, извѣстное при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ подъ названіемъ кабалы и окончательное вошедшее въ жизнь; недовольны были также и города, привыкшіе къ самоуправленію. Управляемые воеводами они волновались; иногда эти волненія принимали форму бунта.

Ввиду несправедливыхъ поборовъ назначенныхъ по городамъ воеводъ, въ лихоимства и взяточничества, земскіе люди неоднократно били челомъ царю и просили о дозволеніи рѣшать воеводамъ земскія и судебныя дѣла по городамъ вмѣстѣ съ выборными отъ земства лучшими людьми. Но ихъ челобиты оставались неудовлетворенными, — виновныхъ воеводъ смѣняли и назначали другихъ и управленіе областями снова возлагалось на воеводъ.

Въ отношеніи къ яицкимъ казакамъ царствованіе Михаила Федоровича ввѣ-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 9, стр. 351—352.

ло нѣсколько существенныхъ измѣненій. До сихъ поръ совершенно независимые яцкіе казаки въ царствованіе Михаила Федоровича припали подданство и получили владѣнію на Яикъ. Теперь они уже не могли отказываться отъ службы, — вѣрить или не вѣрить грамотамъ, не могли хотѣть или не хотѣть идти на службу, они стали получать жалованье и обязанности были выставать станицы по первому требованію правительства. Какое это было жалованье, въ чемъ оно заключалось — свѣдѣній не имѣется. Но какъ видно изъ нѣкоторыхъ данныхъ, жалованье это не представляло опредѣленнаго и раз навсегда установленнаго оклада, оно имѣлось смотря по заслугамъ или вовсе не давалось, если казаки были въ чемъ либо виноваты.

Въ то время, когда во всей остальной Руси города, какъ то: Новгородъ, Псковъ, Тверь и другіе совершенно утратили свое самоуправленіе (вѣче) и когда въслѣдствіе централизаціи государства они стали управляться назначенными отъ правительства воеводами, одни только казачьи общины, въ томъ числѣ и яцкіе казаки, какъ и раньше, въ своемъ внутреннемъ управленіи были совершенно независимы отъ Москвы. Свое подданство царю казаки выражали лишь въ посылкѣ станицъ на вѣщія службы. Но, какъ видно изъ очерка, свѣдѣнія о этихъ службахъ весьма скудны. Такія же скудныя свѣдѣнія имѣются и о службѣ яцкихъ казаковъ при ногахъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Одно изъ первыхъ распоряженій новаго царя, вѣсколько касающагося Яцкаго войска, была окружная царская грамота въ Чердынъ о новой пошлинѣ на ввозимую соль.

„Въ нынѣшнемъ 7154 (1646) году, февраля въ 7 день — говорится въ грамотѣ — указали мы Великій Государь и бояре приговорили, для пополненія нашей государскіе казны и служилымъ людямъ на жалованье положить на соль новую пошлину, за всѣ старыя пошлины и за проѣзжіе мыты, предъ прежними съ прибавкою на всякій пудъ по двѣ гривны, опрѣчь Астраханской и Яцкой соли, которою солью солить на учугахъ рыбу и нашу икру; а на ту соль указали есмь положить нашу пошлину вполы, на всякій пудъ по гривнѣ, потому что съ учуговъ откушы и сборы немалые, а соль на учугахъ расходится многая. А собирать та соляная пошлина на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ та соль родится; а тарханомъ впередъ въ соляной продажѣ видѣть никому не быть, чтобы въ томъ дѣлѣ ни отъ кого никакой поруки не было; а прежнія соляная всякія пошлины и проѣзжіе мыты везаѣ отставить¹⁾...“

Эта грамота относится главнымъ образомъ къ соли, которая употреблялась въ астраханскихъ и гурьевскихъ учугахъ.

Но едва ли она давала право яцкимъ казакамъ привозить рыбу и продавать ее въ Самарѣ и Сызрани безъ платежа двойныхъ пошлинъ (вполы). Изъ ходатайства архимандрита Савинскаго Сторожевскаго монастыря Селвестра

¹⁾ Акты, собранные въ бібліотекѣхъ и архивахъ Рос. Имп. Археогрфичес. экспед. Имп. Ак. наукъ 1836 г. т. IV, № 5 1646 г. фев. 23 (ст. 5).

въ 1679 г. о невзыманіи пошлинъ съ водяныхъ и сухопутныхъ транспортовъ съ запасами и казною, принадлежавшихъ тому монастырю и присвоенныхъ къ нему монастырямъ, видно, что между прочими привасами для надобностей монастыря были освобождены отъ платежа пошлины рыба и икра, которую монастырь покупалъ на Яикѣ; до этого-же монастырь платилъ пошлину въ Самарѣ и въ Самарскомъ уѣздѣ въ разиѣръ десятой рыбы и икры натурою ¹⁾). Надо полагать, что эту-же пошлину платили и казаки.

Въ первое время царствованія царя Алексѣя Михайловича ничто не нарушало обычной жизни яицкаго городка вплоть до 1655 года. Тамъ было все по старому. Тѣ же рыбныя ловли, тѣ же промыслы на Волгѣ и на морѣ.

Только два случая нѣсколько нарушила эту обычную жизнь.

Весною 1646 г. казаки были смущены появленіемъ въ городкѣ стрѣльчачаго сотника Кевернева съ конвоемъ изъ стрѣльцовъ. Такіе гости въ Яицкомъ городкѣ были рѣдки и по обыкновенію не предвѣщали ничего хорошаго. Московскія власти появлялись на Яикѣ въ большинствѣ случаевъ съ дѣлами непріятными войску—обычно съ требованіями прекратить промыслы на морѣ. На этотъ разъ смущеніе казаковъ было недолгое. Они узнали, что стрѣльцкій сотникъ провожалъ хивинскаго посланника Эмиль-Батря, который изъ Яицкаго городка долженъ былъ слѣдовать далѣе въ Хиву въ Ургенчъ, а сотникъ Кеверневъ вскорѣ выѣхалъ обратно ²⁾).

Другой случай, всколыхнувшій нѣсколько казачью общину, былъ въ 1653 г. Въ этомъ году 29 сентября прибылъ въ городокъ толмачъ Василій Ивановъ Лобозъ, который былъ посланъ изъ Уфы къ калмыкамъ вѣстѣ съ посломъ Евдокимомъ Лопатинымъ. Привезъ Лобозъ недобрія вѣсти: „собираются калмыцкіе тайши (знатцы) Лаузаъ и Мунчаъ съ воевскими людьми и хотятъ идти подъ государевыя города подъ Уфу и въ казанскій уѣздъ и подъ Царцинь; а ниже калмыки отъ государевыхъ городовъ пришли въ улусы и съ собою привели взятыхъ русскихъ людей много. И тотъ Мунчаъ съ улусами кочуетъ по Яику рѣкѣ около ихъ казачья городка въ полднище (на югѣ). А Лаузаъ тайша пошелъ съ улусами изъ за Яика къ Волгѣ и хочетъ идти за Волгу подъ астраханскіе улусы на татаръ для воровства. А зимой хотятъ они же собрався итти вѣстѣ войною подъ Самару и въ самарскій уѣздъ“ ³⁾... Получивъ эти вѣсти и обсудивъ ихъ въ кругу, казаки снарядили ставицу и послали ее съ казакомъ Романомъ Федоровымъ съ товарищи семь человекъ въ Самару къ воеводѣ Ивану Бутурлину „съ отставою отпискою“, гдѣ изложилъ все, что слышали о намѣреніяхъ калмыковъ. Казаки прибыли въ Самару 13 октября.

¹⁾ Тамъ-же, томъ IV, № 235. (1679 г. іюль 18).

²⁾ Акты истор. г. IV, № 15.

³⁾ Акты Историч. г. IV, стр. 195, № 72, 1653 г. октября 13, отписка самарскаго воеводы Ивана Бутурлина въ Астрахань о намѣслахъ калмыковъ итти войною подъ Уфу, Самару и др. русскіе городы

Подобныя сообщенія самарскому воеводѣ казаки дѣлали каждый разъ, когда имъ было что либо извѣстно о соседяхъ калмыкахъ и ногайцахъ. Все, что было у нихъ ново, все, что они замыслили, если эти новости и замыслы были важны для московскаго государства, казаки считали долгомъ сообщать въ Самару. Эти сообщенія назывались *отставными отписками*, т. е. такими отписками, въ которыхъ сообщались вѣсти о непріятелѣ.

О службѣ яицкихъ казаковъ вѣ жизни ихъ на Яикѣ въ первые годы царствованія новаго царя не имѣется никакихъ указаній вплоть до 1654 года, когда, согласно преданію, казаки были посланы въ Польшу и похъ Ригу заслуживать свои вины.

Только служба въ украинныхъ городахъ поселенныхъ въ Туль и Москвѣ казаковъ продолжалась все время безъ перерыва и казаки въжое лѣто отправлялись въ пограничныя городки „на Украинну“ для сторожевой службы, для наблюденія за татарами и для отраженія ихъ набѣговъ.

Но объ этой службѣ, какъ уже было сказано ранѣе, имѣются весьма скудныя свѣдѣнія, да и тѣ или слишкомъ сжаты и не даютъ опредѣленнаго представленія о ходѣ этой службы, или же настолько отрывочны, что является совершенно неизвѣстнымъ ни мѣсто, ни характеръ этой службы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ имѣющихся данныхъ всеже представляется возможнымъ хотя въ краткихъ чертахъ возстановить эту, бывшую до сихъ поръ неизвѣстною, службу яицкихъ казаковъ.

Всѣ эти данныя излагаются мною въ последовательномъ порядкѣ, какъ *матерьялъ для исторіи войска*.

Послѣ службы въ Усмани казаки раннею весною 1646 г. была посланы въ Ливны.

Въ концѣ мая ливенскій воевода князь Никита Ивановичъ *Одоевскій* съ товарищи получилъ царскую грамоту ¹⁾ со списками казаковъ, въ которой было приказано выдать казакамъ въ Ливвахъ жалованье на четыре мѣсяца: за май—августъ. Въ спискахъ было указано, кому уже выдано жалованье въ Москвѣ (жившимъ въ Москвѣ) и тѣмъ, кому слѣдовало выдать.

Передъ раздачей наказывалось пересмотрѣть всѣхъ казаковъ „на лицо и которые донскіе и яицкіе казаки по смотру сами добры и лошади у нихъ добры-жь и карабины и пищали и саадаки и всякое ружье у нихъ добро-жь“, тѣмъ казакамъ жалованье выдать, а тѣмъ, у которыхъ „лошали худы и у которыхъ ружье худо или у которыхъ ружья нѣтъ“, тѣмъ жалованье выдать съ порукою, что они для службы будутъ „лошали и люди держать доброе“; казакамъ, которые не явились къ смотру „и которые *испалтынены* (т. е. исключены со службы) или померли и сбѣжали и въ воровствѣ²⁾ сидятъ въ тюрьмѣ и за приставы—нашего жалованья давать не вели“...

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мян. Юст. Бѣлгор. столъ, столѣнецъ 204, листы 218—220. Грамота царя Алексѣя Михайловича, князю Никитѣ Одоевскому о выдачѣ жалованья яицкимъ к—мъ за службу въ Ливняхъ въ май—августѣ 1646 г. Писана 1646 г. мая 13.

²⁾ Въ воровствѣ, т. е. вообще за преступленія.

Въ головы казакамъ приказано было назначить „изъ тулянь или изъ камняръ сына боярекова доброва, которому служба за обычай“.

Тѣхъ казаковъ, которые сбѣжали или испомѣщены или умерли и послѣ которыхъ остались жены и дѣти, приказано переписать поимянно и указать, сколькихъ лѣтъ „тѣ ихъ дѣти“, вѣроятно, имѣя ввиду зачислить взрослыхъ сыновей на службу въ казаки.

О службѣ казаковъ въ этомъ году имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Видно только, что они съ Одоевскимъ ходили подъ *Бѣлгородъ*, гдѣ были въ походахъ за татарами и дѣлали валъ „ровъ копали и валъ валили“¹⁾.

Казаки пробыли на службѣ до поздней осени. Въ октябрѣ они находились въ *Бѣлѣ* и *Осколѣ*.

Для раздачи всемъ служилымъ людямъ съ Одоевского въ г. *Бѣлгородѣ* были отправлены изъ *Москвы* 19 октября *Петръ Михайловъ Беклемишевъ* съ подъячимъ *Юріемъ Влудовымъ*, которые повезли съ собою „государской казны 16000 рублей на кормъ иноземцамъ полякамъ и литвы и черкасомъ и гречанамъ и вѣщамъ и донскимъ и лицамъ казакамъ и драгунамъ, которые нишѣ на государственной службѣ въ *Бѣлѣ* и на *Осколѣ*“.

Для охраны казны съ ними были отправлены изъ *Москвы* до *Тулы* въ провожатые десять московскихъ стрѣльцовъ, „а отъ *Тулы* до *Бѣлгорода* береженья государевы денежныя казны имати имѣ провожатыхъ въ городѣхъ у воеводъ по сколько человекъ пригоже“...

Какъ везлась въ тѣ времена казна, видно изъ наказа, даннаго *Беклемишеву*; имъ приказывалось „ѣхать въ *Бѣлгородъ* съ государевою денежною казною въ мѣшкая, съ большимъ береженьемъ, и быти *Петру* и подъячиму *Юрью* съ провожаты у государевы у денежныя казны въ день и въ ночь безъ отступаня, и беречь тово на крѣпко, чтобъ государевы казны въ дорогѣ и на станѣхъ и на рѣкахъ и на перевозѣхъ поруки выказія ни отъ ково не учинилось, а ставится имъ съ государевою денежною казною въ жилыхъ мѣстахъ, а въ степныхъ мѣстахъ ставитца имъ въ крѣпкихъ мѣстахъ обозомъ обернувся и беречися накрѣпко, чтобъ на нихъ воинскіе люди воры черкасы не пришли и украдомъ и обманомъ и вочнымъ временемъ надъ государевою казною какова дурна не учинили“²⁾. Приѣхавъ въ *Бѣлгородъ*, *Беклемишевъ* долженъ былъ явиться къ *Одоевскому* и расходовать казну только по приказу *Одоевского* и всѣ расходы „въ которомъ мѣсцѣ и числѣ и на какіе расходы, имѣ то все зависать въ книгу подлинно по статьямъ и держать имъ сію книгу за своей рукой“...

Такимъ образомъ приѣхавшіе *Беклемишевъ* и *Влудовъ* являлись при расходѣ казны казначеями у *Одоевского*.

¹⁾ Челобитная казана *Кирила Каторжина*. *Москов. Глав. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. столб. 215*, листъ 14.

²⁾ *Моск. Арх. Мин. Имп. Двора и Оруж. палаты. Опись 26, дѣло № 17 (155 годъ), листы 1—4.*

Какъ видно изъ челобитной Одолевскаго ¹⁾, жалованье было выдано съ 1 сентября, т. е. по тогдашнему времени съ новаго года на одинъ мѣсяць; видно также, что въ отрядѣ у Одолевскаго было три полка драгунъ, командовали которыми вѣицы: Краффертъ, Гаментонъ и Рижской. Всѣхъ драгунъ было 2950 чел. Въ расходныхъ статьяхъ показано 1770 руб., израсходованныхъ на покупку шубъ драгунамъ „по 20 алтынъ человѣку на шубу“. Въ этихъ-же статьяхъ значатся уплаченными московскимъ стрѣльцамъ „за дѣло отъ башенъ, что они дѣлали башни въ Новомъ городѣ на Болховомъ“ 619 р. 30 алтынъ и 2 деньги.

Казаки довскіе и яицкіе и проземцы получили деньги не на мѣсяць, а на два мѣсяца за сентябрь и октябрь. Какъ видно вообще изъ расходныхъ списковъ, казаки всегда получали жалованье впередъ сразу на 4 мѣсяца; по тѣмъ ввиду недостатка денегъ они получили только за 2 мѣсяца.

Въ 1647 году всѣхъ, бывшихъ по списку къ этому году 177 человекъ, казаковъ тульскій воевода Василій Вахромѣевичъ Мясново выслалъ на службу въ *Калмикосскую сакму* къ князю *Василью Львову*. Жалованье по обыкновенію они получали на четыре мѣсяца впередъ: май—августъ, „а всего на 123 дни 1080 руб.“ Тѣмъ же казакамъ, которые жили въ Москвѣ, приказано было „деньги дать на Москвѣ и выслать на службу тотчасъ“ Передъ раздачей этихъ денегъ былъ запрошенъ ливенскій, оскольскій и валуйскій кабацкій откупщикъ о томъ, есть-ли у него на Осколь денегъ и если есть, то выдать изъ этихъ денегъ ²⁾. Но, видимо, свѣдѣнія отъ откупщика получились неудовлетворительныя и поэтому 11 мая эти деньги были отравлены изъ Москвы съ подъячимъ Яковомъ Курлаковымъ, который и повезъ ихъ съ провозатными московскими стрѣльцами, съ десятникомъ Осипомъ Костентиновымъ, съ товарищи 5 человекъ ³⁾. Курлакову приказывалось между прочимъ по пріѣздѣ на мѣсто денежную казну „устроить гдѣ пригоже“, чтобы „какая поруха не учинилась“ ⁴⁾. Жалованье было роздано послѣ осмотра казаковъ и составленія списковъ, а оставшіеся отъ раздачи 24 рубля и 20 алтынъ были посланы обратно въ Москву съ тѣмъ-же Курлаковымъ. Въ челобитной о раздачѣ жалованья Мясново говорить, что деньги розданы только добрымъ казакамъ и тѣ, которые на лицо, „а которые казаки померли и которые въ воровствѣ сидятъ въ тюрьмѣ и за пристава и которые казаки выбыли и на тѣхъ казаковъ твоего жалованья, кормовыхъ денегъ не дали“ ⁵⁾. Получивъ жалованье, казаки двинулись къ *Калмикосской сакмѣ*, гдѣ были поставлены во вновь построенномъ городѣ *Царево-Александрскѣ*. Здѣсь у казаковъ происходили неоднократныя бои съ татарами, о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Моск. Арх. Минист. Импер. Двора и оруж. пал. Опись 26, Дѣло № 13 (155 г.) листы 1—3.

²⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣдг. ст. ст. 215, листъ 10.

³⁾ Тамъ-же, листъ 30.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 26.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 43.

челобитныхъ. 11 іюля на посланную станицу для развѣдокъ „на Калининской сакнѣ, межъ Сосенскихъ плотовъ, подѣ Хмѣлевымъ лѣскомъ“ попали татары и трехъ казаковъ-яцкаго Дементія *Сифонова* и донскихъ Кузьму и Василю *Микитиныхъ* ранили, при чемъ у Сафонова обазалось семь ранъ.

Отправленные въ Москву, они подали царю челобитную. „Приноклясь мы къ Москвѣ, — пишутъ они, — людяшка бѣдные, отъ твоихъ государевыхъ отъ многихъ безпрестанныхъ службъ обѣдвали и одолжали великими долги, будучи на твоей государевой службѣ испроѣлися, а которые наши братья, донскіе и яцкіе казаки присланы были съ Царева-Алексѣева города къ тебѣ къ государю къ Москвѣ съ изны по твоему указу... дано имъ жалованье, полденный коргъ впередъ на четыре мѣсяца“... просятъ и ихъ пожаловать: дать и имъ впередъ жалованье на 4 мѣсяца, чтобы имъ „съ жевинками и съ дѣтшеами голодною смертью не помереть“ ¹⁾. По этому челобитію 12 августа „придало имъ государева жалованья за ихъ службу, за татарскій бой и за раны къ старымъ ихъ окладамъ помѣстныя придачи по 50 чети ²⁾, денегъ Дементію 4 р., Кузьмѣ да Василю по 3 р. человекъ“ ³⁾.

Когда казаки были отпущены съ Царево-Алексѣевска по домамъ — неизвѣстно. Изъ наказа, даннаго князю Львову, видно, что казаки позднюю осенью все еще находились у него въ командѣ и имъ въ августѣ было вновь роздано Львовнымъ жалованье за 4 мѣсяца впередъ; выдавалось жалованье казакамъ только „лучшимъ людямъ“, а неисправнымъ за порукою. Предъ этимъ Львовъ, вѣроятно, жаловался, что казаки весною прибыли на службу неаккуратно и многіе опоздали и потому въ наказѣ говорилось: „а которые донскіе и яцкіе казаки на нашу службу въ новый Царевъ-Алексѣевъ городъ пріѣхали поздно, и тыбѣ тѣмъ казакамъ за ихъ воровство и за ослушанье учинилъ наказанье: — велѣлъ ихъ бити батоги нещадно при многихъ людахъ, чтобы на то смотри никому не повадно было такъ воровать и кормовыя деньги велѣлъ имъ дать съ порукою“ ⁴⁾. Во время смотра при выдачѣ жалованья находился дряхлѣй старикъ яцкѣй казакъ Еремей *Федоровъ*. Воевода Львовъ денегъ ему не выдалъ и въ раздаточной книгѣ поимѣнилъ: „у смотру атаманъ и есаулъ и казаки сказали, что тотъ Еремка Федоровъ дряхлѣ и болѣнъ гораздо, службѣ у него лошади и ружья никакого вѣтъ и впередъ въ службу его не будетъ, государево жалованье кормовыя деньги вынѣ дать ему не довелось“ ⁵⁾. Въ этомъ году съ донскими и яцкими казакамъ былъ причисленъ новокрещенъ татаринъ *Василій Илметевъ*. Въ томъ, что Илметевъ не сбѣжать со службѣ и не измѣнить, поручились новокрещеные-же другіе татары, изъ нихъ три князя. Это оригинальное поручительство гласитъ слѣдующее:

¹⁾ Тамъ-же, листы 64 и 65.

²⁾ Т. е. дано въ надѣлъ земли въ прибавокъ къ старой 50 чети.

³⁾ Тамъ-же, листы 64 и 66.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 50 и 53.

⁵⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣст. ст. столб. 215, листъ 98.

„Се язъ князь Яковъ Калмабекъ Мурзинъ сынъ Урмаметевъ, да язъ князь Ѳеодоръ Евлаевъ Мурзинъ сынъ Шейдяковъ, да язъ князь Петръ Урусъ Мурзинъ сынъ Кукунатовъ, да язъ Прокофій Урахъ Мурзинъ сынъ Талмаметевъ, да язъ Иванъ Кайлановъ сынъ Аргуковъ, да язъ Василій Шемратовъ сынъ Едлановъ, да язъ Малаевъ Тулубеевъ сынъ, да язъ Деметей Юнаевъ Мурзинъ сынъ Исуповъ поручались есми разрядному сыну боярскому Ивану Ильину по воложениямъ новокрещенъ по Васильѣ Илкометевѣ въ томъ, что служить ему за нашею порукою службу государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи съ доясскими и съ яцкиими казаками виѣстѣ и взявъ государево жалованье съ государевы службы не сбѣжать, и государева жалованья, и ружья не снести, и государю не измѣнять, въ Крымъ и въ Литву и въ Нагаи и въ Нѣнца и въ иныя въ которыя государства не отъѣзжать; а будетъ онъ Василій не учнетъ за нашею порукою государю служить или съ государевы службы сбѣжить и государево жалованье и ружье снести или государю измѣнить въ Крымъ и въ Литву и въ Нагаи и въ Нѣнца и въ иныя въ которыя государства отъѣдетъ, и на ясъ на поручикахъ цена государя царя... а ценю что государь укажетъ, а кой насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ государева пеня и порука о наши поручиковы головы въ его голову мѣсто. А на то послуши Надѣя Ивановъ а запись писалъ Ивацковскія площади подъячій Иванъ Денисовъ. Дѣта 7155 (1647), мая въ 16 день“. На оборотѣ листа поднеси татаръ ¹⁾.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1648 года прибыли изъ Тулы въ Москву 33 чоловѣка казаконъ по своимъ дѣламъ, въ числѣ ихъ былъ и старикъ Еремѣй Ѳеодоровъ. Приѣхавъ онъ проситъ невиданнаго ему жалованья. Пришелъ старый лицарь въ приказъ и подалъ царю челобитную ²⁾:

„Царю Государю (титულъ)... верстаннй яцкой казачишко Еремка Ѳеодоровъ челоуъ бьетъ. Служилъ я х. т. блаженной памяти отцу твоему государю... Михаилу Ѳеодоровичу а тебѣ подъ Смоленскомъ съ приходу и до отходу и въ осадѣ сидѣлъ и всякую осадную нужду и бѣдность терпѣлъ, а послѣ смоленскія службы служилъ я х. т. въ разныхъ украинныхъ городахъ и былъ на твоей государевой службѣ въ Бѣлгородѣ съ бояриномъ съ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи валъ ваялъ и ровъ копалъ. И въ прошломъ во 155 (1644) году былъ я х. т. на твоей государевой службѣ въ новомъ Царевѣ-Алексѣевѣ городѣ съ обольичиимъ со княземъ Васильемъ Петровичемъ Львовичемъ и всякую твою службу служилъ и въ походы ходилъ и въ сотнахъ съ своею братьею стоялъ. И будучи я х. т. на твоей службѣ въ новомъ Царевѣ-Алексѣевѣ городѣ по грѣхамъ своимъ заболѣлъ и лежалъ при смерти многое время. Да у меня жъ х. т. въ тѣ поры пала лошадь, и какъ я х. т. взбрелъ и закабала головы свою а жены своей и дворичко

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. ст., столб. 215, листъ 98.

²⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. ст., столб. 215, листъ 97.

и на тѣ деньги купилъ лошадей и служилъ твою государеву службу до отпуску; а моею государь братья твою государеву жалованье мѣсячной кормы на 4 мѣсяца дано, а мнѣ х. т. корму на тѣ мѣсяцы не дано и во сѣ мѣсяцъ; и я х. т. съ женишкой и съ дѣтшинами сятаюся межъ дворъ помираю голодною смертию. Милосердный государь... пожалуй меня х. т. за мои многія службишки, вели мнѣ служить твою государеву службу по прежнему съ моею братією врядь и выдать свое государеву жалованье кормы противъ моею братіи, чтобъ мнѣ съ женишкой и съ дѣтшинами въ конецъ не погнуть в твоей царской службѣ не отбыть. Царь государь смилуйся“.

По этой челобитной приказано было дать справку „за что ему не дано“.

Справку дали, что не выдали ему кормовыя за дряхлостью.

Но государь казака Федорова пожаловалъ: „велѣлъ дать своего государева жалованья два рубли для его бѣдности и для его прежнихъ службъ; а впредь ему въ службѣ не быть и кормовыхъ денегъ ему не давать“¹⁾.

Прибывшіе вмѣстѣ съ Федоровымъ 33 человекъ казаковъ „для своей нужды и для оружейной покупки“ подали тоже челобитную, прося о выдачѣ жалованья впередъ за 4 мѣсяца. Жалованье было выдано находящимся въ Москвѣ всѣмъ донскимъ и яцкимъ казакамъ всего 107 человекамъ²⁾. Изъ этого видно, что въ Москвѣ жило приблизительно около 70 человекъ донскихъ и яцкихъ казаковъ, служившихъ въ „Тульскомъ полку“.

Въ 1648 году казаки пошли на службу въ Яблоново. Всѣхъ казаковъ было 180 человекъ³⁾.

Отправляясь въ походъ, казаки подали въ Москвѣ челобитную:

„Царю Государю..., бѣуть челомъ х. т. донскіе и яцкіе ворстанные казаки. По твоему великого государя указу велѣно намъ х. т. быть на твоей государевой службѣ на Яблоновомъ, а знаменники у насъ х. т. свой есть, а для твоей государевой службѣ знамени у насъ х. т. нѣтъ... вели намъ дать изъ своей государевой казны знамя съ чемъ вамъ твою государеву службу служить“⁴⁾...

По этой челобитной „Государь пожаловалъ, велѣлъ дать знамя тафтяное“ и 12 мая приказано было „по государеву указу... казначею Богдану Мяничу Дубровскому, да дьякамъ Григорію Панкратьеву да Захару Овофриву прислать въ разрядъ знамя тафтяное сѣтенное и дать то знамя донскимъ и яцкимъ казакамъ для государевой службѣ“⁵⁾.

Съ этого года на службѣ въ украинныхъ городахъ правительство начинаетъ обращать особенное вниманіе и усиливаетъ гарнизоны городковъ стрѣльцами, драгунами, солдатами и ваенными иноземными полками. Поводомъ для

¹⁾ Тамъ-же, листъ 98.

²⁾ Тамъ-же, листы 82, 83—96.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Бѣлг. ст., столб. 215, листы 118—119.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 426—427.

⁵⁾ Тамъ-же.

этого послужило начавшееся возстаніе малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго. Соединившись съ крымскимъ ханомъ, Хмельницкій съ запорожцами и малороссійскими казаками двинулся въ Польшу. Московское правительство должно было согласно заключенному еще ранѣе договору помогать полякамъ и дѣйствительно двинуло къ южнымъ границамъ до 40 тысячъ войска. Но прежде чѣмъ эти войска пришли къ Путивлю, Хмельницкій при Желтыхъ водахъ разбилъ на голову польскія войска и гетманъ Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ. При дальнѣйшихъ успѣхахъ Хмельницкаго русскія войска оказались лишь зрителями происходившихъ событій. Все вниманіе русскаго правительства было обращено тогда на то, чтобы союзники Хмельницкаго крымскіе татары не напали на южно-русскія области. Поэтому въ указѣ, данномъ стольнику князю Алексѣю Буйносову-Ростовскому и Степану Вильяминову, назначеннымъ въ этомъ году воеводами въ Яблотовъ, даются подробныя указанія о томъ, что имъ дѣлать, какъ охранять границу и производить поиски за татарами ¹⁾. Этотъ указъ даетъ полное понятіе о характерѣ пограничной службы того времени въ нашихъ южно-русскихъ предѣлахъ.

По прибытіи въ Яблотово имъ приказано было прежде всего, „взавъ съ собою Федора Леонтьева и служилыхъ лучшихъ людей, сколько человекъ пригоже“, осмотрѣть городъ Яблотовъ и остроги и яблотовскій и короченскій земляной валъ и городки, построенные по валу — и крѣпости, которые „для береженья, отъ приходу воинскихъ людей сдѣланы въ городѣ и по валу; и въ которыхъ мѣстѣхъ въ городѣ и по валу какія крѣпости надобно подѣлать, а ему тѣ всѣ крѣпости велѣтъ подѣлать яблотовскими и короченскими всякими служилыми и жилацкими людьми. А который земляной валъ отъ Яблотова къ Корочѣ велѣно навѣшняго лѣта дѣлать Федору Леонтьеву, да Никитѣ Доможирову яблотовскими и короченскими жилацкими людьми, а ему тотъ валъ велѣти Федору и Никитѣ дѣлать по прежнему государеву указу съ большимъ посильеньемъ, чтобъ тотъ земляной валъ и всякія крѣпости сдѣлать вскорѣ“...

По прибытіи же въ Яблотово велѣно было Ростовскому галисать „къ товарищамъ своимъ сходнымъ воеводамъ“ ²⁾ Тимофею Вутурливу въ Вѣлгородъ и Никитѣ Лобанову, что ему „по государеву указу велѣно быть на государевѣ службѣ въ Яблотовѣ, а съ намъ для береженья отъ приходу воинскихъ людей велѣно быти дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ украинныхъ и замосковныхъ городсвъ, и иноземцамъ, и новокрещенамъ, и князьямъ, и мурзамъ, и татарамъ... и изъ городовъ стрѣльцамъ, и казакамъ, коннымъ и пѣшимъ, съ огневыми боемъ, съ пушками и полковникамъ съ драгуны и съ солдаты, коннымъ и пѣшимъ, и донскимъ и *мижиж* казакамъ и вселеніи служилыми людьми“.

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 331.

²⁾ Воеводамъ, рати которыхъ назначены для поиска и похода за татарами — полемымъ, походнымъ воеводамъ.

Если же крымскій царь и царевичъ съ большими силами придетъ на государеву Украину, то Ростовскій долженъ было приказано немедленно „со всѣми украинскими воеводами идти противъ крымскаго царя и царевичей и большахъ воинскихъ людей встрѣчу на прямой бой, а имъ, воеводамъ, Тимофею Вутурлину и князю Никитѣ Лобанову, по государеву указу, велѣно быть къ сходѣ съ нимъ, съ княземъ Алексѣемъ... и которымъ воеводамъ велѣно быть съ нимъ, съ княземъ Алексѣемъ, и тѣмъ бѣ шли къ нему во сходѣ; а которымъ велѣно быть съ Тимошеемъ и съ княземъ Никитою, и тѣмъ бѣ воеводы шли къ нимъ въ сходѣ. А нимаѣ они бѣ, воеводы, со всѣми служилыми людьми къ походу были готовы со всякимъ полковымъ строемъ, и ожидали отъ него, князя Алексѣя, присылки; а какъ онъ къ нимъ про приходъ крымскаго царя и воинскихъ людей отпишетъ, и они бѣ Тимошей и князь Никита, и съ товарища своими, со всѣми людьми, устроятся обозомъ, и взявъ съ собою полковой нарядъ, шли къ нему въ походъ тотчасъ“.

Для развѣдки о татарахъ и для охраны („береженья“) городовъ наказывалось держать „сторожи ближніе и дальніе; и на вѣсти (для сбора свѣдѣній, вѣстей о татарахъ) по городамъ и въ ставицы (развѣзды) къ урочищамъ, и по вѣстемъ въ подѣзды по дорогамъ посылати по часту, и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывати всякими обычай исполншо, чтобъ татаровья къ городамъ и въ уѣзды безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городами не учинили, и уѣздовъ не завоевали, и православныхъ крестьянъ не побили, и въ полонъ не поинали“... Наказывалось также отписать въ Бѣлгородъ къ воеводѣ, къ Тимофею Вутурлину: велѣть ему въ Валкахъ и на Чугуевѣ держать станичниковъ, велѣть съ валокъ беречь Муравскія сакмы, а съ Чугуева беречь Изюмскія сакмы, „чтобъ тѣми сакмами воинскіе люди безвѣстно на Украину не пришли и не завоевали и людей не побили, и въ полонъ не поинали; а какія вѣсти про приходъ воинскихъ людей въ Валкахъ и на Чугуевѣ объявятся, и съ тѣми вѣстями велѣть станичникамъ бѣжать къ нему, князю Алексѣю, и въ Бѣлгородъ раздѣлясь, чтобъ ему, князю Алексѣю, а въ Бѣлгородѣ и во всѣхъ украинскихъ городѣхъ про приходъ крымскаго царя и воинскихъ людей безвѣстнымъ не быть... а которые бѣлгородскіе станичники ѣзжать въ низъ по Дову къ Сокольимъ горахъ, и будетъ тѣ станичники переѣдутъ татарскія сакмы и челпазы черезъ Донецъ, или на Изюмской и на Каліиуской сакмѣ увидятъ татаръ, и тѣ бѣ станичники съ тѣми вѣстями бѣжали прямо въ Яблоново, и въ Царевъ Алексѣевъ городъ и въ Бѣлгородъ, раздѣлясь насильхъ, чтобъ имъ прибѣжать впередъ приходу воинскихъ людей“...

Въ случаѣ-же полученія „подлинныхъ“ вѣстей про набѣгъ крымскаго царя или вообще татаръ на Украину князь Вуйновскій-Ростовскій долженъ былъ велѣть Яблоновскому осадному¹⁾ воеводѣ „изъ Яблоновскаго уѣзда боярскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ собрать въ Яблоново съ женами и съ дѣтми

¹⁾ Осадный воевода — воевода, начальствующій надъ городомъ, нѣчто вроде нынѣшняго командира крѣпости.

и со всѣми животы до приходу воинскихъ людей заранѣе, и хлѣбъ убаданнымъ людямъ велѣть сснать по ямамъ, а у животины велѣть оставлять людей немвогихъ; и велѣть остальцомъ (оставшимся въ уѣздѣ) приказать, чтобъ они съ животною для береженья отъ татаръ были въ лѣсахъ и во всякихъ крѣпкихъ мѣстѣхъ, чтобъ ихъ, остальцовъ, воинскіе люди не побили и въ полонъ не поймали, и животные не побили-жъ. А которые служилые люди, и пашенные крестьяне, и вдовы, и недоросли въ Яблоново въ осаду не прѣдутъ, а возмутъ кого татары, и тѣмъ людямъ то полонское терпѣнье будетъ отъ себя, и изъ полону государь окупать ихъ и на обшину имать не велитъ; то всѣмъ людямъ велѣть сказать не въ одно время, а брягучемъ ¹⁾ въ торговые дни велѣть прокликать не по одинъ день, чтобъ то всѣмъ людямъ было вѣдомо, чтобъ служилые люди всѣ женъ своихъ и дѣтей по вѣстемъ везли въ Яблоново въ осаду тотчасъ, а вдовы бы и недоросли, и всякіе неслужилые люди сами ѣхали въ Яблоново въ осаду. А которые служилые людучнутъ ослушаться, женъ своихъ, и дѣтей, и людей, и крестьянъ по вѣстемъ въ Яблоново въ осаду не привезутъ, или которые вдовы и недоросли въ осаду по вѣстемъ не прѣдутъ или которые уѣздные люди для осадного времени въ городъ занасовъ не привезутъ, и стольнику и воеводѣ, князю Алексѣю Буйносову, тѣмъ ослушникомъ чинить наказанье смотря по винѣ*...

Промышлять князю Буйносову съ товарищи надъ крымскими воинскими людьми приказано было „съ большимъ радньемъ... чтобъ надъ воинскими людьми поискъ учинить, а себя и людей уберечь... А будетъ крымскій царь или царевичи и воинскіе люди большою мочью черезъ крѣпости, или Бокаевымъ шляхомъ ихъ, воеводѣ, обойдутъ, и пройдутъ къ Курску, и къ Рыльску, и къ Кормарицкой волости, или пойдутъ къ Ливнамъ, и къ Новосилью, и къ Тулѣ, и къ засѣкамъ, князю Алексѣю Буйносову со всѣми своими товарищи, устроясь обозомъ и съ нарядомъ, идти за крымскимъ царемъ и за воинскими людьми, приходить въ день и ночнымъ временемъ, и надъ царемъ и надъ татарами съ Божіей помощью промышлять, смотря по тамошнему дѣлу, сколько милосердный Богъ помощи подастъ, чтобъ крымскому царю помѣшка учинить и къ засѣкамъ не допустить. А въ города: на Тулу, на Крапиву, на Веневъ, въ Одоевъ, на Рязань и въ иные города, въ которыхъ городѣхъ засѣки, писать къ воеводамъ, а велѣть засѣки крѣпить и подымованыхъ людей собрать, и велѣть бытъ на засѣкахъ засѣчнымъ головамъ съ подымованными и со всякими людьми которымъ съ ними на засѣкахъ, у надолобъ стоять бережно и усторожливо совсѣмъ на готовѣ, чтобъ воинскихъ людей черезъ засѣки не пропустить; а они бѣ, воеводы, со всѣми людьми укрѣпя въ городахъ осаду, были у засѣкъ, и надъ крымскимъ царемъ и надъ воинскими людьми промышляли. А какъ оны, князь Алексѣй съ товарищи, будутъ въ походѣ, и имъ съ собою имать въ походѣ нарядъ полковой ²⁾ и къ наряду пушкарей, и зелье и свинецъ и

¹⁾ Брягучи—особые чиновники, которые объявляли народу указы.

²⁾ Пушка.

вскіе пушечные запасы въ Яблонѣвѣ, и въ Бѣлгородѣ и въ Царевѣ-Алексѣевѣ городѣ, и на Ливнахъ и въ иныхъ городѣхъ”.

Были-ли бои у казаковъ съ татарами въ этомъ году — неизвѣстно.

Переѣхавъ по спискамъ того времени у казаковъ никакихъ не было. Лишь только четыре человѣка — ницкій есаулъ Григорій Ѳеодоровъ Кунтевъ, Вас. іій Сидоровъ, Нестерко Максимовъ и Куземка Микитивъ были отпущены на моленье въ Соловки. Въ своей челобитной они пишутъ: 1)... „Мы х. т. Васька да Нестерка были взяты въ половъ въ Литву на твоей государевой службѣ подь Смоленскомъ, и бывъ въ плсону общались къ Соловецкимъ чудотворцамъ помолиться и съ тѣхъ мѣсть 15 лѣтъ молиться не ходили, — занимали насъ твои государевы частыя службы да я жъ х. т. Васька былъ на твоей государевѣ службѣ на Усманн, и на той твоей службѣ ранили меня крымскіе люди изъ лука и всѣ мы х. т. на твоихъ государевыхъ службахъ раненіи многыжды и помолиться къ Соловецкимъ чудотворцамъ общались. Милосерднй государь пожалуй насъ х. т. за наши службишка и за раны и за полонское терпѣніе, веди государь насъ по обѣщавью отпустить къ Соловецкимъ чудотворцамъ помолиться. Царь государь смилуйся пожалуй”.

На оборотѣ этой челобитной помѣтка: „156 (1648) г. мая 6 дня государь пожаловалъ, велѣлъ отпустить, а корму дать на одинъ на май мѣсяцъ и о томъ дать вѣдомость подъячому у кого казаки вѣдомы”.

Какъ служили казаки въ 1649 году — неизвѣстно. Видно только, что въ этомъ году по челобитной казаковъ приказано было 28 апрѣля въ г. *Ливны* выдать имъ по 1 фунту пороху и свинцу, о чемъ и была послана грамота, въ которой между прочимъ говорилось: „давати воеводѣ порохъ при себѣ и свинець, и ходати въ погребъ съ великимъ береженьемъ”... 2)

Въ грамотѣ объ этомъ ливенскому воеводѣ Якову Петровичу *Кологривову* указано, что донскимъ и яицкимъ казакамъ велѣно быть на службѣ въ этомъ году въ *Новомъ Царевѣ-Алексѣевѣ* городѣ и на *Балуичѣ* и что выдано пороха и свинца на 190 человѣкъ 3).

Казаки должны были прибыть въ Царевъ-Алексѣевскъ къ 8 мая, но такъ какъ многіе изъ нихъ „живуть въ украинныхъ городѣхъ и къ жалованью прѣѣхали изъ украинныхъ городовъ мая въ 10 день”, то эти „достальные” были высланы въ Царевъ-Алексѣевскъ 12 мая 4).

Но не всѣ казаки поѣхали на службу. Одинъ изъ нихъ яицкій казакъ, бывшій еще подь Смоленскомъ, старикъ Турко Петровъ сынъ *Минна* отправился въ Москву, гдѣ подалъ челобитную царю. „Былъ я холоуиъ твой, — писалъ онъ въ челобитной 5), — на твоей государевой службѣ въ Новомъ Ца-

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. стол., столб. 215, листь 426.

2) Моск. Глав. Арх. Минист. Юст. Вѣл. ст., столб. 215, листь 266.

3) Тамъ-же, листь 267. Грамота отъ 11 мая, 1649 г.

4) Тамъ-же, листь 268.

5) Моск. Глав. Арх. Мин. Юстнц. Вѣлгор. стол., столб. 288, листь 34.

ревъ Алексѣевъ городъ (въ 1647 г.) и какъ крымскіе и ногайскіе люди приходили подъ новый Царевъ-Алексѣевъ городъ я и съ ними бѣгся не шедя головы своей и въ походы за татарами ходилъ и въ пробахія станицы ѣздилъ и какъ пошли; съ твоей государевой службы съ Царева и меня бѣднаго ион брата покинули больного на Осколѣ, и я лежалъ 1 1/2 года и въ немочи за грѣхъ свой обвинялъ; и я х. т. обѣщала постричься въ монастырь къ Николѣ Чудотворцу въ Холковъ монастырь... Въ концѣ челобитной Мингалъ просилъ постричь его „безвкладно и за тебѣ Государя Бога молить“.

По этой челобитной была послана 30 апрѣля оскольскому воеводѣ Фелору Ловчикову грамота, гдѣ говорилось, что яццкому казаку Мингалу „за его службы и для его старости и нищеты“ велѣно быть въ Осколѣ въ Холковъ монастырь безъ вклада и въ томъ монастырь его постричь ¹⁾.

Но Мингалъ подалъ снова челобитную ²⁾. „Пожаловалъ ты государь меня х. т.—писалъ онъ—за многія мои службишки и за половное терпѣніе и за мою нищету, за старость, и за увѣчья по моему обѣщавью велѣлъ безовкладно постричь въ Никольскій Холковъ монастырь; а я х. т. человекъ нищій и увѣчный, а путь дальній—брестъ не могу, а подводы нанять нечѣмъ, взять негдѣ, человекъ бѣдный... Просить Мингалъ, чтобы за многія его службишки и за половное терпѣніе, за его старость и увѣчья далъ ему подорожную „чтобъ до Никольскаго монастыря Холкова, мыту и перевозу и по городамъ головщины не имали... вели Государь для моей нищеты дати подводу съ проводникомъ“...

По надписи на оборотѣ этой челобитной видно, что ему велѣно было „дати подводу съ телѣгой и съ проводникомъ, и мыту и мостовщины и перевозу не имать“...

Вѣстѣ съ Мингаломъ не пошелъ на службу яццкій иказакъ Иванъ Семеновъ, бывшій подъ Смоленскомъ попавшій тамъ въ плѣвъ; онъ былъ отпущенъ въ Соловки на моленъ ³⁾.

Что дѣлали казаки въ Царевъ-Алексѣевскѣ и на Валуйкѣ въ этомъ году, были ли въ походахъ и въ бояхъ—неизвѣстно; видно только, что въ приказѣ воеводѣ города Царева-Алексѣевска Афанасію Семеновичу *Отлеву* приказано было отпустить казаковъ 30 августа въ Ливны, а ливенскому воеводѣ *Кологривову* выдать имъ жалованье на сентябрь—декабрь ⁴⁾.

Точно также положительно ничего неизвѣстно о службѣ этихъ казаковъ за слѣдующіе три года вплоть до 1653 года. Въ эти годы (1651—52) крымскіе татары, измѣнившіе Хивъязицкому во время его третьей войны съ поляками, съ позволенія польскаго короля сильно опустошали южно-русскіе предѣлы. Весьма вѣроятно, что яццкіе и дояскіе казаки изъ Тулы были отправлены въ

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юсти. Вѣдгор. столб. 288, листъ 35.

²⁾ Тамъ-же листъ 141.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣд. столб. 215, листы 428 и 429.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 274—278.

какой либо отрядъ, дѣйствовавшій противъ татаръ и потому свѣдѣнія объ ихъ службѣ не попали въ донесенія тульскихъ воеводъ.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ русскому государству въ 1653 году явилась необходимость вести войну съ Польшею. Войска стали приготовляться къ походу, правительство заготовляло воинскіе припасы. На украинныхъ городахъ воеводамъ приказывалось сдѣлать хлѣбные запасы. Въ Голландіи и Швеціи было куплено до 40 тысячъ мушкетовъ и до 30 тысячъ пудовъ пороха и свинцу, вербовались иностранцы на русскую службу. Описаніе смотра навывавшихся въ Голландіи офицеровъ и солдатъ въ высшей степени любопытно. Иностранцы приходили на посольскій дворъ каждый со своимъ оружіемъ и должны были показывать свое искусство въ воинскомъ дѣлѣ, такъ „Филивъ-Альбертъ фовъ-Буковинъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и саблею различныя штуки и по досмотру *добры добре...* Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ и засрѣлялъ трехъ человекъ: толмача Нечая Драбина да двухъ солдатъ ямщевъ, у Нечая да у ямщича испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье, за пизу солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худъ добре*“¹⁾.

Въ это лѣто казаки находились въ Яблоновѣ. Объ нихъ упоминается въ отпискѣ яблоновскихъ воеводъ Василія Борисовича *Шереметева* съ товарищи объ отказѣ уѣздныхъ людей разныхъ украинскихъ городовъ привозить въ города хлѣбные запасы и „конскіе кормы“ для продажи служилымъ людямъ и солдатамъ²⁾.

Въ отпискѣ воеводъ, между прочимъ, пишутъ, что войскамъ приказано быть на государственной службѣ въ Яблоновѣ, Вѣлгородѣ, Карповѣ и Усердѣ, гдѣ они должны покупать для себя „запасовъ и харчей и лошадиамъ конскаго корму“. Но жители этихъ городовъ продавать хлѣбъ войскамъ не пожелали.

„И мы — пишутъ воеводы — въ Яблоновѣ велѣли-жъ бирючемъ кликать не по одняъ день, и въ города къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ писали многожды, чтобъ въ Яблоновѣ и въ городѣхъ всякихъ чиновъ служилые и жалецкіе люди всякіе запасы и конскіе кормы везли на торгъ ратнымъ людямъ на продажу, а продавали бѣ противъ твоего государева указа и Соборнаго Уложения, чтобъ ратные люди на твою государеву службу были запасны. И въ Яблоновѣ, и въ Вѣлгородѣ, и въ Карповѣ, и на Усердѣ всякихъ чиновъ люди занасовъ и конскихъ кормовъ на продажу ратнымъ людямъ не повезли, насъ въ городѣхъ воеводы не послушали. И мы велѣли въ Яблоновѣ и на Корочѣ съ дѣтей боярскихъ, и съ казаковъ и со всякихъ жалецкихъ людей, у которыхъ нашии есть, собрать съ двора по чети сухарей, да по четвернику крупъ, и велѣли имъ тѣ сухара, крупу везть на торгъ и продавать ратнымъ людямъ противъ твоей государственной улазной цѣны... и въ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 307—308.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 546.

Яблоновъ и съ Корочи великихъ чиновъ служилые и жилищные люди сухари и крупы на торгъ привозили, и ратные люди у нихъ покупали, и къ твоей государственной службѣ запасы пополнялись“.

Казачи служили въ Яблоновѣ до зимы. Лишь только въ ноябрѣ была получена воеводою Шереметьевымъ грамота, гдѣ „донскихъ и яицкихъ атамановъ и казаковъ и новокрещеновъ и татаръ велѣно отпустить по домамъ для того, что они были на службѣ въ Яблоновѣ во все лѣто и въ осень“, казачамъ велѣно было сказать, чтобъ они были въ своихъ домахъ, лошадей кормили и изъ домовъ своихъ некула не разбѣжались, и чтобы повѣстанъ были готовы на службу. Кормовыя деньги съ января мѣсяца должны были они получить въ Ливнахъ. Отпущены были казаки по домамъ 28 ноября ¹⁾.

Съ самаго начала 1654 года уже началось движеніе войскъ въ Польшу. 27 февраля отпущенъ былъ варядъ (пушка) съ бояриномъ Далматовымъ Карповымъ, 17 марта былъ объявленъ походъ въ Брянскъ князю *Алексѣю Никитичу Трубецкому* съ товарищи, который былъ назначенъ главнымъ начальникомъ южныхъ войскъ. Трубецкому изъ Брянска велѣно было идти въ Малороссію и, соединившись тамъ съ Хмѣльницкимъ, ударить на польскія области. Съ своей стороны Хмѣльницкій отрядилъ въ Белоруссію 20 тысячъ казаковъ подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Никифоровича *Золотаренко*. 15 мая отпущена была въ Вязму Иверская икона Богородицы и въ тотъ-же день отправились туда воеводы передового и *ертаульнаго* (сторожевого) полка. 18 мая выступилъ самъ царь съ главнымъ войскомъ, отправлявшимся на западъ по смоленской дорогѣ. Въ воротахъ, черезъ которые шелъ государь, по обѣ стороны были сдѣланы *рундуки* большіе, ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и крошило государя и ратныхъ людей святою водою ²⁾.

Начальникомъ южныхъ пограничныхъ (украинныхъ) городовъ былъ въ это время тотъ-же воевода *Василій Борисовичъ Шереметевъ* съ товарищемъ окольничимъ Федоромъ Васильевичемъ *Бутурлинымъ*. Еще 9 февраля Шереметьевъ доносилъ изъ Яблонова, что крымскіе татары соединились съ поляками и что если ему велѣтъ идти на службу, то у него въ Яблоновѣ „ратныхъ конныхъ людей нѣтъ, одни нѣшіе люди, московскіе стрѣльцы да солдаты; а дворяне московскіе, и жильцы, и донскіе, и яицкіе, и дивпровскіе казаки и тульскіе драгуны со службы всѣ распущены по указамъ и по грамотамъ“ ³⁾. Но уже весной въ его распоряженіе были посланы войска и по приказу изъ Москвы тульскій воевода *Василій Вахрамѣевичъ Мясное* экстренно выслалъ донскихъ и яицкихъ казаковъ въ Ливны, гдѣ они должны были, получивъ кормовыя деньги по 4 руб., немедленно слѣдовать въ *Рыльскъ*

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. II № 565. Отписка съ Яблонова воеводи В. Б. Шереметева о роспускѣ ихъ по домамъ яицкинецъ, донскихъ и яицкихъ казаковъ, мурзь и татаръ.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 312, 317 и 318.

³⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 578.

„со всею службою и съ запасъ“, куда одновременно должны были выступить изъ Яблонова и воевода Василий Шереметьевъ „со всіми служилыми людьми съ конными и съ пѣшими“¹⁾).

Присланною царскою грамотою на Шереметьева была возложена задача главнымъ образомъ оберегать южныя границы отъ крымскаго хана и ногайскихъ людей.

Война началась. Войска выступила въ походъ. Посмотримъ же, что дѣлалось у казаковъ на Яикѣ.

---

¹⁾ Акты Москов. Госуд. т. II 1654 г. № 581. Память тульскому воеводѣ В. Мяснову о посылкѣ изъ Тулы на Ливны доискать и ящичить казаковъ, и новокрещеновъ для получения кормовыхъ денегъ.

Г Л А В А XIII.

Грабени казановъ на морѣ. Пѣздна атамана Бѣлоусова съ казаками въ Москву съ повинною. Служба казановъ въ Польшѣ и подъ Ригой. Первыя свѣдѣнія о высылкѣ жалованья Яицному войску. Разгромъ казаками Яикъ—Гурьева городка и его учуговъ. 1654—1666 г.

Подѣсите, ребяташи, къ царю съ повинною,
Повесите съ собой, братцы, топоръ съ пазломъ,
Повесите, братцы, дарю дары драгоцѣнные,
Серебро, золото, камни самоцѣтные...
Тутъ насъ станетъ царь благодарить—жаловать,
И станетъ насъ царь крѣпко спрашивать...
Мы скажемъ царю всю правду истину!..

(Изъ писемъ Урал. каз. ¹⁾).

О жизни казаковъ на Яикѣ въ это время не имѣется никакихъ свѣдѣній. Исторія не сохранила намъ ничего объ этомъ. А жизнь тамъ шла боевая, шумная, тревожная. Вѣчная стычка съ вогайцами и калмыками, вѣчное опасеніе за завтрашній день, вѣчная готовность отразить врага, набѣги, схватки, разгулье по синему морю Хвалынскому—такова была жизнь уральскихъ орловъ того времени.

Но ни преданія, ни исторія не оставила намъ ни одного слова объ этихъ дѣлахъ, ни объ этой жизни, полной неожиданностей, ни о герояхъ этой жизни, безстрашныхъ и отважныхъ казакахъ-лицаряхъ. Кто знаетъ, сколько осталось неизвѣстными для потомства примѣровъ доблести, мужества, геройскихъ подвиговъ? Въ сумеркахъ далекаго прошлаго чуть видны мощныя фигуры этихъ безвѣстныхъ героевъ, этихъ безстрашныхъ вольныхъ лицарей-богатырей. Вотъ несутся они по степи... блестятъ казацкія колья, свистятъ калмыцкія стрѣлы, разносятся бранные клики, стучатъ кистени, звенятъ сабли,—кипятъ въ степи невѣдомый бой!.. Но летитъ время, летитъ—и все хоронитъ собой, ни слѣда, ни звука не оставляетъ оно о прошломъ. Темною целеною завѣся закрыло время эти кровавыя схватки.

Тихо плещется славное море Хвалынское. Тихо на немъ. Вотъ несутся на быстрыхъ ладьяхъ по его зеркальной глади суровые казаки. Шире дорогу! это летятъ уральскіе орлы! Ни что имъ не страшно: жизнь ихъ—копѣйка! Берегись, персіяне, туркменцы, армяне! Остры казацкія сабли; какъ птицы, несутся надъ моремъ ихъ легкія лодки; орлами, влетаютъ они на добычу... борьба! Возмуть, раздуванята и снова несутся надъ моремъ, несутся, Напрасна

¹⁾ Макушинъ „Сборн. пис. Урал. каз.“ стр. 39.

чтобъ скрыться въ туманной, невѣдомой дали. Скроются орлы — и снова тихо надъ моремъ. Блестятъ оно зеркальною гладью или вздымаютъ бѣлые гребни и не видно за ними ни паруса, ни далекихъ береговъ. И кто были эти орлы, какъ звали ихъ — не скажетъ синее море. Въяно плещется оно своими волнами о пустынные и дикіе берега и никому не выдаетъ своихъ тайвъ. Тихо, тихо надъ нимъ. Лишь изрѣдка, пролетая надъ темною зибью, закричитъ сиротливая чайка, раздается, разнесется ее жалобный крикъ по синему морю и запереть далеко-далеко за волнами и снова все тихо.

Насталъ 1654 годъ. Вазеленѣла, украсилась душистыми цвѣтами вольная степь; заблестѣли, завскрились подъ жгучими лучами яркаго солнышка быстрыя воды Яика. Лодка за лодкой, парусъ за парусомъ несутся по его тихой глади, сидятъ въ лодкахъ удалыцы охотнички, плывутъ они въ Хвалынское море на промыселъ. Вотъ и устье Яика. Перегорожены его воды учужной забойкой, за толстыми стѣнами каменнаго городка видны стрѣлціи шапки, блестятъ острия копья, сверкаютъ бердыши.

Шире дорогу! То плывутъ приядкіе орлы! Разломанъ, изрубленъ ненавистный учугъ; плывутъ удалыцы мимо стѣнъ городка, стоятъ, не шелохнутся стрѣлціи на стѣнахъ. Крикнули ключъ удалыцы учужнымъ рабочимъ и всему кабальному темному люду. Толпами выбѣгаютъ они изъ городка, пристають къ казакамъ и идутъ съ ними на синее море, на вольную волю, на широкій просторъ ¹⁾...

Шумно на морѣ Хвалынскомъ. Гуляютъ по его синимъ волнамъ приядкіе орлы, разбиваютъ они персидскіе корабли, грабятъ персидскіе берега. Гуляютъ вѣсть съ ними четыреста казаковъ — охотничковъ съ Тихаго Дона. Пируютъ удалыцы. Робкими испуганными толпами бѣгутъ жители прибрежныхъ персидскихъ городовъ и селятъ въ ближайшія горы и лѣса. Шлетъ персидскій шахъ къ русскому царю одну жалобу за другою.

Распрогнѣвался тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ! И, какъ говорятъ казачье преданіе, послалъ онъ на Яикъ и на Донъ грамоты съ нарочными уговаривать казаковъ бросить свое воровство. Приказано было явиться къ Мессѣй лицу атаману *Ивану Блюсову* и донскому *Фролу Минаеву*.

Явились удалыцы предъ царскія очи и приказалъ тишайшій царь вѣсть имъ обоимъ на море, „дабы тѣхъ разбойниковъ уговаривать“.

И уговорили молодцы атаманы удалыцовъ казаковъ. Натянули казаки паруса и понеслись легкія лодки съ Каспійскаго моря прямо въ матушку Волгу. Пріѣхали орлы на своихъ боевыхъ судахъ къ Нижнему Новгороду. И приказалъ царь везти ихъ дальше въ Москву „на ямскихъ подводахъ“.

Раннее утро. Рѣзко вырисовываются на свѣтломъ голубомъ небѣ темные зубцы стѣнъ московскаго кремля. Встала толпою на площади прибывшіе казаки. Вышелъ тишайшій царь. Видать — стоятъ на колѣняхъ рядами передъ

¹⁾ О разгромѣ гурьевскихъ учуговъ въ 1654 г. см. Костомарова „Вунтъ Стеньки Разина“, стр. 11.

длихъ бородачье загорѣлыя казаки, блестятъ ихъ цвѣтныя кафтаны, раздуняетъ легкій вѣтерокъ непокрытыя русые волосы. Пали казаки ницъ предъ царемъ. Видны только смуглыя загорѣлыя шеи, плахи подъ головами, да топоры въ рукахъ....

Смотритъ тишайшій царь на покорныя головы. Покорныя головы мочъ не счесть.

И присталъ царь казаковъ. Приказалъ онъ идти ницъ въ Польшу за-служивать вины.

Встали ободренные казаки, взглянули на ясныя царскія очи и пошли изъ Москвы бить царскихъ враговъ, бить враговъ земли русской.

Такъ говорить преданіе. Но историческихъ актовъ, до сихъ поръ не найдено. Объ этой службѣ упоминается, какъ о первой службѣ яицкихъ казаковъ, Рычковымъ, и въ инструкціи, данной Яицкимъ войскомъ депутатамъ, отправленнымъ въ Петербургъ, — Тамбовцеву, Акутину и другимъ въ юлѣ 1767 г.¹⁾ Когда прибыли казаки въ Москву, а потомъ въ армию, данныхъ не имѣется. Известно только, что въ этомъ-же году съ Яика въ юлѣ мѣсяцъ прибыла въ Москву легкая станица съ атаманомъ Тимофѣемъ *Исаевымъ* и есауломъ *Федоромъ Приваловымъ* съ товарищи — всего 30 человекъ яицкихъ казаковъ. Это первый свидѣніи о прибытіи станицы съ Яика. Съ какими вѣстями и за какими дѣломъ прѣехала станица — неизвѣстно. Но, видимо, вѣсти были хорошия и „за службы и за прѣздъ съ Яика къ государю къ Москвѣ... велѣно атаману, и есаулу, и казакамъ дать по сукну, по аглинскому, человеку“. Въ раздаточномъ спискѣ этой первой упоминаемой историческими актами яицкой станицѣ, по безграмотству всѣхъ станичниковъ, „въ ихъ мѣста царяцкскій сынъ боярскій Герасимъ Выковъ по ихъ веленью руку приложилъ“²⁾.

Преданіе говоритъ, что казаки были въ Польшѣ подъ начальствомъ князя *Хованскаго*, но сколько было казаковъ, кто былъ у нихъ походнымъ атаманомъ — неизвѣстно.

Гдѣ, при вятіи какихъ городовъ принимали участіе яицкіе казаки въ отрядѣ *Хованскаго* — свидѣній тоже нѣтъ.

Отрядъ *Хованскаго* дѣйствовалъ въ Вѣлоруссіи; тамъ въ первую польскую войну съ 1654 по 1656 годъ русскія войска брали одинъ городъ за другимъ; были взаты большіе города — Вильно, Ковно, Гродно. Яицкіе казаки могли быть при вятіи многихъ изъ этихъ городовъ, и также могли быть и свидѣтелями того, какъ 23 сентября 1654 года сдался Смоленскъ. Въ этотъ день подъ стѣнами Смоленска происходило обратное явленіе тому, какое они могли видѣть тутъ въ 1634 году. На этотъ разъ литовскіе воеводы, выходя

¹⁾ Левшинъ „Ист. и стат. опис. Урал. каз.“, Пушкинъ „Истор. Пугач. бунта“ и Рабинниъ „Мат. для геогр. и стат. Рос. Урал. войско“, стр. 21.

²⁾ Москв. Арх. Министер. Импер. Двора и Оруж. палаты, дѣло № 234.

изъ Смоленска, были челомъ и вляли знамена предъ государемъ московскимъ. Въ 1654 г. вся Вѣлоруссія была завоевана.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о службѣ яцкихъ казаковъ въ Вѣлоруссiи, но за то до насъ дошли акты о дѣйствiяхъ въ этой войнѣ другихъ яцкихъ казаковъ, поселенныхъ въ Туль и Москвѣ и служившихъ на украинныхъ городахъ.

Стоявшiй въ этихъ городахъ отрядъ боярина *Василiи Борисовича Шереметева* въ январѣ 1655 года, соединившись вмѣстѣ съ войсками малороссiйскаго гетмана Богдана *Хмѣльницкаго* ¹⁾, двинулся на Вѣлгородъ и далѣе на Дражиполь. Казаки, отправляясь въ походъ, имѣли атаманами *Нефѣда Медвѣдева*, *Томишу Корякина* и *Ивана Каторжнаго*. Есауломъ у яцкихъ казаковъ былъ попрежнему *Григорiй Коштевъ*. Изъ челобитныхъ яцкихъ казаковъ видно, что яцкіе и донскіе казаки „Тульского полку“ вошли въ составъ отряда Шереметева, гдѣ и участвовали во всѣхъ бояхъ вмѣстѣ съ его отрядомъ. Казаки были въ первомъ бою подъ *Дражиполемъ*, а потомъ участвовали при штурмѣ *Гусятина*. При этомъ штурмѣ обваружилось даоудушіе и нерѣшительность Хмѣльницкаго: „Когда боярскаго полка люди начали къ нему приступать и на городъ взошли“, то Хмѣльницкій „велѣлъ ихъ отъ города отбивать и на томъ отбоѣ многихъ людей воевали, а по тѣмъ людямъ, которые взошли было на городъ, изъ пушекъ стрѣлялъ“ ²⁾.

Оправдываясь въ этомъ поступкѣ, Хмѣльницкій объяснялъ его русскому воеводѣ тѣмъ, что гусятинцы прислали къ нему бить челомъ, что сдаются. Вслѣдствiи въ своихъ отвѣтахъ боярину *Василію Вутурлину* гетманъ говорилъ: „подъ Гусятиномъ города добывать мы не давали не потому, что ляховъ берегли, а потому, что въ тѣхъ городахъ много православныхъ христіанъ“ ³⁾.

Штурмъ былъ отбитъ ⁴⁾.

Въ этомъ-же мѣсяцѣ Шереметевъ и Хмѣльницкій встрѣтились съ польскимъ и татарскимъ войскомъ подъ *Ахматовымъ*.

Тутъ русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ неприятеля и отступили къ Вѣлой Церкви, гдѣ находилось другое московское войско подъ начальствомъ окольного Федора *Васильевича Вутурлина* ⁵⁾. Украина была страшно опустошена татарами и поляками.

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 335.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. 10, стр. 338.

³⁾ Тамъ-же, стр. 339.

⁴⁾ Въ этомъ дѣлѣ было убито три яцкихъ казака: атаманъ *Иванъ Каторжний* и рядовые *Иванъ Прибылой* и *Иванъ Кадомецъ* (см. прил. X).

⁵⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. X, стр. 335.

11 марта государь выывалъ изъ Вѣлой Церкви Федора Бутурлина и Шереметева, а на ихъ мѣсто отправилъ туда боярина *Василія Васильевича Бутурлина* в столяника князя Григорія Григоріевича *Ромодановскаго*, подѣ начальствомъ которыхъ до конца войны и находились донскіе и яцккіе казаки.

Въ іюнь отряды *Василія Бутурлина* и *Хмѣльницкаго* снова выступили въ походъ и безрешительно вошли въ Волынь, Подолію и Галицію, гдѣ были взяты одинъ за другимъ многіе города; подѣ г. *Городка* русскихъ встрѣтилъ коронный гетманъ *Потоцкій*, но былъ разбитъ и русскіе двинулись ко *Львову*; городъ не былъ взятъ лишь благодаря не желанію *Хмѣльницкаго* дѣйствовать решительно. Онъ взялъ съ осажденныхъ 60 тысячъ злотыхъ и удалился отъ города ¹⁾.

Въ то же время часть соединеннаго московскаго и малороссійскаго войска подѣ начальствомъ Петра *Потемкина* взяла г. *Люблинъ*.

Къ концу 1655 года отрядомъ *Бутурлина* и *Хмѣльницкаго* были завоеваны все Волынь, Подолія и часть Галиціи. Послѣ двухлѣтней кровопролитной войны въ 1656 г. было заключено перемиріе. За Москвою были оставлены *Малая* и *Вѣлая Россія*. Въ *Валуцкахъ* при разбѣвѣ плѣнныхъ находились яцккіе и донскіе казаки изъ отряда князя *Григорія Ромодановскаго* ²⁾, которые послѣ разбѣва встали вмѣстѣ съ отрядомъ въ *Бѣлгородѣ*.

Въ томъ-же году съ весны началась война со шведами. Въ этой войнѣ „подѣ *Рягою*“, по преданію, участвовали прибывшіе съ повинною въ Москву яцккіе казаки; но объ участіи ихъ въ шведской, какъ и въ польской войнѣ документовъ не разыскано. Войско было подѣ командою Петра *Потемкина*. 25 мая патриархъ *Николь* писалъ государю, бывшему тогда вмѣстѣ съ войсками, что къ *Потемкину* отправлены донскіе казаки, которыхъ онъ, патриархъ, благословилъ идти въ *Стокгольмъ* и въ другія мѣста моремъ. „Знаменитыхъ громителей береговъ Чернаго моря хотѣли употребить для той же дѣли на *Балтійскомъ морѣ!*“—замѣчаетъ *Соловьевъ* ³⁾.

Такъ какъ почти во всѣхъ войнахъ яцккіе казаки были вмѣстѣ съ донцами, то надо предполагать, что и въ данномъ случаѣ яцккіе казаки были въ ихъ рядахъ.

Войска быстро заняли города *Канцевъ*, *Полоцкъ* и двинулись въ *Ливонію*, гдѣ былъ взятъ г. *Динабургъ*. Послѣ этого былъ взятъ *Кокенгаузенъ*. Объ немъ царь писалъ сестрамъ: „Крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій, меньшей братъ нашему *Кремлевскому* рву, а крѣпостію сынъ *Смоленску* граду; ей черезъ итру крѣпокъ; а побито нашихъ 67, да ранено 430“ ⁴⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. т. X, стр. 84.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. столб. 408, листы 135—137. Списку доведенъ яцккіе изъ., бывшіе съ *Ромодановскимъ* при посольскомъ разбѣвѣ въ *Валуцкахъ*.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. т. 10, стр. 358.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 359.

Осада Риги, начавшаяся 23 августа въ присутствіи царя, окончилась неудачно. Съ 1 сентября съ шести русскихъ батарей велась безпрерывная сильная пальба по городу и днемъ и ночью цѣлый мѣсяць, пока 2 октября осажденные не ударили на русскихъ и не нанесли имъ тяжелаго пораженія. Эта неудача, осеннее время и возстаніе крестьянъ окрестныхъ селъ — все это заставило царя снять осаду Риги и отступить въ Полоцкъ ¹⁾.

На этоѣ и окончилась всѣ приобретенія въ Швеціи; военныя дѣйствія были приостановлены и начались переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ 1661 году.

Во время шведской войны донскіе и яцкіе казаки отряда князя Ромодановскаго стояли все время въ Бѣлгородѣ. По прибытіи съ польской войны въ 1656 г. имъ было выдано жалованье сразу за полгода впередъ съ марта по сентябрь. Но его имъ хватило не надолго. Казакамъ нужно было содержать семьи, оставленныя въ Тулѣ, поправить и пополнить свое снаряженіе, а потому они въ августѣ подали челобитную о выдачѣ имъ снова жалованья за полгода впередъ. „Мы х. т. тѣмъ твоимъ жалованьемъ — пишуть они — на Бѣлгородѣ вои покупили и ружье починили, а винеца мы на твоей государственной службѣ въ Бѣлгородѣ помираемъ голодною смертью, прокормиться вѣчѣмъ, а въ домишкахъ нашихъ жеванка и дѣтишка наша волочатся межъ дворъ, помирають голодною смертью“ ²⁾.

По этому челобитную всѣмъ казакамъ „съ татары и новокрещены“, всего 232, было приказано снова выдать въ сентябрѣ жалованье на шесть мѣсяцевъ впередъ ³⁾.

Жалованье это было послано изъ Москвы съ подъячимъ Зенбулатовымъ, но не прямо въ Бѣлгородъ къ Ромодановскому, а въ Тулу къ воеводѣ Ивану *Ивашкину*, который уже отъ себя долженъ былъ раздать эти деньги, предварительно пересмотрѣвши казаковъ. Характеристикой того времени служить между прочимъ отношеніе въ прибывшимъ въ Москву ябсколькимъ донскимъ и яцкимъ казакамъ полка Ромодановскаго съ челобитьемъ о выдачѣ имъ жалованья. Казаковъ въ Москвѣ никто не зналъ. Челобитную приняли, а объ казакахъ навели справку у Ромодановскаго. „Донскіе и яцкіе казаки и новокрещены многіе нынѣ на Москвѣ и бьютъ челомъ намъ о нашемъ жалованьи, о кормовыхъ деньгахъ, а на нашей службѣ въ Бѣлгородѣ и на посольскомъ разбѣнѣ (въ Валуяхахъ) они съ тобой были ли или нѣтъ? я нынѣ на Москвѣ по отпуску-ль, али съ нашей службы сбѣжали“ ⁴⁾.

Лѣтомъ у казаковъ отряда Ромодановскаго происходили какіе то бои съ

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 10, стр. 359.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. столб. 893, листъ 139.

³⁾ Тамъ-же, листы 140, 142, — 145.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Бѣлгор. ст., листы 162—165.

татарами и по раздаточному списку на жалованье 22 июня явятся пожитки: „взять въ полонъ“; такихъ оказалось яццкихъ казаковъ четыре человека.

Заключенное съ поляками перемирие оказалось непрочнымъ. Въ Малороссіи начались смуты. Часть казаковъ послѣ смерти Хмѣльницкаго выбрала гетманомъ Выговскаго, другая часть — сына Хмѣльницкаго Юрія. Выговскій присягнулъ Польшѣ, Юрій присягнулъ московскому царю.

Осенью 1658 года открылась снова война съ поляками. Ромодановскій со своимъ отрядомъ двинулся въ Малороссію. Донскіе и яццкіе казаки, входившіе въ его отрядъ, были подъ начальствомъ стряпчача Григорія Ивановича *Косагова*, подъ командой котораго находились ерѣшковскіе, яццкіе и донскіе казаки, составлявшіе особый полкъ ¹⁾.

Первый бой, гдѣ участвовали казаки, былъ 20 декабря этого года. Татары и Выговскій съ казачьими полками нанали на князя Ромодановскаго близъ Лохвицы, но были отбиты и отступили.

Въ февралѣ 1659 года къ Лохвицѣ подошли Скоробогатенко (наказный гетманъ Выговскаго), поляки и татары, всего 30 тысячъ. Три раза штурмовали они городъ, гдѣ заперлись войска князя Ромодановскаго и Кураквина, и были отбиты.

Между тѣмъ изъ Москвы 15 января выступилъ въ Малороссію князь Алексѣй Никитычъ *Трубецкой* и съ нимъ до 150 тысячъ войска. 26 марта эта армія была въ Путивлѣ, въ ея составѣ пошелъ со своимъ отрядомъ и князь Ромодановскій. 19 апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотопу и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до конца іюня. Посылаемыми отъ него отрядами были взяты и разорены города Нѣжинъ и Борзна, при взятіи которыхъ участвовали яццкіе казаки вмѣстѣ съ полкомъ Косагова. 27 іюня къ Конотопу прибылъ Выговскій съ татарами и завязалъ бой. О боѣ подъ Конотопомъ Соловьевъ говоритъ такъ: ²⁾ „Оставивши всѣхъ татаръ и половину своихъ казаковъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиною казаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, ударилъ на разсвѣтѣ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельскаго войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князей Пожарскаго и Львова съ конницею. 28 іюня Пожарскій нагналъ черкасы, поразилъ ихъ и погнался за отступающими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много непріятельскаго войска и остальная половина казаковъ и цѣлая орда съ ханомъ и калгою; передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. „Давайте мнѣ ханшкю! — кричалъ онъ — давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ такихъ-то и такихъ-то... вырубимъ и вышлѣвимъ“. Но только что

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. III, стр. 258 № 254.

²⁾ Соловьевъ. Пет. Рос. т. 11, стр. 59.

успѣлъ овъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перешелъ за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленными толпами татары и казаки и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ; но Пожарскій былъ одинаковъ на полѣ битвы и въ плѣну: выбравши хана по московскому обычаю, овъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ-же отрубить ему голову. Цвѣтъ московской конницы, совершавшій счастливые походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять; несчастныхъ вывели на открытое мѣсто и рѣзали, какъ барановъ: такъ уговорились между собою союзники — ханъ крымскій и гетманъ войска запорожскаго!.. Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій двинулись къ Конотопу, чтобы ударить на Трубецкаго; но бояривъ уже отступилъ отъ города, и благодаря многочисленной артиллеріи, успѣлъ безъ большого вреда отъ напярвшаго непріятеля перевести свое войско въ Путивль, куда прибылъ 10 іюля⁴.

Принимали-ли участіе въ кавалерійскомъ бою за р. Сосновкою лиціи и довскіе казаки полка Косагова — неизвѣстно. Но что они были въ бою подъ Конотопомъ видно изъ челобитныхъ. Изъ Путивля Косаговъ былъ посланъ съ казаками подъ г. Коропъ, который былъ взятъ съ бою [13].

Въ августѣ 1660 года мы видимъ отрядъ Ромодановскаго стоявшій въ Бѣлгородѣ, гдѣ казакамъ было роздано жалованье на шесть мѣсяцевъ впередъ съ 1 сентября этого года¹).

Въ декабрѣ Ромодановскій получалъ извѣстіе изъ г. Коломентаева отъ Григорія Турбѣева, что приходила подъ Коломентаевъ полтавскій полковникъ Федоръ Жученко „со многими черкасы и посады около Коломентаева многіе обожгли и многіхъ людей побили и къ городу пристунали жестокими пристулами“, а что по συμβѣніямъ Жученко хочетъ идти подъ украинные города „подъ Ахтырку и подъ Коломентаевъ-же“²).

Ромодановскій, получивъ это донесеніе, послалъ Полтавскому и Миргородскому полковникамъ грамоты, но они грамоты эти пожгли, а посланныхъ черкасъ порубили³).

„И видя многую неправду и злое разореніе твоимъ украиннымъ городамъ и уѣздамъ Полтавскаго и Миргородскаго полку — писалъ Ромодановскій царю — декабря 10 послали мы подъ Гадичъ и подъ иные тѣхъ полковъ города твоихъ ратныхъ людей рейтарскаго строю полковника Федора Ворнзера съ полкомъ, да странчаго Григорія Ивановича сына Косилова съ его полкомъ: съ донскими, и съ лицкими, и съ оршиковскими казаки и съ Харьковскими

¹) Акты Моск. Госуд. т. III, стр. 129. Моск. отд. Арх. Мин. Юст. столб. Моск. стола № 312, столб. 15, листы 27—32.

²) Акты Моск. Госуд. т. III, № 254, стр. 382—385.

³) Тамъ-же.

черкасы, да драгунскаго полковника Леонтія Отмостова съ драгуны, да черкаскаго острожскаго полковника Ивана Дзянковскаго съ его полкомъ и, прося у Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи, велѣлъ имъ Вожиныи и твоиыи дѣломъ надѣ тѣми полками промышлять¹⁾.

Этотъ отрядъ былъ отправленъ подѣ начальствомъ стольника и воеводи Петра *Скуратова*.

Скуратовъ пришелъ подѣ Родичъ 15 декабря и здѣсь „съ измѣнниками съ полковникомъ черкасомъ съ Иваномъ Дьяченко, съ Пяшкою, и съ Павломъ Ивнотовскимъ, и съ черкасы былъ бой большой съ полудни до самой ночи, и на томъ бою многихъ черкасъ убили, и въ полонъ поймали и рубили конныхъ и пѣшихъ до городовыхъ воротъ, а города взять было не мочно, потому что въ то время дождь былъ большой съ утра и до вечера, и во всю ночь, и на завтра весь день и у ратныхъ людей ружье все замело, а села и деревни около Гадича всё выжгли“²⁾.

О потеряхъ въ этомъ бою Ромодановскій доносилъ: „а твоихъ ратныхъ людей на бою убито: донскою казакъ, да два человекъ черкасъ, да въ полонъ взято новокрещенъ татаринъ Иванко Андреевъ, да рейтаръ и драгунъ и черкасъ ранено 16 человекъ“³⁾.

За этотъ бой государь указалъ выдать „которые ранены за тяжелья раны по 4 р., за среднія по 3 р.“.

Въ 1661 году въ маѣ отрядъ Ромодановскаго находился въ Биковѣ, съ вилу отъ Нѣжини, гдѣ была рада (совѣтъ) малороссійскихъ начальниковъ о выборѣ гетмана, взаиыи измѣнишаго Юрія Хмѣльницкаго. Здѣсь казаки выбрали новымъ гетманомъ Якимъ Самко. Среди бывшихъ на радѣ полковниковъ не было Жученко, т. е. овъ „вины свои великому государю не принесъ и сидитъ въ Полтавѣ“⁴⁾.

Въ слѣдующемъ 1662 году 12 іюля Юрій Хмѣльницкій съ поляками и татарами, всего съ 6 тысячами, напалъ внезапно на Самко, стоявшаго въ 3 верстахъ отъ Переяслава, но Самко отбилъ и отступилъ въ Переяславъ. Хмѣльницкій осадилъ его здѣсь, но 8 іюля Самко съ московскими войсками вышелъ на вылазку и разбилъ его. Хмѣльницкій ушелъ къ Кременчугу. На выручку Кременчуга выступилъ Ромодановскій, который, соединившись въ Переяславѣ съ Сѣрко, со всеми своими силами, въ томъ числѣ съ зичими казаками, 16 іюля напалъ на таборъ Хмѣльницкаго, котораго и разбилъ на голову. Но счастье скоро перемѣнилось. Хмѣльницкому съ татарами удалось разбить подѣ Бужиномъ московскій отрядъ Приклонскаго, гдѣ погибло до 10 тысячъ русскаго войска, и брошено побѣдителямъ 7 царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого

1) Акты Моск. Госуд. т. III, листы 367--372.

2) Тамъ-же, № 254, стр. 258.

3) Тамъ-же.

4) Самовиль. Ист. Рос. т. II, стр. 119.

Ромодановскій тотчасъ велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магметъ-Гирей, переправившись со своими татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановскій ушелъ въ Дубны ¹⁾.

Послѣ этого боя свѣдѣній объ отрядѣ Ромодановскаго не имѣется вплоть до 1663 года, когда весной этого года изъ его отряда былъ посланъ Косаговъ съ 500 человекъми драгунъ, солдатъ, донскихъ и яцкиихъ казаковъ на помощь запорожцамъ. Косаговъ съ этимъ маленькимъ отрядомъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно до конца войны и дѣлалъ лихіе партизанскіе набѣги на крымцевъ и поляковъ.

О дѣйствіяхъ Косагова Соловьевъ говоритъ ²⁾: „Узнавъ, что въ Запорожьи пробирается московскій отрядъ, Дорошенко въ іюлѣ мѣсяцѣ послалъ провѣдать о немъ двѣсти малороссійскихъ казаковъ и сотню татаръ, которые сошлись съ людьми Косагова подъ Кишенкою и были побиты. Косаговъ еще разъ столкнулся съ татарами и снова разбилъ ихъ подъ Кишенкою и, соединившись съ запорожцами и калмыками, отправился въ сентябрѣ за Днѣстръ. Здѣсь выжили они ханскія села, много въ нихъ побили армянъ и волоховъ и 20 сентября возвратились въ Сѣчь, все въ цѣлости; на другой день явились въ Сѣчь 1200 запорожцевъ, которые ходили на море; пришли они пѣшкомъ и рассказывали кошевому своему Ивану Сѣрко и Косагову, что настигли ихъ на морѣ турецкія суда, бились съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь казаки утѣкли отъ турокъ къ берегу, изрубили свои суда и полевъ пустились домой. 2 октября Сѣрко и Косаговъ выступили подъ Перекопъ; 11 числа ночью Сѣрко съ пѣшими черкасами и солдатами вошелъ въ Перекопскій посадъ съ крымской стороны, а Косаговъ съ конными черкасами и русскими людьми пришелъ къ воротамъ перекопскимъ съ русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго русскіе взять не могли и ушли, зажегши большой. Янычары и татары преслѣдовали ихъ верстъ съ пять. 16 сентября Косаговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Косагова было убито только десять человекъ; плѣнныхъ въ Сѣчь не привели, — порубили, не пощадивъ ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Косаговъ, что въ Крыму и Перекопи было повѣтріе. Скоро послѣ этого началъ приходить отъ Косагова печальныя вѣсти: онъ писалъ, — начались шатости въ Запорогахъ большія; Сѣрко боится за себя, за московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей; запасы, привезенные Косаговымъ, вышли, а покупать въ Запорожѣ — осмина муки ржаной стоитъ пять рублей, а пшеница не добыть ни за какія деньги, отчего многіе ратные люди разбѣжались“...

Но не смотря на это, Сѣрко и Косаговъ не сидѣли праздно въ Сѣчи. „6 декабря, — говорятъ Соловьевъ ³⁾, — они вмѣстѣ съ калмыками отправи-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 131.

²⁾ Тамъ-же, стр. 151.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 159.

дѣсь онять подѣ Перекопѣ, чтобы ѣхать хану ятти на помоць къ королю и ѣхать языковѣ. Они спокойно жгли татарскія села въ кутахъ надѣ Черныиъ моремъ, отгромили русскаго и черкасскаго полону больше ста человекѣ, какъ 11 декабря напали на нихъ татарскія толпы изъ Перекопи; русскіе и калмыки отбиваясь отступали двѣ мили къ рѣкѣ Коловчаву, здѣсь устроили коши, учинили бой, перекопскую орду побѣдили и рубили татарѣ до самой Перекопи, живыхъ брать въ плѣнъ калмыки не дали, — въ рукахъ кололи. Эти подвиги совершались съ самыми незначительными силами: съ Сѣркою было 90 человекѣ черкасѣ, съ Косаговымъ 30 человекѣ донскихъ ¹⁾ казаковѣ да 60 калмыковѣ, а татарѣ, если вѣрить Косагову, было человекѣ съ тысячу*.

Въ этомъ бою была только часть отряда Косагова, остальные остались въ Сѣчи.

Въ январѣ 1664 г. Сѣрко одинѣ со своими запорожцами отправился за Бугъ и за Днѣпръ, гдѣ нападалъ на турецкія села и, взявъ богатую добычу, пошелъ въ Малороссію на западную сторону Днѣпра, гдѣ 4 апрѣля въ Крыловѣ къ нему присоединился и Косаговъ со своимъ маленькимъ отрядомъ и остальные запорожцы съ наказнымъ кошевымъ *Сичкомъ-Туровцомъ*.

7 апрѣля 2000 польской конницы подѣ начальствомъ Чарнецкаго напали на соединенный отрядѣ Сѣрко и Косагова подѣ Бужиномъ; послѣ жестокаго боя русскіе пришли къ Буживу въ цѣлости, а поляковѣ было побито много. Чарнецкій осадилъ ихъ въ Бужинѣ, — пишетъ Соловьевъ, ²⁾ — они отбивались отъ него день и ночь съ 7 по 13 апрѣля и отбились. Чарнецкій отступалъ; Сѣрко и Косаговъ воспользовались этимъ и перешли въ Сихлау, но тутъ были снова осаждены Чарнецкимъ и Тетерею и снова отсиѣлись безъ урона для себя. Освободившись въ другой разѣ отъ осады, Сѣрко и Косаговъ отправились на восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей и съ калмыками*.

1 августа мы видимъ опять отрядѣ Косагова въ бою съ поляками. Посланный гетманомъ Брюховецкимъ вмѣстѣ съ нѣсколькими казацкими полковниками (малороссійскими) учинить промисель надѣ Корсунемъ, оу въ пяти верстахъ отъ Корсуна встрѣтился съ поляками. Но на этотъ разѣ ему не повезло. Онъ былъ разбитъ. Въ этомъ бою было убито 11 человекѣ рейтарѣ и солдатѣ и 30 человекѣ черкасѣ.

Косаговъ жаловался государю ³⁾: „Иные рейтары, солдаты, донскіе казаки и черкасы передѣ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали домой; бѣда случилась отъ малолюдства: въ походѣ со мною было рейтарѣ 85 человекѣ, солдатѣ 120, *казановѣ разныхъ городовѣ 470* ⁴⁾, черкасѣ 500

¹⁾ Здѣсь Соловьевъ называетъ этихъ именехъ донскихъ и яицкихъ казаковѣ полка Косагова.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. томъ 11, стр. 161.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., Т. 11, стр. 162.

⁴⁾ Русскіе кавалы полка Косагова: донскіе, яицкіе и орѣшковскіе.

человѣкъ конныхъ, да 1000 пѣшихъ; но и этой пѣхотѣ ляхи не дали се вновь соединиться*.

21 октября Брюховецкій, стоявшій подъ Клевенемъ, вновь послалъ Косагова съ его незначительнымъ отрядомъ къ Умани, чтобы уберечь ее отъ Чарнецкаго. Но Чарнецкій и Тетеря напали на него въ Мѣдвинѣ и держали въ осадѣ цѣлый мѣсяцъ; бои и приступы были жестоки; по словамъ Косагова, поляковъ и вѣнцевъ побитыхъ и живыхъ взято много, а изъ московскихъ людей убитъ былъ только одинъ человекъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣдвина, Косаговъ отправился назадъ въ Каневъ, но по дорогѣ 12 декабря подъ Стародубемъ выдержалъ новый бой съ поляками и съ корсунскими черкасами и опять вышелъ побѣдителемъ ¹⁾.

Въ этомъ году полкъ Косагова, состоявшій, какъ мы знаемъ, изъ лонскихъ, яницкихъ и орѣшковскихъ казаковъ, получилъ за свою лихую службу „знамя поморовое, тафтяное, красное, каймы бѣлыя, на немъ писано золотомъ на обѣ лица: на передней каймѣ, къ древку, образъ Всемилоствиваго Спаса во облацѣ; передъ нимъ въ молении св. благовѣрные князи Борисъ и Глѣбъ, съ мечи обнаженными; по срединѣ знамени образъ Архистратига Божія Михаилъ на конѣ, вооруженъ, въ рукахъ: въ правой мечъ, въ лѣвой крестъ Господень, съ копьемъ и съ тростию“ ²⁾.

Гдѣ былъ Косаговъ въ 1665 году — неизвѣстно. Но надо думать, что онъ не оставался празднымъ, а дѣлалъ свои лихіе набѣги и громилъ ляховъ и татаръ вмѣстѣ съ запорожцами, т. е. новый 1666 годъ его застаеъ въ Сѣчѣ. 3 февраля этого года онъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожьѣ осталось войска только человекъ 500 и у тѣхъ нѣтъ запасовъ ³⁾. „Запорожцы, — писалъ въ это время Косаговъ, — царскихъ ратныхъ людей не любятъ, и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотять мириться съ татарами и Дорошенкомъ“ ⁴⁾. Запорожцы выбрали себѣ новаго кошевого Рога, враждебнаго Москвѣ, послѣ чего Косагову пришлось плохо въ Запорожьѣ: съ нимъ перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили ходить къ нему. Косаговъ, не предвидя себѣ ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожья. Когда Брюховецкій послалъ спросить Рога, что это значитъ? тотъ отвѣчалъ: „Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ, мы его не выговали, не знаемъ, не для того ли пошелъ, что у насъ куколѣ вочныхъ пѣтъ, съ которыми думаю на Руси ужъ натѣшился; войско запорожское государевыхъ людей колотъ не думало, какъ онъ писалъ; а если когда и случалось, что казакъ напившись промозвелъ что нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человекъ пьяный подобенъ воску: что захочеть, то и слѣпнуть“ ⁵⁾.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 164.

²⁾ Дрени. Рос. Госуд. знамени, Л. Яковлева, 1865 г., стр. 90, примѣчанія 389 и 390.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. томъ 11, стр. 194.

⁴⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. т. 11, стр. 194.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 195.

Болѣе свѣдѣній о дѣйствіи отряда Косогова не имѣется.

Въ 1667 г. въ Андрусовѣ, близъ Смоленска, было заключено перемиріе на 13 1/2 лѣтъ, по которому за Москвою остались Смоленскъ, Сѣверская область и восточная сторона Малороссіи.

Такъ окончилась олутомательная тринадцатилѣтняя война съ Польшою.

Гдѣ были во время второй войны яцкіе казаки, прибывшіе съ Яика съ повинною, свѣдѣній тоже не имѣется. По преданію они были на войнѣ всего 7 лѣтъ, и если они прибыли въ Москву въ 1655 году, то въ 1662 году должны были уйти на Яикъ, не дождавшись окончанія войны. Часть ихъ, какъ говорить преданіе, остались на постоянное жительство въ *Великихъ Лукахъ*, гдѣ имъ дано каждому по крестьянину „для тамошняго ихъ содержанія“.

Можно предположить, что причиною ранняго возвращенія казаковъ на Яикъ послужилъ начавшійся въ верховьяхъ Яика башкирскій бунтъ. Волненія башкиръ начались какъ разъ съ 1662 года и продолжались до 1682 года, т. е. безъ перерыва двадцать лѣтъ. Волненія эти, грозившія краю полнымъ опустошеніемъ, вѣроятно, и были причиною возвращенія казаковъ на Яикъ для охраны своего городка, т. е. объ участіи ихъ въ усмиреніи башкиръ въ первые годы бунта никакихъ указаній нѣтъ.

Въ то время, когда была война въ Польшѣ, яцкіе казаки пріѣзжали въ Москву два раза: въ 1658 году 26 октября—атаманъ Иванъ Щербакъ и *вожь* (проводникъ) *Клушка*—татаринъ¹⁾; что это за *вожь*, почему ихъ только прибыло двое и только двоимъ выдано по сукну, остается невыясненнымъ. Въ 1660 г. 28 ноября—прибыли въ Москву тотъ-же атаманъ Иванъ Щербакъ, есаулъ Герасимъ Бровка и шесть человѣкъ рядовыхъ²⁾.

Изъ дѣла не видно, чтобы эти обѣ станицы пріѣзжали съ Яика; весьма возможно, что атаманъ Иванъ Щербакъ и есаулъ Герасимъ Бровка были походными атаманомъ и есауломъ станицы яцкихъ казаковъ, посланной въ Польшу и подъ Ригу. Они пріѣзжали въ Москву съ какими либо челобитными, а можетъ быть даже съ просьбою о возвращеніи ихъ станицы на Яикъ. Въ это-же приблизительно время—12 декабря 1660 года имѣется первое указаніе объ отпускѣ жалованья войску на Яикъ на 260 человѣкъ.

Этотъ первый найденный до сихъ поръ царскій указъ о жалованьи казакамъ на Яикъ говоритъ слѣдующее:

„Лѣта 7169 г. декабря въ 12 день по Государеву Цареву великаго князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя Россіи Самодержца указу память казначѣю Богдану Миничю Дубровскому да дьякамъ Давиду Понкратѣеву да Ивану Харламову указалъ великій Государь Царь великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ послати на Яикъ на жалованье яцкимъ атаманомъ и казакомъ дву сотъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Имп. Двора и Оруж. палаты, дѣло № 76, 7167 г.

²⁾ Тамъ-же, дѣло № 159, 7169 года.

шестидесять человекомъ суконъ анбурскихъ по четыре аршина человекъ и по Государеву Цареву великому князю Алексѣю Михайловичу великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца указу казначѣю Богдану Миничю Дубровскому да дьякомъ Давиду Повкратьеву да Ивану Харламову велѣти тѣ анбурскія сукна прислать къ боярину ко князю Алексѣю Никитичю Трубецкому да къ дьякомъ къ дудному къ Лариону Лопухину да къ Федору Грибобѣдову да въ Тимоѣю Безосову. Тимоѣй Безосовъ. Дано всемъ двѣсти шездесять человекомъ.

На оборотѣ листа: „По сей памяти приказу Казанскаго дворца подъячей Антипа Языковъ взвалъ въ приказъ Казанскаго дворца двѣсти шездесять суконъ и руку приложилъ“¹⁾.

Сукна эти, какъ видно изъ дальнѣйшихъ подобныхъ-же грамотъ, отсылались на Яикъ съ прибѣжавшими въ Москву зимовными станицами. Въ данномъ случаѣ не указано, кто былъ въ это время въ Москвѣ изъ яицкихъ казаковъ и кому переданы эти сукна для отвоза на Яикъ.

Въ 1663 году въ раздачу этого жалованья было взято изъ приказа Большой Государевой казны 70 половинокъ суконъ анбурскихъ въ казенный приказъ „на время, пока будутъ въ привозѣ сукна отъ Архангельскаго города, а какъ тѣ сукна отъ города пришлютъ и изъ казеннаго приказа въ приказъ великаго государя большія казны въ то число анбурскихъ суконъ пришлютъ“²⁾, и приказано было эти сукна дать въ жалованье 300 яицкимъ казакамъ „ю имьями“, т. е. по списку казаковъ.

Въ 1664 и 65 годахъ это же жалованье выдавалось на 330 человекъ, въ первомъ случаѣ сукна была получены „за службы“ и отпущены на Яикъ съ яицкимъ атаманомъ сыномъ *Ивановымъ*, а во второмъ случаѣ съ казаками „челобитчии съ Левкою *Соболевымъ* да съ Ваською *Касимовымъ*“. Оба раза казаки получили эти сукна изъ приказа Казанскаго дворца по расчету по 4 арш. сукна на человекъ³⁾.

Въ слѣдующихъ годахъ въ 1667 и 68 это жалованье давалось уже на 370 человекъ⁴⁾, при чемъ въ полученіи суконъ расписывается первый грамотный человекъ, прибывшій съ Яика въ Москву, станичный осуль Шкифоръ Бадюкиновъ.

Такимъ образомъ видно, что посылка жалованья на Яикъ была не всегда одинакова. Объяснить эту разницу въ количествѣ посылаемаго не представляется возможнымъ. Является вопросъ, почему дается это жалованье только на 300—370 казаковъ, тогда какъ ихъ на Яикѣ было тогда, вѣроятно, не менѣе двухъ тысячъ? Не есть ли эти цифры указатель числа казаковъ, бывшихъ на службѣ въ Польшѣ и подъ Ригою, по количеству которыхъ потомъ и стало отпущаться жалованье войску?

¹⁾ Моск. Арх. Им. двор. и Оруж. пал., дѣло № 180, 7169 г., листы 1 и 2.

²⁾ Моск. Арх. Импер. Двора и Оруж. палаты, дѣло № 120.

³⁾ Тамъ-же, дѣло № 264, листы 1—2.

⁴⁾ Тамъ-же, дѣло № 573, листы 1 и 2, и дѣло № 650.

Пока была война съ Польшею, на Яикѣ жила своя обычная чередой, только калмыки, эти воинственные хищники, не признававшие ничьей власти, въ 1660 году наконецъ приняли подданство Россіи¹⁾. Но долго еще послѣ этого оно было номинально, и калмыки не прерывали связей съ Джунгаріей, откуда приходили къ нимъ и уходили съ Волги въ Джунгарію тысячи кибитокъ. Они такъ-же свободно, какъ и равнѣ, вели сношенія съ Китаемъ и Тибетомъ²⁾.

Во внутреннія дѣла калмыковъ правительство не вмѣшивалось; подданство ихъ заключалось лишь въ варадѣ людей на войны, отчего мы и видимъ ихъ въ концѣ польской войны въ рядахъ русскихъ войскъ. Отсутствіе въ Москву съ повинными головами, „съ топоромъ и плахою“ своихъ товарищей, явкіе казаки по прежнему не прекращали своихъ промысловъ.

Каждое лѣто отправлялись они на синее море Хвалынское и гуляли по его широкому раздолью. Наставетъ осень, и если опоздаютъ явцари вернуться на Яикъ—зимовали они на морѣ на излюбленныхъ островахъ Камыниномъ и Пешномъ, чтобы съ ранней весною снова расправить паруса и двинуться въ путь-дорогу.

Не пугаль удалцовъ построенный гостемъ Гурьевымъ Каменный городокъ. Малочисленная стража его—головальщики—стрѣльцы, были не страшны, ихъ было такъ мало, что оказать какого либо сопротивленія казакъ они не могли, да и корысть стрѣлечьихъ начальниковъ не мало способствовала тому, что казаки совершенно не обращали вниманія на присутствіе стрѣльцовъ и каждый годъ безнаказанно проплывали мимо городка на свои промыслы.

Въ 1660 году въ Гурьевскомъ городкѣ былъ стрѣлечій голова Іовъ Суворцевъ. Типичный представитель тогдашняго приказнаго строя—взточникъ и лихоимецъ—Суворцевъ „для своей бездѣльной корысти“ распусталъ за взятки всѣхъ бывшихъ у него стрѣльцовъ на заработки въ Астрахань, другихъ же переведенныхъ изъ дальнихъ городовъ „переведенцевъ“ цивилить и кузюмдемянцевъ, взявъ съ нихъ „многій откупъ“, отсутствіе въ Русь; осталось у него отъ пятисотъ стрѣльцовъ всего десять человекъ и тѣ все были „недорости да работные люди“.

Но лишь только настала весна и лишь только Яикъ Горюновичъ разлилъ свои воды, 8 мая ночью на городокъ нагрянули выхавшіе съ Яика явкіе казаки—атаманъ *Нарфенка*, да есаулъ Тимошка *Радиловъ* съ товарищи въ двадцати стругахъ. Разорили они невзвѣстный имъ учугъ, валяли на нежай станъ и „всѣ амбары и чуланы и избы у нихъ вырубил и исперекололи и что было на томъ стаду и на учугѣ всякихъ учужныхъ заводовъ, и ружья, и зелья, и свинцу, и хлѣбныхъ всякихъ запасовъ, и товаровъ, и рыбы и все то тѣ воровскіе казаки взяли безъ остатку“.

¹⁾ Полн. Соб. Зак. Рос. Им., т. I, № 304.

²⁾ Маашевъ „Истор. обзор. Туркестана“, стр. 30.

Все взяли удалцы: на синемъ морѣ и зелье и свинець и хлѣбныя запасы — вещи безцѣнныя!

Три дня пировали казаки на промыслахъ и пытали — жгли огнемъ прикащика Михаила Алаторца. Допытывались должно быть орлы орловичи, гдѣ казаки спрятаны. Пытали казаки прикащика и „впередь похвалялись, что будутъ Янкъ-рѣку очищать и учуги вырубать и станы выжигать!“¹⁾

Ненавистенъ-же, должно быть, стали казакамъ гурьевскій учугъ!

Погуляли удалцы и безнаказанно поѣхали въ море, захвативъ съ собою послѣднихъ десять стрѣльцовъ въ товарищи.

Стрѣлецкій-же голова Суровцевъ, „потакаючи тѣмъ ворами и пароя имъ“, написалъ воеводамъ въ Астрахань, что казаки „никакого дурна не учинили“. Должно быть дѣло не обошлось безъ ваяткы. Объ этомъ разгромѣ астраханскіе воеводы узнали лишь черезъ другого прикащика Гурьева — Ивана Бѣлозера.

По приказу царя Суровцева смѣнили и велѣно было расслѣдовать дѣло. Но это не улучшило положеніе учуговъ и всей промышленности гости Гурьева. Далѣе мы увидимъ, что гурьевскіе учуги снова разорялись казаками и казаки попрежнему гуляли по синему морю, не обращая никакого вниманія на гурьевскій гарнизонъ.

---

¹⁾ Доволя. къ Акт. Истор. т. IV, № 86 стр. 225 и 226 Грамота астрах. воеводѣ князю Черкасскому о разор. казаками ниж. ланд. учуга.

Атаманъ Разинъ и его набѣгъ на Каспійское побережье. Учасіе яицкихъ казаковъ въ этомъ набѣгѣ. (1666—1669 г.г.)¹⁾.

„Ой, вы, той еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченки, своего атаманушки,
Мева, Степанушку, сына Тимофѣича Разина:
Сидите ми, ребятушки, въ свой легкой корабичекъ,
Побѣдите ми, ребятушки, въ свое море,
Станомте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики,
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Везъ того только безъ сваи-орла, безъ Государева“.

Изъ старинной пѣсни ливк. казаковъ²⁾.

Разинщина — говорятъ Н. Н. Фирсовъ — это одно изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ острыхъ проявленій народной оппозиціи тяжестямъ политическаго режима и социальнаго быта въ Московскомъ государствѣ³⁾.

И дѣйствительно, при бѣгломъ взглядѣ на царствованіе тишайскаго царя мы видимъ безпрерывныя волненія народа — бунтуютъ цѣлые города: Москва, Новгородъ, Псковъ. Бунтуютъ закришощенные крестьяне.

Всѣ документа того времени ясно показываютъ, что народу жилось плохо. Непосильныя требованія государства, взточничество, лихоимство начальныхъ людей, несправедливость судей, полная рабская подчиненность простого народа и, наконецъ, никоновская церковная реформа, преданіе проклятію тѣхъ, кто крестился двумя перстами, гоненія на старообрядцевъ — все это вмѣстѣ взятое тяжелымъ гнетомъ лежало на простомъ народѣ, гнетомъ на столько сильнымъ, что народъ въ Москвѣ нѣсколько разъ тысячами толпами ходилъ къ царю и просилъ у него защитять, „оборонять“ меньшихъ отъ сильныхъ. Но народнымъ надеждамъ не суждено было свершиться и онъ переходилъ къ явному недовѣрованію. И вотъ царь, послѣ многихъ народныхъ волненій, повелѣлъ „приказнымъ своимъ людемъ“ оборонять населеніе „отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей“. Эти царскія слова еще болѣе укрѣпили въ народѣ вѣру въ то, что самъ царь безсиленъ обуздать алчность бояръ и болѣе провинцательные изъ народной среды стали понимать, что управленіе государствомъ ведется не столько самимъ царемъ, какъ боярами. И чѣмъ больше терпѣлъ тайный народъ, тѣмъ больше набила у него злоба на бояръ, не слушавшихъ царя, стоявшихъ стѣною между ними и царемъ.

¹⁾ Матеріалы для настоящаго очерка служили главнымъ образомъ изд. А. Попова „Матеріалы для возмущенія Стеньки Разина“ 1867 г., Сольвель, Ист. Рос. т. 11, Акты Историческіе т. IV, ст. № 202, доп. къ Акт. Истор. т. VI ст. №№ 2 и 12, Костомаровъ „Бунтъ Стеньки Разина“ и другіе источники.

²⁾ Милушинъ „Сбор. пѣсенъ Урал. кав.“, стр. 30.

³⁾ Н. Н. Фирсовъ „Разинщина какъ социологическое и психологическое явленіе народной жизни“.

Въ 1648 и въ послѣдующіе годы мятежи были вызваны новыми налогами и злоупотребленіемъ сильныхъ людей. Въ 1662 году снова возникла мятежь, причины тѣже — новыя непосильные налоги, взиманіе пятой деньги съ торговыхъ людей, введеніе вновь отчеканенныхъ мѣдныхъ денегъ съ обязательствомъ принимать ихъ наравнѣ съ серебряными ¹⁾, и снова безпрерывное взяточничество и притѣсненія отъ приказныхъ людей. И въ обоихъ случаяхъ бунтующій народъ ищетъ защиты у царя — идетъ къ нему бить челомъ на бояръ. Бунтующихъ усмиряли, тысячами гибли они отъ стрѣльцовъ и отъ казней. За одну только порчу мѣдныхъ денегъ было переказано больше 7000 человекъ да больше 15 тысячъ наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкой и отобраніемъ имѣнія въ казну.

Но недовольство народа нельзя было уничтожить ни казнями, ни пытками, ни тюрьмами. Усмиренный народъ все же оставался недовольнымъ. Не имѣя выхода изъ своего мучительнаго положенія, онъ бѣжалъ на окраины государства — въ далекую степь, въ дикое поле, на Донъ, Яикъ и Терекъ, гдѣ зналъ, что его не выдадутъ и гдѣ онъ не встрѣтитъ ни бояръ, ни приказныхъ людей.

Но это бѣгство народа, кромѣ налоговъ и приказнобоярской системы управленія со всеми ея отрицательными сторонами — взяточничествомъ, лихоимствомъ и несправедливостью судей, было вызвано, и почти главнымъ образомъ, закрѣпощеніемъ народа. Съ изданіемъ Соборнаго Уложенія это положеніе народа было узаконено и отчасти даже выработывалось на земскомъ соборѣ 1648—49 г.г. Это Соборное Уложеніе, гдѣ были сведены въ одно цѣлое законы того времени, было созданіемъ правящаго класса, т. е. въ земскомъ соборѣ, гдѣ составлялось это Уложеніе, не было ни одного крестьянина, — тамъ были помѣщики, духовенство и купцы. Уложеніе это, вѣстаетъ сказать, служившее на Русь какъ судебныя законы до конца царствованія Александра I-го ²⁾, не признавало ни собственности, ни личности крестьянина. Съ крестьяниномъ владѣлецъ могъ сдѣлать все, что угодно, ибо по Уложенію крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего господина: исключеніе изъ этого общаго закона было установлено только для доноса о государственномъ преступленіи; во всемъ-же остальномъ владѣлецъ былъ непогрѣшимъ предъ закономъ, а крестьянинъ всегда виноватъ, какія бы насилія ни дѣлалъ надъ нимъ его владѣлецъ. Такимъ образомъ крестьянинъ во время царствованія Алексѣя Михайловича оказался полнымъ холопомъ или тоже, что рабъ болѣе ранней эпохи. Если-же къ этому добавить, что со временъ Никона не только старообрядцы, но и инородцы перестали пользоваться вѣротерпимостью, — ихъ стали силою обращать въ христіанство, то будетъ понятно, что почва для бунта была на столько подготов-

¹⁾ Ничто вродѣ кредитныхъ рублей: — мѣдныя деньги чеканились стоимостью въ рубль, но проминала разнѣромъ обычныхъ мѣдныхъ монетъ.

²⁾ Въ дѣлахъ Войскъ. Арх. въ опредѣленіяхъ Войскъ. Канцелярій за 1800—1810 годы можно видѣть много дѣлъ, рѣшенныхъ по этому Соборному Уложенію, гдѣ фигурируютъ отсѣзанные уши и другія подобныя наказанія „татами“ и иными преступниками.

лена, что появленіе Разина и разросшіяся бунтъ были лишь слѣдствіемъ того печальнаго положенія, въ которомъ находился закрѣпощенный, обезличенный и обездоленный народъ.

„Среди этой однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни — пишеть Соловьевъ ¹⁾ — являлся казакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ деньгами, деньги ему нипочемъ, онъ гуляетъ, и вся жизнь его представляется какъ непрерывная гуляба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которыхъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которымъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною, тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, такъ искусительно дѣйствовавшая на челоуѣка тогдашняго общества! Мы видѣли, что торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли вѣсть съ казаками за зипунами. Кромѣ прелесть добычи, прелесть подвига, дававшего выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ челоуѣка“...

И темный забитый народъ видѣлъ этого казака, видѣлъ этого русскаго челоуѣка, можетъ быть еще не давно бывшаго такія-же холопомъ — рабомъ, но теперь не ломавшаго никому своей шапки, богатаго и вольнаго, какъ вѣтеръ, видѣлъ его и бѣжалъ къ нему въ его вольныя степи на широкой просторъ, бѣжалъ и уносилъ съ собою ненависть и злобу къ своему старому отечеству.

„Ужь мы, братцы, разойдемтесь-ка.

Разойдемтесь-ка по дякивъ мѣстамъ!...“

говорилъ народъ, и толпами бѣжалъ на Донъ, Терекъ и Яикъ. Въ эти годы, въ 1653 и 63 году Яикъ принялъ въ свою общину въ первомъ случаѣ 122, а во второмъ 331 челоуѣкъ бѣглецовъ. Число очень значительное, если принять во вниманіе, что обычное количество прибывавшихъ на Яикъ бѣглецовъ не превышало въ то время 10 челоуѣкъ въ годъ.

Ужь если на далекой и опасной Яикъ бѣжали сотни людей, то сколько-же бѣжало ихъ въ то время по широкой и свободной дорогѣ на лежавшей рядомъ съ московской украинной вольный Донъ?! Тысячи недовольныхъ, голодныхъ и озлобленныхъ людей наводнили Донъ. Донъ своего хлѣба не имѣлъ — и тамъ открылся голодъ. „Во многіе дворянскіе городки — написаво въ одной изъ грамотъ царя — пришли съ Украины бѣгле боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми, и оттого нынѣ на Дону голодъ большой“ ²⁾. Царскаго жалованья, посылавшагося на Донъ, конечно, было мало: — „государеннаго жалованья въ дуванѣ досталось по куску на челоуѣка, а инымъ и двоимъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина челоуѣку, а инымъ по аршину“ ³⁾. При такомъ положеніи дѣла это жалованье не могло устранить голода.

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 361.

²⁾ Акты Ист. т. IV, № 202, стр. 374.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 353.

Чтобы выйти из безвыходнаго положенія, нужно было идти за зипунами. Но куда идти? Кривцы загородили дорогу въ море и сами навѣщали казаковъ въ ихъ жилищахъ. Азовское и Черное моря были закрыты. Чѣмъ-же жить этой вновь прибывшей массѣ голутвенныхъ людей? гдѣ-же имъ добыть зипуны? А безъ добычи предстоала голодная смерть. Оставался одинъ путь — переброситься на Волгу и ею выплыть въ Каспійское море, погромить тамошніе басурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣлать, путь этотъ былъ въ рукахъ правительства, по дорогѣ туда стояли Царицынъ и Астрахань. Наконецъ при удачѣ какъ возвращаться съ добычей? Правительство подготовить встрѣчу.

И вотъ часть этой враждебно настроенной правительству толпы въ 1666 году подъ начальствомъ атамана *Васьки Уса* опрокинулась во внутрь государства, въ воронежскую и тульскую губерніи, взбунтовала крестьянъ и перебила воеводъ и помѣщиковъ. Это былъ первый порывъ волиницы, чтобы совершить свою завѣтную мечту — освободить народъ отъ тяжести боярской опеки — приѣбрь заразительный и опасный для государства. Донской атаманъ на запросъ Москвы отвѣтилъ, что съ виновниками учинена быстрая и строгая расправа. Но между тѣмъ Васька Усъ, продолжавшій свои походы, на слѣдующій-же годъ вскорѣ оказался отодвинутымъ на задній планъ другинъ, болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ подемъ голтыбыи.

Это былъ атаманъ Степанъ Тимофѣевичъ *Разинъ*.

Типичный представитель того суроваго времени, отважный и безстрашный казакъ, Разинъ былъ олицетвореніемъ грубой силы, жестокости и размахистой удали. Суровый, смѣлый, крѣпко сложенный, съ желѣзною волей онъ давно пользовался извѣстностью среди своихъ товарищей, такихъ же безстрашныхъ вскателей добычи и подвиговъ.

Принявъ на себя командованіе голодными выходцами изъ Руси и всѣми голутвенными казаками, онъ раннею весною 1667 года задумалъ пробраться внизъ по Дону въ Азовское море. Но на пути его встрѣтили вѣрные правительству донскіе казаки и загородили путь. Разинъ повернулъ назадъ и, поднявшись по Дону до того мѣста, гдѣ его теченіе близко подходитъ къ Волгѣ, засѣлъ между рѣками Иловля и Тишиня близъ Паншинскаго городка: всталъ онъ на высочяхъ буграхъ, гдѣ вокругъ него была полна вода, такъ что ни пройти, ни пробѣжать къ нему не было никакой возможности. Между тѣмъ, услышавъ о сборѣ охотниковъ, къ Разину потянулись со всѣхъ донскихъ городковъ жаждавшіе похода „тайнымъ образомъ многіе люди безпрестанно“...

За Разинимъ приказано было слѣдить и для развѣдки о цѣляхъ и намѣреніяхъ его и его удалой шайки царицынскій воевода Андрей Уиковскій послалъ 8 малъ проводника Вакулина и съ нимъ пять человекъ стрѣльцовъ. На другой-же день развѣдчики были у Риги, но понасть туда не могли: „стоятъ казаки на буграхъ — докладывали они воеводѣ — а около тѣхъ бугровъ вода большая и про нихъ подлинно провѣдать и смѣтуть, сколько ихъ человекъ и у нихъ струговъ и какіе струги, не мочно и языка у нихъ поймать за

большую воду нельзя". Узнали они только от атамана Пашинского городка, что казаковъ у Разина человекъ съ восемьсотъ и что у нихъ вѣется четыре большихъ черноморскихъ струга.

Но не удовольствовался царьинскій воевода этимъ извѣстiемъ и 10 мая снова послалъ для развѣдки о Разинѣ, но на этотъ разъ пона соборной церкви Андрея и старца Александра. Но развѣдка ихъ кончилась такъ-же печально, какъ и первыхъ: они не только ничего не узнали новаго, но даже не могли передать въ Ригу письмо отъ воеводы, — никто не осмѣлился ихъ перевезти. На этомъ развѣдки и кончились.

Засѣвши въ своемъ городкѣ, названномъ Рягою, Разинъ разрабатывалъ планъ своихъ дѣйствiй. Куда идти? казалось, думалъ лихой атаманъ. На Волгу, на Каспiйское море? Но для этого нужны силы и силы большiя. Не первый разъ гуляла тамъ дощца вѣстѣ съ явцами казаками, но тогда времена были другiя. Теперь дощамъ трудно было идти къ яцкимъ казакамъ въ гости. Въ Царицѣнѣ, въ Астрахани и въ яцкомъ Каменномъ городкѣ стояли большiе гарнизоны стрѣльцовъ. Лишь только одни яцкiе казаки имѣли свободный выходъ въ море — ихъ не страшелъ гурьевскiй городокъ, они или шли мимо него большими толпами или прощивали по рукавамъ Янка въ сторонѣ отъ городка.

Этому раздумью Разина положенъ былъ конецъ полученнымъ имъ письмомъ изъ Яцкаго городка. Писалъ Разину „прежней станицы воровскихъ езаковъ казакъ *Федька Сукинъ*, чтобъ онъ, Степка, собрался воровать большими людьми и, пришедъ къ Яцкому городку (Гурьеву), тотъ городокъ взять и учугъ разорить и людей побить, а самому съѣсть въ томъ городкѣ и, выходя изъ того городка, на морѣ и на Волгѣ воровать; а тотъ де Федька ниѣ живеть въ томъ Яцкомъ городкѣ" — говоритъ донесенiе царьинскаго воеводы ¹⁾. Яцкiе казаки при той солидарности, какая тогда существовала между казачьиими войсками, были хорошо освѣдомлены о дѣлахъ на Дону и, думая сами погулять по Хвалынскому морю, приглашали къ себѣ лихого атамана. Но въ какомъ яцкомъ городкѣ — верхнемъ-ли казачьемъ или нижнемъ Гурьевскомъ — жилъ казакъ Федька Сукинъ, остается загадкой. Едва ли возможно допустить, чтобы воровской казакъ жилъ въ Гурьевѣ, вѣрнѣе всего это письмо было послано изъ казачьяго городка. По содержанiю его видно, что несъ интересъ пославшихъ его заключался въ разоренiи гурьевскаго учуга и городка, этого бѣльма, бывшаго на глазахъ Яцкаго войска. Это письмо окончательнo утвердило Разина въ рѣшимости двинуться на Волгу и далѣе на море къ Гурьеву.

И вотъ Разинъ узнаеть, что внизъ по Волгѣ плыветь караванъ, онъ выходитъ изъ Риги, двигается къ Волгѣ и 7 мая налетаетъ на суда у урочища Шашкинъ бугоръ.

¹⁾ Акти Истор., томъ IV, статья № 202.

Въ числѣ судовъ каравана былъ стругъ со ссыльными, вѣхавшими на житье въ Астрахань, стругъ богача Василя Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, стругъ патриаршій и много другихъ струговъ. Суда охраняли стрѣльцы, но они и не подумали о сопротивленіи, когда Разинъ со своими молодцами нагрянулъ на караванъ. Судно съ государственнымъ хлѣбомъ было изрублено и пошло ко дну, остальные суда были ограблены, начальныхъ людей рубили, вѣшали и жгли огнемъ, домыгиваясь денегъ. Знамя съ патриаршаго судна Разинъ взялъ себѣ, старцу, бывшему на патриаршемъ судѣ, переломили руки, а его трехъ помощниковъ повѣсили за ноги, другихъ за голову, той-же участи подвергся прикащикъ Шорина. Бывшіе у Шорина 60 человекъ и на патриаршемъ судѣ сто человекъ ярыжекъ пристали къ казакамъ, присталъ также патриаршій сынъ боярскій Лазунка Жедовничъ. У стрѣльцовъ были отобраны знамя и барабаны. Ссылные были раскованы и отпущены на свободу...

Ограбивъ караванъ, озлобленный успѣхомъ Разинъ на вѣсколько времени расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Камышина, на холмахъ, донынѣ посвящихъ его имя.

Отсюда Разинъ далъ знать о себѣ яцкиамъ казакамъ. Современные акты говорятъ объ этомъ такъ: „и подъѣзжая на Саратовъ, взявъ на луговой сторонѣ невѣдомо у какихъ людей четыре лошади и послали въ яцкій городокъ къ казакамъ, чтобы казаки яцкіе шли къ нимъ на помощь“¹⁾.

Этимъ Разинъ давалъ знать на Яикъ, что онъ уже вышелъ на Волгу. Но едвали яцкіе казаки могли придти къ нему въ это время, вѣрнѣе предположить, что они поджидали его у устья Яика.

Послѣ перваго успѣха слава объ Разинѣ быстро разнеслась по Волгѣ. Бездѣйствіе стрѣльцовъ воспламенило народное воображеніе; въ глазахъ толпы онъ сдѣлался чародѣемъ, колдуномъ, котораго ни пуля не брала, ни сабля. Онъ однимъ грознымъ окрикомъ приводитъ въ оцѣпенѣніе стрѣльцовъ, что же еще надо? кого-же съ нимъ бояться? И голытьба повалила къ нему со всѣхъ сторонъ.

Отдохнувъ вблизи Камышина, онъ на 35 стругахъ во главѣ 1500 человекъ двинулся внизъ по Волгѣ и когда плылъ мимо Царицына, то не встрѣтилъ сопротивленія, слава о его чародѣйствѣхъ тутъ имѣла рѣшающее значеніе. „И какъ они, вору, мимо Царицына Волгою плыли, — писалъ изъ Симбирска князь Дашковъ: — и съ Царицына стрѣляли по нимъ изъ пушки и пушка ни одна не выстрѣлила — запаломъ весь порохъ выходилъ“²⁾. Воювода отъ ужаса потерялъ голову и когда Разинъ прислалъ къ нему своего есаула, то онъ безъ сопротивленія отдалъ наковальни и мѣхъ и кузнечную снись, „убоясь тѣхъ воровъ, что того атамана и есаула ни пикаль, ни сабли, не что ни возьметъ и все де войско они берегутъ“.

¹⁾ Долови. къ Акт. Истор. томъ IV, № 2.

²⁾ Тамъ-же.

Напугавъ царяпинскій гарвизонъ и остановившись венадолго близъ города на Сарнинскомъ островѣ, гдѣ казаки дунавили добычу, Разинъ двинулся дальше. Караванъ шелъ за нимъ. — Вхать впереди себя онъ не давалъ никому.

Около Чернаго Яра онъ встрѣтилъ плившаго на суднѣ воеводу Семена Беклемашева; „казаки ограбивъ его безъ остатку и руку ему, Семену, чеканомъ порубили и илетями его били... и вѣшали его на шолгу и разграба поѣхали на низъ Волгю“.

Миновавъ Астрахань, Разинъ двинулся къ устьямъ Яика къ Гурьевскому городку, гдѣ его давно уже поджидали товарищи.

Въ Гурьевѣ въ это время было 500 человекъ стрѣльцовъ съ головою Ивончъ Яцымомъ. Яцннъ видѣлъ, что отсидѣться въ городкѣ ему едвали удастся, — среди стрѣльцовъ было броженіе. И когда подѣхавшій со своею вольницею Разинъ подошелъ къ городскимъ воротамъ съ сорока человеками своихъ удалцовъ и послалъ къ стрѣлецкому головѣ, чтобъ пустилъ ихъ въ церковь помолиться, то Яцннъ недолго колебался и пустилъ Разина. Ворота за ними были заперты, но Разинъ уже былъ хозяиномъ въ Гурьевѣ. Товарищи его отперли ворота и тысячная толпа голытьбы ворвалась въ городъ. Стрѣльцы не сопротивлялись, но и не приставили къ казакамъ. Это рассердило Разина. По его приказу вырыли глубокую яму, у ямы всталъ стрѣлецъ Чиквазъ и сталъ убивать своихъ товарищей. Сто семьдесятъ труновъ попало въ яму. Остальнымъ стрѣльцамъ была дана воля: хотять остаются, хотять идутъ въ Астрахань. Нѣкоторые остались, другіе же поѣхали въ Астрахань. Но Разинъ не могъ имъ простить этого и погнался за ними, часть ихъ была изрублена, часть перешла къ казакамъ, нѣкоторые же спрятались въ камняхъ. Астраханскіе воеводы не досчитались въ числѣ прибывшахъ къ нимъ изъ Гурьева трехсотъ стрѣльцовъ, — всѣ они были убиты или пристали къ казакамъ.

Разинъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ города. Всю осень, не предпринимая далекихъ набѣговъ по морю, онъ громилъ ближайшіе къ Гурьеву берега: татари у устья Волги и, пограбивъ проходившіе близъ нихъ торговля суда, остался зимовать въ Гурьевѣ.

Къ этому же времени нужно отнести присоединеніе къ разинской толпѣ и яцннкихъ казаковъ. Что они принимали участіе въ дѣлахъ Разина, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но много ли ихъ было съ нимъ — остается невыясненнымъ. Одно можно предположить, что количество ихъ едвали было велико. Яцннне казаки, гуляя по синему морю, дѣлали это, какъ говорится, шито-крыто, тихоенько, по домашнему, такъ, чтобы Москва объ нихъ не знала, безъ шума, безъ грома. На этотъ разъ дѣйствія Разина на Волгѣ — разгромъ патриаршаго судна, убійство стрѣльцовъ въ Гурьевѣ, — все это не входило въ ихъ планы и шло въ разрѣзъ выработанной тактикѣ яцннкихъ казаковъ — дѣлать свои прѣисмы, не озлобляя и не задѣвая Москвы. Изъ вѣкоторыхъ данныхъ видно, что главная масса яцннкого войска не особенно сочувствовала

затѣмъ Разина. Это обстоятельство особенно рѣзко бросается въ глаза въ преданіи о пребываніи ляхого атамана на устьяхъ Яика ¹⁾.

Всю зиму сядля Разинъ въ Гурьевскомъ городкѣ. Вольно жилось тогда казакамъ. Въ сѣстныхъ принасахъ не было недостатка да и рыбы было вволю. Съ сосѣдями калмыками они завели дружбу и вели съ ними безпрерывный торгъ. Въ ноябрѣ пріѣхали въ Гурьевъ посланцы съ Дону. Они привезли государеву грамоту и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и вернуться на Донъ. Но Разинъ, прочитавъ царскую грамоту, заявилъ посланнымъ въ собранномъ кругу: „Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ, то я великому государю вину свою принесу!“ — съ этимъ отвѣтомъ и вернулись посланцы на Донъ. Московское правительство было ошеломлено подвигами Разина. Оно не допускало мысли, чтобы онъ могъ обратиться на Яикъ безъ участія воеводъ. Въ Москвѣ были непонятны чародѣйства атамана: пушки, не стрѣлявшія въ Царицынѣ, проходили Разина мимо Астрахани безъ выстрѣла, безъ боя; взятіе „обманомъ“ укрѣпленнаго, со сравнительно сильнымъ гарнизономъ, янцаго нижняго городка — все это заставило Москву заподозрить воеводъ въ замышлѣніи.

На смѣну князя Хилкова, астраханскаго воеводи, былъ посланъ князь Прозоровскій. Назначая Прозоровскаго на мѣсто Хилкова, Москва въ то же время посылаетъ отъ себя указъ князю Хилкову послать на Яикъ отрядъ подъ командою Безобразова, чтобы промышлять надъ ворами, но, не довѣря Хилкову, одновременно посылаетъ въ Астрахань слѣдить за дѣйствіями воеводи задворнаго конюха Максима Голикова, съ тремя человѣками стадныхъ конюховъ.

Ему вѣщялось въ обязанность слѣдующее:

1) „Пріѣхавъ въ Астрахань, сказаться, что присланъ для провѣдыванія казылбашскихъ купчинъ и для всякихъ покунокъ и быть въ Астрахани покаместъ Яковъ Безобразовъ съ ратными людьми на Яикъ пойдетъ.

2) А какъ Яковъ Безобразовъ съ ратными людьми на Яикъ пойдетъ, и ему быть у него-жь Якова въ полку и провѣдать поплинно сколько съ нимъ Яковомъ послано будетъ ратныхъ людей и котораго числа изъ Астрахани пойдутъ; а провѣдавъ о томъ отписать тотчасъ, а съ отпискою прислать одного конюха на скоро.

3) А какъ учнутъ съ казаками сходиться и что у нихъ какого промыслу будетъ о томъ отписать и съ отпискою прислать другого стаднаго конюха.

4) А какъ на весѣхъ учинятся бои и послѣ боень что объявится, о томъ отписать и отписки прислать съ третьими стадными конюхами.

5) А нисати-бъ отписки тайно, чтобы никто не вѣдалъ, а будетъ кто и спроситъ, и ему сказывать, что пишеть про казылбашскихъ купчинъ и о покупке товаровъ.

6) А самому ему вѣхать къ Москвѣ съ послѣдними самыми вѣстками, что

¹⁾ Соч. І. И. Мельникова, т. 1, „Картины казачьей жизни“, стр. 44 - 50.

учинятся у государевыхъ ратныхъ людей съ воровскими казаками, а недождався подлинныхъ послѣднихъ вѣстей, не ѣздить“¹⁾).

Воеводѣ же князю Хилкову была написана грамота о томъ, что посланный задворной конюхъ Максимъ Голиковъ и три стадныхъ конюха выѣхали изъ Москвы въ Астрахань „для провѣдыванія казылбашинъ купчиаъ и для всякихъ покупокъ“. Хилкову приказывалось „давать имъ кормецъ“, а когда Голиковъ станетъ посылать стадныхъ конюховъ съ отпискою, то давать имъ подводы и провожатыхъ и къ Москвѣ отпускать безъ задержанія. Когда же будетъ посланъ Безобразовъ на Яикъ, то Голикову велѣтъ быть въ полку и дать ему подводы, „а Якову Безобразову приказати тебѣ накрѣпко, чтобъ онъ Яковъ и ратные наши люди съ казаками билися всякими выислы съ великимъ разсмотрѣньемъ и ходили бъ на нихъ обозы и крѣпостями и пускать гранаты и дѣлали подкопы поговоря съ полковникомъ Томасомъ Беля, а ему такое дѣло за обычай“²⁾. Но прежде чѣмъ пришло это распоряженіе къ Хилкову, Прозоровскій, остановившійся въ Саратовѣ, хотѣлъ уговорить Разина и кончить дѣло безъ боя. Для этого онъ послалъ къ Разину двухъ посланцевъ, но имъ не такъ посчастливилось, какъ донцамъ. Одинъ изъ нихъ пятидесятникъ Мисулинъ отдѣлался благополучно, но другой, стрѣлцкій сотникъ Сивцовъ, былъ убитъ и ночью брошенъ въ воду.

Голикову, вѣрнѣе какому нибудь присяжному шпіону, подъ вымышленнымъ именемъ Голикова, участвовать въ походѣ не удалось. Еще за долго до его пріѣзда и полученія грамоты Хилковъ 9 февраля отправилъ Безобразова самостоятельно.

Отрядъ его состоялъ изъ 500 солдатъ, 1057 чел. конныхъ и 701 пѣшихъ стрѣльцовъ, ногайскихъ татаръ 400 человекъ. Всего же съ начальниками—изъ 2806 чел. при 11-ти пушкахъ и 219 подводъ³⁾.

Много было надеждъ на этотъ отрядъ, но имъ не суждено было сбыться. Прибывъ къ Гурьеву, Безобразовъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, послалъ къ Разину двухъ стрѣлцкихъ головъ для „сговору“, чтобы казаки „великому государю въ винахъ своихъ добили челомъ“ и шли на Саратовъ къ боярину Прозоровскому. Но посланные головы Яковъ и Нелюбовъ были ловѣшены. Безобразовъ тогда началъ промышленать надъ ворами, но промыселъ вышелъ неудаченъ: болѣе пятидесяти стрѣльцовъ было убито, а нѣкоторые перешли къ казакамъ. Безобразовъ вернулся, не выиславъ своей задачи.

Ночью 23 марта Разинъ покинулъ Гурьевъ и ушелъ въ море, взявъ съ собою изъ города „струги, и нарядъ, и пушечные запасы, а большія пуш-

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст. Вѣд. столб. 610, листы 18—19.

Этотъ приказъ помѣченъ 17 февраля 1668 г.

²⁾ Моск. Глав. Арх. Минист. Юст. Вѣд. ст., столб. 610, листы 25—29. Помѣчена грамота 1668 г. февралю безъ числа.

³⁾ Дюпона. къ Акту Ист., томъ 7, статья № 48.

ки, которые были въ Яицкомъ городкѣ вывезли и пометали въ воду“...

Вѣсть объ усѣхахъ Разина быстро разошлась по Дону и къ нему стали прибѣгать другія шайки. Изъ нихъ одна въ 700 человекъ подъ начальствомъ Сержки Крявого, разбивъ стрѣльцовъ у Краснаго яра на Волгѣ, пробралась на море и пошла вслѣдъ за Разинимъ.

Шуино стало на морѣ Хвалынской. Давно оно не видѣло на своихъ волнахъ столько безпачашныхъ удалцовъ промышленниковъ. Не правѣтливо и угрюмы были тогда берега кавказскаго побережья. Дикіе горцы, какъ хищные волки, бороздили эти берега въ своихъ лодкахъ на поискахъ за добычей. Горе путнику, попадавшему къ нимъ,—онъ дѣлался вѣчнымъ рабомъ. Много томилось въ горахъ русскихъ невольниковъ безъ надежды когда либо вернуться на родину. Торговъ рабами былъ главнымъ промысломъ прибрежныхъ жителей. Здѣсь рабы, христіане, подвергались самымъ жестокимъ мукамъ. На другомъ, еще болѣе пустынномъ и неприкѣтливомъ берегу, кочевали туркмены—степные хищники; они, какъ и горцы, жили добычей, захватывая въ плѣнъ русскихъ и персіанъ, повсюду свезли ихъ лодки; скрывшася въ прибрежныхъ камышахъ, они зорко сторожили добычу и налетали на нее со всѣхъ сторонъ и, какъ кавказскіе горцы, захватывали пугликовъ въ неволю и продавали въ Хину. Лихой атаманъ со своей вольницей на стругахъ плылъ моремъ, а его помощники атаманы Алешка Протокинъ и Каторжный, вышедшіе вѣсломъ съ Дона на помощь Разину, шли въ числѣ двухъ тысячъ человекъ сухопутнымъ по берегу моря; съ ними увязался еще запорожскій куренной атаманъ Чубъ съ четырьмя сотнями „братъевъ“¹⁾. Орлы налетѣли прежде всего на побережье Шамхала Тарковского—гнѣздо разбоя и рабства, на городъ Тарки. Три дня она грабили городъ, потомъ пошли къ Дербенту. Это былъ одинъ изъ центральныхъ рынковъ торговли рабами. Въ Дербентѣ они возились долго, но крѣпость не взяли, зато разрушили до основанія неживой городъ. Занимало все побережье отъ Дербента до Баку. Испуганные жители бѣжали въ горы и лѣса; кто не успѣлъ бѣжать, того захватывали въ плѣнъ или убивали. Все добро, что цѣнилось, брали въ лодки, остальное бросали въ огонь. Въ одной только деревнѣ Мордонѣ казаки вывезли въ плѣнъ 150 человекъ мужчинъ и женщинъ, да семь тысячъ барановъ и отвезли ихъ на островъ, „отъ города Баки въ двѣдѣ“ вѣды. Но не даромъ доставалась казакамъ ихъ добыча: вездѣ по городамъ и селамъ оставляли они своихъ убитыхъ товарищей, — въ Мордонѣ 10 чел., въ Шевранѣ 13, въ Баку 7 человекъ. Много оставляли и повѣшшихся въ плѣнѣ.

Подшли наконецъ казаки къ персидскому городу Решту. Здѣсь Разинъ вступилъ въ переговоры съ губернаторомъ города Вударъ-ханомъ. Предлагъ службу шаху, казаки просили отвести себѣ земли для поселенія на р. Ланкурѣ. Губернаторъ до окончанія переговоровъ взялъ у казаковъ трехъ человекъ за-

¹⁾ Абзацъ. Казаки Донины, Кубанцы, Терцы, стр. 30.

ложниковъ и въ свою очередь прислалъ казакамъ въ заложники трехъ персовъ и открылъ рейдъ для казачьей флотиліи. Казаки заложники были посланы къ шаху въ Испагань и, пока шли переговоры, губернаторъ давалъ ежедневно на прокормъ казакамъ по 150 рублей. Это былъ откупъ въ приличной формѣ.

Слышавшій за Разиньмъ, прорвавшійся въ море съ 600 донцами Серезжа Кривой на своемъ пути видѣлъ только пожарища; онъ достигъ Разина въ Рештѣ; тутъ соединились двѣ силы, и Разинъ раздумалъ о подданствѣ шаху. Да и отвѣтъ отъ шаха былъ верадостный: земли по рѣкѣ Ленкоръ онъ имъ не далъ, а велѣлъ имъ ѣхать въ г. Испагань. Разинъ отпустилъ персіянъ заложниковъ и потребовалъ своихъ трехъ казаковъ... и мирному житію былъ скорѣе положесть конецъ. Казаки стали держать себя такъ, что озлобили всѣхъ жителей и рештскій губернаторъ, воспользовавшись безпечностью казаковъ, внезапно напалъ на нихъ и причинилъ имъ значительный уронъ. Казаки отступили, оставивъ 400 человекъ убитыхъ.

Озлобленный Разинъ повлылъ къ г. Фарабату, тому самому Фарабату, который яцкіе казаки пограбили въ 1636 году.

Приѣхавъ въ Фарабатъ, Разинъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ нимъ для торговли. Жители повѣрили и торговали съ казаками пять дней. На шестой день въ разгаръ торговли Разинъ поправилъ шапку на головѣ: это былъ условный знакъ лачать бой и казаки бросились на беззащитную добычу и пошла расправа. Казаки жестоко отомстили за Рештѣ: — все было или изрублено, или взято въ плѣнъ. Городъ былъ сожженъ. Почти никто не спасся, — остался въ живыхъ только христіане, которыхъ среди побойща узнали по выкрику: „Христосъ! Христосъ!“

Послѣ Фарабата та же участь постигла Астрабатъ.

Послѣ этихъ подвѣговъ Разинъ укрѣдился на островѣ „межъ Гильяни и Фарабата“. На этомъ островѣ были шаховы потѣшныя дворы и лѣсные заповѣдники. Казаки сдѣлали тамъ деревянный городокъ, обмыслили его землю и вдоль берега сдѣлали земляной валь.

Здѣсь казаки провели всю зиму и, какъ говорятъ акты, ихъ стало „передъ прежнимъ многолюдно — пополнились они людьми изъ казыдбашскаго полку“. Они имѣли до 500 плѣнныхъ персіянъ, но ихъ не продавали, хотя имъ предлагали за нихъ большія деньги, они вершили святую вѣковую миссію казаковъ-лицарей: — выручали христіанъ полоняниковъ изъ басурманской неволи. Они каждого персіянина имѣли на 2, на 3 и на 4 человека христіанскихъ невольниковъ, — кто бы ни были эти невольники, лишь бы были христіане. По всему кавказскому побережью сотни захваченныхъ дикими горцами русскихъ плѣнныхъ, томившихся до сихъ поръ десятками лѣтъ въ цѣняхъ и въ тяжелой работѣ, были выкуплены персіянами и предстали для общаго забитые и униженные предъ своими освободителями — казаками... Всѣ плѣнные персіане были обмыслены на русскихъ невольниковъ. / Пока Разинъ гулялъ по Хвалын-

скому морю, въ это время въ Гурьевъ, по уходѣ Разина, прибылъ со стрѣльцами голова Богданъ *Сакмышевъ*. Едва онъ успѣлъ осмотрѣться со своими стрѣльцами въ разграбленномъ городкѣ, какъ 1 апрѣля „Янкомъ рѣкою, сверху, изъ верхового Яицкаго городка приплыли къ Яицкому каменному городку 13 человекъ воровскихъ казаковъ“ ¹⁾. Это были запозлавшіе яицкіе казаки. Сакмышевъ посадилъ ихъ подъ караулъ и сковалъ въ цѣпи. Последний изъ Астрахани въ іюль на смѣну Сакмышева и его стрѣльцовъ голова Борисъ Волтинъ съ 400 стрѣльцовъ яшелъ въ Гурьевъ полный разгромъ. За день до его пріѣзда стрѣльцы возмущились, схватили Сакмышева и „посадили его въ воду“, т. е. попросту утопили, „а воровскихъ казаковъ тринадцать человекъ, которые почая въ яицкомъ каменномъ городкѣ воровскихъ казаковъ Стевкку Разина съ товарищи, приплыли было, изъ колоды освободили и одного изъ нихъ стараго воровскаго казака Гришку Ондурова сына *Рудакова*, который воровалъ на морѣ съ *Ивашкой Кондыревымъ*“ ²⁾, выбрали себя атаманомъ и покинувъ яицкій городокъ, пошли на воровство на море іюля противъ 31 числа въ ночи“ ³⁾...

Стрѣльцы съ Рудаковымъ, всего около 300 человекъ, направились къ Разину. Но по дорогѣ они встрѣтили ѣхавшаго на судахъ въ Гурьевъ стрѣлцаго сотника Данилу Тарлыкова, напали на него, разбили и захватили бывшія при немъ 600 четвертей муки, 15 пудовъ пушечнаго пороха, 10 пудовъ свинцу, одну пушку желѣзную и одну мѣдную и повернули опять къ городку съ цѣлью отбить и другіе лодки (лодки), которые должны были прибыть въ Гурьевъ.

Въ Гурьевѣ сотникъ Тарлыковъ съ 30 стрѣльцами отъ нихъ бѣжали въ городокъ, а Рудаковъ направился нѣ море сыскивать воровскихъ казаковъ Разина. У бѣглецовъ было всего 9 малыхъ лодокъ и одинъ лодокъ. Не такъ-то легко было отыскивать лихого атамана на небольшихъ лодкахъ. Пуститься въ открытое море бѣглецы не рѣшились и, отойдя отъ Гурьева, расположились на Кулалыинскомъ островѣ, откуда и ходили на развѣдки за Разинымъ. Но не долго гуляли на волѣ захотѣвшіе испробовать казацкой жизни стрѣльцы. 15 сентября ихъ накрылъ на островѣ посланный изъ Астрахани князь Семенъ Львовъ съ астраханскими и московскими стрѣльцами, съ пушками и „гранатами“, только что появившіяся нѣ московскомъ войскѣ. Бѣглецы были окружены. Они не имѣли возможности уйти съ острова и бѣжать, т. к. нѣ ихъ лодкахъ и лодокъ передъ приходомъ Львова утѣхло 130 человекъ къ туркменскимъ берегамъ сыскивать Разина. Стрѣльцы засѣли въ построенномъ ими городкѣ и оказали отчаянное сопротивление. Львовъ взялъ ихъ „за великимъ боемъ“. Самъ онъ былъ раненъ. Оставшіеся въ живыхъ 112 человекъ были взяты нѣ цѣпи и отнезены въ Астрахань.

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. VI, статья № 2.

²⁾ Ивашко Кондыревъ разгромилъ учуги въ Гурьевѣ и материалы для постройки города въ 1649 г.

³⁾ Дополн. къ Актамъ Истор. т. VI, статья № 2.

Вместо вольной казацкой жизни бѣглецовъ ждали въ Астрахани петли; посадили отъ казни только 54 стрѣльцовъ и взятыхъ нѣсколькихъ человекъ со стрѣльцами ядичихъ казаковъ, бѣжавшихъ съ ними изъ Гурьева. Ихъ посадилъ въ тюрьму и ждали указа изъ Москвы, что съ ними дѣлать.

Настала весна 1669 года. Разинъ распустилъ паруса и направился къ восточному берегу моря. Тутъ стали знакомиться съ казацкою удаляю туркменъ. Все побережье было опустошено; много погибло въ схваткахъ казаковъ, погибъ съ ними и сподвижникъ Разина Сережа Кривой. Долго гуляли удальцы и наконецъ, нагруженные добычею, ихъ струги повернули „на Гилякскую сторону на Свиной островъ“, съ котораго казаки стали дѣлать набѣги. Десять недѣль пробыли они на островѣ. Тутъ въ июлѣ нѣсладъ попалъ на нихъ посланный персидскій шахомъ Мамеды-ханъ. Его флотъ состоялъ изъ 70 боевыхъ судовъ съ 3700 человекъ персидскихъ солдатъ и наемныхъ калмыковъ и черкесъ.

Но казаки въ отчаянномъ морскомъ бою улячтожили и разбили весь этотъ флотъ. Самъ Мамеды-ханъ едва сбежалъ на трехъ оставшихся судахъ, но сынъ его и дочь попались въ плѣнъ, — ханъ, собираясь на казаковъ, думалъ, вѣроятно, что идетъ на прогулку.

Побѣдителямъ досталось 33 пушки и богатая добыча. Красавица княжна сдѣлалась любовницею атамана.

Но не даромъ далась и казакамъ эта битва: много, почти половину, не досчитались они въ своихъ рядахъ удалыхъ головъ.

Послѣ разгрома персидскаго флота казаки задумались: — гулять по морю стало опасно, вместо четырехъ тысячъ шахъ могъ прислать вдвое, втрое больше, и казакамъ не одобровать. Грабить уже было некого, — всѣ берега знали объ удалой шайкѣ Разина и держались на чеку; что можно было разграбить — было раздувано. Пора было идти по домамъ.

И вотъ Разинъ расправилъ паруса и поплылъ на Волгу. Десять дней плыла казацкая флотилия къ речнымъ берегамъ. Приѣхали казаки на митрополичій учугъ на устьѣ Волги и пограбили его. Захватили по дорогѣ къ Четырехъ Вуграмъ два судна персидскаго купца: одно съ товарами и подарками отъ шаха къ царю, а другое съ шаховыми аргамаками, „которыхъ кучина везъ къ великому государю въ любительскихъ покинкахъ“. На встрѣчу Разину выѣхалъ изъ Астрахани князь Львовъ съ 4000 стрѣльцовъ на 36 стругахъ и засталъ Разина у Четырехъ Вугровъ. Увидавъ отрядъ Львова, казаки „пометався въ струги, побѣжали на море въ дальные мѣста“... Двадцать зерствъ гнался за ними Львовъ, но догнать не могъ. Тогда онъ послалъ къ Разину переговорищиковъ и грамоту государя, въ которой казакамъ прощались вины, если они вернутся на Донъ. Разинъ остановился и начались переговоры: ко Львову явились два выборныхъ казака. „Все войско бьетъ челомъ — говорили они — чтобъ великій государь пожаловалъ, вслѣлъ вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины рады своимъ головами платить, гдѣ великій государъ укажетъ, а пушки, которыя взяли

на Волгѣ на судахъ и въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдавая, служивыхъ людей Астраханцевъ и иныхъ низовныхъ городовъ, которые взяты въ Яицкомъ городкѣ и на Волгѣ, отпустимъ въ Астрахань, а струги и струговые припасы отладимъ въ Царицынѣ“...

Оба казака были приведены къ присягѣ за все войско, и казачья флотелія, конвоируемая Львовымъ, двинулась къ Астрахани.

Невиданное зрѣлище представилось жителямъ: къ ихъ городу подѣзжали сказочные герои—самъ батюшка Степанъ Тимофѣевичъ Разинъ и его лихіе орлы, на стругахъ блестяли шелковые шаруса, канаты, веревки—все было изъ шелка. А сами удальцы? Они были одѣты въ цѣпные бархатные кафтаны, на шакахъ блестяль жемчугъ, играли дорогіе каменья! Такъ пышно и славно когда-то возвращался только князь Олегъ изъ похода подъ Царьградъ!

Но вотъ брошены явора. Вышелъ со своего „разнаряженнаго стружка“ самъ Степанъ Тимофѣевичъ въ богатомъ нарядѣ. Лихо заломлена на черныхъ кудряхъ высокая казацкая бунья шапка, блестятъ каменьями въ богатой оправѣ кривая турецкая сабля. А вокругъ него вдутъ есаулы и старшины—Васка Усь и другіе. Идутъ они, окруженные очарованнымъ народомъ, къ приквасной палатѣ. Сидятъ въ палатѣ врасунившись воеводы, князь Прозоровскій съ товарищи; нахмурены ихъ суровые очи—не рады они неожиданнымъ гостямъ. Вошли казаки, положили они передъ ними бунчукъ и десять знаменъ, отдали они ханова сына „да съ нимъ фарабатскаго сотника да трехъ человекъ вольгонтарей—по русски дѣтей боярскихъ“... Обѣщались отдать и пушки; отдали и служивыхъ людей—стрѣльцовъ, которые пристали къ казакамъ. Приказали бояре зачислить бѣглецовъ снова на службу по старому чину, но за крѣпкими поручами. Разинъ билъ челомъ, чтобы государь велѣлъ отпустить ихъ на Довъ и послалъ шестерыхъ выборныхъ казаковъ—атамана станичнаго Лазарка Тимофѣева съ товарищи въ Москву бить великому государю за вини своими головами.

Уѣхала станица, а Разинъ остался въ городѣ. Немного, не болѣе трети, удальцовъ вернулось съ далекаго похода, остальные сложили тамъ свои головы или остались въ тяжелой неволѣ. Тысяча дѣсти орловъ вернулось на родную землю, орловъ, закаленныхъ въ бояхъ, вкусявшихъ сладость воли и буйныхъ подвиговъ, людей уже неспособныхъ болѣе ни къ чему. И они загуляли; они стали праздновать поимки по убитымъ—исхвать минутное заблеще, отдытъ за чарою зелена-вина, среди шумнаго разгула. Толпами ходили они по городскимъ улицамъ, вили, гуляли и заводили торговлю съ жителями—отдавали добычу ниночѣмъ: фунтъ шелку отдавали за 18 денегъ, въ кабакахъ платили сорванными съ шапокъ жемчугомъ и каменьями! Многіе рускіе, Армяне и Персіане, жившіе въ Астрахани, въ нѣсколько дней составляли себѣ состоянія.

Одинъ Голландецъ, бывшій на русской службѣ, кушилъ за сорокъ рублей огромную золотую цѣпь, величиною въ сажень.

Гуляли казаки размахисто, широко. Гулалъ съ ними и самъ батюшка Степанъ Тимофѣевичъ!

Прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди — шашетъ объ немъ Соловьевъ ¹⁾: со всѣми такой ласковый, а ужъ добрый то какой, кто ни попроси — ибѣтъ отказа! Степана Тимофѣевича величали, какъ царя: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ничто не было пощажево, чтобы усилить обаяніе. Но чѣмъ производилось тогда самое сильное обаяніе? Широкою размахомъ во всемъ, чудовишною силою, чудовишною властью; могучее обаяніе производилъ человекъ, которому все было вполнѣ, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, оцѣпленялъ своего простого человека, визлагалъ, порабощалъ его. Степанъ Тимофѣевичъ какъ нельзя больше приходился по этимъ искушеніямъ, былъ какъ нельзя больше способенъ обаять толпу своею силою, своимъ произволомъ, ничѣмъ не сдерживающимся.

Прибывшій въ это время въ Астрахань на кораблѣ „Орель“ голландецъ Стрюксъ надѣлъ атамана и слѣдующими чертами обрисовалъ его наружность: „Онъ казался высокимъ, держался съ достоинствомъ, имѣлъ видъ горделивый, сложенъ онъ былъ стройно, но лицо было нѣсколько попорчено рябизною. Онъ обладалъ даромъ внушать страхъ и любовь... Мы застали его въ шатрѣ съ его наперстякою, прозваннымъ Чертономъ Усы (тутъ рѣчь, вѣроятно, идетъ объ Васильѣ Усѣ) и нѣсколькими другими офицерами. Нашъ капитанъ поднесъ ему въ даръ двѣ бутылки водки, которой онъ обрадовался, такъ какъ давно уже не пилъ ее. Онъ сдѣлалъ намъ знакъ сѣсть и поднесъ намъ по чаркѣ за свое здоровье, но не говорилъ почти ничего и не проявилъ никакого желанія узнать, для какой именно цѣли мы прибыли въ эту страну. Мы вторично посетили его и нашли на рѣкѣ, въ раскрашенной и вызолоченной лодкѣ, пьющихъ и веселящихся съ нѣкоторыми изъ его офицеровъ. Возлѣ него была персидская принцесса“ ²⁾.

Она была одѣта великолѣпно, въ вышитое золотомъ и серебромъ платье; жемчуги, брилліанты и разные драгоценные камни придавали блескъ ея и природной ослѣпительной красотѣ.

Красота этой персидской княжны и ея знатное происхожденіе не мало способствовали славѣ Разина. Однажды, катаясь по Волгѣ, пьяный атаманъ, схватилъ княжну и бросилъ ее въ Волгу. — „Возьми, Волга-матушка! кривнулъ онъ, бросая ее: много ты мнѣ дала серебра и золота и всякаго добра,

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 11, стр. 362.

²⁾ „Буять Степкъ Разина“, истор. очеркъ К. Валишевскаго. Ежемесячный журналъ „Новое Слово“ 1909 г. № 5.

надѣлала честию и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ!“

Такъ лихои атаманъ раскинулся съ матушкой Волгой!

Преданіе говоритъ, что князь Прозоровскій, во время одного изъ пребываній у него Разина, замѣтилъ ему, что надѣтая на немъ шуба очень цѣнна и что въ пору бы носить ее боярину, а не казаку.

Разинъ вспыхнулъ и отдалъ шубу воеводѣ, но при этомъ замѣтилъ: „Эта шуба не надѣлала-бы шума!“

Слова эти оказались пророческими и Прозоровскому пришлось дорого расчитаться за свои слова и за шубу.

Разинъ припомнилъ ему это во второй свой прїѣздъ въ Астрахань.

Четвертаго сентября Разинъ сталъ собираться въ путь. Но передъ отпускомъ на Дону воеводы стали приступать къ Разину, чтобы онъ далъ переписать за-заковъ, чтобъ отдалъ всѣ пушки, дары, которые везъ кучиномъ отъ шаха государю, а также всѣхъ плѣнныхъ персіанъ.

— „Товары, — отвѣчалъ Разинъ, — которые взяли на взморьѣ съ бусъ, у насъ раздуванены и послѣ дувану у иныхъ проданы и въ платьѣ передѣланы, отдать имъ нечего и собрать вквѣтъ не мочно, за все за то идемъ мы къ великому государю и будемъ платить головами своими; полонъ въ шаховой области взять у насъ за саблю, многія наша братья за тотъ полонъ въ шаховѣ области на бояхъ побиты и въ полонъ поиманы и нынѣ тотъ полонъ въ раздѣлъ: доставалось пяти и десяти, а инымъ и двадцати челонѣкамъ одинъ полоняникъ. А переписи казакамъ на Дону и на Яикъ по нашимъ казачьимъ правамъ не повелось и въ милостивой государевой грамотѣ о томъ чтобы отдалъ и пушки и полонъ и ружья и казаковъ переписывать не написано!“

Разинъ отдалъ только 21 пушку: пять мѣдныхъ да шестнадцать желѣзныхъ, а „четыре мѣдныхъ пушечки меньшихъ, да шестнадцать желѣзныхъ затвѣныхъ“ взялъ съ собою. „Эти пушки, говорилъ онъ, надобны намъ въ степи отъ Царицына до донского Паншина городка для прохода отъ крымскихъ и отъ азовскихъ и другихъ военныхъ людей, а какъ дойдемъ до Паншина, то эти пушечки вышлемъ тотъ часъ!“ Отдали казаки и морскіи суда.

Воеводы не настоявали, — они были безсильны, надѣяться на стрѣльцовъ они не могли.

„Самое сильное обаяніе казацкій духъ, пишетъ Соловьевъ, проявлялъ въ стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ-же словъ общества, какъ и казакъ, онъ человекъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полужаказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности новоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ. А вся сила астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не употребляя крутыхъ мѣръ со Стеавкою,

желая какъ можно скорѣе выпроводить его на Довъ, удалить страшное искушеніе отъ своихъ подвластныхъ¹⁾.

И воеводы приказали персіянамъ выкупать своихъ плѣнныхъ. И выкупили они многіи полонъ, писали воеводы въ Москву, — а безъ оуку того полону и шаховыхъ даровъ и бумажныхъ товаровъ у казаковъ силою имать не смѣли, чтобы они вновь шатости къ воровству не учинили и не приста- ли бѣ къ ихъ воровству иные многіе люди и оттого межъ людьми кровопролитія не учинилось“.

У казаковъ было 95 плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ — казыбашей, бухарцевъ и туркменъ. Они отдавали ихъ персіянамъ за дорогую цѣну: одинъ кучеческій сынъ, персіянинъ, былъ выкупленъ за пять тысячъ рублей.

Наконецъ 4 сентября казаки двинулись вверхъ по Волгѣ „въ досталь- ныхъ въ ихъ казачьихъ девяти стругахъ“ и въ мелкихъ лодкахъ; прово- жать ихъ воеводы послали, чтобы они по дорогѣ никакого дурна не учинили, жельца Леонтія Плохова, а отъ Царицына до Дону должень былъ ихъ про- водать стрѣльцкій сотникъ съ 50 стрѣльцами.

Разину наказывалось на пути никого съ собою на Довъ не подговаривать, а кто и безъ подговору станетъ приставать, тѣхъ бы не принимали. Къ вое- водамъ на Черный Яръ и Царицынъ было написано, чтобы они казаковъ въ го- родъ не пускали, а также чтобы не продавали имъ вина.

По выѣздѣ казаковъ изъ Астрахани воеводы не досчитались 17 человекъ стрѣльцовъ, приставшихъ къ казакамъ.

Хорошо было Астраханскому воеводѣ писать указы Царицынскому и Чер- ноярскому воеводамъ, но трудно и невозможно было исполнить эти указы. Казаки забыли свое обѣщаніе по дорогѣ не дѣлать дурна. Они пограбили кое кого, брали съ собою желающихъ на Довъ, не выдавали бѣглецовъ. Вслѣдъ за Разинымъ изъ Астрахани были посланы оставшіеся на каменныхъ 54 че- ловѣка стрѣльцовъ, взятыхъ Львовымъ на Куламынскомъ острову, среди кото- рыкъ были и яцкіе казаки, взятые съ ними на томъ-же островѣ. Ихъ везли въ Москву вѣсть съ другими колодниками „по воровскимъ казачьимъ дѣламъ“ всего 66 человекъ, чтобы потомъ отправить на вѣчную ссылку въ Холмо- горы. Изъ числа этихъ колодниковъ трое казаковъ по дорогѣ, не доѣзжая Царицына, убѣжали и присоединились къ Разину. Узнавъ объ этомъ, Ра- зинъ направился къ арестанскому стругу и сталъ требовать всѣхъ казаковъ, которые ваяты на Куламынскомъ острову и посланы въ Москву. Но головы ему отказали и стали въ свою очередь требовать убѣжавшихъ отъ нихъ трехъ казаковъ. Атаманъ разсвѣршилъ. „Если вы не отдадите мнѣ казаковъ, то я приду на васъ въ лодкахъ и самъ ихъ возьму!“ Исполнилъ-ли атаманъ угрозу — изъ актовъ не видно.

Но бѣжавшихъ къ нему стрѣльцовъ и трехъ яцкихъ казаковъ (арестав-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. томъ 11, стр. 361.

товъ), Разинъ не отдалъ. „У казаковъ того не повелось, чтобъ бѣглыхъ людей отдавать!“ отвѣтилъ Разинъ.

Но горшая участь предстояла Царицынскому воеводѣ Андрею Уиковскому. Исполнить наказа Астраханскаго воеводы князя Прозоровскаго, чтобы не пускать казаковъ въ городъ и не продавать имъ вина, онъ конечно не могъ.

Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ, но, чтобы они не пьанствовали, Уиковскій приказалъ брать съ казаковъ двойную цѣну—мѣра, которая только озлобила казаковъ, но ни на каплю не уменьшила пьанства. Казаки заволновались. „Воевода этотъ—говорила они—уже давно насъ притѣсняетъ, которые съ Дону прѣѣзжаютъ за солью и за полупками, у тѣхъ овъ беретъ съ дуги по алтыну, да у нашихъ-же казаковъ овъ отнял у одного двѣ лошади съ савями и хомутами, у другого ницаль“. И вотъ Разинъ двинулся со своими молодцами на воеводскій дворъ, грозя зарѣзать Уиковскаго; дверь въ приказной избѣ была выбита бревномъ. Испуганный воевода выпрыгнулъ изъ горницы изъ окно и вышибъ себѣ ногу, но все-же успѣлъ спрятаться. Разинъ искалъ его вслѣдъ во всѣхъ домахъ, и въ соборной церкви, въ алтарѣ, но не нашель; тогда атаманъ приказалъ у тюрьмы сбить замки и выпустилъ арестантовъ. Казаки успокоились и разошлись; Уиковскій вышелъ изъ своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ. Но не долго овъ наслаждался покоемъ. Къ нему вошелъ казачій старшина „Запорожскій черкашенинъ легко пьанъ“ со многими товарищами и сталъ „бранить всякою веподобною бранью и за бороду его Андрея дралъ“... Но этимъ не кончилось митарства воеводы. Узналъ объ этомъ Разинъ и поспѣшилъ разсчитаться. Опять приказная изба наполнялась казаками, которые хотѣли высѣчь воеводу, но и на этотъ разъ воевода успѣлъ спрятаться изъ задней приказной избѣ. Уиковскій отъ смерти отбѣзаясь, но все же для успокоенія казаковъ ему пришлось заплатить имъ за лошадей и за ницаль.

Были и другіе случаи всякой казачьей дурости—пограбили казаки стрѣлецкаго сотника, ѣхавшаго изъ Москвы въ Астрахань съ государевыми грамотами. Напали она на него ночью, разграбили стругъ, а грамоты пометали въ воду.

Прѣѣхалъ къ Разину отъ Прозоровскаго посланецъ съ требованіемъ выдать бѣглецовъ и это требованіе приравнивалъ угрозой. Разинъ испыхнулъ.

„Какъ ты смѣлъ прѣйдти ко мѣѣ съ такими рѣчачами? смизалъ оны: чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ воеводою. Онъ, дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мною, какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный казакъ! И смилѣе его и расилачусь съ этими негодяями!“¹⁾

5 октября вольница оставила городъ. Казаки сдали Плохово „морскихъ и мельничныхъ и ясаульныхъ десять струговъ цѣлыхъ и испорченныхъ да

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. томъ 11, стр. 364.

семь якорей“, по шелковыхъ парусовъ не отдали и заправились на Довъ.

Такъ кончилась первая половина разинскихъ походовъ — самая блестящая и самая славная для Разина. Его слава, слава о богатой добычѣ, слава объ немъ, какъ объ чародѣй, разошлась по всему казачьему міру, разошлась прикрашенная стоустою молвою. Его походъ сталъ легендарнымъ, сказочнымъ: чѣмъ дальше и опаснѣе былъ походъ, тѣмъ больше славы; чѣмъ дороже досталась добыча, тѣмъ больше чести казаку. А набѣгъ на басурмана — развѣ это не честь для казака? Они по ихъ понятію не сдѣлали ничего дурного: они заплатили басурманамъ за ихъ набѣги и разгромы своими набѣгами, за захваченныхъ разбойничьими, прибрежными, кавказскими пленянами русскихъ людей они отплатили тѣмъ-же: сами взяли сотни плѣнныхъ, но не заковали ихъ въ цѣпи, не мучили ихъ въ тяжелой неволѣ, не сдѣлали ихъ рабами, какъ это дѣлали кавказскіе дикари, и не продали ихъ за золото — нѣтъ, они, какъ истые казаки — рыцари, борцы за православный народъ — безкорыстно мѣняли ихъ на христіанскихъ невольниковъ — вершили святое казачье дѣло.

Разказы о подвигахъ удалцовъ, о богатствахъ, добытыхъ ими за моремъ, вѣжали слухъ, ласкали самыя затаенныя, завѣтныя чувства гордыбы, будили скрытыя желанія — быть такъ-же славнымъ и богатымъ, какъ и дѣтки батюшки Степана Тяжкофѣвича. Онь, батюшка, онь, отецъ, одѣлъ бѣдноту, онь далъ имъ богатства! Вчерашній бѣднякъ, не знавшій, куда сложить голову, теперь щеголялъ въ пышномъ нарядѣ, сорилъ деньгами. Казачьи войска заволовновались. Сотни людей стали стекаться подъ знамена Разина съ Запорожья, съ Дона, съ Волги и съ Яика.

На Дону вокругъ Разина собирались тучи. Вотъ-вотъ разразится гроза — и она разразилась въ слѣдующій-же годъ.

Кончилась лихой походъ; казаки пошли по домамъ, но большая часть осталась при Разинѣ. Интересно было бы знать, остались-ли яцкіе казаки при Разинѣ или ушли на Яикъ изъ Царицына? Свѣдѣній объ этомъ въ актахъ не имѣется. Объ яцкихъ казакахъ они говорятъ лишь вскользь, но все же и эти краткія свѣдѣнія даютъ полное основаніе заключить, что у Разина были яцкіе казаки, въ числѣ хотя, можетъ быть, и небольшомъ, но все же представлявшемъ извѣстную силу. Мы видимъ, что яцкіе казаки зовутъ Разина въ Гурьевъ, чтобы оттуда ходить на поровство; Разинъ шлетъ имъ съ Волги посланца, чтобы они шли къ нему на помощь; видимъ заподвавшихъ съ прибытіемъ къ нему 13 яцкихъ казаковъ, приплывавшихъ изъ Яцкаго казачьяго городка въ Гурьевъ и попавшихъ въ лапы къ воеводѣ; видимъ, наконецъ, что Разинъ, не позволяя Пролоровскому переписывать казаковъ, говорить, что на Дону и на Яикѣ этого не повелось. Если бы съ нимъ не было тогда яцкихъ казаковъ, то зачѣмъ-бы ему говорить, что и на Яикѣ этого не повелось? — Онь упомянуть-бы только про одинъ Довъ. Все это вѣдѣть взятое даетъ полное основаніе предполагать, что безъ яцкихъ казаковъ дѣло не обошлось, хотя бы уже по одному тому, что Каспійское море было такъ сказать

ихъ собственное домашнее море, служившее для ихъ промысловъ; они знали въ немъ всѣходы и выходы и былъ-бы Разинъ, или не былъ на немъ,— все равно, яцкіе казаки гуляли-бы въ эти годы по его волнамъ и разбивали бы бусы такъ-же, какъ они дѣлали это каждый годъ и безъ Разина.

Въ дошедшей до насъ пѣснѣ яцкихъ казаковъ о возвращеніи ихъ съ этого набѣга говорится такъ:

„Потомъ побывали они въ городѣ Гурьевѣ.
Изъ Гурьева пошли они на матушку Волгу-рѣку.
Съ Волги они пошли на Узевъ рѣку;
Съ Узевъ рѣки переправились на Яикъ-рѣку.
Прошли то они, извошли всю орду азиатскую—
Киргизскую, тухменскую, казылбашскую“¹⁾.

Это былъ конечно единственный прямой путь отъ Царицына къ Яику, но путь въ то время и малый и опасный. Въ этомъ году у калмыковъ и татаръ были междоусобія, продолжавшіяся весь слѣдующій 1670 годъ. Современныя лѣтописи говорятъ объ этомъ такъ: „Въ то время (въ 1670 г.) на степи у черныхъ калмыкъ съ волжскими калмыками и у едиссаускихъ мурзъ и у татаръ, у большого и малого ногаю съ мурзани и съ татары и у калыбашевъ съ ебулаками междоусобіе великое и сѣча была, и степью никомы дѣлы прѣхать было въ то время невозможно“²⁾, т. ч. Прозоровскій вынужденъ былъ послать гонца въ Москву черезъ Терекъ, а оттуда на Дюнь. Ближайшіе сосѣди яцкихъ казаковъ калмыки рѣзались и всю зиму этого года. „Зимомъ отъ калмыцкихъ улусовъ утекли едиссаускіе мурзы—говорятъ лѣтописи—Сюнчъ-мурза Абдуловъ съ дѣтми и съ племянники и съ улусными своими калмыками, и придоша къ Астрахани кочевать за Царицыну протоку, тысящъ съ пятнадцать, и отъ тѣхъ калмыковъ ради того утекли, понеже у нихъ между собою съ черными калмыками междоусобіе учинилось, и устроивъ около себя земляной валъ ради приходу степныхъ татаръ большого и малого ногаю, чтобы ихъ не разорили“³⁾. Въ такомъ положеніи находилась степь, когда яцкіе казаки должны были идти изъ водъ Царицына на Яикъ, а когда готовились событія, всколыхнувшія всю юго-восточную Русь и залившія ее кровавою волною буйнаго и дикаго мятежа.

О пребываніи Разина на устьяхъ Яика сохранилось у казаковъ преданіе, въ которомъ ярко обрисовывается взглядъ казаковъ на характеръ Разина и на его подвиги. Въ немъ есть небольшая историческая неточность, но она нисколько не умаляетъ значенія этого преданія, какъ выразителя народнаго взгляда на совершавшіяся событія.

Вотъ что говоритъ это преданіе: 4)

¹⁾ Русск. Вѣст. 1858 г. стр. 578—574, Якушкинъ, Сборн. пѣсней Урал. кал., стр. 40.

²⁾ Поповъ, Матер. къ Ист. возмущ. Степныи Разина, стр. 247.

³⁾ Тамъ-же, стр. 256.

⁴⁾ І. И. Желъязковъ. „Уральцы“, т. 1. „Картины казачьей жизни“, стр. 44—50.

„Однѣв казачекъ, гулебщикъ (охотникъ), плылъ въ бударѣ по Баксаю ¹⁾, недалеко отъ моря; плылъ онъ это и увидѣлъ на берегу, въ камышѣ, на небольшой полянѣ, стоитъ бѣлый съ красными узорами шатеръ, а на шатрѣ какъ жаръ горитъ золотая маковка. Увидалъ это казачекъ и дивуется. „Что за оказія такая“, думаетъ самъ про себя казачекъ, „ужъ не дьявольское-ли навожде- ние, не бѣсъ ли морочить?“ Думаетъ казачекъ, а самъ глазъ не сводитъ съ золотой маковки, да и не знаетъ, что дѣлать: пристать ли къ берегу, гдѣ шатеръ то стоитъ, или сверотить скорѣе въ какойнибудь ерикъ, да и уд- рать по добру по здорову? „А что я скажу товарищамъ?“ думаетъ каза- чекъ, „скажу: шатеръ, молъ, съ золотой маковкой, видѣлъ; а что за шатеръ и кто въ немъ? не знаю, не вѣдаю. Подвинутъ тогда меня на смѣхъ, про- ходу не дадутъ... Ну, была не была!“ сказалъ самъ себѣ гулебщикъ, взялъ да и присталъ къ берегу.

Вышелъ онъ на берегъ и видитъ: около шатра, у дверей, сидитъ при- горюжившись дѣвица, въ расейскомъ шелковомъ сарафанѣ, да такая раскра- савица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: бѣлолица, кругло- лица, румянецъ во всю щеку, глаза, что твои слѣзлыя торновины, а русая коса чуть не до земли: просто дѣвка—кровь съ молокомъ. Спервоначала, какъ увидалъ ее казакъ, остолбенѣлъ. Однако онъ скоро подошелъ къ ней, а самъ думаетъ про себя: „Да воскреснетъ Богъ“, думаетъ, „ужъ не шутовка ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христіанскую?“ Подошелъ къ ней и говоритъ: „здравствуй, красна дѣвица!“

— Я, говорить она, не дѣвица... Сказала она это, да и заплакала. —

— Кто же ты такаа? спрашиваетъ казачекъ.

— Стенька Разина любовница... Сказала она да пуще прежняго заплакала.

— Ага! подумалъ казачекъ: „видно я попался къ медвѣдю въ берлогу“.

И сталъ казакъ съ испугомъ озираться кругомъ.

— Ты не бойся, сказала дѣвица. Она, значить, замѣтила, что казачекъ-то немножко струхнулъ... Не бойся, говорить она, его здѣсь нѣтъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— На охоту съ своими ушелъ.

Какъ водится, слово за слово, и разговорились они, казакъ и дѣвица, межъ себя. Дѣвица пригласила казачка въ шатеръ и угостила его кизляр- кой, а ее—сирѣчь кизлярской водки-то—былъ полный боченокъ, ведра въ три или въ четыре.

Тутъ дѣвица и рассказала казаку, кто она такова.

— Я, стала говорить она, изъ города Царицына, дочь богатаго жупца. Въ прошломъ году Разинъ городъ нашъ разорилъ, отца и мать и всѣхъ родныхъ моихъ побилъ и меня плѣнилъ, да и держитъ при себѣ. Такая участь моя несчастная... На этомъ мѣстѣ мы живемъ вотъ уже цѣлую пе-

¹⁾ Баксай—рукавъ Урала, отдѣляющийся отъ него верстахъ въ 60—70 отъ моря, съ правой сто- роны между Сарайчиковской и Яманханской станицами.

дѣлю. Здѣсь при немъ не много его подручниковъ, человѣкъ съ двадцать, не больше, а прочіе все разлѣзжаютъ кто по морю, кто по Волгѣ. Онъ скоро ожидаетъ всѣхъ къ себѣ, послалъ уже гонцовъ во все стороны, гдѣ только есть его подручники. „Какъ только слетятся орлы мои, говорить онъ, такъ сей же мигъ пойду на каменный городокъ, возьму его, а стрѣльцовъ выгоню, — заслѣду, говорятъ, въ этомъ городкѣ, да и пошлю въ Яцкай городокъ, къ яцкиимъ казакамъ, кличь кликать: „ко мнѣ, охотники! ширмаю, говорить, въ себѣ всѣхъ яцкиихъ казаковъ и ихнихъ атамановъ-молодцовъ. Тогда, говорятъ, все города по Волгѣ покорю, да и въ Вилковаенну махну. Вотъ что онъ, злодѣй, затѣваетъ“...

— Ну, улита-то ѣдетъ, когда-то будетъ, — сказала гулебщикъ и вынулъ чарку кизлярки. Что онъ тамъ ни толкуй, а мы ждемъ свое, — яшутся съ нимъ мы не наѣбревы: противъ присяги и совѣти не поидемъ, такъ и будетъ! А ты, красавица, — говорить онъ ей, немного погоды, — поѣдемъ-что ли? спрашиваетъ казачекъ.

Покачала головою дѣвица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала:

— Ничъ, молодець, не поѣду я съ тобой, все едино гибнуть, тамъ ли, тутъ ли; вѣдь никоимъ маверомъ не спасешся, не спрячешься отъ него, зеходѣя: на днѣ моря найдеть онъ меня, не точию-что на Никѣ у насъ живую отъ меня заростъ въ землю. Да и тебѣ, добрый молодець, даромъ это не пройдетъ, а что за охота гибнуть напрасну изъ-за меня, лядящей женщави, на что я тебѣ гожусь и чего я стою теперь! разбитаго горшка, думаю, никто за меня не дастъ... Да и въ св. писаніи сказано, и слынала отъ матери, что кто бѣжить отъ бѣды-напасты, тотъ бѣжить отъ царствія небсваго. Пусть будетъ со мной святая воля Госкодня! стану до конца терѣтъ.

Прошло много ли, изло ли времени и говорить дѣвица казану:

— Поѣжай, молодець, домой, скоро самъ будетъ.

Нечего дѣлать, простился казачекъ съ дѣвицей, сѣлъ въ бударку да и поѣхалъ во своемъ. Только дорогой то и втемяшилось казану блажная мысль, — знамо дѣло, шниига (дьяволъ) соблизилъ: вѣдь онъ, окаянный, не объ нечъ будъ сказано, гораки верочасть. Дай, думаетъ гулебщикъ, верочусь назадъ: дѣвка то больно хороша... Ну, то ли, се ли, думаетъ казачекъ, ежели не успѣю уговорить, такъ... что тутъ церемониться?... такъ хоня боченовъ съ кизляркой увезу, что она для Степки, кизлярка-та, стоять? вѣстимо — не покуная. Да и за дѣвку-то, знамо дѣло, кладки не кавалъ“.

Вотъ съ такими то, братцы, нехорошими мыслями казачекъ и воротился назадъ; воротился да и попалъ, какъ куръ во щи: тѣмъ временемъ и Степка воротился съ своими молодцами на станъ. Лишь только казачекъ вышелъ изъ бударки, его сцапали два разбойника. Они идали еще его увидали и карауляли у берега въ камышѣ. Сцапали добраго молодца, вырвали у него изъ рукъ вивтовку, распетлили голубчика, да и повели къ атаману, къ самому кизляр-боярину, какъ величали разбойники Степку. Хотелена казачекъ изво-

рядвахъ выпимиши былъ, а тутъ какъ увидалъ вокругъ себя съ десятокъ харь, одна другой страшнѣе, съ мушкетонами да съ безмѣнными шишками въ рукахъ, такъ куда у голубчика и хмѣль дѣвался, словно и не нюхалъ горькаго; протрезвился, нидо въ лихоманку кинуло.

Стенька сидѣлъ на богатѣйшемъ персидскомъ коврѣ около шатра и потягивалъ изъ серебрянаго ковша кизлярку.

— Этотъ что-ли? спросилъ онъ тихонько дѣвицу и указалъ на казака.

Она кивнула головой. Значитъ, ова рассказала, что у нея былъ въ гостяхъ лицей казакъ.

— Милости просимъ,—сказалъ Разнякъ казаку,—садись—гость будешь. Пустьте его,—сказалъ онъ разбойникамъ.

И освободили разбойники казака. Но казакъ съ умомъ разумомъ не соберется, едва духъ переводить, и слова вымолвить не можетъ. Онъ ждалъ, вотъ какъ хватать его по головѣ обухомъ, а тутъ слышать ласковыя рѣчи. Казакъ только поклонился.

— Да что ты, вѣмой, что ли? что ничего не говоришь?—спросилъ Разнякъ и самъ захохоталъ.—Аль языкъ у тебя ушелъ въ пятки?

Казачекъ опять поклонился, да ужъ кое-какъ, съ заливкой проговорилъ:

— По имени звать твою милость знаю, а какъ величать тебя, добраго молодца, по батюшкѣ,—хоть зарѣжь, не знаю...

— Вотъ оно какъ!—говоритъ Стенька, а самъ смѣется:—въ глаза-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именемъ не назовутъ. Такъ ли?

... За другихъ не отвѣтчикъ,—говоритъ казакъ.

— Ладно, ладно,—говоритъ Разнякъ.—А скажи-ка маѣ: зачѣмъ твоя милость сюда пожаловала? Развѣ не знаешь, что отъ меня дорога одна—къ чертямъ на кулички.

Казачекъ только-было собрался съ духомъ, а тутъ опять перепугался. Однако отудобѣлъ и пустился на хитрости, словно банширецъ, котораго на кражѣ поймаютъ.

— Былъ я давеча,—говоритъ казакъ,—у твоей милости въ шатрѣ, ѣлъ хлѣбъ-соль твою, пилъ вино твое, а самого тебя не видавъ, за угощеніе „спасибо“ не сказалъ: такъ совѣстно стало, потъ я и воротился за тѣмъ, чтобы милости твоей честь отдать.

— Ого!—говоритъ Стенька, а самъ, бестія, смѣется.—Да ты, вижу, продувная каналья: складно поешь, только не вносишь, а хитришь хоть куда, вчередь схитришь такъ моему Анкудинкѣ, а опъ, вѣдь, изъ московныхъ приказныхъ. Такъ и быть, велю разстрѣлять тебя, добраго молодца, на славу, изъ десяти иль изъ двадцати мушкетонновъ, чтобы на томъ свѣтѣ помнилъ! Доволенъ-ли?—говоритъ Разнякъ, а самъ смотритъ на казака, да и хохочетъ во все горло.

Казака дрожь пробрала. Онь слышитъ, какъ позади защелкала курки. Однако видитъ, что Разинъ и говоритъ и смѣется. „Меже онъ, потѣхи ради, только страшаетъ“, думаетъ казакъ: „дай“, думаетъ казакъ, „всю правду скажу“.

— Есть когда на правду пошло, такъ слушай, Степанъ, но прозванью Разинъ!— говоритъ казакъ, а самъ бодрится.— Ты, говоритъ, казавишь, ты и милуешь; а я скажу тебѣ правду-истину: по крайности будешь знать, что казакъ не любитъ врать. Воротился я сюда не затѣмъ, чтобы персону твою видѣть—ее хошь бы вѣкъ не видать,—и не затѣмъ, чтобы за хлѣбъ-соль тебя благодарить: хлѣбъ-соль твоя не куплена, не трудами добыта, а затѣмъ, чтобы боченокъ съ кизляркой увести. Вотъ зачѣмъ и воротился.

— Ну, а насчетъ ее,—сказалъ Разинъ и кивнулъ на дѣвицу,—ну, насчетъ ее то что скажешь? Чай, тоже думалъ поживиться, а? говори, да правду говори! Смотри—баловать не люблю!

— Что тавтъ? сказалъ казакъ,—былъ грѣхъ,—лукавый понуцалъ и на нее подумалъ. Да вотъ, какъ ядешь, и попался, словно сомъ-блудникъ на самоловикъ. Теперича я въ твоихъ рукахъ. Хошь—казни, хошь—на волю пусти: твоя власть. Казвишь—не буду плакать, отпустишь—спасибо скажу.

— Люблю такихъ молодецъ, что отиѣтъ держать умѣютъ!—сказалъ Разинъ и хлопнулъ казака по плечу.—Тебѣ давеча бы, спервоначала, это сказать, такъ у насъ и рѣчей бы объ этомъ никакихъ не было. Давай-ка выпьемъ.

И выпили они по ковшу—другому кизлярки.

— Ее, сирѣчь, дѣвицу-то, ее,—говоритъ Разинъ,—никому ни за какія тысяча не уступлю! За нее, говоритъ, самого черта въ бараний рогъ согну! А другой кто и не суйся лучше: всякаго иного въ лину искрону, въ шугу измелю. Вотъ что! слышь? Ну, насчетъ кизлярки, статья нива: такъ и быть, куда ни шло, уступлю для такого дорогого гостя, какъ ты, полбоченка: ты миѣ понравился. Только тутъ есть небольшая задеба. Давеча одинъ изъ моихъ молодецъ, вотъ этотъ, хвалился, что въ ста саженихъ попадетъ зѣ вивтовки въ грошъ. За это я общалъ на его цай полбоченка подки, однако съ уговоромъ: если не попадетъ, какъ слѣдываетъ, въ цѣль, то, за мѣсто подки, сто лишковъ горячихъ въ синну, чтобы не хвастался новопраслу. Поспорь съ нимъ, есть когда надѣялся на свое молодчество,—говорить Стевья казаку.—Есть когда убьешь въ цѣль лучше его, то кизлярка твоя, а есть когда нѣтъ—не прогибывайся: сто лишковъ въ синну. Такой обычай: люблю за дѣло только награждать.

Казакъ подумалъ и сказалъ:

— Не берусь, что лучше его убью: кто знаетъ, онъ може важный стрѣлокъ; а берусь, что не хуже его убью.

— Хорошо, согласенъ,—сказалъ Разинъ и велѣлъ устроить цѣль.

Отгвѣрили двѣсти большихъ шаговъ, поставили „нашесть“¹⁾ и къ ней прицѣлили грошъ.

Первый выстрѣлилъ разбойникъ и попалъ въ доску, около самаго гроша, но гроша-то не задѣлъ.

— Гмъ! не велика важность, — проговорилъ казакъ: — этакъ-то и мы, пожалуй, потрафимъ.

Вотъ послѣ разбойника выстрѣлилъ и казакъ изъ своей винтовки и попалъ въ самую серединку гроша и грошъ-то врѣзался въ доску.

— Ай-да молодецъ! — сказалъ Разявъ. — Ну-ка, еще!

Еще выстрѣлили по разу. Разбойникъ со злости трясся и въ доску-то не попалъ, не токио что въ грошъ.

— Ну, дружище, — сказалъ казакъ разбойнику: — видно у тебя двойная кожа, коли не умѣешь стрѣлять, а идешь на смерть.

Казакъ былъ уже тово... на порядкахъ пьянъ: онъ позабылъ, гдѣ онъ, — думаетъ, что онъ у себя на форпостѣ съ товарищами, поэтому и разговаривался.

Выстрѣлилъ и казакъ вдругорядъ и влѣпилъ опять въ грошъ, и недо перегнулъ его.

— Basta! твоя кизлярка, — сказалъ Разявъ казаку. И велѣлъ изъ большого боченка нацѣдить въ другой поменьше. — А тебѣ, — сказалъ онъ разбойнику, — на три дня винной порціи нѣтъ, а за мѣсто того сто линьковъ въ сиву: осрамилъ, говорить, ты и себя и насъ.

Опасли того Разявъ и казакъ еще выпили малую толику водочки, и казакъ въ добромъ здоровьѣ уѣхалъ отъ ласковаго хозяина во-своихъ. На прощанье Разявъ и говоритъ казаку, а самъ, бестія, подмигиваетъ и улыбаются:

— Може, увидимся когда нибудь: я къ вашимъ хочу толкнуться. Прияте, что-ли?

— Не знаю. Какъ войско захочетъ, — сказалъ казакъ и потупился въ землю, а самъ думаетъ про себя: — „Сувься-ка, пріятель, зубъ скусишь!“

¹⁾ Доска въ родѣ лавки, употребляемой въ маленькихъ лодкахъ.

Бунтъ Разина. Взятіе Царицына и Астрахани. Бой подъ Симбирскомъ. Волненіе въ восточной Россіи. Разгромъ Разина подъ Симбирскомъ. Казнь Разина. Дѣла въ Астрахани. Преданіе о Разинѣ на Яинѣ. 1670—1671 году.

Ты вьзоди — вьзоди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ,
Добрыхъ молодцовъ, людей бѣглыхъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Исауловы все помощнички.
Мы весломъ махнемъ — мы корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ, дѣвину полземъ!

(*Старинная волжская пѣсня*)¹⁾.

О круженный славою, увѣровавшій въ свою силу, сдѣлавши между Когальникомъ и Ведерниковымъ земляной городокъ, Разинъ готовился къ новымъ походамъ. Онъ отпускалъ своихъ казаковъ въ донскіе городки за крѣпкими поручками, но главная масса его голытьбы оставалась при немъ, и ежедневно увеличивалась все новыми и новыми искателями подвиговъ и зицунувъ. Разинъ перезвалъ сюда изъ Черкаска свою жену и брата своего Флора и окончательно основался въ городкѣ на всю зиму. Домовитая, болѣе старая и зажиточная часть донского казачества не сочувствовала Разину и во главѣ со своимъ войсковымъ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ держалась въ сторонѣ. Донъ рѣзко раздѣлился на два лагеря — старую войсковую партію съ атаманомъ Яковлевымъ и голутвенную, самую безпокойную часть населенія, во главѣ съ Разинимъ. Въ войскѣ стало два атамана; войсковая партія чувствовала свое безсиліе и когда въ Черкасскѣ пріѣхали азовцы, чтобы заключить перемиріе, то казаки имъ отказали, заявивъ причину: „пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами и если онъ мимо насъ сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дѣло, то вы намъ, казакамъ, ни въ чемъ вѣрить не станете“²⁾.

Яковлевъ положительно терялся и не зналъ, что дѣлать — чинить-ли надъ Разинимъ промиселъ или принять его въ войско? Рѣшили послать объ этомъ съ запросомъ къ царю.

Но Разину надобно бездѣйствіе въ своемъ городкѣ. И вотъ раннею весною 1670 года, на другой день послѣ Юмина воскресенья, онъ появился со своею голытьбою въ Черкасскѣ. Въ это время на Дону находился пріѣхавшій изъ Москвы жалець Герасимъ Евдокимовъ. Онъ привезъ допцамъ

¹⁾ Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, стр. 316—317.

²⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 11, стр. 365.

царское милостивое слово; казаки приняли его честно: въ кругу грамоту царскую выкли и на государевой милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобы онъ готовился къ отъезду вмѣстѣ съ казачьею станицею, какъ это дѣлалось всегда.

Но когда во вторникъ Яковлевъ собралъ кругъ для выбора станицы, Разинъ появился въ кругу со своими голутвенными.

— Куда станицу выбираете? спросилъ онъ.

— Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю, — отвѣтили ему.

— Позвать Герасима сюда! — закричалъ Разинъ.

Приказъ немедленно былъ исполненъ. Герасимовъ предсталъ предъ грозными очми Степана Тимофѣевича.

— Отъ кого ты прѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояръ? спросилъ его Разинъ.

— Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою, отвѣтилъ Евдокимовъ.

— Врешь! крикнулъ голутвенный атаманъ: прѣхалъ ты не съ грамотою, прѣхалъ къ намъ лазутчикомъ! и выругавъ посланца, сталъ его бить и велѣлъ бросить въ Донъ.

— Не пригоже ты такъ учинилъ, отозвался было атаманъ Яковлевъ.

— И ты того-же захотѣлъ! — закричалъ на него разсвирѣпѣвшій Разинъ: — владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ! ¹⁾

Это былъ вызовъ войсковой партіи. Атаманъ замолчалъ, видя, что не его время. Побѣда была на сторонѣ Разина. И съ этого дня фактически вся власть перешла къ нему.

Разинъ былъ полнымъ хозяиномъ Дона, онъ сталъ сбивать съ Дона священниковъ, какъ людей связывавшихъ казачество съ государствомъ, и сталъ вѣнчать голытьбу, заставляя ихъ плясать вокругъ дерева.

Похозяйничавъ въ Черкасскѣ, атаманъ прѣхалъ въ свой городокъ. Разъѣзжавшіе по всѣмъ казачьимъ войскамъ разиновскіе гонцы звали казачковъ на промыслы и къ лихому атаману сходились охотники со всѣхъ сторонъ. Пришли запорожцы съ полковникомъ Ерикомъ; запорожскіе атаманы — извѣстный намъ Сѣрко и Дорошенко спрашивали у Разина: „въ какомъ урочищѣ сойтись вмѣстѣ?“ ²⁾ Прибыли къ атаману и янцкіе казаки, сколько — неизвѣстно, но число ихъ было, нѣроятно, значительное. Пришелъ къ нему и знаменитый его товарищъ Васька Усь со своею голытьбою. Всего набралось тысячъ съ семь самаго безпокойнаго и безшабашнаго народа, большую часть котораго составляла голытьба, только что вышедшая изъ Руси — элементъ самый недобольный и озлобленный на Москаву.

Наконецъ наступила весна, засіяло опять весеннее солнце, потянуло дѣла-

¹⁾ Соловьевъ, томъ 11, стр. 366.

²⁾ Н. Н. Ойрсовъ, Разиневщина, стр. 21.

ковъ на волю, на широкое раздолье. Давно жданная пора лихого разгула настала. „Часть — да мой!“ казалось говорила голытьба и рвалась на подвиги.

Разинъ собралъ кругъ и объявилъ, что идетъ судами и коями подъ Царицынъ. Зашевелились казацкіе таборы, готовясь къ походу. На другой день войско выступило и черезъ два дня, ночью, окружило Царицынъ. Утромъ въ осажденномъ городѣ ударили въ набатъ, стали стрѣлять изъ пушекъ по казакамъ, но защита велась робко и въ этотъ-же день къ казакамъ перебѣжало пять человекъ царицынцевъ и объявили Разину, какая въ городѣ казна и какіе запасы. Не желая сидѣть въ бездѣйствіи, Разинъ рѣшилъ сдѣлать набѣгъ на едисанскихъ татаръ, а осаждать городъ оставилъ товарища Васюку Уса. Набѣгъ на татаръ оказался удачнымъ, Разинъ „многіе улусы порубилъ и скотину отогналъ“¹⁾ и вернулся къ Царицыну. Пока Разинъ ходилъ въ набѣгъ на татаръ, 13 апрѣля къ Васьюкѣ Усу явилось пять человекъ царицынцевъ съ просьбою разрѣшить имъ ходить изъ города, брать для горожанъ воду и выгонять скотъ на пастбище.

— Уговаривайте воеводу, — отвѣчалъ Усъ, — чтобы онъ городъ отперъ, а если онъ зауряжится, то вы сами отбейте городноюю замокъ.

Въ этотъ-же день совѣтъ былъ исполненъ, ворота были отперты и казаки ворвались въ городъ. Въ городѣ пошло разливное море. Казаки загуляли съ горожанами. Начались попойки. Самъ Разинъ, возвратившись съ набѣга, угодился до пьяна, и въ этомъ видѣ повелъ казаковъ на приступъ башни, гдѣ засѣлъ воевода Тургеневъ со своимъ племянникомъ, съ прислугою и десяткомъ стрѣльцовъ. Послѣ долгаго боя башня была взята. Тургеневъ достался казакамъ живой и на другой день онъ былъ приведенъ къ Волгѣ, приколотъ копьемъ и утопленъ.

Послѣ этой расправы Разинъ укрѣпилъ Царицынъ и черезъ нѣсколько дней созвалъ кругъ и объявилъ свой планъ.

Онъ сказалъ казакамъ, что идетъ вверхъ по Волгѣ подъ государевы города, выводить издѣльниковъ воеводу, и къ Москвѣ — защищать царя отъ бояръ, вставшихъ стѣною между царемъ и народомъ.

Это былъ вызовъ московской бюрократіи, призывъ на бунтъ противъ московскаго приказнаго и крѣпостнаго строя. Другого выхода Разину съ его голытьбою не было. Идти на море онъ не могъ — пройти туда было легко, но возвратиться обратно ему бы не дали. Куда-же идти съ голытьбою?! И вотъ онъ ведетъ эту голытьбу противъ тѣхъ, кого болѣе всего ненавидѣла эта голытьба и народъ — противъ утѣшителей народа — бояръ и воеводу. (Онъ призывалъ казаковъ идти въ защиту царя!

Казаки, выслушавъ рѣчь атамана, закричали въ отвѣтъ, чтобы онъ велъ ихъ, куда хочетъ и что они во всемъ полагаются на слова своего батюшка-атамана.

¹⁾ Матеріалы для Истор. воим. Стеньки Разина, изд. Новова, стр. 294.

Такъ начался бунтъ.

Всѣ суда, которые шли Волгою, Разинъ остановилъ; казаки „насады и струги великаго государя и торговыхъ людей грабили и побили множество служилыхъ и простыхъ людей“. Въ это время пришла къ Разину вѣсть, что астраханскій воевода, князь Прозоровскій, выслалъ стрѣльцовъ къ Черному Яру, и что сверху по Волгѣ идутъ московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Посланные на развѣдки конные казаки подтвердили эти вѣсти. Разинъ не растерялся и напалъ на московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было тысяча человекъ подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли на Денежномъ островѣ въ семи верстахъ выше Царицына; Разинъ окружилъ ихъ, съ луговой стороны напалъ самъ, а съ загорной конные казаки. Осыпаемые пулями, стрѣльцы стали пробиваться къ Царицыну, предполагая, что тамъ встрѣтятъ поддержку, но едва они подошли подъ городъ, какъ оттуда ихъ встрѣтили пушечными выстрѣлами. Волѣе 500 стрѣльцовъ было убито, остальные сдались. Лопатина и другихъ начальныхъ людей утопили, остальныхъ стрѣльцовъ Разинъ посадилъ на свои суда въ гребцы.

Здѣсь стрѣльцы первый разъ услышали отъ казаковъ странное для нихъ слова:

„Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя!“ говорили имъ казаки.

Расправившись съ московскими стрѣльцами, Разинъ двинулся внизъ по Волгѣ на встрѣчу астраханскимъ стрѣльцамъ. Почва тамъ была уже подготовлена. Разинскіе посланцы тамъ уже работали, да и стрѣльцы, видѣвшіе Разина послѣ набѣга на Персію и обласканные имъ въ Астрахани, были не особенно склонны идти противъ батюшки Степана Тимофѣевича, и едва у Чернаго Яра показалась казацкая флотилія, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и стали вѣзать начальныхъ людей, и при радостныхъ кликахъ, привѣтствуя своего батюшку, своего освободителя, убивали и топили ихъ въ Волгѣ. Среди радостныхъ криковъ 2600 сдавшихся стрѣльцовъ и 500 польныхъ людей, бывшихъ со стрѣльцами, Разинъ объявилъ всѣмъ полную волю и обѣщалъ имъ богатую жизнь. Радостные крики не смолкали; начальники были перебиты. Уцѣлѣлъ только воевода князь Львовъ, котораго почему-то полюбилъ Разинъ во время пребыванія его въ Астрахани.

Разинъ узналъ отъ стрѣльцовъ, что въ Астрахани его давно ждутъ свои и сдадутъ городъ какъ только покажутся казаки.

До сихъ поръ предполагавшій идти въ верхніе волжскіе города, Разинъ, послѣ полученія этого сообщенія, переизмѣнилъ намѣреніе и рѣшилъ идти къ Астрахани.

Это былъ роковой шагъ для Разина:— время, потерянное имъ для занятія Астрахани и возвращенія обратно къ Царицыну, дало возможность московскому правительству стянуть войска къ Волгѣ и приготовиться къ отбору.

Въ Астрахани послѣ отплытія отсюда 25 мая князя Львова между стрѣль-

цями начался ропотъ и непослушаніе воеводѣ князю Прозоровскому. Но вѣтъ 4-го іюня прїѣхалъ въ Астрахань изъ Нижняго-Новгорода на легкой стругѣ промышленникъ Павелъ Дубенскій и привезъ первую вѣсть, что взятъ Царь-цынь; восьмого же іюня прїѣхалъ изъ Чернаго Яра астраханскій сотникъ Давидъ Таранковъ съ однимъ стрѣльцомъ и привезъ воеводѣ другую страшную вѣсть объ измѣнѣ астраханскихъ стрѣльцовъ у Чернаго Яра.

Князь Прозоровскій не уялъ духомъ. Вѣсть съ нѣмцемъ Бутлеровъ онъ сталъ хлопотать объ укрѣпленіи города. Приказано было пересмотрѣть нунан по валамъ и раскатамъ ¹⁾, валъ и раскаты чинились. 9-го іюня былъ вездѣ разставленъ крѣпкій караулъ, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ вѣжней башнѣ встали персіяне, калмыки и черкасы. Все было приготовлено для встрѣчи Разина.

13 іюня ночью стоявшіе на караулѣ стрѣльцы были поражены страшнымъ для нихъ явленіемъ. Они увидѣли, какъ надъ всею Астраханью отворилось небо и посыпались изъ него на городъ точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и сказали объ этомъ митрополиту Іосифу. Тотъ заплакалъ и, возвратившись отъ заутрени въ свою келію, говорилъ: „Изъялся съ небеси фїалъ гнѣва Божіа!“

Митрополитъ Іосифъ зналъ вольницу съ дѣтства. Будучи еще 8 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя творилъ Зарудскій въ Астрахани, онъ видѣлъ, какъ тогда безчестили архіепископа Феодосія, и самъ носилъ тяжелый знакъ памяти объ этомъ страшномъ времени: его голова постоянно тряслась отъ удара, полученнаго имъ тогда отъ казаковъ.

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, тоже заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго отъ казаковъ, не надѣялся онъ и на астраханцевъ, онъ чувствовалъ начинавшуюся смуту и готовился честно исполнить свой долгъ.

Между тѣмъ стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Извинясь къ воеводѣ, они потребовали жалованья за прошлый годъ.

— Казны отъ великаго государя изъ Москвы еще не бывало, — отвѣчалъ Прозоровскій — развѣ, что дастъ митрополитъ отъ себя взаймы или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ раздамъ по скольку придется, чтобы вамъ боготометника и измѣнника Стеньку Разина не слушать, а радѣть великому государю!

Послѣ этого Прозоровскій пошелъ къ митрополиту.

— Какъ быть? — говоритъ онъ ему: — надо дать, иначе бѣда!

— Надо дать, — отвѣчаетъ митрополитъ: злора велика, прельстились къ богоотступнику!

Митрополитъ далъ изъ своихъ денегъ 600 рублей да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять двѣ тысячи.

Деньги роздали. Стрѣльцы успокоились. У нихъ не было повода къ не-

¹⁾ Раската — часть крѣпостной стѣны.

повиновенію. Наружно они смирились, но тайнѣ съ петербѣнцемъ ждали Степана Тимофѣевича.

Въ городѣ было тихо, но это была обманчивая тишина, — всѣ жители, какъ и стрѣльцы, съ нетерпѣніемъ ждали атамана. Между тѣмъ явилось новое значеніе. Караулъ, стоявшій у Пречистенскихъ воротъ, увидѣлъ рано утромъ на южной сторонѣ неба три столпа разноцвѣтныхъ, какъ радуга, и поверхъ ихъ три такихъ-же вѣнца. Видѣлъ это и митрополитъ. „Не къ добру все это“, — думалъ онъ. Въ природѣ тоже творилось что-то необычайное: былъ постъ Петра и Павла, но погода стояла небывалая, някто не ходилъ безъ шубы „бѣ бо время хладъ великъ и дождя съ ледянымъ градомъ частые днень и ночью“.

Но вотъ 22 іюня казаки появились вблизи Астрахани и встали у Жареныхъ Вугровъ. Разинъ послалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами захваченныхъ въ плѣнъ воздвиженскаго поца Василія Маленькаго и человѣка князя Львова; кромѣ грамотъ на русскомъ языкѣ, была послана къ нѣмецкимъ ратнымъ людямъ грамота на нѣмецкомъ языкѣ. Степанъ уговаривалъ нѣмцевъ побереечь свою жизнь и не стоять противъ казаковъ. Посланцевъ схватили и пытали. Человѣку князя Львова Прозоровскій приказалъ у Никольскихъ воротъ за городомъ, „противъ ихъ воровскихъ струговъ голову отсѣчь, а попу Василію велѣлъ языкъ въ ротъ вложить и посадить въ каменную темницу“.

Воеводы готовились къ бою, укрѣпляли стѣны, заваливали ворота кирпичами; митрополитъ со всѣмъ соборомъ и съ иконою Божіей Матери обходилъ городскія стѣны и совершалъ на всѣхъ воротахъ молебны. Разинъ-же въ это время готовился къ штурму, дѣлалъ лѣстницы, перешелъ Волгу рѣку и по протоку Черенаха перѣхалъ къ р. Криушкѣ къ степной сторонѣ сада Астрахани. Занимала татарская слобода. Ее зажгли астраханцы, чтобы не дать приютъ разинцамъ. Въ этотъ же день убѣжали къ казакамъ два ваящихъ — Тимошка Безногий съ товарищемъ; ихъ Разинъ уговаривалъ, чтобы они во время приступа зажгли Вѣлый городъ; но когда они возвращались съ этимъ порученіемъ обратно, ихъ увидѣли въ полѣ конные казнабаши, догнали и представили воеводѣ. Воевода велѣлъ ихъ казнить. Чувствуя назрѣвающую намѣлу, Прозоровскій и митрополитъ рѣшили подѣйствовать на гарнизонъ другимъ средствомъ. На митрополитчій дворъ были созваны всѣ стрѣльціе пятидесятники и лучшіе люди; митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постоять за домъ Пречистыя Богородицы и за великаго государя, послужить вѣрою и правдою, биться съ изчѣинниками мужественно и обладеживали ихъ, что имъ за то отъ великаго государя милость будетъ, а убитымъ вѣчное блаженство.

Всѣ увѣряли, что будутъ стоять крѣпко, но на дѣлѣ не сдержали своего слова.

Вечеромъ астраханскій гарнизонъ всталъ на стѣны, готовясь къ бою. Прозоровскій всталъ у Вознесенскихъ воротъ.

Вся ночь прошла спокойно, лишь въ три часа утра началась тревога — казаки пошли на приступъ. На пушечные вострѣлы они не обращали вниманія, приставляли лѣстницы къ стѣнамъ, гдѣ принимали ихъ, какъ друзей, астраханскіе стрѣльцы; казаки ворвались въ городъ и первые же астраханцы бросились бить дворянъ, боярскихъ людей и начальниковъ. Князь Прозоровскій былъ тяжело раненъ копьемъ въ животъ, его родной братъ Михаилъ Прозоровскій былъ убитъ. Раненаго воеводу принесли на коврѣ къ соборной церкви. Туда же спѣшилъ и митрополитъ Іосифъ, вбѣгали дьяки, головы стрѣлцаіе, всѣ, кто не ждалъ себѣ пощады отъ стрѣльцовъ и казаковъ. Заперли церковныя двери; для защиты ихъ съ большими ножомъ въ рукѣ всталъ пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Фролъ Дура, рѣшившій дорого отдать святое мѣсто. Казаки стали ломиться; двери не поддавались; они выстрѣлили изъ щели, пуля попала въ младенца, бывшаго на рукахъ у матери. Двери поддались и Фролъ Дура сталъ работать ножомъ, но его схватили, вынесли къ паперти и изрубили саблями. Прозоровскаго и остальныхъ начальниковъ связали и посадили подъ караулъ ждать казачьяго суда. Явился Разинъ и приказалъ сбросить Прозоровскаго съ раската, остальныхъ сблиз мечами и бердышами у соборной церкви межъ раскатовъ. Было убито 401 человекъ, трупы которыхъ бросались въ общую могилу.

Послѣ убійства воеводы и начальныхъ людей Разинъ остался полнымъ хозяиномъ Астрахани. Начался грабежъ. Ограбили приказную палату, гостинные дворы русскій, гялянскій, индѣйскій и бухарскій, всѣ товары, которые тамъ были, и добычу снесли въ Янгурчевъ для дуваня. Но пока происходилъ грабежъ, раздались выстрѣлы изъ Пыточной башни. Тамъ засѣли люди князя Каспудата Муцаловича Черкаскаго, съ ними два русскихъ и нѣсколько пушкарей, всего деять человекъ. Они рѣшили умереть, а не сдаваться. По башнѣ стали стрѣлять изъ пушекъ. Но засѣвшіе отбивались до полудня; когда не стало свинцу, они стрѣляли деньгами, когда же не стало пороха, они выбросялись изъ башни за стѣну и часть ихъ убились на смерть, другихъ изрубили.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начался разгулъ. Разинъ раздѣлялъ жителей города на тысячи, сотни, десятки съ выборными атаманами, есаулами и сотниками и все это новое казачество было приведено къ присягѣ: „за великаго государя стоять, атаману Степану Тимофѣевичу и всему войску служить, измѣнниковъ бояръ выдолить“...

Послѣ присяги казаки загуляли, Разинъ или раздѣжалъ по городу, или былъ пьянъ. Въ день именинъ царевича Оедора Алексѣевича митрополитъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Разина и всѣхъ старшихъ казаковъ. Гостей набралось около ста человекъ. У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова Прозоровскаго съ двумя сыновьями — одному было 16, а другому 8 лѣтъ. Пьяный Разинъ вспоминалъ о нихъ и приказалъ позвать къ себѣ старшаго.

— Гдѣ казна, которую собиралъ твой отецъ въ таможахъ? спросилъ его Разинъ.

— Таможенные пошлинные деньги отнесли головѣ въ приказную палату служилымъ людямъ на жалованье, — отвѣчалъ книжичъ, — а принимали у нихъ тѣ деньги въ денежномъ столѣ подъячій Алексѣевъ съ товарищами.

Послали за подъячимъ. Онъ подтвердилъ эти слова.

— Гдѣ ваше имущество? спросилъ снова атаманъ у княжича.

— Имущество отца моего было ограблено, отдавалъ его казначей нашъ, а возилъ твой есаулъ Ивашко Андреевъ Хохлачь.

Этотъ смѣлый отвѣтъ не понравился Разину и онъ приказалъ повѣсить несчастнаго за ноги, подъячему же Алексѣеву велѣлъ проколоть ребра и тоже повѣсить, захвативъ крючкомъ за ребро. Послѣ этого взявъ у княгини другого сына, онъ велѣлъ и его повѣсить за ноги рядомъ съ братомъ. Лишь утромъ на другой день былъ отданъ матерн младшій братъ, старшаго-же сбросили съ раската.

Вскорѣ послѣ этихъ убійствъ Разинъ рѣшилъ двинуться вверхъ по Волгѣ. Оставивъ въ Астрахани за атамана Васью Уса, а есаулами Федьку Шелудяка и Ивана Терскаго, онъ въ концѣ іюля на двухъ стахъ стругахъ поплылъ вверхъ по Волгѣ. Съ нимъ было до десяти тысячъ человѣкъ. Берегомъ шло до двухъ тысячъ конныхъ. Въ Астрахани съ Васьюкою Усомъ осталась половина астраханцевъ, записанныхъ въ казаки, половина московскихъ стрѣльцовъ и по два человѣка изъ каждаго десятка донскихъ казакков¹⁾. Лицѣе казаки, какъ видно изъ актовъ, пошли всѣ съ Разинимъ. По дорогѣ Разинъ взялъ Саратовъ и Самару; убивъ тамъ, по обыкновенію, воеводъ и начальныхъ людей и устроивъ жителей по казачьи, двинулся къ Симбирску. Здѣсь свидѣлъ съ войсками и поджидалъ Разина окольникій Иванъ Милославскій, къ которому ко времени прихода Разина успѣлъ подойти 31 августа окольникій князь Юрій Барятинскій. 4-го сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ; онъ ночью обошелъ городъ, остановилъ свои лодки выше города и утромъ пошелъ на приступъ. Барятинскій загородилъ ему дорогу и завязался рукопашный бой, длившійся съ утра до вечера; но ни казаки, ни Барятинскій не получили верха, — враги, утомленные боемъ, разошлись и весь другой день стояли другъ противъ друга, не начиная битвы. Разинъ въ это время и пересылался съ жителями Симбирска и, увѣрившись, что они будутъ на его сторонѣ, съ наступленіемъ ночи снова направилъ на Барятинскаго; завязался жестокий бой и за полчаса до разсвѣта казаки стали лѣзть на стѣны, гдѣ стояли симбирцы, которые, пострѣлявъ для виду пиками, впустили казакковъ въ острогъ и вмѣстѣ съ ними стали рубить стрѣльцовъ, не бывшихъ въ заговорѣ. Завявши острогъ, казаки бросились къ городу, но Барятинскій снова загородилъ имъ дорогу; казаки стали стрѣлять въ войско

¹⁾ Собраніе Государств. грамотъ и договоровъ, часть 4, стр. 255.

изъ осторожныхъ нушекъ и не допустили въ свою очередь и Барятинскаго прорваться въ городъ. Тогда Барятинскій, вида, что ему безъ пѣхоты ничего не сдѣлать, отошелъ къ Тетюшамъ. Въ городѣ (въ кремлѣ) остался только околичничій Иванъ Милославскій съ отрядомъ стрѣльцовъ, усившихъ заставиться водою и провизіей. Въ своемъ доносѣ о боѣ подъ Сибирскомъ Барятинскій говорилъ, что у Разина „не многолюдно, больше шести тысячъ вѣтъ худого и добраго, а вѣнче у него на болахъ и на приступѣ безжѣрно побито лучшихъ людей“.

Съ уходомъ Барятинскаго казаки старались овладѣть кремлемъ. Разинъ нѣсколько разъ ходилъ на штурмъ. „Приступы были отъ воровскихъ казаковъ самые жестокіе, и валъ земляной къ городу приваливали къ самому рву, и изъ за того вала приметы къ городу металы:—большіе дрова съ соломою, и возы съ сѣномъ и съ соломою возила и луками и разожженными ядрами безпрестанно городъ и башни зажигали, и много было, что и по дважды на день приступали“¹⁾.

Не взять кремля Разину не удалось. Милославскій отбивалъ всё штурмъ.

Штурмуя кремль, казаки въ тоже время волновали народъ. Посланцы Разина развѣдали по всѣмъ городамъ съ „прелестными“ письмами. Въ нихъ говорилось, что казаки идутъ за царя Алексѣя Михайловича и за святую Богородицу, во противъ измѣнниковъ бояръ, что съ ними находится Нечай—царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (предъ этимъ умершій) и патриархъ Никонъ, изгнанный боярами. Силы Разина росли съ каждымъ днемъ приходомъ татаръ, черемисъ, чувашъ, мордвы и русскихъ крестьянъ.

Призывая подъ свои знамена русскій народъ, Разинъ хотѣлъ привлечь на свою сторону и крымскаго хана съ его воинственными ордами, но успѣха не имѣлъ²⁾. Не повезло ему также съ приглашеніемъ въ союзъ персидскаго шаха. Степанъ послалъ къ шаху посольство; въ письмѣ своемъ онъ подѣливался къ восточнымъ обычаямъ и надавалъ себѣ самому высокопарныхъ титуловъ, тогда какъ въ обращеніяхъ съ казаками оказывалъ презрѣніе къ какому бы то ни было титулу. Разинъ предлагалъ ему союзъ, требовалъ отъ него помощи и въ случаѣ отказа грозилъ, что оный придетъ къ нему въ гости, но уже не съ шестью тысячами, а приведетъ съ собою двѣсти тысячъ войска. Шахъ приказалъ казначьимъ послать отрубить головы, а вѣнчурности бросить собакамъ. Оставленнаго одного въ живыхъ онъ отправилъ къ Разину со своимъ отвѣтомъ, гдѣ назвалъ Степана Тихофѣевича смислемъ, на которую онъ пошлетъ охотниковъ, чтобы они его живого или мертвца бросили на съѣденіе собакамъ. Разинъ, получивъ этотъ отвѣтъ, пришелъ въ ярость и изрубилъ несчастнаго имъ въ чужь не повиннаго казака и бросилъ его тѣло на съѣденіе воронамъ!³⁾. А казакъ вѣроятно былъ неказанно радъ,

¹⁾ Матеріалы къ Ист. Ст. Раз., стр. 88.

²⁾ Костомаровъ. Вѣсть Степки Разина, стр. 296.

³⁾ Тамъ-же.

что избавился отъ смерти въ Персіи.

Главныя силы казаковъ направились по двумъ направлевіямъ: отъ Симбирска на западъ по вышшимъ губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской и къ сѣверо-западу по Симбирской и Нижегородской. Первая партія, отдѣлившаяся отъ Разина въ первыхъ числахъ сентября, направилась къ Кореуню подъ начальствомъ Мишки *Харитенова*. Другая часть подъ начальствомъ Максима *Осипова* — къ Алатырю. Фроль, братъ Разина, двинулся къ Дову и Запорожью поднимать на Москву казаковъ. Эти партіи, распространяя прелестныя грамоты, объявляли народу, что они идутъ въ русскіе города постоять за государя, идутъ, чтобы побить бояръ, женъ ихъ и дѣтей и дома разорвать. Легко представить, какое впечатлѣніе производили тогда эти рѣчи и письма. Все святое для народа было не тронуто: царь, церковь — были на казачьихъ знаменахъ; казаки, напротивъ, звали народъ заступаться за царя и церковь, защитить ихъ отъ краковльнхъ бояръ — ослушниковъ царской воли, обманщиковъ царя и народа! И бунтъ запылалъ по всемъ волжскимъ городамъ, по всему району отъ Оки до Волги! Повторилось то, что мы видѣли тутъ во времена самозванцевъ: — крестьяне стали бить помещиковъ и толпами уходить къ казакамъ; слышавъ ихъ приближеніе, народъ бросался на воеводу а на приказныхъ людей, впускалъ въ города казаковъ, съ радостью принималъ атамана вмѣсто воеводы. Вездѣ вводилось казачье устройство съ выборными атаманами. Воеводы, которые были „обликованные“ миромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, ихъ поднимали на копы, — смерть, считавшаяся тогда въ высшей степени позорною; одобренныхъ — не трогали. Какъ и въ смутное время, поднялись все восточные явородцы — мордва, чуваша, черемисы, татары. Вставали села, города. Вездѣ, гдѣ только показывались казачьи знамена и конскіе хвосты на пестахъ — значки старшинъ и атамановъ, народъ вставалъ какъ одинъ и шелъ съ казаками. Все приволжскія губерніи были въ рукахъ казаковъ. Московское правительство, имѣя мало постоянного войска и собирая его изъ ратниковъ — жителей областей, было въ затруднительномъ положеніи.

Ратныхъ людей, которые шли по вызову въ полки, возставшіе крестьяне не пускали или убивали. Цѣлыя отряды ратниковъ, уже собранные, не имѣли возможности идти по назначенію, такъ какъ „воры дороги все поревяли и учинили по дорогамъ крѣпости и засѣки и заставы крѣпкія и многолюдныя, ковыныхъ и пѣшихъ людей не пропустятъ, побиваютъ до смерти.“ Особенно удачны были дѣйствія атамана Осипова: уже къ концу сентября въ его рукахъ находилась вся Симбирская и Нижегородская губерніи; тысячныя толпы татаръ, мордвы и чувашъ приходили къ нему со всехъ сторонъ и увеличивали шайку. Онъ шелъ уже къ Нижнему-Новгороду, откуда къ нему дважды прислали посланцевъ и звали къ себѣ. Но въ это время къ нему прискакалъ гонецъ отъ Разина съ приказомъ идти на помощь со всеми силами, т. е. его, Разина, князь Вратинскій побилъ подъ Симбирскомъ.

Получивъ въ Тетюшахъ подарѣвленіе, Бяратинскій 1-го октября появился у рѣки Свіаги, въ двухъ верстахъ отъ Симбирска. По дорогѣ онъ четыре раза долженъ былъ схватываться съ толпани возставшихъ внородцевъ и крестьянъ и каждый разъ, послѣ упорнаго боя, пробивалъ себѣ дорогу. Разинъ двинулся къ нему навстрѣчу и сошелся съ нимъ на двадцать сажень. Произошелъ бой. Разину не повезло. Въ первой схваткѣ его „сорвали и прогнали“. Разинъ пошелъ во второй разъ „со всѣми силами съ конными и пѣшими людьми и съ пушками“, имѣя около двадцати тысячъ человекъ¹⁾. Бой былъ жестокой. Влились въ рукопашную. „Люди въ людяхъ мѣшались и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная были въ притивъ“²⁾. Съ раняго утра до поздняго вечера длилась эта битва. Но Разину снова не повезло. Казаки потерпѣли поражение. Самъ Степанъ Тимофѣевичъ, находясь все время въ самомъ пылу боя, чуть чуть было не попался въ плѣнъ; онъ былъ „рубленъ саблею и застрѣленъ изъ пищали въ ногу и едва ушелъ“. Алаторецъ Семень Силинъ Степановъ схватился съ Разинимъ въ рукопашную и повалилъ Разина, но подоспѣвшіе казаки убили богатыря. Къ вечеру, послѣ жестокой сѣчи казаки были отброшены къ городу. Бяратинскому досталось 120 плѣнныхъ, четырнадцать знаменъ, литавры и четыре пушки. Казаки заперлись въ острогѣ. Плохо чувствовалъ себя въ это время раненый воровской атаманъ. Невеселыя думы были у него въ головѣ. Онъ ясно видѣлъ, что ему не разбить царскаго войска. А впереди предстояли еще битвы, — битвы съ другими войсками, которыя могли подойти на помощь къ Бяратинскому. Объ этихъ тяжелыхъ минутахъ лихого атамана сохранилась на Яикѣ старинная казачья пѣсня.

„На стулу сидятъ нашъ батюшка воровской атаманъ —
 Степанушка Тимофѣевичъ по прозванью Разинъ сынъ,
 Передъ нимъ стоитъ старшой есаулъ.
 Атаманъ есаулу сонъ рассказывалъ:
 — Что то мнѣ, братъ, мило сналося
 И во снѣ мнѣ много видѣлось:
 Сопадала съ меня, съ головы, кунья шанка,
 Распоясая у меня золотъ колчанъ,
 И рассыпались у меня калены стрѣлы.
 — „Сопадала у тебя съ головы кунья шанка —
 Это пропадетъ твоя буйная головушка;
 Распоясая твой золотъ колчанъ —
 То мнѣ, есаулу, быть крѣпко ранону,
 Рассыпались калены стрѣлы —

¹⁾ Матеріалы къ Исторіи воин. Стен. Раз., стр. 65.

²⁾ Тамъ-же.

То казаки наши, вору, разбойнички,
На побѣгъ пойдуть!¹⁾

Вѣщему сну атамана пришлось сбѣгаться 3 октября, когда Барятинскій сдѣлалъ мосты у Свяги, подошелъ къ городу и освободилъ Милославскаго отъ осады. Соединившись вмѣстѣ, они напали на казацкія окопы и обозъ и отбросили казаковъ къ острогу. Ночью рѣшилась участь Разина; чтобы обмануть его, Барятинскій приказалъ полковнику Андрею Чубарову съ его полкомъ зайти за рѣчку Свягу и тамъ дѣлать оклаки, какъ будто бы пришло новое войско. Разинъ поддался хитрости и до того растерялся, что рѣшилъ спастись бѣгствомъ. Собравши приставшихъ къ нему астраханцевъ, царининцевъ и симбирцевъ, онъ сказалъ имъ, чтобы они стояли у города и что самъ онъ съ казаками пойдетъ на военодъ; между тѣмъ онъ кинулся съ казаками на суда и поплылъ внизъ по Волгѣ. Узнавъ о бѣгствѣ Разина, Барятинскій съ конными людьми вышелъ въ поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на обозъ и въ острогъ и разгромилъ оставшіеся безъ предводителя скопища. Болѣе 500 человекъ было взято въ плѣвъ. Заводчиковъ мятежа четвертовали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги.

Потерявъ почти всѣ пушки, порохъ и свинець, Разинъ съ остатками своего войска, не болѣе 3 тысячъ казаковъ, сѣвншо уходилъ на низъ. Вѣжали слѣдомъ за нимъ и успѣвшіе вскочить на лодки жители низовыхъ городовъ. Все это, боясь погони, со страхомъ несло въ Волгѣ; жители уходили въ свои города и села. Лишь только у Самары Разинъ успокоился. Тутъ онъ сталъ разсказывать яицкимъ людямъ, какъ оуди у него перестали стрѣлать и оттого онъ побѣжалъ на низъ. Этими онъ самъ признался, что его чародѣйственная сила пропала, и самарцы не пустили его въ городъ. Ебра въ Разина была окончательно потеряна. Оказалось, что его такъ-же, какъ и всѣхъ, берутъ и сабля и пицаль, что и онъ такъ-же боится смерти, какъ и простые люди. Обаяніе его стало исчезать. Прибывъ къ Самарѣ, часть яицкихъ казаковъ пошла домой. „Яицкихъ казаковъ пошло на Дикъ человекъ съ полтораста—висалъ симбирскій воевода, а въ остаткѣ ихъ на Самарѣ человекъ со ста, да и тѣ хотѣли ятти на Дикъ-же; да на Самару жъ пришло съ Яику для провѣдыванія вѣстей человекъ съ двадцать, а съ тѣмъ, которые пошли на Дикъ, разошлись и они хотятъ ятти съ послѣдними людьми“²⁾.

Изъ Самары Разинъ поплылъ въ Саратовъ. Здѣсь его тоже не пустили и онъ вынужденъ былъ плыть дальше. И вотъ съ остатками своихъ казаковъ онъ появился на Дону. До сихъ поръ молчавшая партія старшинскихъ казаковъ заговорила. Донъ не поднялся на его защиту. Въ февралѣ 1671 г. онъ подошелъ было со всею партією къ Черкасску, но его не пустили; озлобленный онъ отошелъ къ Кагальницкому городку, гдѣ и засѣлъ, угрожая,

¹⁾ Соч. І. И. Жолѣнова, Уральцы, часть 1.

²⁾ Материалы для Истор. вѣст. Ст. Раз., стр. 206 и 212.

что возвратится и изведетъ всѣхъ.

Разина предала анафемѣ, но волненія въ губервіяхъ не затихали. Тамъ образовывались крестьянскія шайки и съ толпами казаковъ вели безпорядочную партизанскую войну съ московскими войсками. На сѣверѣ умиралъ бунтъ князь *Юрій Доморукій*, въ Тамбовской губервіи воевода *Яковъ Хитрово*, а въ повозныхъ городахъ князь *Бяратинскій* который, просидѣвъ въ Симбирскѣ около мѣсяца, двинулся внизъ по Волгѣ. Разрозненныя и лишенные связи крестьянскія толпы были разбиваемы по частямъ. Описывать подробно волненія въ городахъ и ихъ усмиреніе воеводами въ настоящемъ очеркѣ не представляется возможнымъ, т. к. это составило бы особый большой трудъ, при чемъ предчитателемъ прошли бы длиною веревницей картины непрерывныхъ боевъ, стычекъ, казней пойманныхъ „воровъ“, поля, залитыя кровью избиваемыхъ мятежниковъ, разоренныя деревни и цѣлыя волости—картины, похожія одна на другую и не отличающіяся другъ отъ друга ничѣмъ. Жертвами казацкой расправы являлись приказные люди и помещики, жертвами-же воеводъ были массы темнаго и беззащитнаго люда. Они гибли тысячами. Не было селъ, не было деревни гдѣ бы не мучились посаженныя на колъ жертвы боярской расправы, гдѣ бы не было повѣшанныхъ и четвертованныхъ „воровъ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ висѣло на висѣлицахъ по пятидесяти и болѣе человекъ; посаженныя на колъ „воры“ жили дня по три и гонорили... Ахъ былъ на тѣхъ мѣстахъ гдѣ проходили отряды войскъ—заревомъ пожаровъ освѣщало ихъ шествіе, трупами возставшихъ были устланы поля. Стонъ и вопли осиротѣлыхъ семействъ были суутниками этихъ отрядовъ. Одинъ только князь *Долгорукій* казнилъ болѣе одиннадцати тысячъ человекъ! *) Врѣвныя расправы Разина блѣднѣютъ предъ этими казнями. Изъ характеристикъ того времени можно лишь указать на нѣкоторые документы, рисующіе намъ взгляды казаковъ на происходившія событія. Эти взгляды особенно ярко выражаются въ такъ называемыхъ прелестныхъ письмахъ и въ перепискахъ между казаками. При осадѣ Тамбова атаманъ *Михаилъ Харитоновъ*, призвалъ къ себѣ на помощь казаковъ, бывшихъ у *Челнаиска* и пишетъ имъ такой приказъ:

„Великаго войскаго донскаго и яцкаго, и запорожскаго отъ атамановъ отъ *Михаила Харитоновича*, да отъ *Максима Дмитріевича*, да отъ *Михаила Китаевича*, да отъ *Семена Нефедьева*, да отъ *Артемья Чиркова*, да отъ *Василья Шилова*, да отъ *Кирилла Лаврентьева*, да отъ *Тимофея Трѣфимовича* въ *Челнаиска* атаманамъ молодцамъ и всему великому войску, послали мы къ вамъ казаковъ *Лисогорскихъ* *Сидора Ладенева* да *Кирилу Волдырева*, для собранія и совѣту великаго войска; а мы нынѣ въ *Тамбовѣ* ноября въ 9-й день въ сконѣ, у насъ войскова силы сорокъ двѣ тысячи, а пушекъ у насъ—двадцать, а зелья у насъ полъ пятаста (450) и больше нуль; и кой часъ

*) *Врѣвскій. Истор. Донскаго войска*, т. 1, стр. 176.

къ вамъ сія память придетъ и вамъ бы пожаловать атаманы и молодцы, — собрався ѣхать къ намъ на помощь съ пушками и съ зельемъ безо всякаго хотчанья днемъ и ночью на спѣхъ, а писалъ къ намъ изъ Орзанау донской атаманъ, что наши казаки князь Юрья Долгорукова побили со всѣмъ его войскомъ, а у него было пушекъ сто двадцать, а зелья тыслача пятьсотъ, да пожаловать-бы вамъ *порадѣть за домъ Пресвятыя Богородицы и за великаго государя и за батюшку за Степана Тимофѣевича* и за всю православную христіанскую вѣру; потому вамъ атаманы-молодцы атаманъ Тимофѣй Трофимовичъ челомъ бьетъ, а буде вы къ намъ не пойдете съ собраниемъ на совѣтъ и вамъ быть отъ великаго войска въ казни и женамъ вашимъ и дѣтямъ быть порубленнымъ и дома ваши будутъ разорены и животы ваши остатки взяты будутъ на войска 1)».

Въ этомъ посланіи мы видимъ, что казаки идутъ за государя, за церковь и за своего атамана Степана Тимофѣевича Разина, видно также, что казаки стараются всѣми силами показать, что у нихъ и войска и пушекъ и зелья очень много, и даже побѣду надъ княземъ Долгорукинымъ, можетъ быть, весьма незначительную, раздули, какъ побѣду рѣшительную, — бой, въ которомъ на сторожѣ ихъ противника было сто двадцать пушекъ — количество невѣроятное для тогдашней полевой и тѣмъ болѣе партизанской войны. Замѣчательно также выраженіе вмѣсто войска — „войскаго“, „войскова“ — съ этимъ словомъ мы встрѣтимся и далѣе. Изъ другихъ подобныхъ документовъ не видно, чтобы такъ называли казаки вообще войска. Это слово всегда употребляется у нихъ лишь при обращеніи къ казачьему войску, ко всей массѣ войска.

Не менѣе любопытенъ и другой документъ; но уже тутъ казаки пишутъ не къ своимъ товарищамъ, а къ стрѣльцкому головѣ Якову Дементьевичу, засѣвшему въ Челнавскомъ острожкѣ и захватившему въ плѣнъ посланнаго съ прелестнымъ письмомъ казака Татаринава.

„Отъ великаго войскаго чеснаго и грознаго донскаго, и яницкаго, и запорожскаго, писали казаки головѣ, отъ атамановъ войсковыхъ отъ Кириллы Лаврентьевича, да отъ *Тимофея Трофимовича*, да отъ Сидора Тимофеевича, да отъ старшинъ отъ Петра Осиповича, да отъ Корвѣя Степановича память въ Козловскій уѣздъ въ Челнавской острожкѣ стрѣльцкому головѣ Якову Дементьевичу и стрѣльцкимъ пятидесятникамъ и рядовымъ стрѣльцамъ; какъ къ вамъ сія память придетъ и вамъ бы пожаловать отдать нашего человека, котораго вчера ухватили у насъ Сенку Татаринава, а мы было вчера съ вами съѣхались поговорить о добротномъ совѣтѣ, а того мы человека послали къ вамъ поговорить надѣющимся; а буде вы, Яковъ Дементьевичъ, того Сенку Татаринава намъ не отдадите и какую надъ нимъ трату учините и вамъ-бы на насъ не пенять и гнѣву на насъ не держать, — мы у васъ за одного человека показнимъ вашихъ козловцевъ человекъ сто и больше, дома наши всѣ

1) Моск. Главн. Арх. Мин. Юст., Московскій столб., столбецъ № 441, листы 124 и 125.

пожжемъ безъ остатку и жены ваши и дѣти будутъ всё порублены и тебѣ-бъ Яковъ Дементьевичъ пожаловать противъ сей огниски—къ намъ тожъ отъе- сать; потомъ вамъ челомъ бьемъ“¹⁾).

Въ этомъ документѣ и тонъ другой. Тутъ войско названо честнымъ и гроз- нымъ. Атамановъ три по числу войскъ,—изъ нихъ Тимофей Трофимовичъ— вѣроятво явцкій атаманъ:—второй по порядку, какъ и яцков войско.

Усмиря бунтъ, всеводы въ отвѣтъ на воровскія прелестныя письма посла- ли въ народъ свои увѣщательныя грамоты. Всѣ они носятъ одинъ и тотъ- же характеръ. Какъ обращикъ, привожу грамоту одного изъ начальниковъ ка- рательнаго отряда Феофила Бобровича.

„Божію Милостію великаго Государя Царя и вел. кн. Алексѣя Михаи- ловича (титулъ) и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчича, и дѣдяча, и наслѣдича, и Государя, и обладателя его Царскаго Пресвѣтлаго Величества воевода Феофилъ Тимофеевичъ Бобровичъ— въ православной христіанской вѣрѣ всенитанымъ, а нмѣшнему прелестію богоотступника вора Стенки Разина, всякихъ чиновъ прельщеннымъ людемъ русскимъ и чувашамъ и черемисе. Что въ сие шатается и по что помнѣ- ленія входятъ въ сердца ваша—видите милость великаго Государя (титулъ) и не разумѣете? Милосердуетъ вел. Гос. о васъ, яко грѣхъ ради бысть сіе и радуется, также возрадовался Христосъ о единомъ погибшемъ овчати, нежели о десяти здравыхъ; великая радость и на небеси о единомъ кающемся грѣшнике ангеломъ бываетъ. Въ грамотѣ вел. Госуд. Царя (титулъ) написано ко мѣ:— Воровскихъ людей отъ воровства отводить и всячески нмѣ наговаривать, чтобъ отъ шатости и отъ воровства отстали и служили великому Государю попрежнему, а по милосердному христіанскому, всемилостиваго Государя нашего Царя (титулъ) указу послалъ я къ вамъ во свидѣтельство истиннаго Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества за Царственными красными печатями гра- моты,—дѣды и отцы ваши страдали и смерть ни ничто виѣняли за дожъ Божій и Пресвятія Богородицы и за великихъ Государей Московскихъ, а вы како не помните, хотя-бъ и головы положить намъ за его великаго Госу- даря; милость а не ярость великаго Государя вознѣщая намъ, что бѣгаете обратитесь? а Богъ мира будетъ съ нами и великаго Государя милость воз- сіяетъ вамъ. Воевода Феофилъ Бобровичъ“²⁾).

Среди многихъ предводителей шаякъ особенно выдѣлились своею неутомимостью Темниковскій пощъ Сава и „воръ-еретичка-старика“. При распрѣсь съ пытви подъ огнемъ она сказала: „Меня зовутъ Аленой, родомъ изъ вѣздной Арзамасской слободы крестьянская дочь, была за мужемъ за крестьяниномъ- же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нмѣшнемъ году пришла я изъ Арза-

¹⁾ Московск. Главн. Арх. Мин. Юст., Московскій столъ, столбець 441, листъ 126.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Юст., Московск. столъ, столбець 441, листъ 350.

маса въ Темниковѣ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атаманомъ Фодькою Садоровымъ и учила его вѣдовству¹⁾. Попа съ товарищами повѣсили, а богатыря вѣдъму сожгли въ струбѣ, какъ еретицу вмѣстѣ съ чародѣйными бумагами и кореньями.

Пока воеводы умирляли бунтовавшихъ крестьявъ, Разина все время сидѣлъ на Дону. Онъ былъ отважнымъ и безшабашнымъ казакомъ, но плохимъ воеводой. Потерявъ половину лѣта въ Астрахани, потомъ застрѣвши въ Симбирскѣ, онъ не смѣлъ воспользоваться неподготовленностью Москвы и далъ время сосредоточить войска; допустивъ разбить себя подъ Симбирскомъ, онъ сразу упалъ духомъ и послѣ первой неудачи бросился спасаться на Донъ. Между тѣмъ войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ сносился съ Москвою, какъ бы промышлить надъ Стевкою. Въ Москвѣ-же, въ недѣлю православія, Разину прокричали знамену и послали стараго нашего знакомаго стольника Косогова на Донъ съ тысячью человекъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ. Старшинскіе казаки подступили къ Кагальницкому и 14 апрѣля сожгли его и скватили Разина вмѣстѣ съ его братомъ Фроломъ. Среди имущества Разина были взяты три армака и три ковра на золотѣ—это была добыча, доставшаяся ему на дуванѣ при взятіи на Каспійскомъ морѣ судна персидскаго шаха, на которомъ находились армаки, посланные имъ въ подарокъ къ московскому государю. Послѣ взятія Разина на Дону была снаряжена станица и войсковой атаманъ Яковлевъ повезъ Разина и брата его Фрола и отбитыхъ царскихъ армакавъ въ Москву. Медленно двигалась станица, только 21 мая она пришла въ Курскъ, откуда съ придачею стрѣльцовъ Яковлевъ поѣхалъ дальше²⁾. Изъ Москвѣ онъ привезъ Разина лишь 4 іюня.

Услышавъ о прибытіи Разина въ Москву, толпы народа вышли за городъ на встрѣчу знаменитаго атамана, имя котораго много лѣтъ не сходило съ устъ всего русскаго люда. Не довѣжая до столицы нѣсколько верстъ съ Разина силили его пышное и богатое казачье платье и одѣли въ лохмотья. Его посадили въ специально сдѣланную для него въ Москвѣ большую телѣгу съ висѣльцею и приковали за шею къ перекладнѣ, а руки и ноги привѣрили цѣпями къ телѣгѣ. Фрола же приковали цѣпью въ той же телѣгѣ и онъ долженъ былъ бѣжать сзади, какъ собака.

Въ такомъ положеніи пришлось Разину ѣхать среди московскихъ улицъ. Но онъ былъ хладнокровенъ, глаза его были опущены, онъ какъ будто старался, чтобы никто не могъ прочесть того, что у него было на душѣ.

Въ Москвѣ его съ мѣста повели къ пыткѣ. Но среди страшныхъ мукъ онъ не выдалъ ни одного звука. Лихой атаманъ умѣлъ воровать, умѣлъ и отвѣтъ держать.

¹⁾ Матер. къ ист. позн. Ст. Раз., стр. 107—108.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Вѣстн., Московск. столб. 445, столбикъ 1, листы 8—11.

Первая пытка была кнутъ—говорить Костомаровъ¹⁾—толстая ременная полоса въ палецъ толщиной и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачъ садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ суставовъ и становились ровень съ головою, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни, и ужъ, конечно, палачъ не оказывалъ состраданія къ такому подсудимому. Но Стенька не испустилъ стона. Всѣ стоявшіе около него дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь вихъ бревно и положили на горячіе уголья. Стенька молчалъ.

Ему дали роздыхъ. Принялись за Фрола. Болѣе слабый онъ началъ выпускать крики и вонли отъ боли.

— Экая ты баба!—сказалъ Стенька. Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славой; повелѣвали тысячами людей; надобно теперь бодро переносить и несчастье. Что, это, рзвѣ, больно? Словно баба уколола!

Стеньку принялись пытать еще однимъ родомъ мученій. Ему обрили макушку и оставили виски.

— Вотъ какъ! сказалъ Стенька брату:—слыхали мы, что въ немъ ученыя люди ставять, а мы, братъ, съ тобой простаки, а и насъ постригли!

Ему начали лить на макушку по каплѣ холодной воды. Это было мученье, противъ котораго никто не могъ устоять: самая твердая натуры терзали присутствіе духа. Стенька вытерпѣлъ и эту муку и не произнесъ ни одного стона.

Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не донимаетъ, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногамъ. Степанъ молчалъ.

Богатырская, желѣзная натура лихого атамана не поддавалась ни одной пыткѣ. Два дня мучили братьевъ, но отъ Степана ничего не добились.

На третій день, 6 іюня, ихъ повели на казнь. Тысячи народа стезились на это зрѣлище. При чтеніи приговора, гдѣ излагались всѣ преступленія Разина, онъ стоялъ спокойно съ гордымъ видомъ. Но окончаніи чтенія, когда палачъ взялъ его подъ руки, Разинъ, повернувшись къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, перекрестился и, поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ народу: „простите!“

Палачъ положилъ его между двухъ досокъ и отрубилъ ему вначалѣ правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Но атаманъ при этихъ страданіяхъ, какъ и при пыткѣ, не издалъ ни одного стона, не показавъ знака, что чувствуетъ боль, какъ будто палачъ рубилъ не живого человѣка, не живое тѣло, а трущъ или дерево.

Глядя на брата, на его ужасную смерть, Фролъ не выдержалъ.

¹⁾ Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, стр. 340—341.

— Я знаю слово государево! — закричалъ онъ.

Разниъ, услышавъ это, разсвѣрѣвѣлъ.

— Молчи, собака! закричалъ онъ на Фрола.

То были послѣдніа слова желѣзнаго человѣка. Палачъ отрубилъ ему голову. Его голову и тѣло, разсѣченное на части, воткнули на колья, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе, какъ говорятъ Костомаровъ¹⁾, но по народному преданію, изсѣченное тѣло атамана было сожжено и пепелъ выстрѣленъ изъ пушки.

Фрола сняли съ эшафота и снова повели въ застѣнокъ. „Когда меня пытали во всякихъ веровствахъ, — говорилъ онъ подѣ пыткой, — и въ то время я въ торопяхъ и отъ многой пытки въ память не пришелъ, а вынѣ оаматовался и скажу про все, что у меня въ памяти есть. Когда братъ Стенька Астраханъ взялъ, то взятые съ бухарскаго двора товары — шелкъ, сафьянъ и ендыки отдалъ на сбереженіе астраханскому митрополиту. Всѣ письма, какія были у Стеньки, онъ собралъ, поклатъ въ кувшинъ въ денежный и засмола закопалъ въ землю на островѣ рѣки Дона, на урочищѣ на Прорвѣ, подѣ вербомъ, а та верба крива по середкѣ и около ея густня вербы. А остальные вещи находятся на храненіи на Царицынѣ у посадскаго человѣка у Дружинки Потапова: — городъ косяной, тотъ городъ сдѣланъ образцомъ какъ Царьгородъ, а взять онъ у князя Семена Львова, у него-же судукутъ, а въ немъ дороги и платье сто пять кафтановъ дрогильныхъ, три зарбалова, а дороговъ пятьдесятъ“²⁾ Новаго Фроль едвали что сказалъ, во все-же онъ былъ спасенъ отъ казни — его сослали на вѣчное тюремное заключеніе.

Впослѣдствіи, въ сентябрѣ того-же года, казакій атаманъ съ выборными казакими ѣздилъ искать этихъ писемъ на островѣ, пробовали землю щупами и ничего не нашли³⁾.

Волнованшіася губернія были умирены. Оставалось покончить съ Астраханью, гдѣ бунтъ былъ еще въ полномъ разгарѣ. Но въ виду того, что язвіе казаки совершенно не принимали участія въ этихъ событіяхъ, описывать ихъ подробно не представляется нужнымъ.

Васька Усъ съ донскими казаками и оказавшимися горожанами и стрельцами сидѣлъ въ Астрахани всю зиму и все слѣдующее лѣто.

Больше года неистовствовали казаки въ Астрахани, убили много начальныхъ и подозрительныхъ для нихъ людей, жестока расправи шли перемежаясь краткими отдыхами отъ убійствъ. Не удовлетвоавшись избіеніемъ мірянъ, они убили и митрополита Иосифа, — это было одно изъ послѣднихъ звѣрствъ опянѣвшихъ отъ крови казачьихъ коноводовъ. Въ немъ они имѣли главнаго противника всѣхъ своихъ дѣлъ и вотъ; собравшись въ кругъ, 11 мая они потребовали его къ себѣ. Митрополитъ былъ за проскомидію въ соборѣ.

¹⁾ Костомаровъ „Вунтъ Стеньки Разина“, стр. 342.

²⁾ Матеріалы къ Истор. возм. Стен. Раз., стр. 200--201.

³⁾ Костомаровъ „Вунтъ Ст. Раз.“, стр. 363.

— Добро,—отвѣчалъ митрополитъ,— вотъ я облачусь по всю святительскую одежду,—и пошелъ въ алтарь облачаться, и недѣлъ благовѣстять въ колоколь, чтобы собирались священники ятти съ нимъ вибѣтъ въ кругъ. Войли въ кругъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ смѣло спросилъ Усѣ:

— Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клеветопреступники?

Усѣ обратился къ казаку, который только что пріѣхалъ отъ Шелулака съ извѣтами на Іосифа.

— Что ты сталъ? выступайся! съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска—говори теперь!

Казакъ вышелъ.

— Приславъ я отъ войска,—говорилъ онъ,—что ты поровеси переписываешься съ Терекомъ и Дономъ и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.

— Я съ ними не переписывался,—отвѣчалъ Іосифъ,—а хоти-бы и переписывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобы и вы отъ воровства отстали и великому государю вины своя привесля.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ не понравился голытьбѣ.

— Что онъ тайтъ свое воровство, что не переписывается будто?!—закричали въ кругу,—какой онъ правый человекъ? Что онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ? Мы вѣдь и сами христіане, а онъ будто пришелъ къ иловѣрнымъ!

Болѣе дерзкіе стали выходить изъ круга, чтобы снять облаченье. Но одинъ изъ казаковъ Миронъ не выдержалъ и рванулся на защиту митрополита.

— Что вы, братья, на такой великій снѣ хотите руки поднять? Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя!

Но въ отвѣтъ на это казаки Грузинкинъ и самые отчаянные воры схватили Мирона, выволокли изъ круга и изрубили. Мирона убили, по его словъ произвели страшное дѣйствіе. Казаки оцѣпенѣли и не смѣли дотронуться до митрополита. Они стали прѣстувать съ руганью къ священникамъ.

— Снимайте съ митрополита санъ! онъ снималъ-же и съ Никона патріарха санъ!—кричали изъ толпы.

Тогда Іосифъ самъ снялъ съ себя янтру и, обратившись къ протодіакову, сказалъ:

— Что же ты сталъ, не разоблачаешь? Ужь пришелъ часъ мой!

Протодіаконъ съ ужасомъ снялъ омофоръ, снялъ санюкъ.

Тогда казаки выбили духовенство изъ круга, говоря: „До васъ дѣла итъ“! и повели митрополита въ пороховой дворъ.

Пошло съ нимъ человекъ двадцать, самые отчаянные головорѣзы. Съ ними былъ палачъ князя Семена Львова, Дарка, котораго приготовили для казни ятежниковъ, но ему пришлось казнить господъ. Раздѣвъ митрополита, Дарка связалъ ему руки и ноги, продѣлъ жезъ рукъ и ногъ бревно и положилъ на огонь. Бѣглый солдатъ Семень Сука наступилъ ему на брюхо ногою и говорилъ:

— Скажи, съ кѣмъ ты переписывался?—

Митрополитъ вмѣстѣ отвѣта, лежа на огнѣ, громко читалъ молитвы и проливалъ слезы.

Его повернули вверхъ спиною. Сука началъ мять ему ноги.

— Говори, гдѣ твое имущество?

— У меня зѣтъ никакого имущества,— отвѣчалъ старикъ.

— А сколько у тебя казны?

— Всего полтораста рублей.

Обожженного, изувѣченного Іосифа сняли съ огня, надѣли на него яську и повели на казнь. Отъ страшной боли онъ едва могъ двигаться.

— На раскаты! на раскаты! кричала толпа. Митрополитъ шелъ мимо того мѣста, гдѣ лежалъ убитый за него казакъ Миронъ. Іосифъ наклонился къ нему и благословлялъ его.

Митрополита взвели на раскаты, посадили на край и хотѣли сбросить. Но Іосифъ испугался послѣдней минуты и ухватился за стальной шпатель его Алешку Грузинкина и чуть было не увлекъ и его съ собою. Тогда казаки положили его бокомъ и столкнули. Это были самые отчаянные воры во главѣ съ Грузинкинымъ. Стоявшіе внизу раската остальные казаки со страхомъ ждали развязки и когда, наконецъ, тѣло Іосифа ударилось о землю, казакамъ послышался страшный стукъ, они обомлѣли и минутъ двадцать стояли въ глубокомъ оцѣпенѣніи. Но страсти разошлись; вслѣдъ за Іосифомъ казнили уцѣлѣвшаго князя Семена Львова. Тѣло митрополита было внесено священниками на коврѣ въ соборъ. Его спина и живеть были покрыты черными пятнами и пузырями отъ огня; борода и волосы опалены; голова разбита. Готовились его хоронить, но въ это время въ церковь вошла толпа казаковъ и закричала.

— Попы, идите въ нашъ кругъ! есъ идите сейчасъ.

Они повиновались. Въ кругу Васька Усь приказалъ читать подъячему составленную казаками бумагу.

Мы, атаманъ— читалъ подъячій— и всѣ казаки донскіе и астраханскіе и черскіе, и гребенскіе казаки, пушкари, и затишники, и посадокіе люди, и съ гостиннаго двора торговые люди написали межъ собою письмо, что жить здѣсь въ Астрахани къ любви и совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побивать и стоять другъ за друга единодушно, и итти имъ вверхъ и побивать и выводить измѣнниковъ бояръ¹⁾.

— Прикладывайте руки, попы, и за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей! закричалъ Усь.

Подъ страхомъ казни священники подвисались.

Въ этомъ постановленіи объ яцкихъ казакахъ не говорится ни слова, да и трудно себя представить, чтобы яцкіе казаки, цѣлью которыхъ, глав-

¹⁾ Акты Ист., т. IV, стр. 438.

нымъ образомъ, былъ промыселъ — оставались бы все лѣто и всю зиму въ полномъ бездѣйствіи въ Астрахани. Это было бы противно ихъ желаніямъ. Сидѣть они могли и на Яикѣ, тамъ по крайней мѣрѣ они могли заработать на рыбныхъ ловляхъ, наконецъ могли погулять и на синемъ морѣ; въ астраханскомъ сидѣнн ихъ не было ни одного человѣка.

Астраханскимъ неистовствамъ всталъ конецъ съ прибытіемъ къ Астрахани воеводы Ивана Милославскаго, того самаго, который сидѣлъ въ Сибирскѣ въ Кремлѣ.

Подойдя къ Астрахани въ концѣ августа, Милославскій только 27 ноября имѣлъ возможность занять городъ и то лишь благодаря прибывшему къ нему на помощь съ черкесами князю Каспулату Мудаловичу Черкасскому, которому удалось выманить изъ города Шелудяка, занявшаго мѣсто атамана послѣ умершаго отъ „червявой“ болѣзни Уса.

И лишь только лѣтомъ слѣдующаго 1772 г. явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы. Главные заводчики Фелька Шелудякъ, Алешка Грузинкинъ, Теофила Колокольниковъ, Красулянъ были повѣшены; Коринко Семеновъ, у котораго нашли заговоры, былъ сожженъ, какъ еретикъ, другіе отправлены на службу въ верховые города.

*
* *

Бунтъ былъ задавленъ. Были потушены послѣднія искры мятежа, охватившаго всю восточную Русь. Но искры эти незамѣтно тлѣли цѣлые десятки лѣтъ и народное недовольство снова вспыхнуло — снова ожилъ Разинъ, но уже не на Дону, а на Яикѣ. Подъ именемъ Пугачева, черезъ сто лѣтъ послѣ своей смерти, онъ всколыхнулъ Рссію и снова подвигалъ обездоленный народъ на бояръ и помѣщиковъ.

Разинъ умеръ, и пепель его развѣялся по вѣтру, но въ народныхъ массахъ не умеръ его богатырскій обликъ; батюшка Степанъ Тимофѣевичъ все еще живетъ въ народѣ. Мрачныя картины казацкихъ звѣрствъ забыты народомъ памятью; народъ запомнилъ только славу своего „батюшки“, запомнилъ его удалъ и богатство и обѣщанье дать вѣчную волю. Его богатырскій размахъ, не знавшій, казалось, предѣла, его полныя, разудалая жизнь — глубоко засѣла въ народной памяти и сказанія о его подвигахъ, легенды о его славіи и ночи переходятъ изъ устъ въ уста отъ одного поколѣнія къ другому. Въ нихъ Разинъ является то безстрашнымъ казакомъ богатыремъ, у котораго даже самъ Илья Муромецъ оказывается только въ есаулахъ; то прикрашенный народной фантазіей онъ олицетворяетъ собою народнаго борца за волю, для котораго не было преграды ни въ чемъ. Онъ колдунъ, онъ чародѣй, котораго не берутъ ни пуля, ни сабля, не держатъ ни стѣны, ни цѣпи. Лишь въ свитыхъ, едва уловимыхъ намекахъ о кровавыхъ жертвахъ и неистовствахъ Разина, дошедшихъ до народа, онъ видать въ немъ великаго грѣшника, котораго ни земля, ни небо не приняли, который не умеръ, а живетъ гдѣ то далеко за моремъ въ вѣчныхъ мукахъ.

Такими легендами полны приволжскія области. Одно изъ преданій, сохранившихся на Яикѣ, говоритъ о Разинѣ какъ о великомъ грѣшникѣ. Это преданіе, записанное І. И. Желѣзновымъ, говоритъ о встрѣчѣ Разина солдатами одного изъ „безвѣстныхъ“ кораблей на необитаемомъ островѣ среди неизвѣстнаго имъ моря. Изголодавшіеся солдаты вышли на этотъ островъ въ надеждѣ найти пищу.

„Много-ли, мало-ли ходили они по горамъ,—разсказывалъ казакъ—да и наткнулись на избушку или землянку—все едино: не то изба, не то вора вырыта въ горѣ, одна дверь да маленькое окошечко съ пузыремъ,—вотъ и все. Вошла они въ избушку и видятъ: въ переднемъ на лавкѣ лежитъ человекъ, не молодой да и не старій, а такъ себѣ „сердвичъ“, на немъ красная левсандровская рубаша, козловше сапоги съ кисточкой на голенищахъ,—значитъ, щеголь какой вѣбудь. Глаза у этого человека закрыты, а самъ онъ такой худой, такой блѣдный, что твой мертвецъ. Сначала они подумали, что онъ мертвый, а какъ немного всмотрѣлись, увидали, что спитъ. Не трогая его, солдатики тоже секунду бросились къ печкѣ и на шесткѣ въ горшкѣ нашли не то кашу, не то кисель, Богъ знаетъ что, не могли разобрать да и некогда было разбирать,—вѣдь голодъ не свой братъ, а у нихъ съ голоду кожа трещала,—шутка-ля! три—четыре дня были не ѣвши. Покаѣсть возились они около горшка, козяпка-то просулася, слѣз на лавку, да и говорить имъ тихонько по расейски: „вы, братцы, смотрите... не много ѣшьте этой пищи: не хороша она для несправичнаго человека“...

Услышавши расейскій языкъ, солдатики обрадовались, пуще не зная чего; бросили ѣду, подбѣжали къ неизвѣстному человеку, да въ одинъ голосъ и сказали:

— Неужто мы въ расейской землѣ?

Показалъ этотъ человекъ головой, да и сказалъ:

— Нѣтъ, родимые: эта земля турецкаго султана.

— Да ты-то кто?—спросили солдатики.

— Я, говоритъ онъ, Степанъ Разинъ: слышали, чай, о богомерзкихъ дѣлахъ моихъ.

Тѣхъ такъ и ошеломило.

— Вамъ диво это?—говоритъ онъ.

Тѣ ничего не говорятъ, только блѣднѣютъ, да пучать глаза на человека, что Разинимъ назвался.

— Вы не бойтесь,—говоритъ онъ.—Хоча я и настоящій Разинъ, но ужъ не тотъ, что въ мое время разбойничалъ на православной Руси и творилъ всякое беззаконіе въ угоду врагу рода человеческого, сатанѣ треклятому: теперь я совсѣмъ иной человекъ. Присядьте-ка и выслушайте меня, родимые, и послѣ

повѣдайте міру, какъ тяжело и горько оказанному грѣшнику отвѣтъ давать за дѣла безбожныхъ.

И говорить это Разинъ тихо, плавно, смиренно, внятно, словно какой начетчикъ по книгѣ или-бо изъ книги. Солдатики отудобѣли, присѣли на скамеечки супротивъ Разина. И онъ сталъ имъ говорить:

— Отъ начала міра и до сегодня не было ни въ человѣкахъ—человѣка, ни въ звѣряхъ—звѣря, ни въ змїяхъ—змїя, ни въ гадахъ—гада, подобнаго мнѣ, не было ни единой на свѣтѣ твари, коя-бы равнялась со мной по злобѣ и лютости: я всѣхъ превзымилъ!... Многого-множество пролилъ я крови христіанской, много-множество загубилъ душъ не повинныхъ. Мало того: я царю благовѣрному изиѣнилъ, надъ вѣрой православной надругался, отъ Бога истиннаго отрекся, сатанѣ треклятому предался—вотъ за то мучусь и страдаю теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анафемѣ, и потомъ, какъ поймали, казнили, тѣло мое на огнѣ сожгли, а прахъ развѣяли по вѣтру. Но этимъ дѣломъ не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, еретика, душу свою и тѣло отдавши сатанѣ, меня ни въ рай не пустили, ни въ адъ не приняли; отъ меня и земля, и вода, и огонь, и воздухъ съ вѣтрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прахъ мой собрала и оживила, и вотъ въ сіи мѣста уединенныя поселила. Здѣсь я буду жить до второго пришествія, до Суда Страшнаго, тогда судьба моя окончательно рѣшится, тогда и мучу мнѣ положуть настоящую, по дѣломъ моимъ, какую заслужилъ. Теперь же пока тиранятъ меня два змїя ужасные. По Божьему велѣнію въ мѣсяць разъ они приползаютъ ко мнѣ и сосутъ кровь изъ меня, почти всю до капли высасываютъ. Одинъ залуститъ жало подъ мышку, а другой подъ другую, и такимъ образомъ точутъ кровь мою. Третьяго дня они у меня были,—вотъ и раны, посмотрите, не зажили еще, а черезъ двадцать семь—восемь день, какъ я поправляюсь, кровью то соберусь, они опять приползутъ. И вотъ такимъ то родомъ мучусь я цѣлыхъ полтора ста лѣтъ, не умираю и не умру, до Христова пришествія не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимаетъ... вотъ что! А всего горше для меня бынаеть въ тѣ дни, когда въ церквахъ анафему мнѣ провозглашаютъ.

— Питаюсь я гликой: есть неподалеку отсюда, въ одной горѣ, такая глина, что похожа на муку, говоритъ Разинъ, варю ее, эту глину, въ водѣ, и изъ того выходитъ какой-то кисель, что сейчасъ и вы ѣли. Сначала пища эта мнѣ не нравилась, какъ грузило лежилось въ животѣ, а потомъ мало—но малу сталъ привыкать къ ней, и вотъ ужъ полтора ста лѣтъ питаюсь—и ничего!

— Я выдаю иногда, что по близости меня люди ходятъ, но ни меня, ни избушки моей не замѣчаютъ: невидимая сила, значить, закрываетъ. Вотъ вы первые увидали и зашли ко мнѣ: значить, невидимая сила надъ вами сжалась, чтобы вы не умерли съ голоду. Но утреннимъ и по вечернимъ зо-

рякъ я слышу отсюда на солнечномъ восходѣ колокольный звонъ: значитъ, тамъ городъ христіанскій или село есть, въ землѣ турецкаго султана и христіане живутъ. Ступайте въ ту сторону. И точно, солдатики въ тотъ же день къ вечеру пришли въ селенье, гдѣ жили греки, что турецкому султану подвластны; отъ нихъ уже, чрезъ сколько-то времени, и вышли они на Русь святую¹⁾.

---

¹⁾ Соч. І. Н. Желѣзновъ, „Уральци“, ч. 1. стр. 58—61.

Г Л А В А XVI.

Продолженіе службы казаковъ въ украинскихъ городахъ. Первый и второй Чигиринскіе походы. Походъ подъ Кіевъ. Морской набѣгъ Васьки Касимова. Усмиреніе башкирскаго бунта. Появленіе киргизъ на Яикѣ. Преданіе о Харько (1666—1682 г.)

Послѣ польской войны 1653—66 года Малороссіи не успокоилась. Тамъ все время продолжались распри между отдѣльными партіями. Казаки раздѣлялись: одни хотѣли быть подъ властью Польши, другіе — Москвы. Борьба между партіями шла безпрерывно.

Все время послѣ войны съ Польшей донскіе и яцкіе казаки Вѣлгородскаго полка служили въ малороссійскихъ городахъ, то участвуя въ бояхъ съ нежелавшими подчиниться Москвѣ малороссійскими казаками, то въ непрерывныхъ походахъ. Изъ челобитныхъ казаковъ видно, что они были въ это время въ осадѣ въ Кременчугѣ и отбили приступы Луганскаго гетмана, полковника Богуна; за выручку Кременчуга вышелъ изъ Вѣлгорода Ромодановскій и послѣ дневного боя пробился въ городъ и выручилъ гарнизонъ. Въ это-же время съ весны 1669 года малороссійскій гетманъ Брюховецкій открыто всталъ противъ Москвы, и запорожцы, соединившись съ крымскимъ ханомъ Нурадивомъ, пришли подъ Каневъ и стали на Расавахъ. Запорожцевъ было около трехъ, а татаръ сто тысячъ.

Ромодановскому пришлось первому встрѣтиться съ этими противникомъ: вначалѣ въ 1668 г. только съ гетманомъ Брюховецкимъ, а потомъ, въ слѣдующемъ году, и съ его союзниками крымскими татарами.

О своей службѣ въ малороссіи Ромодановскій писалъ царю: „былъ я на службѣ съ полкомъ въ Вѣлгородѣ и въ походѣ въ черкасскихъ городахъ подъ Котельвою и въ иныхъ мѣстахъ и на бояхъ извѣстниковъ черкас и крымскихъ и нагайскихъ татаръ многихъ побили и въ языкахъ поймали, а послѣ того я-жъ съ ратными людьми посылаю въ малороссійскіе города: подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ и подъ иные, и въ тѣхъ малороссійскихъ городехъ надъ извѣстники черкасы промысли и поныне чинили и города Нѣжинъ и Черниговъ очистили и въ нихъ воеводъ и твоихъ вел. гос. ратныхъ людей отъ осады свободили, и запасы всякими ихъ наполнили, и тою службою и промысломъ и радѣньемъ малороссійскихъ сѣверныхъ жюгихъ городовъ жителей подъ твою, вел. госуд. самодержавную, высокую руку въ подданство по прежнему и къ вѣрѣ привелъ; и идучи изъ малороссійскихъ городовъ къ Путивлю съ

крымскими царевичи и съ крымскими-жь и съ вагайскими татари со многими людьми бились-же жестокии бои и къ Путявлю со всіми обозы отошли въ цѣль" ¹⁾).

При отступленіи въ Путявлѣ происходили упорные бои. Русскіе отходили медленно, безпрерывно отражая наседавшихъ татаръ. Пішія и конныя схватки сѣнялись одна за другой. Московскіе казаки не разъ рубились съ татарами и черкасами.

„И какъ пошли мы изъ подъ Чернигова—винутъ явчкіе и донскіе казаки въ своей челобитной—и какъ былъ бой съ татари и съ калгою Салтаномъ и со многими мурзами и съ изиѣнники воры черкасы и на томъ большомъ бою и на отводѣ взяли у насъ въ половъ крымскіе люди атамана Андрей Васильева Кутѣнова" ²⁾).

При выборѣ новаго атамана казаки „есауляшко Кондратій Вѣлой" съ товарищи хотѣли имѣть атаманомъ Аброема Телешева, а другая партія—Андрея Волкова. На этой почвѣ возникла цѣлая переписка. Утвержденнаго Ромодановскимъ на должность атамана казака Волкова недовольная партія старалась избыть всевозможными способами и, между прочимъ, во главѣ съ есауломъ Вѣлымъ и знаменщикомъ Чегликовымъ подава челобитную:

„И оль, Андрей, будучи у насъ, пьетъ—писали они—и бражничаетъ и зерью играетъ и многихъ нашу братію побиваетъ, да оль-же, Андрей, въ Каневѣ за озорничество, и за пьянство, и за зерья, и за ослушанье, что не пошелъ на службу въ Медвиль—бить кнутомъ. И мы х. т. всімъ полкомъ выбрали межъ себя изъ рядовыхъ въ атаманы Аброема Константинова сына Телешева" ³⁾. Въ концѣ челобитной они просили смѣнять Волкова и назначить избраннаго ими Телешева. По этой челобитной приказано было быть атаманомъ Телешеву „буде оль ииъ всімъ любъ", о чемъ и было сообщено Ромодановскому въ Вѣлгородъ. Но узнавъ объ этомъ, атаманъ Волковъ, избранный большинствомъ казаковъ и утвержденный уже въ этой должности, подалъ въ свою очередь челобитную, гдѣ, говоря о своей службѣ, пишетъ „и мена ты государь пожаловалъ въ атаманы за мои многія службишки и за многія тяжелыя раны и за приводище языка и за кровь. А ииъ билъ челоиъ тебѣ довской казакъ Аброеми Телешевъ ложно... вели миѣ быть въ атаманахъ по своему великаго государя пражнему увазу" ⁴⁾).

Черезъ мѣсяцъ о подачѣ этой челобитной узналъ Телешевъ и въ свою очередь подалъ челобитную за Волкова. Изъ Москвы приказали дѣло разобрать. Казаки стояли частію въ Лебединѣ и частію въ Сѣвскѣ. Въ первомъ городѣ опросилъ казаковъ Скуратовъ, а въ Сѣвскѣ Ромодановскій.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Московскій столъ, столбецъ 445, столбчикъ 3, листъ 124.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Вѣлг. столъ, столб. 848, листы 39—42.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же. Челобитная подана 1669 г. іюня 22.

„И яицкіе и донскіе казаки—писалъ Ромодановскій въ Москву—сказалъ:—заручной челобитной Абросиму Телешеву, чтобъ ему быть въ атаманѣхъ, они не давали, и про службу его и кто объ немъ билъ челомъ и челобитную писалъ и руки прикладывали—того не вѣдаютъ. Да января въ 13 день писалъ ко мнѣ товарищъ мой стольникъ и воевода Петръ Скуратовъ—сказали донскіе казаки 57 человекъ:—на Андреи Волкова, чтобъ ему у нихъ въ атаманѣхъ не быть, тебѣ велик. госуд. они не бивали челомъ и къ челобитной рукъ не прикладывали и въ свое мѣсто прикладывать рукъ ни кому не величали и озорничества за нимъ никакого не вѣдаютъ“¹⁾. Въ виду этихъ показаній Ромодановскій велѣлъ быть по прежнему атаманомъ Волкову, Телешеву-же отказалъ „потому,—писалъ Ромодановскій,—что онъ мужикъ худой и на бояхъ противъ непріятелей службою своею нигдѣ не объявился и во всѣхъ походахъ бываетъ онъ съ топоромъ въ обозѣ для телѣжныхъ почивки; да и полковникъ рейтарскаго строю Петръ Стрѣвичевскій, которому товарищъ мой донскихъ и яицкихъ казаковъ велѣлъ вѣдать, сказывалъ мнѣ въ Сѣвску:—какъ посланы изъ Лебедина ратные люди подъ Гадячъ и съ неприятельскими людьми учинился бой и въ то время на бою подъ знаменемъ его Абросима не было-жъ, да и предъ сего на бояхъ нигдѣ явно не бивался“....²⁾

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ атаманомъ у казаковъ остался Волковъ. Прошло пять лѣтъ послѣ того, какъ было дано казакамъ знамя, но въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ истрепалось оно и обветшало. Подали казаки вѣсть съ атаманомъ Волковымъ челобитную, чтобъ государь пожаловалъ ихъ новымъ знаменемъ, и въ этомъ-же 1669 году въ сентябрѣ было приказано Ромодановскому сдѣлать донскимъ и яицкимъ казакамъ знамя „тафтяное, таковожъ, каково было у нихъ напредъ сего дано имъ на Москвѣ, а подписать то знамя въ нашихъ великаго государя украинскихъ городѣхъ гдѣ доведется“³⁾.

Вплоть до 1671 года казаки находились въ походахъ и бояхъ. Этотъ годъ застаеъ отрядъ Ромодановскаго въ Новомъ Осколѣ. Здѣсь ему приказано было въ августѣ по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій въ Малороссіи отпустить служилыхъ людей по домамъ до вѣстей и до разѣйна, „если-же будутъ вѣсти о неприятельскихъ воинскихъ людяхъ или будетъ крымская посольская разѣйна—бояринъ о приходѣ ихъ въ полкъ писать учнетъ“⁴⁾. Въ этомъ году должно было состояться мирное соглашеніе съ Крымомъ и предполагался разѣивъ плѣнныхъ, взятыхъ еще съ польской войны. Въ Крыму все еще находилось много русскихъ знатныхъ плѣнниковъ и среди нихъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметьевъ. Но разѣивъ плѣнныхъ не состоялось

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Вѣд. ст., столб. 843, листы 39—42.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Вѣд. ст., столб. 705, листы 65—66, Челобитная донскихъ и яицкихъ казаковъ о пожалованіи имъ новаго знамени и грамота на изготовленіе его.

⁴⁾ Мос. Гл. Арх. Мин. Юст., Моск. ст., столб. 445, столбикъ 3, листъ 122.

и число ихъ значительно увеличилось съ начавшейся турецкой войной.

Въ 1672 г. турецкое войско въ числѣ болѣе чѣмъ 300 тысячъ перешло Дунай и вошло въ Польшу. Подъ предводительствомъ султана войска осадили Каменецъ и въ августѣ мѣсяцѣ городъ сдался. Хотя послѣ этого поляки и заключали миръ съ Турціей, но въ рукахъ турокъ осталась Подолия и Украина. Такимъ образомъ Москва невольно втянулась въ войну съ турками и съ ихъ союзниками татарами.

Уже въ маѣ 1673 года отрядъ Ромодановскаго, соединившись съ войсками гетмана Самойловича за Лохвицами у Лебединныхъ озеръ, 1 іюня выступилъ въ походъ; но узнавъ, что посланный отъ нихъ харьковскій полковникъ былъ окруженъ татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ, Ромодановскій отступилъ назадъ къ Вѣлгороду. Лишь только въ 1674 году Москва приняла рѣшительныя дѣйствія противъ турокъ и передаваемаго имъ гетмана западной части Малороссіи Дорошенку. На этотъ разъ Самойловичъ и Ромодановскій сошлись въ Гадячѣ 12 января и выступили къ Дѣбру, имѣя до 80 тысячъ войска. Въ этомъ отрядѣ были, какъ и раньше, доескіе и яцкіе казаки „Вѣлгородскаго полка“ князя Ромодановскаго. 27 января войскамъ сдался Крыловъ, 31 января товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ съ русскими и малороссійскими казаками подошелъ подъ Чигиринъ, выжегъ всѣ посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и преслѣдовалъ ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичъ заняли Черкасы, послѣ этого ввиду наступившей распутицы войска перешли обратно на лѣвый берегъ Дѣбура и встали у Переяславлѣ, гдѣ простояли почти всю весну. Только въ іюлѣ Ромодановскій снова перешелъ Дѣбуръ и осадилъ Чигиринъ. Одѣлавъ вокругъ города шанцы, русскіе открыли безпрерывную пушечную пальбу. Много домовъ было разрушено, много казаковъ и горсжанъ убито и перерезано. Въ это время пришла вѣсть, что крымскій ханъ перебрался черезъ Дѣбистръ и построилъ мостъ для прохода турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ самого султана и что турки двинутся къ Умани, а оттуда прямо въ Кіевъ. 6 августа передовой турецкій отрядъ появился подъ Ладжинонъ. Отбивши пять приступовъ, ладжиженцы сдались и были всѣ взяты въ плѣнъ. Для развѣдки о дѣлахъ въ Ладжинонѣ изъ отряда Ромодановскаго былъ посланъ часть донскихъ, яцкихъ и орѣшковскихъ казаковъ; казаки издали наблюдали за дѣйствіями турокъ, вели развѣды и стояли на заставѣ. Но казакамъ не повезло: — турки напали на нихъ и всѣхъ взяли въ плѣнъ. Въ числѣ другихъ попалъ въ плѣнъ яцкій казакъ Иванъ Шепликовъ, который впоследствии въ 1684 году ушелъ изъ плѣна и былъ снова зачисленъ въ полкъ. Защищаясь отъ турокъ, онъ былъ раненъ „по лѣвой ногѣ въ лодыжку, да по барцу, да выше колѣна изъ лука стрѣлявъ, да подлѣ луны проколотъ копьемъ“, и въ такомъ видѣ отвезенъ въ Турцію. „Въ полону животь свой мучилъ одиннадцать лѣтъ, — писалъ онъ по выходѣ изъ плѣна въ своей челобитной, — и въ пожарное время я изъ Царьграда ушелъ собокъ, и шелъ до Митяяскаго земли ночью девять недѣль,

а Мытѣвскою и Волоскою и Лядскою землями шель цѣлую зиму¹⁾.

Взявъ Лодживъ, турки двинулись на Умань. Умань сдалась. Съ другой стороны татары и ханъ шли освобождать Чигиринъ и 9 августа появились подъ городомъ. Ромодановскій отступилъ къ Черкасамъ, куда прибылъ 12 августа. Но татары и Дорошенко шли слѣдомъ и на другой день завязался бой. По донесеніямъ воеводы государевы люди многихъ татаръ и казаковъ побили и пришли въ обозъ въ цѣлости, но отъ плѣнныхъ узнали, что ханъ и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днѣпра, а турецкія войска отъ Лоджива идутъ въ Черкасамъ. Тогда Ромодановскій и Самойловичъ сожгли Черкасы и переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и встали противъ Канева. Но движеніе турокъ остановилось; къ осени они ушли назадъ, съ ними ушли и татары. На этомъ окончились походы въ Малороссіи. Хотя отрядъ Ромодановскаго и ходилъ въ слѣдующемъ году въ походъ, но боевъ не было и дѣла въ Малороссіи приняли благоприятный для Москвы оборотъ и военныя дѣйствія прекратились.

Вступившему на престолъ въ январѣ 1676 года, послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, малолѣтнему царю Феодору Алексѣевичу, пришлось имѣть дѣло съ турками въ первый-же годъ своего царствованія.

Съ ранней весны 1676 года и все лѣто ходили слухи, что турецкій султанъ собирается подъ Кіевъ. Отрядъ Ромодановскаго, гдѣ были доевіе и янцзіе казаки Бѣлгородскаго полка, въ это время стоялъ въ Путивлѣ. Странныхъ всей Европѣ и тогда необходимыхъ турокъ Москва готовилась встрѣчать все лѣто. Къ Ромодановскому въ подкрѣпленіе былъ посланъ съ отрядомъ князь Василій Голицынъ и Ромодановскому съ Самойловичемъ наказывалось давать отпоръ неприятелю, а если-же турки и татары подъ Кіевъ и на восточную сторону Днѣпра не придутъ, то самимъ идти къ Днѣпру и за Днѣпръ и промышлять надъ Чигириномъ и надъ гетманомъ Дорошенкою. О туркахъ не было слуху и войска двинулись къ Днѣпру. Не доходя ста верстъ до рѣки, Ромодановскій отправилъ впередъ стольника Григорія Косагова съ 15 тысячами московскаго войска и съ четырьмя полками малороссійскихъ казаковъ. Увидѣвъ царское войско, всѣ мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, столицы западной Малороссіи, бывшей подъ начальствомъ Дорошенко и подъ покровительствомъ султана, стали передаваться Косагону; тогда Косагонъ пошелъ къ Чигиряну, гдѣ Дорошенко тоже отложился отъ турокъ и перешелъ на сторону царя. Этимъ походъ и кончился.

Узнавъ о томъ, что Дорошенко перешелъ на сторону Москвы, султанъ на его мѣсто провозгласилъ гетманомъ и княземъ Малороссіи своего плѣнника Юрія Хмѣльницкаго, и съ весны 1677 г. двинулъ войска къ Чигиряну.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Бѣлг. столб., столб. 1490, листы 14 - 16.

Турокъ было до 80 тысячъ и малороссійскихъ казаковъ до 4 тысячъ. Москва приготовилась встрѣтить врага достойнымъ образомъ. Были собраны почти всѣ имѣвшіеся войска, призваны подъ знамена донцы, терцы, гребенцы ¹⁾ и яицкіе казаки. Яицкіе казаки выступили съ Яика всего въ числѣ ста человекъ съ походнымъ атаманомъ *Прокофіемъ Семеновымъ* ²⁾.

Всѣ собранныя войска были ввѣрены князю Ромодановскому; 10 августа, соединившись съ гетманомъ Самойловичемъ, у котораго было двадцать тысячъ малороссійскихъ казаковъ, онъ пошелъ 17 августа за Дѣйбуръ. Впередѣ себя онъ послалъ на выручку Чигирина, осажденнаго турками, полкъ пѣхоты и 1000 человекъ драгунъ съ приказомъ сдѣлать днем и ночью. Посланнымъ удалось незамѣтно подойти къ Чигирину и ночью прокрасться черезъ непріятельскіе полки и яваться въ Чигиринъ во время и выручить осажденных, которые уже настолько были утомлены, что уналя духомъ, тѣмъ болѣе, что къ Чигирину пришелъ на соединеніе съ турками крымскій ханъ съ 30 тысячами татаръ. 25 августа къ Чигирину подошли и всѣ бывшіе у Ромодановскаго русскія войска. Занятый турками островъ по срединѣ Дѣйбра русскіе взяли и переправились въ городъ. 28 августа завязался бой; русскіе разбили турокъ и хана и гнали ихъ пять верстъ. Турки на другой-же день сняли осаду Чигирина и ушли, оставивъ всѣ запасы, пушки и четыре тысячи труновъ янычаръ. Простоявъ до 9 сентября подъ городомъ и узнавъ, что турки отступаютъ въ своей границѣ, Ромодановскій отправился назадъ за Дѣйбуръ, тѣмъ болѣе, что ни конскихъ кормовъ, ни запаса на зиму для войска заготовлено не было. Подробностей о службѣ яицкихъ казаковъ въ этомъ походѣ не сохранилось. Въ своей челобитной они говорятъ только, что въ обоихъ походахъ подъ Чигиринъ они были въ отрядѣ князя *Булата Муцаловича Черкаскаго* подъ командой полковника *Кузьмы Козлова* ³⁾.

Но война этимъ не кончилась. Съ равной весны 1678 года опять стали доходить слухи, что турки собираютъ огромныя силы, чтобъ во чтобы то ни стало взять Чигиринъ.

Съ весны стали готовиться для встрѣчи турокъ, укрѣпили Чигиринъ и сосредоточили войска къ Дѣйбурю. 9 іюля, подъ Чигириномъ появился передовой отрядъ турокъ съ визиремъ Мустафю, который и осадилъ городъ. По прибытіи Мустафы отрядъ Ромодановскаго и Самойловича сталъ переправляться черезъ Дѣйбуръ. Соловьевъ говоритъ, что „десятаго іюля, когда большая

¹⁾ Рязельманъ, стр. 78.

²⁾ Челобитная яицкихъ казаковъ атамана Ивана Иванова и 2600 рядовыхъ 1720 г. 12 октября. Въ этой челобитной казаки перепутали время похода и оба похода подъ Чигиринъ (1677 и 1678 г.) показали въ 1682 году, тогда какъ въ это время войимъ съ Турціей не было. (См. прилож. XIII). О Чигиринскихъ походахъ упоминается также въ грамотѣ войску 1721 г. 28 августа и въ дѣлѣ Урал. Войск. Архива III раз., № 467, листъ 52.

При нарядѣ на эту службу атаманъ получилъ подмоги (шамку) 30 р., два есаула по 25 руб. каждый, два знаменщика по 23 р. и рядовые казаки по 20 рублей.

³⁾ Челобитная яицкихъ казаковъ 1720 г. 12 октября (См. прилож. XIII); имена неправильно назвали Черкаскаго Булатомъ, его настоящее имя Каси у л а т ь.

часть войска находилась на лѣвомъ берегу, татары незамѣтно переправились на русскій берегъ, подкрались и ударили на русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Такая-же неудача постигла татаръ при нападеніи ихъ 11 числа на русскій передовой отрядъ, уже переправившіяся за рѣку. 12 іюля всё русскіе войска уже были на той сторонѣ и на другой день выдержали кровопролитный бой — на нихъ напали пять турецкихъ пашей и крымскій ханъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Съ этого дня битвы не прекращались. 29 іюля къ русскимъ на помощь пришелъ князь *Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій* съ калмыками и татарами съ Волги¹⁾.

Съ Черкасскими пришли съ Явка и яцкіе казаки въ числѣ *двухсотъ человекъ* съ походнымъ атаманомъ *Иваномъ Бѣлоусовымъ*²⁾.

Во все время кровопролитныхъ боевъ 3 и 4 августа, когда русскіе овладѣли Стрѣльниковою горою, отрядъ Черкаскаго и яцкіе казаки со своимъ атаманомъ Бѣлоусовымъ принимали самое дѣятельное участіе и не мало способствовали общему сравнительно успѣшному ходу дѣлъ подъ Чигириномъ. „Со взятіемъ Стрѣльниковой горы, пишегъ далѣе Соловьевъ, русскіе приблизились къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сношеніе. Между тѣмъ турки подвели три подкопа подъ нижній большой городъ и 11 августа были взорваны, загорѣлись находившіяся вблизи нихъ дома; осажденные, вида пожаръ, побѣжали въ обозъ къ русскимъ черезъ московскій мостъ, но турки зажали мостъ, онъ обрушился и много русскихъ погибло. Одновременно съ нижнимъ городомъ турки успѣли зажечь новый верхній; тогда осажденные засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ и бились съ нападавшими до самаго вечера, два раза выбивая турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что и было исполнено; а на разсвѣтъ поднялись и Ромодановскій съ гетманомъ къ Дѣбюру, покинувъ навсегда курящіяся развалины несчастной столицы Хмѣльницкаго. Непрїатель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха и 20 числа подъ Чигириномъ не было и турокъ“³⁾.

Такъ окончился второй походъ подъ Чигириномъ. Хотя турки и потеряли изъ ста тысячъ войска болѣе трети, но все же взять Чигирина не дали и русскіе отступили. Ромодановскій былъ отозванъ въ Москву и съ турками начались мирные переговоры.

Но пока шли переговоры о мирѣ, крымскіе татары продолжали дѣлать набѣги и разорять русскія украинны; не надѣясь на благополучный исходъ переговоровъ, московское правительство стягивало войска къ Кіеву. Въ числѣ этихъ войскъ въ 1679 году были и яцкіе казаки *сто человекъ* съ поход-

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 13, стр. 258—255.

²⁾ Челобит. каз. 1720 г. 12 окт. (приж. XIII). Въ этотъ походъ казаки получали плату: атаманъ 25 р., два есуды по 22 р., два знаменщика по 21 р. и рядовые по 18 рублей.

³⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 13, стр. 253—255.

нияз атаманомъ *Прокофіемъ Семеновымъ* ¹⁾.

Начальство надъ войсками, наряженными изъ низовныхъ городовъ по рѣкѣ Волгѣ, въ томъ числѣ и надъ яицкими казаками, было вручено князю Каспугату Мудаловичу *Черкасскому* (въ вѣдѣніи котораго находились калмыки и казаки: — довскіе, яицкіе и гребенскіе) и стольнику Кузьмѣ Петровичу *Козлову*, начальствовавшему надъ московскими ратными людьми. Отрядъ этотъ долженъ былъ выйти изъ Царицына „за Валуйки, къ Чугуеву, къ Кіеву и въ иные украинные города для отвращенія турецкихъ силъ отъ тамошнихъ мѣстъ, для промыслу противу крымскихъ татаръ и для удержанія Кіева въ російской сторонѣ“ ²⁾.

Всего было собрано въ Царицынѣ ратныхъ людей вмѣстѣ съ калмыками 3767 человекъ, исключая казаковъ, и 5 іюля этотъ отрядъ направился къ Валуйкамъ, куда прибылъ 24 іюля.

Въ Валуйкахъ воеводы получили распоряженіе идти со всеми ратными людьми и съ калмыками „не заходя (въ захода) великаго государя городовъ и селеній низового войска запорожскаго съ кошевыми атаманами съ *Иваномъ Стркомъ* и съ черкаси надъ турецкими и крымскими людьми у запорожь промыслъ и полескъ чинить... и чтобъ турецкимъ и крымскимъ людямъ никакихъ крѣпостей у запорожь дѣлать не дать“ ³⁾.

Въ тоже время, 25 іюля, Черкасскій получилъ изъ Царево-Борисова отъ воеводы *Аврама Кожухова*, что шайка татаръ перешла черезъ р. Донецъ со многими людьми и знаменами и пошла въ Русь между городовъ: Изюла и Совинскаго; въ послѣднемъ городѣ они взяли 4 человекъ въ плѣнъ и направилась къ Чугуеву и къ Печенѣгамъ. 27 іюля Черкасскій получилъ уже отъ чугуевского воеводы *Ивана Армаутова*, что татары 24 іюля пришли подъ Чугуевъ и разорили уѣздъ и взяли много людей и лошадей; чугуевскіе ратные люди имѣли съ ними бой и захватили одного татарина въ плѣнъ, который заявилъ, что ихъ всего десять тысячъ и 30 жураъ. Половина татаръ, отдѣлившись, пошла подъ Печенѣгу и Карадыль ⁴⁾.

Между тѣмъ яицкіе казаки вышли съ Яика и застали отряда въ Царицынѣ и пошли прямо на Донъ и тамъ, соединившись съ шестью стами донцевъ, подъ командой донского войскового атамана *Кормила Яковлева* выступили 20 іюля на украинные города и пришли къ Царево-Борисову 28 іюля ⁵⁾.

По дорогѣ довскіе и яицкіе казаки развѣдали, что „многіе воинскіе люди съ поайцы били ударомъ подъ государевы города, вершедъ Донецъ, подъ Харьковъ, подъ Чугуевъ и подъ Печенѣги“ ⁶⁾. Казаки немедленно дали знать

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Дѣл. калмыцкія, картонъ № 17, грамота Яицк. войску 1680 г. Въ этомъ дѣлѣ страницы не нумерованы.

²⁾ Тамъ-же. Сношеніе Россіи съ калмыками, картонъ № 17, 1679 г.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Сношеніе Рос. съ калмыками, 1679 г., картонъ № 17.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Донскія дѣла, картонъ 37, связка № 18, лист. 1—6.

⁶⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Донскія дѣла, картонъ 37, связка № 18, листы 7—8.

объ этомъ въ Валуйки къ Черкасскому и Козлову, а сами пошли подъ Чугуевъ „безъ всякаго иѣшканья“, что-бы успѣть захватить грабившихъ села татаръ; по дорогѣ къ нимъ присоединился 1 августа князь Черкасскій и воевода Козловъ, всего-же собралось до трехъ тысячъ человекъ, но отрядъ этотъ татаръ не засталъ: они ушли до прибытія войскъ и сарылись изъ подъ Чугуева.

Эти татары, въ числѣ около четырехъ тысячъ человекъ, еще раннею весною собрались къ Азову, гдѣ, дождавшись времени, когда началось жнивье, подъ предводительствомъ азовскихъ Губекъ Аши, Дадыкъ-Ага и погайсаго мурзы Уруса, двинулись на русскія украинны, подошли подъ Чугуевъ и, ограбивши нѣсколько деревень, взяли въ плѣнъ болѣе ста человекъ мужчинъ и женщинъ и много скота. Узнавъ отъ плѣнныхъ русскихъ, что на нихъ посланы князь Черкасскій съ калмыками и казаками, татары поспѣшили уйти, что имъ и удалось. Но такъ какъ калмыки и казаки заняли всю ту дорогу и села, по которымъ пришли татары въ передній путь, то имъ пришлось идти обратно къ Азову напрямикъ черезъ лѣсъ.

Повели ихъ вожи, взятыя въ плѣнъ крестьяне, и сказали татарамъ, что введутъ ихъ на ту дорогу, по которой они пришли на русскую украину, назвавъ Чугуевъ. Но когда татары пришли въ лѣсъ, то тамъ „заблудились и дороги, куда выйдти, хотя-бы назадъ, не токмо что на ту дорогу, куда шли подъ Чугуевъ, не смыкали и вошли въ такія топи и болота, что невозможно было не только съ лошадыю, но и пѣшему человеку выйдти“¹⁾. Цѣлый день блуждали татары въ лѣсу, не имѣя возможности выбраться изъ него куда бы то ни было. Жители степей и простора, суетѣрные и неопытные въ лѣсу, они оробѣли и на нихъ напалъ такой страхъ, что они побросали весь русскій полонъ и всю добычу, и около двухъ тысячъ своихъ лошадей, кромѣ захваченныхъ въ набѣгѣ, двѣ тысячи котловъ—цѣнное имущество для кочевниковъ—и весь кошъ и побѣжали изъ лѣса куда глаза глядятъ и только къ позднему вечеру вышли на степь. Всю ночь татары стояли у лѣса, сзывая товарищей, которые затерялись въ лѣсу. На утро не досчитались они болѣе ста человекъ. Два дня простояли они у лѣса, надѣясь, что затерявшіеся товарищи выйдутъ къ нимъ, но ихъ не дождалось—не вышелъ ни одинъ. На третій день, не дождавшись никого, они быстро пошли въ степь къ Азову. На восьмой день пріѣхали они къ рѣчкѣ Берекѣ. Лошади отъ быстрой ѣзды у нихъ устали, ѣхать далѣе почти не представлялось возможнымъ. Рѣшили стать на отдыхъ. Азовскій Губекъ-Ага съ 97 человекъ татаръ всталъ на этой сторонѣ рѣчки, а Далыкъ-Ага съ тысячею татаръ перешелъ рѣку и всталъ кошмъ верстахъ въ двухъ отъ Губекъ-Аги; Урусъ же мирза съ остальными не останавливаясь пошелъ напрямикъ къ Азову²⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мян. Ин. Дѣл. Донскія дѣла, картонъ № 87, связка № 13, листы 12 и 13. Показаніе плѣннаго татарина Таймаштейна.

²⁾ Тамъ-же, листы 12 и 13.

Но слѣдомъ за татарами лѣтъ казаки и калмыки Черкасского; они шли на сѣхъ день и ночь о дву-конь и 6 августа настигли татаръ, бывшихъ съ Дадкъ-Агош и мирно отдыхавшихъ на рѣчкѣ Берекѣ. Былъ вечеръ, когда казаки и калмыки, подойдя незамѣтно къ татарскому кошу, разомъ бросились на татаръ; татары почти не сопротивлялись и были все перебиты — человекъ пятьдесятъ было взято въ плѣнъ. Наступившая ночь прервала побойще. Казаки вернулись на кошъ, плѣнныхъ развели по разнымъ таборахъ и куренямъ и остались ночевать, т. е. преслѣдовать ушедшаго Дадкъ-Агу они не имѣли возможности за полную присталою лошадей, бывшихъ въ работѣ шесть дней и ночей почти безъ отдыха. Въ своемъ донесеніи донцы говорятъ, что въ этомъ боѣ они „живьемъ взяли въ языкахъ атаманы и казаки съ яцкиими казаки 9 человекъ и трехъ человекъ отдали войскомъ яцкиимъ казакамъ для того, что они были въ томъ промышлѣ за одно и въ войскѣ били челомъ, чтобъ имъ было съ чѣмъ прѣхать къ великому государю къ Москвѣ, а иныхъ многихъ языковъ порубили, также многіе и сами померли для того, что равены тяжелыми раны и вести было ихъ съ того погрому до стану невозможно; а у князя Каспулата Муцаловича языковъ взято человекъ сорокъ, а сколько подливно, того не вѣдаемъ“¹⁾.

На утро отрядъ пошелъ обратно къ Чугуеву, откуда донцы отправили ставицу въ Москву съ шестью плѣнными татарами. Повезли-ли яцкіе казаки своихъ трехъ плѣнныхъ татаръ въ Москву — изъ имѣющихся документовъ не видно.

Въ Чугуевѣ князь Черкасскій сказалъ войсковому атаману Яковлеву, чтобъ онъ соединился съ нимъ и шелъ на Валуйку, гдѣ велѣно казакамъ быть въ его полку. Яковлевъ ждалъ въ это время отъ Харьковскаго полковника запасовъ, по полученіи которыхъ и общалъ прійти съ казаками къ князю въ Валуйки. Изъ дальнѣйшихъ актовъ видно, что донцы и яцкіе казаки стояли подъ Чугуевою вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Черкасскимъ и воеводою Козловымъ, т. е. въ государственной грамотѣ идти имъ къ Кіеву не указано, „потому что турецкому султану и крымскому хану подъ Кіевъ приходу не будетъ“²⁾. По возвращеніи съ набѣга Черкасскій съ отрядомъ долженъ былъ идти, какъ ему приказывалось въ наказѣ, къ Запорожье и соединившись тамъ съ атаманомъ Сѣрко промышлять надъ крымцами. Но Черкасскій, за малолюдствомъ отряда, идти туда не рѣшился.

„А къ Запорогамъ, государь, — писалъ Черкасскій царю: — съ твоими государственными ратными людьми за малолюдствомъ идти никакими мѣрами не мочно потому, что многіе твои великаго государя ратные люди и калмыки идучи отъ Царицына къ Валуйкамъ обезконили и многіе лошади стали и отъ жаровъ пересаднились и люди обеззапасили, а на Валуйкахъ запасы самыя

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ив. Дѣл. Донскія дѣла, картонъ № 87, связка № 18, листъ 9.

²⁾ Тамъ-же, листы 4 и 5.

малые, не токмо ратнымъ людямъ въ дорогу запасать покупать и подѣ Валуйками будучи прокормиться было печѣмъ; а калмыцкіе ратные люди сказали намъ, что они къ Запорогамъ за безконствомъ своимъ и безъ запасовъ итти степью не хотятъ для того, что де имъ калмыкамъ сказано на твою великаго государя службу подѣ Кіевъ, а не къ Запорогамъ для де того они и запасовъ себѣ не имали, что было итти имъ подѣ Кіевъ жилими мѣстами, а не степью, а въ степи де имъ запасовъ купить будетъ негдѣ; а калмыцкой же Ватырѣ—Тайша, да Сомень-Сереневъ сынъ Мувкате-Миръ, да Дажинъ—Тайша своровали:—на твою великаго государя службу съ нами по вѣстямъ подѣ Чугуевъ и подѣ иные города не пошли и съ Валукъ со всѣми своими улусными людьми побѣжали назадъ въ улусы свои¹⁾.

Если бы велѣно было идти сразу изъ Царицына на Крымъ, говорятъ дальше въ своей челобитной Черкасскій, то калмыки бы пошли. Всего же въ отрядѣ Черкаскаго оставалось калмыкъ тысяча человекъ съ тайшами Баяромъ, Сомень-Сереномъ и Мерчесовъ, которые заявили, что идти подѣ Крымъ позде и если они пойдутъ въ этотъ дальній походъ, то имъ нельзя будетъ въ этомъ году вернуться въ свои улусы. Поэтому Черкасскій и Козловъ идти на Крымъ не рѣшились и ушли изъ Чугуева на Валуйки, куда пришли 12 августа и встали съ отрядомъ въ степи между Оскола и Валукъ, ожидая приказа изъ Москвы.

Отвѣтъ былъ полученъ 1-го сентября. Черкасскому приказывалось отпустить воеводу Козлова, дьяка Покрышкина, жильцовъ и подъячихъ въ Москву, самому же съ калмыками идти на Терекъ, а ратныхъ людей низовыхъ городовъ и лицехъ казаковъ „распустить по домамъ, кого куда пристойно и кому откуда ближе и податнѣ“²⁾.

Отрядъ былъ распущенъ „съ рыбнаго сентября въ 6 день“. Уфимцы, самаряне, саратовцы и лиціе казаки пошли „по чертѣ“, т. е. по южной границѣ въ Симбирску; астраханцевъ же, терчанъ, гребенскихъ казаковъ, краснопярцевъ и калмыкъ Черкасскій повелъ съ собою прямо степью къ Царицину³⁾.

Но съ первыхъ же чиселъ января слѣдующаго 1680 года снова было приказано воеводѣ Кузьмѣ Козлову собрать ратныхъ людей низовыхъ городовъ.

Указъ объ этомъ былъ данъ 25 января. Въ этомъ указѣ говорилось, что ему быти на государевой службѣ „съ ратными людьми Низовыхъ городовъ и съ лицами и гребенскими атаманамъ и казаки и с. калмыцкими ратными людьми и собраться съ тѣми ратными людьми и калмыками итти ему Кузьмѣ на веснѣ въ валороссійскіе города къ Кіеву, а прійдти къ Кіеву иванъ въ 29 число“⁴⁾. Кромѣ этого Козлову наказывалось взять съ собою и донскихъ казаковъ, а сколькоимъ человекамъ быти и о томъ Вели. Государь свой Государевъ указъ учинитъ“.

Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Калмыцкія дѣла, 1679 г., картонъ № 17

Тамъ-же.

Тамъ-же.

Моск. Арх. Мин. Ии. Дѣлъ. Донскія дѣла, свѣдка 12, № 1

Одновременно съ этимъ были посланы грамоты на Яикъ, Донъ и Терекъ къ гребенскимъ казакамъ.

Грамота къ Яицкому войску была слѣдующаго содержанія ¹⁾:

„Отъ царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя росія самодержца на Яикъ яицкихъ казакамъ атаману Григорію Федорову съ товарищи; въ прошломъ, во 187-мъ (1679) году по нашему великаго государя указу послали мы на яшу великаго государя службу въ полкъ къ князю Касулату Черкасскому съ товарищи свою братью казакѡвъ атамана Прокофья Семснова съ товарищи сто человекъ и тѣ казаки были на нашей, великаго государя, службѣ и вамъ, великому государю, служили въ томъ полку до отъезду и мы, великій государь, васъ атаманѡвъ и казакѡвъ за тое вашу службу жалуемъ, милостиво похваляемъ, и нынѣ указали мы, великій государь, быти на нашей, великаго государя, службѣ въ малоросійскихъ городѣхъ стольнику нашему и воеводѣ Кузьмѣ Петрову сну Козлову, а съ нимъ вашими, великаго государя, ратными конными людьми визовныхъ городовъ и въ томъ числѣ вамъ, яицкимъ казакамъ, пяти стами человекамъ добрыми и оружейными, лучшимъ людямъ, а для тое службѣ ваше, великаго государя, жалованье прислано будетъ къ вамъ на Яикъ съ Москвы вскорѣ, а итти вамъ на вашу, великаго государя, службу противъ прошлаго 187-го (1679) году тѣми-жъ мѣстами; и какъ къ вамъ ея наша, великаго государя, грамота придетъ и вы-бѣ атаманы и казаки, служа намъ, великому государю, нашему царскому величеству, на вашу великаго государя службу казакѡвъ выбрали по сему нашему великаго государя, указу добрыхъ и конныхъ, и оружейныхъ, а наше, великаго государя, жалованье къ вамъ прислано будетъ вскорѣ, и вамъ бы однократно о томъ учинить по сему нашему, великаго государя, указу да о томъ къ намъ, великому государю, писати вскорѣ, а отписку велѣти подать въ приказъ Казанскаго Дворца боярину нашему князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову“.

Вслѣдъ за грамотою 26 января изъ Москвы были посланы на Самару и на Яикъ иноземецъ Михайлъ Давыловичъ Вапинскій и подъячій Игнатій Лукинъ, для раздачи жалованья самарянамъ: — стрѣльцамъ и дѣтямъ боярскимъ и на Яикъ казакамъ, наряженнымъ въ походъ. Посланные везли съ собою 4198 р., въ томъ числѣ самарскихъ дѣтямъ боярскимъ 4⁰ р., иноземцамъ 50, коннымъ стрѣльцамъ 608 и яицкимъ казакамъ 3500 р. ²⁾. Пріѣхавъ въ Самару, Вапинскій и Лукинъ раздали жалованье ратнымъ людямъ и наказали имъ, чтобы они были готовы къ походу и кормили лошадей, а когда придутъ казаки съ Яика, то-бы шли съ ними на службу.

¹⁾ Тамъ-же, Казиміцкія дѣла, 1679 г., картонъ № 17; это первая найденная грамота къ Яицкому войску о нарядѣ казакѡвъ на службу; грамота безъ числа и мѣсяца.

²⁾ Приказывалось выдать въ Самарѣ полугодоме оклады: — дѣтямъ боярскимъ по 4 руб., иноземцамъ по 5 руб., коннымъ стрѣльцамъ по 6 руб., а другую половину оклада велѣно выдать изъ самарскихъ всеннихъ доходовъ. (Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Казиміцкія дѣла, картонъ № 17).

О томъ, что дѣлать на Яикѣ у казаковъ посланнымъ была дана особая память.

И раздавъ государеву жалованье на Самарѣ, говорилось въ памяти: — ѣхать съ самары на Яикъ, взявъ съ собою провожатыхъ безо всякаго мотчанія, а прѣхавъ на Яикъ къ атаманамъ и къ казанамъ подать великаго государя грамоту и взять у атамановъ казаковъ, которыхъ они выберутъ на службу великаго государя, именной списокъ за рукою (за подписью атамана) и по списку тѣхъ яицкихъ казаковъ пересмотрѣть, а пересмотря, великаго государя, жалованье дать по указу *по семи рублевъ человеку* съ росписковъ всѣмъ на лицо и самарскимъ стрѣльцамъ и Яицкимъ казанамъ сказать, что имъ та вышняя дача для службы самарскимъ стрѣльцамъ, а яицкимъ казанамъ по семи рублевъ не въ окладъ и не въ образецъ я говорить ему Михаилу (Вашинскому) и подъячему яицкимъ атаманомъ и казаномъ съ великимъ радѣньемъ чтобъ они атаманы и казаки на службу великаго государя съ стольникомъ и воеводою съ Кузьмою Козловымъ казаковъ выбрать указанное число послали сполна, а буде за какими мѣрами яицкіе атаманы и казаки на службу яицкихъ казаковъ указанного числа сполна не пошлютъ и Михаилу Вашинскому и подъячему денежнаго жалованья на Яикъ дать по указанной статьѣ тѣмъ, которыхъ наряжать и на службу съ Яика въ полкъ къ Кузьмѣ Козлову пойдутъ, а которые на службу не пойдутъ и тѣмъ денежнаго жалованья на Яикъ никому не давать; и о томъ радѣть чтобъ яицкихъ атамановъ и казаковъ наговоривать и на то ихъ прѣвезть, чтобъ они атаманы на службу яицкихъ казаковъ указанное число въ полкъ къ Кузьмѣ Козлову послали сполна" ¹⁾.

Но, видимо, посланные очень плохо уговаривали казаковъ, такъ какъ въ собранномъ кругу войсковоу атаманъ Григорій Федоровъ и все войско пяти сотъ человекъ не дали; охотниковъ идти на службу съ разрѣшенія войска нашлось только *двѣсти человекъ*, которые и пришли вмѣстѣ съ Вашинскимъ въ Самару 2 мая, откуда самарскій воевода Иванъ *Нормаций* отправилъ ихъ 15 мая въ Царицынъ въ полкъ къ воеводѣ Козлову ²⁾; кто былъ походнымъ атаманомъ въ этой станицѣ язъ дѣла не видно.

Не любила Москва суетиться, да къ тому же московскіе воеводы были народъ степенный, дѣлали все тихонько съ оставовкой и съ роздыхомъ, Кузьма Козловъ уѣхалъ еще зимою въ Астрахань собирать рать на Терекъ я въ Астрахань. Посланный имъ еще зимою на Терекъ къ гребенскимъ казанамъ *Иванъ Козловъ* да *Микита Олферовъ*, только къ 5 мая привели съ собою въ Астрахань 200 терскихъ стрѣльцовъ и 100 гребенскихъ казаковъ (вмѣсто 200 требуемыхъ отъ нихъ). Съ этой ратью, взявъ съ собою еще 500 астраханскихъ стрѣльцовъ, Кузьма Козловъ предполагалъ двинуться 9 мая къ Царицу, но походный атаманъ гребенскихъ казаковъ *Гаврила Леон-*

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ив. Дѣл, Калмыцкія дѣла, 1679 г., картонъ 17.

²⁾ Тамъ-же.

тѣмъ заявилъ воеводѣ, что они въ походъ идти не могутъ, т. к. у многихъ казаковъ было по одной лошади, а на Терекѣ по другой лошади купить было негдѣ и чтобъ имъ дали время купить лошадей въ Астрахани. Отрядъ сталъ дожидаться, когда гребенцы купятъ лошадей и лишь только 14 мая выступилъ въ Царицынъ, куда пришелъ 21 мая.

Здѣсь отрядъ остановился и сталъ дожидаться самарянъ, саратовцевъ и яицкихъ казаковъ, которые еще не прибыли.

Довося о прибытіи въ Царицынъ, воевода Козловъ 28 мая между прочимъ писалъ: „и мѣшкота, государь, твоей службѣ чинится за невысылкою Самарскихъ и Саратовскихъ ратныхъ людей и Яицкихъ казаковъ и чтобъ за ихъ мѣшкотою отъ тебя, великаго государя, мнѣ, холопу твоему, въ оналѣ не быть, а какъ самарскія и саратовскія ратныя люди и Яицкіе казаки ко мнѣ придуть и я на твою службу съ Царицына пойду тотъ часъ 1)“.

Между тѣмъ воевода получилъ изъ Москвы приказъ повѣстити выступленіемъ изъ Царицына. Ему наказывалось идти уже не въ Кіевъ, а въ малороссійскіе города въ Кіеву, „не мѣшкая ни гдѣ, а князя Каспулата Муцаловича Черкаскаго не дожидать... и быть на службѣ въ украинномъ разрядѣ въ полку боярина и воеводы Петра меньшого Васильевича Шереметева въ товарищяхъ сходнымъ воеводою и стоять съ ратными людьми для береженья украинныхъ городовъ отъ приходу воинскихъ людей на Валуйскъ или въ Чугуевъ, гдѣ пристойно по разсмотрѣнію боярина Шереметева, и идти въ тѣ мѣста не хода къ Кіеву“ 2).

По дорогѣ онъ долженъ былъ провѣдывать про воинскихъ людей и по прибытіи въ Валуйку донести Шереметеву.

Получивъ эту грамоту, Козловъ, не дождавшись саратовцевъ, самарцевъ и яицкихъ казаковъ, выступилъ изъ Царицына въ Усердь, куда прибылъ 8 іюня и вошелъ въ составъ отряда Шереметьяна, стоявшаго тамъ-же.

Когда подошли яицкіе казаки и ратныя люди изъ Самары и Саратова въ Усердь—не видно, но, донося о своемъ прибытіи воевода писалъ, что 19 іюня еще ихъ не было.

О службѣ отряда Козлова въ Усердь почти ничего неизвѣстно; въ дѣлѣ упоминается только объ одномъ походѣ изъ подъ Черноваго городка къ Усману за непріятельскими воинскими людьми 15 августа, но этотъ походъ былъ неудаченъ: непріятельскіе люди „до его приходу пошли на утекъ черезъ рѣку Витюкъ къ Хоху“ и отрядъ вернулся 20 августа обратно къ Черновому городку и къ Лисымъ горамъ „по прежнему“. 26 августа была получена Козловымъ грамота о роспускѣ его отряда по домамъ, причемъ наказывалось ратнымъ людямъ идти до Царицына и до Саратова вибѣстѣ „для опасенья, и будетъ гдѣ воинскихъ людей сойдуть и надъ ними промышель чинить въ которыхъ мѣстахъ пристойно я смотри по тамошнему дѣ-

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

ду и по людям". Отрядъ былъ разбитъ на двѣ части: самаряне, саратовцы и яцкіе казаки пошли на Саратовъ, а царыцныцы, астраханцы, терчаве и гребенскіе казаки — на Царицынъ ¹⁾.

Въ то время, когда въ Малороссіи происходили волненія и война съ Турціей, на Яикъ шла жизнь обычной чередой — тѣ же походы на промыселъ въ Каспійское море, тѣ же непрерывныя схватки съ калмыками; они то дружатъ съ ними, дѣлая „замиренье“, то ведутъ взаимныя набѣги. Еще въ 1661 году калмыцкіе-тайши жаловались русскому послу дьяку Горохову, что яцкіе казаки и русскіе люди съ Волги и башкиры имъ дѣлаютъ ежегодно много зла ²⁾.

Изъ переписи Захарова видно, что въ некоторые казаки были изъ завоеванныхъ башкиръ, которые по казачьему обычаю, какъ завоеванные, приняли православіе. „Дѣдъ и отецъ мой, — говорилъ Захарову одинъ изъ нихъ казакъ Михаилъ Григорьевъ, — калмыцкой породы, завоеваны яцкими казаками въ 1673 году“. Калмыцкій ханъ Аюба въ 1678 году въ январѣ мѣсяцѣ жаловался посланному къ нему князю Касуглату Муцаловичу Черкасскому, что онъ не пойдетъ на службу для промысла надъ крымскимъ ханомъ по тому, что „донскіе и яцкіе казаки имъ многое разоренье починили и людей побили и калмыцкій ясарь (плѣнныхъ) женъ ихъ и дѣтей поимала“ ³⁾. Но объ этихъ непрерывныхъ стычкахъ казаковъ съ калмыками у насъ не осталось никакихъ документовъ и самое воспоминаніе о нихъ совершенно изглаждалось изъ народной памяти, не дошло даже ни одного преданія.

Но зато до насъ дошли другіе документы, ярко рисующіе намъ картины воровской жизни прияцкихъ орловъ — ихъ набѣги на персидскіе берега. Каждый годъ послѣ Разина они вымывали изъ Яика на синее море, гуляли по его раздолью и по прогоренной дорожкѣ громили прибрежныя села и города. Объ одномъ изъ такихъ, но въ высшей степени неудачномъ походѣ, подъ предводительствомъ атамана *Васьки Касимова* дошедшіе до насъ акты говорить нѣсколько подробно.

Ранею весной 1677 г. около трехсотъ яцкихъ казаковъ спустились изъ Яицкаго городка внизъ по Яику, наняли на Гурьевскій городокъ, взяли его, переломали в кирубли учугъ, и „великаго государя казну нарядъ, и порохъ и свинець похили“ ⁴⁾ и двинулись съ нагруженною добычею на свой любимый и ближайшій къ устью Яика островъ Камынинъ. Изъ разграбленнаго городка, чтобы дать вѣсть о случившемся, „прибѣжали въ должѣ человѣкъ съ шесть *уходцевъ*“ и заявили объ этомъ астраханскому воеводѣ князю Щербатову. Воевода не рѣшился предпринять что либо, у него было въ распоряженіи такъ мало стрѣльцовъ, что о посылкѣ ихъ за промысломъ надъ ка-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Калмыцкія дѣла, 1679 г., картонъ № 17.

²⁾ Соловьевъ, томъ 12, глава 5.

³⁾ Дополн. къ Акт. Истор. томъ 7 № 47, стр. 248.

⁴⁾ Дополненіе къ Актамъ Историч. томъ 7, стр. 249—258, 268. Все относящееся къ набѣгу Касимова взято мною изъ этихъ актовъ.

закази нечего было и думать. По его дозесевію былъ высланъ изъ Москвы съ приказомъ стрѣльцовъ стольникъ и полковникъ Богданъ *Лыжовъ*, а изъ Казани голова казанскихъ стрѣльцовъ Иванъ *Кроткой* со своимъ приказомъ. Вѣсть съ посылкою войскъ, правительство, боясь новой разиновщины, называло Щербатову велѣть provádывать подлинно, въ какихъ мѣстахъ воровскіе казаки, сколько ихъ человекъ, какіе у нихъ замыслы, и можно ли надъ ними какой поискъ и промыселъ учинить и, provádавъ объ этомъ, послать на нихъ ратныхъ людей сколько пригоже, въ которые мѣста пристойно „и надъ тѣми ворами велѣно промыселъ и поискъ чинить, чтобъ тѣхъ воровскихъ казаковъ воровство искоренить и множить имъ не дать; а тѣ посылки посылать людьми, чтобъ надъ ворами промыселъ учинить и людей уберечь“. Персидскому-же шаху Щербатовъ долженъ былъ сообщить, что казаки пошли съ Янку для воровства самовольствомъ и на Янкѣ городѣхъ (Гурьевѣ) государя людямъ многій грабежъ учинили и что за ними посланы государевы ратные люди.

Но вотъ войска прибыли и Щербатовъ снаряжалъ экспедицію. Во главѣ ея былъ назначенъ голова казанскихъ стрѣльцовъ Некита *Мамонина*. Флотилія его состояла изъ пятнадцати струговъ при 610 стрѣльцахъ съ двумя мѣдными и 8 чугунными пушками, къ которымъ было дано по 40 ядеръ и сто гранатъ, и „дробь желѣзной“ (каргачи) пять пудовъ.

Мамонину была дава память: велѣно было provádывать всякими мѣрами накрѣпко, въ которыхъ мѣстахъ находятся воровскіе яцкіе казаки, какіе у нихъ замыслы, были-ли они въ шаховой области и если были, то подъ какими городами или слободами и что учинили, сдѣлали-ли надъ ними поискъ шаховы люди, или же казаки, учиня себѣ добычу, отошли въ цѣлости и куда съ моря ушли: — въ яцкое ли устье или думаютъ зазимовать на морѣ на островахъ?

Этотъ отрядъ вышелъ изъ Астрахани 1 іюня и поплылъ вдоль побережья къ Гурьеву.

Щека снаряжалась рать, казаки, расположившись на Камышиномъ островѣ, не торопились. Они дѣлали себѣ морскіе струги и готовились къ дальнему путешествію. Они прекрасно знали, что ни изъ Астрахани и ни изъ Гурьева никто ихъ не побеспокоитъ. Простоявъ почти съ мѣсяць и сдѣлавъ себѣ шесть морскихъ струговъ, они наконецъ расправили паруса и полетѣли на промыселъ.

Но едва они вышли въ море, и не успѣвъ еще островъ Камышинъ скрыться за морскою грядью, какъ предъ кланками поднялось пятнадцать струговъ со стрѣльцами Мамонина и загородили имъ путь. Силы были неравныя, но Васька Касиновъ сталъ пробиваться къ морю. Стрѣльцы открыли огонь изъ пушекъ, казаки огня чали тѣмъ-же — палили изъ пушекъ, захваченныхъ въ Гурьевѣ. Завязался неравный бой. Но прияцкіе орлы въ руки не дались — долго они бились и, пробившись въ открытое море, скрылись изъ глазъ. Мамонинъ не догналъ ихъ и не добылъ ни одного яцка. Казаки хотя и спасли на этотъ

разъ свои животы, но не даромъ далась имъ свобода: — много было убитыхъ, болѣе сорока раненыхъ и всѣ суда были пробиты пушечными ядрами: — ѣхать въ такомъ видѣ въ открытое море не представлялось возможнымъ и они остановились на Песчаномъ островѣ. Здѣсь наскоро починивъ струги, они быстро унеслись къ туркменскимъ берегамъ. Но и тутъ казакамъ не повезло. Остановившись у Карагаевской пристани, они назвались купцами и предложили туркменцамъ завязать съ ними торговлю. Наученные горькимъ опытомъ туркмены не повѣрили. — А кто съ вами посланъ изъ дѣтей боарскихъ? — спросили они казаковъ: — кто у васъ корытчикъ? Кто есть среди васъ изъ старыхъ торговыхъ людей, которые раньше у васъ бывали?

Казаки, не ожидавшіе подобнаго вопроса, замялись и отвѣчали на удачу, но туркмены изъ неудачныхъ отвѣтовъ сразу сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Они позвали казаковъ на берегъ, предлагая торговлю, приготовивъ между тѣмъ захватить казаковъ въ раслохъ.

Казаки были на шести стругахъ, въ двухъ изъ нихъ помѣщались всѣ раненые, болѣе сорока человекъ, в часть здоровыхъ, а въ четырехъ стругахъ находилось около двухсотъ остальныхъ казаковъ. Оставивъ два струга съ ранеными товарищами въ морѣ, въ якоряхъ, они подошли ближе и вышли на берегъ въ числѣ около ста пятидесяти человекъ; начался торгъ. Но въ разгаръ торга туркмены бросились на казаковъ и завязалась свалка. Какъ ни неожиданно было сдѣлано нападеніе, но казаки не растерялись — они отбѣлись, пометались въ струги и быстро отошли въ море, потерявъ убитыми десять человекъ и двухъ взятыхъ въ плѣнъ. Послѣ этой неудачи казаки появились на Кулаляевскій островъ. Положеніе ихъ было печальное, хлѣбныхъ запасовъ у нихъ было мало: по одному мѣшку въ стругу, а прѣсной воды совсѣмъ не было; струги худы, всѣ пробиты изъ пушекъ, они едва едва держались на водѣ. Оставалось одно: или вернуться на Ливъ, или ѣхать въ море и снова попытаться счастья. Но какъ вернуться? Тамъ ждали ихъ стрѣльцы, да и возвращаться казаку безъ добычи стыдно, — прощай тогда казацкая слава! Кое какъ снова починивъ струги, казаки рѣшили искать счастья въ морѣ, а безъ добычи не возвращаться. Васька Касимовъ предложилъ ѣхать къ шаловой области. Кулаляевскій островъ опустѣлъ, — казаки скрылись въ морскомъ просторѣ, направивъ паруса къ персидскимъ берегамъ. Въ пяти верстахъ отъ города Казлагачи они остановились на знакомомъ имъ островѣ Сары, на которомъ раньше стоялъ Разивъ. Этотъ островъ они сдѣлали временной стоянкой, откуда и стали ходить на промыселъ. Жители Казлагачи тотчасъ-же узнали о прибытіи названныхъ гостей и немедленно-же оповѣстили Шемаку и другіе города побережья, для защиты которыхъ шахъ послалъ войска. Первый-же набѣгъ, который сдѣлали казаки на побережье, было нападеніе на городокъ Казлагачи. Но и тутъ имъ не повезло. Казаковъ „пощипала и прогнала“. Подъѣхали они къ нему на пяти стругахъ, но ихъ встрѣтили войска и завязалась сватка; казаки бросились въ струги и ушли на островъ,

оставивъ трехъ человекъ убитыхъ и одного раненаго товарища.

Между тѣмъ свѣдѣнія о казачьихъ подвигахъ стали доходить въ Астрахань, гдѣ въ это время былъ уже другой воевода Петръ Михайловичъ Балтыковъ съ товарищи: двумя своими сыновьями Федоромъ и Алексѣемъ.

Восьмого сентября прибылъ въ Астрахань боярский сынъ Григорій Травковский, возвратившійся съ торговыми людьми изъ Карагауской пристави, и рассказалъ воеводѣ слышанное имъ отъ туркменъ о неудачной высадкѣ казаковъ у этого городка.

Воевода немедленно-же снаряжалъ въ поиски за казаками четыреста стрѣльцовъ, подъ командой стрѣлцкаго головы Ивана Кроткаго. Но московскіе сборы не отличались быстротою: пока сваряжали струги, пока дѣлали запасы, прошло двѣ недѣли и лишь только 25 сентября отрядъ вышелъ изъ Астрахани. Кроткову было явлено въ обязанность непремѣнно ѣхать въ яицкій городокъ (Гурьевъ) и спросить тамъ у стрѣлцкаго головы Андрея Зюзна, нѣтъ ли какихъ либо свѣдѣній объ яицкихъ казакахъ, не знаютъ-ли, гдѣ они стоятъ, на какихъ островахъ, и не прошли-ли вверхъ Яикомъ рѣкою и запольными рѣками въ прежніе свои казачьи городки? ¹⁾ Если не будетъ получено точныхъ вѣстей, то Кроткой долженъ былъ ѣхать въ море и искать казаковъ „по причиннымъ мѣстамъ и по островамъ, гдѣ у нихъ прежь сего пристави бывала“.

Кроткой прибылъ въ Гурьевъ 1 октября, но про воровскихъ казаковъ у Зюзна и у жителей ничего не узналъ. Въ Гурьевѣ было извѣстно только одно, что казаки назадъ на Яикъ не возвращались. Тогда, простоявъ два дни въ Гурьевѣ, Кроткой поѣхалъ въ море. Но такъ какъ Зюзна далъ ему совѣтъ быть осторожнымъ, то Кроткой передъ собою „въ ертаулѣ велѣлъ ѣхать сотнику московскихъ стрѣльцовъ Луцкину съ стрѣльцами, чтобъ маневреннымъ дѣломъ тѣ воровскіе кезаки на морѣ на ратныхъ людей не навала и ратнымъ людямъ какіе порухи не учинили“. Первымъ островъ, куда направился Кроткой, былъ островъ Камынячъ. Тутъ онъ увидѣлъ только остатки казачьяго воша и мѣсто, гдѣ они дѣлали струги; отсюда отрядъ направился къ Песчанымъ островамъ, гдѣ нашелъ „памятную рухлядь послѣ тѣхъ-же воровскихъ казаковъ“; отсюда Кроткой поплылъ къ Каменному острову, во и тутъ казаковъ не нашелъ. Имѣя порученіе въ случаѣ неотысканія казаковъ остановиться гдѣ нибудь въ морѣ, на островѣ, съ котораго можно было бы видѣть яицкое и волжское устье, Кроткой сдѣлалъ этотъ островъ временною стоянкою и послалъ въ Астрахань челобитья для указанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

„А буде ихъ воровскихъ казаковъ нигдѣ не соуду—писалъ онъ въ челобитьи—и мнѣ велѣно стоять съ людьми на острову, гдѣ пристойно, чтобъ ихъ воровскихъ казаковъ не пропустить въ волжское и яицкое устье... а можъ

¹⁾ Въ Яицкій городокъ и въ Кирсаговскую станицу.

яицкаго и волжскаго устья кроме казачьяго прорану встать негдѣ, для того что и у прежнихъ воровскихъ казаковъ въ томъ мѣстѣ пристань была... а тотъ Каменный островъ подлѣ яицкаго устья, а отъ волжскаго устья и отъ протоковъ волжскихъ удалевъ". Далѣе ояъ пишетъ, что войдетъ на казачій проранъ и просить прислать указную память, что ему дѣлать.

На это изъ Астрахани написали, чтобы ояъ всѣми мѣрами искалъ „воровскихъ яицкихъ казаковъ" и былъ въ морѣ до перваго ноября.

Кроткой опять поѣхалъ на розыски. Былъ ояъ и въ казачьемъ проранѣ, былъ и на морѣ „по притчинамъ мѣстамъ, по косамъ и по островамъ и по морскимъ лопатинамъ, гдѣ прежде сего у воровскихъ казаковъ пристань бывала и зивовали", но казаковъ не нашелъ и „съ моря поворотясь ходилъ на Синее морцо и по волжскимъ косамъ и по лопатинамъ до Четырехъ бугровъ и до Ярковъ", но и тамъ никого не встрѣтилъ. Въ концѣ сентября, извѣдивъ все сѣверное побережье, Кроткой повернулъ къ Астрахани. Здѣсь у устья ояъ встрѣтился съ кумычениномъ, человѣкомъ Шевкала Тарковскаго, пепеховынъ, который сказалъ ему, что князь гуляюгъ по персидскимъ берегамъ „за моремъ въ сторонѣ шахова величества". Привезенный Кротковымъ втораго ноября въ Астрахань ояъ первый разсказалъ военодамъ о боѣ казаковъ у городка Казлагачи и о томъ, что казаки живутъ на островѣ Сары.

Наступила уже зима. Поиски за казаками были оставлены до весны.

„И по тѣмъ, государь, вѣстямъ—писалъ Салтыковъ—велѣли мы холопи твои дѣлать двадцать струговъ на морской ходъ, а какъ на веснѣ ледъ вскроется, я холопъ твой, Петрушка, за тѣми воровскими казаками на море твоихъ рятныхъ людей пошлю и велю надъ ними чинить промыслъ".

Между тѣмъ казаки разъѣзжали по морю и грабили попадавшіяся имъ суда, постоянно перемѣняя мѣсто стоянки. Удачны-ли были эти промыслы, неизвѣстно, но уже по одному тому, что о существованіи казаковъ знали всѣ прибрежные жители, можно предположить, что промыслы были не изъ удачныхъ. Видимо, казакамъ „фортуна отказалась служить" и ихъ преслѣдовало одно злоключеніе за другимъ. Въ ноябрѣ вздумали они поблизи Баку достать прѣсной воды, послали за нею съ Жилого острова на двухъ стругахъ тридцать человекъ, пристали они къ берегу, „и на море учинилась волна и струги разбило", и выметались казаки на берегъ, „а ружье и зелье у нихъ потонуло". Обружили вольныхъ промышленниковъ переиные и взяли въ плѣнъ; „а они убоясь смерти обасуривились", приняли магометанство и стали жить въ Баку, а остальные казаки остались на Жиломъ островѣ. Объ этомъ злополучномъ походе казаковъ въ Астрахани узнали отъ персидскаго кунца; въ тоже время въ Астрахань было получено извѣстіе о казакахъ отъ Григорія Тарковскаго, который былъ посланъ съ грамотою къ персидскому шаху. О подвигахъ казаковъ ояъ узналъ въ Шемахѣ 1 ноября. „Пріѣзжали казаки подъ Баку—писалъ ояъ—въ четырехъ стругахъ и били боемъ на деревню, и тѣхъ воровъ выкинуло подъ Бакою 29 человекъ и приведены къ шемахинскому хану

и заць даеть имъ поденнаго корму по 10 денегъ, и днемъ ходять они напрости а въ ночи ихъ запирають, а которые ушли отъ Баки въ море, стоять на Святонъ острову и сдѣлали городокъ, и у воровъ три пушки“.

Новое-ли это похождение казаковъ или повтореніе перваго? Разница во второмъ сообщеніи въ количествѣ струговъ и обстоятельствахъ дѣла, во суть также—выброшены на берегъ 29—30 человекъ, которые обасурманились, и шахъ, не довѣряя имъ, держитъ ихъ ночью подъ замкомъ. Названіе острововъ тоже различное: въ одномъ случаѣ Жилой, а въ другомъ Святой островъ.

Вѣроятно, орлы орловичи попали въ другую бѣду и потеряли еще 29 человекъ, которые тоже обасурманились, какъ и первые ихъ товарищи.

Не везло казакамъ все лѣто. Попытались имъ только зазывавшіяся суда—огрabilia они бусу, шелшую изъ Астрахань съ маревою (краскою), но „корнеть“ къ ней была небольшая.

А тутъ наступила зима. Выбрали себѣ казаки вблизи Баку островъ Чирей, построили избы, „а въ избахъ лѣсъ бусной, которую бусу они разбили съ маревою“, сдѣлали валъ, оконались рвомъ и стали зимовать.

Не веселія думы были у Васьки Касикова съ товарищами. Почти половина молодцовъ или убиты или въ плѣну, добычи нѣтъ, и уйти съ моря некуда, вездѣ сторожатъ стрѣльцы.

Вернуться на Янкъ было немисливо. Они хорошо знали, что ихъ не пропустять и поймають.

И вотъ загрустили казаки. Рѣшили они съ раннею весною, какъ пройдетъ ледъ, пробраться на Терекъ, потомъ на р. Куму, а оттуда скрыться на Довъ. Съ Дона-же всегда была свободная дорога на Янкъ.

Но наступила весна и на казаковъ надвинулась новая бѣда. Только лишь прошелъ ледъ на Волгѣ и очистилось устье, изъ Астрахани 31 марта выступилъ для промысла надъ казаками нисменный голова *Иматій Сумарокова*. Его отрядъ состоялъ изъ 21 струга при 21 пушкѣ и 900 человекъ стрѣльцовъ. Онъ долженъ былъ обойти все острова: Свиной, Дрисловъ, Каменный и на островѣ, „что противъ Курн гдѣ бывала прѣжъ сего воровскаго казака Стецьки Разина покляжа“ и по островамъ, которые противъ города Баки. Для осторожности Сумарокову наказывалось имѣть, какъ и Кроткому, впереди отряда ертаульный стругъ и промышлять надъ ворами всеми способами.

Изъ актовъ видно, что 24 июля за сборомъ вѣстей объ отрядѣ Сумарокова былъ посланъ сотникъ Иванъ Кроткой, которому наказывалось спуститься Волгою до взморья до Четырехъ бугровъ и провѣдать „про государевыхъ ратныхъ людей про Сумарокова и все ли они съ моря къ Четыремъ буграмъ пришли и провѣдавъ ѣхать на свѣхъ къ стольнику Салтыкову“.

Но на этой послыскѣ обрываются все свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Васьки Касикова и его товарищей. Чѣмъ окончили они свои странствованія—ускользнули-ли

отъ стрѣльцовъ и ушли на Терекъ и Довъ, или были разбиты посланными отрядомъ и кончили свою жизнь среди пытокъ и казней—остается невыясненнымъ.

Послѣ этого неудачнаго набѣга яцкииъ казакамъ не повезло на морскихъ промыслахъ—всюду они терпѣли неудачу; вездѣ они попадали, говоря словами казака Афанасія Барсукова ¹⁾ „словно курь во щи“, теряли своихъ товарищей, а добычи получали „брусъ съ оселкомъ... Словомъ куда только казаки ни пойдутъ, вездѣ уронъ понесутъ, фортуна отказалась служить. Покинулъ она казаковъ на вѣки вѣчна!“—Еще двадцать лѣтъ продолжались налетъ приицкихъ орловъ на море и все съ такимъ-же результатомъ и въ 1698 году они прекратились совсѣмъ.

На морскіе грабежи правительство, наученное горькимъ опытомъ, стало обращать самое серьезное вниманіе и для удобства управленія и наблюденія за краемъ въ 1680 году яцкіе казаки были подчинены непосредственно вѣдѣнію Казанскаго приказа, въ городѣ Казани ²⁾, откуда они черезъ воеводъ и стали получать грамоты и распоряженія; во внутренніи дѣла войска Казань не вмешивалась. Въ тоже время главный надзоръ за войсками помозовыхъ приволжскихъ городовъ, отъ Самары до Терка, и за уфимскими городами былъ ввѣренъ приказу Казанскаго дворца съ тѣмъ, чтобы списки служилыхъ людей были сообщаемы въ Разрядъ, составлявшій тогда высшую инстанцію по управленію городами.

Съ этого-же года все вниманіе казачковъ было обращено на своихъ сосѣдей башкиръ, безрерывныя восстанія которыхъ и грабежи, производимыя ими въ русскихъ предѣлахъ, заставили казачковъ быть на сторожѣ, а также и принять участіе въ подавленіи восстаній. Въ то же время на границѣ казачьей земли появился другой врагъ, врагъ дикій, воинственный и неутомимый, съ которымъ яцкииъ казакамъ пришлось вести безрерывную и безпощадную войну почти цолтореста лѣтъ. Этотъ врагъ были киргизъ-кайсаки.

Тогда около Яцкаго казачьяго городка шныряли по всѣмъ направленіямъ, искавшіе добычи, шайки калмыкъ, башкиръ и киргизъ. Изъ за каждаго куста грозилъ врагъ, ждала смерть. И не до промысловъ было казачкамъ. Промыслы изъ изъ Каспійскаго моря обратились въ другую сторону — на борьбу со степными хищниками.

Старые сосѣди казачковъ—башкиры, до сихъ поръ мирные и покорные, замухъли, заволновались и перешли въ открытый бунтъ. Башкирія, занимавшая тогда обширный край въ верхоньяхъ Мика, земли нынѣшнихъ Оренбургской, Уфимской и часть Самарской губерній, вошла въ составъ русскаго государства въ 1558 году, по покоренія Казанскаго царства. Въ первые года подданства Россіи башкиры были народомъ самымъ смирнымъ, покорнымъ и безпрекословно исполнявшимъ всѣ требованія правительства. Для болѣе удобнаго

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзова „Уральци“ т. 3, стр. 62—66, Каз. Терскія.

²⁾ Полное собраніе законовъ, томъ II, № 844.

управленія башкирцами и собранія съ нихъ податей въ 1574 году былъ основанъ въ центрѣ ихъ края городъ Уфа и учрежденъ гарнизонъ. Башкиры прогнавъ этого не протестовали, но когда воевода Иванъ Ногай сталъ раздавать русскимъ поселенцамъ земли въ окрестностяхъ Уфы, башкирцы зароптали, вѣдая въ этомъ посатательство на ихъ собственности. Но правительство не обращало на это вниманія и раздача земель не только не прекратилась, но появившамся въ Башкирїи поселенцамъ, татарамъ, мещеракамъ и черемисамъ снова были розданы большія площади земли. Туда же бѣжали старообрядцы, крестьяне и прочіе недовольные существовавшими тогда порядками русскіе люди. Всѣ эти пришельцы селились, гдѣ хотѣли, но преимущественно занимали земли по тогдашней сибирской дорогѣ отъ города Уфы до Челябинска, особенно около послѣдняго. Въ то же время инородцы вообще и особенно башкиры и татары уже перестали пользоваться свободою вѣроисповѣданія, какъ было до реформы Никона; многихъ изъ нихъ, особенно татаръ, стали силою приводить въ православіе.

Этотъ захватъ земли, стѣсняяшій кочевой образъ жизни башкиръ, стѣсненіе свободнаго передвиженія вѣры, невозможные, тягостные и подчасъ унижительные поборы и лихоимство русскихъ чиновниковъ, заставило башкиръ взяться за оружіе. Съ весны 1662 года первые возстали жившіе по р. Исети башкиры, черемисы, татары и верхотурскіе вогуличи. Къ нимъ пристала часть калмыковъ и ногайцевъ. Вогуличи кричали: „Подвизался на Русь нашъ царь!“ Возставшіе стали грабить русскія села и выжгли Кунгуръ.

Этотъ бунтъ былъ скоро усмирень и въ концѣ 1663 года башкиры Ногайской и Казанской дорогъ ¹⁾ и волостей по р. Ику просили сказать уфимскому воеводѣ князю Волконскому, что они хотятъ быть по прежнему подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холопствѣ, но просили, чтобы ихъ эманатовъ, взятыхъ передъ бунтомъ, перевели изъ Казани въ Уфу. Обнадеженные Волконскимъ, башкиры прислали въ Москву выборныхъ, которые въ приказѣ Казанскаго двора, передъ бояриномъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ дали шерть на коравѣ. Послѣ шерти они явились царю и получили жалованную грамоту на свои земли въ двухъ экземплярахъ—одинъ на рускомъ, другой на татарскомъ языкахъ ²⁾.

Но уже черезъ годъ башкиры Сибирской дороги явились подъ Цевьянскимъ острогомъ и сожгли монастырь, и затихнувшій было бунтъ снова вспыхнулъ во всей силѣ и этому волненію не предвидѣлось конца. Война съ Турціей не могла не отразиться на башкирахъ. Уже въ началѣ 1679 года среди нихъ было сильное броженіе. Они говорили: „Чигария въ крымцы и турки взяли и госу-

¹⁾ Ногайская дорога шла отъ Уфы на югъ къ Ику, къ ногамъ, а Казанская отъ Уфы на Казань.

²⁾ Въсходствіи, ввиду потери башкирами этой грамоты, имъ была выдана копія ея изъ казеннаго намістническаго правленія. Въ своей челобитной по этому поводу башкиры говорятъ, что первая грамота имъ была дана царемъ Иваномъ Грознымъ. (Москов. Главн. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Казанскаго Губер. Правл. Словеснаго суда, дѣло № 8, листъ 36).

даревыхъ людей побили и ны буденъ воевать, потому что мы съ ними одна душа". Прикащикъ Араповъ, бывшій въ одной изъ татарскихъ деревень съ торгомъ, извѣщалъ, что всѣ татары и башкиры готовятся воевать Кунгуръ и всѣ сибирскія слободы, что они кормятъ лошадей, дѣлаютъ луки и стрѣлы и что ружья у нихъ много: у всякаго человѣка по двѣ и по три штуки винтовки. Замѣчалось броженіе и у калмыцкаго хана Аюки; дошли свѣдѣнія, что онъ хочетъ помириться съ уфимскими башкирами, чтобы вмѣстѣ съ ними ходить войною подъ казачьи городки, подъ Самару и другіе украинныя города ¹⁾. Въ іюлѣ бунтъ вспыхнулъ по всей Башкиріи. Душою возстанія былъ старшина Сеитъ, по имени котораго и былъ названъ этотъ бунтъ Сеитовскимъ. Сеитъ развѣждалъ по Башкиріи, говорилъ народу о его вольномъ прошломъ, о его бывшей независимости и о счастливомъ времени, когда башкиры не знали русскихъ воеводъ и были богаты и вольны. На его призывъ отделилась вся Башкирія, — башкиры поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и двинулись на русскія границы. Сеитъ призвалъ на помощь только что появившихся у Яика киргизъ-кайсаковъ и съ главными силами обрушился на казанскій уѣздъ, и запылала русскія села. Въ іюлѣ часть башкиръ, соединившись съ татарами, явилась въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ подъ Пензою. Они сожгли посадь, разорили деревни и ушли въ степь. Три года продолжался бунтъ; всѣ закамскіе деревни и пригороды, почти весь казанскій уѣздъ были разорены и сожжены. Русскихъ было убито и взято въ плѣнъ нѣсколько тысячъ. Подавить возстаніе казанскій воевода не могъ за неимѣніемъ какихъ либо внушительныхъ ратныхъ силъ. Эти силы были присланы лишь къ веснѣ 1680 года изъ Москвы съ полковымъ воеводою Федоромъ Васильевымъ Зеленымъ. (Онъ привелъ съ собою нѣсколько стрѣльцовыхъ полковъ, довскихъ и малороссійскихъ казаковъ ²⁾). Въ этотъ отрядъ вошли и 500 яицкихъ казаковъ. Бунтъ былъ задавленъ. Сотни казенныхъ башкиръ, тысячи сосланныхъ во внутреннія губерніи во власть русскихъ помѣщикамъ завершили усмиреніе.

Въ какихъ бояхъ, схваткахъ и гдѣ участвовали въ этомъ исходѣ яицкіе казаки—свѣдѣній не найдено и найдти ихъ не представляется возможнымъ, т. е. единственные источники по этому поводу—башкирскія дѣла Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ начинаются съ 1683 года, почему и у Соловьева въ его исторіи Россіи о бунтахъ башкиръ болѣе ранняго времени почти ничего не говорится. Въ своихъ отвѣтахъ на вопросные пункты коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1720 году ³⁾ [СМОТ. ПРИЛ. XI] объ этомъ походѣ они говорятъ такъ: „а когда башкирцы бунтовали и отлагались изъ подъ рука царскаго величества, чему уже минуло лѣтъ съ сорокъ (слѣдовательно въ 1680 году) и въ то время посланы для унятія ихъ они яицкіе казаки 500 человѣкъ и ихъ башкировъ они побили и за тою ихъ службу учинено имъ его

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 13, стр. 279.

²⁾ Рычковъ. Топогр. Оренб. Губ., стр. 62, и Витевскій „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 131.

³⁾ Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга № 80, листы 21—25.

великаго государя жалованіе повсюдно изъ того-же приказу (Казанскаго дворца) на шестисотное число, а именно: денегъ по 953 рубля, соимицу и пороху на каждаго казака по фунту. А приславнымъ отъ нихъ въ Москву о жалованьи и челобитчикамъ 14 человекамъ жалованья на прїѣздъ атаману по 7 рублей да по сукну, ясаулу по 6 рублей да по сукну, рядовымъ по 4 рубля да по сукну, да кормовыхъ: атаману по 2 алтына, ясаулу по 10 денегъ, рядовымъ по 8 денегъ человекъ на день; на отпускъ (т. е. на обратный путь) противъ прїѣздаго: атаману по 7 рублей да по сукну, ясаулу по 6 рублей да по сукну, рядовымъ по 4 рубли да по сукну; и въ дорогѣ кормъ противъ московской дачи, а насколько времени того не упомянуть. Изъ-же даваны подводны: атаману и ясаулу по 2, рядовымъ по одной и на нихъ прогонны⁴.

Запрошенный по этому поводу коллегіей иностранныхъ дѣлъ казанскій губернаторъ подтвердилъ этотъ отвѣтъ и сообщалъ, что съ образованіемъ казанской губерніи [смот. прилож. XI] казаки стали получать это жалованье изъ Казани, а именно: „окладного 600 человекамъ денегъ 200 рублей, да за сукна за 600 портищъ по 753 рубля 8 алтынъ и 2 деньги итого по 953 рубля 8 алтынъ 2 деньги на годъ да за прїѣздъ для челобитья о жалованьи ставичному атаману есаулу и рядовымъ казакамъ 12 человекамъ кормовыхъ и за сукна давано по 103 рубля по 3 алтына по 1 деньгѣ, *всего по 1057 рублей по 12 алтынъ по 3 деньги на осьтъ*“.

За это-же время видно, что у казаковъ были пушки: тяжелыя, которыя стояли по городскому валу, и легкія „полковныя“ „для вылазовъ противъ непріятельскихъ людей пѣхотою и конницею“. Пушки эти, какъ пишутъ казаки въ своей челобитвой¹⁾, даны войску „въ прошлыхъ годахъ, а въ которыхъ именно сказать не упомянуть по посланнымъ его великаго государя грамотамъ изъ приказа Казанскаго дворца, для обороны отъ приходу непріятельскаго, изъ низовыхъ городовъ: изъ Сямбирска три пушки, изъ Казани пять пушекъ большихъ чугуныхъ, а иныя пушки изъ которыхъ городовъ въ нихъ отпущены, того они сказать подлинно не упомянуть. Также и *войсковые клеймоты* имъ изъ приказа Казанскаго дворца и изъ Казани по указамъ даваны“. Въ другой челобитвой отъ 12 мая 1721 года²⁾ казаки говорятъ, что въ прошлыхъ годахъ были „*даваны*“ имъ изъ Москвы изъ приказа Казанскаго дворца знамена. Но установить точно, когда были даваны эти знамена и пушки, не представляется возможнымъ. Всего-же войску съ 1680 года стало выдаваться пороху ручного 12 пудовъ, пушечнаго 14 а свяцу 12 пудовъ и сто пушечныхъ ядеръ на годъ³⁾.

Изъ этихъ данныхъ видно, что лицамъ казакамъ съ 1680 года за ихъ службу въ Башкирїи сталъ выдаваться разъ навсегда опредѣленный окладъ жалованья, но не на все войско, а только на 600 человекъ. Это жалованье

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Шт. опись 107, дѣло № 30, челобитн. кав. 1720 г. июль.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, шл. № 30, листы 76, 77 и 78.

раздѣлялось на денежное, на покупку суконъ для платья, и ружейные и артиллерійскіе припасы натурою. Размѣръ этого оклада сохраняется до конца царствованія Петра Перваго.

Съ возстаніемъ башкарь, съ появленіемъ киргизъ жизнь янцкихъ казаковъ становится тяжелою, одинъ за другимъ слѣдуютъ посылки изъ войска станицъ на вышнюю службу, походы на киргизъ, безпрерывныя стычки съ кочевниками—борьба беспощадная, безпрерывная и жестокая. За набѣгъ киргизъ—казаки платили набѣгомъ, за отгонъ скота—отгономъ, за смерть—смертью. Новые сосѣди казаковъ—киргизы были враги неутомимые, дерзкіе,—враги воинственные и сильные своимъ числомъ. До прихода къ предѣламъ Янка, они кочевали далеко въ Азіи отъ несковъ Каракума по рѣкѣ Сары-су и далѣе на западъ къ Туркестану ¹⁾. Тамъ все время они вели жизнь кочевую—военный промисель было ихъ главное занятіе; еще въ 1536 году они грабили Туркестанъ, брали Ташкентъ, и вели безпрерывныя войны съ звангами, которыхъ не разъ разбивали и грабили ²⁾. Постепенно двигаясь на западъ, они стали приближаться къ Янку и встрѣтивъ на пути калмыкъ и вогайцевъ, разбили ихъ и потѣснили за Янкъ и въ началѣ 1700-хъ годовъ окончательно заняли всѣ степи на востокъ отъ Янка.

Путешественникъ Палласъ, бывшій на Янкѣ въ 1769 г., характеризуетъ бытъ и нравы киргизовъ такимъ образомъ ³⁾:

„Многочисленный киргизскій народъ живетъ въ неограниченной вольности въ сравненіи калмыковъ, которые такъ много малыхъ властителей надъ собою имѣютъ. Каждый киргизецъ живетъ такъ, какъ вольный господинъ, и потому киргазы не такъ страшны, какъ другіе непріатели. Однако каждое поколѣніе или аймакъ имѣетъ надъ собою главнаго, которому всѣ происшедшіе отъ одного колѣна оказываютъ добровольное послушаніе. Имѣющіе у себя въ вѣдомствѣ большее число подчиненныхъ называются ханами и султанами. Также есть еще и другіе чины онымъ подданные, а именно: дворянь, бо именуемые: почтенные люди стариннаго поколѣнія ходжа и еще другіе мурзы называемые. Отъ Россійской Имперіи опредѣленный и жалованье получающій ханъ пограничной малой киргизской ордъ не великую имѣетъ власть надъ своими вольными людьми, и столько ему повинуются, сколько онъ можетъ пріобрѣсти себѣ подчиненныхъ своимъ богатствомъ и подарками. Онъ также не имѣетъ права ихъ судить: но по всякій годъ бываетъ три собранія старшинъ и главныхъ изъ каждой фамиліи или поколѣнія, которые тогда рѣшаютъ случившіяся ссоры. Есть-ли они хотятъ куда идти сильными партіями, или дѣйствительно настонитъ война, то бываютъ у нихъ большія собранія для совѣта, и выбираютъ одного изъ старшинъ или начальниковъ себѣ предво-

¹⁾ Книга Большой Чертежъ, стр. 73.

²⁾ Прокол. Древ. Русск. Вѣдѣн., кн. VII, стр. 276.

³⁾ Палласъ. Пут. по разн. пр. Рус., изд. 1809 г., стр. 577—581.

дителямъ. Малые грабежи чинятъ они малыми партиями, не требуя совѣта отъ всеобщаго собранія, а если они съ Россійской границы отгоняютъ табуны лошадей или хватаютъ людей, то дѣлаютъ это чаще въ то время, когда они со своими стадами удалились изъ оной страны. Ибо пока они кочуютъ въ близости, то сами наблюдаютъ, чтобы никакой наглости учинено не было для того, дабы въ противномъ тому случаѣ невинные и невинующіе времени такъ скоро удалиться со своимъ скотомъ, не могли пострадать за виноватыхъ. Вообще избираютъ они такое время для чиненія набѣговъ, когда грабителей поймать не можно. Примѣчено, что сія сосѣды опасны, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на Россійской сторонѣ ровная голая степь, а на киргизской горы, въ коихъ они укрываются и удобнаго случая ожидать могутъ. Азіатскіе караваны въ Россійскіе торговые города приходящіе по опасной, киргизами обитаемой, степи, полагаются на защищеніе начальниковъ тѣхъ аймаковъ, чрезъ кочеванье коихъ лежитъ дорога. Караваны называютъ ихъ караванъ-пашами, и за надежное прикрываніе или ирвожаніе платятъ имъ по договору товары, такъ что, по объявленію бухарцевъ, у коихъ я спрашивалъ, даютъ по 10 и по 12 рублей съ каждаго навьюченнаго товаромъ верблюда.

Въ прочемъ киргизы люди боязливые, и толь мало склонны въ кровопролитію, что лучше стараются взять кого вибудь въ плѣнъ, нежели лишитъ жизни. Съ немольниками поступаютъ милостиво, если они служатъ имъ вѣрно. Съ чужестранными обходятся ласково; однако всегда употребляютъ хитрость и наблюдаютъ свою корысть, ибо когда они прѣзжаютъ въ Россійскія жилища, то хозяевамъ дарятъ неважныя вещи въ томъ нацѣреніи, чтобы послѣ выманить себѣ подарокъ поважнѣе. Они поздравляютъ по татарскому обыкновенію и правую руку другого жмутъ обѣими руками; но старшихъ знакомыхъ обыкновенно обнимаютъ на крестъ. Языкъ ихъ мало разнится отъ татарскаго; однако имѣютъ высокое произношеніе, и обыкновенно употребляютъ замысловатые рѣчи.

Богатство киргизовъ собственно состоитъ въ скотоводствѣ, а наипаче много у нихъ лошадей и овецъ. Верблюдовъ имѣютъ они гораздо меньше, а коровъ и того еще меньше, по той причинѣ, что ихъ зимою безъ обыкновеннаго корма не можно хорошо содержать въ степи. Во время переѣзда съ одного мѣста на другое возятъ они свои вещи на быкахъ и верблюдахъ. Я не видалъ у нихъ никакихъ другихъ верблюдовъ, крожъ двухгорбыхъ.

Набѣги на русскіе предѣлы киргизы дѣлали исключительно ради плѣнныхъ, которыхъ они продавали въ Хиву и Бухару за дорогую цѣну. Тамъ всегда находилось русскихъ плѣнныхъ нѣсколько тысячъ. Ужасную участь имѣли эти плѣнники. Они исполняли самыя тяжелыя и непосильныя работы; обращеніе съ ними было самое жестокое. Выйти оттуда почти не представлялось возможнымъ. Такихъ счастливицевъ было очень мало.

Плѣнникъ у киргизъ жилось нѣсколько лучше. Киргизы старались ихъ

заворожать: „Есть еще колдуны—пшеть Паласть,—а по большей части колдунья, Джааугарь называемая, которая околдовывает невольниковъ и другихъ плѣнниковъ такъ что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются, и опять попадаютъ въ руки своему господину, или хотя они и уйдутъ, однако опять скоро попадутъ киргизамъ въ неволю. На такой конецъ вырываютъ они у плѣнника волосъ изъ головы, спрашиваютъ его имя, и ставятъ посреди кибитки на расчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь. Потомъ колдунья читаетъ заговоры, и въ то время приказываетъ плѣннику трижды отступать назадъ на свои ступени плевать, и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Напоследокъ сплетъ плѣннику на языкъ вѣсколко зола на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончится. Язвѣе казаки вѣрятъ, что если плѣнникъ объявитъ настоящее свое имя, то сіе колдовство бываетъ дѣйствительно“.

О первыхъ схваткахъ казаковъ съ киргизами и о казачьемъ героѣ Харьковъ, богатырѣ того времени, сохранилось на Яикѣ преданіе, записанное І. И. Желѣзновымъ.

„Харко, сударь мой, былъ сподручникъ Разина, рассказывалъ Желѣзнову казакъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ ¹⁾, первый, можно сказать, герой по немъ. Послѣ того, какъ Разина совсѣмъ порѣшили, Харко съ двѣнадцатью человѣками, съ своими, значить, причетниками, и удалился съ Волги на Яикъ.

Въ тѣ поры наши казаки, извѣстно тебѣ, жили на Кошъ-Яикѣ, или-бо на Карсаевомахъ яру; значить далеко отъ моря, верстѣ безъ малаго семьсотъ будетъ. Хоша казаки наши изъ предковъ всѣмъ владали Яикомъ, однако далеко на низъ рѣдко спускались по той самой причинѣ, что красной рыбы было не въ проторь и около города. Ну, и выходитъ, что по теперешней нашей визовой линіи была пустыня. А гдѣ пустыня, тамъ, извѣство дѣло, в орда: безъ этого быть нельзя. Говорится: безъ дурака городъ не стоитъ. На подобіе сему, можно сказать: безъ орды пустыня не бываетъ. Пустыня значить пустое мѣсто, а орда, звано дѣло, пустой человѣкъ, никакого толка вѣтъ. Ну, одно къ другому и идетъ. Казаки наши хоша не въ частикъ бываніе хаживали въ походы супротивъ басурмановъ, гоняли басурмановъ отъ Яика, однако вѣтъ-вѣтъ да и прикочуетъ кака-либо орда къ Яику; знаешь, чтобы лугами казачьиими поживиться. Такъ было и въ ту пору прикочевала къ Яику и сѣла около Маринкина города одна орда, а казаки наши и не чуютъ. Этою ордой повелѣвала дѣвка, воинъ-дѣвка. У этой дѣвки и гвардія была изъ дѣвокъ. Въ старину такія оказіи были не въ диковину.

Харко съ своими приспѣшниками пробирался къ намъ, казакамъ, на Кошъ-Яикъ; но дѣвка-воинъ преградила ему дорогу. Хоша воинъ-дѣвка была и дѣвка, по просту баба, однако дѣло свое звала не хуже мужчины. Созвала

¹⁾ І. И. Желѣзновъ, „Уральци“, т. 3, стр. 35—47.

они совѣтъ и говорить своимъ гвардейкамъ и всей своей ордѣ:

„Намъ и безъ того отъ нихъ (то-есть отъ казаковъ нашихъ) житья нѣтъ, а какъ еще этотъ дьяволъ (сирѣчь Харко) съ своими причетниками соединятся съ нами, тогда совѣтъ пронадежь; тогда, говорить, не поживишься отъ нихъ клочкомъ травы иль беремъ дровъ, тогда, говорить, не дадутъ они намъ и воды пачиться изъ своего заповѣданнаго Яика. Надо, говорить, во что бы то ни стало, недопускать до нихъ Харку.

Сказала это и стала свое дѣло дѣлать.

Тѣмъ временемъ и Харко держитъ совѣтъ съ своими; говорить къ нимъ таковуя рѣчь:

— Погуляли мы съ батюшкой нашимъ, Степаномъ Тимофеевичемъ, по святой Руси и по всему вольному свѣту довольно-таки. Много погубили мы всякаго народа, и крещенаго, и не крещенаго, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу. Знамо, некрещенымъ тула и дорога, а за крещеныхъ доведется когда-нибудь отвѣтъ отдать на судѣ страшномъ. Теперь братцы, настало время удобное, можно заглядеть, сколько ни-на-есть, грѣхи наши тяжкіе, говорить, очищать расейскія границы отъ орды поганой. Давайте, братцы, докасайте эту орду, чтобы она и воздухомъ здѣшнимъ не дѣшала! Этими самымъ дѣломъ, говорить, мы сдѣлаемъ три хорошихъ дѣла: первое дѣло—отпущеніе грѣхамъ получимъ, второе дѣло—расейскія границы отъ орды очистимъ, третье дѣло—яицкихъ казаковъ хлопотъ избавимъ.

Сказавъ это и ставъ свое дѣло дѣлать.

Вонь-дѣвка кибитки свои и весь скарбъ отравила отъ Яика въ степь, къ Кара-Кулю, въ безопасное мѣсто, а сама съ гвардейками вышла супротивъ Харко. Гвардеекъ у нея было ста два человекъ, а у Харко, и съ его буйною головой, всего на все, тринадцать человекъ. Но Харко былъ травленный волкъ: онъ не пошелъ на нее открытымъ боемъ, а пустился на хитрости.

Дѣвка съ гвардейками наступала на Харко, а Харко отступалъ. Такими манеромъ хороводились они нѣсколько дней. Наконецъ Харко улучилъ темную ночь; обрядилъ двоихъ иль троихъ своихъ согласничковъ въ бирючьи (волчьи) шкуры и велѣлъ имъ подкрасться къ конскому табуу гвардеекъ и броситься въ него. Ображенные въ бирючьи шкуры подползли на четверенькахъ къ табуу да и завыли, словно бирюжи,—на все были дотошники,—а потомъ и бросились въ самую середину табуна. Лошади шарахнулись и какъ былъ табувъ, такъ весь и понесся въ степь, въ разныя стороны. Лошадямъ, знамо дѣло, лиха бѣда только чего испугаться, а тамъ ихъ самъ чертъ не удержитъ.

Въ загарѣ гвардеекъ сдѣлалась суматоха страшная, а Харко того только и ждалъ. Не медля ни секунды, онъ съ остальными своими молодцами и нагрянулъ на гвардеекъ, да и пошелъ ихъ душить. Къ утру онъ всѣхъ

ихъ пошаташилъ. Не отвертѣлась и предводительша: ее убилъ своей рукой Харко.

Покончивши дѣло съ гвардейками и ихъ предводительницей, Харко пошелъ за Янкъ искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Тамъ, сударь мой, много было золотой казны и цѣтнаго платья всякаго. Все это добро Харко забралъ и раздувалилъ по своимъ согласничкамъ. Тамъ-же, въ кочевкѣ-то, застали они сколько то дѣвочекъ, — дѣвки были все молодецкія, — иныхъ побили, а иныхъ, что были покрасавѣе, взяли по себѣ.

Пожили они тутъ сколько-то времени, отдохнули, и стали собираться въ путь-дорогу. Харко свою дѣвку бросилъ, живую пустилъ на всѣ четыре стороны; порѣшить ее совсѣмъ жалко стало: вѣдь такъ ли, сякъ ли, а все таки она жила у него замѣстъ жены. Совѣтывала тоже сдѣлать и своимъ причетникамъ, чтобъ и они дѣвочекъ своихъ бросили, а тѣ не послушались: жалко было разставаться съ дѣвками; больно ужъ по сердцу пришлись. Тогда Харко говорить своимъ согласничкамъ:

— Все мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вамъ не смѣю, а совѣта моего не слушаетесь. Ваше дѣло, коли съ васъ не симаю. Ступайте, куда хотите, а я вамъ послѣ этого не товарищъ!

Согласнички говорятъ:

— Теперь дѣвки вамъ не помѣза, а когда будетъ нужно — бросимъ.

Харко говорить:

— Когда будетъ нужно, тогда будетъ поздно.

Согласнички спрашиваютъ:

— Какъ такъ?

Харко говорить:

— Эти дѣвки не семейны: онѣ, думаю, на своемъ вѣку и сами немало понюхали человѣчьей крови. Мы же гнѣзло ихнее разорили: не забудутъ онѣ этого и рано ли, поздно-ли порѣшатъ, докачаютъ васъ, — не мнѣ емъ, такъ катаньемъ, проклятыя, деймутъ. Эй! послушайте меня: бросьте!

Сподручники смѣются и говорятъ:

— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видишь, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы двѣнадцать человѣкъ, побили дѣвочекъ болѣе двухъ сотъ. Ну статочное ли дѣло, чтобы двѣнадцать дѣвочекъ осмѣлялись супротивничать намъ, такимъ молодцамъ?

Харко говорить:

— Открытое поле особъ статья, постель особъ статья. Слыхали, чай, сказаніе библійское про Олоферна, а если не слыхали, такъ я скажу. Олофернъ былъ не вамъ чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая.

Подручники Харко только засмѣялись, да промежъ себя говорятъ: — „трусу празднуешь! трусу празднуешь!“

Харко осердился и поѣхалъ прочь.

Согласнички его поѣхали сами по себѣ. Выбрали они себѣ мѣстечко на Красново-Яру, гдѣ теперь Красноярскій форпостъ, и тутъ устроили станъ.

Харко одинъ остановился ниже этого мѣста, верстахъ въ пятнадцать, и тоже устроилъ себѣ станъ, но не на землѣ, а на деревѣ. Тамъ онъ санилъ себѣ гнѣздо, словно соловей-разбойникъ, и зажилъ въ мглу душу. Идти къ вашиимъ казакамъ на Кошъ-Янъ пораздумалъ; ждалъ, что будетъ отъ его согласничковъ, думалъ не образумятся ли, не разведутся ли съ дѣвками-то.

Пожили они на новыхъ мѣстахъ сколько-то времени, самую жалость одваво: Харко самъ по себѣ, а согласнички его сами по себѣ. Вотъ, сударь мой, въ одну ночь, на самой на зарѣ, притащился къ Харкѣ съ Красаго Яра одинъ изъ его согласничковъ, весь, бѣдлаяжка, изрѣненъ, еле-еле дышетъ, да тихо, жалобно, чуть слышно и говоритъ:

— Обылись слова твои, атамавушва: сгубили насъ зѣви скороніи.

Сказалъ это, да тутъ же и духъ свой испустилъ.

Харко тое-жъ секунду спрыгнувъ съ гнѣзда своего, вскочилъ на бугаго коня, что у дерева привязанъ былъ, и помчался къ Красному-Яру. На восходѣ солнышка онъ былъ уже тамъ и засталъ дѣвокъ: тѣ, бестіи, дуванъ дуванать, значить, дѣлать по себѣ добро убитыхъ молодцовъ. Лишь толь урѣли они его, да такъ и одурѣли на мѣстѣ. Какъ тигра, съ пѣвой у рта, Харко бросился на дѣвокъ съ саблей въ рукѣ; да вдругъ остановился.

„Этого для насъ мало, бестіи!“ — сказалъ Харко, да и давай живьемъ вязать дѣвокъ; всѣхъ перевязалъ, да и положилъ словно осетровъ на багренни, въ рядъ, одну подлѣ другой. Славно! Осмотрѣлъ и согласничковъ своихъ; а тѣ, бѣдлаяжки, всѣ измясичены до нельзя, узнать даже не можно, кто Каръ, кто Иванъ; такъ бестіи, постарались. Стѣзлялъ и за тѣмъ, что у его дерева умеръ. Потому вырылъ двѣнадцать могилъ, положилъ въ нихъ убитыхъ согласничковъ, а подлѣ каждого изъ нихъ положилъ по дѣвкѣ-душегубкѣ: эти, бестіи, были живия, кричали, визжали, просили Харку, чтобъ онъ добилъ ихъ; да не на того напали. „Что торопитесь? услыете еще озолѣтъ“, говоритъ Харко, и дѣло свое дѣлаетъ. Потому, сударь мой, оустилъ въ могилу къ каждому согласничку по ношѣ серебра, по ношѣ золота, по саблѣ, по ружью, по копью, по парѣ пистолей, и все это, не торопясь, чинъ чиномъ зарылъ. Напоследѣ всего на могилѣ каждого согласничка посадилъ по лѣсной яблонѣ. Покончивши это дѣло, Харко сказалъ:

— Не пропадай эта казна даромъ: дайся эта казна тому, кто на своихъ вѣбу убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ или-бо басурмановъ!

Сказалъ это, да и удалился въ свое теплое гнѣздышко“.

По преданіямъ, сохранившимся въ устахъ народа въ разныхъ мѣстахъ Уральскаго войска, пишетъ Желѣзновъ ¹⁾, жизнь и подвиги удалца Харко, во время пребывания его на Янѣ, рисуются въ слѣдующей картинѣ:

¹⁾ I. И. Желѣзновъ, „Уральци“, т. 3, стр. 40—47.

Устроилъ Харко себѣ гнѣздышко на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Яика, и съ гнѣзда своего наблюдалъ за ордынцами.

Замѣтивъ киргизовъ, подѣхавшихъ къ Яику и остановившихся на ночь, смѣлчавъ Харко передливаетъ рѣку Яикъ и подползаетъ къ киргизскому стану. Повуда киргизы сидятъ около огня, покуда бесѣдуютъ, уживаютъ, Харко начинаетъ считать ихъ по головамъ. Пересчиталъ. Всѣхъ киргизовъ оказывается, напримѣръ, тридцать человекъ. Харко такъ же тихо, какъ прыползъ, отползаетъ прочь отъ киргизскаго лагеря, прячется подальше въ кусты и ждетъ, когда киргизы улягутся, уснутъ. Обезмеченные пустынною и необитаемостью береговъ Яика, киргизы не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности, а это Харкѣ и на руку: меньше, следовательно, ему хлопотъ. Полночь. Киргизы уснули. Харко выходитъ изъ засады и отправляется... къ киргизамъ въ лагерь думаете? Нѣтъ! Харко остороженъ и терпѣливъ. Нападать одному, притомъ нѣшему, да вдобавокъ еще ночью, на огромную толпу—и безразсудно, и опасно. Харко не тревожить сонъ киргизовъ. Онъ идетъ въ луга, ловить киргизскихъ лошадей всѣхъ до одной, плавить ихъ на самарскую сторону и загоняетъ въ густой лѣсъ, далеко отъ Яика. Потомъ отправляется къ себѣ въ тепло гнѣздо и преспокойно ложится спать. „Утро вечера мудренѣе“, говорятъ Харко и засыпаютъ.

По утру киргизы встаютъ и поражаются страхомъ: лошадей нѣтъ! Идутъ въ луга и видятъ: слѣдъ пошелъ на самарскую сторону. Киргизы по себѣ знаютъ, что въ нѣшемъ состояніи арестловать вора, угнавшато лошадей, бесполезно. Съ проклятіемъ и бранью киргизы покидаютъ негостеприимный берегъ Яика, забираютъ съ собою кой-какія вещи получше, поцѣпнѣе, напримѣръ: сѣдла, оправленные въ серебро и камни, персядскіе конры и т. п., остальное все или предають огню, или бросаютъ въ воду и нѣшимъ боемъ отправляются туда, откуда такъ недавно прѣехали веселые, довольные, на рѣзвыхъ и статныхъ аргамакахъ. Обремененные ношами, киргизы шагъ за шагомъ, длинною вереницею, тянутся къ Кара-Кулю и не чувтъ, что позади ихъ собирается гроза. Харко жадно смотритъ съ гнѣзда своего на это печальное шествіе, яловито улыбается и пересчитываетъ киргизовъ: разъ, два... девять... двадцать... тридцать.

— Всѣ,—говоритъ Харко.—Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесятъ верстъ, не скоро доберетесь, успѣю еще догнать, вотъ только позавтракаю, да силани запасусь.

Съ этими словами онъ спускается съ дерева, закидываетъ въ Яикъ плавающую сѣть, черезъ мигнуту вытаскиваетъ на берегъ или туцносого осетра, или островосую севрюгу, разводитъ огонь, наводятъ котель, варить щербу (уху) и, когда щерба поспѣетъ, кушаетъ, не торопясь, съ пшеничными сухариками.

Харко покушалъ, съ часъ времени повалелся на травкѣ, повѣжился, понюхалъ табачку и потомъ уже пускается за Яикъ. Конь у Харко смаш-

левый, приученный, словно хорошая подружейная собака. Харко подводит коня къ берегу, говоритъ ему: айда! причемъ ударяетъ его слегка по соннѣ ладонью, и конь смѣло идетъ въ воду и плыветъ на ту сторону. Харко одною рукою ухватился за хвостъ коня, а другою держитъ надъ головой своею, чтобы не обмочить, пищаль и рогъ съ порохомъ. Черезъ минуту Харко на бухарской сторонѣ; садится на коня и скачетъ по слѣдамъ киргизовъ. На полпути къ Кара-Кулю, среди открытой степи, гдѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного овражка, Харко является передъ киргизами. Утоленные долгою ходьбой и озадаченные нечаяннымъ появленіемъ храброго, нѣсколь звѣрообразнаго врага (физіономія у Харко была не изъ сладевькихъ), киргизы только взызгнуть и одурѣютъ на мѣстѣ. Не давъ киргизамъ ни на мгновение оправиться, Харко съ ужаснымъ крикомъ бросается на нихъ и начинаетъ ихъ или колоть пикой, или стрѣлять изъ пищали, какъ вздумается, или какъ укажетъ случай и положеніе врага. Всѣхъ передушить, забереть цѣнные ихъ вещи и возвращается въ свое тепло-гнѣздышко.

Случается подобная исторія не разъ не два. Киргизы около тѣхъ мѣстъ, гдѣ свито у Харки гнѣздо, не показываются. Харкѣ скучно безъ занятія. Онъ отправляется или вверхъ, или внизъ по Янгу и устраиваетъ себѣ временное жилище, но непременно на деревѣ. Гдѣ нѣтъ высокихъ деревьевъ, онъ „нацаливаетъ“ (наставляетъ) дерево и вѣетъ на немъ гнѣздо. И вездѣ, гдѣ только появляются киргизы, Харко шутитъ съ ними шуточки не маленькія.

Случалось, что Харко одного изъ киргизовъ оставитъ въ живыхъ, чтобы тотъ шелъ въ орду и повѣстивъ, что—де въ Янгу ходитъ не приказано.

Надоѣтъ Харко киргизамъ. Тѣ не разъ пытались захватить какънибудь его врасплохъ въ гнѣздѣ, но никогда имъ это не удавалось. Харко въ высшей степени былъ остороженъ; а когда спалъ, то чуткій и ученый конь его всегда при приближеніи киргизовъ за нѣсколько верстъ подавалъ хозяину знакъ—и фырканье, и ржанье. И Харко заблаговременно снимался съ тепла гнѣзда и удалялся въ глухія мѣста.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобы овладѣть особой Харко или убить его; но Харко всегда, бывало, перехитритъ киргизовъ.

Разъ киргизы, пустивъ лошадей на паству, одну изъ нихъ, самую рѣзвую, сивую, заковали въ желѣзы, чтобы Харко не могъ угнать ее въ числѣ другихъ, а ключъ отъ замка завернули въ гриву коня, съ тою цѣлю, чтобы тотъ изъ киргизовъ, кто во время тревоги первый поймаетъ этого коня, имѣлъ ключъ подъ рукою. Но Харко, лежа въ травѣ близъ киргизскаго лагеря, слышитъ ихъ рѣчи и уговоры и смѣется. Когда киргизы уснули, первымъ дѣломъ Харко было завладѣть сивою лошадью: поймалъ ее лебедушку, досталъ изъ гривы ключъ, отомкнулъ желѣзы, и дѣло пошло, какъ по маслу. Утромъ киргизы увидѣли себя въ дуракахъ и, какъ тараканы изъ вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой ружмѣтся, „укокошилъ“ ихъ всѣхъ, не оставилъ и на племя.

Въ другой разъ, оставшись по милости Харко безъ лошадей и отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ Яика, киргизы побросали съ себя дорогіе шелковые халаты и навалили изъ нихъ цѣлую гряду. Однѣ изъ киргизовъ, что ни самый и сильный, смѣлый батырь, запрятался въ кучу халатовъ съ предательскимъ намѣреніемъ—схватить Харко враслохъ, когда тотъ слѣзетъ съ коня и станетъ брать халаты. Но Харко, выѣхавъ въ степь для расчета съ киргизами, первымъ долгомъ пересчиталъ киргизовъ, разбрелшихся по сторонамъ, и тотчасъ спехнулъ, что одного врага противу прежняго числа нѣтъ. „А хитрите, бестіи!“—сказалъ Харко. Съ этими словами онъ осторожно подѣхалъ къ кучѣ халатовъ, приложился по ней изъ пицали и выстрѣлилъ: халаты запылали, а батырь, смертельно пораженный жеребьею¹⁾, взвизнулъ и духъ испустилъ. Затѣмъ началась расправа и съ другими: ни одинъ не уцрѣлъ своего аула.

Конечно не всегда и не всѣ киргизы, завидя Харко, предавались отчаянію и страху. Случалось, что храбрые изъ нихъ дѣлали Харкѣ отпоръ; но что могли нѣшіе, не защищенные никакими мѣстными преградами и не нѣющіе ружей съ европейскими замками, что могли сдѣлать такіе люди Харкѣ, гарцовавшему передъ ними на отличномъ скаку и притомъ вооруженному исправною пицалью? Само собой, храбрые батыри, такъ же точно, какъ и не храбрые, одинъ за другимъ валились и падали отъ руки Харко.

Такихъ образомъ на всѣхъ пунктахъ теперешней нашей низовой линіи Харко искоренялъ, донималъ киргизовъ и наконецъ совсѣмъ довалялъ. Шайтанъ (дьяволъ)!—сказали киргизы про Харко, и не смѣли уже показываться близъ Яика.

Харкѣ, говоритъ преданіе, сдѣлалось скучно жить безъ дѣла, и онъ удалился. Что съ нимъ подѣялось—преданіе молчитъ. Но то урочище, гдѣ у него было свито на осокорѣ теплое гаѣздо, прозвалось въ народѣ Харкинымъ.

Впослѣдствіи, когда яцкіе казаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и, между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпость, форпость эту наименованъ и доднесь именуется „Харкинымъ“.

Таково, дошедшее до насъ, преданіе о казакѣ рыцарѣ Харько, ярко рисующее намъ взглядъ казаковъ на борьбу ихъ съ кочевниками, какъ на дѣло священное и славное! Это была борьба беспощадная, ожесточенная—борьба на смерть. Казаки знали, что ихъ борьба съ хищниками была борьба всего русскаго народа, борьба священная—многолѣтний споръ:—быть или не быть! Истребляя басурманъ—они спасали русскій народъ отъ истребленія, отъ захвата его диками варварами, спасали—отъ тяжелой неволи и незамѣтно и въ то же время существенно вѣками готовили торжество Руси и ея самостоятельное политическое существованіе. Борьба была жестокая. Но таковы

¹⁾ Продолговатый кусокъ свинца, заминающій пулю. Замѣч. І. И. Желѣновикъ.

были нравы этой эпохи и не слѣдуетъ удивляться той жестокости, какую враги проявляли другъ къ другу. Эта жестокость, эта злоба создавалась сотнями лѣтъ рабства и униженія русскаго народа, тяжелымъ, невыносимымъ татарскимъ игомъ, лежащимъ вѣками на его плечахъ, слѣды котораго, ввидѣ безпрерывныхъ набѣговъ, еще сохранились въ эпоху богатыря Харько. Истреблять басурманина—такова была масса казака того времени, масса, освященная церковью.

Г Л А В А XVII.

Переселеніе Кирсановской станицы въ Яицкій городокъ. Башкирскій бунтъ. Сыскъ бѣглыхъ стрѣльцовъ Тиги и Гоги. Отмѣна десятины съ рыбы. Пожаръ городна. Крымскій походъ. Первое преслѣдованіе старообрядцевъ на Яикѣ. Второй походъ въ Крымъ. Бой съ самарянами. (1682—1690 г.г.).

Въ 1682 году слабый и болѣзненный царь Федоръ Алексѣевичъ умеръ. Вместо него были провозглашены царями два оставшіеся брата—Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Но ввиду ихъ малолѣтства правительницею государства явилась старшая сестра ихъ Софія. Въ первый-же годъ ея правленія башкиры снова заволновались. Еще въ 1681 году воцарились слухи, что башкиры выѣхали въ изъ улусовъ, вооруженные луками и винтовками, остались только тѣ, которые сидѣть на коняхъ не могли. Въ слѣдующемъ году бунтъ вспыхнулъ во всей силѣ. Башкиры, какъ и раньше, хлынули на русскія села и стали избивать жителей. Въ то же время до сорока тысячъ калмыкъ и ногайцевъ подъ предводительствомъ Люка Тайши вторглись въ Уфимскій уѣздъ и замаскіе города и вмѣстѣ съ башкирами произвели полное опустошеніе края. Царскія войска, бывшія въ уфимскихъ предѣлахъ, отъ скудости и не получая жалованья, разбѣжались ¹⁾. Не довольствуясь грабежомъ уфимскихъ городовъ, часть башкиръ пошла внизъ по Яику и впаала на Кирсановскій казачій городокъ. Городка ихъ взять не удалось, яицкіе казаки отбились, но по своему малолѣтству они потерпѣли большой уронъ. При переписи Захарова въ 1723 году казакъ Матвѣй Томачковъ говорилъ: „отъроду маѣ 43 года, дѣдъ мой и отецъ родиною были города *Кирсановскаго*, что былъ тотъ городъ вверхъ по Яику, казаки-жъ ныне и дѣдъ мой и отецъ въ томъ городкѣ *убиты отъ башкирцевъ*, а я изъ этого городка привезенъ въ малыхъ лѣтахъ въ прошлѣ 1682 году“. Изъ описки-же войска митрополиту казанскому Адриану въ 1688 году видно, что къ этому времени Кирсановская станица была уже въ Яицкомъ городкѣ и поселилась „подлѣ казачьихъ куреней особенно въ одномъ мѣстѣ“ ²⁾, т. е. приблизительно сѣвернѣе нижняго Михайло-Архангельскаго собора. Вмѣстѣ съ Кирсановскою станицей прибылъ въ Яицкій городокъ и бывшій въ станицѣ священникъ Петръ.

Можетъ быть съ Кирсановскою станицею была привезена вмѣстѣ съ полкомъ

¹⁾ Допол. къ Акт. Истор. т. X, № 71 (Шокровскій, Русскія эварх., стр. 139).

²⁾ Допол. къ Актамъ Истор. т. XII, стр. 122, 216-218 и 269.

Петровъ и церковь, т. е. церковь во имя Алексѣя митрополита, находившаяся впоследствии въ Яицкомъ городкѣ, среди Кирсановской станицы, называлась Кирсановскою церковью.

Это переселеніе Кирсановской станицы было необходимо не только ввиду опасности отъ бунтовавшихъ башкиръ, но и отъ безпрерывно повторявшихся набѣговъ киргизъ и калмыкъ. Малая горсть кирсановскихъ казаковъ не могла давать серьезнаго отпора этимъ хищникамъ и вынуждена была соединяться съ войскомъ. Между тѣмъ бунтъ башкиръ разгорался все болѣе и болѣе. Наконецъ въ 1683 году онъ достигъ высшей точки своего напряженія и для его усмиренія были высланы войска. Въ числѣ ихъ были командированы съ Яика 500 казаковъ. Объ этой службѣ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, кромѣ указава казаконъ въ своей челобитной 1720 года 12 октября [См. прил. XII].

„А въ 191 г. (1683) іюля въ 8 день, — писали казаки въ челобитной, — по вашему-же царскаго величества указу, ходили мы раби твои въ Уфимскіе уѣзды на измѣнниковъ воровъ башкирцевъ съ атаманомъ 500 чел., хотя вамъ великимъ государямъ свою вѣрную службу объявить и помощію Божию и вашимъ государевымъ счастіемъ вышесказанныхъ воровъ башкирцевъ побили много число и пришедши подъ Мезеланскъ городъ и объявили свою службу и въ Казани боярину и воеводѣ *Петру меньшему Васильевичу Шереметьеву* и о той нашей службѣ писалъ къ вашему царскому величеству отъ боярина Петръ Васильевичъ Шереметьевъ“.

Вотъ единственный документъ, который говоритъ намъ о службѣ яицкихъ казаковъ въ 1683 году. Кто былъ походнымъ атаманомъ и когда вернулись казаки на Яикъ — неизвестно.

Избраніе правительницей царевны Софіи вызвало рядъ придворныхъ интригъ, завершившихся стрѣльческими бунтами въ Москвѣ. Бунты были подавлены — и это тяжелое время стрѣльческихъ бунтовъ отразилось на Яикѣ небывалымъ притокомъ бѣглецовъ изъ Руси. Этому также не мало способствовали и начавшіяся вслѣдъ за этимъ преслѣдованія старообрядцевъ. За одинъ только 1683 годъ на Яикъ бѣжало 320 человекъ, преимущественно стрѣльцовъ [Смол. прилож. IV]. Въ числѣ бѣжавшихъ два московскихъ стрѣльца *Тига* и *Гога* вызвали цѣлую переписку и сыскъ на Яикѣ, ярко характеризующіе вольные нравы казачества того времени и отношеніе къ нему правительства.

27 января 1683 года предъ самарскимъ воеводой Кирилломъ *Пуцкимъ*¹⁾ явился прѣбывавшій изъ Яицкаго городка самарскій житель *Насилій Бакшевъ*¹⁾ и въ числѣ новостей съ Яика заявлялъ ему о обѣ этихъ стрѣльцахъ. „Когда я былъ на Яикѣ, — говорилъ онъ въ приказной избѣ воеводѣ, — при мнѣ пришли къ яицкимъ казакамъ два человекъ и сказывались казакамъ въ кругу, что

¹⁾ Все относящееся къ дѣлу о побѣгѣ москов. стрѣльцовъ Тига и Гога взято изъ Дополненій къ Акт. Ист., томъ XI, статья № 47, ст. 186-189.

они бѣглецы люди, московскіе стрѣльцы и просили, чтобы ихъ признали въ казаки. Называютъ тѣхъ стрѣльцовъ Ивашками, ростомъ оба высоки, волосы черны, бороды бриты, одянь кривъ аравымъ глазомъ; да ихъ-же Ивашекъ называютъ казаки Тига да Гога“.

Воевода немедленно довелъ объ этомъ въ Москву, откуда получилъ грамоту послать на Яикъ „кого пригоже и къ яицкимъ казакамъ писать и словесно велѣть говорить, чтобы они бѣглыхъ стрѣльцовъ прислали въ Самару“. Воевода написалъ грамоту атаману и казакамъ 1 іюня и отправилъ ее на Яикъ съ пятью конными стрѣльцами: Петрушкой Прохановымъ съ товарищи. Стрѣльцамъ наказывалось, чтобы они, казаки „тѣхъ московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ они называютъ Тигомъ и Гогомъ, послали на Самару съ ними стрѣльцами и съ прожатыми Яицкими казаки“.

Явились посланные обратно въ Самару 11 іюня, но бѣглецовъ не привели, а воеводѣ заявили:

„Пробывъ на Яикѣ мы войсковому атаману *Прокофію Семенову* при всемъ войскѣ въ кругу говорили, чтобы они тѣхъ бѣглыхъ стрѣльцовъ Тигу и Гогоу послали съ нами на Самару. Казаки-же прочитавъ отписку сказали, что у нихъ на Яикѣ такихъ стрѣльцовъ нѣтъ и не бывало; и стрѣльцовъ не дали. А намъ послѣ того казаки сами тѣхъ стрѣльцовъ указывали и говорили что Тига въ рядовыхъ казакахъ, а Гога въ пушкаряхъ. Тогда мы снова стали просить казаковъ, чтобы они намъ отдали бѣглыхъ стрѣльцовъ, но казаки насъ стали за это бить и лошадей отняли и хотѣли посадить въ воду“.

Воевода не успокоился и снова послалъ о случившемся въ Москву. На этотъ разъ изъ Москвы была послана царская грамота на имя атамана и всего войска съ приказомъ отдать бѣжавшихъ стрѣльцовъ; а тѣхъ казаковъ, которые были стрѣльцовъ, велѣно было войску разыскать и учинить имъ наказаніе по ихъ войсковымъ правамъ.

Грамоту воевода отправилъ 30 августа, но казаки стрѣльцовъ не выдали и ничего не отвѣчали.

Въ это-же время осенью 1683 года на Яикѣ случилось обстоятельство, которое сильно взволновало самарскаго воеводу и вмѣстѣ съ дѣломъ о выдачѣ Тиги и Гогги доставило яицкимъ казакамъ не мало хлопотъ.

Переполюхъ произвели донскіе казаки, которые въ этомъ году въ числѣ трехъ тысячъ человекъ съ походнымъ атаманомъ Максимомъ *Скалозубомъ* перешли съ Дову на Волгу и двинулись внизъ по Волгѣ на Каспійское море. Что они тамъ дѣлали—добывали-ли знауны, или ходили въ походъ по наряду—остается невнятнымъ. Въ своей челобитной объ этомъ походѣ они говорятъ, что „будучи на службѣ подѣ Царицыномъ, и подѣ Астраханью и по морю и въ Гурьевѣ городкѣ промышленниковъ и торговыхъ людей на Волгѣ, насадовъ, и струговъ, и по морю наусковъ и въ городкѣ Гурьевѣ рыбнаго промыслу не

граблявали и задору никакого не учинили" ¹⁾). После этого похода 2000 человек донцов вернулись обратно на Донъ, а тысяча съ походнымъ атаманомъ Скалозубомъ пошла вверхъ по Яику къ Яицкому казачьему городку „и какъ шли вверхъ по Яику рѣкъ—пишутъ донцы въ той-же челобитной—бились мы войною съ калмыцкими людьми съ Аюкаемъ Тайшею и съ измѣнники башкиры и милостию Божию побили мы походнымъ войскомъ на тѣхъ бояхъ калмыковъ и измѣнниковъ башкиръ 2030 человекъ". Эти бои происходили у нихъ вблизи Индерскихъ горъ. Казаки потеряли убитыми 110 человекъ, убили у нихъ и походнаго атамана Максима Скалозуба. Вмѣсто него они выбрали Ивана Романова и не смотря на позднюю осень, обремененные ранеными товарищами, двинулись къ Яицкому городку, но вблизи Мергенова Яра ²⁾ встрѣтили ледъ и здѣсь все ихъ струги замерзали. Шесть дней шли донцы послѣ этого вѣшнѣ, пока пришли къ Яицкому городку, гдѣ и остались зимовать.

Прибытіе около тысячи донцовъ въ гости къ яицкимъ казакамъ, считавшимъ тогда въ своихъ рядахъ не болѣе двухъ тысячъ человекъ, конечно, не могло не отразиться на жизни Яицкаго городка. Среди донскихъ казаковъ начались „шатости". Часть прибывшихъ съ Романовымъ донцовъ, вкусившихъ сладость подвиговъ и цоясковъ за добычей, стали подговаривать казаковъ идти для воровства на Волгу. Но большинство донцовъ, не избывшихъ еще первой бѣды и пославшихъ въ Москву станицу со своими винами и съ пойманными азыками бить за вины свои головы, были не особенно склонны къ новымъ подвигамъ. Походный атаманъ Романовъ велѣлъ схватить зачинщиковъ своеволия и шатости и четырехъ изъ нихъ „казнилъ всехъ смертію при всемъ войскѣ и при яицкихъ казакахъ" ³⁾.

Этотъ фактъ еще разъ подтверждаетъ, что походный атаманъ въ своей власти былъ неограниченъ и имѣлъ право казнить всякаго казака, бывшего у него подъ командой.

Въ это время изъ Москвы была прислана на Яикъ другая царская грамота объ отдачѣ бѣглыхъ стрѣльцовъ. Эту грамоту повезъ на Яикъ изъ Москвы подъячій Казанскаго двора Трофимъ Стодоринъ. Пріѣхавъ онъ въ казачій городокъ въ началѣ февраля. Стараго войскового атамана Прокофія Семенова не было, вмѣсто него былъ уже другой атаманъ Яковъ Васильевъ. Собралъ онъ кругъ. Вошелъ въ кругъ подъячій Стодоринъ и сталъ просить выдать Тигу и Гогу и подалъ великихъ государей грамоту. Казаки грамоту выслушали.

„Тига и Гога—сказали казаки:—великимъ государямъ вѣрные слуги, а въ грамотѣ написаны ворами, а у насъ такихъ нѣтъ!"

Когда же подъячій сталъ настаивать о выдачѣ стрѣльцовъ, то въ кругу начался шумъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла, картонъ № 47, дѣло № 24, листы 1—8.

²⁾ Самальевъ. Историческ. описаніе земли войска донскаго.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла, картонъ № 47, дѣло № 24, листъ 7.

— У насъ рѣка *поторжная* ¹⁾ и мы людей у себя въ войсѣхъ многихъ не знаемъ, люди у насъ не письменные! ²⁾ шумѣли казаки.

— Отвезть его въ войсковую избу! закричали въ кругу: — Посадить его на цѣпь, пока не прѣдетъ изъ Москвы станичный атаманъ *Федоръ Семенниковъ!*

Сторорина вывели изъ круга и посадили въ войсковую избу, но цѣней не надѣли. Продержали съ полтора часа и снова вывели въ кругъ, гдѣ стали его обыскивать.

— Нѣтъ-ли у тебя другихъ какихъ писемъ? — спрашивали казаки.

У Сторорина были еще двѣ грамоты въ Яицкое войско, въ которыхъ говорилось, чтобы яицкіе казаки не пускали къ себѣ въ городъ воровскихъ донскихъ казаковъ съ атаманомъ Максимомъ Скалозубомъ. Но, прѣхавъ въ Яицкій городокъ, подъячій узналъ, что донцы гостятъ въ городкѣ и потому рѣшилъ за лучшее совсѣмъ не показывать эти грамоты.

Не найдя ничего у Сторорина, войско послало есаула *Петра Касимова* съ казаками въ „стоялый дворъ“, гдѣ остановился подъячій, которые принесли оттуда все его имущество, а также и ящикъ съ бумагами.

Яицкѣ былъ вскрытъ, грамоты найдены и прочитаны въ кругу.

— Донское войско походное, — сказали казаки подъячему, — пришло къ намъ на Яикъ въ казачій городокъ до грамотъ великихъ государей, а если бы эти грамоты раньше къ намъ присланы были и мы бы ихъ къ себѣ въ городокъ не пустили. А атаманъ Максимъ Скалозубъ, котораго сыскиваютъ, отъ калмыцкихъ воинскихъ людей убить до смерти, и донскимъ походнымъ войскомъ выбрали другого атамана и отпустили съ нимъ въ станицѣ 33 человекъ со своею службою и со взятими языки и съ винами своими къ великимъ государямъ въ Москвѣ!

На этотъ разъ подъячаго отпустили на стоялый дворъ безъ угрозъ.

19 февраля его снова потребовали въ кругъ. Здѣсь войсковою атаманъ *Яковъ Васильевъ* окончательно заявилъ ему отвѣтъ войска на полученныя грамоты:

— Мы на Яикѣ бѣглыхъ московскихъ стрѣльцовъ Тиги и Гоги не знаемъ и прежде сего намъ присланы были великихъ государей грамоты на Яикъ о всякихъ бѣглыхъ людяхъ, но мы тѣхъ бѣглыхъ людей не отдавали!

Съ этимъ отвѣтомъ и уѣхалъ Стороринъ въ Москву.

Донцы, прозимовавъ въ Яицкомъ городкѣ и получивъ грамоту о возвращеніи за Донъ, въ концѣ апрѣля двинулась черезъ степь на Самару. Съ ними пошелъ и одинъ изъ бѣглецовъ Гога. Вѣстѣ съ донцами пошла на Донъ за вѣстками и станица яицкихъ казаковъ со станичнымъ атаманомъ *Иваномъ Меншиковымъ*. ³⁾ Прибывъ къ Самарѣ, казаки остановились кошемъ за рѣ-

¹⁾ Поторжная въ смыслѣ проходная, проѣзжая, гдѣ бываетъ много всякихъ людей.

²⁾ Т. е. не письменные.

³⁾ Въ другихъ актахъ этотъ атаманъ иногда называется Иванъ Меншикъ.

кою Самарою „на Городковъ гривѣ“, готовясь въ дальнѣйшій путь по Волгѣ до Царицынской переволоки.

Въ это время къ самарскому воеводѣ стольнику Микитѣ *Борисову* явился 12 мая яицкій казакъ *Михаилъ Горшковъ* и сказалъ ему, что бѣглый стрѣлецъ Гога скрывается у донцовъ и они хотятъ его увести съ собою.

Взять силою Гогу у казаковъ воевода не смѣлъ да казаки ему его и не дали-бы — этого не повелось изстари. Одинъ былъ способъ вернуть бѣглеца, — это усовѣститъ атамана и попросить его отдать стрѣльца честью.

Воевода рѣшилъ послать къ донцамъ самарскаго стрѣльца Петрушку Прохорова, который зналъ въ лицо Гогу.

Но когда Прохоровъ явился къ донскому походному атаману Ивану *Беркулату* и къ Ивану Меншикову, то ни атаманы, ни казаки не согласились выдать бѣглеца и говорили, что у нихъ Гоги нѣтъ, хотя Прохоровъ видѣлъ среди нихъ виновника всей этой волокиты. Когда же посланный просилъ у казаковъ разрѣшить сдѣлать обыскъ, то они „на обыскъ не дались“.

На помощь воеводѣ явился донской походный есаулъ Самсонко *Соболевъ*. За тридцать рублей онъ согласился выдать воеводѣ Гогу „тайнымъ обычаемъ“, такъ какъ Гога долженъ былъ плыть съ ними на одномъ стругѣ. Получивъ отъ воеводы два струга, казаки наконецъ покинули Самару и поплыли внизъ по Волгѣ. Выбѣсть съ ними „въ провожатыхъ“ поѣхали посланные отъ воеводы Микифоръ *Перфильевъ* съ ратными людьми, при чемъ у Перфильева находились 30 рублей собственныхъ денегъ воеводы для уплаты Соболеву, если онъ выдастъ бѣглеца.

По прїѣздѣ на переволоку къ Царицыну Перфильевъ послалъ впередъ себя для пронѣдыванія есаула. Но Соболеву не повезло. „Донскіе казаки увѣдавъ про то, что онъ Самсонко того вора хртѣлъ отдать тайнымъ обычаемъ Перфильеву, взявъ его въ кругъ, и въ кругу били и приговорили дать его на поруки до войска донского“. Что съ нимъ сдѣлали донцы дальше, изъ актовъ не видно, не видно также и того, искала-ли Москва Гогу и на Дону или поиски бѣглецовъ на этомъ и кончились.

По крайней мѣрѣ самарскій воевода за оставшимся на Яикѣ Тягою уже болѣе не посылалъ.

Самара въ то время и послѣдующее вплоть до царствованія Екатерины II играла для Яицкаго войска весьма важную роль. Здѣсь, какъ уже было сказано раньше, казаки, прибывая съ Яика, закупали хлѣбъ, продавали рыбу и имѣли продолжительныя остановки, выѣзжая съ кусомъ и легкими станицами въ Москву. Сюда шла единственная дорога съ Яика. Здѣсь были учреждены таможенныя заставы, гдѣ съ прїѣзжавшихъ съ Яика казаковъ и купцовъ съ рыбою брали пошлину, десятую долю натурою („десятину“), а также „подужный“ сборъ, т. е. сборъ съ дуги, съ упряжки, и „головщину“ — сборъ съ головы.

Таможенные сборы казна обычно отдавала на откупъ откупщикамъ. Какую массу рыбы вывозили въ то время съ Яика, видно изъ той цифры рыбъ, какая поступала въ самарскую таможену при сборѣ десятой рыбы натурою. Въ 1679 году, отдавая откупъ „гостю“ *Володимиру Воронику*, ему назначалось собирать въ Самарѣ „лучшую во всемъ противъ прежняго, какъ собирали прежніе откупщики, *яицкую десятую рыбу*, и икру, и вазигу, и клей, протявъ старого большого оклада по 486 бѣлугъ, по 4299 осетровъ и чалбышевъ, по 600 стерлядей, по 566 пудъ по 30 гривенокъ ¹⁾ икры, по 2000 пучковъ вазиги, по 3 пуда клею, да *сверхъ того* новыя наддачи: по 60 бѣлугъ, по 240 осетровъ, по 108 пудъ по 29 гривенокъ икры“ ²⁾.

Здѣсь указаво количество рыбы, о которой чиновники официально доносили, но если сюда прибавить еще и то, что оставалось въ ихъ цѣпяхъ рукахъ и у казаковъ на Яикѣ, и увеличить въ десятеро, то мы будемъ имѣть приблизительное понятіе о количествѣ ежегодно ловившейся въ Яикѣ рыбы.

Вся собранная въ таможи рыба вывозилась подрядчиками на наемныхъ подводкахъ въ Москву въ приказъ Казанскаго дворца.

Кромѣ купцовъ покупали рыбу на Яикѣ и монастыри. Однимъ изъ такихъ крупныхъ покупателей былъ въ то время Савы-Сторожевскій монастырь, находившійся въ Казанскомъ уѣздѣ въ Усольѣ. Онъ ежегодно покупалъ на Яикѣ до 500 бѣлугъ, 1000 осетровъ и 300 пудовъ икры ³⁾. Но съ монастыремъ, какъ и съ мѣрянъ, въ Самарѣ также брали десятину и остальные сборы. Монастырь былъ этимъ недоволенъ и архимандритъ монастыря Сильверетъ подалъ царю челобитную, прося о безпошлинномъ провозѣ яицкой рыбы „для того, что они тою рыбу и икру покупаютъ въ монастырь про братскій обиходъ“. Челобитная была уважена и изъ Москвы самарскому воеводѣ былъ отданъ приказъ о невзиманіи пошлинъ, и при этомъ разрешалось еще сверхъ просимаго монастыремъ количества рыбъ провозить безпошлинно еще по 1000 бѣлугъ, 1000 осетровъ, по 1500 стерлядей и 2000 пучковъ вазиги ⁴⁾.

Но кромѣ монастыря жившіе въ его окрестностяхъ крестьяне также привозжали въ Самару „для своего яицкаго промыслу въ зимнюю и лѣтнюю пору, многое число *по пяти и по шести сотъ подводъ* и больше“ ⁵⁾ и привозили съ собою хлѣбные запасы и вино, которые и продавали яицкимъ казакамъ, стараясь не платить пошлинъ, называя себя крестьянами монастыря. Возвращаясь съ Яика, они вывозили оттуда рыбу и икру и опять таки старались не платить пошлинъ, говоря, что они „Савинскаго монастыря Надѣвнскаго Усолья промышленники, что та рыба и икра на монастырскій обиходъ“.

Ввиду этого въ 1683 году воеводѣ былъ отданъ приказъ, чтобы не брали десятину только съ тѣхъ подводъ, у которыхъ будетъ „проѣзжая записъ“ отъ

¹⁾ Гривенка—единица вѣса, равная приблизительно пятидесяти фунту.

²⁾ Акты Историческіе, томъ V, страницы 91—93, статья № 62.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Акты Истор. томъ V, страницы 170—172, статья № 107.

⁵⁾ Тамъ-же.

монастыря за подписью и печатью архимандрита.

Но эта льгота была вѣроятно не одному монастырю, — надо предполагать, что ею пользовались всѣ монастыри. Въ то время монастыри и церкви находились подъ особымъ покровительствомъ правительства, они имѣли свои земли, своихъ крестьянъ и пользовались наравнѣ со служилыми сословіемъ — дворянами и стрѣльцами многими льготами.

Къ числу служилого сословія того времени принадлежали и казаки; видя льготы, которыя были даны монастырямъ, ящичіе казаки возбудили ходатайство объ отиѣнѣ этого сбора и со своей рыбы, привозимой ими для продажи въ Самару. Войсковой атаманъ *Яковъ Васильевъ* и все войско Яицкое въ 1684 году подали объ этомъ челобитье и указомъ, даннымъ 25 мая того-же года царями Петромъ и Иоанномъ, этотъ сборъ съ яицкихъ казаковъ былъ отиѣненъ: „пожаловали ихъ (казаковъ): десятой рыбы, которую привезутъ они въ Самару иная не велѣли“ — говорится въ указѣ¹⁾. Но, не смотря на этотъ указъ, впоследствии, при Петрѣ I, казаки должны были снова просить объ отиѣнѣ десятой рыбы, т. к. съ нихъ опять стали взимать эту пошлину и въ Самарѣ, и въ Сызрани, и въ Алексѣевскомъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ войско постигло, приближенно въ этихъ же годахъ, большое несчастье. Въ городкѣ случился пожаръ, выгорѣлъ весь городъ и сгорѣла жалованная царемъ Михаиломъ Федоровичемъ „владѣнная“ грамота на Яикъ. Въ своей челобитной съ просьбою о выдачѣ другой грамоты казаки въ 1720 году 12 октября говорятъ, что этотъ пожаръ случился у нихъ „тому будетъ лѣтъ тридцать и болѣе (приблизительно въ 1685 г.) и волею Божию церковь соборная, — говорятъ они дальше въ своей челобитной, — также и войсковая наша изба сгорѣли, и въ то пожарное время въ помянутой избѣ грамоты о владѣннн нашей утки Яику и о другихъ нашихъ дѣлахъ погорѣли“²⁾.

Изъ этого видно, что у казаковъ въ городкѣ была соборная церковь, — значить была и другая, но какъ онѣ назывались и сколько ихъ было, свидѣній не найдено.

Въ этотъ-же 1685 годъ на Яикѣ случилось какое-то событіе, вызвавшее собою арестованіе двухъ яицкихъ казаковъ — Осипа Васильева и Степана Филимонова. Въ чемъ заключалась ихъ вина, изъ актовъ не видно. Въ нихъ говорится лишь о предполагавшейся ссылкѣ этихъ казаковъ въ городъ Полатовъ. „Въ нынѣшнемъ въ 193 году (1685 г.) іюня въ 15 день, — говорится въ указѣ думному дяку Василію Семенову, — по указу великихъ государей посланн изъ приказа Казанскаго дворца въ разрядъ яицкіе казаки Осипъ Васильевъ да Сенька Филимоновъ для ссылки за ихъ вину въ новопостроенный городъ Полатовъ. А іюня въ 19 день государи пожаловали тѣхъ яиц-

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ 1676—1688 г.г. № 1077.

²⁾ Челобитная войска 1720 г. 12 октября Моск. Отд. Арх. Главнаго Штаба, оп. № 107, кн. 30.

кихъ казаковъ: — не велѣли ихъ въ ссылку посылать а указали ихъ съ Москвы отлучать *попрежнему на Яикъ*¹⁾.

Въ то время, когда казаки были въ походѣ въ Башкирію, въ Малороссіи сравнительно наступило затишье. Съ турками былъ заключенъ миръ. Яицкіе, довскіе и орѣшковскіе казаки бѣлгородскаго полка стояли въ Новомъ Осколѣ. Въ 1680 году они подали челобитную, чтобы имъ дали взамѣнъ стараго новое знамя.

„Въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ шестнадцать, — писали въ челобитной атаманъ Волковъ и всѣ казаки: — дано намъ полковое знамя, а знано въ Оружейномъ приказѣ, и нынѣ обетчало и служить съ нами стало не мочно“.

По этой челобитной указомъ 27 апрѣля того же года, даннымъ князю Петру Ивановичу Хованскому, приказано было: „довскимъ и яицкимъ и орѣшковскимъ атаманамъ и казакамъ вмѣсто полкового прежняго знамени, сдѣлать новое знамя, образцомъ противъ прежняго и отдать имъ довскимъ казакамъ, а прежнее прислать въ разрядъ“²⁾. Въ слѣдующемъ-же году атаману Волкову было пожаловано „сукно доброе“, высланное изъ Москвы „къ полку князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго“³⁾. Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій служба казаковъ въ украинныхъ городахъ ограничивалась, какъ и ранѣе, посланкою прѣзжихъ станицъ для сбора вѣстей о татарахъ, которые пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на русскія украинныя и захватить въ плѣнъ мирныхъ поселенъ. Но не смотря на непрерывныя набѣги татаръ и на безпокойное житье на южныхъ русскаихъ границахъ, эти украинны стали постепенно заселяться выходцами изъ внутреннихъ губерній и старая южная линія („черта“) валовъ, засѣкъ и городковъ оказалась отодвинутою вглубь Руси и явилась необходимость возвести новую оборонительную линію на новыхъ болѣе южныхъ мѣстахъ.

Для построенія этой линіи („черты“) былъ раннею весною 1682 г. назначенъ знакомый намъ воевода Григорій Косаговъ, теперь уже генералъ. Назначенный сходнымъ товарищемъ къ князю Петру Ивановичу Хованскому, жившему въ Курскѣ, Косаговъ долженъ былъ на новопостроенной оборонительной чертѣ въ Царевъ-Ворисовѣ „для обереженья тамошнихъ мѣстъ отъ приходу воинскихъ людей, строить крѣпости гдѣ какія пригодятся“⁴⁾.

Для береженья-же отъ прихода воинскихъ людей производимыхъ построекъ и „валового дѣла“, т. е. рытья рововъ и валовъ, было назначено на все лѣто съ 1 мая по 1 октября изъ Ново-Оскольскихъ полковой службы солдатъ по сто человекъ съ переѣзкою черезъ каждые два мѣсяца и всѣ довскіе, яицкіе и орѣшковскіе казаки, которые должны были пребыть къ 1 мая.

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Юст., Бѣл. столъ, столб. 1195, листы 341—344.

²⁾ Арх. Моск. Оруж. Палаты, столбецъ 7188 года июня 22 № 121 (Древній Рос. Госуд. знамени Л. Яковлева; 1865 года, страница 90 и прилѣчаніе 889 и 890).

³⁾ Моск. Ар. Мин. Юст., Моск. столъ, столб. 445, столбикъ 3, листы 2—4.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Бѣл. столъ, столб. 1009, листъ 142.

Къ этому времени казаки за пятьдесятъ лѣтъ своей службы послѣ Смоленска ушли изъ Тулы разселиться по всѣмъ украиннымъ городамъ, въ нѣкоторыхъ же городахъ они жили по одному, по два человека; болѣе крупныя поселенія казаковъ были въ Ливнахъ, Дѣдиловѣ, Тулѣ, Ельцѣ, Довковѣ, Лебедяи, Старомъ Осколѣ, Воронежѣ, Козловѣ, Новомъ Осколѣ, Курскѣ, Вѣлгородѣ Болховѣ и Карповѣ. Для сбора ихъ на службу приходилось изъ Москвы писать отдѣльно каждому воеводѣ, чтобы онъ выслалъ живущихъ у него казаковъ въ полкъ. При сѣвномъ сборѣ это представляло страшное неудобство и помѣху. Поэтому, чтобы собрать казаковъ въ Царевъ-Борисовъ къ первому мая, въ Москвѣ должны были написать грамоты воеводамъ перваго марта, и лишь только при этихъ условіяхъ казаки собрались къ сроку. Назначенный начальникомъ оборонительной линіи новыхъ крѣпостей, Косаговъ обратилъ вниманіе на это неудобство и въ своемъ донесеніи по этому поводу говорилъ, что „донскимъ, яицкимъ и орѣшковымъ атаманамъ и казакамъ всѣмъ изъ вышесказанныхъ городовъ пристойно быть на вѣчномъ житіи въ Царевѣ-Борисовѣ съ женами и съ дѣтьми съ того жъ годоваго, съ денежнаго и съ хлѣбнаго жалованья, они люди къ службѣ заобычныя“ ¹⁾. И когда казаки въ маѣ мѣсяцѣ явились къ Косагову въ Царевѣ-Борисовѣ, онъ объявилъ имъ приказъ изъ Москвы предложить имъ переселиться на вѣчное житіе въ этотъ городъ. Въ указѣ говорилось, чтобы по сѣздѣ казаковъ въ Царевъ-Борисовъ „всѣмъ имъ говорить всячески и приводить, чтобы они перешли жить въ Царевъ-Борисовъ съ женами и дѣтьми на вѣчное житіе, а для той пересылки великаго государя годовое жалованье денежное и хлѣбное и въ Царевъ-Борисовѣ будетъ имѣть попрѣжнимъ ихъ окладамъ, а пашенныя земли и всякихъ угодей въ томъ городѣ дадутъ имъ передъ тамошними людьми въ лишекъ, да и то имъ сказать буде они въ Царевъ-Борисовѣ на вѣчномъ житіи быть не похотятъ и имъ впредь годового жалованья денежнаго и хлѣбнаго не будетъ, а служить имъ съ прежнихъ своихъ земель и угодей и кто гдѣ живутъ безъ жалованья“ ²⁾.

Казаки во главѣ съ своимъ воеводою Андреемъ Васильевымъ Кутеповымъ, съ есауломъ Степаномъ Мантуровымъ и со старшимъ яицкимъ есауломъ Василиемъ Коптѣвымъ согласились на переселеніе. Но начавшіяся волненія въ Малороссіи помѣшали этому. Полкъ былъ двинутъ въ Малоросію. Въ 1686 году, уже съ новымъ атаманомъ, съ бывшимъ старшимъ яицкимъ есауломъ, *Василіемъ Григорьевымъ Коптѣвымъ* со старшимъ слугакомъ со Смоленской осады, казаки служили въ Запорожьѣ, подъ начальствомъ воеводы Григорія Косагова, гдѣ и были до похода въ Крымъ, когда они вошли въ составъ дѣйствующей арміи.

Уже давно московское правительство тяготалось тою данью, которую оно выплачивало крымскому хану въ видѣ подарковъ и денегъ, называемыхъ „по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Вѣх. столъ, столб. 1009, листъ 142.

²⁾ Тамъ-же, листъ 144.

нинами". Вѣчные набѣги татаръ, ихъ вѣроломство, необходимость держать исключительно ради нихъ въ украинскихъ городахъ всегда наготовѣ сильную рать, — все это вмѣстѣ взятое заставило Москву разъ навсегда покончить съ хищнымъ сосѣдомъ. Россія уже выросла, окрѣпла и наступала пора уничтожить послѣдніе слѣды татарскаго яга.

Съ 1684 года въ Москвѣ стали готовиться къ походу въ Крымъ. Осенью 1686 года ратнымъ людямъ былъ объявленъ походъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія; ни откуда татары не вывозятъ столько плѣнныхъ, какъ изъ нея, продаютъ христіанъ, какъ скотъ, ругаются надъ вѣрою православною. Русское царство платитъ басурманамъ ежегодную дань, за что терпятъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этому даянью все-же не охраняютъ: ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ генцевъ, разоряетъ русскіе города ¹⁾.

Весною 1687 года войско было окончательно подготовлено и выступило въ походъ подъ командою князя *Василія Васильевича Голицына*. Всей рати было сто тысячъ. Въ числѣ этого войска входились прибывшіе съ Яика 150 человекъ яицкихъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ *Перфилиемъ Тазаевскимъ* ²⁾. Въ своей челобитной казаки говорятъ, что они были въ крымскомъ походѣ въ 1684 году; вѣроятно въ этомъ году они были вызваны съ Яика для предполагавашагося еще тогда похода въ Крымъ и находились въ арміи до 1687 года.

Войско пошло къ Конскимъ водамъ; по дорогѣ въ степи у рѣчки Самары къ нему присоединился гетманъ Самойловичъ съ 50 тысячами казаковъ. Въ составъ войска вошла также часть рати, стоявшая въ украинскихъ городахъ, съ которой вошли и казаки бѣлгородскаго полка: донскіе, яицкіе и орѣшковскіе въ числѣ 256 человекъ и причисленные къ нимъ, поселенные въ Курскѣ, 51 человекъ крещенныхъ салтыковъ со своимъ мурзою. Этотъ полкъ находился въ походѣ въ отрядѣ окольного Леонтія *Неплюева* съ товарища ³⁾ [14]. Походъ былъ утомительный; выступившіе жары изнурили войска. 13 іюля Голицынъ достигъ урочища Вольшой Лугъ. Кругомъ была безлюдная степь — войска прошла еще впередъ и встрѣтила зажженную степь. Голицынъ рѣшилъ идти дальше, но по знойной и сожженной степи войска въ два дня прошла только 12 верстъ. „Лошадь не двигалась, — пишетъ Соловьевъ, — нигдѣ не было ни травы, ни воды, люди ослабѣли отъ зноя и страшной копоты, которая

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 14, стр. 37—38.

²⁾ Челобитная яицкихъ казаковъ 1720 г. 12 октября. Въ этотъ походъ дано подмоги атаману 26 р., двумъ есауламъ по 23 р., знаменщикамъ двумъ по 22 р., рядовымъ по 18 р., при этомъ общая сумма подмоги позвана въ 3016 р., что не сходится съ указаннымъ числомъ казаковъ; тутъ ошибка или въ числѣ казаковъ, назначенныхъ въ походъ, или въ общей суммѣ выданной наемки. (См. прил. XII).

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мш. Юстиціи, Бѣлгор. столб. столб. 1490, листъ 12 и тамъ-же столбецъ 1674, листы 363—365.

нѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣчки, но травы не было¹⁾.

Продолжать походъ оказалось невозможнымъ и Голицынъ рѣшилъ вернуться обратно. Часть войскъ въ количествѣ около 30 тысячъ, состоящая на половину изъ московскихъ, наполовину изъ малороссійскихъ полковъ, была отправлена къ низовьямъ Днѣпра, гдѣ московскіе полки были подъ начальствомъ околичнаго *Неплюева*. У него-же въ отрядѣ находились и казаки Бѣлгородскаго полка яицкіе, довскіе и орѣшковскіе съ атаманомъ *Василіемъ Коптѣвымъ*. Они стояли у рѣчки Самары, гдѣ полкъ охранялъ постройку новаго города Ново-Богородицкаго. Полкъ простоялъ тамъ 1687 и 1688 года вплоть до 1689 года; когда весь отрядъ *Неплюева* вошелъ въ составъ арміи, двинувшейся въ Крымъ во второй разъ²⁾.

Были-ли отпущены яицкіе казаки съ атаманомъ *Тагаевскимъ* обратно на Яикъ тотчасъ послѣ похода или были потомъ въ отрядѣ *Неплюева*—никакихъ указавій не имѣется.

Въ этомъ году прибывшей съ Яика въ Москву „съ кусомъ“ зимовая станицѣ со станичнымъ атаманомъ *Андреемъ Головачемъ* было поручено передать грамоту къ калмыцкому хану *Аюкаю-Тайшѣ*, кочевавшему тогда между Волгой и Яикомъ. Возвратившись въ войско въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, они передали грамоту войсковому атаману *Якову Васильеву*. Собравшись въ кругъ, войско для отвоза грамоты послало 15 апрѣля къ *Аюкаю-Тайшѣ* легкую станицу—*Григорія Жегулу* съ двумя казаками и толмачемъ. Вернулась станица въ войско 8 мая и въ собранномъ кругѣ объявила недобрія вѣсти. Узнали они, что крымскій ханъ подговариваетъ калмыцкаго и хивинскихъ хановъ, каракалпакомъ и киргизъ идти войною на русскіе города. Войско немедленно снарядило станицу и послало съ нею челобитые въ Москву, донося о полученныхъ вѣстяхъ:

„Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ *Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу* и великой государынѣ *благосвѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ* всеа Великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецей,—писало войско въ этой, пока единственной найденной до сихъ поръ, челобитной семнадцатаго вѣка:—холопа ваши, заполные рѣки Яику яицкіе атаманы—казаки: атаманъ *Якушко Васильевъ* и все Яицкое войско челомъ бьютъ. Въ вышнихъ государи въ 195 г. (1687 г.) апрѣля въ 15 день по вашему великихъ государей указу посылали мы холопа ваши яицкимъ войскомъ своихъ яицкихъ казаковъ *Григорія Жегулу* съ толмачемъ двухъ человекъ въ орду къ *Аюкаю-Тайшѣ* съ вашимъ великихъ государей листомъ, который нашъ великихъ государей листъ присланъ былъ съ нашими яицкими казаками съ станичнымъ атаманомъ съ *Андреемъ Головачемъ* съ товарищи. И мая въ 8 день отъ него *Аюкаю-Тайше* тѣ наши яицкіе казаки *Григорій Жегула* съ толмачемъ пріѣхали, а пріѣхавъ къ намъ холопамъ вашимъ, они намъ, яицкому войску, въ

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос., томъ 14, страница 40.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Юст., Бѣлгор. столб., столб. 1490, листъ 88.

кругу сказали: что-де къ нему Аюкаю-Тайше прѣехали послы крымскіе, а говорить-де тѣ крымскіе послы что идуть-де они въ Хиву и въ Каракалпаки и въ Бухары и въ иные земли отъ крымскаго хана съ письмами тѣ земли подымать на ваши государскіе города; гдѣ-де кому споручны которые ваши государскіе города, тѣ бы земля на тѣ ваши великихъ государей города и ши войнов, а онѣ-де Аюкаю Тайша на вашу великихъ государей службу хотѣлъ послать своихъ калмыкъ 1000, а пошлетъ ли или нѣтъ того подлинно не вѣдомо; да онѣ же Аюкаю въ Крымъ послалъ на помощь калмыкъ своихъ 3000 чел. да ковскаго табуу 20 тысячъ лошадей. И мы холопы ваши яцкиимъ войскимъ слыша такіе вѣсти живемъ съ великою опаскою и переговоровъ о томъ межъ себя въ кругу и съ тѣми вѣстями мы яцкиимъ войскою послали съ Яизу къ вамъ великихъ государемъ къ Москвѣ съ отпискою яцкиихъ своихъ казаковъ станичнаго атамана *Ивана Хлынова*, ясаула *Карна Тимофѣева* да рядовыхъ 2 чел. *Афанасья Сырова* да *Ивашку Кузнеценка*, а велѣли имъ явиться и отписку подать въ приказѣ Казанскаго дворца нашему великихъ государей врячому князю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищи“¹⁾.

Полученная въ Москвѣ 4 іюня эта челобитная произвела въ приказѣ Казанскаго дворца большое безпокойство. Опасаясь набѣга крымцевъ, изъ Москвы разослали копии съ казачьей челобитной во всѣ украинные города: въ Вѣлгородъ, Орелъ, Воронежъ и къ Черкасскимъ полковникамъ Сумскому, Алтырскому и Харьковскому; воеводамъ наказывалось беречь города отъ прихода воинскихъ людей, чтобы они „безвѣство не пришли и градскимъ и уѣзднымъ жителямъ на поляхъ и на всякихъ издѣльяхъ какого дурна не учинили“...

Послѣ пожарнаго разоренія казаки къ этому году уже успѣли обстроити свой городокъ и пострити церкви; какаѣ была эта церковь — мы не знаемъ. Видно только, что велѣдъ за пожаромъ казаки строить въ разные годы церкви: *соборную*, во имя *Михаила Архангела*, и еще двѣ церкви во имя *Алексѣя митрополита московскаго* и во имя *Петра и Павла*, которыя и существуютъ въ Яцкомъ городѣ къ 1719 году, во время прѣзда на розыскъ поручика Кроткова²⁾. Всѣ эти церкви построены „послѣ пожарнаго разоренія“ 1685 г.³⁾ Но когда и при какихъ обстоятельствахъ онѣ были построены, были-ли эти церкви возведены вмѣсто такихъ-же сгорѣвшихъ церквей въ 1685 году или сгорѣвшая соборная и другія церкви были другого наименованія — свѣдѣній не имѣется. Но больше вѣроятія предположить, что казаки построили новыя церкви во имя тѣхъ-же святыхъ, имя которыхъ носили и сгорѣвшія церкви. По крайней мѣрѣ судя по дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ о церквяхъ, казаки каждый разъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц., Вѣлгор. столб. 1087, листы 15—81.

²⁾ Отд. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, ссылка 28. Свѣдѣнное дѣло поручика Кроткова 1719 г. Оглавленіе дѣла въ свѣдѣніи: — Перечень церквей и священнослужителей.

³⁾ Дѣло Войскаго Архива III раз. 2 град. опись 1786—1800 года № 78, листъ 2. Благодарственная грамота епископа казанскаго Гавріила.

носить бывших пожаров возобновляют свои церкви подъ тѣми же именами святыхъ, во имя которыхъ они существовали до пожара. Надо думать, что и въ данномъ случаѣ исключенія не было, и что сгорѣвшія церкви въ 1685 г. носили наименованіе тѣхъ же святыхъ, какія мы видимъ у церкви 1719 года, построенныхъ послѣ этого пожара.

Но такъ какъ соборною церковью въ Яицкомъ городкѣ могла быть только церковь самая первая въ войскѣ, старая, и потому главенствующая, то отсюда можно заключить одно, что первая церковь на Яикѣ могла быть построена въ Яицкомъ городкѣ только во имя Михаила Архангела, что весьма вѣроятно, т. к. она была построена при царствованіи Михаила Феодоровича, почему и могла быть названа въ честь его имени. Слѣдующую по постройкѣ церковь нужно считать церковь во имя Алексѣя митрополита московскаго, построенную въ Кирсановской станицѣ оставшимися тамъ казаками послѣ переселенія всего войска въ 1620 году изъ Кирсановской станицы на устьѣ рѣки Чагана. Эта церковь вѣроятно была построена во время царствованія царя Алексѣя Михайловича въ честь святого, имя котораго носилъ царь, а также въ память видѣнія святителя митрополита Алексѣя на Каспійскомъ морѣ передъ переселеніемъ войска къ устью Чагана; потому при окончательномъ переселеніи Кирсановской станицы въ 1632 г. она была перевезена казаками въ Яицкій городокъ, гдѣ была уже своя старая церковь во имя Михаила Архангела, которая и стала называться соборною, а церковь во имя Алексѣя митрополита, какъ видно изъ дальнѣйшихъ историческихъ актовъ, стала называться Кирсановскою церковью. Построеніе же церкви Петра и Павла надо отнести ко времени царствованія Петра Великаго, т. е. не ранѣе 1696 года. Т. к. надо думать, что и эта церковь была построена, какъ и предыдущія, во имя святого, имя котораго носилъ царь — въ честь царя. Эти предположенія болѣе чѣмъ вѣроятны, и, въ все же остаются только предположеніями, т. к. историческихъ документовъ, подтверждающихъ это, мы не имѣемъ и, пока не будемъ знать, какія церкви были въ войскѣ до пожара въ 1685 г., утверждать это мы не имѣемъ основанія [15].

Вновь построенная въ 1688 г. войскою послѣ пожара церковь была безъ сомнѣнія соборная, т. е. во имя Михаила Архангела; церковь эта къ 1688 году была еще не освящена. Въ войскѣ было всего два священника, вѣроятно, по числу бывшихъ въ войскѣ церквей до пожара 1685 года ¹⁾. Во вновь построенной соборной церкви былъ священникъ Андрианъ, а въ Кирсановской станицѣ священникъ Петръ. Оба эти священника, какъ велось во всей древней Руси, были приглашены самимъ войскомъ (п्राхожанами Яицкаго городка) для совершенія требъ: Андрианъ изъ Казани, старообрядецъ, а Петръ изъ Пошехонья, тоже старообрядецъ. Въ то время, когда на Русіи шло гоненіе

¹⁾ Михаила Архангела (?) и Алексѣя Митрополита (?)

на приверженцевъ старой вѣры, янцкіе казаки, принесли съ собою древнее русское плече и русскіе обычаи, принесли на Янкъ и русскую старую вѣру съ двуперстными крестосложеніемъ и со старыми богослужебными книгами. Построенныя церкви у янцкихъ казаковъ, какъ и въ древней Руси, были собственностью прихожанъ, собственностью войска; священники приглашались, какъ гости, по выбору прихожанъ и права надъ церковью и надъ церковными доходами не имѣли никакого. Во всякое время прихожане на Янкъ, какъ и въ древней Руси, могли непоправившемуся имъ священнику сказать: „ты намъ не любь! ступай съ миромъ, мы пригласимъ къ себѣ другого!“

Приглашая къ себѣ священниковъ, прихожане заключали съ ними „записи“ о взаимныхъ отношеніяхъ.

Эти записи обычно писались такъ:

„Призвали они меня попа (такого-то) полюбовно и челобитную за руками (архіерею) о мнѣ подали и мнѣ попу служить изъ церковнаго дохода мірскаго подаванія, да мнѣжъ попу быть послушнымъ къ болямъ и къ рожаницамъ и ко всякой духовной потребѣ и въ церковь Божию; я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не далъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служа мнѣ въ той церкви, *строенія церковнаго и всякой утвари своимъ не называютъ и до церковныхъ свѣчъ и до оларковъ и до денежнаго церковнаго сбора дѣла мнѣ и того церковнаго мѣста мнѣ попу не продать и не заложить и на свое имя не справить и ни въ какія крѣпости не укрѣпить и по умертвіи моемъ женѣ моеи и дѣтямъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣтъ, а церковниковъ мнѣ безъ мірскаго вѣдома одному не принимаютъ и не отказываютъ; а буде я противъ сей записи въ чемъ либо не устою и мнѣ, прихожанамъ, съ докладу (архіерею) мнѣ отъ церкви и отъ церковнаго мѣста отказать“¹⁾. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ того времени, казаки своихъ священниковъ или получали непосредственно отъ казанскаго архіерея или посылали къ нему избранныхъ для этого лицъ, которыхъ онъ и рукополагалъ во священство. Такимъ образомъ у янцкихъ казаковъ, молившихся двуперстнымъ крестомъ и служившихъ службы по старопечатнымъ книгамъ, уже въ эти времена отношеніе къ православной церковной іерархіи было то, которое только впоследствии, спустя почти полтора столѣтія, правительственно додумалось ввести въ жизнь подъ названіемъ „единовѣрія“. Казаки признавали православное священство—но продолжали быть ревнителями старой вѣры и молились по старопечатнымъ книгамъ.*

Въ такомъ положеніи находились церковныя дѣла въ Янцкомъ войскѣ въ то время, когда въ 1688 году началось одно изъ самыхъ сильныхъ и жестокихъ гоненій на ревнителей „старога благочестія“, называвшихся на официальномъ языкѣ того времени раскольниками.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., кн. 18, стр. 98.

Ужасны и жестоки были эти преслѣдованія. Московскій патріархъ Іоакимъ, вычеркнувшій изъ списковъ святыхъ свягую Анну Кашинскую за то, что правая рука ея была двуперстно сложена, былъ въ это время однимъ изъ самыхъ ужаснѣйшихъ гонителей старообрядцевъ: костры горѣли, рѣзали языки, рубили головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны старообрядцами. Царевна Софія вли, вѣрнѣе, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, въ 1689 году велѣлъ „смотреть въ крѣпко, чтобы раскольники въ дѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ сослать, пристанища ихъ разорить, имущества продавать, а деньги прислать въ Москву“¹⁾. Немного раньше, именно въ 1685 году, подъ редакціей Іоакима были выработаны и изданы извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софіи Алексеевны. По этимъ статьямъ старообрядцамъ опредѣлялась наказанія: наименьшее — вѣщадное битье кнутомъ и ссылка въ дальніи мѣста, а наибольшее: „казнить смертью“ и „жечь на срубѣ“²⁾. По одной изъ этихъ статей предавались смертной казни даже тѣ изъ старообрядцевъ, которые присоединились къ господствующей церкви, все равно хотя бы это присоединеніе было самымъ искреннимъ и чистосердечнымъ. „Причастить ихъ св. таинъ а съечь“, — говоритъ статья кратко и опредѣленно.

Изумительнымъ по красотѣ и силѣ языкомъ описано время патріарха Іоакима въ „Виноградѣ Россійскомъ“:

„Отъ онаго великаго многокроваваго фѣала, отъ онаго всепреужаснаго труса, всю Россію престрашно восколебавшаго: который градъ не потрясся, какъ апархія не вострелета; кое село кровію не полися, кое весь кровными кауляки не обагрися, кое мѣсто струями не потече, неповинныя наполаившися крове, колици (сколько) Божіи священницы немилостивымъ прелютѣйшаго мученія престарѣйшымъ мечемъ съѣдохася, колици велиции отци суровой смерти предашася, колици предобріи пустынницы все-изостреннымъ мучительства сервомъ яростнѣ пожата быша. О, колики честныя и благородныя персоны безчестно и звѣроподобно томительною смертїю кончани быша, колики народы безчисленныя переходящія исчитаніе различными образы и виды преужаснаго мученія всепрегорщїи предашася смерти. О, колици вымщленїи покашася, нестерпимыхъ мученїи виды; иностранныхъ языческихъ смертей выношенїа, ужась трепетавшїи, колебанїе престрашное, плачь и рыданїе превелїе не токио чловѣкомъ зращавшїи, но и нечувственичїи содѣвающаа твари, кто убо таковая видяшїи, не восплачетъ болѣзненно; какъ душа не ужаснется; кое сердце Боголюбивое не вострепещеть; кое око источниковъ слезъ не источить. Толика прекровавыхъ мучительствъ зрѣнїи преужасаемо“³⁾.

Эти гоненія не ограничались одвою Русью — преслѣдовать старообрядцевъ стали и на Дону и на Яикѣ — въ вольныхъ краяхъ, гдѣ каждый находилъ

¹⁾ Акты историческіе, томъ V, № 225.

²⁾ Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. т. I, акты археогр. зап., томъ IV.

³⁾ Старобр. журналъ „Церковь“, 1909 г. апрѣль.

пристанище и могъ свободно исповѣдывать свою вѣру, — злѣсь въ этихъ вольныхъ общинахъ, особенно на Яикѣ, и находили главнымъ образомъ пріютъ гонимые на Руси старообрядцы и нѣтъ тѣ, кто такъ или иначе былъ недоволенъ порядками, царившими въ Москвѣ. Первыми казачьими жертвами религіознаго преслѣдованія въ 1688 году были старообрядцы на Дону. Послѣ выдачи донскимъ войскомъ Разина и его казни у донцовъ начинается усиливаться старшинская партія, которая постепенно беретъ верхъ надъ войсковыми дѣлами и стала явно держать руку Москвы. Небывалое до этого и послѣдующее въ казачьемъ мірѣ дѣло выдачи Москвѣ своего, хотя и воровского, но все-же атамана, Разина, было первымъ нарушеніемъ казачьяго права неприкосновенности личности — права не выдавать не только бѣглецовъ, но кого бы то ни было, разъ онъ казакъ или только что пришелъ казаковать. Важный судился въ войскѣ своимъ казачьимъ судомъ, но никогда не выдавался Москвѣ.

Запорожцы на требованіе Москвы выдать кошевого атамана Сѣрко отвѣчаютъ: „Мы не донцы, которые выдали атамана Разина, мы своего атамана не выдадимъ!“ — и дѣйствительно не выдали.

Когда-же въ 1688 году правительство потребовало отъ Донскаго войска выдачи бѣглыхъ раскольниковъ, старшинская партія снова взяла верхъ. На Дону началось гоненіе за старообрядцевъ. Тогда часть этихъ казаковъ успѣла бѣжать на Куму, гдѣ потомъ, поселившись за Тереконъ, на р. Астрахани во владѣніи Шевкала Тарковского, сдѣлалась грозой кавказскаго побережья. Подъ названіемъ „казаконъ — раскольничковъ“ они много злѣ дѣлали безерыванне набѣги по Каспійскому морю и совершенно прервали всякое движеніе въ Волгѣ въ Персію ¹⁾.

Другая часть донцовъ старообрядцевъ человекъ съ 500, собравшись съ атаманомъ Кузьмою Косымъ, бѣжала къ Козлову, гдѣ и укрѣпилась. Донцы послали промышлять надъ ними атамана Осипа Михайлова съ 1000 казаками; старообрядцы вступили съ ними въ бой. Взять городокъ Михайловъ не могъ и лишь по прибытіи московскихъ ратныхъ людей городокъ былъ взятъ и разоренъ. Старообрядческіе атаманы были казнены, — посажены въ вѣчу или повѣшени, остальные разсланы въ ссылку въ дальніе города. Другіе старообрядцы, которые были захвачены по казачьимъ городкамъ, были тоже или казнены или жестоко наказаны ²⁾. Такъ выводили донцы раскольниковъ на Дону.

Но не такъ обстоитъ дѣло на Яикѣ, гдѣ всѣ казаки были старообрядцы. Въ томъ-же году Яицкое войско получило отъ казанскаго митрополита Адріана грамоту съ требованіемъ немедленно выдать священниковъ Петра и Андріана икъ еще не утвержденныя, и выдать всѣхъ раскольниковъ.

Грамоту въ войско привезъ архіерейскій сынъ боярскій *Иванъ Θεоктистовъ*

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Персидскія дѣла, книга 1688—1692 года.

²⁾ Дружининъ „Расколъ на Дону“, стр. 185—213.

Собрался кругъ. Но потомъи ушкуйниковъ, выходцы Новгорода, Пскова, Костроми, Ярославля и другихъ сѣверныхъ русскихъ городовъ, яцкіе казаки, эти носители древне-русскихъ обычаевъ и ревнители старой вѣры, во главѣ со своимъ атаманомъ *Яковомъ Васильевымъ*, наотрѣвъ отказались выдать своихъ священниковъ.

„У васъ нѣтъ раскольниковъ! говорили они: поповъ мы не дадимъ! На поле мы въ себѣ бѣглыхъ людей не призываемъ и съ поля не ссылаемъ!“ Войсковой дьякъ, какъ назывались въ то время войсковые писаря, сталъ писать отписку. Черезъ два дня отвѣтъ былъ готовъ.

Великому господину, преосвященнѣйшему Адриану митрополиту казанскому и свѣяжскому—писало войско въ отпискѣ —заполняя рѣки Яику явціе атаманы—казаки: атаманъ Якушко Васильевъ и все яцкое войско, твоего архіерейскаго благословенія просимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 196 (1688) году февраля въ 27 день прислана къ намъ къ Яицкому войску твоя архіерейская грамота, а въ той твоей архіерейской грамотѣ писано къ намъ къ Яицкому войску, чтобъ намъ, яцкимъ войскомъ, кромѣ рукоположенныхъ отъ вашего архіерейства священниковъ, что вы харотонисаете и во управленіе душъ нашихъ посылаете, по прошенію нашему, кромѣ тѣхъ пришлыхъ поповъ, никони извѣсти не принимать; а буде кто придетъ къ намъ иностранникъ цришлецъ повъ или черноризецъ, я ему бы безъ вашего архіерейскаго благословенія и грамоты священнодѣйствовать не велѣть и къ себѣ ихъ не пущать, потому что отъ такихъ раскольниковъ великія бѣды чинятся. Да въ нынѣшнемъ же де во 196 году, по указу великихъ государей (титулъ) и по благословенію великаго господина, святѣйшаго Биръ Іоакима, Московскаго и всеа Росіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ патріарха, велѣно въ твоей архіерейской епархіи сыскать области брата нашего преосвященнѣйшаго Іоанн митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Пошехонскаго поца Петра; и нынѣ де тебѣ архіерею вѣдомо о немъ учинилось, что де онъ на заальной рѣкѣ Яику у насъ Яицкаго войска пребываетъ въ войску. Да въ той же твоей архіерейской грамотѣ писано къ намъ Яицкому войску, чтобъ намъ Яицкому войску указъ великихъ государей и благословеніе великаго господина святѣйшаго патріарха исполнить, такжеже и твоего архіепископскаго къ намъ посланія и повелѣнія не преслунать, велѣтъ бы того поца Петра отдать твоему архіерейскому сыну боярскому Ивану Феофтистову вѣлично, и проводить его въ Казань въ цѣлости, и о томъ къ тебѣ великому архіерею писать. *И у насъ Яицкого войска, въ Кирсановской станицѣ, отъ нашего Яицкого городка въ далнемъ разстояніи, ради нужды ихъ, тотъ повъ Петръ у нихъ въ станицѣ былъ, и за малолѣдствомъ изъ Кирсанова та станица перешли къ намъ къ Яицкому войску и съ нимъ попомъ Петромъ, и поселились подлѣ нашихъ куреней особенно въ одномъ мѣстѣ, и тотъ священникъ Петръ ради всякихъ потребъ и доньятъ живеть въ той Кирсановской станицѣ, а на святую Вожию соборную и апостольскую церковь*

и на благочестивѣйшихъ православныхъ царей нашихъ, и на васъ архіереевъ, и на весь манахескій и священническій чинъ и на всѣхъ во всей вселенней православныхъ христіанъ отъ него священника Петра никакой хулы и расколу нѣтъ, а живетъ съ смиреніемъ, не цывствуетъ; и мы Яицкимъ войскою, за его смиреніемъ, и держимъ у себя; а вые, государь великій архіерей, держимъ и нужды ради, что живемъ мы отъ Русскихъ городовъ за такую дальною степью, потому что вышѣ мы съ калмыки и въ миру, а живемъ съ опасностію:—безирестани оне калмыки и за миромъ намъ ввотія обиды и назоги чиняги; а какъ у насъ съ ними Калмыки разярье ¹⁾ будетъ, а въ то время грѣхъ ради нашихъ, твоихъ архіерейскихъ рукоположенныхъ священниковъ по какому случаю постигнетъ смертній часъ и намъ Яицкою войскою въ тое пору, какъ съ ними калмыки разярье бываеъ и поготову чрезъ такую дальную степь къ тебѣ великому архіерею вскорѣ за священникомъ послать невозможно; а смертнаго часу мы опасны, чтобы въ такое нужное время безъ покаянія не помереть, потому что и въ прошлыхъ годѣхъ былъ приславъ отъ преосвященнѣйшаго *Лаурентія* ²⁾, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, къ намъ къ Яицкою войскою священникъ *Герасимъ Нефельевъ* олимпъ, и тотъ священникъ волею Вожіею и самъ уире безъ покаянія, потому что въ то число священниковъ здѣсь не случилось; и послѣ того умершаго священника наша братія многіе безъ покаянія, а младенцы не крещеные померли. А послѣ того также приславъ былъ отъ преосвященнѣйшаго *Іоасафа* ³⁾, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, къ намъ къ Яицкою войскою священникъ *Иванъ Гурьевъ*, и тотъ священникъ также безъ покаянія умеръ; а послѣ того наша братія многіе безъ покаянія, а младенцы безъ крещенія померли. И мы Яицкимъ войскою того попа Петра у себя въ войско, за его смиреніе, для того нужного времени и держимъ. *А въ прошлыхъ годѣхъ, при прежнихъ великихъ архіереехъ* ⁴⁾ *которые были въ Казани на своихъ архіерейскихъ престолѣхъ и у насъ Яицкою войскою ихъ архіерейскіе рукоположеные священники были, а пришлые священники были жъ; и отъ прежнихъ архіереевъ о тѣхъ пришлыхъ священникахъ намъ Яицкою войскою запрещенія объ нихъ и присылки по нихъ не бывало, потому что въ прошлыхъ годѣхъ отъ насъ Яицкою войскою никакимъ бѣглымъ людемъ отдачи не бывало, на поле къ себѣ бѣглыхъ людей не призываетъ, а съ поля не ссылаемъ; а кто у насъ объявится въ законъ воровствѣ, и тѣмъ ценнымъ людемъ, но вынѣ смотря, по полскому нашему указу, свой указъ бываеъ. А сына боярскаго твоего Ивана Феоктистова и*

¹⁾ Т. е. война; зампренье—миръ.

²⁾ Митрополитъ Лаурентій былъ въ Казани съ 1657 до 1672 года (Иванъ Строевъ „Синодскіе іерархи и вѣстост. монаст. русскихъ церквей“ страница 287—290).

³⁾ Митрополитъ Іоасафъ былъ въ Казани съ 1674 по 1686 г. (тамъ-же).

⁴⁾ Митрополиты до Лаурентія въ Казани были слѣдующіе: Ефремы—1606—1613; Матфей—1615—1646; Симеонъ 1646—1649; Корингія 1650—1656; Корингаіъ 1673—1674. (Иванъ Строевъ „Синодскіе іерархи и вѣстост. монастырей русск. церквей“, стр. 287—290).

лицкии войскои къ тебѣ великому архирей съ Яику отпустили въ Казань марта 1 числа“¹⁾).

Получивъ эту отписку и не будучи въ силахъ настоять на своемъ требованіи, казанскій митрополитъ Адрианъ послалъ на войско челобитье въ Москву къ патриарху Кирь-Іоакиму, которому послалъ и копию съ отписки Яицкаго войска.

Это челобитье было получено въ Москвѣ 15 марта, т. е. черезъ 14 дней послѣ выѣзда Феоктистова съ Яика, что является для того времени весьма скорнымъ. Вѣроятно Адрианъ былъ чрезвычайно огорченъ отъходомъ войска въ выдачѣ половъ и свое челобитье патриарху отразилъ съ сеунчемъ—гонцомъ.

„Великому господяну и государю, — писалъ Адрианъ къ патриарху, — отцу нашему, всесвятѣйшему Кирь Іоакиму, Московскому и всея Росіа и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху, сынъ твой и богомолецъ, Адрианъ, митрополитъ Казанскій, святого твоего отческаго и архипастырскаго благословенія прошу и святого Бога моля челоиъ бѣю. Въ вышнемъ, государь, по 196 году (1688 г.), вѣдомо мнѣ богомольцу твоему учинилось, что изъ епархіи брата моего, преосищеннаго Іоны, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Помехонскаго уѣзда церковной раскольникъ поиъ Петръ сбѣжалъ на Яикъ тому гтѣ съ 15 и безъ благословенія твоего архипастырскаго и прежде бышихъ братиі моеи, архіереиъ Казанскихъ, и на Яикъ въ неосвященной церкви отъскаеть утрени и вечерни и часы, и свадьбы ввнчаетъ по старымъ кницамъ, а новоисправленныхъ книгъ ничего не приѣмлетъ, и на ектевіяхъ о спасеніи и многолѣтномъ здравіи и твоего архипастырскаго пиявнн, и подѣ чьєю паствою и духовною властію присутствуемы, не помявають, и многіе души самого связаннаго того и неразрѣшннаго поиа Петра отъ церковнаго расколу безъ разсужденія и церкви святой въ непокоревіи погибають. И я, богомолецъ твой, о спаску и о прнсылѣі того раскольника поиа Петра, злолиные рѣки Яику яицкииъ атаманомъ и казакомъ, атаману Якову Васильеву и всему войску изъ Казани писалъ и посылаъ вѣршнаго домоваго своего сына боярскаго; и они атаманъ Яковъ и все Яицкое войско того поиа Петра мнѣ богомольцу твоему не отдали, а въ писъмъ своемъ написали: такой поиъ Петръ въ Кирсановѣ станицы у нихъ есть и доннѣ живеть у нихъ, и будто они его держать для нужды и воинскаго дѣла и отъ калмыкъ для оластвѣ, и послать его ко мнѣ поиа имѣ атаманомъ и казакомъ вскорѣ неможно, и по пришлнхъ де поновъ присылаи къ мнѣ на Яикъ в отдачи изъ войска у нихъ визакниъ бѣглымъ людемъ не бывало, а на поле де они къ себѣ бѣглыхъ людей не призываютъ, а съ поля не ссылають; а кто объявится въ какомъ воровствѣ, и тѣмъ людемъ, по виѣі смотря, по польскому ихъ суду, свой указъ биваетъ. Да у нихъ же, государь, на Яикѣ объявился изъ Казани воръ и

¹⁾ Дополненіе къ Актамъ Историч., томъ XII, стр. 122, 215—218 и 269. На подлинной отпискѣ дата: 196, марта въ 15 день предъ святѣйшимъ патриархомъ чтена. Вкленіи въ столѣи архирейскнхъ отписокъ.

раскольникъ и тюремной уходящъ полъ Алексѣй, а нынѣ называется въ старцахъ Андреянъ, и живеть въ расколѣ, и многихъ души таковыя злохотѣще прелщать, и отъ свѣта во тьму невѣденіемъ привлекають. Умиловивши, государь, великій господивъ и отецъ нашъ, всесвятѣйшій Киръ Іоакимъ, Московскій и всеа Россія и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, пожалуй мени богомольца своего, вели о такихъ раскольникахъ свой архиепископской отеческой указъ учинить; и которые станишники изъ войску Яицкаго нынѣ на Москвѣ ясаулъ съ товарищи есть предъ своимъ архіерейскимъ лицемъ благоволи указать, а впредъ поповъ безъ благословенія нашего принимать имъ и монаховъ бѣглыхъ и въ расколѣ явныхъ воспрети своимъ архиепископскимъ повелѣніемъ и мнѣ богомольцу своему о указѣ своемъ прислать свою архиепископскую и отеческую грамоту вели. А будетъ тебѣ, государь и отцу моему, нетрудно, яволь послушать, какъ они во мнѣ пишутъ и какую отвѣдь даютъ: посланъ списокъ съ ихъ письма съ сѣмъ писаніемъ. И, паки, твоего государева и отца нашего архиепископского и отеческаго благословенія прося и святаго Бога моля, челомъ бью¹⁾.

Въ этомъ челобитвѣ, говоря о томъ, что казаки при ектеніяхъ не упоминають митрополита, Адрианъ покривилъ душою, т. е. казаки молились не только за патріарха Іоакима, но и за митрополита Казанскаго и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Сказавъ эту не правду, Адрианъ, вѣроятно, имѣлъ ввиду сильнѣе подѣйствовать на Киръ — Іоакима.

Уѣхавъ посоль отъ казанскаго митрополита и казаки на Яикѣ задумались. До нихъ стали доходить слухи о расправахъ со старообрядцами на Дону и о выдачѣ ихъ донцами.

Все лѣто казаки прислушивались къ этимъ новымъ и страшнымъ для нихъ вѣстямъ съ Дона. Отъ казанскаго митрополита не было никакихъ вѣстей все лѣто; между тѣмъ тишина эта была обманчивая. Не везло казакамъ послѣдніе годы: пожаромъ испепелило весь городокъ, появились киргизы и стали изъ дальнихъ стеней дѣлать наѣзды и захватывать въ плѣнъ казаковъ и отгонять скоть, и наконецъ въ Казани стали виѣшиваться въ ихъ церковныя дѣла; къ этому присоединилось и недовольство на калмыкъ. Хотя казаки и были съ ними въ замиреньи, но калмыки пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отогнать скоть и особенно дѣвныхъ для казаковъ лошадей. Дерзость ихъ дошла до того, что наступившею зимою большая толпа калмыкъ Аюкая-Тайши, прикочевавъ къ Яику, стала ловить рыбу. Казаки возмутились и прогнали незваныхъ гостей, пригрозивъ калмыкамъ разиревенъ, что войско пойдетъ на нихъ разгромить. Но это дѣло, какъ общее казачье, рѣшить одно Яицкое войско не могло и послало за совѣтомъ легкую станицу въ Донское войско, къ атаману Фролу Менаеву. Атаманъ и все Донское войско въ защиту Яицкаго войска послало къ Аюкаю-Тайшѣ на-

¹⁾ Дополн. къ Ант. Ист., т. XII, стр. 122, 215—218 и 269.

рочною съ тѣмъ, „чтобъ онъ впредь на Яикѣ рыбы ловить не велѣлъ и буде учнетъ ловить и они стануть его громить“¹⁾.

Аюкай-Тайша повялъ, что шутить съ двумя казачьими войсками плохо „и съ того времени онъ, Аюка, улуснымъ своимъ людямъ на Яикѣ рыбу ловить заказалъ“²⁾.

Пріѣхала казачья станица обратно съ Дона на Яикъ и принесла съ собою недобрыя вѣсти: старообрядцы на Дону искореняются, которые казнены на Дону, а иные въ Москвѣ, остальные разосланы по разнымъ городамъ.

Вслѣдъ за яицкими казаками пріѣхали на Яикъ и донцы, — посланцы отъ Донскаго войска казаки *Юна Алексеевъ* и *Василій Лаврентьевъ* съ грамотами отъ Донскаго войска и отъ московскаго патріарха.

Патріархъ, получивъ еще въ мартѣ челобитье казанскаго митрополита, видимо, былъ въ нерѣшимости, какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ. Лишь только осенью, когда прибыла съ Дона легкая станица, патріархъ рѣшилъ съ этимъ обратиться къ Донскому войску, тогда главенствовавшему среди казачества и имѣвшему, какъ мы знаемъ, громадное вліяніе на дѣла другихъ войскъ.

Донцы же въ это время, „искореняя“ у себя раскольниковъ и собираясь строить послѣ бывшаго у нихъ пожара новую церковь, вмѣли къ московскому патріарху много просьбъ. Имъ нужны были колокола, нѣкоторыя церковныя книги, а также порохъ, свинець и пушки. Отказать патріарху донцы не могли и въ своей отпискѣ къ нему, прося у него колокола и ходатайства предъ царями о дачѣ войску жалованья и пушекъ, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ *Фроломъ Мьянаевымъ*, между прочимъ, писали:

„И мы холопы ваши, по твоему архиерейскому благословенію и по грамотѣ, на Яикъ для тѣхъ раскольниковъ поповъ посылщиковъ своихъ казаковъ послали того-жъ часу и велѣли Яицкому войску тѣхъ поповъ отослать за провожатыми въ Казань къ казанскому митрополиту *Андрею* не мотчавъ; а впредь имъ, войску Яицкому указали мы Казанскаго митрополита *Андрея* благословенію быть во всемъ послушнымъ безо всякаго прекословія“³⁾.

Прибывъ на Яикъ зимою, донскіе посланцы объявили грамоты собранному въ кругъ Яицкому войску и войсковому атаману *Якову Васильеву*.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвели эти грамоты на войско. Отставивъ свои вольности и права, яицкіе казаки опирались въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на Донское войско и всегда находили въ немъ поддержку и соглашались свои дѣйствія съ донцами. На этотъ разъ нарушать ихъ казачьи права явились не московскіе приказные и воеводы, а свои-же братья казаки — донцы, тѣ самые донцы, на которыхъ они болѣе всего надѣялись, что ихъ не выдадутъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла 1689 г. № 21, картонъ 57, листъ 66. — Отвѣтъ донскаго атамана *Минзена* въ государственномъ посольскомъ приказѣ.

²⁾ Тамъ-же, листъ 67.

³⁾ Дополненіе къ *Актамъ Истор.*, т. XII, стр. 122, 216—218 и 269.

Но допцы требовали выдачи бѣглыхъ поповъ, требовали отъ всего донскаго войска выдать и искоренить всѣхъ раскольниковъ.

Яицкое войско недоумѣвало. Казаки не понимали, что отъ нихъ требуютъ? Они, — Яицкое войско, — въ Бога вѣруютъ, въ церковь ходятъ, за царя, за патриарха и за всѣхъ православныхъ христіанъ молятся, что-же отъ нихъ требуютъ?! И войско съ наивной простотой стало писать патриарху отписку, что у нихъ раскольниковъ вѣтъ, не подозревая того, что они-то, эти вѣрные слуги царя и Россіи, релігіозные, какъ древняя Русь, они то и есть тѣ самые плуты и раскольники, которыхъ проклинали на соборѣ и которыхъ такъ усмеленно ищетъ патриархъ и казанскій митрополитъ и которыхъ такъ безпощадно искореняли на Дону!

„Великому господину святѣйшему Каръ Іоакиму, Московскому и всея Россія и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху, писали яицкіе казаки въ отпискѣ, — холопи великихъ государей заповѣдъ рѣши Яицкіе атакамы — казаки: атаманъ *Якушка Васильевъ* и все Яицкое войско благословенія просимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ во 197 (1689) году, по твоей святѣйшаго патриарха грамотѣ, присланы отъ войска Донскаго къ намъ къ Яицкому войску нарочные посланники донскіе казаки, *Южа Алексѣевъ* да *Василій Лаврентьевъ*, для сыску расколниковъ. И у насъ въ Яицкомъ войскѣ нынѣ расколниковъ не объявилось; а по указу великихъ государей и по твоему святѣйшаго патриарха благословенію и по присылкѣ отъ Донскаго войска мы Яицкіимъ войскамъ у себя въ яицкомъ городѣ про расколниковъ розсказываемъ и будо по розыску объявятся у насъ какіе расколники и мы укрывать ихъ не станемъ, по войсковому своему суду такимъ плутамъ за расколъ станемъ смертную казнь чинить, или чего доведется. А сверхъ того такожъ межъ собою утвердились и крестъ Господень и святое евангеліе въ церквѣ Божіей всѣмъ войскамъ цѣловали въ томъ, что великимъ государемъ служить вѣрою и правдою, и къ церкви Божіей приходитъ, а про великихъ государей и про твое святѣйшаго патриарха благословеніе и про весь священный соборъ никакихъ нестойныхъ словъ не говорить, и ничѣмъ не порочить; а послѣ вѣрстванаго цѣлованія мы Яицкіимъ войскамъ, переговора о томъ межъ себя въ кругу, и съ отясками къ великимъ государемъ и къ тебѣ святѣйшему патриарху о семъ дѣлѣ послали къ Москвѣ, выбравъ яицкихъ своихъ казаковъ: ставишнаго атамана *Осипа Васильева* да ясаула *Вихромля Сертева* съ товарищи, четырехъ человекъ, а велѣли имъ явитца и сію отписку подать въ твою патриаршѣ разрядѣ“¹⁾.

Пославъ челобитную, войско долго не рѣшалось предпринять что либо определенное. Какъ быть?! — Отказать въ выдачѣ поповъ опасно — войско нажило бы себѣ враговъ всюду и въ Москвѣ, и въ Казани, и на Дону.

¹⁾ Тамъ-же, а также Моск. Ар. Мин. Юст., Донскія дѣла 1689 г. № 7. На подлинной отпискѣ помета: „Чтева. Записать въ книгу вѣсть къ отписку“. Числа и мѣсяца на челобитной не имѣется.

Выдать же было нельзя: по ихъ казачьему вольному обычаю до сихъ поръ никто изъ бѣглецовъ не выдавался: если выдать поповъ, то завтра же потребуютъ выдать и другихъ бѣглыхъ, а они, войско Яицкое, почти всѣ бѣгле!.

Долго находились казаки въ недоумѣніи; смѣнился старшій войсковой атаманъ Яковъ Васильевъ, вмѣсто него выбрали другого атамана *Прокофія Семёнова*. Наступалъ мартъ— время отправки станицы въ Самару за хлѣбомъ, а войско все еще не рѣшалось, какъ поступить, что сдѣлать съ требованіями патріарха и донцовъ?

Наканунъ 3 марта въ послѣднемъ шумномъ кругу войско рѣшило выдать оцальныхъ поповъ, но успѣли схватить только священника Андріана, пось же Петръ съ Яика сбѣжалъ, а можетъ быть и сами казаки скрыли его гдѣ нибудь отъ донцовъ, но только при отсылкѣ въ Казань священника Андріана пось Петръ числился бѣглымъ. Андріанъ же самъ отдался въ руки; когда еще, по пріѣздѣ донцовъ, Яицкое войско ходило въ церковь и цѣловало крестъ, чтобъ имъ никакого раскола между собою не имѣть, пось Андріанъ въ церковь не пошелъ и креста Господня и святаго евангелія не цѣловалъ, а говорилъ, что онъ подѣ запрещеніемъ у отца своего духовнаго¹⁾.

Схвативъ Андріана, казаки отправили его вмѣстѣ съ двумя донцами въ Казань въ митрополичій дворъ, придавъ къ донцамъ двухъ яицкихъ казаковъ *Ивана Исаева* и *Тимофѣя Кожевникова*. Станица съ Андріаномъ прибыла въ Казань 17 марта, гдѣ казаки, сдавши пона митрополиту и получивъ отъ воеводы князя Барятинскаго государево жалованье, уѣхали— донцы на Донъ, а яицкіе казаки на Яикъ.

Когда въ Москвѣ получали объ этомъ свѣдѣніе, то приказали выслать Андріана въ Москву въ Казанскій приказъ „скована и съ провожатыми“²⁾.

Что случилось съ попомъ Андріаномъ, преслѣдовали ли дальше въ этомъ году старообрядцевъ въ Яицкомъ войскѣ—въ актовъ не видно.

Это гоненіе на старообрядцевъ на Яикѣ было первое, и, къ несчастью, не послѣднее. Въ слѣдующіе же періоды исторіи Яицкаго войска гоненія на старообрядцевъ въ войскѣ съ каждымъ годомъ были все сальше и сальше в Яицкое войско, состоявшее, какъ мы видимъ, силошъ изъ старообрядцевъ, становятся одною изъ главныхъ жертвъ административнаго и церковнаго гоненія за свои религіозныя убѣжденія.

Трудно и невозможно объяснить ни здравымъ смысломъ, ни историческою необходимостью этого жестокаго преслѣдованія, которому подвергались старообрядцы.

Исторически и логически преслѣдованіе старообрядчества, государственное и церковное, представляетъ до того странную вещь, до того несбыточное

¹⁾ Тамъ-же. Относно въ приказъ Казанск. двора казанскаго воеводы князя Даниила Барятинскаго, о присылкѣ въ Казань атаманомъ яицкихъ казаковъ Прокоф. Семёновымъ отлученнаго попа Андріана 1689 г. марта 17.

²⁾ Тамъ-же.

явленіе, что будущіе историки, рассказывая эту исторію, стануть отъазываться отыскать въ ней какой-нибудь смыслъ.

Позднѣйшія историческія изслѣдованія нямъ говорятъ, что исправленіе Никомомъ духовныхъ книгъ и крестнаго сложенія были въ дѣйствительности не исправленіе, а порча ихъ и, зная это, становится еще большѣе за ту массу невинныхъ жертвъ, мучениковъ за вѣру, такъ безсланно и безвинно погибшихъ!

Древнѣе наши церковныя чины и обряды никогда никѣмъ у насъ не искажались и не портились,—имѣть званокъ русскаго старообрядчества профессоръ Н. Ф. Каутеревъ¹⁾,—а существовали въ томъ самомъ видѣ, какъ мы видѣтъ съ христіанствомъ приняли ихъ отъ грековъ, только у грековъ нѣкоторые изъ нихъ позднѣе измѣнились, а мы остались при старыхъ, неизмѣненныхъ, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднѣйшими греческими. Это свое общее положеніе я иллюстрировалъ на формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, при чемъ выяснилъ, что въ христіанской церкви древнѣйшею формою перстосложенія было единоперстіе, а потомъ единоперстіе у православныхъ грековъ замѣнено было двоеперстіемъ, которое мы отъ нихъ и заимствовали при своемъ обращеніи въ христіанство. И въ то время какъ греки не остановились и на двоеперстіи, а позднѣе замѣнили его у себя троеперстіемъ, русскіе остались при прежнемъ, воспріятомъ ими отъ грековъ, двоеперстіи, которое и было у насъ до Никона господствующимъ обычаемъ. Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій въ 1892 г. издалъ особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Къ вашей поленикѣ со старообрядцами“, въ которой новыми данными, относящимися къ вопросу о перстосложеніи и другимъ спорнымъ обрядовымъ вопросамъ, вполне подтвердилъ научную вѣрность моихъ взглядовъ на старый обрядъ. Теперь они приняты всѣми въ наукѣ и уже не возбуждаютъ никакихъ споровъ среди самихъ полемистовъ съ старообрядцами и ни кто въ нихъ ничего вреднаго для церкви не находитъ“.

Такъ говорятъ Каутеревъ. Но тогда, когда въ слѣпомъ фанатизмѣ послѣдователи новшества не знали ни гравидъ, ни предѣла своей нетерпимости, тогда этого не знали.

При взглядѣ на историческое прошлое мы видимъ, что въ 1439 году, когда папа Евгенийъ слѣлалъ попытку собрать 8-й вселенскій соборъ во Флоренціи, на этотъ соборъ изъ Россіи поѣхалъ митрополитъ Исидоръ съ епископомъ Араміемъ суздальскимъ и нѣкоторыми другими лицами; въ томъ часѣ былъ инокъ-іерей Симеонъ Суздалецъ, который и описалъ это путешествіе. Но на этомъ соборѣ выяснилась вся та рознь, которая постепенно проявилась между вос-

¹⁾ Профессоръ Н. Ф. Каутеревъ „Патріархъ Никонъ и царь Алексій Михайловичъ“, томъ I в 1909 г., стр. II и III. Въ этой интересной книгѣ доказываются историческими документами вся несправдливость и неосновательность никоновскихъ реформъ.

точною и западною церковью. Симеонъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Италіи вмѣстѣ съ русскимъ посломъ *Фомою*. Послѣ этого собора русская церковь перестала завѣсть отъ константинопольскаго патриарха, такъ какъ на этомъ соборѣ греки вмѣстѣ съ латынянами были признаны *измѣнившими православію*. Митрополитъ Исидоръ по возвращеніи его въ Москву былъ осужденъ за приверженность къ грекамъ и папѣ и вынужденъ былъ бѣжать въ Римъ, гдѣ былъ сдѣланъ кардиналомъ.

Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ этого, во время Іоанна IV въ 1551 году, для упорядоченія церковнаго устройства и народныхъ нравовъ и обычаевъ, былъ созванъ многолюдный церковный соборъ, на которомъ кромѣ духовенства засѣдали „князи, и бояре, и воиѣ“. Постановленія этого собора подъ именемъ *Стоглава*, по числу заключающихся въ немъ ста главъ, принимались по управленію церковью вплоть до 1667 года. Въ Стоглавѣ было подтверждено двоеперстіе, сугубая аллилуія, поклоненіе стариннѣ иконамъ, запрещеніе брить усы и бороду и ношеніе нѣмецкаго платья и много другихъ постановленій, ставшихъ обязательными для каждаго православнаго христіанина. [16].

Подъ дѣйствіемъ схоластической литературы, проникшей въ Москву изъ Кіева, Никонъ для исправленія книгъ пригласилъ кіевскихъ ученыхъ; за образцами книгъ послалъ къ грекамъ, въ тѣхъ самымъ грекамъ, которые на соборѣ 1439 года были признаны *измѣнившими православію*! Въ созванномъ въ Москвѣ по настоянію Никона соборѣ въ 1667 году, гдѣ между прочимъ участвовало три патриарха восточной православной церкви (греки), почти всѣ постановленія стоглаваго собора были отиѣнены и соборъ признавалъ, что „той соборъ (стоглавыи) не въ соборѣ и влѣтва не въ влѣтву“.

Кому-же вѣрять? Куда же идти? Образовался расколъ. Ревнители стараго благочестія не хотѣли принимать новшества, не согласныхъ съ ихъ древнерусскими обычаями и обрядами, и стали звать приверженцевъ Никона *никоновицами*. Вставшіе-же на сторону Никона стали звать своихъ противниковъ *раскольниками*.

Казалось, что на этомъ и надо было успокоиться, предоставивъ каждому молиться и креститься по своему убѣжденію. Но въ схоластическихъ и жалкихъ бредняхъ было забыто, что на великій свѣтъ святости Всемогущаго Творца вселенной не упадетъ тѣни отъ того, что двумя или тремя перстами будетъ его славить человекъ на землѣ!

И мы видимъ, что при Никонѣ, при исправленіи богослужебныхъ книгъ, а въ особенности въ пору церковныхъ преобразованій Петра Великаго и Феофана Прокоповича, русское правительство, свѣтское и духовное, быстро и не очень осмотрительно приняло сторону черемши и передѣлокъ, носившихъ при Никонѣ археологическо-византійскій характеръ, а при Петрѣ и Феофанѣ лютеранскій уклонъ: и не принявшіе этихъ передѣлокъ люди остались церковниками по тѣлу, духу и буквѣ, во всемъ слагающемся съ вели-

ими святителями земли русской, преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, митрополитами Петропъ, Ионою и Филиппомъ, съ царями, какъ Грозный и Михаилъ Феодоровичъ. Всѣ они—эти святители и цари—всѣ они были ревнители стараго благочестія, всѣ были люди старой русской православной вѣры.

Святая княгиня Анна Кашинская, открытіе мощей которой такъ недавно праздновалось русскою церковью, была тоже старообрядка—молилась по старымъ русскимъ обрядамъ. Ея мощи еще 12 июня 1650 г. были торжественно перенесены въ новый соборъ, при чемъ на торжествѣ присутствовала вся царская семья.

„Вскорѣ, когда началась Никонова реформа и движеніе раскола, было обращено вниманіе, что *пальцы правой руки ея сложены въ обвѣрстное крестное знаменіе*. Та обрядность и мелочность, на почву которой съ самаго же начала стала расколъ, раздѣлялась съ немалымъ фанатизмомъ и отверженцами Никона. Вмѣсто того, чтобы въ сложеніи пальцевъ почившей триста лѣтъ назадъ св. княгини увидѣть ясное доказательство равночестности и равносестности обоихъ перстосложеній и устранить вовсе этотъ вопросъ, какъ мотивъ церковной распри, патріархъ Іоакимъ созвалъ назойливый соборъ исключительно изъ іерарховъ церкви, который, упершись въ троестерстіе и оцезаясь дать раскольникамъ опору въ ихъ борьбѣ, вріостановилъ вовсе празднованіе св. Анны, а втрюущимъ православнымъ, которые имѣли ея иконы, уже къ тому времени очень распространившимъся, пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви и наказаніемъ. Такъ святаго человѣка, явившаго себя и въ жизни и въ мощахъ, какъ бы погребли вторично изъ-за однихъ пальцевъ его, частицы тѣла, а не души, изъ-за обряда и формы!“¹⁾

Гнали обрядъ, гнали форму, не спрашиваясь съ душою и съ идеалами гонимаго народа. Между тѣмъ эти старообрядцы—эти столбовые русскіе люди волновались исключительно отдѣльными распоряженіями правительственной власти, направленными противъ нихъ; но никогда рѣшительно они не воставали противъ существа государственной власти, никогда не отрицали и не оскорбляли *лица* государства и государственности. Въ этомъ огромное ихъ преимущество сравнительно съ западно-европейскимъ сектантствомъ, огромное и само по себѣ, и по отношенію къ государственной безопасности. Можно сказать, государство старалось создать наиболѣе удобныя условія существованія для этихъ церковныхъ „раскольниковъ“, суть которыхъ заключалась въ непріятіи никакихъ „новшествъ“ церковныхъ, въ отставаніи духа и буквы старой вѣры, откуда произошло и самое имя „старовѣрія“, въ нежеланіи сколько-нибудь отщепенія, сколько-нибудь отколота отъ великихъ прототиповъ древней русской вѣры, отъ Сергія Радонежскаго до московскихъ святителей; въ нежеланіи новаго, доходившемъ до севѣрія, до мелочности, до „істы“.

Лучшій знатокъ судебъ раскола, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, разъяснилъ источникъ этого „правительственнаго“ умозаступленія. Какъ извѣстно, расколъ

¹⁾ Новое Время 1909 г., № 11911.

гнали особенно жестоко въ классическую эпоху нашего правительственнаго блеска, въ пору Николая I и митрополита Филарета. Гиляровъ-Платоновъ указывалъ, что расколъ самымъ бытіемъ своимъ, самымъ своеобразиемъ своимъ, своею волею, своимъ неуступчивымъ „я“ ставилъ препятствіе для побѣднаго шествія „фронтныхъ идеаловъ“, т. е. идеаловъ военнаго фронта на смотру, принципъ коего разливался на всю гражданственную, на всю культурную и наконецъ на всю религиозную жизнь. Съ старообрядчествомъ не вступали въ прѣвѣ по существу, старообрядчество не критиковали по существу, старообрядчествомъ не интересовались по существу, его не любили, гнали и наконецъ „биграли съ глазъ долой“, какъ пуговицу, невѣрно пришитую къ борту мундира у солдата на смотру. Вотъ и все. Вотъ и весь источникъ гоненія. Отсюда знаменитый и странный для уха, непонятный для религиозной совѣсти терминъ „необязательства“, введенный по отношенію къ расколу въ законы: старообрядчество могло *быть*, но оно не должно было „оказываться“, являть себя, показываться на глаза кому-нибудь, — именно какъ пуговица, не такъ пришитая, на мундирѣ, какъ неправильность формы, какъ отступленіе отъ абсолютнаго, слятаго единообразія¹⁾. „Отступленій не допускается“. Этотъ девизъ фронта, девизъ формальныхъ бюрократическихъ отношеній, девизъ „исходящихъ“ и „входящихъ“ бумагъ, этотъ мучительный кошмаръ преслѣдованія совѣсти и всего лучшаго человѣческой души лежалъ тяжелымъ ярмомъ почти два столѣтія на цѣлой области, на цѣломъ войскѣ самыхъ преданныхъ и самыхъ религиозныхъ гражданъ земли русской!

Красною нитью во всей исторіи Яицкаго войска проходитъ эта борьба духовной и свѣтской власти съ религиозными убѣжденіями казаковъ, борьба упорная и подчасъ жестокая, борьба, которая виждеть съ несправедливостью и лихоимствомъ старшинъ и атамановъ доводить войско до вооруженнаго бунта, когда яицкіе казаки, эти вѣрнѣйшіе изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Царя и Россіи, поднимаютъ знамя возстанія подъ предводительствомъ Пучагева и идутъ на смерть „за бороду и крестъ“!

Въ тотъ-же 1688 годъ, когда старообрядцы горѣли въ срубахъ и въ цыгу фаватияна сжигали сами себя, въ сентябрѣ былъ объявленъ второй походъ въ Крымъ. Въ этомъ походѣ участвовали донскіе, яицкіе и орбшковскіе казаки Вѣлгородскаго поляна, а также и яицкіе казаки дѣвяти человекъ, прибывшіе въ армию съ Яика съ походнымъ атаманомъ *Яковомъ Васильевымъ*²⁾.

Наученный опытомъ, Голицынъ на этотъ разъ хотѣлъ предпринять походъ равнею веспоу, чтобы не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Ратнымъ людямъ вѣлвно было собраться не позже фев-

¹⁾ „Новое Время“ 1909 г. № 11911.

²⁾ Смолр. прилж. XII. Цапка дана — атаману 28 руб., есауламъ двоимъ по 25 р., знаменщикамъ двоимъ по 23 р., рядовымъ по 19 р.

раля 1689 года. Наступилъ февраль и 112 тысячъ войска двинулись въ степь.

О подробностяхъ этого похода Устряловъ говоритъ такъ ¹⁾:

„Голицынъ оставилъ безъ вниманія большую часть предположеній Гордона, и снѣшилъ выступить въ походъ ранѣе обыкновеннаго, чтобъ избѣжать степныхъ пожаровъ, но изъ одной бѣды попалъ въ другую: сначала была жестокая стужа, потомъ вдругъ наступила оттепель, степныя рѣки разлились на обширныя пространства, и войска съ невыносимымъ трудомъ переправились черезъ Ворсклу, Мерлу и въ особенности черезъ Врель: здѣсь надобно было построить мосты и гати версты на двѣ и болѣе. На Врели присоединились къ Голицыну сходные товарищи его со своими разрядами: прежде всѣхъ Шереметьевъ съ Казанскимъ, потомъ Шеннъ съ Новгородскимъ, наконецъ князь Долгорукой съ Рязанскимъ и Дмитріевъ-Мамоновъ съ Низовымъ полкомъ ²⁾, а на Самарѣ гетманъ Мазепа съ своимъ regimentомъ. Сосредоточенныя такимъ образомъ войска запасались провіантомъ въ городѣ Новобогородскомъ на два мѣсяца; отсюда они потапливались лѣвнымъ берегомъ Дѣбура черезъ Конскія Воды, Ячакракъ, Карачокракъ, Московку и Бѣлозерку къ Ковркѣ; для охраненія же Украины отъ нечаяннаго прихода неприятельскихъ людей велѣно стать около Самарскихъ вершинъ боярину Ивану Феодоровичу Замынскому съ новгородцами, псковичами и вѣтчиками, не явившимися въ срокъ на сборные пункты. Отъ Самары воеводы шли съ большою осторожностью, высылая конные отряды впередъ для развѣдыванія, вѣтъ ли въ степи сѣмьи или слѣда неприятельскаго; до Бѣлозерки не встрѣтили ни одного татарина; здѣсь же развѣзды наши схватили трехъ крымцевъ, отъ которыхъ, впрочемъ, кажется, ничего не узнали. Съ Бѣлозерки Голицынъ писалъ въ Москву, что по совѣщаніи съ своими товарищами и съ гетманомъ отрядилъ отъ боярина и воеводу Неплюева съ думнымъ дворяниномъ Косоговымъ къ рѣкѣ Молочной и къ Тоцкимъ водамъ, для промисла подъ Керчью и Чувгаромъ ³⁾; но Неплюевъ, какъ видно изъ собственнаго донесенія его, отъ главной арміи не отдѣлился, да и пройти къ Керчи иначе не могъ, какъ черезъ Крымъ. Достигнувъ рѣчки Коврки, Голицынъ послалъ до 2.000 человекъ къ Асланъ Кирменю, а самъ со всею арміею двинулся по направленію къ Черекону.

На другой день разнесся слухъ, что татары близко; все войско пришло въ смятеніе; тревога однако-жъ была напрасна, — черезъ вѣсколько часовъ армія вступила на зеленую долину, обширное поле, покрытое верстъ на десять роскошной травой, съ обильнымъ количествомъ воды, и остановилась здѣсь лагеремъ. Отрядъ, посланный къ Асланъ Кирменю, возвратился, ничего не слѣзавъ, даже не дошедши до вѣрности версты за полторы. Плѣванный татаринъ объявилъ, что за день передъ тѣмъ крымскій ханъ пришелъ изъ за Дѣбура съ 4000 бѣ-

¹⁾ Устряловъ, „Истор. царств. Петра Великаго“, т. 1, стр. 220 — 221.

²⁾ Тутъ были и яцкіе казаки.

³⁾ Тутъ находились донскіе, яцкіе и орѣшковскіе казаки Бѣлогородскаго полка. — А в г.

городскихъ татаръ и стоитъ на Колончакѣ, а главные его силы находятся въ Черной Долинѣ верстахъ въ 20 отъ Зеленой. Слѣдующій день, во время перехода русской арміи изъ Зеленой Долины въ Черную, отъ Давъра, по Казивирменской дорогѣ показались татары, впервые въ значительномъ числѣ, не болѣе, впрочемъ, 10.000 человекъ, передъ полками боярина Шенна. Завязалась перестрѣлка, которая продолжалась часа 3 или 4 и кончилась незначительнымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ того татары удалились. Слѣдуя за ними по Казивирменской дорогѣ, войска наши вступили въ Черную Долину, и нашли бы тамъ довольно хорошей травы и воды, если бы у нихъ было больше порядка и повиновенія. Здѣсь встрѣтились мы, наконецъ, съ самимъ ханомъ, со всѣми силами своими онъ появился на правомъ флангѣ нашихъ войскъ и около полудня, въ проливной дождь, съ изумительной быстротой и храбростью ударилъ въ тылъ нашей арміи. Задніе полки замаялись, конные и пѣшіе бросились въ вагенбургъ, но пушечные выстрѣлы оставили непріятеля. Потерпѣвъ здѣсь значительный уронъ, ханъ явнулся на лѣвый флангъ и нанесъ значительное пораженіе двумъ полкамъ украинскихъ казаковъ Сумскому и Ахтырскому. Артиллерія снова отразила его. Послѣ того татары не возобновляли нападенія и только издали являлись впереди и свали нашихъ войскъ. При наступленіи ночи они скрылись изъ вида. Воеводы, убѣдившись, что конница не въ силахъ выдерживать стремительнаго натиска степныхъ наездниковъ, поѣхали ее за пѣхотой въ вагенбургъ. Когда поднялись мы изъ Черной Долины утромъ, татары показались снова со всѣхъ сторонъ, но, вида вездѣ пѣхотные полки, не рѣшились напасть на нихъ и скрылись изъ вида. Русская армія безъ всякаго препятствія добралась до рѣчки Колончака и раскинула лагерь на зеленыхъ берегахъ ея. Воды и травы было вдоволь, только лѣса не доставало. Такъ повѣствуетъ безпристрастный свидѣтель и участникъ похода генералъ Гордонъ о первомъ столкновеніи съ татарами между Зеленой и Черной Долинами, о битвѣ съ самимъ ханомъ въ семь послѣднихъ урочищъ и о работѣ арміи на берега Колончака.

Очевидно татары не могли устоять противъ русской пѣхоты, тѣмъ болѣе противъ артиллеріи. Перестрѣливались издали и успѣли только воспользоваться оплошностью воеводъ при нападеніи на украинскихъ казаковъ. Вообще же дѣло въ Черной Долинѣ было незначительно и Колончакомъ овладѣли безъ боя.

Всегда правдивый и точный рассказъ Гордона въ настоящемъ случаѣ подтверждается официальнымъ донесеніемъ о числѣ убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ, вообще выбывшихъ изъ строя русской арміи въ продолженіи трехдневнаго, безпрерывнаго, по словамъ Голицына, боя, отъ Зеленой Долины до Колончака: убито и отъ ранъ померло 61 человекъ, въ плѣнъ взято 29 человекъ, безъ вѣсти пропало 23 чел., ранено 441 чел., за исключеніемъ Сумскаго и Ахтырскаго полковъ, потерявшихъ убитыми 142, плѣнными 12 и ранеными 563 чел."

20 мая войска подошли къ знаменитой Перекопи, — и шеть другой историкъ Соловьевъ ¹⁾, — къ укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывала перешеекъ; за Перекою завѣтный Крымъ, — цѣль похода. Но что такое Крымъ? Люди лучшіе, опытнѣйшіе, какъ напримѣръ Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крымъ легко, только степная дорога къ нему трудновата. Думали, что только стоитъ вторгнуться въ Крымъ съ большаимъ войскомъ, татары испугаются и отдадутся на волю побѣдителя; не подумали объ одномъ, что за Перекою таже безводная степь, какъ и по дорогѣ къ полуострову; что татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и жаждою. Голицынъ стоялъ у Перекопи; надобно было брать крѣпость, а войско уже двое сутокъ было безъ воды; сбѣжали къ Перекопи, думая, что тутъ-то будетъ конецъ лишениямъ и что же увидѣли? — съ одной стороны Черное море, съ другой Гылое, вездѣ вода соленая, колодезь вѣтъ, лошади падаютъ; еще вѣсколько дней — и какъ будутъ отступать, на чемъ везти нарядъ? Чтобы возвратиться съ чѣмъ нибудь назадъ, Голицынъ завелъ мирные переговоры съ ханомъ въ надеждѣ, что тотъ, испугавшись иществія, согласится на выгодныя для Россіи условія; но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя и онъ повернулъ назадъ безъ мира; рады были одному, что въ степи, въ страшный зной при мучительномъ томленіи жажды, татары преслѣдовали легко, не всѣми своими силами. Спустя два года послѣ похода вышелъ изъ татарскаго плѣва смоленскій шляхтичъ *Понюмонскій* и разсказалъ: „Когда государевы ратные люди пришли къ Перекопи, Нурадинъ салтанъ говорилъ отцу своему хану: для чего онъ противъ тѣхъ ратныхъ людей изъ Перекопи выйдетъ, а если онъ, ханъ, идти не захочетъ, то онъ-бы велѣлъ ему, Нурадину, выйти; а ханъ сказалъ: прислалъ къ нему князь Василій Голицынъ для переговоровъ о мирѣ и онъ для того противъ тѣхъ ратныхъ людей пойдетъ, а если это ихъ желаніе не исполнится, то они, татары, ес князя Василя и со всѣмъ войскомъ, если станутъ приступать, въ Перекопъ вступятъ и безъ боя всѣхъ переберутъ по рукамъ, а иные и сами отъ нужды перемрутъ, потому что въ Перекопи только три колодца воды прѣсвой“.

Такъ плачевно окончился и второй крымскій походъ.

Во время этого похода на Яикъ случилось обстоятельство, изволновавшее все Яицкое войско гораздо болѣе, чѣмъ вѣшествіе киргизъ или казыхъ. Эти хищники, дѣлая набѣгъ, захватывали у казаковъ скотъ и лошадей, изрѣдка брали въ плѣвъ казаковъ и иногда цѣлые, а иногда битые казаки, увосились обратно въ свои степи и обычно надолго скрывались тамъ вдаль отъ мстительнаго казачьяго копья; но они никогда не посягали на земельныя права казаковъ. На этотъ разъ на берегахъ Яика появился другой врагъ, болѣе опасный — этотъ врагъ отнималъ у казаковъ не лошадей, не скотъ, а

¹⁾ Соловьевъ, Истор. Россіи, томъ 14, глава 1.

старался захватить у нихъ самое дорогое, чему нѣтъ цѣны — хотѣлъ захватить часть права владѣнія Яикомъ.

Въ ноябрѣ 1689 года самарскій воевода *Владимиръ Полуэктовъ* отпустилъ съ Самары самарскихъ жителей и стрѣльцовъ: *Никифора Перфильева* съ товарища, всего сорокъ девять человѣкъ, на рѣку Яикъ для рыбнаго промысла выше казачьяго городка ¹⁾.

Прибыли самаряне на Яикъ, разбили ятовъ, которыхъ въ то время, ввиду обилія рыбы, было много и выше учуга, и стали ловить казачью рыбу, какъ у себя дома.

Узнали объ этомъ въ казачьемъ городкѣ; поднялся шумъ, забили въ набатъ, и казаки выснази изъ своихъ куреней. Это было 30 ноября — былъ-ли день праздничный или какое либо иное веселье въ войсакъ, но казаки явились въ кругъ въ большей части своей на-веселѣ — „въяны“, какъ писалъ объ этомъ самарскій воевода. Вошелъ въ кругъ и войсковой атаманъ *Данило Денисьевъ*, тоже не съ трезвою головою.

Едва казаки услышали отъ войскового дьяка, что прѣехали на Яикъ самаряне и разбили ятовъ выше городка — кругъ занялся.

Что угодно войско могло простить, но этого простить не могло.

Самаряне ловятъ рыбу въ Яикѣ! Какъ искра въ порохъ упали эти слова среди казачьяго круга.

— Вить ихъ! чтобъ впредь не повадно было! — закричали въ кругу.

— На коней! кричали другіе. И не прошло и часу, какъ все валичное войско Яицкое, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ *Данилою Денисьевымъ* тысяча триста пятьдесятъ человѣкъ поначались вверхъ по Яику ловить коровъ. А чтобы было не такъ холодно и было чѣмъ обогрѣться, „вина съ ними, съ казаками, было многое число“.

Въ третьемъ часу дня казаки нагрянули на самарянъ, въ чувшихъ грозы и спокойно ловившихъ въ ятови рыбу.

Но какъ ни былъ хитрень атаманъ, все же онъ войско остановилъ вдали и послалъ къ самарянамъ казака *Филата Прорана* „чтобъ они, самарскіе жители, съ рѣки Яику съѣхали и рыбы не ловили“.

Почувявъ грозу, *Никифоръ Перфильевъ* съ товарищами отвѣтили посланному, что они рыбу ловить не симовольствомъ, а по приказу великаго государя, по распоряженію самарскаго воеводы.

„А если казаки указу великихъ государей учивятся не послушны, то они самаряне съ Яику рѣки съѣдутъ, а драться съ казаками не станутъ!“ — закончилъ свой отвѣтъ *Перфильевъ*.

Трудно сказать, что произошло въ войсакъ, когда оно узнало этотъ отвѣтъ. Что самаряне ловили рыбу по указу государя, казаки конечно не по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Донскія дѣла 1689 г., картонъ 57, дѣло № 21, листы 62—67. Датье все относится къ бою казаковъ съ самарянами вѣсто мною изъ этого дѣла.

вѣрили, да этого и быть не могло, но ихъ вводило въ смущеніе, что самаряня послалъ самарскій воевода! Волненіе охватило войско.

Какъ съявотъ къ намъ послать ловить рыбу? казалось, думали казаки, — Явкъ искони нашъ, ва него и грамота владѣнная дана... Мы покажемъ, кто здѣсь хозяева, — впередъ воевода не будетъ послать за казачьей рыбой!

Нагруженные ометрами возы еще болѣе разожгли страсти и казаки ринулись на воровъ.

Произошло побоище. Прибѣжавшій погонѣ въ Самару стрѣлецъ *Васья Реньевъ* съ товарищи — всего четыре человѣка такъ рассказывали воеводѣ объ этомъ побоищѣ:

„И послѣ того отвѣта они, яцкіе казаки, самарянина Микяфора Перфильева ¹⁾ съ товарищи шестнадцать человѣкъ побили до смерти, а девять человѣкъ ранили, а достальныхъ близъ пищальными стволами изло не до смерти, и взявъ ихъ битыхъ и раненыхъ они, казаки, привезли къ себѣ въ казачій городокъ. А ихъ, Ваську съ товарищи ранили и рубили. И они Васька съ товарищи изъ ихъ казачьяго городка ушли на Самару*.

Послѣ побоища казаки, возвратившись въ городокъ, собрали кругъ и выбрали для посылки въ Москву съ челобѣтьемъ о случившемся легкую станицу *Федора Семенникова* съ товарищи пять человѣкъ.

Но на другой день въ номѣхъ кругу атаманъ Данило Данисьевъ заявилъ войску, что казачьихъ въ Москву послать не для чего. Очевидно, войско рѣшило, что они у себя сами хозяева и расправились съ ворами по своимъ правамъ „по своему польскому суду“ и что ни Москвѣ, ни кому другому до этого дѣла никакого дѣла. Станицу отиѣвили и на этомъ успокоились.

Но не такъ взглянулъ на это самарскій воевода Полуектовъ. Стрѣлецъ Реньевъ между прочимъ сообщилъ ему, что онъ слышалъ въ городкѣ, что яцкіе казаки весною собираются идти на море для воровства, и воевода написалъ въ Москву подробнѣйшую челобитную о всемъ случившемся, изъ которой и замствованы настоящія свѣдѣнія; послалъ онъ также и донесеніе о намѣреніи казачьихъ идти на море на воровство.

Эта челобитная была получена въ Москвѣ 25 декабря. Не смотря на праздникъ въ этотъ-же день была написана грамота къ Яцкому войску, въ которой, между прочимъ, говорилось, чтобы казаки „отъ всякого воровства и етъ шатости отстали и впредь никакого воровства не чинили ²⁾, а были-бъ по прежнему великимъ государямъ во всемъ послушны. А которые въ янѣшнемъ въ 198 (1689) году ноябрѣ въ 30 день на рыбномъ промыслу на рѣкѣ Яикѣ побили самаряня Микяфора Перфильева съ товарищи шестнадцать человѣкъ и которыхъ ранили и взяли къ себѣ въ казачей городокъ и изъ тѣхъ яцкіихъ

¹⁾ Это, вѣроятно, былъ тотъ самый стрѣлецъ Микяфоръ Перфильевъ, который провозжалъ въ 1684 г. дощцовъ до Царицына и хотѣлъ захватить бѣглаго стрѣльца Гугу.

²⁾ Тутъ говорится о предполагаемомъ воровствѣ на морѣ.

казаковъ пушнихъ заводчиковъ шесть человекъ прислали къ великимъ государямъ къ Москвѣ въ приказъ Казанскаго дворца*...

Въ этотъ-же день думному дьяку *Емельяну Ипатьевичу Украинцеву* приказано было послать изъ посольскаго приказа грамоту на Довъ къ атаману Фролу Минаеву, „чтобы они послали отъ себя съ Дона на Яикъ къ яцкиимъ казакамъ и атаману Данилу Денисьеву“ о томъ, чтобы казаки не шли воровать и выдали шесть человекъ пушнихъ заводчиковъ побойца.

Но дьякъ Украинцевъ усомнился во власти донскаго атамана вліять на дѣла Яцкаго войска и потому приказалъ объ этомъ спросить бывшаго тогда въ Москвѣ со ставицею войскового атамана *Фрола Минаева*: „Имѣютъ ли они на Дону войскомъ донскимъ надъ яцкиими казаками какое право и въ чей имъ послушн-ль?“

Призванный въ посольскій приказъ Минаевъ „былъ допрашивающъ“ и въ допросѣ сказалъ:

— „Яцкіе казаки издавна Донскому войску въ послушаніи и обо всякихъ дѣлахъ межъ себя пересылку имѣютъ, и большихъ дѣлъ безъ войска донскаго у себя не вершатъ, а присылаютъ къ намъ на Довъ; а явнѣ какъ они учинили и самаринна *Микифора Перфильева* съ товарищи на рыбной ловлѣ побили того я не вѣдаю, а знатно, что межъ ими учинилось то убійство зауправство, что самарцы учали ловить рыбу сильно а они имъ давать не стали и за то ссоратся; а у нихъ яцкаихъ казаковъ на рѣкѣ Яку то и промыселъ, что ловить рыбу и тѣмъ кормятся. Да и въ прошломъ 197 (1688) году пріѣхавъ къ нимъ почали ловить Аюкаева улуса калмыки и они прислали къ намъ на Довъ на него Аюка съ жалобой и съ Дону изъ войска посылали къ нему Аюкѣ нарочно, чтобъ онъ впредъ на Яикѣ рыбы ловить не велѣлъ, а буде учнетъ ловить и они стануть его громить, и съ того времени онъ Аюка улуснымъ своимъ людямъ на Яикѣ рыбу ловить заказалъ и нынѣ не ловятъ“.

Это показаніе донскаго атамана оказалось рѣшающимъ. 10-го января послѣдовалъ указъ: въ войско Яцкое и Донское грамотъ не посылать.

На этомъ дѣло и кончилось.

Много лѣтъ спустя послѣ этого Яцкое войско въ одной изъ своихъ челобитныхъ императрицѣ *Авѣ Иоанновнѣ* о выдачѣ имъ вмѣсто сгорѣвшей „владѣнной“ другой грамоты на Яикъ, между прочимъ говорило, что, узнавъ о пожарѣ въ войскѣ и о томъ, что у нихъ сгорѣла грамота, „въ прошедшихъ годѣхъ при Его Императорскомъ Величествѣ *Петрѣ Первомъ*¹⁾ пріказали самарскіе жители на яцкія воды и на Яикъ для рыбной ловли, но токмо у насъ съ оными самарянами состоялось побовще и смертное убійство и блаженныя и вѣчно достойныя памяти *Петръ Первый Императоръ* и *Самодержецъ* всемило-стивѣйшій намъ то въ вину не поставилъ“²⁾.

Прошло послѣ этого событія болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ и многое за-

¹⁾ Побойца было въ 1689 г., а *Петръ* вступилъ фактически въ управленіе царствомъ съ 1690 г., хотя въ грамотахъ упоминаются оба брата до 1696 года.

²⁾ Соч. *І. Н. Желъязова*, „Уральци“, томъ 2, стр. 340—351.

были приваженные ораи: забыли они всё свои первые походы, забыли большой смолевский походъ, забыли многое другое, но въ народной памяти были живы воспоминанія объ этомъ побойщѣ; рассказы о немъ, какъ священныи документы, подтверждающіи права казаковъ на родной Яикъ, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому, хранились, какъ нѣчто дорогое, забыть и потерять которое было бы преступленіемъ передъ внуками.

Во времена І. И. Желѣзнова, въ 1850-хъ годахъ, это преданіе было еще живо. Оно рисуется побойще нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ самарскій воевода въ своемъ доисловіи. І. И. Желѣзновъ говоритъ о немъ такъ:

„По словамъ старожилонъ, которые въ молодости своей, разумѣется, слышали также отъ старожилонъ, происшествіе это случилось такимъ образомъ: самарскіе казаки, договоренныя чувашами нля чуваша, договоренные самарскими казакани — все равно, прельстясь богатствомъ Яика, забрались однажды на эту рѣку выше Уральска въ нѣсколькихъ верстахъ и разгромили „атовъ“, вѣроятно, близъ нынѣшнихъ Гназовскаго или Рубежнаго форпостовъ. Въ старину, надо замѣтить, красной рыбы много заходило во время весенняго водоразлитія в ъ выше „учуга“. Разбаврили невзванные гости, говорю, одну атовъ, нагрузили рыбой воза и отправляли въ Самару. Съ обозомъ поѣхали чуваша, а самаряне, какъ люди похрабрѣе, остались на Яикѣ долавливать. Яицкіе казаки какъ то узнали о томъ, отремглавъ бросились на атовъ и застали воршешекъ красилохъ. Тотчасъ пошли въ дѣло щепия: другого оружія ни у тѣхъ, ни у другихъ не было; перекололи или, правильнѣе, перепороли яицкіе ватази самарскихъ, потому пустились по слѣдамъ сбоба и нагнали чувашъ на рѣкѣ Чаянѣ. Тутъ повторилось то же, что было и на Яикѣ: яицкіе казаки взяли верхъ и почти всехъ чувашъ, а ихъ было очень много, положили на мѣстѣ. Овдовѣвшіи самарянки и чувашенки, — сказываютъ казаки, — сложили не то цѣсью, не то причтанье, а что-то въ родѣ этого; а можетъ быть яицкіе молодцы, въ насмѣшву надъ жалкими „баграчеями“, и сами сочинили эту шутку. Вотъ она:

„Яицкіе казаки, бугерачные стрижи,

Побили, поклевали нашихъ ясанхъ соколовъ“.

Какъ бы то ни было, но происшествіе это глубоко сохранилось въ памяти уральцевъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было побойще у казаконъ съ чувашами, уральцы вскорѣ послѣ того построили „уметь“ въ видѣ сторожевого пункта отъ будущихъ попушеній чужахъ людей на ихъ собственность и назвали его, въ память побѣды, Чувашскимъ¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 8, листъ 129, — меморитъ Яицк. вобска 1732 г. окт. 9. Объ этомъ же упоминается въ запискахъ войск. атаманъ Меркузьева въ Военной Коллегіи въ 1784 г. въ январѣ (тамъ же листъ 143).

Г Л А В А XVIII.

Таможенные сборы въ Гурьевѣ. Служба яицкихъ казаковъ Бѣлгородскаго полка въ украинныхъ городахъ. Первый и второй походы подъ Азовъ. Перепись на Яикѣ въ 1695 г. Разгромъ башнирцевъ въ казачьемъ городкѣ. Смуты въ войскѣ. Разгромъ Гурьева городна атаманомъ Шаменкомъ. Убійство войскового атамана Ивана Бѣлоусова (1690—1699 г.).

Въ 1690 году послѣ стрѣleckихъ волненій въ Москвѣ власть по управленію царствомъ фактически перешла въ руки царевича Петра Алексѣевича, хотя въ грамотахъ вплоть до 1695 года упоминаются оба брата.

Въ первые годы царствованія царя Петра на Яикѣ не произошло никакихъ событій или, вѣрнѣе, до насъ не дошло объ этомъ времени никакихъ свѣдѣній. Только лишь въ 1691 году въ первый разъ упоминается въ актахъ о таможахъ въ г. Гурьевѣ.

Изъ данной въ этомъ году памяти вновь назначенному туда таможенному цѣловальнику выборному астраханскому посадскому человѣку *Гаранкѣ Микитѣ Келейникову* видно, что таможня эта существовала до его назначенія. Въ этой памяти опредѣлена и обязанность цѣловальника.

„Пріѣхавъ, принять ему, — написано въ памяти, — въ Яицкомъ городкѣ таможенную печать съ русскою и сборныя деньги, которые прежній цѣловальникъ сбереть впредь 200 (1692) году генваря съ 1 числа, по пріѣздѣ его Гаранки, потомъ-жъ принять съ русскою; а принявъ все, собирать ему таможенныя пошлины съ вѣсчихъ и не съ вѣсчихъ товаровъ, и съ лисиць, и съ зунецъ, и съ корсаковъ и со всякихъ товаровъ, съ рубля по 10 денегъ и перекующую пошлину имать по прежнему; а которые люди учнутъ явить денги и на тѣ денги покушать товары и съ тѣхъ людей имать съ денегъ пошлины съ рубля по пяти денегъ, а которые люди товары свои за денги продадутъ, и пошлины съ той своей продажи заплатятъ, и на тѣ денги купятъ иные товары, и съ тѣхъ денегъ пошлины не имать, и сверхъ продажи лишние денги на товары не накладывать; какъ казачья и татарова учнутъ прѣговать на продажу, или для мѣвы лошадей и коровы и бараны, и иные всякіе товары провозить, и съ тѣхъ проданныхъ и мѣновыхъ товаровъ пошлины имать съ русскихъ людей и съ татаръ съ рубля по десяти же денегъ, а съ лошадей и съ коровъ по гривнѣ, а съ ясырей пошлины съ покупаеи цѣны съ рубля по десяти денегъ, да головщины по четыре алтына по двѣ денги съ человѣка

съ кучцовъ съ русскихъ людей, а съ калмыкъ и татаръ пошлавъ не внять; и тѣ таможенныя пошлыны записывать у себя въ книги, именномъ, порознь, что въ которомъ мѣсцѣ и числѣ и съ кого именемъ со всякихъ товаровъ пошлынь взято будетъ; и того смотрѣть и беречь назрѣнко, чтобъ торговые всякихъ чиновъ люди безошлывно не торговали, и будучи ему въ таможи у таможенного сбора радѣть и прибыли вскати, какъ бы великихъ государей казну собрать передъ прошлымъ годомъ больша. А буде овъ Гаранка, будучи въ таможи у сбора великихъ государей денежныя казны, радѣть и промыслать не учтетъ и передъ прошлымъ годомъ съ прибавкою не сберетъ или его нерадѣиешъ и оплошкоу учинится великихъ государей казнѣ какой недоборъ, и за то ему отъ великихъ государей царей и великихъ князей, Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, быть въ ошлѣ и въ жестокомъ наказанѣ безо всякіе пощады, и тѣ недоборныя двѣи дозравлены будутъ на немъ Гаранкѣ и на выборныхъ людехъ¹⁾.

Изъ этого документа видно, что въ Гурьевѣ городѣ существовала кромѣ учуга еще и таможня, приносившіе доходъ московскому правительству. Учуги въ Гурьевѣ, поставленные въ два ряда (верхей и нижній учуга), конечно, были большимъ зломъ для Яецкаго войска. Вся рыба доставалась гурьевскимъ ловцамъ и только незначительная часть ея весною, или какъ называли казаки „отъ бѣляшное время“, проходила вверхъ по Яику. Казаки, конечно, не могли быть довольны этимъ — ихъ главный промыселъ было рыболовство, отъ котораго, какъ писали они въ своихъ челобитныхъ, они „имѣютъ себѣ пропитаніе и службу его императорскаго величества справляютъ на своемъ коштѣ“. Съять хлѣбъ казаки конечно тогда не могли: — дикія орды калмыкъ, башкаръ и киргизъ не давали казакамъ не только заниматься хлѣбопашествомъ, но и рыбу ловить они должны были „многочудствомъ“, собираясь для этого всякъ войскомъ, окруженные цѣлымъ рядомъ отъѣзжихъ карауловъ.

О пропускѣ рыбы въ Яикъ войско видимо хлопотало давно и только въ 1696 году приказано было отворить гурьевскіе учуга на 12 сажень по обѣ стороны отъ береговъ. Въ своей челобитной въ 1746 году 14 марта²⁾ войско говоритъ, что имъ объ этомъ въ 1696 году была дана грамота, но выйти ее не удалось, т. е. по всей вѣроятности ее выдали изъ приказа Казанскаго дворца, дѣла котораго, какъ извѣстно, всё сгорѣли.

Вотъ единственные документы, которые говорятъ намъ о Яикѣ въ первые годы царствованія Петра.

Только о боевой жизни яицкихъ казаковъ „Вѣлгородскаго полка“ за это время историческіе документы говорятъ намъ нѣсколько подробно.

¹⁾ Акты Историческіе, томъ 5, статья 210, стр. 361—362. Память Гаранка о таможенныхъ сборахъ въ Гурьевѣ 1691 г. августа 20. Чернойой отпускъ, писанъ столбцомъ на двухъ листахъ. Изъ Архива Астраханскаго губернскаго правленія.

²⁾ Грамота № 2727, Войсковой Архивъ, дѣла III разр. 2 гражд. описъ, дѣло № 74, листъ 59 на оборотѣ.

1690 годъ застаетъ яцкиихъ, донскихъ и норѣшковскихъ казаковъ въ малороссійскихъ городахъ на службѣ при гетманѣ Иванѣ Степановичѣ Мазепѣ, а въ 1691 году за Путивлемъ въ Тернахъ въ полку окольного и воеводи князя Федора Юрьевича *Барятинскаго* ¹⁾; въ томъ-же году казаки служатъ у Мояцкаго и у Соляного „и у иныхъ тамошнихъ мѣсть, отсюда бывають приходъ непріятельскихъ воинскихъ людей, для береженья“ ²⁾. Но отправляя казаковъ изъ Вѣлгорода на эту службу, вѣлгородскій воевода Борисъ Петровичъ *Шереметевъ* сдѣлалъ полку смотръ; „а по осмотру его боярина и воеводи атаманъ Василій Коитевъ старъ и боленъ и за старостію и за болѣзнью ему Василю полковой службы служить не мочно, и для того отпущенъ онъ на Ливны, а вмѣсто его Василя велѣно быть до указа великихъ государей въ атаманехъ ясаулу Степану Митурову“ ³⁾. Но не долго былъ на покоѣ старый служака, вѣрой и правдою прослужившій въ непрерывныхъ походахъ послѣ Смоленскаго сидѣнья еще 57 лѣтъ! Старый привацкій орелъ въ томъ-же году умеръ. Со смертью атамана Коитева, вѣроятно одного изъ послѣднихъ старыхъ яцкиихъ казаковъ, вышедшихъ изъ подъ Смоленска и оставшихся до сихъ поръ въ живыхъ, а кончаю очередь службы этого полка. Съ годами звуки донскихъ и яцкиихъ казаковъ постепенно теряютъ свои названія яцкиихъ и донскихъ и называютъ себя казаками тѣхъ городовъ, гдѣ они жили. Въ 1698 году переселенные изъ украинскихъ городовъ въ Чугуевъ, они вмѣстѣ съ переселенными изъ Курска калмыками впоследствии составляютъ особый „*Чугуевскій казачій конный полкъ*“, имѣющій у себя начальниками полковника, ротмистровъ и хорунжихъ. Въ 1736 году, въ своей челобитной о прибавкѣ имъ жалованья они говорятъ, что дѣды ихъ въ прежнихъ годахъ были яцкіе и донскіе казаки, но когда стали служить въ полку — не знаютъ [17].

Они участвуютъ во всѣхъ войнахъ и походахъ, бывшихъ въ Россіи, и въ первые-же годы царствованія Петра Великаго принимаютъ дѣятельное участіе въ обоихъ походахъ подъ Азовъ.

Два неудачныхъ крымскихъ похода окончательно убѣдили Москву, что покончить съ дикими хищниками она не въ силахъ. Прозорливымъ окомъ великій Петръ видѣлъ, что расправиться съ Крымомъ можно только имѣя выходъ въ Черное море и, тамъ, имѣя флотъ, грозить самому сердцу Крыма — его побережью, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивались селенія татаръ.

Расчитаться съ Крымомъ было необходимо. Но для этого нужно было взять Азовъ — ключъ къ Черному морю.

„Южный край вашъ, пишетъ Устряловъ, примыкая къ степямъ враждебныхъ ордъ, облежавшихъ сѣверный берегъ Чернаго моря, не имѣлъ покоя ни зимой, ни лѣтомъ отъ губительныхъ набѣговъ татаръ крымскихъ, кубанскихъ и ногайскихъ. Украинные города наши Вѣлгородъ, Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ,

¹⁾ Моск. Ар. Мин. Юст., Вѣлгородскій столъ, столбецъ 1490, листъ 284.

²⁾ Тамъ-же, листъ 45.

³⁾ Тамъ-же, листъ 46.

Харьковъ, Валуйки, были ничто иное, какъ воинскіе станы, обнесенные рвомъ и валомъ, заселенные одними стрѣльцами и казаками. Сторожевыя станицы безпрестанно выходили изъ нихъ въ степи наблюдать за хищными врагами изъ опасенія нечаяннаго набѣга. Устья главныхъ рѣкъ нашихъ—Дѣбры и Дона находились въ рукахъ непріязненныхъ; Черное море было намъ недоступно. При такомъ положеніи дѣлъ, въ полуденномъ краю нашихъ не могла развиться ни одна отрасль промышленности или трудолюбія; благословенный природой онъ представлялъ печальную степь, гдѣ видѣлись только засѣки, остроги и сторожевыя станицы.

Желая по возможности облегчить покореніе столь важнаго пункта, Петръ старался отвлечь вниманіе непріятеля въ другую сторону и нагрянуть на Азовъ внезапно лучшими войсками своими. Для этой цѣли въ началѣ 1695 года сказавъ походъ на Крымъ и ни слова не упомянуто объ Азовѣ. По старому обычаю, съ постельнаго крыльца объявлено стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, городовымъ жильцамъ, чтобы они со своими воинскими дружинами собирались въ Бѣлгородъ и Обвскъ къ боярину Борису Петровичу Шереметьеву для промысла здѣь крымскимъ ханомъ. По первому подножному корму бѣлгородская армія, огромная масса ратныхъ людей, наиболѣе конныхъ, стариннаго московскаго устройства полка, въ числѣ 120,000 человекъ, поднялась со сборныхъ мѣстъ своихъ и, соединившись съ малороссійскими казаками, направилась въ путь къ извозьямъ дѣбровскимъ¹⁾.

Другое войско, подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Автомова Головина, Лефорта и Гордона двинулось подѣ Азовъ. Въ составъ этого войска вошли полки новаго строя: Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ избѣсть съ московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами—всѣго 31 тысяча. Войско Гордона, собравшись въ Тамбовѣ, пошло къ Азову сухимъ путемъ черезъ Черкасскъ; войска же Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою, Окою и Волгою до Царицына.

Здѣсь-же въ Царицынѣ дожидались прибытія войскъ собравшіеся тутъ терскіе, гребенскіе, астраханскіе и яцкіе казаки. Тутъ-же была и часть привезшихъ повинную „казаконъ—раскольщиковъ“, жившихъ у Шевкала Тарновскаго; они пришли къ терцамъ и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Царицынѣ для азовскаго похода²⁾.

Яцкіе казаки пришли со своимъ походнымъ атаманомъ *Федоромъ Семеновымъ* въ числѣ *трехсотъ* человекъ. Какъ видно изъ ихъ челобитной [Смѣтр. прилож. XII], они вошли въ составъ полка князя *Бориса Алексеевича Голицына*. Въ числѣ этихъ трехсотъ человекъ было 4 есаула, 4 знаменщика и 291 рядовыхъ³⁾.

¹⁾ Устряковъ. „Исторія царств. Петра Великаго“, томъ II, стр. 220 и 223.

²⁾ Полко. Терскіе казаки, стр. 327, примѣч. № 91.

³⁾ Нележи дано: атаману 27 р., есаулу 24 р., знаменщику 22 р. и рядовымъ по 16 рублей.

Здѣсь соединившись съ царскими войсками, казаки пошли сухимъ путемъ къ Дону къ казачьему городку Паншину, откуда войска поплыли Дономъ и 29 июня приблизились къ Азову, гдѣ уже стоялъ Гордонъ. Общее начальство надъ войсками принялъ самъ царь Петръ.

Восьмого іюля раздалась первая выстрѣлы съ русскихъ батарей. На одной изъ батарей молодой царь „бомбардиръ Петръ Алексѣевичъ“ самъ начиналъ гранаты и бомбы и самъ стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль и потомъ записалъ о своей службѣ: „Зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ“¹⁾.

Но осада Азова была неуспѣшна. Турки еще 6 іюля успѣли получить подкрѣпленіе. Подвозить же съѣстные припасы водою въ русскій станъ было нельзя: — по обѣимъ сторонамъ Дона выше Азова были устроены двѣ каланчи, между каланчами были протянуты цѣпи и вбиты сваи. Крѣпцы сдѣлали это, чтобы мѣшать донцамъ дѣлать набѣга по Черному морю. Клякнули кличь къ охотникамъ изъ донскихъ казаковъ: кто пойдетъ на каланчи, тому будетъ даво 10 руб. награды. 14 іюля казаки взяли одну каланчу.

Но турки отомстили, сдѣлавши вылазку. Узнавши отъ перебѣжчика голландскаго матроса Якова Янсена, что русскіе въ полдень во время сильнаго зноя спятъ, турки вышли изъ Азова и стрекительно ворвались въ лагерь, побили сонныхъ и хотя были выгнаны съ большимъ урономъ, однако успѣли увести 9 полевныхъ орудій и перепортить всѣ осадныя. За то ночью турки, сидѣвшіе въ другой каланчѣ, ушли изъ нея и на утро казаки зачали ее безъ боя, что произвело радость въ русскомъ войскѣ.

5 августа сдѣланъ былъ къ Азову приступъ, но онъ былъ отбитъ. 2 сентября Гордонъ заложилъ ложементъ и сталъ устраивать мину подъ крѣпостный валомъ; взрывъ мины былъ неудаченъ и болѣе повредилъ своимъ, чѣмъ неприятелю. Турки съ своей стороны тоже подвели мину и 15 сентября взорвали ее, подорвали валъ, выведенный Гордономъ передъ крѣпостью и засыпали всѣ произведенныя работы.

Неуспѣхъ осады, а главное обнаружившійся недостатокъ въ продовольствіи в приближающаяся осень заставили русскихъ еще разъ попробовать счастья и 25 сентября былъ сдѣланъ новый приступъ, но и онъ оказался неудачнымъ.

„Въ тотъ же день, послѣ продолжительнаго совѣщанія, рѣшено отъ Азова отступить и возвратиться въ отечество; каланчи же, достаточно укрѣпленныя и названныя Ново-Сергіевскимъ городомъ, занять трехъ-тысячнымъ отрядомъ, по 1000 человекъ отъ каждой дивизіи, подъ начальствомъ воеводы изъ стольниковъ. Въ слѣдующіе три дня снимали орудія съ батарей и отправляли ихъ съ обозами къ Черкаску, большею частью ночью, чтобы до времени скрыть отступление отъ неприятеля; онъ скоро однакожъ узналъ о томъ чрезъ плѣнныхъ и татарская конница неумолимо напала на лагерь и транспорты“²⁾.

¹⁾ Соловьевъ „Истор. Россіи“, томъ 14, глава 3.

²⁾ Устряловъ „Царствованіе Петра Великаго“, томъ II, стр. 254.

Съ нѣсколько лучшими успѣхомъ дѣйствовало войско, посланное на маленькіе турецкіе городки въ низовьяхъ Днѣпра: Шереметьевъ и Мазена взяли приступомъ два изъ нихъ: Казы-Кермень и Тагань.

Войска отступили къ Черкаску, гдѣ, простоявъ съ недѣлю, пошли черезъ Сѣверный Донецъ и Айдаръ на Валувку. Страшную картину представляла отступающая армія.

Войска шли безплодною и обгорѣлою степью, — пишетъ Устряловъ, — при самомъ выступленіи изъ Черкаска начались морозы; вслѣдъ за тѣмъ вышалъ снѣгъ; вскорѣ поднялась жестокая и продолжительная вьюга; люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Очевидецъ Плелеръ, задержанный около мѣсяца въ Черкасскѣ болѣзнію, рассказываетъ, что, отираившись по слѣдамъ отступавшей арміи, безъ слезъ и содроганія не могли видѣть множества труповъ, разбросанныхъ на пространствѣ 800 верстъ и пожираемыхъ волками¹⁾.

Гдѣ участвовали янцкіе казаки съ атаманомъ Семеновниковымъ въ дѣлахъ подъ Азовомъ, свѣдѣній не найдено, но весьма вѣроятно, что, какъ и всегда, по призыву прошлыхъ лѣтъ, янцкіе казаки, благодаря своей малочисленности, вошли въ составъ дощцовъ, съ которыми и принимали участіе въ ихъ дѣлахъ. Но эта станица на Яикъ въ этотъ годъ не вернулась — она осталась въ Руси до слѣдующаго года, до новаго похода въ Азовъ.

Сдѣлавъ первый походъ въ Азовъ, Петръ ясно увидѣлъ причины неудачъ и рѣшилъ продолжать начатое дѣло съ большимъ искусствомъ и обдуманностію. Были сдѣланы распоряженія о постройкѣ флота въ г. Воронежѣ, а также было послано въ Австрію, Пруссію и Голландію за искусными инженерами.

Флотъ былъ построенъ. И раннею весною 1696 г. съ первыхъ чиселъ апрѣля спустились на воду 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Къ этому-же времени подошли въ Воронежъ и войска, назначенныя къ походу подъ Азовъ. 23 апрѣля суда съ войсками двинулись. 3 мая поплылъ и „морской караванъ“, какъ называли тогда флотъ; впереди, начальствуя двумя галерами, плылъ капитанъ Петръ Алексѣевичъ на галерѣ, которую онъ самъ строилъ.

Къ июню войска, въ числѣ 54 тысячъ человекъ, подъ общимъ начальствомъ боярина и воеводы *Алексыя Семеновича Шенина*, прибыли къ Азову. Въ число этихъ войскъ вошли снова бывшіе въ первомъ походѣ триста янцкихъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семеновичемъ.

12 мая доискіе казаки истребили приближавшіяся къ Азову турецкій флотъ, а 16 мая началась осада Азова.

Осаждающая армія встала опять на своихъ старыхъ мѣстахъ. Бояринъ и воевода Шенинъ стоялъ въ срединѣ, при немъ было до 15 тысячъ пѣхоты и до 10 тысячъ конницы, въ томъ числѣ и янцкіе казаки съ атаманомъ Семеновичемъ. По правую сторону его всталъ генералъ Гордонъ съ 14 тысячами

¹⁾ Тамъ-же, страница 255.

пѣхоты. По серединѣ между этими лагерями встала артиллерія—бомбардиры и гранатеры. Лѣвѣ Шенна всталъ генераль Рихманъ съ 10 тысячами пѣхоты и съ 6 тысячами конницы, а подлѣ него по лѣвую сторону 4 тысячи пѣшихъ донскихъ казаковъ ¹⁾.

Канонада по Азову открылась 16 іюня вечеромъ, въ присутствіи царя, нарочно прѣехавшаго въ лагерь, чтобы бросить первыя бомбы; выстрѣлы произвели страшное опустошеніе въ городѣ; не было ни одного дома, не поврежденнаго—разбитаго или разстрѣльваемаго. Турки, какъ и ранѣе, укрывались въ землянкахъ и дѣлали частыя вылазки, врывались въ траншеи и не хотѣли слышать о сдачѣ.

Противные дожди и частыя заводненія мѣшали правильной осадѣ, къ тому же крымскіе татары, выступившіе изъ Крыма въ числѣ 60 тысячъ подъ начальствомъ султана Нурадина, не давали арміи покоя, нападая изъ степи. Не проходило дня, когда бы Нурадинъ не являлся подъ русскимъ станомъ и не дѣлалъ тревоги.

Татары сдѣлали станъ около турецкаго городка Кагальника, вблизи Азова. Ввиду этого вся русская конница была поставлена на лѣвомъ флангѣ, въ полѣ за валомъ, чтобы не пропускать татаръ изъ за Кагальника и въ случаѣ нападенія ихъ на русскій лагерь броситься имъ въ тылъ, тутъ-же встали и янцкіе казаки.

Съ утра 10 іюня Нурадинъ съ ногайскими и крымскими татарами возобновилъ свои нападенія. На этотъ разъ съ нимъ былъ кафирскій Муртаза-паша и со всѣми силами обрушился на русскій станъ; его наводники ворвались до самыхъ рогатозъ, окружившихъ лагерь, но русская конница храбро бросилась на болѣе сильнѣйшаго врага, сбила его и погнала передъ собою; десять верстъ волотъ до Кагальника гнала русская конница татаръ. Самъ Нурадинъ-султанъ и Муртаза-паша едва ушли отъ казаковъ. Нурадинъ спасся отъ плѣна только тѣмъ, что его прикрылъ собою одинъ мурза, который и попался въ плѣнъ. Съ русской стороны въ этомъ бою убитыхъ не было.

Черезъ недѣлю послѣ этой кавалерійской схватки прибыли къ Азову шесть полковъ малороссійскихъ казаковъ въ числѣ 15 тысячъ человекъ подъ начальствомъ гетмана *Якова Лизюба* и встала вмѣстѣ съ остальною конницею.

Вокругъ Азова стали ваять земляной валъ и вели непрерывную пальбу изъ тяжелыхъ пушекъ.

Крымскіе татары, временно присмирѣвшіе и не показывавшіеся изъ Кагальника, собраннаго громаднымъ скопищемъ, неожиданно на разсвѣтъ 24 іюня снова ударили на русскихъ.

Но отчаянный натискъ татарскихъ полчищъ былъ отбитъ,—русская конница опрокинула ихъ и прогнала.

Черезъ три часа Нурадинъ снова бросился въ атаку и снова завязался

¹⁾ Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова. С.-Петербург. 1768 года, страница 199.

кровопролитный кавалерійскій бой. Русскіе снова смяли татаръ и погнали ихъ впередъ собою. Татары въ сматеніи побѣжали прямо въ Крымъ.

Преслѣдуя татаръ, русская конница увлеклась и гналась за непріятелемъ по прапрадѣдовскому обычаю безъ порядка, толпами и въ разсыпную, почему и потеряла очень много убитыхъ и плѣнныхъ. Потери татаръ были также велики: — „ихъ урону усмотрѣть было не можно — пишетъ современникъ — для того, что они большую часть побитыхъ съ собою къ Крыму увезли, а прибывъ туда и не опасаясь уже тамъ никакой погоны, подняли такой вопль, что цѣлыя стада лошадей, испугавшись отъ того, разбѣжались“ ¹⁾. Преслѣдуя, русскіе захватили у нихъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ четырехъ знатныхъ мурзъ и другихъ знатныхъ татаръ.

Въ этомъ большомъ кавалерійскомъ бою особенно отличились яцкіе казаки. „Изъ иррегулярнаго войска — пишетъ тотъ-же современникъ — получили Яцкіе казаки, какъ при семъ сраженіи, такъ и въ другихъ случаяхъ не малую похвалу и кромѣ ихъ не надѣялся никто отъ непріятеля взять языковъ“ ²⁾.

Началась осадная работа. На предложеніе сдаться турки отвѣтили отказомъ. Царь Петръ всюду самъ лично руководилъ работами. На увѣщаніе своей сестры Наталіи, чтобъ онъ былъ осторожнѣе, Петръ отвѣчалъ: „По письму твоему я къ ядрамъ и пулямъ близко не кожу, а они ко мнѣ ходятъ. Црѣкажи мнѣ, чтобъ не ходили; однако, хоть и ходятъ, только по ся коры вѣжливо. Турки на помощь пришли да къ намъ нейдутъ и чаю, что желаютъ насъ къ себѣ“ ³⁾.

30 іюня прибыли къ Азову саратовцы 300 человекъ и новая станица яцкихъ казаковъ въ числѣ 200 человекъ съ походнымъ атаманомъ *Андреємъ Афанасьевымъ* ⁴⁾. Современники ихъ прибытіе отмѣчаютъ такъ: „30 іюня прибыло на помощь яцкихъ казаковъ и саратовцевъ 500 человекъ изрядно вооруженныхъ и конныхъ людей, чего ради въ оба слѣдующіе дни учинены были надъ татарами вездѣ поиски“ ⁵⁾.

Во время этихъ поисковъ татары вновь ринулись на русскій станъ, но снова были отбиты и прогнаны русскою конницей. Въ этомъ бою яцкіе казаки снова отличились. „Между прочимъ убилъ Яцкій казакъ изъ пищали значительнаго и лучшаго изъ мурзъ въ самую голову и снялъ съ него изряд-

¹⁾ Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, СПб. 1768 г. стр. 103. Описаніе составлено по тѣмъ вѣдомостямъ, которыя послужили намъ въ Азова къ патріарху (стр. 196).

²⁾ Тамъ-же, стр. 104.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 14, глава 3.

⁴⁾ См. прилож. XII. Войско въ челобитной относитъ этотъ походъ въ 1697 г., что, вѣроятно, произошло по ошибкѣ писца или память нехитила казака. Въ этомъ нарядѣ дано наемки: атаману 29 р., двумъ есауламъ по 25 р., двумъ знаменщикамъ по 23 р. и 195 рядовымъ по 17 р.

⁵⁾ Краткое опис. всѣхъ случ., кас. до Азова, стр. 105. Въ сказаніи же о взятіи Азова въ Древней Россійской Вибліотекѣ, томъ 16, о прибытіи яцкихъ казаковъ говорится: „казаки Яцкіе и Саратовцы пришли іюня въ 30 день, люди весьма добрые и конные; много нашихъ ратныхъ людей поимъ подали“ (стр. 269).

одной панцырь, оправной сайдакъ и саблю принесъ вмѣстѣ съ головою въ лагерь" ¹⁾. Убитый наѣздникъ носилъ имя Дулакъ-мурзы.

Описывая эти бои, другой современникъ говоритъ: „юня 1 и во 2 день были бои съ тѣми-же татарами, премоножество ихъ злодѣевъ побили и лучшаго мурзу убили, у котораго Василій Воейковъ ²⁾ сидѣлъ и голову съ злодѣйскую въ обозъ привезли, панцырь приузорочной съ него взяли, и садокъ оправной и саблю; великой наѣздникъ былъ, а убилъ его мазанъ Ямкой изъ пищали въ самую голову“ ³⁾.

Татары старались выкупить эту голову, но тщетно.

Осада Азова продолжалась съ большимъ успѣхомъ; рѣшительный ударъ туркамъ нанесли малороссійскіе и донскіе казаки. Наскучившіе сдѣлать въ бездѣйствіи и еще болѣе тяжкамъ трудомъ по возведенію насыпи, зачоружцы условились съ донцами, 17 іюля въ числѣ 2000 человекъ самовольно ударили на Азовъ, въ надеждѣ увлечь своими пріятели и прочія войска.

„Доблестные вожди ихъ.—ишетъ Устряловъ—наказный гетманъ Лизогубъ, мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ искусный и войсковой атаманъ Флоръ Миняевъ сами повели до 2.000 удалцевъ на штурмъ. Быстро взобрались казаки на земляной валъ, сбили стоявшихъ тамъ турокъ, спустились внутрь крѣпости и живо преслѣдуя изумленнаго непріятеля, едва не ворвались за нимъ въ каменный замокъ. Турки отбили ихъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ, стрѣляя за недостаткомъ свинца разрубленными ефимками. Если бы въ эту минуту двинулись прочія войска, Азовъ былъ бы нашъ. Но солдаты и стрѣльцы не трогались изъ лагеря и казаки, не видя возможности удержаться въ крѣпости, возвратились на валъ, гдѣ утвердились въ угловомъ бастионѣ.

Турки вскорѣ опомнились отъ ужаса, сосредоточили свои силы и съ тѣмъ ожесточеніемъ напали на отважныхъ удалцовъ, заставшихъ на валу, что главнокомандующій вывелъ все свое войско, какъ бы на штурмъ, а генералъ Головинъ прибѣжалъ со своими гренадерами на помощь храбрымъ витязямъ. Подкрѣпленные пѣхотою, казаки послѣ шестичасоваго боя отбили турокъ снова, прогнали ихъ до каменнаго замка, остались на валу, вывели изъ бастиона четыре пушки и отправили „къ многочислѣйшему командру есаула съ извѣстіемъ, что они взяли Азовскую валовую стѣну. Государь похвалилъ ихъ за храбрость и велѣлъ готовиться къ штурму“ ⁴⁾.

На другой день татарская конница еще разъ сдѣлала попытку сбить русскій лагерь, а главное пребывать къ Азову и ввести туда двѣ тысячи вспомогательнаго войска. Ударъ ихъ былъ настолько стремителенъ, что многіе всадники проскакивали до рогатокъ, но встрѣченіе пушечною и ружейною

¹⁾ Тамъ-же, стр. 106.

²⁾ Воейковъ былъ взятъ въ плѣнъ въ каталерійскомъ бою 24 іюня.

³⁾ Древняя Рос. Вифліотскя, т. 16, Сказаніе о взятіи Азова, стр. 270.

⁴⁾ Устряловъ. „Истор. царств. Петра Великаго“, часть 2, стр. 288.

пальбою были отбиты и прогнаны. Вой длился съ утра до полудня. Особенно наседали татары на запорожцевъ. Но въ концѣ концовъ татары были повсюду отбиты и скрылись въ степь, преслѣдуемые русскою кавальеріей. Изъ удалось только убить 20 человекъ запорожцевъ, которые преждевременно бросились снимать досѣдѣ съ убитыхъ татаръ ¹⁾.

Войска готовились къ штурму. Но турки не стали дожидаться приступа и 18 іюля объявляли готовность сдаться, выговоривъ себѣ позволеніе выйти изъ города въ полночь вооруженнн съ женами, дѣтьми и пожитками. Условіе было принято. И Азовъ, этотъ ключъ къ Черному морю, оказался въ русскихъ рукахъ. Мечты Петра исполнились—онъ могъ грозить Турціи и Крыму съ моря своими новыми флотомъ.

Взятіе Азова было въ то время выдающимся событіемъ. Непобѣдимые турки, гроза Европы, такъ недавно еще разорившіе Чагиринъ на глазахъ всего русскаго войска, были побѣждены. Русь не только не испугалась ихъ, а сама первая бросила имъ вызовъ и взяла считавшуюся тогда недоступною твердыню—ключъ къ Черному морю. Эта побѣда сильно поразила народное воображеніе и взятіе Азова надолго сохранилось въ памяти русскаго народа.

Но къ сожалѣнію подробностей объ участіи яицкихъ казаковъ въ этой осадѣ до насъ не дошло. Въ историческихъ актахъ того времени удалось найти только два незначительныхъ документа, упоминающихъ о яицкихъ казакахъ.

Въ одномъ изъ нихъ говорится о прїѣздѣ съ Дняка яицкихъ казаковъ—станичнаго атамана *Федора Аранова* съ товарищи семь человекъ съ вѣстовыми отписками къ государю. Съ казаками прїѣхали и два калмыка отъ Аюка-Тайши. 13 мая 1696 года они явились въ Воронежъ въ приказную избу къ стольнику *Еремью Назаревичу Хруцову* и предъявили подорожную изъ Сибирска за приписью дьяка *Михаила Шапкина*. Казаки съ калмыками были немедленно отправлены въ г. Коротожъ (вблизи Дона) на 13 подводкахъ и отсюда для отправки въ Азовъ Аранову съ товарищи и калмыкамъ дана „лодка пространную, да ворящяка и гребцовъ, да провожатыхъ станичниковъ изъ разныхъ чиновъ предъ воронежскими провожатыми съ прибавкою“. Воеводѣ на Коротожѣ между прочимъ наказывалось: „а буде у него воеводи лодокъ добрыхъ вѣтъ, и ему воеводѣ приказавъ впредъ кому пригоже и взявъ съ собою многихъ людей ѣхать тотъ часъ на рѣку Цонъ и на рѣку-жъ Сосну и въ Острогомескъ и гдѣ больше лодки обшцеть, и ему тѣ всѣ лодки, такъ же и струги и чердачные и палубные и вскрытые отписать на великаго государя у торговыхъ русскихъ людей и у черкасъ и у всякихъ чиновъ людей и согнать ихъ подѣ Коротожъ тотчасъ безовсякаго мотчанія... и дать изъ тѣхъ отписныхъ лодокъ выисавшимъ людямъ (Аранову съ товарищи) какъ ихъ отпустить мочно“ ²⁾.

Какія были эти вѣстовыя отписки, о чемъ писали казаки съ Дняка—не

¹⁾ Кратк. опис. случ., кас. до Азова, стр. 108.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Вѣлгор. столъ, столбецъ 1734, листъ 378.

известно. Но что яцкие казаки въ этомъ году имѣли какія-то дѣловыя сношенія съ Аюкаемъ-Тайшею, видно изъ показанія сибирскаго казака Фёдора Сябинина. Сябининъ съ другими сибирскими казаконъ былъ посланъ изъ Тобольска въ киргизскую орду къ Тевки-хану, побывалъ въ Туркестанѣ, Бухарѣ и Хивѣ, а оттуда пошелъ „на Янцѣй перевозъ на урочище Сарайчикъ“, а потомъ попалъ къ Аюкаю-Тайшѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ яцкого казака *Матюшу Рекунова*, который прѣзжалъ къ Аюкѣ „для своихъ войсковыхъ дѣлъ“. Получивъ подводы и провожатыхъ отъ Аюки, Сябининъ вмѣстѣ съ Рекуновымъ выѣхалъ „на Янцъ на запольную рѣку“¹⁾.

Вѣроятно войско имѣло какое нибудь порученіе отъ Петра къ калмыкамъ или дѣлало развѣдки, о которыхъ и сообщало съ Араповымъ въ Азовъ.

Въ другомъ документѣ упоминается о прибытіи 19 іюля 1696 г. яцкихъ казаковъ *Естратія Сысоева* съ товарищи пять человекъ изъ донскаго городка Маныча въ Азовъ. Сысоевъ прибылъ изъ табуна, который находился (отъ всей арміи, осаждавшей Азовъ) на Дону. Табунъ этотъ состоялъ изъ рогатаго скота и лошадей. Пріѣхали Сысоевъ съ товарищи, какъ они пишутъ въ своей челобитной, „къ своимъ яцкимъ казакамъ для вѣдомости“. 23 іюля они уже отправились обратно и имъ была дана проѣзжая память изъ большого полку воеводы Алексѣя Семеновича Шенна, въ которой говорилось о свободномъ пропускѣ Сысоева въ табунъ въ Манычи: „и въ Черкасскомъ войска донскаго наказному атаману *Ильѣ Зернищикову* и всему войску донскому тѣхъ казаковъ Евстратка Сысоева съ товарищи пропустить въ Манычи безъ задержанія“²⁾.

Эти единственные документы, упоминающіе объ яцкихъ казакахъ, которые удалось найти въ архивахъ³⁾.

Но кромѣ этихъ памятниковъ въ войскѣ сохранилось десять совершенно одинаковыхъ ветхихъ знаменъ, участниковъ похода яцкихъ казаковъ подъ Азовъ. Знамена эти хранились при Войсковомъ хозяйственномъ правленіи и представляли изъ себя едва уцѣлѣвшіе клочки полустлѣвшей шелковой матеріи или же только одни каемки отъ полотнищъ знаменъ. По счастливой случайности одно изъ нихъ сохранилось лучше всѣхъ и только по нему удалось возстановить время этихъ знаменъ. По нижней кромкѣ этого знамени сохранилась надпись: „лѣта 7202 (1694) марта въ 1 день построенъ сей прапоръ при бытности стольника и полковника *Бориса Мироновича Бутурлина*“. Эти знамена, вѣроятно, были даны яцкимъ казакамъ передъ походомъ въ Азовъ или во время самой осады по числу пяти сотенъ (по два на сотню). Знамена сдѣланы изъ зеленой камчатной матеріи съ изображеніемъ

¹⁾ Дополненіе къ Акт. Истор., томъ 10, № 80, стр. 385.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Бѣл. столб., столб. 1460, листъ 151—152.

³⁾ Дополненіемъ къ этому служатъ различныя челобитныя казаковъ въ послѣдующіе годы. Такъ впоследствии войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ въ своей челобитной, поданной ему въ ноябрѣ 1731 г. о своей службѣ подъ Азовомъ, говоритъ: «а потомъ во время Азовской службы, тѣмъ-то бралъ языковъ, которые объявлены были Всемилостивѣйшему государю императору Петру Первому». (Московский отдѣлъ Арх. Главн. Штаба, списокъ № 8, листы 436—438).

святого великомученика Георгія, надъ которымъ видна благословляющая изъ облака рука и надпись: „свят. мученикъ Георгій“; на концахъ знамени изображены оленецъ, луна и звѣзды. Обѣ стороны знамени одинаковы.

Уцѣлѣвшее знамя въ настоящее время, послѣ почти двухсотлѣтняго пребыванія въ ящикѣ среди обрывковъ всевозможныхъ старыхъ знаменъ, наконецъ, благодаря распоряженію полковника Вас. Петр. Мартынова, наклеено на картонъ и сдано на храненіе въ войсковой музей; снимокъ съ него приложенъ въ настоящему очерку.

Другимъ памятникомъ объ осадѣ Азова является синодикъ Михаило-Архангельскаго собора въ г. Уральскѣ, въ которомъ есть записъ поминальня объ убитыхъ при осадѣ Азова янцзихъ казакахъ ¹⁾.

Кромѣ этихъ памятниковъ объ участіи янцзихъ казаковъ при осадѣ Азова, въ войскѣ нѣтъ еще одинъ памятникъ, — это старинная пѣсня, которая и до сихъ поръ поется среди казаковъ:

„Ужь какъ шлѣ-прошли казаченьки съ моря Чернаго,
Съ того-ли Черна моря съ турецкаго.
Шлѣ лугами, болотами, шлѣ топилнся,
Къ Азову ко городу тѣрѣшилнся;
Не дешенши до Азова, становилнся.
Занимали полѣй подѣ лагерь на двѣнадцать верстѣ,
А подѣ шалцы съ батареею на пятнадцать верстѣ.
Ставовилнся они, братцы, коней развѣдывали,
На развѣтѣ караулы коней кивули;
Пустивъ коней въ поле, сами спать легли.
А одинъ лишь казакъ старый былѣ догадливыи:
Не пустилъ онѣ добра-коня въ поле чистое,
Не покнинулъ казакъ старый, на арканѣ сажалѣ,
А и самѣ не спитѣ старикъ нашѣ, больше такѣ лежитѣ.
Вдругѣ несчастье надѣ казакнами случилося:
Набѣжали неприятли, турки храбрыѣ,
Отнимали у казаконѣ добрыхъ коней всѣхъ.
На ту пору казакъ старый пробуждается,
Пробудившнся, казакъ старый сталѣ коня сѣдлатѣ,
А между тѣмѣ въ городѣ Азовѣ шлетѣ посльщнлка.
Ужь какъ ждѣтъ-ли казакъ старый посла скорого,
Не дождавшнсь казакъ старый самѣ въ Азовѣ скакалѣ.
А до тѣхъ перѣ городокѣ Азовѣ намѣ растворѣть былѣ.
А ждѣрь городѣ Азовѣ крѣпко заперѣть намѣ.
Какъ санился казакъ старый на добра коня,
Догоналѣ онѣ басурманнна турка храбраго,
Одинѣ отбилѣ казакъ старый всѣхъ коней назадѣ“.

Въ пѣснѣ этой воспѣвается одинъ изъ многихъ случаевъ нападенія татар-

¹⁾ Въ синодикѣ вѣсннко такъ: „Полѣ Азовоу убитыхъ: Алексія, Леонтія, Іоанна и Балдыка“. Близъ того о походѣ въ Азовъ упоминаютъ старинныи при производствѣ слѣдствія въ 1736 году надъ янцз. атаманомъ Причюномъ; перечисляя свои службн охотѣ изъ вѣтъ семидесятилѣтнй старшина Афанасій Кофенцманъ говоритъ о службѣхъ, бывшихъ на челѣ лѣтъ до осады Азова. (М. Арх. Гл. Шт., опись 47, дѣло 24/04, листы 1—168).

оныхъ наѣздивковъ на русскій станъ, когда татарамъ удалось нанести вредъ и захватить часть казачьихъ лошадей. Подъ старымъ казачьимъ надомъ поимать кого либо изъ казачьихъ старшинъ, въ большинствѣ случаевъ избивавшихся казаками изъ людей пожилыхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, который во время общаго переполоха не растерялся и со своею сотнею изъ станицей успѣлъ отбить захваченныхъ лошадей.

Изъ этой пѣсни видно также, что служба казачковъ полъ Азовомъ была тревожная и не легкая, память о которой въ этой пѣснѣ дошла даже и до нашихъ дней.

Съ воцареніемъ Петра Великаго для Яицкаго войска настаетъ весьма тяжкое время. Властная рука Петра наложила свою печать и на далекую запольную рѣку приянцкихъ орловъ. Во все время царствованія великаго преобразователя въ Яицкомъ войскѣ слѣдуетъ рядъ волненій; одинъ суровый розискъ смѣняется другимъ, еще болѣе тягостнымъ и суровымъ. Еще задолго до Булавинскаго бунта на Дону въ Яицкомъ войскѣ начинается рядъ волненій, кончившихся посылкою войскъ на Яикъ и казнями виновныхъ казаковъ. Но волненія эти не затихаютъ и вызываютъ правительство на рядъ новыхъ суровыхъ мѣръ до новой присылки войскъ включительно.

Уже въ 1695 году правительство обратило свое вниманіе на напавъ бѣглыхъ въ казачьи войска, и этотъ годъ ознаменовался на Яикѣ событіемъ, имѣвшимъ для всего войска огромныя послѣдствія.

По примѣру Донскаго войска въ Яицкомъ войскѣ была произведена перепись. О томъ, что послужило поводомъ для нея и кто ирѣзжалъ на Яикъ для этого дѣла, къ сожалѣнію, документовъ до насъ не дошло. Но надо предполагать, что эта перепись была вызвана желаніемъ московскаго правительства прекратить напавъ въ казачество бѣглецовъ изъ Руси и окончательно пресѣчь это явленіе. По переписи оказалось въ Яицкомъ войскѣ всего 2600 человекъ служащихъ казаковъ¹⁾. Съ этого-же года послѣдовалъ указъ Петра не принимать бѣглыхъ на Яикъ и высылать ихъ обратно на мѣста своихъ жительство.

Но какъ легко было отдавать приказы, на столько-же трудно было ихъ исполнять. Бѣглецы шли сотнями! Войско не въ силахъ было не только ихъ разслать по мѣстамъ, но даже и протнудѣйствовать ихъ приходу на Яикъ. Если-бы войско вздумало точно исполнять указъ, оно вѣроятно было-бы занято исключительно только тѣмъ, что развозило-бы бѣглецовъ по русскимъ городамъ. Спустя 22 года послѣ этого приказа, ко времени похода въ Хиву въ 1717 году на Яикѣ уже насчитывалось около 5 тысячъ человекъ — ровно вдвое больше послѣ этой переписи. За эти двадцать лѣтъ царствованія Петра, несмотря на строжайшіе указы о высылкѣ бѣглыхъ, въ войско пришло болѣе двухъ тысячъ человекъ новыхъ бѣглецовъ, прогнать которыхъ войско не имѣло ни силъ и ни желанія, а напротивъ, нуждался въ нихъ для службы по без-

¹⁾ Смотр. приложение XI.

прерывнымъ порядкомъ, хотѣно зачисляло въ казаки. Уже въ 1696 году на Яикѣ, какъ и на Дону во время Разина, войско рѣзко раздѣлялось на двѣ части — одна изъ нихъ старинные казаки „домовитые“, какъ называютъ ихъ документы того времени, представляли изъ себя болѣе серьезную и болѣе зажиточную часть населенія Яицкаго городка, во главѣ которыхъ стояли извѣстные тогда въ войскѣ фамили *Влаусовыхъ, Семенниковыхъ, Семеновыхъ, Миронныхъ, Щербаковыхъ, Филимоновыхъ* и другихъ старинныхъ казаковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были или войсковыми атаманами или старшинами и имѣли громадное вліяніе на войско; другую часть составляла постоянно прибывавшая на Яикъ голытьба изъ Руси, такъ называемые въ то время „бесдомовитые“ казаки. Эти толпы людей, искавшихъ только промысла, конечно менѣе всего были склонны къ осѣдлой и мирной жизни, они желали походовъ и набѣговъ за добычей. Между этими двумя партіями шла глухая и скрытая борьба. Голутвенные хотѣли своеволья, не справляясь съ желаніями войска, тогда какъ старинные казаки старались, не выпуская власти изъ своихъ рукъ, дѣлать все лишь съ общаго согласія, не нарушая обычной жизни казачьей общины, дорожа не только своими вольными правами и обычаями, но и интересами всего войска.

Между тѣмъ толпы прибывавшихъ бѣглецовъ искали выхода своимъ силамъ. Имъ, голутвеннымъ людямъ, не имѣвшимъ за душою ничего, нужна была добыча. Но гдѣ ее взять? Морскіе промыслы стали опасны, воровскихъ казаковъ вездѣ сторожили стрѣльцы, да и времена наступали другія. Россія окрѣпла и за каждый разгромъ персидскихъ береговъ Москва платила крутыя расправы. Промышлять надъ калмыками и башкирами? Но они за набѣгъ платили сами набѣганами и отгоняли отъ казачьяго городка табуны лошадей, а иногда захватывали и самихъ казаковъ въ плѣнъ, в это не входило въ интересы старыхъ яицкихъ казаковъ, успѣвшихъ уже завести прочную осѣдлость и болѣе или менѣе ставшихъ зажиточными. Правда, при случаѣ, и они не прочь были идти за добычей, когда къ тому представлялся удобный случай: набѣгъ орды или захватъ ими казачьяго имущества, тогда и они вѣзжались изъ городка и знакомили орду съ казачьимъ кошелькомъ.

Но поживотовъ не предстало, а голытьба копилась. Ей нуженъ былъ выходъ. И вотъ въ 1696 году при выборѣ новаго атамана пришлецамъ повезло: — войсковымъ атаманомъ былъ выбранъ отчаянный „промышленникъ“ *Иванъ Менишковъ*¹⁾. Надо было случиться такъ, что въ этомъ году зимою прикочевали къ казачьему городку двѣсти семей башкиръ, жившихъ среди каракалпиковъ; ихъ было всего „200 человекъ боевого люду, и всѣхъ по головамъ 1000 человекъ“²⁾. Эти башкиры во время бунта въ 1683 году, боясь казни, бѣжали къ киргизамъ, гдѣ и жили все время. Прикочевавъ къ казачьему городку, башкиры послали отъ себя нѣсколько человекъ выборныхъ „лучшихъ лю-

¹⁾ Въ некоторыхъ другихъ актахъ онъ называется Иванъ Меницкъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Правит. Сената 1738 г. книга 1/12, листы 103—109.

дѣлѣ въ Москву быть челомъ, чтобы государь отдалъ имъ ихъ вины и разрѣшилъ жить по прежнему въ Уфимскомъ уѣздѣ. Башкирамъ дана была грамота, въ которой говорилось, что имъ „за то ихъ самовольное обращеніе, что они, памятуя предковъ своихъ изъ измѣны обратились, пожаловали—велѣли имъ тѣхъ вины отдать и жить по прежнему въ Уфимскихъ мѣстахъ, чтобы на то смотря и достальные ихъ братья башкирцы изъ измѣны обращались“¹⁾. Янцкому-же войско приказано было немедленно отпустить ихъ „всѣхъ до одного человѣка“ въ Уфу съ провожатыми.

Но когда пріѣхали посланные обратно на Янкъ, то голутвенные казаки заволновались. Они никакъ не могли примириться съ мыслью выпустить столь богатую добычу изъ рукъ.

Казаки составили заговоръ перебить башкиръ, а имущество, женъ и дѣтей раздѣлать. Главными заговорщиками были: войсковой атаманъ Иванъ *Мельниковъ*, войсковой есаулъ Иванъ *Вакуръ* и казаки Иванъ *Ветошной*, Иванъ *Касимовъ* и Демка *Латошниковъ*. Въ то время, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ актамъ, отношенія между башкирами и янцыми казаками были самыя враждебныя. Начиная съ 1663 года, съ первыхъ бунтовъ, башкиры вмѣстѣ съ калмыками были грозой войска. Безпрерывные ихъ набѣги на казаковъ и грабежи, разореніе ими Кирсановской станицы, и упорные бои во время усмиренія бунта—все это озлобило казаковъ и заставляло смотрѣть на нихъ какъ на главныхъ своихъ враговъ. Сильная своимъ числомъ башкиры не оставляли казаковъ въ покоѣ не только въ ихъ городѣ, но пресѣкали всякое сообщеніе съ Русью, преслѣдуя и нападая на казацкія станицы, выѣзжавшія изъ городка на Самару. Башкирецъ въ глазахъ казака былъ заклятый врагъ. И вдругъ эти враги пришли въ нимъ въ городокъ—сами давались имъ въ руки! Неужели ихъ выпустить и увеличать число своихъ водруговъ.

„Зачѣмъ ихъ отпустить на Уфу,—говорили атаманъ и казаки въ кругу,—ихъ отпустить, и они будутъ пуще злодѣи и смѣяться надъ нами ставутъ и выходу казакамъ не будетъ; а когда мы башкирцевъ порубимъ, а женъ ихъ и дѣтей и животы поберемъ, намъ тогда будетъ добыча“.

Башкиры жили „въ татарской слободѣ“; темною ночью казаки окружили башкирскій кошъ и на „утренней зарѣ“ бросились „многолюдствомъ“ на сонныхъ башкиръ и порубили всѣхъ мужчинъ, „а женъ ихъ и животы побрали и раздѣляли по себѣ“. Спаслось изъ общаго побойща только 46 человѣкъ, которые явились въ Уфу и рассказали о случившемся.

Въ кругу въ этотъ-же день виновные казаки рѣшили, что если будетъ запросъ изъ Москвы, то говорить, что башкиръ побили за ихъ измѣну, за то, что они хотѣли бѣжать обратно къ киргизамъ.

„Если имъ скажемъ, что всѣмъ войскомъ ихъ башкирцевъ побили за ихъ

¹⁾ Тамъ-же.

измѣну, — говорили казаки, — то намъ то въ вину не поставятъ“!

Догодавшись же о побѣдѣ многихъ башкиръ, казаки рѣшили послать въ Казань легкую станицу съ станичными атаманомъ *Иваномъ Микитинымъ* съ товарищи; въ отпискѣ, данной имъ, войско писало воеводѣ, что „они тѣхъ башкирцевъ всрубилъ за воровство ихъ и за измѣну, — пошли было по прежнему въ каракалпаки“. А о томъ, что животы ихъ, жены и дѣти были раздубавлены — казаки умолчали.

Уфимскій воевода *Василій Лесотьевичъ*, узнавъ отъ спасшихся башкирцевъ подробности о совершившемся событіи, донесъ объ этомъ въ Москву, куда и отправилъ нарочнаго 24 мая, вмѣстѣ съ отпискою отъ войска.

Въ Москвѣ на это посмотрѣли иначе, чѣмъ казаки, и оттуда послали грамоту на Яикъ съ требованіемъ сообщить подробно о случившемся и написать „подлинно для чего они тѣхъ башкирцевъ порубили и сколько человекъ мужеска и женска полу порублено и что у нихъ въ остаткѣ“¹⁾.

Но войско, получивъ эту грамоту, рѣшило, какъ и въ доброе старое время, отклячиваться и не отвѣтало ничего. Между тѣмъ башкиры, стараясь выручить отъ казаковъ захваченныхъ ими женъ и дѣтей, подали челобятную царю Петру, прося возвращающа имуществъ и женъ, гдѣ между прочимъ говорили, что казаки держатъ женъ ихъ и дѣтей у себя въ неволѣ, „а которые ихъ братья башкиры остались въ каракалпакахъ и въ иныхъ мѣстахъ, слыша то, что ихъ братья были по государевой милости пожалованы и вины ихъ были отданы, а ни въ оны, отъ нихъ, казаковъ, побиты, — впредь въ Уфимскій уѣздъ нейдутъ“²⁾.

Изъ Москвы вновь послали грамоту на Яикъ, но отвѣта не дождались. Наконецъ послали еще вѣсколько грамотъ, требуя высылки захваченныхъ башкирскихъ женъ и имущества на Самару и объяснить, за что убили башкиръ — казаки не отвѣчали. Послѣдовалъ еще указъ о немедленной выдачѣ асыра (плѣнныхъ) и объ отпискѣ въ Москву подробностей о всемъ дѣлѣ.

Благоразуміе требовало написать отвѣтъ и, вѣроятно, по настоянію старинныхъ казаковъ и старшинъ войска позднею осенью послало наконецъ въ Москву станицу.

Въ отпискѣ, какъ и ранѣе къ казанскому воеводѣ, казаки писали въ Москву, что башкиръ убили за измѣну и что „жель ихъ и дѣтей и животныхъ“ у нихъ нѣтъ.

Съ отпискою пріѣхалъ станичный атаманъ *Андрей Головачъ* съ товарищи. Но въ Москвѣ отпискѣ не повѣрили и посланныхъ стали спрашивать и подъ пытками они повинались во всѣхъ винахъ. „А пуціе къ тому заводчикъ, — добавили казаки, — атаманъ *Иванъ Меншикъ*, да асаулъ *Иванъ Вагуръ*“; выдали они и другихъ заводчиковъ.

Тогда изъ Москвы снова были посланы на Яикъ одна грамота за другою съ требованіемъ о немедленной высылкѣ плѣнныхъ башкирскихъ женъ и дѣтей на

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

Самару, „а пушхъ заводчиковъ, бывшаго атамана Мешнина и другихъ, которые нынѣ у нихъ на Яикѣ, прислать въ Сибирскъ или въ Москвѣ тотчасъ“.

Но войско, получивъ эти грамоты, по прежнему отпалчивалось и казаки „по тѣмъ указамъ и грамотамъ тѣхъ побитыхъ башкирскихъ женъ и дѣтей и животовъ на Самару не выслали и пушхъ заводчиковъ не отдали-жь“.

Насталъ новый 1697 годъ. Изъ Москвы былъ посланъ на Яикъ нарочный подъячій *Тимофѣй Ишковъ*. Собранъ былъ кругъ, прочитана грамота о выдачѣ преступниковъ и башкирскихъ семей, но казаки и на этотъ разъ „великаго государя указу учинились не послушни“.

Выслушавъ указъ и грамоту, казаки отвѣтили Ишкову полнымъ отказомъ:

— „Выслать намъ изъ тѣхъ пушхъ заводчиковъ некого для того, что изъ тѣхъ казаковъ отъ башкирскихъ ротъ (?) трое померли, а двое ушли невѣдомо куда до великаго государя указа и до грамоты, и до твоего приѣзда и пропали безвѣстно; а гдѣ они нынѣ живутъ того мы не вѣдаемъ. А башкирскія жены и дѣти въ тожъ число на томъ-же бою, какъ они, башкирцы, съ нами были, побиты“¹⁾.

Ишковъ уѣхалъ, не добившись ничего, и остановился въ Камышенкѣ на Волгѣ, дожидаясь распоряженія изъ Москвы.

Изъ Москвы было приказано Ишкову снова ѣхать на Яикъ, а самарскому воеводѣ *Ивану Колубиничу* приказано было послать вмѣстѣ съ нимъ самарскаго деорянина *Якова Баулмина*. Съ этими посланцами были отправлены войску указъ и грамота. Въ грамотѣ наказывалось немедленно исполнить приказъ подѣ страхомъ смертной казни и всему войску была объявлена „великаго государя гнѣвъ и опала“.

Приѣхали посланные на Яикъ въ сентябрѣ. Снова казаки собрались въ кругъ и выслушали указъ и грамоту.

Трудно представить себѣ, что дѣлалось въ этомъ кругу. Уступить казаки не могли. Этому не повелось изстари. У себя въ войскѣ они не знали господина и всѣ дѣла рѣшали сами своими вольными голосами. Виновныхъ казнили по своимъ войсковымъ правамъ. Преступниковъ и бѣглыхъ не выдавали. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ они выдали по настоянію донцовъ двухъ бѣглыхъ цоцовъ и вотъ съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ Москва предъявляетъ къ нимъ одно требованіе за другимъ:—приказываетъ не принимать бѣглыхъ, дѣлаетъ перепись и, наконецъ, теперь требуетъ выдачи виновныхъ казаковъ. Чтожь будетъ дальше? что будетъ съ ихъ вольными правами?

Казаки уцѣрлись—разстаться съ ними они не имѣли ни малѣйшей охоты. У нихъ была еще надежда отнестись. Но плохо-же они тогда звали царя Петра. У него слово не расходилось съ дѣломъ. Гнѣвъ и опала и смертная казни шли слѣдомъ за словомъ. Но казаки еще разъ сдѣлали попытку отстоять свои вольности.

¹⁾ Тамъ-же.

— Учинили мы то всёиъ войскоиъ, а не одни, — говорили посланныиъ атаманъ ¹⁾ и казаки, — и заводчииковъ не выдадимъ, вина въ томъ дѣлѣ всего войска, и въ той нашей няиъ волень великiй государь!“

Самаревинъ Вауляиъ звалъ многихъ казакковъ въ лицо; докладываа потому о своей побѣдѣ въ казанскомъ приказѣ, онъ говорилъ: „а воры Ивашко Ветошной, Ивашка Меншиковъ въ то число были позади ихъ казачья круга всё, только одного не было — Ивашка Касимова; а въ кругу тотъ воръ Ивашка Ветошной въ то число кричалъ, что отдавать его для чего де? дѣлать то онъ не одинъ, учинили де то всёиъ войскоиъ!“

Казаки не выдали заводчииковъ. Но какъ быть съ гнѣвомъ и опаломъ великаго государя?

Войско съ посланными свардило ставицу. Станичннмъ атаманомъ былъ назначенъ *Никонъ Васильевъ Копейка* (онъ же Копееча) съ товарищи — всего четыре человека; ихъ отправили въ Москву съ челобитьемъ государю. Посланныиъ же Ишкову и Вауляну дали отписку. Въ этой отпискѣ казаки писали, какъ я равѣ: „побили мы, казаки... тѣхъ башкирцевъ за воровство и за измѣву, что они послѣ призыву измѣнили и пошли было въ каракалпацкую землю, всёиъ войскоиъ а не двое и не тресе; а жень ихъ и дѣтей и животовъ у насъ вѣтъ“. Но о томъ, почему они не отдали воровъ и заводчииковъ, казаки не сказали ни слова. Въ челобитной же государю, гдѣ войско било челомъ за свои вины, войско, повторяя тоже самое о измѣнѣ башкирцевъ, добавляло, что войску „башкирскихъ животовъ, жень и дѣтей отдать нечего: — побрали они-жъ башкирцы на окулъ, а выихъ я русскимъ торговымъ людямъ продалаа, а няи ихъ башкирскiя жены и дѣта на Яикѣ померли“. Въ этой челобитной они писали, что все сдѣлали всёиъ войскоиъ, но почему не отдали заводчииковъ, никакого объясненiя не дали.

Въ Самарѣ станицу схватили и подъ конвоемъ отправили въ Москву.

Въ приказѣ Казанскаго двorca, выслушавъ посланныхъ и объясненiя Ишкова съ Вауляиымъ, рѣшили добиваться правды виныи путями. Станичниковъ Никона Копейку и товарищей исоставили на очную ставку съ казаками прежде прибывшей станицы съ Андреемъ Головачемъ и Абакумомъ Кузнецомъ. Но Копейка съ товарищами уперлась и повторяли слова отписки и челобиты и говорили, что башкирцевъ убили за измѣву и что ясыря у нихъ вѣтъ. Тогда ихъ повели въ застѣнокъ „я у пытки на вискъ въ томъ во всемъ казаки виновиса и говорили тѣжъ рѣчи что изъ ирежней присылки казаки съ пытка“.

Въ Москвѣ наконецъ окончательно узнали настоящую правду, въ войско снова была написана грамота и послана съ двумя ящичкии казакани первой станицы.

¹⁾ Кто былъ въ то время войск. атаманомъ вмѣсто Меншика — неизвѣстно.

На этотъ разъ въ грамотѣ говорилось: чтобъ они „атаманъ и казаки, по прежнему нашимъ великаго государя указомъ тѣхъ воровъ, пушчахъ заводчиковъ и башкирскій ясиръ и животы и записную книгу войсковой избы ¹⁾ и подъячею (войскового писаря) Митьку Васильева отдали посланному съ Самары или изъ Симбирска и отвезли за крѣпкий карауломъ съ провожатыми, такъ-же и взятый ясиръ и животы отослали для отдачи на Самару-жъ неотложно. А если вы атаманъ и казаки, по сему нашего великаго государя указу тѣхъ воровъ, пушчахъ заводчиковъ не отдадите, башкирскаго ясира, ихъ животовъ на Самару и воровъ въ Симбирскъ или къ Москвѣ не пришлете, и нашему великаго государя указу учинитесь непослушны, и за тѣ ваши вины нашъ, великаго государя гнѣвъ приказали исполнить, противъ нашихъ великаго государя указовъ, каковы къ вамъ напередъ сего съ Москвы и съ Камышевки посланы. И наши, великаго государя, ратные люди, и калмыки, и башкирцы посланы будутъ на васъ неотложно и разореніе вы казаки примете себѣ всѣ волею своею за воровъ небольшихъ людей, въ которыхъ вы казаки нашему великаго государя указу чинились не послушны и по многымъ посланнымъ грамотамъ тѣхъ воровъ не отдавали и повелѣнія нашего государскаго не исполняли, за что вы, казаки, достойны всегнѣвнаго разоренія“ ²⁾.

Эта грамота была послана въ концѣ сентября, а 21 октября были одновременно посланы грамоты уфимскому, самарскому и симбирскимъ воеводамъ, гдѣ описывались вины Яицкаго войска и говорилось о томъ, чтобы въ Самарѣ и Сызранѣ были приготовлены „на ямахъ“ (на почтовыхъ станціяхъ) ямщики, лошади и подводы для отвоза ясира въ Уфу, а виновныхъ казаковъ въ Москву.

„А если они, атаманъ и казаки, нашего повелѣнія не исполнятъ—говорилось въ грамотахъ—я тѣхъ воровъ пушчахъ заводчиковъ не отдадутъ въ городъ въ Москвѣ и башкирскаго ясира и животовъ ихъ на Самару не пришлютъ и на нихъ казаковъ, наша великаго государя гнѣвъ и опала и разорѣніе исполнится и вашимъ ратнымъ людямъ всего казанскаго разряду и калмыкомъ и башкирцомъ по исполненію нашего гнѣва быть во всякой готовности и о походѣ ожидать нашего указу вскорѣ. Въ городѣхъ же гдѣ они казаки явятся въ прїѣздѣ указали мы, великій государь, ихъ казаковъ имать и сажать въ тюрьму, а къ Москвѣ ни на которые города ни для чего ихъ не пропускать, такъ-же и на Яикъ ни съ какими запасами, и не для чего изъ городовъ никого не пропускать же, покажутъ они вины свои намъ принесутъ и тѣхъ воровъ пушчахъ заводчиковъ отдадутъ“.

Надъ войскомъ собралась гроза. Башкиры, стрѣльцы и калмыки были готовы къ походу на Яикъ и ждали только указа. Въ Самарѣ и Сызранѣ были учреждены заставы, чтобы „подъ смертной казнью“ никакихъ хлѣбныхъ запасовъ на Яикъ не пропускать.

¹⁾ Что это за записная книга—точно неизвѣстно, но по всей вѣроятности такъ называлась книга, въ которой были списки 2600 казаковъ, числившихся въ войскѣ послѣ переписи 1695 года.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената 1733 г. книга № 1/102, листы 103—109.

Гроза росла все больше и больше. Надвигались черныя тучи. Какъ когда-то въ Великомъ Новгородѣ, теперь въ Яицкомъ войскѣ рѣшался роковой вопросъ: быть или не быть великому войску Яицкому попрежнему вольнымъ и независимымъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ отъ Москвы или пришла пора вершать эти дѣла по указѣ московскаго боярства? Споръ былъ неравный, и не нужно было быть пронырливымъ, чтобы предвидѣть исходъ этого дѣла.

Но какъ рѣшили этотъ споръ на Яикѣ — намъ неизвѣстно. Исторія не сохранила намъ объ этомъ ни одной строчки. Надъ этимъ послѣднимъ актомъ исторической драмы ова сгустила свой темный завѣсъ и навсегда укрыва^{ла} отъ насъ подробности роковой развязки.

Что дѣлалось въ это время въ войскѣ, что говорилось въ казачьихъ кругахъ, исполнило-ли войско указъ изъ Москвы добровольно или уступило свои вольности послѣ сѣвкта съ московскими войсками — историческіе документы намъ не говорятъ ни слова. Они обрываются на этомъ. Только изъ яругихъ, послѣдующихъ документовъ — изъ грамоты къ башкирцамъ 1698 года, — видно, что ясырь былъ взятъ и что казаки „пушіе на то воровство заводчики многіе были взяты на Москвѣ и пытаны и казнены и посланы въ ссылку въ дальніе Сибирскіе города, а достальныи казакамъ, по ихъ многому повинному чело^ббитью, вины отданы“¹⁾.

Кто были виновники этого дѣла, много ли ихъ было казнено и разослано въ ссылку — неизвѣстно²⁾.

Извѣстно только, что сосланные были поселены въ Кольскомъ и Пустоверскомъ острогахъ.

Казаки притихли, такой крутой расправы они не ждали. Но куда-же дѣваться голутвеннымъ бездомовнымъ казакамъ?! Что имъ дѣлать на Яикѣ? Притокъ ихъ на Яикъ не уменьшается, а становится все больше и больше; этой буйной силѣ нуженъ выходъ, но куда идти? Оставаться на Яикѣ опасно — бѣглецовъ приказано не принимать. Вольные и заповѣдныя края — Донъ и Яикъ перестали быть вольными, въ нихъ стала распоряжаться Москва.

Прошла зима; въ войскѣ было тихо. Но едва наступила весна, какъ голятьба снова заволновалась. Во главѣ ея всталъ казакъ *Иванъ Ивановъ Шаминъ* (онъ-же Шаменовъ); онъ сталъ звать голятьбу съ собою на Каспійское море.

— Разорвиъ Гурьень городокъ, говорилъ онъ пристаившимъ къ нему бездомовнымъ казакамъ, — и уйдемъ всѣ къ Будюю Шевкалу Тарковскому, тамъ живутъ бѣжавшіе донцы на Аграханѣ³⁾, они бѣглыхъ не выдають, по-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Дѣла Правит. Сената 1793 г., книга № 2/100, листы 87—89. Грамота башкирамъ Уфимскаго уѣзда Ногайской, Казанской, Османской и Сибирской дорогъ Ицкихъ волостей.

²⁾ Многъ просмотрѣнымъ всѣмъ описи Тайной Канцеляріи и Преображенскаго приказа, гдѣ могъ бы быть смыслъ по этому дѣлу, но ничего не найдено. Очевидно смыслъ и допросы были сдѣланы въ приказѣ Казанскаго дворца и это дѣло постигла участь остальныхъ дѣлъ этого приказа: оно спорно.

³⁾ Бѣжавшіе съ Дона въ 1688 году старообрядцы донцы поселились во владѣніи Шамкала Тарковскаго по рѣкѣ Аграханѣ и жили, не признавая Москвы, занимаясь грабежами на морѣ (Сборн. Рос. грамотъ и договоровъ, томъ IV, № 192).

строимъ тамъ городъ и будемъ жить и ходить на промыслъ! ¹⁾

На призывъ голутвеннаго атамана откликнулась почти вся голытьба. Ша-менокъ и товарищи, утаивъ главный замыселъ, стали проситься у войскового атамана *Федора Семеновича* идти на море для промысла „подъ туркменскіе караваны“.

Но старинные и благоразумные казаки, только что извѣдавшіе прелести расплаты за убійство башкиръ, во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Федоромъ Семеновичемъ наотрѣзъ отказали голытьбѣ идти за промысломъ на море.

Голытьба смирилась, но ждала лишь удобнаго случая, чтобы вырваться на волю. Случай скоро представился. Настало время ѣхать станицъ за хлѣбомъ и за другими нуждами въ Сызрань и Самару. На этотъ разъ станица была большая. Съ увеличеніемъ войска, увеличивались и потребности войска; къ этому времени казачьи станицы, отирававшіяся въ Самару за хлѣбомъ, представляли изъ себя громадный обозъ, доходившій иногда до шести тысячъ подводъ при ертаулѣ въ 600—800 и тысячу человекъ казаковъ. И на этотъ разъ поѣхало со станицею много казаковъ съ большими обозомъ и съ ертауломъ. Въ числѣ другихъ поѣхалъ извѣстный уже намъ казакъ *Иванъ Бѣлоусовъ* (онъ же Бѣлоусъ); еще въ 1654 году, будучи тогда войсковымъ атаманомъ, онъ ѣздивъ съ казаками въ Москву заслуживать вины за морскіе промыслы; во второмъ Чигиринскомъ походѣ въ 1678 году онъ участвовалъ въ бояхъ походнымъ атаманомъ. На этотъ разъ старый служака былъ выбранъ войскомъ станичнымъ атаманомъ и выѣхалъ со станицею на Довъ къ войску Донскому выяснять самый большой вопросъ, бывшій тогда у казачества: — какъ быть съ бѣглецами изъ Руси? — выдавать ли ихъ Москвѣ или жить по старому ²⁾? Указы были грозные — не выдавать опасно, могъ быть снова разгромъ, а выдавать невозможно, — бѣглецы идутъ толпами, войско Янцкое мало и въ людяхъ нуждается, — врагъ повсюду рыщетъ вокругъ городка и не даетъ покоя, да и выслать бѣглецовъ не съ кѣмъ — не хватить и казаковъ для конвоя. А бѣглецы идутъ и идутъ безъ конца. Въ одинъ только 1698 годъ прибѣжало ихъ на Янкъ 206 человекъ.

Какъ быть? Что дѣлать? И по совѣту всего войска поѣхалъ Бѣлоусовъ на Довъ за разъясненіемъ.

Выѣхало войско на Самару и Сызрань и въ городѣ стало неспокойно. Покупать хлѣбъ на Волгѣ могли конечно только зажиточные казаки и потому

¹⁾ Матеріалами для настоящаго очерка событій на Янкѣ 1698—99 г. послужили дѣла: Моск. Арх. Мин. Юст., Секретн. дѣла Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи, столбецъ № 740, листы 1—12. Дѣло о лицѣмъ казакъ Григоріи Никифоровѣ Кочерешкинѣ, сказавшемъ за собою государеву слово и дѣло, откуда и заимствованы подробности этого дѣла. Дополненіемъ къ нему служатъ грамота къ башкирамъ 1699 г. въ этомъ-же архивѣ въ Дѣлахъ Правит. Сената, книга № 1/132, листы 87—89, а также грамоты войску царя Петра за 1699 г., находящіяся въ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга № 54, листы 577—580. Это единственныя дошедшія до насъ документы о событіяхъ въ войскахъ 1698—99 годовъ. Подлинное же слѣдствіе, производившееся въ приказѣ Казанскаго двора, сохранило со всѣми дѣлами этого приказа.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 28, листы 1822—1823. Смыслъ Броткова, показаніе казака Матвія Миронова.

послѣ отъѣзда станицы въ войскѣ вліятельныхъ казаковъ стало меньше и сдерживать голтыбу не было силы.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, Иванъ Шаменовъ съ товарищами въ концѣ мая захватили на Яикѣ струги и, не слушая атамана Федора Семеновикова и старшинъ, двинулись къ Гурьеву.

Не дожидая Гурьева, Шаменовъ съ вольницей встрѣтилъ гурьевскихъ учужныхъ работныхъ людей, *Ивана Федорова* съ товарищами, которые, нарубивъ на Яикѣ дровъ и лѣса для учуговъ, плыли на плотахъ внизъ по рѣкѣ.

Казаки напали на нихъ, захватили съ собою, но три человека съ Федоровымъ успѣли соскочить съ плотовъ и бросились бѣжать въ Яицкій казачій городокъ. Казаки за ними не гнались, а поплыли дальше.

Всего у Шаменка было не болѣе ста пятидесяти голтувезныхъ казаковъ, въ томъ числѣ и рабочихъ—крестьянъ, жившихъ въ войскѣ; атаманомъ „у работныхъ людей“ былъ *Михаилъ Фроловъ*. Вся эта толпа появилась подъ Гурьевомъ въ ночь на 8 число іюня и ринулся на городъ „въ проломанна мѣста“; воеводою въ Гурьевѣ былъ *Алексѣй Бахтеяровъ*, гарнизонъ составляли симбирскіе и бѣлоарскіе стрѣльцы—годовальщики. Перезавязавъ караульщиковъ, вольница вступила въ бой со стрѣльцами. Бахтеяровъ былъ раненъ, было также ранено много стрѣльцовъ и трое заплатились жизнью. Оставшись безъ воеводы, стрѣльцы сдались. Взявъ въ плѣнъ стрѣлцаго сотника *Гаврилу Ретковскаго*, вольница его избила, но стрѣльцовъ не тронула. Начался грабѣжъ. Ограбивъ что можно, голтыба захватила денежную казну „и зелье, и свинецъ, и фитиль, и ядра, да двѣ пушки“; а у воеводы, у сотника и стрѣльцовъ „ружья и боршан, и бердыши, и знамена, и конья, и протазаны, и запасъ и всякую рухлядь небрали“. Послѣ погрома казаки раздумали плыть къ намѣченной цѣли на рѣку Астрахань; не знали ли они дороги къ Шеввалу, или не было у нихъ опытныхъ кормчихъ, или услышали, что изъ Астрахани всегда ходятъ на море стрѣльцы, но только они повернули обратно и поплыли вверхъ по Яику. Къ голтыбѣ пристали 16 человекъ стрѣльцовъ а также многіе „гуляціе и сильные люди да татары, которые была наняты въ работу на учуги“.

Послѣ ухода казаковъ оказалось, что пропало безъ вѣсти, кромѣ бѣжавшихъ къ казакамъ, еще 6 стрѣльцовъ.

Въ тотъ-же день Бахтеяровъ донесъ о случившемся въ Астрахань къ воеводѣ Ивану Алексѣевичу *Мусину-Пушкину*, который, получивъ это донесеніе, 16 іюня командировалъ въ Гурьевъ полковника *Ивана Мейера* съ московскими, астраханскими и красноярскими стрѣльцами—всего 800 человекъ. Этотъ отрядъ пошелъ моремъ въ легкихъ стругахъ; берегомъ-же кромѣ этого пошло 200 человекъ юртовныхъ татаръ. Между тѣмъ въ Яицкій городокъ прибѣжалъ гурьевецъ Иванъ Федоровъ и рассказалъ атаману Семеновику о встрѣчѣ съ воровскими казаками. Немного погодя пришла вѣсть и о разгромѣ Гурь-

ева. Собрался кругъ и партія старыхъ казаковъ снарядила станицу въ Москву съ вѣстовою отинскою о случившемся.

Въ свою очередь, получивъ свѣдѣнія о разгромѣ Гурьева, 16 іюня написалъ объ этомъ въ Москву и астраханскій воевода Иванъ Мусия-Пушкинъ, извѣщая, что онъ послалъ на казаковъ Мейера.

Оба извѣстія пришла въ Москву почти одновременно въ концѣ іюня мѣсяца.

Въ Москвѣ забили тревогу. Тамъ уже стали забывать о воровскихъ казакахъ. На Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ было тихо и про воровъ давно не было слышно. Только астраханскіе „казаки раскольниковъ“, оставшіеся жить у Шейкала, одни хозяйничали по Хвалынскому морю и не давали никому спуска. И вдругъ кромя нихъ объявились вонне воровскіе казаки на Яикѣ.

Петръ приказалъ рѣшительныя мѣры. Въ Уфу, Самару, Казань, Астрахань, Царицынъ—всюду полетѣли его указы о немедленномъ выступленіи войскъ на Яикъ.

Въ грамотѣ къ уфимскому воеводѣ *Дмитрію Милостивому* приказывалось поспѣшно выступить на воровскихъ казаковъ, взявъ съ собою уфимскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 100 чел., конныхъ стрѣльцовъ 100, пѣшихъ 300, а служилыхъ татаръ и мещераковъ „всѣхъ что есть“, а также и башкиръ. Была послана грамота и башкиранъ, гдѣ между прочимъ говорилось:

„А въ нынѣшнемъ въ 206 (1698) году вѣдомо намъ великому государю учинилось, что тѣхъ казаки, которые башкирцовъ порубили атаманъ Иванко Шаминъ съ товарищи забивъ Бога и нашу вел. государя милость, собрался съ такими жъ ворами съ бездомовными казаки и не послушавъ старыхъ казаковъ войскового атамана Федора Семеновича съ товарищи, пошли на низъ Яикомъ рѣкою. Іюля въ 5 день послана наша вел. государя грамота на Уфу къ воеводѣ и особая къ вамъ къ уфимскимъ башкирцамъ, чтобы вы башкирцы про то вѣдали и помня къ себѣ нашу вел. государя милость надъ тѣми воровскими казаками надъ Иванкою Шаминнымъ съ товарищи, которые съ Яику пошли для воровства, промыслъ чинили гдѣ случай позоветъ и чтобъ ихъ воровъ до воровства ни до какого не допустить и гдѣ про нихъ свѣдають на нихъ ходить и надъ ними, и буде и инде какіе воровскіе люди объявятся по тому жъ всякій промыслъ чинить и перекивавъ ихъ отдавать въ городъ Уфу воеводѣ; а та ваша вѣрная служба у насъ вел. государя забвенна и будетъ. И какъ къ вамъ сія ваша грамота придетъ и выѣдъ башкирцы по семъ нашему великаго государя указу на нашу службу со столяникомъ нашимъ воеводою съ Дмитріемъ Ивановичемъ Милостивому съ товарищи шли не мѣшкая ни часу, и въ томъ намъ нашему царскому величеству показать бы вамъ службу свою и раденіе, а та ваша служба у насъ великаго государя забвенна и будетъ“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Правит. Сената, книга 1/132, листы 87—89. Грамота къ башкирамъ 1698 года.

Одновременно съ этой грамотой приказывалось послать въ Астрахань: изъ Царицына съ Афанасіемъ *Курчениновымъ* пѣшихъ стрѣльцовъ 500 человекъ, а изъ Саратова 300 человекъ „водою въ легкихъ судахъ съ полковнии припасы и запасы“. Изъ Самары-же велѣно было выслать конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ сухимъ путемъ подѣ начальствомъ назначеннаго для этого сызранскаго „дворенина добраго“. Ему наказывалось итти съ тѣми самарскими людьми наскоро и „свѣстяся съ яцкиимъ войсковымъ атаманомъ съ Федоромъ Семенниковымъ съ товарищи, которые къ тому воровству непристойны, итти на тѣхъ казаковъ гдѣ про нихъ вѣдомость будетъ и тѣхъ воровъ поимать и пушкхъ заводчиковъ человекъ десять прислать къ Москвѣ, а достальныхъ держать за карауломъ до указа, а буде учнутъ противиться и ихъ всѣхъ рубить за ихъ воровство и измѣну безъ милости, чтобъ ихъ конечно ни до какаго воровства не допустить и искоренить“¹⁾.

Казанскій воевода долженъ былъ выслать въ Сызрань къ стольнику *Степану Собакину* стрѣлціей полкъ. Въ Яцкое же войско атаману Федору Семенникову была послана грамота показать свою службу государю и выступить всѣмъ войскомъ „на свѣхъ“ за воровскими казакани и чинить надъ ними промышель.

Однимъ словомъ повторилась исторія 1696 года, но на этотъ разъ войска не дожидались приказа о выступленіи, а должны были итти немедленно по полученіи грамоты.

Но пока шли донесенія въ Москву о случившемся и распоряженія изъ Москвы о выступленіи войскъ на Яцк, полковникъ Мейеръ шелъ слѣдомъ за Иваномъ Шаженкомъ. Казаки, разграбивъ Гурьевъ, пошли вверхъ по Янку, но шли медленно, видимо еще не рѣшивъ окончательно, что имъ предпринять и куда итти. Появиться въ Яцкомъ городкѣ было нельзя—они ушли самовольно, воровски, не послушавъ атамана и старшинъ: въ городкѣ ихъ могла ждать казнь и въ лучшемъ случаѣ цѣпи и выдача Москвѣ.

Ихъ невѣрительности былъ положенъ предѣлъ въ урочищѣ *Клушаиномъ ярѣ* на Яцкѣ; здѣсь Мейеръ настигъ воровъ; завязался бой, казаки были разбиты, многіе взяты въ плѣнъ и лишь небольшая часть ихъ, вѣстѣ съ атаманомъ Шаженкомъ успѣла бѣжать и скрыться въ степи²⁾.

Между тѣмъ въ Яцкомъ городкѣ готовились роковыя событія. Въ войско прѣвѣлъ бывшій на Дону ставичный атаманъ Иванъ Вѣлоусовъ. Оакъ прѣвезъ изъ Черкасска отъ Донскаго войска указъ, чтобы всѣхъ прѣбывшихъ послѣ переписи 1695 года въ казаки не ставить, а отсылать изъ войска по мѣстамъ жительства. Въ то же время войско, вѣроятно недовольное слабостію Семенникова, распустившаго гольтѣбу, выбрало себѣ новаго войскаго атамана того же Ивана Вѣлоусова.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ. Числа и мѣсца этого боя изъ документовъ не видно.

Получивши приказъ о сыскѣ надъ Шаменкомъ, казаки, выбравъ походный атаманомъ Федора Семенникова, двинулись (сколько неизвѣстно) внизъ по Янку, гдѣ настигли Шаменка съ остатками разбитой шайки и послѣ боя захватили ихъ всѣхъ живыми вмѣстѣ съ атаманомъ ¹⁾.

По возвращеніи въ городокъ, захваченныхъ казаковъ партии Шаменка войско вывело въ кругъ и десять изъ нихъ „самыхъ пущихъ заводчиковъ“ (кого—неизвѣстно) отправили въ Москву вмѣстѣ съ Шаменкомъ, а остальныхъ (сколько и кого—тоже неизвѣстно) всѣхъ „учинили казнь по своему войсковому праву“ ²⁾.

Между тѣмъ въ отсутствіе Семенникова съ войскомъ въ Яцкомъ городкѣ произошло важное событіе. Указъ о выдачѣ бѣглецовъ, подтвержденный Довскимъ войскомъ, пришелся не по душѣ голутвенному люду. Они шумѣли, волновались, но открыто смѣло дѣйствовать не рѣшались. Ихъ въ казаки не принимали. Имъ оставалось одно: или идти по слѣдамъ Шаменка, или искать гдѣ либо другія вольныя земли—новый Довъ в Янкѣ. Толпа бездомовыхъ только ждала себѣ вожаковъ, чтобы перейти въ открытый буянь и рѣшиться на что либо. Надо было такъ случиться, что приблизительно въ то же время въ войскѣ появились сосланные въ 1696 году за убійство башкиръ и бѣжавшіе изъ ссылки изъ Вольскаго и Нустозерскаго остроговъ казаки *Ивашка Голуновъ, Демка Латошшиковъ, Уляника Большая Шамка, Меркушка Соколовъ* и другіе. Бѣглецы однимъ своимъ появленіемъ на Янкѣ уже заставили недовольныхъ вспомнить старину. Испытавшіе прелести московской расправы, бѣглецы громко заговорили о концѣ казачьей воли, обвиняя въ своихъ бѣдахъ малодушіе войска, не сумѣвшаго отстоять ихъ, какъ въ доброе старое время. Нужно вернуть старину. Голутвенные ожали. Вожди нашлись. Скрытое недовольство перестало сдерживаться и когда по возвращеніи Семенникова виновные въ разгромѣ Гурьева были казнены, а Шаменокъ выданъ Москвѣ, страсти разгорѣлись, казаки не могли хладнокревно смотрѣть на нарушеніе былыхъ вольностей войска. Всего десять лѣтъ тому назадъ они не знали надъ собою ничьей власти, кромѣ своей воли и рѣшенія войскового круга. Давно ли морскіе промыслы считались дѣломъ обычнымъ и доблестнымъ, а теперь? Теперь само войско, во главѣ со старшинами, ловятъ удалыцовъ и мало того—казнить ихъ въ кругу, по приговору круга, казнить за то, за что ранѣе имъ воздавало честь! А бѣглецы изъ Руса? Развѣ ихъ выдавали Москвѣ?! Войско стѣною, грудью стояло за нихъ и никакія силы не могли заставить казаковъ добровольно подчиниться этому требованію. Теперь же не только стали выдавать бѣглецовъ, но и преступниковъ. Въ десять лѣтъ и такая сильная перемена! Недовольныхъ было много,—наружю подчиняясь требованіямъ Москвы и старшинъ, казаки въ душѣ затаили злобу. Бѣглецы изъ ссылки

¹⁾ Тамъ-же. Число и мѣсяцъ захвата Шаменка не указанъ.

²⁾ Тамъ-же. Число и мѣсяцъ неизвѣстны, но, судя по прибитію Шаменка въ Москву къ 8 августа, надо полагать, что это событіе происходило въ нѣсколько мѣсяцевъ.

всколыхнули недовольныхъ: въ войскѣ вспыхнулъ явный бунтъ. Казаки стали собираться въ круги и предводительствуемые *Иваномъ Голуновымъ*, *Мерзужкой Соколовымъ*, *Иваномъ Гауреневымъ*, *Григоріемъ Кочерешкинымъ* и другими казаками, смѣнили войскового атамана Ивана Вѣлюсова и вмѣсто него выбрали *Никонку Копычку*. Но бунтъ этотъ не ограничился. Главаря, состоявшаго главнымъ образомъ изъ бѣжавшихъ изъ ссылки казаковъ, собравши 18 июля кругъ, „войско возмутили и войскового атамана Ивана Вѣлюсова убили до смерти“¹⁾).

Подробности этого убійства намъ въ сожалѣнію неизвѣстны. Единственнымъ указаніемъ по этому дѣлу служить указаніе бившаго впоследствии войсковымъ атаманомъ старшины *Матвѣя Миронова*. Онъ говоритъ, что убили Ивана Вѣлюсова по приговору круга за то, что онъ привезъ приказъ отъ Девского войска, чтобы прибывшихъ послѣ 1695 г. въ казаки не зачислять. Смертвную казнь по казачьему обычаю долженъ былъ совершить одинъ изъ войсковыхъ есауловъ. Эта обязанность казни Ивана Вѣлюсова досталась войсковому есаулу *Григорію Копылову*. Но какъ былъ убитъ Копыловъ — убитъ ли изъ ружья, какъ это обычно дѣлалось, или другимъ способомъ — изъ дѣла не видно [18]. Но одной этой причины для того, чтобы убитъ войскового атамана, было безъ сомнѣнія недостаточно. Тутъ было еще какое либо другое и болѣе важное обстоятельство, заставившее казаковъ принять столь другую и еще небывалую на Янкѣ мѣру противъ своего атамана. Можно предположить только одно, что послѣ внимательства Москвы во внутреннюю жизнь казачества въ Янцкомъ войскѣ, доселѣ свободномъ, казаки не могли съ легкимъ сердцемъ примириться ни съ выдачею виновныхъ казаковъ Москвѣ, ни съ выдачею ей бѣглыхъ изъ Руси, а также и съ произведенною перелесью. Винавиныками этого внимательства Москвы въ жизнь казачьей общины голытба, а можетъ быть, и большая часть старыхъ казаковъ, считала старшинъ, легко склонявшихся къ московскимъ предложеніямъ. Недовольство на эти новшества, негодованіе, накопившееся у казаковъ, не знавшихъ доселѣ преграды своей свободѣ, все это вылилось при полученіи приказа съ Дона о непріемѣ бѣглыхъ въ форты бунта; чаша недовольства перешла черезъ край и казаки рѣшили вернуть старшину: они убили войскового атамана, чтобы впродъ другиямъ было невадно держать руку Москвы. Напрасно старшины *Матвѣй Мироновъ*, *Степанъ Шлимоновъ* и другіе отговаривали въ кругу казаковъ отъ убійства Вѣлюсова, — ничто не помогло: казаки даже рѣшили убитъ старшинъ. Особенно вставалъ на этомъ казакъ *Сергежа Оногинъ*. Вышій въ это время въ городѣ войсковою подъячій *Василій Бодановъ* въ тотъ-же день, болѣе дальнѣйшихъ убійствъ, изъ городка бѣжалъ; вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и гурьевецъ Иванъ Федоровъ. Оба они явились въ Самару къ военодѣ Ивану Колыбакину и рассказали о случившемся. Выслушавъ ихъ, воевода рѣшилъ за

¹⁾ Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ, а также грамота Петра войску 1699 г.

лучшее их арестовать и, нарядив сильный конвой, съѣзжо отправилъ ихъ въ Москву.

Но старшинская партія и старые домовитые яцкіе казаки примириться съ убійствомъ атамана не могли. Въ то время въ войскѣ это была самая сильная и вліятельная партія и играла громадную роль; старшины бывали не разъ избираемы войсковыми и походными атаманами, были зажиточны и въ большинстве случаевъ въ родствѣ или свойствѣ между собою.

Женатыя на дочеряхъ Ивана Бѣлоусова старшины *Осипъ Васильевъ Бѣлоусовъ* и *Григорій Меркульевъ*, вставъ во главѣ домовитой партіи, не подчинились требованіямъ бездомовыхъ казаковъ и, выбравъ себя войсковымъ атаманомъ снова Федора Семенникова, снарядили станицу въ Москву съ отпискою о случившемся. Станичнымъ атаманомъ поѣхалъ Осипъ Бѣлоусовъ. Смутно было въ это время въ войскѣ. Казаки разбились на партіи. Сводились личныя счеты. Вышедшій въ это время рядовымъ казакомъ, впоследствии войсковою старшина и глава казачьей партіи *Иванъ Логиновъ* въ горячемъ спорѣ съ казакомъ *Серебряковымъ* навесъ послѣднему тяжкія побои, отъ которыхъ Серебряковъ умеръ на другой день. Логинова вывели въ кругъ и заковали въ цѣпи. Казаки по своему обычаю хотѣли его казнить, но Логиновъ упросилъ жену Серебрякова „убитаго мужа на немъ не отсыскивать“, за что далъ ей 50 рублей и общался „кормить ее съ дѣтьми до смерти“. Тогда по просьбѣ священника и старшинъ войско отъѣвило свой приговоръ и Логиновъ былъ освобожденъ. Но строгіе въ своей средѣ къ каждому преступленію, будь то воровство или убійство, казаки стали звать Логинова душегубникомъ, кличка, которая сохранилась за нимъ до пріѣзда въ войско полковника Захарова. Это обстоятельство впоследствии старшинская партія ставила Логинову какъ одну изъ причинъ его неблагонадежности ¹⁾.

Прябывъ въ Москву, Бѣлоусовъ получилъ грамоту къ войску и къ атаману Федору Семенникову о высылкѣ въ Москву всѣхъ виновныхъ въ убійствѣ Ивана Бѣлоусова и выѣхалъ тотчасъ же въ войско ²⁾.

Посланные же изъ войска Иванъ Шаменовъ и товарищи были привезены въ Москву 8 августа, гдѣ въ приказѣ Казанскаго дворца „были пытаны и въ винахъ своихъ винялись... и августа въ 20 день по указу великаго государя, онъ Ивашка Шаменовъ съ товарища на Москвѣ казнены смертью: — четвертованы, а достальные товарищи казнены смертью жъ“ ³⁾.

Такъ завершился послѣдній морской промыселъ яцкіихъ казаковъ!

Принимали-ли участіе въ поимкѣ Шаменка наряженные башкиры и стрѣльцы изъ Самары и Уфы — изъ актовъ не видно. Но во всякомъ случаѣ если-бы они были въ Янцзомъ городкѣ и были участниками поимки Шаменка, то гдѣ либо

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 31, листъ 756.

²⁾ Этой грамоты въ дѣлахъ не имѣется.

³⁾ Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ. Здѣсь, вѣроятно, подъ остальными надо предполагать казаковъ, захваченныхъ полковникомъ Мерцомъ, или казенныхъ войскомъ на Янкѣ.

въ атакахъ или въ подвѣйшихъ показаніяхъ казаковъ хотя бы того-же Кочерешкина или въ дѣлѣ Кроткова (1719 г.) это непремѣнно бы проскользнуло, но ни этого не видимъ. Вѣроятно, получивъ приблизительно въ началѣ іюля грамоту о немедленномъ выступленіи всѣмъ войскомъ за голытьбою и зная изъ этой грамоты о посылкѣ войскъ на Яикъ, атаманъ Вѣлоусовъ и казаки рѣшили не дожидаться башкиръ, а выступить самими, пославъ отписку въ Самару о ненадобности войскъ. Во всякомъ случаѣ о пребываніи стрельцовъ или башкиръ на Яикѣ не имѣется никакихъ указаній нигдѣ.

Съ этого времени морскіе происшлыя ядцевъ казаковъ отходятъ въ область предавій, и лишь непрерывныя схватки съ киргизами, которые со слѣдующаго же года тысячными толпами стали подходить къ Яцкому городку, бои и походы казаковъ за этими хищниками, остаются съ этого времени единственными военными происшлыми приязныхъ орловъ.

Когда Осипъ Вѣлоусовъ вернулся на Яикъ, въ городкѣ уже было тихо, страсти утикли, безразуміе взяло верхъ и по прочтеніи грамоты казаки, стараясь заслужить свои вины, стали хватать зачичниковъ матажа, но расклатъ всѣхъ не могли. Большинство изъ нихъ, чуя грозу, съ Яика разбѣжались. Успѣли схватить только немногихъ: бывшаго атамана Никона Копѣчку, Ивашку Гавренева, Меркулку Соколова, Демку Латошанкова, Ивашку Голунова и Ульянку Большую Шанку, и отправили ихъ въ Москву съ тѣмъ-же Осипомъ Вѣлоусовъ. Но по дорогѣ послѣдніе трое сбѣжали въ калмыцкую орду.

21 ноября по прибытіи въ Москву Вѣлоусъ сдалъ ихъ въ приказъ Казанскаго дворца князю *Борису Алексѣевичу Голицыну*. Тамъ уже сидѣли прибывшіе 22 октября изъ Самары войсковою подъячій Василій Богдановъ и гурьевецъ Иванъ Ѳедоровъ. Всѣхъ ихъ повели въ застѣнокъ. Послѣ троекратныхъ пытокъ Никонка Копѣчка и его два товарища въ винахъ признались и сказали, что съ ними были „пушіе заводчики Гришка Кочерешкинъ, Спирка Кузнецъ, Ивашка Погодаевъ и Ѳедька Тюръ и другіе казаки—всего 28 человекъ“. Но Никонка Копѣчка, испытанній инткъ еще при убійствѣ башкиръ, на этотъ разъ ихъ не выдержалъ и умеръ подъ пытками. Соколова же и Гавренева казнили. Что же касается войскового подъячаго Богданова и Ѳедорова, то они послѣ пытки „вины за собой не сказали и ни въ какому воровству не приличились“ а по заступничеству Осипа Вѣлоусова были освобождены, т. к. Вѣлоусовъ сказалъ, что Ѳедоровъ пришелъ къ войску на Яикъ до поимки воровскихъ казаковъ „я про то ихъ, Ивашкино, воровство на Яикъ войсковому атаману и казакамъ извѣщаль“.

Но войсковою подъячій Богдановъ вернуться назадъ на Яикъ не захотѣлъ. Ему „по его челобитью велѣно быть въ подъячихъ-же въ новопостроенномъ городѣ Петровскомъ“.

Буйно-же, должно быть, было тогда на Яикѣ!

27 ноября на Яикъ были посланы пріѣхавшіе съ Вѣлоусовымъ *архид*

Вахрамѣй Сергѣевъ съ товарищи шесть человекъ, съ царскою грамотою войску о повмѣхъ всѣхъ оговоренныхъ Никономъ Копѣчкой съ товарищи участниковъ убійства Вѣлоусова.

Отъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича, — говорилось въ грамотѣ, — всея Великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца на Янкъ, яццкымъ казакамъ: войсковому атаману *Федору Семенникову* съ товарищи. Въ нынѣшнемъ 207 (1698) г. по нашему Великаго Государя именному указу и по грамотѣ, какова къ вамъ послана съ казаками съ *Анофриемъ Якимовымъ*, да съ *Петромъ Ивановымъ*, велѣно вамъ атаману и всѣму войску воровскихъ ссыльныхъ казаковъ, которые ушли изъ Пустоозерскаго и Искольскаго остроговъ, черенмавъ прислать къ вамъ Великому Государю къ Москвѣ, и ноября въ 21 числѣ нынѣшняго 207 (1698) году потому вашему Великому Государю указу прислала вы къ намъ великому государю станичянинъ атаманомъ *Осипомъ Вѣлоусовымъ* съ товарищи тѣхъ воровскихъ казаковъ *Ивашку Гавренева*, *Меркулку Сомойлова* ¹⁾ да сними жъ прислали яццкаго казака *Никонку Копѣчку*, который былъ въ атаманехъ и бывшего атамана *Ивана Вѣлоуса* убилъ до смерти, а ссыльныхъ утеклцовъ *Демку Лотошникова*, *Ивашку Голунова*, *Ульянку Большую Шанку* упустилъ; и за тое вашу вѣрную службу мы великій государь васъ — тебѣ атамана *Федора* и все войско жалуюмъ, премоногомилостиво похваляемъ и ту вашу великаго государя милость велѣно вамъ сказать и тое вашу вѣрную службу похвалить стольнику нашему *Ивану Уварову*, который посланъ къ вамъ на прежь сего съ нашимъ великаго государя жалованьемъ, потому къ нему наша великаго государя грамота послала; а по розыску и по источнымъ рѣчанъ, присланныхъ казаковъ *Никонки Копѣчки* съ товарищи въ нынѣшней шатости были и приговаривали убить бывшего атамана *Ивана Вѣлоуса* и старшину хотѣли побить же казаки *Серешка Онохинъ* съ товарищи; и мы, великій государь, указалъ тѣхъ воровъ для розыску взять къ Москвѣ и для того посланы съ Москвы нарочно присланные ваши казаки есаулъ *Вахрамѣй Сергѣевъ* съ товарищи шесть человекъ на скоро; а атаманъ *Осипъ Вѣлоусовъ* съ достальными казаками оставленъ на Москвѣ видѣть наши царскаго величества присвѣтлае очи и быть у руки въ подобное время, и отпущены будутъ съ Москвы незадержавъ; а за тое ихъ службу нашимъ великаго государя жалованьемъ пожалованы и какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ и есаулъ *Вахрамѣй Сергѣевъ* съ товарищи къ вамъ на Янкъ придетъ и вамъ атаманъ и казаки, служа намъ, великому государю, велѣли тѣхъ оговорныхъ казаковъ *Серешку Онохина* съ товарищи *по росписки какова подъ сею Великою Государя грамотою* смскавъ и заковавъ въ кандалы прислали къ намъ великому государю съ тѣмъ же есауломъ *Вахрамѣемъ*

¹⁾ Въ другой грамотѣ Петра этотъ казакъ названъ Соколовымъ, такъ же онъ названъ и въ дѣлѣ о казакѣ Кочерешкинѣ. Въ данномъ случаѣ вѣроятно ошибка, происшедшая отъ небрежности писца, скимавшаго копію изъ приказа Казанскаго хвора.

да съ казакѣмъ *Оситомъ Кузминымъ* и съ нарочною станицею на скоро, да о томъ къ намъ великому государю писать и велѣти отписку подать и станичному атаману явиться и тѣхъ воровъ оговорныхъ казакѣмъ объявлять въ приказъ Казанскаго дворца боярину нашему князю *Борису Алексѣевичу Голыцину* съ товарищи, а одноличномъ вамъ учинить по сему нашему великаго государя указу неотложно и тѣхъ вѣхъ воровъ прислать къ намъ великому государю незамотчавъ а служба ваша у насъ великаго государя конечно забвѣна не будетъ писанъ на Москвѣ лѣта 7207 (1698) ноября въ 27 день¹⁾.

„*Роспись говорнымъ казакамъ:*

Серешка Онохивъ, Маркелка Ивановъ, Оска Брезгинъ, Якушка Горшковъ, Васьян Сидоровъ, Мишка Жаренас ретька, Пашка Турокъ, Ивашка малой Уфинецъ, Данилка Ракъ, Мишка Полорать, Андришка Насѣдникъ, Фелька Лапша, Любимка Витошной, Першка портной мастеръ, Овощка Уфинецъ, Ромашка Уфинецъ, Васьян Осивовскій, Ивашка Уфинецъ, Федька Выдра Котельниковъ, Тимошка Старухинъ, Федька Вахаревъ, Ивашка Вѣлугинъ, Якимко Штинева, Ивашко Алимовъ, Федька Рукавишниковъ, Бѣглець Ивашка Голуновъ, Ульянка Большая Шапка, Девка Лотошниковъ²⁾“.

Получивъ эту грамоту, войско успѣло захватить еще только девять человѣкъ — Маркелку Иванова съ товарищи, остальные разбѣжались. Заковавъ ихъ въ цѣпи, войско отправило ихъ въ Москву съ провожатыми, станичнымъ атаманомъ, поѣхалъ *Савелій Тамбовецъ* (ога-же Тамбовцевъ). Вѣхала станица въ февралѣ 1699 года.

Дошедшая до насъ грамота Петра, посланная войску, говоритъ подробно объ участи заводчиковъ убійства Вѣлоусова.

Отъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича, — писано въ грамотѣ, — всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца за Яикъ, яцкиимъ казакамъ: войсковому атаману *Федору Семенову* съ товарищи, въ ямаѣшнемъ, въ 207 (1698) году, писала янъ къ вамъ Великому Государю и прислала воровскихъ казакѣмъ атамана *Никонку Копнеку* да смѣльныхъ *Ивашку Гавренева* да *Меркулку Соколова* а по разспросеніи и пытаніи ихъ рѣчанъ къ убійству бывшаго атамана Ивана Вѣлоусова къ воровству и къ шатости пуцѣ заводчика казака: *Гришка Кочерешкина*,

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга № 54, листы 578, 579, 580. Изъ этой грамоты видно, что съ первымъ грамотомъ, посланномъ на Яикъ поѣхали казаки Омофрій Якимовъ и Петръ Ивановъ; въ своемъ же отвітѣ Кроткову въ 1619 г. Осипъ Вѣлоусовъ говоритъ: „а онъ Иванъ Вѣлоусовъ былъ мой тестъ, а въ некоторомъ году убить окаялъ по упомню, и въ томъ убійствѣ ѣздилъ я, Осипъ, для челобитья къ Москвѣ и о списку ихъ привезъ самъ изъ приказа Казанскаго дворца Великаго Государя грамоту“ (Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 28, листъ 1450). Подтвержденіе этого находимъ и въ показаніи бывшаго атамана Матвѣя Миронова: „и по убійствѣ оного атамана зать его Осипъ Вѣлоусовъ ѣздилъ для челобитья къ Москвѣ и по присланіи изъ приказа Казанскаго дворца товарищи ихъ единичишеница выти были къ Москвѣ и казнени“ (Тамъ-же, листъ 1828).

²⁾ Тамъ-же. Опись 107, кн. 54, листы 578, 579, 580. Ниже грамоты и списка казакѣмъ похита: „Подлинная Великаго Государя грамота за приписью дѣака Артекия Волкова, за справомъ подъячего Тимофѣя Попова“.

Спирка Кузнецъ, Ивашка Погадаевъ, Федька Тюръ съ товарищи всего двадцать пять человекъ и въ явнѣшнемъ же 207 (1699) году прислали вы изъ тѣхъ воровскихъ же казаковъ *Маркелку Иванова* съ товарищи девять человекъ, которые бившаго атамана Ивана Бѣлоуса убить приговаривали и для воровства хотѣли идти на море и подъ наша Великаго Государя города и достальные воровскіе казаки *Оська Брезгичъ, Якушка Горшокъ, Васька Сидоровъ, Ивашка малой Уфинецъ, Данилка Рагъ, Мишка Полоротъ, Андрюшка Насѣдкинъ, Любишка Витокинъ, Першка портной мастеръ, Васька Осиновскій, Ивашка Уфинецъ, Федька Выдра Котельниковъ, Федька Бахаревъ, Ивашка Бѣлугинъ* съ Яикъ разбѣжались, и вышеписанные воровскіе казаки *Маркелка Ивановъ* съ товарищи девять человекъ въ роспросѣ всѣхъ токѣ въ томъ воровствѣ они внились и говорили: пущіе заводчики къ убійству Ивана Бѣлоуса *Гришка Кочерешкинъ, Спирка Кузнецъ, Ивашка Погадаевъ, Федька Тюръ,* в тѣхъ ворахъ, по нашему Великаго Государя указу, за вхъ воровство и умисль *учинена смертная казнь: Маркелка Ивановъ четвертованъ, Мишка Жареная ретька, Пашка Турокъ повѣшаны,* а достальные *Ивашка Алимовъ* съ товарищи *шесть человекъ посланы на Самару* и велѣно имъ учинити смертныи казни на Самарѣ: *Ивашку Алимова четвертовать а достальныхъ повѣсить* и какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота придетъ и вы бы атаманъ и казаки, служа намъ Великому Государю, достальныхъ воровскихъ казаковъ пущихъ къ тому воровству заводчиковъ *Гришку Кочерешкина, Спирку Кузнецова, Ивашку Погадаева, Федьку Тюрю* обыскавъ погнали на Самару за крѣпкимъ карауломъ тотчасъ а за Самарѣ велѣли отдать стольнику нашему и воеводѣ *Петру Баскакову,* а которые прежніе казаки разбѣжались и ихъ сыскивать и какъ сысканъ будетъ и ихъ потомужъ поймавъ прислать на Самару, также и впредь, буде явятся на Яикъ изъ казаковъ или изъ пришлыхъ такіе де воры, и ихъ потому переимавъ отсылали на Самару съ отписки а на Яикъ у себя такихъ воровъ не принимали и верждали а присланные ваши казаки, которые были отъ васъ присланы *съ провожатые за воровскими казаки* и съ отписки *станишныи атаманы Осипъ Бѣлоусъ, Савелій Тамбовецъ, Якимъ Ивановъ* съ товарищи вашихъ Великаго Государя пожалованы многими и съ Москвы отпущены къ вамъ на Яикъ по прежнему. Писанъ на Москвѣ лѣта 7207 (1699) апрѣля въ 17 день ¹⁾.

Изъ этой грамоты видно, что высланы были *Маркелка Ивановъ, Мишка Жареная ретька, Пашка Турокъ, Ивашка Алимовъ* и еще пять человекъ, фамиліи которыхъ остаются для насъ неизвѣстными, и все они были казнены.

Но этихъ розыски не кончались. Виновныхъ въ войскѣ искали всю зиму. Весною 1699 г. новый *войсковой атаманъ Осипъ Бѣлоусовъ* выслалъ въ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 577 и 578. Въ концѣ грамоты помета: „Подлинная Великаго Государя грамота за приписью дьяка Артемья Волкова, за справою подъячего Тимофея Попова“.

Москву Гришку Кочерешкина, а въ отпискѣ войско написало, что Федька Тюръ въ войско явился самъ, но „онъ человекъ самый добрый и ни къ какой шатости и въ думѣ для воровства на море и на Аграхань къ воровскимъ казакамъ не приставакъ и худыхъ людей слышали за такое дурно билъ и атаману извѣщалъ. А Ивашку Погодаева и Спирьку Кузнеца на Яикѣ не сыскали для того, что до его великаго государя грамоты уѣхали въ Русь для хзѣбныхъ запасовъ; а какъ на Яикѣ лягется и ихъ потомужъ пришлютъ вскоре безовсякаго задержанія“¹⁾.

Трудно было отыскать виновныхъ казаковъ. Сбѣжали они къ калмыцкому хану Аюкѣ, подъ его защиту. Въ сохранившемся влочѣ бумаги среди калмыцкихъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ нѣтъ отрывковъ письма хана Аюки въ Москву къ князю *Борису Алексеевичу Голицыну*, изъ котораго видно, что Иванъ Бѣлоусовъ обвинялъ хана въ томъ, что онъ съ яицкими казакомъ *Иваномъ Пахомовымъ* давалъ порохъ и свинець воровскимъ казакамъ.

Въ прошломъ году, писалъ ханъ въ князю Голицыну, Иванъ Бѣлоусовъ которій казневъ, сказывалъ будто Ивашка Пахомовъ порохъ и свинець давалъ воровскимъ казакамъ и будто мы съ ними въ одномъ недоброемъ совѣтѣ сложились. И то все званно по всему, что напрасно на насъ затѣялъ, а въ тѣхъ же числѣхъ у меня, въ улусахъ моихъ, во многихъ мѣстахъ близко меня были яицкіе казаки *Федора Семенникова* съ братомъ и со многими казаки которые... и тѣ очистились и ступищенъ... и въ тѣхъ числѣхъ казачій атаманъ *Осипъ Бѣлоусъ* да ясаулъ со всѣми казаки со многими говорятъ, что Ивашка Пахомовъ безвиненъ и убоясь оъ, Ивашку, въ то число не билъ челомъ и въ прошломъ году писался къ тебѣ съ посланцомъ своимъ съ *Чекарь-кашкою* и просилъ чтобъ... *Большую шанку, Демку Лотошникова, Ивашку Голунова* и тѣхъ тронхъ нѣкоторыми мѣрами освободить невозможно, а не объ нихъ билъ челомъ братецъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, для моего прошенія Ивашку Пахомова буде возможно пожалуй указъ великаго государя съ моими посланцы пришли и буде пожелаешь по прежнему ли ему жить и служить²⁾.

Въ этомъ же дѣлѣ находится отрывокъ конца письма того же Аюки вѣроятно тоже къ Голицыну:—....Этотъ казакъ не Донской—Яицкой безвинный казакъ *Иванъ Бамури*... пожалуй прикажи прислать грамоту запечатанную чтобъ ему итти домой, а преславъ указъ безъ печати и оъ дождь итти не смѣтъ. Я, Аюка руку приложилъ, печать тагудцака“.

Пріѣхалъ Кочерешкинъ въ Москву 27 апрѣля и сразу попалъ въ застѣнокъ казанскаго приказа, гдѣ былъ разспрашиванъ и въ разспросѣ сказалъ, что онъ арзамасскій яицникъ и тому назадъ лѣтъ съ десять или больше сошелъ на Яикъ

¹⁾ Дѣло о казачѣ Кочерешкинѣ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ив. Дѣл. Калмыцкія дѣла 1700 г. № 3.

и жилъ на Яикѣ въ казакахъ, но атамана Ивана Бѣлоусова убить онъ не приговаривалъ и кто его убилъ и за что, того онъ не вѣдаетъ и что поклевали его напрасно.

Трижды пытали Кочерешкина, но и съ пытокъ онъ не винылся. Болѣе трехъ разъ по правиламъ того времени пытать было нельзя. Не сознанный послѣ трехъ пытокъ считался правымъ. Тогда изъ Москвы послали 7 августа грамоту въ войско, въ которой велѣно было войску и атаману: „про него, Гришку, писать подлинно: къ убійству Ивана Бѣлоуса былъ пущей-ли заводчикъ и вѣтъ-ли за нимъ иного какого либо воровства?“ Пятого ноября былъ полученъ на это отвѣтъ отъ войскового атамана Осипа Бѣлоуса и всего войска. Но отвѣтъ для Кочерешкина былъ неутѣшительный.

„О Гришкѣ Кочерешкинѣ мы въ кругу говорили—писало войско въ отпискѣ—и къ воровству и убійству атамана Ивана Бѣлоуса онъ Гришка былъ пущій заводчикъ“¹⁾.

Не повезло Кочерешкину:—въ ноябрѣ въ первыхъ числахъ бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ приговорилъ:—„по разспросамъ и пыточнымъ рѣчамъ Никонки Конфечки съ товарищи и по отпискѣ съ Яика атамана Осипа Бѣлоуса съ товарищи, лицкаго казака Гришку Кочерешкина за воровство и за убійство бывшего атамана Ивана Бѣлоуса, что онъ былъ пущей заводчикъ, казнить смертію—повѣсить“²⁾.

18 ноября Кочерешкину вручили указъ: „Яицкій казакъ Гришка Кочерешкинъ. Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великіе и малые и бѣлые Росіи самодержецъ указалъ тебя за воровство и за убійство бывшего атамана Ивана Бѣлоуса казнить смертію—повѣсить“³⁾.

Въ этотъ-же день повели его на казнь. Повели его подъячій Казанскаго приказа Иванъ *Губинскій* и два пристава того-же приказа *Ильишка Поланинновъ* да *Афонька Полозовъ*; они должны были идти на Владимирскую дорогу, гдѣ и повѣсить Кочерешкина. Но когда они почти выходили изъ Кремля, то Кочерешкинъ неожиданно для всѣхъ, проходя черезъ Спасскія ворота, закричалъ „караулъ!“ и сказалъ за собой государево слово. Услыхавъ этотъ крикъ, бывшіе въ то время на караулѣ въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ солдаты полка генерала Петра Ивановича Гордова сержантъ *Карпъ Лукьяновъ* и рядовые *Якимъ Суворовъ* и *Василій Рыбаловъ*, согласно военнымъ правиламъ того времени, задержали и Кочерешкина и бывшихъ съ нимъ приставовъ и отвели ихъ на Подѣшный дворъ.

Допрошенный здѣсь, Кочерешкинъ рассказывалъ все то, что мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, „а слово государево за мной то—говорилъ онъ—когда воръ Ивашка Шаменовъ и моровскіе казаки городокъ Гурьевъ разорили и государеву казну пороховъ и свинець пограбили то подѣ городъ ихъ подво-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

дѣлѣ подводчикѣ того же городка житель Иванъ Ѳедоровъ, и онъ явился на Ошару и былъ пойманъ и приславъ въ приказъ Казанскаго двorca и былъ приговоренъ къ смерти, а смертью онъ не казневъ потому что одобрилъ его легкой станицы Яицкаго войска атаманъ Осипъ Вѣлоусовъ, и изъ того приказа онъ освобожденъ. А атаманъ войсковой Осипъ Вѣлоусовъ писалъ на него будто къ бунту и убійству атамана Ивана Вѣлоуса онъ Гришка былъ пущей заводчикъ, то на него атаманъ писалъ ложно, отбывая вины своей, что онъ Вѣлоусъ пущаго, вѣдомаго вора Ивашку гурьевца, который подводилъ подъ городъ Гурьевъ воровскихъ казаковъ, въ сказкѣ своей написалъ, что онъ Ивашка человекъ добрый и по той его сказкѣ онъ пущей воръ Ивашко отъ смерти освобожденъ*....

Кочерешкинъ во чтобы то ни стало хотѣлъ оттянуть часъ казни и, изваживая вины на Вѣлоусова и Ѳедорова, предполагалъ затѣять новый сыскъ и волокиту и тѣмъ дать себѣ возможность посмотреть на Божій свѣтъ хотя еще нѣсколько времени.

Подалъ онъ и челобитную царю. Оправдываясь въ возведенномъ на него преступленіи, онъ между прочимъ писалъ: „А а холопоу твой въ томъ дѣлѣ безъ вины стражду и а тому дѣлу ни чему не даточаю. А нынѣ а приговоренъ къ смерти безвинно и напрасно. Милосердный великій государь пожалуй меня холопа своего:— не вели государь въ такомъ напрасномъ дѣлѣ и въ холопу своему безвинно и напрасно погнвуть и вели государь то дѣло а войсковую отписку положить на столъ и досмотрѣть о которыхъ людяхъ присланъ твой великаго государя указъ а меня въ оговорѣ Никонки Колесчки не явилось. Великій государь смилуйся, пожалуй“.

Дѣло было передаво вѣстѣ съ Кочерешкининъ въ Тайную канцелярію, откуда навели справку въ Казанскомъ приказѣ и получили въ отвѣтъ обстоятельное сообщеніе о дѣлахъ на Яикѣ въ 1698 году и за какую вину приговоренъ Кочерешкинъ къ смерти. Изъ этого сообщенія вѣстѣ съ разспросами Кочерешкина въ Тайной канцеляріи намъ и стали извѣстны эти немногія подробности разгрома Гурьева и убійства Вѣлоусова.

Чѣмъ кончалъ Кочерешкинъ, наъ дѣла не видно, оно обрывается на сообщеніи изъ Казанскаго приказа и вѣроятно большая половина его затерялась. Виновныхъ въ убійствѣ Вѣлоусова разыскивали и въ послѣдующіе годы, но подробности этихъ розысковъ до насъ не дошли. Были-ли пойманы и выданы Москвѣ всѣ виновные казаки или только часть, а остальные успѣли скрыться и навсегда покинули переставшій быть вольнымъ родной Яикъ—неизвѣстно. Но въ 1719 году въ войскѣ остались не захваченными по этому дѣлу только три казака *Базаревъ*, *Осыка Олимоновъ* и *Васика Сидоровъ*, разыскавъ которыхъ, пробывшій въ то время на Яикѣ поручикъ Кротковъ произвелъ допросъ почти всему войску.

Такъ кончилась въ войскѣ одна изъ вспишекъ старины. Но эта вспишка была не послѣдняя. Недовольство казаковъ новыми порядками рѣзко выступаетъ

въ послѣдующіе годы и одно волненіе сдѣлается другимъ. Казаки, не смотря на указы о высылкѣ и сыскѣ бѣглыхъ и не зачисленіи ихъ въ казаки, продолжаютъ попрежнему давать пріютъ всѣмъ бѣглецамъ изъ Руси и на требованія Москвы выдать ихъ упорно отписываются, что такихъ у нихъ нѣтъ или они обѣжали; имѣя же крайнюю нужду въ людяхъ, для непрерывныхъ нарядовъ на вѣдальную службу, послѣдовавшихъ въ первое-же годы новаго столѣтія,— войско пишетъ въ своихъ отпискахъ, что ихъ стало малоллюдно, что Янкъ, вочину великаго государя, оборонять стало нехѣтъ, и свободно зачисляло въ казаки всѣхъ, кто приходилъ къ нимъ изъ Руси.

Въ такомъ положеніи находилось войско въ началѣ новаго столѣтія, когда былъ навсегда рѣшенъ вопросъ о бѣглыхъ и войско, потерявъ нѣкоторыя вольности, окончательно вошло въ составъ русскаго царства, какъ область вполне заваянная отъ Москвы.

Г Л А В А XIX.

Набѣги киргизъ. Волненіе въ Калмыцкой ордѣ и уходъ калмыновъ отъ Аюни-хана. Нарядъ казаковъ въ Шведскую войну. Астраханскій бунтъ и отголосокъ его въ Гурьевѣ. Башкирскій бунтъ. (1700—1708).

Вольно и просторно на широкой степи. Безъ мѣры распахнулась она зеленою гладью далеко на востокъ отъ Хвалынскаго моря, цѣстря душистыми цвѣтами, колыхая серебристымъ ковылемъ; и куда ни взглянешь—вѣтъ ей конца, вѣтъ ей краю! и вѣтъ на ней ни бугорка, ни пригорка! Лишь кое гдѣ по ея безконечной равнинѣ, по ея глади длинной цѣпью мелькаютъ курганы да, одушевившись на отдыхъ порою, какъ часовые, сидятъ на нихъ степные орлы—беркуты и зоркимъ окомъ сторожатъ добычу. Пустынно на этой степи—вѣтъ на ней ни одного городка, ни одного жилья. Только кочуютъ по ней дикіе номады, бороздя ея зеленый душистый покровъ изъ края въ край; тысячные табуны скота ведутъ они за собою и ревъ ихъ и людской говоръ да лай псовъ одни нарушаютъ вѣковую тишину этого дикаго поля! И лишь только въ одномъ мѣстѣ на Яикѣ едва замѣтною точкой, на всей этой необъятной равнинѣ, окруженный землянымъ валомъ и плетнемъ, гордо стоятъ единственный городокъ—гнѣздо прилицкихъ орловъ, передовая застава великаго русскаго царства.

И не боятся безстрашные орлы ни татаръ, ни калмыкъ, ни башкиръ, ни киргизъ. Предоставленные самимъ себѣ, отброшенные далеко отъ Руси, съ твердымъ духомъ, съ отвагой въ груди встрѣчаютъ они незваныхъ гостей: смертью за смерть, набѣгомъ за набѣгъ плататъ они дикой ордѣ. Мѣткою пулей и „огненнымъ боемъ“ встрѣчаютъ они врага; безстрашными орлами вылетаютъ они изъ своего гнѣзда въ погоню за хищными ордами и безпощадно расправляется тогда съ ними казачье копьё. И страшенъ врагамъ этотъ городокъ! Тысячныя полчища ихъ не разъ стараются сломить упорство орловъ—вирасно! Казаки бьются за смерть и не сдаютъ своего богатырскаго гнѣзда, каждая пядь котораго, облатая братскою кровью, имъ дорога и священна, какъ та свобода, во имя которой они живутъ здѣсь, на этой далекой запольной рѣкѣ, навсегда покинувъ свою мачеху—родину Русь! Имъ милѣе ползая опасностей и военныхъ тревогъ, можетъ быть и кратковременная, но вольная какъ вѣтеръ и свободная жизнь орла, чѣмъ тихая и мирная жизнь раба въ покинутой родинѣ.

Но время летитъ и безирривныя схватка съ потомками ногаевъ и съ калмыками постепенно теряютъ свой острый характеръ и бышіе когда-то загла-

ные враги протягивают другъ другу руки и заключаютъ надолго мирный союзъ. Съ 1700 года казаки и калмыки навсегда прекратили враждебныя отноше- ния. Въ тоже время указомъ Петра за этотъ годъ наказывалось войску Яиц- кому „войвою на калмыковъ безъ великаго государя указу и грамоты не хо- дить и задоровъ никакихъ не чинить и о всякомъ ихъ воровствѣ писать къ государю къ Москвѣ“¹⁾).

И съ этихъ поръ стихли бравные клики на калмыцкой степи, мирно зажили два врага. Но не то было съ башкирами и киргизами. Всюду сновали эти враги. Всюду рыскали они по степи, вились вблизи городка, какъ хищныя стаи голодныхъ волковъ въ поискахъ за добычей. Не смущали киргизъ и безпре- дѣльныя степи.

Далеко отъ Яика на устьѣ рѣки Сыръ-Дарьи при морѣ Аральскомъ и дальше къ китайской границѣ въ сосѣдствѣ съ черными калмыками „конвою ѣздомъ отъ Яицкаго городка два мѣсяца“ жили *каракалпаки*. Правиль ими *Абалхаиръ ханъ*.

Рядомъ съ ними жила другая орда *киргизская* съ *Турхай ханомъ*. Вольно жили эти орды, никому они не платили дани. Занятіе ихъ было скотоводство и военный промыселъ. Настаетъ лѣто и киргизы подвигаются на западъ и на- чинаютъ кочевать вблизи Эмбы. Составляютъ военные отряды и ѣдутъ въ Русь за добычей. Горе попавшемуся имъ въ плѣвъ, не выйти ему никогда изъ не- воли — вѣчнымъ рабомъ овъ будетъ въ Хивѣ или Бухарѣ, куда отведутъ его киргизы.

И лишь только наступаетъ весна, киргизъ-кайсаки и каракалпаки уже сплываютъ у Яицкаго городка, отгоняютъ рогатый скотъ и лошадей, захватываютъ казаковъ въ плѣвъ. И съ времени богатыря Харько у праяцкихъ орловъ съ киргизами начинается безконечный безпощадный споръ за право существованія, споръ жестокой, борьба на смерть: кто возьметъ!? Цѣлая героическая эпопея! Рядъ кровавыхъ схватокъ, безсчетныхъ боевъ, набѣговъ, — борьба, полная отваги, жестокости и злобы...

Сказаній о первыхъ схваткахъ до насъ не дошло, — свѣдѣнія о нихъ по- гибли вмѣстѣ съ дѣлами Казанскаго приказа. Объ одной изъ такихъ схватокъ упоминаетъ впоследствии семидесятилѣтній казанскій атаманъ *Афанасій Дани- ловъ Коптечкинъ*²⁾. Перечисляя свои службы, овъ говоритъ, что овъ „въ службѣ при яицкомъ войскѣ за пять лѣтъ до Азовскаго похода“ (т. е. съ 1690 года) и былъ въ походахъ, до Азовскаго похода: „когда казака яиц- каго *Кочеркина* киргизъ-кайсаки убили, съ атаманомъ *Федоромъ Семенни- ковымъ*“. Это единственный слѣдъ, дошедшій до насъ, говорящій о бояхъ ка- заковъ съ киргизами въ первые годы ихъ появленія на берегахъ Яика.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣл, калмыцкія дѣла 1701 г. № 6. Челобитная войсков. атамана Федора Семенникова и всего войска. Страницы дѣла не нумерованы.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись № 47, дѣло № 22/54, листъ 105. Слѣдств. дѣло объ атаманѣ Иртыковѣ 1789 года.

Убитъ ли Кочергинъ въ бою во время похода съ атаманомъ Семеновичемъ или казаки пошли въ походъ, чтобы отомстить за смерть Кочергина, краткая сказка Колпечкина назъ не говоритъ. Но эти первыя схватки съ киргизами тогда происходили изрѣдка и лишь позже, когда киргизы подвинулись къ западу отъ Аральскаго моря и причевали ближе къ Янку, эти схватки принимаютъ обычный характеръ и чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ стѣваются ожесточеннѣе и кровопролитнѣе и, наконецъ, съ 1701 года принимаютъ видъ непрерывныхъ боевъ, набѣговъ и схватокъ. Уже съ этого года войско не имѣетъ отъ нихъ ни минуты покоя. Киргизы не довольствуются одними налетами на Янкъ и на Русь, а, собираясь многочисленными толпами, начинаютъ нападать и на самое гнѣздо казаковъ — на ихъ вольный Янцѣй городокъ.

Начавъ съ 1701 года, писали казаки царю Петру, — приходять къ намъ рабаы твоиы, подъ нашъ казачѣй городокъ и когда бываемъ для соли и рыбы съ стени во вся годы, и до нынѣ, воинскіе люди каракалпаки и киргизъ-кайсаки большимъ собраніемъ и отгоняють у насъ конскіе и скотскіе табуны и насъ, рабовъ твоихъ, въ полонъ берутъ и бьютъ на смерть¹⁾.

Страшенъ и жестокъ былъ этотъ врагъ. Вылъ у казаковъ и другой врагъ — калмыки, но съ ними янцѣйе казаки за семьдесятъ лѣтъ сосѣдской жизни уже успѣли сжиться и долгая вражда ихъ чередовалась съ миромъ — „размиренье“ сдѣлалось „замиреньемъ“. Не то было съ киргизами. Война беспощадная началась съ ними съ перваго дня, съ первой стычки и тянулась безъ одной минуты мира, безъ отдыха, безъ перерыва десятки лѣтъ. Разъ это киргизъ — то врагъ, заклятый врагъ въ каждую минуту и все, что носило на себѣ киргизскій обликъ, все уничтожалось, билось казаками на смерть, дѣлме аулы, старцы, жены — все истреблялось; убивались дѣти и грудные младенцы, — „выростуть — укусятъ!“ — говорили казаки и поднимали ихъ на копыя. Это была дѣсть за захваченныхъ въ плѣнъ и проданныхъ въ рабство въ Хиву казаковъ, за безвозвратно погашеныхъ въ тяжелой неволѣ, замученныхъ въ непосильныхъ работахъ ихъ братьевъ, отцовъ и сыновей. А гибли они тамъ въ далекой Хивѣ десятками, сотнями.

Тяжелая жизнь настала для Янцкаго войска, — отовсюду грозилъ ему врагъ: киргизы съ востока, съ сѣвера башкиры; на западъ бою о бою жила съ казаками, хотя и бывшая съ войскомъ въ миру, но все-же хищная калмыцкая орда, отдѣлявшая казачѣй городокъ широкой полосой отъ Руси, отъ ближайшаго города Самары. Враги пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы захватить казаковъ въ располѣхъ и взять ихъ или ихъ имущество въ добычу. Проѣздъ былъ опасенъ. Малочисленное тогда Янцкое войско, считавшее въ своихъ рядахъ 2600 чедовѣкъ бойцовъ, съ этого времени вынуждено было, отправляя въ Самару станицу для закупки хлѣба и продажи рыбы, наряжать для охраны ея чуть-ли не треть всего войска. Весеннія станицы, послѣ севрюжьей плавни, съ пойманными севрюгами и осенняя отправлялись въ Самару съ

¹⁾ Смотри приложение XII.

числа около шести тысяч подводъ подъ охраною тысячи казаковъ, гнаемыхъ съ пушками и всегда готовыхъ къ отраженію врага. Но и этотъ многочисленный конвой не всегда спасалъ станицу отъ разгрома ея киргизами.

Калмыки же хотя и не шли открытою войною и не брали уже въ плѣнъ казаковъ, но мелкія шайки ихъ продолжали по прежнему отгонять отъ города скотъ и ловить рыбу въ Яикѣ.

„И мы всякую отъ калмыкъ тѣсноту и великое разореніе и до нынѣ терпимъ— писали казаки въ 1701 году въ своей челобитной Петру—и рѣкою они всею завладѣли и рыбу обловили... а мы холопа твоея тебѣ, великому государю и грамоты послушны, ходитъ за вины не смѣемъ“¹⁾...

Калмыки уже не боялись болѣе казачьяго копья— они были ограждены отъ него царскимъ указомъ—и недерживаемые ничѣмъ своевольничали и грабили беззаказанно казачье достояніе.

Съ этого же года начались изъ войска непрерывные наряды на вѣнскую службу, ослаблявшіе и безъ того малочисленные его ряды.

Съ начавшейся войной со шведами уже въ томъ же 1701 году изъ войска выступила въ армію станица съ походнымъ атаманомъ *Иваномъ Сергѣевымъ Витошновымъ* въ числѣ 600 человекъ²⁾. Давно уже, со смоленской службы, изъ войска не бывало такого большого наряда. Но это было только начало нарядовъ, это была капля предъ тѣмъ, что предстояло войску выставить отъ себя въ слѣдующіе годы.

Въ этомъ же году въ калмыцкой ордѣ случилось происшествіе, имѣвшее для нея большія послѣдствія.

Калмыками въ это время управлялъ ханъ Аюва, а отдѣльными родами правили три его сына: *Чандоржалъ*, *Сакжипъ* и *Гунжель*³⁾.

Однажды, въ концѣ августа, во время совѣстной кочевки, старшій сынъ Аюки Чакдоржалъ, зайдя въ свою кибитку, засталъ своего отца со своею женою *Тарбаджи*. Возмущенный поступкомъ жены, онъ бросился на нее съ ножомъ, но подошедшіе родственники и калмыки не дали совершиться убійству; взбѣшенный Чакдоржалъ, избѣжавъ въ аулъ, сталъ бранить отца и объ его поступкѣ разсказалъ всему аулу. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла всю калмыцкую орду; ордѣ заволновалась и всѣ владѣльцы явились съ Чакдоржаломъ, а также и его родной братъ Сакжипъ, рожденный съ нимъ отъ одной матери, всѣ со всѣми своими улусами, захвативъ также почти всѣ улусы Аюки,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла калмыцкія 1701 г. № 6. Челобитная войск. атамана Федора Семеновича и всего войска царю Петру.

²⁾ См. прил. XII. Намекъ даво: атаману 31 р., четырѣмъ есауламъ по 25 р., 4 знамени по 24 р., рядовымъ по 19 р. Въ челобитной войско называетъ погубнаго атамана Витошнова только по имени; въ показаніи о своей службѣ названный атаманъ Колѣчекинъ въ 1789 г. добавляетъ и его отчество „съ атаманомъ Иваномъ Сергѣевымъ сыномъ Витошновымъ“ (Моск. Ар. Гл. Шт., опись № 47 дѣло²¹⁾/₄₄, листъ 105).

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, калмыцкія дѣла, 1701 г. дѣло № 4, страницъ въ дѣлѣ не пронумерованы. Далѣе все относящееся къ событіямъ въ ордѣ за этотъ годъ являто мною нѣтъ этихъ дѣлъ.

поднялись съ своихъ кочевьевъ и ушли за р. Яикъ. Здѣсь, на Яикѣ, недалеко отъ Яицкаго городка, у урочища *Карасуни*, они сдѣлали ставку и стали вести переговоры съ ханомъ черныхъ казимъ (джунгорцевъ), *Тайжесю*, вочевашимъ за Аральскія моря на китайской границѣ.

Третій сынъ Аюки *Гумжель*, рожденный отъ другой жены Аюки, сталъ держать сторону отца и, желая отомстить Чакдоржапу, подослалъ къ нему зайсанга *Некел*, который, подъѣхавъ ночью къ кибиткѣ, гдѣ спалъ Чакдоржалъ, выстрѣлилъ въ него изъ ружья, заряженнаго двумя пулями. Обѣ пули, пробивъ кибитку, попали въ Чакдоржапа, но раны не были смертельными. Опасаясь въ свою очередь мести, Гумжель со своими улусами въ числѣ двухсотъ кибитокъ перешелъ на нагорную сторону р. Волги и сталъ жить въ Саратовѣ у воеводы *Никифора Беклемишева*.

Третья часть орды подъ начальствомъ *Дербетя*, не приставшая ни къ той, ни къ другой сторонѣ, ушла къ Дону. Такимъ образомъ Аюка ханъ оказался брошеннымъ всеми своими сыновьями и всею ордою. При немъ осталось всего только около 300 человекъ преданныхъ ему людей.

Во время этихъ смутъ были на ставкѣ у Аюки два яицкихъ казака *Василій Ивановъ* и *Осанка Шалтеевъ*; были они тамъ „ради своего нужнаго дѣла“¹⁾.

Находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ войскомъ, Аюка съ этиаи казакими послалъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману *Федору Семенникову* своихъ пословъ, которые приказали передать войску о всемъ случившемся и просить, „чтобы Яицкое войско его, Аюкая-хана, при всякой нуждѣ не покинуло, чтобъ ему въ конецъ не разориться и убиту не быть“²⁾.

Казаки и послы пріѣхали въ казачій городокъ 1 сентября, и при всемъ войскѣ въ кругу разсказали о случившемся. Войско, жнишее послѣднее время къ дружескихъ отношеніяхъ съ Аюкою, рѣшило ему помочь. Въ куреняхъ засуетились и стали готовиться къ походу и въ тотъ-же день „всѣмъ войскомъ Яицкимъ куренной атаманъ *Федоръ Семенниковъ*“³⁾ со всякимъ оружіемъ и съ пушками ходили и его Аюкая хана встрѣтили и привалили честно и провожали до городка, чтобъ мужичи на него не ударились, и отвели подъ городкомъ мѣсто кочевать вблизи, ради ратныхъ людей“⁴⁾.

Приведя Аюку къ городку и расположивъ его воемъ немного выше по рѣкѣ, казаки поставили у его кибитки свой караулъ и послали о случившемся челобятаю въ Москву. Съ челобитной поѣхалъ станицяній атаманъ *Вас-*

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, казимичія дѣла 1701 г. № 6: Въ этомъ дѣлѣ страницы не пронумерованы.

²⁾ Тамъ-же. Челоб. Яицк. войска царю Петру.

³⁾ Здѣсь въ первый разъ войсковой атаманъ одновременно называется и „куреннымъ“.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, казимичія дѣла. 1701 г. № 6. Челобитная войскаго атамана Федора Семенникова и всего Яицк. войска царю Петру.

рамой *Сергѣевъ* и есаулъ *Герасимъ Матѣевъ* съ товарищи всего шесть человекъ. Поѣхалъ съ ними посланецъ и отъ Аюка калмыкъ *Чанбей*.

Въ этой челобитной „заполынья рѣки Янку атаманъ—казаки: атаманъ Федька Семеновъ и все Яницкое войско“ между прочимъ писали, что Аюка ожидаетъ отъ государя милости „а мочи его Аюковы управиться съ дѣтьми не стало—люди съ нимъ малы да отъ же билъ челомъ, чтобы послать съ Янку яницкихъ казаковъ къ Москвѣ нарочную станицу извѣстие тебѣ государю починить“.

Въ то же время Аюка послалъ съ письмомъ калмыка *Мошу* въ Саратовъ къ воеводѣ *Алексию Новосильцеву*. Извѣщая воеводу объ уходѣ отъ него дѣтей, Аюка писалъ, что отъ привоачевалъ къ Яницкому городку и просилъ прислать къ нему на помощь ратныхъ людей, а также и сына его Гужена. Съ тѣмъ же посланнымъ калмыкомъ *Мошей* послало и войско къ воеводѣ вѣстовую отписку, гдѣ, донося о событіи, между прочимъ писало, что калмыки *Чакдоржана* и вся орда „кругомъ казачьего городка съ великою ратью стойко стоять и на городокъ бить хотять и табуны огогнать и они казаки отъ того обасы и стоять со всѣмъ войскомъ на караулѣ а бить на нихъ безъ государева указа не смѣють“¹⁾.

Къ посланной въ Москву станицѣ въ Самарѣ воевода придалъ иноземца *Ивана Андреева Невъжина* и отправилъ со своимъ челобитьемъ²⁾.

Станица прибыла въ Москву въ первыхъ числахъ октября в 6 числа того же мѣсяца выѣхала обратно на Янкъ, куда прибыли 3 ноября и объявили въ кругу грамоту.

„На Янкъ войсковому атаману Федору Семенову съ товарищи. Вѣдомо вамъ, великому государю, учинилось чрезъ присланныхъ вашихъ казаковъ, что калмыцкіи Аюка-Тайша къ вамъ подѣ яницкіе городки пришелъ и кочуетъ въ близости, и мы, великій государь, за тое вашу службу жалуемъ васъ—милостиво похваляемъ, и какъ къ вамъ сія наша, великаго государя, грамота придетъ и выѣтъ отъ дѣтей его и отъ улусныхъ людей доберегали, и буде стануть наступать и вамъ бы чинить отпоръ и во всемъ ево Аюку и улусныхъ людей оберечь, а самимъ бы вамъ безъ нашего, великаго государя, указу на дѣтей его и на улусныхъ людей войною не ходять для того, что по нашему, великаго государя, указу пошлово къ сыну его *Аюкину Чакдоржану* отъ боярина нашего князя *Бориса Алексѣевича Голицына* письмо съ Астраханскимъ *Эзмурзою Тимбаевымъ* и велѣно ему о всемъ о томъ говорить и потому письму какая отповѣдь къ вамъ, великому государю, къ Москвѣ будетъ о томъ къ вамъ намъ великаго государя указъ присланъ будетъ виредь, а какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ и выѣтъ о томъ вѣдали. Писанъ на Москвѣ лѣта 1701 года октября въ 6 день“³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, калмыцкіи дѣла 1701 года, № 8.

²⁾ Тамъ-же. Дѣла 1701 года № 10.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, калм. дѣла 1701 г. № 6.

Въ то время, пока станица ъздила въ Москву и возвращалась обратно, на помощь къ Аюкѣ 16 сентября пришли — мурза *Ганагай* „со всѣми дѣтьми и племянниками“ а также и его сынъ *Гузженъ* „со всѣми своими ратными людьми“, жень-же и дѣтей съ улусскими людьми *Гузженъ* оставилъ на нагорной сторонѣ Волги у Саратова. Вновь прибывшіе калмыки расположились кошель рядомъ со ставкою Аюки-хана ¹⁾.

16 ноября прѣхалъ въ казачій городокъ самарскій воевода *Василій Михайловичъ Беклемишевъ*; вмѣстѣ съ казаками онъ поѣхалъ къ Аюкѣ, желая какъ нибудь примирить его съ сыновьями, но успѣха не имѣлъ.

„Дѣти мои дали мнѣ души — отвѣчалъ Аюка Беклемишеву — чтобы намъ жить межъ собою въ любви и быть мнѣ во всемъ послушнымъ. Нынѣ же дѣти мои великому государю измѣнили во всемъ, и подъ его высокую руку идти не хотятъ. Хотятъ они идти въ Крымъ и на Кубань и послали туда къ *Муртазалею* пословъ“ ²⁾.

Аюка просилъ Беклемишева дать низовныхъ ратныхъ людей, чтобы повернуть дѣтей сязомъ отъ Яака, такъ какъ они на прызвъ его „безъ бою отсюда не пойдутъ“.

Беклемишевъ уѣхалъ въ Самару, а войско послало въ Москву снова станицу съ отпискою. Станичнымиъ атаманомъ былъ выбранъ *Василій Мордовининъ*, съ которыми поѣхали три калмыка отъ Аюки-хана. Тревожная жизнь была тогда у казаковъ.

Въ своей челобитной атаманъ *Федоръ Семенниковъ* и все войско, донося о результатахъ переговоровъ съ Аюкою, писали, что согласно посланной къ нимъ грамоты они Аюку хана всѣмъ войскомъ оберегаютъ, „а дѣти его Аюкаевы, — писали казаки, — и улусные ихъ люди безпрестанно подъ городомъ казачковъ колютъ и въ полонъ берутъ и лошадиные и коровьи табуны отгоняютъ, также Аюкаевыхъ улусныхъ людей бьютъ и колютъ и въ полонъ берутъ и табуны отгоняютъ а мы безъ вашего государева указа биты на нихъ не смѣемъ и живемъ съ великою опаскою и береженьемъ до твоего великаго государя, указу и великую нужду войскомъ терпимъ“ ³⁾.

Чтобы покончить съ калмыцкими дѣлами и примирить отца съ сыновьями въ началѣ новаго 1702 года, вѣхалъ на Самару князь *Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ*, который послалъ къ *Чакдоржалу* нарочныхъ и письмомъ съ увѣщаваніемъ примириться съ отцомъ. Одновременно съ этимъ въ февралѣ Яццкому войску была послана грамота, въ которой наказывалось войсковому атаману *Федору Семенникову* и всему войску „стеречь вѣрнѣе, чтобы калмыцкаго *Чакдоржала* съ улусскими людьми за Яикъ не пропустить“, буде онъ пойдетъ за Яикъ, и

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, калм. дѣла 1701 г. № 8. Отписка саратовскаго воеводы *Новосильцева* въ Москву о полученной имъ вѣстовой отпискѣ съ Яака отъ атамана *Федора Семенникова*, посланной съ калмыками Самаромъ и Гендукомъ.

²⁾ Тамъ-же, дѣла 1701 года № 6. Челобитная Яццкаго войска.

³⁾ Тамъ-же, калмыцкія дѣла 1701 года № 6 и № 14.

вамъ идти на него войною и чинить всякій воинскій промыселъ и на Уфу къ стольнику нашему и воеводѣ къ *Ефиму Зыбину* о томъ писали и буде вы его не пропустите и то вамъ причтено будетъ въ службу а буде онъ кочевать будетъ по Волгѣ и на него вамъ отнюдь не ходить и ссоръ и задоровъ не чинить и какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ и вы-бъ отомъ учинили по сему нашему великаго государя указу а что учнетъ чинится о томъ къ вамъ великому государю писать а отписку велѣли подавать въ приказѣ Казанскаго дворца боярину нашему князю *Борису Алексеевичу Голицыну* съ товарищи“¹⁾). Получивъ эту грамоту и выбравъ походнымъ атаманомъ Федора Семеновича, все наличное Яицкое войско выступило къ ставкѣ Чакдоржапа, который кочевалъ въ это время вблизи по Яику у урочища *Буянъ-Тунай*. Дѣло обошлось безъ боя — казаки уговорили Чакдоржапа „и призвали подѣ государеву руку и смирили съ отцомъ своимъ попрежнему“²⁾).

Но въ то время, когда войско шло походомъ, другой сынъ Аюки Сакжинъ, бывший вѣстѣ съ Чакдоржапомъ, со всѣми своими аулами въ числѣ около 15 тысячъ кибитокъ ушелъ за Яикъ и направился къ Зенгорскому владѣльцу *Тайджъ-хану*, который былъ женатъ на дочери Аюки-хана *Саперъ-Джанъ*, родной сестрѣ Сакжина. Онъ былъ уже далеко въ степяхъ, когда Яицкое войско подошло къ Буянъ-Тугаю.

Примирившись съ отцомъ, Чакдоржапъ направился къ Самарѣ. Сакжинъ-же, прибывъ въ Зенгорію, прожилъ тамъ не долго. Тайджи-ханъ всѣхъ прибывшихъ калмыковъ распредѣлялъ по своимъ улусамъ, а Сакжина отправилъ обратно къ Аюкѣ всего съ семью человѣками. На его пропитаніе Аюка далъ двѣсти кибитокъ; но судьба преслѣдовала Сакжина: впоследствии, будучи на Волгѣ, онъ ночью вѣстѣ съ женою сгорѣлъ отъ взрыва пороха, бывшего въ его кибиткѣ³⁾). Узнавъ отъ войска, что Чакдоржапъ пошелъ съ улусами на Самару, Аюка тоже откочевалъ отъ Яицкаго городка и пошелъ на соединеніе съ сыномъ. Въ Самарѣ ихъ ждалъ князь Голицынъ. Здѣсь состоялось примиреніе при чемъ пять человѣкъ изъ знатныхъ зайсанговъ, которые уговорили Чакдоржапа идти противъ отца, были сосланы въ Астрахань⁴⁾).

Яицкое-же войско по просьбѣ Аюки стало съ этого времени держать при немъ нѣсколько казаковъ „для вѣстей“, чтобы всегда имѣть свѣдѣнія о дѣлахъ въ ордѣ и въ случаѣ новаго послушанія дѣтей придти во время въ помощь къ Аюкѣ. Съ этого-же времени въ ордѣ начался разладъ — дѣти Аюки

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1702 года № 5. Взяту грамоту помѣла: „Писано на Москвѣ, дѣла 1702 февр. въ „?““ день.

²⁾ Смотри приложение XII.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Ино. Дѣлъ, калмыцкія дѣла, 1701 г. № 4.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1701 г. № 4.

и другіе сильные владѣльцы перестали безпрекословно подчиняться Аюкѣ и одно непослушаніе слѣдовало за другимъ.

Уже въ слѣдующемъ-же 1703 году 4 марта войсковою атаманъ *Осинъ Васильевъ* и все Яицкое войско писало въ Самару воеводѣ *Василію Беклемишеву*: „Писалъ къ намъ на Яикъ калмыцкіи Аюка Тайша съ луговой стороны и прислалъ своихъ калмыцкихъ посланцевъ чтобъ намъ казакамъ жить съ береженьемъ потому, что *Чемидь-мурза* и сынъ его *Аюкивъ Гундълекъ* пошли на Дону съ малыми своими людьми да *Чеганахаевъ* сынъ *Арантанъ*, откочевавъ отъ Волги, пошелъ на Камышь-Самару; и съ Дону отогнали табуны да писали-жь къ намъ казакамъ наши казачьи *вѣстовщики*, которые живутъ для вѣдомости у него Аюка, что у нихъ калмыкъ у Аюка съ сыномъ *Чавдоржапомъ* между собою не единомышленное помышленіе и союзству не бытъ“¹⁾.

Въ Башкиріи было тоже неспокойно. Въ томъ-же году въ своемъ письмѣ къ Голицыну Аюка жалуется на башкиръ, что они разорили шедшихъ съ вѣстами изъ Уфимскаго уѣзда калмыкъ, которые, прибывъ къ нему на ставку, заявили, что „башкирцы четыре тысячи человекъ войною подыались и хотятъ итти на Яикъ на тѣхъ мѣста, идъ осенью городъ разорили“²⁾.

Какой это городъ, въ письмѣ не указано. Былъ-ли это какой либо казачій городокъ въ вершинахъ Яика или другое русское поселеніе — неизвѣстно; крестьянскихъ русскихъ поселеній въ то время на Яикѣ не могло быть и вѣрнѣе всего, что это былъ казачій городокъ при устьѣ р. Самары, гдѣ жили яицкіе казаки, — городокъ, о которомъ упоминается при переписи Захарова, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Этотъ-же годъ принесъ казакамъ новую печаль: бѣглыхъ снова приказывалось не принимать подѣ страхомъ жестокаго наказанія и въ тоже время потребовали въ армію на войну со шведами еще станицу въ 500 человекъ. Съ этою станицей отправился походнымъ атаманомъ *Дмитрій Мироновъ*³⁾. Цѣлое лѣто эта станица пребыла въ арміи и по обычаю того времени позднѣе осенью была отпущена обратно на Яикъ.

Между тѣмъ въ степи было неспокойно. 11 іюня 1704 года въ казачій городокъ вернулась изъ калмыцкой орды посланная туда отъ войска „для войсковыхъ нуждъ“ казачья станица; въ войсковомъ кругу предъ войсковымъ атаманомъ *Вазромтемъ Сергеевымъ* прибывшіе казаки объявили, что „слышали они въ ордѣ подлинно, что собираются калмыки большимъ собраніемъ, а итти они хотятъ войною подѣ Уфу и подѣ Уфимскій уѣздъ“⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, калмыц. дѣла 1703 г. апрѣля 9 № 8.

²⁾ Тамъ-же, калмыцкія дѣла 1703 года, № 2.

³⁾ Смотри приложение XII. Ваеики дано: атаману 30 р., двумъ есауламъ по 22 р., 4 вѣстничкамъ по 20 р., рядовымъ по 18 рублей.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Ив. Дѣл, калмыц. дѣла 1704 г. августа 9 и 18, № 4.

Войско донесло объ этомъ вѣстовою отпискою Самарскому воеводѣ *Петру Яковлевичу Новосильцеву*.

Но едва уѣхала станица съ отпискою, какъ 17 іюня въ городокъ къ казакѣ „выбѣжалъ изъ калмыцкой орды выходець“. Снова среди куреней собрался кругъ—казаки стали „по своей казачей обыкности того выходца о вышеписанныхъ вѣстахъ спрашивать“ и выходець „при всемъ войскѣ Янцкомъ“ сказалъ, „что подлинно они калмыки и рѣчьми своими похваляются что имѣтти великимъ собраніемъ войною подѣ государевы города подѣ Самару и подѣ Уфимскій уѣздъ“¹⁾.

Снова снарядили казаки станицу съ вѣстовою отпискою въ Самару. Поѣхали съ нею станичный атаманъ *Лукьянъ Васильевъ* съ товарищи четыре человека. Поѣхали съ ними изъ городка пять человекъ калмыкъ, посланные отъ Аюки-хана съ письмомъ къ Самарскому воеводѣ Новосильцеву. Станица прибыла въ Самару 21 іюня. Аюва жаловался на башкиръ. Отъ его сына Санжепа шли къ Аюкѣ двѣсти кибитокъ калмыкъ, по дорогѣ вапали на нихъ башкиры и половину взяли въ плѣнъ. Просилъ онъ разобрать это дѣло, а также вернуть отъ башкиръ 300 лошадей и 245 барановъ, которыхъ отогнали у него башкирцы въ 1702 году, когда онъ стоялъ у Янцкаго казачьяго городка.

Самарскій воевода самъ рѣшить этого дѣла не могъ и отправилъ казаковъ и калмыкѣ къ воеводѣ въ Уфу.

Тревожныя вѣсти получились въ Самару и отъ воеводы *Ивана Багимакова* изъ только что построеннаго городка *Дмитровскаго*. Калмыки потравили и вытоптали всѣ луга около городка „и дмитровскіе всякихъ чиновъ жители отъ того ихъ калмыцкаго насильства стали безъ сѣвъ“... Занялись калмыки и грабежомъ. „Да онижъ калмыки чинятъ бой и драку и обиды многіе—писалъ Башмаковъ въ Самару—многихъ людей грабятъ и лошадей отговяютъ а иныхъ стрѣляютъ изъ луковъ и оттого ихъ воровства и озорничества градскимъ жителямъ многимъ чинится разореніе великое“²⁾.

Винновиками этого былъ калмыцкій владѣлецъ *Чагыз-хай* и его сынъ *Араптанъ*. Въ сентябрѣ Новосильцевъ получилъ грамоту, въ которой ему приказывалось „за то ихъ воровство итти на нихъ Чагыз-хайа и Араптана и на улусы ихъ войною, соединясь съ уфимцы и съ башкирцы и съ яцикими казаки большимъ собраніемъ и улусы ихъ искоренить, а буде какъ мочно взять ихъ самихъ Чагыз-хайа и сына его Араптана“³⁾. Итти въ походъ воевода долженъ былъ по полученіи грамоты и по сборѣ войскъ. На Уфу же къ башкирцамъ и къ Янцкому войску о выступленіи въ походъ на калмыковъ были посланы особыя грамоты⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ик. Дѣлъ, калмыц. дѣла 1704 г. августа 9 и 18, № 4.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, дѣла калмыцкія 1704 г. № 7.

⁴⁾ Тамъ-же.

Чѣмъ кончился этотъ походъ и долго-ли онъ продолжался, свидѣній въ дѣлахъ нѣтъ.

Въ это же лѣто войско получило слова указъ о высылкѣ въ армію снова 500 *человѣкъ казаковъ!* И снова двинулась казачья станица. Повелъ ее походный атаманъ *Матвей Гекунъ*¹⁾. Пришлыхъ нельзя было приверстывать въ казаки. Между тѣмъ на Янкъ бѣжалъ народъ изъ Руси со всѣхъ концовъ. Рекрутскіе набары, преслѣдованіе всего, что носило на себѣ слѣды старой Руси—бородъ, древняго русскаго платья,—всего того, что до сихъ поръ было дорого и свято русскому человѣку и отличало его отъ иноземца и составляло его неотъемлемое національное наслѣдство—все, что могло говорить ему, что онъ русскій, что онъ сынъ великой Россіи—все это гналось, билось, уничтожалось. То, что когда то было дорого русскимъ даримъ, за что карали они самою жестокою казнью, теперь вводилось въ жизнь подъ страхомъ той-же казни и жестокаго наказанія.

Бороды приказано было брить. Между тѣмъ даже знаменитый по своему гоненію на старообрядцевъ патріархъ Киръ-Іоакимъ отлучалъ за брадобритіе отъ церкви, отлучалъ даже тѣхъ, „которые съ брадобрійцами общеніе имѣютъ“. Преемникъ Іоакима, Адріанъ издалъ также посланіе противъ брадобритія „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ“; патріархъ страшилъ русскихъ людей вопросомъ: если они обрѣютъ бороды, то гдѣ стаятъ на страшномъ судѣ: „съ праведниками-ли, украшенными бородою, или съ братьями еретиками?“²⁾ Бороды, въ стыду русскаго народа, брали; указъ за указомъ повелѣвалъ носить нѣмецкое платье всѣмъ чинамъ, кромѣ духовенства: „носить платье нѣмецкое, вернее саксонское и французское, а исподнее—камзолы и штаны, и башмаки и шапки нѣмецкія и ѣздить на нѣмецкихъ свѣлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ такъ-же и понаряды и дьяконцамъ и церковныхъ причетниковъ и драгунскимъ и солдатскимъ и стрѣльцкимъ женамъ и дѣтямъ ихъ носить платье, и шапки, и аунтуши, а исподнія бастроги, и юбки, и башмаки нѣмецкіе же“³⁾. Все же русское приказано было отнюдь не носить подъ страхомъ жестокаго наказанія. Купцамъ, которые рѣшились бы торговать русской одеждою, грозилъ каторга и отобраніе имущества на государя. Указы доходили до мелочей: „чтобъ съ сего времени,—говорится въ одномъ изъ нихъ,—впредь скобами и гвоздями, чѣмъ сѣпоги и башмаки мужскіе и женскіе полизави, никто не торговалъ“. Приказывалось, кто бы онъ ни былъ, никому ихъ не носить и за то и за другое полагалась каторжная работа⁴⁾. Старообрядцы, не желавшіе брить бороды, были обложены двойною податью и обязаны были носить особый знакъ, дававшій имъ право ходить съ бородою.

¹⁾ См. прилож. къ XII. Наклеено дано: атаману 28 р., есаулакъ 4 по 22 р., 4 знаменщикамъ по 18 р., рядовикъ по 15 р. и отъ казни на полѣмъ рождено въ Самарѣ по 5 рублѣй челобѣту.

²⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, томъ 3, страница 193.

³⁾ Соловьевъ, Истор. Рос., томъ 15, глава 2.

⁴⁾ А. Н. Филиповъ, Русское Право, часть 1, страница 517.

Въ городахъ по улицамъ были повѣшены чучела—образцы нѣмецкаго платья.

Обезличенный, потерявшій національный обликъ народъ заропталъ. Неудовольствія вспыхнули и у стрѣльцовъ и на окраинахъ.

Въ то суровое и далекое время темнота царила кругомъ, охватывала всё слою общества съ самаго верха до низа: сверху съ непонятной и вичѣмъ не оправдываемой жестокостью и ненавистью рубили съ плеча все тысячелѣтнее національное наслѣдіе Руса—обычаи, нравы, вѣщность, одежду,—снизу бурно и не менѣе жестоко протестовали. И народъ бѣжалъ толпами на Яикъ и на Довь.

Ближайшіе-же сосѣди явскихъ казаковъ астраханцы, доведенные преслѣдованіемъ всего русскаго до крайняго озлобленія, въ 1705 году поднимаютъ знамя возстанія, встаютъ на защиту древнерусскихъ обычаевъ—за бороду и за русское платье.

Этотъ бунтъ, едва не всколыхнувшій всё казачья войска, интересенъ тѣмъ, что онъ рѣзкими штрихами рисуетъ жизнь казачества и южнаго поволжья того времени, еще не забывшихъ времена Разина и былую вольную жизнь:

Въ это время въ Астрахани былъ воеводоу *Ржевскій*; какъ большинство представителей тогдашняго бюрократическаго строя, воевода Ржевскій былъ и взяточникъ и лихоимецъ. Получивъ указъ о бранобрятіи и о нѣмецкой одеждѣ, онъ ретиво принялся за дѣло. Добровольцевъ подчиниться этому указу не находилось. Стали брить силоу.

„Междусобіе учинилось за бранобрятіе и нѣмецкое платье—писали впоследствии астраханцы въ своей повинной,—и отъ многихъ воеводъ Ржевскаго и полковниковъ и начальныхъ людей для взятковъ, налоговъ и обидъ. Воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти послалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да астраханца Евреина въ церкви и по большимъ улицамъ и у мужска и женска полу русское платье обрѣзывали не по подобію и обнажали предъ народомъ, и усы и бороды ругаячи обрѣзывали съ мясомъ... А полковники и начальныя люди нѣмцы, ругаячи христіанству, многіе тагости нѣмъ чинили и безвинно били и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили“¹⁾.

Народъ волновался. Въ это время явился въ Астрахань изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ.

„Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани народъ смутитъ,—говорилъ ему родной его дядя Иванъ Сугоявъ, отправляя его въ Астрахань:—и Довь и Яикъ потянутся съ вами-же,—кому противъ васъ быть противнымъ? Государь бьется со шведомъ, города всё пусты, которые малые люди и есть и тѣ того же желаютъ и рады вамъ будутъ, можно старую вѣру утвердить“²⁾.

Съ появленіемъ этого посла дѣла въ Астрахани сразу измѣнились.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рус., т. 15, глава 2.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. 15, глава 2.

Стрѣльцы и обыватели стали открыто роптать и когда въ концѣ іюля распространился слухъ, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ и что дочерей и сестеръ приказано будетъ выдать замужъ за вѣнцевъ, обыватели пришли въ волненіе и 29 іюля было сыграно до ста свадебъ, — сѣншныи выдать дѣвѣцъ до полученія указа. Свадьбы все обошлись безъ пѣра. Во всюду заговорили страсти и неожиданно для всѣхъ вспыхнулъ бунтъ. Во всюду Ржевскаго, вѣмецкаго полковника Девина и другихъ убали. Какъ по времена Разина, астраханцы устроились по-казачьи. Начальные люди были выбраны изъ жителей. Атаманомъ назначили Якова Ивановича *Носова*, придавъ ему есауловъ и старшинъ. Черный Яръ, Гурьевъ и Красный Яръ объявили себя за Астрахань. Вездѣ было введено излюбленное народомъ казацкое самоуправленіе съ выборными начальниками и старшинами. Съ атаманомъ Носовымъ говорили не иначе какъ снявши шапку. Каждый его приказъ исполнялся безпрекословно.

Жители Астрахани вѣстѣ со стрѣльцами и казаками основали вольную общину „Астраханское войско великое“. Тоже сдѣлали города Черный и Красный Яръ, гдѣ жители вѣстѣ со стрѣльцами образовали Черноярское и Красноярское войска. Жители г. Гурьева стали называть себя Яицкое войско. Такъ была еще жава тогда въ народѣ жажда къ свободѣ; духъ Разина и казачины не умеръ — онъ вспыхнулъ снова и разбуянялъ въ народѣ жившее въ немъ въ неясныхъ и едва уловимыхъ намекахъ желаніе бѣть вольнымъ и свободнымъ, воскресилъ въ немъ жажду къ самоуправленію, тлѣвшую едва замѣтною искрою въ тайникахъ его изболѣвшей души. Воля была объявлена; заповѣдныя мечты народа были проведены въ жизнь. Новыя общины, казачьи республики, заговорили, зашумѣли.

Имъ нужна была поддержка.

Но къ кому-же обратиться имъ за помощью какъ не къ казакамъ? Они только одни могли понять ихъ, и одни помочь имъ.

Полетѣли грамоты: на Довь, на Яикъ и на Терекъ.

„Атаману войсковому *Вахрамью Сергѣевичу* ¹⁾ да *Федору Петровичу* и всему вашему Донскому и Яицкому войску ²⁾ писало вновь образовавшееся Астраханское великое войско яицкими казакамъ: — изъ Астрахани вѣрховныхъ разныхъ городовъ: Ярославецъ гостиные сотни 1 статья Яковъ Носовъ, Мошевитыя Артемій Андифоровъ, да Сибиревинъ гостиные сотни Осипъ Твердущевъ, да Нижегородцы посадскіе люди: Борисъ Довукинъ, Петръ Скуридинъ, Павловци: Илья да Василій Вашловы, да бурмистры дѣлового двора:

¹⁾ Вахрамій Сергѣевичъ — атаманъ Яицкаго войска, фамилія его, какъ вообще большинства аицковъ, неизвестна, т. е. тогда простой народъ за весьма малымъ исключеніемъ фамиліи не имѣлъ.

²⁾ Такъ часто называлось Яицкое войско, это видно изъ писемъ, посланныхъ въ 1718 году изъ Хивы плѣннымъ казакамъ въ Яицкое войско по адресу: „всему великому Донскому Яицкому войску“, а также и изъ другихъ документовъ.

Угличанинъ Филипъ Калистратовъ, Михайло Назаровъ, Сибирянинъ посадскій человекъ Петръ Духовъ, Нижегородецъ Костянтинъ Ивановъ, да Астораханскіе жители гостинны сотни Иванъ Артемьевъ, да земскіе буржистры Антипа Ермолаевъ, Алексѣй Ванщиковъ, Василій Яковлевъ, Гаврило Гавчиковъ, Иванъ Севрянтъ, да Астораханскаго города ковыныхъ полковъ пятидесятники: Алексѣй Потаповъ, Марко Петровъ, Проксфей Носовъ, Тороченинъ Иванъ Крыловъ, Иванъ Балахна, Салдатскаго полку сержанты: Петръ Крашевинниковъ, Семень Исаевъ, Михайло Котовъ, Мѣтвѣй Афанасьевъ, Московскаго полку пятидесятники: Алексѣй Афанасьевъ, Дмитрій Алексеевъ, Агѣй Никитинъ; пѣшихъ трехъ полковъ: Иванъ Молотокъ, Федоръ Куряиновъ, Иванъ Буило, Артемій Волковъ, Григорій Кочневъ, Родионъ Грѣковъ, Яхтинскаго полку сержанты: Никита Васкаковъ, Артемій Скорняковъ, и все что въ Асторахани есть челомъ бьютъ; вѣдомо мы вамъ чинимъ что у насъ въ Асторахани учивлось за вѣру христіанскую, за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ Божіимъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ рускомъ старомъ платьѣ не пушала, а которые въ церковь Божію войдутъ и у тѣхъ у нашего мужскаго и женскаго полу платья обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ и дѣтямъ чинили, и болваномъ кумирскимъ Богомъ велѣли поклоняться и мы у начальныхъ людей въ дѣлѣхъ вынули кумирскихъ боговъ; да въ прошломъ 704 году наложили на насъ и взяли банныхъ денегъ по рублю, да за насъ же велѣли имать съ погребовъ со всякіе саженю по гривнѣ, да воевода Тимофей Ржевской и начальныя люди полковники и головы хотѣли у насъ все ружье обратъ и побить насъ до смерти, да у насъ же хлѣбное жалованіе безъ указа отняли и давать не велѣли, и мы о томъ много время терпѣли и посовѣтавъ межъ собою чтооу намъ вѣры христіанскіе не отбыть и болваномъ кумирскимъ богамъ не поклоняться и напрасно смертною душою съ женами и съ дѣтями вѣчно не умереть, и за то что намъ стала быть тягость великая и мы того не мочая терпѣть и вѣры христіанскія отбыть противъ ихъ противались и изъ нихъ убили до смерти, а выныхъ за карауломъ посадили, и вы атаманы—казаки и все войско Донское и Яицкое пожалуйте посовѣтавъ межъ собою и за вѣру христіанскую съ нами вмѣстѣ постоите обще и къ намъ въ Асторахань вѣдомость учините, а мы васъ атамановъ казаковъ ожидаемъ и на васъ надѣемся; да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей что въ Казани и въ иныхъ городехъ поставлены нѣмцы по два и по три человекъ на дворы и тамошнимъ жителямъ и женамъ ихъ и дѣтямъ чинили угѣсненіе и ругательство по выше писанному какъ и намъ было въ Асторахани отъ нахъ тягость и убивство служилымъ людямъ до смерти, да дьякъ Семень Васильевъ подалъ въ войско письмо своей руки, а въ немъ написано: ученилъ дѣ Тимофей Ржевской велѣлъ ружья отобрать собою безъ указа великаго государя и безъ грамоты и товарищу своему Никитѣ Онухтину не сказывалъ

и всякія дѣла дѣлали собою безъ товарища и его де заставляли помѣчать въ неволю и во многія послыки и въ частія работы служилыхъ людей, и за море посылалъ, угождаючи торговыхъ людей для своихъ прихотей и корысти, и мы отъ того раззорились, а онъ де дьякъ и товарищъ Никита (Сухтинъ говорили ему и онъ де насъ ни въ чемъ не слушалъ, также и объ явяхъ належащихъ вамъ нуждахъ, которые вы по приказу его дѣлали и труды свои полагали по его воли напрасно, и искавъ въ приказной палатѣ ради себя и всѣхъ васъ служилыхъ людей и всѣхъ Астраханскихъ жителей кои были вамъ въ тягость и на обличеніе ему; и для того вамъ атаманы казаки послали мы нарочно изъ Астрахани посланниковъ нарочныхъ добрыхъ людей Астраханскихъ жителей розныхъ чиновъ людей, а съ сею отпискою посланники наши къ вамъ въ войско Астраханскіе жители¹⁾.

Кто былъ Ѳедоръ Петровичъ—неизвѣстно, вѣроятно, войсковою дьякъ на Яикѣ. Кумирскими богами въ глазахъ астраханцевъ явились введенные Петромъ парики, которые обычно глались на болванки—эти-то болванки съ париками и называлъ, доселѣ невидавшій ничего подобнаго, темный народъ кумирскими богами.

Точныя копии съ этой грамоты были посланы на Терекъ къ гребенскимъ казакамъ и на Довъ.

Въ концѣ грамоты къ гребенцамъ астраханцы пишутъ: „а въ томъ нашемъ случаѣ свидѣтели намъ Яицкіе казаки: Никита Степановъ, Терентій Луговиковъ, Антонъ Вабушкинъ, Ѳедоръ Косухинъ, Михайло Степановъ, а съ сею отпискою посланники наши къ вамъ въ войско Астраханскіе жители“.

Эти яицкіе казаки находились, вѣроятно, въ Астрахани или по своимъ дѣламъ или выѣхали изъ войска для вѣстей. Астраханцы же упоминаемъ о свидѣтеляхъ яицкихъ казакахъ желали лишь подчеркнуть терцамъ, что Яицкое войско имъ сочувствуетъ. Но сочувствовало-ли Яицкое войско загибавъ астраханцевъ, отвѣта мы не знаемъ—объ этомъ нигдѣ не говорится въ актахъ. Помощь астраханцамъ яицкіе казаки по своему малолюдству конечно не могли, не до этого имъ было. Ихъ оставалось на Яикѣ всего полторы тысячи—они едва-едва могли лишь оборонять свои курени и оставшіяся семи ушедшихъ въ Шведскій походъ казаковъ.

Довцы на призывъ не откликнулись и схватили астраханскихъ посланцевъ. Тамъ старшинская партія, поддерживаемая Москвою, была уже на столько сильна, что гольцгофъ нечего было и думать о какомъ-либо проявленіи сочувствія къ астраханцамъ.

Откликнулись только терцы; но и они кромѣ сочувствія астраханцамъ предпринять ничего не могли; ихъ было очень мало, какъ и яицкихъ казаковъ. Любопытна яхъ грамота; интересна она уже потому, что представ-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Секретная дѣла Тайной Канцелярїи, по описи № 288, столбцы № 1144, листы 264, 265 и такая же грамота къ Гребенскому войску, листы 232—284.

леть одинъ изъ рѣдчайшихъ документовъ, дошедшій до насъ, какъ образчикъ переписки между казачьими войсками, любопытна и по духу, заключающемуся въ ней рѣзко характеризующему взглядъ терцевъ на совершающееся событіе.

Отъ терскихъ и гребенскихъ атамановъ-казаковъ, — писали съ Терека астраханцамъ, — войскового атамана Кирилы Федорова съ товарищи и отъ всего войска Терскаго и Гребенскаго Астраханскому царству войсковому атаману Якову Иванову Носову и всемъ старшинамъ ковыныхъ полковъ, пятидесятникамъ и десятникамъ и вѣвшихъ и тысячныхъ салдатскихъ и кузнецкимъ людямъ и всемъ обрѣтающимся въ Астрахани множество лѣтъ здравствовать и въ вѣрѣ Христовѣ пребывать не отступно; а что писали къ намъ вы, что у насъ стало сметеніе за вѣру христіанскую и за брадобритіе и за нѣмецкое платіе мужское и женское и за табакъ и за отлученіе церкви Божіи и мы атаманъ-казаки ради за вѣру Христову и за брадобритіе и за табакъ и за нѣмецкое платіе мужское и женское и за отлученіе церкви Божіи стоять и умирать и вы атаманъ-казаки: войскового атаманъ Яковъ Ивановъ Носовъ и все великое Астраханское войско и все православное христіанство не прогнѣваете на насъ за то, что войска къ намъ на помощь не послали, потому, что живимъ Богомъ являемся, не возможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число, а съ ордою со всею не въ миру, чтобы намъ атаманъ и казаки войскового атаманъ Яковъ Ивановичъ и все великое Астраханское войско по прежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять, и нинѣ сидимъ въ осадѣ, а кто у насъ будетъ охотниками и нынѣ тѣхъ не держимъ за вѣру Христову стоять и умирать; и нинѣ къ намъ князь Кургока Большой Кубарды и вся орда присылаютъ къ намъ и грозятъ и хотятъ его великаго государя отчины разорить, и нинѣ у насъ подѣ городомъ люди градскіе пропадаютъ, и у насъ казачьихъ городкахъ казаки пропадаютъ; и атаманъ-казаки войскового атаманъ Яковъ Ивановичъ и все великое войско Астраханское ради бы мы всею душою и всемъ сердцемъ звуи съ вами за вѣру христіанскую стоять и умирать потому, что малое насъ число; въ орду явемъ и съ тою не въ миру—войву и утѣсненіе великое отъ нихъ терпимъ; невозможно намъ вамъ помощи дать за вѣру христіанскую, охотниковъ не держимъ; вѣдаете вы и сами у насъ 50 человекъ служатъ ему великому государю подѣ Рогою. За сими здравствуйте о Христѣ на вѣки и въ вѣрѣ Христовѣ пребывайте, а сіе письмо писалъ по ихъ атамановъ казаковъ велѣнію тѣхъ же Терскихъ и Гребенскихъ атамановъ-казаковъ войскового подъячей Мартынъ Андреевъ. Къ сему письму печать войсковая (на оборотѣ) къ сему письму вмѣсто войскового атамана Кирилы Федорова и старшихъ атамановъ: Гладковы станицы Бориса Иванова, Шадриин станицы Дмитрія Андреева, Чорленской станицы Афонася Федорова, станицы Шевельевы Федора Курноса, Аристовы станицы Ивана Арпаутова, Яковлевы станицы Василья Иванова, Нижева Черленова Ивана Бобка и всего войска великаго Гребенскаго по ихъ велѣнію ихъ же казаковъ полъ Ми-

хайла Барновъ въ свое мѣсто руку приложилъ¹⁾.

Охотниковъ, пожелавшихъ идти къ астраханцамъ, терцы не задержали, и въ августѣ двинулась съ Терека станица въ 144 человека съ походнымъ атаманомъ Андреемъ Прокофьевымъ въ числѣ ихъ были: Московскаго вѣдальнаго полку 18 чел., Некрасова (полку) 100 чел., да гребенскихъ казаковъ 26 человекъ²⁾.

Прислали терцы съ этою станицею и своего казака Матвѣя Бурляя, съ особою грамотою, для сбора денегъ.

„1705 году августа въ 9 день, — гласила грамота, — Терскихъ и Гребенскихъ атамановъ-казачковъ отлученъ и отъ всего войска Терскаго и Гребенскаго войскового атамана Кирилы Федорова съ товарищи отлучили своего казака Глатковской станицы Матвѣя Иванова Бурляя ни тата, ни разбойника, ни злыхъ всехъ дѣлъ дѣлателя — добраго казака, того ради, что тотъ казакъ, Матвѣй Ивановъ, сталъ за православныхъ христіанъ и того татарина билъ до смерти, и тотъ татаринъ нача похвалятися, что де я васъ перевелъ, вынхъ людей русскихъ многихъ предавалъ и за то, тотъ нашъ казакъ Матфѣй Ивановъ, не терпя его татарина похваленія и вѣдая все, что тотъ тако содѣлывалъ и за то его убилъ; и мы Терскіе атаманы-казаки, убоясь всей орды, велѣли ему платять за кровь 100 рублей и вынѣ тотъ казакъ заложилъ жену и дѣтей своихъ и хоцетъ Христовымъ именемъ жену и дѣтей своихъ освободить, и до того нашего казака Матфея Иванова нѣтъ ни какого дѣла, и не держатъ его ни въ чемъ; пожалуй государь Астраханской войсковой атаманъ Яковъ Ивановичъ съ товарищи и все православное христіанство велите тому нашему казаку Христовымъ именемъ въ царствующемъ градѣ походить и жену и дѣтей своихъ освободить. Войсковой атаманъ Кирила Федоровъ и все войско Астраханскому войсковому Якову Иванову Носому здравствовать на вѣки. Пожалуйте, будьте милостивы до нашего казака Матфея Иванова; за симъ здравствуйте о Христвѣ на вѣкъ³⁾“.

Не менѣе любопытныя свѣдѣнія дошли до насъ о жизни за это время въ г. Гурьевѣ. Изъ переписки вновь образовавшагося тамъ „Яцкаго войска“ съ астраханскимъ атаманомъ Носовымъ видна вся жизнь г. Гурьева за это время. Писемъ этихъ сохранилось нѣсколько, о всемъ, что только происходило въ Гурьевѣ немедленно же довозилось въ Астрахань. Всѣ грамоты Яцкаго войска начинались словами: „Астраханскимъ старшинамъ: Якову Ивановичу, Гавріилу Ларионову съ товарищи и всему Астраханскому великому

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретныя дѣла Тайной Канцеляріи 1614—1722 г., опись 288, столб. 1144, листы 26—27. На листѣ 32 того же дѣла имѣется между прочимъ войсковая печать изъ востка Терскаго войска: круглая, внизу всадникъ въ лѣвой рукѣ у него труба, въ правой сабля, надъ нимъ вѣточъ вродѣ короны.

²⁾ Тамъ-же, листы 199—201.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретныя дѣла Тайной Канцеляріи 1614—1722 г., опись 288, столб. 1144, листъ 52.

войску, Янцаго Гурьена городка старшина Максимъ Ивановъ и все Янцкое войско челомъ бьютъ¹⁾

Жизнь въ Гурьевѣ въ это время была безпокойная. Гарнизонъ городка составляли красноярскіе стрѣльцы—годовальщики съ сотникомъ *Степаномъ Котловскимъ* и солдаты. Былъ августъ мѣсяць. Казенный хлѣбъ былъ на исходѣ; стрѣльцы начали голодать. Они стали бить челомъ въ Астрахань о перемѣнѣ ихъ: „помирзуютъ съ голоду,—писалъ Котловскій Носову,—хлѣба ничего нѣтъ, денежнаго и хлѣбнаго жалованья Петровскаго сроку къ нимъ служивымъ людямъ на Янкъ не прислано, наги и босы, а приходится время зимнее“²⁾).

Въ это время прибылъ изъ Астрахани въ Гурьевъ „морской стружекъ Астраханскаго городского воротника“ *Афанасій Мещерякъ*; привелъ его изъ Астрахани прикащикъ его *Афанасій Смирновъ*. Стружковъ былъ съ хлѣбными запасами, которые Смирновъ долженъ былъ сдать гурьевскому жителю переведенцу (переселенному изъ другихъ городовъ) *Константину Никитину*, для продажи и для мѣны съ калмыками. Но когда Смирновъ присталъ къ берегу, то Котловскій, авиду дошедшихъ въ Гурьевъ слуховъ, что Мещерякъ бѣжалъ, приказалъ грузъ арестовать. „А по счету того запаса вышло 270 мѣховъ муки ржаной Сибирской руки, 50 мѣшечковъ солоду ячюнаго не молотаго, 6 пудъ двѣ четверти хмѣлю да въ кадучечѣхъ меду пудъ съ пять, шесть мѣшечковъ крупъ овсяныхъ малой руки“. Весь этотъ запасъ былъ взятъ и „по счету положенъ въ государевъ явбаръ за замокъ и за печатами“²⁾, а стружекъ отданъ прикащику *нижегородца Крупеникова Матвѣю Воробьеву* съ роспискою, что онъ доставитъ его въ Астрахань и отдастъ войску.

Къ голодовкѣ присоедиились безпрерывныя стычки съ калмыками. Эти стычки такъ типичны для того времени, такъ характерны, что даютъ полную картину того, что значило „размиренье“, какъ дѣйствовали враждебныя стороны относительно другъ друга, и какъ жилось тогда на Янкѣ вообще.

„Размиренье“ съ калмыками у гурьевцевъ началось изъ за того, что Гурьевцы, увидѣвъ вблизи городка на Янкѣ нѣсколько калмыкъ, ловившихъ рыбу, прогнали ихъ и захватили у нихъ неводъ и табакъ.

Съ этого момента калмыки заволновались, мирныя отношенія были нарушены—наступило „размиренье“.

Собравшись большою толпою, они 2 сентября рѣшили идти.

Прежде всего они начали на нижней гурьевской учугѣ, разорили его „и якру армянскую до подошвы побрали, 4 закоренка и дорожное строеніе растащили“. Разорили они и „великаго государя янцаго рыбаго проясцу лопцевъ Василія Кондрака съ товарищи 12 лодовъ“ и взяли у нихъ „гра-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 157.

²⁾ Тамъ-же.

бежеть 24 алана морскихъ, 6 ахановъ плавныхъ и станъ весь пограбилъ, котлы и топоры побрала“¹⁾.

Не ограничившись этимъ, они забрали въ плѣвъ бывшихъ у дровъ двухъ работниковъ—Сидора Сидорова и Андрея Михайлова. Разорвавъ учугъ на глазахъ города, калмыки захватили 72 обывательскихъ коровъ и три лошади, переплавали ихъ за Яикъ и отошли въ степь.

Вечеромъ въ этотъ же день подъѣхали къ Гурьеву калмыки Нахой Басунъ и Меньколикъ съ товарищи и стали вести переговоры. На переговоры вышли переведенцы и стрѣльцы всего семь человекъ. Переѣхавъ на лодкѣ на другую сторону Яика, они стали усовѣщевать калмыка отдать имъ скотину.

— За что вы отняли у насъ коровъ?

— За неводъ и за табакъ, который вы у насъ отобрали, — отвѣчали калмыки.

Тогда гурьевцы вернулись обратно и привезли калмыкамъ и неводъ и табакъ, но калмыки ничего не взяли и, оставивъ себѣ изъ отогнанныхъ 14 коровъ и 3 лошади, остальныхъ 58 коровъ возвратили гурьевцамъ и уѣхали въ степь, захвативъ съ собою въ плѣвъ вышедшаго въ нимъ изъ лодки переведенца Ивана Богаченка²⁾.

Но гурьевцы не пожелали остаться въ долгу предъ калмыками и, собравшись толпою, пошли къ мирно стоявшимъ на берегу рѣки Яика недалеко отъ городка улусамъ калмыковъ Бахбая и Махая и захватили у нихъ 20 коровъ „для того, чтобы наша скотина не пропала“—писали потому они въ Астрахань.

На этомъ дѣло не кончилось. Черезъ нѣсколько дней къ Гурьеву подъѣхали опять знакомые имъ калмыки Нахой Басунъ и Меньколикъ съ товарищи и завели вновь переговоры. Калмыки привезли съ собою и взятого ими въ плѣвъ переведенца Богаченка. Стрѣльцы и переведенцы поѣхали къ нимъ за Яикъ, но въ большихъ силахъ, чѣмъ раньше, и вмѣсто переговоровъ вступили съ ними въ драку и отбили у нихъ того Ивана Богаченка и поймали въ то время двухъ калмыка: Нохая Басуна и Меньколика, а съ ними взяли двухъ лошадей съ сѣдлами и съ уздами“³⁾.

Оставшіеся калмыки ускакали въ степь. Прошло еще вѣсколько дней и гурьевцы увидѣли, что противъ города ѣхали три калмыка съ нижняго учуга. Калмыки вѣзли на верблюдахъ и везли „государеву армянскую юрту, которую на учугахъ пограбилъ“. Стрѣльцы переѣхали за Яикъ и погнались за ними, но захватить успѣли лишь одного калмыка и трехъ верблюдовъ, которыхъ и привели въ городъ.

Все это случилось, пока въ городкѣ былъ „старшиномъ“ сотникъ Котловскій, но въ концѣ сентября атаманъ Носовъ приказалъ ему сдать городъ и

¹⁾ Тамъ-же, листъ 172.

²⁾ Тамъ-же, листъ 173.

³⁾ Тамъ-же.

борному старшинѣ Макару Иванову, а самому выѣхать со своими стрѣльцами по домамъ въ Черный Яръ. 20 сентября состоялась сдача города; были сданы: городовые ключи, пушечный снарядъ, зерле, порохъ, свинець, фитиль, ядра и дробь; всему этому составлена опись и въ приемъ ихъ по безграмотству старшины Иванова росписался церкви Спаса повъ Петръ Навятинъ [19].

Въ этотъ же день „сотникъ Степанъ Котловскій и воевода Федоръ Дмитриевъ съ женою и съ дѣтьми и служилые люди, которые были на Яикѣ, годовальщики, отпущены въ Астрахань“.

По уходѣ Черноярскихъ стрѣльцовъ годовальщиковъ городокъ остался почти безъ защиты; осталось только немного стрѣльцовъ, переведенцевъ и солдатъ. Калмыкамъ это было на руку.

Черезъ пять дней они явились къ городку въ числѣ шести человекъ; предполагая, что это переговорщики, гурьевцы подпустили ихъ близко, но калмыки, захвативъ лошадь переведенца Лукьянова, умчались обратно въ степь. Вслѣдъ за ними явились къ городку тридцать человекъ калмыкъ. Остановившись вдали, они послали къ городу двухъ человекъ для переговоровъ.

— Отдайте намъ нашихъ трехъ калмыкъ! кричали переговорщики, подѣхавъ къ городской стѣнѣ, — а мы отдадимъ вамъ вашихъ двухъ, взятыхъ вами у дровъ!

Гурьевцы отказали, говоря, что безъ приказа изъ Астрахани этого сдѣлать не могутъ.

Калмыки поѣхали обратно и захвативъ по дорогѣ три коровы переведенца Василя Рубца, поѣхали ввизъ по Яику. Малочисленный и птшій гарнизонъ Гурьева только безпомощно смотрѣлъ на происходившее, не будучи въ силахъ предпринять что либо существенное.

На слѣдующій день 26 сентября калмыки стали дѣйствовать болѣе рѣшительно и собравшись „многимъ сбраніемъ“ пріѣхали на средній учугъ и на томъ учугѣ изъ избы багрили рыбу и тою рыбу побрали¹⁾.

Въ этотъ-же день къ устью Яика подошелъ изъ Астрахани паузокъ промышленника Ивана Еланчина „со всякими приваси“. Паузокъ остановился въ морѣ на устьѣ, а „для вѣдомости къ Еланчину, что де пріѣхали въ добромъ здоровьи“ поѣхали на лодкѣ въ Гурьевъ рабочие люди корщикъ Андрей Сусоръ съ товарищи 6 человекъ. Пріѣхавъ къ нижнему учугу, они остановились на заставѣ, но тутъ на нихъ напали калмыки и взяли въ плѣнъ.

Съ этой новою добычею калмыки всею толпою поѣхали къ Гурьеву для переговоровъ.

— Отдайте нашихъ трехъ человекъ калмыкъ полоненниковъ и скотину, — говорили они, — а мы вашихъ полоненниковъ русскихъ людей и скотину от-

¹⁾ Тамъ-же, листы 180—182.

дадимъ. А что мы калмыки на учугъ въ амбарахъ веру побрали и учуги разорили и въ той нашей винѣ воленъ великій государь¹⁾).

Но гурьевцы безъ указа изъ Астрахани дѣйствовать не рѣшались, да къ тому-же они не доверяли калмыкамъ, т. к. самихъ владѣльцевъ Бавбая и Даржи съ ними не было.

Не добившись разбитъ калмыки стали угрожать.

— Если вы съ нами на дняхъ не разбѣяетесь, то мы прѣдемъ въ вамъ со всѣми улусами и мурзами многими собраніемъ и садемъ у учуговъ по обѣ стороны Яика рѣки и никого съ моря на Яикъ ни съ Яика въ море не пропустимъ!

Плохо приходилось „великому войску Яицкому!“ „А насъ въ городѣ малоллюдно, — писали они въ Астрахань, — въ осадное время города упривить не кѣмъ; пушечнаго пороха и свинца въ казѣ малое число, да подь пушки на ставки надобно колесъ и осей, и къ городовымъ воротамъ и къ калиткѣ и пороховой казѣ замковъ вѣтъ, а которые замки и есть и тѣ худы“.

Наступила ночь. У колодевка калмыка, котораго поймали съ верблюдами и съ государевой армянской икрой, стоялъ на часахъ пѣшій стрѣлецъ Корейтова приказа Андрей Колосовъ. Когда въ три часа ночи стали его сѣнять „его-же братья стрѣльцы“, калмыка не оказалось. Калмыкъ ухитрился уйти изъ подь караула и „черезъ городовую стѣну по столбу суетился“; стрѣльцы всполошились и побѣжали за городъ „съ ружьемъ для обыску“, искали его вездѣ и по стени и кругомъ города, но не нашли; нашли только колодку у Спасскихъ воротъ, и та колодка въ цѣлости и ни чѣмъ не разломана, а тотъ калмыкъ въ той колодкѣ сидѣлъ босъ“. На другой день собрался кругъ „войска Яицкаго“; вначалѣ хотѣли было стрѣльца Колосова послать въ Астрахань „ко всему великому войску“, но „стрѣльцы и солдаты и все войско сказали, что стрѣльца посылать не для чего“.

„Мы дадимъ по немъ поручное письмо и какъ его въ Астраханѣ старшини и все войско спросятъ и мы его поставимъ въ Астраханѣ въ кругу“.

Десять человекъ разныхъ приказовъ стрѣльцы и солдаты дали за него „поручное письмо“ и Колосовъ остался въ Гурьевѣ, но о случившемся была послана отписка того же 27 сентября, съ которою отправились въ Астрахань четыре человека стрѣльцовъ²⁾.

Седьмого октября въ Гурьевѣ наконецъ прибыли давно жданные „государевы хлѣбные запасы“, прибыли они изъ Астрахани въ трехъ паузкахъ и остановились въ морѣ у устья Яика. Для обереженья ихъ отъ калмыкъ изъ городка были посланы пятнадцать человекъ стрѣльцовъ и солдатъ съ работными людьми. Посланы они были „на перенаукѣ съ двумя мѣдами пушкани и съ ружьемъ“. Но „великому Яицкому войску“ не везло.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

Остановились они на берегу на устьѣ Яика. Въ это время одинъ изъ солдатъ, Федотъ Трупицъ, „стоя на караулѣ“, сталъ чистить ружье; разобрать ружье онъ разобралъ, но, когда вычистилъ, собрать его не сумѣлъ.

Помочь собрать ружье пришелъ стрѣлецъ Дубининъ, который, собравъ его и ружейный замокъ, вложилъ въ курокъ кремень и передалъ Трупицу. Трупицъ попросилъ взвести курокъ и, убѣдившись, что замокъ собранъ правильно, олустилъ его, „и изъ того замка далъ огню“. Искра упала на боченокъ, гдѣ лежало около полууда лушечваго пороха. „И тотъ порохъ отъ той искры взорвало и ихъ стрѣльцовъ и солдатъ опалило“; пострадало восемь человекъ, отдѣлавшись ожогами лица и рукъ ¹⁾.

Девятаго октября прѣехали снова къ Гурьеву калмыки и привезли съ собою захваченнаго ими въ плѣвъ кормицва Андрея Сусора.

„Возьмите вашего человека, — говорили калмыки гурьевцамъ, отдавая Сусора, — мы и остальныхъ 7 человекъ русскихъ изъ плѣва отдадимъ, только отдайте нашихъ калмыкъ, и мы будемъ съ вами жить въ мирѣ попрежнему.“

Но гурьевцы опять отказали, прося дать срозу недѣлю, т. е. безъ указа отъ Астрахани мѣняться плѣвными не рѣшались.

Но калмыкамъ надобло ждать вѣстей изъ Астрахани. Черезъ нѣсколько дней они снова появились вблизи городка и отогнали большое стадо коровъ и ушли въ свои аулы. Въ погоню за ними бросились стрѣльцы и солдаты, но табунъ не отбили „потому что ихъ калмыкъ многолюдство было“.

Воровали калмыки влѣсъ съ учуговъ — гурьевцы начево сдѣлать не могли, — не хватало людей для карауловъ въ городѣ, а объ оборонѣ и окарауливаніи учуговъ и думать было нечего.

Изъ Астрахани рѣшили послать имъ подкрѣпленіе. Эта прибавка къ гарнизону состояла изъ ста человекъ стрѣльцовъ и солдатъ. Начальникомъ у нихъ былъ избранный ими „походный атаманъ“ Федоръ Болдыревъ. Выѣхали они изъ Астрахани въ десяти лодкахъ. Два дня шли парусомъ, а на третій день „Божіею волею ночью всѣ тѣ лодки разметало врозь и прибило къ берегу въ Ракушкахъ“; двѣ лодки, шедшія впереди, благополучно прибыли въ Гурьевъ, семь лодокъ остались у Ракушекъ, а десятая лодка, „которая бѣжала позади ихъ всѣхъ“ съ десятью солдатами и съ мѣдною полковою пушкою потерялась. Оставшіеся въ семи лодкахъ рѣшили дожидаться прибытія потерянной. Просидѣли цѣлый день и всю слѣдующую ночь, но лодки не было. Ночью сдѣлался морозъ „и они въ томъ мѣстѣ обмерзли“. Море не утихало, о берегъ били льдины и одною изъ льдинъ сломало лодку. Наступило утро, замерзшіе стрѣльцы рѣшили ѣхать и, распустивъ паруса, направились на оставшихся шести лодкахъ къ устью Яика, куда и прибыли благополучно. Для розыска лодки гурьевцы нѣсколько разъ посылали на море,

¹⁾ Такъ-же, листъ 1.

но безъ успѣха—лодки не нашли¹⁾.

Между тѣмъ оставшая лодка съ десятию солдатами замерзла на „Васкаѣ“ (Ваксаѣ?), солдаты вышли изъ лодки и хотѣли идти къ Гурьеву степью, но по дорогѣ напали на нихъ калмыки, завязался бой, одинъ изъ солдатъ былъ убитъ, а остальные были взяты въ плѣнъ²⁾.

Походный атаманъ Волдыревъ привезъ къ „великому войску Яницкому“ царскую грамоту (какую неизвестно), и все войско, собравшись въ церковь, „о здравіи великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержавца здравствовали и молебствовали“³⁾.

Такъ бунтовалъ русскій народъ.

Приказывали между прочимъ астраханцы гурьевцамъ и обижать плѣнныхъ калмыкъ на русскихъ, но калмыки послѣ послѣдняго посѣщенія больше не показывались. Пришло только 2 калмыка 3 ноября, но они ничего общаго съ гурьевцами не имѣли. Кочевали эти калмыки около р. Эмбы съ улусами мурзы Мургаша, но на нихъ напали каракалбаки, разбили ихъ, взяли въ плѣнъ всѣ ихъ улусы, а прибывшіе калмыки бѣжали и пришли къ городу „для того, что укрыться стало негдѣ, прилучилась зимняя пора и морозы“. Гурьевцы взяли ихъ подъ караулъ.

Въ Гурьевѣ временно наступило затишье—о калмыкахъ не было слуху; но вотъ 12 ноября стояшіе на городской стѣнѣ стрѣльцы увидѣли приближавшихся къ городу 5 человекъ всадниковъ; стрѣльцы выслали изъ города и схватили путниковъ. Но это оказались не калмыки, а хивинцы „переводчики“ хивинскаго каравана, который шелъ къ Астрахани и долженъ былъ прибыть черезъ нѣсколько дней къ Гурьеву. Разрѣшивъ имъ переночевать, гурьевцы утромъ отпустили ихъ въ Астрахань. Въ этотъ же день появились наконецъ давно ожидаемые калмыки, но пришли они не съ „замривіемъ“, а остановились у „Подстепной“, на мосту, который построенъ межъ учугами, начали ломать этотъ мостъ и брать заготовленный лѣсъ. У учуговъ былъ караулъ изъ 20 стрѣльцовъ и солдатъ, караулъ сталъ стрѣлять, на помощь прибѣжали стрѣльцы изъ города и общими силами калмыкъ прогнали. Возвращаясь назадъ, стрѣльцы увидѣли за берегу Яика близъ города „стадо животное коровъ и баранъ и козловъ, по счету 10 коровъ, въ томъ числѣ и быки, и телята, и тѣхъ барановъ и козловъ по счету 137“. Стрѣльцы загнали весь этотъ скотъ въ городъ и раздѣляли между собою и съѣли, такъ какъ та скотина „съ голоду мерла“⁴⁾.

Калмыки и не думали иростать табувъ обратно. Они продолжали вести войну. 17 ноября пріѣхали къ Гурьеву 10 человекъ туркменцевъ—ѣхали они къ Амтѣ, а оттуда хотѣли ѣхать въ Астрахань, а потомъ въ Москву,

1) Тамъ-же, листы 85—105.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

но гурьевцы ихъ посадили подъ караулъ „для того чтобы отдали калмыки русскихъ рабочихъ людей“. Разспрошенные о вѣстахъ въ степи туркменцы сказали, что калмыкъ близко нигдѣ нѣтъ, между тѣмъ посланнне на другой день на учугъ 17 человекъ рабочихъ рыбнаго промысла промышленника Бормотова были окружены калмыками и захвачены въ плѣнъ, въ томъ числѣ поварь стрѣлецъ Сотниковъ. Бывшій на учугъ караулъ съ полковою пушкою всего двадцать человекъ бросился выручать рабочихъ и вступилъ съ калмыками въ бой, но отбить всѣхъ былъ не въ силахъ, отняли только 6 человекъ да седьмого раненаго и двѣ калмыцкія лошади, на которыхъ послали вѣсть въ городъ. Изъ города вышли на помощь болѣе ста человекъ стрѣльцовъ, солдатъ и переведенцевъ, но рабочихъ отбить не могли, „потому что въ то время былъ поутру великій туманъ и въ даль за ними гватся было невозможно“. Стоявшіе на караулѣ у учуга 20 человекъ солдатъ съ пушкою учуги бросали и ушли въ городъ, убоясь ихъ калмыкъ, что ихъ калмыкъ въ то время было многолюдство и драться съ ними было не въ ночь“.

На другой день, 19 ноября, калмыки опять не оставили гурьевцевъ въ покоѣ. Толпою человекъ двѣсти или триста они подошли къ нижнему учугу, тамъ ночевали и на утро „то учужное строеніе сожгли все безъ остатку и съ вышками“.

На утро изъ городка для ловли рыбы съ неводами выѣхали на Яикъ „за Раковую косу“ промышленникъ *Бормотовъ* съ пятидесятью человекъ рабочихъ, солдатъ и стрѣльцовъ. Но едва они остановились на косѣ, какъ неожиданно на нихъ налетѣли изъ степи около трехсотъ калмыкъ; калмыки были на ковылѣхъ и верблюдахъ съ двумя бѣлыми знаменами. Рыболовы сѣли въ осаду и завязали перестрѣлку. Часовые въ городкѣ, бывшіе „на вышкѣ“, услыша стрѣльбу и видя калмыкъ, забили „въ полохъ“ и человекъ съ полтора ста стрѣльцовъ и солдатъ и переведенцевъ „съ пушки и съ ружьемъ“ пошли на выручку осажденныхъ. Завязался бой, длившійся до вечера. Изъ крѣпости помогали: „съ башни у Дебки изъ пушки по нихъ калмыкъ въ толпу били“. Калмыки разбѣжались и поѣхали внизъ по Яику къ нижнему учугу, гдѣ расположившись кошми, стали багрять рыбу. Наступила ночь. Сто шесть человекъ стрѣльцовъ и солдатъ вышли изъ городка и стали тихо наступать на калмыцкій станъ, надѣясь захватить ихъ въ располхъ. Но, не доходя до учуговъ, они наткнулись на калмыцкій „отводный караулъ“, въ которомъ было четыре человекъ съ тремя верблюдами. Отрядъ ихъ захватилъ, но „которые калмыки на кошу били, послыша ихъ стрѣльцовъ, разбѣжались всѣ врозь“.

Изъ разспросовъ плѣнныхъ выяснилось, что калмыки были мурзы Шахандай „Аюкина сына Чандаржапова владѣнія“ и нѣкоторыхъ мурзъ Назарова владѣнія и что плѣнные гурьевцы находятся у владѣльцевъ на Баскай (Ваксаи?) рѣкѣ.

Черезъ дѣль выбѣжали отъ калмыкъ въ городокъ одинъ изъ десяти взятыхъ на учугъ работниковъ Андрей Шаткой; въ кругу „при всемъ войскѣ Яицкомъ“ онъ сообщилъ о плѣнныхъ, что вмѣстѣ съ нимъ находились и остальные девять рабочихъ, а также 9 человекъ солдатъ, въхваченныхъ изъ Астрахани съ командою и замершихъ съ лодкою на Васкаѣ. Были еще у калмыкъ десять человекъ астраханцевъ тюленщиковъ, захваченныхъ ими на морѣ.

27 ноября калмыки прѣехали въ Гурьеву, но уже не для боя, а для переговоровъ. Просили они у гурьевцевъ взятыхъ ими 4 калмыкъ и верблюдовъ, взамѣнъ которыхъ обѣщались отдать взятыхъ рабочихъ, но когда горожане на это согласились, калмыки раздумали и ушли въ степь.

На этомъ свѣдѣніи объ жизни въ г. Гурьевѣ за время астраханскаго бунта обрываются. Больше не сохранилось никакихъ документовъ.

Но и изъ этого небольшого перечня событій, бывшихъ въ Гурьевѣ, ясно отражается жизнь того времени на Яикѣ, жизнь безпокойная, съ тревогою за завтрашній день. Если мы перенесемъ эти картины изъ Гурьева въ Яицкій казачій городокъ, то намъ будетъ ясна та безпокойная жизнь, которую вели въ тѣ времена приицкіе орды около своего гнѣзда, будутъ понятны тѣ „налоги великіе“ и „безпокойство многое“, которое чинили казакамъ шайки калмыкъ. Дошла до насъ и любопытная грамота, посланная Аюкою Астраханскому войску съ вопросомъ, хотять-ли астраханцы мира или войны?

„Въ Астрахань старшинамъ Якову Иванову и всему войску, Аюка-ханъ поздравляю. Слышно мнѣ починалось что у вашихъ подѣ Царицыномъ былъ бой съ Чеметемъ и Каптемиромъ и вы и сами знаете что они о себѣ владѣльцы, и вы мнѣ отпишете: хотите ли со мною быть въ миру? буде хотите быть въ миру и пришлите ко мнѣ своихъ посольщичковъ для договору, а буде не хотите быть въ миру и я съ тѣми владѣльцами соединюся и о томъ мнѣ давайте отъ себя отповѣдь. По приказу Аюка-хана писалъ Яицкой казакъ Яковъ Федоровъ“¹⁾.

Такія же точно грамоты получали отъ калмыкъ надо полагать и яицкіе казаки, когда наступало у нихъ „замиренье“ или „размиренье“ съ калмыками.

Астраханскій бунтъ, не поддержанный казаками, былъ быстро подавленъ и вновь образовавшіеся казачьи общины прекратили свое существованіе.

Реформы-же вводились въ жизнь по прежнему и недовольный народъ также попрежнему бѣжалъ въ казачество на Донъ и Яикъ, гдѣ ихъ, не смотря на указы, охотно принимали и зачисляли въ казаки.

Въ 1707 году изъ Яицкаго войска снова потребовали полкъ въ армію. Снова выступили казаки на войну со шведами. Вышло *пятьсотъ человекъ*

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Секретныя дѣла Тайной Канцеляріи 1614—1722 г., опись 288, столб. № 1144, листъ 171. Яковъ Федоровъ былъ изъ числа тѣхъ яицкихъ казаковъ, которые выехали у Аюки для вѣдомости.

съ походнымъ атаманомъ *Митрофаномъ Пименовымъ Алестинымъ* ¹⁾.

Убѣжала станица и казаковъ въ городкѣ стало еще меньше—осталось ихъ всего на Яикѣ годныхъ въ службу 1600 человекъ! Какъ же ѣздить въ Самару за хлѣбомъ, какъ защищать городокъ?! Припыхъ людей много, но зачислять въ казаки ихъ не приказано! Государство, страшно нуждавшееся въ войскѣ для борьбы съ сильнымъ и необходимомъ тогда противникомъ шведомъ, не хотѣло и слышать о томъ, чтобы войско увеличивалось, чтобы въ рядахъ армій было больше добровольныхъ хорошо вооруженныхъ и отважныхъ всадниковъ. Сотнями бѣжали эти люди на Яикъ и на Донъ, сами просились, молили—защитите насъ въ казаки и мы пойдёмъ „конны людьми и оружию“ на царскую службу! И вмѣсто того, чтобы пользоваться этими, Москва подъ жестокою казнью запрещаетъ формироваться этимъ вольнымъ и даровымъ для себя дружинамъ.

Войску разрѣшалось записывать въ казаки только тѣхъ, „кто скажется вольной и о томъ человекѣ не будетъ спору и челобитья до шести лѣтъ“, а остальныхъ же приказывалось отсылать въ Русь и неприверстывать въ казаки подъ страхомъ жестокаго наказанія ²⁾.

Между тѣмъ, въ наступившемъ 1708 году изъ войска потребовали снова 1225 человекъ на усмиренія башкирскаго бунта!

На Яикѣ осталось всего 400 человекъ.

Москва не разсуждала, ей не было никакого дѣла до далекаго Яика, чѣмъ жили тамъ, чѣмъ волновались, ей нужны были войска и она требовала станицы. Дѣла хоть изъ глины казаковъ, а полки давай, но зачислять въ казаки бѣглецовъ не смѣй,—помѣщики жалуются.

Но казакамъ стали непосильны наряды. И вотъ они отправляютъ одну станицу за другою въ Москву, прося объ отнятѣй приказовъ, запрещающихъ приверстывать бѣглыхъ въ казаки. Одна изъ такихъ станицъ со станичнымъ атаманомъ *Федотомъ Донсковымъ*, всего четыре человекъ, усиленно и долго хлопотала объ этомъ, но ничего не добила. Москва по прежнему требовала высылки бѣглыхъ и не желала знать ни о томъ, какъ жилось казакамъ на Яикѣ, ни о ихъ малолѣтствѣ и о тяжести непосильныхъ нарядовъ на вѣдшую службу. Она приказывала только набираться вольными людьми. Но гдѣ же было взять казакамъ вольныхъ людей?! Отъ воли къ волѣ не бѣ-

¹⁾ Смотри приложеніе XII, тамъ онъ названъ только по имени и отчеству, въ показаніяхъ же старшинъ при слѣдствіи надъ атаманомъ Притковымъ добавляется и его фамилія: „съ походнымъ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ сыномъ Алестинымъ противъ швейцарскаго генерала Левингаупта подъ Лѣсимъ и въ Полтавской батаріи“—вокаліаніе старшинъ Кузнецова и другихъ. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, листы 25--159. На подлѣтѣ этой станицы было дано: „царскаго жалованья“ по 10 р. человетку, и наемку отъ войска: атаману 20 р., четыремъ сауламъ по 12 р., четырёмъ знаменщикамъ по 10 р. и рядовымъ казанкамъ по 8 рублей человетку.

²⁾ Ни грамоты Петра, ни другихъ документовъ объ этомъ отыскать не удалось. Объ этомъ упоминается въ смислѣ Кроткова въ 1716 году и въ челобитной войска 1721 г. (Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга № 30, листъ 259).

гауть. На Яикъ бѣгли и бѣгли безъ конца, но только крестьяне и стрѣльцы—рабы и служилые люди.

Какъ быть? Не приверстывать бѣглецовъ нельзя—если не приверстывать на Яикъ скоро не останется ни одного казака, приверстывать—опасно.

Но нарядъ въ Башкирію заставлялъ казаковъ еще разъ нарушить указъ—и войско стало принимать всѣхъ кто заявить что онъ „вольный“, не справляясь о его прошломъ. Разъ пришлецъ называлъ себя „вольнымъ“, войско не обращало вниманіе на указы и пополняло свои ряды. Да яного выхода и быть не могло, иначе въ войскѣ оставалось-бы такъ мало казаковъ, что и защищать городка было-бы некому.

Въ это время въ Башкирію было неспокойно. Вольные до свѣхъ поръ и не знавшіе у себя русской расправы, судившіеся и управляемые своими выборными старшанами „лучшими людьми“, послѣ усмиренія послѣдняго возстанія, башкиры почувствовали всю власть тогдашнихъ московскихъ чиновниковъ. Корыстные, властолюбивые—они не стѣснялись въ средствахъ для наживы. Уженикъ былъ недостаточенъ собираемый издревле съ башкиръ асакъ натурою: „денежный, медвяной и кушій и лисій“, имъ нужно было больше—нужно было быстро нажиться за счетъ только что усмиреннаго и загубаваго народа.

Посланные въ 1704 году сборщики асака Андрей *Жихаревъ* и Михаилъ *Догозовъ* стали беззастѣнливо грабить народъ; они обложили его неслыханными и небывальными еще у башкиръ податями. Брали со свадьбы по три рубля; каждый башкирецъ долженъ былъ уплатить по рублю; обложены были улья, бани, рыбныя озера; отрядамъ, которые сопровождали сборщиковъ, приказано было тоже платить: „перепясничая кормовыхъ денегъ по двѣ гривны съ человѣка, да подъячимъ двумя по три алтына, да солдатамъ по алтыну человѣку на день“¹⁾. Но и этого сборщикамъ показалось мало. Приказали огородить мечети, „чего напередъ сего не бывало“, и хоронить мертвыхъ не въ полѣ, какъ было до этого, а въ оградѣ у мечети. Обложили мулъ и мечети по пяти рублей, а съ прихожанъ „кто будетъ въ мечети молиться“, по алтыну. По алтыну же обложили дуги и хомуты и всѣхъ, кто прѣзжаетъ на базаръ въ городъ. Хотѣли даже брать асакъ съ cadaго овна, съ дверей, съ печей, погребовъ и воротъ. Ухватились наложить изду не только съ каждой живой лошади, но даже съ навшей скотины „за шкуру“ по десять денегъ, а если не объявятъ о навшей скотинѣ, то дань требовалась двойная. Башкиры терпѣливо сносили. Страсти у сборщиковъ разгорѣлись: не довольствуясь этимъ, они въ 1705 г. стали требовать по четверти мука съ cadaго человѣка и съ имущества десятую долю: „и сколько у кого есть какихъ пожитковъ и съ тѣхъ пожитковъ со ста рублей десять рублей, съ десяти рублей—рубль, а съ скота всякаго—десятую скотину“²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, башкир. дѣла 1706 г. № 2, листъ 2.

²⁾ Тамъ-же, листъ 4.

Башкирамъ стало не въ моготу. Они написали жалобу въ Москву. Для разбора прислали князя Дмитрія Юракова. Собравъ въ Уфу выборныхъ башкиръ, онъ объяснилъ имъ, что Жихаревъ и Доховъ тѣ сборы „затѣяли сами собою, а не по государеву указу“ и приказалъ платить ясакъ по старому. Сборщины были удалены.

Но башкирамъ не повезло. Едва уѣхалъ князь Юраковъ, какъ пріѣхалъ въ Уфу вновь назначенный воевода извѣстный лихомонецъ и взяточникъ Александръ Сергѣевъ. Первымъ распоряженіемъ его былъ указъ о немедленной высылкѣ въ Уфу аманатовъ „лучшихъ людей“. Для своего путешествія въ Мезелинскъ онъ приказалъ сдѣлать ямы (почтовые ямскія станціи), гдѣ башкиры должны были держать „до тысячи и болѣе подводъ“. При проѣздѣ онъ гналъ нещадно лошадей — большая половина которыхъ пала; ямщики — башкиры озлобились: „и многіе люди озябли, руки и ноги проозлобили и руки и ноги у подводчиковъ съ ихъ савей человекъ упадетъ — переломали и коньми перетоптали“¹⁾. Пріѣхавшихъ къ нему въ Мезелинскъ выборныхъ башкиръ онъ арестовалъ и посадилъ въ тюрьму. Пригрозивъ имъ за непослушаніе присяжкою войскъ, грозный губернаторъ захватилъ ихъ всѣхъ съ собою и поштался такимъ-же образомъ обратно. Въ Уфу прибыло къ его пріѣзду еще нѣсколько выборныхъ старшинъ. Участь ихъ была одинакова. Они попали въ тюрьму вмѣстѣ съ мезелинскими старшинами. Имъ приказали приложить свои руки и тамги къ написанной заранѣ бумагѣ, гдѣ говорилось, что башкиры обязаны дать губернатору для войскъ по пяти тысячъ лошадей съ каждой дороги — всего двадцать тысячъ. Когда послѣ подписи перевели эту бумагу, башкиры возмутились и сказали „что столько лошадей дать мочи не будетъ“.

Старшинъ заперли „въ приказъ, а иныхъ въ тюрьму, а иныхъ въ студенныя избы“. Стали пугать ихъ тѣмъ, что ихъ всѣхъ перевѣшаютъ. Сергѣевъ заявилъ, что если они не дадутъ лошадей, то онъ пошлетъ полки и велитъ рубить всѣхъ башкиръ и женъ и дѣтей; надъ каждымъ старшиною стоялъ драгунъ съ обнаженною саблею. Старшины, боясь угрозъ, послали каждый на свою дорогу „сказки“ о дачѣ лошадей и о сборѣ съ каждаго башкирца по три рубля. Даже служилые мещераки обязаны были заплатить губернатору по рублю съ человека.

Но злоключенія со старшинами не кончились. Ихъ собрали „на стоялый дворъ“ и привели „къ кораву“, потомъ посадили всѣхъ на огородъ, поставили кругомъ караулъ „съ бердышами и съ ружьемъ“ и по приказу Сергѣева привезли нѣсколько пушекъ и стали стрѣлать изъ нихъ надъ головами оторопѣвшихъ старшинъ. Губернатору показалось и этого мало. Принесена была водка и подъ страхомъ смерти приказано было петь до изнеможенія. Старшинъ наполни до полусмерти. Не знавшамъ до сихъ поръ вина старшинамъ водка оказалась ядомъ — девять человекъ изъ нихъ умерло. На валавшихся

¹⁾ Тамъ же, листъ 6.

же безъ чувства вляли „шутки“ (фейерверки) и поджигали...

Ради користи не было ничего пощажено.

Въ такомъ же духѣ дѣйствовали въ Башкиріи и соратники губернатора. Оставленный съ войсками въ Мезелинскѣ *Сидоръ Аристовъ* послалъ для сбора этихъ лошадей *Григорія Пальчикова*. Пріѣхавъ съ отрядомъ въ Билярскую волость, Пальчиковъ по примѣру своего начальника, собравъ старшинъ, посадилъ ихъ за карауломъ въ „студенныя клѣти“ и потребовалъ лошадей, которыхъ обѣщали дать въ Уфѣ губернатору. Старшины отказались. Стали ихъ бить батошьемъ. Другихъ били „на правожѣ“. Въ ходѣ пустили и угрозу—вырубить всѣхъ башкиръ и сжечь ихъ всѣ деревни. Выручая своихъ старшинъ, билярцы дали Пальчикову 125 лошадей, искупая этихъ лошадей по десяти и по пятнадцать рублей „и тѣхъ дорогихъ лошадей покупая многие дѣтей своихъ покладали въ заклады“¹⁾.

Взявъ Пальчиковъ и силою до тридцати самыхъ лучшихъ лошадей, между которыми были двѣ лошади, вундленныя по тридцать рублей—цѣнѣ очень высокой по тому времени, т. е. обычная стоимость лошади тогда не превышала трехъ—пяти рублей.

Пріѣхавшіе тогда въ Мезелинскъ губернаторъ *Сергѣевъ* приказалъ привести къ себѣ билярскихъ старшинъ и всѣхъ ихъ одиннадцать человекъ посадилъ въ тюрьму, гдѣ и держалъ четыре мѣсяца.

Все сдѣлалъ губернаторъ для того, чтобы вызвать бунтъ. Но башкиры еще не бунтовали. Для того, чтобы они не могли пожаловаться въ Москву, по всѣмъ дорогамъ были поставлены заставы и караулы съ приказомъ не пропускать никого изъ нихъ изъ Уфимскаго уѣзда.

Башкиры не бунтовали. *Сергѣеву* же хотѣлось бунта. Когда же и пограбить башкиръ какъ не во время бунта? Послали сына Пальчикова въ Билярскую волость, на этотъ разъ уже прямо на вызовъ. Пріѣхалъ онъ въ деревню *Ахметеву* на р. *Мензель*, гдѣ было двадцать два двора. Солдаты стали грабить—убили трехъ башкиръ и семерыхъ ранили. У женщинъ срывали украшения, состоявшіе изъ монетъ, среди которыхъ были и пятирублевныя монеты²⁾. Двухъ женщинъ Пальчиковъ приказалъ взять въ плѣнъ, деревню разорили и весь скотъ „четыреста двадцать лошадей отогнали и всякій коровій и овечій скотъ и съ пожитками домовными“ взяли³⁾.

Но башкиры все еще не бунтовали—они поѣхали съ жалобами въ Москву. Возвращаясь обратно изъ Москвы черезъ *Казань*, башкирскіе посланцы *Кадмуръ* и *Узей* съ товарищи попались бывшему въ это время въ *Казани* *Сергѣеву*. *Сергѣевъ* разсвѣрился—оба башкирца были имъ повѣшены, а товарища биты кнутомъ.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 7.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ив. Дѣлъ, башкир. дѣла 1736 г. № 2, листъ 13.

³⁾ Тамъ-же, башкирскія дѣла 1706 года № 2, листъ 8.

Послѣ Пальчикова сталъ дѣлать вѣдѣнія и Аристовъ: „деревни многіе развоевалъ,—писали въ своей челобитной башкиры царю Петру,—женъ и дѣтей въ полонъ ноймалъ и оттого неотступнаго гоненія и разоренія, пованя старыя свои юрты, бѣгня отъ многыхъ заводныхъ ратныхъ людей зимнѣе временѣи и въ лютые морозы, женинки наши и дѣтишки отъ морозовъ многіе померли и отъ безкорницы по степамъ скотина круная и мелкая померла многая... а прадѣды, государь, наши и дѣды на предѣ сего прадѣду твоему государеву не сильно, а своей волею охотою не изъ за сабли и не изъ за войны со всѣми своими угоды и вотчинами наложили на себя ясакъ охотою“¹⁾. Но не дождались башкиры лучшей доли. Пока шла бумажная волокита, народное недовольство уже переполнило чашу терпѣнія.

Народу не хватало только вождей. Вожди эти нашлись. Во главѣ недовольныхъ сталъ извѣстный вліятельный въ Башкиріи башкирецъ *Алдаръ* со своимъ товарищемъ *Кусюмомъ*. Къ осени 1707 г. уже появились первые признаки возстанія. Башкиры стали грабить русскія деревни. Въ декабрѣ бунтъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Съ башкирами возстали татары, мещеряни и др. инородцы—магометане. Въ ноябрѣ на усмиреніе башкиръ былъ посланъ отрядъ въ 900 человекъ подъ командою *Петра Хохлова*, съ нимъ отправился и вѣрнее правительству башкиры. Въ то же время на помощь къ Уфѣ пошелъ съ 770 человекъ конницы извѣстный уже намъ *Сидоръ Аристовъ* и полковникъ *Иванъ Рыдаръ* съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ башкирами въ урочищѣ Юракъ-Тау въ 90 верстахъ отъ Уфы. Башкирцы, бывшіе съ нимъ, измѣнили и съ возставшими окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ. На голой степи, не имѣя прикрытія, отрядъ, огородаивъ себя обозомъ, отбивалъ всѣ приступы; но башкиры не давали ему ни минуты покоя—безпокоили днемъ и ночью. Десять дней сидѣлъ въ осадѣ отрядъ, не имѣя возможности ни ѣсть, ни спать, ни пить. И когда русскіе окончательно утомились отъ голода и безсонницы, башкиры ворвались въ обозъ, побили и взяли въ плѣнъ около 400 человекъ; съ остальными же 500 человекъ Хохловъ пробился и ушелъ въ Соловаренный городокъ, гдѣ его выручили Аристовъ и Рыдаръ²⁾.

Послѣ черной удачи башкирцы стали дѣйствовать рѣшительно. Уже въ январѣ 1708 года они опустошили всѣ волости Уфы, Барска и Мезаивъска, не дошли до Казани только тридцать верстъ. Особенно сильно мщеніе башкиръ выразилось на имѣніяхъ братьевъ Аристовыхъ—*Льва* и *Сидора*,—они выгнали до тла всѣ ихъ села и деревни, побили людей, церкви и дома пожгли, гробы отца ихъ изъ земли выгребли и надъ мертвымъ тѣломъ ругались³⁾. Для ихъ усмиренія въ февралѣ былъ посланъ бояринъ *Петръ Ивановичъ Хованскій*, съ нимъ было 3 регулярныхъ полковъ и казаки⁴⁾. Калмыцкіе Аюка ханъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 1-10. Челобитная башкиръ 1706 года.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., т. 15, глава 8.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ башкир. дѣла, 1720-1722 г.

⁴⁾ Рязановъ. Оренб. Топогр., стр. 62-63.

далъ съ своей стороны 10 тысячъ казакъ, которые выступили подъ начальствомъ *Бахметова* къ р. Ику, гдѣ произвели страшнѣйшее опустошеніе среди башкирскихъ волостей.

Въ число войскъ Хованскаго вошли посланные съ Яика 1225 человекъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ *Федоромъ Семенниковымъ* ¹⁾.

Посланные предъ этия двѣ станицы въ Шведскую войну тогда еще не возвратились.

Такимъ образомъ, если бы казаки исполняли приказы изъ Москвы относительно бѣглыхъ, то въ войскѣ осталась бы самая ничтожная горсть казаковъ около 400 человекъ. Эта горсть конечно не могла бы даже и защитить городка, но войско уже давно захнуло рукою на приказы о непринятіи бѣглецовъ и по прежнему привертывало въ казаки всѣхъ выходцевъ изъ Руси, и лишь только при такихъ условіяхъ могло выполнять всѣ требованія Москвы о нарядѣ казаковъ на внѣшнія службы.

Подробностей объ участіи въ этомъ походѣ яцкихъ казаковъ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Бунтъ былъ подавленъ. Башкары заплатились жестоко; но жестоко пострадали и русскіе: въ Казавскомъ и Уфимскомъ уѣздѣ сожжено и разорено было селъ и деревень 308, людей погибло и отведено въ плѣнъ 12705 человекъ ²⁾. Винованъ всѣхъ этихъ бѣдъ губернаторъ *Сергѣевъ* по распоряженію Петра былъ повѣщенъ въ Казани.

Но едва окончился башкирскій бунтъ, какъ вспыхнулъ въ томъ-же году другой бунтъ на Дону *Булагинскій*. Поводомъ для него послужили тѣ-же причины, что и на Яикѣ въ 1698 г. — приказъ не принимать въ казаки всѣхъ прибывшихъ послѣ 1695 г. и выдавать виновныхъ Москвѣ. Во главѣ бунта всталъ атаманъ *Булагинъ*. Донцы звали съ собою въ союзъ татаръ, терскихъ и яцкихъ казаковъ ³⁾. Но объ участіи этихъ послѣднихъ свѣдѣній не имѣется. Бунтъ этотъ, какъ и на Яикѣ въ 1696 году, былъ задавленъ, часть недовольныхъ казаковъ во главѣ съ *Некрасовымъ* ушли на Кубань, въ область турецкаго султана. Этотъ разгромъ возставшихъ донцовъ имѣлъ рѣшающее значеніе на все казачество вообще. Онъ показалъ, что Москва болѣе не будетъ шутить; въ казачьихъ общинахъ стала укрѣпляться мысль, что она составляютъ одно нераздѣльно цѣлое Москвы и что каждый указъ оттуда для нихъ такъ-же обязательенъ, какъ и для остального населенія Руси. Волѣлъ за этия, послѣдовавшіе въ томъ-же году указомъ Петра о раздѣленіи Россіи на 8 губерній, казачьи общины были причислены также къ этимъ губерніямъ. Яцкое и Терское войска вошли въ составъ Казанской губерніи ⁴⁾, при чемъ Яцкій казачій городокъ и Гурьевъ подчинялись непосредственно Астрахани.

¹⁾ Смотри прил. XII. Наемки даны: атаману 20 руб., есауламъ десяти человекамъ по 10 рубл., значенщикамъ 10 человекъ по 8 руб., рядовымъ по 8 руб.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 15, глава 3.

³⁾ Вл. Броунскій, Исторія Донскаго войска, книга 1, страница 261.

⁴⁾ Полное Собраніе заков. Рос. Имп., томъ 4, страница 2218.

Г Л А В А XX.

Шведская война и участие въ ней яцкихъ казаковъ. Преданія объ атаманѣ Прохорѣ Дурмановѣ и о Рыжечкѣ (1701—1709 г.).

„Мы дрались тогда со шведамъ
Подъ знаменами Петра“.
Военная пѣснь.

Съ началомъ Шведской войны, какъ видно изъ предыдущаго очерка, изъ Яцкаго войска выходятъ въ походъ одна станица за другою. Но о дѣйствіяхъ этихъ станицъ намъ мало извѣстно. Дѣла о Сѣверной войнѣ до сихъ поръ мало разработаны и ждутъ еще своихъ изслѣдователей. И поэтому единственными указателями о службѣ яцкихъ казаковъ въ этой войнѣ являются челобитныя самихъ казаковъ, сказки казаковъ о своей службѣ и нѣкоторые указанія Устрялова, на основаніи которыхъ и представляется возможность восстановить хотя въ краткихъ чертахъ эту службу. Къ сожалѣнію, Устряловъ при упоминаніи объ яцкихъ казакахъ не даетъ ссылки, откуда взяты имъ эти свѣдѣнія.

Первая станица, выступившая изъ войска въ 1701 г., была подъ командою походнаго атамана *Ивана Сергіева Витовнова* и состояла изъ одного атамана, 4 есауловъ, 4 знаменщиковъ и 591 рядовыхъ казаковъ. Надо полагать, что по обычаю того времени, казаки выступили въ походъ весною. Такимъ образомъ эта станица, вопреки установившемуся убѣжденію нѣкоторыхъ писавшихъ о службахъ Яцкаго войска, быть въ бою подъ Нарвою въ ноябрѣ 1700 года не могла. Говоря о своей службѣ съ этою станицею, впоследствии наказный (временный) атаманъ Копѣчкынъ говоритъ о ней такъ: съ атаманомъ Иваномъ Сергіевымъ Витовновымъ *въ первомъ Руделевскомъ походѣ*, ни слова не упоминая о Царѣ. Между тѣмъ если бы эта станица участвовала подъ Нарвою, то Копѣчкынъ непременно назвалъ-бы свою службу *„первымъ Нарвскимъ походомъ“*, а не Руделевскимъ.

Витовновъ со станицею, какъ и вся русская конница, находился въ отрядѣ Шереметьева, главную ставку котораго былъ городъ *Псковъ*. Отсюда Шереметьевъ дѣлалъ развѣдки о шведахъ и набѣги въглубь шведскихъ земель, особенно въ Лифляндію.

Прибывъ, вѣроятно, въ концѣ мая къ отряду Шереметьева, яцкіе казаки могли принять участіе въ рядѣ развѣдокъ и мелкихъ стычекъ со шведами въ окрестностяхъ Пскова и въ Ливоніи. Однимъ изъ крупныхъ боевъ, гдѣ они безусловно принимали участіе, былъ бой *при жызѣ Эрестферъ* въ декабрѣ 1701 года, положившій начало успѣхамъ русскаго оружія противъ шведовъ.

Узнавъ отъ схваченнаго партією Афанасія Остафьева языка, что генералъ Шлиппенбахъ стовтъ съ войскомъ въ окрестностяхъ Эрестфера, верстахъ въ 40 отъ Дерпта, Шереметьевъ двинулся противъ него изъ Пскова въ глубокую зиму въ концѣ декабря съ 8,000 пѣхоты и драгунъ, съ казаками, калмыками и татарами при 15 полевыхъ пушкахъ. Шель овъ Лифляндской страной осторожно трое сутокъ, посплавъ впередъ сильный отрядъ, чтобы развѣдать неприятеля. Шлиппенбахъ съ 7,000 стоялъ близъ мизы Эрестферской, расположивъ войско по деревнямъ на зимнія квартиры¹⁾.

На зарѣ 29 декабря русскій авангардъ началъ на передовой отрядъ генерала Ливена и разбилъ его. Шведы отступили. Черезъ два часа появилась вся русская армія. Вой снова возобновился и длился весь день до поздняго вечера; непобѣдимые шведы на этотъ разъ были разбиты и побѣжали. Казаки и драгуны преслѣдовали ихъ тридцать верстъ.

Шведы потеряли болѣе трехъ тысячъ убитыми и 350 плѣнныхъ, 6 пушекъ и 8 знаменъ. Потеря русскихъ простиралась до тысячи человекъ²⁾.

Послѣ этой побѣды Шереметьевъ 2 января 1702 г. двинулся со всею конницею въ глубь шведской земли. „Ходилъ я, доносилъ Шереметьевъ Петру, для разоренія въ шведскую землю, въ мѣстечко Аге и другія: все разорено, весь Юрьевскій уѣздъ. Взятый языкъ сказалъ, что Шлиппенбахъ прибѣжалъ въ Юрьевъ (Дерпт) самъ четверть. По разореніи Юрьевского уѣзда, даже птти не могли за усталостю лошадей и глубокими сѣвгомъ, въ которыхъ ови товутъ. Вѣда, еслибы напали на насъ изъ лѣсовъ лыжники. Взято 140 плѣнныхъ, а сколько чухин, нельзя опредѣлить, потому что Черкасы (казаки) по себѣ ее разобрали: я отнимать не велѣлъ, чтобы охотѣе были“.

Между тѣмъ посланный Шереметьевымъ наказный гетманъ Данило Аношоловъ въ другую сторону, въ Мариенбургъ, производилъ опустошеніе Лифляндіи: половилъ болѣе 2.000 человекъ и скота пригналъ множество; до Мариенбурга не доходилъ за великимъ сѣвгомъ; тамъ былъ другой отрядъ съ Лубенскимъ полковникомъ и все въ окрестности разорилъ³⁾.

Съ іюля 1702 года вплоть до поздней осени янцзе казаки снова могли принимать участіе въ набѣгахъ на шведскую землю вмѣстѣ съ отрядомъ Шереметьева. Въ іюлѣ Шлиппенбахъ съ 8 тысячами конницы и пѣхоты оставившись въ мѣстѣ Санимицъ. Узнавъ объ этомъ, Шереметьевъ двинулся на него изъ Пскова со всею своєю отрядомъ тысячъ въ 30 съ восемью полками пѣхоты, съ девятью полками драгунъ, съ тремя рейтаръ, гусаръ и полковниковъ, въ отрядъ вошли и всѣ бывшіе у него казаки, татары и калмыки.

15 іюля, — пишетъ Устряловъ, — Шереметьевъ пришелъ въ Эрестферъ, откуда устранился къ Санимицу. Русскій авангардъ, вѣтрѣтнѣе близъ деревни

1) Устряловъ, Ист. Пад. Петра. Вед., томъ 4, книга 1, страница 112.

2) Тамъ-же, страница 114.

3) Тамъ-же, страница 114.

Висамборена Унгершталеберга въ 300 конницы, посланнаго Шлиппенбахомъ для развѣдыванія, безъ труда прогналъ его. Армія между тѣмъ потянулась лѣвнымъ флангомъ черезъ болота Тагульскія, угрожая сообщеніямъ Шлиппенбаха: овъ успѣвшилъ отступить къ *Фельксу*, потомъ за рѣчку *Эмбахъ* при *Теллицѣ* къ *Гуммельслюфу*, разрушивъ мосты. Три русскіе драгунскіе полка, подъ начальствомъ *Кропотова*, съ казаками, татарами и калмыками слѣдовали за Шлиппенбахомъ по оятамъ и, устроивъ на *Эмбахѣ* переправу, 18 іюля настали его при *Гуммельслюфтѣ*, въ 15 верстахъ отъ рѣки. Шведы встрѣтили русскій авангардъ жестокою боею и обратили въ бѣгство къ главной арміи. Шереметьевъ успѣвшилъ послать помощь Кропотову полковниковъ *Бауера* и *фонъ-Вердена* съ Преображенскимъ и драгунскимъ полками; они сразились мужественно, но также принуждены были отступить, потерявъ двѣ пушки и три гаубицы мѣдныя съ обозомъ и знаменами. Шведы быстро преслѣдовали русскую конницу и дѣло казлось проиграннымъ.

Шереметьевъ, совершивъ переправу черезъ *Эмбахъ* съ инфантеріей, послалъ на помощь конницѣ пѣхотные полки *Юрья Лимма*, *Саввы Айгустова* и *фонъ-Шведина*: они остановили непріятеля. Вскорѣ вступила въ дѣло вся русская армія, атаковала шведовъ съ фронта и фланговъ и поразила на голову. Непріятельская конница, такъ же точно, какъ и при *Эрстферѣ*, опрокинулась на пѣхоту и разстроила ее. Въ 10 часовъ вечера кончилось сраженіе; Шлиппенбахъ бѣжалъ съ конницей въ *Пернау*: вся пѣхота его легла на мѣстѣ.

Потеря шведовъ была огромная: до 5,500 труповъ найдено на поляхъ, около низы; до 300 человекъ взято въ плѣнъ, между ними полковникъ *Брауель* и подполковникъ *Глазенапъ*; вся шведская артиллерія 15 пушекъ (крошъ своихъ, потерянныхъ авангардомъ), 16 знаменъ, 25 барабановъ, все осталось въ рукахъ побѣдителей. Русскій уронъ простирался до 400 убитыхъ, вѣскольکو сотъ ранено, между ними *С. И. Кропотовъ*, *С. И. Айгустовъ*, *И. В. фонъ-Верденъ*. По уничтоженію войска Шлиппенбахова при *Гуммельслюфтѣ* Лифляндія осталась безъ защиты: только въ главныхъ городахъ, *Ригѣ*, *Церу*, *Пернау* и *Дерттѣ* были гарнизоны значительные, не смѣвшіе однакожъ выгнать за ворота крѣпости. Въ *Веденѣ*, *Вольмрѣ*, *Валкѣ*, *Маріенбургѣ* осталось по вѣскольку сотъ человекъ и Шереметьевъ съ многочисленнымъ войскомъ, съ казаками, татарами, калмыками, съ цѣлою арміею, при сильной артиллеріи около двухъ мѣсяцевъ ходилъ по Лифляндіи, все разоряя, предавая огню, разрушая и опустошая. Лифляндцы, чужны, заныши погибали въ развалинахъ городовъ, еще болѣе были отводимы въ неволю съ женами и дѣтьми въ Москву, въ Азовъ, въ Малоросію. Дѣло было страшное. Лифляндія долго не могла оправиться и черезъ вѣскольکو лѣтъ открылся въ ней моръ. Многіе замки, крѣпкіе и богатые, построенные рыцарями ливонскими, съ временъ походовъ Шереметьева до сихъ поръ лежать въ развалинахъ.

У *Гуммельслюфта* стоялъ Шереметьевъ трое сутокъ, пославъ ратныхъ конницъ

людей во всё стороны жечь мызы и деревни: они разорили въ конецъ *Гешистъ, Баркусъ, Ранденъ*; на четвертый день русская армія переправилась обратно чрезъ *Эмбахъ* и двинулась къ *Юрьеву Ливонскому* или Дерпту, все опустошая на пути; въ 7 верстахъ отъ Дерпта фельдмаршалъ остановился на рѣчкѣ *Ревалъ*, повелѣлъ коннымъ полкамъ разорить сѣверную Лифляндію съ одной стороны до *Ланса* и *Везенберга*, съ другой до *Каммби* и *Осине*. Шесть полковъ драгунскихъ, дояскіе казаки, калмыки, саратовцы, царичевцы и три роты новгородскаго разряда, подъ начальствомъ полковника Игнатъева, ходили къ *Лансу* и за *Лансъ*, оттуда къ *Везенбергу* и *Ревелю*, и черезъ пять сутокъ возвратились къ Дерпту, на пути по обѣ стороны дороги и всё мызы и деревни пожгли, разорили безъ остатку, въ плѣнь захватили нѣсколько тысячъ ливляндцевъ, эстляндцевъ, чухны, латышей съ женами и дѣтьми и оргнали больше 20,000 головъ скота; а чего не могли поднять — покололи и порубили. Такое же опустошеніе произвели на югѣ отъ Дерпта ертаульный воевода *Назимовъ* и базидкій полковникъ *Мурзенко*: они доходили до той дороги, гдѣ *Шереметьевъ* шелъ на *Шивилебаха*, всё мызы и жилища на путѣ выжгли, людей, лошадей и скотъ избрала. Дождавшись возвращенія полковъ, ходившихъ на сѣверъ и югъ отъ Дерпта, *Шереметьевъ* въ началѣ августа пошелъ съ береговъ *Ревеля*, все опустошая наравно и вѣрво, къ *Казарицкой мызы*. Отсюда всѣхъ равныхъ и плѣнныхъ и добычу отправилъ во *Псковъ*; самъ же съ войскомъ двинулся къ *Мензѣ* (нынѣ *Меницы*), мызѣ богатой, многолюдной и хорошо укрѣпленной; по слухамъ, въ ней было непріятелей до 1000 человекъ съ пушками. Полковникъ *Бауеръ*, начальникъ авангарда, подступилъ къ *Мензѣ* 7 августа и дважды требовалъ сдачи. Шведъ отказывалъ съ безчестіемъ; надобно было употребить всё силы: армія подошла, окружила мызу со всѣхъ сторонъ, пала изъ пушекъ и гаубицъ. Подполковникъ *Иксулъ* наконецъ сдался; съ нимъ взято 2 капитана, 2 поручика, 3 прапорщика, 136 драгунъ и солдатъ, 154 мызниковъ, кромѣ женскаго пола и чужихъ, и 4 пушки. Подполковникъ — доносилъ *Шереметьеву* — злѣю особистъ и увезъ гораздо и высокой фамиліи говорить, что въ разиѣву его дадутъ кого угодно. Животныхъ и чухны взято многое множество, покупали коровъ по 3 алтына, овецъ по двѣ деньги, робать по одной деньгѣ, а большихъ по гривнѣ и алтына по четыре.

Разоряя *Мензу* съ ея окрестностями, *Шереметьевъ* посылалъ драгунъ, казаковъ и калмыковъ разными дорогами для опустошенія южной Лифляндіи. Генералъ-адъютантъ *Дмитріевъ-Мамонтовъ* ходилъ за городъ *Адзель*; полковникъ драгунскаго строя фельд-*Верденъ* къ *Стальтену* и *Роненбергу* и тотъ и другой все въ конецъ опустошали, людей же порубили. По *Рижской* дорогѣ опустошены города съ уѣздами *Трикатенъ* и *Сербинъ*; драгуны же *Полуктоза помю* и калмыки были отъ *Риги* всего въ 5 миляхъ. Рижскій генералъ-губернаторъ *Фрелихъ* выслалъ противъ нихъ лучшихъ конныхъ людей 50 человекъ съ сыномъ своимъ капитаномъ *Карломъ Фрелихомъ*; съ ними былъ бой, снѣгъ го-

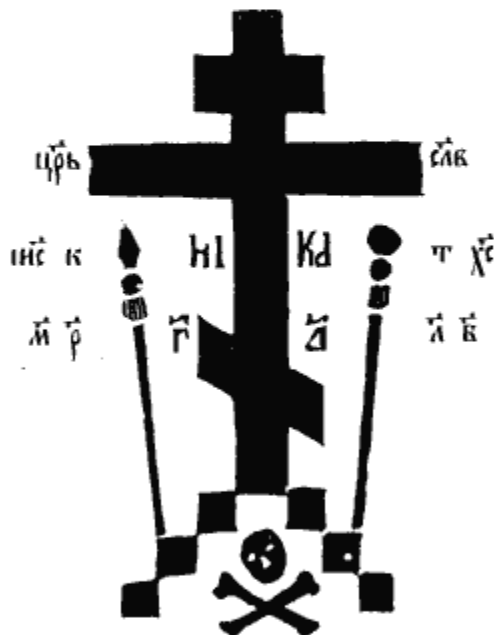
перельскій убитъ, а драгуны и калмыки возвратились безъ урона¹⁾.

Этотъ набѣгъ продолжался до конца августа; 25 былъ взятъ *Мариенбургъ*, а 31 августа Шереметьевъ двинулся обратно къ Пскову, т. е. „безхлѣбелъ, обезлошадели и отяготились ясыремъ и скотомъ“...

Въ 1703 году, опять таки вѣроятно раннею весною, выступила съ Яика на театръ войны другая станица съ походнымъ атаманомъ *Дмитріемъ Мирноновымъ*. Станица состояла изъ одного атамана, двухъ есауловъ, четырехъ знаменщиковъ и 493 рядовыхъ казаковъ. Къ этому времени, надо предполагать, что станица Витовнова была отпущена на Яикъ, во привелъ ее обратно уже не Витовновъ, а другой атаманъ.

Иванъ Сергѣевичъ Витовновъ умеръ во Псковѣ, гдѣ и былъ похороненъ. Умеръ ли онъ отъ раны или отъ болѣзни—неизвестно. Любителемъ русской древности врачемъ И. М. Захаровымъ была найдена въ 1904 году во Псковѣ и надгробная плита этого атамана²⁾.

На плитѣ имѣется восьмиконечный старообрядческій крестъ³⁾.

Буквы эти к. м. Захаровъ объясняетъ такъ:

„ЦРЬ—Царь. СЛВ—Славы. ИС—Иисусъ ХС—Христосъ. НИКА—Ника

¹⁾ Устряловъ. Ист. Цар. Петра Вели., т. 4, кн. 1, стр. 117—120, 122.

²⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“ 1909 г. № 18. „Казачья могила во Псковѣ“.

³⁾ Тамъ же.

(побѣдѣ). К—Князь. Т—Трость. М—Мѣсто. Р—Рай. ¹⁾ Д—Добное. В—Внѣсть. Г—Глава. А—Адамоча.—Буквы Р и Л ошибочно поставлены одна вместо другой; должно быть МД—РБ, т. е. мѣсто добное рай внѣсть*.

Надпись на памятникѣ: лѣта ш ржѣтъ хрѣа *аѣѣ го мѣа □ в
□ престависи на службѣ великаго гдѣа
рѣз вжні ноаннх сѣгневх снх атамѣицнцѣ
казаквх

То-есть: Лѣта отъ Рождества Христова 1701-го году мѣсца □ въ □ день престависи на службѣ великаго государя рабъ божіи Иованъ Сергіевъ сынъ атаманъ яцкихъ казаковъ.

Эта надгробная доска пишетъ Захаровъ ²⁾ поднята была П. А. Адамовичемъ (мѣстн. обывателемъ) у разрушившейся ограды церкви села Комно, въ 5 верст. отъ Пскова. Село расположено на лѣвомъ заливноиъ берегу р. Великой въ ровной луговой мѣстности, удобной для стоянки и дѣйствій кавалеріи.

Доска была вѣдѣлаа во внутренней сторонѣ разсыпавшейся ограды церкви и принадлежала одному изъ оставшихся могильныхъ холмиковъ, не имѣющихъ никакихъ опознавательныхъ отиѣтовъ. Доска была принесена г. Адамовичемъ въ даръ Псковскому Археологич. Обществу въ концѣ 90-хъ годовъ, чѣмъ была спасена отъ совершеннаго уничтоженія и забвенія и нынѣ хранится въ музеѣ общества, въ залахъ Паганяева въ Псковѣ.

Надпись на доскѣ, изъ мѣстной плиты (известняка; вышиною мѣсте $\frac{3}{4}$ арш., шириною около $\frac{1}{2}$ арш. и толщиною около 2 верш.), сдѣлана вязью, весьма схожей съ надписями на другихъ замогильныхъ доскахъ, въ большомъ количествѣ встрѣчающихся при церквяхъ въ г. Псковѣ и его близкихъ монастыряхъ, напр. въ Псково-Печерскомъ.

Два слова для указанія времени „лѣта“ и „голу“ весьма обыкновенны для этого рода надписей, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ (см. Первоклассный Псково-Печерскій монастырь, изд. монастыря 1893 г. Островъ):

„Лѣта 1657 году Марта въ 17 день убненъ бнсть на государевой службѣ на бою за гогудара царя рабъ божіи ермолай стпановъ сынъ афросимовъ пусторжевецъ подѣ Печерскимъ монастыремъ отъ шведскихъ вѣнецъ“.

мѣа □ вж □ (день, т. е. отсутствіе указанія мѣсца и его для женщины И. Сергіева (Ивана Сергіевича) означаетъ, что мастеру рѣзчику не даны были эти свѣдѣнія за неизвѣннѣ ихъ или же площадки умышленно ими оставлены съ вѣдоха близкихъ, заказывавшихъ доску до времени полученія точныхъ данныхъ.

¹⁾ По объясненію казаковъ старобрядцевъ эта буква означаетъ не „рай“, а „распять“. Н'тъ сомнѣнн въ размѣщеніи буквъ Р и Л, которыя читаются такъ: М—Л, Р—Б. Замѣтъ: Р ед. „Ур. Б. В.“
²⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“ 1909 г., № 18, „Капачья могила въ Псковѣ“.

Здѣлка доски въ стѣну ограда черной жъ связи съ вышеуказаннымъ обстоятельствомъ и отсутствіе устройства настоящего надмогильного намятника позволяютъ съ вѣроятностью предполагать, что доска здѣлана была въ стѣну болѣе или менѣе долгое время спустя послѣ смерти покойнаго при чемъ близкіе (можетъ быть родственники) получили только общія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія его внутри ограда на той или другой сторонѣ, въ томъ или др. мѣстѣ и въ такомъ то году и такъ же, какъ и теперь, не находя для могилы, точно принадлежавшей покойному.

Вѣроятность этого предположенія поддерживается множествомъ подобныхъ приѣздовъ укрѣпленія досокъ въ стѣнахъ церкви или оградъ безъ слѣдовъ могилъ усопшихъ.

Погребенный „атаманъ“ И. Сергіевъ, вѣроятно, скончался или отъ болѣзни или послѣ тяжелой раны при ея продолжительности теченія, что видно изъ слова „преставился“, т. е. для убитыхъ въ надписяхъ отчетливо употреблялось „убіенъ бысть“ или „убить“, иногда съ прибавкой „на бою“ или „во время Псковское смутное“.., нерѣдко съ указаніемъ мѣста, напр., „подъ Новымъ Городкомъ“ (Нейхаузенъ, близъ Изборска по Псково-Риж. шоссе), „за Свейскимъ (Шведскимъ) рубежемъ“ (въ Лифляндіи), „убить отъ нѣмецкихъ людей подъ Авломъ“ (Анденъ близъ Изборска) и т. п.

„ИОАННИ СЕРГІЕВЪ СНЪ“ — соответствуетъ современному „Иванъ Сергіевичъ“, но не фамиліи Сергіевъ, т. е. въ этомъ случаѣ не было бы слова „СНЪ“ (сынъ). Отсутствие фамиліи можетъ быть объяснено различіемъ; прежде всего для нея, видно, не хватаетъ мѣста на доскѣ и мастеръ поэтому не вырѣзалъ ее. Недостатокъ мѣста на доскѣ замѣчается далѣе по сокращеніямъ словъ „АТАМАНЪ“ при чемъ И подписано наверхъ и „ИНИЦІИ“, гдѣ Х тоже перенесено наверхъ, въ обоихъ случаяхъ безъ Я. Оба эти приема своеобразны и не свойственны правиламъ сокращеній славянскаго письма.

Крестъ, надъ надписью, съ принадлежностями и буквами представляетъ образчикъ древнерусскаго изображенія этого рода и встрѣчается обыкновенно на древнерусскихъ церковныхъ предметахъ, блюдахъ, чашахъ, крестахъ и проч. Въ старообрядчествѣ же это изображеніе представляется излюбленнымъ и до настоящаго времени и встрѣчается на старообрядческихъ крестахъ, иконахъ и памятныхъ крестахъ на могилахъ на кладбищахъ, какихъ много на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ Россіи, гдѣ старообрядчество („древнее благочестіе“) имѣло надежный пріютъ во время преслѣдованій.

Съ религіозной точки зрѣнія послѣ смерти, предъ будущимъ Судомъ, едѣ всѣ равны, всѣ „рабы божіи“, гдѣ не будетъ ошибокъ, для предстоящихъ душъ усопшихъ, достаточны личныя имена и для отличія одинаковыхъ — съ прибавкою указанія происхожденія, т. е. имени отца. Фамиліи же, какъ принадлежность земной жизни, какъ ненужныя прозвища, не имѣютъ мѣста

и потому въ нашемъ случаѣ фамилія была не вырѣзана. Такое объясненіе позволяетъ составить изображеніе вышеописаннаго креста и слова „**РЪЖЪ БОЖИИ**“, которыми уничтожается свѣтскій, житейскій характеръ надписи и придается религиозный смыслъ. Церковь, поминая усопшаго, называетъ только одно имя, прибавляя „раба Твоего“ или рѣже (уступая культурѣ) „болярина“ или „князя“.

Съ другой стороны фамилія у покойнаго могло вовсе не быть и какъ бы взявъ ее вырѣзано пояснительное „**АТАМАИ ЯИЦКІИ КАЗАКОВЪ**“. Известно, что фамиліи развились при развитіи гражданственности и что ихъ въ древней Руси не было¹⁾.

О службѣ станицы Мирнова известно такъ-же мало, какъ и о службѣ станицы Витошнова. Объ ея дѣлахъ не упоминается ни въ одной казацкой челобитной, не упоминаютъ объ ней и ни въ одной сказкѣ о своей службѣ старшины въ 1739 году при слѣдствіи объ атаманѣ Прытковѣ.

Но изъ вѣкоторыхъ давнихъ видно, что она была въ томъ-же отрядѣ Шереметьева, въ которомъ была и станица Витошнова. Здѣсь яицкіе казаки участвовали во многихъ бояхъ и походахъ противъ шведовъ и при взятіи городовъ Ямы и Копорья.

„При самомъ основаніи Петербурга—писеть Устряловъ—въ маѣ 1703 г., фельдмаршалъ Шереметьевъ двинулся съ войскомъ къ Копорію, а генерал-майоръ фонъ-Верденъ къ Ямаму, чтобы довершить завоеваніе всей Ингрии оба города были незначительны. Когда подступилъ Шереметьевъ къ Копорію и послалъ обычное требованіе сдачи, комендантъ съ грубостью отвѣчалъ: „сами уйдете!“. Брать городъ штурмомъ казалось невозможно; онъ былъ окруженъ рвомъ и стоялъ на горѣ; при томъ же русское войско имѣло не болѣе пяти пушекъ. Шереметьевъ дождался привоза мортиръ и 26 мая началъ бросать трех-пудовыя бомбы.

„Если отъ бомбъ не сдадутся писалъ онъ государю—приступать къ нимъ мѣрными нельзя, кругомъ розъ самородный и плита. Не таковъ какъ про него сказывали. Комендантъ на другой день ударилъ сдачу „слава Богу—писалъ Шереметьевъ—музыка твоя, Государь, мортиры, бомбами хорошо втраять, шведы горазды танцевать и фартецы отдавать, а если бы не бомбы Богъ знаетъ, чтобы дѣлать“. Майоръ Оуанель отлученъ съ гарнизономъ безъ знамени и безъ пушекъ въ Нарву.

При Ямахъ, осажденныхъ фонъ-Верденомъ, хлопотъ было болѣе; все тамъ и плита и работа шла медленно. Недѣли черезъ двѣ городъ однакожъ

¹⁾ Въ спискахъ яицкихъ казаковъ того времени, найденныхъ въ Московскихъ архивахъ (до 1723 г.) и болѣе раннихъ (1600-хъ годовъ), ясно видно, что фамилій у казаковъ не было. Они называли себя по имени и отчеству, хотя большинство атамановъ и старшинъ Яицкаго войска и имѣли фамиліи, какъ въ данныхъ службѣ Витошнова; но не только въ обычной жизни, но даже и въ официальной перепискѣ и въ челобитныхъ царю они въ большинства случаевъ называли себя только по имени и отчеству и лишь нрѣдка по фамиліи. *Лом.*

покорился. По царскому повелѣнію, фельдмаршалъ въ 2 мѣсяца укрѣпилъ его, вооружилъ 52 пушками и назвалъ *Ямбургомъ*.

Надъ укрѣпленіемъ Ямбурга трудилась цѣлая армія, до 22 тысячъ человекъ, 11 полковъ драгунскихъ, 12 солдатскихъ, царичинскіе и саратовскіе стрѣльцы, донскіе и яицкіе казаки, уфинцы, башкирцы и астраханскіе нурзы и татары.

Въ концѣ августа Шереметьевъ съ 9 полками драгунскими, съ однимъ пѣхотнымъ на подводахъ, съ татарами, казаками, калмыками, башкирцами, при 24 орудіяхъ, перешелъ черезъ Нарву близъ *Сыренца* и быстро двинулся къ *Везенбергу*. Онъ шелъ какъ въ 1702 году, неутомимымъ разрушителемъ: все на пути, направо и налево опустошалъ, разорялъ, истреблялъ, жегъ и рубилъ.

Недалеко отъ Везенберга при *Зоммергузенъ*, стоялъ съ малочисленнымъ войскомъ *Шлиппенбахъ*: узнавъ о приближеніи русскихъ, онъ послалъ подполковника *Фрейтага* для развѣдыванія. Шереметьевъ дошелъ неутомимо, разбивалъ подѣзды и караулы и уже приближался къ *Зоммергузену* когда *Шлиппенбахъ*, покинувъ свой таборъ побѣжалъ къ Ревелю, разметывая за собой мосты. Наступившая ночь остановила преслѣдованіе. Съ разсвѣтомъ кинулись за нимъ татары и калмыки на лучшихъ лошадяхъ; въ слѣдъ скакали драгуны: гнали бѣгущихъ шведовъ до *Лаксы*, но не могли догнать. По слухамъ *Шлиппенбахъ* ушелъ въ Ревель.

Четыре дня и ночи русскіе разрушали Везенбергъ и обратили его въ пепелъ. „Какъ богатъ былъ *Ракобороръ* жилище — писалъ Шереметьевъ и припасами и какія мѣста, изволишь увѣдомиться отъ посланнаго мною; а всего, Государь истинно не увидать“. Окрестности до самого моря, также по дорогѣ къ Нарвѣ и къ Ревелю, были разорены и пожжены. Отсюда онъ пошелъ къ *Пайдъ* или *Вейсенштейну*, на пути было много каменныхъ домовъ, какихъ Шереметьевъ, по словамъ его, не наѣзживалъ, всѣ они съ городомъ и слободами разрушены. Отъ Вейсенштейна русскіе двинулись къ *Вильяну* городу крѣпкому, каменному съ посадами обширнѣе Везенбергскихъ; въ немъ стояли шведы, въ числѣ 4 роты пѣхотныхъ и 3 конныхъ; узнавъ о приближеніи русскихъ они обратились въ бѣгство, Шереметьевъ отрядилъ за ними въ погоню татаръ, калмыковъ, казаковъ; городъ же съ посадами сжегъ и разорилъ.

Къ сѣверу и югу, на *Обернемень* и *Фуинъ*, послалъ по три полка драгунъ; оба города съ окрестностями на 30 версты были разорены. Изъ *Каркуса*, до котораго въ нынѣшнемъ году доходили русскіе, фельдмаршалъ раздѣлилъ свое войско на четыре части и довершилъ опустошеніе Ливляндіи: остались нетронутыми, кромѣ Нарвы и Дерпты, только *Ревель*, *Перноу* и *Рита*, да мѣстечко за болотами *Лемсанъ*.

Въ концѣ сентября Шереметьевъ возвратился въ Печерскій монастырь съ плѣнными и добычей. „Офицерамъ и солдатамъ посылаю рожисъ“ доносилъ

онъ царю, а что взято чухим и живскаго поля, того за множествомъ и не-
сать не велѣлъ, ратные люди по себѣ ихъ разобрали, скота и лошадей, чаю,
вдвое предъ прошлымъ годомъ взято и въ твою государь сторону выгнато;
а чуховъ мужскаго полу взято меньше прошлаго года для того, что весты
было трудно: развѣ всякому человѣку по чухвѣ—и многыхъ отпустили, а
не рубили, если не противились¹⁾.

Была-ли отпущена осевью 1703 года станица Мирцова на Янкъ—вѣн-
вѣстно, но ввиду того, что янцѣе казаки съ ранней весною 1704 г. опять
принимавтъ участіе въ походахъ Шереметьѣва, надо предполагать, что станица
оставалась до весны 1704 г., когда приблизительно въ маѣ ее сѣвѣнула вновь
прибывшая съ Янка станица походнаго атамана *Матѣя Рекунова*, въ
составъ которой вошли одинъ атаманъ, четыре есаула, столько-же знаменщиковъ
и 491 рядовыхъ казаковъ. Эта станица, которой суждено было пробить въ
арміи безсѣбно семнадцать лѣтъ, вошла въ составъ гарнизона, годъ тому назадъ
построеннаго Петромъ на устьѣ р. Невы, *Петербурга*.

Въ маѣ 1704 г. главныя силы русскихъ войскъ вмѣстѣ съ Петромъ дви-
нулись для осады *Нарвы*. Защищать-же Петербургъ былъ оставленъ комендантъ
Петропавловской ерѣпости полковникъ *Романъ Брюсъ* съ шестью пѣхотными
полками съ запорожскими, *ямскими* и *визовыми* казаками и татарами²⁾. У
Кроншлота-же на Невѣ стоялъ флотъ—семь 24 пушечныхъ фрегатовъ, построен-
ныхъ въ прошломъ году на Свири, и нѣсколько галеръ.

О дѣйствіяхъ этого отряда Устряловъ пишетъ слѣдующее:

„Брюсъ въ концѣ іюня послалъ по Выборгской дорогѣ, для развѣдыванія
подъѣздъ изъ 2.000 легкой кавалеріи: астраханцевъ, татаръ и запорожцевъ и
ямскихъ казаковъ; на *Черной рѣчкѣ* они напали на шведскій отрядъ, разбили
его, взяли 12 офицеровъ съ нѣсколькими рядовыми и, живо преслѣдуя бѣ-
гущихъ, переправились за Черную; здѣсь при *Валкисари* (Вѣлоостровъ) наткну-
лись на 8 тысячъ шведовъ, подъ начальствомъ генераль-поручика *Майделя*.
Татары и казаки бросились назадъ, перекололи плѣнныхъ офицеровъ и рядо-
выхъ, отбѣгли отъ непріятеля и прискакали въ Петербургъ съ извѣстіемъ,
что вслѣдъ за ними идутъ шведы. Полковникъ Романъ Брюсъ приготовлялъ
къ отпору; ночью на Петербургскомъ острову приготовилъ баттарей, а на Невѣ
поставилъ фрегатъ. 12 іюня Майдель пришелъ на Выборгскую сторону и
черезъ рѣку открылъ пальбу. Русскіе отвѣчали живо съ баттарей и фрегата.
Майдель отступилъ, на берегахъ Охты думалъ взять полуразрушенныя канцы,
но, не имѣя судовъ, не могъ переправиться черезъ Охту и простоялъ въ гѣбу
за версту отъ Брюсы съ мѣсяць. Столь же неудачно было нападеніе швед-
скаго флота на Кроншлотъ. Вице-адмиралъ *де Дру* съ однимъ линейнымъ ко-

¹⁾ Устряловъ, Ист. нар. Петра Вел., томъ 4, кн. 1, стр. 276, 277, 279—287.

²⁾ Тамъ-же, томъ 4, часть 1, страница 266.

раблемъ, пятью фрегатами, пятью бригантинами и однимъ брандеромъ, еще въ началѣ іюня появился подъ Кронштадомъ; но былъ отбитъ жестокимъ огнемъ съ русскихъ баттарей. Де-Пру подкрѣпилъ свои силы и во время, когда Майдеахъ подступалъ къ Петербургу, напалъ на Котлинъ. По словамъ Адлерфельда, при высадкѣ шведовъ, съ подполковникомъ *Дозе и Мохромъ Леонномъ*, русскіе обратились въ бѣгство, и непріятель овладѣлъ ихъ орудіями. Иначе и вѣроятнѣе разсказано дѣло въ журналѣ Петра: когда шведы, приставъ къ мели, начали изъ судовъ выходить на Котлинъ, русскіе ударили въ нихъ изъ мелкаго оружія залпомъ и многихъ убили. Шведы кинулись назадъ и отплыли къ флоту. Послѣ того де-Пру бросалъ въ Кронштадъ бомбы двое сутокъ; но ни одна изъ нихъ не пошла потому, что крѣпость была мала, а шведскія бомбардирныя судна были на далекомъ разстояніи⁴.

1705 годъ застаютъ яицкихъ казаковъ въ Курляндіи подъ начальствомъ того же Шереметьева. Шведскія войска, бывшія тамъ, находились подъ командою *Левентаупта*. 15 іюля конница Шереметьева при *Муръ-мызѣ* (внѣ Генартергофъ), встрѣтивъ главныя силы Левентаупта, „старымъ обычаемъ безстройно“ бросилась на шведскую кавалерію, смела ее и разбила. Тогда Левентауптъ отступилъ съ пѣхотою въ лѣсъ, русская-же кавалерія стала грабать шведскій обозъ. Въ это время подошла русская пѣхота, но потерпѣла пораженіе отъ шведской пѣхоты и отступила; смотря на нее, отступила и конница. Отрядъ потерялъ нѣсколько пушекъ.

Послѣ этого отрядъ Шереметьева былъ отправленъ къ Ригѣ, гдѣ долженъ былъ на лѣвомъ берегу р. Двинны сторожить шведовъ и не дать возможности соединиться имъ съ главными силами Карла. Осенью этого года Шереметьевъ былъ отправленъ на усмиреніе Астраханскаго бунта и начальство надъ войскомъ принялъ Меншиковъ.

Между тѣмъ въ наступающемъ новомъ 1706 году 13 января Карлъ со всѣми силами прешелъ къ Нѣману и на другой день, переправившись черезъ рѣку, подступилъ къ Гродно.

Но не рѣшившись идти далѣе въ Россію, онъ лѣтомъ этого года двинулся въ Саксонію. Этимъ воспользовался Меншиковъ и повелъ все войско въ Польшу впротивъ оставленнаго тамъ Карломъ генерала *Мардефельда*. Въ Люблинѣ онъ соединился съ польскимъ королемъ Августомъ и 18 октября вмѣстѣ съ нимъ встрѣтилъ шведовъ у *Калиша*; отрядъ Мардефельда состоялъ изъ 8 тысячъ шведовъ и 20 тысячъ поляковъ. Бой длился три часа. Шведы были разбиты: легло на мѣстѣ около пяти тысячъ шведовъ и тысяча поляковъ.

Послѣ этой побѣды войска встали въ Польшѣ на зимнія квартиры, при чемъ штабъ арміи и главныя силы были расположены въ мѣстечкѣ *Желква*¹⁾.

Приблизительно въ маѣ слѣдующаго 1707 года въ составъ отряда Меншикова въ Желкву прибыла еще станица яицкихъ казаковъ съ походнымъ

¹⁾ Въ 26 верстахъ сѣвернѣе г. Львова.

атаманомъ *Митрофаномъ Пимоновичемъ Аветинымъ*. Въ составъ станицы вошли: одинъ походный атаманъ, четыре есаула, четыре знаменщика и 491 рядовыхъ казаковъ. Эта станица пробыва въ арміи безсѣбно девять лѣтъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ этою станицею, въ составѣ кавалеріи Меншикова находилось тысяча яицкихъ казаковъ. Все лѣто русскія войска стояли въ Польшѣ; только въ августѣ, когда Карлъ, имѣя 24.500 человекъ конницы и 20 тысячъ пѣхоты, двинулся въ Россію, Меншиковъ выступилъ изъ Польши къ Лытву и расположился съ кавалеріею въ *Дзенцолахъ* ¹⁾, Шереметьевъ же съ пѣхотою сталъ въ Минскѣ.

На сѣверѣ противъ русской арміи въ это время находились два шведскихъ генерала: *Левенгауптъ* съ 16 тысячами въ *Лифляндіи* и *Любекеръ* съ 14 тысячами въ *Финляндіи*.

Въ концѣ іюня 1708 года Карлъ прибылъ къ *Борисову* для переправы черезъ Березину. Мѣстою для этого онъ выбралъ мѣстечко *Сапожинская Березина* въ пяти вѣляхъ отъ мѣстечка *Головчина*. Шереметьевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля при переправѣ черезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибячъ.

3-го іюля произошла битва при Головчинѣ. Вой былъ упорный, не желая вступать съ Карломъ въ рѣшительную битву, Меншиковъ отступилъ къ Дябру. Въ этомъ бою русская конница имѣла пятчасовой непрерывный бой со шведскою конницею, а въ наступленіи на генерала Рейнина перешедъ непріятельская конница пошла на кавалерію нашу подъ командою Гольца, съ которымъ у непріятеля былъ великій бой пять часовъ на обѣ стороны съ урономъ, и оной по жестокомъ отпорѣ непріятелю, какъ и мы, не хотя съ непріятелемъ въ главную баталію вступить и не имѣя къ тому удобнаго мѣста, отступили къ Дябру“ — доносилъ Меншиковъ царю ²⁾

Послѣ боя Карлъ двинулся къ Могилеву, гдѣ сталъ дожидаться прихода Левенгаупта изъ Лифляндіи съ 16000 войска, артиллеріею и провіантомъ. Но, не дождавшись его, онъ въ началѣ августа выступилъ изъ Могилева и направилъ путь къ юго-востоку, къ *Чирикову*, на рѣчку *Сожь*. Русскія войска пошли слѣдомъ за нимъ. Въ концѣ августа онъ снова повернулъ къ сѣверу, гдѣ, воспользовавшись олошностью праваго крыла его арміи, Петръ у мѣстечка *Добрато* двинулъ на него часть своихъ войскъ, которая послѣ двухчасового боя разбила шведскій отрядъ, положивъ на мѣстѣ около 3000 труповъ и отступила лишь тогда, когда Карлъ подошелъ на помощь со всѣми своими силами. Послѣ этого боя русскіе стали отступать къ сѣверу. Карлъ шелъ за ними нѣсколько времени и опять остановился, поджидая Левенгаупта, но Левенгауптъ не приходилъ. Тогда Карлъ повернулъ на югъ и пошелъ на Украину, въ надеждѣ найти тамъ провіантъ и фуражъ для лошадей.

¹⁾ Въ 15—20 верстахъ южнѣе нынѣшняго Новогрудка, Минск. губ.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Рос. т. 15, глава 4.

Левенгаупту онъ послалъ приказаніе немедленно идти къ *Стародубу*. Но приказаніе было трудно выполнимо: двѣ рѣки — Днѣпръ и Сожь отдѣляли его отъ шведской арміи и между ними стоялъ царь съ русскою арміею. 21 и 22 сентября Левенгауптъ перешелъ Днѣпръ у *Шклова* и началъ пробираться на югъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ пошелъ за нимъ и 27 сентября настигъ шведовъ у Пропоцка при деревнѣ *Лѣсной*. 28 сентября разгорѣлся жестокой бой, продолжавшійся съ часа пополудни до позднего вечера. Непріятель былъ разбитъ. На мѣстѣ боя онъ оставилъ 8000 труповъ (кромя тѣхъ, которые умерли по лѣсамъ и которыхъ побили тамъ камни); побѣдителямъ достался весь обозъ съ 3000 телѣгъ, 16 пушекъ, 42 знамя. За бѣжавшими шведами былъ посланъ генералъ *Флюксъ* съ конницею, который настигъ ихъ у Пропоцка; разбилъ ихъ, положилъ на мѣстѣ до 500 человекъ и взялъ въ плѣнъ 45 офицеровъ и 700 рядовыхъ. Другихъ, бѣжавшихъ внизъ по р. Сожѣ, преслѣдовали камни и почти всѣхъ перебили. Часть драгунскихъ полковъ, бывшихъ за р. Сожей, также преслѣдовали успѣвшихъ переправиться черезъ рѣку шведовъ. Самъ Левенгауптъ съ небольшою частью успѣлъ уйти.

Потери русскихъ были 1111 убитыхъ и 2856 раненыхъ.

Въ этомъ кровопролитномъ бою принимали участіе всѣ бывшіе въ русской кавалеріи янцзие казаки ¹⁾, но въ какомъ изъ кавалерійскихъ отрядовъ они были — неизвѣстно.

Между тѣмъ Карлъ двигался въ Малороссію и весной 1709 года былъ у Полтавы. Вслѣдъ за нимъ и восточнѣе его двигались русскія войска и встали недалеко отъ Полтавы. Здѣсь къ Карлу присоединился съ частью запорожцевъ измѣнившій царю малороссійскій германъ *Мазепа*. Полтава была осаждена. Сношеніе горожанъ съ русскою арміею производилось посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма черезъ непріятельскія линіи. 16-го іюня осажденные дали знать, что у нихъ почти нѣтъ пороху и что держаться дальѣе они не въ силахъ. Нужно было дѣйствовать рѣшительно и пока шведы безуспѣшно штурмовали Полтаву, Петръ 20-го іюня перевелъ всѣ свои войска на правый берегъ Ворсклы у села *Петровки*. Крестьяннѣя этого села, по имени *Желтъзякъ*, указалъ Петру бродъ, по которому и перешли войска. Послѣ побѣды Петръ не забылъ *Желтъзяка*, подарилъ ему шпагу, щедро награждалъ деньгами и освободилъ отъ всѣхъ податей. Переправившись на правый берегъ, Петръ немедленно окопался, устроивъ укрѣпленный лагерь у дер. *Семеновки*, другой — южнѣе въ 3-хъ верстахъ и построилъ сначала 6 редутовъ вдоль фронта позиціи и еще 4 редута въ перпендикулярномъ направленіи на пути наступленія противника; послѣдніе, однако, ко дню боя не были окончены. Помимо матеріальной стороны дѣла не меньше вниманія Петра было направлено и на подъемъ нравственныхъ силъ своей арміи. Обѣзжая войска, онъ

¹⁾ Показанія старшинъ о своей службѣ. Слѣдственное дѣло объ атаманѣ Притковѣ. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, дѣло 51/64.

бесѣдовалъ съ офицерами, говорилъ о важномъ значеніи предстоящаго боя и, наконецъ, выдалъ свой знаменитый безсмертный приказъ, который былъ прочитанъ войскамъ накануне, 26-го іюня.

„Война... се пришла частъ, который должень рѣшить судьбу отечества. Вы должны помнить, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вечное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава неприятеля, яко непобѣдимаго, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Видѣте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единого, яко всеильнаго въ бранѣхъ уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

26 числа войска были разставлены для боя. Въ центрѣ находился фельдмаршалъ *Шереметьевъ*; правымъ крыломъ командовалъ генералъ-лейтенантъ *Ренне*, лѣвымъ *Меншиковъ*, артиллерию *Брюсъ*. На правомъ-же крылѣ была поставлена вся конница среди лѣса. Въ числѣ этой кавалеріи въ битвѣ подъ Полтавою находились обѣ станицы яицкихъ казаковъ ¹⁾.

Въ этотъ же день узнали, что Карлъ раненъ. Ночью подѣхалъ онъ осмотрѣть русскій лагерь и наткнулся на казачью партію, которая стояла въ осторожномъ; нѣсколько казаковъ, ничего не подозревая спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздался выстрѣлъ—одинъ казакъ упалъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ коня и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король и Карлъ получилъ рану въ ногу ²⁾.

У шведовъ, ввиду полученной королею раны, главное начальство надъ войсками принялъ фельдмаршалъ *Реншельдъ*; вся пѣхота находилась подъ командою *Левенгаупта*, кавалерія—*Крейца*. Артиллерія у шведовъ была самая первачательная и почти не имѣла снарядовъ.

Петръ предполагалъ дать сраженіе 29-го, въ день своихъ именинъ, но Карлъ предупредилъ его и перешелъ въ наступленіе 27-го іюня.

Передъ разсвѣтомъ шведы бросились на русскую конницу и овладѣли двумя редутами, которые еще не были отлѣваны. Генералъ Ренне былъ раненъ и сдѣлалъ начальство Боуру. Шведы были отбиты и шесть батальоновъ шведской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи были отлѣзаны отъ главной шведской арміи и прогнаны въ лѣсъ. Боуру, ушедшему съ конницею впередъ, приказано было вернуться и отойти вправо отъ ретрашамента Боура сталъ отступать; шведы, преслѣдуя его, подставили свой флагъ ретрашаменту: и когда Левенгауптъ съ пѣхотою приблизился къ нему на разстояніе 30 сажень, то встрѣченъ былъ такимъ убійственнымъ огнемъ во флагъ, что вынужденъ

¹⁾ Показаніе старшинъ о службѣ (Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, дѣло 21/54.)

²⁾ Соловьевъ. Исторія Рос., томъ 15, глава 4.

былъ прекратить преслѣдованіе русской конницы и встать къ лѣву виѣ выстрѣльцовъ. Въ то же время Меншиковъ и генералъ Ренцель съ пятью полками конницы и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ стояли отброшенные конницей въ началѣ дѣла шведы. Тутъ шведы были разбиты на голову: генералъ Шлиппенбахъ былъ взятъ въ плѣнъ, за нимъ сдался и генералъ Розентъ. Въ то же самое время пѣхота была выведена изъ ретраншаментовъ и шесть полковъ кавалеріи были взяты съ праваго крыла, обведены позади пѣхоты и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Рѣшено было атаковать неприятеля. Но шведы опять предупредили и двинулись на встрѣчу къ русскимъ и въ 9 часовъ утра началась „генеральная баталія“.

„И грянуль бой, Полтавскій бой“!

Два часа кипѣлъ этотъ отчаянный и кровопролитный бой. Самъ Петръ распорядился въ огнѣ: шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла же съ большою ногой возили въ коляскѣ между солдатскими рядами; но русское ядро ударило въ коляску и король очутился на землѣ. Шведы, находившіеся вблизи, подумали, что Карлъ убитъ, и шведскими полками овладѣлъ ужасъ; и безъ того колебавшіеся они принявъ въ сматевіе. Карлъ приказалъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики, но шведы уже дрогнули; король увидѣлъ всеобщее замѣшательство и въ отчаяніи закричалъ: „Шведы! шведы“!! Но шведы бѣжали и не слышали призыва своего короля.

Прискакавшій къ нему Реншельдъ лишь успѣлъ сказать: „Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!“ и съ этими словами онъ ринулся въ разстроенные ряды своего войска и былъ взятъ въ плѣнъ.

Шведы потеряли всакій порядокъ:— все побѣжало! Полтавская баталія была выиграна.

„Усталые, волнуемые неосчитанными никогда ощущеніями,—пишетъ Соловьевъ,—царь, генералы и офицеры послѣ молебна сѣли въ палаткахъ обѣдать. Свѣтлое чувство неизмѣримой радости не допускало никакихъ темныхъ чувствъ: всѣхъ сюда! и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ усадили тутъ-же за столъ; Петръ ласкалъ фельдмаршала Реншельда, хвалилъ его храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда привели Пипера, который, видя страшное пораженіе, потерявъ изъ виду короля, не зная куда бѣжать, самъ пріѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя секретарями королевскими. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремѣли пушки; царь провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?“ спросилъ Реншельдъ.— „Вы, господа шведы“,—отвѣчалъ царь. „Хорошо-же ученики отблагодарили своихъ учителей?“—замѣтилъ фельдмаршалъ“¹⁾.

Между тѣмъ остатки шведовъ бѣжали, не преслѣдуемые русскими. Неожидан-

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 15, глава 4.

ное счастье такъ поразило, что забыли о преслѣдованіи. Только уже вечеромъ послали въ погоню князя Голицына съ гвардіею и генерала Боура съ драгунами.

Утромъ на 28 число въ погоню за шведами оторвался и Меншиковъ съ девятью тысячами конницы.

Остатки шведской арміи, бѣжавшіе 27 числа изъ подъ Полтавы, находились въ совершенномъ разстройствѣ, и великимъ счастіемъ для нихъ было то, что русскіе оставили ихъ безъ преслѣдованія. Шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Дѣбюру. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня достигли они Новосенжарова; истомленнаго Карла ввели въ домъ, перевязали ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Но когда совершенно разсвѣло, его разбудили: „русскіе приближаются; если ваше величество изволете приказать, мы пойдемъ дальше“. — „Да, да, дѣлайте что хотите!“ — отвѣчалъ Карлъ. Запылали повозки, лошадей изъ подъ нихъ роздали пѣхотинцамъ и шведы побѣжали дальше къ Дѣбюру. 30 іюня, послѣ полудня, увидѣли они наконецъ Дѣбюръ у маленькаго городка Переволочны, гдѣ впадаетъ Ворскла; но вмѣсто городка увидѣли одну кучу развалинъ и ни одной лодки на рѣкѣ, ни одного человѣка въ опустѣлыхъ окрестностяхъ. Какъ-же переправиться за Дѣбюръ? А русскіе близко: какъ отъ нихъ оборониться? — Нѣтъ ни артиллеріи, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духомъ. Генералы уговорили Карла покинуть армію и переправиться за Дѣбюръ. Отыскали двѣ лодки, свазали вмѣстѣ и поставили на нихъ повозку короля, такъ что заднія колеса были въ одной лодкѣ, переднія въ другой; в такомъ образомъ поздно ночью переправили на другой берегъ. Карлъ взялъ съ собою серебряный столовый сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи. Нашлась лодка и для Мазепы, который успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотымъ. Другіе назначенные сопровождать короля переправились кто какъ могъ: запорожцы много помогли своимъ искусствомъ въ переправахъ, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но никто не думалъ повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, какъ бы переправиться за Дѣбюръ вслѣдъ за королемъ, другіе истомленные лежали въ глубокомъ снѣ. На разсвѣтъ другого дня Левенгауптъ и Крейцъ начали хлопотать, какъ бы править въ устройство армію; но едва половина солдатъ собралась подъ знамена, многіе остались на берегу, другіе стояли неподвижно въ отдаленіи, на призывъ генерала не отвѣчали ни слова, смотрѣли безмысленно, да и на лицахъ тѣхъ, которые собирались подъ знамена, выражалось отчаяніе. Когда совсѣмъ разсвѣло, Крейцъ подѣхалъ къ Левенгаупту и сказалъ: „Генералъ, уже поздно! Русскіе стоятъ за возвышенностями и прислали къ намъ съ требованіемъ сдачи“. То былъ Меншиковъ съ 9,000 конницы. На всѣхъ возвышенностяхъ раздались звуки трубъ и барабановъ, какъ будто цѣлая русская армія была тутъ и между шведами сейчасъ-же распространился слухъ, что 30,000 русскихъ готовы къ нападенію. Левенгауптъ, видя состояніе своего войска, не имѣлъ никакой

надежды на уснѣхъ сопротивленія послалъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ итъ: сдаться военнопленными съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества; запорожцы и бунтовщики исключаются изъ этого условія. Предложеніе было принято¹⁾.

Вѣсть со сдавшимися Меншикову всего послѣ боя въ рукахъ русскихъ оказалось плѣнныхъ шведовъ: штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1102, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, артиллерійскихъ служителей 16947. Русскихъ-же при полтавской баталіи убито 1345 и ранено 3290 человекъ. Шведовъ похоронено болѣе 13 тысячъ.

Такъ кончилась славная и знаменитая Полтавская баталія.

На другой день послѣ Полтавской баталіи въ присутствіи Петра Великаго сложены были тѣла убитыхъ и надъ общей братской могилою самъ царь водрузилъ деревянный крестъ. Около ста лѣтъ могила эта оставалась безъ вниманія и только въ 1856 году возлѣ могилы былъ построенъ храмъ во имя Сампсонія Странноприимца (день празднованія Полтавской битвы); на самой же могилѣ только въ 1895 году былъ окончательно устроенъ памятникъ и освященъ.

Подробностей объ участіи яицкихъ казаковъ въ Полтавскомъ бою, въ содѣлншію, не сохранилось вѣдъ, вѣрнѣе, они еще не найдены и не извлечены на свѣтъ Божій изъ архивной пыли. Но объ станицы атамановъ Рекунова и Алетана принимали самое дѣятельное участіе въ этомъ бою, что видно изъ многихъ дошедшихъ до насъ челобитныхъ казаковъ и также изъ сказокъ старшинъ о своей службѣ. [Смотри приложение XIII].

Полтавская баталія произвела на народъ громадное впечатлѣніе.

Пришедшіе на Яикъ послѣ многолѣтнихъ походовъ яицкіе казаки объ этой битвѣ написали даже отдѣльную книжку „Книжица о Полтавской баталіи“ и положили ее на храненіе въ церковь.

Впоследствии эта книжица хранилась въ Казанской церкви. Во время пожара въ 1751 г. эта церковь сгорѣла. Довося объ этомъ въ военную коллегію въ октябрѣ 15 дня 1751 г., казаки, перечисляя погибшее имущество сгорѣвшихъ церквей, упоминаютъ въ числѣ имущества, сгорѣвшаго въ Казанской церкви, и эту книжку: „Книжица о Полтавской баталіи одна“²⁾, т. е. полтавской баталіи, т. е. казаки до сихъ поръ называютъ Полтаву—Платавой.

Что эта „книжица“ была книжцею не официальною, а всего вѣроятнѣе—была написана самими казаками съ описаніемъ боя я, вѣроятно, съ именами и фамиліями участвовавшихъ и убитыхъ въ Полтавскомъ бою казаковъ, служить тотъ фактъ, что она хранилась не въ войсковой избѣ (канцеляріи), а

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 15, глава 4.

²⁾ Войсковой архивъ, дѣло III разр., № 89, листъ 105.

въ церкви:— въ самомъ безопасномъ по тому времени и святомъ мѣстѣ, какъ памятникъ и поминанникъ.

Если же принять во вниманіе то, что даже въ настоящее время многіе казаки старообрядцы считаютъ за грѣхъ читать и имѣть книги гражданскія (т. е. не церковныя), то будетъ понятно, что во времена 1700-хъ г.г., когда всѣ яцкіе казаки были сплошь старообрядцы и церкви были старообрядческія, не могла храниться въ церкви книга официальная-гражданская, ибо это шло бы въ разрѣзъ религіознымъ убѣжденіямъ массы казаковъ. Поэтому официальная книга не было бы мѣста въ церкви, она была бы въ войсковой избѣ. Храниться въ церкви могла только „книжница“, написанная самими казаками.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, писанныхъ документовъ объ участіи яцкихъ казаковъ въ Сѣверной войнѣ и въ Полтавской баталіи сохранились въ Янкѣ преданія, записанныя І. И. Желѣзновымъ со словъ казака Ивана Никитича Чакрыгина. Одно изъ нихъ касается атамана *Прохора Дмитриевича Дурманова*, другое говоритъ о герояхъ полтавской битвы *о казакѣ Рыжечкѣ*¹⁾.

Вотъ что пишетъ объ этомъ І. И. Желѣзновъ:

— „Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ и слушать любо,—сказалъ я, когда старикъ кончилъ преданіе о трехъ Иванахъ.—Экой ты, экой ты какой!—говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, и на лицѣ его сіяло неподдѣльное чувство самодовольствія.—Но ты назвалъ Ивана Пыжалу, Ивана Шаталу, Ивана Клада, еще Ивана Вирючехъ-Ляпъ. А гдѣ-же Рыжечка?—спросилъ я.—Экой ты, экой ты какой! сказалъ Иванъ Никитичъ.—Тѣ жили прежде Рыжечки, тѣ жили, може статься, Богъ знаетъ когда (старикъ махнулъ рукою), а Рыжечка, почитай, что на памяти нашихъ отцовъ, Рыжечка, сударь мой, былъ въ полку у Прохора Матрича.—Кто такой Прохоръ Дмитричъ?—Ну и славно! сказалъ съ удивленіемъ старикъ. Ты и Прохора Матрича не знаешь. Хорошъ же гусь!.. А Прохора Матрича Дурманова все наше войско знало. Съ нимъ царь Петръ Первый компанію водилъ.—Будто?—Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Такъ и быть, разскажу тебѣ съ конца. Слушай, ваше благородіе. Я радъ былъ слушать хотя на словъ „ваше благородіе“ старикъ и сдѣлалъ удареніе, яско говорившее: „хоча вы и чювонники, но вы чорта не знаете на счетъ жителя-биты казацкаго“. Старикъ началъ:

„Петръ Первый, нѣсколько лѣтъ сряду, велъ брань-войну со Шведами. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петръ Первый задумалъ отнять у него нѣсколько губерній чювонскихъ. Вотъ изъ-за этого-то самого дѣла они и дрались нѣсколько лѣтъ сряду не на живность, а на смерть. Искоковъ вѣка ни одна война не проходила и теперича не про-

¹⁾ Соч. І. И. Желѣзнова „Уральцы“ т. 3, стр. 6—82.

ходить безъ того, чтобы нашихъ казаковъ не требовали въ армию: безъ казаковъ, словно безъ соли, нельзя обойтись. Такъ было и въ ту пору. Много нашихъ полковъ перебывало въ расейской армиі: и пятистотенные и семистотенные, и тысячные, всѣмъ было мѣсто и дѣло. Нигдѣ никогда отъ нашихъ казаковъ прослужа не было, окромя лишь отлики. Приважутъ ли, бывало, имъ непріятеля скрасть—какъ съ поля сдунуть; пошлютъ ли, бывало, соволяковъ куда, хоша бы и за море, примѣрно, языка добыть—языка добудутъ. Такіе ужъ были ловчаги, что днемъ съ огнемъ поискать, а то врядъ ли найдешь. А все Богъ имъ помогалъ за ихъ простоту. Вѣдалъ о томъ и самъ царь. Разъ зимнею порою шведскій городъ Карантинъ брали. Вотъ тутъ-то наши казаки оченно себя показали. Въ однихъ легонькихъ, сударь мой, дѣтнихъ кафтанчикахъ да куртачкахъ, безъ шапокъ, съ отертными, иль-бо съ перевязанными платкомъ головами, они, аки львы могучіе, аки звѣри дубравные, рыскали впереди армиі и душили шведовъ, словно мухъ, а работали, заиѣтъ, касатикъ, одними только пиками, точь-въ-точь какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, примѣрно о Ермакѣ Тимофеевичѣ, что говорилъ царю Ивану Васильевичу Грозному: „Возьмемъ-де тебѣ Сибирь-городъ безъ сваяца, безъ пороха. Возьмемъ-де бѣлой грудью, съ замчатной съ одной плеточкой... Вишь, какіе были яры, старинные казаки-лицари, во нынѣшнихъ чета, ученихъ, что вавахи умѣютъ съ полу поднимать, а отъ киргизскаго копы, къ примѣру сказать, „мамывька!“ кричатъ... Въ тотъ день король былъ лютый, борода у нашихъ казаковъ завидѣвѣла, а отъ самыхъ отъ нихъ паръ валомъ ваялъ, словно съ каменки, а на пивахъ у нихъ замерзли длинныя-предлинныя кровяныя сосулька: много больно, вишь, шведовъ-то покололи. Да, истинно такъ было. Петръ Первый стоитъ на горѣ и смотритъ на нихъ въ ползорную трубу.—Какіе это казаки? спрашиваетъ царь своихъ приближенныхъ.—Яцкіе! говоритъ ему графъ Шереметьевъ. Я такъ и думалъ,—говоритъ царь.—Позвать, говоритъ, во мнѣ ихнаго походнаго атамана, когда кончатся дѣло. Ладно. Карантинъ ваяли; шведовъ—которыхъ побилъ, которыхъ въ полонъ позабрали, а король ихъ бѣжалъ за море во своисв. Такъ, значить, и быть должно. Собирались у царя послѣ баталіи всѣ егерялы и сенаторы. Пришелъ и Прохоръ Митричъ нашъ. Царь спрашиваетъ его:—Какъ тебѣ, казацкій атаманушка, зовуть по имени и величаютъ по отечеству?

— Вотъ такъ-то, говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Спасибо, Прохоръ Митричъ, за вашу службу: я ее не забуду,—говоритъ Петръ Первый.

— Возьми, говоритъ, на первый случай, по золотой на казака: это, говорятъ, отъ меня имъ на водку, а себѣ, на память, вотъ эту вещацу. Тутъ царь изъ собственныхъ своихъ ручекъ подаль Прохору Митричу лютую золотую чару съ царскихъ ербечкомъ и иначкомъ.—Больше этого,—

говорятъ Петръ Первый, — теперича дать не могу; не безсудьте: казна, вѣшь, на исходѣ. А вотъ, какъ пошашу совсѣмъ шведа, возьму съ него контрабанду, принужу его платить мнѣ дань во вѣки вѣчные: тогда, говоритъ, заплачусь съ вами, никого не забуду. — Много довольны твоею милостію, надежа — царь, — отвѣчаетъ Прохоръ Митричъ: — мы не изъ интереса служимъ, мы какъ есть рабы твои вѣрные, готовы за тебя кровь проливать до послѣдней капельки... — Ладно, ладно! — говоритъ царь: послѣ сочтемся, а теперича, Прохоръ Митричъ, оттрапезуй-ка съ нами чѣмъ Богъ послалъ. Ладно. Съѣли, какъ въ сказкахъ говорится, за столы дубовые и скатерти бранныя, за яства сахарныя и питья медвяныя; стали пить, ѣсть и прохладяться и рѣчами хорошими, разумными забавляться. Подъ конецъ честнаго столованья Петръ Первый и говоритъ Прохору Митричу: — Шведа хоша ми и не совсѣмъ добыли, однако врадѣ ли онъ, послѣ вынѣшней бани, скоро оправится. Можно, значить, и намъ отдохнуть немного. Ступай, Прохоръ Митричъ, поведай своихъ-то молодцовъ на Янкъ, — пускай отдохнутъ на родной сторонкѣ, поживутъ въ домахъ, въ семействѣ, посправятъ свое хозяйство и все такое; чай съ войной то и они, бѣдвяжки, поиздержались, пострагались, а я, говоритъ, не хочу, чтобы казаки мои голодали и безъ нужды нужду терпѣли... Вотъ какой онъ былъ, Петръ-то Первый! — прибавлялъ старикъ.

— Все зналъ, до всего самъ доходилъ, обо всемъ самъ заботился, не гнушался допускать до своихъ пресвѣтлыхъ очей... — Знаю, знаю прервалъ я. — Но гдѣ Рыжечка? — Рыжечка? Ужъ ты, этакое дѣло, не соскучился ли слушать? сказалъ старикъ. — Я тебѣ, вѣдь, давнѣе сказалъ, что начну съ конца, ну и дожидайся. Объ Рыжечкѣ рѣчь впереди, Слушай, касатикъ. Шведа пріутыхъ, войска расейскія разошлись по своимъ фатерамъ, а Прохоръ Митричъ вернулся съ казаками на Янкъ. Годъ спустя Прохоръ Митричъ пріѣхалъ въ Питеръ въ зимовой станицѣ съ кусомъ и явился къ царю. Само собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повелъ его изъ парадныхъ покоевъ въ другіе. Посадилъ его тамъ за столъ, сталъ разспрашивать: что и какъ на Янкѣ, здороны ли казаки молодцы, есть ли у нихъ хлѣбъ, одежда, гораздо-ли рыба ловится? и все этакое. Потомъ сталъ угощать, налилъ большую чару зелена вина и поднесъ Прохору Митричу. А Прохоръ Митричъ не принимаетъ чары, говоритъ: — Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты. Ладно. Царь самъ напередъ выпилъ. Налилъ другую чару и поднесъ Прохору Митричу. Прохоръ Митричъ выпилъ, но не всю: на доншикѣ немного осталось. Царь спрашиваетъ: что-же не всю? Прохоръ Митричъ отвѣчаетъ: — Не осилилъ. Царь говоритъ: Да какъ-же я то осилилъ? Прохоръ Митричъ говоритъ: — Да вѣдь ты, надежа-царь, слявешь у насъ за богатыря, а я только за полбогатыря. — Ой ли! говоритъ царь.

— Истинно такъ! говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Хорошо, — говорит царь, — пойдемъ теперьча прогуляемся; узнаемъ, кто изъ насъ богатырь, и кто полбогатыря. Пошли они съ задвнго крыльца на Неву-рѣвку. Подошли къ лѣстницѣ: надо спускаться внизъ. Царь сдѣлалъ ручкой знакъ, чтобы Прохоръ Митричъ шелъ впередъ, и Прохоръ Митричъ якобеннлся, сталъ по край лѣстницы да говорить:— Не подобаешь мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты. Царь улыбается и говоритъ:— Не подобало тебѣ, Прохоръ Митричъ, прежде меня пить чару зелена вина, — это такъ, а идти впереди меня подобаешь, даже артикулъ военный повелѣваетъ: ты долженъ очищать дорогу, не притавился ли гдѣ ворогъ какой. Прохоръ Митричъ сталъ первый спускаться по лѣстницѣ, а Петръ Первый пошелъ за нимъ, да каждый разъ — ей!-ей! какой вѣдь и царь-то былъ разумникъ, забавникъ, — каженный разъ, какъ спустить ножку-то со ступеньки, ручкой-то, шутки ради извѣстно, ручкой-то и упрется въ плечо Прохору Митричу и тиснетъ, да такъ тиснетъ, что у Прохора Митрича косточки захрустятъ. Покуда они сошли на низъ, у Прохора Митрича влечо-то отнялось, ва-ка-те! а самого-то его на бокъ перекосяло, ва-ка-те! Думали, что Прохоръ Митричъ послѣ того не окалмается, сляжетъ и со-вѣтъ изведется. Авъ вѣтъ, не тутъ-то было. На другой день онъ всталъ здоровехонекъ, только немного на бокъ перегнбался; ну, да это ниночемъ. Старикъ сказывали, что Прохоръ Митричъ на всю жизнь остался вѣсколко на одинъ бокъ кривъ. Однако былъ здоровъ. Когда ноутру на другой день онъ пришелъ къ царю, тотъ идно удивился. — Ай-ай, молодецъ же ты, Прохоръ Митричъ! — говоритъ царь. — Я думалъ, ты сляжешь и не встанешь, а ты молодецъ-молодцомъ. Вчера ты объявилъ себя полбогатыремъ, а ты, вижу, полный богатырь. Однако, шутки въ сторону, — говоритъ Петръ Первый. Вчера, какъ мы съ тобой разстались, вчера, слышишь, прибѣжалъ ко маѣ кулъеръ изъ наой земли, привезъ нерадостную вѣсть: Шведъ опять на меня поднимается. Идетъ онъ, слышу, не правюю дорогою, не со своей грааницы, а пробирается, шельмецъ, обаполомъ, къ польской границѣ; думаетъ отвести у меня глаза, въ расплохъ застать. Дудки! не на того вапалъ, не вадуетъ. Я пойду на передъ ему, и гдѣ устигну, тутъ и пошабашу! Нечего, говорить, съ нимъ церемониться, много давалъ ему поблажки, — не чувствуетъ шельмецъ. Поѣжай, Прохоръ Митричъ на Яикъ, — говоритъ Петръ Первый. — Спаради полкъ иль-бо два лицкихъ казаковъ и какъ можно скорѣе, авляйся съ ними ко мнѣ подъ городъ Платаву (Полтава — значить) — знаю, Шведъ до Платавы грабитса. Вотъ онъ какой былъ, Петръ-то Первый! прибавилъ старикъ. Все зналъ, все вѣдалъ, со всѣми банлъ.

„Лишь только Прохоръ Митричъ прибѣжалъ на Яикъ и объявилъ царское повелѣнне, какъ въ одну недѣлю сварадили два пятисотенныхъ полка и отправили подъ городъ Платаву. Походаникъ атаманомъ, знамо дѣло, пошелъ Прохоръ Митричъ. За башней на лугу служили молебень. Прохоръ Мит-

рячь самъ держалъ войсковую хорунку (знамя). На дворѣ было тихо-претихо, но когда завѣли: на супротивные даруи! въ тотъ мигъ вдругъ повѣялъ съ западной стороны, свѣтъ, оттуда, гдѣ городъ Платава, повѣялъ, говорю, легонькій вѣтерокъ, зашевелилъ хорунку, поднялъ-поднялъ на воздухъ, всполоснулъ раза два, да и обвилъ ее вокругъ Прохора Митрича, да а затихъ. Прохоръ Митричь и сталъ словно спелевенный. Въ то же время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича, — а лошадь Прохора Митрича держалъ Рыжечка, овъ былъ на ту пору вѣстовымъ у него, — и лошадь, сударь мой, заржала.. и подала хорошій знакъ. Тутъ все войско возрадовалось и заговорило: „Къ добру! къ добру! въ добру!“

„Полки тронулись и пошли. Прохоръ Митричь остался. Сошлись около него старшины и почтенные старика: извѣстно, видивку на прощанье сочинить. Когда Прохоръ Митричь простился со всѣми и сѣлъ на коня, старшины и все общество говорить ему:

— Есть когда Господь Богъ поможетъ таиъ ваяъ сдѣлать какую нина-есть отличку, то, говорятъ, главнаго-то, Прохоръ Митричь, не забудь, — напомянить, говорятъ, батюшкѣ нашему, Петру Алексѣевичу, чтобы не видилъ насъ на счетъ креста и бороды.

— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у меня и у самаго изъ головы не выходить, — сказала Прохоръ Митричь, и поѣхалъ къ полкамъ.

Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня изъ головы не выходитъ, — сказалъ тоненькимъ голосомъ и Рыжечка, сѣлъ на лошадь, заломилъ на ухо шапку, да и поскакалъ за Прохоромъ Митричемъ.

„Тутъ всѣ индо засвѣялись.

— Куда тебѣ! пузырь! — кричатъ взадъ Рыжечкѣ. Но Рыжечка махнулъ рукою и удралъ.

„Рыжечка былъ маленькій человекъ, точь-въ-точь самъ съ ногогокъ, а борода съ локотокъ. Оттого и прозвали его въ шутку Рыжечкой, свѣтъ, грибокъ рыжикъ. Это имя такъ и осталось за нимъ на всю жизнь. А настоящее его прозваніе было *Замареновъ Егоръ Максимовичъ*.

„Идутъ полки наши къ городу Платавѣ, идутъ лугами, болотами идутъ они, топятся, къ городу Платавѣ торопятся, точь въ точь какъ въ пѣснѣ поется про походъ къ городу Аяову. Да, идутъ полки наши къ Платавѣ, а подъ Платавою, сударь мой, чудеса творять. Шведъ успѣлъ упредить Петра Перваго и заставилъ что изъ лучшія мѣста шанцами да бутарями, поди ты толку! что хочешь, а Шведъ успѣлъ упредить, даромъ что невѣрный. Еще, сударь мой, такъ, должно быть, тому ужъ быть, — еще, сударь мой, случилась тутъ кавусная окаянъ: царю нашему сдѣлалъ измѣну хохлацкій атаманъ, Мазепа, и предался съ своими полками Шведу. Отъ этого самаго рата Шведской прибыло, а рата расейской убыло. Что тутъ станемъ

дѣлать? Какъ ни шатай, какъ ни возай, а приходится сказать: плохо. Петръ Первый было и такъ, и сякъ, а дѣло все-таки выходитъ плохое. Какъ ни кинь, все выходитъ клинь. Петръ Первый собралъ было егералушковъ и всѣхъ думчѣихъ своихъ сенаторушковъ, чтобы собча придумать что ни-на-есть къ лучшему, чтобы какъ ни-на-есть не потерять свою армянину и не дать Шведу надъ собою возвыситься, а тутъ, сударь мой, какъ разъ, такъ должно быть тому ужъ быть, — тутъ какъ разъ урбѣгаецъ отъ Шледа переговорщикъ; не угодно ли, дескать, кончить споръ поединщиками? Давай Богъ! это намъ на руку. Петръ Первый радъ былъ этому, по той самой причинѣ, что ему жаль было губить по напрасу армию. А Шведъ дѣлалъ это по неволѣ.

— Какъ такъ? перервалъ я:— ты же сказалъ, что рати Шведской прибыло.

— Оно такъ-то такъ, да тутъ была одна заковырка, что нашему брату и разобрать мудроно, — сказалъ старикъ. Король Шведскій, изволишь ли знать, извѣрлся у своихъ егераловъ и думчѣихъ сенаторовъ. Когда онъ собирался подъ Платаву, они не хотѣли давать ему ни арміи, ни пушекъ, ни казны. Такой, вишь, обычай въ невѣрныхъ земляхъ: тамъ, говорятъ, цари-то служатъ заурядъ, словно офицеры въ башкирскомъ войскѣ. Поди да и пойми ихъ тамъ: народъ дикій, несуразный. „Ты, говорятъ шведскіе егералы своему королю, ты и такъ много погубилъ арміи, много казны повстратилъ, а все понапрасу. Гдѣ тебѣ, говорятъ, тягаться съ Руссеей: вѣдь она всѣмъ осударствамъ голова. Оставь, говорятъ, лучше и не затѣвай больше колозвратностей: нашему царству и безъ того жутко“. Но король шведскій былъ лгунавъ: прикинулся мелкимъ бѣсомъ, успѣлъ уговорить, унаслаилъ своихъ думчѣихъ сенаторовъ; тѣ сжалѣлись надъ нимъ и дали ему армию, пушекъ и все прочее; однако взяли отъ него, по ихнему закону, запись, чтобы онъ, ни подъ какии видомъ, не смѣлъ вступать съ Петромъ Первымъ въ баталію, а рѣшилъ бы споръ поединщиками: а есть когда осмѣлятся преступить эту заповѣдь, то не прогнѣвайся, — съ царства долой. „Лучше-де, говорятъ, двѣ-три головы потерять, чѣмъ всю армию погубить“. Хошь и невѣрные они, эти шведскіе егералы и сенаторы, а разсудили — грѣхъ напрасно сказать; разсудили дѣльно. — добавилъ старикъ.

„Стали готовиться къ поединку. Шведъ зналъ, что безъ поединщика ему не обойтись, поэтому самому загода еще приготовилъ какого-то силача, съ собою, вишь, изъ-за моря вывезъ: ростомъ, сударь мой, чуть-чуть не съ колокольню, а въ плечахъ коса сажень. Поилъ-кормилъ его до отвала, нарочно, словно на убой, что ни лучшими яствами и питьями; а обрядилъ его, собаку, въ кальчугу да въ латы, такъ что и самъ чертъ не добрался бы до его кожи. И конь подъ нимъ былъ не конь, а сущій слонъ, да и тотъ покрытъ панцирною попонкой. Просто, сударь мой, на оказію! Какъ появился этотъ уродина передъ нашею арміею, такъ всѣ съ диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесахъ, а не человекъ. Такой былъ

этотъ поединчикъ пристрашнующій, преогромнующій, что и сказать нельзя. На что ужъ агарянскіе поединчики, которыхъ наши Иваны уколошили на Куликовскомъ полѣ, на что ужъ говорю агарянскіе поединчики находили на надрика-звѣря, но и тѣ, сударь мой, въ подметки этому не годились. Право слово.

„Петръ Первый видитъ, что вся армейшка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако все-таки велѣлъ кличь кликать: „нѣтъ ли де охотника?“ Какъ же—сейчасъ и звякъсь. Разослалъ царь по арміи всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ енералушковъ и всѣхъ думчичъ сенаторушковъ; и всѣ воротились ни съ чѣмъ: нѣтъ охотниковъ, да и на поди! Петръ Первый обратился къ своей свитѣ и спросилъ: „Изъ васъ, господя, нѣтъ ли кого?“ Ни гугу! всѣ молчатъ, да старшій за младшаго хоронатся.

„Петръ Первый не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ своимъ и сталъ вызынать охотника, а охотника нѣтъ да нѣтъ. Въ это самое время,—такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть,—въ это самое время подошелъ Прохоръ Мятричъ съ нашими казаками и сталъ полѣвъ крайняго армейскаго полка. Царь лишь только узрѣлъ нашихъ, тое жъ секунду подскакалъ къ нимъ, рассказалъ, въ чемъ дѣло, и кличуль:

— Нѣтъ-ли охотника?

— Я охотникъ!—вскричалъ товенькимъ голосомъ Рыжечка, и выскакалъ изъ фрунта.

„Царь взглянулъ на него, покачалъ головой, да и сказалъ:

— Маль!

„Петръ Первый вдругорядъ ѣдетъ по полкамъ, вдругорядъ кличетъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Сверстался съ нашими полками и кличетъ:

— Кто охотникъ?

— Я! кричитъ Рыжечка, и выскакиваетъ изъ фрунта.

„Царь опять посмотрѣлъ на него, опять головой покачалъ, опять сказалъ:

— Маль!

„Въ третій разъ царь объѣхалъ свою армейшку, въ разъ царь оставился предъ нашими полками, въ третій разъ кликнулъ:

— Кто охотникъ?

— Я!—закричалъ Рыжечка и вылетѣлъ изъ фрунта.

„Царь прызадумался, посмотрѣлъ на Рыжечку, посмотрѣлъ и на шведскаго поединщика, покачалъ головой, всплеснулъ руками, да и говорить своимъ приближеннымъ, чуть-чуть не со слезами:

— Что буду дѣлать? отказаться отъ поединка, вся Европія станетъ смѣяться; пустить этого малыша (царь показалъ на Рыжечку), пустить этого —заранѣе пише пропало!

Рыжечка тутъ стоитъ, слышитъ царскія рѣчи, да вдругъ и говорить.

— А Богъ-то что? При помощи Божіей Давидъ побѣдилъ же Галифа.

Говорить так-то Рыжечка, а самъ индо дрожить: яройское сердце, зачичить, въ немъ закипѣло.

Царь пристально посмотрѣлъ на Рыжечку да и говорить:

— Храбрости-то въ тебѣ, молодець, вижу, много, да силы-то, може, мало: вотъ въ чемъ бѣда! Ты взгляни хорошенько, супротивъ кого хочешь идти, — вонъ онъ развѣзжаетъ, а потомъ уже и скажи, надѣнешься ли побѣдить.

А Рыжечка толкуетъ себѣ одно: Давидъ, дескать, побѣждалъ же Галифа. Такъ отъ чего бы и ему, за молитвы святыхъ отецъ, не побѣдить этого супостата, — надѣюсь, дескать, ваше царское величество. Только — де, говорить, позволь мнѣ коня другого выбрать изъ всѣхъ полковъ.

Нечего было дѣлать, другого охотника нѣтъ; царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины рѣчи насчетъ Давида и Галифа; а насчетъ коня царь сказалъ, что дозволяетъ ему выбрать каковаго угодно, хоша бы и съ царской конюшни. Но Рыжечка отказался отъ царскаго коня и сказалъ:

— Твои лошади, вадежа-царь, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла, не прогнѣвайся за слово, вькуда не годятся.

То-ежъ секунду Рыжечка бросился къ казачьему фрунту и выбралъ лошадь у Каличчинина. Стали пересѣдывать. Въ это время Рыжечка успѣлъ перешепнуться съ Каличчининимъ, о чемъ было нужно.

— Какой обычай у твоей лошади? спросилъ Рыжечка Каличчинина.

— Знай сиди! говорить Каличчининъ. Водамъ идти, огнямъ идти.

— Еще?

— Вилка даетъ. Бьешь правымъ ного — лѣва идетъ, бьешь лѣвнымъ ного — правымъ идетъ. Догадался?

Рыжечка только кивнулъ головой, вскочилъ на каличчинскую лошадь и выѣхалъ въ поле.

Тутъ, сударь мой, встретевулись и заколыхались обѣ армейшки, и русской и шведская. Распустили всѣ свои знамечки. Заиграли на трубахъ, литаврахъ и на разныхъ мусикійскихъ органахъ. Потомъ все затихло: значить, бой скоро булетъ.

Рыжечка воткнулъ на пикку шапку, замахалъ надъ головой и подѣхалъ къ шведскому поединщику. Спрашиваетъ его: на чемъ имъ биться, на копейцахъ ли булатныхъ, или на сабелькахъ вострыхъ.

Шведъ замечалъ что-то на своемъ телячьемъ языкѣ и махнулъ рукой своимъ: вишь, онъ не понималъ Рыжечку. И Рыжечка махнулъ рукой своимъ. Тое-жъ секунду праскакали къ нимъ два еверала: одинъ съ нашей стороны, а другой съ шведской. Потребовали толмача. Толмачъ выслушалъ Рыжечку и пересказалъ шведскому поединщику. А тотъ, уродина, оперся на копы, оскалилъ зубы-то, да и говорить:

— По имъ на чемъ хочешь! Хошь на кулакахъ, а на все согласенъ.

„Толкачъ пересказалъ Рыжечкѣ. Тотъ обидѣлся и говорить.

— Коли живъ будешь, прїѣзжай къ намъ въ Янкѣ. Такъ, говорятъ, на кулачноѣ бою можешь пробовать своими только боками наши кулаки; а здѣсь, говорятъ, не угодно-ли помѣриться вотъ этими?

„Тутъ Рыжечка потрясъ своимъ конейцемъ.

„Рыжечка опять вернулся къ казачьему фронту и переѣхивался съ однимъ казакомъ пиками. Рыжечку спросили егералы, зачѣмъ переѣхивалъ коще, а Рыжечка сказалъ:

— Такъ надо!

„Рыжечка и на переговоры-то къ шведу ѣздилъ съ подвохомъ, не просто. Сказано, Шведа былъ весь въ желѣзѣ, и рожа-то у бестія завѣшена была желѣзною рѣшеткой. Однако и Рыжечка былъ не промахъ. Покуда переговоры вивались, онъ успѣлъ осмотрѣть супротивника своего со всѣхъ сторонъ. На башкѣ у Шведа была стальная шпичка, а по щекамъ и по затылку спускались желѣзныя дощечки; задняя-то дощечка немного оттарличилась, а это Рыжечкѣ и на руку. Онъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ, не говоря худо-го слова, можно заустеть пиву. А какъ у Рыжечки пика была толстовата, дупестовата, то онъ и отдалъ ее казаву, а у него взялъ его, потовѣше. Значить, Рыжечка былъ себѣ на умѣ. Ладно.

„Передъ началомъ боя Рыжечка, какъ подобаетъ христіанину и воину, слѣзъ съ коня, вотьнулъ въ землю пиву, повѣсалъ на нее образъ Михаила Святителя, положилъ семь земныхъ поклоновъ и раскланялся на всѣ четыре стороны. Потомъ, сударь мой, оборотился лицомъ къ востоку, сирѣчь въ ту сторону, гдѣ нашъ родной Янкуша, оборотился лицомъ къ востоку, да и говорить:

— И вы, братцы-товарищи, стараяи наши старожилые, и все общество наше почитенное! помолитесь, чтобы Господь Богъ соблаговолялъ!

„Это ужъ онъ говорилъ заочно къ тѣмъ, что на Янкѣ остались.

„Вишь, — присовокупилъ старикъ, — вишь, какъ старые казаки жили другъ съ другомъ: видѣ другъ друга не забывали. Поэтому и въ всемъ Господь Богъ помогалъ.

„Ватѣмъ Рыжечка побросалъ съ себя всю олежду, остался только въ однихъ шароварахъ да въ карказиной безрукавной фуфачкѣ. Шпанка, на что ужъ шпанка, онъ и ту бросилъ, и перевязалъ голову барсовымъ платкомъ. Рукава у рубахи засучилъ по-локти. Перетянулся шелковымъ поясомъ, за поясъ заткнулъ длинный хивинскій ножъ, а въ руки взялъ конейцо. Вспригнувъ на лошади, оправился на сѣдельцѣ; напоследокъ перекрестился и крикнулъ: „Держайте, люди: яко съ нами Богъ!“ да и полетѣлъ на супротивника, точь-въ-точь какъ малевскій ястребокъ на орла заморскаго, точь-въ-точь какъ въ ветхо-завѣтное время Давидъ на Галифа, сирѣчь на Галею, Татарина, — все едино.

И Галифъ помчался на Рыжечку, оставилъ противъ него копыще съ добрую жердь.

„Рыжечка лишь только подскочилъ къ Галифу, сей же мигъ далъ вилла въ право: Галифъ, словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо.

„Рыжечка обернулся, да какъ даздыкнетъ его копейцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка-то отъ шлычан оттарличилась: Галифъ и покатился съ лошади зубаремъ.

„Рыжечка въ единъ мигъ спрыгнулъ съ своего коня, какъ клещъ, наслѣлъ на плеча Галифа и отаяпалъ ему ножомъ голову. Знай нашихъ! Впередъ дуракамъ наука: не хвались, идучи на бой, хвались — идучи съ боя.

„Тутъ армія наша возрадовалась, запумѣла, словно волна морская заходила и „ура!“ закричала. А шведская армія, знамо дѣло, приуныла, затихла, харунки свои къ землѣ преклонила, словно голубушка, несолоно хлеба. Только одинъ король шведскій заклиничалъ, сударь мой; такой безпокойникъ былъ. Не хочетъ вериться, кричать:

— Подвохъ! подвохъ! Русакъ сзади ударилъ нашего! Подвохъ!...

„А епералы и сенаторы его и говорятъ ему:

— Что, что сзади? У нашего и сзади былъ павцирь. Нечего на зеркало певать, коли рожа коса. Не кланчай, король. Эй, лучше будетъ, поворись.

„А король и слышать не хочетъ, реветъ въ восточный голосъ, словно кто съ него шкуру деретъ, рветъ на себѣ волосы, словно сумасшедшій, мечется во всѣ стороны, словно угорѣлый, кричитъ: „пали!“ а его никто не слушаетъ. Самъ побѣждалъ на главную свою бутарю, вырвалъ у конопера фатиль, приставилъ къ пушкѣ и открылъ по нашей арміи огонь.

„Тутъ ужъ и нашего царя взяло за ретивое. Подаль онъ своимъ епералушкамъ знакъ къ бою, да и скомандировалъ:

— Китай! Безъ бардона катай! На зачяняющаго Богъ.

„Вотъ тутъ-то, сударь мой, ваша аркеюшка и пошла чесать шведскую, — и пошла, в пошла чесать! Динь коронисловъ сталъ! Всею, сударь мой, лоскомъ положили!

„Хоть одивъ ли на одяго, стѣна ли на стѣну идеть — все равно, лаха бѣда толь одному кому или одной какой сторонѣ струсить; а такъ смѣло говоря: пропалъ. Такъ было и со шведскою армією. Спервоначала она очень храбрилась, голову очень высоко поднимала, а какъ ярой нашъ Егоръ Максимичъ Захареновъ, сирѣчь Рыжечка, свернулъ ихъво великана и отлипалъ ему голову, такъ что толковать, у шведской арміи душа ушла въ паты. Ну, вашей-то арміи его и на руку. Пошабашила она аркеюшку короля шведскаго, словно пать дала. А король шведскій, самъ-другъ съ измѣнникомъ Мазевою, еле-еле удралъ въ Турскую землю. Тамъ, говорятъ, оба они съ Мазевою, въ кабалу пошли къ Турку; тамъ, говорятъ, и пропала. Туда, значить, дорога...

„А главная статья въ этомъ дѣлѣ, что такъ ни толкуй, все-таки ярой нашъ Рыжечка: онъ, значить, сдѣлалъ первый начинъ; отъ его, значить, молодецкой руки палецъ Галифъ, отъ его значить, ядцарскаго подвига въ страхъ-ужасъ пришла шведская армія.

Лишь только немного поуспокоилось, Рыжечка и явился къ Петру Первому съ головой Галифа на коньѣ. Царь во слезахъ-то съ радости, значить, — царь во слезахъ-то не видитъ его и спрашиваетъ приближенныя:

— А гдѣ нашъ малышъ? Гдѣ безцѣнный Рыжечка?

— Здѣсь! пищитъ Рыжечка.

— А, голубчикъ мой! сокровище мое! — говоритъ царь и цѣлуетъ Рыжечку въ голову.

„Рыжечка поцѣловалъ ручку у царя.

„Когда совсѣмъ поуспокоилось, царь позвалъ Рыжечку въ свою палатку и при всѣхъ енаралахъ и сенаторахъ, при всѣхъ иныхъ земель посланникахъ, спрашиваетъ его:

— Чѣмъ тебя, друже мой, дарить жаловать? Говори! Ничего не пожаляю.

„Рыжечка поклонился царю и говоритъ:

— Милъ, надежа-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше обчество.

„Царь спрашиваетъ:

— Чѣмъ? говори.

„Рыжечка говоритъ:

— Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкой Янкомъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами; а *владѣна* у насъ на то пропала. Пожалуй намъ, вадежа-царь, за своею высокою рукой другую „владѣну“ на Янкъ, рѣку.

— Съ великою радостью! — говорилъ царь. — Секлетарь, бери перо, бумагу и валий отъ меня Янцкихъ казакамъ „владѣну“ на Янкъ рѣку; со всѣми существующими при ней рѣчками и проточками, со всѣми угодами, на вѣки вѣчны!

„Секлетарь написалъ.

„Царь говоритъ Рыжечкѣ:

— Этого мало. Еще что? Проси!

„Рыжечка говоритъ:

— Еще, надежа царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй насъ „крестомъ да бородою“.

„Царь говоритъ:

— Для кого вѣтъ, а для Янцкихъ казаковъ есть! Секретарь, пиши во владѣнной, что я жалую Янцкихъ казаковъ крестомъ и бородою на вѣки вѣчны, чтобъ имъ насчетъ креста и бороны быть невредимымъ.

„Секлетарь написалъ.

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ было такъ,—сказалъ старикъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ сомнѣній.—Есть когда-бъ мы не были жалованы крестомъ и бородою, то даво бы начальство, съ позволенія сказать, нашъ братъ, скосило намъ бороды; а мы, видишь, по милости Божіей да царской, не лишены еще „отечества“. Посмотри на иныхъ прочихъ казаковъ, примѣрно на довскихъ, оренбургскихъ, зѣмъ имъ оскоблили рыла-то, а наши еще цѣлы. Значить, правда, что говорю“.

Г Л А В А ХХІ.

Продолженіе Сѣверной войны. Кубанскій походъ. Турецкая война. Харьковскій походъ. Набѣги киргизъ. Походы съ няземъ Черкасскимъ въ 1714, 1715 г.г. и въ Хиву въ 1717 г. (1710—1717).

Полтавскимъ боемъ война со шведами непосредственно въ Россіи окончилась. Карлъ бѣжалъ въ Турцію. Петръ спѣшилъ воспользоваться побѣдой, чтобы покончить дѣла въ Польшѣ и утвердиться въ Ливоніи и Эстоніи. 13 іюня армія двинулась изъ подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться по причинѣ смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Остановились въ *Гушетилоокъ*, гдѣ было положено, что фельдмаршалъ *Шереметьевъ* со всею пѣхотою и частью конницы пойдетъ осаждать *Ригу*, князь *Меншиковъ* съ большею частью кавалеріи — въ Польшу, гдѣ по соединеніи съ генераломъ *Гольцемъ* долженъ былъ дѣйствовать противъ польскаго короля Лещинскаго и шведскаго генерала *Крассова*. 15 іюля войска выступили каждое въ свой путь.

Съ которыми изъ отрядовъ пошли яицкіе казаки, неизвѣстно; лишь изъ показанія старшины Андрея Кузнецова въ 1739 году видно, что станица Алетина была разбита на части и одна изъ нихъ въ составѣ *ста человекъ* съ походнымъ атаманомъ *Климомъ Кузминимъ Портновимъ* пошла въ Польшу, знаменщикомъ въ этой станицѣ былъ *Андрей Кузнецовъ*¹⁾. Слѣдовательно эта станица вошла въ составъ отряда Меншикова, станица же Рекунова (и вѣроятно и остальная часть станицы Алетина) вошла въ составъ отряда *Шереметьева* и выступила въ походъ къ Ригѣ, гдѣ находилась подъ командою полковника *Дмитрія Бахметева*. Шереметьевъ осадилъ Ригу, часть же войска подъ командою адмирала *Апраксина*, всего 18 тысячъ, въ половинѣ февраля 1710 года выступила въ Финляндію и осадилъ *Выборгъ*; въ числѣ этихъ войскъ находились и яицкіе казаки станицы Рекунова, подъ начальствомъ того же полковника Бахметева. Послѣ осады *Выборгъ* въ іюнѣ сдался; въ одномъ изъ боевъ, предшествовавшихъ осадѣ, былъ убитъ походный атаманъ Рекуновъ²⁾. Гдѣ были въ это время яицкіе казаки станицы Алетина (остальные 400 человекъ) — неизвѣстно: были-ли они съ Шереметьевымъ при осадѣ Риги или участвовали при осадѣ *Выборга* вмѣстѣ со станицею Рекунова — свѣдѣній не имѣется.

О службѣ казаковъ подъ *Выборгомъ* дошло до насъ только незначительное

¹⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга 41/54, листъ 89.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 20—28. Челобитн. яицк. кав.

сѣдѣніе изъ челобитной яицкаго казака Григорія Субботина. Послѣ взятія Выборга онъ былъ посланъ съ уфимскимъ казакомъ Морышемъ изъ Выборга въ Петербургъ къ коменданту новой столицы къ генераль-лейтенанту Брюсу отъ бригадира Григорія Петровича Чернышева съ письмами. На дорогѣ отъ Выборга въ тридцати верстахъ напали на нихъ „кивие“, и взяли ихъ обоихъ въ плѣвъ, отсюда отвели „въ Абовъ“ а потомъ отправили въ Стокгольмъ¹⁾, гдѣ онъ и былъ въ плѣну до 1720 года.

Вслѣдъ за Выборгомъ въ іюлѣ того-же года сдалась и Рига. Гдѣ была осталная часть станицы Алетина (400 человекъ): при осадѣ-ли Риги или при осадѣ Выборга вмѣстѣ съ яицкими казаками стан. Реунова — неизвѣстно.

Въ августѣ того-же года русскимъ сдались города *Пернау*, *Аренсбургъ* (главный городъ острова Эзеля) и въ сентябрѣ *Ревель*. Такимъ образомъ вся Лифляндія и Эстляндія были завоеваны.

Въ началѣ наступившаго 1711 года началась война съ Турціею. Поэтому большая часть арміи изъ только что завоеванныхъ мѣстъ двинулась на югъ къ границамъ Турціи подъ команду Шереметьева. Въ составъ этой арміи вошла и яицкіе казаки, но обѣ-ли станицы или только часть казаковъ — неизвѣстно. Въ показаніи о своей службѣ въ 1739 г. наказный (временный) атаманъ Прытковъ говоритъ, что онъ былъ послѣ Полтавской баталіи „въ турецкой экипѣ“²⁾, т. е. въ походѣ съ Петромъ въ Турцію. Прытковъ находился въ станицѣ Алетина. Въ концѣ мая Шереметьевъ перешелъ р. Днѣстръ и двинулся въ глубь Молдавіи и Валахіи. Походъ былъ труденъ. Провіанта и фуража было мало. Путь лежалъ отъ Днѣстра до Яссъ по безплодной и безводной степи. Въ то же время турки успѣли предупредить русскихъ и перешли Дунай. Въ концѣ іюня къ войску присоединился съ дополнительными силами царь Петръ. На другой день послѣ празднованія полтавской побѣды выстрѣлами изъ 60 пушекъ Петръ приказалъ генералу Ренне и бригадиру Чирикову съ конницею итти въ Валахію для захвата съѣстныхъ припасовъ. Они должны были итти къ Браилову и, овладѣвши запасами, возвратиться къ Галацу, гдѣ назначено было соединеніе ихъ съ главною арміею. Конница отправилась 30 іюня, а главная армія перешла р. Прутъ и шла по намѣченному пути до 7 іюля. Въ 6 часовъ пополудни генералъ Янусъ, шедшій впереди, далъ знать, что турецкія войска съ великимъ визиремъ уже у Прута и что яицчары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ приказалъ Янусу отступить къ главнымъ силамъ и послалъ приказаніе Ренне, чтобы онъ немедленно шелъ назадъ, захвативъ съ собою провіанта, сколько могъ собрать.

„Янусъ, получивъ указъ, — пишетъ Соловьевъ, — началъ двигаться назадъ и, несмотря на вступленіе турокъ, успѣлъ привести свой отрядъ безъ уро-

¹⁾ (Смотри приложение XIII).

²⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга 51/54, листъ 1. Это единственное указаніе о участіи яицкихъ казаковъ въ Прутскомъ походѣ.

ва. За нимъ по слѣдамъ явился непріятель и не смотря на то, что былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, до самого вечера не переставалъ нападать на русскихъ, а ночью сталъ по горѣ. У русскихъ въ эту ночь былъ генеральный совѣтъ: разсуждали, что въ проіавтѣ и конскихъ кормахъ сильный недостатокъ, конница ушла съ генераломъ Ренне, непріятель въ превосходномъ числѣ: всего турецкаго войска было 119,665, да татаръ 70.000, а у русскихъ только 38,246 человекъ. Положено было — отступать, и рано утромъ двинулись назадъ вверхъ по Пруту; непріятельская конница преслѣдовала отступавшихъ, но безъ пользы для себя. 9 іюля войско достигло мѣста, носившаго названіе *Новое Станелище*; здѣсь расположили обозъ къ рѣкѣ, а войско встало около него ливією; къ вечеру явилась непріятельская пѣхота и артиллерія и стали къ горѣ, отъ русской линіи съ версту; непріятель занялъ также и другой берегъ рѣки. Турецкая пѣхота и конница наступала *прежестого*, бой продолжался до ночи, но непріятель видѣ не могъ повредить русской линіи. Наконецъ непріятельская конница отступила, а пѣхота всю ночь стрѣляла изъ пушекъ и полъ этою стрѣльбою турки слѣдали кругомъ своего лагера ретраншмента и выставили 300 пушекъ.

Положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень не много, помощи ни откуда. Но и визирь находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши семь тысячъ человекъ своихъ, рѣшительно отказались возобновить нападеніе 10 числа и кричали, чтобы визирь исполнилъ приказаніе султана — поскорѣ заключилъ миръ: кромѣ того получено было извѣстіе, что генераль Ренне занялъ Браиловъ. 10 іюля захваченные имъ въ плѣнъ турки объявляли, что визирь желаетъ вступить въ мирные переговоры. Это объявленіе подало русскимъ слабую надежду выйти мирнымъ путемъ изъ своего ужаснаго положенія¹⁾.

На другой день было приступлено къ переговорамъ, и 12 числа былъ заключенъ миръ. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ пунктовъ договора при заключеніи мира было обязательство русскихъ отдать туркамъ обратно Азовъ.

Радость русскихъ, бывшихъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, при заключеніи мира не звала границъ. Всѣ готовились къ смерти — и вдругъ миръ!

Черезъ день русское войско выступило изъ несчастнаго прутскаго лагера и послѣшно направилось къ русскимъ границамъ. Подробностей о службѣ янычаръ казаконъ въ этомъ походѣ къ сожалѣнію не имѣется никакихъ.

Въ то время, когда русскія войска были извѣстѣ съ царемъ Петромъ въ Турціи, казанскій и астраханскій губернаторъ *Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ* съ войсками, собравшимъ по разнымъ городамъ, находился въ походѣ на рѣку Кубань. Цѣль этого похода было желаніе царя Петра сдержать кубавскихъ татаръ отъ помощи султану и предупредить ихъ набѣгъ на русскую землю. Поводомъ къ этому походу послужило также и неоднократное стремленіе кал-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, томъ 16, глава 2.

инколь уйти изъ подъ власти русскихъ. Калмыцкіе владѣльцы стремились или въ своинѣ, жившии на востокѣ и независимыи отъ Россіи калмыкамъ или на западъ, къ Крыму. Важное значеніе для нихъ въ этомъ отношеніи имѣла Кубанская орда, находившаяся подъ властью турецкаго султана, и русское правительство зорко слѣдило за всѣмъ, что происходило на Кубани. Оттуда ждали помощи недовольные калмыки, туда же бѣжали съ Дону казаки съ атаманомъ Некрасовымъ, когда имъ не удалось отстоять свою волю отъ Москвы.

Въ составъ войскъ Апраксина вошли и янцѣе казаки въ числѣ тысячи человекъ съ походнымъ атаманомъ Конономъ Никитевичемъ Усленицовымъ¹⁾.

Походъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ — Апраксинъ опустошилъ всю страву и разбилъ татаръ, возвращавшихся съ большимъ полкомъ изъ Саратовскаго и Печенскаго уѣздовъ; двѣ тысячи русскихъ плѣнныхъ были отбиты и получили свободу²⁾.

Къ осени янцѣе казаки вернулись обратно, но пока они были въ походѣ, на Яикѣ оставалось казачковъ самое незначительное число — шестьсотъ человекъ! Что могли сдѣлать эти люди на Яикѣ? Эка горсть не могла не только ѣздить за хлѣбомъ въ Самару, но и оборонять своего городка. Но мы уже знаемъ, что войско вопреки указамъ зачисляло всѣхъ бѣглыхъ изъ Руси. Но и пришедшихъ не хватало для обороны станицъ, ѣхавшихъ за хлѣбомъ. Киргизы великолѣпно звали о всѣхъ перемѣнахъ въ городкѣ и, пользуясь малочисленностью казачковъ, насадили на нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Еще въ 1709 году, когда казаки могли снарядить съ обозомъ, отправленнымъ въ Сызрань, станицу больше чѣмъ въ тысячу человекъ, киргизы напали на нихъ въ пути и завязался бой; станичнымъ атаманомъ былъ Федоръ Петровичъ Семенниковъ. Громадный казачій обозъ, обычно состоявшій приблизительно изъ шести тысячъ телѣгъ, былъ растянутъ на большомъ протяженіи. Ертаулъ, охранявшій его въ числѣ 300—400 человекъ, конечно, не могъ отражать киргизъ по всей линіи обоза, разбросанные же на большомъ разстояніи отдѣльные казаки тоже не въ силахъ были отбить полчища киргизъ. Станица была разбита и много казачковъ захвачено въ плѣнъ³⁾.

Въ 1711 году, когда главная масса войска (2000 чел.) была въ походахъ, отправленная съ Яика станица съ обозомъ была сравнительно незначительна; киргизы снова воспользовались случаемъ и въ числѣ шести тысячъ человекъ напали на нее въ открытой степи, когда казаки возвращались обратно съ хлѣбомъ. Разбросанные по дорогѣ среди растянутаго обоза казаки не могли дать дружнаго отпора и потерпѣли полное пораженіе. Станица опять была раз-

¹⁾ Смотри приложение XII и XIII; наемки отъ войска дано: атаману 85 р., есауламъ 6 челомъ по 25 р., виванчикамъ 6 челомъ по 20 р., рядовымъ по 14 рублей.

²⁾ Историки для Кубанскаго похода имеютъ службъ: „Послужной списо въ Кубанскаго походу“ — рукопись Император. пуб. библиот.; изданіе вычислено въ Воин. Сборн. въ мартѣ 1867 года.

³⁾ Показаніе о своей службѣ въ 1739 г. старшиимъ Аларемъ Веродина (будущаго войскаго атамана). Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, дѣло № 61/24, листъ 30.

бита. Триста казаковъ было взято въ плѣтъ и захвачено около 1000 лошадей! ¹⁾

Киргизамъ повезло, удача ихъ ободрила: не беззащитныхъ крестьянъ, не мирныхъ поселенъ повели джигиты и батыры въ степь для продажи въ Хиву, а триста человекъ грозныхъ и сильныхъ для нихъ джавкъ-урусовъ ²⁾. Было чѣмъ похвастать въ ордѣ! Будь хотя половина войска въ сборѣ, киргизы не отдѣлались бы дешево — возможно было бы послать за ними въ погоню? Но кого могли послать казаки въ то время? Въ городкѣ ихъ оставалось, вѣроятно, еще мѣше, чѣмъ въ разбитой станицѣ, — бросить городка нельзя: тамъ въ курняхъ было двѣ тысячи осиротѣлыхъ семей ушедшихъ на службу казаковъ, и лишь только третья часть казаковъ была дома.

Прошелъ годъ, и снова раннею весною 1713 года было приказано нарядить въ походъ 1500 казаковъ! На этотъ разъ ихъ потребовали къ Харькову. Станицу сваридали, но на Яикѣ изъ списочнаго числа осталось всего сто человекъ и не будь бѣглецовъ изъ Руси, войско оказалось бы въ безвыходномъ положеніи. Повелъ станицу походный атаманъ *Матей Ивановичъ Приказчиковъ* ³⁾. Для подъема было прислано на Яикъ царское жалованіе по 5 р. на человека, отъ войска-же дали по 15 руб. человеку. Станица направилась въ Изюму, въ армию фельдмаршала *Шереметьева*, стоявшую въ Малороссіи на квартирахъ для наблюденія за заднѣпрвскою Малороссіею, бывшею прежде подъ покровительствомъ Турціи, а по договору, послѣ Прутскаго похода, уступленную Польнѣ.

По прибытіи въ Изюмъ казаки вошли въ составъ отряда ближняго боярина *Петра Матвеевича Апраксина* и имъ снова давы были отъ казны подъемныя деньги: „по пять рублей на человека, а станичанамъ довольное излишество:—атаману 40 р., есауламъ по 25 р. восьми человекамъ, да знаменщикамъ восьми человекамъ по 20 р.“ ⁴⁾.

Подробностей объ этой службѣ не сохранилось; впоследствии въ своей челобитной въ 1720 году ⁵⁾ войско пишетъ, что за эту службу они были „илостивымъ словомъ награждены и похвалены“.

Эта станица пробыла въ арміи болѣе года и лишь въ концѣ іюля 1714 г. была отпущена обратно на Яикъ.

Но передъ отправленіемъ на родину въ станицѣ случилось одно незначительное происшествіе, имѣвшее въ будущемъ для всего Яикскаго войска громадныя послѣдствія.

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 482; Челобитная Яикск. войска царю Петру 1721 г. іюля (?).

²⁾ Киргизское племяно уральскія въ — въ переводѣ: русскій съ Яика, иицкій русскій.

³⁾ Смотря приложеніе XII; здѣсь атаманъ названъ Матей Ивановичъ, въ дѣлѣ-же 30 допису Карташевъ изъ показанія казака Леонтія Афанасьева добавлены и фамилія атамана: „при атаманѣ Матей Приказчиковѣ“. (Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 231—236).

⁴⁾ Смотря приложеніе XII.

⁵⁾ Тамъ-же.

Однѣ изъ знаменщиковъ *Иванъ Карташевъ* вмѣстѣ съ казакомъ *Федоромъ Старченко* ¹⁾, будучи въ Харьковѣ, „покрали Харьковскаго жителя“, по жалобѣ котораго графъ Апраксинъ приказалъ схватить обохъ виновныхъ казаковъ и произвести розыскъ. Старченко схватили, а Карташевъ, „измѣня царскому величеству, и покинувъ знамя свое“, со службы бѣжалъ. Спрошенный подъ пыткой Старченко въ винѣ повинился и сказалъ, что краденые пожитки увезъ Карташевъ.

15 июля изъ походной канцеляріи Апраксина дана знать объ этомъ походному атаману Прикащикову и приказали: „осмотрѣть и описать у знаменщика *Ивана Карташева*, который изъ войска бѣжалъ, а приличился къ розыску, да у казака *Федора Старченка* какое число у нихъ ружья есть, да тое вѣдомость за рукою подать въ походной канцеляріи немедленно“ ²⁾.

Ружья была описана и походный атаманъ лошадь и имущество Карташева взялъ къ себѣ на храненіе. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ станица выступила на Яикъ, гдѣ послѣ прибытія походнаго войска явился и Карташевъ. Его схватили. *Войскою атаманъ Матвей Мироновъ* собралъ войсковой кругъ, куда вывели Карташева и стали судить „за побѣгъ со службъ“. Карташевъ оправдывался, говоря, что онъ не бѣгалъ, а что побѣжалъ на Донъ въ Черкасскій городокъ для своихъ нуждъ за долговыми деньгами и съ вѣдома походнаго атамана; когда-же въ Черкасскѣ пріѣхалъ яцкій казакъ *Герасимъ Подобаевъ* и сказалъ ему, „что изъ подъ Изюму яцкіе казаки отпущены и пошли въ дома“, то онъ вмѣстѣ съ *Подобаевымъ* выпросили у донскаго войскового атамана *Петра Емельянова* „пробѣжее письмо о пропускѣ ихъ въ путь“ и съ этимъ письмомъ оба явились въ войско ³⁾.

Но походный атаманъ Прикащиковъ заявилъ въ кругу, что Карташевъ ушелъ изъ полка самовольно.

Войско приговорило его къ смертной казни. Но по просьбѣ войскового атамана *Миронова*, который Карташеву былъ крестнымъ отцомъ ⁴⁾ и по ходатайству „лучшихъ людей“ и старшинъ „казнить его отдумали, за тѣмъ что онъ челонѣкъ молодой и можетъ вину свою государю заслужить“. Карташевъ въ свою очередь просилъ у войска прощенія; „и по войсковому суду предложили ему ту свою вину заслужить и жить ему на Яикѣ во всякомъ смиреніи и ни противъ кого, яцкаго казака, претятельныхъ словъ не говорить“ ⁵⁾.

Но плохо-же, какъ увидимъ дальше, отблагодарилъ Карташевъ своихъ земляковъ. Впослѣдствіи войску не разъ пришлось расканиваться въ своемъ великодушіи. Уже черезъ три года Карташевъ сдѣлалъ на войско и старшинъ ложный доносъ, результатами котораго явились безпрерывные розыски на

¹⁾ Въ другихъ документахъ онъ-же иногда называется Старченъ.

²⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листъ 181.

³⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 172—176.

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, свѣдка 30, листы 15, 16 и 17.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 812, 817 и 166—161.

Яикѣ, окончившіеся енискомъ Захарова и ссылками и казнями многихъ казаковъ, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ.

Плохія времена наступали для пріятелихъ орловъ. По своему малолѣтству они едва могли отправлять варды на вѣншую службу. Въ отсутствіи ихъ городкѣ послѣ ухода 1500 казаковъ въ Харьковскій походъ оставались почти только одни семьи казаковъ, старики и малолѣтки. Между тѣмъ кормилось войско только рыбою. Кто же могъ кормить 2500 оставленныхъ семей, кто могъ добывать за хлѣбомъ въ Сызрань и Самару? Оставшаяся горсть вѣсти съ бѣглецами изъ Руси конечно не въ силахъ была выдержать полностью всѣ службы по войску:—охранять городокъ, ловить рыбу и ѣздить въ Русь за хлѣбомъ. По отбѣзѣ въ 1713 году станицы въ Украинскій походъ войско могло отправить въ Самару съ пойманными северягами самое незначительное количество телѣгъ, при ничтожномъ ертаулѣ. И вотъ, когда станица возвращалась обратно, не доѣжая Яику, при урочищѣ *Головой рѣчкѣ*, на нее налетѣло восемьсотъ киргизъ. Станица была настолько мала, что даже такой незначительный противникъ станицу разбилъ; киргизы многихъ убили до смерти, а другихъ взяли въ полонъ¹⁾.

Въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ казакъ *Федоръ Марковъ* пробылъ въ плѣну почти 15 лѣтъ и лишь въ 1727 году благополучно сбѣжалъ на Яикъ.

Помочь станицѣ было некому, — киргизскіе джигиты безнаказанно рыскали въ это лѣто все время около городка. Казаки снасались за городскимъ валомъ, но трудно было спасти конскіе и скотскіе табуны, хотя у казаковъ и былъ сбѣлавъ для этого въ верстѣ отъ городка другой валъ отъ Чагана до Яика, но на этотъ разъ и онъ не спасъ казачьихъ табуновъ.

Киргизы ворвались за валъ и на глазахъ у всѣхъ „побили и въ полонъ взяли двадцать челоувѣкъ да четыре тысячи лошадей отогнали“²⁾.

Войско разорвалось. Но это все еще были одни цвѣтки предъ тѣмъ, что предстояло ему вынести впередъ.

Взоры Великаго Преобразователя уже давно были обращены на востокъ, на среднюю Азію. Завязать торговныя сношенія, узнать, что это за страна, было однимъ изъ желаній Петра. И вотъ въ 1714 году Петръ дѣлаетъ первую попытку завести сношеніе съ Хивой. Князь *Александръ Бекевичъ Черкасскій* получалъ приказаніе взять въ Астрахани тысячи полторы войскъ и отправиться по Каспійскому морю къ Хивѣ „съ поздравленіемъ на хавство и въ Бухару, сыскавъ какое либо дѣло торговое, а дѣло настоящее, чтобы провѣдать про городъ Иркандъ (Иркандъ), сколь далеко онъ отъ Каспійскаго моря и нѣтъ-ли какихъ рѣкъ оттоль, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакоже поблизоста въ Каспійское море“³⁾.

¹⁾ „Ур. Войск. Яикъ“ 1869 г. № 80. „Матерьял. для ист. войска, нигдѣ не напечатанное“. Челобитная казака Федора Маркова.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 482. Челобитная войска царю Петру 1721 года.

³⁾ А. И. Махмеевъ. Историческій обзоръ Туркестана, страница 68.

Князь Черкасский, прибывъ въ Астрахань, собралъ коло 1900 человекъ войска и, раздѣлившись въ 30 судахъ, вышелъ въ море п. направленноу къ Гурьеву городку. Въ этомъ походѣ участвовало *сто человекъ* яицкихъ казаковъ съ похолнымъ атаманомъ *Иваномъ Котельничковымъ* ¹⁾. Яицкихъ казаконъ приказано было нардить по возможности „изъ бывашихъ въ Хивѣ“ ²⁾.

Но экспедиция была неудачна; вслѣдствіе позднаго осеняго времени Черкасский едва дошелъ до Гурьева и съ большими потерями вынужденъ былъ возвратиться обратно.

Но пока станца Котельничова страствовала по Каспійскому морю, на Яицѣ шла безпокойная и тревожная жизнь. Киргизы, обдренные усѣхами, окончательно обнаглѣли. За каждымъ кустомъ, въ каждой рытвинѣ таились эти враги, поджидая добычу. Горѣ было зазѣвавшееся казаку — его ждалъ плѣвъ и вѣчное рабство въ Хивѣ.

Двинувшаяся весною въ степь за солью большая ставица яицкихъ казаковъ была окружена шестью тысячами киргизъ и каракалпаковъ, схавшихъ въ набѣгъ въ Русь на приволжскія села. Казаки по обычаю свернули обозъ въ кругъ и сѣли „въ осаду“. Пять сутокъ отбивались орлы отъ киргизскихъ набѣдниковъ и на шестой день отбились, потерявъ двадцать человекъ убитыми и взятыми въ плѣвъ. Киргизамъ удалось отогнать у казаковъ только триста лошадей и то, вѣроятно, въ первый моментъ нападенія ³⁾.

Раннею весною слѣдующаго 1715 года снова изъ Яицкаго городка выступила станца для экспедиціи Черкаскаго въ Каспійское море. Станца состояла изъ одного походнаго атамана *Зимовія Михайлова*, четырехъ есауловъ, столько же воемещиковъ и 491 человекъ рядовитъ казаковъ ⁴⁾.

Отрядъ Черкаскаго выступилъ опять изъ Астрахани по направленноу къ Гурьеву, гдѣ его дожидались яицкіе казаки, но, прибывъ въ Гурьевъ, Черкасский яицкихъ казаковъ отпустилъ по домамъ ⁵⁾, т. е. онъ рѣшилсѣ ограничиться въ этомъ году одними развѣдками. Выславшись потомъ у Тувъ-Караганскаго мѣса, отъ котораго излвнна шелъ торговый путь въ Хиву, Черкасский отпранилъ проводника *Ходжа Невеса* съ дноранами *Федоровымъ* и *Звономъ* развѣдать о плотинѣ на Аму Дарьѣ. Они шли до урочища Карагачъ и версты за двѣ не доходя до Дарьѣ видѣли земляной валъ (плотину), затѣмъ, пройдя степью версты двѣнадцать, дошли до долу (старое русло рѣки), которымъ слѣдовали два три до урочища Ата-Ибрагимъ и видѣли по обѣ стороны этого дола старинныя жилища и каналы. Тутъ посланные узнали со словъ туркменъ, что если перекопать земляной валъ и степь до долу, то

¹⁾ Смотри приложение XII.

²⁾ М. Н. Галкинъ. Этнограф. и истор. матеріалы по Средн. Азии и Оренб. краю.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 432. Челобитная Яицк. войска царю Петру 1721 года.

⁴⁾ Смотри приложение XII. Нзвнны отъ войска было дано: аману 45 р., есаулу 30 р., воемещнику 25 р. и рядовитымъ по 15 рублей.

⁵⁾ А. И. Махмеевъ. Истор. обзоръ Туркестана, страницы 66—67.

вода Дарьи пойдетъ въ Каспійское море; но Ходжа-Нефесъ изъ боязни хиницевъ не повелъ своихъ слугниковъ далѣе до долу и они отираались прямо безводною степью къ Краснымъ водамъ, гдѣ и явились къ прибывшему сюда отряду Бековича ¹⁾.

Черкасскій, убѣдившись, что дѣйствительно имѣется старое русло Аму-Дарьи, донесъ государю объ усѣхахъ своихъ разысканій.

Эти свѣдѣнія еще болѣе укрѣпили у Петра мысль во чтобы то ни стало завести сношенія съ Хивною, къ чему и сталъ онъ готовиться со слѣдующаго года, когда Черкасскимъ снова формируется отрядъ, но уже не для развѣдки, а для похода въ Хиву степью.

Между тѣмъ въ Яицкій городокъ стекались бѣглецы со всѣхъ сторонъ. Особенно шла сюда жители приволжскихъ городковъ, изъ Самарской, Казанской и Нижегородской губерній. Не смотря на посылаемые указы и на прсылку къ казакамъ отъ помѣщиковъ прикащиковъ, войско попрежнему не выдавало никого, отписываясь по старинѣ, что такихъ бѣглецовъ они не знаютъ. Въ 1715 году прислалъ между прочимъ за своими крестьянами въ казачій городокъ и помѣщикъ Симбирскаго уѣзда *Кротковъ*; взять крестьянъ былъ посланъ *Малышевъ*, но „казаки по многимъ челикаго государя посланнымъ указамъ чинилась противны... и я рабъ твой—писалъ Кротковъ въ челобитной—и крестьяне мои платятъ всякія подати съ пуста со многихъ дворовъ съ 1710 году и оттого платежу крестьяне мои разорились безъ остатку, а достальные мужиченки, видя ихъ казаковъ противность, твоимъ великаго государя указамъ въ неотдачѣ нашихъ крестьянъ, бѣгутъ все къ нимъ-жь казакамъ“... ²⁾.

Трудно было казакамъ выдавать бѣглецовъ—безпрерывные и непосильные наряды на выснюю службу страшно уменьшали и безъ того малочисленные ряды ихъ и если Москва забывала ихъ счетъ, то за то войско считывало каждого казака.

Въ этомъ же году киргизы опять напали на станицу, вѣхавшую съ хлѣбомъ изъ Сызрани. Видѣвъ со станицю вѣхали „съ разныхъ государевыхъ городковъ“ купцы за покупкою на Яикѣ рыбы и другихъ товаровъ и много другихъ людей изъ Руси за своими нуждами. Не дожидая до городка за сто верстъ, на станицу напало скопище каракалпаковъ и завязался бой. Казаки отбивались, но отбиться въ цѣлости не могли; потерявъ двадцать человекъ убитыми и до ста опавшимися въ плѣнъ, казаки „сѣли въ осаду“ и послали гонцовъ въ яицкій городъ за помощью.

Войсковой атаманъ Федоръ Семенниковъ, по приговору круга, послалъ на выручку осажденнымъ тысячу казаковъ съ походнымъ атаманомъ *Григоріемъ Меркульевымъ*. Но казаки за послѣднее время такъ много потеряли

¹⁾ Тамъ-же, страница 67.

²⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листъ 74.

лошадей отъ захвата ихъ киргизами, что многіе выступившіе съ Меркульевымъ были пѣшіе и ѣхали на телѣгахъ по два — по три человека на телѣгѣ; взятые со ставницею пушки везлись тоже на телѣгахъ.

Едва показалась пыль по дорогѣ со стороны Янка, какъ каракалпаки „поднялись отъ осадныхъ казаковъ“ и „любѣзали въ степь“. Команда Меркульева бросилась за ними, но сдѣлавшіе большой переходъ казачьи кони не могли догнать хищниковъ; первыми стали стетавать лошади, бывшія въ телѣгахъ и съ пушками; и казаки „съ сомнѣнью всего войска возвратилась, чтобы не потерять напрасно войска и государевы казны“¹⁾.

То, что въ данномъ случаѣ Меркульевъ не преслѣдовалъ каракалпаковъ и не могъ выручить взятыхъ въ плѣнъ казаковъ, впоследствии послужило для Карашева поводомъ обвинить Меркульева въ измѣнѣ.

Между тѣмъ Петръ вызвалъ Черкасского къ себѣ и 14 февраля 1716 г. въ Либавѣ далъ ему для дальнѣйшихъ дѣйствій слѣующіе пункты:

1) Надлежитъ вадъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человекъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинскій.

2) Ѣхать къ хану хивинскому послемъ, а путь имѣть по дѣлѣ той рѣки, а осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, также и плотины; ежели возможно оную воду какъ обратить въ старой токъ, къ тому же протчія устья запереть, которыя вдутъ въ Оральское море, и сколько къ той работѣ потребно людей.

3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотины или гдѣ удобно на настоящей Аму-Дарьи рѣкѣ для строенія же крѣпости тайнымъ образомъ, а буде возможно будетъ, то и другой городъ сдѣлать.

4) Хава хивинскаго склонять къ вѣрности и подданству, обѣщая наследственное владѣніе оному, для чего представлять ему гвардію къ его службѣ и чтобы онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ.

5) Буде онъ то охотно приметъ и станетъ желать той гвардіи и безъ нея ничего не станетъ дѣлать, опасаясь своихъ людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтобы были на его платѣ; а буде станетъ говорить, что перво нечѣмъ держать, то на годъ и на своею жалованіи оставить, а впередъ чтобы онъ платилъ.

6) Ежели снѣгъ или инымъ образомъ склонится хивинскій ханъ, то просить его, дабы послалъ своихъ людей (при которыхъ и нашихъ два бы челонѣка было) водою по Сырь-Дарьи рѣкѣ вверхъ, до Иркуты-городка для осмотрѣнія золота.

7) Также просить у него судовъ и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьи рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобы изѣхалъ ее, пока суды могутъ идти, и оттоль бы ѣхалъ въ Индію, прямѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи тою или другими рѣками, и воз-

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 20—38. Доносъ Карашева, и тамъ же отвѣтъ войскового атамана Григорія Меркульева и другихъ казаковъ.

вратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или, ежели услышать въ Индіи еще лучшей путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать.

8) Будучи у хивинскаго хана, провѣдать и о бухарскомъ: не мочно ль его, хотя не въ подданство (ежели того нельзя сдѣлать), то въ дружбу привести таковыми же манеромъ, ибо и тамъ такоже ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

9) Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ 4000 человекъ, сузовъ сколько потребно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также кучины къ ханамъ же и къ Моголу.

10) Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человекъ 5 или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: первая подъ образомъ кучины, другая къ Искети.

11) Инженеровъ изъ учениковъ Куломовыхъ дать двухъ человекъ.

12) Нарядить казаковъ Яицкихъ полторы тысячи, Гребенскихъ 500, да 100 человекъ драгунъ и добраго командира, которымъ идти подъ образомъ провожанія каравана изъ Астрахани и для строенія города, и когда оны придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣтъ имъ стать, и по той рѣкѣ, гдѣ плотина, прислать къ морю для провожанія его сколько человекъ пристойно: вышесказанному командиру накрѣпно смотрѣть, чтобъ съ обыватели земли ласково и безъ тѣлобно обходились, и для дѣланія тамъ города отпустить съ помянутыми конными вѣскольکو лопатокъ и вироковъ.

13) Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о оранныхъ земляхъ и о другихъ товарахъ, и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуску товаровъ, приать ему Кожину двухъ человекъ добрыхъ людей изъ кунечества, и чтобъ оны были не стары.

По снмъ пунктамъ Господамъ Сенату съ лучшею ревностію сіе дѣло какъ наискорая отправить, *помеже зѣло нужно*¹⁾.

Уже въ срединѣ лѣта 1716 г. войско получило приказъ о немедленномъ нарядѣ въ Астрахань къ князю Черкасскому 1500 казаковъ. Двѣ послѣднія станицы, отправленныя въ шведскій походъ, еще не вернулись. Въ собранномъ войсковымъ атаманомъ Григоріемъ Меркульевымъ кругу войско рѣшило отправить только часть казаковъ, а остальныхъ позже. Не вернулись ли къ этому времени станица, бывшая въ Сызрани за хлѣбомъ, или по другимъ причинамъ, но войско снарядило вѣсто полутора тысячъ только 1002 человека съ походнымъ атаманомъ Никитой Трифоновичемъ Бородинымъ²⁾, которые пришли въ Астрахань въ августѣ мѣсцѣ³⁾.

Изъ этого наряда между прочимъ видно, что станица была раздѣлена на

1) Полное Собраніе Законовъ, томъ V, страница 2993. Указъ капитану гвардіи князю Черкасскому отъ 14 февраля 1716 года.

2) Смотри приложеніе XII. Наемки дано отъ войска: атаману 42 р., одному полковнику 35 р., четыремъ есауламъ по 32 р., шести воеводамъ по 25 р., походному исарю 20 р., рядовымъ по 14 р.

3) Матер. Воен.-учек. Арх. Главн. Штаба, изд. 1871 г., т. 1, подъ редакц. А. Ф. Вислова, стр. 446.

два молка, причём однимъ полкомъ командуетъ непосредственно походный атаманъ, другимъ — полковникъ, подчиненный атаману, тутъ такъ-же упоминается первый разъ *походный писарь*. Впоследствии эта-же организация походного войска применяется исходу, гдѣ станицы выступаютъ въ количествѣ большею, чѣмъ 500—600 человекъ. Въ каждомъ полку выбирается въ помощь къ командиру полка два есаула и полкъ, *видимо* дѣлится на три части, ибо имѣетъ по три знаменщика.

Пришло лѣто къ концу, наступилъ октябрь, надо было нарядить дополнительную станицу. Къ этому времени прибыла изъ арміи пробывшая тамъ девять лѣтъ безъ свѣдѣній, станица походнаго атамана Алетина. Много измѣнилось въ это время въ казачьихъ городкахъ: выросло цѣлое поколѣніе, дѣти не узнавали своихъ бывшихъ въ долгой отлучкѣ отцовъ, отцы — дѣтей. Юноши вернулись взрослыми людьми, пожилые стариками. О службѣ этой станицы послѣ Полтавскаго боя почти ничего неизвѣстно. «А по полтавской баталіи пошелъ въ Польшу — говорить старшина Кузнецовъ въ своей сказкѣ на слѣдствіи объ атаманѣ Прятковѣ въ 1739 г., — а изъ Польши въ Померанію и далѣе гдѣ бывъ въ Помераніи и въ другихъ государствахъ всего девять лѣтъ». Это единственное что извѣстно о дальнѣйшей службѣ станицы Алетина. Вернулся со станицею и герой Рыжечка. Шла наемка въ дополнительную станицу къ Черкасскому 398 человекъ. А чтобы «не было какихъ избытковъ не въ казакахъ и службѣ великаго государя оныхъ ослушникамъ и войсковыхъ дачъ не отбывали-бъ... и на службу къ князю Черкасскому отправить и на Яикъ чѣмъ-бы можно оставшими ввезаннымъ непріятельскій приходъ отпоръ учинить понеже у казаковъ жилища украинные, всегда бывають набѣги непреставные», то по совѣту всего войска войсковою атаманъ Меркульевъ переписалъ всѣхъ бывшихъ на лицо казаковъ и казачьихъ дѣтей; переписъ велась подворно, казакамъ были составлены списки въ нѣсколькихъ книгахъ ¹⁾.

Навѣлся на службу и Рыжечка. Станица выступила съ *походнымъ атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ* ²⁾ и прибыла въ Астрахань въ ноябрѣ ³⁾.

Но едва ушли казаки къ князю Черкасскому, какъ киргизы снова почували добычу. «А въ томъ-же 1716 году, — писали казаки въ своей челобитной, — приходили воинскіе люди каракалпаки болшимъ собраніемъ подъ нашъ казачій городокъ и шобили *Александрскихъ солдатъ*, которые приходили къ намъ съ глѣбнымъ запасомъ; да тѣхъ воинскіе люди били на калмыцкую орду, на *Доржу-мурзу*, а мы рабы твои въ домишкахъ своихъ отъ приходу тѣхъ воинскихъ людей въ великомъ обереженіи, дабы вашего великаго государя вотчина какъ и прежде была не разорена» ⁴⁾.

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 71, 141—147, 156—161. Эти книги до насъ не дошли.

²⁾ Смотри приложение XII. Наемка дана: атаману 40 р., 2 есауламъ по 30 р., знаменщикамъ другъ по 25 р., рядовымъ по 22 р.

³⁾ Матер. Воен.-учеб. Арх. Гл. Штаба, изд. 1871 г., т. 1, подъ редакціей А. В. Вышкова, стр. 446.

⁴⁾ Смотри приложение XII.

Какой хлеб привозили алексѣевскіе солдаты (солдаты изъ города Алексѣевска) на Яикъ—неизвѣстно. Было ли это хлебное жалованіе войску или казна, ввиду невозможности самому войску по его малолѣтству привозить въ то время хлебъ изъ Самары, послано семьямъ казаковъ казенный хлебъ—остается невыясненнымъ.

Въ этомъ-же году послѣ отсылки въ Астрахань къ Бекевичу тысячи казаковъ стали проситься у войска ѣхать въ Хиву и Бухару казаки татары. Въ кругу они „бли челомъ“ отпустить ихъ туда „для торгонныхъ ихъ промысловъ“. Войско, „какъ и на предъ сего съ Яику русскіе и вновѣрди казаки въ Бухары и въ Хиву отпускаивались“, ѣхать имъ разрѣшило. Снарядился обычный караванъ, съ которымъ поехали „иртонные казаки новокрещены: *Иванъ Сидоровъ, Осипъ Никитинъ*, да татары *Розекъ Кичкинпезъ, Узбекъ Тюленбетевъ, Катлыбай, Сулейманъ братъ, Кудиберда и Омагуль, Ишметѣвъ* зять,—всего семь человекъ ¹⁾“. Караванъ выступилъ въ середяніи лѣта и благополучно прибылъ въ Бухару, гдѣ и остался зимовать.

Между тѣмъ отрядъ Бекевича до осени простоялъ въ Астрахани, гдѣ поручикъ Кожинъ изготовлялъ суда для перевозки войскъ на восточный берегъ Каспійскаго моря. Къ этому же времени собрались и полки, вошедшіе въ хивинскій отрядъ Бекевича ²⁾.

Осенью Бекевичъ, оставивъ казаковъ и драгунъ въ Астрахани, отправился съ пѣхотой на судахъ въ восточному берегу Каспійскаго моря и заложилъ тамъ укрѣпленія на Тюкѣ Караганѣ—Снат. Петра, на заливѣ, названномъ имъ по своему имени Александръ-Вземъ—Александровское и у Красныхъ волей при входѣ въ Балханскій заливъ основалъ главную крѣпость. Расположивъ тамъ почти всю имѣвшуюся у него пѣхоту, онъ вернулся на верблюдахъ вокругъ Каспійскаго моря черезъ Гурьевъ въ Астрахань.

Всю зиму отрядъ приготовлялся къ походу, заготовлялись провіантъ и верблюды. Казакамъ было роздано царское жалованье: атаманамъ по 40 р., полковникамъ по 25 р., есауламъ, заместникамъ и войсковому писарю по 16 р. и рядовымъ по 10 р. человекъ ³⁾.

Наконецъ весною 1717 г. этотъ отрядъ выступилъ къ Гурьеву. Черкасскій со сѣщенными драгунами и съ оставшеюся пѣхотою поѣхалъ моремъ на судахъ, а казаки съ обовомъ и лошадьми сѣщенныхъ драгунъ и солдатъ от-

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 176, 230.

²⁾ Въ составъ отряда вошли: три пѣхотныхъ полка: Каванскій подполк. Хрущовъ 1254 чел., Астраханскій подполк. Кушниковъ 1873 чел., Азовскій подполк. фонъ-деръ Видена 1100 чел. Всего пѣхоты 3727 чел. Полкъ драгунъ (5 эскадр. пѣшецкихъ, 1 астраханск.) кѣира фонъ-Фрайенберга 617 чел.; казаковъ: лицинъ атаманъ Вородина 1500 и гробецкихъ атамана Васманова 500, всего 2000 чел., артиллеристовъ 28, инженеровъ 31, морской команды 232, дескеры, чиновниковъ и зюльцевъ 50. Всего въ отрядѣ было 8655 чел. Флотилія отряда состояла изъ 13хъ разныхъ судовъ. (А. И. Махшесъ, Историч. обзоръ Туркестана, страница 69).

³⁾ Матеріалы Воен.-учеб. Арх. Главн. Штаба, изд. 1871 г., томъ 1, подъ редакц. А. О. Вичковъ, страница 446.

правились сухимъ путемъ и дошли до Гурьева въ 12 дней, Бековичъ-же прибылъ туда велѣею позже.

Здѣсь отрядъ расположился лагеремъ и простоялъ около мѣсяца. Но каракалпакъ и киргизы, возпользовавшись безпечностью пастуховъ, напали на казачьи табуны, захватили въ плѣнъ 60 человекъ казаковъ, бывшихъ при лошадяхъ, и угнали большую часть табуна. Черкасскій немедленно погнался слѣдомъ за ними, настягъ ихъ, отбилъ табуны и казаковъ и самъ захватилъ нѣсколько человекъ въ плѣнъ.

11 юня ¹⁾ отрядъ выступилъ въ Хиву. Въ составъ его вошли почти исключительно одни казаки (яицкихъ 1500, гребенскихъ 500), драгунъ 600 и посаженныхъ на лошадей 300 человекъ иркутянцевъ. При отрядѣ было 7 пушекъ и морскіе чины, всего 100 человекъ и разныхъ лицъ купцовъ и людей при обоихъ 200 чел. Всего русскихъ въ отрядѣ вмѣстѣ съ купцами и прислугою было 3200 человекъ. Кромя этихъ силъ съ отрядомъ пошли 500 чел. ногайскихъ татаръ, калмыковъ Аюк-хана 32 чел. и черкесскихъ узденей съ братьями Бекевича 22 чел. Всего же отрядъ состоялъ изъ 3750 ч. ²⁾. Объ этомъ весьма печальномъ по своему послѣдствію походѣ до насъ дошло весьма мало подробностей; источниками, по которымъ возможно возстановить картину этого похода, являются главнымъ образомъ показанія бѣжавшихъ впоследствии изъ плѣна: проводника отряда туркменца *Хаджи Нефеса*, а также яицкихъ и гребенскихъ казаковъ.

До Хивы нужно было пройти около тысячи верстъ голодною пустынною степью черезъ Усть-Урты. Въ Первый день пути ночевали близъ рѣки Акъ-Муранъ, потомъ въ семь дней достигли Эмбы, гдѣ отрядъ остановился на два дня для отдыха и устройства плотовъ для переправы. Черезъ два дня пути отъ Эмбы отрядъ пришелъ къ урочищу Богочату, гдѣ вышелъ на большую Хивинскую дорогу и по ней на пятый день достигъ до Иркутскихъ горъ. Подъ этимъ названіемъ въ сказкѣ татарина Ахметьева разумеется берегъ Усть-Урта (Ченкъ), который, проходя утесистыми скалами по всему западному берегу Аральскаго моря, простирается на западъ до береговъ Каспійскаго моря, составляя границы плоской возвышенности, раздѣляющей оба моря. Далѣе дорога идетъ близъ берега Аральскаго моря. На половинѣ пути у колодца Чылдавъ туркменецъ *Кашка*, бывшій однимъ изъ проводниковъ отряда, вмѣстѣ со всѣми другими бѣжалъ изъ лагеря. Часть изъ нихъ возвратилась въ свои улусы, а часть обошли лагерь и напередъ отправилась въ

¹⁾ По показанію яицкаго казака Урагмета Ахметова; по его словамъ отрядъ выступилъ „послѣ святыхъ нѣдѣй спустя, на седьмой недѣль“, а т. е. Пасха въ томъ году была 21 апрѣля, то походъ начался послѣ Троицы, которая приходилась 8 юня. (А. И. Максимовъ, Истор. обзоръ Туркестана, страница 71).

²⁾ А. И. Максимовъ говоритъ, что яицкихъ казаковъ пошло въ Хиву всего 1400 человекъ, т. е. предъ отразвленіемъ въ походъ Бекевичъ 100 человекъ яицкихъ казаковъ отправилъ изъ Гурьева къ хрѣстости Св. Петра. Материалы, на которыхъ въ данномъ случаѣ опирается Максимовъ, просмотрѣть не представилось возможнымъ. (А. И. Максимовъ. Истор. обзоръ Туркестана, страница 70 и 79, примѣчаніе 7).

Хиву, гдѣ рассказали хану о томъ, что Бекевичъ идетъ не одинъ, а съ войскомъ. Хаджа Н-фесъ сдѣлался провожатикомъ отряда, и повелъ его черезъ колодцы: Санъ, Кос-шегозе, Въявли, Дурали до колодца Ялгузы, гдѣ князь отдѣлялъ сто яицкихъ казаковъ¹⁾ и отправилъ ихъ впередъ съ Карейтовичъ. Онъ долженъ былъ отвезти письмо къ хану съ увѣреніями въ мирной дѣли посольства. При каждомъ колодцѣ отрядъ дѣлалъ привалы, отрывали новые колодцы, чтобы добыть лучшей воды. Оставивъ 1000 казаковъ для поправленія уставныхъ лошадей, при послѣднемъ колодцѣ, отрядъ двинулся черезъ колодецъ Шимиль-дугъ, рѣку Каракумъ къ рѣкѣ Аккуль²⁾, по показанію Хаджа Нefеса, вытекающей изъ Аму-Дарьи. Между тѣмъ, отрядъ Карейтова благополучно прибылъ въ Хиву, но зная отъ бѣжавшихъ туркменъ и калмыкъ Аюкя-Хана, о движеніи вѣстѣ съ посломъ русскаго отряда, ханъ послалъ къ Бекевичу двухъ узденей и одного казака изъ сотни Карейтова съ дарами Бекевичу какъ послу, а главное убѣдиться въ правильности донесеній туркменъ. Узбеки прибыли къ Черкасскому у рѣчи Аккуль. Имъ объявили, что посолъ князь Черкасскій находится сюда, а это только передовой отрядъ. Только по прибытіи отставшихъ 1000 человекъ казаковъ, Бекевичъ принялъ посланцевъ привезшихъ ему дары отъ хана: коня, кафтанъ и овощи и увѣрилъ ихъ, что идетъ мирнымъ посломъ, о дѣлѣ же посольства объявить самому хану. Князь показалъ узденямъ весь русскій отрядъ. Возвратившись въ Хиву они рассказали хану, что посолъ идетъ не одинъ, а съ нимъ цѣлое войско.

Отрядъ продолжалъ идти дальше и къ 15 августа прибылъ наконецъ къ урочищу *Караатамъ* (рукавъ Аму-Дарьи) находясь пути болѣе чѣмъ два мѣсяца. Походъ былъ труденъ. Выбѣжавшій впоследствии изъ плѣна яицкаго казакъ *Федоръ Емельяновъ* показалъ: „а идучи изъ Гурьева яицкаго городка до Эмбы рѣки и отъ Эмбы до хивинской земли в до рѣки Кагагача провіанту побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинуто многое число, потому что имъ дано было провіанту въ Гурьевѣ яицкомъ на полгода, а за дальностію и за неудобствомъ кормовъ лошади многія прістали“.

Тѣмъ же менѣе походъ былъ доведенъ до конца. Оставалось только пройти еще 150 верстъ, чтобы достигнуть Хивы. Но тутъ дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Какой-то тяжелый рокъ все время висѣлъ надъ отрядомъ. Бекевичъ, отправляясь въ Хиву, былъ разстроенъ своимъ семейнымъ горемъ. Въ самый день его отплытія къ Гурьеву изъ Астрахани онъ потерялъ любимую имъ жену и двухъ дѣтей. Возвращаясь послѣ его продолговъ въ лодкѣ домой, они были опрокинуты выбѣжавшимъ вихремъ и потонули въ Волгѣ. Печаль, охватившая послѣ этого Бекевича, не покидала его во все время похода и имѣла оглушное вліяніе на его исходъ.

¹⁾ Показаніе казакъ Андрея Вородина (послѣдствіи Войскаго атамана). Моск. Арх. Гл. Штабъ, свѣд. 107, кн. 80, листы 379—380.

²⁾ Показаніи татарина Ахметова.

Еще до выступленія въ походъ Бекевичъ отправилъ въ Хиву пословъ съ вѣдомленіемъ о своемъ мирномъ посольствѣ, но ихъ тамъ задержали и не пустили обратно. Посланныхъ съ Карайтовымъ сотню лицкихъ казаковъ ждала горькая участь. По прибытіи отъ Черкаскаго, посланныхъ для провѣрки численности отряда Бекевича, двухъ узденей ханъ приказалъ заковать казаковъ въ цѣпи и посадить „въ крѣпкое мѣсто“. Напрасно они старались дать знать Бекевичу о своей участи. Многие изъ нихъ бѣжали, — но были все переловлены и жестоко наказаны: — ихъ сажали на колья, рѣзали губы и носы. Въ живыхъ осталось всего 50 человекъ, которыхъ хивинцы старались перевести въ магометанство, но безплодно¹⁾. Послѣ ареста посла, ханъ собралъ 24 тысячи войска и выступилъ противъ русскихъ. Первыми жертвами хивинцевъ были 60 человекъ лицкихъ и гребенскихъ казаковъ, отпущенныхъ Черкасскимъ за день до прибытія къ Карагачу для рыбной ловли. Они были захвачены въ плѣнъ. Одному изъ нихъ удалось бѣжать и дать знать Бекевичу о прибытіи хивинскаго войска. Не успѣлъ отрядъ Бекевича еще дойти до Карагача, какъ въблизи него въ полутора верстахъ появилось все хивинское войско и напало на отрядъ „и начали вавздомъ стрѣлять изъ пицалей и изъ луковъ“. Но Бекевичъ успѣлъ продвинуться впередъ и вставъ у рѣчи Карагачъ, окружилъ себя съ трехъ сторонъ телѣгами и арбами, съ четвертой же стороны была нога. Всю ночь шла работа — успѣли къ утру сдѣлать земляной валъ и поставить бывшія въ отрядѣ семь пушекъ въ окопы. Съ утра хивинцы снова возобновили нападеніе, но были отбиты. Три дня наступали хивинцы на русскихъ, но каждый разъ отступали съ урономъ и на четвертый день завели переговоры. За это время у казаковъ вышло изъ строя 10 человекъ, между тѣмъ хивинцы потеряли болѣе тысячи убитыхъ²⁾.

Хивинцы отступили и встали въ двухъ верстахъ отъ русскаго лагеря. Ханъ отступалъ. Разбитый онъ былъ въ недоумѣніи какъ дѣйствовать дальше. Въ это время къ нему явился казначей бухарецъ *Досимъ-бей*.

— „Нельзя надѣяться на побѣду надъ русскими — говорилъ онъ — ихъ все почитаютъ непобѣдимыми; надо войти съ ними въ переговоры, заманить къ себѣ предводителя. Если онъ будетъ въ нашихъ рукахъ, тогда и все войско его будетъ наше“³⁾. Шяръ-Гиян принялъ совѣтъ и съ согласія своихъ узбековъ вошелъ въ переговоры. Посланный имъ въ русскій станъ *Ишимъ-Хаджа* объявлялъ князю Черкасскому — отъ лица хана, что нападеніе хивинцевъ на русскій отрядъ произошло безъ его воли, до прибытія его къ войску и что если князь Черкасскій идетъ къ нему мирнымъ посломъ, то ханъ готовъ вступить съ нами въ переговоры.

¹⁾ Показаніе лицаго казака Жалѣнова (см. прил. XIII).

²⁾ Вслѣдствіи, по вліянн Хивы въ 1878 г., хивинцы показывали на р. Порсу близъ города Ходжейли, гдѣ была вѣсть бой Бекевича съ ихъ предками.

³⁾ Показаніе Сеймонова и Тенкелеса. Ежемѣсячныя сочиненія 1763 года, кн. 1, стр. 27. (См. также А. Попова — споманіе Россіи съ Хивою и Вухарою при Петрѣ Великомъ).

Князь Черкасскій не хотѣлъ вступать въ переговоры; другіе офицеры раздѣляли его мнѣніе; но говѣтъ князя Заманова одержалъ верхъ ¹⁾. Къ хаву былъ отправленъ татаринъ Алтынъ Усеиновъ, который возвратился съ Ишиятъ-Хаджею. Послѣдній заявилъ, что хавъ назначилъ совѣтъ съ своими приближенными, а потомъ дастъ отвѣтъ.

Между тѣмъ хивинцы снова напали на русскій ставъ. Ихъ отбили. Черкасскій послалъ того-же татарина снова къ хаву, требовать объясненія. Хавъ приказалъ войску стоять и объяснилъ, что туркменцы и аралыцы сдѣлали это нападеніе безъ его позволенія и что виновные будутъ наказаны. Послѣ этого Бековичъ снова послалъ къ хаву двухъ татаръ: *Смайла-мурзу* и *Кудайула* съ требованіемъ, чтобы хавъ прислалъ въ русскій ставъ своихъ ближнихъ людей *Колумбая* и *Назара-хаджу* для окончательныхъ переговоровъ. Въ хивинскомъ ставѣ, на виду у посланныхъ водили двухъ хивинцевъ, у которыхъ: у одного тонкая веревка была продѣта черезъ ноздрю, а у другого черезъ ухо, и увѣряли что это наказываются виновники нападенія на русскихъ.

Колумбай и Назаръ-хаджа прибыли въ русскій ставъ, составили мирный договоръ и влялись на коронѣ въ исполненіи этого договора. Черкасскій въ свою очередь цѣловалъ крестъ. На другой день послѣ обѣда поѣхалъ для переговоровъ, къ ставкѣ хана, уже самъ Бековичъ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ 150 драгунъ, ста яцкихъ казаковъ съ атаманомъ Някитою Бородинымъ и гребенскихъ — триста человекъ, „выбравъ лучшихъ людей въ мувдиръ“ ²⁾. Въ свитѣ Черкаскаго поѣхали князь Замановъ, бригадиръ *Волковъ* и два брата Бековича при семи деньщикахъ. При приближеніи князя къ ставкѣ хана, хивинцы, бывшіе всѣ на лошадяхъ, разступились надвое, сдѣлавъ проходъ для Черкаскаго съ отрядомъ. Не доѣжая полуварсты до хавской палатки, была поставлена палатка для Бековича, гдѣ онъ и всталъ, отправивъ отъ себя къ хаву пословъ, которые и заключили миръ съ клятвою съ обѣихъ сторонъ. Что то тяжелое предвѣщало этотъ роковой день. Когда хавъ клялся на кораяѣ не нарушать мира, яркое полуденное солнце на снѣжномъ голубомъ небѣ вдругъ померкло, затмилось и отъ его диска остался недвижимъ лашъ небольшой вѣрь, похожій на только что народившійся мѣсяцъ. Это солнечное затменіе въ такомъ лунообразномъ видѣ было истолковано хивинцами въ свою пользу, а на русское войско навело уныніе, которое не могло не имѣть вліянія на дальнѣйшую участь отряда ³⁾. Все шло противъ русскихъ. Самъ начальникъ отряда уже выходилъ почти въ полной власти вѣрломаннаго врага. Въ этотъ же день хавъ двинулся въ Хавъ, вѣвѣтъ съ нимъ поѣхалъ и Черкасскій, отдавъ приказаніе майору *фонъ-Франкенбергу*, оставшемуся начальникомъ въ лагерѣ, слѣдовать за нимъ со всѣми остальнымъ отрядомъ. Черкасскій со своимъ небольшимъ конвоемъ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Показанія Яиц. кав. Фелора Евельянова, по показанію-же Соймонова и Тевкелова яцкихъ казаковъ было при видѣ 500 чел. (Ежегодн. соч. 1763 г., кн. 1, стр. 80).

³⁾ Поше. Терскіе казаки, страница 100.

дѣлать все время по срединѣ хивинскаго войска, какъ бы подъ арестомъ. Къ вечеру остановились ночевать близъ озера. На другой день Черкасскій съ княземъ Замавовымъ поѣхали къ хану съ подарками, которые несли сто человекъ казаковъ. Черкасскій и Замавовъ были приняты ханомъ въ палаткѣ, подарки-же, не доходя до ханской палатки саженъ за десять, приняли приближенные хана и сложили ихъ въ одно мѣсто. вблизи ставки. Разговоры продолжались не болѣе часа и Черкасскій вернулся къ себѣ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ подарки были привезены обратно и отданы Черкасскому. Посланные отъ хана заявили, что они не соответствуютъ обозначеннымъ въ царской грамотѣ. Черкасскій велѣлъ отыскать, что это подарки лично отъ него, а царскіе онъ вручитъ потомъ. На другой день ханъ и Черкасскій прибыли къ старой Хивѣ (къ *Ургенчу*), въ которомъ когда то погостили лиціе казаки съ Нечаевъ, и еще черезъ два два къ „Аральскимъ пашнямъ“ и расположились лагеремъ у р. *Порсунгуль*. Отсюда Бековичъ послалъ дворянина Званскаго съ пятидесятью драгунами къ майору фонъ-Франкенбергу съ приказомъ подойти ближе со своимъ отрядомъ. Отрядъ всталъ въ двухъ верстахъ отъ хивинцевъ. Здѣсь ханъ имѣлъ новое свиданіе съ Бековичемъ и предлагалъ ему по невозможности разчѣстить и продовольствовать весь русскій отрядъ въ одномъ городѣ Хивѣ, раздѣлать его на вѣсколько частей для размѣщенія въ ближайшихъ къ столицѣ городахъ. Бековичъ согласился и приказалъ Франкенбергу раздѣлать отрядъ на пять частей и отправить ихъ съ хивинцами на квартиры. Оставивъ при себѣ только гребенскихъ казаковъ, онъ остальнымъ, бывшимъ при немъ, приказалъ слѣдовать за хивинцами.

Франкенбергъ былъ пораженъ приказаніемъ Бековича и, думая, что оно вынуждено у него угрозою, рѣшилъ ослушаться. Франкенбергъ и Пальчиковъ, старшіе въ отрядѣ, отыскали хивинца, привезшимъ приказаніе Бековича, что у нихъ начальникъ не хивинскій ханъ, а князь Бековичъ-Черкасскій. Не повѣрили они и дворянину Званскому, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ съ конвоемъ изъ сорока человекъ узбековъ, съ тѣмъ-же приказаніемъ отъ князя. Приказаніе было исполнено только тогда, когда Франкенбергъ отправился къ самому князю и лично получалъ отъ него подтвержденіе. Лишь только послѣ этого произошла кровавая развязка.

Раздѣлявшись на части по 400 и 600 человекъ въ каждой, русскіе были привязаны узбеками, которые повели ихъ разными дорогами въ Хиву. Какъ только отдѣлилась часть одна отъ другой, хивинцы бросились вязать ихъ, отняли оружіе, обобрали весь скарбъ, какой былъ при нихъ, и раздѣлили слѣпящихъ по рукамъ. Разобравши служивыхъ людей, хивинцы привились за убійства передъ шатромъ хана. Перваго казнили князя Замавова, за нимъ дворянина Елюножова, а потомъ узбеки вывели и самого князя Черкаскаго, сняли съ него все платье, оставили въ одной рубашкѣ, стоячаго рубили его саблею и отсѣкли голову. Все это видѣлъ проводникъ отряда туркменецъ Хаджа-Нефесъ

изъ палатки своего временнаго обладателя туркменца Ага-Намета. Ширъ-Гази торжествовалъ. Если не удалось сломить врага въ открытомъ честномъ бою, то онъ осидлялъ его хитростью и вѣроломствомъ. Гордый одержавшии и такъ легко купленной побѣдой онъ послалъ голову Бекевича къ Бухарскому хану. Но тотъ не принялъ пословъ велѣлъ ихъ встрѣтить на дорогѣ и сказать: „Если ихъ ханъ людоѣдъ, то пусть обратно отвесутъ ему голову; а я не принимаю участія въ его поступкѣ“¹⁾. Двѣ другія головы были выставлены на вислицѣ у Адорскихъ воротъ въ Хивѣ. По возвращеніи въ Хиву ханъ собралъ всѣхъ бывшихъ у Бекевича магометанъ-татаръ, черкесъ, да двухъ человѣкъ русскихъ гребенскихъ казаковъ всего 39 человѣкъ и хотѣлъ казнить. Но хивинскій Айхунъ, высшее духовное лицо, выпросилъ имъ помилованіе и свободу, открыто порицая поступокъ хана въ нарушеніи клятвы²⁾.

Подробностей объ этой развязкѣ сохранилось весьма мало. Яицкій казакъ Федоръ Емельяновъ, бывший въ конвоѣ у князя, въ своемъ показаніи военной коллегіи говоритъ, что послѣ приказа Черкаскаго отправиться яицкими казаканъ съ хивинцами на квартиры „атаманъ Никита Воронинъ, взявъ ихъ, яицкихъ казаковъ, сто человѣкъ съ хивинскимъ мурзою, какъ зовутъ — не знаетъ, поѣхали изъ войска ихъ хивинскаго на квартиры, куда они, хивинцы, введутъ и отѣхали версты съ двѣ. И тотъ ихъ атаманъ послалъ въ настоящій обозъ, конъ шли позади, и пріѣхало къ нимъ яицкихъ-же ихъ казаканъ сто-жь человѣкъ. И собравшись того дни отѣхали версты съ десять... и ночевали у озера. И на утро вставъ рано, какъ они стали сѣдлатъ лошадей, а хивинцы, сѣвши на лошадей, подѣхали къ нимъ ближе; одни, соскоча съ лошадей, другіе, сидя на лошадяхъ, учали ихъ разбирать по рукамъ трое одного и разобравъ всѣхъ, ружье и одежду и лошадей и что при нихъ было, все обрали и развели врозь“³⁾...

Но еще горшая участь досталась гребенскимъ казаканъ, оставшимся въ конвоѣ у князя.

„До Аму-Дарья хивинцы дѣлали на насъ два большихъ нападенія, да мы ихъ оба раза, какъ мякину, по степи развѣяли, — рассказывалъ впоследствии вышедшій изъ плѣна гребенской казакъ Демущкинъ, — за одинъ переходъ отъ Хивы ханъ наконецъ замедлялся и просилъ остановить войска, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись ѣхать къ хану, Бекевичъ взялъ съ собою 300 гребенскихъ казаканъ. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ калачами, да только улицы въ немъ очень ужъ тѣсны. У воротъ насъ встрѣтила знатнѣйшіе хивинскіе вельможи. Справиавши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ; а тамъ у нихъ были положены двѣ засады за высокими глиняными заборами. Улячка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, какъ змѣя, такъ

¹⁾ А. Поповъ. Сношеніе Россіи съ Хивой и Бухарою при Петрѣ Великомъ, стр. 81.

²⁾ Показаніе татарина Алтына (тамъ-же, стр. 97).

³⁾ Смот. приложеніе XIV.

что мы проѣзжали по два да по три коня, а заднихъ совѣмъ не было видно переднихъ людей за этими кривулинами. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу переднихъ, и начала палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ — впередъ ли, назадъ-ли дѣйствовать, а въ это время показались невня орды съ боковъ и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ и изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую засаду мы втѣрлись. И не приведи, Господи, какое тамъ началось побоище!.. Пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехсаженными донимали насъ, — вотъ, какъ рыбу, что багрять зимой на Янгѣ. Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: „съ коней долой, ружья въ руки“!.. А потомъ всѣ поднимаютъ уже голосъ: „въ кучу, молодцы, въ кучу!“.. А куда ужъ тамъ въ кучу, коли двумъ тремъ человѣкамъ съ лошадыи и обернуться негдѣ! Бились въ растяжку, да и бились-же не на животь, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ! Раненые и тѣ отбивались лежаціе, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ тогда изъ проклятой трудобы, — всѣ тамъ полегла! А изверги надѣвались даже надъ кавказскими тѣлами: отрѣзывали головы и, вздѣвши ихъ на длинныя пикн, носили по базарамъ. Самого Бекевича схватили раненаго, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, что-бы расколится малыми частями по разнымъ вышкамъ. А когда войска разошлись такимъ глухимъ порядкомъ, то въ тѣ норы хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули къ ясыри. Съ самого Бекевича, послѣ лютыхъ мукъ, съ живого содрали кожу, приговаривая: — Не ходи, Девлетъ ¹⁾, въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарью, не вщи золотыхъ песковъ“ ²⁾...

Вскорѣ по истребленіи отряда вернулись осенью въ войско бѣжавшіе изъ плѣна яцкіе казаки: *Федоръ Емельяновъ* и *Михаилъ Блотнолкинъ*, астраханскій иртовый татаринъ *Уразметъ Азметевъ* проводникъ туркменъ *Ходжа Невесъ*; представленные въ военную коллегію они первые рассказали въ сенатѣ при царѣ Петрѣ объ несчастной участи отряда ³⁾. Послѣ того, въ разныя года, возвратилось изъ плѣна около 50 кавказовъ. Всѣмъ имъ выдавалось изъ статсъ-конторы, за полное терпѣніе, по 10 руб. каждому.

Такъ печально окончился несчастный хивинскій походъ въ 1717 году [20].

Гарнизоны крѣпостей, основанныхъ Бекевичемъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, находились также въ весьма печальномъ положеніи. Къ лѣту 1717 года въ Тюкь-Караганѣ умерло болѣе 500 человѣкъ, а въ Красноводскѣ смертность была еще значительнѣе; здѣсь здоровыхъ оставалось всего 200, а больныхъ 700 человѣкъ, остальные умерла. Командавтъ крѣпостей,

¹⁾ Князь Бекевичъ-Черкесскій былъ родомъ изъ кабардинскихъ князей и до св. крещенія носилъ имя Давлетъ-Гирей.

²⁾ „Кавказскій Сборникъ“, 1887 г., выпускъ 1, страницы 65—70.

³⁾ Смот. приложение XIV.

видя гибель гарнизоновъ и не имѣя никакого приказанія послѣ гибели Бековича рѣшились возвратиться въ Астрахань и тѣмъ спасти отъ гибели остатки своихъ отрядовъ. 3-го октября полковникъ фонъ-Деръ-Виденъ, оставивъ Красноводское укрѣпленіе, отплылъ на бывшихъ у него 13 судахъ; но буря разнесла и потопила большую ихъ часть, при чемъ погибло до 400 человекъ, а остальные занесены были въ разныя мѣста, гдѣ и зимовали, имѣя стрипвую нужду въ припасахъ и только весною 1718 года прибыли въ Астрахань ¹⁾.

Прошло болѣе полутора ста лѣтъ со времени похода Бековича въ Хиву, а среди казаковъ на Уралѣ во времена І. И. Желѣзова еще были живы воспоминаванія объ этомъ несчастномъ и роковомъ для войска событіи.

Сохранилась и пѣсня объ этомъ походѣ:

„Какъ на устьѣ-то было, братцы, Янкушки,
 На краю моря было Каспійскаго,
 Что во славномъ горюкѣ было во Гурьенѣ
 Собирались тутъ войска царскія,
 Войска царскія, все изъ-за моря:
 А съ войсками, братцы, казаки были:
 Гребенскіе, братцы, и привицкіе-старожилые.
 Какъ посланникомъ Царя былъ казъ Бековичъ,
 И сказалъ всѣмъ намъ онъ словечушко:
 —, Вотъ вашъ батюшка, Православный Царь,
 Посылаетъ насъ на Аму-рѣку,
 На Аму-рѣку, на Ургенчъ-городъ.
 Завоюемъ мы ханство Хивинское,
 Покоримъ его, братцы, Царю Вѣлому,
 Царю Вѣлому, ребята, Петру Первому.
 А хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
 Смого зала мы въ полонъ возьмемъ.
 И за то, за все наградитъ онъ насъ,
 Наградитъ онъ насъ всѣхъ по царски.
 А теперь, братцы, вы послушайте.
 Вы послушайте, казаки, братцы.
 Что похоть будетъ намъ труднѣеюкъ:
 На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ,
 Одна гола степь, безъ дороженекъ...
 Ой, вы, братцы мои, вы казаченьки,
 Привицкіе старожилые, постарайтесь.
 Сослужите службу вѣбичалую,
 Помогите вы Царю-Батюшкѣ.
 А возьмемъ Хиву, погостимъ мы тамъ
 И къ холодной зимѣ мы домой пройдемъ“ ²⁾...

¹⁾ А. И. Махшеевъ, Истор. обзоръ Туркест., стр. 76.

²⁾ Клязьмин Сборникъ 1867 г., выпускъ І, стр. 65—70. Пѣсня эта, вѣроятно, была сложена въ казакъ во время формированія отряда въ Гурьенѣ.

Сохранялась въ войскѣ и преданіа объ этомъ походѣ. Иос. Игн. Желѣзнову удалось записать одно изъ нихъ со словъ казака *Афанасія Дмитріевича Барсукова*.

Вотъ что пишетъ объ этомъ *И. И. Желѣзновъ*¹⁾:

— *Хива — страна заклятая*; до поры, до времени покорить ее никакими силами нельзя, — началъ свой рассказъ мой собесѣдникъ, *Аф. Д. Барсуковъ*, когда я попросилъ его рассказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя *Бековича-Черкаскаго*. — Еще допрежъ *Бековича*, — продолжалъ старикъ, — не разъ наши праотцы, то-есть казаки *Яцкіе*, дѣлали попытки — хаживали въ Хаву, сами собой, безъ указа, значить, царскаго; щипать щипали ее, было дѣло; но совсѣмъ покорить не могли, подвести ее подъ державу *Вѣлаго* царя подобно тому, какъ *Ермакъ Тимофеевичъ* подвелъ Сибирь. Нѣтъ, живуча, проклятая! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насялу оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяча нашихъ молодцовъ сложили свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ этомъ, однако „шила въ иѣшь не утаишь“ — что правда, то правда! На нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хиву не покорили, — ваши что? наши — царь вольный, беззаботный, отчету наши никому не давали, а вотъ когда о *Бековичѣ* вспомнишь — какъ онъ-то голубчикъ, не покорилъ Хиву, такъ поневолѣ призадумашься; не вѣрилъ бы, да повѣрилъ, что на Хиву заклятіе положено. Вѣдь князь *Бековичъ* пошелъ на Хиву не самъ собой, а по указу царя *Петра Перваго*, а *Петръ Первый* шутить не любилъ: чуть не такъ — за ушко да на солнышко. Предъ *Петромъ Первымъ* не точю свои, а и чужестранные егеря дрожали, какъ листъ передъ травой. Что егеря? — царя-то всѣ, короли то всѣ невѣрны ему дань платили; одна только Хива въ усь не дула — вотъ ты и подумай! *Бековичъ* пошелъ въ Хиву не съ горсточкой, какъ къ приѣзду наши праотцы допрежъ него ходили: *Бековичъ* пошелъ, батенька, съ цѣлой арміей. Опрічь нашихъ казаковъ, у *Бековича* были и довскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуны; у *Бековича* и артилерія и всякаго пушечнаго снаряда была бездна; при *Бековичѣ* было много и другихъ евераловъ, полковниковъ и всякихъ военныхъ чиновниковъ: одно слово, *Бековичъ* пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обратился ко мнѣ старикъ): какъ же *Бековичъ* не взялъ Хиву? А вѣдь до Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, *Бековичъ* не взялъ Хивы? — переспросилъ я въ свою очередь рассказчика.

„Взять то онъ ее взялъ, да не удержалъ; вотъ въ чемъ и сила-то. *Бековичъ* благополучно дошелъ до Хивы. Везъ бою, безъ драки хивинцы покорялась ему. Хивинскій ханъ и всѣ его мурзы-лазиря вышли за ворота, вали предъ *Бековичемъ* на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою

¹⁾ Соч. *И. И. Желѣзнова*, „Уральци“, т. 3, стр. 72—78.

объ землю три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города—значить, покорились.— По нашимъ книгамъ, говорятъ хивинцы, — мы довольно хорошо извѣстаны, что рано ли, поздно ли, намъ не миновать рукъ Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ не миновала Казань и Астрахань. Вадводе, говорятъ, пришло то время: покоряемся. Шествуй, говорятъ хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тея; бери съ насъ дань, какъ указы Царя Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатитъ, сопротивлячатъ не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимся объяснить вашему княжецецкому степенству, — говорятъ злые и хитрые хивинцы: Хева городъ не очень большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какого утѣсненія не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и насчетъ продовольствія. По этимъ резонтамъ (говорятъ хивинцы Бековичу), не угодно ли будетъ вашей княжецкой милости, сдѣлать такъ: разставить свою арменшаку не въ одной Хивѣ, а въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самия что ни лучшія мѣста отведемъ, гдѣ и людямъ будетъ привольно, и конямъ ахъ кормно; одно слово, — говорятъ хивинцы Бековичу, — потщимся представить вашему княжецецкому степенству и всему воинству расейскому всякое утовольствіе; такъ убоготворимъ, что на всю жизнь довольны останетесь. Выслушавши такую лестную рѣчь злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилелся и тотъ же часъ, не говоря худого слова, отдалъ подначальнымъ евераламъ и чинаовникамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый евераль, каждый чинаовникъ съ своимъ отрядомъ разошлись на фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы укажутъ; а самъ со святой и съ небольшими конвоемъ вступилъ въ городъ Хяву; вступилъ — и больше уже не выѣзжалъ, больше ужъ и на свѣтъ то Божій не глядѣлъ. Такимъ манеромъ, — продолжалъ старикъ, — заманили хитрые хивинцы Бековича съ армією словно въ западню; заманили и въ одну ночь задали карачучъ всѣмъ русскимъ, то всѣ вникъ голубчиковъ перерѣзали, какъ барановъ, вникъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни передали: съ живого, говорятъ, съ него кожу содрали, разбесѣли! Вотъ тебѣ и покорялись! Вотъ тебѣ и убоготворили! Вотъ тебѣ и дань заплатили! Если и всѣ такъ будутъ поступать, добра немного! Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

„Не бѣляй-то лебедь, лебедчикъ воскликнулъ, —
Добрый молодецъ, князь Бековичъ, слезно вослакалъ“..

Вотъ этими словами (продолжалъ рассказчикъ) начиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, я въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хоша я пѣвалъ, то за другими, теперь же — говорить ли? — совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не вѣщи ужъ. Помню (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывная! Да и какъ не быть ей жалостливой; шутка-ли? — съ живого кожу снать!... — Брррръ!!! — Старикъ

сдѣлать кислую гримасу и отчаянно потрясъ головой. Потому продолжалъ:— А сколько нашихъ-то казаковъ погибло—языкъ не выговорить! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи, пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, казихъ-нибудь два—три десятка, не больше; всѣхъ хивинцы—изверги порѣшали: которыхъ, значить, перерѣзали, которыхъ въ плѣвъ забрали, и тѣ тамъ див свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой врасавцу, въ тотъ разъ посчастливилось: не выдалъ онъ, этотъ казачекъ, ни рѣзни, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, выдалъ онъ то, отъ чего сердце голубится. Слушай, какая линія вышла. На фатерѣ, гдѣ казачекъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская, — не умѣю сказать хорошенько, да вѣдь не въ томъ силе! — Вотъ она-то, эта молодая хивиночка, и защитила казачка. Въ ту ночь, въ которую хивинцы угговорились задать Бековичу и всѣмъ нашимъ карачунъ, хивиночка увела казачка изъ дому въ садъ, въ самый глухой и удаленный уголокъ и сиротала; одно слово, припрятала молодца въ какомъ-то потаенномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранялся сколько-то времени; тамъ, значить, и любовью они пробавлялись, то-ясь, казачекъ и хивиночка. Сорты!“ — замѣтилъ старикъ съ вѣкотораго рода самодовольствіемъ.

— Нанослѣдокъ послѣ рѣзни (продолжалъ старикъ), послѣ всей аворохи, когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по своей поганой вѣрѣ, богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ хивинскую одежду, дала ему провязія и сколько-то серебряныхъ и золотыхъ денегъ, — въ Хивѣ бумажекъ нѣтъ, — потому вывела изъ лобазы самую что ни есть рѣзвую лошадь, трухменскаго аргамака, отдала ее казачку и на ней велѣла ѣхать въ путь-дорогу, то-ясь, на родимую сторону. Больше, значить, не можно было хивинкѣ сохранить казачка (пояснилъ рассказчикъ), а выдать его хивинцамъ на смерть, либо на неволю злую—жалѣла: любила, значить. Басурманки—басурианки, а за ними стаяи художества водятся! Хорошо. Хивинка совѣтовалась съ какой-то старухой, пособницей своего дѣла, и, по ея совѣту, научила казачка, какъ проѣхать ему черезъ хивинскую землю, чтобы не попасть хивинцамъ въ руки. Казакъ простился съ хивиночкой, поѣхалъ и, за родительскія молитвы, выѣхалъ на Яикъ здоровъ и невредимъ. Въ дорогѣ казачекъ не одинъ разъ встрѣчался съ разными хивинцами и удачно отдвигивался отъ нихъ. А какъ отдвигивался? Слѣшю сказать! Къ примѣру: встрѣчутся съ нимъ хивинцы, сиротать, кто онъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ. А онъ упритворится нѣмымъ, не говорить, а только вычить; потомъ сниметь съ сѣдельной дуги заплечную уяду, покажетъ хивинцамъ, ткнетъ пальцемъ въ гриву лошади и сдѣлаетъ руками знакъ: лошадь-де пропащую разскаиваю. Этого мало: сиротать съ лошади и проведеть ладонью по збу лошади, дастъ знакъ: лошадь-де ласал; потомъ нагнется и обведетъ рукою около колѣни лошади — дастъ

заякъ: лошадь-де бѣловосая. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила замѣталь старикъ съ самодовольствомъ: „такимъ давай Богъ нашему брату!... Хивяны поглядать-поглядать на нѣмого, улыбнутся и покачаютъ головой: не видала-де; и обѣдутъ, оболтусы, своей дорогой, а казачекъ и радъ; дальше ѣдетъ. Такимъ манеромъ и проѣхалъ онъ сквозь хивянскія жилия и выѣхалъ въ степь. Въ стѣнахъ случилось ему сталкиваться кой съ какими людьми, примѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо пускался скакать и ускокаивалъ: лошадь была ужъ очень рѣзвая.

„А другой казакъ, по имени Тр. М-чъ Новиковой, такимъ манеромъ спасся и вышелъ изъ Хивы,—продолжалъ рассказчикъ. —Этотъ былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую, чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Онъ что сдѣлалъ? Обрядился, сударь мой, татарскимъ кулоемъ, то-есть навертѣлъ на шапку буса два буса, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать. Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

„Старый казакъ догадливъ былъ“...

„И что же?—продолжалъ рассказчикъ,—куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почтениемъ: напоить, накормить и на дорогу провѣин дать. Въ ямъ мѣстѣ спроситъ его: кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобъ не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчаливымъ, опуститъ глаза въ землю, вздыхаетъ, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя, однако, такъ, чтобы орда было слышно, шепчетъ: „Алла! Алла! басмилла!“ Орда разявитъ рсть, дивуется, принимаетъ Тр. М. за странника, за богомольца, за молчалиника, пуще прежняго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошади подъ него кавали, провожатыхъ съ нимъ послали; одно слово, встрѣчали и провожали Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ манеромъ онъ всю орду прошелъ, проѣхалъ безпрепятственно. По выходѣ изъ орды въ Расю, Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ Царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верхнихъ городовъ въ Астрахань, царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ помытомъ онъ одианъ-одинехонекъ прошелъ черезъ орду басурманскую?

— Бородушка помогла!—отвѣтилъ Тр. М-чъ.

— Какъ такъ!—спрашиваетъ царь и пуще прежняго дивуется.

— Такъ и такъ!—говоритъ Тр. М-чъ:—но бородушка мена вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали.

— Исходить же тебѣ, старинушка!—сказалъ Петръ Первый и ласково поглядѣлъ Тр. М-ча по сѣдой его бородушкѣ.—Значитъ не все я пожаловалъ вашу братью, анцкихъ казачковъ, бородой: умѣете пользоваться ею; что хорошо, то хорошо!—сказалъ царь.—А какъ твое имя, отечество и прозвище?—спросилъ Петръ Первый:—скажи-ка въ другой разъ, а забылъ.—

Тр. М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ:—Такъ какъ провела тебя через орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты, Тр. М-чъ, отнынѣ до вѣка не Новинскій, а *Бородина!*

— Царское слово свято!—сказалъ рассказчикъ:—и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородининъ. Одни изъ теперешнихъ чиновниковъ Бородинныхъ,—прибавилъ старикъ,—въ примѣру почтенный П. М., храбрый К. Ф. и другіе ихъ родня, идутъ отъ корня Тр. М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Тр. М-чъ надулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ“.

Г Л А В А XXII.

Донось казана Чулехтина. Волненія въ войскѣ и приговоръ о выгнанныхъ въ Русь казакахъ. Розыскъ бѣглыхъ крестьянъ князя Меншикова. Возвращеніе казачьяго каравана изъ Хивы. Изгнаніе Карташева въ Русь, его донось и сыскъ по доносу. Набѣги киргизъ (1717—1718).

Тихо было въ Яицкомъ городѣ послѣ ухода Черкаскаго въ Хиву. Правда, въ городѣ не было малолюдно — съ 1695 года до похода въ Хиву казаки приверстали въ свои ряды болѣе двухъ съ половиною тысячъ выходцевъ изъ Руси. Они считали въ своихъ рядахъ уже пять тысячъ казаковъ. Но изъ нихъ 1500 ушло въ Хиву, а 500 человекъ, выступившихъ тринадцать лѣтъ тому назадъ въ Шведскую войну съ походнымъ атаманомъ Рекуновимъ, до сихъ поръ еще не возвращались. Но все же въ войскѣ оставалось болѣе трехъ тысячъ человекъ, было кѣмъ обороняться отъ киргизъ, съ кѣмъ ѣздить за хлѣбомъ въ Русь. А киргизы не зѣвали — они рыскали по степи и захватывали казаковъ врасплохъ: — побили и захватили они въ плѣнъ вблизи городка бывшихъ въ лѣсу на работѣ 54 человекъ казаковъ и отогнали сто лошадей¹⁾. Киргизы были уже далеко, когда въ городѣ узнали объ этомъ и пустились въ погоню. Киргизы ушли безнаказанно.

Тяжелыя времена наступали для Яицкаго войска. Безпрерывныя непосильныя наряды перемежались съ набѣгами киргизъ, не дававшихъ казакамъ покоя; къ этому присоединились еще и внутреннія неурядицы. Крѣпкіе и основныя устои общины вмѣшательствомъ Москвы во внутреннія дѣла войска были нарушены. Казачьи приговоры, освященные годами, стали терять свою силу — они встрѣтили необходимаго и грознаго врага въ лицѣ московскихъ воеводъ, которые не считались съ ними и своимъ личнымъ приказомъ, своимъ судомъ рѣшали казачьи дѣла, не спрашиваясь съ желаніями круга. Москва стала сильна въ войскѣ; къ ней стала на Яикѣ прислушиваться. Старинные казаки, особенно старшины, ставшіе уже зажиточными, стали вольно тянуть руку Москвы, стоявшей за порядокъ, хотя и чуждый казачеству, но дававшей ей право направлять жизнь на Яикѣ въ своихъ интересахъ и хотя слегка сдерживать вольныя порывы казачества, которые уже иногда не видѣли мѣста въ госу-

¹⁾ Чолобитная яицкаго войска царю Петру 1791 г. 28 іюля. М. А. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 482.

дарствѣ и шли въ разрѣзъ съ установившимися взглядами правящаго класса Москвы.

Въ войскѣ въ это время образовалось двѣ незначительныхъ старшинскихъ партій: одна въ главѣ во главѣ съ бывшими атаманами *Матвеемъ Мироновымъ*, состоявшая изъ старинныхъ природныхъ яицкихъ казаковъ, вела глухую борьбу въ за власти съ другою партіею, во главѣ которой стоялъ войсковою атаманъ *Григорій Меркульевъ*. Заступившись за бѣжавшаго со службы Ивана Карташева, Мироновъ въ лицѣ новой партіи назвалъ себя непримиримыхъ враговъ. Были, вѣроятно, и другія причины, которыя заставляли эти двѣ партіи уже не тайно, а открыто враждовать между собою.

Яцкій казакъ *Сафонъ Чулехтинъ*, принадлежавшій къ партіи Меркульева, еще въ концѣ 1716 года подалъ доносъ въ Казань о томъ, что Мироновъ скрылъ у себя и не казнилъ Карташева. Чулехтинъ оговорилъ по этому дѣлу и еще пять человекъ казаковъ ¹⁾.

По указу изъ Казани Карташевъ былъ схваченъ и закованъ въ цѣпи; съ нимъ вмѣстѣ схватили и оговоренныхъ пять другихъ казаковъ.

Всѣхъ ихъ подъ карауломъ отправили въ Казань. Станичнымъ атаманомъ при караулѣ поѣхалъ *Герасимъ Васильевъ Погодаевъ*, есауломъ *Иванъ Логиновъ*. Путь на Казань въ то время шелъ черезъ Самару. По дорогѣ на Самару при урочищѣ *Красномъ Колѣ*, по заявленію извозчиковъ, которые везли арестантовъ, Погодаевъ приказалъ обыскать Карташева и его товарищей, но ни топоровъ, ни ножей, какъ заявили возчики, у нихъ не нашли. Въ другой разъ обыскъ произвели въ Самарѣ. Тутъ у товарища Карташева у казака *Дмитрія Чебака*, сидѣвшаго въ однихъ съ нимъ саняхъ, нашли ножъ, спрятанный въ шапкѣ за тульюю. Этотъ ножъ оказался выкраденнымъ Чебакомъ у есаула Ивана Логина. Арестованныхъ доставили въ Казань благополучно и представили вице-губернатору *Никитѣ Алферовичу Кудрявцеву*. Между тѣмъ доносъ Чулехтина вызвалъ на Яикѣ цѣлую бурю. Какъ?—войско осудило Карташева по своимъ военнымъ правамъ за побѣгъ со службы къ смерти, по своей волѣ оно его и простило! Какъ же смѣютъ вмешиваться въ ихъ внутренніе дѣла, судить снова уже осужденнаго всѣмъ войскомъ казака?! Губернаторъ не признаетъ военного права судить казаковъ!!

Вѣдь атакъ всѣ виновные предъ войскомъ будутъ уходить въ Казань и жаловаться губернатору?! Надо это пресѣчь. Никто раньше не смѣлъ возвысить голоса противъ приговора войска, идти противъ него. А теперь? Теперь вопиюще говорятъ, что есть и на войско управа. Они стали уходить съ Яика въ Казань и возводить на войско всевозможныя преступленія.

Зашевелилась даже полиція. Въ январѣ мѣсяцѣ, собравшись въ гости въ домъ казака Федора Березина, священника церкви Алексѣя Митрополита:—*Иванъ Клементьевъ* и *Никита Ивановъ* поспорили „о духовныхъ дѣлахъ“. Споръ

¹⁾ Фамили ихъ неизвѣстны, за исключеніемъ одного: Дмитрія Чебака.

вышелъ горячій. Разсердившійся священникъ Левъ пригрозилъ Никитѣ, что овъ будетъ жаловаться на него въ Казань. Тогда священникъ Никита въ собранномъ кругу „близъ челомъ въ тѣхъ словахъ на одного попа Лева“. Атаманъ Меркульевъ позвалъ Лева въ кругъ и въ кругу войско приговорило „его Лева за такія слова бить въ рычажь“¹⁾.

Но за попа заступились старинные казаки и войско приговоръ отиѣнило, приказавъ попу въ слѣдующій разъ держать языкъ за зубами.

Войско было раздражено. Его стали пугать Казанью. Преступники и виновные теперь перестали бояться казачьяго суда—они нашли себѣ заступниковъ у московскихъ воеводъ.

Въ кругу было шумно. Казаки кричали, что надо бить рычажьемъ всѣхъ, кто будетъ доносить — „хвалиться Казанью“...

Послѣ долгаго крика и шума войско наконецъ во главѣ съ атаманомъ Григоріемъ Меркульевымъ рѣшило: „буде кто похвалится Казанью и такихъ пяти или шести человѣкамъ одного бить рычажьемъ“²⁾.

— „Мы найдемъ и другую воду!“ — кричалъ разгорячившійся казакъ Федотъ Донской. Тяжелы казакамъ были доносы — вольной жизни ихъ приходило конецъ... Горячіе головы готовы были уже искать и „другую воду“ — другую какую либо вольную рѣку, лишь бы избавиться отъ московской опеки.

Сдѣлавъ выговоръ священнику, войско составило приговоръ: „отправить къ Казанскому губернатору челобитье о томъ, чтобы „тѣмъ лицамъ казакамъ, которые жевучи на Яикѣ одолжаютъ и явятся въ другихъ овилахъ и подлежатъ по войсковому суду наказанію и оттого уходятъ съ Яику и доносятъ въ Казани на войско въ неправыхъ дѣлахъ, чтобы такихъ не вѣрять“³⁾. Написали Казанскому губернатору отписку. „Которые у насъ на Яикѣ при войску казаки одолжаютъ великими долгами, — писали казаки въ отпискѣ, — и бѣгаютъ на государевы города и которые у насъ въ войску заворуются и за то воровство по вашему войсковому суду должно казнить смертію и виѣсто смерти тѣхъ виноватыхъ казаковъ ссылаемъ въ Русь и оныя заворовавшіе приносятъ доношеніе на насъ войско ложно и обносятъ всякими неправдами хотять видѣть государеву вѣтчину въ разореніи... великій государь пожалуй насъ казаковъ вели казакамъ, которые заворовавши бѣгаютъ и войскомъ за воровство ихъ ссылаютъ вмѣсто смерти въ Русь, не вѣрять“⁴⁾...

Написали казаки челобитье и казанскому митрополиту Тихону, прося заступиться за войско и попросить объ войсковомъ челобитѣ губернатора Волынского и въ Петербургъ „высокомочныхъ людей“.

¹⁾ Моск. Ар. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 408—413; показаніе Карташева на допросѣ.

²⁾ Моск. Ар. Гл. Штаба, листы 141—147. Ромыскъ по доносу Карташева. Тоже подтверждается въ ромыскѣ Затарова.

³⁾ Моск. Ар. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 156—161. Показаніе атамана Григорія Меркульева.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 192—195. Справки изъ Казанской губернской канцеляріи къ допросу по доносамъ Карташева.

Съ отими отписками побѣжали въ Казань ставничій атаманъ *Матѣй Ивановъ*, при немъ ставничій есаулъ *Захарій Яковлевъ*. Прибыли ставничики въ Казань въ концѣ февраля, гдѣ и подали свои отписки. Въ то же время находившіяся въ Казани *Карташевъ* не былъ признавъ виновнымъ, въ чемъ ему и былъ данъ въ канцеляріи указъ за подписью *Кудравцева*. *Карташевъ* отправился обратно. Въ указѣ, посланномъ на ния войскового атамана, говорилось, чтобы *Карташеву* „никакихъ обидъ и налоговъ не чинили, а какое до него дѣло будетъ о томъ писать въ Казань“. Вернулся *Карташевъ* на Яикъ въ великій постъ и подалъ въ кругу дачный ему указъ.

Войско оставило его жить на Яикѣ по старому, но подозрѣвая *Карташева* въ измѣнѣ и въ тайныхъ доносахъ, казаки послали отписку къ Казанскому губернатору *Петру Самойловичу Салтыкову*, чтобы такимъ какъ *Чулехтинъ* и *Карташевъ* ему, губернатору, „по войсковому обыкновенію ни въ чемъ не вѣрять“¹⁾.

Вскорѣ вслѣдъ за *Карташевымъ* вернулась на Яикъ и станица *Матѣя Иванова* и вручила полученную въ Казани отъ митрополита *Тихона* грамоту. Митрополитъ просилъ выслать въ Казань поца *Девиса Осипова*.

Грамота была прочитана.

„Отъ Великаго Государя пресвященнѣйшаго *Тихона* митрополита Казанскаго и Свіазжскаго, — читалъ войсковой писарь собравшемуся кругу, — въ допросѣ съ тѣмъ пастырь наша чадамъ запольные рѣке Яику яцкиимъ атаманамъ — казанкамъ: войсковому атаману *Григорью Меркулеву* и всему Яицкому войску.

Благодать Господа нашего *Исуса Христа* и любовь Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди вамъ чадамъ нашимъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу и въ приращеніе всячесныхъ благъ.

Сего настоящаго по *Христовѣ* рожденію 1717 году февраля мѣсяца въ 22 день писали вы къ намъ архипастырю своему всѣмъ Яицкимъ войскомъ просительно, дабы намъ посланнымъ отъ васъ ставниному атаману *Матѣю Иванову* да есаулу *Захарію Яковлеву* съ товарищи въ прошеніи вашемъ до высокихъ персонъ подать руку помощи и ны о милостивомъ къ вамъ словеніи и нуждѣ вашихъ о исправленіи къ пользѣ намъ въ Казани самолично ближняго боярина и губернатора *Петра Самойловича Салтыкова* съ товарищи просили, а въ Санктпетербургѣ къ высокопочному Сенатору въ ближнему боярину къ графу *Петру Матѣевичу Авраксину* писали да и впродъ ны въ чемъ возможно блюдетельствовати вамъ неотрицаемса.

Во ономъ же писаніи объявляете намъ, яко за презорственное жителство высланные отъ васъ люди являются намъ и обясатъ васъ неправо будто вы итете расколъ и въ церкви Божіи неходите и такихъ людей не единъ вамъ неавлявалса и того ны въ васъ быти непадѣмся точію сіе въ васъ содѣяса недобре пржевей вашъ войсковой атаманъ *Федоръ Петровъ сынъ*

¹⁾ Тамъ-же, листы 161—163, 165, 166, 172—175.

Семенниковъ въ старости своей постригая и поскинулся въ мирскомъ домѣ, а постригалъ его и скинулъ прѣхавшій съ Керженца некоемъ запрещанный чернецъ, но и раскольникъ презельный, которой прежде въ бѣльцахъ жилъ между вами православными христіанъ яко волкъ въ овечьей коже подлогоу, звали его *Діонисіемъ*, который и насъ оболгавъ своимъ покояніемъ постригся въ Успенскомъ Зилантовѣ монастырѣ и подговоря дѣвку бѣжалъ на Керженецъ, тамо перестригая и назався *Досифіемъ* и ового Семенникова погребъ у насъ онъ же нечюю въ монастырѣ, но ни у церкви съ *Шацкой* *лукъ на полъ*.

И сіе убо весьма церкви святой восточно-православной противно и нашей мѣрности презерно, понеже азъ есмь вамъ архипастырь и о вашемъ спасеніи некуся и всякое усердное тшавіе къ пользѣ вашей имѣю и чего вы у меня не востребовете, аще что церкви святой восточно-православной и святымъ правиламъ не противно, вся вамъ исполнаея и ничѣ еще востребуете и имате просите у насъ мы васъ благословимъ у которой церкви восхощете возградить монастырь и посвятимъ къ вамъ игумена или отпустимъ строителя и тамо хотяшіе отъ васъ и престарѣлые, ящцаго ради своего душевнаго спасенія, постригаются въ монашество благословенно, а отъ такихъ противниковъ и раскольниковъ и хотя и не отъ раскольниковъ, но отъ запрещенныхъ поповъ бѣглецовъ, какое благословеніе, но клятва — понеже самъ подъ клятвою, скарѣчь подъ отлученіемъ, и никакое таинство не въ таинство, но въ грѣхъ непростительный вмѣняея и отъ такихъ злодѣйственныхниковъ треклятыхъ враговъ велико душъ христіанскихъ погибоста и погвабають; восставву горе, горе таковымъ прелестникамъ и прельстившимся отъ нихъ, егда убо могутъ сами весьма слѣви суще слѣпихъ водите? къ симъ же аще восхощете ящцаго ради церкви святой православной утвержденіи и предѣломъ вашимъ въ велие прославленіе посвятимъ къ вамъ и протопона и сего ради завѣщая вамъ паствы нашае чадамы и моля васъ именовъ Господа нашего Іисуса Христа предлагаю гласъ мой пасторскій неприобщайтесь такимъ врагомъ Божиимъ и да неблажѣйтесь милостивыми глаголы поистиниѣ, убо сіи безумные чело-вѣцы по своимъ похотяхъ ходять, отдѣляюще себя отъ единости вѣры прельщеніи діаволомъ иже святей церкви восточной православной и накъ архипастырямы и всаему освященному собору непокоряющеса и упоромъ вѣчно погибають, противещеса святей восточной церкви, отъ нея же во едина Бога намъ вѣра и все писаніе възъ древле, и такихъ прельстниковъ всякъ до-бѣгаетъ, по учительству святаго апостола Павла, еретика-человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отарщайся вѣдый яко развратиса таковій и со-грѣшаель и есть симо осужденъ и таки аще ли кто внако учить и непри-ступаель къ здоровымъ словесемъ Господа Іисуса Христа и ученію еже по маловѣрїю разгордѣса начеже вѣды, но недугуетъ остязаніяхъ и словопреніяхъ отъ нихъ же бываетъ зависть, рвеніе, хулы, нещеваніе лукавы, бѣсѣды, злы разстленныхъ чело-вѣковъ умомъ и лишенныхъ истинны нещующихъ и коея до-

стойни милости такіе злиі человекѣны иже по дворахъ и по пустыняхъ истинніе сущи волки тайно ходяще учать невеждѣ испроствыхъ людей своею погнѣблѣи и возмущаютъ и во святей церкви раздоръ творять, а по святому Іоанну Златоусту ничто же тако раздражаютъ Бога яко же церкви раздѣляются аще и безчисленна будетъ содѣлаше благая о иже тѣло его прѣсѣцающихъ немѣвшую примѣ казни прѣсѣцающе исполненіе Царскесе, за сіе вины такіе раскольники соборныя церкви и досадители безъ всякаго милосердія по правиламъ извергаются отъ церкви и проклятію подлежатъ, по градскимъ же законамъ суровыми муками казняются; повстившіи достойно, неточію въ домы такихъ церковныхъ матежняковъ и раскольниковъ пущити, во и малаго куса хлѣба въ снадѣ имъ подати, пакы колю насъ православныхъ христіанъ не приобщайтесь такимъ врагомъ Божиимъ и не прельщайтесь ихъ бѣвѣдою, пребудете же между собою въ любви и хранитесь всякаго зла и чего себѣ не хошетъ кто да не токмо содѣлаеть кому то, но да ни похочетъ и Господь Богъ да и будетъ миръ и милость за вензрѣченную свою благость и за предстательство Пресвятыя Владычцы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ я иже во святыхъ отецъ нашихъ и великихъ іерарховъ Гурія и Варсонофія и Германа Казанскихъ чудотворцевъ его же ради нашея жѣрности благословеніе архіерейское вамъ всѣмъ во благѣ подаю, а прочесть сѣ нашу просвященнѣйшаго митрополита грамоту всенародно отдать въ соборную церковь. Писанъ въ Царственомъ и богоспасаемомъ градѣ Казани, въ вашемъ митрополіи, лѣта господня 1717 марта въ 10 день¹⁾.

Разыскиваемнѣ священникъ Денисъ Осиповъ былъ стариннѣи язкѣи казакъ и служалъ въ церкви Алексія Митрополита; по лѣтѣ пятнадцатѣ тому назвалъ онъ овдовѣлъ и уѣхалъ въ Казань, гдѣ по архіерейскому указу былъ постриженъ въ монахи, и за пять лѣтъ до присылки этой грамоты поселился въ *Шатикой луцкѣ*²⁾ въ отдѣльной кельѣ, которую построилъ ему бывшій атаманъ Федоръ Петровичъ Семеновъ. Но въ этой кельѣ Денисъ Осиповъ прожилъ всего только годъ и исчезъ съ Янка—куда неизвѣстно³⁾.

Между тѣмъ заступничество Казанскаго губернатора за Карташева вызвало въ войскѣ недоумѣніе. Карташевъ виноватъ въ побѣгѣ. Войско признало его виновнымъ и приговорило за это къ казни, а губернаторъ его оправдываетъ. Тутъ что то не такъ! Очевидно, Карташевъ имѣнникъ—онъ въ дружбѣ съ Казанью и доноситъ на войско!—рѣшаютъ казаки.

Но Карташевъ не увялся. Въ среднѣи лѣта онъ, „будучи въ кабайѣ сталъ язкѣи казакъ поносить и вслѣчески бранить“. Эту брань услышалъ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 334 и 335.

²⁾ Изъ показаній по разсыку Кроткова видно, что эта лука находилась въ полуверстѣ отъ городка, который въ то время простирался лишь до того мѣста, гдѣ теперь находится церковь Петра и Павла, и гдѣ проходила городская валъ отъ Янка (имѣи старикъ) до Чагана.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 28. Разсыкъ Кроткова, отъѣты священника Ивана Иванова, Петра Андреева и другихъ, и тамъ-же, книга 54, листъ 441, доносеніе Кроткова.

войсковой атаманъ Меркульевъ. Онъ ударилъ Карташева войсковою пашкою и отослалъ подъ караулъ съ войсковыми есаулами *Федоромъ Матвеевичемъ Силишнинимъ* и *Михаиломъ Горшковымъ*. Три дня просиживъ Карташевъ въ войсковой избѣ скованный въ цѣпи, и былъ отпущенъ лишь съ условіемъ вести себя смирно. Но безпокойная натура Карташева не выдержала, — черезъ нѣсколько времени онъ выругалъ при войскѣ казака *Никиту Звѣкина* наѣтникомъ. На этотъ разъ Карташева вывели въ кругъ, и атаманъ, разобравъ дѣло и не найдя Звѣкина виновнымъ въ измѣнѣ, снова избилъ Карташева пашкою ¹⁾.

Послѣ этого Карташевъ, какъ онъ потомъ говорилъ на слѣдствіи, по совѣту бывшаго атамана *Матвѣя Миронова*, ушелъ въ Казань, не спросивши войска и атамана, что равнялось побѣгу изъ войска.

Карташевъ бѣжалъ. Но послѣ этого случая войско стало относиться въ высшей степени подозрительно къ бывшему атаману *Матвѣю Миронову*, какъ къ крестному отцу Карташева. Стали говорить, что онъ пишетъ письма къ губернатору *Салтыкову*, что онъ учитъ Карташева писать доносы.

Въ одномъ изъ собравшихся круговъ казакъ *Герасимъ Погодаевъ* сталъ громко кричать, что *Матвѣя Миронова* надо посадить въ воду. „Онъ *Матвѣй* пишетъ тайно въ Казань къ губернатору *Салтыкову* и къ другимъ, — говорилъ *Погодаевъ* въ кругу, — и научаетъ Карташева всякому злу на ящичихъ казакъ доносить!“ ²⁾

Другой казакъ *Герасимъ Логиновъ* крикнулъ войскъ:

„Надо его убить рычагомъ!“ и по адресу *Матвѣя Миронова* посыпался рядъ ругательствъ. Ругалъ не только *Логиновъ*, но и другіе казаки; въ кругу раздались крики, что надо всѣхъ, кто стоитъ за *Москву* особенно *Матвѣя Миронова* и *Митрофана Пиманова* ³⁾, убить или въ воду посадить „такъ-же какъ атаманъ *Булавинъ* атамановъ и старшихъ казакъ побилъ!“ ⁴⁾

Болѣе всѣхъ кричали объ этомъ *Абрамъ Пустоселовъ* и *Герасимъ Погодаевъ*.

Кругъ разошелся; *Миронову* „никакого изъясненія кромя словъ не было“. Но, собравшись у кабака, *Федотъ Донской* въ пьяномъ видѣ, увидѣвъ *Миронова*, сталъ его „бранить вслачески“.

— „Тебя надо убить и жѣвотъ твой побрать!“ говорилъ онъ *Миронову*.

Вывшій тутъ-же казакъ *Абрамъ Пустоселовъ* также нацалъ на *Миронова*.

— „Я самъ тебя чекушей прибью, и людямъ не дамъ бить!“ ⁵⁾ — говорилъ онъ ему въ азартѣ.

Но угрозы оставались одними угрозами.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 177—178.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 141—147. Показаніе *Матвѣя Миронова*.

³⁾ Изъ члѣобитной *Рукавишниковой* видно, что это былъ, бывшій походный атаманъ *Митрофанъ Пимановичъ Алоетинъ*. (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 80, листы 15 и 17).

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 408—418. Показаніе казака *Василія Мордохцева*.

⁵⁾ Тамъ-же.

Войско было настроено тревожно. Въ эту тревожную жизнь внесло еще большее безпокойство небывалое въ войскѣ явленіе—въ городѣ стали появляться казаки, бѣжавшіе изъ отряда Бесовича. Одинъ за другимъ выбѣгали они изъ стени „покивая знамя свое“ и скрывались у родственниковъ. Но войско разыскивало ихъ и съ безпощадной суровостью первыхъ-же пойманныхъ четырехъ человекъ казнило смертью „за побѣгъ со службъ“... Но бѣглецы прибывали одинъ за другимъ. Казнить всѣхъ у войска не хватило духа. Стали бить ихъ безпощадно рычажемъ. Вилоть до осени выбѣгали бѣглецы,— всего бѣжало 33 человекъ.

Въ войскѣ было неспокойно, неспокойно было и въ стени. Киргизы малой орды стали отходить на западъ и стали тѣснить тѣхъ калмыкъ, которые кочевали на лѣвомъ берегу Яика. Въ стени происходили схватки—калмыки не уступали даромъ мѣсть, занятихъ ихъ кочевками, но тѣснимые все болѣе и болѣе они стали отступать предъ сильнымъ противникомъ и вынуждены были постепенно уйдти за Яикъ, оставявъ свои старыя мѣста въ пользованіе киргизъ ¹⁾.

Непримиримые враги казаковъ подошли къ нимъ еще ближе.

Неспокойно было и на сѣверѣ отъ Яика. Башкиры снова заволновались. Причины были тѣ же, что в равнѣ. Всѣ селенія по р.р. Камъ, Балой и Самаръ были разграблены и сожжены. Крестьянъ убивали или увозили въ плѣнъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ Хиву и Бухару или Крымъ. Стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей сажали на колья, а иныхъ давили въ заборахъ: „разберутъ зѣно забора, оставя одно или два бревна исподнія, и покладуть тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ-же заборою сверху ихъ заберутъ и такъ всѣхъ подавятъ“ ²⁾. Внутрь разгорался все болѣе, къ башкирамъ пристали киргизы, татары и чувашы. Селенія русскихъ между Камой и Волгой были все разорены, люди побиты или плѣнены. Усмирилъ ихъ князь Петръ Ив. Хованскій. Зачинщики были пойманы и казнены ³⁾.

Въ тоже время крымскіе и кубанскіе татары сдѣлали набѣгъ на южно-русскія окраины. Полчища ихъ ринулись на Волгу; они разорили: Царицынъ, Пензу, Симбирскъ, Инзартъ, Петровскъ и Ломовъ. Пострадалъ и Саратовъ ⁴⁾.

Кругомъ въ сторовѣ отъ Яика лилась кровь. Нападали-ли враги въ это время на казачій городокъ—неизвѣстно, — не сохранилось никакихъ документовъ.

Въ это тревожное время осенью, 23 октября, въ казачій городокъ пріѣхалъ на Яикъ самарскій дворянинъ *Тихонъ Волковъ*. Пріѣхалъ онъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Давидовича Меншакова за бѣжавшими отъ князя на Яикъ крестьянами. Вѣжали они отъ него изъ Алаторскаго уѣзда изъ села

¹⁾ А. Н. Махмеевъ. Истор. общ. Туркест., стр. 29.

²⁾ Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 167.

³⁾ Витовскій. Неплюевъ и Оренбургъ, стр. 132.

⁴⁾ Голицыновъ. Дѣянія Петра Великаго, томъ VI, стр. 656 и 657, а также А. Леопольдовъ—Истор. очеркъ Саратова и Пугачевщины, стр. 5.

Нароизво Городище. Одинъ изъ утѣснителей, Меншиковъ, былъ грозой для своихъ крѣпостныхъ и они бѣжали отъ него толпами, особенно изъ ятѣвнн, находящагося въ Алаторскомъ уѣздѣ. Съ Волковнми прїѣхала: „драгунн его свѣтлости“ *Семенъ Хозяиновъ* и 12 человекъ Алексѣевскихъ солдатъ и крестьяне Меншикова „укащики, тѣмъ бѣглымъ крестьянамъ родственники“. Привезли они съ собою указъ отъ Меншикова о выдачѣ бѣжавшихъ; при указѣ былъ приложенъ и списокъ бѣжавшихъ.

Казакн по *обычаю уперлись и во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Григоріемъ Меркульевымъ отдавать бѣглецовъ не захотѣли. Особенно настаивалъ на этомъ войсковой есаулъ *Федоръ Силиминъ*. Но тогда старшина Матѣй Мироновъ съ другими старшинами и казаками стали говорить въ кругу, что князю Меншикову нельзя не отдать, но нужно дать только тѣхъ, которые пришли недавно, старыхъ-же служащихъ и приверстанныхъ не отдавать. Но войско стояло на своемъ и согласилось выдать лишь только что бѣжавшихъ на Яикъ двухъ человекъ. Остальныхъ не выдали, т. е. „иные, говорило войско, зашли на Яикъ и служатъ великому государю лѣтъ по семидесяти, а по шестидесяти, и по сороку, и по тридцати, и по двадцати, а по десяти, а иные службы ему великому государю многіе побиты, а иные померли и послѣ въ остались дѣти и ввучата и тѣ такожь служатъ ему, великому государю, лѣтъ по сороку, а по тридцати, и по двадцати, и по десяти, а объ отдачѣ оныхъ крестьянъ, которые зашли лѣты многіе велѣно быть на отвѣтствованіи перво-статейнымъ людямъ (въ войскѣ)“¹⁾. Дворянина Волкова отпустили обратно „честно“, давъ ему конвой изъ казаковъ „для охраненія въ степи отъ внезапныхъ татарскихъ набѣговъ“.

Войско свернуло станицу со станичнымъ атаманомъ *Федотомъ Савеличемъ Донсковымъ*, есауломъ *Степаномъ Дементьевичемъ Дурнищевымъ* и двумя родовыми казаками *Андреемъ Яховлевымъ Карповымъ* и *Федоромъ Астафьевымъ Малышемъ* и отправилъ ее въ Казань къ губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ отпискою и съ просьбою не отдавать бѣглыхъ крестьянъ. На дорогу станицѣ, на наемъ подводу „по совѣту всего войска“ выдано было сто пятьдесятъ рублей „изъ войсковой избы изъ прежнихъ наличныхъ денегъ“. Станица эта изъ Казани должна была ѣхать въ Москву съ особою челобитвой въ военную коллегію. Въ своей челобитной въ военную коллегію казаки, владая указъ князя Меншикова, и говоря, что они часть крестьянъ, „которые явились уцѣхъ въ недавнихъ годахъ отдали“, — пишутъ между прочимъ, что остальные, „которые зашли на Яикъ въ давнихъ годахъ и тѣ казаки, служа на его великаго государя, службъ многіе побиты, а иные и въ полонъ взяты и волю Божію померли, а именно: Иванъ Витошкинъ, который къ намъ пришелъ и женился на нашей природной

¹⁾ Челобитная Яицкаго войска Казанскому губерн. Салтыкову 1718 г. мая 20. Моск. Арх. Главн. Штаба, списъ 107, книга 54, листы 69—71, а также допросъ атамана Григорія Меркульева, тамъ же листы 156—161.

деви и потому лѣтъ съ семьдесятъ и больши и былъ въ первомъ Ругодевомъ походѣ атаманомъ—умре, Матвей Рекуновъ былъ атаманомъ—подъ Выборгомъ убитъ, а дѣти у нихъ и внучата написаны въ доносительной росписи явились въ живыхъ и тѣ служатъ ему, великому государю, лѣтъ по сороку, и по тридцати и по дватцати, и по десяти; да въ прошломъ 716 году по его царскаго величества указу посланы отъ насъ съ Янку въ службу съ лейбъ-гвардіи капитаномъ княземъ Александромъ Черкасскимъ 1500 человекъ, и въ томъ числѣ, которые есть, написаны въ нихъ крестьянской доносительной росписи, также съ вышеписаннымъ княземъ Черкасскимъ служатъ нынѣ, живы ли или вѣтъ о томъ невѣдомо; а какъ та вышеозначенная его государева вотчина зачалась быть за Янкъ и набралась всякими вольными людьми и служить ему великому государю вѣрво во многихъ службахъ по указанъ и по наряду по полторы тысячи и по тысячи и по пяти сотъ человекъ неотговариваясь ничѣмъ и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ противъ челобитя нашего указъ учинить:—съ которого году неотдавать“¹⁾.

Между тѣмъ въ степи, по направлевію отъ Хивы, медленно двигался караванъ яицкихъ казаковъ новокрепченцовъ и татаръ, уѣхавшихъ „въ Бухарн и Хиву“ еще лѣтомъ прошлаго года. Прозимовавъ въ Хивѣ, они весною двинулись обратно къ Янку. Но хивинцы, узнавъ о походѣ Бековича, послали за ними въ погоню, нагнали ихъ и вернули обратно. Здѣсь, отобравъ у нихъ всѣ товары, ихъ посадили въ тюрьму. Шесть мѣсяцевъ просидѣли казаки въ тюрьмѣ и лишь только тогда, когда „надъ княземъ Черкасскимъ и надъ войсками его учинилась гибель“ и когда хивинскій ханъ возвратился въ Хиву, всѣхъ ихъ „торговыхъ людей“ освободили и отпустили изъ Хивы, вернувъ имъ товаровъ „малое число, а другіе всѣ удержали у себя“. По дорогѣ пристали къ каравану двое яицкихъ казаковъ юртовыхъ татаръ, которые были въ походѣ съ Черкасскимъ, но, какъ магометане, были отпущены на волю. Наступилъ конецъ октября и караванъ появился среди узкихъ и извилистыхъ улицъ Янцаго городка²⁾.

Въ куреняхъ зашевелились.

— Прибылъ караванъ изъ Хивы! переходило изъ устъ въ уста.

Собралися кругъ, и передъ войскомъ у войсковои избы предъ смущенными казаками предстали первые вѣстники изъ далекой и „заклятой“ Хивы.

При всемъ войскѣ вернувшіеся рассказали печальную вѣсть о гибели отряда Бековича³⁾. Слухи наконецъ подтвердились. То, чему такъ не хотѣлось вѣрять, оказалось горькою дѣйствительностью. Горе было велико—

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 20—38. Показаніе атамана Григорія Меркулева (копія съ челобитной и указа Петра).

²⁾ Московскій Ар. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 230—236. Показаніе яицкихъ каз. татаръ, бѣгшихъ въ Хивѣ съ торговь.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 192—205. Показаніе войск. атамана Меркулева: „и по прибытіи оныхъ (татаръ—казаковъ изъ Хивы) о побѣдѣ господина князя Черкаскаго стали быть они (войско) свѣдомы“.

болѣ тысячи осиротѣлыхъ семей оплакивали гибель своихъ мужей и братьевъ... Третья часть куреней была въ глубокой печали.

Однаго изъ татаръ, бывшихъ въ походѣ съ Черкасскимъ, войско отправило въ Казань.

Наступила поздняя осень. Въ войскѣ появился наконецъ ушедшій самовольно Карташевъ. Казаки заволновались. Собрался кругъ. Карташевъ повѣдѣлся, что былъ въ Казани.

Войску надоѣла Казань. Казаки зашумѣли и тутъ-же въ кругу за самовольный уходъ изъ войска безщадно его избили. Казаки заподозрили его въ доносѣ на войско.

Озлобленію не было границъ. Безновобный, неуживчивый Карташевъ надоѣлъ казакамъ; прощенный много разъ, онъ своими выходками вывелъ ихъ изъ терпѣнія и казаки рѣшили примѣнять къ нему послѣднюю кару: — изгнаніе съ Яика въ Русь.

Карташевъ былъ изгнанъ. Но войско еще съ нимъ не простилось.

23 ноября того-же года онъ появился въ городѣ Симбирскѣ. Здѣсь, придя въ канцелярію, онъ предсталъ предъ комендантомъ генералъ-адъютантомъ *Иваномъ Полянскимъ* и заявилъ ему, что „лицкой атаманъ Григорій Меркульевъ съ другими казаками умышленно о бѣглецѣ его свѣтлости князю Меншикову крестьянахъ преслушаніемъ своимъ, указу его царскаго величества учинились противникъ: — по требованію его свѣтлости, господь губернаторомъ казанской губерніи, отправленному отъ нихъ дворянину Волкову для забранія съ Яику помянутыхъ его свѣтлости крестьянъ, оной атаманъ Меркульевъ и казаки не отдали, не учина о томъ совѣту съ старинными лицскими казаками, которые прежде сего бывали атаманами и заслуженными людьми, а послали, онъ атаманъ съ товарище своими, въ Санктпетербургъ съ Яику четырехъ человекъ казаковъ чрезъ Казань въ челобитчики съ такимъ прошеніемъ о тѣхъ его свѣтлости крестьянахъ, чтобъ не отдавать“¹⁾).

Доносъ былъ сдѣланъ. Комендантъ потребовалъ, чтобы Карташевъ доносъ изложилъ письменно и, взявъ копию съ доноса, послалъ ее при письмѣ къ князю Меншикову, гдѣ между прочимъ въ концѣ письма писалъ „а если тотъ извѣтчикъ (Карташевъ) при казанскихъ разсказахъ удержанъ будетъ (а не посланъ въ Петербургъ), то оттого можетъ нашей свѣтлости вотчаванъ быть великое разореніе и прочіе на то смотря побѣгутъ не только у подлге шляхетства, но и отъ высшихъ господъ крестьяне всѣ пожелаютъ воли; того ради всепокорно, государь, доношу, ежели тѣ казаки челобитчики окрестяныхъ вашей свѣтлости въ Санктпетербургъ придутъ и стануть бить челоу въ правительствующемъ сенатѣ или самого Его царскаго величества, благоволе, государь, до прибытія ихъ доложить его царскому величеству, по приложенной присемъ копіи съ подаваго мнѣ отъ оного извѣтчика, чтобъ тѣмъ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 50 - 55. Донесеніе князю Меншикову Симбир. коменд. Полянского.

челобитчицамъ тотъ извѣтчикъ указомъ царскаго величества, взять былъ изъ Казани на обличеніе имъ въ Санктпетербургѣ.

Вашей Высоконяжской свѣлости премадествитваго государя всеокорѣйшій рабъ *Иванъ Полянской*¹⁾.

Такимъ образомъ за войско, чтобы не отдавать бѣглыхъ, хлопотала станица съ Фодотомъ Донскимъ, противъ же желанія войска встали симбирскій комендантъ генералъ Поляскій и самъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ.

Поляскій арестовалъ Карташева, и по просьбѣ арестованнаго отправилъ его въ Петербургъ, для чего, придавъ къ нему въ конвой капрала *Платцева* и драгуна *Артамона Хозяинова*, направилъ его 29 ноября при письмѣ къ казанскому губернатору Салтыкову въ Казань. Въ письмѣ Поляскій просилъ, чтобы губернаторъ не задерживая отправилъ Карташева съ тѣми-же драгунами въ Петербургъ²⁾.

По прибытіи Карташева въ Казань, 13 декабря, Салтыковъ приказалъ отправить его по назначенію. Но какъ всегда при каждомъ губернаторѣ, такъ и при Салтыковѣ находился вице-губернаторъ. Онъ былъ, какъ и всѣ въ то темное время, ярый взяточникъ и лихоимецъ, и никакъ не могъ допустить мысли, чтобы столь большое дѣло, какъ донесъ Карташева, сулившій въ будущемъ богатую добычу, могъ быть вынужденъ изъ рукъ и переданъ петербургскимъ чиновникамъ. Вице-губернаторъ Куярцевъ уговорилъ Салтыкова оставить Карташева въ Казани. Карташевъ былъ посаженъ подѣ крѣпкой караулъ, а конвой отправленъ обратно въ Симбирскъ съ роспискою въ приемѣ арестанта. Въ это-же время въ Казани находилась станица Фодота Донскаго и съ разрѣшенія губернатора вскорѣ по прибытіи Карташева выѣхала въ Петербургъ.

3 декабря Карташева привели въ губернскую канцелярію и „предъ ближнимъ болриномъ и казанскимъ губернаторомъ Петромъ Самойловичемъ Салтыковымъ“. Яицкой казакъ Иванъ Якимовъ сынъ Карташевъ въ допросѣ сказалъ:

„Въ нынѣшнемъ 1717 году ноября въ первыхъ числахъ, противъ челобитья свѣтлѣйшаго князя Александра Давидовича Меншакова, съ самарскимъ дворяниномъ Тихономъ Волковымъ, да съ драгуномъ его свѣлости Артамомъ Григорьевичемъ сыномъ Хозяиновымъ и съ Алексѣевскими солдатами съ двѣнадцатью человеками присланъ былъ на Яику въ войсковому атаману Григорью Меркульеву и ко всѣмъ казакамъ изъ Казани великаго государя указъ: — вѣдно по тому указу имъ, казакамъ, съ Яику выдать его свѣлости бѣглыхъ крестьянъ, которымъ прислана подѣ тѣмъ указомъ иманная роспись, и съ ними Волковымъ и Хозяиновымъ присланы были укащики его свѣлости крестьянъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ родственники, и по тому великаго государя указу тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ оной атаманъ Меркульевъ

¹ Тамъ-же.

² Тамъ-же, листъ 40. Письмо Поляскаго къ губернатору Салтыкову.

и казаки съ Янку не отдали и учинили они то безъ совѣту старинныхъ лицъ казаковъ, которые прежде сего бывали атаманами, а нынѣ они на Янкѣ знатныя люди и вѣрныя великому государю слуги, а именно: *Матей Мироновъ, Петръ Авдеевъ, Митрофанъ Пиминъ, Остафей Трофимовъ, Никифоръ Кочеровъ, Матей Прикащиковъ, Антонъ Харитоновъ, Григорій Кармановъ*, и одного дворянина Волкова съ драгуномъ Хозяиновымъ и съ вышесказанными служилыми людьми и съ указани оныхъ атаманъ Григорій Меркульевъ съ совѣтниками своими съ станинныи атаманомъ Федотомъ Донскимъ, съ есауломъ Иваномъ Вавиловымъ, съ казаками: *Никитой Зевакинымъ, Гарасимомъ Паладаевымъ, Гарасимомъ Логиновымъ, Степаномъ Дементьевымъ, съ Андреемъ Яковлевымъ, Никифоромъ Бородинымъ, Василемъ Буданомъ, Меркулемъ Зароскимъ, Василемъ Азовскимъ, Семеномъ Пудовкинымъ, Дмитриемъ Витомасевымъ, Михайломъ Горшиковымъ*, съ Янку отпустили и сказали имъ на словахъ, что де тѣхъ крестьянъ съ Янку не дадимъ, а будемъ о томъ оуть челомъ самому великому Государю, чтобъ пришлыхъ людей и крестьянъ чухъ вѣбуть ни кому съ Янку не отдавать и для де того пошлемъ въ Сѣнь-Петербургъ варочно казаковъ; въ томъ, что оныхъ атаманъ Григорій Меркульевъ и вышеозначенныя казаки его свѣтлости бѣглыхъ крестьянъ съ Янку не отдали, вышеозначенныя старинныя бывшія атаманы *Матей Мироновъ съ товарищи* съ казаками опасны великаго государя гнѣва, о чемъ они ему Меркульеву и казакамъ,—для чего они тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ не отдали, разговаривали; и оныхъ атаманъ Меркульевъ, съ вышеозначенными совѣтниками своими, вышеозначенныхъ старинныхъ казаковъ хотѣли за тѣ слова побить до смерти, а и нынѣ грозятся; и собралъ оныхъ атаманъ Меркульевъ съ казаками съ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ денегъ четыреста рублей и выбрали четырехъ человекъ казаковъ для посланки въ Петербургъ въ челобитчики изъ вышеозначенныхъ его Меркульева совѣтниковъ, а именно, которые сами на то самовольно позвазались станиннаго атамана Федота Донскаго ¹⁾, рядового Андрея Яковлева ²⁾ четвертого пришлаго по прозвищу Малыша, а какъ зовутъ незнаетъ, которой не природной лицой казакъ, пришлой, а сколь давно на Янкѣ живетъ того оныхъ Иванъ не вѣдаетъ, которые поѣхали въ Петербургъ за тѣхъ крестьянъ отвѣтствовать, а за ту поѣздку дали имъ челобитчиномъ вышесказанная деньги четыреста рублей; да оныхъ атаманъ Меркульевъ въ августнней осени послалъ четырехъ же человекъ юртовыхъ татаръ въ Хиву, а для чего послалъ и какъ тѣхъ татаръ зовутъ про то старинныя казаки и оныхъ Иванъ и ни кто не вѣдаетъ, только вѣдають про то—оныхъ Меркульевъ, да Микита Зевакинъ и отъ него атамана Меркульева и отъ Микиты Зевакина вышеозначенныя вѣрныя государевы слуги старинныя бывшія атаманы и казаки оисаютьца великия бѣды и измѣны, тако что вышеозна-

¹⁾ Дурманцева.

²⁾ Карповъ, прилѣч. Авт.

ченному великаго государя указу учинилсь они протавны, и оныхъ татаръ послали въ Хиву невѣдомо для чего безъ совѣту вышеозначенныхъ старинныхъ казаковъ и нѣтъ ли у нихъ какого злаго де помыслу и согласія съ хивяицы, понеже онъ, атаманъ Меркульевъ, прошедшею осенью переписывалъ съ вышеозначенными совѣтниками своими на Яикѣ всѣ казачьи юрты и казаковъ и казачьихъ дѣтей и пришлыхъ для исчисленія войска, а въ Казань о томъ неписалъ; и вышеозначенные его Меркульева совѣтники похваляютца нынѣ во все войско: мы де найдемъ и другую воду, и такія ихъ похвалныя слова слышали вышеозначенные старинныя казаки бывшей атамана Матвѣй Мироновъ съ товарищи; и для того тѣ старинныя казаки послали его Карташова о томъ донести великому государю въ Санктъ-Петербурхѣ, а писемъ съ нимъ неписали, для того, что они Меркульевъ съ совѣтниками своими письма обмскиваютъ, а велѣли довести на словехъ и какъ онъ Иванъ съ Яйку поѣхалъ и онъ, атаманъ Меркульевъ съ вышеозначенными совѣтниками своими выслали за нимъ Иваномъ на дорогу въ погонь вышеозначеннаго казака *Гарасима Пагадаева*, и онъ, Гарасимъ, обмскивалъ у него, Ивана, писемъ и говорилъ ему Ивану при казакахъ же *Василью Кожевиикову* де Иванъ Догниновъ непереписываютца-ль старинныя казаки бывшей атамана Матвѣй Мироновъ съ товарищи съ бояры и онъ де ямъ сказалъ, что де вѣдетъ онъ за своимъ дѣломъ, а не отъ старинныхъ казаковъ; а отправили де его Ивана о семъ великому государю донести вышеозначенные вѣрныя великому государю старинныя казаки бывшія атаманы: Матвѣй Мироновъ съ товарищи; а въ бытность въ Казани близкаго боярина и прежде бывшаго губерватора сенатора графа Петра Матвѣевича Апраксина присланъ былъ на Яикъ къ вышеозначенному атаману Матвѣю Мионову и ко всему Яицкому войску указъ по которому пришлыхъ не какихъ людей на Яикъ принимать и въ казаки верстать невѣлено, а онъ, атаманъ Меркульевъ, вышеозначенному указу чинитца ослушенъ и всакихъ прашлыхъ людей на Яикъ принимаетъ и въ казаки верстаетъ и по нынѣ, и безъ совѣту вышеозначенныхъ старинныхъ казаковъ" ¹⁾.

По безграмотству Карташева къ допросу подвизался села Коракулина таможенной подъячей Анфиногентъ Дубровской.

О доносъ Карташева дали знать изъ Казани въ военную коллегію, проса розыскъ произнести въ Казани.

Въ то же время Меншиковъ получилъ письмо Полянскаго, доложилъ объ немъ 8 января 1718 г. въ сенатъ. 8 февраля состоялся докладъ царю и Петръ приказалъ „о всемъ разыскывать въ Казанской губерніи губернатору съ товарищи, а что по розыску явится о томъ вѣденіе при доношеніи прислать въ канцелярію сената" ²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 44—46.

²⁾ Тамъ-же, листъ 48.

Въ это-же время въ Петербургѣ находилась станица Федота Донского, хлопотавшаго отъ войска о неотдачѣ крестьянъ князю Меншикову и другимъ помѣщикамъ. Хлопоты казаковъ были безуспѣшны. Февраля 13 состоялся царскій указъ, по которому приказывалось „съ Янку пришлыхъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ отдавать по прежнему помѣщикамъ съ того года, какъ таковыхъ отдавать велѣно съ Дону и о томъ въ Казанскую губернію послать указъ... и на Янкъ къ атаману и къ старшинамъ о вышесказанномъ послать указъ“¹⁾.

По справкѣ-же въ канцеляріи сената выяснилось, что въ 1705 году 14 мая въ грамотахъ на Донъ было написано: „Указалъ великій государь по ниянному своему великаго государя указу городки, которые поселены не по указу и не на „шляхахъ“ свести и жителей изъ тѣхъ городковъ перевести и населить за Севѣрскимиъ Донцомъ по шляху, гдѣ въ пристойныхъ мѣstech и въ тѣ и иные городки бѣглецовъ и иныхъ пришлыхъ и работныхъ людей ни отъ куда отаудъ не принимать и о томъ учинить во всѣхъ городкахъ атаманомъ и казакомъ заказъ накрѣпко съ такимъ подтвержденіемъ что они за укрывательство такихъ бѣглецовъ казнены будутъ смертию, а иные сосланы будутъ вѣчно на каторги, а къ тому „душіе“ заботчики, которые укрывать будутъ безъ милости казнены будутъ, а пришлыхъ людей изъ тѣхъ изнанныхъ городковъ послѣ 203 (1695 г.) году если принимаемы, всѣхъ послать въ рускіе города роспроса ихъ подлинно откуда кто пришелъ для того что работные люди у его великаго государя дѣлаъ будучи забравъ вачетъ работы своей многіе денги и нехотя того заработать бѣгали въ тѣ города“²⁾.

Такимъ образомъ станица Донская поѣхала обратно не добившись своей цѣли и веза малодѣйственный для войска указъ о выдачѣ всѣхъ бѣжавшихъ на Янкъ съ 1695 года.

Получивъ приказъ, Салтыковъ приказалъ взять въ Казань по извѣсту Карташева всѣхъ оговоренныхъ имъ казаковъ и еще разъ разспросить Карташева подробно.

15 марта Карташева привели въ канцелярію и „въ поцолнокъ“ допрашивали о свидѣтеляхъ, которые могутъ подтвердить его доносъ. Карташевъ не скупился. Главнымъ свидѣтелемъ онъ показалъ бывшаго атамана Матвѣя Миронова и оговорилъ вѣстѣ со свидѣтелями тридцать семь человекъ.

Въ это-же время прибыла въ Казань съ Янка станица казаковъ по какому дѣлу—неизвѣстно. Въ числѣ прибывшихъ былъ и войсковой есаулъ Федоръ Матвѣевичъ Силишнинъ. 20 марта его арестовали и привели въ канцелярію для допроса. Силишнинъ разсказалъ, что крестьянъ Меншикову войско отдало, и что онъ, будучи есауломъ, самъ ходилъ вѣстѣ съ Волковыми по дворамъ, разспрашивая крестьянъ, указывая свидѣтелямъ Волкова и

¹⁾ Тамъ-же, листы 21—23. Полученъ указъ въ Казани 29 февраля.

²⁾ Тамъ-же.

на всѣхъ присланныхъ отъ князя. Относительно приема пришлыхъ въ казачи онъ ничего не слыхалъ и ничего не знаетъ. „По нашему обыкновенію, — говорилъ Силишнинъ, — ставятся въ казаки при собраніи въ кругъ всѣхъ явцакихъ казаковъ съ совѣту, изъ кого повѣлать изъ казацкихъ дѣтей, а не изъ пришлыхъ“.

Свидѣтелями онъ назвалъ бывшаго атамана Матвѣя Миронова. Говорить о томъ, что былъ приговоръ „побивать до смерти“ тѣхъ, кто похвалится Казанью, Силишнинъ отказался, отговариваясь незваніемъ.

Приведенный на очную ставку Карташевъ сталъ его уличать, что онъ, Силишнинъ, первый кричалъ, чтобы не отдавать крестьянъ князю Меньшикову.

— „Въ бытность его есауломъ, — говорилъ Карташевъ въ улику — пришлыхъ онъ на Яикъ принялъ трехъ человѣкъ, какъ ихъ по имени зовуть не помню, и поверстала въ казаки, и они всѣ ремесленные люди: одинъ масникъ, другой припичникъ, третій шапошникъ. А чтобы ихъ въ казаки не ставили, и не по одно время старинные казаки Матвѣй Мироновъ съ товарищи атаману Григорію Меркулеву и ему Федору говорили и они тѣхъ казаковъ не послушали“.

По другимъ вопросамъ Карташевъ стоялъ на старомъ своемъ показаніи. Спрошенный-же вновь Силишнинъ отговаривался по прежнему полнымъ незваніемъ, говоря, что онъ ничего подобнаго, объ чемъ говорить Карташевъ, не знаетъ.

— „Кого приверстываютъ въ казаки о томъ извѣются на Яикѣ въ войсковой избѣ записные книги“, — оправдывался Силишнинъ¹⁾.

На этомъ допросѣ былъ окончень. Но случайно захвачшему въ Казани войсковому есаулу не суждено было вернуться на Яикъ. Его хотѣли посадить подъ караулъ, но онъ нашель за себя поручителей („поручичковъ“) и его отпустили на волю, обязавъ подпискою являться ежедневно въ губернскую канцелярію и не выѣзжать никуда изъ Казани.

Интересна и сама подписка, какъ образчикъ слѣдственныхъ документовъ того времени.

„Дѣла тысяча семьсотъ осьмого за десять году марта въ двадцать первый день, — говорится въ подпискѣ, — лицомъ казакъ Федоръ Матвѣевъ снявъ Силишнинъ далъ сію запись за нижеподписавшимися поручички въ Казани губернской канцеляріи, въ помѣтьѣ подъячата Федора Алексѣева сына Сугарева въ томъ, что мнѣ Федору противъ извѣсту явцазго казачка Ивана Карташева въ приемъ на Яикъ пришлыхъ и въ приверстаѣ въ казаки, по дѣлу изъ Казани безъ указа не съѣхать и ставиться въ губернской канцеляріи по вся дни, а буде я, Федоръ, изъ Казани безъ указа съѣду и на поручичкахъ можъ за съѣздъ и по дѣлу чего я надлежалъ что великій государь указать, а поручички по мнѣ ниже подписавшіеся: къ себѣ запискѣ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 64, листы 50—55.

яцкой казакъ Осипъ Мартыновъ вмѣсто Федора Матвѣева, сына Сялшнина, по его велеію руку приложилъ; къ сей записи Новопречистевскіе слободы подъячей Иванъ Драницынъ, вмѣсто поручика Ульяна Григорьева сына Кріушцова по его велѣію руку приложилъ, а онъ Ульянъ Сибирскаго уѣзду, вотчины свѣтлейшаго князя Александра Давыловича Мешникова, Надинскаго уголья, села Пересолоки крестьянннхъ; къ сей записи канцелярской подъячей Афанасій Безкулатовъ вмѣсто поручиковъ яцкихъ казаконъ Василія Иванова сына Мордвинова, Петра Алексѣева сына Мотусгина по ихъ велѣію руку приложилъ; къ сей записи поручикъ Мартинъ Ивановъ сына Кореланиновъ руку приложилъ; къ сей записи вмѣсто поручика Сызранскаго помѣщикаго человека Петра Захарова сына Новикова по его велеію подъячей Спиридонъ Ивдотьевъ руку приложилъ. Записъ писалъ въ Казани крѣпостныхъ дѣлъ подъячий Никита Лалетинъ. 1718 году марта въ 20 день по указу великаго государя за писъмо и отъ записки шесть алтынъ 4 деньги взято и въ книгу записано подписалъ Казанскихъ крѣпостныхъ дѣлъ подъячий Макаръ Давыдовъ¹⁾.

Дѣло осложнялось. Губернаторъ распорядился взять на Яикѣ всѣхъ оговоренныхъ Карташевымъ и всѣхъ свидѣтелей, а также и казаконъ, бывшихъ атамановъ: Матвѣя Миронова, Митрофана Пашенова, Остафья Трифонова и Петра Фадѣева. Всѣхъ ихъ приказано было взять въ Казань и разспрашивать и давать очныя ставки и для того послать по нихъ на Яикъ офицера добраго съ солдатами²⁾.

„Офицера добраго“ выбралъ поручикъ „Казанскаго солдатскаго ригимента“ *Ивана Наумова* и при немъ рядовыхъ солдатъ шесть человекъ³⁾, который и выѣхалъ на Яикъ съ указомъ отъ губернатора о высылкѣ оговоренныхъ казаконъ въ Казань; пре указѣ входилакъ и „роспись“ казаконъ; приказано было также взять *переписныя книги 1717 году, кого въ 1717 году въ казачи вертали*⁴⁾.

По дорогѣ къ Наумову изъ Самары присоединился уже извѣстный намъ самарскій дворянинъ Тихонъ Волковъ, онъ повезъ на Яикъ указъ о томъ, чтобы привести Яцкое войско къ присягѣ наследнику цесаревичу Петру Петровичу. Хотя приказъ сената объ этомъ былъ еще въ 1715 г., но на Яикѣ онъ, видимо, своевременно не пошалъ⁵⁾, и только теперь рѣшили отпривить его въ войско.

18 апрѣля въ Яцкомъ городѣ было большое оживленіе. Прибылъ туда первый разъ за все существованіе городка офицеръ новаго „солдатскаго строя“. Это былъ поручикъ Наумовъ. Остановился онъ съ Волковымъ на „сѣвѣжнхъ“

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 56.

²⁾ Моск. Арх. Главк. Штаба, опись 107, книга 54, листы 50—55. Приказъ Салтыкова 9 марта 1718 года.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 65—67.

⁵⁾ Именной указъ, объявленнй изъ сената въ 1715 г. 31 октября, о рожденіи государя цесаревича и великаго князя Петра Петровича въ Поляхъ. Собр. Закон. № 2947.

дворѣ. Вокругъ двора стали толпиться казаки, но болѣе всего казачки, еще никогда не видавшія „солдатскаго“ офицера. Зазвонилъ въ церкви Михаила Архангела набатный колоколь, стало войско собираться въ кругъ въ войсковой избѣ. Среди казаковъ проносились еще неясныя и неопредѣленныя слухи о доносѣ, о розыскѣ.

Но вотъ кругъ собрался. Вышелъ на рундукъ¹⁾ войсковой есаулъ, снялъ шапку, поклонился на всѣ стороны собравшемуся войску, сказалъ, что будутъ читать указъ изъ Казани. Вышелъ войсковой дьякъ (писарь) и сталъ читать этотъ указъ.

Въ указѣ говорилось о доносѣ Карташева, о приказѣ изъ сената разобрать это дѣло въ Казани. „По указу великаго государя,—читалъ войсковой дьякъ,—вслать вамъ войску Яницкому въ Казань войскового атамана Григорія Меркульева и другихъ старшинъ и казаковъ, а кого именно и тому писана подъ симъ именная роспись“...

Читаетъ дьякъ и роспись. Кого тутъ только нѣтъ?! —И войсковой атаманъ, и заслуженные старшины, и жертвы татары, которые ѣздили въ Хиву и казаки безъ именъ и фамилій: мясникъ, прямишникъ и шапошникъ,—всего 37 ч.

И это все приказано было сдѣлать по доносу одного человѣка, человѣка, которому уже давно слѣдовало бы висѣть въ петлѣ, но оставшемуся жить только благодаря великодушію войска, того самого войска, на которое онъ теперь, вмѣсто благодарности, наслалъ страшную бѣду, послѣдствія которой тогда едва-ли предвидѣлъ и самъ Карташевъ.

Трудно сказать, что произошло тогда въ войсковомъ кругу. Неождавшіе ничего подобнаго казаки, вѣроятно, были страшно поражены разразившеюся надъ ними грозой.

Губернаторъ ничего не признаетъ. Онъ знать не хочетъ ни постановленій казачьихъ круговъ, ни войсковыхъ просьбъ, чтобы не вѣрять изгнаннымъ въ Русь казакамъ.

Но надо покориться. Надо указъ исполнить... Что сдѣлаетъ одинъ Карташевъ противъ цѣлаго войска? Пусть ѣдетъ атаманъ и старшина и обличать Карташева. Кому же больше вѣры: всему-ли войску или одному Карташеву?!

Войско собираетъ всѣхъ, кто значился въ росписи, и лезать имъ ѣхать въ Казань. Кругъ разошелся.

Розыскъ! страшное слово! Казаки знали его по рассказамъ стариковъ, бывшихъ участниками разгрома башкирцевъ въ 1696 году, знали они его и послѣ казни атамана Ивана Вѣлюсова, знали его казаки и по дѣламъ въ Руси—какъ справлялись съ народами самарскій и другіе воеводы.

Надо смягчить властей. По сояѣту старшинъ казаки стали собирать деньги „въ почестъ“ для поручика Наумова. Десятники ходили по войску и собирали деньги, передавая ихъ войсковому атаману. Собрали пятьдесятъ рублей.

¹⁾ Рундукъ —высокій помостъ у крыльца войсковой избѣ, откуда атаманы и есаулы говорили съ войскомъ.

Меркульевъ отнесъ ихъ Наумову. Должно быть, показалось этого мало—собрали еще пятьдесятъ рублей и еще разъ Меркульевъ пошелъ къ Наумову и отдалъ ему и эти деньги ¹⁾).

Поручикъ Наумовъ удовольствовался ста рублями, но дворянинъ Волковъ хотѣлъ получить больше.

Овъ сталъ собирать казаковъ для присяги, но, видимо, казаки собрались не дружно, приходили не всѣ. Волковъ отбивалъ время принятія присяги, приказывая собраться всѣмъ. Проходилъ день за днемъ, но подѣ различными предлогами Волковъ къ присягѣ не приводилъ; у казаковъ были домашнія работы, овъ запретилъ имъ уѣзжать изъ городка, пока не примуть присягу. Войско догадалось, въ чемъ дѣло, и снова десятники по совѣту старшинъ стали собирать деньги. Дали Волкову двѣсти рублей и приводъ къ присягѣ былъ совершенъ. „И овъ, Волковъ, держалъ насъ и на работу не пускалъ, для бездѣльной своей корысти, и за то взялъ съ насъ двѣсти рублей“, — писалъ впоследствии отъ лица всего войска въ своей челобитной ставничий атаманъ Рукавишниковъ²⁾).

Прошли дни; оговоренные казаки снарядились въ путь. Вѣсто уѣзжавшаго войскового атамана войско избрало атаманомъ *Степана Ивановича Филимонова* (отъ-же Ушаковъ³⁾). Оправляя уѣзжавшихъ, новый атаманъ и все войско написали Салтыкову челобитную и отправили ее съ арестованными въ Казань.

„Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца ближнему боярину и губернатору казанскому Петру Самойловичу съ товарищи заочельные рѣчи Янку, лиціе атаманъ-казака: атаманъ Степанъ Ивановъ и все Янцкое войско челомъ бьетъ“, писали казаки въ челобитной, и излагая далѣе пріѣздъ Наумова и о розыскѣ казаковъ по присланной росписи въ концѣ челобитной написали: „...и мы Янцкимъ войскомъ, какъ къ намъ на Янкъ господня поруччакъ Наумовъ прибылъ и указъ великаго государя подалъ, и мы, по тому великаго государя указу, и по данной росписи, атамана Григорья Меркульева и другихъ старшинъ съ намъ, которыхъ повелѣно, выслали, а кто именво и то писано подѣ сею отпискою именная роспись; да во оной же росписи у господина поруччика написано: велѣно взять юртовыхъ татаръ четырехъ человекъ, которыхъ будто атаманъ Григорій Меркульевъ въ 717 г. посылалъ въ Хиву, а кто именво и то неписано; и овъ Григорій Меркульевъ отъ себя въ 717 году никакихъ четырехъ человекъ татаръ въ Хиву не посылалъ; да по оной же росписи велѣно отъ насъ съ Янку выслать трехъ человекъ, которые поставлены въ казаки въ 717 году, а именами ихъ не-

¹⁾ Романскъ полковника Захирова изъ іюль 1724 г. Показаніе атамана Григорія Меркульева (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 121, часть 2, связка № 28, дѣло № 27, листъ 4. — Экстрактъ о поручикѣ Иванѣ Наумовѣ о взысканіи съ лиціекихъ казаковъ). Въ челобитной ставничнаго атамана Осодора Михайловича Рукавишникова 1719 г. говорится, что Наумовъ взялъ не сто, а двѣсти рублей. (Тамъ-же, опись 107, связка 80, листы 15—17).

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 172—175. Показаніе Карташева 5 іюня 1718 года.

написано, только написано: одинъ мясникъ, а другой правншникъ, третій шапошникъ и изъ оныхъ сысканы Тимофей Григорьевъ сынъ мясникъ, а Иванъ Андреевъ сынъ правншникъ до сего присланнаго указу отлучился, а шапошникъ у насъ такой въ 717 году неприверстанъ, токмо въ 717 году поставленъ „вакансін“ (?) Иванъ Матвѣевъ сынъ саложникъ и его послали при оныхъ же посланныхъ; и жили у насъ оные при войску и промышляли съ нами всякіе наши казачьи промышлы, а службу государеву не служили и податей съ нами казачьихъ выбавихъ не давали, и мы ихъ за то въ казаки поверстали, и нѣтъ оныхъ, по присланному великаго государя указу, каковъ къ намъ приславъ о вышеозначенныхъ казакахъ; отдалъ да во ономъ же указѣ повелѣно отъ насъ взять *переписныя книги 717 году и кого въ 717 г. казаки верстали* и мы ихъ выслали, и оному атаману Григорью Меркулеву и всѣмъ старшинамъ велѣли явиться и отписку подать въ Казани въ губернской канцеляріи ближнему боярину и губернатору казанскому Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи ¹⁾.

Роспись именамъ которыхъ по указу выслали въ Казань и то писано ниже сего:

Атаманъ

Григорій Меркулеву.

Станишной атаманъ Федотъ Довской.

Есаулы:

Иванъ Вавиловъ,

Степанъ Дементьевъ ²⁾.

Казаки:

Никита Зевакичъ,

Абрамъ Пустоселовъ,

Герасимъ Погодаевъ,

Герасимъ Логиновъ,

Андрей Яковлевъ, ³⁾

Никифоръ Бородинъ,

Василій Будаковъ,

Меркулій Заровской,

Василій Азовской,

Семевъ Подовкичъ,

Дмитрій Витовиновъ,

Михаилъ Горшковъ.

Да прозвищемъ малыша какъ зовутъ не написано.

Прежній атаманъ

Матвѣй Мироновъ.

Казаки:

Петръ Фадѣевъ

Астафей Муромцевъ

Митрофанъ Пичиновъ

Никифоръ Кузуровъ

Матфей Прикащиковъ,

Антонъ Харитоновъ,

Григорій Кармановъ,

Василій Кожевниковъ,

Иванъ Логиновъ,

Степанъ Лукьяновъ,

Гаврила Степановъ,

Семевъ Васильевъ.

Да новопоставленные въ казаки:

Тимофей Мясникъ,

Иванъ Матвѣевъ ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 65 - 67.

²⁾ Дурнищевъ. ³⁾ Карповъ. ⁴⁾ Чеботарь.

Узнавъ въ то же время отъ Наумова суть доноса Каргашева, войско въ тотъ же день написало Салтыкову другую челобитную. Въ этой челобитной все войско оправдываетъ старшинъ и себя въ возводимыхъ на него Каргашевниъ винахъ, уличая послѣдняго во лжи.

И съ Янку идти, — писали она между прочимъ въ отпискѣ, — на вую рѣку совѣту никакого не бывало и вотчину его великаго государя покинуть не хотимъ и общаемся и клянемся христіанскою совѣстію и въ доми Божіемъ предъ святниъ евангелиемъ и цѣловали святой крестъ и подписались собственноручно, что ему царскому величеству служить готовы вѣрно и съ положеніемъ живота своего“. Въ концѣ челобитной подписи: „и въ томъ войсковой атаманъ вмѣсто всего Янцаго войска подъ сею отпискою руку приложилъ... Къ себѣ отписки вмѣсто войскаго атамана Стефана Иванова и всего Янцаго войска въ томъ что писано въ нашей отпискѣ по его велѣнью священникъ Тимофѣй Михайловъ руку приложилъ“¹⁾.

Уехали послы изъ Казани и войско вздохнуло свободно. Оно не знало, какъ отдѣлаться отъ алчныхъ представителей московскаго строя. Небольные внутренніе враги скрылись, но взамѣвъ ихъ изъ степи появились подъ казачьимъ городкомъ враги вѣншіе: киргизы и каракалпакы. Налетѣли они, какъ и всегда, внезапно, захватили пастыи въ близости городка конскій табувъ — триста лошадей, взяли находившихся при немъ семь человѣкъ казаковъ въ плѣвъ и быстро удалились. Киргизъ было всего шестьсотъ человѣкъ, но пока войско узнало о случившемся, пока сварили станицу въ погони, отъ киргизъ и слѣдъ простылъ, — они увеселись безнаказанно въ свои степи²⁾.

Но это были только передовые. Не успѣли казаки, какъ говорится, и оглянуться, какъ на бухарской и самарской сторонахъ по Янку подвѣяли тучи пыли. Къ Янцкому городку нахлынула почти вся орда. Двадцать пять тысячъ киргизъ и каракалпаковъ окружили со всѣхъ сторонъ орлиное гнѣздо. Войско сѣло въ осаду. Напрасно храбрѣйшіе джигиты и батыры старались ворваться въ городокъ — всюду встрѣчали ихъ пули и чугуниая „дробь“ изъ казачьихъ душекъ. Прошелъ день, два, три, прошла недѣля, но киргизамъ упорно стояли у городка, стараясь захватить его врасплохъ, держать войско въ осадѣ. Нельзя было пробѣжать изъ городка никуда, нельзя было даже дать вѣсть въ Самару о случившемся. Проходила еще недѣля — киргизамъ не отходили. Не умѣвъ взять казаковъ силою, они обложили городокъ илотнымъ кольцомъ и пре-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 64—71. Здѣсь интересно то, что безграмотный атаманъ къ челобитной прикладываетъ (кладетъ) руку, что равносильно подписи, подпись же дѣлаетъ священникъ. Далѣе изъ дѣлъ видно, что подписывавшій челобитны беретъ въ дѣйстви-тельность руки у тѣхъ, за кого онъ подписывается: десятники брали у казачковъ, сотники у десятниковъ и потому уже сотники свою руку и за остальныхъ давали атаману и атаманъ уже „давалъ“ руку къ челобитнѣ, а подписывающіеся принимали руки или у сотниковъ или у атамана. При другихъ обстоятельствахъ, гдѣ были нужны подписи, предѣлывалось тоже самое, и послѣдній, взявшій руки у всѣхъ, подписывался на тѣхъ, у кого „брали“ руки. Этого стариннаго обычая можно иногда видѣть и теперь (гдѣ либо у нотариуса и друг.), гдѣ подписывающій „береть руки“ у тѣхъ, за кого подписывается.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листъ 482. Челобитная войска царю Петру въ 1721 г.

кратили всякое сообщеніе съ остальнымиъ міромъ. День и ночь шли мелкія схватки, — раздавались ружейныя выстрѣлы, иногда съ казачьяго вала падала вушка и снова наступало затишье. Прошла вторая, третья недѣля — киргизы не отходили. Они, видимо, рѣшили выморить казаковъ голодомъ и принудить ихъ къ сдачѣ. Прошло больше мѣсяца. Праяцкіе орлы отбили всѣ нападенія киргизъ. Наконецъ киргизамъ, не привыкшимъ къ осадѣ, а склоннымъ болѣе къ легкимъ налетамъ и къ легкой добычѣ, наскучило безплодное сидѣнье у неприступнаго городка — они поднялись и ушли въ степь ¹⁾.

Въ это время въ Казани производился розыскъ прибывшимъ туда къ концу мая взятымъ Науковымъ на Яикѣ казакамъ. Первый допросъ былъ произведенъ 27 мая, въ присутствіи губернатора Салтыкова, въ губернской канцеляріи. Казаковъ стали допрашивать „порознь“. Первымъ допрошеннымъ былъ старшій войсковой атаманъ *Матей Мироновъ*. Онъ не подтвердилъ ни одного показанія своего крестнаго сына:

„Крестьянъ князю Меншикову не отдали потому, что всѣ яицкіе казаки и я съ атаманомъ Меркульевымъ предложили, чтобъ тѣхъ крестьянъ до указа удержать на Яикѣ, а о томъ, кого изъ нихъ съ Яику и съ котораго года въ отдачу отдавать, послали бить челомъ къ царскому величеству, для чего и послалъ съ совѣта всего Яицкаго войска яицкихъ казаковъ станичнаго атамана Федота Донского съ товарищи. О томъ, чтобы крестьянъ не отдавать и чтобы старинныхъ казаковъ побить до смерти, ни отъ кого я не слыхалъ и кто о томъ грозилъ — не вѣдаю. Собирали-ли атаманъ Меркульевъ съ крестьянъ князя Меншикова четыреста рублей, чтобы ихъ не отдавать, и отдали-ли тѣ деньги станичному атаману на расходъ — не знаю. Посылали-ли атаманъ Меркульевъ въ Хиву юртовныхъ татаръ — не вѣдаю и въ войсковой избѣ приговора о томъ не было и ни отъ кого не слыхалъ. Измѣны за атаманомъ Меркульевымъ ни я, ни старшины не знаю и не слыхалъ. Переписъ казакамъ атаманъ Меркульевъ дѣлалъ съ согласія всего войска для послышки достальныхъ казаковъ въ князю Черкасскому. Такихъ словъ отъ станичнаго атамана Федота Донского съ товарища, которые написаны въ допросѣ Карташева, что будто похвалялись они во все войско: найдемъ де мы и другую воду — ни отъ кого не слыхалъ. Доносить Карташева ни я, ни Петръ Матѣевъ ни о чемъ царскому величеству не посылали и письменнаго никакого вѣденія не давали“ ²⁾...

Страхъ предъ смыскомъ связалъ у всѣхъ яицки. Мироновъ отговаривался во всемъ невѣдѣніемъ. Сказалъ онъ только о томъ, какъ бранили его и грозилась побить казаки Шгодаевъ, Логиновъ, Донской и Пустоселовъ, сказалъ онъ и о томъ, что слыхалъ онъ отъ казака Семена Васильева Муромцева, что атаманъ Григорій Меркульевъ съ другими казаками „пустили“ приговоръ и былъ „голосъ на Яикѣ во все войско“, что кто похвалится Казанью, то тѣхъ бить рычажемъ, но самъ онъ этого не слыхалъ.

¹⁾ Тамъ же

²⁾ Моск. Арх. Г.л. Штаба, опись 107, книга 54, листы 141 — 147.

Послѣ Миронова стали допрашивать казака *Петра Фадѣева*. Но драх-
лѣй и болѣзненный Фадѣевъ отговорился полемичъ независимъ. „Ничего я не
вѣдаю — говорилъ онъ — потому что за старостію своею въ кругу совсѣмъ не
бываю. А про то что написалъ доноситель *Карташевъ*, что будто бы бывшій
атаманъ *Матвѣй Мироновъ* и я съ товарищи и другіе старинаше бывшіе атаманы
и казаки спасаются отъ *Меркульева* и отъ *Никиты Зѣвакина* великіе бѣды из-
и́вны такой, что у него есть согласіе съ хивянами, такихъ словъ я ни съ *Кар-*
ташевымъ ни съ кѣмъ другимъ не говаривалъ“¹⁾.

Стали допрашивать атамана *Григорія Меркульева*, онъ говорилъ тоже,
что и *Мироновъ*.

„Въ Хиву въ осень 1717 года я и *Никита Зѣвакинъ* четырехъ казановъ
юртовыхъ татаръ и ни кого въ Хиву ни для чего не посылывалъ, а которые
юртчане татары поминанно *Ямансаръ* да *Естимаръ* просили въ войскѣ въ кругу,
чтобъ ихъ отпустить для торговъ въ Хиву и какъ намъ учинилась вѣдомость о
погибелѣ господина князя *Черкаскаго* и въ войсковомъ кругу, со всего
Янцакаго войска совѣту, положенъ приговоръ что въ Хиву ни для чего, никого
не отпускать; и съ того времени никого и не отпускавали и злаго согласія и
измѣны и помыслу никакого съ хивинцы у меня нѣтъ и за другими ни за кѣмъ
яицкими казаками не вѣдаю. Въ бытность свою на *Яикѣ* въ атаманахъ приш-
лыхъ людей никого жить на *Яикѣ* я непринималъ и въ казаки безъ со-
вѣту не привертывалъ, а кто въ 717 году въ казаки приверстаны о томъ
явствуютъ привезенные въ Казань книги, а что онъ *Карташевъ* въ допросѣ
своемъ написалъ что будто я въ бытность свою привялъ на *Яикѣ* приш-
лыхъ трехъ человекъ и поверсталъ въ казаки и оныя ремесленныя: одинъ
мясникъ, другой *пряшникъ*, третій *шапошникъ*, и въ бытность свою въ ата-
манехъ я изъ рукоремесленныхъ людей, съ совѣту въ кругу всѣхъ яицкихъ
казановъ, трехъ человекъ въ казаки приверстали для того, что въ кругу всѣ
яицкіе казаки стали говорить, что оныя ремесленныя живутъ у нихъ безъ
службы и промышляютъ и богатыся а нѣво де за послылками въ службу людей
у нихъ малолюдство; и изъ оныхъ привезены въ Казань два человека а какъ
зовуть того сказать не упомию, а третей, *Пряшниковъ*, до приѣзду на *Яикѣ*
поручника *Наумова* отлучился съ *Яику*, а куда я гдѣ нынѣ и какъ зовуть
не вѣдаю, а *Шапошниковъ* у меня въ приверткѣ въ казаки не бывало, а былъ
такой ремесленной на время, и побывъ, съ *Яику* ушелъ, а куда и какъ зовуть
не вѣдаю отъ бывшего атамана *Миронова* такихъ словъ, чтобъ ихъ въ ка-
заки не ставить я никогда не слышалъ, а при приверткѣ ихъ въ казаки въ
войсковомъ сходѣ изъ тѣ времена бывшей атаманъ *Мироновъ* съ товарищи
былъ ли того я сказать не упомию; и они на *Яикѣ* жить пришли въ быт-
ность ли мою атаманомъ или прежде того я незнаю потому, что у насъ та-
кова обыкновенія, чтобъ кто на *Яикѣ* для какого дѣла приходитъ, а явится

¹⁾ Тамъ-же

ему въ войсковой избѣ—нѣтъ“¹⁾. Какъ видимъ, новаго Меркульевъ почти ничего не добавилъ. Отъ приговора-же нехвалиться Казанью и о „другой годѣ“ онъ отговорился полными незнаемъ, но за то подробно рассказалъ о побѣгѣ Карташева изъ полка, о томъ, какъ его осудили въ войскѣ къ смерти и простили и какъ наконецъ выгнали въ Русь. Представилъ Меркульевъ и указъ отъ 1714 года отъ воеводы Апраксина разискать бѣжавшаго знаменщика Карташева и праговоръ войска, чтобы не вѣрить тѣмъ, кого войско выгоняетъ въ Русь.

Вслѣдъ за Меркульевымъ стали допрашивать остальныхъ казаковъ, но ихъ показанія были такіа-же, какъ Миронова и Меркулева; все они обвиняли Карташева въ ложномъ доносѣ и старались всеми мѣрами оправдаться въ возносившихъ на нихъ преступленіяхъ.

Станичный атаманъ *Федотъ Донской* сказалъ, что онъ никакихъ четырехсотъ рублей съ крестьянъ казая Меншикова не бралъ:

„Дано мнѣ изъ войсковой казны на всякіе нужные расходы сто пятьдесятъ рублей, изъ которыхъ за расходомъ остаточные двѣнадцать рублей отдалъ по прежнему въ войскѣ атаману Меркулеву; а такихъ словъ, при собраніи янцкихъ казаковъ въ кругу, и въ домѣхъ, и на *кружечномъ дворѣ* и нигдѣ, чтобы бывшаго атамана Матвѣя Миронова да Матрофана Цименова побить до смерти и животы ихъ пограбить я неговаривалъ чѣмъ жени Карташевъ и Матвѣя Мионовъ въ вопросахъ своихъ клеветать напрасно“²⁾. Отказался отъ своихъ угрозъ Миронову и казакъ Герасимъ Погодаевъ говоря, что Карташевъ и Мионовъ клеветать на него напрасно. Отказался отъ этого и Герасимъ Логинновъ.

Изъ другихъ свидѣтелей казакъ *Федоръ Астафьевъ Малышъ* сказалъ, что онъ не бѣглый крестьянинъ, какъ обвинялъ его Карташевъ; и что отецъ его былъ житель Алаторскаго уѣзда села Четвертного и въ давнихъ годахъ сошелъ на Янкъ, а онъ, Малышъ, былъ тогда въ малыхъ лѣтахъ и выросъ на Янкѣ и тому назадъ тридцать лѣтъ со *второй крымскій походъ при бышемъ на Янкѣ войсковомъ атаманѣ Яковѣ Васильевѣ* приверстанъ въ казаки. А по наряду съ Янка служилъ онъ „въ вынѣшнюю Свейскую службу въ арміи съ прочими казакани четырнадцать годовъ безъ съѣздно и тому нѣтъ другой годъ за старостію отпущенъ на Янкѣ по прежнему“. Въ остальномъ онъ подтвердилъ показанія Меркулева и Довского.

Присланные-же въ числѣ другихъ казаки *Тимофѣй Григорьевъ Мясникъ* и *Иванъ Матюшевъ Чеботаръ*, сознались, что они бѣглецы крестьяне и оба бѣжали недавно. Мясникъ бѣжалъ на Янкѣ со своею женою три года тому назадъ и поселился на Янкѣ у казачьей вдовы Марьи по прозванію Пушкариха и кормился въ сосѣдствѣ „маснымъ промысломъ“. Въ 1717 году онъ два раза

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., листы 158—161.

²⁾ Тамъ-же.

билъ челоу въ войсковомъ кругу, но войско его въ казаки не приняло. Казаки говорили атаману, что такихъ пришлыхъ принимать нельзя. Тогда Мясникъ сталъ бить челоу атаману Меркульеву „и атаманъ съ есаулами Федоромъ Силишниннымъ и Михаиломъ Горшковымъ и съ другими небольшими людьми его въ казаки поверстали и взяли съ него взятковъ денегъ атаманъ три рубля есаулы три рубляжъ“.

Но старый атаманъ Матвѣй Мироновъ и другіе казаки, узнавъ объ этомъ, стали говорить Меркульеву, чтобы его не верстать. Но Меркульевъ его всетаки поверсталь.

Указалъ Мясникъ и на другихъ бѣглыхъ крестьянъ, которые живутъ на Яикѣ: „на Яикѣ живутъ помѣщика его бѣгле крестьяне Семенъ Федоровъ Опаленишъ, Кононъ Архиповъ, Михайло Бѣлой съ женою и дѣтьми“, — Опаленишъ и Бѣлой живутъ своими дворами, а Архиповъ у Опалениша, но Архиповъ посланъ съ княземъ Черкасскимъ въ Хиву. Всѣ они поверстанъ въ казаки атаманомъ Меркульевымъ. Сказалъ Мясникъ и про свою семью: — „жена Авдотья Федоровна да дочь Авдотья полутора гола, животовъ три шубы баряныхъ, три сарафана крашенныхъ да рубахъ жесткихъ три-жъ“¹⁾.

Чеботарь, какъ и Мясникъ, сказалъ, что войско не хотѣло его принимать, но атаманъ и есаулы поверстали его за взятки—взали они съ него четыре рубля. Живетъ онъ на Яикѣ своимъ дворомъ и кормится сапожнымъ мастерствомъ, имѣетъ жену, сына и дочь.

Допреси казаканъ продолжались до 5 іюня, новняъ, возводившихъ Карташевичъ на войско, не нашлось—казаки дружно отказывались отъ всего того, что говорилъ на нихъ доносчикъ.

Для улики вызвали Карташева на очную ставку.

Очная ставка состоялась 5-го іюня въ присутствіи Салтыкова. Карташевъ повторилъ всѣ свои обвиненія, уличалъ Миронова въ томъ, что по совѣту его и восьми его товарищей онъ поѣхалъ въ Казань донести губернатору объ атаманѣ Меркульевѣ, что кромѣ поѣздки въ Хиву въ 1716 году каравана яцкихъ казаковъ, Меркульевъ съ казаконъ Никитомъ Зензаянымъ послѣ гибели отряда Вековича послали въ Хиву „таисъ всего войска“ трехъ человекъ иртовскихъ татаръ яцкихъ казаковъ „а именно *Адназула Ниментова зятя* да Астраханскаго иртоваго татарина, а какъ ихъ вонуть иманъ ихъ сказать не упомянуть“. Эти татары прибыли изъ Хивы въ 1718 году въ февралѣ мѣсяцѣ и привезли съ собою выкупленнаго ими походнаго атамана *Никиту Бородина*. Говорилъ Карташевъ также о томъ, что татары эти живутъ въ войскѣ и послѣ пріѣзда Наумова войсковымъ атаманомъ Степаномъ Ушаковымъ отданы на поруки. Указалъ онъ это отъ капрала, который былъ съ Наумовымъ.

Въ свое оправданіе о побѣгѣ со службы Карташевъ говорилъ то-же, что

¹⁾ Тамъ-же, листы 169—175.

и въ кругу войску; при этомъ заявилъ, что по возвращеніи изъ Казани послѣ доноса Чуляхтина атаманъ Меркульевъ приказалъ его сковать.

И былъ я державъ въ войсковой избѣ — говорилъ Карташевъ — скованъ многое время, и не повѣря тому указу онъ, Меркульевъ, посылалъ съ Янку въ Казань о справкѣ того указалъ и писалъ въ томъ же 717 году съ станичными атаманомъ *Иваномъ Григорьевымъ* съ товарищи тремя человекъ, и обо мнѣ присланъ былъ къ нему вторично указъ за дьячьею приписью таковъ же каковъ и со мною посланъ, и потому указу онъ Меркульевъ меня свободилъ, и по свободѣ, за тѣми присланными къ нему указы, рьясь на меня за то, они Грегорій Меркульевъ и Никита Зевакинъ не поодно время въ кругу и на кабакахъ безвинно меня били и хотѣли казнить смертью; и убоясь одного отъ нихъ, сказався бывшему атаману Матѣю Миронову, поѣхалъ я въ Казань тайно, а не бѣгомъ ушолъ; и бывъ въ Казани и на Самарѣ пришелъ было по прежнему на Янкъ, и оной же атаманъ Меркульевъ съ товарищи своими, рьясь за оныя жъ привезенные мною указы, били меня и съ Янку сослали и жить мнѣ на Янкѣ невелѣли и опричь сего другого за нимъ атаманомъ Григорьемъ Меркульевымъ съ товарищи я кромѣ сказаннаго отъ меня въ допросахъ ничего не вѣдаю¹⁾. Но бывший атаманъ Мироновъ и казаки его партіи всего восемь человекъ²⁾ снова сказали, что ни чего того что написано въ его дописахъ и въ допросахъ на Меркулева они не знаютъ. Что Мироновъ Карташева въ Казань не посылалъ „и думи у нихъ о томъ между собою не бывало“ и что Карташевъ заходилъ къ Миронову передъ отъѣздомъ не за совѣтомъ, а для того чтобы простаться³⁾.

Тоже самое повторили и атаманъ Меркульевъ съ казаками своей партіи всего 16 человекъ³⁾. О поѣздѣ юртовыхъ татаръ въ Хиву, до похода Бекевича они рассказали то, что мы уже знаемъ „а въ прошломъ 1717 году за погубелью надъ княземъ Черкасскимъ, — говорилъ Меркульевъ, — и Зевакинъ яцкихъ казаковъ Адагула и съ нимъ двухъ человекъ и астраханскаго татарина въ Хиву таясь всего войска не посылавали и Адагулъ въ 717 году никогда въ Хиву не вѣзжалъ, а походнаго атамана Вородяна привелъ на Янкъ астраханскій юртовый татаринъ *Кельдюшъ*“. О посылкѣ четырехъ человекъ въ Хиву послѣ гибели отряда Векевича всѣ казаки сказали, что этого не было. Отвергли они такъ же обвиненіе Карташева на Меркулева въ томъ, что онъ послѣ прѣзда изъ Казани былъ скованъ въ кандалы и сидѣлъ въ войсковой избѣ долгое время.

О причисленныхъ въ казаки Мясника и Чеботаря Меркульевъ заявилъ,

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Петръ Фадѣевъ Осиповъ, Митрофанъ Пимоновъ Аютинъ, Остафій Трофимовъ, Никифоръ Бучеровъ, Матѣй Приказиковъ, Антонъ Харитоновъ, Григорій Каряновъ.

³⁾ Федотъ Девской, есаулъ Иванъ Вавиловъ, казаки: Никита Зевакинъ, Герасимъ Шоголовъ, Герасимъ Долговъ, Степанъ Демитьевъ Дуркинцевъ, Андрей Яковлевъ Карювъ, Никифоръ Вородинъ, Василій Будаковъ, Меркурій Зарайской, Василій Азовскій, Семенъ Пудовкинъ, Дмитрій Витомовъ Михайло Горшковъ, Федоръ Силишнинъ. (Тамъ-же, листы 176 - 178).

что онъ зачислилъ ихъ по приговору всего войска, и потому, что они „сказались вольные государевы“ крестьяне. Денегъ на онъ, ни войсковые есаулы съ нихъ не брали.

На этомъ допросы окончились. Между тѣмъ явилась необходимость вызвать новыхъ, указанныхъ противными сторонами, свидѣтелей и виновныхъ.

12 іюня состоялся указъ Салтыкова „съ товарищи“ послать казанскаго гарнизона унтеръ-офицера *Филипа Черемисинова* на Янкъ. Пріѣхавъ велѣно было ему взять: „во свидѣтельство по изслѣдованію дѣла яицкихъ казаковъ: атамана *Никиту Бородина*, есауловъ *Алексыя Аргамасова*, *Леонтія Афанасьева*, заставщика *Ивана Алексѣева*, *Федора Старцева*, новокрещеновъ *Ивана Сидорова*, *Осипа Никитина*, юртовыхъ татаръ: *Кезектя Кечкымева*, *Узбека Тюленбетова*, да *Каслыбая*, да *Сюлемекина* брата, *Аднагула Ишмекѣва* зятя, котораго на Янкѣ спросить кто съ нимъ яицкіе жъ два человѣка въ Хиву отъ атамана Меркульева посланы въ прошелшую осень, и по сказкѣ его велѣно взять и тѣхъ двухъ человѣкъ, да асраханскаго юртоваго татарина *Кельдыша* да, по допросу крестьянина *Кроткова*, *Тимофея Мухника*, которые поверстаны въ казаки и живутъ на Янкѣ: Сибирскаго уѣзда села Богородскаго Тушумъ: *Семена Федорова сына (Опаленыша* да жену *Кононова*, жену *Архинова*, *Левонтьеву* дочь а какъ зовуть въ допросѣ не написано, тогожъ уѣзду и егожъ *Афанасьева* крестьянина *Кроткова* села *Полдамасу* *Михайла Максимова* сына *Вялова*, да пришлаго жъ казака *Прячишника*, которой въ казаки приверстанъ въ 717 году, и взявъ вышенаписанныхъ, ѣхать въ Казань со всякимъ усмотрѣтельствомъ дено и ношно, и вести ихъ подъ карауломъ и смотрѣть за ними навѣрѣно, дабы они неразбѣжались и для того послалъ съ нимъ солдатъ; да съ Самары, по посланному къ *коменданту Собакину* указу, взять изъ конныхъ солдатъ добрыхъ шесть человѣкъ и подводы по указу и по подорожной, и въ пути какъ съ Самары до Янку, такъ и возвратно, ѣхать во всякомъ опасеніи дабы незапно не напали какіе непріятельскіе воровскіе люди и неучинилибъ какого зла“¹⁾.

Этотъ новый гость появился на Янкѣ 30 іюня. Войско снова собралось въ кругъ. Всѣхъ кто оказался на лицо отдали. *Аднагула* призывали въ кругъ и „при войску въ кругу и при присланномъ съ указомъ унтеръ-офицеромъ— писало войско въ своей челобитной *Салтыкову*, сирѣчьвали — послалъ ли его атаманъ Меркульевъ съ двумя казаками въ Хиву или нѣтъ? И *Аднагул* сказалъ, что онъ отъ атамана Меркульева съ двумя казаками въ Хиву неослышванъ и за торговъ своею волею навѣшивалъ, и кого атаманъ Меркульевъ послалъ того неѣдаетъ и ни у кого неслыхивалъ, а крестьянъ *Кроткова* *Семена Опаленыша* да жену *Кононову*, жену *Архинова* *Левонтьеву* дочь, да *Михайлу* *Максимова* сына *Вялова* по прежнему и по сему великаго государя указу съ вышенаписаннымъ унтеръ-офицеромъ всѣхъ, которые явились противъ указу,

¹⁾ Тамъ-же.

внслали. Алексѣй Аргамановъ, Федоръ Старцевъ у насъ привоиску нинѣ вѣтъ — были съ господиномъ княземъ Черкасскимъ въ службѣ я до нинѣ въ Хивѣ въ плѣну; а о которомъ Пряншиникъ писано и онъ отъ насъ съ Янку бѣжалъ не вѣдомо куда до указу великаго государя, а ежели у насъ явится ни его вышлемъ¹⁾.

Всѣхъ крестьянъ войско передало присланнымъ отъ помѣщиковъ Егора и Афанасья Кротковыхъ ихъ людяиъ Никифору Петрову и Елисею Кузмину, которые, боясь „непріятельскихъ воинскихъ людей“, остались на Янкѣ до последи станицы въ Русь за хлѣбомъ. Но пока Черемисновъ былъ на Янкѣ, казаки, оставшіеся въ Казани, стали тайно сношаться съ Карташевымъ. Они посылали къ нему „стороннихъ людей“ уговаривать его отказаться отъ своего доноса. Одинъ за другимъ приходили къ Карташеву въ тюрьму послы: сергіевскій солдатъ Тихонъ Турмыинъ, алексѣевскій солдатъ Леонтій и цвильскій подъячій Федоръ Алексѣевъ. Всѣ они приходили нѣсколько разъ я одинъ на одинъ съ Карташевымъ говорили ему, что если онъ не откажется отъ своей челобитной, то войско будетъ его пытать „разными пытками“, а если откажется, то „учивать ему свободу“. Подъячій Алексѣевъ обѣщаль отъ казаковъ кромѣ того дать ему за это двадцать рублей.

Совѣстно-ли стало Карташеву или онъ испугался пытокъ, которыми ему грозили казаки, но онъ написалъ черную челобитную, въ которой отказывался отъ своего доноса и послалъ ее къ Меркульеву для просмотра съ солдатомъ Турмыинымъ. Казаки челобитную одобрили я Турмыинъ принесъ ее обратно и привелъ съ собою „ручника“ Андрея Попова; переписавъ челобитную, Карташевъ попросилъ подписать ее Попову²⁾.

28-го іюня челобитная была полана.

„Державнѣйшій царь государь милостивѣйшій!

Въ прошломъ 717 году, подалъ я доношеніе въ Сибирску генералу адъютанту господину Полянскому по досадѣ на яицкихъ казаковъ на войскового атамана на Григорья Меркульева съ товарищи пьянствомъ своимъ, а генералъ-адъютантъ господинъ Полянской писалъ я прислалъ меня въ Казань въ губернскую канцелярію я противъ того письма я въ Казани допрашивать, а что въ допросѣ сказаль о томъ о всемъ явствуетъ въ дѣлѣ, я такое доношеніе подалъ я въ Сибирску пьянствомъ своимъ тѣмъ всѣмъ его Григорья съ товарищи поклеваль безъ вины.

Всемилоствѣйшій государь прошу вашего величества вели государь сіе мое прошеніе принять къ дѣлу а въ винѣ моей волея ты государь.

Вашего величества нижайшій рабъ яицкой казакъ Иванъ Карташевъ іюня въ 28 день 1718 году прошеніе писалъ полку господина полковника Бувиганга писарь Степанъ Любовцовъ; вмѣсто челобитчика Ивана Карташева по

¹⁾ Тамъ-же, листы 213—215. Челобитная Яицкаго войска 1718 года 30 іюня губер. Салтыкову, я листы 216—217 доносъ-іе Черемиснова.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 251—254.

его вельвю подъячій Андрей Поповъ руку приложилъ¹⁾.

Узнавъ о подачѣ челобитной, находившіеся въ Казани казаки заволновались и стали проситься доной на Яикъ; но губернская канцелярія 16 іюля рѣшила „до изслѣдованія и до пріѣзду атамана Никиты Вородина“ казаковъ: *Матвѣя Миронова, Григорія Меркулева, Викиту Эльвакина, Семѣя Мансуровцева, Петра Осипова, Никифора Кочурова, Федота Донского, Герасима Погодаева и Герасима Логинова* задержать въ Казани, взявъ съ нихъ подписки о невѣздѣ; другихъ же казаковъ — „отпустить изъ Казани на Яикъ съ запискою и съ приложеніемъ рукъ ихъ, что ихъ какъ по сему дѣлу впередъ куда указомъ спросать, вельтъ имъ явиться безъ всякіи отговорки“²⁾. Крестьянъ же Маснича и Чеботаря отослали „попрежнему въ тягло; а женъ ихъ и дѣтей съ пожити вельтъ съ Яику атамау въ отдачѣ поставить въ Казань“.

Такимъ образомъ въ Казани осталось только девять человекъ, но уже въ концѣ іюля туда прибыли казаки, приведенные Черемисиновымъ и 29 іюля предстали предъ губернаторомъ и въ губернской канцеляріи начался снова допросъ. Разспрашивали опять таки „по рознь“.

Первыми на допросъ пошла новокрестьяне — татары и юртовне татары: Иванъ Сидоровъ, Осипъ Никитинъ, Кезакъ Кечкичевъ, Узбекъ Телембетовъ, Катлыбай и Нудай Юнусовъ — татары, которые были въ Хивѣ въ 1716 году. Они рассказали то, что мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, и заявили, что ядрили съ согласія всего войска, какъ это и раньше бывало.

Татаринъ Адагулъ Апаковъ, на котораго говорилъ Карташевъ, что онъ ядрилъ въ Хиву послѣ гибели отряда Бековича по тайнымъ дѣламъ Меркулева, наотрѣзъ отказался отъ возводимого на него обвиненія и заявилъ, что онъ въ Хивѣ никогда не бывалъ.

Приведенный въ канцелярію астраханскій татаринъ *Кельдиушъ Ислемсовъ* сказалъ, что онъ съ разрѣшенія астраханскаго коменданта *Чирикова* весною 1717 года поѣхалъ для торговли въ калмыцкіе улусы, откуда недѣли черезъ три пріѣхалъ съ двумя калмыками на Яикъ, гдѣ заболѣлъ и лежалъ у *татарской мечети* около четырехъ мѣсяцевъ; выздоровѣвъ, онъ съ тѣми же калмыками вернулся опять въ калмыцкую орду. Когда наступилъ первый зимній путь, ханъ Аюка, его сынъ *Чандоржанъ* и владѣлецъ *Даржа* послали въ Хиву „пославцевъ“ четыреста человекъ калмыкъ „для чего не знаю, — говорилъ Кельдиушъ на допросѣ: — съ тѣми же посланцами поѣхалъ и я въ Хиву для торговаго своего промыслу, да ихъ же астраханскихъ юртовныхъ татаръ было съ нами десять человекъ, а какъ зовуть не знаю, и прибывъ въ Хиву занялся имъ тамошнему державцу, которому городъ приказанъ, *Кулумбетю* и сказались ему, что мы пріѣхали для торговаго промыслу; и въ ту бытность въ Хивѣ на торгу хивянцы вывели для продажи и выкупу русскихъ людей пять чело-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 189.

²⁾ Тамъ-же, листы 206—208.

вѣкъ, которые были съ господиномъ княземъ Черкасскимъ, а именно: полковника *Дромантасія* (? астраханскаго посацкаго человѣка *Ивана Кисельникова* да господина князя Черкаскаго казначея; да армянина *Абрама* да яицкаго походнаго атамана *Никиту Бородину*; и я атамана *Бородину*, договорясь съ хивяноцмъ, у котораго онъ *Бородинъ* былъ о цѣнѣ, выкупилъ и далъ за него на сто семьдесятъ рублей таваромъ а остальныхъ четырехъ человѣкъ выкупилъ астраханской юртовой татаринъ *Кутла-ельдеажъ*, а за какіе деньги того не знаю; и ханскіе калмыки уѣхали напередъ насъ изъ *Хивы*, а осталось съ нами для торгу калмыкъ человѣкъ съ двадцать и, собравшись мы съ тѣми калмыки и съ астраханскими юртовыми татарами всего человѣкъ съ пятьдесятъ, изъ *Хивы* поѣхали возвратно и выкупленныхъ полоненниковъ повезли съ собою; и какъ прибыли на рѣку *Эмбу* и отъ того мѣста калмыки, которые были съ нами, съ юртовыми астраханскими татарами поѣхали въ калмыцкую орду къ хану, а я съ калмыками десятью человѣки и съ атаманомъ черезъ степь къ *Яику*; да съ нами же изъ *Хивы* въ томъ же караванѣ по отпуску выѣхали яицкіе казаки, которые были съ господиномъ княземъ Черкасскимъ четыре человѣка, а именно: новокрещенъ по русски имя сказать не знаю, а по татарски *Куслейка*, да татара *Ильмерза* а другихъ какъ зовутъ не вѣдаю и не доѣзжая до *Яику* дня за четыре тѣ калмыки поѣхали ко владѣльцу своему *Доржъ*, а я съ атаманомъ и казаками да съ нами же астраханскій юртовой татаринъ *Хомсанкулка*, который съ нами ѣхалъ изъ *Хивы*, пріѣхали на *Яикъ* около сырой недѣли и явились на *Яикѣ* въ войсковомъ кругу атаману *Григорью Меркульеву* и походнаго атамана *Бородину* объявили, а новокрещенъ и татары явились сами; и съ него *Никиты* тѣхъ выкупныхъ денегъ я небирывалъ, для которыхъ и понынѣ жилъ на *Яикѣ* у *Бородину*; а кромѣ вышесказанныхъ другихъ яицкихъ казаковъ русскихъ и татаръ въ отъѣздѣ съ *Яику* въ *Хану* и въ пріѣздѣ на *Яикъ* со мною небыло; и атаманъ *Меркульевъ* и казакъ *Никита Зѣвакинъ* въ *Хиву* меня и со мною татарина *Аднагула* и другихъ ни для чего не посылавали¹⁾). Спросили и остальныхъ казаковъ, но в ихъ показанія были не въ пользу *Карташева* — всѣ уличали его во лжи.

5 августа былъ спрощенъ походный атаманъ *Бородинъ* Онъ подтвердилъ показаніе *Кельдыша* и рассказалъ о своихъ странствованіяхъ:

„Когда пришли мы въ хивинскую землю, — говорилъ онъ, — и какъ надъ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ учившаяся гибель, насъ казаковъ разобрали по рукавъ и развели въ разныя мѣста и меня взялъ къ себѣ *Узбекъ* и продалъ тоещъ хивинскіе земли въ городъ *Азарисъ* муллѣ *Абазу*, взяли за меня десять рублей; и въ томъ городѣ *Азарисѣ* у муллы выкупилъ по прошенію моему астраханскій юртовой татаринъ *Кельдышъ*, который пріѣхалъ,

¹⁾ Тамъ-же, листы 280—286.

послѣ нашего разбору, съ камишками; далъ за меня сто семдесятъ рублей и, выкупя, изъ Хивы въ караванѣ, въ которомъ были камишки и астраханскіе юртовые татары, привезъ на Яикъ прошедшею зимою на сырной медъли; а прѣѣзжалъ Кельдюшъ для торговаго своего промыслу и по побѣдѣ оттуда оставилъ тамъ жену свою, и по прибытіи на Яикъ Кельдюшъ жилъ у меня для того, что ему я и по выѣзѣ тѣми деньгами долженъ и ни чего не уплатилъ, да съ нами изъ Хивы хивинской ханъ отпустилъ безъ выкупа нашихъ-же яецкихъ казаковъ, которые были съ нами въ походѣ: одного человека новокрещена прозвище *Руселя* да татаръ *Ильмурзу* всего пять человекъ, а достальными ямляхъ сказать неупомяну, а потомужъ прибывъ на Яикъ какъ я такъ и оны казаки явились въ войскѣ войсковому атакану Григорью Меркульеву* ¹⁾.

Казаки *Михаилъ Бѣлый* сознался, что онъ бѣглый крестьянинъ и бѣжалъ 8 лѣтъ тому назадъ отъ помѣщика Афанасія Кроткова; приверсталъ его въ казаки атаманъ Федоръ Семеновъ, женился онъ на дочери казака Перфильева. Стали разспрашивать его о его животахъ.

„Животовъ у меня лошадь, корова да теленокъ, — говорилъ онъ, — да денегъ пятнадцать рублей; а скарбу десять крестовъ, цѣпочка, двои серги серебряныя, двѣ сороки: одна шита золотомъ, четыре сарафана: въ томъ числѣ одинъ камчатной, одинъ кетайчатой, два крашеныхъ, шубка кумашная на мерлушечномъ мѣху, фата, да двѣ ширинки полковныя, кафтанъ зеленой, двѣ шапки красныя, кушакъ верблюжий, да рубахъ мужскихъ: двѣ пестрыя съ штанами, одна парчевая съ штанами жѣ, да штаны жѣ суконныя серыя; перина съ зголовьемъ, поаясь шелковой, двѣ скатерти бранныхъ, два полога полотняныхъ, три тулупа камищичныхъ овчинныхъ, шуба русская овчинная, три пещни да десять багровъ желѣзные, да посуды кайдека (ѳ) да мѣденикъ, да котлякъ мѣдныя, три ставана оловянныхъ. А на Яикѣ живутъ еще помѣщиковъ нашихъ кромѣ крестьянина Опаленыша, бѣглая дворовая жена Акулина Дмитріева дочь съ дѣтьми: съ Иваномъ да съ дочерью Анною живетъ у казака Петра Набатова. А по наряду я служилъ съ яецкими казаками въ Кубанскомъ походѣ“ ²⁾.

Сознался и Опаленышъ, что онъ бѣжалъ отъ помѣщика Егора Кроткова.

Но пока шло слѣдствіе, Карташевъ въ началѣ августа опять подалъ челобитную. На этотъ разъ онъ снова обвинялъ Меркульева. — Онъ подробно разсказалъ, какъ послали его уговаривать казаки, чтобы онъ отказался отъ своего доноса, указавъ, кто ходилъ къ нему для переговоровъ; въ томъ, что ему подъячій Алексѣевъ предлагалъ за это 20 рублей, онъ сослался на свидѣтелей: на караульнаго офицера прапорщика *Ильдышева*, барабанщика *Никиту*, рядового *Варламова* и отставнаго саратовскаго солдата *Грачева*. „И ту челобитную подалъ я, — говорилъ на допросѣ Карташевъ, — опасаясь отъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., листы 280—236.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 280—236.

нихъ устрасши пытков, понеже приходя ко мнѣ Грачевъ говорилъ: „ежели тебя станутъ противъ челобитной допрашивать и ты тоже скажи, что въ челобитной написано, а буде такъ сказывать не станешь то при разныхъ словахъ (при противорѣчіяхъ со словами челобитной) ставутъ пятать“¹⁾... Подалъ онъ и другую челобитную, въ которой перечислилъ много бѣглыхъ драгуновъ, недавно приверстанныхъ въ казаки, а также и не приверстанныхъ и живущихъ на Яикѣ.

Мало этого,—онъ сталъ обвинять атамана Григорія Меркульева въ низвѣтъ, что будто бы Меркульевъ со своими совѣтниками бывшего атамана Матвѣя Миронова съ атаманства „садили силою“ и у его двора хотѣлъ поставить караулъ и убить его до смерти и убивши хотѣлъ *онъ бѣжалъ на Индѣ-рѣку со вѣсьмъ войскомъ*. И что будто бы „онъ же, Григорій, отлучалъ въ Хиву и въ Бухару съ торгомъ и при томъ торгу отлучалъ заповѣдныи государевъ порохъ и свинець и слово“²⁾.

Дѣло опять осложнилось. Стали снова спрашивать Матвѣя Миронова. На этотъ разъ Мироновъ постарался выгородить своего крестнаго сына и сказалъ, что дѣйствительно Меркульевъ съ товарищами „садили“ его съ атаманства и у его двора поставили караулъ и хотѣли его убить до смерти; про то-же, что войско хотѣло бѣжать на Индѣ-рѣку и о продажѣ пороха въ Хиву, отговорился незнаемѣмъ. Въ этомъ онъ сослался на свидѣтелей: *Астафія Муромцева, Митрофана Алетина, Петра Фадѣева Осипова, и на Василія Кожевенникова*. Поуказанныи имъ свидѣтели не подтвердили его показанія, а сказали, что ничего этого не было, и что Меркульевъ былъ избранъ вѣсьмъ войскомъ. Но Карташевъ не унимался и въ свидѣтели поставилъ „все войско отъ мала до велика“³⁾.

Допросы были кончены. 19 августа послѣдовалъ указъ Салтыкова:

„По указу великаго государя по сему дѣлу взятыхъ съ Яику янцевъ казачковъ: походнаго атамана *Никиту Бородина, Леонтія Афанасьева, Ивана Алексѣева*, воевокрещена *Ивана Сидорова*, татаръ: *Кузека Кичкинѣва, Узька Тюленбетова, Катлыбая Кудаберду Юнусова*, которые взаты были конзслѣдовавию сего дѣла въ свидѣтельствѣ и по допросамъ объ нихъ отъ доносителя Карташева никакаго другаго дѣла необъявлено—отпустить по прежнему въ Яикъ до указу за запискою и съ приложеніемъ рукъ ихъ: имъ безъ указу съ Яику никуда неотлучаться и о томъ послать въ Яикъ къ войсковому атану великаго государя указъ; а казакамъ же прежнимъ: *Маттею Миронову съ товарищи* и выѣшнихъ приславныхъ воевокрещену *Осипу Никитину, Аднанулу Анакову*, астраханскому татарину *Кельдюшу Ислемесову*, до указу и до изслѣдованія сего дѣла велѣтъ быть въ Казаки за запискою и съ при-

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга 54, листы 251—254.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 15—17. Челобитная Федора Рукавинникова отъ лица воево войска.

³⁾ Тамъ-же.

ложеиіемъ рукъ ихъ, а оного Кельдюша дать на поруки, а буде поруки не будетъ держать въ губернской канцеляріи. А присланныхъ же съ Яику Семона Опаленниша, Михаилу Бѣлаго, которые въ распросахъ сказались бѣгле крестьяне Афанасья да Егора Кротковыхъ и пришли жить на Яикъ послѣ указаннаго 203 (1695 г.) году какъ именнымъ царскаго величества указомъ повелѣно съ Яику отдавать по тѣмъ распроснымъ ихъ рѣчамъ до указа отдать имъ Кротковымъ съ роспискою, а почему тѣ ихъ крестьяне имъ крѣпки везтъ положить крѣпости, да къ оберъ коменданту астраханскому въ указѣ написать какъ оные юртовые татары явились и онъ ихъ спрашивалъ ли и что они сказали и вѣдавъ онъ оберъ комендантъ что они были въ Хивѣ и для чего по прибытіи ихъ въ Казань неписалъ¹⁾.

Оставшіеся въ Казани казаки дали записки, что они изъ Казани никуда не съѣдутъ подѣ страхомъ „жестокаго истезавіи“; Кельдюша взяли на поруки Никита Бородинъ, Меркульевъ и Зѣвакинъ; остальные казаки уѣхали на Яикъ. Опаленнишу же и Бѣлому пришлось навсегда разстаться съ казацкою жизнью:—ихъ на другой день отдали помѣщику Афанасію Кроткову подѣ росписку.

Ввиду же новаго доноса Карташева и обвиненія имъ всего войска въ изменѣ и желаніи уйдти на „Индъ-рѣку“ и для сыска бѣжавшихъ драгунъ и солдатъ Силтниковъ 20 августа приказалъ отправить на Яикъ „для розыска и взятія яицкихъ казаконъ въ Казань“ капитана казацкаго гарнизона *Кемецкія*.

Ему дали особый наказъ²⁾, по которому онъ долженъ былъ: „по тремъ пунктамъ войскаго атамана Степана Иванова (Филимонова) и есауловъ и осталь яицкихъ казаконъ допросить: въ прошломъ 1717 году въ осень бывшій атаманъ Григорій Меркульевъ и казакъ Зѣвакинъ яицкаго казака татарина Аднагуль Апакова въ Хиву тамъ всего Яицкаго войска послали-ль и для какого согласія, и напередъ онъ Аднагуль въ Хиву ѣзжалъ-ли“³⁾.

По прибытіи на Яикъ Кемецкіи остановился обычно, какъ и всѣ пріѣзжавшіе въ казачій городокъ, на „сѣзжемъ дворѣ“. Вручивъ атаману указъ, онъ потребовалъ собрать къ себѣ всѣхъ казаконъ „отъ мала до велика“.

„И того числа пора была работная: писали въ послѣдствіи казаки въ своей челобитной, всѣ были на сѣвннхъ покосахъ, и атаманъ всѣхъ казаконъ собралъ въ Яикъ городокъ, и въ городкѣ онъ, Кемецкіи держалъ насъ многіе числа и на сѣвнне покосы, изъ бездѣльной своей користи, не пускалъ; и мы не хотя возвратя и покосаго времени пропустить дали ему отъ того задержанія двѣсти рублевъ и онъ нисъ за тѣми взятками на покосъ отпустилъ“⁴⁾.

Корыстанѣи, безъ какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ, Кемецкіи,

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 241—242.

²⁾ Наказъ этотъ нигдѣ въ дѣлахъ не вѣданы.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 167, книга 54, листъ 248. Справка изъ Казан. губери. канц. къ сейдствію по дѣлу Карташева.

⁴⁾ Челобитная Рукавишниковъ 1719 г. декабря 11, поданная въ сенатъ отъ лица всего войска. Моск. Ар. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 15—17.

какъ истинный сызъ и типичный представитель рабовладельческой и бюрократической Руси того времени, былъ не томица и изобрѣтателемъ въ вымоганіи и взяткахъ.

17 сентября онъ послалъ приказъ войсковому атаману, чтобы прислалъ къ нему на съѣзжій дворъ для письма самыхъ добрыхъ писцовъ 20 человекъ, свѣчь, бумаги, чернилъ, на всякой день что понадобится пока розньскъ будетъ“¹⁾.

Гдѣ было казакамъ взять столько писцовъ, свѣчь, бумаги?

Надо было откупаться.

Приказалъ онъ такъ-же прислать къ себѣ казаковъ въ сторожа и для посылокъ. „И бралъ онъ себѣ въ сторожи старшихъ людей, — писалъ Рукавишниковъ въ той же челобитной, — которые на ногахъ ходить не могутъ, ради бездѣльныхъ своихъ взятковъ, и заставлялъ ихъ у себя избы топить и воду носить и по всякія посылки ходить и предъ собою стоять и вслѣдствіи ругались... и бралъ-же съ нихъ взятки великія“²⁾...

Розньскъ шель безостановочно. Кемецкому нужно было опросить все войско.

„И онъ насъ противъ доношенія допрашивалъ, — говорится въ той-же челобитной, — и держалъ насъ за допросы многія-жъ числа, и прашло то время, что стали проситься на озера по соль съ стень, и онъ насъ не пушалъ-же и взялъ съ насъ за то, чтобы отпустить по соль, двѣсти-же рублей, и какъ взялъ въ то время насъ отпустилъ. Да онъ-же Кемецкій, какъ просился мы на рыбную ловлю и въ Русь по хлѣбъ и онъ насъ не пускалъ и взялъ съ насъ за то двѣсти рублей взятку и на рыбную ловлю и въ Русь за хлѣбомъ пустилъ“³⁾. Розньскъ шель своимъ чередомъ. Разсирошены были все казаки. Дѣло было по обычаю того времени переплетено въ особую книгу и Кемецкій въ началѣ октября собрался въ обратный путь. Розньскъ его до насъ къ сожалѣнію не дошелъ, — нигдѣ въ архивахъ онъ не являеться, объ немъ упоминается лишь въ справкѣ по дѣлу Карташева въ 1721 г.⁴⁾

Въ этой справкѣ говорится:

„А въ розньску оного посланнаго на Янкъ капитана Кемецкаго, поданномъ въ губернской канцеляріи сего 718 году октября 27 дня, и прилетенъ въ особномъ дѣлѣ, по егояъ Карташева доношенію, что онъ доносилъ на янцкихъ же казаковъ въ побѣгѣ съ службы изъ драгунъ, записано:

Войсковой атаманъ Степанъ Ивановъ⁵⁾, сотниковъ 22, есауловъ 9, десятниковъ 219, рядовыхъ казаковъ 2126, татаръ сотникъ 1, десятниковъ и рядовыхъ 80, *итого 2456 человекъ*⁶⁾; въ допросахъ порознь сказали: въ прошломъ де 717 году въ осень атаманъ Григорій Меркульевъ и казакъ Зѣва-

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 248--251.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 15--17.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 248.

⁵⁾ Филимоновъ (онъ-же Ушаковъ).

⁶⁾ Въ это число не вошли казаки станицы Матаѣя Рекузова, находящіяся въ арміи. Общій итогъ не сходится: должно быть 2458 чел., а не 2456 человекъ.

книъ яицкаго казака татарина Адвагула Апакова въ Хиву таясь всего войска посылалъ ли того они незнають и на прѣжь де сего оной татаринъ Апаковъ въ Хиву не ѣздилъ.

Яицкихъ же казаковъ 12 человекъ сказали въ прошломъ де 1717 году въ осень атаманъ Меркульевъ и казакъ Зѣвакинъ яицкаго казака татарина Адвагула Апакова въ Хиву таясь всего войска посылалъ ли и онъ Адвагулъ въ Хиву ѣздилъ ли того они не знають¹⁾.

Кончая разсказъ 28 сентября, Кемецкій приказалъ войску нарядить себѣ конвой двѣсти казаковъ и кромѣ того составилъ списокъ тридцати самныхъ дряхлымъ казакамъ съ приказомъ нарядить ихъ въ этотъ конвой.

Второго октября онъ добавилъ въ списокъ еще 8 человекъ стариковъ. Но хамство московскаго представителя правосудія возмутило казаковъ, привыкшихъ уважать и стариковъ, и чужое право, и свою общину. Они не нарядили ему ни одаого человека.

Третьяго октября онъ снова написалъ войску „ордеръ“, чтобы нарядили конвой и прислали его къ нему 5 октября „и если въ присылкѣ не будетъ, — говорилось въ ордерѣ, — о томъ буду писать въ Казань къ боярину и губернатору съ товарищи что вы ослушны“²⁾.

Войску пришлось капитану Кемецкому дать еще взятку.

„Да его-же Кемецкаго велено намъ проводить до Самары, — говорится въ челобитной войска въ сенатъ, — и онъ наладками своими, ради взятковъ-же, бралъ съ собою у насъ старшихъ людей, кто не можетъ на коня сѣсть, и отъ тѣхъ старшихъ людей взялъ онъ сто рублей, и ихъ отпустилъ, а взялъ съ собою молодыхъ ребятъ“³⁾.

Пробылъ Кемецкій на Яикѣ болѣе мѣсяца и за это время успѣлъ взять съ казаковъ не мало: „деньгами и подарками ему передавано и харчемъ переносено съ полторы тысячи рублей и оттого мы въ конецъ разорились!“ — писало войско жалобу въ сенатъ⁴⁾.

Полторы тысячи рублей по тому времени, когда лошадь стоила не болѣе трехъ рублей, десятокъ осетровъ не болѣе 25—30 рублей и пудъ якры, самой лучшей, два рубля⁵⁾ — въ то время эти деньги являлись громадною суммою — тысячъ 50—60 по нашему счету!!

Любой киргизскій набѣгъ на Яицкій городокъ, пожалуй, не принесъ бы войску столько убытка, сколько прѣзидъ только одного этого представителя московскаго строя.

Привезъ-ли Кемецкій съ собою кого либо изъ яицкихъ казаковъ, а также и бѣжавшихъ солдатъ въ Казань — неизвестно.

Между тѣмъ Карташеву надошло сидѣть въ тюрьмѣ. Онъ видѣлъ, что тѣ,

1) Тамъ-же, справка дана Федоромъ Сухаревымъ.

2) Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 248—251.

3) Тамъ-же, листы 15—17. Челобитная Руквиашникова.

4) Тамъ-же.

5) См. стр. 157 справку настоящаго отъема.

кого онъ обвинялъ въ измѣнѣ — Меркульевъ, Зѣвакинъ, Донской и другіе, ходить на свободѣ. „А онъ, доноситель, въ Казани сидѣть окованъ за крѣпкимъ карауломъ многіе мѣсяцы и помираеть голодною смертію“¹⁾. Подалъ онъ челобитную отпустить его изъ подъ караула на поруки „чтобъ о такихъ государевыхъ всякихъ дѣлахъ и другимъ доносить было не опасно“²⁾.

Но Карташева на волю не выпускали. Скучно было Карташеву — безъ дѣла онъ сидѣть не могъ. Онъ снова написалъ доносъ, на этотъ разъ войско онъ оставилъ въ покоѣ, а выдалъ бѣглыхъ солдатъ, которые „бѣжали на Янкъ отъ разборовъ солдатскихъ, изъ солдатскихъ слободъ солдатскіе дѣтя въ недавнихъ лѣтахъ, лѣтъ около десяти и съ ними-же ковъ отъ рекрутныхъ наборовъ бѣжали и живутъ на Янкѣ посадскіе люди повинувъ государева тягла“³⁾... Карташевъ перечислилъ около 18 человекъ по фамиліямъ и сказалъ дома, гдѣ они живутъ, въ концѣ же челобитной прибавилъ, что всѣхъ бѣжавшихъ разночидцевъ будетъ на Янкѣ человекъ съ пятьсотъ. Для указыванія-же этихъ бѣглыхъ Карташевъ просилъ „съ посланными офицерами или дворяниномъ меня, доносителя, послать, потому что я нынѣ именъ ихъ не упомяну, однакъ-же я буду познавать ихъ въ лицо“⁴⁾.

Карташева на розыскъ не послали, но 6 ноября всѣхъ янцехъ казаковъ, бывшихъ въ Казани, позвала снова на допросъ.

Первымъ отвѣчалъ *Матвей Мионовъ*.

„Торшиловъ съ сыномъ, про котораго говорятъ доноситель, на Янкѣ былъ и жили лѣтъ съ тридцать, — говорилъ Мионовъ, — и въ прошлыхъ годѣхъ тому лѣтъ съ десять Торшиловъ убить, а сына его взять неприятельскими людьми въ полонъ“⁵⁾...

Перебирая по фамиліямъ остальныхъ бѣглецовъ, онъ говорилъ, что они всѣ бѣжали въ давнихъ годахъ и служатъ государю по много лѣтъ.

„А есть-ли на Янкѣ другихъ такихъ-же разночидцевъ человекъ съ пятьсотъ, которые будто отбываютъ государевыхъ служебъ и податей, того я не знаю, я въ бытность мою въ атаманыхъ кого въ казаки верстали того за старостію своею и за безнамятствомъ сказать неупомяну; а пришлыхъ въ бытность мою въ атаманыхъ я на Янкѣ жить принималъ съ приговору всего Лицкаго вѣиска, а не одинъ собою; а кого именно сказать неупомяну, понеже я всѣ янцехіе жители — казаки на Янкѣ рѣку приплыи, о чемъ состоялся, по челобитию ихъ, съ котораго году кому въ отдалу съ Янку отдавать, великаго государя указъ и приславъ въ Казань“⁶⁾. Тоже самое показалъ Меркульевъ и Никита Зѣвакинъ. Показанія остальныхъ казаковъ были такіа-же.

Сидя въ тюрьмѣ, неутомимый Карташевъ, видимо, сталъ познавать всю муд-

1) Челобитная Карташева 21 октября 1718 г. Моск. Арх. Глав. Шт., опись 107, кн. 54, листъ 247.

2) Тамъ-же.

3) Доносъ Карташева 6 ноября 1718 г. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 258—261.

4) Тамъ-же.

5) Тамъ-же.

6) Тамъ-же.

рость сутажничества и доносовъ. 25 ноября онъ снова подалъ челобитную и потребовалъ, чтобы его, Карташева, атамана Меркульева и Зѣвакина съ товарищами и все дѣло послали въ Петербургъ „понеже я вѣдаю за нихъ Меркульевымъ и за всѣми сотниками, oprичъ поданныхъ на нихъ доношеній, другія дѣла, а именно злое умышленіе о начинаніи бунта о чемъ буду доносить и уличать ихъ въ Санктпетербургѣ господину Кошелеву“¹⁾.

26 ноября уже состоялось постановленіе взять дѣло и колодниковъ и отослать ихъ въ Петербургъ. 29 ноября приказано было взять *Карташева*, и казаковъ: атамана *Меркульева*, *Зѣвакина*, *Донского*, *Попадаева* и *Ложникова*, всего пять человѣкъ, и давъ къ нимъ въ конной одного унтеръ-офицера и пять рядовыхъ солдатъ, отправять ихъ въ Петербургъ на подводкахъ черезъ г. Володимиръ. Полковъ нарядить: унтеръ-офицеру—одну, солдатамъ и Карташеву—три и казакамъ пяти человѣкамъ—пять, — всего девять подводъ²⁾.

Меркульевъ съ товарищами дали записъ, что они по дорогѣ нигуда не сбѣгутъ; „поручниками“ за нихъ подписались десять человѣкъ казаковъ, бывшихъ съ ними въ Казани³⁾. Остальные казаки, бывшіе въ Казани, были 3 декабря отпущены обратно на Янкъ со взятіемъ точно такой же записи, какъ и съ Меркульева съ товарищами, въ томъ, что они безъ указа съ Янка нигуда не отлучатся и будутъ въ своихъ домахъ⁴⁾. 8 декабря выѣхали въ Казань и Меркульевъ съ товарищами.

Восемь мѣсяцевъ длилась эта волокита. По „извѣту“ одного человѣка болѣе сорока человѣкъ томилось въ Казани многіе мѣсяцы, и за Янкъ было переспрошено все войско, но дѣлу и волокиты не предвидѣлось и конца.

Какъ увидимъ далѣе, волокита только что начиналась.

Допросы въ Казани были окончены.

Но дорого же обошлись казакамъ эти допросы. Находясь со своимъ дѣломъ въ повзтыѣ⁵⁾ подъячюга *Федора Сухарева*, они должны были платить ему чѣмъ только могли, бралъ онъ все—ничѣмъ не стѣснялся; взялъ онъ въ разное время съ нихъ „наводкою“ 200 рублей, харчемъ и одеждою дали казаки ему на 100 рублей; казакъ Порфилій Никифоровъ далъ ему 20 руб. Когда же Федоръ Сухаревъ былъ смѣненъ и на его мѣсто былъ назначенъ его братъ *Алексѣй Сухаревъ*, то давать ему уже было нечего, — все отдали казаки, что у нихъ было. Дали ему послѣдніе 10 рублей.

И такъ, атаманъ Меркульевъ и старинные казаки, даже Матвѣй Мароновъ, крестный отецъ Карташева, были отправлены, какъ простые колодники, въ Петербургъ.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 262.

²⁾ Тамъ-же, листъ 264.

³⁾ Тамъ-же, листъ 268.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 267.

⁵⁾ Особое отдѣленіе въ казначаріи, то что нынѣ называется „столъ“.

Г Л А В А XXIII.

Продолженіе розыска по доносу Карташева. Допросы казановъ въ Москвѣ въ Преображенскомъ приказѣ. Посылка на Яикъ Кротова и его розыскъ. (1719 г.)

Войско шло разспросы казаковъ въ Казани, киргизы, окончивъ осаду Яецкаго городка, вмѣстѣ съ карабалпаками всею своею массою обрушились на приволжскія села и городки. Захвативъ громадный полонъ, они направившись обратно и, переправившись черезъ Яикъ недалеко отъ казачьяго городка, ушли въ степь ¹⁾. Войско знало о переправѣ киргизъ и въ собраншемся по этому случаю кругу казаки рѣшили, что идти на нихъ нельзя, т. к. киргизъ очень много, а казаковъ малолюдно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого выбѣжалъ въ городокъ отъ киргизъ Алексѣевскій конный солдатъ и рассказъ войску, что киргизы захватили полоня очень много и что когда они прошли въ свои улусы, то къ нимъ пріѣхалъ яецкій казакъ юртовный татаринъ *Аскапарко Инкуватовъ* и покупалъ плѣвняковъ для продажи въ другіе края. Но этого сообщенія войско проверить не могло, т. к. казакъ Инкуватова въ городкѣ не было ²⁾. Эти два незначительныхъ событія послужили поводомъ Карташеву вновь подать доносъ, — обвинить атамана Филимонова и все войско въ измѣнѣ.

Подать доносъ понравилось. Кромя Карташева осенью этого-же года яецкій казакъ *Василій Мордемыкинъ*, видимо изъ партіи Мирнова, чтобы насолить атаману Филимонову, подалъ доносъ въ Казань о томъ, что бывшіе участники убійства атамана Ивана Вѣлюгова казаки: *Осинъ Филимоновъ*, родной братъ атамана, и *Василій Сидоровъ* живутъ на Яикѣ подъ покровительствомъ атамана Филимонова. Губернаторъ послалъ указъ схватить ихъ и отравить въ Казань. Но когда получился указъ, то обоихъ виновныхъ на Яикѣ не нашлось, — атаманъ далъ имъ возможность бѣжать ³⁾. Это обстоятельство также послужило поводомъ для Карташева обвинять Филимонова въ измѣнѣ.

Наступилъ новый 1719 г. Ничего хорошаго отъ казакамъ не сулилъ. Дѣло по доносу Карташева не кончилось, а принимало все болѣе и болѣе неурядный для войска оборотъ — сыску не предвидѣлось конца.

Прибывшіе въ Москву къ январю 1719 г. Карташевъ и другіе казаки были сдавы въ тайную канцелярію при Преображенскомъ приказѣ. 4 января

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 20—23. Доносъ Карташева.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, листы 311—317. Показ. наз. въ Преображ. приказѣ 1719 года.

Карташевъ въ присутствіи князя *Ивана Федоровича Ромодановскаго* подалъ въ канцелярію завѣдующему приказомъ полковнику *Кошелеву* челобятную:

„Царскаго пресвѣтлаго величества высокопочтенному господину, господину полковнику и отъ лейбъ-гвардіи капитану *Гарасиму Ивановичу Кошелеву*.

Доношеніе.

На вотчинѣ твоей, великаго государя, чинится великое возмущеніе, какъ на Дону была Кузмишина: а нынѣ и на Яикѣ тожъ чинится, и отставтъ отъ вѣры христіанскія также и церкви Божіи, и не имѣютъ себѣ священниковъ и отцовъ духовныхъ, а ходятъ за исповѣдь къ мирянамъ, а именно: *Никита Зевакинъ, Григорій Меркульевъ, Гарасимъ Погодаевъ, Иванъ Витошевъ, Степанъ Дементьевъ, Гаврило Старченкоъ, Никифоръ Бородинъ, Андрей Яковлевъ, братъ его Иванъ Яковлевъ, Василій Буданъ, Дмитрій Витошевъ, Алексѣй Казачекъ, Борисъ Дьячекъ* съ товарищи и снщется ихъ, такихъ отступителей церквей Божьихъ, немалое число; а именно: яцкой атаманъ *Григорій Меркульевъ* какъ онъ чинилъ съ тѣми своими, вышесписанными совѣтниками о возмущеніи бунту и пустилъ такой приговоръ, что Казанью нехвалиться и про Казань непоминать, а кто про Казань помянетъ, или кто похвалится Казанью, и тѣхъ людей бить въ рычажьи палатерни или шестарнижъ человѣкамъ до смерти; да его жъ *Меркульева* совѣтники приговорила и совѣтывали не по одинъ кругъ, что бѣ его бывшего атамана *Матвѣя Миронова* убить до смерти или въ воду посадить за то, что онъ *Мироновъ* писалъ тайныя письма къ губернатору о злобѣ ихъ вымыслѣ; также учиняеть онъ *Меркульевъ*, какъ и прежде сего буютовалъ на Дону *Булавинъ* и онъ былъ стариковъ въ *Черкасскомъ* атамана *Дукляна Савинова* (3) и другихъ стариковъ; да онъ же *Меркульевъ*, забнулъ страхъ Божій, преступилъ крестное цѣлованіе и укрываетъ онъ, *Меркульевъ*, и держитъ на Яикѣ бунтовщиковъ *Осипа Филимонова* да *Василья Сидорова* и дабы отъ такихъ непостоянниковъ неразорилася твоя вотчина, великаго государя; а я за тебя государя о правдѣ крестъ цѣловалъ, что къ такимъ ихъ злымъ совѣтамъ неприставать и тебѣ великому государю на такихъ злыхъ совѣтникахъ и отступителяхъ церквей Божьихъ извѣстіе чинить, а именно: кои бѣжали за указанными годани, отбывая твое великаго государя службы, немалое число солдатскихъ дѣтей также и асашниковъ, которые отбываютъ твоихъ государевыхъ податей, а отъ тѣхъ вышесписанныхъ приходцовъ на Яикѣ чинится великое несовѣтіе также, что и на Дону, а именно: по моему доношенію снщется съ пятьсотъ человѣкъ и дабы розыскано было указомъ твоимъ великаго государя во всѣхъ ихъ злыхъ дѣлахъ какъ присланъ былъ въ Нижнемъ съ розыскомъ господинъ *Ржевской* чтобъ и на вотчинѣ твоей великаго государя тоже бы розыскать также то свидѣтельствовать тутешними священниками, и дабы я посланъ былъ къ розыску ради тѣхъ возмутителей для обвиненія злыхъ ихъ дѣлъ, кои явствуютъ въ семъ моемъ доношеніи.

И о томъ царскаго пресвѣтлаго величества высокопочтеннѣйшій господинъ полковникъ и отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Гавриилъ Ивановичъ Кошелевъ что повелитъ. Къ сему доношенію гостинной сотни Трофимъ Курдюмовъ вмѣсто Ивана Езимова сына Карташева янцаго казака по его велѣнію руку приложилъ ¹⁾.

Того-же числа Карташевъ былъ допрошенъ въ присутствіи Ромодановскаго. Повторивъ все то, что онъ написалъ въ челобитной, Карташевъ отвѣчалъ:

„Родина моя на Яикѣ, а отецъ мой служилъ на Яикѣ казачью службу.

Атаманъ Меркульевъ съ помывутыми казаками и съ иными единомышленники, о которыхъ написано въ доношеніи моемъ, отстали отъ вѣры христіанской и отцовъ духовныхъ не имѣютъ, а исповѣдываются у мирскихъ людей, у своей братіи отступниковъ, и у церквей не погребаются, а погребаются на пустыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ керженцы, и о томъ отъ казанскаго архіерея Тихона присланъ былъ на Яикъ къ Меркульеву и ко всемъ казакамъ указъ, чтобъ они расколу не держались и пова, который былъ учитель того расколу и бывалъ въ позахъ въ ихъ янцкихъ мѣстахъ, Дениса Осипова, который отъ нихъ отходилъ и пришелъ къ нимъ въ чарыцахъ, предать проклятью, и чтобъ его не держать, а прислать къ нему архіерею; и написано про него, что онъ отъ него архіерея ушелъ; и того старца и до нынѣ держать у себя на Яикѣ.

Они же, Меркульевъ съ товарищи, держать и до нынѣ бунтовщиковъ Оску Филимонова, да Ваську Сидорова, которые прежде Булазина бунта убили до смерти атамана Ивана Бѣлоусова и за то изъ приказу Казанскаго дворца казнено товарищевъ ихъ въ Москвѣ, и на Яикѣ и на Самарѣ человекъ съ тридцать, а они Филимоновъ и Сидоровъ не казнены потому, что были въ бѣгахъ; и нынѣ братъ родной того Оски Филимонова, Степанъ Филимоновъ на Яикѣ атаманомъ, и по доношенію про нихъ Филимонова и Сидорова атаманъ Меркульевъ сказалъ, что такіе казаки Филимоновъ и Сидоровъ на Яикѣ есть и о присланіи ихъ Филимонова и Сидорова посланъ былъ изъ Казани къ атаману Степану Филимонову указъ, и онъ атаманъ укрывая того брата своего и того Сидорова отписалъ, что они на Яикѣ жили, а нынѣ бѣжали; онъ же, атаманъ Меркульевъ, съ единомышленники своими принимали за указомъ пришлыхъ людей кричащихся отъ службъ и отъ податей, многое число солдатскихъ дѣтей и кашкизовъ извозятковъ и отъ такихъ пришлыхъ людей опасно бунта и всякаго воровства.

И если повелѣно будетъ послать для розыску о помывутыхъ протазнестяхъ и про то про все по розыску будетъ явлено и сыщется пришлыхъ людей человекъ съ пятьсотъ, а въ томъ во всемъ я шлюсь на половъ, и на церковныхъ служителей, и на всѣхъ янцкихъ жителей кромѣ его Меркульева единомышленниковъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 300—301.

А что въ Казани подана къ извѣту моя челобитная что я на нихъ Меркулева съ товарищи въ извѣтъ своемъ написалъ будто съ пьянства, а такую челобитную написалъ я за устрасіемъ ихъ, что они уграживали мнѣ пытками и посылали ко мнѣ сулить денегъ двадцать рублей и о той въ подсылки и о угрозныхъ словахъ сказано у меня въ Казани и будетъ по ровнску явво; а въ Казани свидѣтели про которыхъ я сказала, для чего нерозмысливано незнаю; а иныхъ изъ тѣхъ свидѣтелей въ Москвѣ драгунъ Григорій Анненковъ, который былъ въ недорослахъ и высланъ въ военную канцелярію, а тотъ Григорій свидѣтель:—какъ приходилъ ко мнѣ гражданской подъячій Федоръ Алексѣевъ и говорилъ при немъ Григорье, что прислалъ его Григорья атаманъ Меркулевъ съ товарищи, чтобъ я принесъ новизную челобитную, а за то дадутъ они мнѣ двадцать рублей денегъ и буду я свободенъ, а если не принесу, буду распытанъ розно; и я убоясь того слова, тому подъячему о принесѣ челобитной далъ, и они Меркулевъ съ товарищи прислали ко мнѣ ручника площадного подъячяго Андрея Попова, и того ручника, Анненковъ видѣлъ, что онъ пришелъ не по моему призыву и ту челобитную держалъ я у себя съ мѣсяцъ и больше, и атаманъ Меркулевъ съ товарищи прислали ко мнѣ Сергіевского города солдата Тихона Шурыгина, чтобъ ту челобитную онъ подалъ, и тотъ Анненковъ тотъ его Шурыгина приходъ видѣлъ и слова слышалъ и въ томъ во всемъ на него Анненковъ шлюсь.

А больше того, что сказала я выше, за тѣмъ Меркулевымъ съ товарищи злаго умыслу къ бунту я не знаю¹⁾.

Стали разспрашивать *Меркулева*. Но Меркулевъ повторилъ свои прежнія показанія; въ возводимыхъ на него Карташевымъ новыхъ винахъ онъ оправдывался, говоря:

„Отъ христіанской вѣры я не отставалъ и отцовъ духовныхъ всегда имѣлъ, и иныхъ у меня отецъ духовной пощъ Никита Ивановъ, которой служитъ въ лицемъ городкѣ Яикѣ у церкви Алексѣя Митрополита, и на исповѣди я былъ у него въ прошедшій великій постъ и святыхъ таинъ причащень, а у мирскихъ людей я не исповѣдывался и мертвыхъ тѣла на устахъ имѣю и насъ на Яикѣ ни кто не погребаютъ, а погребаютъ у церкви Возмъяхъ.

Объ расколѣ, чтобъ намъ пона Дениса (Сяпова у себя не держатъ отъ казанскаго архіерея Тихона указа ко мнѣ и къ казанцамъ никакого неприсылывано, а тотъ пощъ Денисъ былъ у насъ на Яикѣ и служилъ у церкви Алексѣя Митрополита и тому мѣтъ съ двадцать какъ онъ Денисъ одошелъ и отъ насъ съ Яику сошелъ въ Казань²⁾ и оттого архіерея Тихона, по желанію его Денисову, пострезженъ въ Зидантовскій монастырь и по пострезженіи его я его, Дениса, никогда на Яикѣ не видалъ, и на Яикѣ ни я ни кто его Дениса въ монахахъ прежь сего не держали и иныхъ его на Яикѣ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 302—310.

²⁾ Т. е. приблизительно въ 1699 году.

вѣтъ; а въ томъ ли монастырѣ нынѣ онъ живетъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, и расколъ онъ имѣеть-ли я не знаю и на Янкѣ раскольщиковъ никого не знаю-же. Татарина Кельдюшку на Хиву я несомнѣвала, и тотъ Кельдюшка въ Казани на меня про отпускъ его съ Янка въ Хиву въ роспросѣ не говорилъ, о чемъ явствуетъ въ дѣлѣ, и тѣмъ онъ, Карташевъ, поклонялъ меня напрасно.

Старого атамана Матвѣя Миронова я и мои братія изъ атамановъ неоставлявали и убить, или въ воду посадить, неприговаривали, а отсталъ онъ Матвѣй отъ атаманства волею своею.

Тайные какіе письма къ губернатору тотъ Мироновъ отъ себя посылалъ ли я о чемъ про то я не знаю.

Осыка Филимоновъ да Васька Сидоровъ на Янкѣ у насъ были, и въ прошлыхъ годехъ тому лѣтъ съ двадцать, когда по приговору лицкихъ казаковъ, атаманъ Иванъ Бѣлоусовъ убитъ, и тѣ Осыка и Васька въ то время въ кругу у приговору были, и какъ, по присылки изъ Москвы, изъ приказа Казанскаго дворца, велѣно тѣхъ убійцъ, сыскавъ, прислать съ Янку къ розыску, въ томъ числѣ и тѣхъ Осыку и Ваську по той присылки и ивогихъ убійцъ сыскавъ, въ Москву послали, а тѣ Осыка и Васька услыша, что ихъ вшуть съ Янку въ то время бѣжали, и въ бѣгахъ были лѣтъ съ десять, а гдѣ не знаю и по розыску тѣ убійцы въ Москвѣ, и на Янкѣ, и на Самарѣ казнены, а тѣхъ Осыки и Васьки въ то время было нессызано; а какъ тотъ розыскъ минулъ и тѣ Осыка и Васька пришли къ намъ на Янкѣ при атаманѣ Федорѣ Семеновѣ и жили на Янкѣ утайкою до прошлаго 718 году; а какъ въ прошломъ 718 году изъ Казани на Янкѣ о сыску и о присылки ихъ къ вышнему атаману Степану Филимонову, который тому Осыкѣ братъ родной, приславъ государевъ указъ и они Осыка и Васька, слышша про тотъ указъ, съ Янку бѣжали, а послѣ перваго побѣгу, какъ они на Янкѣ жили о томъ свѣдомы янцкіе жители всѣ, а не поймали ихъ для того, что къ нимъ указу о томъ неприслано; а атаманъ Степанъ Филимоновъ того брата своего Осыку и Ваську Сидорова на Янкѣ укрывали, а нынѣ они Осыка и Васька гдѣ того я не знаю.

И въ вышесказанномъ по всемъ я шлѣсь на поповъ, и на церковныхъ служителей, и на всѣхъ лицкихъ жителей, а по первому его Карташева доношенію по послышкѣ изъ Казани о приѣхъ солдатъ я ясаичиковъ розыскивано, и потому розыску моею вины неявилося и о семъ о томъ значить въ дѣлѣ присланномъ изъ Казани.

Челобитиую повинную тотъ Карташевъ въ Казани подалъ изъ воли своей, а я и товарищи мои ему пытками неуграживали и ни кого отъ себя сулить денегъ двадцати рублевъ, и ручника—площаднаго подъячаго Андрея Попова, да Сергіевскаго города солдата Тихона Шурыгина, въ нему визачемъ не посылали, и тѣхъ, Попова и Шурыгина, я и не знаю.

А что онъ Карташевъ въ распросѣ своемъ объявилъ свидѣтеля Григорья Анненкова, и на того свидѣтеля ему слаться невозможно, потому, что тотъ Анненковъ, въ бытности нашей въ Казани, сидѣлъ за карауломъ съ нимъ Карташевымъ вмѣстѣ въ воровскомъ дѣлѣ, а въ какомъ тогѣ не знаю, и въ свидѣтельство онъ, его Анненкова, объявляетъ знатно съ нимъ по согласію¹⁾.

Стали спрашивать *Никиту Зевакина*. Онъ во всемъ подтвердилъ показаніе Меркульева. О себѣ сказалъ, что онъ родиною города Чюмова изъ пригорода Наравчата, отецъ его служилъ тамъ въ конныхъ казакахъ и тамъ умеръ, а онъ послѣ его смерти ушелъ на Яикъ и служить въ казакахъ до сихъ поръ. На исповѣди онъ, какъ и всѣ казаки, бываетъ.

И нынѣ я былъ на исповѣди у попа Никиты Иванова, — говорилъ онъ въ показаніи, — который служить у церкви Алексѣя Митрополита въ прошедшій великій постъ, а святыхъ тайнъ за неисправление (?) неисподобенъ; у мирскихъ мы не исповѣдываемся и мертвыя тѣла на цустьхъ мѣстахъ у насъ на Яикѣ ни кто непогребаетъ, а погребаютъ у церкви Вожьихъ, только развѣ когда случится вужда, весной и осенью отъ умноженія грязи и за утѣшеніемъ мѣста на кладбищѣ, погребаютъ въ особомъ мѣстѣ въ *Шацкой лужкѣ*, и то отъ церкви не въ дальности, со отпѣваніемъ церковнымъ со священникомъ, а не просто.

Объ расколѣ, чтобъ намъ попа Дениса Осипова у себя недержатъ, отъ казанскаго архіерея Тихова указъ къ намъ на Яикъ былъ ли присланъ о томъ я не свѣдомъ, а тотъ попъ Денисъ на Яикѣ у насъ былъ, а у которой церкви служилъ того за старостію сказать неупомню и тому лѣтъ съ двадцать какъ онъ попъ одделель, отъ нихъ съ Яику сошелъ въ Казань.

Пришлыхъ людей: солдатскихъ лѣтей и ясашиныхъ атаманъ Меркульева на Яикъ за государевымъ указомъ принималъ ли и вятки какіе съ тѣхъ пришлыхъ людей бралъ ли того я не знаю и я тоже такихъ пришлыхъ на Яикъ непринимаю²⁾, а на Яикѣ у насъ пришлые люди есть; а по челобитію своему, съ совѣту атаманскаго я всего войска, въ кругу принимаются на Яикъ къ намъ такіе люди, которые передовѣмъ войскомъ объявляютъ, что они свободные, а не изъ службъ и не съ ясака; а про которыхъ пришлыхъ людей въ войскѣ увѣдомится, что они бѣглые отъ службъ и отъ солдатей и такихъ къ намъ на Яикъ никогда непринимаемъ; и нынѣ на Яикѣ пришлые, чтобъ отъ службъ или отъ податей есть ли о томъ мнѣ сказать невозможно, потому, что изъ тѣхъ пришлыхъ о себѣ, что онъ не свободной, никому ни кто не сказываютъ; а буде о комъ кто свѣдаетъ, что онъ бѣглоу, чѣмъ крестьянннвъ или съ ясаку, и такихъ по указу государеву прежь сего отъ нихъ съ Яику отдачу чинили, а нынѣ государевымъ указомъ пришлыхъ людей никакихъ на Яикъ принимать заповѣдаю и потому

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Изъ этого показанія видно, что Никита Зевакинъ когда-то былъ войсковымъ атаманомъ.

его государеву указу никого вновъ ниѣ на Яикѣ и не принимаютъ.

И во всеѣхъ противъ доношенія того Карташева я на поновъ, и на церковныхъ служителей, и на все Яицкое войско шлюсь¹⁾.

Слѣдующимъ отвѣчалъ Федотъ Донской. Онъ повторилъ то же самое, что и предъидущіе. О себѣ сказалъ, что родился на Дону въ г. Черкасскомъ, отецъ его донской казакъ и тому вназадъ тридцать пять лѣтъ отецъ его и онъ съ Дона ушли и служили на Яикѣ въ казакахъ-же.

Относительно попа Дениса Донской говорилъ: „когда я былъ въ 1718 г. въ Казани, то ходилъ къ архіерею Тихову для благословенія и въ то время архіерей меня про того попа спрашивалъ; вѣтли его у насъ на Яикѣ и я ему донесъ, что его на Яикѣ нѣтъ и ни гдѣ не видалъ и онъ, архіерей, говорилъ мнѣ, чтобъ мы его Дениса ни въ чемъ не слушали и къ себѣ не принимали, что де онъ худой человекъ и изъ монастыря бѣжалъ; и я ему донесъ, что намъ его слушать не для чего; при тѣхъ же словахъ онъ архіерей говорилъ я де пришлю къ вамъ объ немъ указъ и по тѣмъ его архіерейскимъ словамъ указъ отъ него архіерея посланъ ли о томъ я не вѣдаю.

Осыка Флимоновъ и Васька Сидоровъ у насъ на Яикѣ были и послѣ убійства атамана Вѣлоусова съ Яику бѣжали и въ бѣгахъ были лѣтъ съ десять, а гдѣ не знаю. А какъ по наряду выслано съ Яику въ *первой Нареской походѣ* на службу *шестьсотъ человекъ* казаковъ въ томъ числѣ и былъ есауломъ и какъ *прибыли мы въ Москву* и тотъ Осыка Флимоновъ присталъ было къ намъ въ станицу, и пришелъ къ намъ на квартиру въ *Сушовой слободу* и я спросилъ его Осыку гдѣ онъ былъ, и онъ сказалъ, что былъ онъ у боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына и онъ, бояринъ, въ видѣ его Осыку простилъ и просилъ онъ меня чтобъ его приняли къ себѣ въ станицу и я, не повѣря ему, повелъ его Осыку къ боярину князю Борису Алексѣевичу и объявилъ, и бояринъ приказалъ его отвезти въ приказъ Казанскаго двorca и отдать за караулъ; и я съ казаками его въ тотъ приказъ отвели и отдали дѣлкамъ, а послѣ того *пошли изъ Москвы на службу въ Нареской походѣ*; а какъ съ службы на Яикъ мы пришли слышалъ я отъ многихъ, а отъ кого именно неупомяну, что она Осыка и Васька взятыя у насъ на Яикѣ; потомъ одинъ разъ того Осыку я видѣлъ; а кажемъ случаямъ онъ изъ казанскаго приказу свободился или бѣжалъ не знаю; и въ прошломъ 718 году въ осень, какъ мы были въ Казани, по доношенію яицкаго казака Василья Мордвякина, посланъ изъ Казани на Яикъ къ атаману Степану Флимонову, которой ему Осыкѣ братъ родной, о сыску и о присылкѣ тѣхъ Осыки и Васьки указъ и тотъ атаманъ потому указу написалъ въ отпискѣ своей въ Казань, что она Осыка и Васька съ Яику бѣжали и я свѣдомъ о томъ послѣ присылки той отписки²⁾.

Вслѣдъ за Донскимъ отвѣчали Герасимъ Пододяевъ и Герасимъ Лом-

¹⁾ Тамъ-же, листы 311—312.

²⁾ Тамъ-же, листы 312—317.

новъ. Они оба подтвердили показанія предъидущихъ казаковъ; Погодаевъ добавлялъ только, что онъ не исповѣдывался въ прошломъ году потому, что во время великаго поста ѣздилъ въ калмыцкіе юрты для торговаго промысла; попа Дениса Осниова онъ звалъ, Денисъ служилъ въ церкви Алексѣя Матрополита, а потомъ перешелъ служить въ соборной церкви Архангела Михаила и ушелъ изъ Яицкаго городка тому назадъ лѣтъ двадцать.

Сыскъ кончился все въ пользу Карташева. Никакой измѣны въ Москвѣ не нашли и 21 января состоялся указъ Ромодановскаго съ товарищи: «дѣло и казаковъ отослать въ Казанскую губернію по прежнему и по тому дѣлу и по нѣмѣншему того Карташева и казачьимъ распросамъ указъ учинить въ Казанской губерніи, для того, что по вышеупомянутому того Карташева доношенію и по распросамъ его Карташева и Меркульева съ товарищи рѣчать его, Государева дѣла о начинаніи бунта, сверхъ объявленнаго въ этомъ присланномъ дѣлѣ въ Преображенскомъ приказѣ, не являлось¹⁾».

Всѣхъ колодниковъ вмѣстѣ съ дѣломъ и распросными рѣчами, заковать Карташева въ кандалы, отправили въ Казань. Салтыкову приказывалось самому расслѣдовать это дѣло и опросить всѣхъ, на кого показавъ Карташевъ²⁾.

Прибыли арестованные въ Казань 17 февраля; черезъ три дня состоялся приказъ Салтыкова о посылкѣ на Яикъ для разбора дѣла снова „офицера добраго“.

Въ Казани хорошо уже знали Яикъ. Наумовъ, Волковъ и Кемецкій, испитавшіе всю прелесть своихъ поѣздокъ, вѣроятно, не разъ среди своихъ друзей рассказывали втихомолку о своихъ подвигахъ на Яикѣ и какъ они ловко ухитрились набивать себѣ карманы. Желающихъ ѣхать на Яикъ среди алчнаго и развращеннаго до мозга костей чиновничества было не мало. Вѣроятно, не одному поручику снились тогда казачьи рубли. Но какъ попасть на обитованный Яикъ? Надо задарить вице-губернатора, дать ему хорошую взятку, надо задарить и еще кое-кого. И только самый пронырливый, самый ловкій пройдоха могъ провести это дѣло и получить командировку. Такимъ пройдохой оказался поручику Кротковъ. Этотъ „офицеръ добрый“ презрительно по своей беззаастѣнливой алчности, корыстолюбію и вымогательству, какъ увидимъ далѣе, всѣхъ своихъ товарищей, побывавшихъ на Яикѣ. Кротковъ былъ казанскій и сибирскій помѣщикъ, у котораго наибодѣе всего бѣгали крестьяне на Яикъ, изъ которыхъ, какъ мы уже знаемъ, трехъ ему выдала обратно.

Кроткову дали копію съ челобитной Карташева и инструкцію, въ которой ему приказывалось опросить всѣхъ указанныхъ Карташевичемъ казаковъ, какъ-то: Ивана и Дмитрія Витшовыхъ, Степана Демонтьева, Гавриила Старченка, Никифора Бородина, Андрея и Ивана Ижовловыхъ, Василия Вудана, Алексѣя Казапча, Бориса Дьячка съ товарищи въ томъ, „что они отъ христіанскіе вѣри

¹⁾ Тамъ-же, описъ 107, кн. 54, листы 322—324.

²⁾ Тамъ-же, листъ 296.

оставали или вѣтъ и отцовъ духовныхъ всегда имѣли ли и нынѣ есть ли, и ежегодно-ли исповѣдываются и святыхъ тайнъ по достоинству причащаются *; допросить всѣхъ казаковъ порознь, а потомъ „розыскать поклажи и церковными служителями и явцами жъ жители, кромѣ тѣхъ, которые атаману Меркулеву единомышленники, на которыхъ Карташевъ неслался, а сказалъ что они явны по доношеніямъ его, и чтобъ помы и другіе церковные служители были посланному изъ губернской канцеляріи въ допросѣхъ послушны“.

При допросахъ онъ долженъ былъ спросить у каждаго казака: кто онъ, изъ какого чина (сословія) и какъ давно и откуда пришелъ на Яикъ и какии атаманомъ приверстанъ въ казаки. Всѣхъ виновныхъ, которые явятся въ выѣздѣ, представить въ Казань, а также попа Діонисія, Осипа Филимонова и Василія Сидорова ¹⁾.

Для допроса священниковъ о расколѣ и для привода ихъ и казаковъ въ присягѣ во время слѣдствія вмѣстѣ съ Кротковымъ былъ назначенъ на Яикъ по распоряженію казанскаго епископа Тихона игуменъ Успенскаго болгарскаго монастыря Діонисій и Симбирскаго уѣзда священникъ Семенъ Федоровъ. Отъ архіерея имъ выѣнялось по прибытіи на Яикъ „лицкихъ поновъ и другихъ церковныхъ служителей до кого прилучется дѣло посланному офицеру отдавать и допрашивать обще съ игуменомъ, да имъ-же велѣно церковнаго всякаго благочинія и книги осмотрѣть“ ²⁾.

Но кромѣ священника съ Кротковымъ нарядили на Яикъ цѣлый штатъ чиновниковъ. Многимъ въ Казани хотѣлось покориться у казаковъ. Назначили къ нему фискала *Михаила Путилова*, двухъ подъячихъ *Мансурова* и *Овчинникова*, фискальнаго дѣльца *Соболева* и самарскаго дворянина *Григорія Евдокимова Племянникова*. Съ ними же поѣхалъ за розысками бѣжавшихъ крестьянъ прикащикъ отъ помѣщика *Маркова*.

Передъ отъѣздомъ Кроткова Меркулевъ подалъ черезъ губернатора челобитную Царю. Излагая интарства казаковъ по сыскамъ изъ за донеса одного только проворовавшагося казака, показанія котораго никакъ не подтвердились, Меркулевъ просилъ:

„Не вели государь его Карташева свойственникомъ и другимъ его совѣникамъ въ розыску вѣрить, а именно: отцу его посаженому *Матвею Мирному съ дѣтьми*, для того, что онъ его Карташева и послалъ на насъ доносить, *Петру Фадневу* (Осипову), *Федору Рефкову*, *Алексѣю Шапошникову*, *Ивану Шапошникову*, *Тимофею Мансуровичеву*, а вели государь въ розыску вѣрить вначалѣ священникамъ и всѣмъ явцому войску всѣми людьми безъ отводно, и о томъ и о всѣхъ нашемъ прошеніи послать указъ и учинить посланному изъ Казани о розыску того всего дѣла по вышнему великаго государя указу“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 29, листы 1—5.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 332—338.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 328.

Въ концѣ февраля Кротковъ со своими товарищами выѣхалъ на Яикъ, а присланные изъ Москвы — Карташевъ, Меркульевъ и другіе казаки были оставлены въ Казани, впродъ до окончанія дѣла.

Между тѣмъ Карташевъ 13 марта снова заявилъ въ губернской канцеляріи, что есть за нимъ государево слово о имѣннѣ яицкихъ казаковъ: „а въ какой имѣннѣ и на кого именно о томъ онъ объявить самому царскому величеству или въ правительствующемъ сенатѣ“. Для этого онъ просилъ послать его въ Петербургъ. Не заявлялъ же онъ раньше потому, что узналъ объ этомъ послѣ того какъ былъ присланъ изъ Москвы въ Казань¹⁾. Губернатора Салтыкова въ это время въ Казани не было и потому, пославъ ему объ этомъ донесеніе, вице-губернаторъ Кудрявцевъ распорядился посадить Карташева снова подъ караулъ.

Больше года тожилъ Карташевъ въ тюрьмѣ, но казза не отпускала на него ни одной копѣйки. Онъ долженъ былъ самъ довольствоваться себѣ и ященъ и одеждой. Наконецъ, окончательно обездешевяя и наголодавшись, онъ сталъ хлопотать о дачѣ ему кормовыхъ и съ 1 марта 1719 г. по его челобитью приказано было выдавать ему по четыре деньга на день²⁾.

Довосить поправилось. Кромѣ Карташева явился еще новый доносчикъ. 21 марта въ Казани въ губернской канцеляріи было получено донесеніе изъ Самары отъ коменданта *Григорія Собикина*, что къ нему явился яицкай казакъ *Афанасій Ивановъ Назаровъ* и подалъ на яицкое войско донось.

Вѣсть съ донесеніемъ въ губернскую канцелярію былъ представленъ за вѣрными карауломъ и самъ доноситель.

Приложена была и его челобитная Собакину, въ которой новый доноситель заявлялъ, что въ то время, когда прѣзжалъ на Яикъ поручикъ Наумовъ „взять съ Яику атамана Григорія Меркульева и старыхъ людей“, и когда указъ прочла въ кругу, то разыскиваемый казакъ *Иванъ Прянишникъ*, услыжавъ свою фамилію, бѣжалъ. Въ прѣздѣ же капитана Кемецкаго скрылись бывшіе на Яикѣ въ бѣгахъ два солдата: одинъ подарпорщикъ *Василій Константиновъ*, а другой *Михаилъ Мелентьевъ*. Атаманъ Степанъ Филимоновъ и старшина („старше люда“) за бѣжавшихъ дали сказку, что если они явятся на Яикъ, то ихъ немедленно представить въ Казань. По отъѣзду Кемецкаго бѣглецы явились и „старые люда“ сказали атаману Филимонову, чтобы ихъ выслать въ Казань „для того что мы сказку за руками дали и что бы неприятъ государева гѣва и въ конецъ бы намъ не ровориться“, но атаманъ ихъ не слушаетъ и держитъ у себя. „Да на Яикѣ-жъ живутъ бѣглецы солдаты *Михаило Чумаковъ* да *Савелья Деятерева пасынокъ*, а какъ зовуть не упомяну“, окончилъ свое челобитье Назаровъ³⁾.

Въ тотъ-же день доноситель вѣсть съ его извѣтомъ былъ посланъ къ

¹⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 54, листы 341 и 425.

²⁾ Тамъ-же, листъ 339.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 388, 389 и 391.

Кроткову на Янкъ съ приказаніемъ изслѣдовать это дѣло, и если оважутся виновные, то послать ихъ въ Казань.

Но далеко до прибытія Кроткова на Янкъ войсковою атаманъ Фляимоновъ, узнавъ о побѣгѣ казака Афанасія Назарова и чуя недоброе, приказалъ немедленно собрать всѣхъ явившихся въ войско разыскиваемыхъ бѣглецовъ: *Прянишниково*, *Петра Слѣпова* и *Василія Константинова* и снарядилъ ихъ въ Казань. Особенно настаивали на этомъ старшины Митрофанъ Пямоновъ *Алтинъ*, Федоръ *Донской*, Дмитрій *Чувашевъ*, Свядоръ *Дурилковъ* и Михаилъ *Купріяновъ* съ товарищами. Снарядили ставицу: атаманомъ — *Матвѣя Прикащикова* съ товарищи четыре человека и сѣбно отправили арестованныхъ въ Казань.

Въ первыхъ числахъ апрѣля они уже были въ Казани и предстали на допросъ въ губернской канцеляріи.

Станичныхъ казаковъ не оставили въ покоѣ — ихъ допросили первыми. 6-го апрѣля они предстали предъ очами вице-губернатора Кудрявцева и начался допросъ. Ихъ допрашивали о томъ-же, о чемъ допрашивали казаковъ въ Преображенскомъ приказѣ. Были опрошены по очереди *Никифоръ Степановъ Уфимецъ*, *Василій Ивановъ Мордвинцевъ*, *Матвѣй Прикащиковъ* и *Иванъ Тимофеевъ*. Эти показанія новаго ничего не дали, — всѣ казаки не поддержали ни одного обвиненія Карташева. Казакъ же Мордвинцевъ заявилъ, что на исповѣди не бываеъ, „а потому не бываю, что отецъ духовный у меня былъ *Иванъ Елистратовъ*, который служилъ у церкви *Михаила Архангела* и въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ съ пятнадцать, оной поѣзъ умре и, кровѣ его, отца духовнаго у меня вѣтъ, а на Янкѣ я несповѣдывался для того, что въ тѣ годы на Янкѣ не былъ, а былъ по присланному указу изъ приказа *Казанскаго дворца* у *калмыцкаго хана Аюки* для *вскликъ посмылокъ* и охраненія когда онъ *Аюка* былъ отъ *дѣтей своихъ* вызванъ и жилъ я у него *Аюки-хана* безотлучно лѣтъ съ пять, да въ Москвѣ у боярина князя *Бориса Алексѣевича Голицына* съ годъ, и за другими войсковыми дѣлами и за своими нуждами въ отлучкѣ, а какъ былъ я въ Москвѣ и въ то число въ великій постъ я исповѣдывался въ церкви *Петра и Павла* у священника, а какъ его зовутъ и чей того не упомию. Мертвныя тѣла погребая у церкви *Михаила Архангела*, а на пустыхъ мѣстахъ, а именно въ *Шацкой лужѣ*, которая отъ церкви разстояніемъ и отъ жилища съ полверсты, аицкіе жители кладутся, а именно положены атаманъ *Федоръ Семенниковъ* и *Ульянъ прованіемъ Большая Шапка*, а другихъ имена сказать не упомию. Попа *Девиса Осинова* на Янкѣ зналъ, и служилъ онъ въ бѣльцахъ у церкви *Алексѣя Митрополита* и когда онъ оядовѣлъ то сошелъ съ Янка невѣдомо куда, а въ прошломъ 718 году когда ѣхалъ я съ Янку на Самару и на дорогѣ у урочища *Обицаю Сырту* видѣлъ я того пова въ монахахъ и сказалъ онъ мнѣ что ѣдетъ на Янкъ, а гдѣ онъ нынѣ на Янкѣ или вѣтъ и расколъ имѣеть ли того не знаю¹⁾. Это единственное показаніе, которое хотя слегка отли-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 407-418.

чается от показаній другихъ казаковъ.

Вывзанный для улики Карташевъ попережнему повторялъ всё свои обвиненія. Прикащикамъ же съ товарищами говорили, что онъ клеветаетъ на нихъ со злобы. Но Карташевъ не унимался. Онъ разсказалъ на допросѣ уже известную намъ исторію о ссорѣ священниковъ Іева Клементьева и Никиты, и о жалобѣ послѣднлаго на Іева атаману и войску, и о приговорѣ не хвалиться Казанью.

Прикащикамъ и всѣ станичники отговорились незнаеміемъ этого, что они нечего подобнаго не слышали. Черезъ недѣлю казаковъ отпустили на Яикъ, а съ отвѣтовъ ихъ послали копій къ Кроткову для вопроса указанныхъ Карташевнымъ свидѣтелей. Черезъ день послѣ ихъ отъѣзда допросили казака *Ивана Пряишникава*. Въ допросѣ онъ сказалъ, что онъ Симбирскаго уѣзда посадскій человекъ, гдѣ „кормился прямишнымъ ремесломъ“, а въ 1717 году ушелъ на Яикъ и атаманомъ Меркульевымъ и всѣмъ войскомъ приверстанъ въ казаки. Взатокъ съ него атаманъ никакихъ не бралъ. Во время пребыванія на Яикѣ поручика Наумова и капитана Кекецкаго онъ былъ въ отлучкѣ на *рыбкѣ Сакмартъ* „для рубки хорожанаго лѣса“, и вернулся на Яикъ черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Кекецкаго; узнавъ, что его искали, онъ явился къ атаману, который держалъ его въ войсковой избѣ на цѣпи трое сутокъ, но по совѣту лицъ ихъ казаковъ отдалъ его до присылки указа изъ Казани на поруки, за что взялъ взятку два рубля. Въ великій-же постъ въ томъ же году, на страстной недѣлѣ, атаманъ Филимоновъ призвалъ его и еще двухъ приеланныхъ съ нимъ казаковъ и послалъ ихъ въ Казань.

Взятку-же два рубля взяли съ него есаулъ *Григорій Зубаревъ* и казакъ *Иванъ Елистеель*, который и отвесъ ихъ въ домъ войсковому атаману Филимонову ¹⁾.

Въ этотъ же день послѣдовала и резолюція относительно Пряишникава: „За оной его побѣгъ и чтобъ другия въпредъ бѣгать было несподобно, учинить ему жестокое наказанье: бить кнутомъ и отослать въ Симбирскъ къ земскимъ бурмистрамъ съ указомъ по прежнему въ тягло; велѣтъ на немъ въ посадскій окладъ, что съ него надлежало за помянутые прошедшіе годы, всакіе подати имъ бурмистрамъ доплатить и въпредъ по расположенію своему явить съ него и въ томъ, что ему Пряишникову быть съ ними посадскими въ тяглѣ и не сбѣгать, собрать имъ, бурмистрамъ, поручичью запись“ ²⁾.

Относительно того, какъ поступить съ атаманомъ Меркульевымъ за пріемъ въ казаки Пряишникава, Кудрявцевъ написалъ къ Салтыкову, уѣхавшему въ это время въ Москву.

Къ Кроткову-же былъ посланъ указъ „допросить атамана *Отепана Иваномича*“ о томъ, почему онъ взялъ Пряишникава до отсылки въ Казань въ войсковую избу, а послѣ, взявъ взятку, освободилъ его изъ подъ караула на

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 416—418. Показаніе Пряишникава.

²⁾ Тамъ-же. Указъ вице-губ. Кудрявцева отъ 16 апрѣля 1719 г.

поруки, „и по учиненіи указа привести его въ Казань, а на его мѣсто яцкииъ казакамъ въ войсковые атаманъ выбрать другого изъ тамошнихъ старинныхъ казаковъ достойнаго и добраго человека, который бы могъ у нихъ управлять безъ всякаго подозрѣнія“¹⁾).

Кудрявцевъ не смущался. Пользуясь отсутствіемъ губернатора, онъ, по указанію одного только Присяжника, не проверивъ этого показанія, уже запугивалъ Меркулева будущемою карою, и въ тоже время велъ охоту на другого зачеточнаго казака — войскового атамана Флаимонова, приказывая его свѣнать своею властью.

Этого еще не бывало на Янкѣ.

Но пока шли розыски въ Казани, въ это время въ войскѣ случилось опять несчастіе. Во время недѣли Святой Пасхи оодъ казачій городокъ опять нагрянули киргизы. Какъ и всегда появились они внезапно, нагрянули ночью, захватили ковскій табунъ въ двѣ тысячи лошадей и скрылись²⁾. Отбить табунъ казакамъ не удалось. Киргизы унеслись въ степь безнаказанно. Да и догонять ихъ казакамъ, можетъ быть, было не на четь.

Въ это-же время въ 6 апрѣля Кротковъ и его сподвижники прибыли на Янкѣ.

Можемъ себѣ представить растерянность казаковъ при прибытіи этихъ незнакомыхъ гостей! До сихъ поръ они хорошо познакомились только съ тремя представителями московскаго приказнаго строя — Науковымъ, Волковымъ и Кеменскимъ — знакомство съ ними имъ обошлось дорого.

Во что-же обойдутся эти гости? — вѣроятно, думали казаки.

Но гости расположились по квартирамъ и начался розыскъ. Результатами этого розыска явилось два громадныхъ тома въ общей сложности 3096 листовъ бумаги³⁾. Опрошены были все казаки по списку, какой подаль войсковой атаманъ Флаимоновъ, гдѣ было написано всего 2600 служащихъ казаковъ⁴⁾; допрошены были и все священники и церковно-служители, и все жившіе въ яцкомъ городкѣ иногородне и иновѣрцы — казаки (татары).

Первымъ допрошеннымъ былъ казакъ Иванъ Ивановъ Витошновъ, сынъ походнаго атамана Ивана Сергѣевича Витошнова, умершаго во Псковѣ. Все показанія ничѣмъ не отличались другъ отъ друга, все казаки показывали одно и тоже.

Какъ образецъ того, объ чемъ спрашивали казаковъ и какъ они отвѣчали можетъ служить допросъ казака Федора Арапова:

Федоръ Ивановъ сынъ Араповъ въ допросѣ сказалъ: „Родина моя городъ Самара, былъ пѣшой стрѣлецъ и бѣжалъ я на Янкѣ, и сталъ въ казаки

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Показ. кав. въ Колл. Им. Дѣл, 1720 г., деп. 6.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. № 28 въ 1880 листовъ и книга № 29 въ 1286 листовъ, а также частью книга № 64, гдѣ находится допросеніи Кроткова въ Казани и дѣло по допросу Барташева въ Казани и Москвѣ.

⁴⁾ Тамъ-же, книга 28, листы 1755—1820.

при атаманѣ *Васильѣ Быкѣ* тому нынѣ *пятидесять лѣтъ*; отъ христіанской вѣры я не отставалъ и въ церковь Божію хожу, и былъ на исповѣди церкви *Алексѣя Митрополита* у попа *Иова Клементьева* тому два года, и святыхъ таинъ причащался, а послѣ того на исповѣди не былъ для того, что за всегда бываю въ скорбѣ (болезнѣ), а у мирскихъ людей не исповѣдывался, и за своею братьею, кто у мирскихъ людей исповѣдывается ли,—не знаю; и мертвыхъ тѣла погребаю у церкчи Божей, а на пустыхъ мѣстахъ не погребаю, а кто на пустыхъ мѣстахъ погребаеть ли не вѣдаю; объ расколѣ такожь и чтобъ попа *Дениса* у себя не держать отъ казанскаго архіерея *Тихона* указъ къ атаману *Меркульеву* и къ казакамъ прислать ли про то невѣдаю и ни отъ кого не слыхалъ, а того попа *Дениса* звалъ и служилъ объ, *Денись*, на *Янкѣ* бѣльцомъ пономѣ у церкви *Алексѣя Митрополита*, и съ *Янку* сѣхалъ невѣдомо куда, а сколько тому лѣтъ сказать не упомяю, и нынѣ гдѣ живеть—не вѣдаю; и расколъ тотъ попъ нѣлъ ли, того не знаю; такожь и другихъ раскольщиковъ и керженцовъ ни кого не вѣдаю и самъ не раскольникъ; къ бунту ни какого умышленія не имѣю, и за своею братьею такого воронства ни за кѣмъ не знаю; и о бунтѣ ни отъ кого не слыхалъ; служу царскому величеству вѣрно; въ кругахъ казаковъ побывать до смерти такожь и чтобъ *Казанью* не хвалится ни кому, а кто похвалится—тѣхъ побывать же, атаманъ *Меркульевъ* и ни кто не приговаривали и ни гдѣ такого приговору не слыхалъ; въ *Хиву* четырехъ человекъ татаръ, послѣ убійства князя *Черкаскаго*, помянутой *Меркульевъ* и ни кто не посылавали и съ *Иванцы* на какого сообщенія я не имѣю и за своею братьею я ни за кѣмъ кто сообщеніе имѣеть ли не знаю; татарина *Кельдюшку* въ *Хиву* атаманъ *Меркульевъ* и ни кто не посылавалъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ; стараго атамана *Матвѣя Миронова* оной *Меркульевъ* и ни кто изъ атаманства не отставляли и убить или въ воду посадить не приговаривали, а отсталъ онъ, *Матвѣй*, отъ атаманства волею своею; тайные какіе письма къ губернатору тотъ *Мироновъ* отъ себя посылалъ ли и о чемъ про то я не вѣдаю; *Осѣя Филимоновъ* и *Васька Сидоровъ* на *Янкѣ* были и ходили лично, а видѣлъ я ихъ въ бытаость атамана *Федора Семенникова* тому нынѣ десять лѣтъ, а жили они на *Янкѣ* своими дворами, а почѣму приему они жили того не вѣдаю; жены ихъ и дѣти нынѣ на *Янкѣ* ль, про то не знаю, а у приговору о убійствѣ атамана *Вѣлоусова* были ль и его они ль убили и по присылкѣ изъ приказа *Казанскаго* дворца ихъ сыскивали ль и сыскивать ихъ повелѣно ль и съ *Янку* они бѣжали ль, про то я не вѣдаю, и ни отъ кого не слыхалъ; а какъ присланъ былъ указъ изъ *Казани* о сыску ихъ *Осѣи* и *Васьки* въ 1718 году къ атаману *Степану Филимонову* и потому де указу ихъ оной *Филимоновъ* съ войскомъ яскали и не наши, а до того ли они указу бѣжали, или послѣ того, не вѣдаю; и атаманъ *Степанъ Филимоновъ* и *Григорій Меркульевъ* и другіе кто ихъ *Оску* и *Васку* на *Янкѣ* укрывають

ли и вниѣ они гдѣ—того не знаю, и самъ ихъ не узнаю; пришлыхъ людей, за указомъ государевымъ, солдаты и ихъ дѣтей и ясашиковъ я не принималъ и другіе кто принимаютъ ли не знаю, и такихъ бѣглецовъ не вѣдаю; и въ вышеписанномъ во всемъ я на поповъ и на церковныхъ служителей и на всѣхъ яцкихъ жителей шлюсь, а буде въ семь допросѣ свазалъ что ложно и за живость указалъ бы великій государь казнить меня смертью. Вмѣсто Федора Иванова по его велѣнію Иванъ Поповъ руку приложилъ ¹⁾.

Въ такомъ же духѣ, отговариваясь политѣйшимъ незнаніемъ, отвѣчали всѣ казаки. Спрешенные по этому дѣлу казаки-татары отвѣчали то же самое, что и русскіе.

Но пока шли эти безконечные допросы, черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія Кроткова войсковой атаманъ Степанъ Филимоновъ, войдя въ собравшійся кругъ, положилъ свой „атаманскій посохъ“ на рундукъ и отказался отъ атаманства. Вмѣсто него былъ избранъ бывшій походный атаманъ *Никита Трифоновичъ Бородинъ*. Спустя еще нѣсколько дней пришелъ указъ изъ Казани о допросѣ атамана Филимонова по извѣстию Прянишниковна и о сибѣи его съ атаманства. Но, какъ видимъ, послѣднее было уже сдѣлано помимо воли Кудрявцева—атаманъ ушелъ съ атаманства „своею волею“ ²⁾.

6 апрѣля Кротковъ сталъ его допрашивать. Филимоновъ отвѣчалъ, что всѣхъ, кого разыскивали Наумовъ и Кежцзій, во не нашли, онъ разыскивалъ, и послѣ отъѣзда Кежцзяго Иванъ Прянишниковъ явился къ нему самъ. Явились также разыскиваемые Петръ Слѣповъ, Василій Константиновъ и Михайлъ Мелентьевъ. Первымъ явился Прянишниковъ, и велѣлъ я его Ивана, говорилъ Филимоновъ, есаулу Григорію Зубареву посадить въ войсковую язбу на цѣпь; а сколько дней на цѣпи его держалъ неупомяю, а по приговору войска отдалъ его я на поруки, что бы ему везбѣжать; такожъ и появуютне:—Петръ Слѣповъ, Василій Костентиновъ и Михайло Мелентьевъ мѣи явились же вскорѣ и ихъ отдалъ я, съ вѣдома войска, до указу на порукижъ. А взятокъ я съ нихъ никакихъ не вымалъ; а въ Казань Прянишниковна въ скорѣ не послалъ для того, что другіе, которыхъ повелѣно прислать въ Казань, были неисканы и явились они въ разныхъ числахъ; а какъ съ Янку доноситель Афанасій Ивановъ уѣхалъ, и я послѣ его послалъ въ Казань трехъ человекъ Прянишниковна, Петра Слѣпова и Василья Костентинова, а Михайлу Мелентьева я не обыскалъ забвеніемъ своимъ, потому что съ указомъ престоюю своею справится забылъ; а что объ нихъ оной доноситель поѣхалъ доносить въ Казань про то я не вѣдалъ; а яцкіе казаки Митрофанъ Пименовъ, Федоръ Донской, Дмитрій Чувашевъ, Сидоръ Дурилковъ, Михайлъ Куприяновъ съ товарищи, чтобъ ихъ немедленно послать и не принять бы отъ царскаго величества истязанія, мѣи говорили, и послѣ тѣхъ словъ ихъ въ Казань и отправилъ; а укрывательства у меня къ нимъ не было, а Михайлъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. Ж 28, листы 181—182.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 454—455.

Чумаковъ и свать Дехтеревъ бѣгле-ль изъ полковъ солдаты того я не знаю, а живутъ они и по нынѣ на Яикѣ въ казакахъ. А съ Ивана Прянишникова есаулъ Григорій Зубаревъ денегъ два рубли на меня взялъ ли того я не вѣдаю, а ко мнѣ онъ Зубаревъ и Иванъ Елисѣевъ денегъ ничего не принашивали и отдать имъ я не приказывалъ и жить Прянишникову до указа не велывалъ и ко мнѣ Иванъ Елисѣевъ не прихаживалъ и помянутого числа денегъ за Прянишникова отъ свода и ни отчего не услывалъ я на томъ шлюсь я на есаула Зубарева и Елисѣева, что я оныхъ денегъ съ него Прянишникова отъ свободы и ни отъ чего не бировалъ“¹⁾.

Ничего противъ Фелимонова не показали и остальные свидѣтели—дочовъ Афанасія Назарова и показанія Прянишникова не подтвердились.

Наступила весна; было время ѣхать войску на весеннюю (совроужью) плавню. Но Кротковъ и Путиловъ умышленно не отпускали казаковъ изъ городка; подъ предлогомъ допросовъ и розыска они собирали ихъ къ сѣвзjemu двору. Напрасно просили его атаманъ Бородинъ и старшины объ отпускѣ казаковъ—Кротковъ знать ничего не хотѣлъ.

Тогда по совѣту всего войска войсковой атаманъ рѣшилъ откупиться. Стали собирать деньги—двѣсти рублей. Положивъ ихъ въ два мѣшка и запечатавъ каждый „войсковою печатью“, Бородинъ вмѣстѣ со старшинами *Иваномъ Щербаковымъ, Митрофаномъ Аметинымъ, Константиномъ Желѣзнымъ, Остафѣемъ Муромцевымъ* и съ *Аврамомъ Пустоселовымъ* отправились въ квартиру къ Кроткову.

Подходя къ квартирѣ, Бородинъ и Щербаковъ вошли „въ избу“, а остальные оставились на дворѣ. Кротковъ сидѣлъ за лавкѣ, когда Бородинъ вынулъ изъ за пазухи два мѣшка съ деньгами и попросилъ его принять эти деньги отъ войска. Кротковъ не отказывался. Деньги были положены рядомъ съ Кротковымъ на лавкѣ и Бородинъ съ Щербаковымъ вышли на дворъ, гдѣ ихъ поджидали остальные депутаты отъ войска. Черезъ день было дано столько-же и фискалу Путилову²⁾.

Послѣ этого необходимости держать все войско „отъ мала до велика“ у сѣвзжаго двора не стало—войско было отпущено на плавню.

4-го мая Кротковъ сталъ допрашивать по извѣсту Карташева всѣхъ священнослужителей о ссорѣ между священниками *Иваномъ* и *Никитомъ*.

Первымъ на допросѣ явился священникъ церкви Алексѣя Митрополата *Тимофѣй Михайловъ*; у него прежде всего спросили, исповѣдывались-ли и причащались казаки, посланные въ станицѣ съ Прянишниковымъ,—*Матвѣй Прикащикъ* съ товарищи. И священникъ Михайловъ „по священству“ сказавъ: „Янцѣй казакъ Иванъ Тимофѣевъ въ прошломъ 718 году, а въ которомъ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 487.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись № 1, часть 5, книга 190, дѣло 734, листы 434—440: Экстрактъ о свидѣствіи надъ поручникомъ Кротковымъ и тамъ-же, листы 411—420: Экстрактъ о свидѣствіи фискала Путилова. Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 15—17: Челобитная войска въ Селать о вѣсткахъ Кроткова и другихъ.

мѣсяцъ и числѣ сказать не упомяну, лежалъ боленъ и въ той болѣзни я его исповѣдывалъ и святыхъ тайнъ отъ причащенъ, а на предѣ того и послѣ онъ у меня на исповѣди не бывалъ; а ящце казаки Матвѣй Прикащиковъ и Никифоръ Уфинецъ у попа *Никиты Иванова*, а Василій Мордвинцовъ у попа *Ивана Елистратова* на исповѣди были про то я невѣдаю, а тѣ поны: *Исааъ Елистратовъ* умре въ прошлыхъ годѣхъ, а сколько тому лѣтъ не упомяну, а *Никита Ивановъ*, овдовѣвъ, съ Яику съѣхалъ не вѣдома куда въ 718 году, и вынѣ онъ гдѣ того я не знаю, и за казакани *Иваномъ Тимофѣевымъ*, *Матвѣемъ Прикащикомъ*, *Никифоромъ Уфинцовымъ*, *Васильемъ Мордвинцовымъ* расколу христіанскіе иѣры я незнаю а буде я въ семь допросѣ сказалъ что ложно и за лживость указалъ бы великій государь указъ мнѣ учинить, что за лживые сказки чинить повелѣно¹⁾. Переспросивъ еще разъ *Прикащикова* я его товарищей, *Кротковъ* сталъ доурашивать остальныхъ причастныхъ къ этому дѣлу.

Первымъ былъ спрошенъ священникъ *Іезъ Клеметъевъ*. Онъ отказался отъ всего, что донесъ *Карташевъ* о его ссорѣ со священникомъ *Никитою*.

Бывшій пономарь *Иванъ Матвѣевъ*, тоже, отказывался отъ всего, въ чемъ обвинялъ *Карташевъ* священниковъ *Іева* и *Никиту*, говорилъ, что онъ слышалъ какъ то во время атаманства *Меркульева*, что на попа *Никиту* билъ челомъ въ кругу пономарь церкви *Алексѣя Митрополита Семена Мансуровъ*, но по какому дѣлу—не знаетъ. Спрошенный же, бывшій пономарь, *Семенъ Мансуровъ* на показаніе пономаря *Матвѣева* сказалъ, что въ прошломъ 1718 году, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ—не поминить, у него была съ попомъ *Никитою* ссора изъ за церковныхъ доходовъ, почему онъ сталъ бить челомъ въ кругу атаману и войску и на кругу съ *Никитою* помирился.

Стали спрашивать указанныхъ *Карташевымъ* свидѣтелей казачковъ: бывшего дьякона *Федора Федорова Ревкова* и *Ивана Елистева*, но оба они отговаривались полнымъ незнаніемъ.

Спросили всѣхъ войсковыхъ старшинъ: *Осипа Блюсова*, *Федора Арапова*, *Ивана Щербакова*, *Семена Донскова*, *Монсея Семенникова*, *Захара Никитина*, *Петра Фадѣева Оситова*, *Астафія Муромцева*, *Абрама Пустоселова*, *Степана Сумкина*, *Ивава Мухина*, *Ивана Федорова* и *Ивана Васильева*—все они сказали, что „попъ *Никита* никогда на попа *Іева* не билъ челомъ и такого приговору чтобъ *Казанью* не хвалиться, а кто похвалиться побивать—не было“. За безграмотныхъ старшинъ расписался казакъ *Григорій Везниковецъ*²⁾.

Такъ говорили старшины, подѣ страхомъ смертной казни, выгораживая войско отъ надвигавшейся грозы. Тѣже старшины потомъ, черезъ четыре года, при рознскѣ *Захарова*, подѣ пытками заплечнаго мастера, повывидались во

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 473.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 473—476.

всехъ:—и въ приговорѣ нехвалится Казанью, и въ спорѣ Ива и Никиты; и въ нѣкоторыхъ другихъ винахъ, возводимыхъ на нихъ Карташевымъ.

Между тѣмъ опросы всего войска шли своимъ чередомъ. Толпами подходили казаки къ сѣзжему двору и стояли тамъ съ утра до вечера, дожидаясь очереди быть спрошеннымъ. Но при разспросѣ ихъ оказалось, что очень многіе пришли на Яикъ позже 1695 года, и какъ не имѣвшіе права быть ариверстанными въ казаки, должны были быть возвращены къ своимъ помѣщикамъ или отданы буристрамъ, если они были посадскіе люди. Такихъ оказалось 440 человекъ.

Не зная, что дѣлать съ ними, Кротковъ запросилъ объ этомъ губернатора Салтыкова. „И казаки въ допросахъ своихъ, писалъ Кротковъ, многіе объявляютъ, что они сходцы и бѣглецы изъ разныхъ городовъ и пригородовъ и уѣздовъ, пушкарскіе, и солдатскіе, и казачьи дѣти, и асашные и дворцовые крестьяне, и записные кузнецы, и ихъ дѣти и посадскіе; а пришли на Яикъ и живутъ лѣтъ по сороку, и по тридцати, и по двадцати и меньше, и въ казаки приверстаны разными атаманами, а другіе объявляютъ, что и породились на Яикѣ, а отцы ихъ были сходцы-жъ разныхъ чиновъ; люди многіе отъ рожденія своего отцовъ духовныхъ у себя не имѣютъ; и, по окончаніи розска, всѣхъ ли таковыхъ ко учиненію указа въ Казань имать и въ содержаніи ихъ подѣ карауломъ кѣмъ имѣтъ? понеже солдатъ при мнѣ малое число: казанскихъ четыре, самарскихъ и алексѣевскихъ двѣнадцать человекъ и о поманутокъ близкѣй болринъ и губернаторъ Казанскій Петръ Самойловичъ съ товарищи что повелѣшь“¹⁾.

Слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Бумаги исписали массу—вадо было опросить около трехъ тысячъ человекъ. Потребовались лишніе писцы. Кротковъ не церемонился. Онъ приказалъ посадить за переписку всѣхъ, кто только могъ хорошо писать: и казаконъ, и пріѣхавшихъ съ торгомъ на Яикъ купцовъ, всего сорокъ человекъ, но такъ какъ у войска всякая служба должна была оплачиваться (наемъ), то казаки должны были этимъ писцамъ платить „по багрею и по два, а багренѣ пролается у насъ по четыре рубля“, писало впоследствии войско въ своей челобитной. Чтобы освободиться отъ висарской обязанности, надо было Кроткову платить. Захваченный такимъ образомъ въ писцы казакъ *Иванъ Семеновъ*, работа весь день, на ночь содержался подѣ карауломъ. Чтобы освободиться отъ ареста, Семеновъ вынужденъ былъ тоже дать взятку: онъ заплатилъ Кроткову десять лисіихъ шкуръ в черевъ казака *Федора Силишнина* передалъ „ихъ лисіи зачеты“, а „по цѣнѣ всего 16 рублей“²⁾.

Но пока происходили ровыски на Яикѣ, Карташевъ не унимался. 4-го іюня онъ явился въ губернскую канцеларію и заявлялъ, что 13 марта онъ подалъ на явцехъ казаконъ государево слово о ихъ измѣнѣ, о чемъ хотѣлъ объявить

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 498--499.

²⁾ Тамъ-же, опись № 1, часть 5, книга 196, дѣло 734, листъ 443

самоу государю въ Петербургѣ, но теперь онъ рѣшилъ объявить все это губернатору.

Извѣнники великому государю, говорилъ Карташевъ, яцкіе казаки: бывшій войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ, казаки Никита Зевакинъ, Гавриилъ Погадаевъ, которые нынѣ въ Казани; да къ нимъ же пріѣхалъ нынѣ съ Яикъ тайно, ради злаго ихъ союзу, въ Казань яцкою казакъ Семенъ Алексѣевъ, (Черновъ) который Зевакину зять, и былъ у нихъ, отпустили они изъ Казани на Яикъ того Семена тайножъ; да нынѣ на Яикъ къ ихъ Григорьевой съ товарищи извѣнъ совѣтники казаки: по немъ, Григорье, бывшей войсковой атаманъ Степанъ Филимоновъ, Демисъ Матѣевъ сынъ Воронинъ, да татаринъ Ансарко Ишукватовъ Ямансария братъ, да хивинской татаринъ Шра Шенбетка, который на Яикъ въ тая державъ отъ него Меркульева съ совѣтники его; и нынѣ онъ хивинецъ на Яикъ жъ у татарина Кизикья Кичкинѣева, и про того хивинца пражо вѣдаютъ егожъ Меркульева совѣтники казаки: Иванъ Гавриловъ сынъ Щелкинъ, Василій Юдинъ сынъ Буданчиковъ, Дмитрій Витоминъ; а про имена ихъ я прежде необъявлялъ потону, что чаялся что я послѣвъ буду въ Санктпетербургъ, и хотѣлъ объявить тамъ о извѣнъ ихъ казакою, ежели указомъ царскаго величества повелѣно будетъ взять меня въ Санктпетербургъ, или о томъ по указу жъ царскаго величества изъ Санктпетербурга повелѣно будетъ розыскать господамъ губернаторамъ, то я по тому указу объявлю имъ, и чтобъ великій государь указалъ, которые есть въ Казани вышесказанные три человека, держать ихъ въ Казани за зрѣлики карауломъ по рознь до указу, а для помянутого Семена, чтобъ его застать на Самарѣ, также и на Яикъ для забранія остальныхъ послать нарочныхъ наскоро¹⁾. Конвою и прибывшему изъ турьки съ Карташевымъ подъячюму Суровцеву было приказано идти на квартиру, гдѣ жили Меркульевъ и другіе казаки, жившіе въ Казани, и привести въ канцелярію Меркульева, Зевакина и Погадаева. Подъячій и „служилые люди“ повели съ собою и Карташева, но едва они вошли въ квартиру казаковъ, какъ Карташевъ, встрѣтивъ тамъ Погадаева, набросился на него и сталъ бить его по щекамъ. Произошла суматоха. Подъячюму Суровцеву и конвою едва удалось вырвать Погадаева изъ рукъ разсварѣвшаго Карташева²⁾. Требуемые казаки были взяты и приведены въ канцелярію.

При разспросѣ ихъ „по рознь“ выяснилось, что казакъ Семенъ Алексѣевъ Черновъ въ этомъ году послѣ Крещенья уѣхалъ въ Москву съ рыбою для торговли и, продавъ тамъ рыбу, возвращался изъ Москвы на стругѣ съ торговными людьми Волгою. 2 іюля онъ пріѣхалъ въ Казань и явился въ таможену „для записки выписей“. Вудучи на площади, онъ встрѣтилъ своего тестя Зевакина, гдѣ съ нимъ поговоривъ часа съ два, уѣхалъ дальше „въ домъ свой на Яикъ“. На квартиру, гдѣ стояли казаки, онъ не заходилъ³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листы 560—561.

²⁾ Тамъ-же, листъ 456. Челобитная Меркульева съ товарищи казанскому губернатору.

³⁾ Тамъ-же, листы 560—561.

Какими судьбами узналъ объ этомъ Карташевъ — неизвѣстно, но ему было достаточно узнать хотя эту, ничего не имѣющую съ общимъ дѣломъ, встрѣчу Зевакина со своимъ зятемъ, чтобы немедленно сдѣлать новый доносъ и оклеветать ненавистныхъ для него людей въ чѣмъ-бы то ни было, лишь бы причинить имъ какую либо непріятность.

Результатомъ этого нового доноса 6 іюня явилось распоряженіе Казанскаго губернатора изслѣдовать на Янкѣ Егору Кроткову все, что написалъ яновъ Карташевъ въ своемъ доносѣ. А для розыска уѣхавшаго на Янкѣ казака Червова была послана бумага въ г. Самару къ коменданту *Григорію Собакину*. Но Червова бумага въ Самарѣ не застала. Собакинъ много разъ посылалъ для его розыска солдатъ, но его не нашли. Нашли его брата, служившаго въ Самарѣ подъячимъ *Григорія Чернова*, который заявилъ, что Семенъ прожилъ у него одинъ день и поѣхалъ въ Саранскъ „для отысканія долговъ своихъ“. Собакинъ, увѣдомляя объ этомъ губернатора, написалъ, что какъ только явится Черновъ въ Самару, то онъ тотчасъ-же вышлетъ его въ Казань ¹⁾.

Пока происходили эти событія, въ это время на Янкѣ партія казаковъ съ разрѣшенія войска выѣхала въ калмыцкую орду въ улусы *Даржана*, для мѣн-ной торговли лошадьми. Но когда они отѣхали отъ городка и удалились въ степь, бывший при фискалѣ *Путиловъ* уже извѣстный намъ явцкій казакъ *Афанасій Назаровъ*, „который одолажалъ великими долгами войску и жилъ въ прикрытіи у фискала“, сдѣлалъ снова доносъ. Въ своемъ донесеніи *Путилову* онъ обвинялъ станицу въ томъ, что будто бы они повезли въ орду заповѣднй порохъ и свинецъ“. Преступленіе по тому времени громадное, т. е. въ пороха, въ свинца продавать въ орду не разрѣшалось и продажа ихъ равнялась вѣднѣ.

Путилову представлялась добыча. Онъ снарядилъ команду и поѣхалъ за казаками въ погоню. Нестигъ онъ ихъ въ степи, произвелъ обыскъ, но запрещеннаго товара не нашелъ. Поставивъ кругомъ ихъ караулъ, онъ ихъ держалъ подъ арестомъ двѣ недѣли, и не пустилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока казакъ *Андрей Карповъ*, бывший со станицею, не далъ ему 10 рублей и остальные казаки девяносто рублей ²⁾. Казаки рады были отдѣлаться этими деньгами, т. е. каждый день рисковали попасть въ руки киргизъ или каракалпачковъ, шнырявшихъ тогда въ степи по всѣмъ направленіямъ.

Отпущенные изъ когтей *Путилова* казаки поѣхали дальше и въ началѣ мая прибыли на ставку *Даржана*, гдѣ и торговали до начала іюня.

Во время мѣны своихъ товаровъ они встрѣтились тамъ съ астраханскимъ яртовымъ татаринимъ *Шершельби*, который передалъ казаку *Степану Сужкину*

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 64, листъ 563. Донесеніи Собакина.

²⁾ Тамъ-же, опись 1, часть 5. книга 196, дѣло 784, листы 411—420. Экстрактъ о взяткѣ фискала *Путилова*, и тамъ-же, опись 107, кн. 80, листы 218—220. Чолобитима войска 1720 г. въ октябрѣ.

ять писемъ, привезенныхъ имъ изъ Хивы отъ плѣнныхъ янцбахъ казаковъ.

Вернувшись въ войско, Сумкинъ не объявилъ эти письма въ кругу, боясь огласки и сыска Кроткова. Ихъ читали тайно.

Интересны эти письма изъ Хивы:

„Отдать сіе письмо на Яикѣ въ казачьемъ городѣ въ станичной избѣ“, — говорилось въ первомъ письмѣ.

„Войсковому атаману Григорію Меркульевичу и всему великому войску Довскому и Яицкому здравствуйте на множество лѣтъ, а про насъ повелите вѣдать: я насъ въ Хивѣ у хаана на дворѣ 50 человекъ, а именно: Григорій Ивановъ сынъ Усьевъ, Василій Сумкинъ, прапорщикъ Андрей Бородинъ ¹⁾, Иванъ Архиповъ, Федоръ Старченковъ, Лукьянъ Коновъ, Степанъ Кулаковъ, Семенъ Телко, Василій Василювъ Велакановъ, Василій Цыгановъ, Иванъ Гутаревъ, Василій Роскащиковъ, Петръ Дупухинъ зять, Иванъ Усеновъ, Иванъ Мещеряковъ, Иванъ Роскащиковъ, Емельянъ Бабушкинъ, Анисимъ — *живетъ у Бударинной часовни*, Степанъ Криволабушкинъ, Яковъ Вѣликинъ, Аброгамъ Щелкинъ шурякъ, Борисъ Камлевиковъ, Григорій Поляничъ, Федоръ Юрхата, Осипъ Емельяновъ, Андрей — у Кандратя Великанова жилъ въ Плетевенки, Илья жилъ же у Василья Подгорняго, Назара Емурянекова Кошкинъ, Круглой, Андрей, Семенъ Красненковъ, Иванъ Крупновъ племянникъ, Гаврила Морлокинъ, Михайла Сосковъ, Андрей Карповъ, Яковъ Кальбякинъ, Егоръ Малангинъ зять, Екимъ Козыръ, Григорій Прокофьевъ, Василій Нагибинъ, Гарасимъ съ братомъ Саловъ, Понкратъ Екимовъ, Павелъ Бурхинъ, Малей Мусашевъ, Семенъ Мордвикинъ, Михайла Боханинъ, Романъ Кузнецовъ племянникъ, Яковъ Зеленцовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Полковникъ, Осипъ Ахлестинъ, Алексѣй Гордѣевъ, Гарасимъ Поторочинъ, Михайла Воротилинъ, Семенъ Гуресецъ, Филинъ Ивановъ, Алексѣй Погребешинъ, Василій Плехановъ зять, Местржкъ Иванъ, Яковъ Ушаковъ, Сергѣй Раздрогинъ, Алексѣй Сивагашинъ, Кирила Тука, Василій Агапъ, Маша Подгоркой, Кузьма Екимовъ, Вороненковъ Иванъ Будыла, Павелъ Калесникъ, Илья Кисляковъ, Алексѣя Степногого братья оба живы, Иванъ Довской, Петръ Шадрухинъ, Иванъ Костякъ, Матвей Мещеряковъ, Филинъ Мелехинъ, Иванъ Ведерниковъ, Кондратій Пурханской, Денисъ Пермаковъ, Василій Шумилинъ, Кондратій Звакинъ, Василій Скосиръ, Иванъ Власевъ, „полгу“ (?) Никита есаулъ въ каракалпакахъ, Алексѣй Арганаковъ въ каракалпакахъ, Иванъ Врязъ въ каракалпакахъ, Василій Ваблонъ въ каракалпакахъ, Чернобровкинъ Харитонъ въ каракалпакахъ, съ нимъ жилъ у Звакина въ каракалпакахъ, Семенъ Чеботаръ въ каракалпакахъ, Яковъ Щучья-зера, Афанасій Кастичъ, а всѣхъ насъ будетъ по равнинъ городамъ сотъ восемь, а причъ что у хаана на дворѣ въ Хивѣ по талыкамъ и „у нанковъ“ (?) въ Вухарахъ, въ Волху и въ иныхъ-разныхъ ордахъ сотъ восемь и больше.

¹⁾ Андрей Бородинъ, сынъ Никиты Бородина, впоследствии вышелъ изъ плѣна и былъ войсковымъ атаманомъ.

Милости у васъ просишь атаманы-молодцы ии бѣдныя, пожалуйте атаманы-молодцы велокланте вашихъ свротъ женъ и дѣтей о семъ писавъ влаяемъ ии бѣдныя вашей милости.

Гаврила Горбуновъ въ каракалпахахъ
Григорій Лукьяновъ въ каракалпахахъ¹⁾.

„Отдать сіе письмо на Яикъ въ казачьемъ городкѣ Павлу Устинову сыну Дупухину на *Поганомъ озеръ подъ горою*,“ — говорилось въ другомъ письмѣ.

„Тестю моему Павлу Устиновичу и теще моей Варварѣ Данильевнѣ по великому челобитью.

Ватюшкѣ моему Никитѣ Сергѣевичу, матушкѣ Агафѣ Игнатьевнѣ по великому челобитью.

Шурину моему Алексѣю Павловичу, Семену Павловичу, свояку моему Кадратю Селиверстовичу и Алексѣю Ивановичу и свояченицамъ моимъ Варварѣ и Феклѣ Павловнѣ и всѣмъ вамъ по великому челобитью.

Анисѣ Павловнѣ, Ариѣ Павловнѣ по великому челобитью; шурину моему Никитѣ Павловичу съ его сожительницею великое челобитье; племяннику моему Федоту Михайловичу и съ сожительницею по великому челобитью, Василию Тимофѣевичу, Федору Тимофѣевичу по великому челобитью и всѣмъ моимъ родственникамъ по великому челобитью.

Пожалуйте государь мой неоставте жены моей въ нуждахъ также дѣвочки.

Женѣ моей Марфѣ Павловнѣ съ любовью поклонъ и сдравствуй другъ мой на вѣки.

Дочери моеи Марфѣ благословеніе.

Дядя мой Андрей Данильевичъ умре на Вербное воскресенье въ заутреню; дядя Тихонъ Данильевичъ слухъ есть, что онъ въ добромъ здоровье въ бухарахъ; про Ивана Никитича Неплюева сына вѣдомости вамъ прямой нѣтъ живъ или нѣтъ; Фома Ивановъ Одисумъ сказываютъ живъ; Андрей Тимофеевъ Емуравовъ живъ, Кузьма Акимовъ живъ, Федоту Емуранову племянникъ про свояка Федота Романова нѣтъ слуху нѣтъ, живъ ли или нѣтъ, не вѣдаемъ; а я въ Хивѣ далъ Богъ жить хотя и въ великой бѣдности и тяжелой работѣ, однако воля Божья да будетъ. При семъ поздравляю васъ Петръ Федоровъ сынъ Горшковъ.

Отъ Хивы декабря въ 6 день 718 года²⁾.

„Отдать сіе письмо на Яикъ въ казачьемъ городку Максиму Матѣевичу Мещеракову,“ — говорилось въ третьемъ письмѣ.

„Государница моя матушка Аграфона Максимовна сынъ твой Иванъ благословенія прошу и челомъ бью, государю моему дядюшкѣ Федору Ивановичу великое челобитье и низкій поклонъ; пожалуй государь мой дядюшка не оставя въ нуждахъ всякихъ матушку мою ежили Богъ потерпитъ окояиству

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, к. 51, листы 462—568.

²⁾ Тамъ-же, листъ 464.

моему и выкупать меня из неволи то будемъ вѣчно плательщица милости вашей.

Государю моему брату Василью Ермольевичу и Петру Ермольевичу великія поклонны; пожалуйста государи мои братцы не покините въ нуждахъ матушку мою и коли Богъ меня къ вамъ вынесетъ то буду плательщица милости вашей; государю моему зятю моему, Ивану Аврамъевичу великій поклонъ; сестрица моей Марфа Ермолаевна великой поклонъ; пожалуй государь мой зятюшка не покинь матушку мою при бѣдности за что милости вашей Богъ заплатитъ.

Пожалуй государыня моя матушка не оставь въ бѣдности жену мою за что васъ самъ Богъ не оставитъ, а буде она станетъ тебѣ чѣмъ протягиваться или не слушать и ты съ нею какъ изволишь, хоть съ двора извести, збить, во всемъ полагаюсь на милость твою; пожалуйста государи мои извольте къ намъ писать о своемъ здоровьи, также и обо всякихъ случаяхъ, а о себѣ вамъ доношу при помощи Божьей въ Хивѣ въ ханскомъ дворѣ обретаюсь; при семъ всѣмъ моимъ сродникамъ и благодѣтелямъ поклонъ мой чрезъ сіе посылаю. Доношу вамъ братъ мой крестной Федоръ Петровъ въ Хивѣ, а про дяду Ивана Ефремовича и про брата Ивана Ермоловича слуху нѣтъ живы ль или нѣтъ то Богъ вестъ. О семъ писавъ сынъ твой Иванъ Данильевъ, благословенія твоего прошу и челомъ бью.

Изъ Хивы декабря 6 дня 1718 года¹⁾.

Слѣдующія письма были короче. Полоняникъ казакъ Мещеряковъ писалъ своимъ роднымъ:

„Преимилосердному моему дѣдушкѣ Максиму Матвѣевичу великое челобитье; государынѣ мсей Царь Сергѣевнѣ сынъ твой Иванъ благословенія твоего прошу и челомъ бью; жень мой Ульянѣ Михайловной съ любовью поклонъ; дочери моей Аннѣ миръ и благословеніе; сыну моему Михаилу благословеніе; дядушкѣ моему Микитѣ Сергѣевичу великое челобитье; дядушки моему Матаѣю Сергѣевичу великое челобитье; Макару Сергѣевичу великое челобитье; дядушки моему Осипу Максимовичу великое челобитье; дядушки Василью Акимовичу великое челобитье; теще моей Устинѣ Акимовнѣ великое челобитье; шурину моему Данилѣ Михайловичу великое челобитье; Ивану Максимовичу великое челобитье. Иванъ Раскащиковъ живъ и всѣмъ моимъ сродникамъ челомъ бьетъ, а живу въ Хивѣ у хана на дворѣ. Нашъ десятокъ весь въ добромъ здравіи за симъ писавъ Иванъ Мещеряковъ кланяется“²⁾.

Последнее письмо было отъ казака Зеленцова.

„Отдать сіе письмо на Яикъ въ казачьемъ городѣ Петру Зеленцову.

Тещѣ моей Фетинѣ Кузмининѣ великое челобитье; жень моей Аннѣ Ильичнѣ съ любовью поклонъ, скраствуй другъ мой съ дѣтками во множестве глѣтъ, а о мнѣ походишь другъ мой вѣдать и я въ Хивѣ на ханскомъ

¹⁾ Такъ-же, листы 466 — 467.

²⁾ Такъ-же.

дворѣ даль Богъ живѣ, хотя въ великой бѣдности, однакожь воля Господни да будетъ токмо молитѣ Богу, который силенъ лаби насъ съ вами соединитъ.

Дѣтямъ моимъ Петру, Микѣфору, Праскове, Дмитрію, Катериноушкѣ миръ и благословеніе; поклонитесь шурьямъ моимъ и всѣмъ моимъ родственникамъ, пожалуйста не покаяйте меня старова въ бѣдности.

Иного до вѣсь мои други писать не имѣю, токмо васъ поздравляю Яковъ Афанасьевъ сынъ Зеленцовъ.

Отъ Хивы декабря въ 10 день 718 года¹⁾.

Но едва ли эти письма дошли по своему назначенію. На Яикѣ былъ смекъ. Кротковъ и фискалы строго допрашивали казаковъ о сношеніяхъ съ Хивой. А что эти сношенія были, видно уже изъ этихъ писемъ, что войско имѣло переписку съ половчанинками-казаками — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но какъ говорить объ этомъ?! Закуютъ въ цѣни, обвинятъ въ измѣнѣ и чего добраго еще и казнятъ. Сумкинъ не рѣшился объявить письма въ кругу. Это составило секретъ только немногихъ лицъ, и знали объ этомъ, вѣроятно, только товарищи Сумкина, бывшіе съ нимъ въ калмыцкой ордѣ, да заинтересованные письмами родственники и знакомые казаковъ, писавшихъ письма. Всѣ эти письма были написаны на маленькихъ лоскуткахъ бумаги и свернуты вчетверо, причемъ на одной изъ обратныхъ сторонъ былъ написанъ адресъ.

Но какъ ни скрывалъ Сумкинъ эти письма, Кротковъ объ нихъ узналъ. Предатель опять вышелся.

14 іюня на съѣздѣмъ дворѣ передъ Кротковимъ предсталъ извѣстный намъ казакъ *Афанасій Назаровъ* и подалъ ему доношеніе, въ которомъ разсказалъ о полученіи Сумкиннихъ „пяти хиванскихъ грамотокъ“. Сумкинъ былъ размыканъ. При допросѣ онъ показалъ имѣвшіеся при немъ письма, въ которыхъ при уликѣ Назаровъ узналъ тѣ самыя письма, о которыхъ онъ доносилъ. Письма были отобраны и приложены къ дѣлу и лишь только благодаря этому сохранились и дошли до насъ.

Сумкинъ-же „виредъ до указа“ былъ отданъ на поруки казакамъ: Матвѣю Прикащикову, Ивану Витошнову и Григорію Вязниковцеву. Грамотыны Прикащиковъ и Вязниковцевъ подписались подъ роспискою о поручительствѣ²⁾.

19 іюня Кротковимъ былъ полученъ указъ о разслѣдованіи дѣла по послѣднему доносу Карташева: — о тайномъ пріѣздѣ въ Казань казака Семена Чернова и о измѣнѣ атаманъ Филимонова и казаковъ-татаръ. Кротковъ получилъ приказаніе арестовать всѣхъ указанныхъ Карташевымъ казаковъ, обвиняемыхъ имъ въ измѣнѣ, и привести ихъ съ собою въ Казань.

И снова въ этотъ-же день бывшій атаманъ *Филимоновъ* предсталъ предъ очами Кроткова и фискала Путилова. Имѣвшіе съ нимъ были приведены казакъ: *Денисъ Воронезецъ*, *Басмій Буданчиковъ*, *Дмитрій Витошновъ* и татаринъ *Кичкидеевъ* и посажены подѣ караулъ.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 468.

²⁾ Тамъ-же, листы 460—461.

Остальныхъ, указанныхъ Карташевымъ, казаковъ не нашли. Посланный Кротковымъ для этого капитанъ *Соколовъ*, вмѣстѣ съ войсковымъ есауломъ *Иваномъ Мухинымъ* обошли весь городокъ, но ни *Семена Алексѣева Чернова*, ни *Ивана Щелкина*, татарина *Аскапара Ишкуватова* и хивинскаго татарина *Шершебека*—не отыскали. Вмѣсто нихъ привели по приказу Кроткова сына Ивана Щелкина *Андрея*, жену Семена Алексѣева—*Арину* и мачеху Ишкуватова татарку *Абику Конакъ*, которые и объявили Кроткову, что Щелкинъ и Аскапаръ Ишкуватомъ со своимъ братомъ Ямансаромъ находятся въ калмыцкой ордѣ для торгу, казакъ Семенъ Алексѣевъ Черновъ уѣхалъ съ торгоми-же въ Москву, хивинецъ-же татарина Шершебека на Яикъ вѣтъ и гдѣ онъ—неизвѣстно. Жена Чернова между прочимъ сказала, что мужа ея вѣдѣлъ въ Москвѣ казакъ *Иванъ Логиновъ*, который вмѣстѣ съ нимъ былъ тамъ для продажи рыбы.

Позвали Логинова. „Въ нынѣшнемъ году въ великій постъ, на страстной недѣлѣ,—показалъ онъ,—былъ я на Москвѣ для продажи рыбы, гдѣ былъ и Черновъ, и я въ ту же недѣлю выѣхалъ на Яикъ, а Семенъ остался на Москвѣ, а гдѣ онъ нынѣ—не знаю, а на Яикѣ его вѣтъ“¹⁾.

Согласно указа взъ Казани Кротковъ сдалъ Андрея Щелкина, Абику Конакъ и жену Чернова Арину подъ росписку атаману Вородияну и приказалъ ихъ всѣхъ „содержать подъ карауломъ, покамѣстъ они (разыскаваемые казаки) явятся и какъ явятся и ихъ прислать въ Казань немедленно“. По безграмотству войскового атамана въ принятіи арестованныхъ расписался казакъ *Иванъ Тоскутьевъ* (?).

Для скорѣйшаго-же розыска неотысканныхъ казаковъ Вородианъ послалъ нарочныхъ въ Калмыцкую орду и на Сызрань.

Въ тотъ же день Кротковымъ было получено разъясненіе губернатора о пришедшхъ на Яикъ казакахъ послѣ переписи 1695 года.

Въ указѣ говорилось, что слѣдуетъ приказъ: переписать тѣхъ казаковъ, которые явятся на Яикъ послѣ 703 года, „такъ какъ на Яикѣ къ атаману указъ съ того году посланъ: пришедшихъ никого принимать не велѣно“²⁾, и переписать такихъ пришедшихъ, которые „явятся въ расколахъ“ и переписавъ отдать ихъ по списку (росписи) атаману и есауламъ до указа, привозить-же съ собою въ Казань велѣно было только тѣхъ, которыхъ ему точно указали ранѣ въ указахъ.

Получивъ это приказаніе, Кротковъ написалъ ихъ въ отдѣльный списокъ:

„Роспись яцкиимъ казакамъ, которые по допросу явились, что они пришли изъ другихъ городовъ и изъ уѣздовъ и приверстаны въ казаки послѣ 703 году“. Ниже перечислены казаки по фамиліямъ, откуда и когда прибыли. Подъ спискомъ поѣмта: „По сей росписи вышеписанные яцкіе казаки, ко-

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 571—572.

²⁾ Тамъ-же, листы 488—489. Указа или грамоты войску объ этомъ найдти не удалось.

торне по допросамъ своимъ явились, что они приплыли и пришли на Яикъ послѣ 703 года отданы подъ росписку до указа войсковому атаману *Никитѣ Бородинѣ* да есауламъ *Ивану Мухину* да *Ивану Астраханкину*. По сей росписи атаманъ *Никита Трифоновъ* съ въ Бородинѣ да есаулы *Иванъ Мухинъ*, да *Иванъ Федоровъ* съ въ Астраханкины выписанныхъ яцкихъ казаковъ, которые пришли и приверстаны послѣ семи сотъ третьяго года на росписку взяли июня 20 дня 1719 года, а по ихъ велѣнью войсковой подъячей (писарь) *Осипъ Мартыновъ* руку приложилъ¹⁾.

Священнослужители были опрошены всѣ отъ священниковъ до пономарей во всѣхъ трехъ церквахъ, бывшихъ тогда въ Яцкомъ городкѣ: „Въ соборной церкви *Михаила Архангела*: попъ *Петръ Андреевъ*, попъ *Иванъ Ивановъ*, дьяконъ *Федоръ Михайловъ*, попъ *Яковъ Артемьевъ*, въ церкви *Алексѣя Митрополита*: попъ *Илья Клементьевъ*, попъ *Тимофей Михайловъ*, пономарь *Максимъ Павловъ*, дьяконъ *Иванъ Никитинъ*, церкви *Петра и Павла*: попъ *Василій Семеновъ*, дьяконъ *Данила Леонтьевъ*, пономарь *Савва Лукьяновъ*“²⁾. Показанія не отличались одинъ отъ другого ни чѣмъ. Образчикомъ этихъ показаній можетъ служить отвѣтъ священника соборной церкви *Михаила Архангела Якова Артемьева*.

„Христіанскіе вѣры русскіе яцкіе казаки отставали ль того я не знаю, а въ церковь Божию ходять и святымъ образамъ поклоняются, в которые яцкіе казаки объявили въ допросахъ своихъ, что у меня были на исповѣдѣ тѣмъ казакамъ я отецъ духовной и подостолпству святыхъ таинъ причащаль; а кто живыи и въ котореиъ году кто на исповѣди у меня былъ, отомъ объявлено при сей сказкѣ въ росписи³⁾, а мирскихъ людей кто исповѣдывается ль не знаю, и мертвыхъ тѣла я погребаю у оной церкви, а въ осень и весною, за грязью и за утѣненіемъ у церкви на кладбищѣ мѣста, погребаю умершихъ тѣла въ *Шапкой Луки* съ отиѣваніемъ церковнымъ, а не просто безъ повеленія архіерейскаго собою, а кто живыи погребены сказать не упомяну, а кромѣ той *Шапкой Луки* на другихъ пустыхъ мѣстахъ не погребаю, а кто погребаеть ли не вѣдаю; объ расколѣ и чѣмъ пошъ *Дениса Осипова* на Яикѣ не держать отъ пресвященнѣйшаго *Михаила*⁴⁾ *Митрополита казанскаго и сніажскаго* указъ на Яикѣ прислать, а въ которомъ году и при которомъ атаманѣ того я не вѣдаю, тотъ указъ и по нынѣ лежитъ въ соборной цоркви, у которой я служу, а въ кругу тотъ указъ казакамъ прочтаны ли того я не знаю; а оной попъ *Денисъ* служаль у церкви *Алексѣя Митрополита* и въ прошлыхъ годахъ онъ попъ овдѣнѣль и по указу архіерейскому взять въ Казань и постриженъ былъ въ *Зилантовѣ монастыре*, и послѣ того, по воли его архіерейской, отиущенъ онъ былъ по вреж-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 493—526.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 28, оглавленіе книги.

³⁾ Въ показаніи приложенъ списокъ (роспись) всѣмъ казакамъ, которые исповѣдывались у *Клементья*.

⁴⁾ Такого митрополита въ спискахъ архіепископовъ и митрополитовъ яцкаскихъ въ книгѣ *Павла Строева*: „Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей русск. церкви“ не значится (стр. 287—290).

нему на Яикъ къ дѣтямъ своимъ и въ монахахъ его звали *Дорофеемъ* и тому пятнадцать лѣтъ съ Яику поѣхалъ онъ попрежнему въ Казань, а сколько лѣтъ на Яикѣ жилъ того не знаю потому, что я *посвященъ былъ въ новопостроенномъ городкѣ Сакмарѣ и какъ тотъ городокъ разорили башкирцы я пріѣхалъ по прежнему на Яикъ и служу и литоргкою въ помянутой церкви безъ благословенія архіерейскаго: а послѣ того вышеозначеннаго попа Дениса какъ онъ въ Казань поѣхалъ я не видалъ, а въ прошлыхъ годахъ, сколько тому лѣтъ сказать не упомяну, а слышалъ я что атамана Федора Семенникова постригалъ и поскинулъ въ Шацкой Лузѣ оной попъ Денисъ въ кельѣ, и по смерти его погребалъ въ той же Шацкой Лузѣ, а самъ я про то подлинно не вѣдаю и отъ кого слышалъ сказать не упомяну, и въ лицо того отъ кого я слышалъ не знаю и нынѣ онъ гдѣ и кто его у себя держитъ ли не вѣдаю а расколъ онъ, попъ, имѣлъ ли и раскольниковъ и керженцовъ я не знаю; къ бунту умышленія и Яицкія казаки и другіе кто имѣютъ ли не вѣдаю и о бунтѣ ни отъ кого не слышалъ; въ кругахъ казаковъ побивать до смерти я чтобъ Казанью нехвалится ни кому, а кто похвалится тѣхъ побивать же атаманъ Меркульевъ и другіе кто приговаривали ль не вѣдаю и нигдѣ того приговору не слышалъ; въ Хиву четырехъ человекъ татаръ послѣ убивства князя Александра Черкаскаго Меркульевъ и другіе кто посылали ль и съ Хавинды сообщенія кто имѣютъ ли, и татарина Кельдешку атаманъ Меркульевъ въ Хиву посылалъ ли прото я ни прочто не вѣдаю и ни отъ кого прото не слышалъ; стараго атамана Матѣя Миронова изъ атамановъ кто отставивали ль, убить его или въ воду посадить приговаривали ль не вѣдаю, и какъ онъ отъ атаманства отсталъ не знаю; Оска Филимоновъ и Васка Сидоровъ въ прошлыхъ годахъ убить атамана Ивана Вѣлоусова приговаривали ль и его они ль убили и по присылкѣ изъ приказу Казанскаго дворца съскивать ихъ повелѣноль, прото я не вѣдаю и отъ другихъ не слышалъ, а видѣлъ я Оску и Васку въ бытность атамана Степана Филимонова; я жилъ они своими дворами явно въ казакахъ, а по присланному изъ Казани указу на Яикѣ съскивали всѣмъ войскомъ и ни гдѣ не нашли и куды они бѣжали и нынѣ онъ гдѣ, того я не вѣдаю; и послѣ того ихъ не видалъ и атаманъ Григорій Меркульевъ и Степанъ Филимоновъ и другіе кто ихъ укрываютъ ли того не знаю; я пришлыхъ де людей за указомъ государевымъ, крещеніемъ отъ службы солдатъ и ихъ дѣтей и ясашиныхъ, атаманъ Григорій Меркульевъ и другіе кто принимаютъ ли не вѣдаю и такихъ пришлыхъ не знаю, а буде въ сей сказкѣ я сказаль, что ложно и заливность указалъ бы великій государь указъ мнѣ учевать, что за ложные сказки чинить повелѣно. Къ сему допросу попъ Яковъ Артемьевъ руку приложилъ“ 1).*

Въ такомъ-же духѣ, почти неотличаясь ничѣмъ, были показанія и осталь-

1) Тамъ-же, описк. 107, книга 23, листы 1845—1846.

ныхъ священниковъ и дьяконовъ и пономаря. Каждый священникъ при своей сказкѣ прилагалъ роспись (списокъ) всѣхъ причащавшихся у него. По этимъ длиннымъ спискамъ, находящимся въ дѣлѣ, видно, что всѣ казаки бывали на исповѣди и причастіи; раскольниковъ или, какъ называли казаки, раскольщиковъ въ войскѣ ни казаки, ни священники не видѣли и не знаютъ. Удивительно, что, будучи по понятіямъ іерарховъ православной церкви, раскольниками, казаки никакъ не могли понять, что этимъ страшнымъ именемъ называютъ ихъ, преданныхъ слугъ царя и вѣрны православной:—они въ Бога вѣрують, въ церковь ходять, иконы чтуть, царю служатъ вѣрно—какіе же они раскольщики?!—Они не раскольщики!! „У насъ нѣтъ раскольщиковъ, а если гдѣ объявятся, то такимъ плутамъ будемъ смертную казнь чинить!“—говорили они и ранѣ митрополиту Каръ Іакову ¹⁾. „У насъ нѣтъ раскольниковъ!“ повторяли они и Крсткову, продолжая по прежнему креститься двуперстнымъ сложениемъ и имѣя иконы древянаго письма и старопечатныя богослужебныя книги, „жалованныя прежними государями“, какъ они говорили внослѣдствіи казанскому епископу Гавріилу ²⁾

Своимъ здоровымъ умомъ, не затмѣннымъ схоластическими мудрствованіями, ясные казаки никакъ не могли соединить въ одно цѣлое—вѣрную слугу царя и родины, вѣрующаго въ Христа, исповѣдывающагося и молящагося въ храмахъ, съ злодѣемъ, котораго прокляли въ церкви! Эти два человека у нихъ никакъ не могли совмѣститься въ одномъ лицѣ.

„Мы не раскольщики! У насъ нѣтъ раскольниковъ!!“—повторали они съ навязной простотой и въ слѣдующіе годы.

20 іюня, по окончаніи разспросовъ, всѣ священнослужители были собраны на сѣзземъ дворѣ и подъ присягою показали, что всѣ тѣ, кого они написали въ своихъ спискахъ, дѣйствительно были у исповѣди и причастіи, что они расколу ни за кѣмъ не знаютъ, а списки же казаковъ, причащавшихся у поповъ, бывшихъ ранѣ на Яикѣ, поданы имъ по старымъ спискамъ, а тѣхъ поповъ ннѣ нѣкоторыхъ нѣтъ, а нѣкоторые живутъ на Яикѣ, но не служатъ. „Попъ *Никита* въ прошломъ 718 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ которомъ числѣ сказать не упомятъ, поѣхалъ съ Яику въ Москву по обѣщанію молиться, и послѣ того въ домъ свой не бывалъ и ннѣ гдѣ не знаютъ, а вышеозначенные де попы *Слоа Рамановъ*, *Анофрей Ивановъ*, *Иванъ Евстратовъ*, *Петръ Амтинева* въ прошлымъ годехъ померли, а попп *Василій Даниловъ* несма ннѣ *оряхъ* и *безуменъ*, а попп *Аверкей Сидоровъ* урѣ, тому шестой годъ; а буде въ сей сказкѣ сказали, что ложно и за лживость указалъ бы великій государь казнить смертью“ ³⁾. Подъ сказкою подписались всѣ священники и дьяковъ каждый за себя (всѣ грамотны).

¹⁾ См. страницу 366 настоящаго очерка.

²⁾ Урал. Войск. Арх., III р., по хронол. указ. 1786—1800 г., № 12, листы 83—84.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 28, листъ 1861.

Въ то же время разыскивая попа Дениса Осипова, Кротковъ разспросилъ всѣхъ священниковъ, но кромѣ уже извѣстныхъ намъ объ немъ данныхъ ничего не узналъ. Стали разспрашивать сына попа Петра Денисова. Тотъ тоже ничего новаго не сообщалъ. Тогда для осмотра келіи Кротковъ послалъ вѣстѣ съ Петромъ дворянина Плеваганникова; при осмотрѣ келіи оказалось: „хлѣбъ, пшеничная и оржавая мука и другіе харчевые припасы, а того попа въ той келіи не явилось, а та келія была за замкомъ“¹⁾. Кротковъ послалъ о результатахъ розыска попа донесеніе казанскому губернатору: „А буде вышеозначеннаго попа на Яикѣ не явится, оваго его сына Петра Попова въ Казань имать-ли?“ — спрашивалъ онъ губернатора въ концѣ своего донесенія²⁾.

Петра заковали въ цѣпи и посадили подъ караулъ. Долго томился Петръ Поповъ подъ арестомъ, пока не догадался дать Кроткову 10 рублей, послѣ чего „его изъ желѣза онъ, Кроткой, велѣлъ освободить“³⁾.

Почти цѣлое лѣто продолжалось слѣдствіе. Допросили и женъ бѣжавшихъ казаковъ Осипа Филимонова и Василя Сидорова. Жена Филимонова Алена Дмитриева въ допросѣ сказала:

„Мужъ мой Осипа Филимоновъ былъ на Яикѣ въ казакахъ и въ прошлыхъ годехъ къ убивству атамана Ивана Бѣлоусова у приговору былъ, также и другіе янціе каззки убить его приговаривали, и *убить онъ по иже приговору*, а кто его убилъ и за что, того я не вѣдаю и единомышленники мужа моего казнены, а мужа, по присяжѣ изъ приказу Казанскаго дворца, сыскивали, и въ то число съ Яику онъ бѣжалъ и пришелъ изъ бѣговъ въ бытность атамана Федора Семенникова, тому семнадцать лѣтъ, и повелѣнію его жилъ онъ по прежнему въ казакахъ явно, своимъ дворомъ, особо отъ брата своего атамана Степана Филимонова; въ бытность ового Семенникова и другихъ атамановъ Григорья Меркульева, Матвѣя Миророва и Степана Филимонова по 1718 годъ, а какъ въ томъ году былъ присланъ изъ Казани указъ къ Степану Филимонову о сыску мужа и того дня онъ изъ дому своего пошелъ не вѣдомо куда, и послѣ его, какъ онъ изъ дома пошелъ, того жъ часа пришли съ обыскомъ оной атаманъ деверь мой Степанъ Филимоновъ съ есаулами и старшинами и въ домъ обыскивали и его не нашли и послѣ же того въ домъ свой мужъ мой не бывалъ и нынѣ онъ гдѣ того я не знаю; а въ нынѣшнемъ 1718 году по просьбѣ моей мой деверь Степанъ Филимоновъ сыну моему Федору *далъ свое одно багренье*, которые имъ атаманомъ дается изъ войска, и то багренье отдала я багрить исполу пріѣзжему работному казаку Чувашенину, какъ его зовутъ, и откуды, а нынѣ онъ гдѣ того я не вѣдаю, а сынъ мой въ малыхъ лѣтахъ: отъ роду ему

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 54, листы 440—441. Донесеніе Кроткова казанскому губернатору.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, опись I, часть 5, кн. 196, дѣло 734, листъ 441.

девять лѣтъ; и деверь мой Степанъ Охлямоновъ мужа не укрываетъ и другіе кто укрываютъ ли и гдѣ онъ живетъ не вѣдаютъ. Къ сему допросу вмѣсто Алены Дмитріевой по ея велѣнію являю казакъ Василій Дмитріевъ руку приложилъ ¹⁾.

Опросили жену Сидорова Оеклу Ликимову—тѣ же рѣчи что и у жены Охлямонова.

Женонъ отдали подѣ караулъ атаману Никитѣ Вородину и войсковымъ есауламъ Ивану Мухину и Ивану Астраханкину „и повелѣно имъ держать ихъ покаместъ мужья ихъ явятся и пойманъ ихъ безъ всякаго укрывательства и фальши прислать въ Казань немедленно, а какъ оныхъ женонъ впредь спросятъ и имъ: атаману и есауламъ ихъ поставятъ гдѣ повелѣно будетъ, а буде не поставятъ на нихъ будетъ „пея великаго государя“. Атаманъ и есаулы дали подяску, по безграмотству ихъ всѣхъ распасался являю казакъ Василій Прикащиковъ ²⁾.

Но не такъ посчастливилось *Федору Базарю*, замѣшанный въ дѣло убійства атамана Ивана Вѣлоусова и оправданный войскомъ онъ мерно жалъ на Янкѣ не опасаясь ничего. Но Кротковъ узнавъ объ этомъ и арестовалъ его и въ числѣ другихъ арестованныхъ потонъ увезъ въ Казань.

Послѣ допроса войска Кротковъ сталъ допрашивать „являю жителей, торговыхъ людей, отставныхъ казаковъ и работныхъ людей“. Списокъ всѣхъ этихъ людей подалъ атаманъ Вородинъ; въ концѣ отписки, при которой былъ приложенъ списокъ, войско написало: „Велено вамъ написать списки всѣмъ являю жителямъ русскимъ и иноуврцомъ, что на Янкѣ есть у насъ, учяны имъ являю вѣдомость за своими руками, на слѣзжемъ дворѣ тебѣ, господину поручику, немедленно, чтобъ за онымъ розыскомъ остановки не было; а у насъ на Янкѣ всякимъ прѣзжымъ людямъ, которые на время прѣзжаютъ къ намъ на Янкѣ ради торгу, и которые живутъ своими дворами, или которые прѣзжаютъ бурлаки всякихъ городовъ, ради работы своей, и тѣмъ людямъ записки кто у кого живетъ не бываетъ; и мы, являю войскамъ, промежъ себя въ кругу пустили приговоръ подѣ смертною казнью, что сотникомъ и десятникомъ, кто у кого живетъ, и кто именемъ и своимъ дворомъ, и тѣмъ сотникомъ и десятникомъ приносятъ вѣдѣніе съ станишину избу являю росписи безъ утайки, и какъ принесли вѣдѣніе имена такими вышепомянутымъ людямъ, и мы войскамъ послали являю списокъ на слѣзжемъ дворѣ къ тебѣ господину поручику Егору Ивановичу Кроткову, а кто именемъ торговые люди для торгу и отставнымъ казакомъ, а бурлаки русскіе, которые пришли на время работать, и иноуврцамъ имена ихъ писаны ниже сего“ ³⁾.

Въ этомъ списокѣ числилось „торговыхъ людей и лавошныхъ сидѣльцовъ“ 21 человекъ; изъ допросовъ, кто изъ нихъ постоянно жилъ на Янкѣ (тѣмъ лаву) и кто только временно прѣзжавшій,—не видно. Среди нихъ числятся

¹⁾ Тамъ-же, кн. № 28, листъ 1322.

²⁾ Тамъ-же, листъ 1323.

³⁾ Тамъ-же, списокъ 107, книга 23, листъ 1821.

несколько человек мастеровых: „челобтарь“, „портной“, „серебрякъ“. Работных людей „бурлаковъ“ въ городѣ находилось 174 человека; оставшихъ казаковъ 53 человека—большинство глубокіе старики или увѣчныя и неизлѣчно больные.

Къ дѣлу эти пришлые люди оставшие казаки тоже ничего новаго не добавили.

Три мѣсяца пробылъ Кротковъ на Яикѣ, пока переспросилъ всѣхъ казаковъ. Расправлялся Кротковъ на Яикѣ, какъ хищный помядъ въ завоеванной странѣ. Ничто нѣмъ не щадилось, ничто ему не было свято. Казалось, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ зла, тѣмъ больше будетъ ему чести. Три мѣсяца пребыванія Кроткова на Яикѣ былъ сплошной грабежъ, самое беззастѣнливое лихонство и взяточничество. Татарское иго было ничто въ сравненіи съ трехмѣсячнымъ набѣгомъ на Яикъ московскихъ приказныхъ. Славяне, подпавшіе во власть татаръ, платили меньше дани, чтобъ утѣлить ихъ алчность, чѣмъ пришлось заплотать казакамъ при нашествіи московскихъ чиновниковъ и дворянъ. Они были хуже татаръ. Тѣ грабили и оставляли часть добра для будущаго грабежа, грабили по нормѣ: брали десятую долю живого и мертваго. Но Кротковъ съ своею кликой не знала нормы—они брали сколько могли и что могли: людей, скотину, имущество, деньги. Уже только что пріѣхавъ на Яикъ, Кротковъ потребовалъ себѣ и солдатамъ харчъ, освященіе и фуражъ лошадямъ. Большинство казачьихъ женъ, мужья которыхъ находились въ плѣну въ Хивѣ, онъ взялъ себѣ, „не объявля на нихъ крѣпостей“; взялъ онъ всѣхъ 29 казаковъ, бѣжавшихъ изъ отряда Бекевича и „отцовъ ихъ и матерей и женъ и дѣтей забралъ къ себѣ въ крестьянство и дома ихъ продавалъ и пожитки къ себѣ забралъ“. Всѣхъ забранныхъ онъ называлъ своими крестьянами. Кто же осмѣливался ему гонорать, что они природные казаки, а не бѣглецы его крестьяне, онъ тѣхъ приказывалъ бить „смертнымъ боемъ“. Но не одинъ Кротковъ неистовствовалъ на Яикѣ. „Такожъ смотря на его Кроткова наглое къ себѣ взятъе,—писало войско въ сенатъ,—приходили многіе его знакомцы и другіе дворяне и къ себѣ казачьихъ женъ и дѣтей брали-же, и въ томъ у насъ на Яикѣ чинилося великое разореніе и отъ того многіе дома залустьѣли... Да овъ-же Кротковъ съ фискаломъ всему войску взятковъ в харчей учинили тысячу рублей и оттого мы разворились;—а твоего государева жалованья дается намъ на служилога казака на годъ по осьми алтынѣ по двѣ деньги“¹⁾...

Бралъ Кротковъ все что можно; у захваченныхъ силою „въ крестьянство“ осиротѣлыхъ казачьихъ семей онъ продавалъ дворы и имущество и деньги бралъ себѣ.

Не стѣнялся Кротковъ даже самыми мелкими взятками.

Взялъ съ казака *Дмитрія Макарова* „азбуку скорописную, писанную золотомъ въ рубль“, съ казака *Евдокима Лаурентьева* 16 алтынѣ 4 деньги; съ казачьей жены *Анны Овлинтовой* пять рублей; съ казака *Михаила Бюло-*

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 15—17.

уродиваю 7 рублей и всякой мелочи на 2 рубля, 16 алтынъ, 4 деньги; у татарина *Салмина* отобралъ ишана (осла) цѣною въ шесть рублей; у другого казака татарина *Чаюра* отобралъ лошадь кобылу двухъ лѣтъ цѣною три рубля; съ татаринъ-же *Ямансара* взялъ армякъ въ 4 рубля ¹⁾... Не отставалъ отъ своего сотоварища и *Путиловъ*; онъ бралъ тоже что только можно: взялъ онъ со *Степана Филимонова* „овчину астраханскую цѣною въ рубль 16 алтынъ и 4 деньги да спинку бѣлужью въ полтину“, со вдовы *Варвары Семеновой* 28 алтына 2 деньги; со вдовы *Елены Черновой* два рубля; съ казака *Никиты Шапошникова* четырехъ лисицъ въ два рубля съ полтиною; съ казака *Евдокима Лаурентьева* 16 алтынъ, 4 деньги.

Бралъ такъ-же не стѣсняясь мелочами и „дворянъ Григорій Евдокимовъ сынъ *Племанниковъ*“. Не отставала отъ нихъ и фискальскіе подъячіе *Иванъ Овчинниковъ* и *Яковъ Соболевъ*—брали и они все что только можно ²⁾. Всѣмъ платили казаки, но изъ дѣла не видно, какую цѣною откупились они отъ попа. Въ челобитной войска Царю-Петру въ 1720 г. въ октябрѣ казаки говорили, что они дали ему пятьдесятъ рублей за то, что онъ „сталъ непорочно чинить и въ духовномъ дѣлѣ нападать напрасно“. Но едва ли тутъ дѣло обошлось этой сравнительно незначительной взяткой.

Казаки были всё старообрядцы и молились по старопечатнымъ книгамъ, имѣли образа стараго письма. Какъ-же могъ не увидѣть этого присланный специально для этого священникъ? Очевидно, онъ этого не видѣлъ только потому, что получилъ хорошую долю, иначе отъ него былъ бы доносъ. Впоследствии войску приходилось не разъ откупаться отъ посылаемыхъ къ нимъ поповъ. Въ давномъ случаѣ какъ видимъ исключенія тоже не было ³⁾.

Все что могли отдали казаки несчастнымъ гостямъ. „И противъ ихъ налоговъ намъ рабамъ твоимъ давать стала нечемъ,—писало войско въ челобитной,—и мы для ихъ вѣдѣвательства нехотя багрили въ рѣкѣ ятовныи вѣста и оттого мы, рабы твои, всеконечно разорились, женъ своихъ и дѣтей закладывали“ ⁴⁾.

Нагруженные добычею, какъ послѣ удачнаго набѣга на непріятельскій край захвативъ въ неволю казаковъ, ихъ женъ и семейства, а также и имущество, *Кротковъ* и компанія отравились въ концѣ юня въ Казань.

Здѣсь часть добычи была раздана властью нищимъ и нужнымъ людямъ „во крестьянство“, часть-же въ солдаты.

Такъ печально кончился для казаковъ сусекъ *Кроткова* на Яикѣ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 1, часть 5, книга 106, дѣло 784, листы 438—461. Экстрактъ о сабдотѣи во взяткахъ съ ницкихъ казаковъ *Беронъ Кротковъ*.

²⁾ Тамъ-же, листы 411—420. Экстрактъ о взяткахъ фискала *Путилова*, дворянина *Плещинникова* и подъячій. Такой-же экстрактъ находится въ дѣлахъ того-же архива по описи 121, книга 28, дѣло № 27.

³⁾ О взяткахъ *Кроткова*, *Путилова* и другихъ подробно изложено въ челобитной войска Царю Петру 1720 г. въ октябрѣ. (Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 107, кн. 30, листы 218—220).

⁴⁾ Тамъ-же.

Г Л А В А XXIV.

Набѣги киргизъ. Новыя допросы въ Преображенскомъ приназдѣ. Хлопоты въ Петербургѣ станичнаго атамана Федора Рукавишнина. Назначеніе для розыска на Яикъ майора Воейнова и поручика Кустова. Ссоры казановъ съ Воейновымъ. Станица Астраханкина. Бой съ киргизами. (1719—1720 г.г.).

Не весело было въ казачьемъ городѣ послѣ отъѣзда Кроткова. Многихъ не досчитались въ своихъ рядахъ казаки, — они были уведены Кротковымъ съ собою изъ вольной казацкой жизни въ неволю: въ рабство повѣщникамъ или въ солдатчину. Много пустыхъ, заколоченныхъ домовъ стояло въ городѣ, — хозяева ихъ были захвачены тѣмъ-же Кротковымъ. Какъ послѣ нашествія непріятеля, стояла опустошенною русская далекая Украина послѣ отъѣзда Кроткова.

Умные окватило войско. Отчаяніе было на лицахъ казаковъ. Кто знаетъ — что будетъ впереди? Москва ихъ узнала. Смыслу не предвидѣлось конца. Можетъ быть, завтра же придутъ на Яикъ новыя фискалы и новыя Кротковы и въ конецъ разорятъ Яицкое войско. Предателямъ, доносителямъ сузились жестокія муки и казни. Войско искало только случая, чтобы расправиться съ ними. Оно ничего не ожидало добраго отъ сына, отъ казанскихъ чиновниковъ, обиравшихъ ихъ до послѣдняго рубля. Войско отлично знало, что пріѣздъ Кроткова еще не былъ концомъ волокиты, что впереди предстояло еще не мало хлопотъ. Но какъ быть съ дѣломъ? — Казань разоритъ войско окончательно. Нужно отдѣлаться отъ Казани. Но какъ отдѣлаться? Какъ ускользнуть отъ дѣлкихъ лапъ казанскихъ приказныхъ и подъячихъ?

Войско пользовалось въ шумныхъ кругахъ казани искали выхода изъ тягостнаго положенія. И вотъ на главѣ войска встаетъ энергичный, умный и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и любовью, бѣжавшій года четыре тому назадъ изъ каторги, казакъ *Федоръ Михайловичъ Рукавишниковъ*¹⁾. Это былъ типичнѣйшій представитель народнаго вождя, борца за интересы своей общины. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ населенія. Къ каждому его слову прислушивались, каждый его совѣтъ былъ закономъ для войска. Вліяніе его на войско было громадно. Съ его фамиліей мы встрѣчались въ снѣгѣ по поводу казни войскаго атамана Ивана Вѣлоусова. Среди виновныхъ въ его убій-

¹⁾ Онъ-же Крашенинниковъ.

ствѣ казаковъ числился и Федоръ Рукавишниковъ ¹⁾. Изъ дѣла о убійствѣ Вьдоусова не видно, какаѣ участь постигла тогда Рукавишниковъ, но то, что онъ появился теперь въ войскѣ, бѣжавша изъ каторги, видно, что ему удалось тогда избѣгнуть казни.

Рукавишниковъ убѣждалъ войско, что можно отдѣлаться отъ Казани, написавши жалобу въ Сенатъ о взяткахъ наѣзжавшихъ на Явкѣ сыщиковъ, и просить дѣлать дальнѣйшій розыскъ въ Петербургѣ, а не въ Казани.

Но пока казани раздумывали и приготавливались послать станицу во главѣ съ Рукавишниковымъ, въ степи за Якомъ въ началѣ іюля, слуга двѣ вѣдѣли послѣ отъѣзда Кроткова, появились киргизы. Въ числѣ пятидесяти человѣкъ они налетѣли на бывшихъ въ лугахъ пять человѣкъ казаковъ и захватили ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ семью лошадьми и быстро унеслись въ степь ²⁾. Но это были только передовые. Прошло нѣсколько дней и 10 іюля вѣдѣ орлинымъ габдомъ появилась почти вся орда. Двадцать тысячъ киргизъ-кайсаковъ осадили городокъ со всѣхъ сторонъ, въ ожиданіи добычи присоединились въ киргизамъ и каракалпаки въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Самъ *Абалхайръ-ханъ* предводительствовалъ ордою. Весь іюль держали киргизы казаковъ въ осадѣ ³⁾. Больше мѣсяца шли непрерывныя мелкія стычки, шла тревожная боевая жизнь, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ. Отрѣзанные отовсюду отъ ближайшаго города Самары, казаки мужественно выдерживали осаду, не имѣя возможности даже дать знать о случившемся въ Русь. Стычки происходили чуть не каждый день. Въ одной изъ стычекъ казакамъ не повезло, киргизы взяли верхъ и захватили нѣсколько казаковъ въ плѣнъ; казаки бросались выручать товарищей; произошла новая схватка. Висолюстъинъ въ своей челобитной татаринъ казакъ *Итмытаевъ*, говоря о этомъ боѣ, писалъ: „и взяли я нижайшій на баталыи четырехъ человѣкъ изъ полуу яцкиихъ казаковъ у каракалпаковъ“ ⁴⁾. Вов чередовались за боями, схватами за схваткою. Зорко слѣдили враги другъ за другомъ. У казаковъ всюду стояли „тайные караулы“ и слѣдили за врагомъ. Посылалась казаки и на развѣдку. На одну изъ такихъ развѣдокъ войско послало „казаконъ—камышниковъ, которые въ степи стрѣляютъ зетрей“ ⁵⁾. Посланные донесли, что къ городку приближаются „на подъездѣ“ (для развѣдки) киргизы съ *Баяръ-Батыремъ*. „И по той вѣдомости“ войско поставило по его дорогѣ тайные караулы и когда Баяръ-Батырь съ товарищами поравнялся съ однимъ изъ карауловъ, казаки выскочили изъ засады и захватили въ плѣнъ и Баяръ-батыря и еще трехъ человѣкъ бывшихъ съ нимъ киргизъ ⁶⁾. Плѣнныхъ стали разспрашивать.

¹⁾ Смочр. станицу 300 настоящего очерка.

²⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 30, листъ 432. Челобитная войска царя Цезаря въ іюль 1721.

³⁾ Тамъ-же, листъ 206, челобитная войска 1720 г. 4 марта.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 166—174, челобитная казана Итмытаева, 1721 г. 9 января.

⁵⁾ Тамъ-же, показанія каз. въ Кол. Илюст. Дѣлъ 1720 г. декабря 6.

— Нашъ ханъ, — говорилъ Вааръ-батыръ казакамъ, — если не возьмешь вашего городка теперь, то придетъ весною, возьмешь его и разорить!

Киргизы грозились уничтожить ненавистную для нихъ передовую заставу русскаго царства. Въ концѣ іюля Абалгаиръ-ханъ, „видя ихъ, казакѡвъ, въ осторожности отступя пошелъ подѣ калмыцкіе улусы“¹⁾. Киргизы ушли, но войску они „причинили великое разореніе“. Многихъ товарищей недосчитались казаки, — одни были убиты въ схваткахъ, другіе взяты въ плѣвъ. Отступивъ отъ городка, часть орды въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, во главѣ съ Абалгаиръ-ханомъ, двинулась на калмыцкаго владѣльца *Даржу*. Улусъ его былъ захваченъ, но Абалгаиръ-ханъ помирился съ Даржею и возвратилъ ему обратно весь ясиръ. Возвращаясь обратно, ханъ пошелъ мимо Янцкаго городка, гдѣ, захвативъ казачьи конскіе табуны и 4 казакѡвъ въ плѣвъ, ушелъ въ степь²⁾. Орда ушла, но отдѣльныя шайки киргизъ держали казакѡвъ въ тревогѣ вплоть до осени. Какъ мы видимъ, набѣги киргизъ становятся уже обычнымъ явленіемъ. Борьба съ ними ведется непрерывно.

Но дѣло не ограничилось только одними набѣгами киргизъ, — казаки за набѣги платили и сами набѣгами. Къ сожалѣнію, объ этихъ набѣгахъ до насъ дошли самыя отрывочныя свѣдѣнія. Подробностей не сохранилось никакихъ. Лишь только въ одной челобитной казака-татарина *Итмытаева* говорится объ этихъ набѣгахъ казакѡвъ. „И я нижепшій, писалъ оу въ своей челобитной, служу тебѣ великому государю и съ дѣтства своимн съ 1681 году и по нынѣшній 1721 годѣ во всякій походѣ, куда повелѣно было намъ, Янцкому войску, по твоимъ указамъ на твои государевн службн, и въ домашніе походы у насъ на Яикъ за непріатели твоими киргизъ-казакн и каракалпакн, будучи отъ ихъ жилищахъ и улусахъ и многихъ побили и разорили и отъ полонъ брали со своею братією янцкинн казакнми“³⁾. По уходѣ киргизъ казакн стали снаряжать станицу въ Петербургъ. Руквишникову была дана полная свобода дѣйствіа. Но когда оу съ товарищами („челобитчики“), прѣдя въ войсковую избу, стали у атамана Бородина и у „старыхъ людей“ просить „отписки и подорожное цисью“, съ чѣмъ-бы ѣхать въ путь то атаманъ и старшины подорожной не дали.

Вывшій въ это время въ избѣ Матвѣй Мироновъ сталъ дѣлать челобитчиамъ выговоръ. Оу, какъ и многіе старшины, боялся раздражать Москву.

— Куда вы хотите ѣхать и кому бить челомъ? Что у васъ за нужда? Къ черту что-ли пойдете?⁴⁾

Но войско не хотѣло слушать старшинъ. Станицу снарядили и она была отправлена 2 августа; вмѣстѣ съ Руквишниковымъ поѣхали еще два на-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Показаніе найденныхъ киргизъ въ 1720 г. 6 декабря въ Коллегіи Иностранн. Дѣлъ. (Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 80).

³⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 166—174.

⁴⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 218—220. Челобитная войска царю Петру 1720 г. октября 12-го.

зака: *Трифонъ Филипповъ Новинской* и *Макаръ Андреевъ Коловертинцевъ*. Одновременно съ ними была отправлена другая станица въ Казань съ плѣнными киргизами.

Между тѣмъ въ то время, когда Яицкій городокъ былъ окруженъ ордою, въ Казани продолжался по прежнему розыскъ.

Карташеву не сидѣлось спокойно. Узнавъ, что черезъ Казань пробѣжали два казака — *Кузьма Селиверстовъ Филимоновъ* и *Иванъ Спиридоновъ*, изъ которыхъ первый былъ двоюродный братъ Осипу Филимонову, принимавшему участіе въ казни бывшаго атамана Ивана Бѣлоусова, Карташевъ подалъ доносъ, что они оба укрываютъ на Яикѣ Осипа Филимонова.

Посланные для розыска этихъ казаковъ солдаты въ Казани ихъ не нашли, — они уѣхали внизъ по Волгѣ „въ свои дома“.

Въ погоню за ними послали канцелярскаго служителя *Алексыя Простомына*, который и догналъ ихъ въ Симбирскѣ. Казаковъ арестовали и подъ крѣпкимъ карауломъ доставили въ Казань. 18-го іюля они предстали въ губернской канцеляріи для допросовъ.

Опрошенный первымъ Спиридоновъ сказалъ, что Осипа Филимонова онъ знаетъ, но года два тому назадъ они съ Яикомъ съѣзжали, но куда — неизвестно. Въ родствѣ онъ съ нимъ не состоитъ, что братъ родной Осипа, бывшій атаманъ Степанъ Филимоновъ, арестованъ и его уже везетъ въ Казань поручикъ Кротковъ; на пропитаніе Осипа Филимонова давалъ-ли атаманъ багренья — не знаетъ, но бывшему атаману Степану Филимонову „противъ такихъ-же бывшихъ атамановъ дано было отъ (для) багренья рыбы съ вершковъ (сверху положеннаго каждому казаку) одно или два багренья“, но сколько именно — не упомянуть; не помнитъ онъ также и того, самъ-ли атаманъ Филимоновъ ту рыбу багрилъ или отдавалъ кому либо другому. На бѣглыхъ же въ багренья рыбы не дается никому, „а ежели кто умретъ предъ багреньемъ той рыбы, и посылъ такихъ умершихъ отъ одного году осенамъ изъ и дѣтямъ багренья рыбы на пропитаніе дается“ ¹⁾.

Допрошенный Кузьма Филимоновъ подтвердилъ показанія Ивана Спиридонова. О дачѣ багренья Осипу Филимонову онъ ничего не сказалъ, отговариваясь незнаеміемъ, о томъ — дается ли багренья на бѣглыхъ и умершихъ, онъ тоже ничего не отвѣчалъ, говоря, что „вѣдаютъ про то старые казаки, которые бывали въ атаманехъ“ ²⁾.

Что случилось съ этими казаками, — отпущены-ли были они на Яикъ обратно или были задержаны въ Казани — изъ дѣла не видно.

Въ концѣ іюля прибылъ въ Казань Кротковъ, а 31 іюля былъ полученъ въ Казани приказъ изъ Сената слова выслать Карташева и оговоренныхъ имъ казаковъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. И слова Карташева и зло-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 567 и 568.

²⁾ Тамъ-же.

получные казаки поѣхали въ Москву. 31 іюля ихъ вмѣстѣ съ дѣломъ и розыскомъ Кроткова, переплетеннымъ въ двухъ томахъ и уложеннымъ въ коробку, сдали уряднику казанскаго гарнизона „Хрущова полку“ *Емельяну Носову*. На этотъ разъ отправили казаковъ: *Карташева*, бывшаго войскового атамана *Филимонова*, *Федора Бажаря*, *Григорія Меркульева*, *Герасима Полюдаева* и *Никиту Зьвакина*, всего шесть человекъ, при чемъ первыхъ трехъ заковали въ цѣпи. Въ конной было назначено посемь человекъ солдатъ. Остальные казаки, всего 10 человекъ, бывшіе въ Казани, въ томъ числѣ Федотъ Донской и другіе, остались по прежнему въ Казани. Прибыли арестанты въ Москву 28 августа ¹⁾.

Здѣсь въ тотъ-же день *Карташевъ* подалъ доносъ.

Въ этомъ новомъ донесѣ онъ излагалъ извѣстныя уже намъ событія на Яикѣ: о провозѣ русскаго полона въ 1718 году недалеко отъ Яицкаго городка киргизами, когда казаки вмѣстѣ съ атаманомъ *Филимоновымъ* ввиду многочисленности киргизъ итти за ними въ погоню не рѣшились. Упомянувъ объ этомъ, *Карташевъ* добавилъ: „а кои казаки царскому величеству вѣрно служатъ и многіе говорили атаману *Филимонову*, что итти въ походъ за каракалпаками ради возвращенія христіанскихъ душъ, которыя браны изъ вотчины свѣтлѣйшаго князя и онаго атамана *Филимонова*, явное нерадѣніе, что въ походъ за ними не пошелъ и бою съ ними не учинилъ“. Донесъ онъ и объ выходѣ изъ плѣна алексѣевского солдата и о томъ, что солдатъ заявилъ въ кругу о продажѣ яицкимъ казакомъ татаринномъ *Аксапаромъ Ишкуватовымъ* русскаго полону въ разныя басурманскія земли. „А оной атаманъ *Филимоновъ*, супротивъ алексѣевского солдата сказавъ, въ Казань отписокъ не писалъ объ немъ *Аксапаркѣ*, знатно, что по его атамана согласію оный *Аксапарко* въ ихъ каракалпацкихъ улусахъ былъ“, добавилъ *Карташевъ* въ доносѣ.

Донесъ онъ и о разбитіи киргизами казачьей станицы въ 1715 году ²⁾, когда посланный на выручку осажденныхъ казаковъ походный атаманъ *Григорій Меркульевъ* за усталостію лошадей въ погоню за киргизами итти не могъ. „И оный *Меркульевъ*,—писалъ *Карташевъ* въ доносѣ,—съ ними, каракалпаками, бою никакого не учинилъ и христіанскихъ душъ не выручилъ, а которые съ ними были походные казаки тысяча человекъ и тѣ все слезно плакали и говорили ему *Меркульеву*, что мы умремъ за волю государеву и выручимъ христіанъ изъ басурманскихъ рукъ; стало быть явное его *Меркульева*, воровство и нерадѣніе и извѣна что онъ съ ними каракалпаками бою неучинилъ“. Писалъ онъ въ своемъ доносѣ и о причинѣ, почему „вотчины великаго государя разорятся отъ набѣговъ воровскихъ каракалпацкихъ татаръ“. Причину этого онъ видѣлъ въ томъ, что киргизы перелезаятъ рѣку Яикъ для походовъ въ Русь „въ урочищѣ у *Илецкіе соли* идъ напередъ сего былъ

¹⁾ Такъ-же, листы 20—33.

²⁾ См.от. 472—473 страницъ настоящаго очерка.

городокъ Яицкихъ казаковъ". Здѣсь Карташевъ говоритъ безусловно о бнвшемъ при устьѣ Илека перномъ казачьемъ городѣ *Голубомъ Городищѣ*.

Далѣе, печалуясь объ полоняникахъ и о государевой вотчинѣ, Карташевъ писалъ: „И повели государь указомъ на томъ мѣстѣ быть строжему и городку, то именно не будетъ разораться вотчина великаго государя, а отъ соли Илецкіе не малый интересъ царскому величеству будетъ збираться. А яицкіе казаки отъ несовѣтія своего, — оканчивая свой доносъ Карташевъ, — на всякій годъ атамановъ выбираютъ и дабы повелѣно было указомъ царскаго величества атаманамъ быть, что и на Дону“¹⁾.

Позаботился Карташевъ, какъ видимъ, даже и о порядкахъ на Яикѣ. Дѣло въ томъ, что у донцовъ, послѣ усмиренія Булавинскаго бунта (1708 г.) были уничтожены *войсковые кружи*, послѣ чего войсковые атаманы стали выбираться старшиною такъ называемымъ „*Правленіемъ старшинъ*“ пожизненно, а не на одинъ годъ, какъ это было у нихъ ранѣе. Въ то же время у нихъ ввели службу по очереди²⁾.

Глядя на донцовъ, Карташевъ просилъ ввести тоже самое и въ Яицкомъ войскѣ. Вслѣдствіе это указаніе на донцовъ дѣлалось не разъ, когда нужно было по образцу донцовъ ввести нѣкоторые реформы въ Яицкомъ, а потомъ и въ Уральскомъ войскѣ. Но по пословицѣ, „что для русскаго здорово, то для яица ядъ“, — то, что легко прививалось къ донцамъ и можетъ быть ими было использовано съ выгодами для себя, то, какъ увидимъ далѣе, для яицкихъ казаковъ оказывалось ядомъ, отъ пріянія котораго Яицкое войско отбывалось всѣми мѣрами; почему нѣкоторые изъ своихъ старшихъ обичаями и правъ, вопреки указанію на донцовъ, войско сохранило и до настоящихъ дней, какъ-то: наемку на службу, обичайное пользованіе всѣми войсковыми угодьями и прочее.

Дорого впоследствии обошлось яицкимъ казакамъ это отставаніе своихъ обичаями, не сходныхъ съ донскими; большою цѣною были куплены они казачьей общиной.

Въ тотъ-же день, послѣ покаячи Карташевымъ доноса, снова въ присутствіи князя Рамодановскаго стали допрашивать Меркульева и другихъ казаковъ „по рознь“.

Вначалѣ стали разспрашивать Карташева. Онъ вновь повторилъ свой доносъ и кромѣ того прибавилъ къ этому и свои старыя свѣдѣнія, которые говорилъ въ Казани. Говорилъ онъ о татаринѣ *Шершенбеткѣ*, что будто бы казакъ Меркульевъ, Зеванинъ, Денисъ Воронежецъ и Семенъ Черный съ ново-крещеномъ Сидоровымъ и многіе другіе послѣ гибели отряда Черкаскаго держали у себя тайно хивянскаго татарина *Шершенбетку*, который при-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 20—33. Доносъ Карташева и романъ по доносу въ Преображенскомъ приказѣ.

²⁾ Воронежскій. Исторія Донскаго войска, изд. 1834 г., часть 1, стр. 283—284.

везъ письмо изъ Хивы и который былъ у нихъ шпиономъ, чтобы узнавать, что дѣлается въ Казани и въ другихъ низовыхъ городахъ и что послали они его съ новокрещенымъ *Сидоровымъ* да съ казаками *Ямансарою*, *Аксанаромъ*, не одинъ разъ, въ Хиву и съ ними-же послали въ хивинцамъ „заповѣдную подъ смертною казнью сталь и желѣзо на дѣло ружья“.

„Да явцкой казакъ *Василій Мордвиновъ*, — говорилъ *Карташевъ*, — поймалъ на Яикѣ татаръ-чеченцевъ двухъ человекъ, которые съ кубанцы приходили въ Русь для разоренія и вывелъ ихъ въ кругъ, и войскомъ прислали ихъ татаръ, въ Казань съ ними *Мордвиновымъ*; а въ отпискѣ объ нихъ написали, что они такихъ татаръ войскомъ непринимывали, а кто ихъ принималъ прото они сами скажутъ; и тѣ татары въ распросѣ въ Казани сказали, что пришли они на Яикъ въ 1717 году изъ калмыцкой орды для своихъ нуждъ, а принялъ ихъ вышесказанной атаманъ *Меркульевъ* да *Микита Зевакинъ* да толмачъ *Киликей Ашмъкеевъ*“ и взялъ онъ *Меркульевъ* съ нихъ три коня; а они, татары, званто жили для таковожъ шпионства потому, что они державы были въ тай отъ войска; а нынѣ гдѣ тѣ татары въ Казани или отпущены того я не знаю.

А въ бытность свою въ Казани я о тѣхъ казакахъ о *Демистъ Воронжеевъ* съ товарищи сказалъ, что знаю за ними измѣну, а какую измѣну, того не объявилъ“¹⁾.

Въ концѣ-же своего допроса *Карташевъ* заявлялъ, чтобы великій государь указалъ для розыску послать на Яикъ изъ Преображенскаго приказа сыщика; „а для обличенія и уликъ, — говорилъ онъ, — неправого казанскаго розыску для изслѣдованія послать съ тѣмъ сыщикомъ меня, а я о тѣхъ ихъ воровствахъ буду изобличать подлинно; а нынѣ о тѣхъ людехъ, которыми то ихъ воровство сыщется объявить мнѣ немочно, потому, чтобъ надъ тѣми людьми не учинилось отъ нихъ воровъ какого похощенія и дабы то ихъ воровство нескрытно было“.

Перечислялъ *Карташевъ* по фамиліямъ и всѣхъ виновныхъ казаковъ, списокъ которыхъ былъ приложенъ и къ дѣлу:

Иванъ Вавиловъ, *Степанъ Деметьевъ Дуринцовъ*, *Федоръ Сланиннъ*, *Абрамъ Пустоселовъ*, *Андрей Яковлевъ Картовъ*, *Никифоръ Погодинъ*, *Василій Будановъ*, *Меркулей Заровской*, *Василій Азовской*, *Семень Пудовкинъ*, *Дмитрій Витошновъ*, *Михайла Горшковъ*, *Федоръ Малышъ*, *Тимофей Мясничъ*, *Иванъ Митѣевъ Чеботаръ*, *Василій Кожевниковъ*, *Иванъ Логиновъ*, *Степанъ Лукьяновъ Оужкинъ*, *Гаврила Степановъ*, *Семень Васильевъ Муромцевъ*, *Иванъ Плявинниковъ*, *Никита Вородинъ*, *Алексѣй Аргамаковъ*, *Левонтій Афанасьевъ*, *Иванъ Алексѣевъ*, *Федоръ Олрцовъ*, *Семень Опаленинъ*, *Тимофей Сѣдовъ*, *Махайло Вѣлой*, *Алексѣй Таршиловъ*, прозвищемъ Чума-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 64, листы 20—22.

ковъ, серебрякъ Юрьевъ—Зотовъ, два брата Головановыхъ, Григорій Сысковъ, Семень Алексѣевъ, Трифонъ Филиповъ у него 4 сына, Петръ Яковлевъ, три брата Солодовниковы, Иванъ Сянгліевъ, Федоръ Бахарь, Леонтій Маркинъ, Сядоръ Филимоновъ, Василій Торковинъ, Андрей Стуревъ, Петръ Шерваковскій, Григорій Харитоновъ, Федоръ Петровъ Евстахинъ, Парфенъ Никифоровъ, Агей Дыреевъ, Емельянъ Сокинъ, Тимофей Григорьевъ Палашевъ, Борисъ Черновъ, Матвій Гулебшинъ, Тимофей Карповъ, Костентинъ Ивановъ сынъ Васильевъ.

Новокрещени:

Иванъ Сядоровъ, Осинъ Никитинъ.

Татара:

Казикей Бичкиевъ, Узбекъ Тюленбетевъ, Кутлыбай, Аднагулъ Ишикеевъ Аплигеевъ оаъ же ¹⁾.

Перечисливъ всѣхъ этихъ виновныхъ казаковъ, большинство которыхъ уже побывало въ Казани на розыскѣ, Карташевъ заявилъ, что сверхъ этихъ казаковъ и тѣхъ, которые теперь въ Москвѣ, на Яикѣ есть еще съ тысячу человекъ единомышленниковъ Меркульева.

Разпрошенный вслѣдъ за Карташевымъ *Григорій Меркульевъ* вновь отказался отъ посылки въ Хиу татаръ, а про чеченцевъ заявилъ, что дѣйствительно Мордвицевъ поймалъ двухъ человекъ татаръ, но они были не чеченцы, а съ Терека „государевы люди“ и что ихъ обонхъ Мордвицевъ возилъ въ Казань, одинъ изъ нихъ умеръ, а другого отпустили обратно на Терекъ. Относительно похода съ войскомъ на выручку осажденной станицы онъ рассказалъ то, что мы уже знаемъ изъ предыдущаго очерка. Объ укрявательствѣ Федора Бахара отговорился полнымъ незнаціемъ: „Послѣ убійства атамана Ивана Вѣлоусова я Бахаря не видалъ много летъ, — говорилъ Меркульевъ, — а сколь давно онъ, Бахарь, на Яикъ пришелъ и при которомъ атаманѣ не знаю и его я не укрявалъ, а кто укрявалъ не знаю и укрявать мнѣ его не для чего, потому что убитой атаманъ Вѣлоусовъ мнѣ былъ тесть“.

Въ томъ-же духѣ были отвѣты и остальныхъ казаковъ; *Федоръ-же Бахарь* при допросѣ сказалъ: — „Родина моя въ Арзамаскомъ уѣздѣ: жилъ я съ отцомъ своимъ въ крестьянахъ Никольскаго монастыря, что въ Арзамасѣ, въ селѣ Ичаловѣ и отецъ мой умеръ, а я тому лѣтъ съ сорокъ, изъ того села сошедъ, пришелъ на Яикъ въ малыхъ лѣтахъ и проживъ записался въ Яицкіе казаки при бывшемъ атаманѣ *Прокофьѣ Семеновѣ*; и въ прошлыхъ годахъ, тому лѣтъ съ двадцать и больше, а подлинно въ которомъ году не помню. Яицкаго атамана Ивана Вѣлоусова на Яикѣ убили яицкіе казаки, а за что и кто на томъ убійствѣ

¹⁾ Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 54, листы 631—632.

были пущіе заводчики не знаю, а я на томъ убивствѣ не былъ; только послѣ того убивства прислана съ Москвы государева грамота велѣно по оговору воровъ въ томъ убивствѣ прислать къ Москвѣ яццкихъ казаковъ, въ томъ числѣ и меня, но я боюсь, чтобъ мнѣ напрасно не погибнуть въ томъ убивствѣ, съ Яяку ушелъ и работалъ нанянася на стругахъ и въ Астраханѣ въ работникахъ года съ два, а послѣ того, пришедь на Яякъ при атаманѣ *Федорѣ Семенниковѣ*, явился ему атаману и жилъ на Яякѣ въ своемъ дворѣ и жилъ не тайно; и атаманъ Семенниковъ и всѣ яццкіе казаки, вида мое смиреніе и что меня воръ Коуѣчка на Москвѣ безвѣнно оговорилъ, велѣли мнѣ жить на Яякѣ, и никому меня не послала¹⁾.

Казаки не совзались ни въ одной винѣ, возводимой на нихъ Карташевымъ.

Для улики вызвали Карташева на очную ставку, но казаки подтверждали свои прежнія показанія и отвергали доносъ Карташева.

Но пока шли эти разспросы, тѣмъ временемъ прибыла въ Петербургъ станица *Федора Рукавишниковова*.

Много было дѣла Рукавишникову. Надо было подать жалобу въ Сенатъ на лихоимство и взяточничество бывшихъ на Яякѣ офицеровъ и фискаловъ; нужно было хлопотать о прибавкѣ жалованья войску, получавшему его до сихъ поръ всего на 600 человекъ, хлопотать объ отѣвѣ налога съ солд. Много было разныхъ другихъ нуждъ, рѣшать которыя могли только въ Москвѣ.

Рукавишниковъ, проникливый и ловкій, съ перваго-же шага своего въ Сенатъ сталъ хлопотать о защитѣ войска отъ ненасытной алчности казанскихъ сыщиковъ. Дѣло, конечно, не обошлось безъ подарковъ и посуловъ. Рукавишниковъ умѣлъ кого нужно задобрить и подарить. И вотъ 28 ноября состоялся указъ переслать Карташева и всѣхъ казаковъ въ Астрахань къ губернатору *Артемію Петровичу Волинскому*, которому было велѣно „о всемъ изслѣдовать указъ учинить и что изслѣдовано и учинено будетъ о томъ въ Преображенскій приказъ въ ближнему стольнику ко князю Ивану Федоровичу Рамодановскому съ товарищи для вѣдома писать“²⁾.

Астраханскій губернаторъ былъ въ это время въ Москвѣ, куда въ его походную канцелярію и отправляли арестантовъ. Между тѣмъ Рукавишниковъ энергично продолжалъ свое дѣло. Онъ неотомо ходилъ отъ одного важнаго лица къ другому, наводилъ справки, бралъ совѣты. 11 декабря наконецъ онъ подалъ въ Сенатъ отъ лица всего войска челобитную съ жалобой на взятія казанскихъ сыщиковъ.

„Влагоденнымъ и превосходительнѣйшамъ господамъ Правительствующаго Сената“—такъ начиналась челобитная Рукавишниковова. Далѣе въ челобитной слѣдуетъ подробное изложеніе извѣта на войско, волокита по этому дѣлу, поѣзда на Яякъ Волкова, Кемецкаго, Кроткова и другихъ, ихъ взятія съ

¹⁾ Тамъ-же, листы 35—38.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба. опись 107, кн. 54, листы 583—584.

казаковъ и о захватѣ Кротковыми объявленныхъ изъ Хивы и другихъ казачьихъ и ихъ семей. Въ концѣ своей челобитной Рукавишниковъ говорилъ: „И вынѣ просимъ вашего благородія: да повелите намъ, противъ сего вышеписаннаго нашего доношенія, послать къ намъ на Яикъ изъ Санктъ-Петербурга изъ трудодушныхъ и вѣрныхъ государевыхъ рабовъ, кою царское величество повелитъ съ указомъ: а про все разыскать, а по розыску указъ учинить, чтобъ намъ отъ такихъ нападокъ, и ложныхъ доносителей и съ ихъ совѣтниками, а отъ посланныхъ офицеровъ и дворянъ во взяткахъ, въ конецъ не раззориться и службы великаго государя не отбыть. А служилыхъ казаковъ, которыхъ Егоръ Кротковъ нависалъ въ солдаты, семьсотъ человекъ отпустить по прежнему въ казаки, чтобъ Яицкому городку не запустѣть и намъ бы не раззориться до конца, и государевы вотчины не потерять.“

О семъ доносимъ Яицкіе служилые казаки: Федоръ Михайловъ, Трифоновъ Филипповъ, Макаръ Коловертвицовъ и ото всего Яицкаго войска. Ноября въ день 1719 году. Къ сему доношенію Архангелогородской таможи подъячій Михайло Нехорошевъ, вмѣсто яицкихъ служилыхъ казаковъ Федора Михайлова, Трифона Филиппова, Макара Коловертвицова, по ихъ велѣнію, руку приложилъ¹⁾.

Рукавишниковъ подалъ и списокъ (рописъ) всѣмъ взяткамъ, какія были даны казаками. Самого списка, къ сожалѣнію, достать не удалось. Объ немъ говорится только въ доношеніи Салтыкова, гдѣ сумма всѣхъ этихъ взятокъ опредѣляется въ три тысячи триста рублей²⁾.

Одновременно съ этой челобитной Рукавишниковъ подалъ на имя царя другую челобитную, жалуюсь на пошлину, которую брали въ Самарѣ и Симбирѣ съ соли, привозимой съ Яику казаками. Чтобы отменить эту пошлину, войско хлопотало много разъ, но безрезультатно. Еще во время Пруссаго похода за этихъ дѣломъ въ правительствующій сенатъ прѣзжала съ Яику станица съ атаманомъ *Конинымъ*, но ему въ сенатѣ сказали, что безъ доклада царю они указъ учинить не смѣютъ. Послѣ этого войско подало челобитную казанскому губернатору *Петру Маттевичу Апраксину*, но и онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу казаковъ. Поданныя незадолго предъ этимъ челобитная казанскому губернатору *Салтыкову* тоже не имѣла никакого дѣйствія. Салтыковъ сказалъ посланнымъ къ нему казакамъ, чтобы они просили объ этомъ Сенатъ. Казаки снарядили тула станицу со станичнымъ атаманомъ *Матвеемъ Ивановымъ Юрмоловымъ*, но, вернувшись назадъ, онъ сказалъ войску, что царь былъ въ это время въ походѣ и что въ Сенатѣ имъ сказали, что безъ доклада государю они ничего сдѣлать не могутъ.

На этотъ разъ войско поручило хлопотать объ этомъ Рукавишникову.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 15—17. Упомянутъ о 700 чел. кав., коихъ Кротковъ якобы записалъ въ солдаты, Рукавишниковъ имѣлъ въ виду 140 чел., которые сданы были Кротковымъ атаману Никитѣ Бородину на поруки, какъ приближше послѣ 1708 года.

²⁾ Тамъ-же, листы 207—208. Доносиміе Салтыкова въ Коллегію Иностран. Дѣлъ 1720 г. августа 28.

„Явемъ мы, нижеименованные, на запольной рѣкѣ, въ Яицкомъ казачьемъ городкѣ, — писалъ Рукавишниковъ въ челобитной, — и пожалованы мы отъ твоего царскаго величества тою запольною рѣкою для пропитанія своего рыбною ловлею; да къ тому же пожалованы мы соляными озерами, которые отъ казачьяго городка въ дальномъ разстояніи — въ степи, съ которыхъ озеръ, вода, мы беремъ, про свой обиходъ, соль на пропитаніе. И когда съ Руси къ намъ въ казачій городокъ привозаютъ съ хлѣбомъ, и мы ту соль мѣняли на хлѣбъ, а вьюю продавали на деньги для хлѣбной же покупки. И вывозили мы и сами въ Русь за хлѣбомъ въ Сызрань и на Самару и въ Алексѣевское и по знакомству въ уѣздъ; и для той хлѣбной покупки вывозили съ собою, для мѣны хлѣбной, соль, потому что у насъ другихъ промысловъ нѣтъ, а съ той соли платили мы твоему великаго государя пошлину. А вынѣ ту соль берутъ у насъ на городахъ соляные бурмистры на тебя великаго государя беззачежно, а когда даютъ намъ они бурмистры за ту соль и деньги, и то цѣну малую — за пудъ по два гроша и по два алтына, а намъ по той цѣнѣ отдавать невозможно, для того, что за дальнымъ разстояніемъ и за худымъ провозомъ отъ непріятельскихъ людей, потому что тѣ озера отъ яицкаго казачьяго городка въ дальномъ разстояніи; и ходимъ мы по ту соль по мѣсяцу и больше, а въ Русь выходимъ въ тринадцать дней и больше, а на Самару въ осьмой день и въ девятый; и та соль, всякій пудъ, намъ ставится самимъ по четыре алтына и больше. А отъ непріятельскихъ людей путемъ чинится всегдашняя шкода и смертное убивство. А вынѣ той соли на городахъ соляные бурмистры возить не велать, а намъ казакамъ кормиться стало нечѣмъ; а жалованья твоего великаго государя на казака только по осьми алтынъ по двѣ деньги въ годъ; и отъ того казаки оскудѣли и многіе отъ скудости разбрелися“.

Перечисляя далѣе въ своей челобитной всѣ хлопоты войска по этому дѣлу, Рукавишниковъ закончилъ свою челобитную просьбою не брать пошлины съ привозимой казаками соли.

„Всемилоушійшій государь, — говорилось въ челобитной, — просимъ вашего величества, повела государь въ прибавку тому жалованью намъ тою солью кормиться по прежнему, и ту соль чтобъ невозбранно было намъ продавать на городахъ и въ уѣздахъ безпечно, чтобъ намъ оттого безъ промыслу гладомъ не померети“¹⁾. При личномъ же разспросѣ посланные заявили, что соль они вывозятъ въ низовые города: Самару, Сызрань и въ Алексѣевское по тысячу пудовъ ежегодно, и равнѣ брали съ нихъ пошлину десятій пудъ²⁾.

Изъ этой челобитной, между прочимъ, видно, что Петромъ Великимъ дѣйствительно было дано войску право владѣть всѣмъ Яицомъ, т. е. имъ были подтверждены права казаковъ на Яицъ, а можетъ быть была дана и грамота „владѣнная“ взаимнѣ сторгѣвшей, выданной царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

¹⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 80, листъ 18.

²⁾ Тамъ-же, листы 54—56.

Какъ могъ-бы Рукавишниковъ писать царю Петру челобитые, въ которыхъ говорить должъ о манномъ пожалованіи имъ войску рѣки Яика? Такъ можно было писать, только имѣя данныя на это: — или грамоту или царское слово.

Впоследствии въ своихъ челобитныхъ войско, доказывая свои права на землю и на р. Яикъ, всегда говорятъ, что пожаловалъ ихъ рѣкою Яикомъ царь Петръ.

Объ этомъ-же говорится и въ преданіи о Рыжечкѣ.

Бъ сожалѣнію, ни грамоты, ни какого либо другого указанія по этому въ архивахъ пока не найдено.

Рукавишниковъ не удовольствовался только одними этими просьбами. Онъ отлично видѣлъ, что войску отъ Казани и въ будущемъ ждаты было нечего. Тамъ все было продано и куплено, было все алчно и развращено. Войско утомялось платить взятки, было истощено безконечными наѣздами смичиковъ, — Казань стала тяготить войско. Рукавишниковъ въ Сенатѣ заявилъ отъ лица всего войска желаніе быть управляемыми такъ-же, какъ и другіе казаки. „А довскіе и гребенскіе казаки, — говорилъ онъ, — и калмыки и прочіе иностраннхъ земель люди судимы и расправомъ вѣдоны въ Коллегіи Иностраннхъ дѣлъ и чтобы я насъ судимы и расправомъ и всякими государевыми дѣлами вѣдать противъ другихъ въ Коллегіи Иностраннхъ дѣлъ. И о всемъ противъ поданнаго нашего въ Сенатъ довошенія и объ обѣдахъ и о взяткахъ указъ учинить въ той коллегіи“¹⁾.

Результатомъ этого ходатайства явился 21 декабря указъ Сената: вѣдать яцкиихъ казаковъ службою и нарядамъ и во всѣхъ дѣлахъ въ Иностранной Коллегіи²⁾.

Указъ этотъ былъ написанъ „государственному канцлеру кавалеру и президенту коллегіи иностраннхъ дѣлъ графу *Гаврилу Ивановичу Головкину* да государственному подканцлеру тайному совѣтнику барону *Петру Павловичу Шафирову*“³⁾.

Ввиду этого всѣ челобитныя войска поступили въ Коллегію Иностраннхъ дѣлъ, откуда былъ посланъ указъ въ Казань немедленно разобрать дѣло о взяткахъ съ казаковъ и допросить всѣхъ офицеровъ, дворянъ, фискаловъ и другихъ, бывшихъ на Яикѣ у смичикхъ дѣлъ, и жалобы войска удовлетворить⁴⁾.

Въ слѣдующемъ-же 1720 году 17 марта изъ той же коллегіи объ челобитныхъ Яицкаго войска о соли запросили камеръ-коллегію, откуда 27 мая того-же года былъ посланъ указъ къ астраханскому губернатору⁵⁾, спра-

¹⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листъ 14.

²⁾ Тамъ-же, и полное собраніе Закон. Рос. Имп., томъ V, № 2472.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листъ 213. Челобитная войска 1720 г. 6 октября.

⁵⁾ Астраханская губернія была выдѣлана изъ Казанской губерніи въ 1717 г. 21 ноября. Въ нее вошелъ и городокъ Гурьевъ, Яицкій-же городокъ остался въ вѣдѣніи Казанской губерніи. (Полное собраніе Закон. Рос. Имп., № 3119 и 3274).

товскому коменданту, надзирателямъ и бурмистрамъ, чтобъ „смотреть нѣзъ на-
крѣпко, дабы въ города и волости и села никакой соли тайно никто не выво-
зиль и мимо казны не продавалъ и ни на какіе товары не мѣнялъ, а выво-
зную видѣями казаками соль принимать въ казну на вѣсь, съ улатою за
оную по 2 алтына по 4 денги за пудъ и съ объявленіемъ казакамъ, что-
бы она ни подѣ какимъ видомъ той соли не продавали и не мѣняли помимо
казны, не видряя на то, что оная нѣзъ привозная соль противъ астраханскаго
бузуру цѣною будетъ со излишествомъ, для того, чтобъ они, казаки, той соли
тайно никуда не возили подѣ страхомъ смертнаго изстязанія и выставить о
томъ листы, чтобъ никто невѣдѣваемъ не отговаривалса“¹⁾.

Какъ виднмъ, этотъ указъ совершенно не удовлетворилъ войско, — казакамъ
запрещалось продавать и мѣнять эту соль на товары, она могла только сдавать
ее въ казну по цѣнѣ вдвое меньшей, чѣмъ она стоила нѣзъ самимъ.

Пока Руквищниковъ хлопоталъ о нуждахъ войска, колодники продолжали
сидѣть подѣ карауломъ въ Москвѣ въ распоряженіи походной канцеларіи
астраханскаго губернатора. Дашъ по выясненіи всего дѣла, послѣ вѣсѣхъ че-
лобитныхъ Руквищникова, Волинскій отдалъ 20 декабря приказъ отпра-
вить Карташева и другихъ казаковъ въ Астрахань съ поручикомъ *Есла-
ховымъ*. Съ нимъ былъ посланъ отъ Волинскаго указъ на имя астраханскаго
генераль-аудитора и воеводы *Ивана Васильевича Кикина* съ товарищи,
чтобы по этому дѣлу „для изслѣдованія нѣзъ Астрахани въ казачій Яндвой
городокъ послать добраго нѣзъ офицеровъ, придавъ ему подъячаго и одного
унтеръ-офицера и нѣзъсколько солдатъ, а дать ему о розыску инструкцію, и
при немъ того доносителя и Федора Бахаря послать, и велѣть тому послан-
ному, по тому дѣлу, противъ данной ему инструкціи изслѣдовать самую су-
щую правдою какъ о томъ его царскаго величества указы повелѣваютъ; та-
кожъ и свидѣтельствовать первыми свѣдѣніи и что доноситель показалъ на оной
ставкѣ, что будто вѣдаютъ про то нѣзъогіе люди о чемъ въ его извѣтѣ по-
казано; того ради о именахъ и отчествахъ и о прозвищахъ тѣхъ людей
взять у него извѣтчика вѣденіе за рукою, и кого оной доноситель о томъ во
свидѣтельствѣ объявлять и тѣхъ людей допросить самою сущою правдою; а что
потому дѣлу и по инструкціи по изслѣдованію явится о томъ въ Астрахань
въ губернскую канцеларію для учиненія указа писать; а присланныхъ нѣзъ
Преображенскаго приказа казаковъ: *Григоря Меркулева, Никиту Зева-
кина, Степана Филимонова, Герасима Попова*, отпустить въ казачій
Яндвой городокъ въ домы ихъ, и взять у нихъ свѣски подѣ смертною
казнью, что явится нѣзъ къ тому розыску какъ посланной прибудетъ въ тотъ
нѣзъ городокъ для розыску“²⁾.

¹⁾ Это постановленіе Камеръ-Коллегіи, Коллегією иностранныхъ дѣлъ сообщено было на Янкъ въ
особой грамотѣ въ августѣ 1720 г.; черновая грамота, неразборчиво написанная и безъ обозначенія
числа, хранится въ дѣлахъ, присланныхъ въ Военную коллегію нѣзъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ при
указѣ отъ 31 марта 1721 г. (Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, дѣло № 30, листы 18 и 54—56).

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 588—584.

Съ Меркульева, Зевакина, Филимонова и Погодаева была взята подписка въ томъ, что когда по ихъ дѣлу будетъ присланъ на Янкъ кто либо, то имъ явиться немедленно и до прїѣзда „розыщника“ никуда изъ Яницкаго городка не выѣзжать. Если-же она ему не явится, то будетъ имъ „учинена смертная казнь и движимое и недвижимое имѣніе будетъ взято на великаго государя безповоротво“¹⁾).

Подъ подпиской расписался за всѣхъ старикъ Никита Зевакинъ.

Поручику Евлахову дали инструкцію, состоящую изъ трехъ пунктовъ:

„Инструкція поручику господину Евлахову.

I.

Вхаты ему въ Астрахань съ колодниками и съ розыскнымъ дѣломъ того ради принять ему оныхъ колодниковъ отъ комисара Елагина, а именно яницкихъ казаковъ доносителя Ивана Карташева, Федора Бахара такъ же и все подлинное дѣло и сыски съ росписью.

II.

Бдучи ему господику Евлахову въ пути отъ Москвы до Астрахани надъ колодниками закрѣпко смотрѣть чтобъ не упустить или надъ собою чего сами неучинили того ради какъ дорогою такъ и на квартирахъ имѣть ему непреставной караулъ для котораго взять ему отъ казанскаго комисарства шесть человекъ солдатъ.

III.

Когда онъ, господинъ Евлаховъ, прїѣдетъ въ Астрахань явиться ему тамо генералу-аудитору и воеводѣ Ивану Васильевичу Квину съ товарищи и оныхъ колодниковъ, такъ же посланное дѣло, отъ солдатъ съ росписью кому отъ него принять приказано будетъ. Дана въ Москвѣ декабря 20 дня 1719 года“²⁾).

Евлахову, кромѣ того, было дано письмо казанскому губернатору, чтобъ онъ отдалъ ему находящихся въ Казани по этому дѣлу десять человекъ казаковъ—Федота Донского и другихъ, при чемъ въ Астрахань отправилъ только самыхъ нужныхъ, а остальныхъ отпустилъ „въ дома на Янкъ, взявъ у нихъ подарѣніемъ скаски, что имъ къ тому розыску тамъ явиться“³⁾).

Евлаховъ выѣхалъ изъ Казани въ концѣ декабря, вези съ собою казаковъ, при чемъ Карташевъ и Бахаръ были законаны „въ кандалы“. Прибывъ въ Казань, онъ, согласно инструкціи, взялъ всѣхъ десять человекъ казаковъ, которые все время находились тамъ на порукахъ, и двинулся дальше къ Астрахани. Въ Самарѣ Евлаховъ отпустилъ на Янкъ Меркульева и быв-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 107, кн. 54, листъ 585.

²⁾ Тамъ-же, листы 589—591.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 590—591. Письмо Волынского къ Салтыкову.

шихъ съ нимъ его товарищей трехъ человекъ и изъ числа взятыхъ имъ въ Казани пять человекъ казаковъ, остальныхъ-же, взятыхъ въ Казани: Федота Донского, Ивана Смирдонова Бѣлотѣкина, Дмитрія Витошева (онъ-же Витосновъ), Кузьму Селиверстова и Семена Васильева Муромцева взялъ съ собою, объ чемъ настоялъ Карташевъ, подавъ Евлахову доношеніе ¹⁾, повезъ ихъ далѣе въ Астрахань, куда и явился 11 февраля, пробывъ въ дорогѣ почти полтора мѣсяца.

Арестованные уѣхали, но Карташовъ оставался въ Москвѣ и продолжалъ свое дѣло.

10-го января наступившаго новаго 1720 года его и товарищей его Трофима Новинскаго и Макара Коловертнечева потребовали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Тамъ не знали сушіе пустяка: гдѣ живутъ яцкіе казаки, сколько ихъ числомъ, кто у нихъ начальники: атаманы или иные какіе чины и какъ тѣ чины производятъ? Гдѣ напередъ сего они были вѣдомы и получали-ли себѣ великаго государя жалованье и откуда и посколько чего и въ которое время? Гдѣ были въ походахъ? Какія службы отправляютъ теперь? и проч.

На всѣ эти вопросы Рукавишниковъ съ товарищами дали обстоятельныя отвѣты, которые приложены къ настоящему очерку [смотри приложение XI].

Но на первый же вопросъ Рукавишникову пришлось объяснить, кто они яцкіе казаки, откуда пришли, кто были ихъ дѣды? Но какъ отвѣтити на этотъ вопросъ? Сказать, что онъ, Рукавишниковъ, и его товарищи и все войско Яцкое—бѣглецы крестьяне тѣхъ князей и бояръ, которые засѣдали въ Сенатѣ и въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ—было немисливо. Надо было найти другой выходъ. Тогда еще были живы нѣ войскъ преданія и рассказы старыхъ людей о томъ, что вначалѣ на Янкѣ было всего 40 человекъ казаковъ, а потомъ 600. Слышали они отъ старыхъ людей, что это были люди вольные, были казаки. Но какіе же это были казаки? Ну, конечно, донскіе, — рѣшаютъ Рукавишниковъ съ товарищами, — какіе-же иные могутъ быть эти первые пришельцы на Янкѣ? Только и есть одно большое войско—Донское, оно главенствуетъ надъ другими, оттуда идетъ и главная управа въ важныхъ дѣлахъ для остальныхъ войскъ Яцкаго и Терскаго. „Было насъ только 600 человекъ, — отвѣчалъ Рукавишниковъ, — а предки наши казаки перешли изъ донскихъ казачьихъ разныхъ городковъ“...

Забыли иривіцкіе орлы о колыбели казачества—Волгѣ, забыли они о славномъ Волжскомъ великомъ войскѣ. Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ исчезло изъ исторіи это войско и память о немъ забылась стариками.

Съ 1630 года уже не стало слышно объ Волжскомъ войскѣ, когда-то многочисленномъ и сильномъ, войскѣ, дававшемъ неизсякаемый источникъ Дону, Яцкому и Терскому войскамъ для пополненія своихъ, всегда рѣдѣю-

¹⁾ Тамъ-же, вѣсть 600. Здѣсь упомянуто въ числѣ находившихся въ Казани и отпущенныхъ Евлаховымъ на Янкѣ бывший атаманъ Матаѣй Мироновъ, но это безусловно ошибка, такъ какъ Мироновъ находился все это время въ войскѣ.

щихъ отъ частыхъ схватокъ и набѣговъ, рядовъ. Улетучилось изъ казачьей памяти даже самое названіе волжскихъ казаковъ. Только имя одного волжскаго атамана Ермака Тимофѣевича еще не сходило съ казачьихъ устъ. Но кто онъ былъ, какой казакъ—никто уже не помнилъ, его отважныхъ соратниковъ волжскихъ казаковъ казачество забыло. Оно называло ихъ прямо казаками.

Но въ то время, когда по широкому раздолью матушки Волги гуляли на своихъ легкихъ лодочкахъ удалые молодцы охотнички и разбивали бумъ корабли, въ то время Москва великодушно умѣла отличать этихъ молодцовъ, гулявшихъ на Волгѣ. Въ своихъ грамотахъ Москва того времени ихъ рѣзко раздѣляла, то называя ихъ донскими, когда они были съ Дона, то волжскими, когда это были волжскіе казаки, то яицкими, когда они были яицкіе, и черкасами, когда они были малороссійскіе ¹⁾. Хорошо умѣла отличать ихъ Москва и на службѣ правительству. Въ походѣ подъ Крымъ (1586 г.) были волжскіе и яицкіе, въ походѣ подъ Шемкалу (1591 г.) волжскіе и яицкіе; въ осадѣ Орѣшка (1690 г.) донскіе, волжскіе и яицкіе, наконецъ въ смутное время на Руси донскіе, волжскіе, яицкіе, терскіе и черкасы. Вездѣ Москва отдѣляетъ ихъ одно отъ другого и при раздачѣ жалованья списки ихъ дѣлаются отдѣльные. Но съ 1630 годовъ имя волжскихъ казаковъ постепенно утрачивается и они, много разъ разбитые на Волгѣ царскими войсками, какъ мальки отъ щуки, разсѣиваются въ разные стороны:—на Донъ, Яикъ и Терекъ и навсегда сходятъ со страницъ исторіи.

Какъ-же было поминать черезъ сто лѣтъ Рукавишникову съ товарищами о своихъ прадѣдахъ волжскихъ казакахъ, пришедшихъ на Яикъ съ атаманомъ *Гумей*, а потомъ съ *Матюшей Мещерякомъ*? Они объ нихъ не помнили или помнили только одно, что это были люди вольные, были казаки. Но кто-же они, какіе казаки?—конечно, донцы! другихъ они не звали.

Рукавишниковъ съ такимъ же основаніемъ и вѣрою говорилъ эту невинную неправду, съ какимъ вѣроиспытаніемъ донцы, забывъ о существованіи колѣбели казачества—Волгѣ, о новгородскихъ ушкуйникахъ и волжскихъ казакахъ, называли *волжскаго атамана Ермака Тимофѣевича донцомъ*, а его товарищей волжскихъ казаковъ—донскими казаками и даже поставили ему памятникъ въ г. Новочеркасскѣ, какъ лонскому казаку! Донцы тогда не могли себѣ представить, что были когда либо иные казаки, кромѣ донскихъ. Они тогда думали, что всѣ казаки яицкіе, терскіе и другіе—это есть ни что иное, какъ тѣ же донцы, переселившіеся на другія рѣки. Они представятъ себѣ не могли, какъ это могло быть, чтобы какой нибудь костромичъ, новгородецъ, тверецъ, ярославецъ, архангелогородецъ и другой сѣверянинъ могъ быть казаконъ помимо Дона? Но ихъ понятіямъ того времени для того, чтобы быть казаконъ, всѣмъ этимъ сѣверянамъ необходимо нужно было первоначально по-

¹⁾ Это особенно ясно видно въ перепискахъ московскихъ царей съ ноплами (Моск. Арх. Мнѣст. Илюстр. Дѣл, дѣла погайска, № 5—13).

бывать на Дону, тамъ получить казацье крещеніе, а потомъ уже выйти на матушку Волгу и называться волжскимъ, яицкимъ или терскимъ казакомъ.

По этому разсужденію выходило такъ, что какъ будто-бы вся прежняя Русь, находившаяся въ верховьяхъ Волги и ея притокахъ, вся эта Русь, за исключеніемъ самой незначительной своей части — Рязанскаго княжества, могла всѣхъ своихъ недовольныхъ сыновъ отпустить казаковать только на единственную рѣку Донъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это происходило какъ разъ наоборотъ. Всѣ недовольные въ Руси могли уходить оттуда только по одному пути — по Волгѣ и ея притокамъ, другого выхода не было. Вся эта вольница, за исключеніемъ Рязанскаго княжества, скапливалась на Волгѣ, уходила по ней внизъ и здѣсь казаковала, основывая свои родовыя общины. Впоследствии, когда Москва стала сильнѣе, волжскіе казаки, разсыпавъ въ разныя стороны отъ преслѣдованія московской рати, дали начало и яицкимъ и терскимъ казакамъ и пополняли толпы довцовъ, имѣвшихъ въ своихъ рядахъ выходцевъ главнымъ образомъ южной Руси.

Допросивъ казаковъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ навела справки объ Яицкомъ войскѣ и у казанскаго губернатора Салтыкова. Отвѣтъ его, послѣдовавшій въ декабрѣ того же года, приложенъ къ настоящему очерку. [Прилож. XI].

Еще почти три мѣсяца пробылъ Рукавишниковъ въ Петербургѣ, устранивая дѣла войска. Наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ онъ подавъ челобитье объ отпускѣ его на Яикъ и о дачѣ ему и его двумъ товарищамъ жалованья.

„Державнѣйшій царь государь милостивый!

Въ прошломъ 1719 г. августа со 2 числа посланы мы нижайшіе съ Яику отъ казаковъ въ Санктъ-Петербургъ бить челомъ вашему царскому величеству о нуждахъ своихъ, а оное наше челобитье было въ Правительствующемъ Сенатѣ, а изъ Сената отослано въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ и живемъ за челобитьемъ своимъ въ Санктъ-Петербургѣ безъ малъ шесть мѣсяцевъ и ѣсть пить стало нечего, и постоялаго за квартиру заплатить нечѣмъ, а завать не у кого; и ѣдучи до Яика, дорогою прокормиться и подводъ нанять нечѣмъ.

Всемилостивѣйшій государь, просимъ вашего величества вели государь заплатить за квартиру и за прокормленіе дать намъ свое великое государя жалованье, почему ваше царское величество повелишь, и дать намъ отъ Санктъ-Петербурга до Яицкаго казацкаго городка по яицкой подводѣ и прогону; а впредь твое великаго государя жалованье на все Яицкое войско давать отколъ ваше царское величество повелитъ потому дать намъ его царскаго величества указъ.

Вашего царскаго величества нижайшіе рабы яицкіе казаки выборные челобитчики: Федоръ Михайломъ, Трѣфовъ Филиппомъ, Макаръ Андреевъ, а сіе прошеніе къ подавію надлежитъ въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ, а по-

салъ Новгородскій казакъ Яковъ Церковниковъ марта въ д. 1720 году¹⁾.

Эта челобитная о дачѣ жалованья и подводъ на проѣздъ станичникамъ первая, которую удалось найти въ архивахъ. Впоследствии для выѣзда изъ Петербурга или Москвы казаки писали точно такіа-же челобитныя, ничѣмъ не отличающіяся отъ этой.

Для того, чтобы удовлетворить Рукавишникову, въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ была наведена справка объ томъ, сколько давалось изъ коллегіи пріѣзжавшимъ туда донцамъ съ отписками и съ колодниками. По этой справкѣ выяснилось, что донскимъ казакамъ легкой станицы давалось на день: „атаману, ясаулу и рядовымъ“:

Атаману по 2 алтына по 2 ден., питья: по 4 чарки вина, по 2 кружки меду и 2 кружки пива.

Есауламъ по 2 алтына, питья: по 3 чарки вина, по кружкѣ меду, по 2 кружки пива.

Рядовымъ по 10 денегъ, питья: по 2 чарки вина, по кружкѣ меду, по 2 кружки пива человѣку на день.

Да на проѣздъ и на отпускъ деньгами: за сукна и тафты и за соболы и за пещали деньгами:

Атаману по 43 руб.

Есауламъ по 32 руб.

Рядовымъ по 22 руб. человѣку.

Да въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца протавъ Московскои дачи, кроѣ питья.

За порохъ же и свинець по 5 алтынъ, 3 деньги человѣку.

Да имъ же дано отъ Москвы, чрезъ Валуикъ и Воронежъ, до Черкаскаго ямскихъ подводъ: атаманамъ по 2 и по 3, ясауламъ по 2 и по подводѣ, рядовымъ по подводѣ человѣку, и на овне и за платажъ, поверстине деньги по указу²⁾.

На основаніи этой справки Рукавишникову и его товарищамъ, какъ и донцамъ, были выданы по подсчету слѣдующія имъ деньги, и 24 марта они выѣхали въ Казань, получивъ проѣзжее писъмо, въ которомъ приказывалось имъ выдавать до Казани: „по подводѣ ямской человѣку“, на что были даны прегоныя деньги по три рубля по семи алтынъ на лошадь.

Въ такомъ-же духѣ и по тому-же разсчету были отпускаемы деньги и подводы пріѣзжавшимъ и послѣ Рукавишникова слѣдующимъ станицамъ съ Янза.

Между тѣмъ на Янзѣ въ это время событія шли своимъ чередомъ. Казаки волновались. Вековечные розыски имъ надобли. Наступившій ноябрь 1720

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, св. 30, листы 46—48.

²⁾ Тамъ-же.

годъ имъ не сулилъ ничего хорошаго. Всѣ надежды, всѣ помыслы войска были сосредоточены на одномъ человѣкѣ, которому оно слѣпо вѣрило. Удастся-ли Руквишнякову сдѣлать общее дѣло? думало войско. Удастся ли избѣгнуть Казани и новыхъ рознисковъ? Думы были тяжелыя. Между тѣмъ доносчики не переводились. *Иванъ Елистева*, уже извѣстный по первому доносу, задумалъ новый доносъ. На этотъ разъ онъ явился въ началѣ января въ войсковую избу и заявилъ войсковому атаману, что знаетъ государево слово о избѣвѣ яцкихъ казаковъ. Бородинъ, заковавъ его въ кандалы, отправилъ въ Казань съ казаками, со станичнымъ атаманомъ *Инатъемъ Мусатовымъ* и есауломъ *Гавриломъ Старченкомъ* (онъ-же Старцевъ).

Въ Казани Елистева опросили и допросъ вмѣстѣ съ Елистевинымъ и казаками отправили въ Астрахань.

Но когда казаки прибыли въ Самару, то послали отъ себя письмо къ атаману Бородину, прося прислать имъ харчъ и денегъ на проѣздъ до Астрахани. Въ отвѣтъ на свое письмо они получили приказаніе отъ войска ѣхать вмѣстѣ съ Елистевинымъ на Яикъ, что и было исполнено.

Въ войскѣ Елистева сковали цѣпью и посадили подъ караулъ, а бумаги, бывшія при Елистева, атаманъ взялъ въ войсковую избу ¹⁾.

Войско волновалось. Страсти разгорались. Доносчика избивали и хотѣли убить, но старшины успокоили войско. Елистева оставили на Яикѣ до пріѣзда Руквишнякова.

Открылся и другой доноситель. Это былъ уже извѣстный намъ *Афанасій Назаровъ*. Зорко слѣдившіе за нимъ по отъѣздѣ Кроткова казаки замѣтили, что онъ что то пишетъ. Пришли съ обыскомъ и нашли у него въ домѣ доношеніе „на нихъ на яцкихъ казаковъ во многихъ царственныхъ дѣлахъ, въ измѣнахъ и въ другахъ ихъ во многихъ противностяхъ“ ²⁾.

Назарова схватили и стали бить. Его вывели въ кругъ. Доносъ былъ прочитанъ.

Можемъ себѣ представить, сколько вспыхнуло тогда у казаковъ злобы и ненависти на виновниковъ своихъ бѣдствій—на доносителей на войско, особенно у только что вернувшихся изъ Казани послѣ многолѣтней волокиты!

Вывели въ кругъ и Елистева. — „Казнить ихъ смертью!“ — кричали въ кругу. Виновниковъ били. Цобоя не прекращалась. Но атаманъ и старшины казнить отсочѣтовали. Доносчиковъ отвели въ войсковую избу и оставили караулъ.

На этотъ разъ доносчики спаслись отъ казни. Но она ждала ихъ каждую минуту. Виновниковъ войскныхъ бѣдъ потомъ еще не разъ выводили въ кругъ, гдѣ безщадно били и каждый разъ приговаривали къ смерти ³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 768—761, и тамъ-же, опись 89, дѣло 1732 г. октября № 68, листъ 1.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 758—761. Доносъ Карташева въ 1721 г.

³⁾ Тамъ-же, листы 728—7. 9. Челобитная Назарова и Елистева 1720 г.

Много заботъ и хлопотъ было у войска и безъ судебной волокиты и безъ разнасковъ.

Записанные Кротковичи въ особый списокъ 440 казаковъ, пришедшихъ послѣ 1695 года и сданныхъ на поруки атаману Воронину и войсковымъ есауламъ тяготились своею долею и безъ конца ждали рѣшенія своей участи. Нужно было хлопотать о зачисленіи ихъ въ казаки. 4 марта войско написало челобитые на имя царя и послало его въ Петербургъ съ легкой станицею. Говоря о томъ, что имъ велѣно отдавать всѣхъ пришедшихъ на Явль съ 1695 года, „противъ донского прамѣру“ и отсылать на прежнія мѣста жительства, войско жаловалось, что помѣщики стали брать съ Яика казаковъ, которые пришли дѣть десять и больше тому назадъ. И если приказано будетъ отдать и тѣхъ, которыхъ Кротковъ записалъ въ особый списокъ, то въ войскѣ будетъ совсѣмъ малоллюдно, т. е. погнбло въ Хивѣ 1500 чел. и останется на лицо всего 1600 человекъ. „А нынѣ вамъ рабамъ твоимъ, — писало войско, — отъ находовъ непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизцовъ великая нужда и изнелательства — потому, что овне, вышепомянутые, каракалпаки и киргизцы соединяются двумя ордами виѣстѣ за одно и приходатъ подъ нашъ казачій городовъ большимъ собраніемъ тысячъ конями и по десяти и намъ рабамъ твоимъ изъ домовъ для нужды своихъ хлѣбныхъ запасовъ и вывѣду вѣтъ; конскія и скотинныя табуны безъ приставы отгоняютъ, и насъ рабовъ твоихъ на степи много число въ полонъ берутъ и бьютъ на смерть и въ прошломъ 719 году іюля въ 10 день всѣмъ войскомъ сдѣлаи въ усадѣ отъ тѣхъ вышепомянутыхъ непріятельскихъ людей до самыа до осени“¹⁾.

О результатахъ повѣздки этой станицы ничего неизвѣстно. Разрѣшено-ль было зачислить просимыхъ казаковъ или нѣтъ — документовъ въ дѣлахъ не имѣется.

22 марта войску была доставлена грамота отъ 23 января о томъ, что бы казаки были готовы къ походу противъ шведовъ и ихъ союзниковъ²⁾.

Въ тоже время она узнала отъ посланныхъ въ Казань за жалованьемъ войску за 1719 годъ, что казанскій губернаторъ „о дачѣ денежнаго жалованья и за сукна, и пороха, и свинцу, и ядерь отказалъ“, объясняя посланнымъ, что Яицкое войско теперь въ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а не у него³⁾.

Войску нужны были и знамена, такъ какъ ихъ оставалось незначительное число, большая-же часть погибла съ отрядомъ Пеговича въ Хивѣ.

Явилось и другое дѣло. Едва наступила весна и когда киргизы продвинулись ближе къ казачьимъ предѣламъ, въ войскѣ было получено письмо отъ каракалпаковъ:

„Отдайте намъ взятго вами въ плѣнъ въ прошломъ году осенью нашего каракалпака Баяръ-батыря, а мы взаменъ его отыщемъ взятыхъ нами осенью

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листъ 206.

²⁾ Тамъ-же, листъ 44 и Моск. Арх. Министр. Иностранн. Дѣлъ, проектъ донскихъ дѣлъ, с. 26, 1718 г. № 3.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листъ 35.

1718 года вашихъ тронхъ казаковъ и отдадимъ вамъ на разсѣвъ* 1).

Нужно было хлопотать и объ этомъ. Сила вещей заставляла войско опять послать станицу въ Петербургъ. Станицу снарядили съ атаманомъ *Иваномъ Федоровымъ Астраханкинымъ*, съ есауломъ *Василіемъ Ивановымъ Мордвинкинымъ* и казакомъ *Василіемъ Прытковымъ* и отправили ихъ 29 марта въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, давъ имъ и отписку въ томъ, что войско получило грамоту о готовности къ походу. Въ Петербургъ станичники явились только къ 15 мая 2).

Но вотъ въ началѣ мая на Янкѣ появился давно жданный войскомъ Федоръ Рукавишниковъ. Войско ожило. Взоры всѣхъ обратились къ нему за разъясненіемъ наболѣвшихъ вопросовъ—какъ быть войску? Что ему дѣлать съ доносителями и розысками? Онъ подтвердилъ имъ свѣдѣніе, что войско вышло изъ подъ управы Казаня и будетъ отнынѣ непосредственно подчиняться Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

— Ничего не бойтесь! говорилъ Рукавишниковъ въ кругу: государь немъ изъ своихъ устъ приказалъ опять принимать людей всякихъ чиновъ, какой бы откуда ни сказался! Въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Гавриилъ Ивановичъ Головинъ намъ сказалъ, что всѣхъ казаковъ, которые будутъ говорить за собою цареву слово или дѣло, чтобы мы ихъ царю не объявляли, а казнили сами своими судомъ! 3)

Въ подтвержденіе своихъ словъ Рукавишниковъ тотъ часъ-же приказалъ приверстать въ казаки, уже извѣстныхъ намъ подпрапорщика *Василія Константинова* и рядового *Михаила Мелентьева*. Испытавшіе свободную жизнь они не могли примириться съ суровой солдатскою службой и снова бѣжали на Янкѣ въ казачество.

Плалъ-ли Рукавишниковъ умышленно, или онъ дѣйствительно слышалъ въ Петербургѣ подобный совѣтъ войску отъ кого либо изъ высокопоставленныхъ лицъ, но сказанныя имъ слова произвели свое дѣйствіе.

Казаки вздохнули свободно. Теперь не будутъ ихъ мучить волокитею и сискомъ казанскіе офицеры и фискалы. Казаки нашли и на нихъ управу—коллегія приказала казанскому губернатору разобрать дѣло о взяткѣхъ Кротова и другихъ смѣшниковъ. Теперь войско никого не боялось,—оно знало только одну коллегію, звало Петербургъ. Войскового атамана Никиту Веродина, державшаго руку партіи Матвѣя Миронова, смѣнили. На его мѣсто былъ избранъ старшина *Федоръ Ивановичъ Арановъ*.

Доносчикомъ Назарова и Елисѣева снова вывели въ кругъ и снова безпошадно являли и приговаривали къ смерти. Но и на этотъ разъ судьба ихъ еще разъ улыбнулась—ихъ не казнили. Войско еще боялось дѣйствовать рѣшительно,—оно ждало результатовъ челобитныхъ Рукавишникова: чѣмъ-то

1) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Дѣла правит. сената по Военной Коллегіи № 7/201, листъ 15.

2) Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 82—83.

3) Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, книга, 80. Числобит. Назарова и Елисѣева.

кончатся съездъ по доносу Карташева?

Изъ Казани же между тѣмъ пришли утѣшительныя вѣсти. Салтиковъ сообщалъ войску, что онъ послалъ за всѣми офицерами и подъячичи, за которыхъ жаловалось войско, и велѣлъ казакамъ прислать съ своей стороны въ Казань—свидѣтелей для улики същиковъ во взяткахъ.

Войско снарядило станицу, и въ дополнение къ поданному Руквишниковни въ Сенатъ списку взятокъ, данныхъ войскомъ разнымъ лицамъ, составило еще дополнителный списокъ переданныхъ казаками денегъ и вещей всего на сумму 1051 рубль тридцать три алтына, не вошедшихъ въ списки, поданные сенату.

Деньги эти войско дало разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ подъячичи: Федору Сухареву шестьсотъ тридцать одинъ рубль пять алтына четыре деньги; Алексию Сухареву двѣсти семьдесятъ шесть рублей четыре алтына двѣ деньги; сахарянину дворянину Григорію Федотеву шесть рублей, подъячичу Ивану Овчинникову двадцать два рубля шестнадцать алтына двѣ деньги; фискальскихъ дѣлъ подъячичу Якову Соболеву пятнадцать рублей, сибирскому подъячичу Ивану Муромцеву сто одинъ рубль шесть алтына четыре деньги ¹⁾.

Не дешево стояли казакамъ розыски. Въсѣтъ съ поданными ранѣ свидѣніи это составило по тому времени громадный капиталъ въ 4350 рублей!! Больше ста тысячъ по нашему времени.

Станица уѣхала, а войско стало съ нетерпѣніемъ ожидать результата розысковъ въ Казани.

Войско волновалось. А главный виновникъ всего этого „воръ и измѣнникъ“, какъ называло войско Карташева въ своихъ челобитныхъ, виновникъ всѣхъ ихъ бѣдъ и волокиты, находился въ это время на пути въ Лицкій городокъ и строгалъ новыя козны и готовилъ новыя бѣды на головы своихъ земляковъ.

На другой-же день по прибытіи колодежиковъ въ Астрахань состоялся указъ Кикана, чтобы для разбора всѣхъ казачьихъ жалобъ отправилъ въ Яикъ сызранскаго коменданта майора Григоріа Михайловича Воейкова, къ которому 11 февраля и былъ посланъ указъ съ инструкціей: Воейкову назначалось ѣхать въ Лицкій городокъ немедленно „въ самыхъ скорыхъ числахъ не иѣшая ни за чѣмъ“. О днѣ выѣзда онъ долженъ былъ довести въ Астрахань губернатору. „А городъ (Сызрань) до возвращенія своего, — писано въ указѣ, — Воейкову приказать кому знатному изъ туточныхъ, кому бы можно было вѣрять и когось на такое дѣло стало. А пріѣхавъ на Яикъ, подводи и провозатныхъ отпустить назадъ“ ²⁾.

Въ тотъ-же день всѣхъ колодежиковъ—казаконъ, бывшихъ въ Астрахани,

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 207—208. Довѣсенье Салтикова въ Благенію Иностранныхъ дѣлъ 1720 г. 22 августа.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 106—107.

передала поручику „Селяванова полку“ *Кустову*, который съ командою въ 50 человекъ солдатъ и двадцать человекъ конныхъ татаръ долженъ былъ двинуться съ арестантами въ Сызрань къ Воейкову. Кустову приказывалось быть въ полномъ подчиненіи у Воейкова и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать для розыска черезъ Самару на Яикъ.

Для привода казаковъ во время розыска къ присягѣ остававшейся за губернатора Кикинъ просилъ казанскаго митрополита Тихона назначить для этого дѣла священника: „Надлежитъ чтобъ отъ Вашего архіерейскаго пастырства посланъ былъ кто изъ духовныхъ персонъ зватный и умный для бытія при томъ дѣлѣ и о увѣщаніи священниковъ и прочихъ простяковъ къ показанію правды безъ всякаго подлогу и притворства“¹⁾, писалъ Кикинъ митрополиту Тихону.

Нависана была бумага и „земскихъ дѣлъ судѣй“ *Артемию Самсонову* въ Сибирскѣ о назначеніи къ Воейкову уже бывшаго на Яикѣ съ Кротковимъ подъячаго *Ивана Муромцева*. Воейкову же въ свою очередь разрѣшено было взять „для письма“ одного изъ подъячихъ въ Самарѣ. Вмѣстѣ съ Воейковымъ должны были ѣхать еще два фискала и одинъ дворянинъ.

Но не любилъ торопиться въ доброе старое время. Москва все дѣлала тихо, медленно, съ разстановкою. Проходили дни послѣ отдачи этихъ приказовъ, а за настоящее дѣло—къ отсылкѣ поручика Кустова въ Сызрань еще не принимались. Казаки истомились сидѣть подъ карауломъ; 20 марта они нашли себѣ поручителей и были освобождены, за исключеніемъ Карташева и Бахара. Поручики должны были подписаться подъ роспиской въ томъ, что „имъ, казакамъ, за ихъ поручами по розыскному дѣлу, противъ доношенія доносителя Ивана Карташева, изъ Астрахани безъ указа великаго государя нигуда не ѣхать и изъ нихъ, казаковъ, быть въ канцеляріи днемъ и ночевать съ перекѣною по одному человекъ; а буде кто изъ нихъ казаковъ безъ указа великаго государя изъ Астрахани куда съѣдетъ и въ канцеляріи являться не будутъ и они, поручики, повинны будутъ тому, что будетъ до нихъ, казаковъ, касаться по розыску, а имъ казакамъ учтена будетъ смертная казнь“²⁾.

Не долго гуляли они на волѣ. 14 апрѣля ихъ наконецъ сдали поручику Кустову. Для конвоированія колодниковъ и для проѣзда по степи къ Яицкому городку Кустову дали конной изъ сержантъ и пятидесяти человекъ солдатъ, одного барабанщика, двадцать верховыхъ татаръ, двухъ калмыкъ проводниковъ и одного писаря. Солдатамъ было выдано „пороху по сорока патроновъ на человекъ, пульей по тому-жъ“. Вся эта команда двинулась изъ Астрахани на пятидесяти подводкахъ³⁾.

¹⁾ Такъ-же, опись 107, книга 54, листъ 605. Письмо подписано: „Вашего архіепитирскаго благословенія и милости съ соккопачіемъ до земанъ пресадала требую Иванъ Кикинъ“.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 595.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 603—604, и такъ-же, опись 107, книга 30, листы 104—105, а также инструкція Кустову, такъ-же, книга 54, листы 611—612.

Въ инструкціи, данной Кустову, между прочимъ говорилось:

„Будучи ему, господину поручику Кустову, въ пути отъ Астрахани до Яику съ осторожностію и содержать данную ему команду въ пути какъ надлежитъ доброму офицеру по военному артикулу, и надъ колодниками нарѣдко смотрѣть, чтобъ неотпустить или надъ собою чего сами учинили; того ради дорогою имѣть ему непрестанно караулъ, а паче всего хранить во опасеніи доносителя Карташева чтобъ надъ нимъ не учинено было отъ кого какого ухищренія или бѣ самъ надъ собою чего учинилъ.

Когда онъ, господинъ поручикъ Кустовъ, прибудетъ въ Яицкой казачій городокъ, быть ему послушну майору и господину Воейкову во всемъ, которому для того смыслу съ Сызрану вѣхать повелѣно на Яикъ; а какъ онъ, майоръ, на Яикъ въ казачій городокъ прибудетъ, и ему поручику и посланнымъ съ нимъ дѣла всѣ и колодниковъ объявить ему майору, и по отводу атамана и всего Яицкаго войска стать на квартирахъ, о чемъ на Яикъ къ атаману указъ посланъ; и будучи на тѣхъ квартирахъ ему поручику Кустову и командѣ его унтеръ-офицерамъ и солдатамъ яицкимъ обывателей утесненіе и обидъ и налогъ ни кто бѣ дерзать не чинилъ, но столы бѣ такъ, чтобъ хозяева въ своихъ домахъ могли и при нихъ всякое свое дѣло продолжать; а ежели учинится кому отъ кого какая обида и будетъ челобитье, о томъ смскивать и чинить по артикулу чего доведется; а ежели что будетъ пресрѣно или неисправно и то взыщется на немъ Кустовымъ; а за прочія учинившія обиды представлены будутъ подъ военной судъ“¹⁾.

Вмѣстѣ съ Кустовымъ Кіевякъ послалъ письмо къ Воейкову, гдѣ, сообщая ему о назначеніи его на Яикъ для розыска, между прочимъ говорилъ, что Карташевъ посылается на Яикъ потому, что онъ самъ просился быть при розыскѣ и уличать самому, такъ какъ про многихъ казаковъ „ему и сказать нельзя прежде времени, чтобъ ихъ неухоронили и въ томъ доносѣ его и вся сила, что онъ нимъ покажетъ“²⁾.

Въ то же время съ Кустовымъ былъ посланъ указъ и на Яикъ и къ атаману Бородину и всему войску. Въ немъ говорилось о посылкѣ Воейкова и Кустова на Яикъ для розыска по казачьимъ жалобамъ и по доносу Карташева.

„А что ему майору и всѣмъ на Яикѣ чинить, говорилось въ указѣ, дана ему инструкція, и какъ майоръ Воейковъ съ Сызрану, а поручикъ Кустовъ изъ Астрахани съ вышеписанными людьми къ вамъ прійдутъ, и вамъ бы ему майору и поручику и прочимъ отвѣсть квартиры, и быть ему майору во всемъ послушнымъ; и если по доносительнымъ уликамъ и по сыску дойдетъ до кого дѣло и вамъ бы, царскаго величества вѣрнымъ, оныя отдать ему майору безъ всякой противности; и на оной розыскѣ бумаги и чернилъ и свѣчи по

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 611—612.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 54, листъ 621.

требованію его изъ войсковой избы отправлять вамъ безъ замедленія; а какъ, по окончаніи того розыску, оной майору господинъ Воейковъ будетъ отправляться въ Астрахань, дать ему майору и при немъ будущимъ поручику, дворянину и подъячому и фискаламъ и солдатамъ подводны, на чемъ можно имъ подняться, и для провѣдательства и сохраненія въ пути до Астрахани конвой, чтобъ проѣхать было степью безопасно¹⁾.

Кустовъ выѣхалъ. Но медленно двигалась его команда. Только 3 мая онъ пріѣхалъ къ Черному Яру. Здѣсь онъ вынужденъ былъ отпустить 8 человекъ татаръ подводчиковъ въ Астрахань „для того, что имъ изъ Астрахани ни подюга, ни хлѣба не дано, а кормятся имъ стало нечѣмъ“. По дорогѣ сбѣжалъ одинъ проводникъ калмыкъ, но вмѣсто него сынъ Аюка Чацдоржаиъ далъ ему другого²⁾.

Медленно подвигался Кустовъ къ Яицкому городку. Но и Воейковъ не спѣшилъ.

Онъ написалъ отписку самарскому „командиру“ майору *Тихону Волкову* о томъ, чтобы тотъ приготовилъ ему конвой, подъячого и дворянина, а самъ сталъ дожидаться отвѣта.

Одновременно съ полученіемъ этой бумаги къ Волкову явился бывшій на Яикѣ по дѣламъ татарскій толмачъ *Романъ Лопатинъ* и заявлялъ ему о вѣстяхъ съ Яика.

— „Войсковой атаманъ съ товарищи наказывали мнѣ передать въ Самару тебѣ и на Сызрань Воейкову: слышно имъ казакамъ учинилось, что повелѣно Воейкову ѣхать на Яикъ для розыску, но что бы онъ безъ указа изъ Иностранной коллегіи для розыску къ яикъ не ѣзжалъ, повеже по имянному царскаго величества указу ихъ, яицкихъ казаковъ повелѣно вѣдать въ Иностранной коллегіи, а въ Астраханской и Казанской губерніяхъ вѣдать не велѣно!“³⁾.

Прислало войско съ Лопатиннымъ и коню съ указа о подчиненіи Иностранной коллегіи.

Получились въ Самарѣ и другія вѣсти. Въ степяхъ къ Яику по тракту появилось „многочисленство военныхъ людей каракалпаковъ“; изъ города Алексѣевска командиръ *Кольцовъ* донесъ въ Самару, что кайсаи появились на перекатахъ и побили алексѣевскихъ и самарскихъ жителей шесть человекъ до смерти и лошадей многихъ угнали и что „прѣзвъ нынѣ ва Яикъ не безъ труда“⁴⁾.

Обо всекъ этомъ Волковъ сообщалъ Воейкову, которому препроводилъ и коню съ грамоты, что войско подчинено Иностранной коллегіи. Воейковъ въ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 107—109. Указъ Яицкому войску изъ Астрахани 1720 г. 14 апрѣля.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 877. Домосеніе Кустова въ Астрахань отъ 3 мая 1720 г.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 108—109. Домосеніе Воейкова въ Астрахань 18 мая 1720 г.

⁴⁾ Тамъ-же и отписка Воейкова въ Астрахань (Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 678).

свою очередь донесъ объ этомъ въ Астрахань. Въ это время Кустовъ прибылъ къ Самарѣ, но Воейковъ еще и не думалъ ѣхать на Яикъ. Кустову пришлось ѣхать туда одному, куда онъ и прибылъ 17 мая.

Здѣсь его уже ждали. Но ждали не съ трепетомъ, не съ почетомъ. Хиуро и сурово встрѣтили атаманъ и старшины незваного гостя. Не для того хлопоталъ Рукавишниковъ за войско, чтобы снова кормить ненасытныхъ сыщавковъ! Уже довольно кормили они казанскихъ гостей, теперь того-же хотятъ астраханцы!

Кустовъ передалъ атаману указъ изъ Астрахани о послушаніи войску посланнымъ офицерамъ. Но указъ не произвелъ никакого впечатлѣнія.

— Ни къ тебѣ, ни къ господину маіору Воейкову мы съ розыскомъ не поидежь,— заявили Кустову подъ вліяніемъ Рукавишникова атаманъ Араповъ и старшины. Ни Казаки, ни Астрахань мы не подсудны. Службою и нарядомъ и во всякихъ дѣлахъ велѣно намъ быть въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и подъ розыскъ мы къ тебѣ не поидежь! ¹⁾

Гостю отвели 10 квартиру, но ни свѣчь, ни бумага, ни чернила не дали.

— Хочешь—здѣсь живи, а не хочешь—побѣжай куда знаешь,—говорилъ ему собравшееся войско,—а подводъ тебѣ отъ войска не будетъ! ²⁾

Колодниковъ, кромѣ Карташева и Бахара, атаманъ съ войскомъ отъ Кустова отобрали, сказавъ, что они за яихъ ручаются.

Кустову, неожиданному ничего подобнаго, пришлось смириться. Отлучать обратно подводчиковъ татаръ онъ не рѣшился и оставилъ ихъ при себѣ, пославъ о случившемся донесеніе Кяхану. „А помннутымъ татарамъ кормиться не чемъ и оные татара хотать продавать лошадей на пропитаніе... и караульные солдаты стоятъ у колодниковъ безъ свѣчь“—писалъ Кустовъ. Донесъ онъ объ этомъ и Воейкову, прося дальнѣйшихъ указаній.

Войско отказало Кустову во всемъ. Онъ, можетъ быть, и рѣшился бы ѣхать обратно, но въ его присутствіи прибылъ въ городокъ отъ Аюки-хана „посоль“ и заявилъ войску, чтобы казаки были въ великомъ опасеніи, т. е. изъ степи вышли на Яикъ и идутъ въ Русь двадцать тысячъ каракалпаковъ. Кустовъ донесъ и объ этомъ въ Астрахань и Воейкову на Сырлань.

Между тѣмъ Воейковъ въ концѣ мая собрался также ѣхать на Яикъ, но едва онъ выѣхалъ, какъ недалеко отъ Сырлани встрѣтилъ посланнаго отъ Кустова съ извѣщеніемъ о случившемся и о появленіи въ степи киргизъ и рѣшилъ за лучшее вернуться обратно тѣмъ болѣе, что конноя при немъ было столько-же, сколько было прежде и у Кроткова— всего двѣнадцать человѣкъ солдатъ ³⁾.

Волѣе выѣхать со своимъ малочисленнымъ конвоемъ на Яикъ, Воейковъ послалъ войсковому атаману указъ выслать ему конвой отъ войска, самъ же одновременно сообщилъ въ Астрахань, что намѣренъ выѣхать на Яикъ 29 мая ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 698—694. Донесеніе Кустова отъ 18 мая.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листъ 678.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 687, 690 и 691.

Прошла недѣля и изъ Самары для Воейкова снова было получено неутѣшительное извѣстіе. Киргизы и каракалпаки уже большимъ собраніемъ появились вблизи Алексѣевска и Самары „и на степи являлись многолюдствомъ“. Сообщилъ ему Волковъ и объ томъ, что по челобитью казаковъ всѣхъ, кто былъ на Яикѣ для розыска, приказано выслать въ Казань, для чего присланы изъ Казани нарочные.

Ѣхать Воейковъ окончательно раздумалъ. Онъ послалъ донесеніе въ Астрахань, гдѣ, сообщая полученныя имъ свѣдѣнія, говорилъ: „Ѣхать на Яикъ съ малолюдствомъ опасно; а лицаая станица отправляется съ Яику къ Самарѣ и Сырарани сего-жъ іюня 9 дня и свидѣтельствовать (вести слѣдствіе) будетъ безъ оныхъ казаковъ не кѣмъ; такъ-же ко мнѣ казаки приказывали, что они Астрахани неподсудны и мнѣ у нихъ для розыску не быть“¹⁾.

Въ концѣ донесенія онъ просилъ указа, какъ ему поступить.

Въ Астрахани, получивъ всю эту переписку, 15 іюня приказали Воейкову ѣхать немедленно на Яикъ, не отговариваясь ничѣмъ, и сдѣлала выговоръ за то, что онъ слушаетъ „казачьи письменныя отговорки“, тогда какъ ему надлежитъ слушать указовъ, отчего происходитъ „уупущенное время“²⁾.

Кустовъ-же получилъ приказъ дожидаться на Яикѣ пріѣзда Воейкова, а татаръ подводчиковъ съ подводами отправить обратно въ Астрахань³⁾.

Написавъ былъ отъ Волынскаго указъ и въ войско о послушаніи. „Понеже, — говорилось въ немъ, — чтобъ маіора не посылать, и по посланному дѣлу нерозыскивать, указу не прислано и маіору Воейкову велѣно ѣхать по прежнему указу на Яикъ; а ежели будутъ указы присланы изъ канцеляріи Правительствующаго сената, и изъ Камеръ, или Иностранныхъ дѣлъ коллегія — тогда по нихъ такъ и чинять; а что вы предлагаете словами, до присланныхъ подланныхъ указовъ, тому вѣрять не надлежитъ.“

И дабы вы по полученіи сего его великаго государя указу чинили по прежде посланнымъ указамъ, съ которыми посланъ поручникъ Кустовъ и маіоръ Воейковъ“⁴⁾.

Войску въ случаѣ ослушанія грозилось „штрафомъ“. Но подъ словомъ штрафъ въ то время понимались всѣ наказанія до ссѣлки въ каторгу включительно.

Переписка шла, дѣло-же не подвигалось ни на шагъ. Назначенные казанскимъ митрополитомъ Тихомъ для розыска: „бывшій въ Федоровскомъ монастырѣ мѹмъень Іосифъ, да града Симбирска Троицкой церкви полкъ Алексѣй Феодилактовъ“⁵⁾ давно уже прибыли въ Сыраранъ въ распоряженіе Воейкова и лишь ждали дня, когда можно будетъ выѣхать на Яикъ.

Между тѣмъ, пока происходила эта бумажная волокита, на Яикѣ шла

¹⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 110—122.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 679.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 110—122.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 54, листъ 682, письмо митрополита Тихона Волынского.

глухая борьба партий. Войско было возбуждено и злобно настроено и против сыщиков и доносителей и против бывшего атамана Матвѣя Миронова. Въ то же время новый гость не сядѣлъ смирно. Онъ не хотѣлъ признавать казачьихъ поставлений и, не удовольствовавшись отведенными ему квартирами, сталъ брать квартиры „самовольствомъ своимъ лучшія“ и сталъ войско „изневаживать“.

Но не одинъ онъ сталъ „изневаживать“ войско, занялся этимъ и Воейковъ. 9 іюня изъ Яецкаго городка выступила въ Сызрань и Самару обычная весенняя станица съ рыбою и икрою. По приѣздѣ въ Русь часть станицы осталась въ Самарѣ, а другая половина пошла къ Сызрани. Когда она прибыла на Ватрацкую пристань, Воейковъ „срочинялъ той станицѣ изневательство великое“. Онъ сталъ сводить свои личные счета. — „Вы не хотите идти ко мнѣ на розыскъ такъ я вамъ покажу!“ — казалось, думалъ Воейковъ и съ первой-же минуты прибытія казачьей станицы сталъ, какъ только могъ, вредить казакамъ и дѣлать имъ пакости и придиранья.

Станица подѣхала къ перевозу на Волгу.

— Не давать имъ перевоза! — приказываетъ Воейковъ.

И тысячи подводъ и сотни казаковъ безиспомощно остаются на пустынномъ степномъ берегу Волги въ ожиданіи, когда господину сызранскому коменданту угодно будетъ смилостивиться и разрѣшить перевозку.

Три дня стояла станица у перевоза, пока Воейковъ разрѣшилъ дать казакамъ паромъ.

Но и тутъ не обошлось безъ „изневольства“ — съ казаковъ взяли за перевозъ плату вдвое больше, чѣмъ полагалось по указу ¹⁾).

Многимъ казакамъ нужно было поѣхать въ сосѣднія уѣзды по деламъ къ своимъ знакомымъ, гдѣ они имѣли постоянныя дѣла, чтобы отдать часть товара, получить долги и сдѣлать другія дѣла. Узнавъ объ этомъ, Воейковъ „говорилъ неоднократно и писалъ дважды“ станичному атаману *Степану Лукьянскому Сумкину*, чтобы онъ тѣхъ казаковъ, которые такъ или иначе причастны къ розыску, никуда „въ дальніе города“ не отпускалъ, чтобы „за отбытіемъ тѣхъ казаковъ въ розыскномъ дѣлѣ остановки не учинилось“. Но это былъ только предлогъ, чтобы сдѣлать непріятность казакамъ, т. к. станица возвращалась въ войско только тогда, когда всѣ разѣхавшіе собирались въ Сызрань. Да и отпускались они на время, — не возвратившись казакъ рисковалъ не застать станицу и остаться въ Сызрани до осени, пока не придетъ слѣдующая станица. Ѣхать одному на Дикъ, по степи, гдѣ безпрерывно шныряла киргизы, было немислимо.

Сумкину на его письма не отвѣчалъ ничего и лишь словесно передалъ, что они ему неподсудны, а вѣдомы въ Иностранной Коллегіи и его указы слушать не будутъ ²⁾).

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 213 -- 220. Челобитнамъ войска 1720 г. въ октябрѣ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 700 -- 710.

Въ тоже время сызранскій комиссаръ *Василій Ивановъ*, увидѣвъ, что нѣкоторые казаки вопреки указа продавали соль, приказалъ арестовать виновныхъ въ этомъ казаковъ: есаула *Никиту Юрьева*, *Григорія Пьумова*, *Афанасія Шабрина*, *Ивана Слабого* и еще трехъ казаковъ.

Сувкинъ послалъ хлопотать за нихъ есаула *Ивана Вавилова*. Вавилону удалось взять ихъ изъ поруки, но за это пришлось заплатить по полуполтинѣ за каждаго человѣка. Девяги были отданы сызранскому подъячему *Григорію Осипову*.

Но Вавилова Воейковъ обратно не отпустилъ. Онъ его арестовалъ. Предлогомъ для этого послужило то, что въ это время къ Воейкову явился бывшій на Яикѣ въ бѣгахъ солдатъ *Петръ Клементьевъ* и подалъ на Вавилова извѣтъ. Извѣтъ этотъ заключался въ томъ, что будто-бы Вавиловъ, въ присутствіи двухъ солдатъ, уговаривалъ Клементьева возвратиться снова на Яикъ, обѣщая ему положеніе „лучше лучшаго маіора“. „Кто къ намъ на Яикъ забѣжитъ, будто-бы говоритъ Вавиловъ, тому будетъ лучше маіора и выдачи никогда не будетъ“.

Прошелъ весь іюнь. Казаки скоро собирались выѣзжать обратно на Яикъ. Воейковъ получалъ строжайшее предписаніе ѣхать туда-же, не отговариваясь ничѣмъ. Но блудливый, какъ кошка, и трусливый, какъ заяцъ, онъ боялся ѣхать со станицею. Ему, видимо, вообще не хотѣлось ѣхать на Яикъ. Всюду видѣлъ онъ отъ казаковъ полную неприязнь къ себѣ. Слышалъ, что вездѣ въ степи снуютъ каракалпаки. Эти свѣдѣнія подтвердили и станичники, рассказывая ему, что на своемъ пути въ Сыраръ они, проѣзжая калмыцкіе улусы *Доржи* и *Лехбея*, видѣли тамъ человѣкъ съ пятьсотъ каракалпаковъ, что каракалпаковъ и киргизъ въ степи много. Пріѣхавшій изъ Яицкаго городка отъ Кустова солдатъ *Сорвачевъ*, явившійся къ Воейкову, подтвердилъ сообщеніе казаковъ.

— „Ѣдучи съ Яику съ подводчикомъ съ татаринномъ *Юмагомъ*, — говорилъ *Строгачевъ*, — видѣли мы въ *Лехбеевъ* улусъ многихъ непріятельскихъ людей каракалпаковъ. И въ этомъ улусѣ они дѣлаютъ съ калмыками порохъ и новыя ружья. А какое у нихъ вооруженіе — не знаю“¹⁾.

Одинъ солдатъ съ татаринномъ могъ проѣхать свободно до степи, но Воейковъ боялся ѣхать даже съ цѣлою казачьею станицею.

Но какъ-же объ этомъ донести по начальству? Воейковъ задумалъ просить у станичныхъ казаковъ оставить ему конвой, зная впередъ, что конвой ему не дадутъ, но за то у него будетъ поводъ донести начальству, что онъ не могъ выѣхать потому, что ему не дали конвойа.

Для этой цѣли онъ послалъ къ станичному атаману подъячяго *Кандалаева* съ письмомъ, прося оставитъ конвой сто человѣкъ.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 700—701. Донесеніе Воейкова Кикину.

Казаки собрались въ кругъ, выслушали письмо и заявили посланному:

— „Насъ въ губерніяхъ вѣдать не велѣно, а велѣно вѣдать въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Астраханскаго указа вы слушать не будете, и въ провозжанье до Яику казаковъ не дадимъ!“¹⁾

Тогда просить конвой прѣхалъ къ казакамъ самъ Воейковъ.

Казаки снова собрались въ кругъ. Станичный атаманъ Сумкинъ въ отвѣтъ на его требованіе дать конвой подалъ ему полученное имъ письмо съ Яика „отъ куреннаго атамана съ товарищи“, въ которомъ говорилось, чтобы Воейкову ни подъ какими видами не давать проводниковъ (конвой) потому, что войско Астрахани не подсудно и астраханскихъ указовъ слушать не будетъ, и къ розыску не пойдетъ. Когда-же Воейковъ сталъ вести себя угрожающе и сталъ казаковъ ругать, казаки зашумѣли. Всѣхъ больше взволновались атаманъ, есаулы и другіе начальники.

Воейкову, привыкшему до сихъ поръ имѣть дѣло съ покорностію и рабодѣльными униженіемъ крѣпостныхъ рабовъ и не имѣвшему понятія о томъ, что значить разсужденіе, рѣчи свободныхъ людей не понравились.

„Они смѣютъ неслушаться, они смѣютъ разсуждать!“ — думалъ онъ.

— Взять этого! — крикнулъ онъ своимъ конвойнымъ, показывая на станичнаго есаула *Ивана Лукьянова*, шуйвшаго больше всѣхъ.

Лукьянова схватили. Но тутъ случилось то, чего Воейковъ менѣе всего ожидалъ. Онъ забылъ, что предъ нимъ была не толпа безгласныхъ и униженныхъ рабовъ — крестьянъ, а свободные люди, не признававшіе никакого деспотизма, привыкшіе уважать и личность и слова другого.

Казака вепухаули. Они бросились отнимать своего есаула. По адресу Воейкова посыпалась ругань.

— Берись за ружья, атаманы-молодцы! — раздались крики. — Бей его!²⁾ Казаки взяли за оружіе; болѣе двухсотъ озлобленныхъ людей готовы были рвануться на выручку товарища. Еще одинъ моментъ и неизвестно, чѣмъ-бы кончилась эта выходка Воейкова, но въ этотъ мигъ онъ успѣлъ вспрыгнуть въ лодку и вмѣстѣ съ захваченнымъ есауломъ быстро уѣхалъ съ Батрацкой пристани въ городъ.

Окваченный есаулъ былъ немедленно отправленъ Воейковнимъ, какъ бунтовщикъ, съ двумя солдатами, съ „писчикомъ“ (писцомъ) *Солодовниковымъ* и съ бывшимъ отъ Кустова татаринимъ въ Астрахань къ оберъ-аудитору Князю³⁾.

Въ своемъ донесеніи Воейковъ, описывая происшествіе, говорилъ: „съ озлобленною станицею на Яикъ я ѣхать не смѣю, а безъ казаковъ черезъ степь ѣхать опасно“. Онъ просилъ снова дать указанія, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ.⁴⁾

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 700—701.

Между тѣмъ на кошѣ у казаковъ было шумно. Наступилъ июль. Имъ пора было уже ѣхать на Янкъ; всѣ отпущенные въ уѣздъ вернулись. Всѣ были въ сборѣ. Не хватало только двухъ человекъ, захваченныхъ Воейковымъ. Казаки нѣсколько разъ послали къ нему, чтобы онъ отдалъ ихъ обратно. Но Воейковъ срывалъ съ войска свою злобу и казаковъ не отпускалъ.

Казаки написали ему письмо:

„Пречесному и превысокородному господину майору и коменданту Гавриилъ Михайловичу, станичной атаманъ Степанъ Лукьяновъ и совсѣмъ войскомъ пренного влаяюсь: пожалуй высокородной мой господинъ Гаврила Михайловичъ не держи нашихъ казаковъ; мы за собою всѣмъ войскомъ никакія винны и измѣны не знаемъ, и ты насъ держишь напрасно; а мы безъ этихъ двухъ казаковъ ѣхать небудемъ потому, что ты держишь безъ винно; а у насъ слышно въ войскѣ отъ Куренского ойсковаго (войска) и отъ казныковъ, что де было непріятельскихъ людей каракалзаковъ и киргизъ казаковъ большимъ собраніемъ десять тысячъ человекъ; а yine казныкел сказываютъ, что де и больше; и ты пожалуй пречесной господинъ Гаврило Михайловичъ насъ не держи и нашихъ казаковъ отпускай конъ есть у тебя вкрѣпи, чтобы намъ за янкъ не жить и государевой вотчины не разорить; а буде ты господинъ Гаврило Михайловичъ нашихъ казаковъ будешь держать и намъ остановку учивашъ и государеву вотчину въ разореніе отдашь непріятельскимъ людямъ, и въ этомъ будетъ истецъ великій государь и мы будемъ такожде плаваться ему, великому государю, всеконечно; а буде мы казаки въ чешъ наша вина великому государю и, милость ваша, ищите судомъ и расправою гдѣ мы присудны въ Каморъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; а въ нмѣвшихъ числахъ пожалуй недержки и государеву вотчину въ разореніе непріятельскимъ людямъ не отдай и, что бѣ намъ, казакамъ, государевой службы не отбыть; а ты, господинъ Гаврило Михайловичъ, пожалуста недержки а про то дѣло и градскіе люди знаютъ, и купецкіе люди вѣдаютъ, всякихъ чиновъ, что ты нашихъ казаковъ держишь у себя напрасно, и намъ остановку чинишь, не вѣдаешь по неже за что, за собою незнаемъ, безъ винны, и государеву вотчину въ разореніе отдаешь непріятельскимъ людямъ; и мы ей всеконечно будемъ бить челомъ ему великому государю и нмѣ мы выбрали станицу къ великому государю челобитчиковъ о своихъ нуждахъ и о налогахъ всякихъ чиновъ людей отъ кого есть намъ изневага и войскому убытку и протори чивятся; и тебѣ бѣ было известно господинъ майоръ и комендантъ Гаврила Михайловичъ о семъ; атаманъ Степанъ Лукьяновъ и совсѣмъ войскомъ влаяются.

Великому господину майору и коменданту Гавриилу Михайловичу его пречестности Воейкову. 1720 года іюля 9 дня“¹⁾.

Письмо послали съ казакомъ *Иваномъ Матренинымъ*.

Но и письмо не подѣйствовало. Воейковъ казаковъ не отдалъ.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штабе, опись 107, книга 54, листъ 704.

Станица выехала, оставивъ ихъ на произволъ Сызранскаго коменданта.

Между тѣмъ Иванъ Лукьяновъ по дорогѣ уговорилъ конвойныхъ солдатъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ на Яикъ и явился въ казачій городокъ.

Возвращаясь, станица должна была ѣхать черезъ городъ Самару, гдѣ находилась большая часть всей станицы, выѣхавшей съ Яика.

Здѣсь Сумкинъ и товарищи узнали о „извѣстельствахъ“ надъ казаками далеко большахъ, чѣмъ тѣ, которые творилъ надъ ними Воейковъ въ Сызрани.

Тутъ командиромъ былъ уже извѣстный по своимъ поѣздкамъ на Яикъ „дворянинъ *Тихонъ Волковъ*“, онъ-же и майоръ ибѣтнаго гарнизона.

По жалобамъ войска о его взяткахъ онъ былъ уже не разъ вызываемъ въ Казань, но не ѣхалъ туда, отговариваясь своею неподсудностью Казани.

Онъ былъ болѣе озлобленъ на казаковъ, чѣмъ майоръ Воейковъ. По вѣздѣ станицы ему представился случай отомстятъ казакамъ за поланную имъ на него жалобу. И счеты начались съ перваго-же дня прибытія станицы въ Самару.

Не успѣли станичники я оглянуться, какъ среди нихъ появился Волковъ и сталъ на нихъ кричать и ругать войско.

— Вы бунтовщики и измѣнники! — кричалъ онъ казакамъ ¹⁾.

Загрубѣлому крѣпостнику и рабовладѣльцу каждый человекъ, имѣвшій чувство собственнаго достоинства, стремившійся къ свободѣ, и дорожившій свободою, казался бунтовщикомъ и измѣнникомъ.

Пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ „дворянинъ *Тихонъ Мотузовъ*“ не отставалъ отъ своего начальства.

— Вы всѣ и все ваше *Куренское* войско бунтовщики и измѣнники! вторилъ онъ Волкову ²⁾.

Боясь новой жалобы со стороны казаковъ, Волковъ не сталъ открыто дѣйствовать противъ нихъ, а направилъ на нихъ своихъ подчиненныхъ.

Придравившись по какому-то мелочному дѣлу, *подпоручикъ Порецкій* приказалъ арестовать шесть человекъ казаковъ и посадилъ ихъ подъ караулъ.

Не зная за ними вины, станичный атаманъ *Иванъ Тимофѣевъ* для вѣручки ихъ пошелъ вмѣстѣ со своими станичными есаулами на квартиру въ подпоручику и сталъ просить отпустить арестованныхъ.

— За что ты ихъ держишь за карауломъ? — говорилъ ему атаманъ.

Подпоручику показался этотъ вопросъ дѣрзкимъ. Какъ смѣютъ у него спрашивать отчета въ его дѣйствіяхъ и кто же? простые казаки! Какая дерзость!

— Взять ихъ подъ караулъ! — крикнулъ онъ солдатамъ.

Посадили ихъ въ тюрьму. Но за грубости надѣли на нихъ колодки. Судя просидѣлъ атаманъ и есаулы подъ карауломъ и лишь только благодаря поручкамъ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 218—220. Челобитный войска 1720 г. въ октябрѣ.

²⁾ Тамъ-же.

всей станицы Порецкій выпустилъ ихъ на другой день на свободу ¹⁾:

Немного спустя тотъ же Порецкій велѣлъ схватить еще четырехъ казаковъ, „всторне служили въ казакахъ лѣтъ по 13 и по 14“, и безъ всякаго повода и указа свыше „поверсталъ ихъ въ солдаты“ ²⁾.

Самарскій фискаль ³⁾ тоже не отставалъ отъ своихъ товарищей. Онъ поималъ казака *Ивана Михайлова* и называлъ его своимъ бѣглымъ крестьяниномъ, несмотря на то, что казакъ этотъ былъ на службѣ двадцать лѣтъ. Не предъявивъ положенныхъ для этого документовъ (крѣпостей) онъ отослалъ его въ свою вотчину.

Надъ казаками издѣвались и глумились. Но они терпѣливо сносили случившіяся на нихъ бѣды, вѣря въ правду у высшаго начальства, и потерявъ многихъ своихъ товарищей, уѣхали на Яикъ. Въмѣстѣ съ ними Воейковъ отправилъ прибывшаго отъ Кустова солдата *Сорвачева* и сызранскаго солдата *Варакина*, для отвоза на Яикъ „нослушной грамоты“, посланной изъ Астрахани 15 июня черезъ Воейкова, и письмо съ требованіемъ выдачи бѣжавшаго есаула *Ивана Лукьянова* и конвойныхъ солдатъ.

25 іюля станичники благополучно вернулись на Яикъ и рассказали войску обо всемъ случившемся съ ними въ Сызранѣ и Самарѣ.

Можемъ себѣ представить озлобленіе войска, ненаходившаго себѣ выхода отъ бѣдъ и немѣвшаго возможности найти даже защиты отъ насилія ближайшихъ властей, и, мало того, отданнаго снова въ полный произволъ тѣхъ-же властей, которыя творили все, что только имъ хотѣлось, и произволу которыхъ, казалось, не было конца.

Собрали кругъ и войсковой атаманъ Араповъ велѣлъ прочитатъ всему войску поданный ему Варакиннымъ указъ изъ Астрахани.

Указъ казаки выслушали; въ кругу пошелъ ропотъ недовольства.

Вышій атаманъ Григорій Меркульевъ и все войско вмѣстѣ съ нимъ „единогласно“ заявили поглановому:

— Великаго государя указамъ, посланнымъ изъ Астрахани, мы непослушны, повеже мы Астрахани не подудны. А ежели господинъ Воейковъ къ намъ для розыска на Яикъ и будетъ, то мы его въ городокъ не пустимъ, и квартиру не дадимъ, и подь судъ не поидемъ! ⁴⁾

Войско уже впередъ, по однимъ рассказамъ станичниковъ, ненавидѣло Воейкова.

Казаки разгорячились.

Выступилъ впередъ Федоръ Рукавишниковъ. Онъ вышелъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ вышло двадцать человекъ вооруженныхъ казаковъ, составлявшихъ его конвой и всегда находившихся безотлучно при немъ. Почему онъ всегда хо-

¹⁾ Такъ-же.

²⁾ Такъ-же.

³⁾ Фамилія его въ челобитной не упоминается.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 709—710. Довнесеніе: Воейкова Книжку 1720 г. въ августѣ.

диль съ конвоемъ—остается загадкой.

— Долго-ли розыщникамъ въ нашъ казачій городокъ ѣздить и вась разорять!?—крикнулъ онъ въ кругу,—я самъ побѣду къ царскому величеству и буду бить челомъ, чтобы тому розыску не быть, понеже царь вѣдаетъ меня по имени и не прощиваетъ на лучшаго генерала! ¹⁾

Послѣ этого Рукавишниковъ сталъ ходить по кругу и что то шептать казакамъ на ухо.

Было ли это ободриваніе казаковъ въ рѣшимости не пускать Воейкова въ городокъ или-же какое либо иное предупрежденіе объ исполненіи условленнаго ими ранѣе—неизвѣстно. Бывшіе свидѣтели всего этого, посланные Воейковнмъ солдаты, объ этомъ не узнали.

Войску не везло въ поискахъ за правдою. Незадолго передъ прїѣздомъ сивранской станицы на Янкъ прїѣхала станица казачья, бывшихъ въ Казани, свидѣтелями по дѣлу Кроткова и др. Они привезли отъ казанскаго губернатора увѣдомленіе, что согласно указа изъ Иностранной коллегіи о розыскѣ надъ Кротковнмъ, Путязовнмъ и другими бывшими на Янкѣ, онъ посылалъ изъ Казани указы о высылкѣ этихъ офицеровъ и подъячихъ въ Казань, но они всѣ „оказались присланному великаго государя указу не послушны и на судъ не бывали“. Обвиняемые написали письма казанскому губернатору, что они Казанской губерніи не подсудны, а подсудны Астраханской.

Губернаторъ писалъ войску, что всѣ они „въ Казань *подву* посылкамъ *непохачи* и учинившись ослушны; а именно: житель города Сибирска поруччикъ *Елоръ Кротковъ*, подъячей *Иванъ Ивановъ Муромцовъ*; города Самары: дворянннннъ *Тихонъ Волковъ*, *Федоръ Федотьевъ*, фискаль *Михайла Путиловъ*, подъячій: *Иванъ Овчинниковъ*, *Яковъ Соболевъ*; а поруччикъ *Наумовъ*, по опредѣленію въ военной коллегіи, съ генеральнаго смотру отославъ въ армейскіе полки въ Флянской корпусъ; а казанскіе подъячій *Федоръ Сухаревъ* вынѣ у дѣла карабельныхъ лѣсовъ у вице-губернатора господина *Кудряцова*, и о присылкѣ оваго къ допросу къ нему мы писали на что онъ, вице-губернаторъ, къ намъ письменно отвѣтствовалъ, что командиръ его служителей по именному его царскаго величества указу во всемъ вѣлно вѣдать ему, а объ другихъ никому ни въ чемъ ихъ вѣдать не вѣлно; а онъ, Сухаревъ, у него комисаромъ, а чтобы ему отсылать къ кому подкомандныхъ своихъ о томъ онъ еще такого великаго государя указу не имѣетъ и его не отдастъ; а *Алексѣй Сухаревъ*, по присланному великаго государя указу изъ Каморъ-Коллегіи, изъ Казани изъять къ дѣламъ во оную канцеларію и вынѣ тамъ; и по присланной съ Липу отъ вась отпискѣ изъ еншеоксанннхъ людей въ губернскую канцеларію сысканъ одинъ, который въ командѣ губернской, *Дмитрій Кемежикой* и допрашиванъ и съ тѣхъ взятковъ записался, въ чемъ отъ присланннхъ отъ вась, казаковъ, по уликамъ учинилась

¹⁾ Тамъ-же, показаніе солдатъ Наранинъ и Сорничевъ.

межь них общая ссылка на москвичь, посадикихъ людей, которые для торговъ бывають у васъ на Яикѣ, на четырехъ человекѣхъ; и по посылкѣ изъ Казани по нимъ на Яикъ для взятія въ Казань къ допросамъ вы писали, что тѣхъ людей москвичь нинѣ на Яикѣ вѣтъ — отъѣхали въ дома свои ¹⁾.

Какъ видимъ, изъ всѣхъ обвиняемыхъ губернаторъ имѣлъ возможность допросить только двухъ бывшихъ у него непосредственно въ подчиненіи.

Увѣдомая объ этомъ войско, Салтыковъ говорилъ, что онъ донесъ объ этомъ въ Иностранную Коллегію и велѣлъ войску снова бить челомъ въ Петербургъ ²⁾.

Четыре дня были посланные на Яикѣ. Три дня подрядъ въ присутствіи ихъ собирався войсковой кругъ — и каждый разъ войско говорило имъ, что они Воейкова къ себѣ не пустятъ. Другого рѣшенія они не слышали. Они видѣли только возбужденныя лица казаковъ, видѣли только, что войско снаряжало ставицу для челобитья въ Петербургъ объ отміѣй посланки Воейкова и объ изыятіи войска изъ управы Астраханской губерніи. Войску надобно платитъ губернскимъ сыщикамъ, — въ ихъ правду они не вѣрили. У нихъ осталась вѣра въ правду высшаго начальства, которое одно могло, по ихъ понятіямъ, безъ взятокъ, безъ посуловъ, честно рѣшить казачье дѣло и избавить войско отъ извѣстовъ Карташева. Только отъ него казаки ждали своего торжества надъ зломъ: — надъ „измѣнникомъ и воромъ Карташевымъ“ и надъ „бездѣльною корыстью“ набѣжаншихъ къ нимъ сыщиковъ. Взоры войска обратились къ Москвѣ.

Среди круга каждый день появлялся Рукавишниковъ и выбиралъ для отправленія ставицы „челобитчиковъ“, кого хотѣлъ. Войско слушало каждое его слово.

Относившіеся до сихъ поръ безразлично къ присутствію въ городкѣ поручика Кустова, теперь казаки стали на него смотрѣть косо. Онъ напоминалъ имъ о могущемъ быть новомъ мучительномъ розыскѣ, напоминалъ о ненавистномъ имъ Воейковѣ.

Казаки стали выживать его изъ городка. Въ присутствіи посланныхъ они постановили въ кругу: — солдатамъ Кустова хлѣба болѣе не продавать ³⁾.

— Дайте мнѣ желѣза — я закую и поручика и его солдатъ! — кричалъ Рукавишниковъ въ кругу: поручикъ чертъ и мошенникъ!

И по адресу Кустова раздавался ругань изъ всего круга ⁴⁾.

Посланные увидѣли среди казаковъ арестованнаго Воейковымъ въ Омьранѣ ставичнаго есаула Ивана Лукьянова и двухъ солдатъ, посланныхъ съ нимъ въ качествѣ конвойныхъ въ Астрахань.

На требованіе Варакина отдать есаула и бѣглыхъ солдатъ войско отказало.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 207—208.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 80, листы 213—220. Челобитная войска 1720 г. октября 12.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 84, листы 709—710. Донесеніе Воейкова Казану 1720 г. въ августѣ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 54, листы 720 и 727. Донесеніе Воейкова 1720 г. 18 ноября.

Посланнымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только уѣхать обратно въ Сызрань. Войско написало отписку и послало вмѣстѣ съ ними къ Воейкову. Въ отпискѣ, сообщая о полученіи войскомъ 25 іюля указа изъ Астрахани, чтобы казакамъ быть послушными Воейкову, казаки заявили: „И мы Яцкиемъ войскомъ къ тебѣ подъ розыскъ не поидемъ потому, что мы къ Астраханской губерніи не подсудны, а подсудны мы по указу царскаго величества въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ государственному канцлеру и кавалеру и президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину съ товарищи... и изъ той Коллегіи прислана грамота въ Казань къ ближнему боярину и губернатору казанскому Алексѣю Петровичу Салтыкову съ товарища, чтобы ему насъ, Яцкихъ казаковъ, разыскивать во всѣхъ дѣлахъ, и по розыску указъ учинить и оной губернаторъ казанской ни какого рѣшенія не починалъ и еще вторично велѣлъ бить челомъ въ Санктъ-Петербургъ царскому величеству; и мы войскомъ выбрали своихъ яцкихъ казаковъ и послали въ Санктпетербургъ бить челомъ царскому величеству, чтобы приказалъ царское величество насъ розыскать въ Санктпетербургѣ съ измѣнникомъ Иваномъ Гарташевымъ и съ другими офицеры, которые съ насъ яцкихъ казаковъ великія взятки брали; да прислалъ твое благородіе, господинъ майоръ и комендантъ, великаго государя указъ за рукою нашего благородія, а въ указѣ великаго государя писано, чтобы намъ яцкихъ казакамъ въ отъѣзды никуда не разъѣзжаться и выслать бы намъ къ тебѣ своихъ яцкихъ казаковъ для проводительства. и охраненія конвоя сто человекъ; и отъ насъ яцкихъ казаковъ къ твоему благородію для продовольства и охраненія конвоемъ не будетъ, и буде твое благородіе изволишь ѣхать къ намъ на Янкъ въ казачій городокъ для розыску и мы яцкимъ войскомъ въ розыскъ къ твоему благородію не поидемъ по указу царскаго величества, что будетъ изъ Санктпетербурга, а о томъ розыску царское величество кому опредѣлять розыскать; а квартиру твоему благородію ничего отъ насъ, яцкихъ казаковъ, не будетъ. Да въ томъ же великаго государя указѣ писано отъ вашего благородія объ нашемъ казацѣ Иванѣ Лукьяновѣ, что котораго казака поймалъ на Ватрацкой пристани, и будто онъ бѣжалъ съ дороги и подгоноря лвухъ человекъ солдатъ, а у насъ тавитъ солдатъ неявилося, а оного казака Ивана Лукьянова къ намъ въ городокъ привезли калмыки; и твое благородіе писалъ къ намъ на Янкъ чтобы того казака выслать съ присланнымъ солдатомъ и мы яцкимъ войскомъ того, вышеомянутого казака, твоему благородію не отдадимъ потому, что у насъ писано обо всемъ въ Санктпетербургѣ и о томъ, что царское величество опредѣлять и послали отписку и велѣли подать въ Сызранскую канцеларію господину майору и коменданту Гаврилу Михайловичу Воейкову.

„Отъ Янку 29 іюля сего настоящаго 720 году“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 54, листы 711 - 712. Войско хоти и написало Воейкову помятѣй ставлицы въ Петербургъ, но въ дѣйствительности ео еще не послаало. Руквишняиномъ овиѣзкахъ далеко поже.

Посланные уѣхали въ Сызрань.

Дѣла-же въ войскѣ не предвѣщали ничего хорошаго. Войско явно раздѣлялось на двѣ враждебныхъ партій. Одна малочисленная, состоявшая главнымъ образомъ изъ заслуженныхъ старшинъ, тянувшихъ руку Москвы, во главѣ съ Матвѣемъ Мироновымъ и другая, составлявшая всю остальную массу войска, во главѣ съ Рукавишниковымъ. Старая старшинская партія смотрѣла на Донъ. Уничтоженные тамъ, послѣ Булавинскаго бунта, круги, лишённые казаковъ права руководить дѣлами войска, управленіе войска только одними старшинами, давшими тамъ началомъ привилегированному классу и, наконецъ, назначеніе войскаго атамана правительствомъ и пожизненно, безъ смѣны его войскомъ—все это затуманило головы старшинамъ и на Яикѣ. Не даромъ Карташевъ просилъ въ своей челобитной о назначеніи на Яикѣ атамана такъ-же какъ и на Дону. Честолюбіе или иные побужденія волновали старшинъ, но они встали противъ всей массы войска вначалѣ скрытно подъ флагомъ Карташева, но когда карты ихъ стали открыты они явно выступили на борьбу съ Рукавишниковымъ и его партією съ главною массою казаковъ державшихся за старину, и отстаивавшихъ свои старыя казачьи права.

По пріѣздѣ Рукавишникова борьба вступила въ послѣдній періодъ.

Онъ громко порицалъ старшинъ, называя ихъ измѣнниками войска. Первымъ поплатился крестный отецъ Карташева Матвѣй Мироновъ. Онъ окончательно попалъ въ опалу. Онъ выносилъ на своихъ плечахъ всю ненависть, которую питало войско къ Карташеву. Казаки явкакъ не могли понять, каинимъ образомъ Карташевъ могъ узнавать все, что творится на Яикѣ? Кто могъ ему сообщать объ этомъ? Конечно Мироновъ, больше не кому!—рѣшаетъ войско и заподозривъ его окончательно въ измѣнѣ казаки въ три часа ночи врываются къ нему въ домъ, хватаютъ его и куютъ въ цѣпи.

Напрасно на другой день въ кругу онъ оправдывается полнымъ невиндіемъ, войско не слушаетъ. Въ кругу раздается брань, по адресу бывшаго атамана сыплются проклятія и угрозы казью. Его бьютъ, и отводятъ подъ караулъ. Выводятъ Елисѣева и Назарова ихъ тоже бьютъ и отводятъ снова подъ караулъ ¹⁾.

Но эти дѣла не ограничиваются. Войско возбуждено. Оно ищетъ виновниковъ своихъ бѣдъ, оно видитъ ихъ въ другихъ старшинахъ и въ атаманѣ Федорѣ Араповѣ, старающихся сдержать казаковъ отъ горячности и отъ рѣшительныхъ мѣръ.

Казаки стали зорко слѣдить за нами, особенно Рукавишниковъ со своими друзьями. Въ войскѣ незамѣтно назрѣвали тѣ событія, разразиться которыми суждено было не въ далекомъ будущемъ.

Но пока происходила эти событія, легкая станица Астраханкина, выѣхавшая съ Яика въ мартѣ мѣсяцѣ, явля только въ концѣ апрѣля прибыла въ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Дневное Всевожова Казину 18 ноября 1720 г. и доносъ Карташева 1722 г. „Урал. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 45.

Москву. Здѣсь, изъ Посольскаго приказа дали имъ подорожную до Петербурга на три подводы съ платою по алтыну за десять верстъ съ подводой, но денегъ не дали. Казаки поѣхали дальше, платя свои. „А какъ прибыли Волховою до Сосенки ямщики, за немѣнѣемъ у себя, подводъ не дали“. Астраханкинъ съ товарищами остановились. Пришлось нанять лодку за полтора рубля и ихъ довели до Старой Ладогои. Изъ Старой Ладогои наняли до Шлюссельбурга три лошади по одному рублю съ гривною за лошадь. Отсюда они опять поѣхали водою въ наемной лодкѣ, заплативъ за это двадцать алтынъ. Сколько стоила имъ дорога до Москвы — неизвѣстно, но отъ Москвы до Сосенки (617 верстъ) и отсюда до Петербурга они израсходовали 10 рублей, 13 алтынъ, 4 деньга ¹⁾.

Въ началѣ мая они наконецъ пріѣхали въ Петербургъ.

Здѣсь 18 мая они подали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ свою челобитную о дачѣ имъ жалованья, пороху и ядеръ.

Излагая въ своей челобитной, что въ давнихъ годахъ казаковъ на Янкѣ было всего 600 человекъ и что они получали на это число жалованье и за сукна по 953 руб. 8 алтынъ и двѣ деньга въ годъ и пороху ручного 12 пудовъ, пушечнаго 14 пуд., свинцу — 12 пудовъ и по 100 ядеръ въ годъ, они говорятъ, что съ 1696 года казаковъ на Янкѣ стало 2600 человекъ, между тѣмъ жалованье идетъ до настоящаго времени по старому окладу и что съ 1719 г. казаки не могутъ получить даже и этого жалованья по окладу, т. к. казанскій губернаторъ отказалъ въ выдачѣ, ввиду перехода войска въ вѣдѣніе Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

„И онаго пороху, и свинцу, и ядеръ, протавъ стараго окладу, на двѣ тысячи шестьсотъ человекъ намъ въ годъ нестаетъ, — писали казаки въ челобитной, — для того что непріятельскіе люди — каракалпаки и киргизъ-казаки приходятъ къ намъ двумя ордами, большимъ собраніемъ, многолюдствомъ, тысячъ по десяти и по пятнадцати, и чинятъ съ нами бои многіе; и живеть отъ нихъ во всякомъ опасеніи, понеже мы ѣздимъ для охраненія и для покупки хлѣба на Сиврань и на Самару многолюдствомъ со всѣмъ боемъ и съ пушками.

Всемилостивѣйшій государь просимъ вашего величества вели государь: сверхъ стараго окладу — шестьсотъ человекъ, на прибылые на двѣ тысячи человекъ, свое великаго государя денежное жалованье, также и за сукна деньгами, и о дачѣ пороху, свинцу и ядеръ, вновь оклады учинить. И на прошлый 719 годъ и на нынѣшній 720 годъ, на двѣ тысячи на шестьсотъ человекъ намъ нижайшимъ свое великаго государя денежное жалованье и за сукна деньгами, и порохъ, и свинецъ и ядра выдать и впредь давать по своему государеву указу, и о томъ свой великаго государя указъ учини“ ²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 89 — 93. Челобитная Астраханкина о выдачѣ израсходованныхъ проговъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 85 — 86.

Но нескоро добились ставичники слѣдуемаго имъ жалованья. Изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ послали коніи съ казачьей челобитной въ Штатсъ-конторъ коллегію для дачи жалованья и въ Военную коллегію о дачѣ пороха и свинца. Но изъ Военной коллегіи отвѣтъ пришелъ только въ 9 іюля; въ немъ говорилось, что тамъ никогда яцкіе казаки не числились и для того, чтобы имъ выдавать порохъ и свинець, нуженъ указъ Сената ¹⁾. Въ томъ-же духѣ отвѣтила и Штатсъ-контора. Но вслѣдъ за этимъ 29 іюля Штатсъ-контора сообщила, что жалованье войску, впредь до рѣшенія вопроса о дачѣ прибавочнаго жалованья, отпущено войску изъ штатсъ-конторы изъ доходовъ Казанской губерніи всего на 600 чел. по 953 рубля въ годъ за оба прошлыхъ войсковъ года — за 1719 и 1720 г. всего 1906 руб.

Относительно же выдачи пороха и свинца состоялся указъ изъ Сената лишь 8 октября 1720 года, чтобы Яцкое войско получало это жалованье по прежнему изъ артиллерійскихъ припасовъ изъ Казани.

Пока шла эта переписка, Астраханкии съ товарищами находились въ Петербургѣ. Въ іюнѣ они снова подали челобитную въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, на этотъ разъ прося пушекъ и знаменъ.

Челобитная была на имя царя.

„Въ прошлыхъ годѣхъ дана намъ нижайшимъ рабамъ твоимъ твоя, великаго государя, милость, — писали челобитчики, — знамена и пушки отъ находу непріятельскихъ людей, понеже приходятъ къ намъ каракалпаци и киргизцы двумя ордами тысячь по десяти и по пятнадцати и больше; и тѣ данные пушки стоать по городу; а для вылазокъ противъ тѣхъ непріятельскихъ людей пѣхотою и вонницею походныхъ пушекъ у насъ рабовъ твоихъ нѣтъ, а данные твои государевы знамена, когда были мы въ походѣ съ князь Александромъ Бекевичемъ Черкасскимъ, непріятельскіе люди взяли у насъ съ людьми въ полонъ“ ²⁾.

Въ концѣ челобитной казаки просили о выдачѣ знаменъ и легкихъ пушекъ. По безграмотству ставичниковъ распасался „донской казачій писарь Федоръ Капустявъ“.

При словесномъ-же разспросѣ въ той же коллегіи ставичники дали подробное объясненіе о полученіи въ прежнее время и знаменъ и пушекъ.

„Въ прошлыхъ годахъ, — говорили они, — въ которыхъ именно сказать не упоминимъ, когда мы, яцкіе казаки, вѣдомы были въ приказѣ Казанскаго дворца, тогда, по прошенію войсковому, чрезъ приславныхъ отъ насъ челобитчиковъ, по посланнымъ его великаго государя грамотамъ, изъ приказу Казанскаго дворца дано намъ для обороны отъ прихода непріятельскаго, изъ виковыхъ городовъ: изъ Сибирска три пушки, изъ Казани пять пушекъ боль-

¹⁾ Тамъ-же, листы 70—71 и 76—78.

²⁾ Моск. Архивъ Главнаго Штаба, список 107, книга 30, листъ 315.

шихъ чугуныхъ; а иныя пушки изъ которыхъ городовъ къ намъ отпущены того мы сказать подлинно неумоимъ; только иныя у насъ въ Яицкомъ городѣ всѣхъ по городу поставлено пятнадцать пушекъ. Такожъ и *осимскіе* клеймоты намъ изъ приказу Казанскаго дворца и изъ Казани, по указамъ, даваны; и оныхъ пушекъ, за тягостію, для обороны отъ приходовъ неприятельскихъ изъ города вывезти неможно; а полковыхъ небольшихъ пушекъ, которые могли бы мы въ приходъ неприятельской вывезти въ выходъ на вылазки, мы у себя ни единой не имѣемъ. И милости у великаго государя мы, яицкіе казаки, просимъ, дабы его царское величество, презирая насъ, милостиво повелѣлъ къ намъ въ войско пожаловать нѣсколько полковыхъ мелкихъ пушекъ, съ которымибъ мы во время, и едва не повсегоднее отъ неприятелей къ городку изъ вѣществія, могли на вылазкахъ обороняться, такожъ и клеймоты войсковныя намъ дать¹⁾.

Но по этой челобитной переписка о дачѣ войску знаменъ и пушекъ затянулась еще далѣе. Результата станичникамъ не удалось дожидаться. Въ іюнь-же 2 числа Астраханскіи подалъ челобитную о прибавѣ платы за соль, производимую казаками въ Самару, Оызранъ и Алексѣенское. Плата, которую назначилъ сенатъ ранѣе по 2 алтына и 4 деньги за пудъ, была слишкомъ мала, т. е. соль съ доставкой въ Русь самимъ казакамъ обходилась болѣе 4 алтынъ. По этой челобитной состоялся указъ только 30 октября, по которому приказано было выдавать войску за пудъ соли *по три алтына*, объ чемъ войсковому атаману и войску была послана грамота въ томъ-же году 6 декабря²⁾.

Въ то же время казаки Мордвинскіи и Прятковъ подали челобитную въ Сенатъ объ отдачѣ имъ Баяръ-Батыря.

„Въ прошломъ 1718 году, — писали между прочимъ казаки въ челобитной, — въ августѣ мѣсцѣ дядю нашего родного *Даріона Петрова* сына *Латошника* съ сыномъ его, а съ нашими братьемъ *Иваномъ*, да со внукомъ его, а съ нашимъ племянникомъ *Петромъ Елюровымъ* сыномъ каракалпакъ на сѣнокосѣ взяли въ полонъ и по иныя у нихъ въ полонъ“. Дальше, говоря о захватѣ ихъ въ прошломъ году въ августѣ Баяръ-Батыря и еще трехъ киргизъ и о письмѣ, полученномъ отъ каракалпаконъ, они просили, чтобы было приказано отдать Баяръ-Батыря на разбитіе ихъ родственникамъ; „а буде онъ, Баяръ-Батырь, умеръ, — писали они дальше, — вели государь отдать товарища его, кого мы уважемъ и о томъ дать намъ изъ Сената въ Казань къ губернатору свой государевъ указъ“³⁾.

По этой челобитной казаки рѣшеніе получили скоро, — 29 іюня уже состоял-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 318.

²⁾ Моск. Арх. Артилл. Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листы 129—132.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, дѣло Правит. сената по Воен. Кол. № 4/100, листъ 18. Подписаны Мордвинцевъ и Прятковъ, а по нѣмъ безграмотству руку приложилъ истрѣб. житель Пикитинъ.

ся указъ сената казанскому губернатору выдать казакамъ или Базарь-Ватня или другого киргиза ¹⁾.

Удалось-ли казакамъ обмѣняться плѣнными — изъ дѣла не видно.

Прошелъ августъ, прошелъ и сентябрь, а рѣшенія по дѣлу пожалованія замятъ и пушкы все еще не было.

Наступилъ октябрь, станичники собрались ѣхать домой. Имъ выдали затраченныя ими деньги на проѣздъ въ передній путь и, получивъ „для Санкт-Петербургскаго жителя на кормъ по десяти рублевъ человѣку“ и прогони до Москвы всего 13 руб. 13 алтынъ и 4 деньги, выѣхали 18 октября на Яикъ ²⁾.

Въ указѣ, данномъ Посольскому приказу, о выдачѣ станичникамъ походной говорилось, что слѣдуетъ выдать казакамъ поверстныхъ денегъ „отъ Москвы и до котораго мѣста и сколько надлежитъ протавъ дачъ казынскихъ посланцевъ“ ³⁾.

Астраханкинъ повезъ съ собою и грамоту войску. Эта грамота войску, какъ всё вообще грамоты войску того времени, начиналась обычнымъ обращеніемъ къ войску:

„Отъ Великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, на Яикъ атаману Никитѣ Тривонову и казакамъ“.

Въ грамотѣ въ началѣ послѣдовательно излагались всѣ просьбы войска и присланнаго станичнаго атамана Астраханкина, въ концѣ-же грамоты заключался отвѣтъ царя на просьбы.

„И въ Штатсъ-контортѣ коллегія рѣшено: вамъ Яицкимъ казакамъ Наше Великаго Государя денежное жалованье, до подлиннаго опредѣленія, на прошлый 1719 г., такожъ и на нынѣшній 1720 г., выдать противъ прежнихъ дачъ, на 600 чел., по девяносто по пятидесяти по три рубли на годъ, всего 1906 рублевъ изъ доходовъ Казанской губерніи.

Таскомъ, по приговору Правительствующаго Сената, велѣно: порохъ, и свинецъ и ядра, буде прежде сего давано, и нынѣ дать и впредь давать изъ Казани же.

И о томъ Наши Великаго Государя указы въ Казань посланы, и съ тѣми указами присланние отъ васъ челобитчики: станичный атаманъ Иванъ Астраханкинъ, съ товарищи, три человѣка изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ отпущены. Писанъ въ Санкт-Петербургъ, лѣта 1720 г. октября въ 17 день“ ⁴⁾.

Повезли съ собою станичники и другую грамоту. Эта грамота была въ Казань къ губернатору боярину Алексѣю Петровичу Салтыкову.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 18. Указъ помѣченъ 29 июля, челобитная-же казаковъ 17 августа того же 1720 г. Въ данномъ случаѣ произошла гдѣ то ошибка писца и, вѣроятно, въ челобитной казаковъ, т. е. означили бы они отложили подачу столь важной для нихъ просьбы на двѣнадцать три мѣсяца послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 89—93 и 102.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 101 и 103.

⁴⁾ Тамъ-же.

Въ ней подтверждалось разобрать и изслѣдовать всѣ жалобы войска на офицеровъ и дворянъ, прѣбывавшихъ на Янкъ для розысковъ, и также прислать возможно скорѣе свѣдѣнія о состояніи Яницкаго войска, котораго требовались еще въ прѣздъ Рукавишника въ январѣ этого-же года, но до сихъ поръ не были получены.

Эти свѣдѣнія требовалось написать подробно для провѣрки свѣдѣній, данныхъ о томъ-же Рукавишниковымъ.

Разсмотрѣть такъ ли они о томъ здѣсь довели, говорилось въ грамотѣ, и буде что не такъ, или еще къ тому надлежитъ дополнить, о томъ о всемъ въ Казанской канцеляріи подлинно выправясь и выписавъ, прислать обстоятельное извѣстіе за вашею губернаторскою рукою въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, что бѣ во оной Коллегіи о томъ о всемъ подлинно было вѣдомо и потому бѣ впредь возможно надлежащія указы посылать и на прошенія ихъ рѣшенія чинять.

...Такова наша Великаго Государя грамота въ Казань послана марта въ 17 число сего 1720 года съ яцкиими казаками съ Федоромъ Михайловымъ съ тоزاریщи; а сія грамота и соучиненнымъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ о состояніи тѣхъ яцкихъ казаковъ вопросовъ и отъ присланныхъ отъ нихъ челобитчиковъ объявленіи, посылаются въ другой рядъ для того, что по первой грамотѣ о томъ по сіе число отвѣту не учинено¹⁾.

Станачики же побѣжали изъ Москвы на Янкъ, какъ и большинство лѣтнихъ станицъ вѣдую — по Окѣ и Волгѣ до Самары. Въ Казани они передали грамоту губернатору.

На Янкъ-же въ это время по всѣмъ направленіямъ по степи рыскали толпы киргизъ и каракалпачковъ. Почти вся орда захлынула на русскую восточную украину для грабежа и добычи. Уже 7 августа появились передовыя ихъ партіи вблизи Яницкаго городка и, по обычаю, налетѣвъ внезапно, захватили бывшихъ вблизи городка семь человекъ казаковъ въ плѣнъ. Войско немедленно послало объ этомъ въ Самару Тихову Волкову явственному отписку, а само черезъ нѣсколько дней было вынуждено съѣсть на осаду. Киргизы на этотъ разъ не обложили городка со всѣхъ сторонъ, а, перейдя главными силами рѣку Янкъ выше городка, устремились въ Русь, оставивъ мелкія шайки тревожить казаковъ.

Одна изъ шайкъ въ пятьсотъ человекъ киргизъ подъ начальствомъ двухъ батирей Урлу-бал-батыра и Тары-Берди-батыра двинулась къ Волгѣ, къ рѣчкѣ Черемшѣ, которая въ то время составляла границу Уфимской провинціи; на Черемшѣ стояли вдоль всей границы заставы и киргулы изъ драгузъ и донскихъ казаковъ. Налетѣвъ на одну изъ заставъ, киргизы завязали бой и, разбивъ заставу, всей толпой двинулись въ ближайшія села, гдѣ захватывъ скотъ и взявъ въ плѣнъ около шестидесяти человекъ крестьянъ,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 94—95. Грамота 1720 г. 17 октября.

мужчинъ и женщинъ, двинулись обратно. По своему обыкновенію вести плѣнныхъ они назначали особую партію, которую и послали впередъ, а сами остались еще на нѣкоторое время въ предѣлахъ рѣки Черемши ¹⁾.

Въ Янцвѣй городокъ далъ знать объ этомъ вернувшійся изъ Уфы казакъ-татаринъ *Котлубай*. Онъ, возвращаясь къ Янцвому городку вмѣстѣ съ тремя башкирцами, ѣхавшими на Яикъ для торга, наѣхалъ по дорогѣ на киргизскіе шляхи; шляхи вели къ пограничнымъ поставкѣ на рѣку Черемшу ²⁾. По шляхамъ башкирцы и Котлубай опредѣлили, что киргизъ было не болѣе пяти-сотъ человекъ.

Узнавъ объ этой шайкѣ, войско рѣшило испытать счастье — идти за ними въ походъ. Оно нарядило девятьсотъ человекъ казаковъ и съ походнымъ атаманомъ *Никитой Трифоновымъ Бородинымъ* отправило ихъ въ поговю за хищниками.

Походное войско очень скоро наѣхало на шляхъ (слѣды) киргизовъ и шло по нему пять дней. Наконецъ на шестой день на разсвѣтѣ 7 сентября они достигли ихъ „въ урочищѣ между рѣки Самары и Малаго Кинельчика“ ³⁾.

Первыми, встрѣтившимися казакамъ, были четыре киргиза, бывшіе далеко въ сторонѣ отъ общей шайки. Ихъ взяли въ плѣнъ и узнали отъ нихъ о мѣстѣ нахождения остальныхъ киргизъ и о ихъ числѣ.

Немного погодя они увидели и остальныхъ киргизъ. Наконецъ казаки добрались до своихъ заклятыхъ враговъ. Они горѣли жаждою мести. Безъ шума, тихо, пользуясь утренними сумерками, походное войско незамѣтно подошло къ киргизскому кошу и окружило разбойниковъ со всѣхъ сторонъ. Но киргизы замѣтили ихъ, сѣли въ осаду и открыли пальбу. Нетерпѣливые казаки, поддерживая частью спѣшившихся казаковъ перестрѣлку, старались взять ихъ отарытою силой и нѣсколько разъ ходили „коннымъ боемъ“ на словъ, но сматы засѣвшихъ въ осаду киргизъ не могли. Тучи стрѣлъ и пули встрѣчали удалцовъ каждый разъ, когда они доскакивали до киргизскаго коша. Насталъ полдень, но киргизы еще не были сматы. Вой было жаркій. У казаковъ была уже значительная убыль: — 95 лошадей было убито и много раненыхъ. Много было раненыхъ и казаковъ. Войско рѣшило дѣйствовать иначе. Казаки спѣшились и пошли на словъ „пѣхотою“. Войско смаяло киргизскую осаду, ворвалось въ ряды и закипѣлъ рукопашный бой. Не много киргизъ успѣло спастись отъ казаковъ почти всѣ они легли на мѣстѣ. Захватили казаки пятьдесятъ человекъ въ плѣнъ. Но озлобленные казаки не знали пощады. Предъ ними стояли ихъ непримиримые враги. Счеты были стары. Не у одного казака, стоявшаго предъ ними,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30. Показаніе плѣнныхъ киргизъ и показаніе Рукавишниковъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, показаніе Рукавишниковъ.

³⁾ По повеленію прапорщика Покляницка изъ пригорода Сергіевска, казаки достигли киргизъ „близъ рѣки Току“. Моск. Архивъ Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 133.

проносились въ воспоминаніяхъ близкіе и дорогіе сердцу люди, захваченные киргизами въ плѣвъ. Всѣ пятьдесятъ плѣнныхъ киргизъ тутъ-же на полѣ были переколоты копьями. Киргизы въ страхѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, но казаки вскочили на лошадей и гнали за ними до поздняго вечера. Не много джигитовъ и батарей спаслось отъ мстительнаго казачьяго копыя. И въ погонѣ ихъ было побито не малое число, — говорилъ впоследствии Рукавишниковъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, — а сколько о томъ подлинно сказать не можно, того ради что побиты они въ разныхъ мѣстахъ. И живыхъ отъ насъ казаковъ ихъ киргизовъ ушло малое число, за которыми гнать ночью порою не могли". Всѣхъ достававшихся въ руки казаки перебили. Въ живыхъ остались только четыре человѣка, которые были пойманы ранѣе и которые во время боя находились въ казачьемъ кошѣ.

Казанамъ досталась немалая добыча „и взяли ружья, янычарокъ, саблей, сайдаковъ и конін, кроваваго платья и всякаго бугору до 40 тельгъ“; захватили они до 500 киргизскихъ лошадей ¹⁾. Но не дешево досталась казанамъ эта добыча: — три казака было убито, и тридцать человѣкъ ранено.

Долго казаки ловили киргизскихъ лошадей, собирали оружіе, снимали платье...

Придя на кошъ, они показали плѣвникамъ оружіе и досиѣхи убитыхъ. Киргизы среди добычи узнали одежду, ружье, саблю и копые ихъ начальника, сына Урлубая-батыря, *Доксумбая* и другого начальника Тары-Верды-батыря²⁾.

О подробностяхъ этого боя до насъ, кромѣ войсковою челобитной и показанія Рукавишникова, не дошло никакихъ свѣдѣній. Въ послѣдствіи татарско-казакъ *Иттымаевъ* въ своей челобитной царю объ участіи въ этомъ боѣ говоритъ: „Да въ вышнемъ 1720 году сентября въ 3 день былъ у насъ съ ними каракалпаками бой и я нижайшій со своею братією казаками на томъ боѣ своею старостію поступилъ противъ твоихъ непріятелей со всѣмъ усердіемъ и какаа моя была посылка, про то знаютъ, которые были въ томъ походѣ походные ваши Яцкіе казакъ“ ³⁾.

Объ этомъ-же боѣ въ 1732 году старшина *Андрей Пономаревъ*, перечисляя свои службы, говоритъ такъ:

„Когда непріятельскіе люди каракалпакы и киргизъ-кайсакы въ немаломъ собраніи подходили подъ *Черемшанскіе форпосты*, за которыми послали войскомъ яцкиимъ атаманомъ *Никиту Горюдина*, и въ тотъ походъ избранъ былъ я отъ войска есауломъ, и тѣхъ непріятелей многихъ побилъ и влоловъ побралъ, а именво убилъ я трехъ человѣкъ непріятелей“ ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штабу, опись 107, книга 80, листы 151—159. Челобитная войска 1720 г. 12 октября, а также показаніе Рукавишникова въ Коллегіи Иностран. Дѣлъ 6 декабря 1720 г. (Тамъ-же).

²⁾ Тамъ-же. Показаніе плѣнныхъ киргизъ.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 80, листы 168—174. Не показавши Рукавишникова бой былъ 7 сентября и казачковъ въ походѣ было только 700 человекъ.

⁴⁾ Урал. Войск. Арх., 2 гражд. опись, дѣло № 76, листъ 78, пунктъ 5.

Походное войско вернулось въ городокъ. Тутъ участники похода раздували оружіе и лошадей.

Узнавъ объ этомъ боѣ, казанскаго пригорода Сергіева прапорщикъ *Иванъ Поединцевъ* послалъ къ войсковому атаману „нарочнаго утеръ-офицера, чтобы они лиціе казаки тѣхъ взятыхъ каракалпачковъ къ розыску (допросу) и лошадей прислали въ Казань“¹⁾.

Прапорщикъ дѣйствовалъ по пословицѣ: „печи бить насъ нѣтъ, а ши хлебать мы тутъ!“ Выйдти на бой съ киргизами ему, вѣроятно, было ведосужно, но а на счетъ полочки добычи и лошадей онъ первый охотникъ.

Отвѣтъ прапорщикъ получилъ 9 октября. Атаманъ Федоръ Араповъ и войско написали, что ильнинныхъ четырехъ человекъ они сами пошлютъ въ Петербургъ въ Иностранную Коллегію, „а лошадей роздали тѣмъ казакамъ кои за ними каракалпачками шли“²⁾.

Пришли казаки изъ похода, стали обсуждать войсковыя дѣла.

Дѣлъ было много. Надо было снаряжать ставицу Рукавишникова.

Но собираясь ѣхать въ Петербургъ Рукавишниковъ требуетъ дать ему ручную — общую отъ войска довѣренность за подписями казаковъ для ходатайства по дѣламъ войска. Онъ проситъ въ кругу дать подписку не пускать Воейкова въ городокъ пока онъ не съѣздитъ въ Петербургъ и не добьется отъѣзды. Но не всѣ согласны дать подобную подписку — особенно старшины.

Но вѣдь кто не дастъ подписки — тотъ явится врагомъ войска, врагомъ Рукавишникова и согласныхъ съ нимъ казаковъ, — а съ нимъ все войско!

Не желающихъ подписываться казаки считаютъ измѣнниками. Страсть разгорѣлась. Войсковой атаманъ Федоръ Араповъ не совѣтуетъ давать подобной подписки. Его не слушаютъ — раздаются крики, что онъ не любъ. По войсковому обычаю онъ кладетъ „атаманскій посохъ“ на рундукъ и уходитъ изъ круга. Вмѣсто него выбираютъ войсковымъ атаманомъ старшину *Ивана Ивановича Щербакова (онъ же Щербакъ)*.

Не желающихъ дать подписки старшина и казаковъ хватаютъ и куеть. Схватили старшинъ: *Ивана Федорова, Василія Иванова Мардвинкина, войскового писаря Осипа Мартынова, Матвѣя Ермолова и Митрофана Пименова Алетина*. Но немного погодя ихъ выпускаютъ на волю „въ крѣпкія руки“ съ приказомъ больше не появляться въ кругу³⁾.

Войско во главѣ съ Рукавишниковымъ отстаивало старшину — свое право судить всѣхъ у себя, въ кругу — казнить и миловать войскомъ — какъ въ старое время. Всѣмъ кто не желаетъ повиноваться рѣшеніямъ круговъ войска

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 183.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Донесъ Карташева и отвѣтъ его въ преображенскомъ приказѣ въ 1722 г. „Урал. Вейсскер. Вѣд.“ 1869 г. № 45.

стало грозить смертью. Всѣхъ кто не желалъ давать подписки казаки обѣщали посадить въ воду.

Замѣтивъ, что священникъ церкви Петра и Павла *Василій Семеновъ* служитъ по новопечатаемымъ книгамъ, Руквишниковъ сталъ говорить на нихъ „хулу и возмущеніе“. Священникъ Семеновъ заявилъ объ этомъ въ кругу атаману Щербакову, но „того попа атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками приговорили посадить въ воду“¹⁾.

Всѣ эти шумные круги происходили на площади у войсковой избы, возлѣ которой находился бывшій арестный домъ, въ которомъ помѣщался Кустовъ со своими солдатами, гдѣ былъ съ ними и Кустовъ. Онъ слышалъ всѣ постановленія, шумъ и крики въ кругахъ и потому донесъ Воейкову.

Присутствіе въ городкѣ Кустова, невольнаго свидѣтеля всѣхъ дѣлъ, казаковъ раздражало. Они съ ненавистью смотрѣли на солдатъ, бранили ихъ при каждой встрѣчѣ. „Поносили на словахъ“ и самого Кустова, когда онъ рѣшался появляться на улицахъ городка. Въ ихъ глазахъ онъ былъ тотъ-же Кротковъ, тотъ-же Кемецкій—былъ такой-же, какъ и всѣ офицеры и дворяне, съ которыми приходилось имъ сталкиваться въ послѣднее время—былъ вымогатель и утѣснитель.

Казаки выгнали солдатъ и поручика изъ занимаемыхъ ими кварталъ и поставили ихъ въ пустую и холодную избу, въ которой до этого сидѣла у нихъ колодница²⁾.

Въ Войскѣ между тѣмъ назрѣвало одно дѣло за другимъ. Дѣлъ было много. Надо было хлопотать о жалованьи войску на полное число казаковъ—на 2600 человекъ; объ отиѣнѣ запрещенія торговать солью, о назначеніи слѣдователя по дѣлу Карташева изъ Петербурга. Выгоднѣе было платить въ одно мѣсто, чѣмъ въ нѣсколькихъ—въ Казани, Астрахани и Петербургѣ,—надѣяться на правду губернскихъ чиновниковъ казаки конечно не могли. Нужны были пушки, знамена... Кстати наступило время отправлять ставицу съ *Царскимъ кускомъ*³⁾ „съ построеною про обиходъ ко двору якрою и рыбою“, какъ говорили казаки про этотъ царскій кусъ въ своихъ челобятникахъ. Стали снаряжать ставицу и готовить для дороги царскій кусъ. Но сколько и что отправили казаки—неизвѣстно. Это первыя свѣдѣнія объ отправкѣ царскаго куска, найденныя въ архивахъ⁴⁾.

Но кромѣ этихъ дѣлъ и наболѣвшаго вопроса объ отиѣнѣ послыши Воейкова на Янкъ, въ войскѣ имѣлись и другія неотложныя дѣла. Уже съ давнихъ поръ калмыки, не слушая указовъ Москвы, производили хищническій ловъ рыбы въ Янкѣ. Жалобами на нихъ отъ войска и отъ управляющаго Гурьевскаго

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 54, листы 709—710 и 720—727. Донесеніе Воейкова Киклику.

³⁾ Въ настоящее время царскій кусъ называется французскимъ словомъ *презентъ*; что значитъ подарокъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 187 и другіе, относящіеся къ поѣздкѣ ставицы Руквишниковъ.

государевыми учугами пестрять дѣла того времени. Еще въ 1716 году комендантъ г. Гурьева доносилъ въ Астраханскую рыбную контору, что въ сентябрѣ въ этомъ году прикочевали къ гурьевскимъ учугамъ калмыцкіе владѣльцы *Бомбаръ-Куй* и *Дандукъ* и „на Яикѣ рыбу ловятъ, и въ учугахъ и въ учужныхъ избахъ багрятъ многолюдствомъ бѣлуги, и осетры, и шевряги, а инде ловцамъ ловить и багрить рыбы не даютъ и ихъ и работныхъ людей грабятъ“ 1).

Отъ ежегоднаго прихода этихъ незваныхъ гостей страдали не одни только гурьевскіе учуги, страдала ловля и Яецкихъ казаковъ, т. е. калмыки не довольствовались только ловлею сѣтями, но дѣлали по Яику учуги и непропускали рыбу вверхъ къ казачьему городку.

Въ то время, когда въ казачьемъ городкѣ происходила описанныя событія къ Яику прикочевала калмыцкая орда владѣльца *Даржи* (брата Аюкы-хана) и его дѣтей *Лобжи* и *Бая* и стали безцеремонно хозяйничать на Яикѣ:—ловить рыбу и дѣлать учуги 2). Въ тоже время другая часть калмыкъ владѣльцевъ *Ченучена* и *Серена*, 7 сентября прикочевали къ Гурьевскому городку. „И посѣди улусы ихъ по обѣ стороны Яику, писалъ въ своей отпискѣ гурьевскій цѣловальникъ 3) *Иванъ Фарафонтьевъ* въ Астраханскую рыбную контору,—подъ Степной, и Стрѣлецкой, и Бухарки рѣкъ до Морского устья, и на морскихъ горловинахъ тѣхъ рѣкъ, и въ тѣхъ вышечисленныхъ рѣкахъ, и на горловинахъ останахъ, и сѣтями, и неводами и перемети рыбу ловятъ, и по ночамъ въ учугахъ багрятъ, и на нижнемъ учугѣ учужную плетку выломали; а караульныхъ работныхъ людей, которыя опредѣлены для караула, въ ночное время на учужныхъ забойкахъ перебили палками смертнымъ боемъ; и оттого ихъ разоренія чинится Великаго Государя рыбному промыслу рыбѣ ходъ въ учуги великое помѣшательство и недоловъ; и о ссылкѣ съ помянутыхъ рѣкъ и съ морскихъ горловинъ оныхъ владѣльцевъ съ улусы и съ калмыки подалъ я въ Яицкомъ Гурьевѣ городкѣ поручику коменданту *Ивану Епанчину* доношеніе, чтобы онъ послалъ солдатъ калмыкъ согнать и воровъ ловившихъ рыбу въ учугѣ, переловилъ. Комендантъ послалъ помногіа числа сотника *Семена Котловскаго* съ солдатами, но калмыки не ушла и виновниковъ не выдала, а солдаты били палками“ 4)...

Ужъ если калмыки не церемонились съ государевыми учугами, для охраны которыхъ находились солдаты, то что-же они дѣлали на пустынныхъ берегахъ р. Яика между Яицкимъ казачьимъ городкомъ и гурьевомъ? Сваряжая Рукавишниковъ въ Петербургъ войско имѣло въ виду это обстоятельство. Оно хотѣло наконецъ добиться того, чтобы хозяевами Яика были только одни казаки, какъ то было всегда, согласно данной имъ грамоты отъ царя Михаила Федоровича. Но грамота сгорѣла. Войско рѣшилобить челомъ царю о дачѣ новой грамоты.

1) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣл. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, связка 1721 года № 6.

2) См. приложеніе ЖVI.

3) Цѣловальниками въ старину именовались люди цѣловавшие крестъ и давшие присягу государю для службъ у депешныхъ дѣлъ (по сбору денегъ и проч.)

4) Моск. Арх. Иностр. Дѣл. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, связка 1721 года № 6.

Много было нуждъ. Въ войсковой избѣ закипѣла работа. Тамъ цѣлыми днями сидѣли старшины („старые люди“) и вмѣстѣ съ войсковымъ дьякомъ *Мартыновымъ* сочиняли челобитныя.

Въ длинной челобитной на вѣсколькихъ листахъ на имя царя войско писало о всѣхъ своихъ службахъ царю Петру, за время его царствованія, о всѣхъ своихъ заслугахъ, о тѣхъ деньгахъ, что стояли имъ командировки. Была въ войскѣ грамотные — (по слѣдствію Кроткова въ показаніяхъ казаковъ подписалось болѣе сорока грамотныхъ казаковъ), но для большей вѣрности своей челобитной войско попросило расписаться священника Михаила-Архангельской церкви Якова Артемьева ¹⁾.

Другая челобитная, еще больше и длиннѣе, была съ объясненіемъ года дѣла „вора и измѣнника Карташева“. Тутъ войско жаловалось на волокиту, на наглость губернскаго начальства, говорило о всѣхъ поборахъ и взяткахъ посланныхъ къ нимъ сыщиковъ. Подъ этой челобитной за все войско подписался „Алексѣевской церкви священникъ Іоанъ Клементьевъ“ ²⁾.

Это были главныя челобитныя. Кромѣ нихъ войско написало еще вѣскольکو челобитныхъ, въ томъ числѣ и челобитную о боѣ съ киргизами, и о предствленіи въ Петербургъ пѣвчихъ каракалпаковъ. Написана была и подорожная (прѣзжая грамота) отъѣзжающей станицѣ.

Въ этой цѣка первой найденной въ архивахъ подорожной отъ войска было написано:

„1720 году, октября въ 12 день, послали мы янцзмиъ войскожъ своихъ янцзмиъ казаковъ станичнаго атамана Федора Михайлова да есаула Алексѣя Абакумова съ товарищи пятьдесятъ три человека въ Санктпетербургъ построа про обиходъ его дому Царскаго Пресвѣтлаго Величества великое число и со взятыми зянки киргизъ-казаками и о всякихъ нашихъ войсковыхъ нуждахъ бити челомъ великому Государю и въ разстояніи того пути по губерніяхъ господамъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ и по провинціямъ и ластратамъ и по городамъ и оберъ-комендантамъ и комендантамъ, по станціямъ и по поселямъ и во деревнямъ всякимъ начальствующимъ людямъ кому гдѣ по указу великаго Государя повелѣно вѣдать по сей подорожной вышечисаннымъ казакамъ станичному атану Федору Михайлову съ товарищи давать свободной пропускъ безъ задержанія того ради во увѣреніе у сей подорожной Янцзмиа войска войсковая печать приложена“ ³⁾.

Печать, приложенная къ подорожной, сдѣлана изъ воска, овальной формы, по длинной сторонѣ размѣромъ $\frac{1}{4}$ вершка. Посрединѣ печати, ввиду нехести ея, едва видно изображеніе человека во весь ростъ, который въ правой рукѣ держитъ ружье, а лѣвою уперся въ бедро; по верхней окружности печати, видимо, была надпись „печать Янцзмиа войска“, но возможно разо-

¹⁾ Смот. приложение XII.

²⁾ Смот. приложение XV.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 137.

брать только слово „печатъ яж“. Въ настоящее время такая-же точно печать находится въ Уральскѣ въ Войсковомъ музеѣ; на другой подорожной, выданной войскомъ въ слѣдующемъ году.

При подорожной на особомъ листѣ находится в списокъ посылаемыхъ казакамъ:

„Роспись станицы ярецкихъ казаковъ, которые посланы съ Янку отъ атамана Ивана Щербакова и отъ всего войска Яицкаго:

Станичной атаманъ Федоръ Михайловъ¹⁾.

Есаулъ Алексѣй Абакумовъ.

Писарь Алексѣй Никитинъ.

Рядовые:

Якимъ Ивановъ, Михаилъ Кулряиновъ, Андрей Никитинъ²⁾, Иванъ Яковлевъ³⁾, Савелій Васильевъ Бизяновъ, Петръ Кожевниковъ, Семень Герасимовъ, Иванъ Михайловъ, Никифоръ Ивановъ, Афанасей Федоровъ, Семень Лукьяновъ, татаринъ Килебеть, Никита Юрьевъ, Андрей Мухинъ, Максимъ Павловъ, Михайло Поликарповъ, Петръ Анофриевъ, Иванъ Лытунъ, Василій Леонтьевъ, Петръ Лоскутовъ, Андрей Васильевъ, Никифоръ Желъяновъ, Варякъ Арефьевъ, Никита Козьминъ, Григорій Пуиновъ, Иванъ Тимофеевъ, Сидоръ Фофановъ, Федоръ Дмитриевъ, Василій Луковъ, Савелій Ларионовъ, Михайла Астраханкинъ, Федоръ Ерофьевъ, Сидоръ Дурмановъ, Василій Гавриловъ, Нефедъ Федоровъ, Артемій Федоровъ, Афанасій Анисимовъ, Никифоръ Портновъ, Дементій Костатиновъ, Семень Истоининъ, Петръ Ильинъ, Никифоръ Пустоваевъ, Федоръ Емельяновъ, Никита Кувишниковъ, Ларионъ Игнатьевъ, Иванъ Марковъ, Трофимъ плотникъ, Куцилунбѣтъ татаринъ, Вальта татаринъ, Викивей татаринъ“⁴⁾.

Наконецъ 12 октября челобитная была написана; Рукавишниковъ и станичники, въ числѣ 53 человекъ, сопутствуемые самыми лучшими пожеланіями войска, уѣхали съ царскимъ вусомъ въ Петербургъ; уѣхали съ ними и два плѣнныхъ кержиза; остальные два были ранены и остались въ городѣ.

Войско утхло. Оно жило пока только ожиданіемъ результатовъ своихъ челобитныхъ.

¹⁾ Рукавишниковъ.

²⁾ Вородинъ.

³⁾ Мясниковъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 140. Въ этомъ спискѣ очень много казаки названы только по именамъ и отчествамъ, фамилій-же у большинства не показано. Въ числѣ этихъ казаковъ былъ входившійся въ плѣну въ Хивѣ, бывший въ походѣ 1717 г. съ Биковичемъ казакъ, въ послѣдствіи войсковой атаманъ, Андрей Никитинъ Вородинъ (сынъ бывш. войск. атамана Никиты Вородина).

Г Л А В А XXV.

Вторичная поѣздна Рукавишниковъ въ Петербургъ. Челобитный войска. Смуты въ Яицкомъ городкѣ. Новыя ссоры казаковъ съ Воейковымъ и его поѣздна на Яикъ. (1720 г.).

Поѣхавъ до Самары, Рукавишниковъ и его товарища отправили своихъ лошадей обратно на Яикъ, а сами наняли пятьдесятъ пять подводъ, по восемь рублей по 21 алтыну и по двѣ деньги за каждую подводку вплоть до Москвы. Здѣсь-же Рукавишниковъ узналъ, что Воейковъ собирается ѣхать въ Яицкій городокъ и нѣтъ для этого команды солдатъ въ триста человекъ. Онъ сообщилъ объ этомъ въ войско съ превосходящими ихъ казаками и просилъ войско ни подъ какими вѣдомъ не пускать Воейкова въ городокъ, пока онъ не добьется въ Петербургѣ отъѣзны этой посылки.

Прибыли ставячяны въ Москву почти черезъ мѣсяцъ—19 ноября. Казаки хотѣли ѣхать далѣе въ Петербургъ, но когда Рукавишниковъ явился съ ними въ посольскій приказъ, то ассессоръ *Михаилъ Ларионовъ* всталъ въ тулупъ. Станица прѣѣхала слѣшкомъ большая. Онъ не звалъ какъ поступить: „И подводъ толкаго многого числа дать я не посмѣю“, — доносилъ онъ потомъ въ Петербургъ ¹⁾. Онъ далъ по требованію казаковъ только „проѣзжія указы“ на пятнадцать человекъ и то для проѣзда на наемныхъ подводкахъ. Такимъ образомъ въ Петербургъ поѣхало только пятнадцать казаковъ, остальные 38 человекъ остались въ Москвѣ ²⁾. Изъ Москвы станичники выѣхали 24 ноября. Въ подорожной, выданной имъ, говорилось:

„По указу великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца отъ *Москвы по городамъ до Клина, до Твери, до Торжку, до Вышняго волочку, до Великаго новагорода и до Санктпетербурга* губернаторамъ, вице-губернаторамъ, обер-комендантамъ и воеводамъ и великимъ графскимъ управителямъ по Его Великаго Государя указу отправлены изъ Москвы изъ Посольскаго приказа въ Санктпетербургъ про обиходъ Его Царскаго Величества съ рыбою и съ икрою и съ ясырями двумя человекъ яицкіе казаки атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи пятнадцать человекъ, и какъ они въ который городъ прѣйдутъ и вышепомянутыя начальствующимъ велѣтъ ихъ до Санктпетербурга про-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 134.

²⁾ Въ Петербургъ поѣхали: Рукавишниковъ, есаулъ Алексѣй Абыкушинъ, викарь Алексѣй Никитинъ, рядовые: Якимъ Ивановъ, Андрей Шклянткичъ Вородинъ, Самсоилъ Васильевъ Билиновъ, Семенъ Герасимовъ, Шккфоръ Исаковъ, Семенъ Лукьяновъ, Михаилъ Курилановъ, Иванъ Яковлевъ, Петръ Кожениковъ, Иванъ Михайловъ Масяниковъ, Афанасій Федоровъ и татаринъ Килембетъ (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 140).

дускати безъ задержанія и остановки; а какъ они прїѣдутъ въ Санктпетербургъ и имъ явиться въ канцелярїи полицмейстерскихъ дѣлъ.

Писанъ въ Москвѣ лѣта 1720 ноября въ 23 день.

У сей пробѣзжей Великаго Государя Печать¹⁾.

По этому-же образцу писались подорожныя всегда, когда казаки выѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ и обратно на Яикъ.

Прибыли Рукавишниковъ съ товарищами въ Петербургъ перваго декабря²⁾, гдѣ явились къ государственному канцлеру графу Головкину.

Къ нему отъ Яицкаго войска была послана съ Рукавишниковымъ особая челобитная:

„Великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца Государственному канцлеру кавалеру и президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину съ товарищи запольныя рѣки Яику яицкіе атаманы-казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и все яицкое войско челомъ бьетъ.

Въ нынѣшнемъ 720 году октября въ 12 день послали мы войскомъ своихъ яицкихъ казаковъ въ Санктпетербургъ бити челомъ Царскому Величеству и Вашему Сїятельству въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ станичнаго атамана Федора Михайлова да есаула Алексѣя Абакумова съ товарищи пятьдесятъ три человекъ о прежде поданномъ нашемъ прошеніи и о нынѣшнемъ, о чемъ явствуетъ въ заручной нашей войсковой челобитной, и помнятымъ казакамъ атаману съ товарищи пятьдесятъ тремъ человекамъ велѣли явиться и отписку водать въ Санктпетербургъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Государственному канцлеру кавалеру и президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину съ товарищи.

Октября въ 12 день настоящаго 720 году³⁾.

Конечно, являясь къ государственному канцлеру, яицкіе казаки преподнесли ему и часть привезенной съ Яику икры и рыбы, какъ-то водилось изстари, т. е. войско посылало всегда вмѣстѣ, непосредственно съ Царскимъ кусомъ, часть подарковъ и высшимъ сановникамъ страны и всѣмъ, кто такъ или иначе имѣлъ вліяніе на дѣла войска.

Представили станичники ему и двухъ плѣнныхъ киргизъ вмѣстѣ съ отпискою отъ войска на имя Головкина о боѣ, происшедшемъ у казаковъ съ киргизами⁴⁾.

Явившись къ Головкину, Рукавишниковъ, конечно, не упустилъ случая рассказать ему о просьбахъ войска и о челобитныхъ, которыя онъ везъ съ Яика. А челобитныхъ, какъ мы знаемъ, было не мало.

Головкинъ направилъ ихъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, куда они явились 5 декабря.

Здѣсь казаки передали плѣнныхъ киргизъ и подали всѣ свои челобитныя.

1) Тамъ-же, опись 107, кн. 80, листъ 188.

2) Тамъ-же, листы 151—156.

3) Тамъ-же, листъ 186.

4) Тамъ-же, листъ 186. Челобитная войска Головкину отъ 12 октября 1720 г.

Не мало хлопотъ предстояло Рукавишникову. Онъ привезъ съ собою много челобитныхъ. Всѣ онѣ были важны, всѣ онѣ были нужны и по каждой челобитной приходилось давать разъясненія.

Въ одной самой обширной своей челобитной [см. прилож. XII], описывая всѣ свои службы при царѣ Петрѣ и перечисляя расходы, которые казаки произвели на наемъ станицъ при выдачѣ подъемныхъ денегъ (подмоги), войско проситъ о дачѣ жалованья *не на шестьсотъ* человекъ, какъ получали они до сего времени, *а на полное число казаковъ на 2600 человекъ*. Объ этомъ уже хлопоталъ лѣтомъ станичный атаманъ Астраханскій, но безуспѣшно. Согласно съ этой челобитной, всѣ наряды, начиная съ Чигиринскаго похода до послѣднихъ нарядовъ въ Шведскую войну, обошлись войску 119728 р., сумма по тому времени колоссальная. Въ переводѣ на наше время, если подсчитать каждый старый рубль въ 20 нынѣшнихъ рублей (что для Яицкаго войска является малымъ, т. к. стоимость продуктовъ на Яикѣ возросла противъ того времени въ 30—40 разъ)¹⁾, получится сумма, равная болѣе чѣмъ двумъ милліонамъ рублей.

По этой челобитной рѣшенія дождалось войско не скоро. Согласившаяся въ началѣ съ казаками о выдачѣ имъ жалованья на 2600 чел. Коллегія Иностранныхъ дѣлъ, ввиду поступившаго вскорѣ указа о вѣдѣніи яицкихъ казаковъ въ Военной Коллегіи, передала это дѣло со всѣми дѣлами въ эту послѣднюю, гдѣ оно и застряло до конца переписи полковника Захарова.

Другая и болѣе длинная челобитная, подаваемая Рукавишниковымъ, была челобитная съ жалобами на розныщиковъ, о Карташевѣ и дѣлахъ въ войскѣ [см. прилож. XV].

Въ дополненіе къ этой челобитной Рукавишниковъ подалъ „доношеніе“ лично отъ себя о томъ, что виновные во взысканъ съ казаковъ Кротковъ, Путиловъ, Волковъ и другіе розныщики въ Казанѣ къ губернатору на слѣдствіе не побѣжали:

„Въ грамотѣ Великаго Государя, писалъ Рукавишниковъ, написано, чтобъ ему боярину и губернатору Алексѣю Петровичу съ товарищи наше дѣло съ Карташевымъ и со отцомъ его Матфѣемъ Миrowsкимъ съ товарищи, и со офицеры, и поручики, все наше дѣло изслѣдовать и розыскать и по розыску указъ учинить; и намъ войскому бояринъ и губернаторъ Алексѣй Петровичъ съ нимъ Карташевымъ, и съ отцомъ его Миrowsкимъ, и со офицеры, и поручики никакого розыску и рѣшенія о нашемъ дѣлѣ не учинили, и велѣлъ намъ онъ, бояринъ и губернаторъ Алексѣй Петровичъ, бати челомъ Царскому Величеству вторично; и меня важайшаго съ товарищи послали въ нынѣшнемъ 720 году октября въ 12 день всѣмъ Яицкимъ войскомъ бити челомъ вамъ Царскому Величеству о прежнемъ дополненіи и о нынѣшнемъ, что явствуетъ

¹⁾ Пудъ якры на Яикѣ при Павловѣ въ 1769 г. стоить—лучшая якра 2 р., донатоки осетровъ 30 р., нѣтъ же пудъ якры стоить 180 р., пудъ осетрымъ 8 р.

въ доношеніи нашемъ и въ челобитныхъ нашихъ войсковыхъ“¹⁾,

Далѣ въ своей челобитной, говоря о пріѣздѣ на Яикъ поручика Кустова и о томъ, что Воейкову порученъ розыскъ на Яикѣ, Рукавишниковъ между прочимъ писалъ:

„И нашему Яицкому войску оной Воейковъ съ Оызрани писалъ къ намъ на Яикъ много послушныхъ указовъ за своею рукою; а въ указахъ писано, чтобъ войскомъ выслали по него Воейкова на Самару встрѣтить многолюдствомъ, и мы къ нему Воейкову такожь противъ тѣхъ указовъ, писали къ нему Воейкову въ своихъ войсковыхъ отпискахъ, что мы встрѣчи тебѣ на Самару не вышлемъ, и квартиру тебѣ господину Воейкову у насъ на Яикѣ не будетъ, и подъ розыскъ къ намъ не пойдемъ безъ Царскаго Величества именного указа по тому, что мы нишъ не присудны къ Астраханской губерніи, но присудны по указу Царскаго Величества въ Санктпетербургѣ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ посольскомъ приказѣ; а поручикъ Кустовъ и съ доносителемъ Карташевымъ чинять у насъ нишъ на Яикѣ великое изневательство и обиду всему нашему Яицкому войску.

А въ нынѣшнемъ же 720 г. октября 12 дня поѣхалъ я нижайшій съ нынѣшней станицею съ Яику въ Санктпетербургъ и послѣ отъѣзду нашего оной Воейковъ поѣхалъ къ намъ на Яикъ для розыску ли или иного котораго рада дѣла, а съ нимъ поѣхало солдатъ триста человекъ, и что у насъ нишъ на Яикѣ помянутой Воейковъ какое дѣло чинить или изневательство про то мы раби твои не знаемъ“²⁾.

Далѣ Рукавишниковъ отъ лица войска проситъ Коллегію дать „Его царскаго величества именной указъ“, чтобы Воейкову и Кустову „никакой обиды и изневательства и розыску на Яикѣ до царскаго величества именного указа не чинить“. За неграмотнаго Рукавишникова росписался казакъ Петръ Кожевниковъ.

Въ другой челобитной войско жаловалось царю на то, что съ нихъ не смотря на указы царя берутъ въ Самарѣ в Оызрани пошлину съ рыбы, а также и другіе сборы.

Эти сборы были царскимъ указомъ отиѣнены еще въ 1684 году³⁾. Съ казаковъ брали съ привезенной рыбы и акры десятое число. Пошлина эта находилась тогда въ рукахъ откупщика купца („гостя“) *Владимира Воронина*, который и собиралъ эту „десятину“ со всѣхъ пріѣзжавшихъ съ Яика въ Самару купцовъ, крестьянъ и казаковъ.

Но кромѣ этой пошлины съ казаковъ брали тогда и пошлину съ покупаемаго ими хлѣба и съ воевъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 228—224. Доношеніе поѣчено 7 декабря 1720 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Смолт. стр. 340—341 настоящ. очерка.

Тогда-же посланными указами откупщику Воронину и къ самарскому воеводѣ стольнику *Никитѣ Харитоновичу Борисову*, а также къ Яцкову войску приказывалось этого сбора съ казаковъ не брать, а „таможеннымъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ съ продажной цѣны на Самарѣ съ денегъ и отвозныхъ пошлинъ имать не велѣно“.

Но съ теченіемъ времени этотъ указъ постепенно воевода и откупщики забыли или, вѣрнѣе, сдѣлали видъ, что забыли, и стали съ 1706 года снова брать десятину съ рыбы и другія пошлины, которыя, конечно, попадали цѣликомъ въ ихъ широкіе карманы. Поводомъ для этого послужилъ указъ Петра 1705 г., по которому до сихъ поръ вольная продажа соли отмѣнялась; солью могла торговать только казна. Приравнясь къ тому, что рыба съ Яика привозилась иногда солена и что въ икрѣ находилась соль, — самарскіе и сызранскіе откупщики съ 1706 г. и стали брать вмѣсто денегъ десятую рыбу.

Пошлины эти въ 1720 году составляли уже не малую статью дохода и воеводѣ и откупщику. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Рукавишниковымъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ казаковъ брали въ Самарѣ и Сызранѣ съ каждаго отъѣзжающаго воза съ хлѣбомъ по 4 и по 3 алтына, брали съ дуга (подушныя) и съ верховой лошади по 5 и по 6 алтынъ 4 деньги. Съ рыбы-же и икры брали пошлину „съ большой и малой и средней по разбору десятую рыбу“. До отмѣны этой пошлины въ 1685 г. съ казаковъ не брали пошлины только съ той рыбы, которая служила для нихъ пищей („харчъ“), на что было положено для каждаго казака: двѣ бѣлуги и пять осетровъ; но съ 1706 г. стали брать пошлину и за эту рыбу, не вычитая ее изъ общаго числа. Наложили пошлину и за урѣдъ съ рыбою съ каждаго воза по 4 деньги ¹⁾.

— Также когда мы про государевъ обиходъ (съ царскими кусокъ) ѣздимъ съ рыбою и съ икрою и съ прочимъ припасомъ, — говорилъ Рукавишниковъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, — и съ тѣмъ насъ безпошлинно не пропускаютъ. Да въ городѣхъ, когда мы покупаемъ про свои нужды порохъ, и свинець, и смолу, и желѣзо и сталь для дѣланія лодокъ къ рыбой ловлѣ и насъ съ тѣмъ на заставахъ не пропускаютъ и осматривая отымаютъ ²⁾.

Войско-же въ своей челобитной между прочимъ говорило:

„А вышѣ намъ, рыбамъ твоимъ, въ Самарѣ и въ Сызранѣ надиратели и бурнистры и цѣловальники съ которою, мы нижеименованныя, съ рыбою и съ икрою для хлѣбныхъ покупокъ лѣтнимъ и осеннимъ и зимнимъ путемъ выѣзжаемъ въ помянутые города, берутъ съ насъ работъ твоихъ десятое число съ большіе и съ малые и средніе со излишествомъ лучшую, чрезъ (противъ) вашихъ Великаго Государя грамоты, такожь и съ покупки хлѣбныхъ запасовъ и съ цѣны отвозные деньги, а именно съ воза по четыре и по пяти

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 77, листы 180—181. Указъ Царя Петра о новозаконнѣ съ лицъ каз. десятины и другихъ налоговъ. 1741 г. 5 июля.

²⁾ Тамъ-же.

алтынь съ 706 г. и до нынѣшняго 720 г.; и въ томъ намъ рабамъ твоимъ чинять раззореніе немалое; такожъ еще съ насъ, рабовъ твоихъ, въ Самарѣ и въ Сызранѣ берутъ „подужные“ деньги не противъ твоего Царскаго Величества указу; съ верховныхъ простыхъ съ лошадей по пяти и по шести алтынь по четыре деньги и въ томъ намъ такожъ рабамъ твоимъ чинять неважательство немалое для они своихъ бездѣльныхъ корыстей“¹⁾.

Далѣе войско просило отъ этихъ пошлинь „свободу учинить, чтобъ намъ рабамъ твоимъ отъ такихъ обидъ въ конецъ не разораться и твоей царскаго величества службы не отбить“. Подъ челобитной подписался Алексѣевской церкви священникъ *Иезъ Алексѣевъ*.

Войско по этому челобитью было удовлетворено и указъ состоялся въ слѣдующемъ 1721 г. 5 іюня. Въ указѣ пошлина не отмѣнялась, но приказывалось брать ее по закону. Въ этомъ-же указѣ подробно излагалось какъ и сколько брать съ привозимой казаками рыбы: „Съ казаковъ и ихъ работниковъ и съ проѣзжихъ людей, которые выходятъ будутъ съ рыбою въ Самару и на Сызрань брать со оной рыбы десятую долю: съ большой—большую, съ средней—среднюю, съ меньшей—меньшую и пошлину имать по указамъ; а ежели у кого будетъ меньше десяти осетровъ и съ тѣхъ имать деньги—десятую часть, почему та рыба продаваться будетъ, да сверхъ того Яицкаго войска казакамъ и ихъ работникамъ про свои обиходы отпущать (отдавать безошлинно на харчъ) съ десятаго по три осетра да по бѣлугѣ, а ежели въ вывозѣ бѣлугъ не будетъ тѣмъ спущать по пяти осетровъ, а ежели у кого въ вывозѣ осетровъ не будетъ, а будутъ одни бѣлуги и тѣмъ пропускать вмѣсто осетровъ по двѣ бѣлуги, а съ прочихъ привозовъ пошлину брать по указамъ безъ излишества, а лишняго отнюдь не имать и тѣмъ обидъ и налогъ не чинить. А ежели кто возьметъ съ нихъ что излишнее,—говорилось въ указѣ,—и на тѣхъ людяхъ, по розыску, всѣ ихъ убытки доправлены будутъ со штрафомъ, и о томъ дать имъ, казакамъ, охранный указъ и генераломъ-губернаторамъ и губернаторамъ, и вице-губернаторамъ, и оберъ-комендантамъ, и воеводамъ, и камфирамъ и прочимъ управителямъ, и земскимъ и таможеннымъ бурмистрамъ и гдѣ кому вѣдать надлежитъ, чинить о томъ по сему его великаго государя указу, а ежели кто учинитъ противно сего указа и за то на нихъ онымъ явнымъ казакамъ убытки доправлены будутъ со штрафомъ, а прочіе по винамъ будутъ разорены и дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, пошеже сверхъ сего въ Казанскую и Астраханскую губерніи изъ Каморъ-коллегіи указы посланы, а сей указъ въ городѣхъ и гдѣ надлежитъ прочитая имать копіи, а подлинной отдавать имъ, казакамъ, съ росписками“²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 293—294.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 77, листы 178 и 180—181. Указъ помѣченъ 1721 г. іюля 5.

Подъ указомъ подписались: Князь Дмитрій Голицынъ, Антонъ фонъ-Зайцъ, крестьянинъ Гайкъ, секретарь Филиппъ Ключаревъ, Никита Замоснитковъ, справщикъ Осипъ Федотѣевъ.

Но самое важное и главное дѣло, возложенное войскою на Рукавишниковъ, было исходатайствованіе Яицкому войску „владѣнной“ — грамоты на право владѣнія р. Яикомъ. Мысль о потерѣ грамоты не давала покоя казакамъ. Потерявъ эту грамоту, во время пожара, бывшаго на Яикѣ приблизительно въ 1685 г., когда сгорѣлъ почти весь городокъ, сгорѣла соборная церковь, гдѣ хранилась грамота („владѣнная“), а также сгорѣла и войсковая изба со всѣми дѣлами, войско не могло перенести эту тяжелую для себя потерю. Окруженное со всѣхъ сторонъ непокойными и враждебными сосѣдями калмыками, башкирами, а также и самарянами, не разъ покушавшимися на казачье достояніе, на ихъ луга и рыбныя ловли, — войско наконецъ рѣшило бить царю челомъ о дачѣ новой „владѣнной“.

Въ своей челобитной, составленной по этому поводу, войско говоритъ о тѣхъ угодьяхъ, которыя были предоставлены по старой грамотѣ Яицкому войску, и о томъ, какія притѣсненія терпятъ казаки отъ своихъ сосѣдей самарянъ, калмыкъ и башкиръ, узнавшихъ о томъ, что грамота сгорѣла. [См. прилож. XVI].

Подали ставячники челобитную 7 декабря, а 10 ихъ потребовали въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ для дачи объясненій.

Спрошенные по этому дѣлу Рукавишниковъ и есаулъ Абакумовъ „съ товарищи“ сказали:

„Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которыхъ сказать не упомяну, блаженна памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ *Алексѣ Михайловичѣ* по именному Его Великаго Государя указу дана намъ Его Великаго Государя жалованная грамота, а изъ котораго приказу сказать не знаемъ; а велѣно намъ казакамъ жить на Яикѣ рѣкѣ и рыбными ловлями съ вершин той рѣки и по устью со всѣми рѣками и протоки, которые въ ту рѣку бѣгутъ, такожъ лѣсами, и сѣвными покосы, и звѣриными гоны, и всякими угодья владѣть намъ казакамъ вѣчно, а самарянамъ и сибирцамъ въ той рѣкѣ Яику и на въ которыхъ рѣчкахъ, которыя въ Яикѣ паки и влекому ловить и звѣрей гонять и лѣсовъ рубить невелѣно; и тѣми угодья, по той Великаго Государя грамотѣ, владѣли мы многіе годы, а тому лѣтъ съ тридцать, въ пожарное время, какъ нашъ Яицкой городокъ сгорѣлъ, и тогда въ соборной церкви и оная жалованная грамота сгорѣла; и съ прошлаго съ 701 г. и по нынѣ калмыцкіе многіе владѣльцы, и калмыки, и башкирцы, такожъ и самаряне въ тѣхъ нашихъ жалованныхъ подлахъ рыбу ловятъ и учуги заирають въ чемъ намъ чинять великую обиду и разореніе... а у насъ нынѣ промысловъ, кромѣ рыбной ловли, никакихъ нѣтъ; а съ того числа и по нынѣ о жалованной грамотѣ мы не бивали челомъ за опредѣленіемъ губерней, такожъ и разореніемъ своимъ, и за частыми набѣгами каракалпакъ и киргизъ и отъ нихъ за осадю¹⁾“.

Этотъ отвѣтъ Рукавишниковъ и товарищей былъ записанъ въ формѣ до-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 805—306.

проса, подъ которыми по безграмотству станичниковъ расписался бывшій въ станицѣ писаремъ казакъ *Алексѣй Никитинъ (Вороновъ)*.

Коллегія стала наводить справку, но по справкѣ въ присланныхъ изъ Казани отъ губернатора свидѣнїяхъ о состоянїи Яицкаго войска, Коллегія ничего объ этомъ не нашла, въ нихъ ничего не говорилось о дачѣ войску грамоты. Въ приказѣ Казанскаго дворца, гдѣ до сихъ поръ числились яицкіе казаки, Коллегія справокъ не навела. Лишь только въ слѣдующемъ 1721 г. 31 мая, когда Яицкое войско перешло въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, казачья челобитная была направлена въ Правительствующій Сенатъ съ просьбою указать, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Но какая послѣдовала по этому резолюція—изъ дѣлъ не видно ¹⁾.

Подавъ войсковыя челобитныя, Рукавишниковъ сталъ хлопотать о своей станицѣ, о дачѣ имъ жалованья, издержанныхъ за проѣздъ прогонъ и кормовыхъ денегъ на житье въ Петербургъ и Москвѣ.

И ѣдучи съ Яика до Санктпетербурга дорогою всё испробовали, — писалъ, между прочимъ, Рукавишниковъ въ челобитной, — и живучи намъ нижайшимъ пятнадцать человѣкамъ, такожъ и оставшіе въ Москвѣ тридцати осьми человѣкамъ, питаться нечемъ же; того ради симъ доношеніемъ у Высочайшей Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи всепокорно просимъ дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно намъ нижайшимъ учинить для здѣшняго житья такожъ и оставшимъ въ Москвѣ кормовые деньги, такожъ за вѣрную нашу къ Его Царскому Величеству службу на прїѣздъ и на отпускъ дать великаго Государа жалованье противъ донскихъ казаковъ, понеже мы служимъ казачью службу съ ними вмѣстѣ.

О семъ доносимъ Яицкаго городка присланной Яицкой станишвой атаманъ Федоръ Михайловъ есаулъ Алексѣй Абакумовъ; писалъ Алексѣй Никитинъ всего пятьдесятъ три человѣка декабря 5 дня 1720 г. Вмѣсто станишнаго атамана Федора Михайлова съ товарищи по ихъ велѣнью Петръ Кожевниковъ руку приложилъ ²⁾.

Въ Коллегіи по этой челобитной навели по правиламъ справку—какое жалованье дать прїѣхавшимъ казакамъ.

По справкѣ выяснилось, что въ допросѣ въ январѣ 1720 г. станичнаго атамана Рукавишникова съ товарищи сказано, что когда яицкіе казаки были вѣдомы въ Казанскомъ приказѣ, то прїѣжавшимъ для челобитья 14 человѣкамъ давалось на прїѣздъ и отсутствіе: атаману по 14 рублевъ да по 2 сукна, есаулу по 12 рублевъ да 2 сукна, рядовымъ по 8 рублевъ да по 2 сукна, кормовыхъ: атаману по 2 алтына, есаулу по 10 денегъ, рядовымъ по 8 денегъ человѣку на день и въ дорогу кормъ противъ московской дачи, а на сколько времени неупомнать, и даваны имъ подводы атаману и есаулу по 2,

¹⁾ Мною просмотрѣны въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи всѣ дѣла Сената за эти годы, но нигде нѣтъ свѣдѣній о полученіи Сенатомъ этой переписки не найдено.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листы 151—156.

рядовнымъ по подводѣ и на нихъ прогонн^а 1).

На посланную-же изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ грамоту 17 марта 1720 г. отвѣта изъ Казани о состояніи яицкихъ казаковъ еще не получилось²⁾. Сдѣлали подсчетъ по дачамъ, получавшимся казаками въ Казани.

По этому расчету имъ надлежало дать:

—Пріѣзжнимъ сюда (въ Петербургъ) кормовыхъ: атаману рубль 26 алтынъ 4 деньги, есаулу рубль 15 алтынъ 4 деньги, рядовымъ 13 человекамъ по рублю по 6 алтынъ 4 деньги.

На пріѣздѣ и на отпускѣ:

Атаману 14 рублей, есаулу 12 рублей, рядовымъ по 8 рублей: итого 130 рублей.

Да въ дорогу на 2 мѣсяца кормовыхъ же 38 рублей 26 алтынъ 4 деньги. Итого 187 рублей 23 алтына 2 деньги.

Да всѣмъ по 2 сукаа.

Оставшимъ въ Москвѣ 38 человекамъ:

Кормовыхъ на мѣсяць и въ дорогу на 2 мѣсяца по рублю по 6 алтынъ по 4 деньги человекѣу на мѣсяць, итого 186 рублей 26 алтынъ 4 деньги.

На пріѣздѣ и на отпускѣ 304 рубли.

Итого 440 рублей 26 алтынъ 4 деньги.

Всего здѣсь и оставшимъ въ Москвѣ 628 рублей 16 алтынъ 2 деньги³⁾.

Но Рукавишниковъ сообразилъ, что если имъ выдадутъ по этому расчету, то ихъ значительно обесчятятъ, т. е. донцы за тѣ-же пріѣзды получали далеко болѣе. Да и самъ Рукавишниковъ въ свою первую поѣздку получилъ кормовья и жалованье по донскому окладу⁴⁾.

Казань стали настаивать выдать имъ жалованье и за пріѣздъ не по старому казанскому окладу, а по донскому.

Въ Коллегіи сдѣлали расчетъ:

—А буде противъ донскихъ казаковъ легкихъ станицъ и имъ подлежатъ кормовыхъ на мѣсяць:

Атаману по 2 рубли 3 алтына 2 деньги.

Есаулу рубль 26 алтынъ 4 деньги.

Рядовымъ по рублю по 16 алтынъ по 4 деньги.

Да за питье: атаману за вино рубль 26 алтынъ 4 деньги, за медь 2 рубли 15 алтынъ 4 деньги, за пиво рубль 29 алтынъ съ деньгою.

Есаулу за вино рубль 18 алтынъ 4 деньги, за медь рубль 14 алтынъ 8 деньги, за пиво рубль 29 алтынъ съ деньгою.

Рядовымъ за вино по 30 алтынъ, за медь по рублю по 14 алтынъ по

1) Тамъ-же, листы 151—156. (См. прил. XI) и Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, россѣт. III Донск. дѣлакъ, свѣдѣн. 29, 1720 г. № 17.

2) См. прил. XI.

3) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 151—156.

4) Смотр. страницу 576 настоящаго очерка.

3 деньги, за пиво по 31 алтыну по 2 деньги.

Итого 76 рублевъ 26 алтынъ.

На прїездъ и на отпускъ.

Атаману 48 рубли, есаулу 32 рубли, рядовымъ 13 человекъ по 22 рубли человекъ.

Да въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца 42 рубля 20 алтынъ 4 деньги.

За порохъ и свинець 2 рубля 15 алтынъ 5 денегъ.

Итого 483 рубли 1 алтынъ 5 денегъ.

Да въ Москвѣ оставшимъ 38 человекъ рядовымъ кормовыхъ московскаго жьтя на мѣсяць, да въ дорогу на 2 мѣсяца кромѣ пята 171 рубль.

На отпускъ по 22 рубли человекъ.

Итого 836 рублевъ¹⁾.

Подарки нароу и рыбоу сдѣлали свое дѣло и станичники, бывшіе въ Петербургѣ, были расчитаны по донскому положенію, получивъ 483 рубля вмѣсто 187 рублей, слѣдующихъ имъ по старому окладу.

Но не такъ были счастливы оставшіеся въ Москвѣ. Въ Петербургѣ недоумѣвали, къ чему прїѣхало со станицею такое большое количество казаковъ. Обычныя станицы не превышали 15—20 человекъ. Кормить и поить и награждать пятьдесятъ казаковъ въ Коллегіи считали совершенно излишнимъ, да и дѣлу они несколько не помогли.

Почему взялъ съ собой Рукавишниковъ такъ много казаковъ—остается невыясненнымъ. Тутъ, надо думать, играла роль Самара, гдѣ былъ Воейковъ. Ѣхать съ малою станицею Рукавишниковъ, вѣроятно, не рѣшился, боясь со стороны Воейкова какого либо „изневѣльства“, обыска, ареста или чего другого. Твердо рѣшившись добиться своего, онъ, умншленно, взялъ большую станицу, зная, что съ полусотней казаковъ онъ не дастся Воейкову и Воейковъ не рискнетъ сдѣлать ему что либо.

О дачѣ станичникамъ жалованья противъ донскаго оклада состоялся указъ 21 декабря, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, чтобы оставшихся въ Москвѣ 38 человекъ отаравить обратно на Якъ и дать имъ за все жалованье, каждому только по 10 рублей, всего-же 380 рублей (вмѣсто подсчитанныхъ 836 рублей) и выдать эти деньги изъ Посольскаго приказа. И дать имъ, говорилось въ указѣ, по подвождъ человекъ и на нихъ прогони по указу (по закону), о томъ ассессору послать указъ; а въ грамотѣ великаго Государя къ яцкиимъ казакамъ написать, чтобы они впредѣ для войсковыхъ дѣлъ присылали казаковъ *въ зимовыхъ станицахъ* и съ заслугами, какъ я нимѣ присланы, *отъ пятнадцати до двадцати*, а *въ летнихъ не больше десяти человекъ*, которымъ Его Великаго Государя жалованье будетъ давано, а ежели сверхъ вышеписаннаго числа въ прїездѣ будутъ из-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 151—156, и Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, реестръ III, Донск. дѣла, связка 29, 1720 г. № 17.

лишніе и тѣмъ излишнимъ жалованья давано не будетъ¹⁾.

Такимъ образомъ этимъ указомъ разъ навсегда опредѣлялось количество казаковъ, прибѣгающихъ въ станицахъ, и окладъ, который они стали получать за прїѣздъ въ Москву и Петербургъ.

Рукавишниковъ съ товарищами остановились на квартирѣ у пѣвчаго дьячка *Андрея Нижегородцева*. Наняли они у него квартиру по цѣнѣ по три алтина по четыре деньга на день²⁾. Стали просить станичники и за наемъ квартирн. Выдали по подраженной цѣнѣ.

Стали хлопотать они и объ вздержанныхъ ими деньгахъ за наемъ подводу въ Самары до Петербурга.

„И мы нижайшіе изъ Москвы такожъ принуждены были нанять семнадцать подводъ, писали станичники въ челобитной, и дали на каждую подводу по три рубля съ полтиною и оттого мы нижайшіе одолжали великими долгами и отплатить чѣмъ не имѣемъ; того ради у Высочайшей Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи всепокорно просимъ дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было намъ нижайшимъ оные наши потраченные деньги выдать и чтобъ намъ было чѣмъ долги свои заплатить. О семъ доносимъ присланные съ Яку станишной атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи³⁾.

Деньги эти были возвращены полностью.

Шестого же декабря Рукавишникова спрашивали подробно о боѣ казаковъ съ киргизами и вообще о киргизахъ.

„Киргизъ-кайсаки, которыхъ мы нынѣ привезли, говорилъ Рукавишниковъ— владѣнія *Абалхаиръ-хана*; живутъ они между Хивой и Сибирью, и граничатъ съ Сирь-Дарьинскою степью и съ каракалпаками и съ черными калмыками. Имѣютъ надъ собою два хана—*Абалхаира* да *Камбъ-султана*. И Камбъ-султанъ живетъ въ городахъ, изъ которыхъ главный называется *Корчетанъ*; а *Абалхаиръ-ханъ* кочуетъ въ степяхъ. А слышно намъ, что у тѣхъ обоихъ хановъ соберется войска до шестидесяти тысячъ конницы; бои у нихъ огненные:—янычарки и турки съ жаграми (?) безъ замковъ, и луки, и сабли, и конья. А разстояніемъ живутъ они кайсаки отъ насъ янцкихъ казаковъ сорокъ дней легкой конной ѣзды. А отъ Уфы и отъ иныхъ городовъ сколько разстояніемъ того сказать незнаю. Напередъ сего тѣ киргизцы прѣхаживали подъ нашъ казачій городокъ и нѣме государевн городи многими собраніемъ по тысячѣ, и по двѣ, и по три и больше, согласясь съ каракалпаки по часту; и сидѣли мы въ осадѣ и чинили съ ними военный отпоръ. А когда мы ѣздимъ въ степь для добычи и на Сызрань, то не преставно они киргизцы и каракалпаки на насъ нападаютъ и сидимъ мы отъ нихъ въ осадѣ жъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 168.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 167.

⁴⁾ Тамъ-же.

Разсказалъ Рукавишниковъ и о приходѣ Абалханръ-хана въ 1719 году подъ казачій городокъ и объ другяxъ набѣгахъ киргизъ.

Въ тотъ-же день были допрошены и киргизы. Разсказали они подробно о своемъ набѣгѣ, о захватѣ плѣнныхъ и о нападеніи на нихъ янцзинъ казачковъ.

Но Иностранную Коллегію больше всего интересовало, гдѣ живутъ киргизы и кто ими править.

Разсирошенный объ этомъ черезъ переводчика Сулеймана Яниктеова киргизъ Акъ-мурза сказалъ:

„Зовутъ де его Акмурза Хохлубаевъ, сынъ Алчингъ, вѣры магометанской, владѣнія Абалханра-хана каракалпацкаго, киргизъ-кайсака. Земля де ихъ граничитъ съ Копъ-тайшею и черными калмыки, такожъ и съ башкирцы. Живутъ въ степяхъ кочевьемъ на разныхъ мѣстахъ; въ зиму кочевье ихъ бываетъ отъ Самары конной вѣды два мѣсяца, на устьѣ рѣки Сиръ-Дарьи, при морѣ Аральскомъ; а въ лѣтѣ на рѣкѣ Ембѣ, которой отъ Самары конной вѣды съ мѣсяцъ, а отъ Сибири и отъ Астрахани сколько далеко, того онъ не знаетъ, только онъ про тѣ города слыживалъ. Абалханръ-ханъ каракалпацкой никому неподсуденъ, и городовъ въ его державѣ никакихъ нѣтъ, а о всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ имѣеть онъ согласіе съ Кайпъ-ханомъ, у котораго подсудны киргизцы, да съ Тургай-ханомъ, у котораго подсудны кайсаки, и у которыхъ въ державахъ есть многіе города каменные и земляные, а сколько, того онъ сказать не знаетъ и самъ онъ въ тѣхъ городѣхъ не бывалъ. А у Кайпъ-хана столичный городъ Теркустанъ, а сколько далеко, того онъ не вѣдаетъ, и въ томъ городѣ есть и пушки. Да съ Солтанъ-Муратъ-ханомъ, у котораго подсудны каракалпаки, и у тѣхъ де у всѣхъ четырехъ хановъ воинскихъ людей будетъ тысячъ по двадцать, а кормятся они скотомъ, который продаютъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ и каракалпакамъ, и покупаютъ тамъ хлѣбъ и товары, а у нихъ де въ юртахъ хлѣба никакого нѣтъ. Напередъ же сего они подъ города Царскаго Величества, тако жъ и подъ улусы Аюки-хана для разоренія подѣживали на годъ токмо по два и по три (раза) человекъ по сту и больше и до тысячи, съ вѣдома своего хана такожъ и начальныхъ людей; и разоряли многія села и деревни и подъ городами слободы и бразы русскихъ людей въ полонъ и отвозили къ себѣ въ улусы и продаютъ въ Бухарѣ, а иныхъ у себя держатъ, а пушекъ у нихъ нѣтъ, а порохъ и свинецъ и фитили дѣлаютъ въ улусѣхъ и есть пороховне заводы ¹⁾).

Другой киргизъ Неверзбай-Тебеевъ повторилъ тоже, что и его товарищъ. Деятаго декабря ихъ позвали для дополнительнаго опроса „въ пополненіе о морѣ Аральскомъ и о каракалпакахъ и о прочемъ“.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30. Показаніе плѣнныхъ киргизъ.

Плѣнники отвѣчали:

„Море Аральское называется Аральскимъ, потому что среди того моря есть островъ Араль. А то море особо отъ Хвалынскаго моря и соединеніе съ Хвалынскимъ моремъ есть протокомъ, и тотъ протокъ сколь и глубокъ ли, того не знаютъ, для того что они сами тамо не бывали, и какъ отъ другихъ слышали, что между тѣми морями сухимъ берегомъ конной ѣзды недѣли съ три. Вода въ томъ морѣ соленая, пить нельзя, а рыба какая есть ли, того не вѣдаютъ, потому что они бывають при томъ морѣ нечасто. То море и островъ Араль не малые, а сколь великіе, сказать подлинно не могутъ. Житія на томъ Аральскомъ острову и лѣсовъ нѣтъ, только камышъ большой и зимою замерзаетъ, и въ зимнее время на томъ острову каракалпаки живутъ кочевьемъ, а звѣри какіе есть ли, того не вѣдаютъ, потому море, судовъ морскихъ нѣтъ.

Каракалпаки магометанской же вѣры, у нихъ особливый *Мураutz-ханъ*. Тотъ ханъ ни подъ чьимъ владѣніемъ, кочуютъ они каракалпаки отъ нихъ киргизцевъ зимнимъ путемъ конной ѣзды дней съ десять, а лѣтомъ къ нимъ каракалпакамъ они мало ѣздаютъ, потому что мѣста песчанья. Собирается ихъ каракалпаковъ тысячь по двадцати, и больше, и живутъ съ ними въ миру, и межъ собою ссоръ никакихъ не имѣли и неимѣють. И напередъ се-го она киргизцы съ ними каракалпаки тажиwali обще для раззоренія улусовъ Аюкая хана калмыцкаго и черныхъ калмыковъ и башкирцевъ“. ¹⁾

Киргизамъ предстояла тяжелая участь.

По опредѣленію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, состоявшемуся 24 декабря, обоимъ киргизъ приказано было „послать на каторгу для вѣчной работы“ ²⁾.

Войску же за его службу была написана похвальная грамота. Въ ней вначалѣ повторялись слова казацкой челобитной, присланной съ плѣнниками киргизами и съ описаніемъ боя, а въ концѣ говорилось:

„И ни Великій Государь за ту вашу службу жалуемъ васъ атаманъ и казаковъ:— милостиво похваляемъ, и какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота придетъ и вы бѣ видя къ себѣ сію нашу Великаго Государя милость и впредь намъ Великому Государю служили, и такихъ киргизъ-казаковъ и намъ подобныхъ имъ басурманскихъ народовъ для раззоренія подъ нами Великаго Государя города недопускайте, а служба ваша у насъ Великаго Государя у нашего Царскаго Величества забвенна не будетъ; и присланне ваши атаманъ и есаулъ съ ставнички всего 53 нашихъ Царскаго Величества жалованьемъ пожалованы и отпущены къ вамъ на Яику, а впредь присылать вамъ съ Яику для войсковыхъ дѣлъ казаковъ въ зимовыхъ ставищахъ и съ заслугами какъ и вынѣ присланы отъ пятнадцати до двадцати, а въ легкихъ не больше десяти человекъ, которымъ наше Великаго Государя жалованье будетъ давано жъ; а ежели сверхъ вышеписаннаго числа въ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 148.

пріѣздѣ будутъ излишние и тѣмъ излишнимъ жалованье давано не будетъ¹⁾.

Побѣхали съ грамотою на Янкъ не всѣ ставичники, а только есаулъ *Алекскій Абакумовъ* и рядовые *Иванъ Яковлевъ Мясниковъ*, *Якимъ Ивановъ Щербаковъ*, *Савелій Васильевъ Бизяновъ* и *Петръ Кожевниковъ*, остальные казаки вмѣстѣ съ Рукавишниковымъ остались въ Петербургѣ. Станичникамъ дали подводы—есаулу двѣ, а рядовымъ по одной и прогоняли деньги²⁾.

Вмѣстѣ съ вами Рукавишниковъ послалъ въ войско подробное донесеніе о своихъ дѣлахъ. Какъ видно изъ слѣдствія *Захарова*, писемъ было нѣсколько. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, къ сожалѣнію до насъ не дошедшихъ, Рукавишниковъ велѣлъ войску немедленно казнить „воровъ и измѣнниковъ“, нѣвѣстныхъ уже намъ доносчиковъ на войско *Елистева* и *Назарова*, и схватить и посадить подѣ караулъ въ цѣпи старшинъ *Василія Мордовикина*, *Ивана Федорова* и *Василія Прыткова*. Боялся-ли Рукавишниковъ съ ихъ стороны какого либо новаго довеса или же для этого были другія причины,—остается невыясненнымъ. Передъ отъѣздомъ посланные кромѣ писемъ получили, вѣроятно, а словесный наказъ отъ Рукавишникова.

Выѣхали они въ первыхъ числахъ января 1721 года.

Въ то время, когда Рукавишниковъ хлопоталъ въ Петербургѣ, въ войскѣ волненія не прекращались. Старая старшинская партія во главѣ съ Мироновымъ уже не имѣла никакого вліянія на войско и отошла на задній планъ. Войско слушалось только одного Рукавишникова и его помощниковъ: *Трифона Новинкова*, *Макара Коловертинцева*, *Никиту Зевакина* и *Григорія Меркульева*³⁾, которые и были оставлены Рукавишниковымъ въ городѣ для поддержанія своего вліянія.

Войско слышать не могло хладнозриво ни о своихъ измѣнникахъ—казакахъ, ни о сискѣ на Янкѣ Кустовымъ и Воейковымъ. Оно ждало послѣдствій побѣды Рукавишникова, ждало уже почти цѣлый годъ просимаго ими у царя „*праводушнаго и вѣрнаго цусудареваго раба*“. Съ нетерпѣніемъ ждало войско этого человѣка; за него одного оно возлагало всѣ свои надежды. Въ немъ одномъ оно видѣло правду.

Но этого человѣка не было. Вмѣсто него въ Янцѣй городокъ готовился выѣхать Воейковъ.

На свое донесеніе въ Астрахань объ арестѣ Вавилова и объ отказѣ ему въ козвѣхъ станичнымъ атаманомъ Оумкинымъ, Воейковъ получилъ 10 октября выговоръ за медленность и строжайшій указъ о скорѣйшемъ выѣздѣ на Янкъ. „И противъ того твоего письма, говорилось въ указѣ, посланъ къ тебѣ вто-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 149—150. Грамота отъ 5 января 1721 г.

²⁾ Тамъ-же, листъ 166.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, книга 54, листы 726—727. Донесеніе Воейкова Книжву 18 ноября 1720 г.

рично великаго государя указъ іюля 18 дня, чтобъ тебѣ по преждѣ посланному указу изъ Астрахани для розыску на Яикѣ, конечно, ѣхать и розыскивать по данной инструкціи; и по тѣмъ его великаго государя посланнымъ къ тебѣ указамъ, для розыску въ Яицкой казачей городокъ и понинѣ еще ты не отправился, а писалъ, что послалъ ты на Ватрацкую пристань къ яицкимъ казакамъ къ атаману Степану Сумяну съ есаулы письма, которые пріѣхали съ торгомъ, и самъ къ нимъ ѣздилъ, что бѣ они, до конхъ въ розыску дѣла касаются, въ дальніе мѣста не отъѣзжали, въ чемъ де они тебѣ отказали; и ты де у нихъ взялъ казака, и за то де они кричали и говорили привиняйтесь де за ружья; а что къ нимъ, казакамъ, писалъ отъ себя сверхъ посланнаго къ тебѣ указа собою лишнее, а, на ярманку къ нимъ ѣзжая, ловилъ ихъ — учинилъ имъ самъ на себя лишнее подозрѣніе, и то ты чинилъ напрасно, и дѣлать того тебѣ было не повелѣно и ненадлежало, за что впредѣ можешь за сіе представленъ быть во отвѣтствіе предѣ военнымъ судомъ; и за долговременнымъ непріѣздомъ твоимъ на Яикъ посланные съ поручникомъ господиномъ Кустовымъ солдаты пребываютъ безъ жалованья, и татары, которые съ нимъ пославы, пришли въ крайное раззореніе и въ убытокъ, понеже по отпуску съ Яику отъ поручика господина Кустова лошадей своихъ испорчали, и впредѣ ясаку, положеннаго на нихъ, платить имъ не чемъ, и тотъ весь убытокъ впредѣ взыскиваться будетъ на тебѣ жъ; также и определенной изъ Казани отъ архерея игуменъ въ медленномъ твоимъ уборствѣ нынѣ при тебѣ будетъ ли того не вѣдомо; а вѣсти были о каракалпакахъ временныя и можно было въ то время и тебѣ ѣхать безъ опасно какъ и прочіе съ Яику и на Яикѣ проѣзжали самими малыми людьми; а тебѣ повелѣно съ собою взять довольный комплектъ и можно было ѣхать безъ опасно...

И тебѣ, по полученіи сего указа чинить по сему и по прежде посланнымъ указамъ и по инструкціи во всемъ неотступно¹⁾.

Вѣсть съ этиахъ указомъ Воейковъ получилъ указъ атаману и всему Яицкому войску о послушаніи Воейкову.

Получивъ указъ, Воейковъ всетаки не рѣшался ѣхать на Яикѣ. Похъ предлогомъ, чтобъ казаки приготовили ему квартиры, а въ дѣйствительности для сбора свѣдѣній о настроеніи войска, онъ послалъ въ казачій городокъ подъячяго *Попова*. Поповъ повезъ и грамоту атаману о послушаніи войска Воейкову.

На Яикѣ между тѣмъ произошли новыя бои съ киргизами. Подробности о нихъ не сохранялись. Объ нихъ лишь вскользь гоноритъ войско въ своихъ челобитныхъ. Перечисляя службы старшины *Семена Землянушова*: войско говоритъ: „И былъ онъ въ 1720 году при атаманѣ *Герасимѣ Долмоствѣ* за

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 80, листы 110—122. Указъ Кекеля Воейкову 1720 г. 17 сентября.

воровскими кайсаками есауломъ, гдѣ знатнаго ихъ киргизца *Текея-Батыра* съ дѣтми взяли и отослали оные въ государственную военную коллегію¹⁾. Изъ этого сообщенія видно только, что казаки были далеко отъ Яика, въ улусахъ киргизъ, т. е. они взяли *дѣтей*. Дѣтми же войско могло назвать только дѣйствительно дѣтей, а не взрослыхъ людей—тогда бы войско написало *сыновей*, какъ писало объ этомъ въ предыдущихъ отпискахъ при разбитіи станицею Вородина киргизъ при рѣчкѣ Киянелъчиѣ.

Другая стычка съ киргизами произошла при походномъ атаманѣ *Иванѣ Щелкинѣ*. „Былъ онъ въ 1720 г. (есаулъ *Максимъ Селиверстовъ*)—писало войско въ другой челобитной—командированъ при атаманѣ Иванѣ Щелкинѣ за воровскими киргизъ-кайсаками гдѣ оныхъ нѣсколько на смерть побито, а прочіе въ плѣнъ взяты“²⁾. Что эти стычки происходили послѣ отъѣзда Рукавишникова, видно изъ того, что до его отъѣзда ни одна извѣстная уже намъ станица (а объ этихъ станицахъ въ 1720 году имѣются очень подробныя архивныя свѣдѣнія) плѣнныхъ киргизъ въ Петербургъ не привозила. Очевидно, бои были уже позже отъѣзда Рукавишникова, но когда именно,—неизвѣстно.

Въ то время, пока Поповъ вмѣстѣ съ давными ему для конвоя солдатами ѣхалъ на Яикъ, тамъ одинъ шумный кругъ смѣнялся другимъ. Три раза войско выводило въ кругъ Елисѣева, Назарова и Миророва. Три раза доносчики слышали грозные крики озлобленныхъ казаковъ, приговаривавшихъ ихъ къ смерти³⁾. Но судьба и на этотъ разъ хранила Назарова и Елисѣева. Казаки не рѣшались еще покончить разъ навсегда съ „измѣнниками“.

Какъ разъ въ разгаръ этихъ шумныхъ дней появился среди куреной посланный Воейковымъ подъячій Поповъ. Въ шумномъ, возбужденномъ кругу онъ подалъ войсковому атаману Ивану Щербакову указъ изъ Астрахани о послушаніи войска Воейкову.

Въ Астрахани еще не знали о выборѣ новыхъ атамановъ и указъ былъ написанъ на имя атамана Никиты Вородина.

Перечисляя въ указѣ вѣны войска, ставшаго ослушникъ приказанъ изъ Астрахани, какъ то: о непослушаніи Бустову, о недачѣ ему свѣчъ и бумаги, а также о нежеланіи войска дать конвой Воейкову, Кякинъ въ концѣ указа писалъ:

„А сего 1720 году, іюня въ 10 день въ указѣ Великаго Государя изъ Санктпетербурга изъ канцеляріи Правительствующаго сената за приписаніемъ руки оберъ-секретаря господина Щукина, который полученъ въ Астрахани августа 31 дня, написано велѣно на Яикѣ по дѣлу розыскивать по посланному указу изъ Преображенскаго приказу, и каковъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената полученъ указъ и съ того послана къ вамъ при семъ для лучшаго увѣренія копія:

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 67, листъ 216.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 95, листы 94—95. Челобитная войска 1758 г. февраля 26.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Довесеніе Воейкову Кякину 18 ноября 1720 г.

И противъ одного его Великаго Государя указу велѣно вышесказанному майору Воейкову по дѣламъ, даннымъ ему для розыску, конечно ѣхать къ вамъ на Яикъ въ незамедленномъ времени.

И какъ вы сей Великаго Государя указъ получите и оной майору Воейкову къ вамъ на Яикъ прибудеть и вамъ бы атаману и всему яицкому войску вѣрными его Царскаго Величества слугамъ о всемъ чинить и послушнымъ ему быти по его Великаго Государя указу какъ о томъ писано выше сего¹⁾.

Видѣвъ съ этимъ Поповъ далъ Щербакову и копію съ указа изъ Преображенскаго приказа, посланнаго астраханскому губернатору Волнинскому, въ которомъ говорилось, чтобы розыскъ былъ произведенъ въ Астраханской губерніи.

Указы войско выслушало. Но за послѣдовавшимъ вслѣдъ за этимъ шумомъ и криками негодованія Поповъ могъ только убѣдиться въ томъ, что Воейкову въ городѣ не бывать.

Будь это не Воейковъ, а другое лицо, войско можетъ быть-бы, еще и согласилось идти подъ розыскъ, но къ Воейкову оно идти не имѣло мужества.

Оно, не могло простить ему его выходокъ по отношенію къ казакамъ.

Въ кругу было шумно.

— Не давать подъячему квартиры! раздался крикъ.

— Ни тебѣ мы не дадимъ квартиру, ни Воейкову, — отвѣчало войско Попову. Подъ розыскъ къ майору мы не пойдемъ! А если онъ будетъ ѣхать къ нашему городку, то мы всѣмъ войскомъ встрѣтимъ его на дорогѣ у *Переметнаго умету* и въ городку не пустимъ!²⁾

Кругъ разошелся. Попову съ конвойными квартиры не дали. Онъ вынужденъ былъ остановиться у поручика Кустова, сидѣвшаго съ командой въ холодной избѣ, гдѣ ранѣе находились у казаковъ колодники.

Закованные въ цѣпи и находившіеся у войскъ подъ карауломъ казаки Иванъ Елисеѣвъ и Афанасій Назаровъ какими-то судьбами ухитрились въ это время передать Попову доносъ на войско, написанный на имя Воейкова.

„Царскаго Пресвѣтлаго Величества розыскныхъ дѣлъ господину майору Гаврилу Михайловичу Воейкову отъ доносителя извѣтъ, а кто доносители и то писано выше сего“ — такъ начинался доносъ.

Далѣе доносители излагали всѣ свои бѣды, говорили о томъ, какъ имъ въ разѣ преговаривали къ смерти, какъ Рукавишниковъ зачислилъ всѣхъ бѣжавшихъ въ казани, въ томъ числѣ подпранорщика Константина и о многихъ другихъ, что уже вамъ извѣстно.

„И за то молю что я доношу ему Царскому Величеству вѣрно, — писалъ въ концѣ доноса Афанасій Назаровъ, и что вынѣ запечатано лежитъ въ станин-“

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 110—122. На указѣ помѣта: „Такимъ великаго государя указъ посланъ сѣнтября 17 дня 1720 года“.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Доносъ Воейкова Елисеѣву отъ 1720 г. 18 ноября.

ной избѣ явствованіе мое въ царевыхъ дѣлахъ, бьютъ и приговариваютъ казнить и обогнали меня взятками напрасно, чтобъ меня за вышеписанное дѣло погубить; и сижу я съ вышеписаннымъ доносителемъ съ Иваномъ Елисеѣвымъ за однимъ карауломъ скованъ и на всякій часъ глядимъ смерти; а указы великаго государя, которые приходятъ отъ Великаго Кесаря и губернатора Артемья Петровича обругали¹⁾.

Изъ этихъ строкъ видно, что войско въ свою очередь старалось очернить своихъ доносчиковъ и ихъ самихъ подвести подъ розыскъ. Въ какихъ взяткахъ обвиняло войско Назарова—неизвѣстно. Въ дѣлахъ не сохранилось объ этомъ никакихъ указаній.

Поповъ уѣхалъ. Но войско не могло оставаться спокойнымъ. Оно со дня на день могло ждать прибытія Воейкова, которому привазывалось немедленно ѣхать на Яикъ. Объ этомъ-же войско уже знало изъ письма Рукавишникова.

Нужно было добыть вѣсти, что дѣлается въ Самарѣ, поѣдетъ-ли Воейковъ на Яикъ или нѣтъ? Прошло нѣсколько дней и войско снарядило двухъ казаковъ *Никифора Степанова* и *Семена Петрова*, дало имъ подорожную за войсковою печатью, и отправило ихъ на развѣдку въ Самару. Въ проѣзжемъ письмѣ говорилось, что казаки посланы для розыска бѣжавшихъ изъ Яицкаго городка чувашъ.

По дорогѣ казаки обогнали двухъ солдатъ *Андрея Мещерякова* и *Ивана Тулупова*, посланныхъ незадолго предъ этимъ Кустовымъ съ отписками къ Воейкову и благополучно прибыли въ Самару. Остановившись за рѣкою Самарою, они оставили здѣсь на квартирѣ лошадей и зѣшіе пошли въ городъ.

Но не долго продолжалась развѣдка казаковъ,—она кончилась въ тотъ день, какъ пріѣхали въ Самару солдаты Мещеряковъ и Тулуповъ. Явившись къ Воейкову, они рассказали ему о дѣлахъ на Яикѣ.

„Опознали мы на Яикѣ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ,—говорили между прочимъ Воейкову посланные,—живутъ они въ казакахъ, а именно Астраханскаго гарнизона Смоленскаго полку подирепорщакъ *Михайло Дементьевъ* да солдатъ Осипъ, чей сынъ не упомяну, который нынѣ называется *Никита Ивановъ Крашенинниковъ*; да изъ арміи драгунъ Афанасій, чей сынъ и прованіе запоминотали, а живетъ онъ въ домѣ у казака Никиты Зевакина. Да вамъ-же говорилъ доноситель Карташевъ, что онъ вѣдаетъ на Яикѣ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ съ полтораста человекъ²⁾).

Рассказали солдаты и о встрѣчѣ съ ними казаковъ: „Обогнали насъ по дорогѣ два яицкихъ казака, а сказывали тѣ казаки, будто ѣдутъ они для сыску бѣглыхъ чувашъ, а уѣхали они на Самару впередъ насъ“.

Услыхавъ объ этомъ, Воейковъ приказалъ ихъ разяскать. Казаковъ нашли и представили.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, списокъ 107, книга 80, листъ 264.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, списокъ 107, книга 54, листы 726—727. Донесеніе Воейкова Кикину, 18 ноября 1720 года.

Казаки подали Воейкову подорожную, но Воейковъ подорожной не повѣрилъ. Онъ сталъ ихъ разспрашивать съ пристрастіемъ—сталъ бить ихъ „смертными бои“¹⁾. Развѣдчики повинились.

„Послали насъ съ Янку изъ войска казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ Щербакъ да совѣтники Рукавишниковъ Макарь Коловертищевъ, Трифонъ Новиковъ съ товарищи тайно, для провѣдыванія о побѣдѣ твоей на Янкѣ и, оставя за рѣкою Самарою лошадей, пришли мы въ городъ Самару пѣшіе, а подорожная дана намъ отъ атамана съ товарищи; а написано въ той подорожной, будто мы посланы за чувашею для того, чтобъ никто насъ въ томъ присмотрѣ не позналъ потому, что Рукавишниковъ, побѣжавъ въ Санктпетербургъ, приказывалъ всему войску, дабы тебя для розыску въ городокъ непускать и для подтвердительства въ томъ оставилъ на Янкѣ совѣтниковъ своихъ Новикова и Коловертищева понеже яцкіе казаки Рукавишниковъ и совѣтниковъ его во всемъ слушаютъ и творятъ по волѣ ихъ; а объявляетъ онъ Рукавишниковъ будто приславъ онъ отъ Царскаго Величества, и потѣмъ его словамъ всѣ яцкіе казаки въ кругу предложили приговоръ что тебя въ городокъ къ себѣ непуститъ; а съ Янку Рукавишниковъ, взявъ изъ войска денегъ 800 рублевъ да казаковъ пятьдесятъ человекъ, побѣжалъ въ Санктпетербургъ, а за чѣмъ незнаемъ“¹⁾.

Воейковъ приказалъ посадить ихъ подъ караулъ. Узнавъ онъ, что много Самары пробѣжали казаки съ какии то донесеніями въ Уфу. Онъ послалъ за ними въ погоню. Ему хотѣлось знать, за чѣмъ они ѣдутъ въ Уфу и вѣтъ-ли у нихъ на него жалобъ. Казаковъ поймали и привели къ Воейкову. Но кромѣ вѣстовныхъ отписокъ о появленіи киргизъ у нихъ ничего не нашли. Ихъ отпустили.

Получивъ извѣстія отъ подъячаго Попова, а также свѣдѣнія отъ посланныхъ Кустовымъ солдатъ и отъ казаковъ развѣдчиковъ, Воейковъ рѣшилъ за лучшее на Янкѣ не ѣхать. 18 ноября онъ донесъ обо всемъ случившемся въ Астрахань Кизяну и копію въ Правительствующій сенатъ.

Въ этомъ обширномъ донесеніи Воейковъ подробно изложилъ ходъ розыска отъ посланки на Янкѣ поручика Кустова до послѣднихъ дней. Перечисливъ всѣ „противности“ войска и непослушанія казаковъ указавъ, о посланкѣ въ войско солдатъ Ванюлова и подъячаго Попова, о непослушаніи казаковъ въ Самарѣ и другія событія, въ концѣ донесенія онъ говорилъ, что на Янкѣ оху для розыска ѣхать невозможно.

„А по вѣдомостямъ (по вѣстямъ, по слухамъ) оной Рукавишниковъ бѣглой съ каторги,—писалъ Воейковъ,—и замшеозначенною Яцкиихъ казаковъ противностию малолюдствомъ пріѣхавъ на Янкѣ и о ономъ розыску изслѣдовать въ существо не возможно, понеже по вѣдомостямъ у нихъ въ казакахъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ и другихъ всякаго чина пришлыхъ людей много“

¹⁾ Тамъ-же.

жилося и посланных указов неслушают; а которые атаманы о противностях их нить претать и тѣхъ оны перебиваютъ и избираютъ собою такихъ же, какого состоянія и сами; а многіе настоящіе старые казаки и въ круга къ нимъ не ходятъ; а дѣйство съ ними пришлецами во всякихъ противностяхъ производить и указовъ слушать не велятъ, вышеозначенной каторжной бѣглець Рукавишниковъ такожъ и другіе, а именно Трифонъ Новиковъ, Макаръ Коловертняцевъ, Никита Зевакинъ, Григорій Мерзульевъ, на которыхъ и на предъ сего въ пакостахъ показалъ доноситель Карташевъ; и отъ помянутыхъ бѣглецовъ и отъ союзниковъ ихъ опасно дабы какого зла не произошло. И о вышеписанномъ полковникъ и Астраханской губернаторъ Артемій Петровичъ съ товарища что повелишь¹⁾.

Пославъ донесенія, Воейковъ по прежнему остался въ Самарѣ и сталъ ждать указаній изъ Астрахани.

Между тѣмъ 23 ноября прибыли въ Яицкій городокъ посланные отъ Воейкова солдаты съ другой копией съ указа изъ сената о послушаніи войска Воейкову. Отъ нихъ казаки узнали о судьбѣ своихъ развѣдчиковъ и заволновались. Самарскій комендантъ стоялъ предъ войскомъ, какъ бѣлыю на глазу, освободиться отъ котораго оно было не въ силахъ. Онъ окончательно отрѣзалъ ихъ отъ Руси и прекратилъ всякое сообщеніе съ Москвою, осматривалъ станничниковъ и отбиралъ у нихъ письма, а иногда и сажалъ подъ караулъ незнакомыхъ ему казаковъ, посылаемыхъ отъ войска.

Собрался кругъ. Войско рѣшило усовѣстить Воейкова и написало ему письмо. Письмо это было отправлено съ прибывшими изъ Самары отъ Воейкова солдатами, которымъ войско снова словесно заявило, что Воейкова они въ городъ не пустятъ и слушать указовъ изъ Астрахани не будутъ. Интересно казачье письмо:

„Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца господину майору и коменданту Гаврилъ Михайловичу Воейкову заповѣныя рѣки Яику Яицкіе атаманы—казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и все Яицкое войско челомъ бьетъ“. Такъ начиналось письмо къ Воейкову. Далѣе, сообщая ему о полученіи войскомъ указовъ изъ Астрахани о послушаніи Воейкову и Кустову и объ отводѣ квартиры для Воейкова, войско заявило: „И ежели ваше благородіе соблаговолишь по прежнему и по сему Великаго Государя указамъ къ намъ прибыть для розыску и мя подъ розньскъ къ вашему благородію не пойдемъ по тому, что съ твоимъ благородіемъ есть у насъ приказная ссора:—послали мы яицкимъ войскомъ своихъ челобитчиковъ въ Санктпетербургъ бить челомъ Царскому Величеству на ваше благородіе во всякихъ на насъ нагоговъ, чего Вашему благородію указомъ Царскаго Величества не повелѣваетъ то Ваше благородіе изволилъ чинить, потому, что нашихъ казаковъ ловишь и сажаешь въ тюрьму, а

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 726—727. Донесеніе отъ 18 ноября 1720 года.

другихъ поймавъ бѣшъ въ батажѣ и держишъ подѣ караулоу, и которые съ отписками посылаются отъ насъ на городъ Уфу къ полковнику и графу *Ивану Гавриловичу Головкину* и стольнику и воеводѣ *Ивану Ефремовичу Бахметеву* и ваше благородіе соблаговолилъ за оними посланными казаками въ погоню гонать и ихъ ловить а невѣдомо для какого вымыслу; и сего ноября 23 дня послали мы на Ваше благородіе въ городъ Уфу съ явоними отписками къ полковнику и графу *Ивану Гавриловичу Головкину* и стольнику и воеводѣ *Ивану Ефремовичу Бахметеву* потому, что ежели буде какія вѣдомости будутъ про неурядительскихъ людей каргызцовъ и каракалпакъ и намъ въ городъ Самару и въ Алексѣевскъ посылать стало невозможно и въ городъ Уфу къ полковнику и графу *Ивану Головкину* и стольнику и по его же господину *Бахметеву* ни съ какими вѣстями, противъ вышеозначенныхъ отъ твоего благородія налога изневательства; и послали вторично на ваше благородіе въ Санктпетербургъ бить челомъ Царскому Величеству отъ твоего къ намъ разворенія потому, что ежели бы указомъ Царскаго Величества повелено изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ хотя бы о порозныхъ (†) вашему благородію слѣдовать и другихъ бы надъ нами налогъ изневательство и разворенія вашему благородію чинить не надлежитъ, а ваша милость позволилъ ловить, которые наши казаки выѣхали въ городъ Самару для покупки хлѣбныхъ запасовъ и тѣхъ казаковъ позволилъ держать невѣдомо для какого вымыслу; такожъ и буде вашей милости къ намъ пріѣхать и ни водъ ронскъ не пойдемъ, и кварталъ отъ насъ къ тебѣ господину майору *Воейкову* не будетъ, и ковою не вышлемъ, и въ городокъ ваше благородіе по пути до указу Царскаго Величества изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ Государственнаго канцлера и кавалера и президента и графа *Гаврилы Ивановича Головкина* съ товарищи, а присланныхъ съ указомъ Великаго Государя отъ вашего благородія солдатъ отъ насъ съ Янку отравили письмами.

Ноября въ 25 день настоящаго 1720 года¹⁾.

Отправлено-ли войско одновременно съ этимъ письмомъ въ Уфу къ графу *Головкину*—изъ дѣла не видно, но спустя недѣлю войско дѣйствительно снарядило станицу въ Петербургъ къ *Рукавишникову* съ жалобой на дѣятія *Воейкова*.

На этотъ разъ вѣстѣ со станицею былъ отправленъ снова царскій кусъ. Дѣлалось-ли въ войскѣ и равнѣ такъ, что съ осенью и зимою, а можетъ быть и весеннею станицами всегда отправлялся къ царю царскій кусъ, или же на этотъ разъ было слѣдано исключеніе, ввиду крупныхъ событій, совершавшихся на Янкѣ, неизвестно,—объ этомъ никакихъ указаній не имѣется.

Но войско еще разъ послало царскій кусъ „съ построенною про обходъ ко двору и крою и рыбою“.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 167, книга 80, листы 277—278.

Царскій кусъ на этотъ разъ состоялъ изъ икры, заключенной въ 67 „пашенцевъ“, изъ 200 осетровъ и 50 бѣлугъ и вязиги, но сколько было послано послѣдней—неизвѣстно ¹⁾.

Въ станицу выбрала атаманомъ *Ивана Степанова*, есауломъ *Афанасія Иванова* ²⁾ и еще двухъ казаковъ *Ивана Желѣзнова* и *Ивана Дурнивецова*, всего четырехъ человекъ.

Вмѣстѣ съ царскимъ кусомъ войско послало со станичникками къ Рукавишникову письма и челобитые царю Петру, а также и копїи съ указовъ, полученныхъ отъ Воейкова о послушанїи ему войска.

Интересны письма, посланныя къ Рукавишникову—интересны уже тѣмъ, что въ нихъ всюду видно уваженіе и довѣріе войска къ своему ходатаю и сквозятъ та первобытная простота нравовъ, которая царила въ то время въ войскѣ.

„Отъ Войсковаго атамана *Ивана Иванова* и отъ всего Яицкаго войска посланному отъ насъ станишному атаману *Федору Михайлову* стоварищи челобитые.

Милостїю отъ всецѣдраго и Всемогущаго деснида державная Божїя на лѣта много со всѣми своими молодцами.

О семъ вашей милости извѣствуемъ: послали мы до вашей милости съ посланными своими казаками съ *Иваномъ Степановымъ* съ товарищи построа икры шестьдесятъ семь пашенцевъ, да осетровъ по счету двѣсти, да бѣлугъ пятьдесятъ, и ваша милость позвольте бить челомъ Царскому Величеству и другимъ господамъ; да отъ помянутыхъ пашенцовъ есть особливые четыре пашенцова, на которыхъ подписано имено: самая бѣлая икра Царскому Величеству—вырѣзано на лукошечкѣ все пословамъ, а другое по сѣрье и то писано Царскому Величеству на лукошечкѣ жъ не пословамъ по титуломъ, а другїе два лукошечка вырѣзано на нихъ графу да *Ивану Михайловичу* по лукошечку; и ваша милость соблаговоли помянутыми пашенцами бить челомъ особливо, понеже оная икра побѣлѣва другїе; да съ тою жъ икрой и рыбою послано коликое число отъ вязиги и ваша милость помянутой гостиницею соблаговоли принять и росписъ положить у себя, повеже вѣли въ цѣлости дойдеть; да извѣствуемъ вашей милости, что хвалится майоръ Воейковъ, прибывъ въ Самарѣ бить къ вамъ на Яикѣ многолюдствомъ и съ пушками для ровняску; и ваша милость, ежели получите отъ Царскаго Величества и отъ сіятельнѣйшаго графа грамоту Великаго Государя объ нашихъ войсковыхъ нуждахъ, и ваша милость соблаговоляте прислать въ немедленномъ времени до насъ съ нарочнымъ своимъ; а вашему милосердію самимъ свѣдомъ, что есть у насъ приказная ссора. Да извѣствуемъ вашей милости, что послали мы къ вашей милости заручаю, войсковую челобитную, на помянутаго Воейкова, понеже мы Яицкимъ войскомъ послали своихъ яицкихъ казаковъ для

¹⁾ Это первое свѣдѣніе о количествѣ посланнаго царскаго куска, найденное въ архивахъ. (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 282.)

²⁾ Это, вѣроятно, одинъ только имена и отчества, а фамиліи ихъ не показаны.

провѣдыванія онаго Воейкова, а что бѣ ему было невѣдомо написано письмомъ было поговиннѣ, и оной Воейковъ взялъ помянутыхъ нашихъ казаковъ распрашивалъ и билъ одного человѣка въ батожья смертаннѣ боень, и то явствуетъ въ помянутой нашей челобитной; а мы подѣ розыскъ къ нему до указу Царскаго Величества по вашему прошенію неидемъ.

При семъ вашей милости Яецкаго войска войсковой атаманъ Иванъ Ивановъ и все Яецкое войско поздравляемъ.

Декабря въ 4 день 1720 году¹⁾.

Другое письмо къ Рукавишникову было написано отъ его друзей Трифона Новинскаго (онъ-же Новиковъ), Коловертинцева, Зевакина, Меркулева и другихъ казаковъ. Въ этомъ письмѣ они сообщаютъ, что, не смотря на данную имъ Рукавишникову „зарушную записъ“ о выхвѣдѣ ихъ по зиннему пути къ нему въ Петербургъ, они этого сдѣлать не могутъ.

„Почтенный и милостивый нашъ господинъ Федоръ Михайловичъ—писалъ Новинскій съ товарищами Рукавишникову:

Милостію всецѣдраго Бога сохранится десница вседержавная Божія на лѣта многа вупе пристанище твое съ обрѣтающимися молодцами.

О семъ вашему благородію извѣствуемъ что въ прошломъ 719 году что посланы мы были отъ всего Яецкаго войска бить челомъ Царскому Величеству обо всякихъ войсковыхъ нуждахъ купно съ вашнѣмъ милосердіемъ и подписались письмененно за своими руками, чтобъ намъ быть до вашей милости по нынѣшнемъ пути; и въ нынѣшнемъ 720 г. году что чинится всему войску отъ маіора и Сызранскаго коменданта Гаврилы Михайловича Воейкова многія изневательства и называется съ розыскомъ и для того насъ войсковы задержали; а какая отъ него Воейкова къ намъ нужда и о томъ Ваша милость сами свѣдомы. А нынѣ оной же Воейковъ похваляется быть въ намъ великии собраніемъ и съ пушками почему и не повелѣно такое смовольство творить безъ указу Великого Государа и ваша милость соблаговоляете, зарушную записъ вынявъ, очистить насъ, повеже намъ стало ѣхать не возможно, чтобъ Его Царскаго Величества вотчина отъ помянутаго Воейкова вконецъ неразорилась; при семъ твоему благородію покорны, къ служенію готовы—Трифонъ Фляшневъ уничиженно кланяемся.

Декабря въ 4 день 1720 г.²⁾

Въ челобитной царю Петру казаки писали:

„Державнѣйшій Царь, Государь Милостивѣйшій.

Въ нынѣшнемъ 720 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ маіоръ и сызранскій комендантъ Гаврило Воейковъ чинитъ намъ нижеименованныи многое изневательство и развореніе на Ватрацкой пристани, какъ мы раба твоего прѣзжаемъ для покупки хлѣбныхъ запасовъ и насъ рабовъ твоихъ оной маіоръ Воейковъ бьетъ и въ тюрьму сажаетъ, въ которой и до днесь нашъ станщи-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 282.

²⁾ Тамъ-же, листъ 281.

ной есаулъ у него подъ карауломъ держится; да онъ же маіоръ и комендантъ Воейковъ въ бытность свою въ Самарѣ, которые были отъ насъ рабовъ твоихъ посланы съ вѣстовыми отписками въ городъ Уфу по письмамъ господина полковника и графа Ивана Гавриловича Головкина, чтобъ изслѣдовать приходъ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизцовъ, чтобъ оттакнхъ непріятельскихъ людей Вашей Царскаго Величества вотчинѣ въ конецъ неразориться, и за тѣми вашими посланными гонялъ въ погоню, а для какого вымыслу того мы раба твои не вѣдаемъ; да онъ же маіоръ Воейковъ въ Самарѣ городѣ поймалъ нашихъ же казаковъ, которые посланы были за бѣглецами съ поговннымъ письмомъ, и тѣхъ казаковъ взялъ оной Воейковъ къ себѣ и билъ ихъ смертнымъ боемъ и держитъ у себя подъ карауломъ и до днесъ и мортъ голодную смертію безвинно; такожь де и нинѣ въ Самарѣ жъ, которые наши казаки прѣзжаютъ за хлѣбною покупкою, и онъ маіоръ тѣхъ казаковъ внезапно и держитъ подъ карауломъ въ чужъ намъ рабамъ твоимъ впредъ съ отписками вѣстовыми, которые посылаются по вѣдомствамъ про воинскихъ людей и для покупки хлѣбныхъ запасовъ, отъ котораго его къ намъ извѣстательства, вѣдать отаудъ невозможно, понеже оной Воейковъ присылаетъ къ намъ отъ себя многія указы, чтобъ ему быть у насъ съ розыскомъ и требуетъ отъ насъ къ себѣ конвою, противъ которыхъ мы, нижеименованные, ему маіору Воейкову письменно отвѣтствовали, что мы де къ Астраханской губериіи стала быть несправдны, понеже мы нижеименованные по именному Царскаго Величества указу свѣдомы службою и зарядомъ и всякими дѣлами судомъ и расправою въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; и мы нижеименованные безприсланныя Великаго Государя указу изъ Санктпетербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ нему маіору подъ розыскъ не поидемъ потому, что у насъ рабовъ твоихъ есть съ нимъ приказная ссора; а для подлиннаго розыску послали мы нижеименованные бить челомъ въ Санктпетербургъ Царскому Величеству, чтобъ насъ рабовъ твоихъ по извѣсту съ доносителемъ Иваномъ Карташевымъ съ товарищи розыскать въ Санктпетербургѣ, кромя его маіора Воейкова.

Всемихостявѣйшій Государь просилъ Вашего Величества да повелитъ Ваша Царская державства насъ нижеименованныхъ отъ такого помянутаго Воейкова къ намъ насильства и наглое его къ намъ развореніе во всемъ милостивнѣи своимъ Государевнѣи уважомъ охранитъ и розыскать, кромя его маіора Воейкова, по дѣлу доносителю въ Санктпетербургѣ.

Вашего Величества нижайшіе рабы засольныя рѣки Яику яцкіе атамань-казаки: Иванъ Ивановъ и все рядовые казаки 2600 человекъ, 1720 году декабря въ 4 день. Къ сей челобитной вѣсто войскаго атамана Ивана Иванова и всего Яецкаго войска по ихъ велѣнію соборныи церви поць Иванъ Ивановъ руку приложилъ¹⁾.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 180.

Станица выехала 5 декабря. Обозъ съ царскимъ кусомъ и со станичниками представлялъ изъ себя 29 подводъ, конволируемыхъ наряженными отъ войска ертауломъ до г. Самары. Войско-же стало готовиться къ встрѣчѣ Воейкова.

Казакъ знали, что не сегодня—завтра онъ долженъ быть въ городкѣ и никуда не разбѣзжался. Они твердо рѣшили ни подѣ какимъ видомъ не пускать его въ городокъ. Наступило время багренья—одного изъ главныхъ рыболовствъ войска, дававшего имъ средства къ существованію, но изъ войска не выехалъ ни одинъ человекъ. Багренье было отброшено въ сторону преждъ надвигавшейся бѣдой. Воейковъ шелъ къ казакамъ не только какъ рознищикъ, но какъ личный врагъ войска съ затаенною цѣлью отомстить имъ и разорить ихъ насколько возможно. „Все войско ваше разорю!“ — грозился онъ казакамъ все время. А разорить войско было легко. Достаточно было захватить и выслать изъ войска всѣхъ прибывшихъ на Яикъ послѣ 1695 г., чтобы отъ Яицкаго войска не осталость бы, по словамъ Рукавишниковъ, и тысячи человекъ. Они почти всѣ бѣгле! Они рѣшили защищать свою свободу всеми средствами, какія только были въ ихъ рукахъ, до вооруженнаго сопротивленія включительно. Вѣдь Воейковъ обещался ихъ разорить. Отъ неумѣнно вышлетъ всѣхъ казаковъ, не попавшихъ въ списки въ 1695 г., въ Русь! — думало войско. И приготовилось къ оборонѣ.

Но приближительно въ тоже время, когда станица выехала изъ Яицкаго города, изъ города Самары выехала небольшая команда солдатъ, сопровождавшая возы съ хлѣбными запасами для солдатъ поручика Кустова. При обоехъ находились подъячій *Иванъ Акимовъ*. Вслѣдъ за этимъ обозомъ черезъ нѣсколько дней выехалъ на Яикъ и Воейковъ. Сколько было при немъ конвой — точно неизвѣстно, но судя по послѣдующимъ челобитнымъ войска Воейковъ имѣлъ при себѣ около трехсотъ человекъ солдатъ.

Едва уѣхала станица, какъ вблизи городка появился Акимовъ съ хлѣбными запасами.

Но войску юные гости не сулили ничего хорошаго. Довольно для нихъ было и одного поручика Кустова.

Волге двусотъ казаковъ, вооруженныхъ ружьями и косями, выехали изъ городка и встрѣтили Акимова за валомъ нерстахъ въ двухъ отъ городка и загородили дорогу.

— Мы васъ въ городокъ не пустимъ! — заявили они подъячюму и, оставивъ возы и солдатъ въ степи, они захватили съ собою Акимова и увезли его въ городокъ, гдѣ представили собравшемуся войску.

Здѣсь, у станичной избы, войско рѣшительно заявило подъячюму, что они ни солдатъ, ни хлѣбнаго запаса въ городокъ не пропустятъ.

Акимовъ просилъ дать сѣна лошади.

Войско отказало ему и въ этомъ и запретило не только продавать сѣно, но и давать его даромъ тѣмъ подводчикамъ, которые были знакомы съ казаками.

Когда-же Акимовъ вздумалъ пройти къ поручику Кустову, чтобы отдать ему письмо — войско этого сдѣлать не позволило. Не допустили казаки въ Акимову и посланныхъ отъ Кустова солдатъ. Они вывели его за городской валъ и приказали ѣхать обратно.

Здѣсь у воротъ и по валу казаки поставили караулы „съ ружья и съ конья“, чтобы никто изъ обоза не могъ пройти въ городокъ ¹⁾.

Акимовъ былъ вынужденъ ѣхать обратно.

Между тѣмъ казачья станица, благополучно разѣхавшись со встрѣтившейся имъ солдатскою командою и обозомъ Акимова, встрѣтилась вскорѣ съ Воейковимъ, слѣдовавшимъ вслѣдъ за Акимовымъ на Ягль.

Казаконъ остановили. Воейковъ приказалъ ихъ обыскать. Ему нужны были письма и бумаги, которые везли станичники. Не обошлось безъ брани и побоевъ. Казаковъ, какъ они писали потомъ въ своей челобитной, не смотря на морозъ, „разоблакали“, раздѣвали почти до нага, чтобы отнестъ эти письма.

Сопротивлявшася есаулу Афанасію Иванову Воейковъ приказалъ раздѣть до нага и хотѣлъ бить плетью.

Письма войска и челобитную Царю Воейковъ нашель, сорвалъ печати и прочиталъ.

Не въ его расчетахъ было оставлять челобитную и письма у казаконъ. Онъ взялъ ихъ себѣ, станицу-же отпустилъ ²⁾.

Арестовать казаконъ, ѣхавшихъ съ рыбою и икрою „для Царскаго обиходу“, онъ не рѣшился.

Станица поѣхала далѣе безъ челобитной и безъ писемъ, везя съ собою только указы. Но этимъ митарства казаконъ станицы Ивана Степанова не кончались. По прїѣздѣ въ Самару они должны были заплатить десятину. На этотъ разъ „сибирянинъ“ *Алексій Ивановъ* при сборѣ пошлины взялъ изъ рыбы и икры, назначенной царю, „самую головную рыбу и икру“, которая была уложена „особливо про обиходъ царскаго величества“ ³⁾. Зоркіе очи Иванова, вѣроятно, не пропустили пашевцевъ съ бѣлою икрою и лучшихъ осетровъ везенныхъ для царя, — надо полагать, что онъ ихъ-то и отобразъ яко-бы въ казну.

Уже изъ этого видно, до какой степени распушенности и алчности доходила въ то время всѣ эти дворяне, офицеры, бурмистры и друг., съ которыми приходилось жить дѣло народу и казакамъ. Ужъ если самъ царь не могъ быть гарантированъ отъ того, что его не обкрадутъ какойнибудь Ивановъ,

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 781—782. Донесеніе Воейкова Книжку 1720 года, декабря 28.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 30, листы 289—292. Челобитная войска царю Петру 1721 г. марта 30, и тамъ-же, опись 89, сажка № 3, дѣло № 31—2755, листы 15—22. — Слѣдствіе и судъ надъ Воейковимъ въ 1725 г.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 284—285. Челобитная Рузавишинова 1721 года въ февралѣ.

то что-же могъ ждать отъ такихъ господъ простой поселянинъ и казакъ. Ивановъ обобралъ царя, „а бурнистръ съ товарищи съ той-же рыбы и икра написавъ будто ее везуть на продажу“, взяли еще другую пошлину какъ-будто-бы съ купленной въ Самарѣ рыбы ¹⁾.

Не церемонились приказные въ то время. Брали, драли и тапали гдѣ и что можно. Даже имя царя не могло сдержатъ ихъ алчности. Степановъ донесъ о всемъ войску.

Сорвавъ свою злобу на казакахъ, Воейковъ двинулся дальше. Но не доѣзжая до городка, онъ встрѣтилъ на пути возвращавшійся обозъ съ провинтомъ; Акимовъ разсказалъ ему о казачьихъ противностяхъ.

Воейковъ все-же рѣшилъ испытать счастье и двинулся дальше.

Но плохо онъ зналъ настроеніе казаковъ. Въ городкѣ было шумно. Войско знало, что вслѣдъ за Акимовымъ приближался къ городку ненавидимый для нихъ сызранскій комендантъ.

Казакъ рѣшили не допускать Воейкова до городка, хотя бы для этого нужно было прибѣгнуть къ силѣ. Не Воейкова, такого-же лихоница и взятчаника, какъ Кротковъ и другіе розышники, ждали къ себѣ казаки для торжества правды. Они ждали „праводушнаго и вѣрнаго государева раба“ и ждали его не изъ Астрахани, не изъ Казани, — тамъ такихъ войско не знало, — а изъ Петербурга отъ самого Царя.

Но вотъ стоявшіе на отъѣзжѣ караулѣ въ стѣнѣ у послѣдняго вала казаки дали знать войску, что къ городку приближается команда солдатъ.

Воейковъ первымъ же рѣшился ѣхать въ городокъ. Онъ послалъ отъ себя для переговоровъ и съ указами о послушаніи войска двухъ человекъ: самарскаго дворянина *Фимина Могутова* и сызранскаго канцеляриста *Ивана Филипова*. Караульные казаки разрѣшили войти въ городокъ только Могутову и Филипову. Среди указовъ посланные подали атаману указъ Воейкова о послушаніи.

Дѣлая выговоръ войску за непродускъ хлѣбныхъ запасовъ въ городокъ, Воейковъ между прочимъ писалъ: „Они и понынѣ стоятъ на стѣнѣ и помираютъ отъ стужи“... Воейковъ далѣе говорилъ, что онъ скоро прибудетъ самъ въ войско, такъ какъ находится въ пути близъ урочища „*Краснаго Котка*“ (колока ²⁾), и требовалъ отвести ему и его командѣ квартиры. „А ежели вы получили изъ Правительствующаго Сената или изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ указы, что нѣтъ у того розыску быть не повелѣно и съ тѣхъ указовъ пришите копія“ ³⁾.

Но войско, не имѣя никакого прямого указа изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ или грамоты о послушаніи Воейкову, и имѣя лишь объ этомъ указы изъ Астрахани, оловчатательно рѣшило не исполнять ихъ, глубоко убѣжденное, что

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 279—280. Отписка войска Воейкову 1720 года 8 декабря.

никто не может распоряжаться ими, кромѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Посланная войску еще 29 ноября изъ Петербурга изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ грамота о послушаніи войска Воейкову до казаковъ еще не дошла.

Въ этой грамотѣ, посланной на имя атамана Никиты Бородина, между прочимъ, говорилось, что розньскъ былъ поручень астраханскому губернатору, но что войско подъ розньскъ не пошло, отговариваясь, что оно Астрахани не подсудно, а подсудно Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

И ноября въ 4 день, — говорилось въ концѣ грамоты, — по нашему Великаго Государя указу Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ приговорила: по розньскому дѣлу извѣтника Ивана Карташева съ товарищи, посланному къ вамъ на Янкъ для того розньску майору Воейкову быть во всемъ вамъ послушными. И какъ къ вамъ сіа наша Великаго Государя грамота придетъ и вы бѣ атаманъ и казаки о томъ чинили по вышеписанному нашему Великаго Государя указу. Писавъ въ Санктпетербургѣ, лѣта 1720 ноября въ 29 день¹⁾.

Но этой грамоты казаки еще на рукахъ не имѣли. Они получили ее далеко позже, когда надобность въ ней уже миновала.

Войско заявило посланнымъ еще разъ, что оно Астрахани не подсудно и слушать астраханскихъ указовъ не будетъ. Въ войсковой избѣ закончила работа. Войсковой дьякъ сталъ писать отписку. Говоря о полученіи отъ Воейкова указовъ о послушаніи ему войска, казаки написали, что они будутъ слушать только указовъ изъ Иностранной коллегіи. „А изъ Санктпетербурга изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, — писало войско, — къ намъ Янцу войску о томъ дѣлѣ Великаго Государя указу и до сего времени не прислывано, и безъ присланнаго Великаго Государя указу изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, къ вашему благородію подъ розньскъ не пойдемъ потому, что мы свидомы службою и нарядомъ, судомъ и всякою расправою именнымъ царскаго величества указомъ въ той коллегіи; а ежели бы хотя изъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи прислава Великаго Государя грамота на ваше имя, чтобъ вашему благородію насъ розньскать, и мы вашему благородію подъ розньскъ не пойдемъ, и въ городокъ неуступимъ, и кварталъ не дадимъ, понеже у насъ съ вашими благородіемъ есть приказанная ссора; а о вышеписанномъ розньску послали мы битъ челомъ Царскому Величеству въ Санктпетербургъ, чтобъ насъ розньскать по дѣлу изъ преображенскаго приказу съ доносителями Карташевыми съ товарищи въ Санктпетербургѣ; а что Ваша милость требовали отъ насъ съ грамотою Великаго Государя кошии, то о томъ прикажи до насъ прислать для свидома нарочнаго списать, кому ваше благородіе соблаговоляшь; и мы Янцкимъ войскомъ по полученію Великаго Государя указу до вашего благородія съ преданными отъ насъ съ самаряниномъ Филипомъ Могутовымъ да съ сырранскимъ канцеляристомъ отписку послали“²⁾.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 279—280.

Едва отписка была отправлена съ посланными, какъ вблизи появился и самъ Воейковъ.

Но въ двухъ верстахъ отъ городка, у послѣдняго вала, около пятисотъ человекъ казаковъ, подъ командою сотника *Чувашенникова*, „вооруженно рукою съ ружья, и съ кобы, и съ бунчуками, якобы противъ непріятеля“¹⁾ встали предъ Воейковымъ и загородили ему путь.

Воейковъ остановился и послалъ узнать, что это значитъ.

— Для чего вы такимъ людствомъ вышли и насъ въ городокъ не пускаете?—спрашивали посланные у сотника *Чувашенникова*.

Воейковъ просилъ прислать есаула и старшинъ для переговоровъ. Переговорщиковъ направляли къ второму городскому (лежавшему въ верстѣ отъ городка) валу; бывшіе тутъ войсковою атаманъ *Иванъ Щербакъ* и старшини *Никита Зевакинъ*, *Григорій Меркульевъ* и другіе итти на переговоры отказались. Они отлично знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Для такихъ лицъ, какъ Воейковъ, даже условной чести не существовало:—переговорщиковъ онъ могъ взять подъ караулъ. Итти къ нему навстрѣчу не пожелалъ.

— Для переговоровъ мы никого не вышлемъ, отвѣчали они посланнымъ, а собрались мы тутъ, чтобъ господина майора Воейкова въ городокъ не пустить, и въ городъ мы его не пустимъ и подъ размыскъ къ нему не поидемъ, понеже о томъ мы ему писали многожды!“²⁾

Карты были открыты. Казаки уже болѣе не стѣснялись. Роговой шагъ былъ сдѣланъ. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ—говорить пословица, и войско приступило къ послѣдному рѣшительному шагу: казаки пошли къ находившемуся въ городкѣ поручику *Кустову* и вмѣстѣ съ командою прогнали его къ Воейкову въ стѣну. Они убирали съ глазъ долое послѣднее, что напоминало имъ о личностяхъ и вѣроятностей московскихъ смѣшниковъ, убирали все, что волновало ихъ такъ долго и напоминало о ненавистной и неправой волокитѣ.

Напрасно *Кустовъ* просилъ атамана и старшинъ дать его пѣшимъ солдатамъ подводы до *Самары*, напрасно писалъ войску объ томъ-же Воейковъ—казаки были не уклонимы: они не дали ни одной подводы. Вмѣстѣ съ *Кустовымъ* они отдали Воейкову и колодниковъ—*Карташева* и *Вахара*³⁾.

Воейковъ уѣхалъ обратно. Ему ничего не оставалось, какъ только уѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ корма для лошадей казаки не дали. Не дали ничего и солдатамъ.

Съ большими лишениями возвращался обратно Воейковъ.

„И мы въ подводахъ, а паче въ фуражѣ въ пути возвратно къ *Самарѣ* имѣли не малую нужду,—писалъ Воейковъ въ своемъ донесеніи,—многіе ло-

¹⁾ Моск. Арх. Глаз. Штаба, опись 107, книга 54, листы 781—782. Донесеніе Воейкова Емперу 23 декабря 1720 года.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

шадн безъ корму пристали, понеже казаки въ бѣдность нашу у городка фуража и ничего продавать не велѣли и подводчиковъ для покупки фуража въ городокъ не пустили — и прѣбыли въ Самарѣ съ немалой трудностію¹⁾.

Въ одноѣ только мѣстѣ удалось Воейкову достать фуражъ. Недалеко отъ Яицкаго городка „близъ Яику въ урочищѣ по рѣкѣ Чагану у *Чувашскіе осады* и у *Краснаго Котка* (волка?) нахедились немногіе запасы казачьяго сѣна. Здѣсь казаки — охотники зимою занимались („кормились“) звѣровою охотою и имѣли плетневныя землянки и лошадиныя „стойла“ а также и стога съ сѣномъ. Воейковъ „сѣна потравилъ и конскіе столла разоря бралъ на дрова и жегъ огнемъ невѣдомо для какого умыслу“²⁾.

Разоря казачьи землянки, Воейковъ мстилъ войску за свой неудачный набѣгъ.

23 декабря онъ уже былъ въ Самарѣ, откуда послалъ подробное донесеніе астраханскому губернатору о случившемся. Съ донесеніемъ онъ представилъ и копія казачьихъ писемъ къ Рукавишникову, и челобитную царю Петру отъ войска, отобранныхъ имъ отъ станицниковъ, вѣхавшихъ съ царскимъ кусомъ. Вмѣстѣ съ этимъ представилъ онъ и общую челобитную доносителей Назарова и Елѣсева.

Войско отбилось отъ ненавистнаго имъ рознищя и стало терпѣливо ждать „праводушнаго и вѣрнаго государеваго раба“. Оно не знало тогда тѣхъ послѣдствій, которые повлечетъ за собою это событіе. Смѣло, рѣшительно съ непоколебимымъ мужествомъ казаки довели дѣло до конца, съ тѣмъ же характернымъ упрямствомъ и смѣлостью, которые сквозили у нихъ и при преслѣдованіи старообрядцевъ на Яикѣ въ 1688 году и при невыдачѣ ими виновниковъ убійства башкиръ въ 1696 году. Выходцы и наслѣдники правоты и обычаевъ госнодина великаго Новгорода, Пскова, Твери и остальныхъ вольныхъ городовъ рускаго сѣвера, они наслѣдовали отъ нихъ и ту суровость и смѣлость и то упрямство, которыми отличались новгородцы и псковитяне во все свое многовѣковое самостоятельное существованіе. И эти удивительная смѣлость, мужество, рѣшительность и твердая настойчивость въ стремленіи довести начатое дѣло до конца проходятъ красною нитью по всей исторіи Яицкаго, а потомъ и Уральскаго войска, во всѣхъ столкновеніяхъ съ правительствомъ, когда казакамъ приходилось отстаивать свои права и привилегіи. Эта настойчивость стала историческою. На официальномъ языкѣ она называлась особымъ излюбленнымъ словомъ „*закоренѣлое упрямство*“. Такъ характеризуютъ яицкихъ и уральскихъ казаковъ всѣ высшіе и низшіе начальники въ своихъ официальныхъ бумагахъ, начиная съ Неплюева и вплоть до нашихъ дней, вплоть до уходцевъ 1874 года, когда эти „закоренѣлые упрямцы“ отставая свои убѣжденія шли на смерть, на мученичество „за золотыми вѣнцами“.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 289—292. Челобитная войска царю Петру 1721 года 30 марта.

Увлечшись въ исканіи правды у Москвы, казаки зашли слишкомъ далеко, не вѣдая той грозы, которая уже собиралась надъ ними. Эта гроза вскорѣ разразилась новымъ горькимъ и еще болѣе тягостнымъ розыскомъ, чѣмъ всѣ предыдущіе взятые вмѣстѣ.

Г Л А В А XXVI.

Смуты въ войскѣ. Казнь казачковъ Елисеѣва и Назарова. Вѣсти о киргизахъ. Посылка станицы Ивана Мясикина. Хлопоты Рукавишнина въ Петербургѣ. Дача войску знаменъ и пушекъ. Посылка станицы Балмашнова на развѣдну въ киргизскіе аулы. Нарядъ казачковъ на Терекъ. Посылка въ Петербургъ станицы Балмашнова. Возвращеніе Рукавишнина въ войско и казнь старшины Василя Мордвинкина. Возвращеніе на Яикъ изъ Шведской войны станицы Рекунова и плѣнныхъ казачковъ изъ Швеціи. (1721 г.).

Воейковъ уѣхалъ. Войско отдѣлалось отъ навязчиваго и незваннаго гостя. Отдѣлалось отъ новыхъ поборовъ и взятокъ и съ твердымъ духомъ стало доводить дѣло до конца. Темная и безграмотная масса казачковъ, слѣпо вѣрила въ правоту своего дѣла и въ правду высшаго начальства; съ наивною простотою оно встало грудью противъ всѣхъ тѣхъ, которые, какъ казалось ему, шли въ разрѣзъ этой правды, той правды, какъ ее понималъ свободный народъ. Войско пошло даже противъ представителя самого правительства, ибо видѣло въ немъ высшую несправедливость, противъ которой всегда возставала въ глубинахъ своей души мягкая и чуткая натура славянина. Народъ, безотчетный искатель правды, слѣпо вѣрилъ, что иного пути не было. Но рассчитавшись съ Воейковымъ, войско еще не кончило счетовъ со своими „измѣнниками“ и „ворами“. Эти измѣнники — Елисеѣвъ и Назаровъ все еще не получили долгаго возмездія.

Но вотъ въ началѣ февраля новаго 1721 года въ узкихъ улицахъ городка появились пріѣхавшіе изъ Петербурга отъ Рукавишнина казаки: — есаулъ *Алексѣй Абакумовъ*, *Якимъ Щербачковъ*, *Савелій Бизяковъ*, *Иванъ Мясикинъ* и *Петръ Кожевиновъ*.

Достаточно было появиться этимъ посланцамъ, чтобы всколыхнуть всѣ бури. Посланцы привезли съ собою похвальную грамоту за бой съ киргизами и письма отъ Рукавишнина. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного изъ этихъ писемъ¹⁾. Прочитавши въ кругу письма произвели громадное

¹⁾ Вслѣдствіи эти письма были представлены атаманомъ Иваномъ Щербачковымъ полковнику Захарову во время его роиска на Яикъ въ 1728 году, во его слѣдственномъ дѣлѣ разсказать не удалось. Найдемъ только extracts изъ слѣдствія.

впечатлѣніе. Слѣпо вѣрившіе въ каждое слово своего ходатая казаки заводились. Старшины *Василій Ивановъ Мордвинкинъ*, *Иванъ Федоровъ* и *Василій Прятковъ* ¹⁾ были схвачены и закованы въ цѣпи. Вывели въ кругъ и доносчиковъ Елисѣева и Назарова. Ихъ привели на послѣдній судъ оскорбленной ими общины. Судъ былъ неумолимый. Ихъ приговорили къ казни. Какъ мы уже знаемъ обязанность казнить виновныхъ всегда лежала на первыхъ помощникахъ атамана и исполнителей его приказаній на войсковыхъ есаулахъ. На этотъ разъ совершать казнь досталось войсковому есаулу *Ивану Карпову*. Приговоренныхъ вывели изъ круга; Карповъ зарядилъ ружье и передалъ его казаку-татарину, (фамилія его неизвѣстна), который и совершалъ казнь, застрѣливъ по очереди Елисѣева и Назарова ²⁾.

Вслѣдствіи при розыскѣ Захарова атаманъ Щербаковъ говорилъ, что войско казнило Елисѣева за то, что „онъ казака Новинскаго и все войско называлъ измѣнниками“.

Казнь была совершена. Но это была еще не послѣдняя расправа казаковъ со своими измѣнниками. Впередѣ предстояло свести счеты еще съ однимъ неизвестнымъ для войска человѣкомъ.

Но въ то время, когда происходили казачьи расправы, 8 февраля пріѣхали въ войску посланцы изъ калмыцкой орды отъ владѣльца *Алегебей-мурзы* съ письмами.

Въ этомъ письмѣ Алегебей-мурза сообщалъ Яицкому войску, что были его улусные люди „за звѣровою охотою въ дальнемъ разстояніи въ урочищѣ по вершинамъ рѣки *Илеку* и съѣхались они въ этомъ мѣстѣ съ воинскими людьми, по облику съ каракалпаками и киргизцы; а по сибѣтѣ ихъ воинскихъ людей будетъ, немало число. А говорили оные непріятельскіе люди, что идемъ-де мы подъ государевы города и подъ Яицкій казачій городокъ а не подъ васъ калмыкъ поже де у насъ съ вами мирной договоръ“ ³⁾.

Подобныя предупрежденія со стороны калмыкъ о приходѣ киргизъ въ послѣдніе годы являются уже обычнымъ явленіемъ. Киргизы стали общими врагами и казаковъ и калмыковъ и, какъ увидимъ далѣе, казаки въ свою очередь увѣдомляютъ и калмыковъ о приходѣ киргизъ, если эти свѣдѣнія доходятъ къ нимъ ранѣе.

Для провѣрки вѣстей о киргизахъ войско рѣшило послать казаковъ, а для увѣдома въ Самару и для отправки по дѣламъ въ Петербургъ снарядило станицу съ только что прибывшими казаками: съ *Иваномъ Яковлевымъ Мясниковымъ*, придавъ ему есауломъ *Савелія Васильева Бизянова* и казака *Василія Леонтьева*.

¹⁾ Урал. Войск. Вѣд. 1869 г. № 49. Показанія Карташева въ Преображенскомъ приказѣ въ 1722 г.

²⁾ Тамъ-же, а такъ-же и показаніе атамана Щербакова и старшинъ по дѣлу Захарова. Моск. Архив. Юстиц. Дѣла. Препр. совѣта по Воин. Кол., книга № 100, листы 472—516. Эскизъ Захарова изъ свѣдѣній по дѣлу Карташева.

³⁾ Московскій Архивъ Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 327.

Эта станица должна была ѣхать обратно въ Петербургъ съ письмами къ Рукавишникову, чтобы онъ получалъ на войско жалованье, а также пороохъ, свинець и адра.

Вместѣ со станичниками, выѣхавшими 24 февраля, войско послало графу Головкину челобитную о полученныхъ имъ вѣстахъ о киргизахъ, а также челобитную на имя царя съ описаніемъ совершившихся въ послѣднее время событій на Яикѣ. Въ этой челобитной заключалась жалоба войска на всѣ дѣйствія Воейкова, до пріѣзда его въ городокъ включительно:

„Да того жъ прошедшаго 720 году декабря въ день онъ же майоръ и комендантъ пріѣзжалъ подѣ нашъ Яицкой городокъ великимъ собраніемъ съ солдатами, не обычей другихъ розничкомъ, которые по твоему царскаго величества указу къ намъ напредь сего присланы бывали; и мы, раби твои, отъ такого многого съ нимъ собранія были великомъ опсесени, и оттого у насъ, рабовъ твоихъ, на Яикѣ остановились всякія рыбные ловли, отъ чего мы, раби твои, питаемся во весь годъ; да онъ же майоръ и комендантъ Воейковъ, какъ ѣзжалъ дорогою къ намъ на Яикъ и чинилъ многое изнезательство, — которне посланы отъ насъ станичной атаманъ *Иванъ Степановъ да есаулъ Афанасей Ивановъ, всего четыре человека*, на дорогѣ вхъ раздевалъ и обыскивалъ въ стени, недопустя города Самары, и которне съ ними посланы были наши письма о всякихъ нашихъ войсковыхъ нуждахъ за нашею войсковою печатью, и те письма отнималъ и печати съ нихъ срывалъ невѣдомо для какого своего вымыслу; а помарутне казаки посланы отъ насъ съ построеніемъ про обиходъ ко двору Вашего Царскаго Величества съ икрою и рыбою; такожъ и впередъ намъ наземменованнымъ отъ такого его наглаго изнезательства и разоренія въ Санктпетербургъ съ вѣстовыми отписками о приходѣ воинскихъ людей и за другими своими нуждами стала посылать невозможно“.

Далѣе, говоря о сожженіи Воейковымъ сѣна и конскихъ стойлъ у Краснаго Котка и у Чувашскаго умета, войско въ заключеніе написало:

„Всемилоствѣннѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваша Царская державства насъ наземменованныхъ отъ такого помянутого майора и коменданта Воейкова въ намъ насильственнаго и наглаго его разоренія во всемъ милостивымъ своимъ Государевымъ указомъ охранитъ и розыскать насъ рабовъ твоихъ, кромѣ его Воейкова, въ Санктпетербургѣ кому Царское Величество повелишь“¹⁾.

Винау челобитной была сдѣлана подпись: „къ себѣ челобитной вмѣсто войскового атамана *Ивана Иванова* и всего Яицкаго войска по его велѣнію священникъ *Иванъ Ивановъ* руку приложилъ“.

Кромѣ этихъ бумагъ станичники, вѣроятно, взяли и письма къ Рукавишникову частнаго характера, но объ нихъ до насъ не дошло свидѣній.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листы 289—292.

Станица Мясникова благополучно прибыла въ Самару, гдѣ казаки наняли три подводы до Москвы, заплативъ за нихъ по пяти рублей за каждую.

Въ то время, когда происходили на Яикѣ эти событія, Рукавишниковъ энергично велъ свое дѣло — хлопоталъ за интересы войска и отстаивалъ ихъ гдѣ возможно.

Въ началѣ января 1721 г. онъ сталъ хлопотать о приверстаніи въ казаки всѣхъ пришедшихъ на Яикъ послѣ перепяси 1695 г., т. е. этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не былъ вырѣшенъ; хотя эти казаки и продолжали служить казачью службу, но они каждый часъ могли ждать указа о высылкѣ ихъ въ Русь; кромѣ того они не смѣли появляться нигдѣ вѣхъ границъ войска, т. е. могли встрѣтиться со своими бывшими помѣщиками, которые, какъ мы уже знаемъ, не стѣсняясь захватывали такихъ казаковъ и брали ихъ къ себѣ обратно. Мы уже знаемъ, что одною изъ главныхъ причинъ боязни пріѣзда Воейкова была увѣренность казаковъ, что Воейковъ вышлетъ всѣхъ, кто пріѣхалъ на Яикъ послѣ 1695 г.

Рукавишниковъ подалъ отъ своего имени челобитную Петру.

„А въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, — писалъ между прочимъ Рукавишниковъ, — по доношенію вора-взвѣнника яндкаго казака Ивана Карташева и по стачкѣ со отцомъ его Матвѣемъ Мироновымъ съ товарищи былъ у насъ на Яикѣ изъ Казани съ указомъ для розыску поручикъ Егоръ Кротковъ, и отписывалъ у насъ на Яикѣ казаковъ съ двести третьяго году (1695 г.) въ солдаты и во крестьянство, будто помѣщиковыхъ, а оныя отписанные казаки служили Вамъ Царскому Величеству въ казачей службѣ лѣтъ по двадцати и по тридцати и по сороку; и отписавши оной Кротковъ этихъ казаковъ разобралъ помѣщикамъ во крестьянство. А въ прошломъ Государь 716 году, по твоему Великаго Государя указу и по яраду изъ Казани, послано было отъ насъ съ Яику въ хивинской походъ съ князь Александръ Вѣкнечъ Черкасский тысяча пятьсотъ человекъ тѣ и до двести въ Хивѣ въ полову; а послѣ того походу осталось насъ на рѣкѣ Яикѣ по списку двѣ тысячи шесть сотъ человекъ и тѣ въ прошлыхъ годѣхъ писаны въ казачью службу природнымъ жителямъ; а по усмотрѣнію въ прошлыхъ годѣхъ кто отколъ придетъ на Яикъ и скажется вольной и о такихъ человекъ не будетъ спору и челобиться до шести лѣтъ въ казачью службу неприверстывали; и въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ приходили къ намъ на Яикъ указы, а въ указахъ писано чтобъ отдать отъ насъ съ Яику казаковъ съ двести третьяго года...

Да по твоему Великаго Государя указу вѣрно помѣщиковыхъ крестьянъ какъ съ Дону такъ и съ Яику отдавать съ двести третьяго году; а на Дону Государь поселево отъ непріятельскихъ людей городковъ многое число, а у насъ, Государь, на рѣкѣ Яикѣ одинъ городокъ и живемъ отъ непріятельскихъ набѣговъ въ великомъ опасеніи потому, что каракалпакъ и зар-

гизь-казаки непрестанные набѣги чинятъ, и выходятъ они, непріатели, подъ твои Государевы города и подъ казачей городокъ многими собраніемъ: тысячь по двадцати и больше и отгоняють у насъ конскія и корови табуны и людей въ полонъ берутъ и казаковъ на смерть побивають; да въ прошломъ 720 году мая въ „ „ день пріѣхалъ къ намъ на Янкъ изъ Астрахани для розыску поручникъ Филимонъ Кустовъ, а съ нимъ пятьдесятъ человекъ солдатъ и чинить намъ войску во всеиъ обиду; да въ прошломъ же 720 году декабря въ первыхъ числахъ поѣхалъ къ намъ на Янкъ для розыску сызранскій комендантъ Гаврило Воейковъ, а съ нимъ триста человекъ солдатъ и хотятъ твою государеву вотчину и насъ рабовъ твоихъ всеконечно разорить.

Всеилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества—повели Государь по всеилостивѣйшему своего Царскаго Величества разсмотрѣнію жить намъ на рѣкѣ Янкѣ въ казачьей службѣ, а въ солдаты бы и во крестьянство отъ насъ съ Янку изъ казаковъ не отдавать потому, что у насъ великія нужды и непрестанныя набѣги отъ непріателей бывають и въ великомъ отъ нихъ каракалпакъ бываемъ во всеконечномъ разореніи.

Такожь да повелитъ ваше Царское Величество которыя казаки отписаны и разобраны въ солдаты и во крестьянство помѣщикамъ собрать и быть на Янкѣ въ казачьемъ спискѣ по прежнему такожь бы у насъ на Янкѣ майору Воейкову и поручику Кустову до Царскаго Величества именнаго указу розыску не чинить.

Вашего Величества нижайшіе рабы запольныя рѣки Янку явдкіе казаки: станишней атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи 1721 г. генваря въ „ „ день¹⁾.

По безграмотству станичниковъ рослился казакъ Петръ Кожевниковъ.

Подаль Рукавишниковъ и челобитную о возвращеніи ему истраченныхъ на проѣздѣ въ Петербургъ прогоновъ. Но въ Коллегіи прогоны хотя и вернули обратно, но не полностью, и далеко менѣе дѣйствительно истраченныхъ. Станичниковъ разсчитали по указу 1720 г., гдѣ точно устанавливалась плата ямщикамъ и были высчитаны разстоянія между городами. Поэтому разсчету всѣмъ казакамъ пришлось получить всего 151 р. и 33 алтина²⁾. Они, конечно, не были довольны такимъ разсчетомъ и, какъ увидимъ, потомъ снова подали объ этомъ-же челобитную.

Въ томъ же мѣсяцѣ 9 числа подаль челобитную на имя царя казакъ-татаринъ *Келамбетъ Итымаевъ*, прося вознагражденія за его службѣ и полученныя въ бояхъ раны.

— „ Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, — писалъ онъ въ челобитной, — служилъ блаженныя памяти Государю царю и великому князю Алексію Михайловичу дѣдъ мой и отецъ многіе годы безпорочно и на тѣхъ прежде бывшихъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листы 259—260.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 170.

службах побиты. И я нижайшій служу тебѣ великому государю съ дѣтми съ 1681 г.⁴ Далѣе Итытаевъ перечисляетъ уже извѣстныя намъ его службы: въ походахъ за киргизами въ ихъ жилищахъ, о боѣ въ 1719 г., когда овъ взялъ у киргизъ четырехъ человекъ и о боѣ въ 1720 г. при рѣкѣ Току съ атаманомъ Никитомъ Вороднянмъ... „А нынѣ за своею старостию и за великими ранами въ великой скорби пребываю, писать овъ дальше въ своей челобитной, — Всемилостивѣйшій государь прошу Ваше Величество да повели Державство Ваше за многую мою, вѣраую Тебѣ всемилостивѣйшему Государю службу, и за раны, и за старость, пожаловать по Своему, Царскому, милостивому прарѣшѣнію, за вышесказанныя мои многія службы Своимъ Государственнымъ жалованьемъ, которымъ могъ бы я между своею братіею имѣть почтеніе, дабы видѣли оную Вашу Царскую милость, и другіе, кто ея вида, тщаніе имѣли.

Вашего Величества нижайшій рабъ, Яицкій казакъ-татаринъ Келиябевъ Итытаевъ. 1721 г. Геввара 9 дня⁵ 1).

Въ это-же время въ Петербургъ прибылъ вернувшіеся изъ шведскаго плѣна 2 яицкихъ казака изъ Стокгольма.

Это были уже извѣстныя намъ казаки: *Григорій Субботинъ*²⁾ и *Никита Болдыревъ*³⁾, которые и были отправлены на Яицъ.

Находившіеся все это время въ Москвѣ, оставшіеся тамъ казаки ставщи Рукавишниковъ послали къ нему казака *Андрея Мухина*. Въ данной имъ подорожной и указѣ о дачѣ подводъ не было написано, чтобы имъ дали подводъ отъ Самары до Яица. За этимъ разъясненіемъ и отправился Мухинъ въ Рукавишникову.

24 января овъ пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь, уладивъ его дѣло, Рукавишниковъ выхлопоталъ для него подводу и 1 февраля овъ уѣхалъ обратно, увозя съ собою приказъ оставшимся въ Москвѣ казакамъ о немедленномъ выѣздѣ ихъ на Яицъ⁴⁾.

Въ разгаръ хлопотъ Рукавишниковъ 4 февраля пріѣхалъ въ Петербургъ посланіемъ съ Яица въ декабрѣ съ паремкии кусомъ и съ челобитною на Воевока казаки станицы *Ивани Степанова*, которые въ тотъ-же день явились въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и по обычаю подали челобитныя о дачѣ имъ за проѣздъ прогоновъ, объ отводѣ квартиръ и кормовыхъ деньгахъ⁵⁾. Степановъ въ своихъ челобитныхъ назвалъ свою станицу „*Асмой*“⁶⁾. Это первое названіе станицы легкой; названа она такъ ввиду ея малочисленности (4 чел.) и согласно указа царя Петра о посылкѣ одной *зимовой* и

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 39, листы 166—174. На этой челобитной ему выдано: „на воюнку сабли и на дѣло кафтана 10 рублей“. Тамъ-же.

²⁾ См. прилож. XIII, листъ 69.

³⁾ Тамъ-же, листъ 75.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 159—161.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листъ 176.

двухъ лежижъ ставицъ въ годъ¹⁾. По челобитью нѣзъ 9 марта приказано было выдать „корму съ приваду на три недѣли: атаману по два алтына по 2 деньга, есаулу Афанасью Иванову по два алтына, двумъ челобѣжкамъ рядовымъ казакамъ по 10 денегъ на день челобѣжкѣ, итого 4 рубли двадцать семь алтынь 4 деньга; нѣзъ же дать на отпускѣ атаману пятнадцать рублей, есаулу двѣнадцать рублей, двумъ челобѣжкамъ рядовымъ по десяти рублей, итого кормовыхъ и на отпускѣ пятьдесятъ одинъ рубль двадцать семь алтынь четыре деньга отъ расхода Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“²⁾.

Явившись въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, Иванъ Степановъ доложилъ и о бывшемъ съ нѣмъ случаѣ съ Воейковимъ и показалъ сорваную съ царской челобитной войсковую печать.

Къ этому же времени, вѣроятно, нужно отнести и представленіе Рукавишниковъ съ товарищами царю Петру. Узнавъ отъ прибывшихъ о ходѣ дѣла на Яикѣ и о повѣздѣ туда Воейкова, энергичный Рукавишниковъ, вѣроятно, употреблялъ всѣ свои силы, чтобы добиться быть представленнымъ государю. Привезенные Степановимъ осетры и пошеницы съ акромъ, надо полагать, немало помогли ему въ этомъ дѣлѣ.

Когда именно онъ являлся къ Петру—сказать трудно. Въ дѣлахъ объ этомъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Объ этомъ лишь говорить Рукавишниковъ въ своемъ показаніи въ Преображенскомъ приказѣ въ 1722 году.

„А въ прошломъ 1721 г.,—показалъ онъ,—по именному Его Императорскаго Величества указу взяти мы, нижайшіе, предъ Его Величествомъ и расспрашиваемы въ вышеупомянутыхъ въ разореніяхъ и обидахъ отъ него вора измѣнника Карташева; и мы, нижайшіе, предъ Его Величествомъ сказали, что разоряется Вашего Императорскаго Величества вотчина, Яицкое войско, отъ помянутого вора и измѣнника Карташева и отъ казанскихъ офицеровъ, по его Карташеву ложному доносительскому извѣсту. А что какия его Карташева на насъ, рабовъ твоихъ, ложныя доношенія и на присланныхъ офицеровъ и подъячыхъ во многихъ съ насъ, рабовъ твоихъ, взяткахъ, и о томъ явствуетъ въ дѣлѣ подавныя наши доношенія и челобитныя въ Правительствующемъ Сенатѣ; и выслушавъ Императорское Величество отъ насъ, рабовъ своихъ, слезное прошеніе и наградилъ меня нижайшаго именнымъ своимъ Императорскаго Величества милостивымъ словомъ: „Спасибо и помозиба“³⁾, что ты, видя вотчину мою, Яицкое войско, ложные доносители напрасно, и по ихъ ложному извѣсту розыщики не далъ ее разорить и не далъ (сдѣлать) напраснаго кровопролитія“. За то меня нижайшаго и при мнѣ бывшихъ казаковъ жаловалъ по своему милостивому именному Императорскаго Величества указу: по саблѣ и повелѣлъ изъ Государственной военной коллегіи по-

¹⁾ Грамота войску отъ 1721 г. января 5.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 30, листъ 176.

³⁾ Такъ, вѣроятно, въ старину говорилось спасибо (Вотъ) и помози Вотъ.

слать изъ правобѣрныхъ рабовъ своихъ въ намъ, нижайшимъ, на Янкъ для подлиннаго розыску розыска съ помянутымъ доносителемъ и съ отцемъ его крестнымъ Матвѣемъ Мионовымъ и съ помянутыми офицерами во взятыхъ во всѣмъ розыскивать“¹⁾).

Изъ этого показанія видно, что Рукавишниковъ не только былъ награжденъ со своею станицею саблями, но и достигъ главной цѣли своей поведенія—назначенія на Янкъ для розыска офицера изъ Петербурга.

Что Рукавишниковъ съ товарищами являлся приблизительно въ это время—дастъ право думать поданная имъ въ первыхъ числахъ февраля челобитная царю, вполне соответствующая по содержанию всему тому, о чемъ онъ докладывалъ лично государю. Это та самая интересная челобитная, въ которой онъ говоритъ о первоначальномъ появленіи казаковъ на Янкѣ, кто они были, откуда пришли, о первыхъ бояхъ казаковъ съ татарами, о чемъ уже говорилось въ началѣ настоящаго очерка, въ главѣ III²⁾).

Тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ о происхожденіи войска Рукавишниковъ напомнилъ въ челобитной и о сгорѣвшей владѣнной грамотѣ на Янкѣ.

„И въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время оная грамота у насъ сгорѣла. И набралось было на Янкѣ по 1713 г. четыре тысячи сто человекъ и бывали на многихъ твоихъ Великаго Государя службахъ въ разныхъ походахъ, и служилъ и по нынѣ Вамъ Великому Государю во всякой вѣрности“.

Далѣе въ своей челобитной онъ описываетъ службу войска въ Харьковскомъ (украинскомъ) походѣ и рассказываетъ подробно о побѣгѣ Карташева со службы, о томъ, что его хотѣли казнить, но Матвѣй Мионовъ заступился. Говоря далѣе о службѣ войска съ Черкасскимъ въ Хивѣ, онъ говоритъ о гибели отряда и о томъ, что послѣ этого на Янкѣ осталось всего 2600 человекъ. Потомъ онъ описываетъ подробно всѣ доносы Карташева, сына Кемецкаго и Кроткова, сыски въ Кавказъ и въ Преображенскомъ приездѣ, говорить о поборахъ, которые брали сыщики съ войска. Наконецъ, говоря о послышѣ Воейкова и объ обыскѣ имъ станичнаго атамана Ивана Степанова, онъ говоритъ: „И какъ вѣхали съ Янка къ Тебѣ Великому Государю посланцы съ вкромъ и рыбною и съ отпискою, съ войсковою челобитною, станичный атаманъ Иванъ Степановъ съ станичниками, встрѣтился съ ними, и оборалъ у нихъ всякія письма и челобитныя и отписки къ себѣ, изъ которыхъ съ одной отписки, сорвавъ войсковую печать, прочелъ, измалъ, бросилъ, которую онъ атаманъ подналъ, привезъ сюда и нынѣ оная въ подаіи въ Волегинъ Иностранныхъ дѣлъ, а есаулъ Афанасія Иванова, раздѣвалъ и хотѣлъ бить плетями. А велѣно насъ нижайшимъ ему Воейкову равоорать въ сол-

¹⁾ „Урал. Войск. Вѣдом.“ 1869 г. № 45.

²⁾ См. стр. 44 настоящаго очерка.

даты и во крестьянство съ 203 году (1695 г.); а ежели государь съ того году васъ разобрать то не останется на Яикъ въ Вашей Великаго Государя службѣ и тысячи человекъ. И грозитъ онъ Воейковъ все наше войско разорить въ конецъ¹⁾.

Говоря о томъ, что въ Самарѣ съ везенной въ Царю икры и рыбы взяли у Степанова самую лучшую десятану, какъ бы съ купленной и привезенной для продажи рыбы—взяли ту икру и рыбу, которая предназначались къ самому царю, Рукавишниковъ говорить: „а мы низжайшіе той икры и рыбы не зупили и везли про обиходъ Вашего Величества, а не на продажу, в багряли ее сами“. Зналъ о недавно состоявшемся въ сенатѣ указѣ о подчиненіи яцкихъ казаковъ по нарядамъ Астраханской губерніи¹⁾, онъ говорить, что объ этомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ до сихъ поръ указа не учинено. Но знаа отлично, что подчиненіе Яика Астраханской губерніи будетъ тагоство войску, и что могутъ снова командировать Воейкова, онъ пишетъ въ концѣ челобитной:

„Всеимлостивѣйшій Государь проситъ Вашего Величества: не веля Государь у того розыску ему Воейкову бить, изъ казаковъ съ 203 году разбирать, а веля Государь для того розыску послать отсюда, кого ты Великій Государь укажешь и вышенисанымъ отписанымъ казакамъ, для нашего малолюдства, жить на Яикъ по пражнему, а про обравье писемъ и въ иманіи десятой рыбы и пошлянъ, его Воейкова, и симбирянина в бурнистра допросить, и о всекъ веля Государь свой милостивый указъ учинить, чтобы твоя Великаго Государя вотчина въ развореніи не была; такожь повела Государь насъ службою и нарядомъ и во всякихъ дѣлахъ вѣдать по пражнему въ государственной Иностранныхъ дѣлъ коллегіи, а въ губерніяхъ ни въ которыхъ невели Государь вѣдать, ибо и въ вѣденіи Казанской губерніи чинено намъ отъ присланныхъ офицеровъ и фискаловъ и подъячихъ многое развореніе и обиды. Вашего Величества низжайшій рабъ, войска Яицкаго присланный челобитчикъ, станичный атаманъ Федоръ Михайловъ съ товарищи 1721 года февраля въ день“²⁾. Подъ челобитной подиисался станичный писарь Алексѣй Никитинъ. Числа не показано.

Послѣ этой челобитной въ Иностранной коллегіи стали уже говорить о посылкѣ на Яикъ офицера для розыска, но это дѣло по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ затавулось еще на многое время.

Вслѣдъ за этой челобитной Рукавишниковъ въ февралѣ вновь подаетъ другую челобитную (тоже безъ числа), повтораю своя своя просьбу не подчинять Яицкое войско Астраханской губерніи. Сенатъ, сдѣлавъ подобное распоряженіе,

¹⁾ Указъ о подчиненіи яцкихъ и гребенскихъ казаковъ Астрах. губ. 1721 г. 20 янв. Но Яицкому войску объ этомъ сообщено не было.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 107, кн. 30, листы 284—285.

совершенно забыть тѣ условія, при которыхъ приходилось Яицкому войску вести сношенія съ Астраханью. Астрахань была отдѣлена отъ Яицкаго городка пустынною, и подчасъ безводною, степью, по которой шныряли во всѣмъ направленіямъ шайки киргизъ. Посылать почти за тысячу верстъ малочисленныя станицы по этой степи не представлялось возможнымъ. Другой путь, лежавшій черезъ Самару, былъ также длиненъ и продолжителенъ, хотя нѣбе опасенъ, чѣмъ первый, но все-же былъ сопряженъ съ громаднымъ неудобствомъ.

На эту несообразность и обращалъ вниманіе Коллегіи Рукавишниковъ.

„А въ нынѣшнемъ 721 г.—писалъ онъ,—по вашему Великаго Государя указу и по приговору Правительствующаго Сената велѣно васъ подчинить въ Астраханской губерніи Астраханскому губернатору Артемью Петровичу Волынскому и о всякихъ вашихъ дѣлахъ и о жалованьи окладномъ у него губернатора вѣдомимъ быть, а мы, выжайшіе, отъ Астрахани отдалѣли конской легкой ѣзды въ три недели, и ѣхать малолѣтствомъ опасно все степью, а по степямъ непріятельскіе люди каракалпаци и киргизъ-казаки всегда набѣга чинять и насъ на смерть бьютъ и въ полонъ берутъ и оттого намъ выжайшимъ бываетъ великая гибель.

Всеилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваше державство намъ выжайшимъ противъ нашего прежняго челобѣтя службъ и нарядомъ и вашимъ Государскимъ денежнымъ окладнымъ жалованьемъ и всякими дѣлами вѣдомимъ быть въ Санктпетербургѣ въ Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи по прежнему съ донскими казаками, а Государевъ окладное денежное жалованье, свинець и порохъ и прочее давать на Москвѣ, а въ Астрахань везети Государь васъ вѣдать повеже отъ насъ Астрахань въ дальномъ разстояніи“¹⁾.

Въ то время, когда Рукавишниковъ подавалъ эти прошенія, въ Петербургъ 21 февраля прибыли изъ калмыцкой орды посланцы отъ *Аюкы-хана*. Престарѣлый 74-лѣтній Аюкя, чувствуя приближающуюся смерть, послалъ своихъ пословъ съ письмомъ къ царю Петру разрѣшить ему выѣхать въ Китай для поклоненія *Далай-Ламѣ*. Путь туда былъ далекій. Но объясненію прибывшихъ съ письмомъ для этого потребовалось-бы, считая дорогу туда и обратно, „ѣхать съ восемь“.

Главнымъ посланцемъ отъ Аюкы-хана былъ яндкій казакъ-татаринъ *Осанъ Шалтегъ*, съ которымъ прибыло восемь челонокъ калмыковъ. Явившись къ государю, онъ подалъ письмо отъ Аюкы и подарки: царю Петру—„суку но таугутское“ (калмыцкое), отъ жены Аюкы отъ *Дармы-балы изарбафъ*, отъ его сына *Черенъ-Дондука* и отъ жены Черенъ-Дондука *Демжеты*—„во суку таугутскому, да къ государинѣ царницѣ отъ Дармы-балы изарбафъ“²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 256.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Им. Дѣлъ. Калмыцкіи дѣла, картонъ № 37, связка № 9 1721 г., листъ 84.

Можетъ быть, что подъ изарбафомъ калмыки называли ту восточную происхожденія шелковую матерію, изъ которой ящкія казачки шили свои сарафаны и называли ее „зарбать“¹⁾.

Казакъ Шалѣевъ былъ природный старинный ящкій казакъ. Еще въ 1702 году, во время пребыванія Аюки въ Яицкомъ городѣ, онъ своею услужливостію и знаніемъ русскаго языка на столько понравился Аюкѣ, что тотъ просилъ особымъ письмомъ царя Петра о привожденіи его развѣ навсегда для службы при себѣ, что и было сдѣлано указомъ изъ приказа Казанскаго дворца, послѣ чего Шалѣевъ со своимъ сыномъ Измайломъ былъ отданъ для службы Аюкѣ, гдѣ и былъ до 1707 г. Но войско на это посмотрѣло нѣсколько иначе и не хотѣло считать его пребываніе при Аюкѣ за дѣйствительную службу. Оно требовало по прежнему съ него деньги по раскладкѣ за наемку полковъ и на другіе войсковые расходы. Тогда Шалѣевъ подалъ челобитную царю, результатомъ чего явилась прочетная грамота, данная ему изъ приказа Казанскаго дворца.

Это единственная найденная до сихъ поръ въ архивахъ прочетная грамота, написанная на имя войска.

„Отъ Великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца на Яикѣ ящкімъ казакамъ войсковому атаману *Федору Семенникову* съ товарищи. Вилъ челомъ намъ Великому Государю ящкій казакъ Осанъ Шалѣевъ: служить до онъ Намъ, Великому Государю, на Яикѣ многіе годы, и въ прошломъ, 702 году, по Нашему Великому Государю указу и по приказу боярина нашего князя *Бориса Алексѣевича Голыцина*, посланъ онъ съ Самары съ сыномъ своимъ въ калмыцкіе аулы въ Архан-Тайшѣ для обережи его Арканъ отъ дѣтей его; и былъ онъ у его Аюки въ улусахъ по ннѣшній 707 годъ; и въ прошломъ 705 году былъ съ его Аюкиными калмыками подъ Царициномъ для вспоможенія царицинскимъ всякихъ чиновъ жителямъ противъ астраханскихъ бунтовщиковъ и тѣхъ бунтовщиковъ отъ Царицына отбили; а въ 706 былъ въ Астраханн съ нимъ Арканъ-Тайшею въ большомъ полку генерала нашего фельдмаршалка и военного ковалера мальтійскаго свидѣтельствованнаго *Бориса Петровича Шереметева* для сокращенія астраханскихъ жителей отъ междоусобія, и намъ Великому Государю пожаловати его за службы его, дать ему въ замѣ на Яикѣ Нашу Великаго Государя грамоту съ прочетомъ, чтобы на него на Яикѣ напрасно никто не нападалъ; и какъ къ намъ съ наша Великаго Государя грамота придетъ и ящкій атаманъ и казакъ ему Осану за службы его напрасныхъ обидъ и навадбовъ чинить никому не велѣла, а прочеть съ Нашу Великаго Государя грамоту, и списавъ съ нее списокъ, отдали ему Осану впрелѣ для вѣдома. Писано на

¹⁾ Смот. 145 стр. наст. очерка.

Москвѣ, гѣта 1707 апрѣля въ 30 день¹⁾.

Но такъ какъ въ кругъ обязанностей Шалѣва входило кромя прямой службы при Аюкѣ еще и исполненіе различныхъ порученій по городамъ, въ которыхъ бывали калмыки для торговли, а также для разбора ихъ жалобъ и творимыхъ имъ обидъ, то Шалѣву въ 1716 году 30 апрѣля была дана другая прочетная грамота, въ которой объяснялись всѣ его обязанности и приказывалось властямъ оказывать ему содѣйствіе²⁾.

Въ своемъ письмѣ Аюка, прося царя объ разрѣшеніи ему выѣхать въ Китай, между прочимъ просилъ и о назначеніи ему особаго чиновника, который бы всегда находился при немъ. Назначеніе этихъ чиновниковъ при калмыцкомъ ханѣ началось съ 1715 г. по просьбѣ самого Аюка-хана. Въ этотъ годъ, боясь нападенія на свои улусы башкирцевъ, крымцевъ и кубанцевъ, онъ просилъ прислать къ себѣ для обереженія войска. Было наряжено всего 600 человекъ, изъ которыхъ половина состояла изъ драгулъ, а другіе 300 человекъ изъ казаковъ, жившихъ по приволжскимъ городамъ: саратовскихъ, самарскихъ и другихъ. Съ ними былъ отправленъ стольникъ *Дмитрій Бахметьевъ*³⁾. Это былъ первый назначенный къ хану московскій чиновникъ. Впослѣдствіи эти чиновники вплоть до ухода калмыкъ въ Китай безотлучно находились при ханахъ. Они жили обыкновенно въ Саратовѣ и въ обязанность ихъ входило наблюденіе за дѣйствіями хана и калмыкъ, главнымъ образомъ—не сводится ли онъ съ крымцами или кубавцами, и о всемъ замѣченномъ доносить въ Петербургъ; но эти „состоящіе при калмыцкомъ ханѣ“ чиновники, какъ и вообще все чиновничество того времени, не отличалось честностью. Почти всѣ они безъ исключенія были лихоимцы и взяточники, купить которыхъ не стоило большого труда. Получая деньги и отъ враговъ и отъ друзей хана и отъ самого хана, они доносили въ Петербургъ или хорошее или дурное, смотря по полученнымъ деньгамъ. Зная прекрасно ихъ натуру, Аюка въ третьемъ пунктѣ своего письма о назначеніи этого чиновника просилъ царя Петра такимъ образомъ:

„Еще прошу Васъ Великаго Государи, чтобъ благоволили изъ придворныхъ своихъ вѣрныхъ одного человека при мнѣ опредѣлить для вслѣднихъ моихъ дѣлъ, чтобъ о дѣлахъ и о вѣрностяхъ нашихъ полагинно безъ похлоботва Вашъ доносилъ, ибо сунневаюсь, что о многихъ дѣлахъ и о вѣрностяхъ и о состояніяхъ Вашъ не доносятъ сонныясненіемъ, который бы былъ невздоионецъ“⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Ин. Дѣл. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, связка 1721 г. № 9. Грамота подписана: дьякъ Дмитрій Неурюкинъ, справилъ подьячій Тимофей Поповъ. Печать черная, восковая. Въ дѣлѣ кѣтся только копія этой грамоты.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Моск. Арх. Ин. Дѣл. Калмыцкія дѣла, картонъ № 37, связка № 7 1721 г.

⁴⁾ Тамъ же, связка № 9, 1721 г.

Послѣ такой просьбы Аюки, явленіе на Яикѣ господъ Кемецкихъ, Кротковыхъ, Волковыхъ и другихъ лихоимцевъ будетъ неудивительнымъ. Уже если для послышки къ калмыцкому хану, къ владѣльцу громадной калмыцкой орды, у Москвы на находилось въ тѣ времена честнаго и дѣловаго человека, то что же она могла послать въ далекой и малозвѣстный ей Яицкой казачій городокъ?!

Въ отвѣтной грамотѣ Аюкѣ совѣтовали за его старостью къ Далай-Ламѣ не ѣздить, что равнялось приказанію и Аюка остался въ ордѣ. Шалѣевъ же, выхлопотавъ своему сыну Изману жалованье „въ полн“ противъ своего оклада: 10 рублей въ годъ и хлѣбное жалованье „протавъ оклада“, уѣхалъ обратно въ калмыцкую орду.

Въ это время въ сенатѣ рѣшался вопросъ о лучшемъ управленіи казачьи войсками, послѣдствіемъ чего явился 3 марта указъ царя Петра президенту Военной Коллегіи свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову съ товарищи о томъ, чтобы „Донскимъ и Яицкимъ и Гребенскимъ казакамъ во оныхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи Военной Коллегіи“¹⁾.

Благодаря этому указу, всѣ дѣла, о которыхъ хлопоталъ Рукавишниковъ, встали. Коллегія иностранныхъ дѣлъ перестала заниматься казачьими дѣлами, отговариваясь, что казаки болѣе не подчинены ея вѣдѣнію, а Военная коллегія отказывала въ просьбахъ, отговариваясь тѣмъ, что дѣла ея еще не приняты изъ Иностранной коллегіи.

Такииъ образомъ дѣла остановились. Но Рукавишниковъ въ мартѣ-же явился къ князю Меншикову и подалъ ему на его имя „доношеніе“. Жалуюсь ему на то, что казачьи дѣла въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ „и до нынѣ тамъ лежать“, оиъ въ концѣ челобитной просилъ: „Того ради всепокорно нынѣ просимъ дабы повелѣно указомъ Его Царскаго Величества наши дѣла и челобиты войсковое взять изъ Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи въ Государственную Военную Коллегію и по указу наши дѣла рѣшить“²⁾.

Въ виду этой челобитной въ Иностранную коллегію 15 марта былъ посланъ изъ Военной коллегіи указъ: „Чтобы по прошенію Яицкаго казачьяго городка станичнаго атамана Федора Михайлова, о всякихъ войсковыхъ дѣлахъ челобиты и дѣла ихъ, которыя въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ есть, прислать въ Военную Коллегію“³⁾.

Въ тоже время Военная коллегія въ своемъ засѣданіи (23 марта) подѣ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 1.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 4. Такая же челобитная, но на имя государя была подана имъ, но съ такииъ окончаніемъ: „Всеимператорской Государь просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваше Государство наши дѣла и челобиты войсковое взять изъ Иностран. дѣлъ Кол. въ Госуд. Воен. Кол. и по указу наши дѣла рѣшить“. Тамъ-же, листъ 5. Обѣ челобитныи безъ числа.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 6.

председательством свѣтлѣйшаго князя Меншикова приговорилъ:

„О Донскихъ, Яецкихъ и Гребенскихъ казаковъ требовать изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ подлиннаго вѣденія: въ какомъ порядкѣ оныя до сего времени содержались, а особливо какимъ образомъ оныя сначала полками, или компаніями, или ротами сочинены, и положенъ-ли имъ какой комплектъ, и въ какомъ нынѣ они состояніи, а именно: кто именно у нихъ атаманы и старшины и казаки и прочіе, на какомъ содержатся довольствіи, и какое имъ бываетъ денежное жалованье и прочее пропитаніе во время миру и войны; и положено ль дѣвать имъ какая артиллерія и всякая арматура и какая именно. Такожъ какія имъ прежде сего даны привилегіи, и о прочемъ что до содержанія ихъ касается. И чтобъ то все, такожъ и не вершенныя дѣла присланы были въ Военную Коллегію съ тѣми канцеляристами, которые у тѣхъ дѣлъ нынѣ обрѣтаются“¹⁾.

Какъ видно изъ этого постановленія Военная коллегія не имѣла ни малѣйшаго представленія о новыхъ ей подчиненныхъ, руководить которыми и подчасъ вѣршать ихъ судьбу ей поточъ предстояло около ста лѣтъ.

По этимъ двумъ указамъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 31 марта было рѣшено: дѣла яецкихъ казаковъ, присланныя изъ Сената 1719 г. и слѣдующіе въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которые есть, отослать всѣ съ описью въ Военную Коллегію. А которые есть при тѣхъ дѣлахъ по дошешіямъ яецкихъ казаковъ о выдачѣ имъ жалованья и прогонныхъ денегъ и съ тѣхъ сообщить копіи за секретарскою рукою, а подлинныя оставить въ коллегіи впредь для счету. И по тому Его Великаго Государя указу яецкихъ казаковъ челобиться и дѣла посылаются при семъ Его Великаго Государя указѣ. А что какихъ дѣлъ послано тому при семъ прилагается реестръ“²⁾.

Всѣ эти дѣла были посланы въ тотъ же день при подробной описи: „Реестръ дѣламъ Яецкаго повѣтыя 1719, 1720 и 1721 годовъ вершеннымъ“³⁾ и „Яецкаго повѣтыя не рѣшеннымъ дѣламъ“³⁾.

Такимъ образомъ, благодаря ходатайству и энергіи Рукавишника, дѣла войска опять вошли въ сношъ колею.

Между тѣмъ прибывшіе съ царскимъ кусомъ станицники Ивана Степанова правдою сидѣли въ Петербургѣ и никакъ не могли добиться прогонныхъ денегъ на обратный путь.

Въ мартѣ они подали дошешіе:

„Въ нынѣшнемъ 721 г. присланы мы, пажайшіе, отъ всего Яецкаго войска въ Санктпетербургъ съ Цирскимъ кусомъ—икрою и рыбою и живемъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 2.

²⁾ Тамъ-же, листы 8—10. Подписались: канцлеръ графа Головкина, вице-канцлеръ баронъ Штирель.

³⁾ Всѣ эти дѣла выходятъ въ настоящее время въ Моск. Арх. Гл. Шт., по описи 107, и составляютъ собою 2 довольно объемистыя тома (ссылку № 30 и № 54).

уже здѣсь полтора мѣсяца въ доходѣ, а объ отпускѣ намъ на Янкъ въ дома наши подводѣ съ прогонами отъ Санктпетербурга до Янку не дано.

Того ради всепокорно просимъ дабы указомъ Его Царскаго Величества повелѣно намъ нижайшимъ дать отъ Санктпетербурга до Янку свободный пропускъ и подводѣ съ прогонами и отпустить въ дома на Янкъ¹⁾.

По этой просьбѣ 11 марта приказано было выдать имъ отъ Петербурга до Москвы и Самары двѣ подводѣ и поверстыя деньги по указу.

Станичники, получивъ подорожную и прогоня, уѣхали обратно на Янкъ, но казакъ *Иванъ Желтновъ* остался въ Петербургѣ, имѣя въ виду хлопотать о назначеніи ему жалованья за полонное терпѣніе въ Хивѣ. Объ этомъ же сталъ хлопотать казакъ *Андрей Никитычъ Бородинъ* (впослѣдствіи войсковой атаманъ). Оба они подали челобитья въ Военную Коллегію на имя царя.

Въ своей челобитной Бородинъ, говоря о томъ какъ онъ попалъ въ плѣнъ въ Хиву вмѣстѣ съ отрядомъ Бековича, между прочимъ писалъ: — „И въ томъ полону былъ я у нихъ, хивинцовъ, въ Хивѣ года съ три и больше, и хивинской ханъ послалъ меня нижайшаго калмыцкому Аюкъ-хану въ подарокъ, а онъ ханъ отпустилъ меня на Янкъ по прежнему въ войско и далъ мнѣ письмо за своею печатью, что жить на Янкѣ въ казачей службѣ; а будучи я въ томъ полону терпѣлъ отъ нихъ хивинцовъ за твое Великаго Государя моя великую нужду и голодъ и оттого я нижайшій пришелъ въ великое оскуденіе и служить мнѣ казачьи службы стало нечимъ. А какъ наша братья, янцкіе казаки, бывають на вашихъ великаго Государя службахъ прапорщиками и давалась имъ Вашего Государева денежнаго жалованья на прапорщика на годъ по пятнадцати рублевъ, а мнѣ нижайшему за тѣ прошедшія три года Вашего Государева жалованья не давано.“

Всемилоостивѣйшій Государь прошу Вашего Величества да повелитъ Ваше державство за оное полонное мое терпѣніе и раззорѣніе мнѣ нижайшему дать Вашего Великаго Государя жалованья, что вамъ Великому Государю обоимъ Господь Богъ по сердцу положить²⁾.

По безграмотству Бородина росписался станичный писарь Алексѣй Никитинъ. Челобитная Желтнова уже намъ известна³⁾.

Но Бородинъ разспросили въ Военной Коллегіи болѣе подробно, чѣмъ онъ сообщилъ въ своей челобитной⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 184.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листъ 376. Въ этой челобитной, старинное русское слово знаменщикъ, въ угоду новому чужеземному вѣянію, Бородинъ замѣнилъ вѣспынымъ словомъ прапорщикъ, хотя такого званія у янцкихъ казаковъ въ то время и въ послѣдующія времена никогда не существовало.

³⁾ Смол. приложение XIV, стр. 79.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 81.

По этимъ челобитнымъ имъ было выдано за полное терпѣніе по десять рублей и кромѣ того Желѣзнову „изъ мудриныхъ суковъ одно пертище, а Вородяну, который въ томъ походѣ былъ прапорщикомъ, два пертища“¹⁾. Жалованья же за время нахождения въ плѣну не выдали.

28 марта прибыли въ Петербургъ казаки другой легкой станицы (взхавшіе съ Яика 24 февраля) станичнаго атамана *Ивана Яковлевича Масникова*—всего три человѣка. 30 марта они уже явились въ Военную коллегію и подали войсковыя челобитныя съ жалобою на Воейкова и вѣстовую отписку о появленіи киргизъ.

Въ челобитныхъ, написанныхъ на имя графа Головкина, войско говорило, что хлопотать „о денежномъ годовомъ жалованьи, и о пороху, и свинцу, и о ядрахъ“, на 2600 чел. оно послало со станичниками отписки къ станичному атаману Рукавишникову²⁾.

Такимъ образомъ войско уполномочивало Рукавишникова хлопотать не только за свою станицу, но и за вновь прибывшія.

Войско уже два года (1719, 1720) не получало ни денежнаго жалованья и ни пороха, свинца и ядеръ. Между тѣмъ враги становились все наойльнѣе и навязчивѣе—бои съ киргизами не прекращались, а становились все чаще и озлобленѣе. Но бумажная волокита не прививала жизни. Съ переходомъ Яицкаго войска изъ вѣдѣнія Казанской губерніи въ вѣдѣніе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ эта выдача изъ Казани прекратилась и казаки сидѣли безъ пороха, свинца и ядеръ.

Войско все время хлопотало объ этомъ, прося выдавать окладъ не на 600 человѣкъ, а на наличное число казаковъ на 2600 человѣкъ. Получивъ грамоту отъ 1720 г. 23 декабря о полученіи этого жалованья за 1719 и 1720 годы изъ Казани, противъ прежнихъ дачъ на 600 человѣкъ, войско рѣшило его не принимать, ожидая распоряженія о выдачѣ его на полное число казаковъ³⁾.

Между тѣмъ станичники, обиженные плохимъ расчетомъ съ ними Иностранной коллегіи по возврату затраченныхъ денегъ на наемъ подводъ, въ началѣ апрѣля снова подали челобитныя о возвращеніи имъ всѣхъ истраченныхъ денегъ полностью, а не по поверстному расчету, согласно только что вышущему первому казанному дорожнику, гдѣ указывались города и разстояніе между ними и стоимость провоза.

„И противъ нашего найму, — писалъ Рукавишниковъ въ челобитной, — оставшимъ въ Москвѣ недодано на каждую подводу по шести рублей по одному алтыну по двѣ деньги; а намъ здѣсь недодано на каждую жъ подводу по сѣми рублевъ; и оттого мы нижайшіе одолжали великими долгами, а

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 80, листъ 382.

²⁾ Тамъ-же, листъ 326.

³⁾ Тамъ-же, листъ 368. Челобитная графу Головкину 1721 г. 24 февраля.

платить чѣмъ не имѣемъ, да въ нынѣшнемъ 721 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ присланы отъ войска двѣ станицы легкихъ: одна прислана про обиходъ Царскаго Величества съ рыбою и съ икрою, а съ Самары такожъ до Санктпетербурга принуждены нанять подъ ту рыбу и икру двадцать девять подводъ, и дали найму на каждую подводу по десяти рублей; а другая станица прислана съ войсковою отинскою о непріятельскихъ людяхъ караулкакахъ и принуждены такожъ съ Самары до Москвы нанять подъ себя три подводы и дали найму на каждую подводу по пяти рублей, а съ Москвы до Санктпетербурга даны три подводы безъ прогоновъ.

Того ради у Государственной Военной Коллегіи всепокорно просимъ дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было намъ выжайшимъ за помянутые пятьдесятъ пять подводъ наши истраченные деньги противъ нашего найму додать, а въ легкихъ станицахъ станичникамъ такожъ за помянутые жъ подводы истраченные деньги выдать всё сполна, понежъ онымъ станичникамъ въ легкихъ станицахъ здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ прогонныхъ денегъ ничего не давано¹⁾.

На эту челобитную и на челобитья о дачѣ жалованья, пороха, ядере и свинца и пушекъ, а также на челобитья о Воейковѣ, поданныя Рукавишниковымъ и вновь прибывшею станицею Мясникова въ Военной Коллегіи состоялось постановленіе лишь 19 мая. По этому постановленію рѣшено было послать на Янвъ для разбора всѣхъ жалобъ *полковника Ергольскаго*. Въ тотъ же день состоялся указъ: «явцимъ казакамъ для полевыхъ военныхъ походовъ дать въ Москвѣ изъ тамошней артиллеріи *три пушки трехъ фунтовыхъ чугунныхъ съ станками* и съ прочими принадлежания къ нимъ припасы *да на каждую пушку по сту по пятидесятъ ядере* и къ нимъ пороху и прочей аммуниции *по припорціи*, а для обученія изъ тамошнихъ казаковъ пушкарей отправить съ полковникомъ Ергольскимъ одного кондуктера и пока онъ тамъ будетъ денежное жалованье давать ему по его окладу изъ доходовъ казанской губерніи, а для нынѣшняго его туда отправленія выдать ему то жалованье на половину минѣшняго года сполна изъ артиллеріи; и о томъ въ артиллерію такожъ и въ штатъ канторъ-коллегію послать Его Великаго Государя указы²⁾».

Но этии указомъ Рукавишниковъ не удовлетворился. Войску нужны были еще и знамена и жалованье на 2600 человекъ. Онъ снова подаетъ въ Военную коллегію довошеніе и проситъ отпустить и жалованье и знамена.

«Въ прошлыхъ годехъ, — писалъ онъ, прося отпуска знаменъ, — даваны были намъ нижайшимъ его Государевы жалованые знамена изъ Москвы изъ Казанскаго приказу когда были въ вѣденіи у князь *Бориса Алексеевича Голицына*, а нынѣ у насъ тѣ бывшіе знамена обветшали, да отъ тѣхъ же

1) Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 394.

2) Тамъ же, листы 320 и 410.

знамень послано въ походъ съ князь Александромъ Вѣковичемъ Черкасскимъ и тѣ знамена нинѣ въ Хивѣ съ нимъ же княземъ Черкасскимъ пропали.

Того ради у государственной военной коллегіи всеповорно просить дабы указомъ царскаго Величества повелѣно было намъ нижайшимъ Его Государевн знамена на Москвѣ выдать, ради оскуденья помянутыхъ знаменъ¹⁾.

Написалъ онъ доношеніе и о выдачѣ жалованья.

Результатомъ всѣхъ его хлопотъ было два послѣдовавшихъ указа Военной Коллегіи:

По указу отъ 26 мая было постановлено: „производитъ отпускъ жалованья по прежнему на 600 человекъ, а что они Яцкіе казаки быть челомъ чтобъ имъ то жалованье выдать на наличное число, и о томъ быть челомъ имъ впродъ, а именно: когда отправляемый нынѣ изъ Военной Коллегіи, по ихъ требованію на Яикъ для розыску и переписи, полковникъ возвратится и наличный имъ списокъ подастъ. И о томъ въ штатѣ конторь-коллегіи послать Его Великаго Государя указъ“²⁾.

Вторимъ указомъ войску отпускались знамена: — 1721 году мая въ 31 день, по указу Великаго Государя Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца свѣтлѣйшій Ринскаго и Россійскаго Государствъ князь Его Царскаго Величества верховный тайный дѣйствительный совѣтникъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ и Государственный военной коллегіи президентъ Александръ Давыловичъ Меншиковъ съ товарищи слушавъ сіи выписки приговорилъ: яцкіимъ казакамъ дать по челобитью ихъ на все Яцкое войско три знамя съ Москвы изъ обрѣтающихся тамо прежнихъ стрѣльцкихъ знаменъ „выбравъ кои новѣе и легче, съ російскою и о томъ къ стольнику Матвѣю Головкину послать Его Великаго Государя указъ“³⁾.

Этии тремя указами завершились всѣ хлопоты Рухавишниковъ. (Онъ добился всего, что хотѣло войско. По его настоянію былъ наконецъ назначенъ офицеръ для разбора всѣхъ войсковыхъ дѣлъ, выданы были пушки, знамена, и лѣшъ съ окладомъ жалованья и съ просьбою о приверстаніи въ казенн всѣхъ явившихся въ войско послѣ 1695 г. дѣло не подвинулось ни на шагъ. Виновать ли въ этомъ несильный и немогущій тогда свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, умышленно не желавшій зачисленіи бѣглыхъ изъ Руки въ казаки и дать войску жалованья на 3600 человекъ въ надеждѣ вернуть съ Яика бѣжавшихъ отъ него толпами его крѣпостныхъ, или же Военная Коллегіа не вѣрива на слово атаману, но только жалованье войску было оставлено по

¹⁾ Тамъ-же, листъ 823.

²⁾ Тамъ-же, листъ 411. Это же повторяется и въ указѣ, датанномъ Калачскому губернатору о выдачѣ жалованья и снаряженіи отъ июня 28 дня 1721 г.

³⁾ Моск. Арх. Г.д. Шт. опись 107, кн. 30, листъ 824. Подъ указомъ подписались: князь Григорій Юсуповъ, Семенъ Салтыковъ, Иванъ Мамонтовъ, князь Петръ Голицынъ, Иванъ Бутурлинъ, обер-секретарь Алексѣй Волковъ. Внизу помѣта, что указъ объ этомъ выданъ Рухавишникову 12 июня для передачи стольнику Головкину въ Москвѣ.

старому окладу, а о зачисленіи бѣглецовъ въ казаки не было промолвлено ни одного слова.

Дѣлать больше въ Петербургѣ Рукавишникову было нечего.

Казаки стали собираться въ путь и подали челобитье о выдачѣ имъ прогоня и объ отпускѣ на Яикъ. Первыми подали это челобитье прибывшіе позже всѣхъ съ вѣстовою отпяскою казаки станицы *Ивана Мясникова* три человека и оставшіеся при нихъ отъ станицы *Степанова* казакъ *Иванъ Желѣзновъ* ¹⁾.

Четвертаго іюня подалъ такую же челобитную и Рукавишниковъ.

Выясняя въ челобитной, что казаки, ранѣе пріѣзжавшіе въ Казань, всегда на отъѣздъ получали прогоня, онъ просилъ Военную Коллегію: „дабы указомъ царскаго Величества повелѣно было намъ нижайшимъ выдать прогоняные деньги на подводы отъ Санктпетербурга до Яику, понеже намъ и напредь изъ Иностранной коллегіи такіе прогоняные деньги и съ подводами даваны, а именно: атаману двѣ подводы, есаулу тожь, а рядовымъ по подводѣ, такожь дать и провѣзжей указъ отъ Санктпетербурга до Яику и отпустить въ дома; а съ Москвы водою дать подѣ его государское жалованье и подѣ станичниковъ стругъ до Самары со всею струговою срядю“ ²⁾.

Стругъ Рукавишникову нуженъ былъ для отвоза въ Самару пушекъ изъ Москвы и получаемаго въ Казани денежнаго жалованья, т. е. въ то время деньги давались большею частью мѣдью и, какъ видно изъ послѣдующихъ дѣлъ, войско иногда, когда ему не нужно было мѣдныхъ денегъ, было вынуждено мѣнять ихъ на серебро, уплачивая иногда за размѣвъ порядочную сумму.

Одновременно съ этимъ Рукавишниковъ подалъ и другое челобитье на казака *Ивана Желѣзова*. Послѣдній, оставъ отъ своей станицы и подавъ челобитье о жалованья за половное терпѣніе, вздумалъ выхлопотать себѣ постоянную поѣздку въ Петербургъ. Для этого онъ еще въ концѣ апрѣля тайно отъ Рукавишникова и отъ другихъ казаковъ подалъ на имя царя особую челобитную.

„Отъ прошлаго 711 г.,—писалъ онъ въ ней,—служилъ я нижайшій на Вашей Государевой службѣ вѣрно и былъ я съ княземъ Александромъ Бѣковичемъ Черкасскимъ въ хивенскомъ походѣ и былъ въ полову четыре года, о чемъ подлинно о оной моей службѣ значить въ Санктпетербургѣ въ Военной Коллегіи.

Всемилоствѣннѣйшій Государь прошу Вашего Величества да повелитъ державство ваше за показаніе мое службы пожаловать меня нижайшаго Вашимъ Царскаго Величества указомъ, чтобъ мнѣ пріѣзжать въ Санктпетербургъ по

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, лк. 90, листъ 426; челобитная помѣчена крестъ безъ числа.

²⁾ Тамъ-же, листъ 430. Челобитная помѣчена іюнемъ безъ числа.

выгодно въ зимовой станицѣ съ яцкиими казаками¹⁾).

Чтобы объ этомъ челобитьи никто не узналъ, онъ попросилъ написать его ярославца *Ивана Герасимова*, который и расписался за него; между тѣмъ въ станицѣ въ это время былъ хорошо грамотный по тому времени ставичный писарь Алексѣй Никитинъ Вороновъ.

Но объ этомъ челобитьи вскорѣ узналъ Руканишниковъ, съумѣвшій уже завести себѣ въ Коллегіи хорошее знакомство; онъ немедленно-же подалъ въ Коллегію доношеніе. Говоря, что Желѣзновъ давно уже получилъ и жалованье и прогоны для проѣзда въ домъ, и что его товарищи давно уже уѣхали, Руканишниковъ писалъ:

„И нынѣ, оной Желѣзновъ, безъ нашего вѣдомства еще подалъ въ Государственную Военную Коллегію доношеніе, а въ доношеніи своемъ писалъ, чтобъ ему, Желѣзнову, по всягоды ходить отъ нашего Яцкаго войска въ зимовыхъ станицахъ ставичникомъ; а у насъ, нижайшихъ, пржеде сего такого примѣру небывало, и сами на такое дѣло не назывались, но только кто произошелъ во всемъ службою и ему, Государю, заслужилъ во всякой вѣрности и таковыя у насъ войскамъ выбираютъ выборомъ и посылаютъ въ зимовыхъ станицахъ за его Государскимъ денежнымъ окладнымъ жалованьемъ.

Того ради нынѣ у Государственной Военной Коллегіи всепокорно просимъ, дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было оному помянутому Желѣзнову въ зимовыхъ станицахъ ставичникомъ отъ нашего Яцкаго войска безъ нашего вѣдомства неходить, понежъ у насъ таковыя самозваныхъ въ зимовыхъ станицахъ напредъ войскамъ не посылавали²⁾).

Ввиду этого заявленія, 12 іюня послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи, въ которомъ Желѣзнову въ просьбѣ отказывалось. „А ходить въ зимовыя станицы нѣтъ яцкиимъ казакамъ по прежнему обыкновенію кого они отъ всего своего Яцкаго войска отправятъ, а оному Желѣзнову сказать указъ, чтобъ онъ изъ Санктпетербурга отправился на Яцкъ немедленно, и дать ему паспортъ съ прочими такими же яцкиими казаками, которые нынѣ при Санктпетербургѣ обрѣтаются³⁾).

Такимъ образомъ желанію Желѣзнова не суждено было сбыться.

Между тѣмъ во время всей этой бумажной волнѣты уже послѣ первыя же казачьихъ челобитенъ въ Военной Коллегіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, должны ли яцкіе казаки платить гербовый сборъ при подачѣ челобитенъ или же не должны. До этого такого вопроса еще не было возбуждено ни однимъ учрежденіемъ — но крайней мѣрѣ до насъ не дошло объ этомъ ни какихъ свѣдѣній.

Дѣло приняло официальный характеръ, 1 іюня, когда изъ Военной Кол-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 384.

²⁾ Тамъ-же, листъ 385.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 389, указъ отъ 12 іюня 1721 г.

леги былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ. — Понеже въ присланныхъ изъ Иностранной Коллегіи дѣлахъ являхъ казаковъ, многіе челобитные и выписки писаны на простой, а не на гербовой бумагѣ, а по указу Царскаго Величества повелено всякіе челобитничковы дѣла писать на гербовой бумагѣ; сего-бъ ради изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Военную Коллегію прислано было извѣстіе: чего ради явчякихъ казаковъ челобитные принимаемы и выписки писаны на простой бумагѣ и не имѣетца ль о томъ особаго опредѣленія“¹⁾.

Въ Иностранной коллегіи по этому поводу навели справку, по которой выяснилось, что донскіе казаки, „въ прошлыхъ годѣхъ“ всѣ свои челобитныя, которыя подавали въ посольскомъ приказѣ, писали на простой бумагѣ, а не на гербовой и въ печатной канцеляріи съ данныхъ имъ о ихъ дѣлахъ грамотъ и указовъ печатныхъ пошлениъ не имано.

А между тѣмъ по указу Петра и по Соборному уложенію: „Осколь на десять главъ пятьдесятъ, да пятьдесятъ первой и пятьдесятъ третьей статей, двадцать четвертой главы первой статьи, а о партикулярныхъ дѣлахъ (которыхъ гораздо мало бывало) челобитные и по нихъ выписки и указы и грамоты писаны на гербовой бумагѣ, а особливаго Его Великаго Государя указу въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, что имъ, атаманамъ и казакамъ, писать на простой бумагѣ, а не на гербовой не имѣетца; и какъ въ 1719 году по указу Великаго Государя велено въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ вѣдать явчякихъ казаковъ и къ нимъ такожъ грамоты и указы посланы и выписки дѣлаемы и отъ нихъ отписки и челобитные и доношенія принимаемы не на гербовой бумагѣ противъ донскихъ же казаковъ“²⁾.

Получивъ эти свидѣнія Военная Коллегія стала въ свою очередь тоже рѣшиться въ законахъ и нашла въ Соборномъ уложеніи всѣ статьи о пошлинахъ, которыя должны платить служилые люди: стрѣльцы, казаки, пушкарки и другіе. Но эти статьи, какъ видно по ихъ смыслу, относились только къ московскимъ казакамъ, жившимъ по разнымъ городамъ Руся—бѣлопахатнымъ, кормовымъ и др. и служившимъ наравнѣ со стрѣльцами и имѣвшимъ въ городахъ жалованья имъ земли, а иногда и крестьянъ (если они были казаками помѣстными). Къ казачьимъ же общинамъ: къ явчякимъ, донскимъ и терскимъ казакамъ эти главы Соборнаго уложенія не относились, какъ къ людямъ вольнымъ и въ своемъ внутреннемъ управленіи не подчинявшимся Москвѣ.

Дѣло объ этомъ затянулось и лишь черезъ годъ Военная Коллегія, выписавъ изъ уложенія всѣ законы, относящіеся къ казакамъ и служилымъ людямъ, 11 апрѣля 1722 года послала ихъ въ Сенатъ, прося разъясненія и указанія по этому поводу. [22].

Въ своемъ же заключеніи Военная Коллегія написала: „А по мнѣнію

¹⁾ Тамъ-же, опись 47, кн. 263, дѣло 2, листъ 3.

²⁾ Тамъ-же, листы 3 и 4.

Воевнѣй Коллегіи надлежитъ у нихъ челобитные принимать и вслѣіе ихъ, по ихъ челобитію, выписки и указы писать на простой бумагѣ, противъ прежняго обыкновенія для того, что они служатъ съ одного денежнаго жалованья и когда прибѣгаютъ отъ нихъ легкіе ставицы и за ихъ собственными нуждами и имъ дается за тотъ ихъ приѣздъ жалованье и кормовые деньги и на подводныя прогонны, о чемъ о всемъ подаютъ они челобитные; и ежели съ такихъ и прочихъ ихъ нуждахъ писать выписки и указы на гербовой бумагѣ, то съ того будутъ требоватца съ нихъ печатныя пошлины, отъ чего будетъ имъ немалой убытокъ; однакожъ мочно и съ того исключить тѣ дѣла, которые бывають по ихъ челобитію во всякихъ ссорахъ на постороннихъ великороссійскихъ городовъ людей, какъ о томъ въ уложеніе въ 18 главѣ въ 51 и въ 53 статьяхъ напечатано, а между тѣмъ пока о томъ изъ Правительствующаго Сената указъ полученъ будетъ, вслѣіе ихъ дѣла и указы и доношенія писать и отъ нихъ принимать на простой бумагѣ. И Высокоуправляющій Сенатъ о томъ что повелитъ" ¹⁾).

Сенатскаго рѣшенія въ дѣлахъ не имѣется. Но судя по тому, что яцкіе казаки и во всѣ послѣдующіе годы продолжаютъ писать свои какъ войсковыя, такъ и личныя челобитныя на простой бумагѣ, не платя гербоваго сбора, видно, что рѣшеніе Сената по этому дѣлу было въ пользу казаковъ. Будь иначе, это шло-бы въ разрѣзъ всѣмъ, еѣеками установленнымъ, обычаемъ страны дѣлать всевозможныя льготы служилому сословію, особенно казакамъ, исполнявшимъ всю службу на своемъ коштѣ, въ полномъ вооруженіи, снаряженіи и имѣя двухъ лошадей. Мы видимъ, что съ казаковъ всѣхъ трехъ войскъ (Яцк., Дон. и Терск.) Москва не только не беретъ никакихъ сборовъ, но даже по выходѣ ихъ на службу даетъ имъ *подъемное жалованье отъ 5 до 10 рублей*, жалованье довольно крупное, если принять во вниманіе, что въ то время на эти деньги казакъ могъ сѣею купить и лошадь и снаряженіе, что будетъ равно приблизительно нынѣшнимъ 150—200 руб.

Исходя изъ этого, другаго рѣшенія отъ Сената и не могло быть.

Между тѣмъ 19 іюня состоялся указъ Воевнѣй Коллегіи о выдачѣ войскъ ставичникамъ слѣдующихъ имъ денегъ. Въ указѣ подробно перечислено все, что должно быть имъ выдано. [21].

Но Рукавишниковъ не удовольствовался выданными деньгами. Онъ подалъ снова челобитную. Въ ней онъ говоритъ, что жалованіе прѣеэано выдавать войску по старому казанскому окладу, но жалованье, которое полагалось по этому окладу, въ Казани на зимовыя станицы имъ не дали. „А давано намъ было въ Казани на станицу ставичникамъ на каждый годъ 108 рубля по 13 алтынъ по 1 деньгѣ, а нынѣ изъ Казани отъ ближлаго боярина и Казанскаго губернатора Алексія Петровича Салтыкова стоварищи

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 263, дѣло 2, листъ 9.

о вашемъ Государевомъ денежномъ выходномъ жалованье почему давано было въ Казани на ставицы такого извѣстія къ вамъ въ Санктпетербургъ не пришло. [См. прил. XI].

Всемилолюбивѣйшій Государь, просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваше Государство Вашъ Великаго Государя изъ Государственной Военной коллегіи указъ послать въ Казань къ близшему боярину и казанскому губернатору Алексію Петровичу Салтыкову съ товарищи, и чтобъ за помянутые годы Ваше Великаго Государя денежное выходное жалованье на ставицы станичниковамъ, почему давано было въ Казани, и нынѣ противъ той же прежней казанской дачи выдать все сполна¹⁾.

Смѣтливый Рукавишниковъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ того, что полагалось-бы войску ввѣдъ прогонныхъ за прѣздъ, если бы оно получало жалованье въ Казани, такъ какъ ежегодные 103 р. 16 ал. 1 деньга, выдаваемые казакамъ въ Казани за прѣздъ туда, все равно они получили бы помимо поѣздки въ Петербургъ, какъ получали тоже самое и ранѣе, прѣзжая вромъ Казани и въ Москву.

Передъ выдачею прогонъ въ Военной Коллегіи сдѣлали справку о стоимости подводъ отъ Петербурга до Самары по изданному въ 1720 г. первому печатному казенному дорожнику. По справкѣ оказались:

Отъ Санктпетербурга до Новгорода	.	.	160
Отъ Новгорода до Москвы	.	.	557
Отъ Москвы до Самары	.	.	1000
Итого	.	.	1717 вер.

А на оное поверстное число по состоявшемуся 720 году Его Царскаго Величества указу и печатному листу платится:

Отъ Санктпетербурга до Новгорода на версту по 1 деньга, отъ Новгорода до Москвы на 10 верстъ по 6 ден., отъ Москвы до Самары на 10 вер. по 4 деньга.

Итого на одну подводѣ имѣется:

Отъ Санктпетербурга до Новгорода 26 алт. 4 ден.

Отъ Новгорода до Москвы 1 руб. 22 алт. 1 ден.

Отъ Москвы до Самары 2 руб.

Всего . . . 4 руб. 15 алт. 3 ден.

А отъ Самары до Яику koliko верстъ обрѣтается и почему поверстныхъ денегъ платится, того въ присланныхъ изъ Иностранной коллегіи дѣлахъ не явствуетъ²⁾.

По этому расчету выдали казакамъ прогонныя деньги:—атаману и есаулу на 2, а рядовымъ казакамъ на одну подводѣ. Расчетъ былъ произве-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листъ 462.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 471—474.

день по дорожнику на 1717 верст по расчету 4 руб. 15 алт. 3 деньги на подводу всего 13 человекамъ. (Желѣзновъ получилъ все ранѣе ¹⁾). Но указъ о выдачѣ лодки состоялся только 12 іюля, спустя почти цѣлый мѣсяцъ.

„Явцкимъ казакамъ отъ Москвы до Самары, — говорилось въ указѣ, — подѣ пушки и подѣ пороховую казну и свинець, дать имъ изъ Москвы до Самары судно съ принадлежащимъ къ нему судовымъ припасамъ. А въ Самарѣ то судно совсемъ припасы отдать имъ, казакамъ, воеводе съ роспискою и о томъ въ Каморь-коллегію и на Самару къ воеводѣ послать Его Великаго Государя указы; а корщиковъ и гребцовъ на то судно отъ Москвы лавать имъ отъ города до города изъ ямщиковъ; а тѣмъ ямщикамъ прогонныя платить имъ по указу изъ даннаго имъ на ямскіе подводы прогонныхъ денегъ, поже помянутые атаманъ и казаки будутъ на томъ же суднѣ и о томъ въ ямской приказъ послать указъ“ ²⁾).

Все было готово для отъѣзда станицы Рукавишниковъ. 3 іюля въ Коллегіи потребовали списки казаковъ, чтобы выдать подорожную.

Въ представленномъ спискѣ казаки въ первый разъ всѣ назвали себя полностью по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ:

Станичный атаманъ Федоръ Михайловъ *Рукавишниковъ*, асаулъ Михайло Никитинъ сынъ *Куррениновъ*, подъячей Алексѣй Никитинъ *Вороновъ*, Афонасій Федоровъ *Землянушовъ*, Семенъ Лукьяновъ *Сумкинъ*, Андрей Никитинъ *Бородинъ*, Никифоръ Ивановъ *Маркобруновъ*, Иванъ Михайловъ, Семенъ Герасимовъ *Полодаевъ*, татаринъ Килеябетъ *Итаевъ*“ ³⁾. Всего десять человекъ.

Подорожная была получена въ тотъ-же день. Рукавишникову нужно было бы вѣхать, но онъ узналъ, что 25 мая въ Петербургѣ было получено донесеніе отъ Астраханскаго губернатора Волынскаго о набѣгахъ горцевъ на Терекъ и что состоялся указъ Коллегіи о нарядѣ явцкихъ казаковъ на защиту терскихъ и гребенскихъ городковъ.

Рукавишниковъ, получивъ эти свѣдѣнія, вѣхать не могъ. Безноконная и энергичная натура его не могла оставаться безучаствою къ этому обстоятельству. Нужно было хлопотать, заступиться за войско, во чтобы то ни стало постараться отвинить этотъ далекій и тягостный для войска нарядъ. Онъ остался со своею станицею въ Петербургѣ. На Явѣ уѣхала только станица Масникова, остальные всѣ остались съ Рукавишниковымъ.

На Явѣ же въ это время, по отъѣздѣ послѣдней станицы въ Петербургъ, дѣла приняла обычный характеръ; страсти улеглись. Всѣ ждали результатовъ хлопотъ Рукавишниковъ и принялась за обычные дѣла. Цора было сдѣлать развѣдку, провѣрить вѣсти, полученныя отъ калмыковъ, но пока было зик-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Моск. Ахр. Гл. Шт., опись 107, кн. 80, листъ 475.

³⁾ Моск. Ахр. Гл. Шт., опись 107, кн. 90, листъ 450.

ное время, ѣхать далеко въ степь было нельзя. Войско дождалось весны. И лишь только въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля, когда въ степи появлялась первая трава, казаки снарядили развѣдчиковъ. Всего было отправлено 10 челобѣкъ со ставичинимъ атаманомъ *Иваномъ Даниловымъ Балмашиновымъ*. Есауломъ былъ выбранъ *Петръ Ивановъ Кочуровъ*. Проводникомъ въ эту далекую и опасную развѣдку вызвался прикочевавшій недавно предъ этимъ къ Яицкому городку калмыкъ *Даша Булатовъ*. Этотъ калмыкъ имѣлъ въ калмыцкой ордѣ до двухсотъ дворовъ, но желая быть яицкимъ казакомъ, бросилъ своихъ подданныхъ „и все свое достояніе“, и ушелъ въ Яицкій городокъ, захвативъ съ собою „только жену и дѣтей и малое число родственниковъ“¹⁾.

Желая показать свою ревность и службу войску, онъ самъ вызвался проводить станицу къ киргизскимъ ауламъ.

Казаки поѣхали по направленію къ рѣкѣ Эмбѣ. Этотъ безстрашный малenkій отрядецъ шелъ прямо въ пасть врага: они могли каждую минуту встрѣтить полчища киргизъ, обычно въ это-же время ѣхавшихъ въ Русь за добычею. Но пріятели орлы не только были безстрашными воинами, но и ловкими развѣдчиками. Провѣдать о неприятелѣ, взять языка — было ихъ дѣло. Этимъ они прославились во всѣхъ войнахъ, особенно подѣ Азовомъ. Но станицѣ не пришлось доѣхать до Эмбы. Казаки благополучно проѣхали всю степь до р. Уила и здѣсь замѣтили киргизскіе аулы. Жилища враговъ были найдены и Балмашинову съ товарищами уже далѣе ничего не стоило достать языка. Казаки поймали одного киргиза и отправились въ обратный путь²⁾.

По прибытіи ихъ въ городокъ собрался кругъ изъ плѣнниковъ „при войскахъ въ кругу сказывалъ, что пошли каракалпаки и киргизъ-казаки, соединивъ двумя ордами вмѣстѣ, три тысячи человекъ подѣ калмыцкіе улусы, подѣ государевы города и подѣ ихъ казачій городокъ, а большимъ собраніемъ пошли вверхъ по Яику рѣкѣ“³⁾.

Войско дало знать объ этомъ въ Самару. Но пока ѣхали лихіе развѣдчики въ киргизскую степь, 11 апрѣля возвратилась на Яицъ станица *Ивана Степанова* съ вѣстями изъ Петербурга. Посланные привезли съ собою грамоту о подчиненіи Яицкаго войска военной коллегіи и другую грамоту съ приложеніемъ 30 печатныхъ листовъ именного указа Петра отъ 19 февраля 1721 г. о возвращеніи въ прежніи мѣста бѣглыхъ крестьянъ и бобылей⁴⁾.

Не по душѣ, вѣроятно, пришелся казакамъ этотъ указъ, особенно въ настоящемъ ихъ положеніи, когда они съ особеннымъ интересомъ ждали съ каждымъ часомъ указа какъ разъ обратнаго—о приверстаніи въ казаки всѣхъ этихъ бѣглыхъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, славка 229, стр. 134. Челобитная Булатова и грамота войску отъ 28 іюня 1722 г.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 30, листы 539—541.

³⁾ Тамъ же. Челобитная войска 1721 г. іюня 27.

⁴⁾ Этотъ указъ помѣщенъ въ Полномъ собр. закон. № 8748.

„И какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота и тѣ новосостоятельныя печатныя указы поданы будутъ, — говорилось въ концѣ грамоты, — и вы бы атаманъ и казаки о семъ вѣдали, и тѣ новосостоятельныя печатныя указы, для публикованія, разослали во всея станицы, да о томъ къ намъ Великому Государю писали“¹⁾).

Изъ этой грамоты видно, что въ Военной Коллегіи, гдѣ составлялся черновикъ грамоты, не имѣли ни малѣйшаго понятія о поселеніяхъ яицкихъ казаковъ. Какъ мы знаемъ, кромѣ Яицкаго городка, тогда въ войскѣ не было ни одного другого поселенія — не было ни одной станицы. Грамота писалась по шаблону, — написала донцамъ и при послыжкѣ этой грамоты на Яикъ переѣмили только фамилію атамана и названіе рѣки — вышла грамота на Яикъ.

Войско, прочитавъ грамоту, конечно, и не думало высылать своихъ казаковъ, приходшихъ изъ Руси послѣ 1695 года. Исполненіе этого приказа было бы равносильно полному разгрому войска.

Вскорѣ, въ концѣ мая, имъ пришлось получить другой приказъ въ столь-же неприемлемомъ для нихъ духѣ, но только на этотъ разъ не изъ Петербурга, а изъ Астрахани.

Въ Астраханской губерніи, занимавшей собою районъ всего нижняго Поволжья, внизъ отъ Казани, и сѣверный Кавказъ съ р. Тереконъ, чувствовался съ давнихъ поръ недостатокъ войска. На югѣ воинственныхъ горскія племена и кубанскіе татары, а иногда и крымцы заставляли Терекъ и Астрахань быть въ вѣчномъ напряженіи, всегда быть готовымъ къ отраженію набѣговъ этихъ незнавшихъ отдыха дикахъ разбойниковъ. Съ востока въ ея предѣлы вривались еще болѣе дикія орды киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, башкиръ, а иногда и шайки калмыкъ, громившихъ все встрѣчавшееся на пути. Эти орды со всехъ сторонъ вривались въ астраханскіе предѣлы и захватывали въ плѣнъ мирныхъ поселанъ и рыбныхъ ловцовъ, ихъ имущество и скотъ.

Еще въ 1720 году 21 апрѣля астраханскій губернаторъ Волыевскій довелъ въ Военную Коллегію о положеніи дѣла въ губерніи. Въ своемъ донесеніи онъ говорилъ, что согласно генеральному расположенію войскъ, полученному имъ изъ Военной Коллегіи, въ Астраханской губерніи предполагается имѣть всего пять полковъ, изъ которыхъ 4 пѣхотныхъ и 1 драгунскій. Между тѣмъ на одномъ только Терекѣ необходимо было держать 2 полка пѣхотныхъ и двѣ роты драгунъ, да кромѣ того нужно въ городѣ Гурьевѣ, „что на устьи рѣки Яика и гдѣ лучшіе рыбные промыслы“ — не менѣ батальона, такъ какъ тамъ каждый годъ насаждаютъ киргизы и берутъ на промыслахъ людей, а иногда разоряютъ и самые промыслы, которые ими неоднократно были сож-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 182. Грамота безъ №, 1721 г. 10 марта. Внизу на черновикѣ отпущенъ пометка: „Такову Великаго Государя грамоту и печатныя указы, для отвозу на Яикъ станичный атаманъ Иванъ Степановъ со станичниками принялъ, а за него расписался Яицкій писарь Алексѣй Никитинъ“ (Вороновъ).

женн, оборонять-же ихъ было невозможно, т. к. туда посылается только по одной ротѣ изъ Астрахани. Въ Самарѣ, по его мнѣнію, слѣдовало-бы держать тоже одинъ батальонъ, такъ какъ каракалпаки, перебравшись черезъ Яикъ между Гурьевомъ, и Яицкимъ казачьимъ городкомъ, дѣлаютъ набѣги и разоряютъ окрестности ежегодно. Въ Черномъ Яру тоже слѣдовало бы быть „по послѣдней мѣрѣ“ батальону, потому, что этотъ городъ между линіей (отъ Царицына къ Дону) и Астраханью только одинъ, и по всей Волгѣ (кромя этого городка) отъ Царицына до Астрахани по всему тракту на протяженіи двухсотъ верстъ вѣтъ ни одного поселенія, кромя рыбныхъ промысловъ. Благодаря этому, сюда безпрестанно дѣлаютъ набѣги кубавскіе татары и берутъ на промыслахъ людей и иногда даже разбиваютъ идущія по Волгѣ суда. Губернаторъ даже боялся за самое существованіе Чернаго Яра, такъ какъ за малолюдствомъ его и оборонять невозможно ¹⁾.

При такихъ печальныхъ оборонительныхъ средствахъ, конечно, трудно было рассчитывать охранять обширный Астраханскій край отъ набѣговъ кочевниковъ. Между тѣмъ предполагалось устройство линіи укрѣпленій отъ Царицына къ Дону, поперекъ той широкой дороги, по которой главнымъ образомъ вторгались въ Русь кубавцы. Гарнизонами этихъ новыхъ укрѣпленій должны были служить части, находившіяся въ распоряженіи астраханскаго губернатора, по расчету котораго туда нужно было поставить не менѣе двухъ пѣхотныхъ полковъ и двухъ ротъ драгунъ. Между тѣмъ, кромя обороны городовъ и главнаго города края Астрахани, войска, расположенныя въ области, должны были нести еще и другія самыя разнообразныя службы: ихъ посылали для охраны Аюкихана и въ Красный Яръ, когда въ степяхъ появлялись каракалпаки и киргизы, а также и къ селитряннымъ заводамъ и къ солянымъ промысламъ за Волгу для охраны ихъ отъ набѣговъ кубавцевъ; кромя того дѣлались безпрерывные наряды въ самой Астрахани:— „на шихтъ-вахты“, на заставы и на суда, которые уходили въ Каспійское море, для конвоевъ ихъ. Кромя того, войска исполняли всевозможныя работы, т. к. рабочихъ въ этихъ, тогда пустынныхъ краяхъ, найти было невозможно. Въ одной только Астрахани, по его расчету, нужно было держать три полка.

Вызвая все это, астраханскій губернаторъ Волыскій просилъ о прибавкѣ войскъ; въ Царицынѣ же и въ прочихъ крѣпостяхъ, которыя будутъ построены на линіи къ Дону, а также и въ Самарѣ, просилъ поселить гарнизонныхъ солдатъ безъ жалованья и безъ провіанта, давъ имъ изъ казны только ружья и амуницію, а вмѣсто жалованья и провіанта надѣлать ихъ землемъ, точно такъ-же, какъ это уже сдѣлала въ городахъ Пензѣ и Петровскѣ, или-же перевести пензенскія и петровскія солдатскія слободы на новоустроенную линію ²⁾.

Однимъ словомъ Волыскій хлопоталъ о заселеніи линіи служилыми людьми,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 30, листы 153—154.

²⁾ Тамъ-же.

какъ это дѣлала всегда старая Москва, заселяя пустынные пограничныя мѣста или стрѣльцами или казаками (кормовыми и бѣлопахотными). Но все старое московское, старое русское при Петрѣ рублилось съ плеча, гналось и ушло далеко на задній планъ; жизнь же не измѣнилась и предъявляла свои неумолимыя требованія. Являлась необходимость во что бы то ни стало имѣть на границѣ государства военный народъ, который могъ бы каждую минуту дать отпоръ хищному врагу, — людей, которые въ свою очередь не требовали-бы отъ правительства никакой заботы о себѣ, не требовали-бы ни провіанта, ни обмундированія, ни снаряженія. Оставить солдатскіе полки въ этихъ пустынныхъ и глухихъ мѣстахъ правительству было не подѣ силу: снаряженіе этихъ полковъ, жалованье имъ, провіантъ и доставка его по назначенію стояли громадные деньги и лежались тяжелнѣй бременемъ на обремененную непосильными расходами и безъ того весьма тощую казну государства.

Старая Москва умѣла находить выходъ изъ этого положенія. Но теперь времена измѣнились. Казаки и стрѣльцы — войска „старого московскаго строя“ — стала уже съ этихъ поръ называться замысловатымъ и чуждымъ русскому слуху словомъ *меретулярныя*, а войска же „новаго солдатскаго строя“ — не менѣе мудренымъ словомъ — *регулярными*. Въ Петербургѣ же въ это время все стремилось къ регулярщинѣ, къ излюбленнымъ нѣмецкимъ образцамъ и о поселеніи на ливн казаковъ или стрѣльцовъ нечего было и думать. Чисто избратнѣй и напудренный Петербургъ забылъ тысячелѣтній опытъ древней Руси или вѣрнѣе не хотѣлъ его и вспоминать. Все старое было въ загонѣ. Онъ выдумалъ свое. Онъ сталъ селить на окраинахъ такихъ-же людей, какъ и стрѣльцы, и для той-же цѣли и почти при такихъ-же условіяхъ, но сталъ ихъ называть уже не стрѣльцами и казаками, а слободскими солдатами, получающими жалованье землем, но обязанными, за это отбывать службу. Тѣ же московскіе казаки и стрѣльцы во подѣ другою кличкою. На свое довесаніе Волинскій получилъ въ томъ-же году изъ Военной Коллегіи указъ отъ 25 октября, что быть ему въ губерніи съ тѣми-же 4 полками пѣхоты и 1 драгунскимъ, и распредѣлить ихъ въ край по своему усмотрѣнію. А для содержанія гарнизоновъ по ливн между Волгой и Дономъ приказано было перевести солдатскія слободы изъ трехъ городовъ, которые будутъ за ливней: — изъ Пензы, изъ Петровска (цоловицу солдатъ) и изъ другихъ городовъ. Изъ этихъ-же пахотныхъ солдатъ приказывалось усилить в города Царицынъ и Самару.

Этихъ-же указомъ опредѣлялось быть въ командѣ Волинскаго *лицкимъ, мерскимъ и зребенскимъ казакамъ*. На обязанности этихъ казаковъ Волинскому предписывалось возложить содержаніе разѣздовъ и другія конныя службы; для этой-же цѣли разрешалось ему назначать и „Астраханской конной служби служилыхъ людей“ — это были остатки астраханскихъ конныхъ стрѣльцовъ, почти безъ остатка погашенныхъ въ шведской войнѣ. Ихъ уже не называли конными стрѣльцами, а служилыми людьми.

Донскому атаману приказывалось послать Волынскому для этой служб казакъ, сколько онъ потребуетъ, не списываясь для этого съ Петербургомъ. Яицкому же войску грамоты объ этомъ распоряженіи почему то не послали.

Все было благополучно до весны 1721 года, и объ яицкихъ казакахъ Волынскій за это время не вспоминалъ ни разу.

Но съ наступившей весной кримицы, а особенно горцы стали нахдаться на малолюдные казачьи городки по р. Тереку. Кримицы же пошли войною на калмыковъ. Горское племя кумыки, спустившись съ горъ, въ свою очередь то-же стало дѣлать набѣги на Терекъ. Они напали на главный городокъ гребенскихъ казакъ и угнали у нихъ весь конскій табулъ и большую часть стада коровъ и овецъ. Гребенцы вступили въ бой, но осилить многочисленнаго врага не могли, — кумыки взяли въ разныхъ мѣстахъ 6 человекъ казакъ въ плѣнъ и безнаказанно удалились въ горы ¹⁾.

Калмыцкій ханъ Аюка, боясь за свои улусы, вынужденъ былъ послать противъ кримицевъ и кубанцевъ, а также и для защиты гребенскихъ городковъ, своего сына *Чакдоржана* ²⁾.

Войскъ въ области не хватало. Волынскій послалъ указъ на Донъ и на Яикъ, требуя присылки казакъ. Его указъ на Яикъ былъ отправленъ 5 мая. Онъ требовалъ немедленной послылки для защиты терскихъ и гребенскихъ городковъ *дѣтъ тысячи яицкихъ казакъ*.

Одновременно-же Волынскій довелъ обо всемъ въ Военную Коллегію, требуя присылки войскъ.

Получивъ указъ Волынского, Яицкое войско наотрѣзъ отказалось послать казакъ на Терекъ. Имъ было не до того. Они сами едва могли отбиваться отъ нахдавшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ полчищъ киргизъ и каракалпакъ. Да и гдѣ имъ было набрать двѣ тысячи человекъ, когда ихъ всего-то на Яикѣ было только 2600 человекъ, изъ которыхъ по послѣдующему объясненію Рукавишниковъ было болѣе 600 дряхлыхъ стариковъ, неспособныхъ ни къ какой службѣ. Высылка Волынскому двухъ тысячъ казакъ была бы равносильна полному разгрому Яицкаго войска. Казаки отвѣтили, что они указъ изъ Астрахани слушать не будутъ, такъ какъ Астрахани не подсудны и что изъ Военной Коллегіи объ этомъ указа они не получили, а безъ него идти имъ „невозможно“ ³⁾.

Волынскій вторично послалъ 26 мая указъ къ войску о немедленной высылкѣ требуемыхъ казакъ, но войско снова отвѣтило ему полнымъ отказомъ, отговариваясь тѣмъ, что изъ Военной Коллегіи сво указа объ этомъ не получало и что безъ царскаго указа, присланнаго изъ Военной Коллегіи, казаки „идти въ Астрахань опасны“ ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. Дѣла калмыцкія, картонъ № 87, свѣдка 1721 года № 6.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 481 и тамъ-же книга 38, листы 100—103.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 481.

Волынский довесь объ этомъ въ Военную Коллегію 25 іюня.

Между тѣмъ въ Петербургѣ получило 25 мая донесеніе Волынскаго о нападеніи кубанцевъ и горцевъ на Терекъ. Вслѣдствіе этого состоялся въ Военной Коллегіи совѣтъ, на которомъ рѣшили: „Понеже по тѣмъ вѣдомостямъ является, что хавъ кривсій на Аюку сильно наступаетъ, и опасно чтобъ чего надъ нимъ неучинилъ, также и на Терекѣ отъ разныхъ владѣльцевъ сильныя чинятся нападенія, того ради надлежитъ о томъ указъ послать къ Астраханскому губернатору, чтобъ онъ, какъ Аюку хана, такъ и Терекъ отъ тамошнихъ наступателей по всякой мѣрѣ оборонялъ и противъ непріятелей чинилъ воинскія дѣйствія, не пренебрегая нужнѣйшаго, что до его царскаго величества высокаго интереса и до непріятельскаго ущерба принадлежитъ. А для помощи отправить къ нему въ команду отъ генералъ-майора Кропотова 2 полка драгунскихъ, а ежели есть Кропотову нужда въ людяхъ, то по крайней мѣрѣ одинъ полкъ, и отправить, для поспѣшенія, людей водою, а лошадей сухимъ путемъ. И къ тому жъ велѣтъ Донскимъ казакамъ, сколько возможно, собраться къ нему итти, или знатную часть отправить, по его писмамъ, къ которому мѣсту онъ губернаторъ ихъ требовать будетъ. А генералъ-майору Кропотову съ достальными людьми быть при линіи и къ нему достальными Донскимъ казакамъ итти немедленно и имѣть добрую осторожность, а съ губернаторомъ астраханскимъ частую корреспонденцію и буде востребуется нужда, тогда итти и самому къ нему губернатору въ слученіе, и во всемъ поступать съ нимъ съ общаго совѣта. А для осторожности отъ киргизъ-казаковъ и прочихъ ордъ, въ Казанскомъ уѣздѣ бытъ генералъ-майору Волконскому съ его полкомъ, и къ нему же въ помощь солдатъ посылать изъ Казани, сколько будетъ нужда требовать; такожъ ежели потребны будутъ въ Астрахань въ помощь солдаты, то велѣтъ ихъ отправить изъ Казани водою до 1000 человекъ, такожъ и якикихъ казаковъ сколько ихъ есть, — половину велѣтъ итти въ Астрахань же и бытъ въ командѣ Астраханскаго губернатора, а другой половиной остаться на Яикѣ для осторожности“¹⁾.

Это постановленіе Коллегіи было послано въ Сенатъ, отгуда получился отвѣтъ только 16 іюня; отвѣтъ этотъ утверждалъ всѣ постановленія Коллегіи. Поэтому 23 іюня изъ Коллегіи были написаны соотвѣтствующіе указы Волынскому и къ казанскому губернатору, и грамоты на Донъ и Яикъ о нарядѣ казаковъ. Грамоты были посланы 5 и 16 іюня.

Недовольное нарядомъ на службу на Терекъ войско въ концѣ іюня. Казаки сваридали ставиду и послали вѣстѣ съ нею захваченнаго станицею Балашинова плѣннаго киргаза.

Войско болѣе чѣмъ вѣроятно отправило вѣстѣ со станицей и письма къ Рукавишникову. Не это можно только предполагать, т. е. прямыхъ указаній на это и самыхъ писемъ до насъ не дошло.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листы 485—489 и 513—514.

Со станицею поѣхалъ атаманомъ, бывшій на Уилѣ, *Иванъ Даниловъ Балашиновъ*, есауломъ *Сидоръ Фобановъ* и рядовныхъ 12 человекъ.

Станица выѣхала съ Янку 27 июня. Въ Самарѣ комендантъ *Свойтиновъ* далъ имъ подорожную на десять подводъ, но прогонъ не далъ. Но введу того, что на ставціяхъ (ямахъ) не всегда было нужное количество подводъ, казаки вынуждены были „за умаленіемъ подводъ“ нанять пять подводъ вольныхъ по 4 рубля 3 алтына 2 деньги за каждую подводу до Москвы. Въ Москвѣ казакамъ не повезло. Имъ долго не давали подводъ и они застряли на двѣ недѣли ¹⁾. Въ это время вѣроятно они отправили отъ себя кого-либо къ Рубавишникову съ письмомъ отъ войска и дали знать о Астраханскомъ нарядѣ, т. е. Рубавишниковъ, получившій свѣдѣнія въ Военной Коллегіи о нарядѣ войска на Терекъ еще въ юнѣ, только 28 іюля подалъ наконецъ челобитную:

„Служимъ мы некакіе тебѣ великому государю на запольной рѣкѣ Янку казачью службу двѣ тысячи шесть сотъ человекъ, писалъ Рубавишниковъ, да въ томъ же числѣ *старыхъ и къ службѣ малолетнихъ сотъ съ шесть человекъ и больше будетъ*, и за такую древностию и старостию по вашему царскаго величества военному артикулу, вѣдомо что въ дальшіе ваши государевы службы годны посылаться, но и дома въ казачей службѣ въ ближнихъ походахъ служить не могутъ; а въ вышнемъ государь 721 году по вашему великаго государя указу велѣно намъ изъ войска отправить по указамъ изъ Астрахани воинскихъ людей колкое число потребно; а изъ Астрахани губернаторъ господиновъ Волынский прислалъ Вашъ Царскаго Величества указъ къ намъ на Янку, по которому велѣно для вспоможенія гребенскимъ казакамъ выслать воинскихъ людей казачевъ изъ вышесказаннаго числа запросомъ двѣ тысячи человекъ; а въ прошлыхъ государь годѣхъ по вашему великаго государя указу взято отъ насъ изъ войска янцаго на Вашу Великаго Государя службу въ Швецкой походѣ пять сотъ человекъ *и до нынѣ оныя казаки при генералѣ князѣ Михайлѣ Михайловичѣ Голицынѣ служатъ*; да въ 716 году по Вашему же Великаго Государя указу и по нарядѣ изъ Казани послано отъ насъ на Вашу Великаго Государя службу съ княземъ Александромъ Бѣковичемъ Черкасскимъ въ Хивинской походѣ тысяча пятьсотъ человекъ и оныя казаки и до нынѣ всѣ въ Хивѣ въ половѣ разобраны. А служимъ государь мы съ Чигиринскаго походу и съ того времени и по нынѣ ни единой Вашей государевой службѣ не отбивали; а Вашего Государева жалованья денежнаго и походнаго и свивечнаго только намъ присылается на шестисотное число; а нынѣ насъ государь малолетство и толкаго помявутаго числа изъ войска послать невозможно, понеже у насъ подъ нашъ Янцкой городокъ подбѣгаютъ часто каракалпакъ и кыргызъ-казаки великимъ собраніемъ: тысячь по десяти и подвадцати и больше и отъ тѣхъ ихъ неприятельскихъ частыхъ набѣговъ малолетствомъ своимъ съ великою

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штабъ, опись 107, кн. 30, листы 539—541.

нуждою управляемся и часто сидимъ въ осадахъ; а для обережи гребенскихъ и терскихъ казаковъ по вашему великаго государя посланному изъ сената указу и по приговору изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ посылаются съ Дону казаки по рассмотренію войскового атамана и по пристойности“. Далѣ Рукавишниковъ для большей убѣдительности перечислялъ, начиная съ 1711 года, всѣ набѣги киргизъ, на Яикъ всѣ бои съ ними, всѣ случаи захвата киргизами казаковъ и казачьихъ табуновъ и случаи осады ими казачьяго городка, о чемъ намъ уже извѣстно изъ предъидущаго очерка. Вышелъ длинный и скорбный листъ всѣхъ бѣдъ, которыя причиняли казакамъ ихъ неутомимые и опасные враги.

„Да въ нынѣшнемъ-же 1721 году, — продолжалъ Рукавишниковъ въ своей челобитной, — ихъ-же непріятелей каракалпаковъ вышло подѣ наши государевы города и подѣ нашъ казачей городокъ а что числомъ сказать незнаемъ. А напередъ государь издавая, въ прошедшихъ годѣхъ, повсегодное отъ нихъ непріятелей каракалпакъ съ киргизцы многое раззореніе чинилось намъ и о мысленномъ ихъ непріятельскомъ раззореніи по всягоды въ тѣ времена послано было отъ насъ нижайшихъ въ Казанскую губернію о всемъ извѣстіе.

Всемилюстивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества повелѣи Государь изъ войска яницкаго на сборону гребенскихъ и терскихъ казаковъ такого числа двутысячъ человекъ посылать, понеже насъ на Яикѣ малолюдство и отъ приходоу непріятельскихъ каракалпакъ и киргизъ-казаконъ управиться некимъ, понеже на Дону государь отъ Донского войска въ прошедшихъ годѣхъ и по нынѣ посылаются для обережи ихъ гребенскихъ и терскихъ казаковъ сколько потребно по рассмотрѣнію атаманскому; такожь повелѣи государь и намъ отъ нашего яницкаго войска послать вмѣсто донскихъ казаковъ ради обережи въ казанской губерніи съ Дромонтовымъ полкомъ на урочище Черемшанъ съ ними вмѣстѣ отъ непріятельскихъ набѣговъ стоять сколько потребно будетъ по рассмотрѣнію же атаманскому, понеже намъ нижайшимъ та степь знаема и звычайна, и въ которое время оные непріятели выходятъ и гдѣ по рѣкамъ перелазы — все намъ тамо знатно а съ ними каракалпаки у насъ на той степи въ тѣхъ мѣстахъ повсегодные чинятся батальи, и чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ объ ихъ непріятельскихъ приходоу твое Великаго Государя вотчина въ раззореніи не была.

Вашего Величества нижайшіе рабы запольные рѣби Яику казачья городка станичной атаманъ Федоръ Михайловъ, есаулъ Михайло Купрениновъ съ товарищи 1721 года іюля въ девѣ; Къ сей челобитной вмѣсто станичнаго атамана Федора Михайлова, есаула Михаила Купренинова съ товарищи по ихъ велѣнію яницкой станичной подъячій Алексѣй Никитинъ съма Вороновъ руку приложилъ“¹⁾.

Слѣтливый Рукавишниковъ, выгораживая войско отъ непосильнаго наряда въ далекой и чуждой край, услужливо предложивъ нарядъ отъ войска въ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 482—485. На челобитной помѣта: „подана 28 іюля“. Здѣсь первый разъ станичный писарь подписался своею фамиліей; до сего поръ онъ подписывался только именемъ и отчествомъ.

болѣе близкихъ и знакомыхъ казакамъ странахъ, на [границу Уфимской губерніи; онъ открылъ глаза Военной Коллегіи на несообразность ея распоряженій, далъ понять, что нужно пользоваться военною силою по ея боевымъ качествамъ, по ея способностямъ примѣняться къ тому или иному противнику, къ тому или иному краю и климату. Что еще могло быть логичнѣе предложенія Рукавишниковъ? И къ чести Военной Коллегіи нужно сказать, что она сознала свою ошибку и вполне согласилась съ указаніями войскового ходатая. Подавъ челобитную, Рукавишниковъ слѣшно выѣхалъ на Яикъ. Нужно было во чтобы то ни стало торопиться ѣхать въ войско, чтобъ подготовить казаковъ къ встрѣчѣ назначеннаго на Яикъ полковника, устроить тамъ такъ, чтобы не явилось новыхъ „измѣнниковъ и воровъ“, новыхъ доносителей, которые подвели-бы войско на какую нибудь новую тяжкую волокиту или розньскъ.

Рукавишникову были даны указы казанскому губернатору о выдачѣ войску жалованья, ядеръ, пороху и свинцу изъ Казани. Повезли станичники и грамоты на Яикъ.

Въ одной изъ нихъ говорилось о полученіи 28 марта отъ войска челобитной отъ 24 февраля со свѣдѣніями о киргизахъ; въ ней наказывалось войску быть отъ нихъ „во всякой осторожности, и буде будетъ какое нападеніе и вамъ поступать по войсковому обыкновенію и чинить воинской промыселъ“. Наказывалось, чтобы войско впредь, получивши вѣсти о киргизахъ, писало бы въ Петербургъ, въ Казань и Астрахань ¹⁾.

Какъ и всѣ зимовыя станицы Яицкаго войска, Рукавишниковъ съ товарищами отправлялся въ Москву, оттуда, получивъ аушки, поѣхали на стругѣ рѣкою Москвою и далѣе Волгою до Казани и до Самары.

Но, уѣзжая изъ Петербурга, Рукавишниковъ не могъ бросить начатаго дѣла безъ надзора и помощи со стороны войска. Наблюдать за его ходомъ и хлопотать въ коллегіи объ отиѣвѣ наряда онъ оставилъ своего помощника есаула Михаила Купренинова и рядового казака Ивана Михайлова, которые и не уѣхали изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока 29 августа не послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи объ отиѣвѣ наряда яицкихъ казаковъ на службу на Терекъ.

„Чтобы впредь Яицкихъ казаковъ, — говорилось въ указѣ, — безъ Его Царскаго Величества именнаго изъ Правительствующаго Сената и Военной Коллегіи указовъ въ Астрахань на службу не высылать и астраханскому губернатору неотписавшись въ Военную Коллегію ихъ не требовать а отправлять имъ, яицкимъ казакамъ, свою службу противъ каракалпачковъ и киргизъ-казаковъ и прочихъ тамошнихъ непріятелей, отъ которыхъ чинятся независныя нападенія на границы Астраханской и Казанской губерній для того, что яицъ тамошнія мѣста и степи и переходы непріятельскіе и времена въ которые оныя нападенія чинятся, извѣстны“ ²⁾. Состоялся указъ и о томъ, чтобы дощцовъ тоже безъ указа Сената и Военной Коллегіи на службу не наряжать.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 469.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 498.

28 августа была написана объ томъ-же и грамота на Яикъ.

Войско вмѣсто опалы и гнѣва за ослушаніе астраханскому губернатору получило похвалу.

Грамота эта начиналась нѣсколько иначе, чѣмъ обычныя грамоты на Яикъ: — „Отъ Великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, на Яикъ, войсковому атаману Ивану Щербакову и всему Яицкому войску Наше Царскаго Величества милостивое слово“.

Далѣе говорилось о томъ, что яицкіе казаки, будучи подчинены вѣдѣнію Астраханской губерніи по двумъ указамъ изъ Астрахани, на службу на Терекъ не пошла и указамъ стали ослупны. Далѣе въ грамотѣ была подробно пересказана челобитная Рукавишнинакова съ просьбою объ отжѣвѣ этого варяда, и о замѣнѣ этой службы службою на Черешшанскихъ постахъ. Въ концѣ же грамоты говорилось:

„И сего августа 28 Мы Великій Государь указали васъ Яицкихъ казаковъ съ сего числа впредь безъ нашего Царскаго Величества именного, и Правительствующаго Сената и Военной Коллегіи указовъ, въ Астрахань на службу не высылать и Астраханскому губернатору не отписавшись въ Военную Коллегію васъ не требовать; а отправлять вамъ яицкимъ казакамъ свою службу противъ каракалпаковъ и киргизъ-казаковъ и прочихъ тамошнихъ непріятелей, отъ которыхъ чинятся незанятыя нападенія на границы Астраханской и Казанской губерній, для того что вамъ тамошнія мѣста и степи и переходы непріятельскіе и времена, въ которыя оныя нападенія чинятся извѣстны. Чего ради и вмѣсто донскихъ казаковъ для охраненія Казанской губерніи на Черешшанъ рѣку отправить вамъ отъ себя нѣмѣ-же такое число казаковъ, какое въ томъ мѣстѣ нѣмѣ есть, и велѣно вамъ быть въ командѣ генерал-майора Волконскаго, которому для осторожности каракалпаковъ и прочихъ ордъ велѣно быть въ Казанскомъ уѣздѣ по присланному въ Военную Коллегію указу изъ Правительствующаго Сената. Такожъ и впредь къ нему генерал-майору послать по такому же числу или koliko востребуется по письмамъ Казанскаго губернатора, *однакожь не болге половины, дабы и на Яикъ всегда оставалась большая часть людей, ради охраненія Яика и Астраханской губерніи.* А по требованію Астраханскаго губернатора, вмѣсто васъ Яицкихъ казаковъ, отправить къ нему въ Астрахань или куда онъ востребуется, тѣхъ донскихъ казаковъ, которые нѣмѣ на Черешшанъ рѣкѣ для охраненія Казанской губерніи именно для того, что донскимъ казакамъ такъ способнѣе ходить въ Астрахань, какъ вамъ яицкимъ казакамъ къ Казани, и какъ донскіе болге свѣдомы о всѣхъ мѣстахъ, коя по нагорной сторонѣ, такъ вы яицкіе по луговой сторонѣ Волга. Однакожь вамъ яицкимъ казакамъ обо всякихъ воинскихъ поведеніяхъ и случаяхъ, а паче о незанятыхъ непріятельскихъ нападеніяхъ и о вѣстяхъ, какъ въ Казань, такъ и въ Астрахань писать, неупуская нимаьлго времени.

И о томъ послать наши Великаго Государя въ Казань и въ Астрахань указы, а на Донъ и на Яикъ грамоты, въ Правительствующій Сенатъ, для извѣстія, подать доношеніе. И какъ къ вамъ сія наша Великаго Государя грамота подана будетъ, и вашъ бы войсковою атаманъ и все войско Яицкое о томъ вѣдать и чинить по оному нашему Великаго Государя указу. Правительствующему Сенату доношеніе подано, такожь и въ Казань и въ Астрахань указы, а на Донъ грамота изъ государственной Нашей Военной Коллегіи о вышеписанномъ посланы. Писана въ Санктъ-Петербургѣ лѣта 1721, августа 28 дня¹⁾.

Получивъ эту грамоту для отвоза на Яикъ, Купрениновъ и Михайловъ подали челобитную, прося дасть „паспортъ“ на проѣздъ „въ дома“, т. е. ихъ „покинулъ станичный атаманъ Рукавишниковъ противъ присылки доношенія изъ Астрахани“, и тотъ паспортъ, въ которомъ они были написаны вмѣстѣ съ остальными станичниками, взялъ съ собою²⁾.

Паспортъ былъ выданъ 30 августа и Купрениновъ съ Михайловымъ выѣхали на Яикъ.

Но въ тотъ день, когда есаулъ Купрениновъ получилъ подорожную для отъѣзда на Яикъ, въ Петербургъ прибыли станичники Балашова.

Просидѣвъ двѣ недѣли въ Москвѣ, казаки кое какъ упросили московскаго *сиче-губернатора Воейкова* дать имъ подорожную до Петербурга. Имъ дали опять всего десять подводъ, но проговъ не выдали. Снова, ввиду „уменьшенія подводъ“, казаки вынуждены были нанять пять вольныхъ подводъ по 5 руб. 25 алтынъ за подводку до Петербурга и платить свои деньги и за остальные яицкія подводки.

Всего было истрчено казачами отъ Самары до Петербурга 95 рублей 15 алтынъ³⁾.

Эта ставица пребыла въ Петербургѣ не долго. 19 сентября казаки уже получили слѣдующія имъ деньги и выѣхали обратно. Расчетъ прогонныхъ денегъ имъ былъ сдѣланъ по казенному дорожнику — въ оба конца отъ Яена до Петербурга и обратно они получили всего 125 р. 4 деньги. Лично же ихъ рассчитали жалованьемъ, какъ и предыдущія ставицы: дали каждому кормовыхъ за житье въ Петербургѣ на одинъ мѣсяць по 1 рублю 16 алтынъ 4 деньги, за питье и за вино по 30 алтынъ, за медъ по рублю 14 алтынъ 8 деньги, за пиво 31 алтынъ двѣ деньги и за прѣздъ и отпускъ (отъѣздъ) жалованья каждому по 22 рубля и, кромѣ того, кормовыя за дорогу на два мѣсяца по три рубля человѣку, и за порохъ и свинець по пяти алтынъ три

¹⁾ Подписали: Михайло Матюшкинъ, казань Григорій Юсуповъ, оберъ-секретарь Алексѣй Волковъ, секретарь Семенъ Поповъ.

Подлинная грамота, залечитанная для отвоза на Яикъ, отдана Яицкому станичному есаулу Михайлу Купренинову и казаку Ивану Михайлову 30 авг. Моск. отдѣлъ Архива Глав. Штаба, дѣло № 30, по списку 107, листы 99—102.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листъ 507.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 539—541.

деньги. За каждую же подволю отъ Петербурга до Самары выдали по два рубля. Всего же станичники получили 582 р. 4 деньги ¹⁾. Получивъ эти деньги, Балашновъ съ товарищами отъправился на Яикъ.

Въ то время, когда Рукавишниковъ хлопоталъ въ Петербургѣ о назначеніи офицера для розыска, Карташевъ не унимался. Первое время по выѣздѣ съ Яика овъ находился въ Омзрани, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ командою, вышедшею изъ Яицкаго городка, находился и поручикъ Кустовъ. Получивъ отъ Воейкова донесеніе о его неудачной побѣдѣ на Яикѣ, астраханскій губернаторъ Волынской 19 января 1721 года послалъ къ нему указъ, чтобы приведенныхъ съ Яика колодниковъ, Карташева и Выхаря, держать за карауломъ въ Омзрани и для этого изъ команды поручика Кустова оставить четырехъ человекъ солдатъ и капрала, а остальную команду съ Кустовымъ и съ астраханскими татарами по первой полой водѣ отправить въ Астрахань на судахъ, „которые съ хлѣбомъ поплывутъ“ изъ Симбирска съ поручикомъ *Евлаховымъ*. Приказано было отпустить „въ дома“ и другихъ прикомандированныхъ къ Воейкову лицъ—фискаловъ, подъячихъ и священниковъ, которые должнъ были ѣхать съ нимъ на Яикъ. Въ то же время Волынской послалъ подробное донесеніе о случившемся въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ Сенатъ и въ Преображенскій приказъ ²⁾.

Но когда наступила весна, то Воейковъ получилъ дополнительный указъ, — вслать вмѣстѣ съ Кустовымъ и колодниковъ и всѣ дѣла въ Астрахань.

Здѣсь 22 мая, находясь подъ карауломъ у Вознесенскихъ воротъ, Карташевъ задумалъ новый доносъ. Подозвавъ къ себѣ бывшаго на караулѣ у воротъ фурьера *Максима Мочалича*, овъ заявилъ ему, что знаетъ за собою государево слово. Фурьеръ послалъ дать звать объ этомъ капитану *Василію Опачинину*; послѣдній убѣдившись, что Карташевъ подтверждаетъ о имѣніи государева слова, донесъ объ этомъ генераль-аудитору *Кикину* и губернатору Волынскому.

Въ тотъ-же день Карташева привели въ канцелярію Кикина. Здѣсь ему объявили указъ, въ которомъ говорилось о томъ, какому жестокому наказанію подвергается тотъ, кто скажетъ ложно слово или дѣло и въ какихъ дѣлахъ можно было говорить это слово. Карташевъ выслушалъ и заявилъ:

„И этотъ указъ знаю. А за яицкими казаками вѣдаю намѣну иную сверхъ прежней и объ этомъ у меня есть доношенія. Возьмите ихъ у меня или запишите, что я буду говорить, и съ прежними моими дѣлами и съ нынѣшними моими извѣтомъ пошлите меня въ Преображенскій приказъ въ рѣшенію“ ³⁾.

Въ канцеляріи взяли отъ него доношенія.

„Въ прошломъ 719 году;—говорилось въ первомъ доносѣ,—подавшие мною

¹⁾ Тамъ-же и опись 1, ссылка 229, стр. 184.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 64, листы 728, 729, 742, и 748.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, книга 64, листы 752—758.

доношенія объявлены въ Преображенскомъ приказѣ о измѣнѣ и о возмущеніи бунта на Яицкихъ казаковъ, и повелѣно Великаго Государя грамотою изъ Преображенскаго приказу розыскать Его Царскаго Величества генералу-адъютанту полковнику и губернатору Астраханскому Артемию Петровичу Волынскому; и посланъ былъ изъ Астрахани для розыску на Яикъ майоръ господнынъ Воейковъ, и оные Яицкіе казаки, вѣдая за собою явное воровство и измѣну, въ розыскъ не пошли, и въ городокъ его, майора, непустили: вышли за городокъ въ степь многими собраніемъ съ ружьемъ и съ конья, яко будто противъ непріятеля; а кони Его Царскому Величеству вѣрно служатъ, а именно: бывшій атаманъ *Матвій Мироновъ* и другіе, кои подъ страхомъ указа Великаго Государя имъ бунтовщикамъ претели, чтобъ противности по указу Великаго Государя не чинить, и въ розыскъ итти, и за то они, воры, бывшего атамана Матвія Миронова оковали и приговорили не по одинъ кругъ разстрѣлять; а до одного же бывшего атамана касаются многія дѣла противъ моихъ подаваемыхъ доношеній во свидѣльствѣ, и дабы одного Миронова указомъ взять съ Яику къ розыску въ Астрахань. А я доноситель, съ 717 году и до сего числа сажу окованъ подъ карауломъ; того ради дабы указомъ Царскаго Величества повелѣно было меня изъ желѣзъ освободить и быть подъ карауломъ свободно безъ желѣзъ* 1).

Во второмъ доносѣ, въ которомъ виѣсто Карташева подписался Харлампъ Федоровъ, было написано:

Въ прошломъ 720 году въ январѣ мѣсяцѣ на Яикѣ въ казачьемъ городкѣ при бытности атамана *Никиты Бородина* казакъ *Иванъ Елисеѣвъ* сказалъ за собою Государево слово на Яицкихъ казаковъ, а именно о измѣнѣ; и оный Елисеѣвъ посланъ въ Казань къ ближнему боярину и губернатору казанскому Алексію Петровичу Салтыкову съ станичными казаками съ *Гаврииломъ Старченкомъ* съ *Инатемъ Мусатовымъ*; и они казаки его Елисеѣва объявили въ Казани губернатору; и на нихъ яицкихъ казаковъ въ измѣнѣ изъ Казани посланъ оный Елисеѣвъ и съ дѣломъ въ Астрахань въ губерискую канцелярію, сооными же присланными казаками Старченкомъ и Мусатовымъ; а оные казаки его Елисеѣва въ Астрахань не привезли, а отвезли его и съ дѣломъ на Яикъ въ казачій городокъ при означенномъ же атаманѣ Бородинѣ. И оной Бородинъ принялъ его Елисеѣва и съ дѣломъ и держали его окована подъ карауломъ; и въ извѣщеніи 721 году въ февралѣ мѣсяцѣ яицкой войсковою атаманъ *Иванъ Щербаковъ* съ своими одномышленники, за конни касаются измѣна; а именно: *Григорьемъ Меркульевымъ*, за *Никитой Зезакинымъ*, за *Трифономъ Новинскимъ*, за *Федоромъ Рукавишниковымъ* и другими ихъ одномышленники, одного доносителя Елисеѣва казнили смертью. А дѣла одного доносителя Елисеѣва за печатью Царства Казанскаго лежало на Яикѣ въ станишней избѣ и нивѣ куда они, казаки, дѣла про то я не свѣдомъ; да на

1) Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 54, листы 758—759. Виѣсто Карташева подписался Иванъ Никифоровъ синаъ Распоновъ.

нихъ же, янцкихъ казаковъ, написали было доношеніе во многихъ Царствен-
ныхъ дѣлахъ въ ямъвахъ и въ другихъ ихъ во многихъ противностяхъ янц-
кой же казакъ *Афанасій Назаровъ*; и они оного Назарьева доношеніи въ
домъ его вынуть и держали его Назарьева оковавъ подъ карауломъ и по-
тому жъ и оного казнили смертію; а доношеніи которыхъ оной Назарьевъ на-
писалъ куда оные казаки девали того я невѣдаю же; да оной же Рукавишниковъ
своими одномышленники взяли бывшаго атамана *Матвѣя Миронова* въ ночь
изъ дома его и привели въ кругъ и преговорили казнить смертію; я внѣ-
шнъ Матвѣй сидитъ акованъ; а до него Матвѣя касается дѣло во-
свидѣтельствъ въ великихъ Государевыхъ дѣлахъ; да оные же Рукавиш-
никовъ съ атаманомъ Щербаковымъ держатъ за вѣдомо драгунъ бѣглыхъ и
солдатъ, кои браны по доношеніямъ его въ Казавъ и ссылаемо было драгунъ
и солдатъ и за тотъ бѣгъ они наказаны и отданы по прежнему въ службу,
а ныне оные живутъ на Янкѣ, а кто именно то значится въ росписяхъ¹⁾.

Предъявилъ онъ и роспися зависанныя имъ на доскуткахъ бумаги:

„Роспися бѣглыхъ драгунъ и солдатъ:

Макаръ Ситяевъ, Петръ Слѣповъ, Богайда какъ зовуть неупомню, Алек-
фей чей сынъ неупомню, Откашеварювской, Петръ Чертихинъ, Иванъ Корниъ,
Леонтіій Харитоновъ, Андрей Чунаревъ, Филимовъ Часовниковъ, Михайла
Чумаковъ, подрапорщникъ Михайла Мелентьевъ, Михайла Дементьевъ, Максимъ
чей сынъ неупомню, Чертихины Гаврилены дѣти 2 брата, Иванъ Зарилъ,
Востентинъ Казавецъ Юрьевъ, два Афанасья живутъ у Никиты Зевакина,
Солодовниковы два брата, Степанъ живеть у Григорья Пермякова, Иванъ
Ивановъ сынъ писарь войсковой, подъячій Алексій Азарихинъ зять. Пашевыхъ
два брата, Царяцкаго полку солдатъ бѣглой, Солодовниковы два брата²⁾.

*„Одномышленники и советники Рукавишникова и Зевакина пущіе
возмутители о начинаніи бунта.*

Алексій Щепетковъ, Гарасинъ Погодаевъ, Петръ Кожевниковъ, Макаръ
Коловертинцовъ, Петръ Желъзовъ, Митрій Чувашевъ, Василій Азовскій,
Абросишъ Жутаръ, Гарасинъ Логиновъ, Василій Будаичикъ, есаулъ Гаврила
Толстанковъ, Семеновъ Ларшинъ, Макаръ Коловертинцовъ, Полжариновъ, Сте-
панъ Сумкинъ, Федоръ Донской, Семеновъ Черновъ, Григорій Плутка, Суета
писарь³⁾, Рукавишниковъ, Дмитрій Витошниковъ, Алексій Рекуновъ, Еванъ
Щербаковъ, Иванъ Серебряковъ, Максимъ Раскащиковъ, племянникъ Дмитрій
Сторожовъ, Прохоръ Дурмановъ, Иванъ Вѣлотелкинъ⁴⁾.

Что Карташевъ зналъ о доносѣ Елисѣева и Назарова, не подлежитъ сомнѣ-
нію, т. е. объ этомъ, вѣроятно, онъ былъ хорошо осведомленъ, еще будучи за

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 54, листы 758—761.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Суетанъ.

⁴⁾ Тамъ-же.

Янкѣ, по какимъ судьбамъ онъ могъ узвать о казачьихъ Елисѣевѣ и Назаровѣ — остается загадкой. Очевидно, старшинская партія въ свою очередь дѣлала все отъ нее возможное, чтобы поддержать Карташева и дать его показанія большій вѣсъ и тѣмъ имѣть возможность взять верхъ надъ остальными войсками, надъ партією Рукавишника съ товарищами.

По этому доносу Волнискій, согласно существовавшему тогда закону, сообщилъ объ немъ въ Преображенскій приказъ. Астраханской губернской канцеляріи это дѣло, кромѣ хлопотъ, не давало ничего. Жданныхъ подачекъ и наживы оно имъ не дало. Губернская администрація была рада, что наконецъ можетъ это дѣло сбить съ рукъ и 21 августа, нарядивъ для конвоя капитана астраханскаго гарнизона *Коробова*, отослала Карташева и Вахаря, не дождавшаго отвѣта изъ Преображенскаго приказа, въ числѣ многихъ другихъ колодежковъ въ Преображенскій приказъ въ Петербургъ, лишь бы только сбить съ рукъ и отчетности.

Коробовъ прибылъ въ Москву въ началѣ декабря. Здѣсь онъ со всѣми колодежками и дѣлами объ нихъ явился въ Преображенскій приказъ. Но Карташеву не повезло. Ни его, ни Вахаря въ Преображенскомъ приказѣ не приняли и Коробову дали указъ вести ихъ обратно въ Астрахань. Узнавши объ этомъ, Карташевъ сказалъ за собою Государево слово. Коробовъ довелъ объ этомъ въ Преображенскій приказъ.

Лишь только послѣ этого въ Преображенскомъ приказѣ приняли и Карташева и Вахаря.

Карташевъ добился своего. Онъ былъ оставленъ въ Преображенскомъ приказѣ и могъ продолжать свою дѣятельность — безразрѣнно доносить на войско и ковать ковы на своихъ земляковъ.

Въ приказѣ его допросили. Новаго онъ ничего сказать не могъ и потому сталъ рассказывать все, что только зналъ и что могло хотя немного навѣять подозрѣнія на его враговъ, а его враги было все Яицкое войско.

Приведенный къ допросу, онъ сказалъ, что когда ихъ еще съ атаманомъ Меркульевымъ и прочими изъ этого Курьикава (послѣ разсѣка Кроткова) везли для розыску на Янкѣ, встрѣтился имъ въ Симбирскѣ препровождавшійся въ оковы съ Янка въ Казань казачекъ *Иванъ Елисѣевъ*, отъ котораго Карташевъ слышалъ, что онъ на Янкѣ сказалъ за собою Его Императорскаго Величества слово, что вѣдаетъ намяну за яицкими казаками, а за кѣмъ именно и въ чемъ, о томъ объявить казанскому губернатору. Что когда онъ, Карташевъ, привезенъ уже былъ на Янкѣ, то въ то же время привезенъ былъ туда и казачекъ *Иванъ Елисѣевъ*, который сказалъ ему, что онъ посланъ былъ изъ Казани въ Астрахань для розыску по намяту его, но что посланные для отвоза его туда яицкіе казаки *Гаврило Старцевъ* и *Иванъ Мусатовъ* привезли его на Янкѣ. — И потомъ того Ивана Елисѣева, говорилъ Карташевъ, продержавъ цѣлое лѣто, атаманъ Иванъ Щербаковъ велѣлъ разстрѣлять изъ

ружь, — и разстрѣлявъ; и неизвѣстно куда дѣвалось посланное въ Астрахань съ Елисейнымъ дѣломъ объ немъ, и что въ ту-же бытность мою на Яикѣ (въ 1720 г.) атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, до конхъ касаются прежнія дѣла по извѣсту, написали письмо, а какое — не знаю, и къ оному письму казакамъ, не объявля имъ о чемъ то письмо, велѣли прикладывать руки; а кто не приложилъ, тѣхъ приговаривали сажать въ воду; и многіе за устрасіемъ руки прикладывали, а которые не прикладывали, тѣхъ держали за карауломъ окованныхъ, а именно: бывшаго атамана *Матвѣя Миронова*, *Ивана Федорова*, *Василія Иванова* ¹⁾, а иныхъ отдали въ крѣпкія руки, именно: войскового писаря *Осипа Мартынова*, *Матвѣя Ермолова*, *Митрофана Именнова*, и признаю я о томъ письмѣ, вѣтъ-ли у нихъ какого злого умыслу о намѣнѣ, потому что писали не объявля и руки велѣли прикладывать всевозю. Помянутый-же атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, о которыхъ подалъ я росписъ на Сызрани маіору Воейкову, посылають въ Хиву казака *Ивана Сидорова* ²⁾ за именнымъ вопреки Его Императорскаго Величества указомъ, а для торговли-ль, или для шіюинства, о томъ подлинно не знаю, а скажетъ о томъ помянутый Сидоровъ. Тогда же, во время бытности моею на Яикѣ, казакъ *Макаръ Коловертинцевъ* казаку *Григорію Меркульеву* (бывшему атаману) въ кругу говорилъ при всѣхъ казакахъ, что овъ, Коловертинцевъ, знаетъ за нимъ Меркульевымъ намѣну, а какую намѣну, не выговорилъ, и о томъ его въ томъ кругу никто не спрашивалъ; а тѣ его слова я слышалъ самъ, потому-что тотъ кругъ былъ близъ двора моего. И того Коловертинцева и Меркульева атаманъ Щербаковъ съ товарищи никуда не послали и за карауломъ ихъ не держали и нишъ остались на Яикѣ. На Яикѣ же жаветъ, тому дѣвать лѣтъ, въ казачьей службѣ, пришлый человекъ *Федоръ Рукавишниковъ*, а откуда овъ пришелъ, о томъ я не знаю, — и тотъ Рукавишниковъ возмущаетъ народъ, что-бы въ церковь не ходили и князь вышнихъ не слушали, для того-что вышніи книги новопечатаны, — и въ томъ покушеніи и возмущеніи на того Рукавишникова попъ церкви *Петра и Павла Василій Семеновъ* приходилъ извѣщать въ кругъ; и того попа атаманъ Щербаковъ съ единомышленниками, о которыхъ въ вышеписанный его, Карташева, поданный маіору Воейкову, росписъ написано, приговаривали посадить въ воду. Овъ-же, атаманъ съ товарищи, присланнаго маіора Воейкова для розыску по извѣсту моему въ городъ не пустили и въ томъ учинились Его Императорскаго Величества указу противны, по возмущенію помянутаго Рукавишникова. По моему прежнему доношенію бѣгле на Яикъ солдаты и драгуны взаты въ Казань и опредѣлены въ казанскіе полки въ солдаты, а иные посланы въ Самару; и изъ тѣхъ взатыхъ многіе бѣжали и пришли на Яикъ по прежнему и нишъ живутъ на Яикѣ и помянутый Рукавишниковъ возмущаетъ ихъ, чтобъ жили безопасно. О томъ-де Его Императорское Величество не знаетъ, а дѣлають все это бояре

¹⁾ Моргунникова.

²⁾ Лобина.

собой. А о томъ имъ первостатейные люди, старшинные казаки, спорить и помянутыхъ пришлыхъ людей ловить и извѣщать не смѣютъ, боясь отъ атамана Щербакова смертной казни. Да вышесказанный Рукавишниковъ перемѣняетъ собой атамановъ, безъ приговора войска и отъ того ихъ своевольства опасно всякаго воровства. И кромѣ того Его Императорскаго Величества слова въ мнѣ вѣтъ и на за кѣтъ не знаю¹⁾.

Послѣ этого допроса, прибавившаго весьма мало къ прежнимъ его доносамъ, Карташевъ былъ оставленъ въ Преображенскомъ приказѣ, откуда между тѣмъ послали запросъ, какъ поступить въ дальнѣйшемъ съ доносами и дѣломъ Карташева.

Но въ то время, когда Карташевъ всѣми способами ковалъ бѣды на головы своихъ земляковъ, на Яикѣ совершилось новое кровавое событіе.

Тамъ въ серединѣ сентября появился возвратившійся изъ Петербурга Рукавишниковъ. Онъ привезъ съ собою жалованье, порохъ, свинець и три жалованныя пушки и при нихъ ученаго кондуктора для обученія казаковъ стрѣльбѣ изъ пушекъ.

Съ прїѣздомъ Рукавишникова въ войскѣ снова заговорили страсти. Нужно было готовиться къ прїѣму полковника Ергольскаго. Нужно было оградить войско отъ новыхъ доносчиковъ и отъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Подозрительными же для войска являлись всѣ, кто въ чемъ-либо не соглашался съ большинствомъ, кто чѣмъ-либо противился исполненію желаній круга. Такими лицами могли быть только „старые люди“ — старшины, видѣвшіе и чувствовавшіе, что въ своихъ дѣлахъ войско зашло далеко, и что рано или поздно его ждали за это неумолимая московская волокита, судъ и жестокая кара. Одни изъ такихъ казаковъ, болѣе и отарнѣе всѣхъ выражавшіе свое неодобреніе дѣламъ Рукавишникова и его партіи, особенно за казни Елисеѣва и Назарова, — уже извѣстный намъ старшина *Матвей Мироновъ*, а также старшины: *Василій Ивановъ Мордвикина*, *Иванъ Федоровъ* и *Василій Приткова*, законные въ дѣлѣ по письму Рукавишникова, до сихъ поръ тожились подъ карауломъ.

Въ чемъ собственно состояла ихъ вина — неизвѣстно. Одно извѣстно, что они были „подозрительны“ для войска.

Съ прїѣздомъ Рукавишникова ихъ слова вывели въ кругъ. Состоялся судъ. Подробности его до насъ не дошли. Судъ оправдалъ Федорова и Приткова, но старшану Василю Мордвикина приговорили къ смертной казни²⁾. Онъ былъ застрѣленъ изъ ружья. Вѣроятно, такъ-же, какъ были застрѣлены Елисеѣвъ и Назаровъ, т. е. черезъ одного изъ войсковыхъ есауловъ, на обязанности которыхъ лежало заряжаніе ружья, а можетъ быть и самая казнь.

Мордвикина казнили, а оправданныхъ старшинъ Федорова и Приткова изъ подъ караула освободили, но съ воспрещеніемъ входа въ войсковой кругъ³⁾.

¹⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 45. Курляндя: „Материалы для Истор. Уральского казачьяго войска, еще нигдѣ не напечатанныя“.

²⁾ „Урал. Войск. Вѣдомости“ 1869 года № 49.

³⁾ Тамъ-же.

Старшина же Матвѣй Мироновъ былъ оставленъ подъ карауломъ до пріѣзда на Янкъ офицера.

Назначило войско къ ученому кондуктору 10 человекъ казаковъ для обученія пушечному дѣлу. Стали пробовать пушки. Но плохъ-ли были кондукторы или пушки, которыя были выданы казакамъ были плохи, но только „на томъ ученѣе разорвало двѣ пушки — одну чугунную, а другую иѣдную“ ¹⁾.

Наука оказалась плохая. Между тѣмъ въ степи снова появились киргизы. Донесенія объ нихъ шли со всѣхъ сторонъ и изъ Астрахани, и изъ Черемшанскихъ постовъ. Особенно беззащитны Петербургъ донесенія астраханскаго губернатора. 20 сентября послѣдовалъ указъ выслать изъ Казани въ Астрахань солдатскій полкъ и быть готовымъ, для отраженія набѣговъ киргизъ на русскія села, домскія и яцкии казакамъ ²⁾.

Черезъ мѣсяць даль знать о появленіи киргизъ ханъ Аюка. Въ письмѣ своемъ въ Астрахань къ генералу Бикину, полученному тамъ 28 октября, Аюка писалъ, что калмыцкій владѣлецъ *Назаровъ*, сынъ *Доржи*, прислалъ къ нему гонца, что каракалпаки, собравшись тремя станицами, пошли войною на русскихъ людей и на башкирцевъ и на калмыкъ. „А правда ли это или ложь — того не знаю“ ³⁾ — говорилъ Аюка въ концѣ письма.

Написалъ онъ объ этомъ „для вѣдомости“ и въ Казань къ генералъ-маіору *Кронотоу*.

Наступила осень и на Янкѣ наконецъ появились давно жданныя и, казалось, совершенно потерянные войскомъ казаки станицы *Матвѣя Рекунова*. Семнадцать лѣтъ тому назадъ они выступили въ Шведскій походъ и только теперь послѣ заключенія мира со шведами они вернулись на родной Янкъ. Вернулось ихъ немного — всего двѣсти человекъ. Остальные или умерли, или были убиты. Что дѣлала эта станица въ арміи, въ какихъ участвовала бояхъ — материаловъ пока не найдено. Только изъ нѣкоторыхъ челобитныхъ видно, что она послѣ Полтавскаго боа была отправлена въ Финляндскій корпусъ, гдѣ и находилась вплоть до конца войны подъ командою князя *Михаила Михайловича Голицына*. Что послужило къ тому, что эта станица пробывъ въ арміи безсмынно 17 лѣтъ, случай еще небывалый въ Яцкомъ войскѣ и вообще въ казачьихъ войскахъ, — остается загадкой.

Въ эту-же осень прибыли на Янкъ освобожденные изъ плѣна изъ г. Або 56 человекъ яцкихъ казаковъ. Фамиліи ихъ неизвѣстны. Всѣ они благополучно прибыли на Янкъ за исключеніемъ казака *Акундина Григорьева*, который дорогою заболѣлъ и остался въ Самарѣ ⁴⁾.

Съ этихъ поръ войско стало считать въ своихъ рядахъ уже не 2600, а 2850 человекъ и, подписывая челобитныя, стало ставить это число казаковъ.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись № 1, кн. 229, листъ 283. Челобитная Рукавишниковъ въ 1722 г.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сената по Воен. Бол., книга ^{21/222}, листы 294—295.

³⁾ Моск. Арх. Иностран. дѣла, калмыцкія дѣла, картонъ 37, свѣзка 1731 года № 6.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 12, листъ 198. Челобитная казака Акундина Григорьева 1735 года января 27.

Уже настала глубокая осень. Вернулся на Янкъ Купрениновъ съ похвальной грамотою объ отивнѣ наряда въ Астрахань, вернулся и Балмашновъ со станицею, а вѣстей о скоромъ прѣздѣ на Янкъ для розыска полковника Ергольскаго не приходило. Войско недоумѣвало, но терпѣливо ждало этого единственнаго выхода изъ той сѣти доносовъ, клаузъ и сысковъ, которые плотнымъ кольцомъ обвилась вокругъ войска и не давали ему свободно ни жечь, ни работать. Пришла зима; пролетѣлъ еще годъ — четвертый годъ безконечнаго и тягостнаго розыска. Что-то сулить имъ наступающій новый 1722 годъ?

Г Л А В А XXVII.

Нарядъ казаковъ на р. Черемшу. Третья посылка Рукавишникова въ Москву. Доносы Карташева и челобитная Рукавишникова. По-
нарядъ въ Яицкомъ городнѣ. Нарядъ казаковъ въ Персидскій по-
ходъ. Доносъ казана Ревна. Схватки съ киргизами. Посылка въ
Москву станицы Витошнова. Допросъ казаковъ въ Военной коллегіи.
Назначеніе на Яикъ полковника Захарова и данныя ему инструкціи.
(1722 годъ).

Накоонецъ наступилъ и новый годъ. Войско получило грамоту о нарядѣ
пятисотъ казаковъ въ Казанскую губернію на р. Черемшу для погравичной
службы, на сѣвну бывшихъ тамъ донцамъ. Такой же указъ былъ присланъ на
Яикъ и отъ казанскаго губернатора. Войско, только что вернувшееся съ ба-
гревья, приступило въ сбору станицы и воевѣ казаковъ. Въ концѣ января
станция выступила. Походнымъ атаманомъ былъ избранъ Федотъ Донской¹⁾.
Отправивъ походное войско, казаки стали сваряжать другія станицы: въ Самару
за хлѣбомъ и въ Петербургъ съ царскимъ кусомъ.

Но кого-же выбрать атаманомъ въ Петербургъ? Конечно, Рукавишникова.
Онъ одинъ зналъ тамъ всѣ входы и выходы; за двѣ своихъ поѣздки онъ хорошо
изучилъ приемы, благодаря которымъ можно было добиться въ Петербургѣ
извѣстныхъ результатовъ, былъ знакомъ уже со многими властью имущими и съ
высшими служащими въ военной коллегіи. И наконецъ, въ дѣйствительности онъ
былъ вѣствующимъ начальникомъ войска—войсковые атаманы, старшаны и кругъ
были лишь исполнителями его воли.

Войско явилось двѣ челобитныхъ—одну о дачѣ жалованья войску на
полное число казаковъ, а другую о приверстаніи въ казаки всѣхъ прибывшихъ
послѣ 1695 года,—этотъ до сихъ поръ неразрѣшенный вопросъ не давалъ
казакамъ ни минуты покоя.

Когда выѣхалъ Рукавишниковъ—точно неизвѣстно. Но судя по тому, что
онъ явился въ Москву 12 февраля, можно предположить, что выѣхалъ онъ не
позже первыхъ чиселъ января. Къ сожалѣнію дѣло, въ которомъ заключались
всѣ документы по этой послѣдней поѣздкѣ Рукавишникова въ Петербургъ,
утрачено. Оно было взято изъ московскаго архива главнаго штаба І. И.

¹⁾ Объ этомъ извѣстно всего лишь два указація: 1) отвѣтъ князя Ивана М. Сеникина въ 1739
году о своей службѣ: „на Черемшѣ въ 1722 году съ атаманомъ Федотомъ Донскимъ въ пятистахъ
человѣкахъ рядовымъ“ (Моск. Ар. Гл. Шт., опись 47, дѣло 61/4, листъ 77) и 2) —показаніе о
своей службѣ старшины Филиппа Мусатова въ 1769 г., гдѣ онъ говоритъ: „Въ 1722 году ко-
мандовалъ при атаманѣ Федотѣ Донскомъ на Камскую линію, гдѣ входилъ при князѣ Вол-
комскомъ три, при генералѣ Чикинѣ два, при генералѣ Шелонскомъ одинъ, при генералѣ Володи-
мерѣ Петровичѣ Шереметьевѣ два, всего восемь дѣтъ въ пятистахъ человѣкахъ“ (Моск. Арх.
Гл. Шт., опись 107, кн. 129, листы 6—7 и 128. Челобитн. войска 1769 г. апрѣль).

Желѣзновнѣ во время его пребыванія въ Москвѣ и отвезено въ г. Уральскѣ. Въ то доброе старое время простота въ архивѣ царяла первобытная—дѣла раздавались на руки по квартирамъ и, какъ видѣли, даже отдавались совсѣмъ. Конечно, Иосафъ Игнатьевичъ, взявъ это дѣло, имѣлъ ввиду общую войсковую пользу, думалъ прибавить въ имѣющемуся въ войскѣ архиву еще одинъ лишній томъ съ драгоцѣнными документами о прошломъ войска, какъ это и случилось съ остальными дѣлами, взятыми имъ въ томъ-же архивѣ. Но трагическая кончина І. И. Желѣзнова не дала ему выполнять намѣченной имъ цѣли. Книга съ дѣлами о поѣздкѣ Рукавишникава въ 1722 году въ Петербургъ не была имъ сдана своевременно въ архивъ и послѣ его смерти попала въ руки Мер. Кузм. Курилина, который, сдѣлавъ выборки изъ нея и изъ другихъ документовъ, добытыхъ І. И. Желѣзновнѣ въ московскихъ архивахъ, напечаталъ ихъ въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ¹⁾. Самое-же дѣло осталось на рукахъ у Курилина и послѣ его смерти до сихъ поръ не найдено. Такимъ образомъ для настоящаго очерка является возможность использовать только тѣ немногія выборки изъ него, которыя напечатаны Курилиннѣмъ въ „Войсковыхъ Вѣдомостяхъ“. [23].

По этимъ даннымъ въ числѣ станицы Рукавишникава находились: войсковой подъячій Андрей Яковлевъ *Чунаревъ*, есаулъ Иванъ *Карловъ*, заряжавшій ружье для казни Елисеѣва, и рядовые казаки: Алексѣй *Котельниковъ*, Петръ *Кожениковъ*, бывшій рабѣ съ Рукавишниковнѣмъ въ Петербургѣ, Михайлъ *Поликарповъ*, Иванъ *Михайловъ*, Федоръ *Березинъ*, Иванъ Васильевъ *Блоусовъ*, Алексѣй Акимовъ *Коноваловъ*, Иванъ *Афонасьевъ*, Алексѣй Тимофѣевъ *Сажениковъ*, Алексѣй Антипьевъ *Азовскій*, Петръ Прокофьевъ *Гладовъ*, Прокофій Трифоновъ *Новинскій*, Василій *Осиповъ*, Степанъ *Сидоровъ*, Фролъ *Коржемокъ*, Григорій *Рузакъ* и Семень *Коробевъ*. Всего двадцать человекъ²⁾.

Рукавишниковъ выѣхалъ изъ городка вѣстѣ съ зимовою станицею и изъ Самары благополучно отправился дальше. Въ свою очередь зимовая станица, сдѣлавъ нужные закупки, поѣхала обратно на Яикъ. Со станицею отправился и находившійся въ Самарѣ, вышедшій изъ шведскаго плѣна, больной казакъ *Анкудинъ Григорьевъ*. Но станица была не такъ счастлива, какъ въ передній путь. По дорогѣ, „при урочищѣ Чаянковой рѣчкѣ“, на нее налетѣли зараклавыи. Киргизъ было всего триста человекъ, но званія станицы были незначительны:—незначительны уже потому, что для проѣзда громаднаго обычнаго обоза въ пять—шесть тысячъ подводъ по дорогѣ не хватило бы сѣна, да и въ Самарѣ пришлось бы страшно дорого платить за фуражъ. Поэтому станицы сваражались обычно маленькія,—ѣхали люди только при крайней необходимости. Но и эти маленькія станицы, не смотря на свое малолюдство, всегда благополучно возвращались домой, т. е. главные враги казаковъ—киргизы въ

¹⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869, 1870 и 1871 года, „Матеріалы къ Исторіи Уральского казачьяго войска, еще нигдѣ не напечатанныя“.

²⁾ „Ур. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 48. Число станичниковъ видно такъ-же изъ дѣла Моск. Арх. Глав. Штаба, опис. 1, книга № 229, листъ 281.

это время были далеко въ своихъ степяхъ и за зимнимъ холодомъ и безкормицей были не въ состояніи дѣлать какіе либо набѣги.

Но на этотъ разъ дикіе и неутомимые хищники появились за Янкомъ именно тогда, когда ихъ менѣе всего ожидали.

Они влетѣли на станицу внезапно и ее разбили. Больше семидесяти человекъ казаковъ попалось въ плѣнъ въ руки хищникамъ. Попалъ въ плѣнъ и незадачливый старшій служака Авкудинъ Григорьевъ. Почти двадцать лѣтъ онъ не видѣлъ Яика, то маршируя съ полкомъ въ Шведской войнѣ, то находясь въ плѣну въ городѣ Або. Прошло послѣ этого рокового для него случаяше двадцать лѣтъ лишь и только въ 1733 году ему удалось вырваться изъ киргизскаго плѣна и больше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ онъ наконецъ увидѣлъ берега родного Яика ¹⁾).

Немного возвратилось изъ плѣна этихъ казаковъ;—извѣстны еще только два человека: *Егоръ Недопекинъ*, который пробылъ въ плѣну 11 лѣтъ в *Якошъ Скачковъ*. Последнему досталась тяжелая доля. Онъ былъ проданъ въ Хиву, гдѣ находился въ неволѣ 25 лѣтъ и лишь въ 1747 году вышелъ на родину ²⁾).

Рукавишниковъ-же между тѣмъ благополучно подвигался въ Москвѣ. Но пока онъ ѣхалъ, неугомонный Карташевъ, находясь въ Москвѣ, дѣлалъ все, что только было возможно для того, чтобы снова возобновить розыскъ на Яикѣ и 11 января 1722 г. Военная Коллегія потребовала его къ себѣ для изслѣдованія по его извѣсту ³⁾).

Представленный туда 24 января, онъ снова заявилъ то, что предъ тѣмъ говорилъ въ Преображенскомъ приказѣ, но, желая въ тоже время подслужиться князю Меншикову и привлечь его симпатію на свою сторону, онъ добавилъ объ томъ, что въ мартѣ 1719 г. былъ посланъ изъ Казани на Яикъ для розыска поручикъ Егоръ Кротковъ и что онъ нашелъ тамъ бѣглыхъ солдатъ, рекрутъ, дворовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ съ семьсотъ человекъ, въ томъ числѣ и крестьянъ князя Меншикова, десять семействъ, которыхъ Кротковъ, по окончаніи розыска, не взялъ съ собою въ Казань, а далъ бывшему тогда атаману Никитѣ Трифонову Вородиву именную роспись, чтобы держать тѣхъ 700 бѣглыхъ на Яикѣ до указу, дабы они были въ цѣлости ⁴⁾). Карташевъ, какъ видно, дѣлалъ все возможное, чтобы только не отсылали его снова въ Астрахань. Ему хотѣлось, чтобы розыскъ производился на Яикѣ и чтобы его послали туда, зная, что дѣло можетъ долго затануться при поддержкѣ его сторонниковъ „первостатейныхъ, знатныхъ на Яикѣ, казаковъ, которые были прежде атаманами.“

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 12, листъ 198. Челобитная Авкудина Григорьева 1735 года 27 января.

²⁾ Тамъ-же, опись 107, книга 78, листъ 145. Челобитная войска 1748 года декабря 10.

³⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“ 1869 г. № 45. Курилинъ. „Мат. къ Ист. Ур. войска.“ По объясненію профессора А. Н. Фихлидова въ 1722 г. главные члены военной коллегіи находились въ Москвѣ, гдѣ въ это время былъ царь Петръ, а въ Петербургѣ была лишь Кантора (канцелярія) воен. коллегіи.

⁴⁾ Тамъ-же.

Карташевъ дѣйствительно добился своего: онъ былъ оставленъ въ Москвѣ. Вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что вопроса объ отправленіи его въ Астрахань уже болѣе не возбуждалось.

Этому помогъ случившійся вскорѣ пріѣздъ въ Москву Рукавишника. Прибывъ 12 февраля ¹⁾, онъ быстро оглядѣлся и узналъ все, что сдѣлалъ безъ него Карташевъ. Цѣлую недѣлю онъ ничего не предпринималъ. Царь и Военная Коллегія были въ Москвѣ и потому надобности ѣхать въ Петербургъ ему не предстояло. Карташевъ-же, въ свою очередь узнавъ, что пріѣхалъ Рукавишниковъ, немедленно сталъ проситься, чтобы его отвели въ Военную Коллегію. Здѣсь 20 февраля онъ сталъ просить объ арестованіи Рукавишника съ есауломъ Иваномъ Карповымъ и всѣхъ его станичниковъ и подвергнуть ихъ розыску.

„Рукавишниковъ, говорилъ онъ, еще въ 1719 г., въ бытность свою въ Петербургѣ, подалъ канцлеру графу Головкину доношеніе на казаковъ и бывшихъ войсковыхъ атамановъ Матвѣя Мирнова, Никиту Бородина и Ивана Витовнова о измѣнѣ ихъ, а о томъ изслѣдовано не было, то я прошу Военную Коллегію розыскать о сей измѣнѣ, Рукавишника же послать къ розыску на Яикъ вмѣстѣ со мною“ ²⁾.

Этотъ извѣтъ Карташева, конечно, сталъ извѣстенъ Рукавишникову въ тотъ же день. На другой день онъ явился въ Военную Коллегію и подалъ войсковыя челобитныя.

Въ одной изъ нихъ войско доносило о нарядѣ 500 казаковъ на Черемшанскіе форпосты и просило о дачѣ имъ подѣльнаго и за службу ихъ жалованья.

„Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій!— писало войско въ челобитной, въ нынѣшнемъ 722 году, по присланной Великаго Государя изъ Государственной Военной Коллегіи грамотѣ, а изъ Казани по указу Великаго Государя, отправили мы нижеименованные отъ себя указное число войска— *пятьсотъ человекъ* для охраненія отъ непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ на казанскую границу за *Каму рѣку на Черемшу*; а на подъемъ денежнаго твоего Государева жалованья не прислано и подымали мы, низжайшіе, помянутыхъ казаковъ указное число *пятьсотъ человекъ* за великою нуждою собою.

Всемилоствѣйшій Государь просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваша державства намъ рабамъ твоимъ пожаловать своимъ Великаго Государя денежнымъ на подъемъ жалованьемъ, противъ прежнихъ дачъ, какъ Ваше Великаго Государя жалованья въ намъ на подъемъ рабамъ твоимъ было прислано, понеже мы, нижеименованные, бываемъ отъ набѣговъ непріятельскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ во всегдашнихъ разворевіяхъ и обидахъ, а чтобы впредь намъ рабамъ твоимъ посылать на вашу Великаго Государя службу было въ мочь потому, что мы, низжайшіе, отправляемъ отъ себя

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, книга 229, листъ 281.

²⁾ „Урал. Войск. Вѣдом.“ 1869 г. № 45. Курляндя. „Мат. къ Ист. Ур. войска.“

на Вашу Великаго Государя службу и чрезъ степь на своихъ лошадяхъ и на своемъ коште.

Вашего Величества низайшіе раба заольные рѣки Янку яцкіе атаманъ—казаки: атаманъ Иванъ Ивановъ и всѣ старшины и рядовые казаки 2850 человекъ; 1722 году генваря въ „ „ девь ¹⁾.

Въ другой челобитной войско снова просить дать ему окладное жалованье, особенно порохъ и свинець на полное число казаковъ, а не на 600 человекъ, т. к. отпускаемаго имъ пороха при дѣлѣхъ достается самое незначительное количество, между тѣмъ казаки бываютъ всегда въ бояхъ съ киргизскими шайками и должны быть хорошо вооружены, чтобы достойно встрѣчать врага.

Войско, говоря въ этой челобитной, что, начиная съ 1681 года, казаки безпрерывно служатъ во всѣхъ походахъ „и по нынѣ не единой службой не избывають не отговариваясь ни чѣмъ“, и что „денежнаго жалованья а такожъ свинцу и пороху“ дается имъ только на 600 человекъ, почему пороху достается имъ „по малому числу“—снова просить коллегію, чтобы его Императорское Величество пожаловалъ ихъ годовымъ денежнымъ жалованьемъ, также свинцомъ и порохомъ: „войсковому атаману, дву есауломъ, одному подъячому, старшинамъ и рядовымъ казакамъ всего на 2850 человекъ противъ дачи донскихъ казаковъ; и которыя присылаются зимовныя станицы о годовомъ жалованье и за прїѣздъ атаману, и есаулу, и подъячому, и рядовымъ казакамъ на указанное число такожъ противъ дачи Донскихъ казаковъ, за вѣрныя наши службы и за ивогія отъ непріятельскихъ людей каравадлакъ и киргизъ-казаковъ намъ чинимыя великія раззоренія, пожаловати въ Москвѣ изъ которыхъ будетъ доходовъ опредѣлено указомъ“ ²⁾.

Въ третьей своей челобитной войско излагало самое завѣтное и затвѣнное свое желаніе, которое все время до сихъ поръ не давало казакамъ покоя. Они просили снова о приверстаніи въ казаки всѣхъ тѣхъ, кто пришелъ на Янкъ позже рокового 1695 года. Теперь уже войско не стѣсняется; оно не изворачивается, не выдумываетъ, какъ Рукавишниковъ въ первой своей челобитной, что Янцкое войско произошло отъ донцовъ. Тогда еще можно было пускаться туманъ въ глаза, но теперь таняться не имѣло смысла,—не сегодня—завтра прїѣдетъ на Янкъ полковникъ и узнаетъ истину. У нихъ донцовъ было самое незначительное количество—войско стало говорить правду.

„Въ прошлыхъ, давнихъ годѣхъ, писало войско, —зашли прадѣды и дѣды наши на запольную рѣку Янкъ малыми людьми, которая Янкъ рѣка была во владѣніи басурманскихъ ордъ, и служа поманутые басурманскіе орды отъ Янку рѣки отогнали, и объявляли Царскому Величеству блаженныя памяти Царю и Великому князю *Алексию Михайловичу* вся вельзія и жалбы и

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 80, листъ 548. Похъ челобитной подписанъ „къ сей челобитной вмѣсто яцкаго атамана Ивана Иванова и всего войска ко нѣхъ вѣдѣно Алексѣевскіе церкви священникъ Іезъ Клементьевъ руку приложилъ; на челобит. похъта: „похата 21 фев.“

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 80, листъ 548.

бѣла Россіи Самодержцу; и по тому ихъ доношенію пожалованы они тою вышепомянутою рѣкою Яикомъ, чтобъ на оную рѣку на житье набрались всякими вольными людьми; и послѣ того числа набралась вотчина изъ великороссійскаго, и изъ малороссійскаго народа, такожъ изъ иноземцевъ изъ разныхъ ордъ по нынѣшней 722 годъ 2850 человекъ. И набравшись служимъ мы съ прошедшаго 1681 году, съ Чигиринскаго походу, по нынѣшней 722 годъ и отправляемъ по указамъ и по нарядамъ во всякія службы, кромѣ нашихъ казачьихъ обыкновенныхъ походовъ за непріятельскими воинскими людьми каракалпакъ и киргизъ-казаки, по 1000 и по 1500 по 600 и по 500 человекъ; и на тѣхъ службахъ многіе побиты, а иные померли, и въ полонъ взяты; а послѣ ихъ остались дѣти и внучата ихъ и тѣ такожъ служатъ во всякихъ службахъ вѣрно. А прошедшаго 721 году приславъ къ намъ на Яикъ Вашего Императорскаго Величества указъ съ ставячнымъ атаманомъ Иваномъ Степановымъ съ товарищи, въ которомъ написано: бѣглыхъ крестьянъ, и бобылей, и задворныхъ, и дѣловыхъ людей всякихъ чиновъ людямъ, что у кого нынѣ, чьихъ ни есть, прежнихъ владѣльцамъ по крѣпостямъ, какъ изъ дворцовыхъ волостей, изъ патріаршихъ, и архіерейскихъ, изъ монастырскихъ и церковныхъ селъ и деревень, изъ великороссійскихъ, малороссійскихъ городовъ, изъ казачьихъ городковъ, и изъ посадовъ, и изъ ямскихъ слободъ, вотчинникамъ отдавать по прежнимъ указамъ, какъ о томъ въ Уложеньи 1648 году напечатано. И просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ: изъ помянутаго числа изъ 2850 человекъ отъ насъ съ Яику не высылать на прежніе жилища за вѣрне ваши службы и заселеніе на рѣкѣ Яикѣ — вотчинѣ, такожъ и за самое малолюдство потому, что нынѣ изъ вышеозначеннаго числа по указу опредѣлено на Казанскую границу за Кану рѣку на Черемшу, для охраненія Украйны отъ набѣговъ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизъ-казаковъ 500 человекъ; а у насъ на Яикѣ осталось малое число 2850 человекъ, чтобъ за малолюдствомъ отъ многого нападенія непріятельскихъ людей каракалпаковъ и киргизъ—казаковъ въ копецъ не разориться и службы не отбыть" ¹⁾.

Самымъ интереснымъ въ этой челобитной является, конечно, полное признаніе войска въ томъ, что они выходцы всевозможныхъ губерній Руса, а не „довцы и другіе вольные люди“, какъ говорил Руквишниковъ въ свой первый приѣздъ въ Петербургъ. Интересно и заявленіе о томъ, что войско признало подданство не царю Михаилу Федоровичу, а Алексѣю Михайловичу. Восстановить точно которое изъ этихъ указаній правильнѣе — является невозможнымъ. Во многихъ челобитныхъ видно только одно, что казаки считают свою службу съ 1681 года. И дѣйствительно, послѣ службы подъ Смоленскомъ въ 1683 году, документовъ, подтверждающихъ какую либо иную службу до службы 1681 года, до сихъ поръ найдти не удалось.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, списъ 107, книга 30, листы 544—546.

На всё эти челобитныя Рукавишниковъ не получалъ опредѣленнаго отвѣта. О зачисленіи въ казаки всѣхъ прибывшихъ на Янкъ, послѣ 1695 года отвѣтъ получился тотъ-же, что и раньше, т. е. ему было отказано впредь до производства переписи казаковъ, командироваемымъ на Янкъ полковникомъ. Тоже самое случилось съ просьбою войска объ окладномъ жалованьи: его оставили въ прежнемъ разиѣрѣ впредь до переписи казаковъ.

Но послѣ того, какъ былъ назначенъ на Янкъ въ предыдущемъ году полковникъ Ергольскій, дѣла нѣсколько осложнились.

Вскорѣ послѣ назначенія Ергольскаго, 24 мая 1721 состоялось въ сенатѣ постановленіе, чтобы Ергольскому быть по прежнему въ юстицъ-коллегіи совѣтникомъ, какъ онъ былъ и ранѣе. Но на это Военная Коллегія 2 іюня снова велеть ему быть для сыска на Янкѣ, а если вмѣсто него нуженъ въ юстицъ-коллегіи кто другой, то объ томъ требовать изъ сената повелительнаго указа. По указу-же сената, послѣдовавшему 15 іюня того же года, ему снова велѣно было быть удѣлъ въ юстицъ-коллегіи „для того, что опредѣленъ былъ онъ въ дѣламъ въ сенатѣ вѣяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ 1719 г. апрѣля въ 8 день въ Москву въ надворный судъ, за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственнаго рука.“ А на Янкъ послать кого другого по усмотрѣнію Военной Коллегіи. Коллегія согласно этого указа постановила 17 октября того же 1721 г. послать на Янкъ *полковника Болтина* ¹⁾.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о посылкѣ на Янкъ штабъ-офицера для розыска, когда прибылъ Рукавишниковъ въ Москву.

Дѣло по доносу Карташева не двигалось съ мѣста. Рукавишниковъ и его товарищи, не смотря на его доносъ, находились на свободѣ. Но въ концѣ февраля дѣло измѣнилось. Партія Матвѣя Мирцова и, какъ говорилъ Карташевъ, „старинныхъ казаковъ“ не терпела надежды восстановить свою власть и скрытно боролась съ войскомъ. Выступать явно они не могли. Они дѣлали все, чтобы сообщить Карташеву больше данныхъ для обвиненія въ преступленіяхъ лицъ враждебной имъ партіи, особенно Рукавишникова. Они тайно сваридали въ Петербургъ къ Карташеву казака *Ивана Никифорова*, который и пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ февраля.

Никифорову удалось проникнуть къ Карташеву и онъ сообщилъ ему все, что совершалось на Янкѣ послѣ отъѣзда изъ Яницкаго городка Кустова и Карташева, но самымъ важнымъ его сообщеніемъ было извѣстіе о казни старшины *Мордвинкина*.

Узнавъ объ этомъ, Карташевъ немедленно-же, 20 февраля (а потомъ и 5 марта) подалъ челобитную о взысканіи подъ стражу Рукавишникова и его товарищей и подвергнуть ихъ розыску. Вызванный въ Военную Коллегію онъ перечислилъ какъ извѣстниковъ человекъ съ тридцать казаковъ, въ томъ числѣ атамана *Щербакова* и Рукавишникова и довелъ, что пріѣхалъ къ нему съ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло прав. сената по воен. колл. кн. № 9/200, листъ 474.

Яика казакъ Никифоровъ и сказывалъ ему: „атаманъ Щербаковъ и ихъ партіи казаки, по совѣту своему разстрѣляли до смерти на Яикѣ казаконъ Ивана Елисѣева и Афонасія Назарова за то, что они въ вышесказанномъ возмущеніи ихъ воспрещали, а другіе, которые въ тотъ ихъ злой совѣтъ не пошли, держатся подѣ карауломъ перекованы, а именно: бывшій атаманъ Матвѣй Мироновъ, да казаки Федоръ Пимоновъ (Алетинъ), Матвѣй Ермолаевъ и другіе многіе содержались же, а нынѣ на порукахъ; а въ вышѣвшемъ 1722 году, тотъ-же атаманъ Щербаковъ съ своими единомысленниками по заговору Рукавишниковъ, казнилъ первостатейнаго и заслужевнаго старшину Василя Иванова Мордвинкина безвинно, повеже онъ, Василій, много имъ, ворами, претялъ, — что они казнятъ безвинно и оковавъ держатъ старшинъ, конкъ имена значатся въ дѣлѣ, а вышѣ (11 мая) Рукавишниковъ въ Москвѣ, да есаулъ Иванъ Карповъ, кой былъ при бытности атамана Щербакова, заправлявалъ ружье и отдавалъ татарину разстрѣливать помянутыхъ доносителей, старшину Василя Иванова, — а за нимъ, Васильемъ, я никакой войску вины не знаю“.

Когда-же въ Военной Коллегіи спросили Карташева по поводу прихода къ нему въ тюрьму казака Ивана Никифорова, зачѣмъ пріѣхалъ послѣдній въ Москву и почему Карташевъ не удержалъ его и не объявилъ въ Военной Коллегіи, онъ отвѣтилъ, что Иванъ Никифоровъ, какъ сказывалъ ему, пріѣхалъ въ Москву за другими дѣлами, а болѣе для того, чтобы о томъ (о казни на Яикѣ казаконъ Назарова и Мордвинкина) гдѣ надлежитъ объявить, а самъ де онъ доносить не смѣетъ и что онъ хотѣлъ было удержать Никифорова для объявленія въ Военной Коллегіи и сказалъ бывшему тогда караульному сержанту (по имени и какого полку — не знаетъ), чтобы онъ доложилъ объ Никифоровѣ, но сержантъ отвѣтилъ, что въ Военной Коллегіи никого не было¹⁾.

Рукавишниковъ, узнавши объ этомъ доносѣ, въ свою очередь подалъ челобитную на Карташева: одну 23, а другую 26 февраля²⁾.

Первая челобитная неизвѣстна, т. е. Курилинъмъ она не была напечатана. Вторая же челобитная, какъ болѣе интересная, Бурилинъмъ приведена полностью. Это та челобитная, въ которой Рукавишниковъ говоритъ о представленіи его къ царю Петру.

„Въ Государственную Военную Коллегію казака Федора Рукавишниковъ дозашевіе“. — Такъ начиналась эта челобитная.

„Въ прошлыхъ 719 и въ 720 и въ 721 годахъ выбраны мы, нижайшіе, трое человекъ отъ всего Лицкаго войска и дали намъ, рабаиъ твоимъ, въ выборѣ за своими войсковыми руками (заручною), по которой мы, нижайшіе, въ вышесказанныхъ годѣхъ били челомъ Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургѣ и подали дозашевіе и челобитную въ Правительствующій Сенатъ

¹⁾ „Урал. Войск. Вѣд.“. 1869 года № 45. Курилинъ. Мат. къ Ист. Ур. войска. Курилинъ говоритъ между прочимъ, что Карташевъ просилъ взять для римскаго станицкаго атамана Витовнова и есаула Кочурова, но этого не могло быть, т. е. эта станица прибыла въ Петербургъ только въ концѣ мая.

²⁾ Тамъ-же.

на вора и измѣнника Яцкаго казака Ивана Карташева и на отца его крестнаго Матвѣя Миронова и на присланныхъ по его, Карташеву, ложному доношенію изъ Казани къ намъ, рабамъ твоимъ, на Янкъ съ розыскомъ на офицеровъ во многихъ разореніяхъ и во взяткахъ, чтобъ насъ, рабовъ твоихъ, съ онымъ доношеніемъ и съ отцемъ его крестнымъ Матвѣемъ Мироновымъ и съ присланными офицерами во взяткахъ повезѣлъ-бы Императорское Величество послать для подлиннаго розыску къ намъ, вижайшимъ, на Янкъ отъ своего пресвѣтлѣя державы изъ правобѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ своихъ, кромѣ казанскихъ офицеровъ, розыскать.

А въ прошломъ 721 году по именному Его Императорскаго Величества указу взяты мы, нижайшіе, предъ Его Величествомъ и спрашиваемы отъ вышеупомянутыхъ въ разореніяхъ и обидѣхъ¹⁾.

Далѣе Рукавишниковъ излагаетъ уже извѣстное намъ представленіе его Царю Петру и его разговоръ съ нимъ и о пожалованіи ему и всей его станицѣ сабель.

И сего 722 г., — говорилось далѣе въ челобитвой, — по именному Его Императорскаго Величества указу, а по челобитью насъ, вижайшихъ, въ Государственной Военной Коллегіи, отправленъ къ намъ, вижайшимъ, на Янкъ господявъ полковникъ Иванъ Васильевъ сынъ Болтинъ для вышеозначеннаго розыску. А нинѣ оный воръ измѣнникъ, доноситель Карташевъ, умышляя своимъ злымъ вымысломъ, подаль на меня, нижайшаго, и при мѣ на всю станицу въ Государственную Военную Коллегію ложное доношеніе, будто я, рабъ вашъ, возмутитель всего Яцкаго войска и возмущю ихъ казакѡвъ будто на злое дѣло и въ томъ онъ, воръ и измѣнникъ доноситель Карташевъ, оклеветалъ меня нижайшаго во всемъ напрасно, хотя прежнія свои доношенія прикрыть, понеже онъ, Карташевъ, и въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ по розыскаму дѣлу на насъ вижайшихъ вины ни какія не сыскалъ.

Того ради у превеликой Государственной Военной Коллегіи всапкорѣннѣе просямъ, дабы намъ вижайшимъ своимъ милостивымъ Императорскаго Величества указомъ отъ помянутаго вора и измѣнника доносителя Карташева охранить и впредь ложнымъ его доношеніемъ до подлиннаго розыску не вѣрять²⁾.

Но Военная Коллегія все еще не рѣшалась предпринять что либо по этимъ доносамъ. Розыска не производилось. Вѣроятно было рѣшено, что этотъ розыскъ произведетъ, будучи на Янкѣ, полковникъ Болтинъ.

20 марта состоялся указъ Военной Коллегіи о выдачѣ жалованья войску и денегъ „за выходъ“ зимовой станицѣ Рукавишника:

„Атаману Фѡдору Михайлову и казакамъ 20 челявкамъ, которые прибыли съ Янку въ Москву для прошенія на всѣ ихъ Яцкое войско окладнаго жалованья и пороку и свинцу оное жалованье на 722 годъ выдать нѣтъ изъ Штатсъ-конторы противъ прежняго, какъ изъ Казанской губерніи напредъ сего давалось, а именно: 953 рубля 8 алтынъ 2 дѣвѣги, да за выходъ оной зимовой

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

ставки, противъ оной же прежней казанской дачи, кормовыхъ и за сукна 103 рубля, 3 алтына, 1 деньга; итого 1056 рублей 11 алтынъ 3 деньги и о томъ въ тое Штатсъ-контору послать промеморію¹⁾.

Но это жалованье войску не суждено было получить вскорѣ, — оно было получено уже осенью, т. е. дѣла по розыску приняты для станичниковъ совершенно нежелательный и неприятный для нихъ оборотъ.

Въ то время, когда происходила эта бумажная волокита и когда Рукавишниковъ хлопоталъ по дѣламъ войска, на Янкѣ въ февралѣ мѣсяцѣ совершались событія, подорвавшія въ конецъ благосостояніе войска и имѣвшія для него роковыя послѣдствія. Совершенно неожиданно для войска изъ степи налетѣли кыргызы и каракалпаки и отогнали почти весь конскій табунъ „безъ остатка“ и угнали въ степь. Казакамъ не на чемъ даже было ихъ преслѣдовать, почти все войско осталось вѣше²⁾.

Вскорѣ послѣ этого въ городкѣ случился пожаръ. Мы уже знаемъ, что курени втислись, прижавшись почти вплотную другъ къ другу, въ сравнительно небольшомъ пространствѣ городка, занимавшаго тогда собою мѣсто нынѣшнихъ Куреней, при чемъ городской валъ проходилъ тамъ, гдѣ теперь находится Петро-Павловская церковь. Улицы были узки: по самымъ широкимъ изъ нихъ едва могли развѣхаться двѣ телѣги, а остальные представляли изъ себя кривые переулки, шириною не болѣе 3—4 аршинъ. При такомъ расположеніи построекъ вѣянувшій пожаръ сталъ быстро переходить съ одного курена на другой и въ самое короткое время городокъ представилъ изъ себя одно сплошное море огня.

Отстоять его казаки не могли, — городокъ выгорѣлъ весь, сгорѣли всѣ три церкви и войсковая изба. Остались цѣлыми во всемъ городкѣ всего лишь вѣскольکو куреней, находившихся позади первоначально загорѣвшатося дома, куда бывший въ это время сильный вѣтеръ не донесъ ни одной искры³⁾.

Казаки вырыли наскоро землянки, гдѣ временно и пріютились со своими семьями. Положеніе ихъ было безвыходное, не было даже хлѣба, — весь запасъ его сгорѣлъ. Въ войскѣ открылась „хлѣбная голодовка“, отъ которой съ раннею весною многія казачья семья, оставшіяся безъ мужей и отцовъ, ушедшихъ на службу на Черемшну, а также погибшихъ въ Хивѣ, вынуждены были уйти съ Янка на пропитаніе въ Русь⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, книга 229, листъ 281.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло правит. сената, по воен. колл. 1722 г. № 120, листы 510—511. Эпиграфъ о сѣдствіи Захарова. Показаніе бывшего атамана Герасима Погодына.

³⁾ Это тотъ самый пожаръ 1722 г., обратившій Янцкій городокъ въ пепелъ, который Лешкинъ и за нимъ другіе писатели приписываютъ самимъ калпакамъ, съ цѣлью уйти за море въ кыргыцкую степь.

⁴⁾ Объ этомъ часто упоминается въ дѣлахъ Уральск. Войск. Архива III разр. 1736—1800 годовъ, — такъ напримѣръ, по поводу приписки Самарскихъ магистратовъ въ 1750 г. казана Григорія Мусатова съ сыномъ для платежа подушного оклада войско отвѣтило, что „Мусатовъ янцкій настоящій природный казакъ и отецъ его Мусатовъ былъ природный калпакъ, у котораго я братъ родной мнѣ при войскѣ въ старшинахъ Филиппъ Мусатовъ, а въ прошломъ 1722 г. съ Янка послѣ, пожарнаго времени, и съ сыномъ съѣхали отъ хлѣбной голодовки въ городъ Самару“. (Ур. Войск. Арх., дѣло III раз. 1736—1800 г.г. По трон. указ. № 11, кн. 3, листъ 351.) Такихъ указаний въ дѣлахъ архива по этой описи очень много.

Тотчасъ-же послѣ пожара въ войско прѣхалъ изъ Москвы изъ Военной Коллегіи прапорщикъ *Савостьяновъ* и привезъ грамоту о нарядѣ *тысячи ямскихъ казаковъ въ Астрахань* для предполагавшагося тогда похода въ Персію.

Выслушавъ грамоту, казаки заволновались. Войско не было въ состояніи снарядить такое число казаковъ. Оно было разорено, не было провіанта, снаряженія, не было даже пороха и свинца, котораго имъ нехватало, т. е. выдавалось только на 600 человекъ. Не было знаменъ, т. е. полученныхъ въ прошломъ году три знамени были отданы станицѣ, отправленной на казанскую границу. Какъ бросить семьи на произволъ судьбы безъ хлѣба, безъ жилищъ? Нужно было сбстрониться, схѣлать запасы хлѣба, исправить и завести сгорѣвшее снаряженіе, оставить хоть что нибудь для пропитанія семей во время похода.

Но Москва не знала. Ей вужно было тысячу казаковъ для предстоящаго похода въ Персію и ей не было никакого дѣла до того, въ состояніи-ли войско дать имъ подъемныя на снаряженіе и имѣеть-ли оно для этого средства.

Послѣ прочтенія грамоты раздались крики:

„Намъ подняться нечѣмъ!— Ни лошадей, ни провіанта нѣтъ!“

„Не можемъ идти въ походъ, пока отъ посланныхъ отъ войска съ челобитьемъ въ Москву отвѣды не будутъ!“¹⁾

Войско окончательно заявило посланному, что они въ походъ выступить не могутъ.

Съ отправляющимся обратно прапорщикомъ они послали отъ себя нѣсколько человекъ казаковъ съ отпискою, прося отѣван наряда по случаю „пожарнаго разоренія“ и о дачѣ свинца, пороха и знаменъ для похода. Кто былъ посланъ съ этою станицею—неизвѣстно²⁾.

Изъ дошедшихъ до насъ расходныхъ листовъ денегъ на войсковыя нужды за этотъ годъ видно, что пожаръ этотъ не ограничился и что послѣ перваго большаго пожара случился *второй пожаръ*: вѣроятно, сгорѣла и остальная уцѣлѣвшая часть городка. Дать звать о случившемся былъ отправленъ въ Астрахань казакъ *Андрей Живетинъ*³⁾. Но когда случился этотъ пожаръ—весною вслѣдъ за первымъ или позже—неизвѣстно.

Въ Астахани, узнавъ о пожарѣ и объ отказѣ войска ввиду „пожарнаго разоренія“ идти на службу, послали на Яикъ унтеръ-офицера гвардіи *Степана Китаева*, поручивъ ему убѣдиться—дѣйствительно ли городокъ выгорѣлъ и могутъ ли казаки выступить въ походъ⁴⁾. Что нашелъ Китаевъ, будучи на Яикѣ, неизвѣстно, его донесеніе объ этомъ до насъ не дошло.

О бывшемъ пожарѣ прислалъ справиться своихъ пословъ также и Аюк-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Шт. опись, 47, кн. 120/132, дѣло № 2, листы въ дѣлѣ не пронумерованы.

²⁾ Рукавишкинъ получилъ это сообщеніе въ началѣ апрѣля.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Шт., опись 107, связка 83, листъ 248. Расходный листъ за 1722 г.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. дѣло Сепата по воен. колл. №/зю листъ 511. Экстрактъ изъ свѣдѣній Захарова. Показ. атамана Погодаева.

хавъ. Ихъ по обычаю признали съ честью и дали подарки. На это было истрачено войскомъ 4 рубля—куплены 2 пары сапогъ ¹⁾).

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ киргизы вновь стали дѣлать непрерывныя набѣги то на яцкнхъ казаковъ, то на калмыкъ, то на русскія приволжскія села.

Налетѣвъ опять подъ казачій городокъ, они захватили извѣстнаго уже намъ торговаго казака *Ивана Лобика* и стали быстро удалаться въ степь. Войско снарядило станицу съ походнымъ атаманомъ *Иваномъ Щелкинымъ*, который и пошелъ вслѣдъ за ними. О дѣлахъ этой станицы дошло до насъ самое незначительное свѣдѣніе въ войсковой челобитной отъ 1749 г., гдѣ войско, перечисляя службы старшины *Семена Землянушинова*, говоритъ, что онъ былъ командированъ въ 1722 г. „за кайсаками при атаманѣ *Иванѣ Щелкинѣ* за увезеннымъ отъ Яцкаго войска казакомъ *Иваномъ Лобиковымъ*, конхъ настигли при урочищѣ *Илекартки*. Нѣсколько побили, а прочихъ въ плѣнъ побрали, а показаннаго казака *Лобикова* чрезъ свои добрыя и храбрыя поступки изъ того плѣну свободили и по прежнему обратно возвратили“ ²⁾).

Объ этомъ же дѣлѣ говорится и въ другой челобитной войска въ 1753 г. о службѣ есаула *Максима Селиверстова*, что онъ былъ въ 1722 г. при томъ-же атаманѣ „за воровскими киргизъ-кайсаками гдѣ внихъ вѣсколько на смерть побили а прочіе въ плѣнъ взяты“ ³⁾).

Это единственныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ походѣ *Щелкина* за киргизами. Сколько было съ нимъ казаковъ, много ли было взято киргизъ въ плѣнъ—неизвѣстно.

Но это, вѣроятно, была не единственная стычка съ киргизами; какъ увидимъ далѣе, войско представляетъ плѣнныхъ все лѣто, но свѣдѣній, когда и при какихъ дѣлахъ они были взяты, не имѣется. Но, захватывая въ плѣнъ киргизъ, казаки теряли и своихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ *Василій Ходихинъ* былъ захваченъ недалеко отъ городка на рѣкѣ *Яикѣ* при рубкѣ лѣса. Киргизы продали его въ *Хиву*, гдѣ онъ пробылъ двадцать лѣтъ и прибылъ обратно лишь въ 1742 г. ⁴⁾.

Неспокойно было и у калмыкъ. Киргизы дѣлали набѣги и на нихъ.

Калмыки не оставались въ долгу и мстили киргизамъ тѣмъ-же.

Одинъ изъ крупныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ *Доржа Назаровъ* въ мартѣ мѣсяцѣ попалъ на киргизъ и разбилъ одну изъ ихъ большихъ партій. Поводомъ для этого послужилъ грабѣжъ киргизами калмыцкаго каравана, ѣхавшаго въ *Хиву* еще осенью 1721 года.

Въ это время въ Турменской ордѣ, кочевавшей у урочища *Каракума*, были смуты. Недовольные своимъ правителемъ *Акимъ-Куземъ* туркменцы вобунтовались,

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, свѣдка 38, листъ 248.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Шт., опись 107, кн. 67, листы 215—217.

³⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 95, листы 94 и 95.

⁴⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 38, листъ 86. Челобитн. каз. *Ходихина* въ 1742 г.

убили его и выбрали себѣ другого хана. Тогда дѣти Акимъ-Кузы съ нѣкоторыми знатными людьми, всего восемь человѣкъ, поѣхали за помощью къ киргизскому владѣльцу *Беръ-солтану*, который рѣшился помочь имъ. Собралъ отрядъ въ 500 человѣкъ, онъ двинулся на туркменъ, но у рѣчки *Самма*, не доходя до нихъ, встрѣтилъ ѣхавшихъ въ Хиву съ товарами калмыкъ владѣльца Назарова. Калмыкъ было очень мало, вступать въ бой они не могли, и потому киргизы безъ боя захватили весь торговый караванъ, калмыки же успѣли спастись бѣгствомъ.

Захвативъ караванъ, Беръ-солтанъ двинулся дальше, перешелъ рѣчку *Самма* и на третій день подошелъ къ рѣчкѣ *Маначи*. Здѣсь киргизамъ встрѣтился другой калмыцкій караванъ съ товарами, но уже ѣхавшій изъ Хивы. Прѣкараванъ было триста человѣкъ калмыковъ.

Киргизы бросились на грабежъ. Несмотря на свое меньшинство, калмыки вступили въ бой, но, не имѣя возможности устоять каравана, вынуждены были уступить его киргизамъ, а сами отошли въ степь. Въ стычкѣ были убиты одинъ калмыкъ и два киргиза.

Въ это время разбитые на р. Саммѣ первые калмыки успѣли доспѣвать до улусовъ Доржи Назарова и сообщить ему о случившемся. Назаровъ послалъ на выручку мурузу *Добжу*, который со всѣми своими улусными людьми быстро двинулся на киргизъ. Между тѣмъ киргизы, захвативъ послѣдній караванъ, рѣшили возвратиться въ свои улусы и поѣхали обратно на р. Самму, но тутъ ихъ поджидалъ Добжа со своими калмыками. Калмыки налетѣли на киргизъ, всего менѣе ожидавшихъ подобнаго нападенія. Киргизы были разбиты, 150 человѣкъ изъ нихъ было убито и 30 человѣкъ взято въ плѣнъ ¹⁾.

Но киргизы не оставили въ покоѣ калмыкъ. Съ раннею весною 1722 года они три раза налетали на калмыцкіе улусы, но каждый разъ были разбиваемы и уходили въ степь со страшнымъ урономъ.

Въ это же время выѣхавшая изъ Яицкаго городка въ степь за солью станица была окружена шайкою киргизъ. Казаки сѣли въ осаду. Много дней отбивались казаки отъ враговъ, три дня уже они были безъ воды и плохо бы, вѣроятно, пришлось казакамъ, если-бы въ это время не выручили ихъ калмыки владѣльца Доржи Назарова. Они ѣхали въ степь за киргизскою шайкою и по дорогѣ увидѣли сидѣвшихъ въ осадѣ яицкихъ казаковъ. Калмыки бросились на киргизъ, разбили ихъ и прогнали и такимъ образомъ освободили казаковъ отъ неминуемой бѣды ²⁾.

Доржа Назаровъ, въ виду глубокой старости Аюки-хана, считался тогда кандидатомъ на ханскій престолъ и дѣлалъ все, чтобы былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. 9 апрѣля онъ послалъ изъ Саратова

¹⁾ Моск. Арх. Иностран. Дѣлъ. Калмыцкія дѣла, картонъ 89, свѣдка 1722 г. № 11. Допроснаго рѣчи плѣн. кр. 10 мая 1722 г. въ Воен. Кол. и письма Доржи Назарова царю Петру отъ 7 мая 1722 г.

²⁾ Тамъ-же.

своихъ посланцевъ съ четырьмя плѣвными киргизами въ Петербургъ съ письмомъ къ царю Петру, которое было доставлено ему 7 мая.

Въ этомъ длинномъ письмѣ овъ, между прочимъ, писалъ:

„А я Доржа здѣсь по милосердію Вашему пытаюсь Яицкою водою и здравствую со всѣми моими улусниками... Башкирцы, каракалпаки, киргизы, живящи отъ меня не въ дальномъ разстояніи кочуютъ, а я здѣсь при самой границѣ съ улусниками моими кочую и по указу Вашего Величества ѣздилъ я на башкирцевъ и разбилъ ихъ, а когда казаки Яицкіе ѣздили по соль тогда ихъ осадили каракалпаки, гдѣ оны въ осадѣ сидѣли три дни безъ воды, а я ихъ выручилъ; и служу Вамъ Великому Государю вѣрно.

Ещежь каракалпаки трижды войною во многочисленномъ войскѣ лодъ мои улусы прѣзжали, но по счастію Вашего Величества я ихъ побѣдилъ и многихъ отъ нихъ побилъ, въ чемъ помогъ мнѣ Богъ, которому Вы и я молюсь и надѣючися на него я здѣсь при границѣ Вашего Величества кочую и разѣзжаю...

На туркменцевъ я войною ѣздилъ и побѣдилъ ихъ, да половину изъ тѣхъ туркменскихъ народовъ пригналъ къ себѣ въ улусы и учинилъ ихъ себѣ подданными.

А которые съ княземъ Александромъ Вековичемъ въ Хиву ѣздили и тѣхъ выручаю а именно: выручилъ Преображенскаго полку солдата князь *Микиту Яковлевича Вяземскаго* и далъ за него 55 рублей, такожъ и у каракалпаковъ и въ другихъ ордахъ, обретающихся нашихъ людей въ полону, я выручаю астраханскихъ въ Астрахань яицкихъ на Яикъ донскихъ на Донъ отправляю; а имъ подводы и провозатныя и платя имъ даю, ибо они наги выходятъ и уже 30 человекъ выручилъ и отправилъ“¹⁾.

Станица, отправленная съ Яика съ вѣстями о пожарѣ въ городѣ и съ просьбою дать жалованья, свинець и порохъ казакамъ, которые должны быть командированы въ Астрахань, прибыла въ Москву въ средній апрѣля.

Здѣсь Рукавишниковъ, узнавъ о пожарѣ и объ нарядѣ казаковъ на Терекъ, подалъ 17 апрѣля челобитную, въ которой, излагая о полученіи въ прошломъ году войскомъ „для военнаго промыслу трехъ пушекъ“ и пороха, ядеръ и свинца, а также и трехъ знаменъ, говоритъ, что двѣ пушки при ученьи разорвало, а знамена отдавы въ походъ войску 500 человекамъ для службы на рѣкѣ Черемшѣ „для обережи тамошней Украины отъ набѣговъ военныхъ людей каракалпаковъ и киргизъ-кайсаковъ“, а потому онъ, Рукавишниковъ, приславъ отъ войска битъ челомъ въ Москву объ окладномъ жалованьи и объ пушкахъ и свинцѣ и порохѣ.

„А вынѣ,—писалъ Рукавишниковъ далѣе въ своей челобитной,—состоялся Его Императорскаго Величества вышней указъ, по которому велѣно намъ отправить отъ себя въ службу въ Астрахань 1000 человекъ и оному походному войску надобно для военнаго промыслу въ пути свинець и порохъ, а ради походнаго правленія *флажъ большой, бунчуки, а на курея для обережи*

¹⁾ Такъ-же.

воинскихъ людей за наше малолѣдство пушекъ и ядра, свинець и порохъ и того ради дабы повелено было выдать для помянутого низоваго походу сверхъ окладной дачи свинцу и пороху флагъ и бунчуки на 1000 человекъ а на курени для охраненія воинскихъ людей пушекъ и ядеръ, свинцу и пороху, а подъ жалованье и подъ насъ отъ Москвы до Самары вмѣсто подводъ стругъ со всѣми припасы и прогонные деньги противъ прежней дачи...

Ибо нивѣ на Яикѣ пушекъ и припасовъ и ядеръ, пороху и свинцу имѣютъ малое число и за непостроеніемъ отъ пожара себѣ крѣпости и для того, что Его Императорскаго Величества въ окладное жалованье пушекъ и припасовъ пороху и свинцу четыре года не получали и имѣютъ въ ономъ крайнюю скудость о поступкѣ противъ неприятеля¹⁾.

На эту челобитную послѣдовала резолюція только 17 мая. На поляхъ челобитной подъ этимъ числомъ рукою оберъ-секретаря Военной Коллегіи Волкова сдѣлана надпись: „О пушкахъ указы учиненъ будетъ впредь а порохъ и свинець дается имъ въ вынѣшнемъ походѣ“²⁾.

Такимъ образомъ казаки снова оставались неудовлетворенными, безъ свинца и пороха, между тѣмъ стычки съ киргизами происходили безпрерывно. Не освободили ихъ и отъ тяжелаго наряда ввиду пожара, бывшаго въ городкѣ. Нарядъ тысячи человекъ нужно было выполнить.

Между тѣмъ наступалъ конецъ марта, въ поляхъ зазеленѣла трава и пора было уже выступить походному войску въ Астрахань. Какъ быть? Не послать наряда опасно, послать трудно и почти невозможно. Разоренные пожаромъ казаки не были въ силахъ дать должную наемку выступающимъ на службу.

Къ этому присоединились еще и внутрєннїя смуты. Партія Мирнова дѣлала все возможное, чтобы выручить Карташева и очернить Рукавишанкова. Самъ Мирновъ до сихъ поръ все еще находился подъ караулемъ и былъ закованъ въ цѣпи.

Въ это время въ казачій городокъ прибылъ казанскаго гарнизона майоръ *Дмитрій Пивцовъ* и Бутырскаго полка сержантъ *Иванъ Калужинъ*. Прибыли они на Яикъ для привода казаковъ къ присягѣ, но по какому случаю была присяга — невѣстно.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, партія Мирнова стала дѣйствовать смѣлѣе. Отъ нихъ лица выступилъ уже извѣстный намъ казакъ *Федоръ Ревка (онъ-же Ревковъ)*. На него еще при разскѣ Кроткова показывалъ Карташевъ, какъ на казака вѣрнаго и благонадежнаго.

Ревка въ присутствїи майора Пивцова и сержанта Калужина вошелъ 30 марта въ станичную избу и сказалъ за собою „императорскаго величества слово и дѣло.“

Войсковой атаманъ Щербаковъ вынужденъ былъ взять его подъ караулъ. Утаить этого было нельзя, — это видѣли и слышали постороннїя войску лица.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, книга 229, листы 283—284.

²⁾ Тамъ-же.

Ревку посадили подъ караулъ и надѣли цѣли, но отправить его въ военную коллегію не рѣшались, видимо, не зная, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

Рѣшили послать станицу съ просьбою объ отиѣвѣ наряда въ Астрахань ввиду „пожарнаго разоренія“.

Для этой цѣли въ первые-же дни апрѣля войско снарядило легкую станицу въ числѣ 13 человекъ съ атаманомъ *Иваномъ Витошновымъ* и есауломъ *Петромъ Кочеровымъ* и отправило ихъ въ Москву. Со станицею отправило и плѣннаго киргиза „владѣнія *Давлета*, киргизскаго хана“, *Паема Козюмбетова* ¹⁾. Станичники прибыли въ Москву въ концѣ апрѣля и 1 мая было приказано имъ выдать за прїездъ, за прогоны и кормовыхъ 547 р. 1 алт. 5 денегъ, „противъ легкихъ станицъ доисскихъ казаковъ“ ²⁾.

Съ прїездомъ станицы *Ивана Витошнова* борьба между *Рукавишниковымъ* и *Карташевымъ* приняла самый непримиримый и озлобленный характеръ. Не имѣя до сихъ поръ успѣха въ своихъ намѣреніяхъ о взятіи подъ караулъ *Рукавишника* и его товарищей, онъ, какъ только узналъ о прибытіи атамана *Витошнова*, немедленно-же возобновилъ свои доносы и требованія о розыскѣ и взятіи подъ стражу *Рукавишника*.

11 мая онъ подалъ челобитную, въ которой представилъ именную роспись всѣмъ казакамъ, какъ станицы *Рукавишника*, такъ и станицы *Витошнова*, которыхъ и просилъ взять подъ караулъ и допросить. Въ то же время онъ обвинялъ *Рукавишника* въ казни уже извѣстныхъ намъ *Елисѣева* и другихъ казаковъ, виновныхъ въ взятіяхъ войску ³⁾. Въ росписи *Карташевъ* называлъ: станичнаго атамана *Федора Рукавишника*, есаула *Ивана Карпова*, *Алексѣя Котельникова*, *Петра Кожевникова*, *Михаила Поликарпова*, бѣглаго драгуна *Андрея Чинарева* (войсковой полячій), недоросла солдатскаго сына *Михайлова*, а какъ зовутъ — *Карташевъ* не помнитъ, *Федора Березина*, *Ивана Васильева Вѣлосова*, *Алексѣя Коновалова* и *Ивана Афанасьева*. При этомъ доносчикъ потребовалъ всѣхъ бывшихъ въ станицѣ съ *Рукавишниковымъ* въ допросамъ и ко отвѣтствованію. Изъ другой станицы названы были *Карташевымъ*: станичный атаманъ *Иванъ Витошновъ*, есаулъ *Петръ Кочеровъ*, *Тимофѣй Лоскутовъ*, *Григорій Фроловъ*, *Григорій Горшковъ*, *Василій Михайловъ*, татаринъ *Тюлѣмбетій*, *Прохоръ Дурмановъ* и *Силъ Дурмановъ*. Въ концѣ именной росписи *Карташева*, передъ подписью за него, какъ неграмотнаго, добавлено, что „онне свидѣтели вѣдаютъ именно какъ оный *Рукавишниковъ* возмущалъ *Щербакова* съ товарищи казнить доносителей *Ива-*

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Правит. Сената, кн. 57, листы 137—138. Фамиліи остальныхъ казаковъ: *Тимофѣй Лоскутовъ*, *Григорій Фроловъ*, *Григорій Яковлевъ Горшковъ*, *Тюлѣмбетъ Ташевъ*, *Силъ Дурмановъ*, *Прохоръ Дурмановъ*, *Василій Михайловъ*, *Иванъ Степановъ*, *Петръ Валхромеевъ*, *Михаилъ Жельзковъ* и *Никифоръ Жельзковъ*. Эти-же казани встрѣчаются и у Курялина и въ другихъ документахъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сен. кн. 57, листы 137—138.

³⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869 г. № 48, Курляндя. Мат. къ Ист. войска.

на Елисеѣва, Афанасія Назарова и старшину Василия Иванова* (Мордвинкина, иначе Мордвинцева) 4).

Рубавишниковъ въ свою очередь, узнавъ о новомъ доносѣ Карташева, подалъ тоже челобитную отъ лица всей своей станицы.

Здѣсь, между прочимъ, онъ говорилъ, что „доносчикъ Карташевъ рязь на насъ подалъ (11 мая 1722 г.) доношеніе, въ которомъ показалъ, будто-бы мы съ единомышленниками своими побили доносителей, а именно: Ивана Елисеѣва, Афанасія Назарова и Василия Мордвинкина, и въ томъ во всемъ поклепалъ ложнымъ своимъ доношеніемъ насъ нижайшихъ напрасно, понеже оныхъ казаковъ казнили по своему казачьему суду всѣмъ войскомъ, какъ судъ надлежитъ, за вины ихъ, а не мы съ единомышленниками своими: какимъ винамъ они были достойны, о томъ атаманъ и старшавы и все войско покажутъ при розыскѣ на Яикѣ.“ Затѣмъ онъ просилъ о томъ-же, о чемъ и 26 февраля „повеже оный доноситель и по перенятъ своимъ доношеніямъ на насъ, рабовъ твоихъ, подвумъ розыскамъ вины никакія не орозвѣлъ“ 2).

Этимъ челобитнымъ суждено было пролежать безъ всякаго движенія почти цѣлый мѣсяць.

Въ это-же приблизительно время почти одновременно съ Витошновымъ прибылъ въ Москву казакъ *Даша Булатовъ*, тотъ самый, который ѣздилъ на Эмбу вмѣстѣ съ атаманомъ Балмашновымъ. Его привезъ съ собою *Тихменевъ*, адъютантъ генералъ-маіора и лейбъ-гвардія маіора *Дмитріева-Мамонова*, который 3 мая подалъ въ военную коллегію доношеніе о дачѣ жалованья Булатову за пріѣздъ въ Москву, какъ яицкому казаку.

Въ свою очередь подалъ доношеніе объ этомъ и Булатовъ.

Въ немъ, говоря о томъ, что онъ въ 1720 году вмѣстѣ съ женою и дѣтьми и съ нѣкоторыми родственниками выѣхалъ на Яикъ къ Яицкому войску и что въ 1721 г. проводилъ атамана Балмашнова въ каракалпацкую землю, Булатовъ просилъ выдать ему за эту службу жалованье; какое выдали казакамъ станицы Балмашнова, а также „быть-бы подъ охраненіемъ Его Императорскаго Величества.“

Въ коллегіи навели справку, сколько было выдано ставницъ Балмашнова; въ списокъ казаковъ, которымъ были выданы деньги, Даша Булатова не было.

19 іюня состоялся по этой справкѣ указъ коллегіи:

„Выѣзшему казаку Дашѣ Булатову быть на Яикѣ въ нашей Императорскаго Величества державѣ и служить въ мѣстѣ съ *Лицкимъ войскомъ* и отъ обидъ его охранять и по обыкновенію тамошнему принимать его и съ нимъ будущиѣхъ вѣстѣ къ прислать, и за службу по нышписанному вашему Императорскаго Величества именному указу выдать денежнаго жалованья противъ дачи легкой ставницы атамана Ивана Балмашнова, рядоваго казака, которые

4) „Фр. В. Вѣд.“ 1869 г. № 48, Курляндъ. Мат. къ Ист. войска.

2) Тамъ-же.

был съ послугою въ прошломъ 1721 году, а именно тридцать три рубля 14-ть алтынъ 4-ре деньги въ штатъ-конторы¹⁾.

Въ концѣ іюля объ этомъ указѣ коллегіей была послана грамота на Янкъ: „Войсковому атаману Ивану Щербакову и всему войску Янцкому“, гдѣ излагалось все то, о чемъ просилъ Булатовъ.

Въ концѣ грамоты говорилось: „И какъ сія наша Императорскаго Величества грамота вами получена будетъ и вы-бъ войсковой атаманъ и все войско Янцкое вышеписанное учинили по сей, вашей, Императорскаго Величества грамотѣ непрѣмѣнно“²⁾.

Такимъ образомъ по этой грамотѣ въ Янцкомъ войскѣ, до сихъ поръ состоявшемъ только изъ русскаихъ и незначительнаго количества татаръ (старинныхъ жителей Янка), было причислено нѣсколько семей калмыковъ, которые и стали служить съ казаками наравнѣ, пользуясь, какъ и они, всѣми представленными войску льготами³⁾.

Между тѣмъ по доводу Карташева и по челобитью Рукавишникава и его товарищей въ іюнѣ состоялось постановленіе Военной Коллегіи произвести розыскъ, который и начался въ коллегіи въ первыхъ числахъ іюня. Самаго розыска, къ сожалѣнію, не имѣется. Изъ дѣла-же, бывшаго у Курявина, изъ напечатаны лишь некоегіе отвѣты казаковъ.

„Вопросные пункты заключались въ слѣдующемъ, — пишетъ Курявинъ — кромѣ вопросовъ, какъ зовутъ, сколько отъ роду лѣтъ, гдѣ родился и проч.

1) Знаетъ-ли казака Карташева?

2) За что приговоренъ былъ Карташевъ къ казни по возвращеніи на Янкъ изъ похода съ графомъ Апраксинимъ?

3) Хотѣлъ-ли бывший атаманъ Григорій Меркульевъ бунтовать, и подсудимый или кто другой были-ли съ Меркульевымъ, и когда хотѣли идти на другую воду?

4) Называлъ-ли Рукавишниковъ поручика Кроткова чертомъ и мошенникомъ, и требовалъ-ли каздалы сковать съ солдатами?

5) Для чего не хотѣли слушать указовъ изъ Астрахани и не пустили майора Воейкова на Янкъ?

6) Говорилъ-ли Рукавишниковъ въ кругу, и для чего, пойдеть бить челомъ Государю, чтобъ розыску не быть и что Государь не промѣняетъ его на лучшаго генерала?

7) Выходили-ли казаки на встрѣчу Воейкову съ ружьями, пиками и бунчуками, какъ противъ непріятеля, и былъ-ли допрашиваемый въ числѣ ихъ?

8) За что казненъ былъ атаманомъ Щербаковымъ безъ указа доводитель

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, свѣд. 229, листъ 134. Грамота къ Янцк. войску отъ 1722 г. іюни 28.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ О приверженіи калмыкъ къ казаки имѣются кромѣ того указанія въ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 22, листъ 289 въ книгѣ переписки Захарова.

казакъ Иванъ Елисеѣвъ, сказавшій за собою слово, и былъ ли допрашиваемый въ этомъ согласіи?

9) Гдѣ находится дѣло по доносу Елисеѣва, запечатанное въ Казани въ пакетъ, и для чего не отвезено оно въ Астрахань?

10) Не было ли надъ Рукавишниковымъ розыску, когда и за что онъ былъ сосланъ въ каторгу и по какому указу освобожденъ? Другіе вопросные пункты, уже намъ извѣстные, которые были предложены Меркульеву и прочимъ въ Казани еще въ 1718 году, по доносу Карташева на него съ соувѣнниками, касались дѣяствій Меркульева.

На вопросъ о мѣстѣ родины, *Рукавишниковъ* (45 лѣтъ отъ роду) отвѣчалъ, что родился онъ въ Москвѣ, отецъ его былъ конюхомъ въ домѣ патриарха, а онъ остался послѣ отца въ малолѣтствѣ и пришелъ на Яикъ назадъ тому 19 лѣтъ; въ казаки приверстанъ назадъ тому 17 лѣтъ; казака Карташева не зналъ потому, что онъ ходилъ по службамъ рядовымъ казакомъ, а слышалъ объ этомъ отъ войска: въ кругу на приговорѣ Карташева въ казань не былъ, а слышалъ объ этомъ отъ казаковъ, такъ какъ о томъ неслась у нихъ молва; противъ Меркульева ничего объ измѣнѣ не знаетъ и искать другой воды умислу въ войсковомъ кругу не бывало и ни отъ кого ничего не слыхалъ; поручика Кустова чертомъ и мошенникомъ не называлъ, желѣзовъ не прашивалъ и ковать его съ солдатами не веливалъ; во время пріѣзда маіора Воейкова на Яикъ былъ въ Петербургѣ съ челобѣтемъ отъ войска и ничего про то не знаетъ; въ кругу, что побѣдѣть битъ челомъ въ Государю и что Государь не промѣняетъ его на лучшаго генерала, не говаривалъ; о казни донощика Елисеѣва слышалъ только по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга, а за что была казнь—вѣдаетъ атаманъ Щербаковъ и все войско; гдѣ запечатанное въ Казани дѣло, по доносу Елисеѣва и зачѣмъ не отвезено оно въ Астрахань—объ этомъ ничего не знаетъ, потому что былъ въ то время въ Петербургѣ; никакого розыску надъ нимъ не было и въ каторгу смилосердіемъ не былъ, въ чемъ шлется на все Яицкое войско; что будто царское Величество изъ своихъ устъ приказало опять принимать (на Яикъ) людей всякихъ чиновъ, не говаривалъ; съ Яику уходовъ никакихъ челобитчиковъ и донощиковъ не знаетъ и возмутительныхъ словъ будто канцлеръ Гавриилъ Ивановичъ Головкинъ приказалъ Яицкому войску не объявлять, кто скажетъ за собою цареву слово или дѣло, а казнить такихъ самихъ, не говаривалъ же и ни отъ кого не слыхалъ. При этомъ Рукавишниковъ присовокупилъ, что двое изъ казаковъ его станицы Михаило Поляковъ и Иванъ Афонасьевъ посланы на Яикъ, а недоросля, солдатскаго сына, съ нимъ не было и онъ такого не знаетъ.

Карташевъ на очной ставкѣ уличалъ Рукавишниковъ, что въ казакахъ онъ только 9 лѣтъ, а прежде сего былъ посланъ по грамотѣ изъ Казанскаго приказа на переводеніе въ Азовъ, откуда въ томъ же году бѣжалъ на Смаранъ,

гдѣ бугонистры и посадскіе люди *Федоръ Жеребицовъ*, *Иванъ Чунинъ* и другіе, увидавъ о томъ, поймали его и отослали къ *Кучковскому* коменданту, который, сковавши его, прислалъ въ Москву въ Казанскій приказъ, а что учинено ему за тотъ побѣгъ, о томъ *Карташевъ* не знаетъ; что когда приговаривали *Карташева* въ войсковомъ кругу къ смерти, то *Рукавишниковъ* тутъ былъ-же: что о неслушаніи указовъ и противодѣйствіи майору *Воейкову* онъ, *Рукавишниковъ*, приказывалъ, въ чемъ ссылается на бывшаго въ то время войсковымъ атаманомъ *Федора Арапова*, который такой ихъ совѣтъ не принялъ и былъ за это смѣненъ *Рукавишниковымъ* и единоишленниками, а вмѣсто него избранъ *Иванъ Щербаковъ*, который и донынѣ атаманомъ; что старшинамъ, которые служатъ давно и вѣрно на Янкѣ Его Императорскому Величеству, въ томъ числѣ и бывшему атаману *Матвѣю Мионову*, и которые удерживали *Рукавишника*, онъ грозилъ смертною казнью и они, убоявшись, прикладывали руки къ порожнимъ столбцамъ, чтобы майора *Воейкова* не пустить и убить до смерти, а *Матвѣй Мионовъ* взять съ своего двора въ третьемъ часу ночи по приговору *Рукавишника* и скованъ; — что доносивъ *Иванъ Елисеѣвъ* казненъ именно по наущенію *Рукавишника* чрезъ письмо его изъ Петербурга и словесный приказъ атаману *Щербакову* съ казаками *Савельемъ Рекуновымъ*, *Петромъ Кожевниковымъ*, *Акимомъ Щербаковымъ* и съ *Савельемъ Вязиловымъ*, такъ-что какъ только эти казаки пріѣхали на Янкъ, въ февралѣ 1721 года, то на другой же день и былъ казненъ *Елисеѣвъ*, а той казни претилъ многожды *Никита Трифоновъ Бородинъ*, чтобы его *Елисеѣва* не казнять, да и тѣ казаки, которые его возили, *Мусатовъ* и *Старченковъ*, говорили: ежели его, *Елисеѣва*, казнить, тобъ и ихъ казнить, повеже-де за *Елисеѣвымъ* есть государево дѣло; — что таковой-же дощикъ, казакъ *Афонасій Назаровъ*, по его же наущенію казненъ съ *Елисеѣвымъ* въ одномъ числѣ за то, что доносилъ о измѣнѣ *Рукавишника* съ единоишленниками; что по его же письму изъ Петербурга скованы были старшина *Василій Ивановъ Мордвинкинъ*, *Иванъ Федоровъ* и *Василій Прятковъ*, и какъ только прибылъ *Рукавишниковъ* изъ Петербурга на Янкъ, то старшину *Василія Иванова Мордвинкина* и казнили безвинно по его же совѣту, въ чемъ заирещали старшины *Никита Бородинъ* съ товарищи, а *Иванъ Федоровъ* и *Василій Прятковъ* освобождены съ воспрещеніемъ входа въ войсковой кругъ. Но на всѣ эти улики *Рукавишниковъ* остался при своемъ показаніи и прибавилъ только, что поручикъ *Кустовъ* пріѣзжалъ при немъ на Янкъ и читалъ въ кругу данную ему инструкцію, послѣ чего при *Кустовѣ* же атаманъ *Щербаковъ* съ товарищи, по совѣту всего войска, выбрали его, *Рукавишника*, и при немъ 50 казаковъ и съ пиня каракалпацкихъ двухъ человекъ языковъ послали въ Петербургъ, въ Иностранную Коллегію, съ челобитьемъ, чтобы вѣдала ихъ эта коллегія, а не Астрахань и чтобы для розыску быть на Янкѣ не майору *Воейкову*, а прислать кого изъ Иностранной Коллегіи; — что атаманъ *Араповъ* смѣненъ не имъ, а всѣмъ

войскомъ; что къ рукоприкладству никого не принуждалъ и что Матвѣй Мироновъ былъ взятъ въ кругъ не ночью, а днемъ, по совѣту атамана Щербакова и всего войска, и сковать его велѣли за непристойныя и непотребныя слова, а за какия—про то свидѣмы атаманы и всѣ войсковые люди;—что по прїѣздѣ на Янкъ изъ Петербурга онъ засталъ старшину Василя Мордвинкина, Ивана Федорова и Василя Приткова скованными по челобитью казака Трофима Филиппова Новинскаго, а о чемъ челобитье, то явно на Янкѣ, и по тому дѣлу казненъ Мордвинкинъ по совѣту всего Яицкаго войска и атамана Щербакова, а онъ, Рукавишниковъ, самовольно казнить не величалъ, въ чемъ шлетса на всѣхъ старшинъ и казаковъ.

Другимъ казакамъ, поименованнымъ въ росписи Карташева, кромѣ отсутствовавшихъ изъ Москвы, предложены были тѣ же вопросы, что и Рукавишникову.

Есаулъ Иванъ Карновъ, 47 лѣтъ, еказалса ролившимса на Янкѣ и прїверстанъ въ казаки въ 1696 году при атаманѣ Прокопѣ Семеновѣ; донощца Карташева знаетъ, потому что Карташевъ родился на Янкѣ при немъ; въ приговорѣ къ смертной казни Карташева, за побѣгъ изъ полка и оставленіе знамени, участвовалъ. Противъ Меркульева ничего не показалъ; противъ Рукавишникова также; о томъ, что казаки не пустили къ собѣ майора Воейкова, только слышалъ послѣ, а самъ въ томъ не участвовалъ, быши въ то время въ отлучкаѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, которое анше Саратова, для своей нужды. Сказалъ-ли донощикъ, Иванъ Елисѣевъ, за собою слово въ измѣнѣ яицкихъ казаковъ, о томъ Карновъ не знаетъ за отлучкою въ калмыцкую орду для торгу, а по возвращеніи оттуда нашель Елисѣева подъ карауломъ и атаманъ Щербаковъ, по совѣту всего войска и по вопросамъ, по своему казацкому обыкновенію собравса въ кругъ, казнили его, разстрѣляли въ пищала за то, что онъ, Елисѣевъ, называлъ Григорія Меркульева и все Яицкое войско измѣнниками; и про то, по ихъ обыкновенію, о измѣнѣ слысывано и ничего по правдамъ измѣны никакой не слысалося, и о томъ есть въ войсковой-де избѣ записка.

И онъ, Карновъ, тогда былъ есауломъ и по приказу атаманскому и всего войска ружье для разстрѣливанія онаго Елисѣева зарядалъ и, заряды, отдалъ татаряву, а какъ того татаряна зовуть, того сказать не упомянуть, а Федора Рукавишникова въ то число не было, а былъ въ Петербургѣ. О дѣлѣ по доносу Елисѣева ничего не знаетъ. Рукавишниковъ ни въ какомъ подозрѣніи, въ розыскѣ и въ каторгу сосланъ не бывалъ.

Казаки: *Алексѣй Котельниковъ* (60 лѣтъ, родился на Янкѣ, въ казачи прїверстанъ въ 1682 году при атаманѣ Прокопѣ Семеновѣ, былъ въ полону въ разныхъ ордахъ около тридцати лѣтъ и вышелъ изъ полону въ 1714 году).—*Петръ Кожесниковъ* (38 лѣтъ, родился въ Галицкомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Федора Алексѣевича Голицина, отецъ былъ въ той вотчинѣ оброчный бобыль; прїшелъ на Янкъ и прїверстанъ въ казаки въ

1703 году атаманомъ Федоромъ Петровымъ Семенниковымъ), — Федоръ Березинъ (50 лѣтъ, родился въ башкирахъ отъ природнаго башкирца и завоевавъ янцзини казаками, въ казаки приверстанъ въ 1699 году при атаманѣ Осипѣ Васильевомъ Вѣлюсовѣ) и Андрей Яковлевъ Чинаревъ, (по словамъ Карташева бывшій драгунъ, 27 лѣтъ, родился въ Самарѣ отъ подъячаго, на Яикъ пришелъ въ 1706 году, при атаманѣ Матвѣѣ Мионовѣ): — показала то-же, что и Карповъ, при чемъ Березинъ сказалъ, что во время прѣзда Воейкова на Яикъ былъ въ калмыцкой ордѣ, а во время казни Елисеѣва — въ Казани и на Уфѣ за торговымъ промысломъ; Чинаревъ — что былъ для этого-же съ Карповымъ въ Воскресенскомъ селѣ, а въ казнь Елисеѣва — въ калмыцкой ордѣ, и въ драгунахъ никогда не бывалъ. Что Чинаревъ былъ сынъ подъячаго, такъ это видно изъ его письма въ дѣлѣ, нѣсколько разъ встрѣчающагося; такой превосходной для того времени руки ни разу не встрѣчается ни въ подлинныхъ постановленіяхъ, ни въ другихъ бумагахъ, писавшихся въ самой Государственной Военной Коллегіи.

Казакъ Алексѣй Акимовъ Коноваловъ, звавшій Карташева съ дѣтства, сказалъ, что о предложенныхъ ему извѣстныхъ уже намъ вопросовъ пунктахъ онъ ничего не знаетъ, потому что былъ въ то время въ свѣянскъ походахъ съ того года какъ взяты Шлюссельбургъ (Шлюссельбургъ взятъ въ 1702 г. ¹). Онъ показалъ себя 47 лѣтъ, изъ природныхъ башкиръ и еще въ малолѣтствѣ былъ завоеванъ казаками, а приверстанъ въ службу при атаманѣ Осипѣ Вѣлюсовѣ.

Станичный атаманъ Иванъ Витошновъ, 37 лѣтъ, родился на Яикѣ, отецъ изъ пришлыхъ, но откуда — не знаетъ; приверстанъ въ казаки около 1702 г. при атаманѣ Осипѣ Вѣлюсовѣ; сказалъ, что о вышесказанномъ ничего не вѣдаетъ; а Рукавишниковъ въ подозрѣніи и розыскѣ не бывалъ и въ каторгу не сосланъ.

Станичный есаулъ Петръ Кочеровъ, 36 лѣтъ, отецъ пришлый съ Самары дворцоваго села Рождественскаго, а онъ родился на Яикѣ и приверстанъ въ казаки одиннадцать лѣтъ, при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ, сказалъ то же слово, что и Витошновъ.

Казаки: Тимофѣй Лоскутовъ (40 лѣтъ, отецъ пришлый изъ гор. Орла, а какого чину — не знаетъ и вынѣ отецъ на Яикѣ отъ кавачей службы отставленъ, а онъ приверстанъ въ службу одновременно съ Витошновымъ — при Вѣлюсовѣ), Григорій Фроловъ (36 лѣтъ, отецъ пришлый съ русскихъ городовъ, а откуда — не знаетъ, ибо остался послѣ отда въ малолѣтствѣ), Григорій Яковлевъ Горшковъ (тѣхъ-же лѣтъ, отецъ изъ пришлыхъ, но откуда — не знаетъ); Василій Михайловъ (34 лѣтъ, отецъ пришлый съ г. Самары, а какого чину — не вѣдаетъ), татаринъ Тюлюмбетей Таѣсовъ (сколько лѣтъ — не объяснено, отецъ изъ пришлыхъ съ Крыма, а онъ при-

¹) Откуда видно, что Коноваловъ былъ бескомѣнно на службѣ 19 лѣтъ.

верстанъ въ казаки назадъ тому *шестьдесятъ лѣтъ* при атаманѣ Прокопѣ Семеновѣ); *Силъ Дурмановъ* (55 лѣтъ, пришлый Самарскаго уѣзда въ военнаго вѣдомства вѣдѣнія села Архангельскаго, въ казаки приверстанъ тому лѣтъ 40, при томъ же атаманѣ Семеновѣ) и *Иванъ Васильевъ Бѣлоусовъ* (48 лѣтъ, отецъ Яндѣй уроженецъ, а въ казаки приверстанъ 16 лѣтъ отъ роду при томъ-же атаманѣ Семеновѣ):—всѣ отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ по причинѣ отсутствія во время извѣстныхъ происшествій—кто по звѣринымъ промысламъ, кто по торговлѣ. Казакъ изъ татаръ Тюлюбетей былъ тогда въ Петербургѣ съ Руквишниковымъ, а Иванъ Бѣлоусовъ въ Самарѣ и въ Самарѣ подъ карауломъ у оного майора Воейкова, по доношенію солданаго комисара Василія Иванова въ отвѣтствованіи по солданаго продажѣ¹⁾.

Вотъ все, что извѣстно о допросахъ казаковъ въ Военной Коллегіи. Но и изъ этихъ немногихъ, взятыхъ Курилянимъ на выборку, показаній видно, что всѣ станичники не выдали Руквишникова, и что Руквишниковъ упорно отрицалъ всѣ возводимыя на него преступленія. Отказался онъ и отъ того, что онъ бѣглый съ каторги, при этомъ какъ мы увидимъ далѣе онъ умыленно сочинилъ свою біографію и ложно показалъ свое прежнее мѣсто жительства. Отрекся онъ и отъ послышки писемъ на Янкъ и объ указаніи войску казнить казаковъ Елисѣева, Назарова и Мордянкина. Вслѣдствіи при розыскѣ полковника Захарова въ 1723 г. онъ подъ пытками залечиваго мастера повинился во всѣхъ своихъ винахъ, сознался и въ томъ что бѣжалъ изъ каторги. Это ложное показаніе послужило впоследствии для Захарова однимъ лучшимъ обвинительнымъ пунктомъ для обвиненія Руквишникова въ измѣнѣ и бунтѣ.

Къ этому-же времени прибылъ въ Москву вызванный къ допросу и сибираскій комендантъ майоръ *Воейковъ*. Перваго іюня съ него взята подписка о невѣздѣ изъ Москвы.

1723 года іюня въ 1 день, говорилось въ подпискѣ, въ Государственной военной коллегіи казанскаго гарнизона майору Гаврилѣ Михайлову сину Воейкову Его Императорскаго Величества указъ въ томъ сказанъ, что ему безъ указа изъ оной Коллегіи никуда съ Москвы не съѣхать и по вся дню во оной Коллегіи являться; а буде онъ безъ указа Военной Коллегіи куда съѣдетъ, и за то ему учинить указъ по военному артикулу, чего онъ будетъ достоинъ; а стоять онъ на своемъ дворѣ подъ Двѣичьемъ монастыремъ, въ Славинской слободѣ, въ приходѣ церкви Саввы освященнаго²⁾.

Лишь только 9 іюня, послѣ того, какъ были допрошены казаки, стали допрашивать въ Коллегіи и Воейкова „онъ, пишетъ Курилянь, ни въ чемъ почти не сознавался противъ челобитныхъ и отвѣчалъ вообще основательно,

¹⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869 г. № 48, 49 и 50. Курилянь. Матер. къ Истор. Урал. войска.

²⁾ Тамъ-же № 50.

по пунктамъ обвиненій, такъ что прицѣпиться къ нему было нельзя. Наконецъ, послѣ допросовъ и передопросовъ, показанія 27 июля были объявлены Рукавишникову и онъ, по выслушаніи всѣхъ пунктовъ, сказалъ, что такъ какъ Воейковъ во всемъ заперся „и нигдѣ его уличить ему, Рукавишникову, нечѣмъ, потому, что онъ въ ту бытность Воейкова въ Сызрани и на Яикѣ находился въ Петербургѣ, а будетъ его, Воейкова, во всякомъ разореніи уличать его бывший станичный атаманъ Степанъ Сумкинъ съ товарищами, а кто товарищи, про то Сумкинъ скажетъ“¹⁾.

Этимъ и окончилось участіе майора Воейкова въ розыскѣ по доносу казака Карташева. Справедливость требуетъ сказать, что, оказавшись совершенно бесполезнымъ въ дѣлѣ розыска на Яикѣ по слабости и нерѣшительности своего характера и по крайней медленности въ дѣйствіяхъ, Воейковъ безъ сомнѣнія былъ не корыстенъ, ибо, въ противномъ случаѣ, озлобленные казаки никакъ не преминули бы воспользоваться матеріаломъ для новыхъ обвиненій, между тѣмъ они лично его не обвинили ни въ одной взяткѣ съ нихъ.

Воейкова болѣе не допрашивала. Онъ 16 октября былъ отправленъ къ мѣсту службы въ Сызрань „для сыску и искорененія воровъ и разбойниковъ“, т. е. онъ просилъ „дабы по одному яицкому дѣлу за его тяжелыми равами и болѣзнями его уволить, понеже ни чѣмъ не корыстенъ“.

Между тѣмъ на Яикѣ атаманъ Щербаковъ, продержавъ цѣлый мѣсяцъ подъ карауломъ Федора Ревка, рѣшилъ наконецъ отправить его въ военную коллегію.

Была выбрана станица: атаманомъ *Степанъ Васильевъ*, есауломъ *Матвей Гордеевъ* и еще два рядовыхъ, которые вмѣстѣ съ Ревкою выѣхали 7 мая въ Самару, а оттуда на лодкѣ въ Казань.

Вмѣстѣ съ ними войско послало отписку на имя князя Меншикова. Въ отпискѣ говорилось: „Всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго Императора и самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества, Государя всемилостивѣйшаго, свѣтлѣйшаго Римскаго и Россійскаго государствъ князю, Его Императорскаго Величества верховному и тайному дѣйствительному совѣтнику генераль-фельд-маршалу и кавалеру и государственной военной коллегіи президенту, Александру Даниловичу съ товарищи, наполниа рѣки Яику яицкіе атаман-казаки: атаманъ Иванъ Щербаковъ и все Яицкое войско челомъ бѣемъ. Въ янвѣрнѣ 722 году марта въ 30 день нашъ яицкій казакъ Федоръ Федоровъ снѣвъ Ревко пришедъ въ станичную избу сказалъ за собою Императорскаго Величества слово и дѣло, при бытности казацкаго гарнизона Захарова полку майоръ Дмитривъ Ивановъ снѣвъ Пѣвцовъ, который приводилъ къ присягѣ, да при солдатѣ бутырскаго полка Иванъ Калугинъ, который подалъ Его Императорскаго Величества грамоту посильную о присягѣ и ми Яицкіе казаки слыше отъ оваго казака Федора Ревко Императорскаго Величества

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 48, Кур. Мат. изъ ист. Ур. войскъ, а также дѣло Моск. Арх. Гл. Шт., опись 89, св. 3, дѣло №1225, листъ 16. Слѣдственное дѣло надъ майоромъ Воейковымъ.

слово и дѣло, взявъ его и посадили на цѣпи и держали подъ крѣпким карауломъ, и выбравъ своихъ казаковъ станичнаго атамана Степана Васильева, да есаула Матвѣя Гордѣева, да рядовыхъ двухъ человекъ и послали въ Государственную военную коллегію и велѣли станичному атаману Степану Васильеву, да есаулу Матвѣю Гордѣеву съ товарищи, всего четырьмя человекъ, явится и отанску подать и помянутаго казака Федора Ревкова объявить въ Государственной военной коллегіи свѣтлѣйшему Римскаго и Россійскаго государствъ князю, Его Императорскаго Величества верховному и тайному дѣйствительному совѣтнику, генералъ-фельдмаршалу и кавалеру и государственной военной коллегіи президенту Александру Даниловичу Меньшикову, съ товарищи“¹⁾.

Въ концѣ мая станица прибыла въ Казань, гдѣ Ревко былъ задержанъ и 4 іюня былъ опрошенъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ разсказалъ уже извѣстную намъ исторію доноса казака Ивана Елисѣева объ томъ, какъ Елисѣевъ сказалъ за собою государево слово и былъ отправленъ въ Казань и какъ при отправленіи въ Астрахань его привезли въ Яцкій городокъ къ войсковому атаману.

И тотъ атаманъ Щербаковъ, — говорилъ Ревка, — велѣлъ его, казака Елисѣева, казнить, и по тому его приказу казаки Елисѣева застрѣлили изъ ружья; да и другого казака-жъ, Афовася Назарова, который доносилъ на нихъ въ бѣглыхъ солдатахъ и въ другихъ дѣлахъ, въ тожъ время вытащили, и за тотъ доносъ застрѣлили-жъ и вырвавъ одну яму зарыли обокъ. А какое онъ, Елисѣевъ, слово и дѣло сказывалъ о томъ я не вѣдаю: о томъ спросить помянутаго атамана Щербакова и посланныхъ казаковъ Мусатова и Старцева и другихъ, которые при томъ были; и тѣ отправленные отъ губернатора Салтыкова въ Астрахань къ губернатору-жъ письма для подлиннаго свидетельства приказать взять къ дѣлу. Такожъ изъ того-жъ ихъ городка продадутъ мужеска и женска полу люди безвѣстно, а нынѣ вышелъ изъ полу изъ Хивы казакъ *Иванъ Кулага* и сказывалъ въ станичной избѣ при войскѣ, что онъ Кулагинъ видѣлъ въ полу изъ Хивы того-же городка Янку двухъ дѣвокъ, а продали ихъ казаки *Никита Зѣвакинъ*, *Федоръ Силишинъ*. И по той его Кулагина сказкѣ оны Зѣвакинъ и Силишинъ державы были за карауломъ и изъ за караулу слобожены безъ указа и безъ наказанія, въ которой продаждѣ на помянутаго Силишина бьетъ челомъ тое дѣвки мать я братъ родины. И атаманъ Щербаковъ суда никакого не чинилъ. Тако-жъ стараго атамана Матвѣя Миронова держитъ онъ Щербаковъ въ тюрьмѣ третій годъ, а за что, того никто не вѣдаю; и я видя такія напрасныя смертныя убійства и другія вышесказанныя причины для того и за собою сказалъ слово и дѣло Его Императорскаго Величества. А больше того извѣданы и бугату ничего ни за кѣмъ не вѣдаю“²⁾.

¹⁾ Ур. В. В. 1869 г. № 51, Куринск. Мат. къ ист. Ур. воиска.

²⁾ Тамъ-же.

Какъ мы видимъ, новаго въ этомъ доносѣ почти ничего не было, кромя продажи женщинъ въ Хиву. Но едва ли возможно допустить что либо подобное со стороны казаковъ. Къ сожалѣнiю, правильность доноса провѣрять невозможно, т. е. ни слѣдственнаго дѣла, ни экстракта изъ него не найдено.

Дѣло по этому доносу, какъ и по всѣмъ остальнымъ доносамъ, вѣроятно, пошло бы своимъ шаблоннымъ путемъ, тихо и не спѣша, и къ дѣлу Карташева прибавило-бы лишь только бумажную волокиту и лишняго свидѣтеля, но въ это время въ г. Казань прѣхалъ царь Петръ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы съ 15000 войска въ Астрахань для похода въ Персiю; войска были размѣщены въ 300 судахъ; самъ царь съ императрицею Екатериною ѣхалъ на великолѣпной 40 весельной галерѣ.

Во время этого пути царь заѣхалъ въ вотчину князя Меншикова въ *Новопречистенскую слободу*, гдѣ получалъ изъ военной коллегiи донесенiе о томъ, что Яицкое войско оказалось ослушно и тысячи требуемыхъ отъ нихъ казаковъ не дало. Выслушавъ причины отказа, Петръ приказалъ написать въ войско грамоту о высылкѣ всего 700 человекъ.

Но, получавъ грамоту, казаки „такого числа въ тотъ походъ не отправимъ, отговариваясь пожарнымъ разоренiемъ“¹⁾.

Въ началѣ iюня Петръ былъ въ Казани. Здѣсь ему подали челобитную находившіеся въ тюрьмѣ иноземцы *Кришполромменъ* съ товарищи, въ которой написали, что они „неправедно, жестоко“ были осуждены и сидятъ подъ арестомъ третiй годъ, и чтобы ихъ изъ подъ ареста освободить. Въ то же время царю былъ „объявленъ яицкiй казакъ Федоръ Ревка“²⁾. Надо думать, что при этомъ объявленiи Ревка не упустилъ случая представить Петру дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и по возможности очернить Рукавишниковъ и его товарищей. Петръ приказалъ какъ дѣло иноземцевъ, такъ и Ревка немедленно отправить въ военную коллегiю, чтобы о иноземцахъ „была учинена скорая резолюцiя“, а по доносу Ревка „было изслѣдовано и учинено рѣшенiе и что о томъ учинено будетъ о томъ писать впредѣ для вѣдома“³⁾.

Послѣ этого Ревка 6 iюня вмѣстѣ съ допросными его рѣчами и войсковою отпискою на имя князя Меншикова былъ посланъ въ Москву съ лейбъ-гвардiи Семеновскаго полка капитаномъ *Абрамомъ Шамордимымъ*, которому была дава въ военную коллегiю бумага отъ кабинетъ-секретаря *Алексыя Макарова*, слѣдовавшаго вмѣстѣ съ Петромъ, о изслѣдованiи этого дѣла.

9 iюня Петръ выѣхалъ изъ Казани на Саратовъ. Этотъ путь былъ не лѣгокъ вслѣдствiе многихъ остановокъ отъ южныхъ вѣтровъ и массы комаровъ и потому флотилiя прибыла къ Саратову только къ 20 iюня.

Въ Саратовѣ, пашеть А. Матвѣевъ въ своей статьѣ „Калмыцкiй ханъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, связка 120/122, дѣло № 2. Листы въ дѣлѣ не пронумерованы.

²⁾ „Ур. В. Вѣд.“ 1869 г. № 51. Курляндск. „Мат. къ ист. Ур. войска“.

³⁾ Тамъ-же.

Аюба¹⁾, была назначена остановка всей эскадры для свиданія царя Петра съ прибывшимъ въ Саратовъ ханомъ Аюкою, который тогда кочевалъ около Саратова на восточномъ берегу Волги. На другой день прибытія царя съ супругою, 21 іюня, ханъ былъ приглашенъ къ обѣду на императорской галерѣ. Она была для этого возможно ближе подведена къ берегу и сдѣланъ сходъ съ нея на землю. Ханъ Аюка прибылъ сюда верхомъ на лошади, въ сопровожденіи двухъ сыновей и многихъ офицеровъ и вельможъ своихъ, ѣхавшихъ также верхами на богато украшенныхъ лошадяхъ. Въ 60 футахъ отъ берега ханъ сошелъ съ лошади и встрѣченъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и гвардейскимъ офицеромъ. Увидя его приближеніе, императоръ сошелъ съ галеры на землю, поздравилъ его съ прибытіемъ, взялъ за руку, помель въ галеру и представилъ императрицѣ. Она сѣдла на верхнемъ помостѣ галеры подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Вскорѣ по прибытіи хана прибыла на берегъ и ханша въ закрытой коляскѣ, съ своей дочерью и двумя калмычскими господами, сопровождаемая, по выраженію Воля, „стаею всадниковъ“. Императоръ тоже встрѣтилъ ее у галеры и представилъ императрицѣ. Хану Аюкѣ было тогда около 80 лѣтъ, но онъ былъ крѣпокъ и веселаго нрава. Онъ отличался смѣлостью, благоразуміемъ, откровенностью и честностью. Его всѣ любили и почитали. Даже самъ богдыханъ, когда Вель былъ въ Китаѣ, спрашивалъ о немъ и отзывался съ великою похвалою. Ханшѣ было около 50 лѣтъ, видъ она имѣла „благопристойный“ и кроткій. Всѣ прибывшія съ нею калмычки были молоды. Ханская дочь имѣла цвѣтъ лица очень „изрядный“, а волосы были такъ, какъ агаты. Они у нея были связаны назадъ и лежали по плечамъ. У калмыковъ она почиталась красавицей. И мать и дочь были одѣты въ долгия платья изъ дорогой персидской матеріи и въ круглыхъ опущенныхъ соболями шапкахъ. Царь предложилъ Аюкѣ дать 10000 калмыковъ, для персидскаго похода. Аюка отвѣчалъ, что они готовы уже — и указъ царя будетъ немедленно исполненъ, но совѣтовалъ взять для похода (какъ знавшій положеніе дѣлъ) лишь половину этого числа, говоря: для этого похода и половины достаточно будетъ. И онъ тотчасъ же отдалъ приказъ, чтобы 5000 человекъ калмыкъ присоединились къ калмыч. войскамъ въ Теряхъ. Императоръ и императрица остались очень довольны своими гостями и, отпуская, уже вечеромъ, щедро одарили ихъ. Ханшѣ императрица пожаловала золотыя часы съ ренетіцею, османяныя алмазаны, и нѣсколько кусковъ парчи и дорогихъ матерій. Прощаясь съ царемъ и царицею, ханъ Аюка обливался радостными слезами: „Теперь, говорилъ онъ, охотно я умру, ибо удостоился у великаго императора столь любезнаго его разговора“.

22 іюня флотилія двинулась далѣе и плыла по Волгѣ „благополучнымъ

1) Труды Саратовской ученой архивной комиссіи, выд. 25, 1900 г. Эта записка взята изъ книги „Возле путешествія черезъ Россію въ разныя Азіатскія земли“. Пер. Попова, изд. Алашкинъ. 1776 г. Слб. и изъ другихъ источниковъ.

вѣтромъ⁴, хотя тоже много было беспокоившихъ, особенно ночами, комаровъ.

23 іюня—флотъ прибылъ въ Камышинъ (тогда онъ именовался Камышенкой), гдѣ стоялъ день, 28 числа—въ Царыцынѣ, а 4 іюля прибылъ въ Астрахань, гдѣ въ то время стояли необычайные жары⁵.

Въ то время, когда царь вѣхалъ изъ Москвы, на Яикѣ произошла вѣкоторыя событія. Старый войсковой атаманъ Щербаковъ былъ смѣненъ и вмѣсто него войско выбрало новаго атамана, принадлежавшаго тоже къ партиі Руквишникава, старшину *Герасима Погодаева*. Что послужило поводомъ для смѣны Щербакова, прослужившаго въ своей должности два года—неизвѣстно.

Узнавъ о побѣдѣ Петра по Волгѣ, войско выбрало особую депутацію, въ составъ которой вошли: атаманомъ—извѣстный уже намъ по второй побѣдѣ Руквишникава въ Петербургъ, казакъ *Михаиль Никитинъ Купрениновъ*, есауломъ *Федоръ Леонтьевъ* съ товарищами, всего 15 человекъ¹). Тутъ же, вѣроятно, въ числѣ остальныхъ рядовыхъ казаковъ, согласно преданію, находился я, вышедшій изъ Хивы и надувшій всю орду, казакъ *Тр. М.—чъ Новинскій*, которому Петръ приказалъ называться *Бородинымъ*²).

Для представленія къ Петру казаки вѣхали въ Астрахань, гдѣ я представлялся ему въ числѣ депутацій отъ другихъ народовъ и общинъ.

Здѣсь казаки представляли царю привезенныхъ съ собою съ Яика двухъ плѣнныхъ киргизъ. Были-ли взяты они Щелкинымъ или въ другой схваткѣ—остается невыясненнымъ.

Киргизы были потомъ по приказу состоявшаго при Петрѣ кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова, сланы астраханскому вице-губернатору *Кикину*³).

Вскорѣ послѣ этого войска вмѣстѣ съ Императоромъ выступили изъ Астрахани въ походъ.

Между тѣмъ, томясь въ бездѣйствіи въ Москвѣ и не получая для войска окладнаго жалованья Руквишниковъ съ товарищами 27 іюля подалъ въ Военную Коллегію снова доношеніе, въ которомъ, говоря, что по доносу Карташева ни за нимъ ни за его товарищами никакихъ винъ не озадалось, просилъ объ отпускѣ ихъ „въ дома на Яикъ“ и о выдачѣ жалованья. „По такому его Карташева ложному извѣстию, писалъ Руквишниковъ въ челобитной, держимся мы въ Москвѣ безвинно и, живучи, умираемъ голодною смертію, а домашія наши на Яикѣ волею Вожею всѣ погорѣли безъ остатку, а жены и дѣти наши безъ насъ умираютъ такожь голодною смертію, понеже живутъ на пожарахъ безъ всякаго пріюту и женъ и дѣтей

¹) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листы 76, 80 и 81. Фамиліи остальныхъ казаковъ, крокъ атамана и есаула, неизвѣстны.

²) Объ казакѣ Новинскомъ см. соч. Желѣзнова, изд. 1910 г. Уральцы, кн. 3, рассказъ „Хива“, стр. 76—82 и стр. 488 настоящаго очерка.

³) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 76. Челобитн. атамана Купренинова 1726 г.

своихъ принуждены высылать для прокормленія на принадлежащія города; а которое намъ повелѣно окладное жалованье взять изъ казанскихъ доходовъ, и оное жалованье до сего времени не взято, и въ томъ на Яикѣ имѣють великую нужду“¹⁾). Казаки далѣе просили повелительнаго указа, чтобы ихъ, за превеликимъ разореніемъ, отпустить въ дома до розыску, обзаваясь подписками явиться въ розыску.

Но въ это время дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ. Черезъ три дня послѣ подачи этой челобитной, въ Москву прибылъ, пробывъ въ дорогѣ 54 дня, капитанъ Шамордннъ съ казакомъ Ревкою и съ предписаніемъ отъ статсъ-секретаря Мазарова о разборѣ дѣла въ Военной Коллегіи.

Ревка привели въ Коллегію, гдѣ онъ показалъ, что онъ въ войскѣ пришлый изъ Костромскаго уѣзда, Вольшой-Усоли, половскій сынъ, сошелъ отъ отца своего тому лѣтъ съ двадцать и ходилъ по монастырямъ для прокормленія по разнымъ мѣстамъ и пришелъ на Самару, гдѣ жилъ три года при церквѣхъ за дьячка, а оттуда пришелъ на Яикъ и былъ приписанъ въ казаки при атаманѣ Сѣменниковѣ.

Въ своемъ показаніи онъ повторилъ все то, объ чемъ уже говорилъ въ Казани, прибавивъ лишь, что „года полтора назадъ Федоръ Рукавишниковъ неоднократно въ кругу, при всемъ войскѣ, называлъ казака Трифона Филипова Новинскаго измѣнникомъ, браня всячески и говорилъ: „И ты Царю измѣнникъ, возьму палку и прибую!“ а какаго измѣна, того именно не говорилъ. И оный Новинсковъ покойнаго Ивана Елизьева въ кругу билъ похвномъ смертнымъ боемъ и голову испроломалъ“ и что до сказанія за собою слова и дѣла Ревко намѣренъ былъ ѣхать въ Москву съ доносомъ, но ему воспрепятствовалъ Новинсковъ²⁾.

Курляинъ замѣчаетъ, что Ревка грамотный и владѣлъ рукою весьма боево для того времени.

Послѣ этого допроса его посадили подъ крѣпкій караулъ при Военной Коллегіи съ приказаніемъ держать съ другимъ доносчикомъ, Карташевымъ, „порознь и вмѣстѣ не пущать“, и потребованъ былъ къ допросу Рукавишниковъ³⁾.

Допрошенный по этому извѣту Рукавишниковъ показалъ, что казака Новинскаго онъ знаетъ, потому что Новинсковъ уже многіе годы живетъ на Яикѣ, а въ 1720-мъ г. былъ съ нимъ въ Петербургѣ въ челобитничествѣ и въ томъ-же году, по возвращеніи на Яикъ избранъ былъ отъ всего войска также въ челобитчики въ Казань къ губернатору по розыску дѣла съ доносчикомъ Карташевымъ и бывшимъ атаманомъ Мионовымъ, который говорилъ непристойныя слова,— и дана была отъ войска заручная челобитная: но Новинсковъ, возвратясь изъ Казани, объявилъ ему, что губернатору челобитной

¹⁾ Ур. Войск. Від. 1869 г. № 50. Курляинъ. Мат. къ ист. Ур. в. и тамъ-же 1871 г. № 1.

²⁾ Тамъ-же, № 51.

³⁾ Ур. В. Від. 1869 г. № 51. Курляинъ. Мат. къ ист. Ур. войска.

не подалъ. Объ этомъ Рукавишниковъ сказалъ войсковому атаману Федору Арапову. Араповъ велѣлъ позвать Новинскаго въ кругъ и спрашивалъ его, почему не подана губернатору челобитная. Новинскъ же отвѣтилъ, что отослалъ ее для подачи въ Петербургъ съ казанскимъ солдатомъ и съ дѣтьми именно, не показавъ; и тутъ Рукавишниковъ дѣйствительно говорилъ ему, что этою неподачею челобитной измѣнилъ онъ Его Императорскому Величеству и всему войску; другой-же измѣны и бунту за Новинскимъ онъ не знаетъ ¹⁾.

На этомъ допросы были окончены. Между тѣмъ время шло и объ станицы Рукавишникова и Витошнова праздно сидѣли въ Москвѣ, не зная конца волокитѣ и не получая на войско окладного жалованья.

Рукавишниковъ 17 августа рѣшилъ повторить свою просьбу о выдачѣ войску этого жалованья, за которыми они и прѣехали въ зимовой и легкой станицахъ.

Въ челобитной онъ, между прочимъ, просилъ и объ отпускѣ изъ до розыска на Яикъ въ уваженіи того, что въ бывшемъ на Яикѣ страшномъ пожарѣ они всего лишились и какъ казаки, такъ и жены съ дѣтьми „считаются на пожарницѣ безъ всякаго пріюта и помираютъ голодною смертью“ ²⁾.

Но эта челобитная не была уважена. Станичники остались сидѣть въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ этого 25 августа состоялось постановленіе Военной Коллегіи: „Поручить разслѣдованіе по доносу Ревка тому штабъ-офицеру, который пошлется на Яикъ для розыска по доносу казака Карташева; казку Ревку давать кормовныя деньги, по шести денегъ на день съ присылки его въ Военную Коллегію по день отправленія на Яикъ, въ томъ вниманіи, что по сличеніи его довеса съ дѣломъ является правда, и на томъ же основаніи освободить его изъ оковъ на поруки, посылая съ нимъ по два караульныхъ для отысканія въ Москвѣ поручителей“ ³⁾.

Вскорѣ послѣ этого подалъ и Карташевъ просьбу въ Коллегію объ освобожденіи его изъ оковъ на поруки съ назначеніемъ къ нему караульнаго солдата для его охраненія. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ подалъ новое доношеніе на Рукавишникова „съ его злоумышленіями“ все о томъ же: о противодействіи Воейкову, казани Елисѣева, Назарова и первостатеинаго старшины Мордвинкина. При этомъ Карташевъ объяснилъ, что до станичнаго атамана Витошнова и рядовыхъ казаковъ-станичниковъ, находившихся въ Москвѣ, больше дѣла не касается и онъ за ними больше ничего не вѣдаетъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ просясь на волю, Карташевъ все-же боялся своихъ земляковъ и просилъ для охраны себя солдата, тогда какъ Ревко объ этомъ не хлопоталъ, ибо чувствовалъ себя, видимо, безопаснѣе.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 1. Курляндъ. Матер. къ ист. войска.

³⁾ Тамъ-же. Курляндъ къ этому замѣчаетъ: „въ дѣлѣ нѣтъ подписки поручителей, слѣдовательно онъ ихъ не нашолъ, а къ своимъ землякамъ бесполезно было-бы и обращаться“.

⁴⁾ Тамъ-же.

Но всѣмъ этимъ челобитнымъ и по розыску, произведенному въ Военной Коллегіи, состоялось наконецъ 31 августа окончательное рѣшеніе Коллегіи: „Которые присланы въ зимовой и легкой ставицахъ и нынѣ обрѣтаются въ Москвѣ атаканомъ Ѳеодору Рукавишникову и Ивану Витомшнову съ товарищи, да присланнымъ изъ Преображенскаго приказа казакамъ Ивану Карташеву и Ѳеодору Бахарю, да казаку Ѳеодору Ревку, который присланъ изъ Казани, всего тридцать человекъ, выдать провіанту противъ солдатскихъ дачъ съ сего числа на мѣсяць и впредь по тому же давать, пока они въ Москвѣ будутъ“¹⁾.

Относительно-же розыска военная коллегія, какъ ей было рѣшено и равнѣ, постановила послать на Яикъ особаго штабъ-офицера. О назначеніи этого офицера все время шла переписка между военною коллегіею и сенатомъ. Послѣ того, какъ былъ назначенъ для этого Болтинъ, военная коллегія 5 іюня снова измѣнила свое рѣшеніе и опять назначила для этого полковника Ергольскаго, такъ какъ къ этому времени онъ отъ своихъ прѣимъ дѣлъ освободился, а полковнику Болтину сенатъ приказалъ 11 іюня быть въ сенатѣ оберъ-прокуроромъ впредь до указа.

22 іюня это рѣшеніе было снова отмѣнено и сенатъ приказалъ полковника Ергольскаго оставить при юстицъ-коллегіи совѣтникомъ, гдѣ онъ былъ окончательно „опредѣленъ къ сочиненію Уложенія.“ Вслѣдствіе этого военная коллегія своимъ постановленіемъ отъ 9 іюля рѣшила послать на Яикъ подполковника *Кирилу Сытина*, объ чемъ и допесла въ сенатъ 13 іюля. Но сенатъ съ этимъ постановленіемъ коллегіи не согласился, т. е. Сытину приказомъ сената еще отъ 6 іюля велѣно было быть въ бергъ-коллегіи совѣтникомъ, и Сытина послать не разрѣшилъ. Тогда военная коллегія, считая Сытина въ своемъ вѣдѣніи, 26 іюля постановила: „подполковнику Сытину быть на Яикѣ у розыску попрежнему, а въ сенатѣ отвѣтствовать доношеніемъ, что оному Сытину изъ военной коллегіи отставки и въ сенатѣ къ герольдъ-мейстеру отсылки не было и нынѣ онъ отъ военной коллегіи не свободенъ, понеже опредѣленъ быть на Яикѣ для розыску. А для того розыску наряжены были полковники Ергольскій и Болтинъ, которые по указамъ изъ сената отъ той отсылки отрѣшены, зачѣмъ въ послыскѣ того розыску учинилась остановка, и чтобъ то медленіе не причинилось къ военной коллегіи. А по мнѣнію военной коллегіи у того розыску быть надлежитъ ему Сытину неотмѣнно, а въ бергъ-коллегію въ совѣтника выбрать изъ оной коллегіи наого“²⁾.

Но сенатъ востати не согласился съ мнѣніемъ военной коллегіи и сообщилъ ей 7 сентября, что „подполковника Сытина для розыску на Яикѣ послать

¹⁾ Тамъ-же. Оставшияся тогда въ Москвѣ станичники было на лицо въ зимовой (у Рукавишникова) 16 и въ легкой (у Витомшнова) 11 человекъ, всего 27 человекъ. Изъ станицы Рукавишникова и Витомшнова вернулось къ этому времени на Яикъ шесть человекъ: Михаилъ Полднарковъ, Иванъ Михайловъ, Иванъ Вѣлюсовъ, Иванъ Афонясовъ и станицы Витомшнова: Силь Дурмановъ и Прохоръ Дурмановъ.

²⁾ Моск. Арх. М. Юст. Дѣла Прав. сен. по воен. кол., кн. 9/80, листъ 475.

не надлежать, понеже оный отъ сената, прежде помянутаго военной коллегіей къ тому розыску опредѣленія, опредѣленъ былъ въ бергъ-коллегію совѣтникомъ и нынѣ для того слѣдствія и розыску вмѣсто онаго Сытина послать Казанскаго гарнизона полковника и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитана *Ивана Захарова*, придавъ къ нему изъ военной коллегіи изъ заполошныхъ ¹⁾ майора *Якова Протасова* да Астраханскаго гарнизона капитана *Никиту Коробова* ²⁾.

Это тотъ самый капитанъ Коробовъ, который привезъ изъ Астрахани въ Преображенскій приказъ казаковъ Карташева и Бахара и другихъ колодниковъ. На основаніи этого постановленія 24 сентября въ военной коллегіи было окончательно рѣшено отпривать Захарова и съ нимъ изъ г. Казани двѣ роты драгунъ. Причиной назначенія такого большого конвоя послужила казачья противности.

„Понеже, — говорилось въ постановленіи коллегіи, — отъ яицкихъ казаковъ явились многія противности, а именно: 1-е когда по указу изъ правительств. сената отприванъ былъ на Яикъ, для того розыску майоръ Воейковъ въ пятидесятъ человекъ, тогда его майора на Яикъ не пустили, отговариваясь тѣмъ, что ихъ въ Астраханской губерніи вѣдать не велѣно и будто съ нимъ майоромъ есть ссора; 2-е по посланнымъ къ нимъ изъ воен. кол. указамъ въ нынѣшній низовой походъ тысячи человекъ не отпривили, тако-жъ и посланному къ нимъ изъ воен. кол. прапорщику Савостьянову о томъ походѣ съ грамотою въ кругу говорили съ шумомъ, что-де ихъ подняться не чѣмъ и лошадей и провіанта нѣтъ и, что въ походъ идти не хотятъ пока отъ посланныхъ отъ нихъ къ Москвѣ челобатчиковъ отвѣдь будетъ; 3-е когда его имп. величество во время нынѣшняго низоваго походу, будучи въ вотчинѣ генерала Фельд-маршала его свѣтлости князя Меншикова въ Новопречистевской слободѣ, указалъ противъ ихъ яицкихъ казаковъ челобитья отпривить имъ въ низовой походъ семьсотъ человекъ, и по тому указу такова числа въ тотъ походъ не отпривили-жъ отговариваясь пожарнымъ разореніемъ, и по такимъ противностямъ не-безсумнѣнн о томъ, чтобъ и одному полковнику Захарову не учинил какой противности и ежели они ему воспротивятся и для розыску на Яикъ его не пустятъ и тогда что чинить, военная коллегія прилагаетъ свое мнѣніе: ежели оны, яицкіе казаки, полковника Захарова на Яикъ не пустятъ, то надлежать ему въ такомъ случаѣ идти въ Казань по прежнему и потомъ дать ему однея полкъ драгунской и другой пѣхотный и съ ними идти къ Яику и еже будутъ противиться поступать съ ними какъ съ бунтовщиками ³⁾. Отприваемымъ съ Захаровымъ солдатамъ приказано было брать на Яикѣ провіантъ „у яицкихъ атамановъ и казаковъ съ запискою и съ росписками“.

¹⁾ Сверхъ-штатныхъ, сверхъ-комплектныхъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла правит. сената по воен. колл., кн. 2/320, листы 475—476 и 482.

³⁾ Тамъ-же, листы 479—480 и Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, св. 129/132, дѣло № 2. Похъ оныхъ постановленіяхъ подписались: Александръ Меньшиковъ, Лефортъ, Иванъ Дихаревъ, Сергій Семеновъ и Иванъ Карауловъ.

Такимъ образомъ въ военной коллегіи было рѣшено, что яцкіе казаки могутъ заслушаться и что отъ нихъ можно ждать бунта.

Наряжалъ-же для розыска полковника Захарова Военная Коллегія вѣстила ему въ обязанность разобратъ всѣ тѣ дѣла, которые накопились въ Коллегіи со дня подачи Карташевымъ перлага извѣта на войско въ 1716 г.

Ему приказывалось сдѣлать разсѣдованіе и сдѣлать строгій розыскъ по всѣмъ доношеніямъ Карташева и по отпискамъ на яцкихъ казаковъ отъ майора Воейкова и по всѣмъ челобитьямъ казаковъ на Воейкова и какъ говорилось въ опредѣленіи Коллегіи: „и на прочихъ Казанской и Астраханской губерніи офицеровъ и дворянъ и приказныхъ людей во всякомъ населіи и непорядкахъ и во взяткахъ, также и по доношенію яцкаго жъ казака Федора Ревка въ убивствѣ казака жъ Ивана Елисеѣва, который сказывалъ за собою Его Императорскаго Величества слово и дѣло, и отъ атамана Щербакова и отъ всего войска казеннъ, и въ продажѣ въ Хиву отъ казаковъ Никиты Зѣвакина и Федора Салишнина двухъ дѣвокъ и въ прочемъ, что по тѣмъ доношеніямъ касаетца“.

Для этого Захарову приказывалось взять съ собою на Янкъ: „Карташева скована за карауломъ, и изъ подлинныхъ ехъ доношеній изъ дѣла обстоятельную выписку и какимъ образомъ ему полковнику съ оними офицерами во время того розыску поступать, учиня инструкцію на основаніи прежняго приговора, состоявшагося іюня 30 дня прошлаго 721 года, послать къ полковнику въ Казань съ вышеписанными штабъ и оберъ-офицерами съ указомъ, въ которомъ велѣть, чтобъ онъ, полковникъ Захаровъ, получилъ тое инструкцію вѣдалъ на Янкъ безъ всякаго мотчанія; а для конвою, караулу и посылки дати ему полковнику изъ казанскаго гарнизона изъ драгунскаго полку по прежнему приговору іюня 12 дня сего 722 году [два роты драгунъ; а ежели такого числа за разсылками драгунъ дати будетъ не изъ чего, то дати бы одну роту драгунъ, а вмѣсто другой роты дати изъ пѣхотныхъ полковъ роту-жъ въ полномъ комплектѣ съ надлежащими офицерами, а до кого по тому дѣлу касаетца какое дѣло, а именно изъ губерніи Казанской — казанскаго гарнизона поручика Ивана Иванова сына *Наумова*, унтеръ-офицера *Филиппа Черемисинова*; капитана Дмитрія *Кемецкаго*, поручика Егора *Иванова сына Кроткова*, фискаля *Михаила Путилова* и оныхъ велѣть выслать къ нему, полковнику, въ Казань или на Янкъ безо всякаго продолженія на указанный срокъ по регламенту и о томъ, куда подлежатъ послать въ коллегіи промеморіи, а къ губернаторамъ на Янкъ послушныя указы, а въ правительствующій сенатъ подать доношеніе, черезъ которое требовать, дабы повелѣно было вышеписанному полковнику Захарову для помняутаго розыску дати изъ Казани *одного стараго и пять человекъ молодыхъ подьячихъ и одного заплечнаго мастера съ двумя подмастерьями*, безъ которыхъ ему полковнику того розыску чинять не слѣзъ и не

возможно, ибо въ томъ розискѣ касаются многія важныя дѣла. Также казанскому и астраханскому губернаторамъ подтверждено бы было изъ правительствующаго сената указами, дабы вышеписанные царедворцы и приказные люди, которые по тѣмъ янцкимъ дѣламъ являюща во вяткахъ и въ обдаѣ, высланы были къ нему полковнику къ отвѣтамъ безо всякаго умедленія, чтобъ за невнеслкою онимъ въ томъ розискѣ не учинилось какой оставовки. А что по одному янцкому дѣлу да майора и саранскаго коменданта *Гаврила Воейкова* касаетца и о томъ выписать особо немедленно... Полковника Захарова привести къ присягѣ въ Казани казанскому губернатору, а выше писаннымъ майору Протасову и капитану Коробову присягать въ Военной Коллегіи. А на отправление курьеровъ и на прогоны и на всякіе нужные расходы отправить къ нему полковнику Захарову съ вышеписанными офицерами сто рублей денегъ изъ Военной Коллегіи, а для той послыки выдать Его Императорскаго Величества окладное ихъ жалованье на годъ полковнику Захарову и конвою, и приказнымъ людямъ и прочимъ, которые съ нимъ отправлены будутъ въ Казани изъ тамошнихъ доходовъ. Такожъ и вышеписанныхъ офицеровъ и съ нимъ доносителей и прочихъ янцкихъ станичныхъ атамановъ и казаковъ отправить нынѣ въ Казань безъ всякаго мотчанія, для чего явать или купить имъ судно изъ Крингъ-Комисаріята, а до Казани дать имъ въ конвой напральство солдатъ изъ московскаго гарнизона, которыхъ по прибытіи въ Казань отдать въ тамошній гарнизонъ въ комплектъ, а на ихъ мѣста въ московскій гарнизонъ дать изъ новыхъ рекрутъ, и для того тѣмъ въ конвой отправленнымъ выдать денежное жалованье на заслуженные мѣсяцы сполна, да на дорогу денежнаго жалованья и провіанту выдать на два мѣсяца¹⁾.

Такимъ образомъ въ началѣ октября уже окончательно выяснилось назначеніе на Янкъ „вѣрнаго и праволушнаго государева раба“, давно ожидаемаго Янцкимъ войскомъ.

Распоряженія Коллегіи были сдѣланы до мелочей,—не забыты были даже и палачи—запленный мастеръ съ подмастерьями, необходимыя лица всякаго розиска того времени.

Пятаго октября въ Военной Коллегіи состоялся приводъ къ присягѣ Протасова и Коробова. Привели къ присягѣ и всѣхъ казаковъ, хотя о приводѣ ихъ въ постановленіи Коллегіи не говорилось ни слова.

Клятвенное обѣщаніе принимавшихъ присягу казаковъ очень интересно по своему содержанію:

„Я (яма) общаюсь всемогущемъ Богомъ, предъ святымъ его Евангеліемъ вѣрю, что мнѣ по указу Всепресвѣтлѣйшаго и державнаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссійскаго, Государя нашего всемилостивѣй-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Правит. сената по Воек. Кол., кн. № 2/220, листы 476—478.

шаго, по данной изъ Государственной Военной Коллегіи полковнику и семеновскому лейбъ-гвардіи капитану господину Захарову съ товарищи инструкція въ дѣлѣ, по которое они на Яикѣ отправлять имѣюгъ, поступать со всякою вѣрностію и съ добрымъ послушаніемъ, какъ Его Императорскаго Величества всеподданѣйшему и вѣрному рабу надлежитъ, не чиня ни въ чемъ ни малой противности дѣломъ и словомъ и ниже мыслию, и должнъ вездѣ и во всякихъ случаяхъ интересъ Е. И. В. и государства и остерегать, охранять и извѣщать, что противное услышу, и все вредно отвращать, а о злодѣяхъ объявлять и ихъ сыскивать, не щадя живота своего и все прочее, что къ пользѣ Его Величества и его государства, чинить по доброй христіанской совѣсти безъ обману и лукавства, какъ долженъ отвѣтъ дать въ день судный, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій. Въ заключеніе же*... и т. д. Надобно полагать, что и мулла былъ въ Москвѣ, потому что, какъ сказано, присягалъ и казакъ-татаринъ Тюлюбетъ ¹⁾.

„Росписъ, которые были у присягѣ яцкіе казаки, а именно: октября 5 1722 году,—говоритъ Курляндъ,—показываетъ, что въ числѣ 27 станичниковъ было 5 грамотныхъ казаковъ, которые и расписались за всѣхъ другихъ своихъ товарищей, а въ томъ числѣ и за двухъ атамановъ съ тремя есаулами“, они были не грамотны, какъ и большинство казаковъ и даже войсковые атаманы: Герасимъ Погодаевъ, и бывшій прежде атаманъ Иванъ Щербакъ.

Въ числѣ присягавшихъ значится и казакъ изъ татаръ Тюлюбетъ (за него приложена нѣмѣшная киргизская тамга, или что-то вродѣ тамги, и затѣмъ подписано: „къ сей роспискѣ вмѣсто Тюлюбета, татарина, по ево велѣнію Федоръ Верезинъ (казакъ-ставичникъ) знамя подписалъ“. Арестованнымъ же казакамъ, двоимъ доносчикамъ и Бахарю, присяги дано не было ²⁾.

Между тѣмъ Рукавишниковъ, узнавъ о посылкѣ на Яикъ Захарова съ двумя ротами драгунъ и зная, что они потребуютъ на Яикѣ отъ казаковъ провіанта, того-же 5 октября подалъ вмѣстѣ съ Иваномъ Витовновымъ и со всѣми товарищами челобитье, въ которомъ говорилъ, что въ войскѣ провіанта не имѣется.

„А у насъ на Яикѣ,—говорилось въ челобитной,—приготовленнаго провіанта не бываетъ никакихъ хлѣбовъ не сѣемъ и огороховъ,—живемъ въ дальномъ разстояніи и за хлѣбными припасами ходимъ мы по мѣсяцу и по два съ великимъ трудомъ; а сего-де 722 году волею Божию жилища наши и хлѣбные припасы и всякая рухлядь погорѣло все безъ остатку, отчего имѣемъ крайнюю нужду и такимъ голодомъ и чтобъ отъ помянутого провіанта когда господинъ полковникъ будетъ требовать, для помянутого нашего разоренія отъ того провіанта насъ освободить“ ³⁾.

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 44. Курляндъ. Мат. къ ист. Ур. войск.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сената по Воен. Кол., дѣло 7/200, листъ 432.

Вслѣдствіе этой челобитной 10 октября было сдѣлано распоряженіе, чтобы этот провіантъ дать на всю команду изъ Казани впередъ на 4 мѣсяца, а подъ провіантъ дать отъ Казани до Яика уѣздныя подводы, и впередъ, пока Захаровъ будетъ на розыскѣ, посылать провіантъ этотъ или изъ Самары или изъ Казани, откуда способнѣе по разсмотрѣнію каморъ-коллегіи на уѣздныхъ-же подводахъ, дабы вышесказанные драгуны и солдаты, будучи у того розыску на Яикѣ не претерпѣли нужды; также обрѣтающимся нынѣ въ Москвѣ яицями зимовой и легкой станицъ атаманамъ и казакамъ Федору Михайлову, Ивану Витошнову съ товарищами, которые отправляются на Яикъ, для ихъ пропитанія на дорожный проѣздъ выдать провіанта впередъ на два мѣсяца противъ солдатскихъ дачъ изъ Московскаго магазейна¹⁾.

Девятаго октября полковнику Захарову были написаны всѣ нужныя бумаги о его назначеніи на Яикъ, а также и тайная инструкція маіору Протасову и капитану Коробову:

Инструкція тайная Троицкаго пѣхотнаго полка маіору Якову Протасову да капитану Никитѣ Коробову.

1722 году, октября въ 9-й день, по указу его императорскаго величества и по приговору государственной военной коллегіи велено вамъ дать сію тайную инструкцію, въ которой написать: *первое:* какъ съ Москвы въ путь на судно совсѣмъ уберутца, учредить за суднѣ доброй караулъ: колодежковъ посадить въ особое мѣсто, а особливо доносителя Карташова и не допускать его съ другими ни до какихъ разговоровъ и весьма запретить ему кричать, а буде не станетъ слушатца класть ему въ ротъ кляпъ; такожъ ежели будетъ сказывать за собою слово или дѣло его императорскаго величества и въ томъ ему не вѣрять, понеже онъ не однократно такимъ образомъ затѣвалъ напрасно; *второе:* отправясь изъ Москвы, атаману Рукавишникову и прочимъ всѣмъ казакамъ объявить подъ смертною казнію, чтобы они до пріѣзду ихъ на Яикъ ни о чемъ не писали и на словахъ ни чрезъ кого не приказывали, чего ради пріявчатъ за нимъ на крѣпко, и съ судна кроме крайнихъ нуждъ ихъ не слушать никуда; а когда приставутъ къ городу и что потребно будетъ купить то велѣтъ приносить на судно; *третье:* въ Казань пріѣхавъ всѣхъ развести по разнымъ дворамъ, а особо Федора Рукавишникова понеже на него по разнымъ доношеніямъ многое есть подозрѣніе, да казаковъ же, до которыхъ по доношеніемъ Карташова и прочихъ касается дѣло, а именно: до есаула *Ивана Карпова*, рядовыхъ *Андрея Чинарева*, *Алексѣя Котельникова*, *Алексѣя Коновалова*²⁾, *Федора Березина*, *Петра Кожевенникова*, *Алексѣя Тимофѣева Сапожникова*, *Алексѣя Антипова (Азовскаго)*, *Ежима Иванова*³⁾, *Петра Прокофѣева (Гладова)*, *Прокофѣя Трифоновова (Новинскаго)*, *Ивана Кузмина* обобравъ у нихъ ружье посадить по разнымъ дворамъ и приставить къ нимъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 488.

²⁾ Такого не было, а былъ Алексѣй Акимовъ Коноваловъ.

³⁾ Такого тоже не было.

крѣпкой караулъ, такожь и достальныхъ казаковъ, а именно: атамана *Ивана Витюшинова*, есаула *Петра Кочурова*, рядовыхъ *Ивана Михайлова*, *Ивана Степанова*, *Петра Вахромѣева*, *Михайла Желтѣнова*, *Никифора Желтѣнова*, *Григорья Горшикова*, *Тимофея Лоскутова*, *Василья Осипова*, *Григорья Фролова*, *Степана Сидорова*, *Фрола Корженка*, *Григорья Рузика*, *Семена Коробева*, татарь *Бекеная Тюлембетя* имѣть въ Казанѣ за карауломъ же и чинить объ нихъ такъ какъ полковнику Захарову въ тайно же инструкціи написано ¹⁾.

Того-же числа была составлена тайная инструкція и полковнику Захарову. Она еще болѣе любопытна, чѣмъ предыдущая:

„Инструкція тайная казанскаго Гарнизона полковнику и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану Ивану Захарову съ товарищи.

Сего октября 9 дня по его императорскаго величества указу и по приговору государственной военной коллегіи велено къ тебѣ послать сию тайную инструкцію, написавъ слѣдующимъ образомъ:

1) Когда Мазоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ съ Москвы съ яцкиими казаками въ Казань приѣдутъ, тогда всѣхъ яцкиихъ казаковъ одержать въ Казанѣ, которые скованы, тѣхъ потомужъ скованныхъ же, розседа по разнымъ квартирамъ; а кои съ Москвы отправлены свободны тѣхъ подъ особымъ карауломъ и приставить къ нимъ офцера и приказать никому до нихъ не допускать, и накрепко стеречь, чтобъ они не могли на Янкъ письменно или чрезъ кого словесно дать знать о своемъ состояніи и объ отправленіи для розыску, для чего, ежели съ Янку какіе есть приѣзжіе, потомужъ всѣхъ задержать въ Казанѣ до своего на Янкъ отъѣзду.

2) Когда на Янкъ пойдете, будучи въ пути, имѣть осторожность отъ нападенія караколсаковъ и протчихъ бусурмановъ, такожь и яцкиихъ казаковъ имѣть въ крѣпкомъ береженіи, чтобъ кто съ дороги на Янкъ не ушелъ.

3) Пришедъ къ Янку, вышенаписанныхъ яцкиихъ казаковъ держать въ обозѣ и на Янкъ провезть ихъ тайно, чтобъ никто не выдалъ.

4) Пришедъ на Янкъ, тотъ часъ собравъ атамана и казаковъ отдать имъ грамоту и привести къ присягѣ; про которыхъ по доношенію доносителей касаетца дѣло, побрать за крѣпкой караулъ и слѣдовать по инструкціи немедленно.

5) Ежели по розыску изъ яцкиихъ казаковъ кто приличитца въ замѣтъ и изъ тѣхъ пущихъ завожчиковъ и возмутителей *отправить въ Казань тайнымъ образомъ, заковать въ кандалы, за крѣпкимъ карауломъ и чтобъ они не кричали сложить имъ каждому въ ротъ кляпъ, а на Янкѣ объ отправленіи ихъ не объявлять, пока получена будетъ вѣдомость, что уже они въ Казань*

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 120/122, дѣло № 2, листы не нумерованы. Инструкцію подписали: Александръ Меншиковъ, Лефортъ, Сергѣй Секиотовъ, Василій Хлоповъ, Иванъ Карауловъ, обер-секретарь Волковъ. Помѣчена „октября въ 25 день 1722 года“.

привезены; а по отправленіи ихъ протчихъ приличившихся съ изменъ казнить всѣхъ на Яикѣ а имянно перевѣшать.

6) Будеже приличатца въ той измѣнѣ всѣ казаки, то съ пушнями заготовченн учинять такъ какъ въ вышесказанномъ пятомъ пунктѣ написано, а протчихъ казнить тамъ а имянно: отъ десяти человекъ одного съ жеребья повесить, а протчихъ бить кнутѣмъ и потомъ привести ихъ въ вѣрности къ присягѣ, а ружье все у тѣхъ кои въ измѣнѣ и въ протчихъ воровствахъ въ розньку приличатца, до указу, съ начала розньку обобрать.

7) А буде по доношеніемъ измѣны никакой не явятца и Карташевъ будетъ виноватъ, тогда по окончаніи розньки ево, Карташова, и протчихъ, кои въ томъ ево затѣйномъ доношеніи явятца сообщниками, перевѣшать на Яикѣ при собраніи всѣхъ казаковъ.

8) Въ бытность свою на Яикѣ съ самаго приходу имѣть крѣпкую осторожность чтобъ яикіе казаки незанно не учинили какова зла и для того людей своихъ имѣть вѣче, учредить добрыя караулы, а накрѣпо смотрѣть, чтобъ драгуны и солдаты были всегда въ трезвости и во всякой готовности¹⁾.

Вотъ какими суровыми инструкціями были снабжены Захаровъ и Протасовъ! Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ за отсутствіемъ Петра не стѣснялся въ дѣйствіяхъ. Захарову была дана власть казнить по своему усмотрѣнію десятаго казака — и если-бы онъ вздумалъ примѣнять это право полностью, то могъ-бы перевѣшать на Яикѣ четыреста человекъ!

Но самую главную заботу всемогущаго временщика являлась забота о томъ, чтобъ захватить войско врасплохъ, сдѣлать розньку Захарова внезапнымъ, не дать возможности узнать войску объ ожидающихъ его суровыхъ казняхъ. Все было для этого предупредительно предусмотрено въ инструкціяхъ.

Казаки ждали праводушнаго и вѣрнаго раба, чтобъ онъ защитилъ ихъ отъ поборовъ и взятковъ пріѣзжавшихъ съ нимъ офицеровъ и розньщиковъ, разсудилъ-бы ихъ съ ними и удовлетворилъ бы всѣ ихъ просьбы и жалобъ, ждало — милостиваго суда и заступничества за себя.

Въ отвѣтъ на это казакамъ, вмѣсто жданныаго ими праводушнаго раба и защитника, послался карательный отрядъ съ правомъ перевѣшать десятаго человека. Вѣдь стоило Захарову всѣ казачьи противности: отказъ отъ наряда въ Персію, недопускъ къ себѣ майора Воейкова, — призвать за сунуть и вмѣсто правосудія сотни безвинныхъ людей сдѣлались-бы жертвами заплочнаго мастера, пали-бы на утѣшеніе свѣтлѣйшаго князя.

Но на ряду съ этими тайными инструкціями коллегія написала Захарову и явную инструкцію.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 129/132, дѣло № 2, листы не нумерованы. Инструкцію подписали: Александръ Меншиковъ, Лефортъ, Иванъ Карауловъ и др. Можичева: „1722 году октября 26 дня“.

Эта инструкция была приготовлена еще полковнику Ергольскому, которого назначили для того же розыску по определению Военной коллегии 30 июня 1721 года.

Передъ инструкціей изложенъ ходъ дѣла о назначеніи штабъ-офицера на Янкъ для розыску и за тѣмъ слѣдуютъ пункты:

„1) Получа сію инструкцію и что по сей инструкціи порученныя ему (полковнику Захарову) дѣла отправлять по сущей правдѣ, не таа на кого, ниже посягая на кого, въ томъ учинить ему присягу, по посланному указу къ казанскому губернатору.

2) Отъ казанскаго же губернатора, по отправленному къ нему изъ Военной коллегии указу требовать для конвою и караулу и разсылку дѣвъ роты драгунъ, а ежели такого числа, за разсылками, драгунъ не будетъ, то одну роту драгунъ, а другую солдатъ съ надлежащими офицеры; да для письма одного старого и пять человекъ молодыхъ подъячакъ.

3) Противъ челобитья и жалобъ яцкихъ казаковъ всѣхъ офицеровъ, фискала и дворянъ и приказныхъ людей сискавъ въ Казань, немедленно спрашивать и буде они во взяткахъ и прочихъ ученинхъ имъ яцкимъ казакамъ неправдамъ во всемъ противъ ихъ казацкихъ жалобъ повинны, то ихъ, на Янкъ не бравъ, велѣть держать въ Казани за крѣпкимъ карауломъ; а дворы и животы ихъ отписать на Его Императорское Величество и о рѣшеніи ихъ писать въ Военную коллегію и изъ дѣла объ нихъ прислать экстрактъ.

4) А кто изъ нихъ будетъ заираться, а будутъ ясны на нихъ въ Казани улики, тѣми розыскивать. А буде кто по тому розыску найденъ до пытки, то и пытать накрѣпко, — а паче всего розыскивать надъ фискаломъ Путиловымъ, за котораго они бьютъ челомъ, что взялъ съ нихъ двести рублей. Ежели онъ въ тѣхъ взяткахъ привлечется, такожъ и другихъ, и для чего они такіа великіа взятки брали, а дѣла не изслѣдовали и не окончили.

5) А которые въ тѣхъ взяткахъ и въ прочемъ будутъ заираться въ Казани, объ нихъ изслѣдовать и рѣшить будетъ не возможно, и тѣхъ всѣхъ ваять съ собою на Янкъ, отписавъ всѣ ихъ пожитки.

6) Приѣхавъ на Янкъ, собравъ атамана и всю старшину и казаковъ, объявить имъ посланную къ нимъ изъ Военной коллегии грамоту и потомъ въ томъ, чтобы имъ пріслѣдованіи того дѣла и розыска и въ прочемъ поступить со всякою вѣрностью по сущей и по вищей правдѣ, не чиня никакихъ противностей, всѣхъ привѣсть къ присягѣ, и крестно-цѣлованію по приложенной при сей формѣ.

7) По доношеніямъ доносителей, яцкихъ казаковъ Ивана Карташевъ и Федора Ревка о наживѣ, также и о смертномъ убійствѣ казака Ивана Ели-

сѣбя, также и по отпискамъ на нихъ казаковъ майора Воейкова, равнымъ же образомъ и по жалобамъ яицкихъ атамановъ и казаковъ на майора Воейкова и на прочихъ офицеровъ и дворянъ и приказныхъ людей, и во взяткахъ и въ прочемъ, во всемъ противъ вышенаписаннаго приговору съсылавъ и розыскивать немедленно; а кто дойдетъ до пытки, тѣхъ пытать на крѣпко.

8) Буде, наче всякаго чаянiя, изъ яицкихъ атамановъ и казаковъ причитается кто въ какой измѣнѣ и въ прочихъ воровствахъ, тѣхъ держать за крѣпкимъ карауломъ и объ винахъ ихъ писать въ Военную коллегiю обстоятельно и прислать изъ дѣла объ оныхъ экстрактъ, чрезъ нарочнаго курьера.

9) Такимъ же образомъ учинить и о тѣхъ, кои по жалобамъ яицкихъ казаковъ причитается во взяткахъ и въ прочихъ, учиненныхъ имъ протѣвностяхъ.

10) Вышенаписанныя яицкiя дѣла, по которымъ подлежатъ слѣдовать и розыскивать, отправлены изъ Военной коллегiи съ канцеляристомъ *Ильею Тарабанинымъ*, которому бытъ при васъ до оковчанiя того розыску и до возвращенiя вашего съ Яику, и для того казанскихъ подьячыхъ подчинить ему.

11) Да вамъ же всѣхъ яицкихъ казаковъ пересмотрѣть на лицо по имянно; такжежъ и объ отлучныхъ справиться и обо всѣхъ казакахъ и о прочихъ всякихъ пришлыхъ людѣхъ у атамана и у старшины, взять за ихъ руками подлинную вѣдомость и именные всѣмъ списки и отъ každого человѣка сказки: кто отъ куда родомъ, и сколь давно на Яицѣ живутъ они или отцы и дѣды, и въ за кого пришли и въ которомъ году именно. А чтобы каждый о томъ сказалъ сущую правду, того ради напередъ публиковать указомъ, ежели кто скажетъ не правду; такжежъ и атаманъ и старшина кого утаятъ и не такъ напишутъ, какъ истина есть, и за то казнены будутъ смертiю, а кто въ томъ на нихъ доведетъ и ихъ неправду уличать и тѣ розысканы будутъ Его Императорскаго Величества преемскою милостiю.

12) По такомъ смотрѣ сдѣлать имъ именной списокъ по годно и тотъ списокъ за своею рукою прислать въ Военную коллегiю немедленно. А буде явятся бѣглецы драгуны, солдаты, пушкары и прочiе служилые люди в тѣмъ чинить указъ по военному артибулу.

13) А чтобы варадь они, казаки, пришлыхъ людей не принимали, о томъ имъ всѣмъ зауретать подъ смертною казнiю, а ежели кто на нихъ въ томъ доведетъ, и тѣмъ обѣщать Его Императорскаго Величества милость и награжденiе.

14) Окончивъ розыскъ и учина оной разборъ, обо всѣхъ своихъ дѣлахъ прислать списокъ съ нарочнымъ курьеромъ, а самому ожидать на Яицѣ изъ Военной коллегiи указу.

15) Между тѣмъ какимъ образомъ и коего числа въ Казани дѣла начнутся и рѣшатся и котораго числа въ Казани на Яицъ поѣдете и въ Яику прибудете и что будетъ въ розыскахъ и прочихъ дѣлахъ чиниться, писать въ Военную коллегiю чрезъ нарочныхъ курьеровъ.

16) На отправленіе курьеровъ, на прогоны и прочіе нужные расходы отправлено изъ Военной коллегіи триста рублей денегъ, которые держать съ запискою и съ росписками являно, а бумагу и чернила, и свѣчи, и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикъ изъ войсковой казны.

17) Для отправленія курьеровъ и прочихъ вуждъ по тракту отъ Казани до Яику подставы (не разобрано) по двѣнадцати лошадей.

18) На Яикъ и для себя и конвоя, и приказнымъ людямъ, и для драгунъ квартиры требовать по своему разсмотрѣнію.

19) Которые будутъ изъ Казани отправлены на Яикъ въ конвоѣ *оразуны и солдаты и тѣхъ велѣтъ на Яикъ кормить яицкимъ казакамъ* съ запискою съ росписками, для извѣстія имъ имѣть записную тетрадь; а имъ, казакамъ, объявить, во что тотъ коштъ станетъ и то доправлено будетъ на виноватыхъ.

Въ прочемъ во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ Военной Коллегіи приговорахъ и вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не нарова, ниже посягая на кого со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ добрымъ офицеромъ надлежитъ подѣ опасеніемъ военнаго суда¹⁾.

Одновременно съ составленіемъ этихъ инструкцій въ Военной Коллегіи была составлена къ Яицкому войску грамота. Къ сожалѣнію подлинной до насъ не дошло. Она погибла вмѣстѣ съ дѣломъ, бывшимъ у Куриляна. Объ этой грамотѣ онъ говоритъ кратко:

„Объ этомъ назначеніи полковника Захарова съ майоромъ Протасевымъ и капитаномъ Коробовымъ, равно о данной инструкціи Захарову, посланъ былъ изъ Военной Коллегіи на Яикъ *войсковому атаману Герасиму Пододаеву* и всему Яицкому войску данный послушный, или повелительный указъ (грамота), отъ 9 октября 1722 года, въ которомъ изложено ходъ дѣла по доносамъ Карташева, Елисѣева, Назарова и Ревка и о несостоявшихъ по нимъ назначеніямъ на Яикъ чиновниковъ для производства розыску. Мы не приводимъ здѣсь этого указа по тому, что въ немъ нѣтъ ничего намъ неизвѣстнаго. Указъ заключается слѣдующими словами: „и какъ вамъ съ ваша императорскаго величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи нашего Семеновскаго полку, капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ придутъ, и вамъ бы, атаману и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія“²⁾.

Какъ видно изъ инструкціи, данной Захарову, всѣ дѣла, относящіяся къ Яицкому войску и остальные бумаги, а также, вѣроятно, и грамоту войску,

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 44. Курильск. Мат. къ ист. Ур. войска. Эту инструкцію подписали: Александръ Меньшиковъ, Лефортъ и еще трое. Передала она была майору Протасову для доставленія Захарову въ Казань, черезъ мѣсяць, 23 октября.

²⁾ Ур. В. В. 1870 г. № 44. Курильск. Мат. къ ист. Ур. войска.

повезъ къ Захарову въ Казань канцеляристъ *Илья Тарабанинъ*. Откуда она была отправлена съ кѣмъ либо на Янѣзъ.

Эта инструкция была явная и гласная. Её приказывалось Захарову по прїѣздѣ на Янкъ объявить казакамъ, чтобы они знали, что онъ прїѣхалъ исключительно по ихъ челобитнымъ, чтобы разобрать всѣ ихъ жалобы и сдѣлать перепись.

И такъ въ началѣ октября все было готово для того, чтобы отправить казаковъ и Протасова въ Казань и, наконецъ, начать слѣдствіе и розыскъ, о которомъ такъ усиленно просило четыре года Янцкое войско.

Но канцелярская волокита задержала отправку Протасова еще почти на цѣлый мѣсяцъ.

Сенатъ, получивъ все эти постановленія Военной Коллегіи, утвердилъ ихъ только 17 октября.

Задержалось дѣло и изъ-за судна и денегъ.

„Кригсъ-Коммисариатъ, пишетъ Курининъ, получивъ отъ Военной Коллегіи промеморію объ отпускѣ определенныхъ ею майору Протасову и прочимъ денегъ (окладное жалованье полковнику Захарову и конвоемъ назначено выдать изъ казанскихъ доходовъ) и имѣла въ основаніи царскій указъ и распоряженіе Плевнпотенціаль-кригсъ-коммисара князя *Якова Федоровича Доморукова*, по которому заложнымъ офицерамъ можно было производить окладное жалованье, и то лишь въ полъ-окладахъ, только тѣмъ, которые помѣстій и вотчинъ не имѣютъ (между тѣмъ у Протасова оказалось 16 крестьянскихъ дворовъ) отозвалась Военной Коллегіи, еще 20 сентября, что деньги ему выдать слѣдуетъ изъ Штатсъ-конторы „на счетъ той губерніи, при которыхъ полкахъ онъ былъ“ (Протасовъ числился въ Кіевскомъ гарнизонѣ),—что струга для отправки казаковъ и прочихъ итъ въ коммисариатъ, а если и есть суда, то она поущавы по указамъ Военной же Коллегіи для перевоза мундира и амуниціи въ Низовой корпусъ, и что ни вакаую дачу ни Протасову, ни Коробову и на покупку судна денегъ въ коммисариатъ ни откуда не прислано. Получивши этотъ отвѣтъ, Военная Коллегія на другой же день постановила законическій приговоръ, велѣла Коммисариату выдать майору Протасову означенные 300 р. изъ наличныхъ денегъ, а ихъ пополнить послѣ изъ вычтеныхъ за отпуски, когда поступать на приходъ. Тѣмъ не менше деньги Протасовъ получилъ лишь 17 октября и то послѣ переписки, послѣдовавшей даже и за законическимъ приговоромъ. Интересно, что со всѣми по этому указамъ, промеморіями и довошеніями прогуливался изъ мѣста въ мѣсто самъ майоръ Протасовъ лично“ ¹⁾.

Лишь только послѣ этого категорическаго требованія Коллегіи, дѣла пошли нѣсколько скорѣе и Протасову были наряжены и посланы, опредѣленные для сопровожденія казаковъ, бараульныхъ 12 драгунъ и столько-же пѣхот-

¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г. № 44. Курининъ. Мат. къ Ист. Ур. войска.

ныхъ солдатъ, но получивши ихъ, Протасовъ принесъ жалобу, что караульные „безъ ружья, и безъ мундира, и безъ амуниці“. О снабженіи ихъ всѣхъ этимъ, также порохомъ и свинцомъ, произошла переписка съ московскимъ губернаторомъ и артиллерійскимъ начальникомъ ¹⁾.

Но пока шла эта волокита, въ Военной Коллегіи разбирались возникнувшіе тамъ новыя вопросы:

1) О разборѣ и о высылкѣ на Яикъ казаковъ пришлыхъ, крестьянъ и другихъ чиновъ, съ котораго году разборъ начинать? и

2) Если Яицкіе казаки полковника Захарова для розыску на Яикъ не пустять, и съ ними что чинить?

На сдѣланное по этому докладу представленіе Военной Коллегіи, — пишетъ Курливиъ, — Правительствующій Сенатъ отъ 30 октября 1722 г. указалъ, что если его, полковника Захарова, на Яикъ для того розыску не пустять, то доносить о томъ немедленно Государю, въ Сенатъ и Военную Коллегію; если же этого не будетъ, то, произведя излѣдованіе и розыскъ объ яицкихъ казакахъ, донести о его окончаніи въ Военную Коллегію, а между тѣмъ, въ ожиданіи указа на это донесеніе сдѣлать перепись всѣхъ мужского пола на Яикѣ „и хотя у казаковъ какіе бѣгле солдаты и прочихъ чиновъ, и крестьяне чья явятся, и имъ велѣтъ у нихъ служить по прежнему до указа въ тѣхъ же мѣстахъ, кто гдѣ жилъ“; а 31 октября посланъ объ этомъ изъ Военной Коллегіи Захарову указъ и на Яикъ послушная грамота ²⁾. Такимъ образомъ этимъ дополнительнымъ постановленіемъ Коллегія рѣшила всѣхъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ оставить въ казакахъ до особаго указа. Чѣмъ руководствовалась Коллегія въ этомъ случаѣ неизвѣстно.

Вмѣстѣ съ этимъ была составлена на Яикъ и послушная грамота.

„Въ приговорѣ коллегіи по этому случаю, — пишетъ Курливиъ, — велѣно объяснить въ послушной грамотѣ казакамъ (которую послать съ особымъ офицеромъ изъ московскаго гарнизона), что перепись назначена для пользы всего Яицкаго войска, такъ какъ жалованье отпускается ему по прежнему только на 600 человекъ, за неизвѣстностью подлиннаго числа казаковъ, а послѣ-де переписи жалованье будетъ производиться на наличное число, — что розыскъ велѣно сдѣлать по челобитью всего Яицкаго войска, „можетъ Его Императорскому Величеству вѣдомо учинить отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губерній учинилось яицкому войску многая обиды и

¹⁾ Тамъ-же

²⁾ Тамъ-же. „Въ дѣлѣ имѣется указъ Сената (отъ 30 октября) лишь въ коніи, а на оборотѣ послѣдней страницѣ въ коніи же помѣтка: „а поможѣ какимъ образомъ въ переписи пришлыхъ съ яицкими казаками имѣи учинить, того въ семъ указѣ не написано; того ради требовать изъ Правительствующаго Сената о томъ указъ доносеніемъ съ прежнего о томъ подымнаго доносенія-жъ“. Изъ дѣла видно, что когда капитанъ Коробовъ привѣлъ въ Москву колодниковъ, то въ то время были тамъ колодники съ Дону, неизвѣстно по какому дѣлу, но если Военная коллегія дѣлала представленія въ Сенатъ, какъ говорится здѣсь, о переписи пришлыхъ у доикскихъ казаковъ, то надобно полагать, что и на Дону были какіе нибудь нештѣ что-нибудь во родѣ Карташевскаго“. Прикѣч. Курливиъ.

развореніе, того ради Его Императорское Величество всемилостивѣйше милосердію къ всему яццкому войску, *указалъ отправить на Яикъ вышеупомянутому полковника Захарова* и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, велѣно его на Яикъ казнить смертію, чтобы атаманъ и все яццкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыску и переписки показали свою вѣрность, и ежели какихъ знаютъ всмугителей и воровъ, чтобы такихъ взявъ, держали оковавъ, за крѣпкимъ карауломъ до прїѣзда къ намъ полковника Захарова, и о томъ бы къ нему въ Казань писали и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно“¹⁾.

И такъ въ проектѣ составленной къ войску грамоты военная коллегія говорить, что назначеніе полковника Захарова для розыска было сдѣлано приказомъ Его Величества, но мы знаемъ, что въ то время, когда дѣлались эти распоряженія военной коллегіей, Петръ былъ далеко отъ Москвы въ Персидскомъ походѣ и едва-ли зналъ даже о предстоящемъ розыскѣ, а не только объ посылкѣ Захарова. Все это, начиная съ тайной инструкціи Захарову и кончая грамотой къ войску—все это дѣлалось лишь по единой волѣ всемилостиваго тогда свѣтлѣйшаго князя Меншикова. По его же распоряженію было приказано Захарову произвести и переписки на Яикъ.

Грамота войску была, какъ видимъ, послана съ особнымъ офицеромъ, выѣхавшимъ на Яикъ 31 октября. Фамилія его неизвѣстна.

Во время этой переписки для Протасова и казаковъ отпустили стругъ. Но ѣхать все же было нельзя. Стругъ былъ, но не было кормицка, гребцовъ и денегъ на случай починки судна. Поэтому Протасовъ и Коробовъ 15 октября вошли съ представленіемъ въ военную коллегію, что стругъ хотя и данъ, а кормицка и гребцовъ и денегъ на случай починки судна не дано, и что „велѣно везти только доносителей скованными, а атамана и казаковъ въ какой силѣ содержать—за карауломъ ли или безъ караула, не объяснено“ (въ инструкціи), безъ караула же содержать ихъ они опасаются, чтобы не ушли, такъ какъ до нихъ касаются важныя дѣла; и если повелѣно будетъ содержать ихъ подъ карауломъ, то такихъ малымъ конвоемъ, какой на нихъ данъ, сдѣлать это нельзя²⁾. Военная коллегія 25 октября сдѣлала постановленіе, по которому было рѣшено: „Понеже по доношенію яццкаго казака Карташева касается до всѣхъ яццкихъ казаковъ дѣло, того ради, когда майоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ на судно со всѣмъ уберутся, тогда у всѣхъ казаковъ ружье отобрать и посадить за карауломъ: атамана Федора Рукавишника, есаула Ивана Карпова, Алексѣя Котельникова, Петра Коженникова, Андрея Чиварева (станичный дьякъ), Федора Везина, Алексѣя Тимофѣева (Сапожниковъ), Алексѣя Антипова (Азовскаго), Акима Иванова (такого въ числѣ станичниковъ не было, а былъ Алексѣй Акимовъ Коноваловъ), Петра Прокофьева

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же № 48.

(Гладовъ), Прокофья Трифонова (Новинсковъ), и Ивана Кузьмина (такого тоже не было)—всего 12 человекъ, на которыхъ доноситель жидко подавалъ подозрѣніе, скрывать, пока они въ томъ дѣлѣ очистятся и о томъ же маіору Якову Протасову и капитану Никетѣ Коробову учинить по вышеписанному Его Императорскаго Величества указу* 1).

Относительно-же расходовъ на починку судна коллегія разрѣшила производить расходы изъ 300 рублей, отпущенныхъ Протасову для передачи полковнику Захарову.

Такимъ образомъ къ 25 октября все было готово къ отплытію, но Протасовъ задержался еще на 5 дней, вѣроятно, благодаря послѣдней перепискѣ и лишь 31 октября онъ вмѣстѣ съ казаками, теперь уже „колодниками“, выѣхалъ изъ Москвы.

Можемъ себѣ представить удивленіе Рукавишниковъ и всѣхъ казаковъ въ минуту посадки ихъ на судно, когда у нихъ у всѣхъ не только отобрали оружіе, но Рукавишниковъ, ихъ главнаго ходатая, вмѣстѣ съ другими 11 казаками заковали въ цѣпи и посадили на ряду съ известными намъ доносителями Карташевымъ и Ревко и участникомъ казни атамана Вѣлюсова казакѣмъ Бахаремъ!

Что чувствовала въ это время станичанки? Думали-ли они такъ печально кончить свои ходатайства о назначеніи розыска на Яикѣ?

Не долго ѣхали „колодники яцкіе казаки“ на стругѣ. Наступившіе морозы прекратили это путешествіе. Въ Коломнѣ, недалеко отъ Москвы, Протасовъ вынужденъ былъ судно оставить и ѣхать далѣе на подводахъ. Колодниковъ повезла черезъ Нижній-Новгородъ и далѣе въ Казань уже зимнимъ путемъ по Волгѣ. Въ Казань они прибыли въ первыхъ числахъ декабря, пробывъ въ пути болѣе мѣсяца, гдѣ Протасовъ и сдалъ колодниковъ Захарову. Здѣсь Захаровъ съ ихъ прибытіемъ положилъ начало тому суровому розыску, который уже на слѣдующій годъ сталъ роковымъ для казаковъ на Яикѣ.

Но въ то время, когда происходили эти событія, въ Яцкомъ войскѣ по неизвестной намъ причинѣ былъ смѣненъ атаманъ Погодасевъ и вмѣсто него избранъ ранѣе бывшій войсковымъ атаманомъ *Григорій Меркульевъ*.

Получивъ послушную грамоту о назначеніи полковника Захарова, войско 17 декабря написало въ коллегію отписку. Подлинная утрачена вмѣстѣ съ дѣломъ, находившимся у Курилина. Объ этомъ отиѣтѣ казаковъ онъ говоритъ, что войско, между прочимъ, писало: „во всемъ вѣрное извѣстіе показатъ желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ; а при Яцкиимъ войскѣмъ возмутителей и воровъ не явилось; а доноситель Карташевъ на кого и

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, свѣдка 129/122, дѣло № 2. На оборотѣ чернилаго отпуски похѣта: „Таковъ указъ маіору Якову Протасову принявъ 1722 г. октября въ 26 денъ“. Писалъ оберъ-секретарь Алексѣй Поповъ. Фамилія и замѣчанія въ скобкахъ написаны Курилинскимъ же его Матер. къ Истор. войска („Ур. Войск. Вѣд. 1870 г. № 48), гдѣ у него приведенъ тотъ-же указъ.

на сколько человекъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Янцзинъ войскомъ не извѣстны¹⁾.

Что было въ это время въ войскѣ, какія думы волновали казаковъ— трудно сказать; но уже по тому, что они получали послушный указъ, видно, что о назначеніи Захарова они знали и потому пунктъ тайной инструкціи, о появленіи Захарова на Янкѣ неожиданно, терять свою силу. Казаки знали, что Захаровъ ѣдетъ и, конечно, дѣлали все возможное для того, чтобъ узнать и объ его характерѣ, и объ характерѣ его дѣятельности при рознскѣ, и объ дѣйствительной цѣли поѣздки.

Въ городкѣ въ это время было невесело. Онъ все еще представлялъ изъ себя пожарище, т. е. въ одно лѣто казаки не могли обстроиться и большинство еще втилось въ землянкахъ. Изъ дошедшихъ до насъ расходныхъ листовъ войсковыхъ денегъ видно, что казаки вмѣсто сгорѣвшихъ церквей построили временно часовню и стали собирать деньги на постройку церкви. Какая церковь была начата постройкою первою— неизвѣстно.

Вѣсти же изъ Руси доходили неутѣшительныя. Получился приказъ о новой одеждѣ для старообрядцевъ. По всѣмъ городамъ Руси и Поволжья у городскихъ воротъ выставленъ былъ этотъ „образцовый“ нарядъ „бородачамъ и раскольщикамъ“: „Зинунъ съ стоячимъ клееннымъ козыремъ, флякъ и однорядка съ лежачимъ ожерельемъ, а у раскольщиковъ козыри красныя“²⁾.

Обложенные двойною податью съ этого времени старообрядцы должны были еще и ходить въ образцовой одеждѣ.

Тяжелый годъ былъ для войска. Пожаръ испепелилъ весь городокъ, хлѣбная голодовка выгнала многія семьи въ Русь, набѣги киргизъ отогнали почти весь конскій табуны, и, наконецъ, въ этотъ годъ долженъ былъ пріѣхать на Янкѣ новый розныщикъ, должны были начаться новые допросы и судебная волокита.

Что то будетъ, чѣмъ то это все кончится? думали казаки въ ожиданіи Захарова.

¹⁾ „Ур. Войск. Вѣд.“ 1870 г., № 48. Курянинъ. Мат. къ Ист. Ур. войска.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената 27/57, листъ 181.

Г Л А В А XXVIII.

Отправленіе въ Москву станицы Фадѣева. Сыскъ Захарова въ Казани и на Яикѣ. Заговоръ казановъ и намѣреніе войска бѣжать въ Хиву и за море. Казнь Рукавишнина и другихъ. Доносъ Яганова и Краснощенова. Перепись Захарова. Набѣги киргизъ. (1723 г.).

— „Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ разберетъ.“—
Некрасовъ.

Въ концѣ декабря, послѣ бѣгренья, казаки послали обычную зимовую ставицу съ царскимъ кусомъ съ атаманомъ *Петромъ Фадѣевымъ* есауломъ *Григоріемъ Ивановымъ*—всего 13 человекъ ¹⁾.

Кромѣ посылаи царскаго куса войско вмѣстѣ со ставницею рѣшило просить Коллегію объ облегченіи участи казаковъ. Бѣдность въ войскѣ была полная—у нихъ ничего не было: ни домовъ, ни снаряженія, ни лошадей, ни одежды. Не было хлѣба. Войско написало челобитную съ просьбою объ отиѣнѣ наряда на р. Черемшу, стало просить возвратить уже наряженныхъ туда казаковъ.

„И мы отъ пожарнаго разоревія, — писали между прочимъ казаки въ челобитной, — и отъ набѣговъ непріятельскихъ нынѣ живемъ за непостроеніемъ, врывшись въ землю, многіе въ самой крайней скудости, и отъ хлѣба во оскуденіи, и церкви Божіей не построена у насъ ни одной; а крѣпости себѣ, опрѣчь одного вала, не имѣемъ, для того, что построица намъ вечемъ; а и колоколовъ и пушекъ после пожара въ остаткахъ малое число, и въ лошадяхъ неисправны, такъ же ружья и седель малое число при себѣ нынѣ имѣемъ и пришли во всеконечную скудость. И дабы до исправленія часть въ строеніи и во всякихъ приключившихся вуждахъ на сколько лѣтъ отъ черемшанской службы и отъ другихъ свободнымъ быть; а прежь сего, которыя службы были ни отъ которыхъ мы не отговаривались и вездѣ со все-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Прав. Сен. по Воен. Колл. ^{17/1723}, л. 19—20. Въ числѣ станицы были казаки *Петръ Григорьевъ*, *Кузьма Венедиктовъ*, прапорщикъ (знаменщикъ) *Михаилъ Смирновъ*. Фамиліи остальныхъ казаковъ неизвѣстны.

нимъ желаніемъ того требовали; а нинѣ у насъ неисправная нужда чего мы какъ и Яицкой нашъ городокъ жителемъ зачался того не видали, что нинѣ къ намъ привлючилось¹⁾.

Тяжело же, видимо, было казакамъ, если ужъ они, ретивые служаки, стали просить освободить ихъ на иѣкоторое время отъ нарядовъ на службу.

Станица выѣхала на двадцати подводяхъ, обычно сопровождаемая ертауломъ. Въ Самарѣ съ казаковъ взяли пошлину: — съ возовъ похомутнаго восемь рублей шестнадцать алтынъ²⁾ и съ каждой „десятой деньги“, бывшихъ у нихъ на рукахъ денегъ, — семь рублей 16 алт. 4 деньги.

Въ Самарѣ своихъ лошадей казаки возвращали обратно, и, наняли какъ это дѣлалось обычно, вольныхъ подводы, заплативъ по 5 руб. съ подводы до Москвы³⁾.

Здѣсь 22 января они сдали царскій кусъ въ дворцовую канцелярію и подали въ контору военной коллегіи челобитную отъ войска, гдѣ атамана Петра *Фадеева* разспросили о положеніи войска. Въ поданной имъ по этому поводу 4 февраля челобитной онъ говоритъ: „Нинѣ отъ насъ Яицкаго войска, на Черемшанскихъ пасахъ употреблено казаковъ *триста человекъ*⁴⁾ и дабы повелено было для пожарнаго разоренія съ черемшанскихъ пасовъ воевъ отпустить на Яикъ или отпущать бы ихъ въ дома свои къ зимѣ съ котораго числа повелено будетъ, а весною отъ насъ съ Яика отправлять“⁵⁾. Говоря о тяжелой жизни на Яикѣ, *Фадеевъ* говоритъ, что киргизы стали не только лѣтомъ, но и зимою нападать на Яицкій городокъ. „Зимнимъ временемъ отъ набѣговъ непріятельскихъ людей подъ вашъ казачей городокъ и подъ другія мѣста прежь сего небывало“⁶⁾. Онъ просилъ также и о выдачѣ жалованья этимъ казакамъ, т. е. они до сихъ его не получали. Просилъ онъ выдать жалованье и станичникамъ и деньги истраченныхъ на наемъ подводъ для привоза царскаго куса.

Контора Военной Коллегіи донесла объ этомъ въ Петербургъ въ Военную Коллегію.

Въ числѣ станичниковъ были два казака, которые только что вышли изъ хавинскаго плѣна: есаулъ Григорій Ивановъ и знаменщикъ (прапорщикъ) Михайлъ Степановъ. Оба они 8 февраля подали челобитную, прося жалованье за полное терпѣніе.

„Въ прошломъ 716 г., — писали они въ челобитной, — по Его Императорскаго Величества указу, взяты мы были изъ Яицкаго городка съ яицкими

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 37.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сен. по Воен. Колл. 11/юс, л. 19.

³⁾ Изъ челобитной войска въ 1722 г. видно, что казаковъ было отправлено на Черемшу 500 чел. Въротно 200 изъ нихъ осенью того-же года были отпущены на Яикъ, но объ этомъ свидѣній не имѣется.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, ч. 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 37.

⁵⁾ Тамъ-же.

казаками въ хивинскій походъ съ лейбъ-гвардіи капитаномъ княземъ Черкасскимъ и въ томъ-же году отъ оныхъ хивинцевъ взяты въ полонъ и были въ полону семь лѣтъ и помирали голодною смертію, изъ того полону ушли и явились въ Яецкомъ городѣ и чтобъ за оное наше половеое терпѣніе награждать противъ нашей братьи, ушедшихъ изъ онаго-же полону Его Императорскаго Величества жалованьемъ" ¹⁾.

На эту челобитную резолюція Коллегіи послѣдовала лишь 18 марта; приказано было выдать обонимъ по два портища сукна.

О дачѣ станичникамъ жалованья и денегъ, истраченныхъ на подводы, состоялся указъ лишь 11 іюня, было выдано всего двѣсти рублей ²⁾.

Вѣсть со станицею прибылъ въ Москву башкирецъ *Нагай Тулаевъ*. Этотъ башкирецъ въ числѣ многихъ былъ захваченъ калмыками, гдѣ и жилъ все время въ улусѣ *Чаванъ Доржи*, родомъ тоже башкирца.

Но въ 1722 г. онъ съ нѣкоторыми калмыками, по примѣру Даши Булатова, вышелъ на Яикъ, чтобъ записаться въ войско и служить вмѣстѣ съ казаками. Но калмыки, узнавъ объ этомъ, пошли за ними и догнавъ, шъ на Яикъ, напали на нихъ и разбили, захвативъ въ плѣнъ 20 человекъ съ пожитками и до 300 лошадей.

Аюка-ханъ просилъ войско выдать спасшихся отъ разгрома башкирцевъ и въ томъ числѣ и Ногаю, но войско безъ указа это сдѣлать отказалось.

При отравленіи-же зимовой станицы Тулаевъ попросилъ знаменщика Степанова взять его съ собою въ Москву. Здѣсь Тулаевъ 8 февраля подалъ челобитауу.

„А прежь сего, которые изъ калмыкъ выходили, — писалъ Тулаевъ, в нихъ казаки въ Москву привозили и за вывозъ имъ казакамъ давано было жалованье, и я желаю служить Его Императорскому Величеству съ Яицкими казаками и чтобъ за выходъ мнѣ, такъ-же и за вывозъ прапорщикомъ Степановичемъ награждать жалованьемъ" ³⁾.

18 марта состоялся указъ Военной Коллегіи: „Выѣзшему Башкирцу Ногаю Тулаеву по прошенію ево быть на Яикѣ подъ державою Императорскаго Величества и службу служить вмѣстѣ съ яицкими казаками и по обновленію ихъ на Яике привести ево и съ нимъ будущихъ всехъ къ присяге и о томъ на Яикъ послать грамоту" ⁴⁾. Относительно же жалованья ему было приказано выдать наравнѣ съ калмыкомъ Дашею Булатовичемъ ⁵⁾.

Станичники остались въ Москвѣ дожидаться результатовъ войскового челобитья объ отпущеніи наряда.

¹⁾ Тамъ-же, дѣло 784, листъ 100.

²⁾ Моск. Арх. Имп. Юст., дѣло Прав. Сен. по Воен. Колл. 11/202, листы 21—22.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 198, дѣло 734, л. 109.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же.

Въ то время, пока станичники были въ Москвѣ, въ Казани производился розыскъ. Съ прїѣздомъ туда Коробова и Протасова, Захаровъ началъ слѣдствіе, тотъ знаменитый сыскъ, который направилъ дальнѣйшую жизнь явцкой общины на новый путь—на путь непрерывныхъ волненій, смутъ и недовольства, — сыскъ, результатами котораго впоследствии явилась не менѣе знаменитая пугачевщина.

Надо отдать справедливость Захарову, — онъ былъ, кажется, единственнымъ честнымъ человѣкомъ во всей плеядѣ сыщиковъ, бывшихъ на Яикѣ, — это былъ дѣйствительно праводушный государевъ рабъ. Не только безкорыстный, но и строгій къ дѣламъ чести — онъ смѣло и энергично взялся за дѣло, точно и добросовѣстно исполняя данное ему порученіе и инструкціи. Онъ отерпѣно шелъ къ истинѣ, вершилъ московскую правду, какъ она понималась въ то время. Но то, что казалось правдою для Москвы, совершенно не подходило къ понятіямъ о ней среди вольнаго казачества на Яикѣ.

Первымъ дѣломъ Захарова въ Казани было слѣдствіе надъ всѣми тѣми, на кого жаловалось войско. Но изъ всѣхъ виновниковъ казачьихъ бѣдъ въ Казани находился только одинъ дьякъ *Федоръ Сухаревъ*. Остальныхъ „казанскихъ офицеровъ дворянъ и фискаловъ“ въ Казани не было. Сухаревъ находился въ это время въ распоряженіи *Румянцева*, строившаго въ Казани корабли по указу самого царя. Но Захаровъ этиаъ не смутился. Еще до прибытія Протасова, получивъ лишь только указъ о производствѣ розыска, Захаровъ взялъ Сухарева подъ арестъ, описалъ и арестовалъ все его имущество и лишь только для самыхъ необходимыхъ занятій по корабельному дѣлу отпускалъ его къ исполненію своей должности, но не иначе, какъ подъ конвоемъ четырехъ солдатъ. Не смотря на самыя усиленныя просьбы какъ Сухарева, такъ и Румянцева, а также и губернатора, Захаровъ не отдалъ его на поруки и требовалъ его съ собою для розыска на Яикѣ.

Тогда казанскій вице-губернаторъ Кудравцевъ, завѣдывавшій въ то же время и корабельною канцеларіею, написалъ объ этомъ въ военную коллегію, гдѣ, между прочимъ, просилъ освободить Сухарева изъ подъ караула и ни подъ какимъ видомъ не отправлять его на Яикъ. „Ибо Сухаревъ, — говорилъ онъ, — какъ въ прежнихъ дѣлахъ корабельныхъ лѣсовъ, такъ и въ нынѣшнихъ судовыхъ строеніяхъ на все въ расходъ деньги держалъ, которыхъ чрезъ него не малая тысяча произошло... и ежели онъ, Сухаревъ, полковникомъ Захаровымъ взятъ будетъ на Яикъ, то тѣ суда и другія дѣла всеконечно остановятся и интересъ императорской многой пропадетъ“ ¹⁾.

Кудравцеву во что бы то ни стало нужно было выручать своего помощника, г. к. Сухарева, обирая казаковъ въ Казани, дѣлалъ это, конечно, не безъ покровительства вице-губернатора, къ которому перешла, вѣроятно, не малая часть казачьихъ денегъ.

¹⁾ „Ур. Войск. Вѣд.“ 1870 г. № 44. Курляндъ. Мат. къ Ист. Ур. в.

Изъ коллегіи написали Захарову, чтобы онъ отдалъ Сухарева на поруки „буде важнѣе прежняго дѣла, которое показано отъ него на Явчихъ казаковъ во взяткахъ до него не касается“.

Въ коллегіи такимъ образомъ взятки Сухарева по просьбѣ Кудрявцева не считали важнымъ дѣломъ, а предоставили Захарову право держать дѣяка подъ арестомъ только въ случаѣ, если онъ найдетъ за нимъ болѣе важныя дѣла.

Но прямолинейный характеръ Захарова съ этимъ не примирился. Онъ по прежнему сталъ настаивать на своемъ и требовалъ Сухарева съ собою на Явкъ для очныхъ ставокъ.

Рѣшительность Захарова смутила Кудрявцева. Захаровъ былъ неумолимъ. Онъ все время по прежнему приводилъ къ себѣ для допроса дѣяка чрезъ прапорщика Скрибина и держалъ его подъ арестомъ.

„Наконецъ, — пишетъ Курилякъ, — Сухаревъ подалъ на Высочайшее имя просьбу, въ которой объявилъ, что онъ былъ уже въ разспросѣ у Захарова и сказалъ, что „такимъ великимъ взятокъ никогда съ явчихъ казаковъ не бывало; только де когда казаки прѣзжаютъ въ Казань, въ каждомъ годѣ, и по древнему своему обычаю приваживали съ Явку въ Казань въ гостиницы рыбу и прочее харчевое приказнымъ людямъ, и къ нему Сухареву, рыбы по малу числу изъ воли своей, а не изъ какой неволи и не по запросу его привозили, противъ покупной цѣны года въ два и больше рублей на десять, за что онъ Сухаревъ казаковъ въ бытность ихъ въ Казани поилъ и кормилъ“. Сухаревъ тутъ между прочимъ говоритъ: „я рабъ вашъ отъ нихъ (Захарова и Протасова) турбуціею арестованъ и иногда снята съ меня безвинно“. Вице-губернаторъ Кудрявцевъ представилъ эту челобитную Сухарева, 27 февраля въ военную коллегію при новомъ донесеніи о важности поста, занятого тогда Сухаревымъ, для интересовъ Его Величества „для того, что безъ него, Сухарева, никто другіе въ томъ отповѣди дать не могутъ... дабы по неправымъ ихъ полковника (Захарова) и маіора (Протасова) довошеніа, чтобъ изъ чего напрасно въ вину не причлось“, прибавлялъ вице-губернаторъ въ заключеніи своего донесенія. На это военная коллегія, 22 марта, снова велѣла написать Захарову: „ежели противъ прежняго важности не покажется, или какъ онъ, Сухаревъ, въ прошеніи показалъ, не уличенъ, отдать его по прежнему на росписку; а буде противъ прежняго болѣе важность показана и не такъ какъ онъ въ прошеніи написалъ, послать его на Явкъ подъ карауломъ или за поруками, кому можно вѣрить“. Но это подтвержденіе военной коллегіи ея прежняго распоряженія не застало уже Захарова въ Казани¹⁾.

Покончивъ съ розыскомъ въ Казани, Захаровъ 23 февраля выѣхалъ на Явкъ²⁾. Для конвоирования его и для розыска было назначено въ его ра-

¹⁾ „Урал. В. Вѣд.“ 1876 г. № 44. Курилякъ. Мат. къ ист. Ур. в.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла Правительствующаго Сената по Военной Коллегіи, книга № 7/30, листъ 504.

споряженіе двѣ роты — одна драгунская, другая пѣхотная ¹⁾. Солдатамъ было дано провіантъ на 5 мѣсяцевъ впередъ съ марта по іюль. Но перѣздъ отъѣздомъ Захарова на Яикъ вице-губернаторъ Кудрявцевъ Сухарева задержалъ въ Казани и, не смотря на всю энергію Захарова, на Яикъ его не пустилъ, объ чемъ Захаровъ донесъ военной коллегіи въ день своего отъѣзда.

Соблюдалъ-ли Захаровъ въ точности данную ему тайную инструкцію при приближеніи къ Яицкому городку или-же ѣхалъ обычнымъ порядкомъ, не прибѣгая къ ней, — неизвѣстно. Но какъ бы онъ ни ѣхалъ къ городку, все равно, отъ зоркихъ глазъ казаковъ не могло укрыться то обстоятельство, что ихъ главный ходатай по дѣламъ, вождь, надежда и опора всего войска — станичный атаманъ Федоръ Михайловичъ, закованъ въ цѣпи и находится вмѣстѣ съ другими станичниками подъ крѣпкимъ карауломъ.

Можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело въ умахъ казаковъ появленіе ихъ ходатаевъ на улицахъ городка въ такомъ печальномъ видѣ?

Что могло подумать войско объ этомъ? И съ 17 марта, съ того дня, какъ прибылъ Захаровъ на Яикъ, въ войска началось недовольство и волненіа.

Въ грамотѣ къ войску было написано, что Захаровъ отправляется на Яикъ, чтобы произвести розыскъ надъ чинавшими войску обиды и притѣсненія — надъ всевозможными дворянами, офицерами и другими розничниками, — ѣдетъ разобратъ всѣ казачьи жалобы и разсудить ихъ съ этики взятчиками и лихоимцами, пріѣдетъ, чтобы произвести перепись войску для дачи жалованья деньгами, пороховъ и свинцомъ по валичному числу казаковъ.

И что же они увидали?

Они увидали всѣхъ своихъ ходатаевъ по этому дѣлу, всѣхъ своихъ довѣренныхъ и борцовъ за войсковыя дѣла скованными и посаженными подъ караулъ; видѣть полковника Захарова, прибывшаго съ цѣлымъ войскомъ!

Гдѣ же тутъ справедливость?!

Тутъ что-то не такъ! — рѣшаетъ войско и начинаетъ подозрительно и чутко относиться къ каждому распоряженію полковника.

На другой день войско было приведено къ присягѣ — показывать все справедливо и ничего не утаивая.

Послѣ присяги войско ждало допросовъ по дѣламъ о взяткахъ и о лихоимствѣ бывшихъ сыщиковъ, но оно жестоко ошиблось.

¹⁾ Тогдашній составъ роты, какъ видно изъ дѣла, былъ слѣдующій: драгунской: — капитанъ, поручикъ, прапорщикъ, вахмистръ, канцеляристъ, подпоручикъ, квартирмейстеръ, капраловъ и рядовыхъ 96, неслужившихъ 24 — всего 127; въ пѣхотной — тѣже чины съ прибавленіемъ подпоручика, вмѣсто вахмистра — сержанта, и рядовыхъ 150, — всего съ 24 неслужившими 182. Сверхъ того, денщиками у полковника Захарова 6, у майора Протасова 3, а у ротныхъ офицеровъ денщики изъ комманды роты. (Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, свѣдка № 28, листъ 33). Порціонъ состоялъ въ день: 2 ф. хлѣба, фунтъ мяса, 2 чарки вина, пива 1 гарнецъ, въ мѣсяцъ 2 ф. соли и 1 1/2 гарнца крупъ. На этой порціи расчитана и дача денегъ. Рационъ — изъ двухъ гарнцевъ овса, 16 ф. сѣна, 2 гарнца сѣчки и 1 снопокъ соломы. (Архивъ военскій 1716 г. Петра Великаго, стр. 886).

На слѣдующій-же день послѣ присяги драгуны повели на допросъ къ Захарову всѣхъ старшинъ войска, всѣхъ „старыхъ людей“, лучшихъ и пользовавшихся уваженіемъ всего войска казаковъ.

Одинъ за другимъ подавали ихъ къ Захарову; шелъ строгій допросъ. Заплечный мастеръ съ двумя подмастерьями стояли наготовѣ.

Первымъ предсталъ къ допросу бывший атаманъ *Иванъ Ивановичъ Щербаковъ*.

Захаровъ сталъ производить разслѣдованіе о самомъ важномъ по его мнѣнію дѣлѣ—объ казняхъ казаковъ Елисѣева, Назарова и Мордвинкина, а также и о причинахъ недопуска маіора Воейкова въ казачій городокъ. Съ этого началъ онъ свою дѣятельность на Яикѣ.

Щербаковъ сознался во всемъ и заявилъ, что дѣйствительно Воейкова въ городокъ не пустили и выходилъ противъ него *сотникъ Чувашиновъ* съ тремястами казаковъ. „съ ружьемъ, съ пищалями, съ копьями и съ бучура“¹. Но что все это сдѣлано по письму станичнаго атамана Рукавишника, при чемъ передалъ Захарову и самое письмо. Письмо было приложено къ дѣлу¹).

Сказалъ онъ слѣдственной комиссіи и объ томъ, что казаковъ *Елисѣева, Назарова* и старшину *Мордвинкина* дѣйствительно казнили, что и это все было совершено по письму Рукавишника, и письмо это находится „въ ставишной избѣ“. Письма были доставлены Захарову²).

Стали разсрашивать сотнива Чувашинова. Онъ тоже повывился во всемъ: сказалъ, что вѣзжалъ противъ маіора Воейкова, но не съ тремястами, а съ пятьюстами вооруженныхъ казаковъ и опять таки заявилъ, какъ и Щербаковъ, что все это было сдѣлано по письму Рукавишника. Вслѣдъ за Щербаковымъ предъ очами Захарова предстала одинъ за другимъ 25 человекъ самыхъ лучшихъ людей войска, бывшихъ атамановъ, старшинъ и самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ войскомъ казаковъ. Всѣ они обещались Захаровымъ въ томъ, что допустили войско до казни Елисѣева и другихъ и не запретили этого казакамъ.

На Захарову, ни военной коллегіи не было никакого дѣла до того, что на Яикѣ все было не такъ, какъ въ Москвѣ,—все было наоборотъ. Въ Москвѣ начальство назначалось правительствомъ и народъ являлся слѣпымъ исполнителемъ воли начальства. Здѣсь же, на Яикѣ, начальство избиралось народомъ и было лишь послушнымъ исполнителемъ приказаній народа. Не желавшій исполнять народную волю начальникъ немедленно-же смѣнялся и на его мѣсто народъ выбиралъ другого. Старшины и атаманы исполняли лишь возложенныя на нихъ порученія.

И вотъ Захаровъ судить ихъ за то, что они должны были сдѣлать, судить за то что они были образцовыми и исполнительными начальниками.

¹) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Пр. Сената по Воен. Кол., дѣло № 2/300, листъ 504. Экстрактъ о разслѣд., присланный Захаровымъ въ Воен. Кол. и полученный тамъ 11 іюня 1728 г. Сенату слѣдственной дѣла отыскать не удалось и потому содер. письма остается намъ неизвѣстнымъ.

²) Тамъ-же. Содержаніе и этого письма неизвѣстно.

Однѣмъ за другими приходили эти старшины въ розыскную канцелярію: — Авраамъ Пустоселовъ, Петръ Фадѣевъ, Осиповъ, Астафій Муромцевъ, Григорій Зубаревъ, Михаилъ Тянуха, Ефимъ Газдрогинъ, Алексѣй Щенетковъ, Федотъ Ржановъ Тимофѣй Шелудяковъ, Федоръ Пыунъ, Евсѣй Камай, Алексѣй Азовскій Гаврила Старцевъ, Никита Бородинъ и другіе ¹⁾).

Показанія ихъ, въ сожалѣнію, неизвѣстны, — слѣдственное дѣло Захарова не найдено, но, судя по тому, что всѣ они были обвинены, надо думать, что и они подробно рассказали все, что знали о казняхъ казачьихъ измѣнниковъ.

Былъ допрошенъ и бывшій войсковой атаманъ *Никита Бородинъ*.

Надъ нимъ тяготѣло двѣ вины: казнь казачковъ Елисѣева и другихъ и невнѣстка въ Сызрань по доносу казака Бориса Чернаго казачковъ *Облинина* и *Нагибина*, объявившихся въ покупкѣ луженныхъ иѣдныхъ денегъ.

Бородинъ также сознался во всемъ. Онъ рассказалъ подробно, какъ былъ посланъ Елисѣевъ съ казаками Мусатовыми и Старченко, какъ они вернулись обратно на Яикъ по его призыву.

„А о привозѣ Елисѣева на Яикъ письмо писалъ къ Мусатову для того, что ожидали на Яикъ изъ Астрахани поручика Кустова для розыску, говорилъ Бородинъ. И по привозѣ, по совѣту войска приняли его безъ указа съ простоты, и содержали его, Елисѣева скована. А казни ему при моемъ атаманствѣ не было, а казненъ онъ при атаманствѣ Ивана Щербакова“ ²⁾.

Относительно доноса казака Чернаго, Бородинъ заявилъ, что Облинина и Нагибина онъ не выслалъ въ Сызрань по совѣту всего войска, потому что ожидали поручика Кустова ³⁾).

Изъ войсковой избы былъ принесенъ Захарову подлинный доносъ Елисѣева, поданный имъ въ Казани еще въ 1720 году и посланный оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Астрахань „за печатью царства казанскаго“.

„Царскаго Пресвѣтлаго Величества ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу Салтыкову съ товарищи — Яицкой казакъ Иванъ Елисѣевъ объявляетъ въ словѣ противъ отпискѣ войсковой и то писано ниже сего. Вудуча на Яикѣ въ кругу при войскѣ били челоуъ Великому Государю два челоуъка русскіе кузнецы и подали челобитвую и среди кругу стала читать и прочли Царскаго Величества титулу и вышелъ изъ стѣны Яицкой казакъ *Степанъ Лукьяновъ сынъ Сумкинъ* обругалъ Царское Величество въ тятлѣ скаредною бравлю неудобсказанною и то буду объявлять на словахъ Вашему Превосходительству, и послѣ кругу на бесѣдѣ уличалъ его атамана Яицкой казакъ *Афанасій Ивановъ сынъ Назаровъ* „хорошо-де у милости вашей въ кругу при войску Царское Велич. ругать“ — при свидѣтеляхъ, при

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 3, свѣзка 56, дѣло № 14, листы 2—7. Фамиліи остальныхъ старшинъ неизвѣстны. Всего было обвинено 26 челоуъкъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ и старшинъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 89, дѣло 68 (1782 г.) листъ 1.

³⁾ Тамъ-же.

Яицкомъ казакѣ при *Федортъ Силишинтъ*. Въ нынѣшнемъ 720 году—пришедъ Царскаго Величества указъ на Яикъ въ Сызрану отъ каменданта велѣно съ Яику взять по оговору Яицкаго казака *Бориса Иванова сына Чернаго* въ мелкихъ и мелкихъ луженыхъ деньгахъ, о покункъ тѣхъ денегъ воровскихъ *Сенку Облипина сына Чумака, да Григорія Нагибина сына Ивана*, и оный атаманъ дружа и ярова къ ствѣту не выслалъ и тѣ люди ходятъ нынѣ на Яикъ на яву. Да въ прошломъ 719 году пришедъ къ атаману Яицкой казакъ *Михаило Никитинъ сынъ Купрениновъ* и говорилъ атаману много число съ нечестіемъ „посади-де меня на цѣпь“, а со мною посади иноземца *Ивана Сидорова сына Лба* ¹⁾ и говорилъ, я-де доведу Хивинское дѣло въ тонкость и посылайте меня въ Казань немедленно, и оный атаманъ Никита Бородинъ велѣлъ посадить его на цѣпь, а оный Иванъ Сидоровъ укрылся я на утре появился и войскомъ ихъ Михаила и Ивана и Андрея приказали выслать въ Казань, и оный атаманъ *Никита Бородинъ* держа я ярова ихъ невыслалъ и, какъ я рабъ вашъ сказалъ слово, и они меня держали на цѣпи—три недѣли и приговаривали казнить немногіе люди, которые съ нимъ атаманомъ въ думъ *Гарасимъ Логиновъ*, который нынѣ прибылъ казака за Казанской судъ, что попросился въ Казань къ суду. *Иванъ Васильевъ, Андрей Грехомолинъ, Иванъ Косогоръ* и я, рабъ вашъ вида ихъ думу и сталъ взвѣщать страннѣишъ (постороннѣишъ) людямъ, чтобъ —миѣ не погнать напрасно и просилъ у войсково милости, чтобы на которыхъ я буду указывать и вамъ бы выслать со мною безъ замедленія и они тѣхъ людей не выслали только при миѣ дали ихъ на крѣпкія поруки, а они говорили когда-де будетъ Царскаго Величества указъ тогда-де и поѣдемъ; а послѣ приговору казни просили у меня письма за своєю рукою, что-де ты ничего ни за кѣмъ не знаешь. А буде я рабъ вашъ въ семъ своемъ доношеніи написалъ что ложно, или по семъ моемъ доношеніи, что въ немъ написано не сыскано будетъ я въ той моеи винѣ воленъ Великій Государь“ ²⁾. Какъ видимъ изъ этого доноса, что тутъ едвали могло быть что либо серьезное.

Въ то время вольное казачество не знало сдержанности и говорилъ свободно, объ чемъ хотѣло, особенно въ кругухъ. Не даромъ заирозцы говорили, что „быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣнить“ ³⁾. Люди не привыкли стѣсняться въ своихъ выраженіяхъ, а по пьяному дѣлу и тѣмъ болѣе.

Каждому вновь прибывшему на Яикъ эта свобода слова, свобода въ дѣлахъ послѣ приказной московской опеки и барщины, особенно рѣзко бросалась въ глаза. Елисейвъ въ своемъ доносѣ написалъ именно то, что овъ въ

¹⁾ Это известный уже намъ князь Иванъ Сидоровъ Лобинъ (онъ-же Лобъ) иноземцемъ овъ назывъ потому, что былъ родомъ поганецъ и крещенъ въ войскъ.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прив. Сем. по Вост. Кол. Ч. 2, листы 512—518. Этотъ доносъ не былъ своевременно помѣщенъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 577 настоящ. очерка) ввиду того, что найденъ уже послѣ напечатанія соответствующей главы.

³⁾ Смолрих 246 страницу настоящаго очерка.

привыкъ видѣть и слышать у себя на Руси, но что было обычнымъ явленіемъ на вольномъ Яикѣ. Въ глазахъ казанскаго губернатора, а теперь и полковника Захарова этотъ доносъ являлся уже крупнымъ дѣломъ—обвиненіемъ въ государственномъ преступленіи, въ измѣнѣ, особенно сношенія казаковъ съ Хивой. Между тѣмъ и въ послѣднемъ случаѣ по вольному казачьему праву—въ этомъ не было никакого преступленія: казаки вели торговныя сношенія не только съ Хивой, но вообще со всѣми инородцами края такъ-же, какъ они торговали и съ Москвою и со всѣми остальными городами Руси.

Наконецъ послѣ многочисленныхъ допросовъ очередь дошла до Рукавишниковова.

Не свободнымъ и смѣлымъ народнымъ вождемъ, а закованнымъ въ кандалы, подъ надзоромъ солдатъ и заплочнаго мастера появился теперь Рукавишниковъ передъ грозною комиссією и среди опустившихъ головы своихъ земляковъ, готовыхъ когда-то идти по его зову куда и на что угодно. Его земляки уже шли противъ него.

Допросы начались. Побывавъ у заплочнаго мастера, Рукавишниковъ повинулся во всеи:

„Присланнаго маіора Воейкова на Яикъ не пущать и подѣ розыскъ къ нему не идти не велѣлъ я-же,—говорилъ Рукавишниковъ,—и о томъ при отъѣздѣ своемъ въ Санктпетербургъ атаману Щербakovу приказывалъ и писемъ къ нему о томъ съ дороги писалъ. А когда я былъ у присяги спрашиванъ въ военной коллегіи по пунктамъ и то я сказалъ неправду и учинилъ присягу лживую* 1).

Сознался Рукавишниковъ и въ посылкѣ писемъ о казни казаковъ Елисеѣва и Назарова, а также и въ томъ, что по его приговору былъ разстрѣлянъ старшина Мордвицевъ.

Сознался и въ томъ, что онъ въ кругу заявлялъ, что во всеи этомъ онъ будетъ въ отвѣтъ одинъ 2). Много-ли было допрошено свидѣтелей по этому розыску—неизвѣстно.

Былъ сдѣланъ особенный допросъ и атаману Григорію Меркулеву. По доносу Карташева онъ обвинялся, какъ извѣстно, въ томъ, что „учинилъ въ кругу приговоръ въ возмущеніи бунта, чтобъ для челобитья въ Казань никому не ѣздить и Казанью не хвалиться, а кто хвалится и тѣхъ бить въ ричажья патырнмъ или шестернмъ до смерти“.

Будучи по этому поводу на разспросѣ еще въ Казани, онъ и Никита Зѣвакинъ и другіе казаки въ этомъ не сознались. Но подѣ пытками заплочнаго мастера въ розыскной канцеляріи Захарова Меркулеву и остальные казаки повинились 3). Надъ нимъ стало тяготѣть преступленіе въ дачѣ

1) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Прав. Сената по Военной Коллегіи № 9/во, листы 501—502. Экстрактъ Захарова.

2) Тамъ-же, листы 504—505.

3) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, св. 8, листъ 557.

„ложной сказки“.

Были-ли посажены под арест виновные в этомъ казаки — неизвестно.

Неизвестно также и то, были-ли Захаровымъ взяты под караулъ все виновные старшины и казаки. Но по духу того времени едва ли можно допустить, чтобы старшины были оставлены на свободѣ. Ихъ постигла, вѣроятно, участь Рубавишниковъ и Ватопнова съ ихъ товарищами.

Прошло всего десять дней со дня прибытія Захарова на Янкъ, но уже тамъ дѣла круто измѣнились не въ пользу Захарова. Казаки не видѣли той правды, которую они ждали отъ праводушнаго государева раба. Не взяточниковъ, не неправыхъ сыщиковъ судилъ онъ и призывалъ къ отвѣту, не тѣхъ лихоимцевъ, о которыхъ Рукавишниковъ просилъ оборонять войско, хваталъ онъ подъ караулъ, а судилъ, пыталъ и ковалъ тѣхъ, кто были выбраны войскомъ, какъ ходатаи за войско, судилъ лучшихъ, „старыхъ“, уважаемыхъ всеми людей и судилъ за то, что предъ лицомъ казаковъ являлось только должнымъ исполненіемъ ихъ воли, освященнымъ вѣками обычаемъ, одною изъ казачьихъ вольностей полнаго самоуправленія. Недопускъ Воейкова и казни войскомъ измѣнниковъ казаковъ были лишь слабою мѣрою борьбы народа противъ насилія рознищиковъ, единственный способъ защиты войска отъ нашествія грабителей и лихоимцевъ. Въ своей наивной простотѣ темная масса казаковъ не понимала, что, не пуская Воейкова въ городъ, они въ глазахъ Москвы совершали государственное преступленіе, бунтъ противъ власти, хотя бы одновременно съ этимъ и просили себя праводушнаго и честнаго рознищика, не отказываясь повиноваться ему и высшей власти. Казаки видѣли, что судъ идетъ только надъ ними, а объ рознискѣ надъ взяточниками не было и помину.

Люди же на Янкѣ въ то время были совершенно другого духа, чѣмъ в Руси. Люди вольные, не знавшіе надъ собою ничьей власти, не признававшіе ни малѣйшаго насилія. Вольный духъ царилъ тогда на Янкѣ во всей своей силѣ.

При Захаровѣ на Янкѣ были живы еще соратники Разина, свидѣтели вольной казачьей жизни, независимой отъ Москвы, жизни полной опьскостей и приключеній, морскихъ налетовъ за добычей, жизни подвиговъ, безшабашной удали, замѣчливой повитической жизни, не знавшей ни боярскихъ и ни князьскихъ оковъ, не признававшей ни насилія помѣщиковъ, ни тяжелого рбства. Здѣсь было много очевидцевъ убійства башкиръ въ городѣ, казни войскаго атакана Бѣлоусова, людей, привыкшихъ къ полной независимости съ высокоразвитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, привыкшихъ уважать общину и всѣхъ членовъ этой общины, такихъ-же вольныхъ, какъ и она, казаковъ. Больше половинны изъ нихъ были въ многочисленныхъ и продолжительныхъ походахъ, люди обстрѣленные, не разъ видѣвшіе предъ собою ужасы смерти, люди, не умѣвшіе писать, но привыкшіе своими мозолистыми руками твердо держать грозное копьѣ и не дрогнувъ наносить страшные сабельные удары.

Это были люди, не боявшиеся ничего, каждую минуту готовы встретить опасность, для которых плзнь и смерть были ежминутными и ежедневными врагами. Закаленные и тѣломъ и душою, они непрерывно глядѣли въ глаза смерти, но не падали духомъ, а мужественно, рѣшительно, смѣло глядѣли ей въ глаза и съ непоколебимымъ спокойствіемъ и безстрашіемъ вступали съ нею въ отчаянный и рѣшительный бой и сотни разъ выходили побѣдителями.

Жизнь ихъ была копѣйка! Что же стоило остальное?!—ничего!—Оно не стоило и этой копѣйки!

Одно лишь было для казака завѣтное и дорогое—это его воля. За нее онъ былъ готовъ отдать и самую жизнь и все свое достояніе. Его святое была та свобода, ради которой онъ ушелъ сюда на далекую и невѣдомую занольную рѣку, отъ прозявола, царившаго на Руси! Милѣе всего ему была его вольная община, построенная по той Божьей правдѣ, которая диктовалась ему въ глубинахъ его мягкого, отягчевнаго и великодушнаго славянскаго сердца. Всѣ равны предъ Богомъ—говорило ему сердце, всѣ должны быть равны и предъ закономъ. И здѣсь, на Яикѣ, казакъ устроилъ свою общину такъ, какъ диктовало ему его сердце. Тутъ каждый былъ равенъ во всемъ съ остальными, пользовался полною свободой и зналъ, что въ случаѣ бѣды онъ найдетъ защиту у всѣхъ членовъ этой общины.

Здѣсь не было ни баръ, ни чиновниковъ, ни откупщиковъ, ни помѣщиковъ, ни всего того, что давило все живое на Руси тяжелымъ гнетомъ.

Но вотъ пріѣхалъ Захаровъ—жидный войскомъ милостивый и справедливый судья, оборона войска отъ насилія московскихъ лихоицевъ! И что же видать казаки? Не волю, не свободу, не ихъ поправныя права пріѣхалъ защищать этотъ человекъ!

Всѣми фибрами своей оскорбленной души они вистинитивно почувствовали, что ихъ волѣ, ихъ правдѣ наступаетъ конецъ.

Захаровъ вуетъ и мучаетъ въ застѣвкѣ всѣхъ тѣхъ, кто ратовалъ за казакскую волю, за вѣками освященныя права общины. Стояи мучимыхъ заключенныхъ мастеровъ этихъ казаковъ разносились по улицамъ городка—ихъ слушали толпы казаковъ, тѣхъ казаковъ, которые поддерживали ихъ во всемъ, которые послали ихъ съ челобитьями на лихоицевъ, давали слово и глазами стоять за нихъ стѣною и грудью.

Они видѣли, что у Москвы правды они не найдутъ, что тамъ все понимали иначе, чѣмъ ихъ не умѣвшее лукавить безхитрое сердце. То, что казалось имъ правдой, Москва считала преступленіемъ, что казалось имъ внешней несправедливостію—лихоиство, крѣпостное право, деспотизмъ—все это у Москвы считалось и обязательнымъ и законнымъ, считалось краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго строя. Въ лицѣ Захарова была неумолимая, жестокая, рабская Москва, въ лицѣ казаковъ—окрыленная душою и сердцемъ свобода! Сошлись два міра, совершенно противоположныхъ, непони-

жавшихъ другъ друга, — міра, между которыми лежала глубокая пропасть, разъдѣлявшая ихъ на два нетерпящихъ другъ друга и опасныхъ другъ другу лагера.

Два непримиримыхъ врага готовились къ рѣшительному бою. Одинъ во всеоружіи драконовскихъ петровскихъ артикуловъ и не менѣ жестокихъ глазъ соборнаго уложенія при помощи двухъ ротъ солдатъ дѣлалъ послѣдній натискъ со стороны Москвы, чтобы сломить упорство и свободу врага, взявшаго за собою только свое вѣками освященное обычное право и страшную непреодолимую жажду къ свободѣ и самоуправленію. Казаки стали готовиться къ бою.

Скрытно, тайно собирались они по ночамъ и составляли противъ Захарова заговоръ.

Съ перваго-же дня сыска Захарова Рукавишниковъ предвидѣлъ, что войсковое дѣло проиграно, что ни ему, ни его товарищамъ не мѣновать крутой расприаны, что ни ему, ни старшинамъ не сносить своихъ головъ.

Онъ сталъ тайно вести переговоры съ войскомъ. Ему удалось завести сношенія со своими товарищами черезъ казака *Михаила Краснощекова*; Рукавишниковъ предлагалъ войску бѣжать „*емиза на море и искать для житія способное мѣсто*“. Краснощековъ все слышанное отъ Рукавишникова передавалъ казаку *Якову Яганову* и сотнику *Василію Азовскому*, которые явились душою совершавшагося заговора.

Въ числѣ другихъ главныхъ заговорщиковъ были: уже извѣстный намъ сотникъ *Дмитрій Чувашениковъ*, не пустившій Воейкова въ городокъ, сотникъ *Василій Губинъ*, казаки *Петръ Курочкинъ*, *Данила Ларіоновъ*, *Василій Чебаковъ* и *Матей Самаринъ*¹⁾. Все войско вполне раздѣляло ихъ думы — они рѣшали бѣжать на море, дальше отъ неправыхъ волокъ и отъ московскаго лихомяства. И что они могли бы потерять?! — Сырня земляки, выртыя на сепелищѣ сгорѣвшаго городка? Да стоило-ли ихъ жалѣть! Не жалѣли-же они раньше свои дома и семьи въ покинутой ими Русь? Воли для нихъ была дороже и родины и семьи.

Терять имъ было нечего!

Не все-ли равно гдѣ ни жить, лишь бы было свободно, лишь бы жилось хорошо!

„Сколько вамъ ни жить, добраго глядѣть нечего! — говорили заговорщики — надо идти въ Хиву! Игвашка Некрасовъ ушелъ въ турецкую землю, не хуже и вамъ будетъ честь, чѣмъ и ему!“²⁾

Для совершенія побѣга войско тайно выбрало новаго атамана *Василія Яковлевича Ураччинцева*³⁾. 25 марта ночью состоялся послѣдній совѣтъ въ

¹⁾ Московскій Архивъ Минист. Юстиціи, дѣло Правительства. Сената, по Воен. Коллегіи № 4/10, листы 500—502. Экстрактъ Захарова.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секретн. дѣло Преобр. приказа, опись 287, связка 41, дѣло 36, листы 17 и 18. Цокава. кля. Яганова и Краснощекова.

³⁾ Онъ-же Ураччинцевъ.

домъ казака Петра Курочкина. Сюда пришла Ягановъ и Самаринъ. Было окончательно рѣшено выполнить планъ возможно скорѣе, пока войско еще въ сборѣ и не развѣхалось на рыбную ловлю и за другими дѣлами. Рѣшили планъ выполнить въ ночь съ 26 на 27 марта. Войско должно было напасть врасплохъ на команду Захарова „для отымавья Рукавишникова, съ ружьемъ и отбить; а какъ его отобьютъ и потомъ присланныхъ полковника и маіора и офицеровъ и конвой побить, для того, что войско разорится, ежели Рукавишникова не выручить“¹⁾, а потомъ бѣжать въ Хиву или на море „искать для житья способное мѣсто“, искать новый, вольный Яикъ.

На другой день, 26 марта, собрался войсковою кругъ. Казаки рѣшили вначалѣ дѣйствовать нѣсколько иначе. Сотникъ Азовскій и казаки Петръ Курочкинъ и Данило Ларионовъ заявляли войсковому атаману Меркульеву, „чтобы о свободѣ атамана Федора Рукавишникова и другихъ казаковъ, которые держатся подъ карауломъ, подать доношеніе“. Войско думало сдѣлать свое дѣло безъ кровопролитія—хотѣло выручить своихъ товарищей мирнымъ путемъ, а уже потомъ уходить въ степь или на море.

Но Меркульевъ не согласился съ рѣшеніемъ круга. Чувствовалъ-ли онъ, что заговоръ можетъ не удасться, жалѣлъ-ли онъ покинуть насиженное мѣсто на Яикѣ или-же имъ руководили какія-либо другія побужденія, но на этотъ разъ Меркульевъ не пошелъ рука въ руку съ войскомъ, какъ раньше. Онъ не согласился съ мнѣніемъ круга.

— Такого доношенія писать не надо!—говорилъ атаманъ войску: не надлежитъ его писать для того, что разыскивать велѣно по его императорскаго величества указу изъ сената и изъ государственной военной коллегіи, и казаки, которые держатся подъ карауломъ, держатся по своимъ винамъ!²⁾

Но кругъ не согласился съ атаманомъ. Войско возмущалось и главные заговорщики Азовскій, Курочкинъ и Ларионовъ выступили изъ круга и сказали Меркульеву:

— Ежели не хочешь стоять за Рукавишникова и за казаковъ, которыхъ разыскиваютъ, то сдай атаманство!³⁾

Это было предложеніе, равносильное смѣнѣ Меркульева съ атаманской должности. Онъ не хотѣлъ исполнять воли народа—его увольняли.

Послѣ этого заявленія Меркульевъ, „слыша ихъ такія слова, по ихъ обычаю, положивъ настыку, вышелъ изъ круга вонъ“⁴⁾.

Что происходило въ это время въ душѣ у Меркульева—трудно сказать, но еще вчерашній ходатай за войско, сотникъ и союзникъ Рукавишникова, Меркульевъ на этотъ разъ сдѣлался доносчикомъ.

¹⁾ Такъ-же. Дѣла Сената по Воен. Кол., № 1/20, листы 500—502.

²⁾ Московскій Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣло Правительствующаго Сената по Военной Коллегіи, № 4/20, листъ 500.

³⁾ Такъ-же.

⁴⁾ Такъ-же.

Изъ круга овъ пошелъ къ Захарову. Здѣсь въ разсыской канцеляріи овъ заявилъ все, что ему было извѣстно о заговорѣ и о томъ, что въ собравшемся кругу „остались многіе люди и опасевъ овъ отъ той ихъ думы всякаго худа и возмутательства къ бунту“ ¹⁾.

Положеніе Захарова было критическое. Его жизнь и жизнь его солдатъ висѣла на волосѣхъ. Овъ энергично взялся за дѣло. Немедленно-же были схвачены главные заговорщики—сотникъ Азовскій и казаки Курочкинъ и Ларионовъ.

Начался розыскъ. Подъ пытками заплочнаго мастера и его подмастерій вождя назрѣвавшего бунта сознались во всемъ. Они выдали и другихъ участниковъ: Яганова, Краснощекова, Матвѣя Самарина, Дмитрія Чувашенинова, Василя Чебакова и Василя Губина.

Всѣ они были схвачены, питаны и также сознались въ заговорѣ.

— Хотѣли мы бѣжать на низъ, на море,—говорилъ Уравчинцевъ,—и искали для житья себѣ способнаго мѣста ²⁾.

Были произведены очныя ставки. Казаки не запырались.

Стали допрашивать Рукавишниковъ. Овъ повчился во всемъ.

Овъ сознался, что былъ битъ кнутомъ и заорлепъ въ лобъ въ Преображенскомъ приказѣ и что былъ сосланъ на каторгу, но съ каторга бѣжалъ и пришелъ на Янкъ ³⁾.

— О возмущеніи того бунта, чтобъ меня, какъ ви есть, отбить изъ-за караула, казака Михаила Дементьева сына Краснощекова къ атаману и ко всѣмъ сотникамъ для того послалъ,—говорилъ Рукавишниковъ.

Назрѣвавшій заговоръ былъ остановленъ въ самый послѣдній и рѣшительный моментъ. Главари были схвачены и посажены подъ караулъ. Войско осталось безъ руководителей. Вся ихъ лучшая часть, всѣ старшины были тоже подъ карауломъ. Лешавшася вождей, войско затихло.

Въ то же время Захаровъ немедленно приступилъ къ суду надъ виновными заговорщиками.

Судъ былъ скорый. Рукавишниковъ „за лживую присягу“ при допросѣхъ въ военной коллегіи и за ложное тамъ покаяніе, „за убійство казаковъ которые были разстрѣлены по песьмамъ и по приговору его, Рукавишниковъ, за недоуканіе на Янкъ майора Исейкова, и побѣгъ съ каторги и за явѣшній уищселъ къ начинанію бунта“ былъ приговоренъ къ смертной казни—къ четвертованію. Сотники Чувашениновъ и Азовскій—къ повѣшенію ⁴⁾.

Тотчасъ-же по окончаніи суда этотъ приговоръ былъ приведенъ Захаровниъ въ исполненіе „дабы единомышленникамъ ихъ въредъ ее приобщали себѣ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 500.

²⁾ Тамъ-же, листъ 501.

³⁾ Тамъ-же, листъ 501. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ самого сѣдственнаго дѣла, является нрѣшительнымъ, когда и за что былъ сосланъ Рукавишниковъ къ каторгу.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 502.

других согласниковъ для отбитія ихъ и всенароднаго Яицкаго войска страху, чтобъ оное злое ихъ умышленіе весьма скоро пресѣдлось" ¹⁾, доносить Захаровъ въ военную коллегію.

Эта позорная казнь народнаго вождя была, вѣроятно, совершена у войсковои избы, среди собравшихся казаковъ. Здѣсь казаки — и все войско Яицкое, ихъ жены и дѣти могли видѣть въ первый разъ, какъ работали московскіе заплечные мастера, видѣть еще невиданную ими казнь — четвертованіе. Правда, казаки и сами казнили своихъ виновниковъ, но ихъ казнь была рыцарская — военная, они разстрѣливали своихъ преступниковъ или топили ихъ въ воду — разъ преступленіе было низкаго характера — воровство, насиліе или что либо въ этомъ родѣ. Они лишали жизни моментально, не издѣваясь надъ преступникомъ.

Но казни мучительной, казни, унижающей человѣческое достоинство, они еще не знали; они не совмѣщали съ христіанскимъ милосердіемъ и съ чуткостью и мягкостью русской души утонченную жестокость.

Руканишниковъ былъ казненъ самою мучительною и самою лютю казнью того времени.

Но пока шли судъ и расправа, недовольная Захаровымъ и возмущенная доносомъ Меркульева партія казаковъ во главѣ съ атаманомъ Василиемъ Урачичевымъ обдумывала новое рѣшеніе — послать доносъ царю Петру на ненавистнаго теперь для нихъ атамана Меркульева.

Меркульевъ выдалъ ихъ головою! Онъ намѣнилъ войску. Изъ за него казнили Руканишникова, казнили другихъ казаковъ. Десятки ихъ сидятъ подъ карауломъ. Это ему не должно провѣсти даромъ! Казаки вспомнили все что только знали за Меркульевымъ, все, что могло-бы заставить его побывать въ рукахъ заплечнаго мастера и по возможности привести его на плаху.

Все было вспомнено, перерыта вся пыль и доносъ былъ готовъ.

Для отвоза доноса войско выбрало двухъ повѣренныхъ казаковъ — *Михаила Деметъева Краснощекова (онъ-же Волковъ)* и *Якова Михайлова Янцова*.

Царю была написана челобитная; казакамъ же выдано проѣзжее письмо. Все это дѣлалось тайно отъ Захарова и отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ-бы ихъ выдать ²⁾.

Посланные выѣхали 2 апрѣля.

Въ войсковомъ музеѣ хранится подлинное проѣзжее письмо, данное войскомъ посланнымъ казакамъ. Письмо это, написанное казаккомъ *Осипомъ Ивановымъ*, даже по тому времени въ высшей степени безграмотно:

„1722 г. мѣсяца апрѣля 2 числа, — говорится въ письмѣ, — отписка отъ всево воскова послани яицкіе казаки леховая станица атаманъ Михайла Деметъевъ да есаулъ Яковъ Михайловъ и яицица онымъ казакамъ въ вое-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., опись 287, связка 41, дѣло 36, листы 8—22. Секретное дѣло Преображенскаго приказа.

ноцонъ-ряле ¹⁾ Олександру Даниловичу Меньшикову нигдѣ бы оныхъ казакъ ни на городахъ ни на заставахъ и господамъ ланьстратамъ и фискаламъ не держать что-бы пожаловать пропускать въ селехъ и деревняхъ старостамъ и выборнымъ и приказнымъ людямъ не держать чтобъ пожаловать пропускать и всякому чину людямъ никакой бы заворухмы онымъ козакамъ учинить. Къ сей отпискѣ войсковая печать приложена“.

Печать, которая приложена къ этому любопытному документу, тоже самая, о которой уже говорилось ранѣе: изъ воска, овальной формы, на печати изображенъ во весь ростъ человекъ, держащій въ правой рукѣ ружье; лѣвая же рука уперта въ бедро. Надъ головою фигуры едва различимы двѣ буквы „пе“ видно остатокъ надписи: „печать“. Внизу фигуры слѣды буквъ, ра-зобрать которые трудно.

Это единственный памятникъ войсковой печати петровскаго времени сохранившійся до насъ.

Безграмотство проѣзжаго письма говоритъ лишь о томъ, что войско все это дѣлало въ высшей степени тайно, боясь огласки. Отъ письма былъ устраненъ даже войсковой дьякъ, который конечно написалъ бы бумагу болѣе грамотно и по установленному, выработанному образцу для проѣзжихъ грамотъ.

Въ чемъ состояла челобитная къ царю, объ чемъ собственно жаловалось войско—неизвѣстно. Эта челобитная была даца Яганову и дѣлалось все это настолько тайно, что его товарищъ Краснощекъ объ ней даже и не зналъ. Между тѣмъ Захаровъ приступилъ къ розыску всѣхъ виновныхъ къ заговору казакъ. Стали искать Яганова и Краснощекъ, но ихъ не нашли—они успѣли выѣхать изъ городка.

Вмѣстѣ съ этимъ Захаровъ своею властью отрѣшилъ избраннаго войскомъ атамана Уракинцева отъ атаманства и вмѣсто него назначилъ испытаннаго уже имъ стараго атамана Меркулева.

Съ желаніемъ войска и съ его обычаями Захаровъ считаться не пожелалъ.

Доносъ обо всемъ происшедшемъ въ военную коллегію и представляя экстрактъ о розыскѣ надъ Рукавишниковымъ и другими, онъ между прочимъ писалъ:

„А останіе товарищи ихъ, которые въ томъ умыслѣ (въ заговорѣ) съ ними были, вынѣ не караны, пока достальвые ихъ товарищи и единомышленники кто въ томъ причичался сысваны будутъ имъ на обличенія и очныхъ ставокъ, а того ихъ атамана, котораго онъ Азовской съ единомышленника своими выбрали самовластно, для вспоможенія злого ихъ возмущенія взялъ подъ караулъ, по оговорамъ оныхъ-же асмутителей и розыскивается въ томъ, о чемъ и въ экстрактѣ показаво; и того ради принуждены публиковать всеа-родно на Явѣ, чтобъ прежняго атамана Меркулева, который донесъ о томъ возмущеніи, до указу Его Императорскаго Величества, не смѣнять и своевольныхъ

¹⁾ Здѣсь безграмотный писецъ, вѣроятно, хотѣлъ написать „военную канцелярію“, но только что введенное Петромъ иностранное слово канцелярія не далось писцу и онъ его совершенно исковеркалъ.

круговъ до окончанія розыску, безъ нашего вѣдома не собирать, а собирать съ вѣдома нашего, чтобъ другіе чрезъ ихъ самовольные круги не приобщались ко онымъ возмутителямъ и совѣтникамъ ихъ, и нынѣ вышепоказанный атаманъ Меркульевъ на Яикѣ—атаманомъ* 1).

Такимъ образомъ Захаровъ своею властію отиѣвилъ вѣковой обычай казаковъ выбирать себѣ атамана по своей волѣ и запретилъ даже собираться безъ его разрѣшенія въ круги.

Боясь новаго заговора, и обремененный колодниками, онъ просилъ коллегію прислать къ нему еще солдатъ. „Покорнейше просимъ, — писалъ Захаровъ отъ лица всей комиссіи, — о прибавкѣ конвою, повеже отъ учиненнаго казацкаго злого умыслу имѣемъ ни малое опасеніе, а конвой имѣемъ только двѣ роты, которые драгуны и солдаты стоятъ на караулехъ денно и ночью безсѣбно отчего и больные являются также и колодниковъ содержится по розыскамъ многое число и тѣмъ конвоемъ малымъ въ бытность нашу того розыску управиться невозможно. Да покорно просимъ для посылки чрезъ степь, чтобъ повелѣно дать намъ изъ Самарскихъ кованныхъ казаковъ, ибо они изобичены тѣмъ степи тайно пробѣжать отъ непріятельскихъ людей: каракалпаковъ и киргизовъ и другихъ басурмановъ; еще-жъ покорно просимъ, чтобъ повелѣно было указами Его Имп. Вел. по посланнымъ нашимъ за руками подорожными курьерамъ давать подводы безъ задержанія; а съ городехъ безъ повелительнаго указа командиры тѣмъ нашимъ подорожнымъ курьерамъ подводу не дадутъ, и затѣмъ чинятся остановки; да еще-жъ покорно просимъ дабы посланному при насъ конвою и на денщиковъ нашихъ подтверждено было повелительнымъ указомъ прислать по требованію нашему провіантъ вуредъ изъ Казани по каместу у того розыску будемъ, а оному конвою выдать только провіантъ изъ Казанской губерніи по августу мѣсяцъ сего году, а ежели къ августу мѣсяцу провіантъ на конвой не пришлется, то тотъ конвой будетъ претеривать гладъ; а на Яикѣ провіантъ покупается по пяти рублей четверть и того не можно на Яикѣ сыскать купить двадцати четвертей* 2).

Выѣхавъ изъ Яицкаго городка, Ягановъ и Краснощековъ, боясь преслѣдованія, поѣхали въ сторону отъ большой дороги, шедшей на Самару—они двинулись прямо степью верхами. На Узеняхъ имъ пришлось переправляться влავъ, но переправа вышла неудачна, — Ягановъ утопилъ сѣдло и переметныя сумы, въ которыхъ была положена челобитная къ царю.

Наконецъ, послѣ десятидневнаго путешествія казаки 13 апрѣля пріѣхали въ приволжскую солдатскую слободу *Коромысловоку*. Здѣсь у Краснощекова имѣлся знакомый походный солдатъ Перфілій *Камской*, который часто бывалъ на Яикѣ. Казаки остановились у Камскаго и сказали ему, что ѣдутъ по войсковымъ дѣламъ въ Москву.

1) Моск. Архивъ Имп. Уст., дѣла Прав. Сената по Военной Коллегіи 1780, листъ 502.

2) Тамъ-же, листъ 503.

Но надо было случиться такъ, что въ это время въ слободѣ находились солдаты поручика Порѣцкаго, присланные сюда для сыска бѣглыхъ.

Одинъ изъ солдатъ *Крыловъ* узналъ въ Краснощековѣ бѣслаго солдата *Михаила Волкова*. Было дано знать слободскому сотнику *Сухорукову*, который, взявъ двухъ оставшихъ солдатъ, направился къ квартирѣ казаковъ.

Но Камской Краснощекова не выдалъ и сказалъ, что онъ его уже давно знаетъ на Яикѣ и давъ подписку, оставилъ его у себя на поручахъ. Сотникъ же *Сухоруковъ* далъ знать объ этомъ поручику Порѣцкому, жившему въ Симбирскѣ. Представленные по его приказу въ Симбирскѣ Ягановъ и Краснощековъ подали ему пробѣзжее письмо, выданное атаманомъ Урачичевымъ. Но опытный уже въ этихъ дѣлахъ, все время находившійся на Волгѣ исключительно „для сыску бѣглыхъ солдатъ и искорененія воровъ“, Порѣцкій, взглянувъ на подавную бумагу, сразу сообразилъ по ея безграмотности, что тутъ что то не такъ. Уже одно появленіе казаковъ вдали отъ тракта давало ему поводъ заподозрить въ нихъ бѣглецовъ. Порѣцкій взялъ ихъ подъ караулъ, вмѣстѣ съ оставшимъ солдатомъ Камскимъ.

Стали производить допросъ.

Краснощековъ съ первыхъ же словъ сознался въ томъ, что онъ бѣглый солдатъ, что зовутъ его *Михаиломъ Дементьевымъ Волковымъ*, а на Яикѣ далъ прозвище Краснощековъ. Родиною онъ „Казанской губерніи, Алатарскаго уѣзда, вотчины князь *Ивана Григорьева сына Лыкова* села *Лавы*, — крестьянскій сынъ, отецъ его изъ того села сошелъ въ Симбирскій уѣздъ въ солдатскую слободу *Карабаевку*, а его свелъ въ малыхъ лѣтахъ; и изъ той слободы по возрасту сошелъ онъ въ Симбирской-же уѣздъ въ солдатскую слободу *Коромысловку*, изъ той слободы всталъ онъ въ солдаты въ 704 году, по разбору *Александра Сергѣева* и былъ въ Смоленскомъ полку подпоручицкомъ два года, изъ того полку изъ Астрахани бѣжалъ, а бѣжавъ пришелъ въ поманутую слободу *Коромысловку* и взявъ жену свою сошелъ въ казачій Яицкой городокъ и съ того числа жилъ въ томъ городкѣ по приему атамана *Матѣя Миронова* въ казакахъ, а въ казаки онъ же атаманъ его написалъ“¹⁾.

Отставной солдатъ Камской заявилъ, что онъ не далъ Волкова сотнику *Сухорукову* потому, что былъ пьянъ и не зналъ того, что Краснощековъ былъ бѣглый солдатъ и что его настоящая фамилія *Волковъ*.

Порѣцкій оставилъ ихъ подъ карауломъ.

Между тѣмъ на Яикѣ до *Захарова* дошли слухи, что не размыслившие ни Ягановъ и Краснощековъ и еще одинъ казакъ *Иванъ Сидоровъ*²⁾ съ Яика

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секретная дѣла Преобр. приказа, опись № 287, свѣдка 41, дѣло 38, листъ 5.

²⁾ Это, вѣроятно, былъ извѣстный уже намъ торговый казакъ казачьяго происхожденія *Иванъ Сидоровъ Лобякъ* (онъ-же *Лобъ* и *Лобиковъ*).

бѣжали для подачи жалобы. Энергичный Захаровъ немедленно послалъ за ними въ погоню двухъ казаковъ *Василія Приткова* (оный же Приткой) и *Леонтія Сумкина*; 6 апрѣля они выѣхали изъ города, получивъ письмо отъ Захарова въ сызранскому коменданту о поимкѣ бѣглецовъ.

Посланнныя, прибывъ въ Симбирскъ 19 апрѣля, явились коменданту майору *Дмитріеву*, которому и подали письмо отъ Захарова, сами-же поѣхали въ Симбирскій уѣздъ для розыска бѣглецовъ. Въ селѣ *Дворянскомъ*, остановившись для корма лошадей, они узнали, что розыскиваемые казаки находятся у *Порѣцкаго*.

Когда же посланнныя 21 апрѣля явились къ *Порѣцкому*, то оный бѣглецовъ имъ не отдалъ, а, взявъ и ихъ подъ караулъ, отправилъ всѣхъ въ Сызрань.

Здѣсь 25 апрѣля колодники были приняты въ канцеляріи воеводскаго правленія, гдѣ съ нихъ, въ присутствіи воеводы симбирской провинціи *Федора Федоровича Хруцова* съ товарищи, былъ снова сдѣланъ допросъ.

На этотъ разъ *Краснощековъ* снова повторилъ свое показаніе лишь только добывавъ нѣсколько подробностей о своей службѣ въ солдатахъ. Такъ оный сказалъ, что былъ въ первомъ Азовскомъ походѣ и что послѣ этого похода жилъ снова въ слободѣ *Коромисловкѣ*, откуда въ 1705 г. былъ въ отрядѣ *Шереметева* подъ *Астраханью*; сказалъ, что живетъ въ *Яицкомъ* городкѣ своимъ доможъ, а прозвище перемѣнилъ нарочно, чтобы не узнали.

На вопросъ, за какии дѣломъ они выѣхали съ *Яика*, *Краснощековъ* разсказалъ бывшія на *Яикѣ* событія, и заявилъ, что его и *Яганова* послало все войско и атаманъ *Уракчинцевъ* „со словами къ Его Императорскому Величеству“, а писемъ съ нимъ никакихъ отъ войска не дано. А довести приказано „изъ трехъ заповѣданныхъ печатнымъ указомъ, по первому пункту. А при отправленіи съ *Яика* мы къ полковнику *Захарову* не явлены, говорилъ *Краснощековъ*, и съ *Яику* посланы тайно и ѣхали черезъ степь на своихъ лошадяхъ и черезъ *Волгу* переѣхали въ *Симбирскомъ* уѣздѣ подѣ монастырскими селомъ *Костычами*“.

Далѣе *Краснощековъ* разсказалъ, какъ они попали въ слободу *Коромисловку* и были схвачены солдатами *Порѣцкаго* и наконецъ отправлены въ *Симбирскъ*.

Про розыскиваемого казака *Ивана Сидорова* *Краснощековъ* сказалъ, что оный уѣхалъ съ рыбою для торговаго промыслу въ *Москву* въ этотъ-же году, но въ которомъ мѣсцѣ и числѣ и гдѣ находится въ настоящее время — не знаетъ.

„А вышеозначенный казакъ *Иванъ Сидоровъ*, говорилъ *Краснощековъ*, *Калиницкіе* природы, и лицомъ казмыковатъ, лицомъ рябъ, волосомъ червь, ростомъ средній, борода не велика, лѣтъ въ тридцать“¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Секрет. дѣло Преобр. прик., опись 287, св. 41, дѣло 86, листы 10—11. Показанія *Краснощекова*.

Стали разспрашивать Яганова. Онъ сказалъ, что зовуть его Яковомъ Михайловымъ Ягановымъ, отецъ его Михайло Ермолаевъ былъ яицкій казакъ, а откуда сходець — того не знаетъ, а онъ, Ягановъ, родился на Яицѣ.

„А въ нынѣшнемъ 723-мъ году, какъ прибылъ на Яикъ для розыску полковникъ господинъ Захаровъ, — говорилъ Ягановъ — и въ тотъ его прїѣздъ Яицкой войсковою атаманъ Василій Яковлевъ сынъ Ураччинцовъ выбравъ насъ отъ войска дву человекъ, меня Якова, да товарища моего Михайлу Краснощекова съ письмомъ, которое было за войсковою печатью до Его Имп. Вел. о нужнѣйшемъ Его Имп. Вел. дѣлѣ и словѣ; а слово и дѣло съ нами отъ войска послано то: изъ трехъ пунктовъ, первой о которыхъ заповѣдано Его Имп. Вел. печатными указами, и оное письмо атаманъ Ураччинцовъ отдалъ мнѣ Якову одному, а товарищъ мой Краснощековъ про то письмо не вѣдлетъ, и какъ насъ съ Яику оный атаманъ съ вышеозначеннымъ словомъ и дѣломъ отправилъ и въ то-де отравленіе помянутому полковнику Захарову насъ не объявилъ и тѣхъ посланныхъ съ нами словъ не предъавлялъ и отправлялъ тайно, а которое со мною письмо до Его Имп. Вел. послано было въ пути на рѣкѣ Иргизѣ, какъ переправлялись черезъ рѣку и въ той переправкѣ сѣдло и сумка, а въ тѣхъ сумкахъ означенное посланное письмо въ водѣ потонуло и при томъ потопѣ товарищу своему сказывалъ, что оное письмо потонуло“ ¹⁾.

Остальное, какъ прїѣхали на Волгу и взвѣты поручикомъ Порѣцкимъ — онъ показалъ также, какъ и Краснощековъ.

Послѣ допросовъ Яганова и Краснощекова стали допрашивать Василія Прыткова.

Онъ сказалъ, что отецъ его Дубьянъ Григорьевъ былъ уроженецъ Сибирскаго приторода Корсуна, казакъ и сошелъ на Яикъ въ давнихъ годахъ, а онъ Василій родился на Яицѣ.

„А въ нынѣшнемъ 723 году, говорилъ онъ, въ великой постъ, въ Вербовое воскресенье, яицкой войсковою атаманъ Григорій Меркульевъ съ товарищи послали меня съ Яику отъ войска для розыску и поимки яицкихъ же казаковъ Михаила Деметьева Краснощекова да Якова, чей сынъ онъ — не знаю, которые съ Яику бѣжали и сказали, что есть до нихъ Его Имп. Вел. дѣло; да со мною, Андреемъ, для поимки ихъ посланъ яицкой-же казакъ Леонтій Марковъ Сумкинъ; и для поимки дава намъ отъ войска подорожная за войсковою печатью; а при отпискѣ насъ съ Яику оный атаманъ присланному на Яикъ для розыску полковнику господину Захарову явилъ и о той посланкѣ онъ полковникъ съѣдомъ“ ²⁾.

При разпросѣ Леонтія Сумкина онъ заявилъ тоже самое, что и Прытковъ, сказавъ только, что отецъ его Маркъ Васильевъ былъ яицкій казакъ

¹⁾ Тамъ-же, листы 11 — 12.

²⁾ Тамъ-же, листъ 7.

и былъ уроженецъ Казанскаго уѣзда села Кирѣвскаго, архіерейскій крестьянинъ и изъ того села бѣжалъ, а оны, Леонтіи, родилса на Янкѣ.

Ввиду заявленія казаковъ Краснощекова и Яганова о государевомъ словѣ, симбирскій воевода, тотчасъ послѣ опроса, заковалъ ихъ обоихъ въ кандалы и на другой же день отправилъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. Вѣсть съ ними была отправлена и отставной солдатъ Камской. Сопровождать арестантовъ былъ назначенъ симбирскій капитанъ *Медведевъ*.

Казаки-же Прятковъ и Сумкинъ были отпущены на Янкѣ.

Прибыли колодники въ Москву въ концѣ мая. Злѣсь 29 мая передъ ближнимъ столбникомъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ Ромодановскимъ съ товарищи колодники были допрашиваны: „Отъ войскового яицкаго атамана съ словомъ до Его Императорскаго Величества изъ трехъ пунктовъ посланъ ли и какое за нимъ слово изъ трехъ пунктовъ и на кого?“

Первымъ былъ спрошенъ Краснощековъ.

О своемъ происхожденіи, объ арестѣ Порѣцкимъ и о цѣли посланья съ Янка оны повторилъ тоже самое, что сказалъ въ Симбирскѣ.

Ягановъ повторилъ тоже, свое показаніе.

Объясняя-же дѣло своей посланки съ Янью, они стали обвинять атамана Меркульева въ различныхъ преступленіяхъ — въ послыкѣ каравана въ Хиву съ порохомъ и ружьями, въ освобожденіи казаковъ отъ службъ за взятки и въ другихъ преступленіяхъ, подлинность которыхъ за невѣдніемъ слѣдственнаго дѣла провѣрить невозможно.

„А съ Янку отъ войскового атамана Василія Уракчинцева и всего войска съ словомъ до Его Имп. Вел. посланъ я, говорилъ Краснощековъ, и товарищъ мой Ягановъ тайно для того: Яицкіе казаки, бывшій атаманъ Григорій Меркульевъ, казаки Мясята *Бородинъ* и Федоръ *Силикъ*, татаринъ *Ямансыръ* въ прошломъ 722-мъ году по лѣту, послѣ Ильина дня, а въ которое время не помню извѣсія Его Император. Вел., отпустили на двѣнадцать верблюдахъ въ Хиву и въ киргисы Хивинскаго жителя татарина Кильдяшку, который жилъ тайно у Никиты Бородина, а съ нимъ отпустили на тѣхъ верблюдахъ порохъ и свинець и сталь и стволы писталетныя многое число; да тому нынѣ лѣтъ съ пять, а подлинно въ которомъ году не помню, оный-же атаманъ Меркульевъ взял на Янкѣ казенный порохъ для передѣла и тотъ порохъ передѣлавъ отпустилъ въ Хиву съ кубанскимъ татаринномъ *Дербишкою*, о томъ нынѣ Краснощекову сказывали въ прошломъ 722-мъ году по янѣ передъ Рождествомъ, въ которое время не помню яицкіе-жъ казаки Дмитрій *Чувашевъ*, Василій *Азовской* на единѣ; да тому нынѣ лѣтъ съ пять оны-же Меркульевъ съ товарище взяли хана Калмыцкаго у бѣглыхъ калмыкъ, которые было пришли жить на Янкѣ двѣнадцать верблюдовъ, и послѣ того тѣхъ калмыкъ по присылкѣ отъ хана взяли по прежнему въ калмыцкую орду, а тѣхъ верблюдовъ тѣмъ калмыкамъ не отдали и тѣ кал-

инки, злобысь за неотдачу тѣхъ верблюды, отгоняють у насъ, казаковъ, конскіе многіе табуны; да въ прошлыхъ-же годѣхъ, а въ которомъ году не помню, какъ ходилъ съ войскомъ бояринъ Петръ Матвѣевичъ *Опраксинъ* на Кубанскихъ татаръ войною и въ то время тотъ-же Меркульевъ съ племянникомъ своимъ яицкимъ казакомъ Никитою *Петровскимъ* утаили яицкихъ казаковъ сто человекъ отъ походу, взявъ съ тѣхъ казаковъ по двѣдцати рублей съ человекѣ денегъ и тѣ деньги съ тѣмъ племянникомъ раздѣлили межъ себя. Да въ прошломъ 722-мъ году изъ Казани на Яикъ для розыску приславъ полковникъ и лейбъ-гвардіи капитанъ Иванъ Захаровъ, который слѣдуетъ о взяткахъ по доношенію яицкаго казака Федора Рукавишника и атаманъ Григорій Меркульевъ въ домѣ у казака Федора *Силимичина* при мѣѣ съ казакомъ Никитою *Бородинымъ* говорили; буде тотъ Захаровъ станетъ съ нихъ брать взятки и они будутъ давать, а буде брать не станетъ и у насъ мѣсто приготовлено, что уѣхать въ Хиву, а Рукавишника разорвемъ пополамъ, и сколько-де намъ не жить добраго глядѣть нечего, Игашка-де Некрасовъ ушелъ въ Турецкую землю, а я-де не хуже его буду, какъ уйду. Оный же атаманъ Меркульевъ сказалъ размышку полковнику Захарову ложво будто яицкій атаманъ Василій Уракчинцовъ съ казаками войскомъ хотѣтъ караульщикомъ его, которые стоить на часахъ, убить и тотъ Захаровъ по тому его ложному доношенію о томъ тѣмъ атаманомъ розыскавалъ, и по розыску таково ушла не явился, и тотъ Захаровъ атаманскій посохъ отнявъ у того Уракчинцова отдалъ по прежнему тому Меркульеву. Да по вышней прошедшей зимѣ отъ Юки (Аюки) хана калмыцкаго на Яикъ прѣехали было своею волею калмыкъ человекъ съ двадцать и больше съ женами и съ дѣтьми и хотѣли воспріять православную христіанскую вѣру и тѣхъ калмыкъ войскомъ не принялъ; а послѣ того отъ хана калмыцкаго приславъ былъ посланикъ и просилъ у войска, чтобъ тѣхъ калмыкъ отдать имъ и атаманъ Меркульевъ тѣхъ калмыкъ не отдалъ, а послѣ того тѣ калмыки пропали безвѣстно, а тѣхъ калмыкъ двѣдцать кобылецъ да жеребецъ явился у того Меркульева. А окромѣ того иныхъ дѣлъ за вышесказаннымъ атаманомъ Меркульевымъ и за другими яицкими казаками не знаю и съ Яику пошлѣ мнѣ не бѣгомъ для доношенія о вышесказанномъ; а что въ Симбирску яицкіе казаки Василій Лукьяновъ (Шрытковъ) съ товарищи сказали, будто они Лукьяновъ съ товарищи посланы для розыску меня, Краснощекова, съ товарищи и касается до насъ Его Имп. Вел. дѣло въ возмущеніи бунта, — для чего сказали не знаю, и Его Имп. Вел. дѣла о возмущеніи бунта за мною Краснощековымъ нѣтъ и ни за кѣмъ не знаю, а сказали о томъ ложво, какъ-бы ихъ возвратитъ, чтобъ на нихъ о измѣнѣ не доносить; а что въ подорожной, которая прислана изъ Симбирска Яицкаго войска за войсковою печатью написаны я Михаила атаманомъ, а товарищъ мой Яковъ есауломъ и прозвищевъ нашихъ въ той подорожной не написано не знаю по тому, что мы грамотѣ не умѣемъ, а что въ той-же подорожной написано

явится намъ въ Военной Канцелярїи свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меньшикову и то написано для того, что мы посланы были, чтобъ намъ во оной Канцелярїи доносить на вышеписаннаго-жъ атамана о измѣнѣ для того, что мы вѣдомы въ военной коллегїи, а Симбирской солдатъ Иванъ Камской, у котораго мы стояли съ вами для чего присланъ не знаю-же и дѣла до него Камскаго маѣ Краснощекову никакого вѣтъ¹⁾.

Расширенный вслѣдъ за Краснощековымъ по этому дѣлу Ягановъ почти слово въ слово повторилъ тоже что и его товарищъ, дабавивъ только лишь въкоторыя подробности.

„Да тому нынѣ года съ три говорилъ Ягановъ, оиъ-же атаманъ Меркульевъ согласяся съ яицкимъ казакомъ Никитю Петровскимъ утаили отъ службы яицкихъ казаковъ Никитю *Дурманова* да Максима *Кочурова* сына, а имени его не помятъ, всего человѣкъ съ пятьдесятъ и брали съ нихъ подможна всякія деньги и тѣ деньги межъ себя дѣлили; да въ прошломъ 722-мъ году по зямѣ, въ которое время не усложню, яицкой атаманъ Григорій Меркульевъ въ домѣ у яицкаго казака Федора *Силишнина* съ казаконъ-же Никитю *Бородинимъ* межъ себя говорили при казаконъ-же Васильѣ *Азовскомъ*, Дмитріѣ *Чувашевѣ*, ежели-де розыщакъ подполковникъ Иванъ Захаровъ взитковъ съ нихъ не будетъ брать то-де они уйдутъ въ Хяву и соединятся съ каракалпаки не хуже-де намъ будетъ честь, что взитковъ Игнашкѣ Некрасону, а буде будетъ взятки брать, и они-де доносителя Рукавишаникова, который доносилъ о взяткахъ розорвать пополамъ“²⁾.

„Да со мною-же отъ атамана Василья Уракчанцова говорилъ даже Ягановъ, послано было письмо, а о чемъ и что въ немъ писано не знаю и велѣно подать свѣтлѣйшему князю, и то письмо потонуло у меня съ сужкою за Ошараномъ на рѣкѣ Иргизѣ, о чемъ я и въ Симбирску о томъ письмѣ въ распросѣ сказалъ“³⁾.

Вслѣдъ за Ягановымъ былъ допрошенъ отставной солдатъ Камской.

„Въ нынѣшнемъ 723-мъ году, говорилъ оиъ, между прочимъ, въ Симбирскъ взять я для того, что у меня въ домѣ взяты присланые со мною яицкіе казаки, которые у меня стояли по знакомству; а при взятѣ тѣхъ казаковъ симбирскимъ солдатомъ отдать не хотѣлъ, для того, что чаялъ, что тѣ солдаты хотятъ ихъ у меня взять безвзяно и, чтобъ имъ грабежу не учинилъ“⁴⁾.

Всѣ допрашиваемые были безграмотны и по закону, расписываться въ показанїяхъ другимъ допускалось только въ показанїяхъ свидѣтельскихъ, какъ Камской, но въ показанїяхъ гдѣ говорилось о государевомъ словѣ подписываться ни кто не допускался и показанїя Яганова и Краснощекова такимъ образомъ остались безъ подписи.

1) Моск. Арх. Мин. Юст. Секрет. дѣло Преображ. приказа, опись 287, сл. 41, дѣло 36, листы 15 - 18.

2) Тамъ-же, листы 18 - 19.

3) Тамъ-же, листъ 19.

4) Тамъ-же, листы 19 - 20.

Въ концѣ допроса объ этомъ была слѣлана оговорка: „Къ вышенисаннымъ разпросамъ яцкихъ казаконъ Краснощекова и Яганова рукъ не приложено, для того по сказкѣ вышенисанныхъ колодниковъ Краснощекова и Яганова, что они грамотѣ и писать не умѣютъ, а къ такимъ разпросамъ постороннимъ рукъ прикладывать не вѣлно, понеже такія дѣла отъ постороннихъ хранятся опасно“¹⁾.

Какъ видно изъ этого доноса, недовольная Меркульевымъ партія дѣлала все возможное для нея, лишь бы только очернить Меркульева, подвергнуть его розыску и свѣтитъ съ атаманства.

Но судя по тому, что Меркульевъ все-же остался атаманомъ, доносъ Краснощекова и Яганова не имѣлъ силы:—быль-ли онъ неоснователемъ или слуга Меркульева предъ Захаровымъ была на столько серьезна, что она закупила всѣ возводиныя на него вини—намъ неизвѣстно. Слѣдственное дѣло о этомъ, какъ уже говорилось, до насъ не дошло.

Седьмого іюня Ромодановскій съ товарищами постановили все это дѣло виѣстѣ съ казаками и Камскимъ передать въ Военную Коллегію „для того, что оныя казаки вѣдомы въ той коллегіи, да и по разпросамъ ихъ, что они посланы съ Яику для извѣту о извѣтѣ на Яцкихъ-же казаконъ во оную же канцелярію и оное дѣло о чемъ она доносить надлежитъ слѣдовать во оной-же коллегіи“²⁾.

Въ томъ-же мѣсцѣ 18 числа колодники съ дѣломъ объ нихъ, виѣстѣ съ солдатомъ Камскимъ, были уже приняты въ коллегіи подѣ росписку канцеляриста Дмитрія Иванова³⁾.

Дальѣйшая участь этихъ лицъ неизвѣстна. Допрошены были они въ коллегіи или нѣтъ, долго ли тамъ были свидѣній не имѣется.

Только изъ поздѣйшихъ дѣлъ, относящихся къ переносу Захарова, видно, что въ октябрѣ того же 1723 года Ягановъ и Краснощеконъ находились въ Яцконъ городкѣ въ числѣ 20 человекъ, бывшихъ подѣ арестомъ у солдовнина Захарова.

Въ то время когда Ягановъ и Краснощеконъ виѣхали изъ Яцкаго городка и послѣ различныхъ интарствъ попали въ Преображенскій приказъ, розыскъ на Яивъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Вѣда слѣдствіе о возникшемъ бунтѣ, Захаровъ одновременно производилъ допросъ о послѣдѣ казаконъ въ язовый походѣ. По этому дѣлу были разспрошены слова всѣ старшини войска и бывший атаманъ Герасимъ Погодаевъ. Послѣдній сказалъ что, „въ тотъ язовый походѣ 700 человекъ, которые были у насъ въ готовности, не отпавили того ради, что у насъ непріятельскіе люди каракалпачи и кяргизы отогнали конскіе табуны и послѣ того въ скорнѣ числѣхъ церкви Вожіи и дворы, и пожитки наши, и хлѣбъ, и ружь

¹⁾ Тамъ-же, листъ 20.

²⁾ Тамъ-же, листъ 20.

³⁾ Тамъ-же, листъ 22.

погорѣли безъ остатку, и мы послали въ Астрахань бить челомъ Имп. Вел. дабы намъ за оныя разореніемъ въ низовомъ походѣ не быть; и присланъ былъ досматривать изъ Астрахани на Яикъ отъ гвардіи ундеръ-офицеръ Степанъ Михайловъ сынъ Китаевъ и того разоренья досматривалъ и описывалъ и послѣ того мы, казаки, посылали въ Астрахань вторично челобитчиковъ, чтобъ намъ въ низовомъ военномъ походѣ, за оныя разореніемъ не быть и Его Имп. Вел. въ Астрахани не застали, дозволилъ идти въ походъ; а указу о небытности намъ во ономъ низовомъ походѣ мы у себя не виѣдемъ, а не пошли за оныя вышеписаннымъ разореніемъ¹⁾.

Въ такомъ-же духѣ показали и остальные старшины.

На этомъ допросѣ кончилась первая половина розысковъ полковника Захарова. Это была крутая расправа Москвы съ казаками за ихъ противности.

Самый опасный противникъ Ѳедоръ Михайловичъ Рукавишниковъ, глава и душа войска, былъ казненъ лютою казнью. Остальные или повѣшены или посажены подъ караулъ. Войско поплатилось жестоко.

Но тѣ, кто довелъ войско до этихъ противностей, кто заставилъ казаковъ взяться за оружіе и на лихоимство и произволъ отвѣчать силою, тѣ гуляли на волѣ.

Лишь послѣ крутой расправы съ казаками Захаровъ, наконецъ, принялся за слѣдствіе о взяткахъ Кроткова, Наумова и другихъ лихоимцевъ.

Первымъ слѣдственнымъ дѣломъ явился розыскъ о взяткахъ казанскаго дьяка Ѳедора Сухарева. Какъ мы уже знаемъ, Сухаревъ отказался отъ взятокъ и при розыскѣ въ Казани заявилъ, что онъ „денегъ ничего съ казаковъ не бировалъ“ и что приносили къ нему казаки язь за чести „рыбу, харчу и чаемъ цѣною рублевъ на десять или меньше“²⁾.

Начался допросъ казаковъ. Атаманъ Григорій Меркульевъ и всѣ старшины показали, что Сухаревъ взялъ съ нихъ „деньгами, и харчемъ, и рыбою да атласъ вишневою, всего на двѣсти рублевъ; да казакъ Перфілій Никафоровъ сказалъ, что съ него взялъ онъ двадцать рублевъ, да казаки Григорій Харитоновъ да Петръ Чертихинъ, что-де съ нихъ казаковъ съ товарищи одинадцати человекъ взялъ онъ Сухаревъ денегъ триста рублевъ“³⁾.

По слѣдствію о взяткахъ Кроткова розыскъ нѣсколько осложнился. Дѣло въ томъ, что безъ его присутствія слѣдствіе вести являлось невозможнымъ.

Между тѣмъ Кротковъ всѣми мѣрами старался уклониться отъ розыска. По приказу военной коллегіи съ него была взята подписка, „что явится ему, Кроткову, впредь кому повелено будетъ по тому дѣлу по указу изъ воен. кол. слѣдовать и розыскивать на Яикѣ, въ то время какъ посланный придетъ на Яикъ не отговариваясь нечѣмъ и ожидать того посланнаго въ Сми-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Правит. Сената по воен. коллег. 9/во, листъ 511. Экстрактъ Захарова, показаніе Погодина.

²⁾ Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣло Правит. Сената по воен. коллегіи 9/во, листъ 507.

³⁾ Тамъ-же, листъ 508.

бирску... А ежели онъ Кроткой по той сказкѣ тому посланному не живити и учинится противенъ хотя въ маломъ чемъ и за то ему указъ учинить по военному артикулу, чему онъ будетъ Кроткой достоинъ, также и тѣ поручики его по тому-жъ подписались¹⁾.

Кроткову за ослушаніе и неисполненіе этой подписки угрожали не только жестокіе военные артикулы того времени, но и лишеніе всего имущества и имѣній. А имѣній у Кроткова было вѣсколько: „Въ Симбирскомъ уѣздѣ крестьянскихъ тридцать два двора, въ Казанскомъ уѣздѣ пять дворовъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ тоже пять дворовъ“.

Но Кротковъ не думалъ являться на Яикъ. Какъ мы знаемъ, онъ не являлся Захарову ни въ Казани, и ни въ Симбирскѣ. Еще изъ Казани Захаровъ написалъ къ симбирскому воеводѣ Федору Хрущову два письма, о присылкѣ его и его поручиковъ и чтобы у Кроткова за его укрывательство были отписаны на Его Императорское Величество „деревни его и пожитки“. Объ этомъ-же онъ написалъ и казанскому губернатору Салтыкову. Но Кротковъ на Яикъ не являлся и отвѣта на свои письма Захаровъ вплоть до 11 апрѣля не получилъ. Между тѣмъ по розыску на Яикѣ по показанію бывшего атамана Никиты Бородинна выяснилось, что Кротковъ взял у него двѣсти рублей, а также взял не мало денегъ и у другихъ казаковъ.

Не явились въ слѣдствію обвиняемые такими-же подписками и капитанъ *Кемецкій*, поручикъ Иванъ *Наумовъ* и подъячій Иванъ *Муромцевъ*. О первыхъ двухъ Захаровъ не имѣлъ никакого извѣстія, о послѣднемъ-же астраханскій губернаторъ Волынский увѣдомилъ Захарова, что „оного подъячего Муромцева за приѣмомъ его денежные казны и во многихъ порученныхъ ему дѣлахъ ничѣмъ вскорѣ отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшится и выслать будетъ не возможно, а высланъ будетъ впредь“²⁾.

Изъ другихъ обвиняемыхъ: унтеръ-офицеръ Филиппъ *Черемисинковъ* умеръ въ 1719 году, дворянинъ Тихонъ *Волковъ* умеръ въ 1721 г. Умеръ также и Алексѣй *Сухаревъ*.

У Захарова такимъ образомъ не было самихъ главныхъ виновниковъ. Больше энергиченъ оказался самарскій комендантъ *Куминиковъ*. Онъ, по первому-же требованію Захарова, выслалъ всѣхъ бывшихъ въ Самарѣ обвиненныхъ казаками во взлукахъ. Имъ были присланы на Яикъ: фискаль Михаилъ *Путыловъ*, дворянинъ Григорій *Овдокимовъ*, подъячей Иванъ *Овчинниковъ*, фискальской подъячей Яковъ *Соболевъ*, самарской капралъ Иванъ *Сokolovъ* и самарской солдатъ Тимофей *Трескинъ*. Всѣ они находились у За-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 508. Поручителями подъ этой подпиской подписались: „отставной подпоручикъ Богданъ Леонтьевъ сынъ Мещеряковъ, Ландмилицкихъ полковъ майоръ Егоръ Петровъ сынъ Барановъ, майоръ князь Михайла Мещерскій, отставной драгунъ Степанъ Осиповъ сынъ Мещеряковъ, фискаль Никита Петровъ сынъ Казанинъ“.

²⁾ Тамъ-же, листъ 509.

харова подъ арестомъ со дня его прибытія на Яикъ ¹⁾.

Донося объ этомъ, Захаровъ 11 апрѣля между прочимъ писалъ военной коллегіи о томъ, что всѣ требуемые имъ бывшіе рознычки „офицеры, и дворяне, и приказныя люди“ до настоящаго времени на Яикъ не прибыли и что безъ ихъ присутствія „въ томъ слѣдствіи очныхъ ставокъ давать не съ кѣмъ и то слѣдствіе къ окончанію привести невозможно“ ²⁾.

Пока шелъ на Яикъ усиленный розыскъ, въ это время по дорогѣ къ Яицкому городку подвигался посланный изъ Астрахани для переписи на Яикъ „мужскаго полу душъ“ капитанъ *Пономаревъ*. Пославъ его астраханскій губернаторъ, согласно распоряженія сената, переписать всѣхъ „мужскаго полу“ людей въ Астраханской губерніи. Губернаторъ рѣшилъ, что эту перепись слѣдуетъ произвести и на Яикѣ. Пономаревъ пріѣхалъ въ городокъ 29 апрѣля, но здѣсь встрѣтилъ полковника Захарова.

Въ этой послылкѣ сазовитъ замѣчательное непониманіе и незнаніе дѣла. Коллегія, посылая Захарова, болѣе освѣдомленная въ дѣлахъ войска, посылаетъ его, давъ ему гражданскій конвой, посылаетъ, предварительно пославши послушную грамоту войску, астраханскій же губернаторъ отправляетъ въ тотъ же казачій городокъ только одного капитана, въ наивной простотѣ думая, что этого воолнѣ достаточно, чтобы Яицкое войско безпрекословно выполняло все, что потребуетъ посланный капитанъ.

Пріѣхавъ Пономаревъ въ Яицкій городокъ 29 апрѣля. Но переписи ему произвести не удалось, хотя онъ и подалъ атаману Меркульеву данный ему Высочайшій „подушной указъ“. Онъ былъ вынужденъ уѣхать обратно.

Въ своемъ донесеніи астраханскому губернатору онъ по этому поводу писалъ: „Отъ переписи оныхъ казаковъ господня полковникъ Захаровъ, который отправленъ изъ Государст. Воен. Кол. по указу, отказалъ и атаману къ переписи идти не велѣлъ, понеже-де оный Яикъ велѣно указомъ Его Имп. Вел. переписывать ему господину полковнику Захарову и ниѣмъ ихъ казаковъ оный полковникъ переписываетъ“ ³⁾.

Въ дѣйствительности-же Захаровъ еще переписи не дѣлалъ. Онъ только отдалъ приказъ войсковому атаману и старшинамъ представить ему подробный списокъ всѣхъ казаковъ въ войскѣ, ихъ дѣтей, а также и иногороднихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ войскѣ.

Онъ все еще не кончалъ розыска по доносу Зарташева о другихъ казачьихъ противностяхъ: „О яицкихъ казакахъ *Федоре Бахаревѣ*, *Васильѣ Сидоровѣ* и *Осипѣ Брезинѣ* въ смертномъ убійствѣ атамана *Ивана Вѣлосуова*“ ⁴⁾. Но ни этого въ высшей степени интереснаго слѣдственнаго дѣла,

¹⁾ Тамъ-же, листы 510—511.

²⁾ Тамъ-же, листъ 508.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Прав. Сената по воен. кол. 4/во, листъ 495.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, связ. 28, дѣло 27, листъ 19. Вѣдомость дѣла, при-
сланныхъ Захаровымъ въ Военную Коллегію.

ни экстракта изъ него найти не удалось.

Всѣ трое казаковъ были обвинены Захаровымъ и по отмѣткѣ, сдѣланной въ военной коллегіи на полѣ вѣдомости противъ этого дѣла, видно, что всѣ трое были „кознены смертію—повѣшены“.

Были произведены также слѣдствія и о другихъ дѣлахъ: „Противъ извѣту казака Федора Ревка о продажѣ дѣвки на казака Федора Силищова“ и другое такое-же дѣло: „Противъ извѣту ево-жь Федора Ревка о продажѣ дѣвки на казака Никиту Збвккина“. Ни слѣдственнаго дѣла, ни экстракта изъ нихъ найти не удалось; неизвѣстенъ также и результатъ этихъ дѣлъ. Слѣдующее дѣло тоже весьма интересное: „Противъ челобитья на бывшего атамана Матвѣя Мирцова“ также не найдено; и съ потерей этихъ дѣлъ мы лишаемся, вѣроятно, самыхъ интереснѣйшихъ и самыхъ любопытныхъ подробностей сторовъ быта и жизни яцкихъ казаковъ того времени. Лишаемся, наконецъ, возможности выяснитъ точно всѣ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ войско раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря, борьба которыхъ довела яцкую общину до рокового пріѣзда на Яикъ грознаго полковника Захарова и къ лишенію Яцкаго казачества одной изъ его существенныхъ и важнѣйшихъ вольностей—ежегоднаго выбора войскового атамана, какъ увидимъ далѣе, повлекшаго за собою на голову войска одну бѣду за другою.

Но кромѣ прямого своего дѣла—производства разска по доносамъ Карташева—Захарову пришлось разбиратъ и другія дѣла, дѣла, которыя раньше рѣшало само войско своимъ „вольнымъ польскимъ“ (полевнымъ) судомъ.

Въ началѣ мая казакъ Осипъ *Синельниковъ* нанялъ „гулящаго человека“ Ерешѣя *Исаева* для рубки и прогона лѣса вверху по Яику. Вмѣстѣ съ Исаевымъ Синельниковъ отправилъ казака Дмитрія *Григорьева*. Но будучи въ лѣсу, во время рубки, Исаевъ по неясной намъ причинѣ убилъ казака Григорьева—отрубилъ ему голову топоромъ.

Исаева поймали. Не будь Захарова сулъ-бы былъ произведенъ самый войскомъ и Исаева, вѣроятно, посадили бы въ воду, т. е. по просту, утопили, какъ человека, сдѣлавшаго самое позорное дѣло.

На этотъ разъ преступника передали для расправы къ полковнику Захарову.

Въ разспросѣ онъ „былъ питанъ, а съ трехъ пытокъ вынуженъ“, что онъ Саранскаго уѣзду вотчины стольника князя Ивана Федорова сына Ромодановскаго, села Березниковъ, крестьянинъ. „Никѣ тому шесть лѣтъ разбивалъ онъ въ сибирскомъ уѣздѣ Загудаскіе слободы солдата Ивана Кербова. Въ томъ же уѣздѣ въ Полатовѣ слободѣ разбивалъ солдата Трифона Никитина. Въ Чамженской слободѣ разбивалъ солдата Петра Антонова. Да въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ ясажномъ селѣ Коржавѣ на полѣ отымалъ грабежомъ лошадей. И за оныя воровства былъ наказанъ: битъ кнутомъ въ

Саранску и вырѣзаны ноздри и сосланъ былъ въ Гурьевъ городокъ и изъ Гурьева городка бѣжалъ и пришелъ на Янкъ въ вышшемъ 723-мъ году ¹⁾).

Судъ, въ которомъ участвовали, кромѣ Захарова, Протасовъ и Коробовъ, вынесъ приговоръ:

„И по указу Его Императорскаго Величества—гласило постановленіе суда—за показанныя вины: за разбой и смертное убійство и за побѣгъ съ каторги казнить смертію—повѣсить, дабы смотря на ево казнь впредь такіе-же воры на Янкъ такъ не чинили и ни къ какому воровству не приставаля“ ²⁾).

Разбирая всѣ эти дѣла, Захаровъ одновременно готовился къ исполненію другого давняго ему порученія—къ переносу войска.

28 мая войсковою атаманъ подалъ ему списокъ всего войска и всѣхъ пришедшихъ людей, жившихъ въ войскѣ. Списокъ составленъ по сотнямъ; противъ фамиліи каждаго казака написаны его дѣти и рабочіе люди, которыя у него живутъ. Списокъ этотъ составляетъ изъ себя объемистую тетрадь въ 179 листовъ и озаглавленъ: „1723 года, мая 28, Янцкаго войска списокъ наличный, явственной коликое число ннѣ на Янкѣ казаковъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей и работниковъ, а которые на Черемшанскихъ пасахъ такъ-же и въ дальнихъ отлучкахъ для своихъ вуждъ и обонныхъ означено въ особливомъ списку обстоятельно“ ³⁾. Всего по этому списку перечислено всѣхъ жившахъ въ Янцкомъ городкѣ 6116 человекъ ⁴⁾.

Въ этомъ списокѣ казаки раздѣлены на разряды—на дѣйствительно служащихъ, отставныхъ и ихъ дѣтей, т. е. малолѣтнихъ казаковъ. Въ числѣ отставныхъ казаковъ показано 11 человекъ, живущихъ въ *Шатиской лукѣ*, т. е. тамъ, гдѣ казаки во время пребыванія на Янкѣ Кроткова хоронили своихъ покойниковъ,—очевидно эти отставные казаки удалились отъ мірской суеты и, болѣе чѣмъ вѣроятна, они жили въ скиту—были монахи. Что скиты при Янцкомъ городкѣ въ это время существовали, уже видно изъ списка казаковъ: „при старцахъ по Янку сверхъ“, гдѣ жило 34 казака.

Любопытно, что казаки въ это время жили и по р. *Сакмарь* со своимъ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, листъ 429.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 21, листы 1—179.

⁴⁾ Всего по списку числилось: „Служащихъ казаковъ 2562, ихъ дѣтей 1925, работниковъ 203, братьевъ казачьихъ 49, племянниковъ 10, взуловъ казачьихъ 4, шурьевъ казачьихъ 5, приемшей 5, отцовъ казачьихъ 12, хлопцовъ фисскихъ и калмыковъ 13, выходцевъ русскихъ изъ полону—1, рабочихъ дѣтей 5—того на лицо 5031“. На листѣ 161 отдѣльный списокъ дѣтей казачьихъ „побитыхъ и умершихъ казаковъ дѣтей (сиротъ) 564 чел., при нихъ работниковъ—34; на листѣ 162: „наличное число, которые живутъ своими домами и кормятся собою пришедше люди“—58, у нихъ дѣтей 14, работниковъ 6, племянниковъ 1, взуковъ 2,—всего 79 человекъ. Далѣе идетъ списокъ отставныхъ казаковъ—181 чел., ихъ дѣтей 51, рабочихъ 3, братьевъ казачьихъ 1, шурьевъ каз. 1; на листѣ 164: „въ дальнихъ отлучкахъ для вуждъ казаки—21, ихъ дѣтей на Янкѣ 21, работниковъ 2, всего 44“. На листѣ 165—178: „На черемшанскихъ пасахъ казаки“—292 чел., ихъ дѣтей 47, братьевъ казачьихъ 2, работниковъ 5. Далѣе идутъ любопытные списки: „казаки, которые обратились на Янку сверхъ по рѣкѣ Сакмарь: атаманъ Юма Тимофѣевъ сынъ Сибириковъ, асаулъ Гаврило Дукаловъ сынъ Шугай“, рядовыхъ 12,—всего 14, у нихъ работниковъ 1 (листъ 178), и другой списокъ: „При старцахъ по Янку сверхъ“—34 человекъ (листъ 179).

атаманомъ и есауломъ. Правда ихъ было немного — всего 14 человекъ, но все-же это показываетъ, что рѣку Сакмару они считали своею землею. Какъ видно изъ предъидущихъ очерковъ, на рѣкѣ Сакмарѣ былъ два раза городокъ, но оба раза башкирцы его уничтожали. Вѣрнѣе всего предположить, что заселяли тогда этотъ городокъ янцзие казаки, хотя прямыхъ указаний на это не имѣется.

Въ концѣ списка подведемъ итогъ:

„Всего по сему именному списку казаковъ и соотлучными 3103, ихъ дѣтей 2627, казачьихъ отцовъ не въ казакахъ 12, братьевъ казачьихъ 52, своими домами не въ казакахъ 57, у всѣхъ чиновъ работниковъ — 223, племянниковъ, внуковъ, шурьевъ и приемшей 28, хлопцовъ финскихъ и камищенихъ 13, выходцевъ изъ полону 1, а всего всѣхъ чиновъ состоятъ при Янкѣ городкѣ 6116 человекъ“¹⁾.

Съ этого дня началась перепись казаковъ²⁾.

Первымъ былъ спрошенъ войсковой атаманъ.

„Войсковой атаманъ Григорій Меркульевъ сынъ Меркульевъ, у него сынъ Илья девяти лѣтъ, по сказкѣ его отъ роду ему Григорью пятьдесятъ семь лѣтъ, дѣдъ его родиною Ственскаго уѣзда дворцовой Камарьянской волости крестьянинъ и оной дѣдъ его въ прошлыхъ годахъ былъ переведенъ на Самару, а отецъ его родился на Самарѣ и служилъ въ конныхъ стрѣльцахъ, а съ Самары пришелъ на Янкъ во сто семьдесятъ первомъ году (1663 г.), а онъ Григорій родился на Янкѣ и служить въ казакахъ сорокъ лѣтъ“³⁾.

Войсковому атаману было сдѣлано почему-то исключение: — съ него не взяли клятвы въ вѣрности его показанія и былъ онъ спрошенъ не подъ страхомъ смертной казни. Все-же остальные казаки были спрошены по приводѣ ихъ къ присягѣ и должны были говорить правду подъ угрозой лишенаго живота.

Обращикомъ такого вопроса, обычнаго для всѣхъ казаковъ войска, привожу сказку казака Вородина:

„По указу Его Императорскаго Величества на Янкѣ въ розисной канцеляріи предъ господами полковникомъ и лѣвѣ-гвардіи капитаномъ Захаровымъ съ товарищи двадцать первой (21) сотникъ *Никифоръ Никитинъ* сынъ *Вородина* по Евангельской заповѣди Господней въ правду сказалъ отъ роду мнѣ сорокъ два года, родился я на Янкѣ, а дѣдъ и отецъ мой родиною Самарскаго уѣзда села Ширяева помѣщика Андреяна Филипова старинные крестьянѣ, и дѣдъ и отецъ мой изъ того села пришелъ на Янкъ въ прошломъ во сто шестьдесятъ первомъ году (1653 г.) и кѣлъ мой на Янкѣ умире, а отецъ мой и мнѣ служить на Янкѣ въ казакахъ, а я въ казачьей службѣ приверстанъ при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ двадцать два года, у

¹⁾ Тамъ-же, листъ 179.

²⁾ Эта перепись казаковъ занимаетъ собою по описи 107, книги 27, 28, 24, 22 и 21.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, книга 27, листъ передъ первымъ листомъ, на оборотѣ ея.

меня дѣти Сяміонъ семи, Ворисъ трехъ лѣтъ, да работникъ Мунжакъ За-
сисинъ сынъ Калмыченинъ; а ежели а Никафоръ сказалъ не правду, а послѣ
обо мнѣ кто донесетъ и за то мнѣ учинить смертную казнь. Къ сей сказкѣ
виѣсто казака Никафора Никитина сына Бородина по его велѣнію казакъ
Иаавъ Поповъ руку приложилъ" ¹⁾).

Такимъ образомъ было опрошено все войско по данному атаманомъ списку;
во ввиду того, что опросы требовали массу времени, а между тѣмъ одно-
временно Захаровъ производилъ и слѣдствія, то перепись растянулась на
долгое время—она кончилась лишь къ концу слѣдующаго 1724 года.

Получивъ первый списокъ казаковъ, Захаровъ усомнился въ его правиль-
ности, — до него, вѣроятно, стали доходить слухи о казакахъ и другихъ ли-
цахъ незаписанныхъ въ списокъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ подачи списка онъ
потребовалъ къ себѣ войскового атамана и всѣхъ старшинъ и велѣлъ имъ
подъ страхомъ казни и лишенія имущества подтвердить правильность списка.
Войсковой атаманъ, два войсковыхъ есаула: *Иванъ Степановъ* и *Василій*
Арановъ, три человека „бывшихъ атамановъ“, 11 „бывшихъ есауловъ“
и четыре человека „старшихъ людей“: *Митрофанъ Алетинъ* (онъ-же и *Алю-*
тинъ, бывший походный атаманъ въ Шведскую войну), *Никита Эльвакинъ*,
Антовъ Бабушкинъ и *Петръ Желъзновъ* дали подявку въ правильности
списка; по безграмотству многихъ расписывались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свя-
щенникъ и діаконъ. Изъ всѣхъ старшинъ войска оказалось только три чело-
вѣка грамотныхъ. Войсковой атаманъ былъ безграмотнымъ. [24].

Среди бывшихъ атамановъ былъ и *Матвѣй Мионовъ*, — очевидно, при
прѣздѣ на Яикъ Захаровъ его освободилъ изъ подъ ареста. Въ числѣ под-
писавшихся за неграмотныхъ былъ и *Федоръ Ревка*, уже извѣстный намъ
донесчикъ. Очевидно, и онъ находился на свободѣ.

Перепись производилась. Надъ казачьими противностями дѣлался розыскъ.
Но главные виновники всей этой волокиты и казачьихъ бѣдъ господа Крот-
ковы, Наумовы и другіе еще не были допрошены. Донесеніе Захарова о казни
Рукавишниковъ, о присылкѣ роты драгунъ и о высылкѣ всѣхъ взыточ-
никовъ было получено въ военной коллегіи въ началѣ іюня и лишь только
12 іюня по нему состоялось постановленіе коллегіи ²⁾.

Коллегія рѣшила послать изъ Казани къ Захарову еще одну роту сол-
датъ въ полномъ комплектѣ³⁾. Относительно же присылки на Яикъ дѣла *Су-*
харева, астраханскаго подъячаго *Муромцева*, капитана *Кемецкаго* и другихъ
обвиняемыхъ рѣшено было донести сенату, чтобы онъ приказалъ „въ Казань

¹⁾ Тамъ-же, книга 24, листъ 1; въ нѣкоторыхъ показаніяхъ записано иногда такъ: „по евангели-
ческой заповѣди Господней еще ей-ей вправду сказалъ“... и т. д. (тамъ-же книга 23, листъ 1 и другіе).

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, с. 31, листъ 864. Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Прав. Сен.
во Вост. Колл. 2/юю, листъ 493, гдѣ сказано, что постановленіе состоялось 11 іюня.

³⁾ Тамъ-же. Изъ дальнѣйшихъ распоряженій видно, что посланная рота изъ Казани не состоялась,
а приказано было выслать драгунскую роту изъ Нижняго Новгорода. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1,
часть 6, книга 196, листы 407—410.

и Астрахань, а о Кемецкомъ въ Герольдъ Мейстерскую канцелярію подтвердить указами. А для посылокъ съ Янку черезъ степь изъ самарскіхъ конныхъ казаковъ командировать на Янкъ двадцать человекъ и о томъ на Самару, а въ Астрахань для вѣдома послать указы“¹⁾).

Вмѣстѣ съ отправляемой ротой приказано было выслать изъ Казани съ Захарову провіантъ.

Къ Захарову-же былъ посланъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, подтверждалось, чтобы онъ съ товарищами „чинили о всемъ по давнымъ имъ инструкціямъ и при томъ имѣли надлежащую крѣпкую осторожность и смотрѣли того накрѣпко, чтобы колодники не умножались, чего ради, которые приличатца по розыску хъ казнь, или къ какому наказанію, чинить экзекуцію не медленно, а которые очистатца тѣхъ, приведши ко присягѣ, опредѣлять по прежнему въ службу“²⁾).

Военная коллегія постановила также и объ оставленіи разъ навсегда Меркулева атаманомъ войска.

„Понеже вышепней атаманъ Григорей Меркульевъ—говорилось въ постановленіи,—показалъ Его Императорскому Величеству вѣрность и знатную службу, чрезъ объявленіе янцкихъ казаковъ умыслу къ возмущенію, того ради послать къ нему и ко всему Янцкому войску которые къ тому возмущенію не пристали и въ своей вѣрности остались Его Императорского Величества грамоту съ похвалою и бытъ ему атаману Меркулеву за тое его вѣрную службу и впредь на Янке атаманомъ по прежнему“²⁾).

Коллегія, пославъ копію съ этого постановленія въ сенатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала всѣ нужныя распоряженія и послала указы и въ Астрахань, и въ Казань, и на Янкъ.

Такимъ образомъ эти указомъ Захарову представлялось право казнить всѣхъ казаковъ, которые будутъ вылены имъ виновными въ нѣкѣи или другіи преступленіяхъ, достойныхъ по тому времени казни. Но въ то суровое время почти всѣ не только преступленія, но и простыя проступки, имѣли наказываемые въ войскахъ дисциплинарною властью, всѣ они, почти безъ исключенія, наказывались лишеніемъ живота или каторгою. Петровскіе артикулы были неумолимы и отличались своею страшною жестокостію. Примѣная эти законы, Захаровъ могъ-бы предать казни почти всѣхъ обвиняемыхъ казаковъ. Но Захаровъ оказался по своему развитію выше общества того времени и былъ не только бесребренникомъ, но и гуманнымъ человѣкомъ—качества въ высшей степени рѣдкія въ то темное и темное время.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣло Сенатъ по воен. кол., 2/во, листъ 498.

²⁾ Тамъ-же, листъ 499 и Моск. Арх. Главн. Шт., опись 107, св. 81, листъ 865. Последнее дѣло 1741 г.; въ немъ въ концѣ его сказано, что справку о назначеніи Меркулева командиромъ атаманомъ „за спортикомъ дѣла въ военной конторѣ извѣстій не имѣется“.

³⁾ Тамъ-же. Грамоту къ войску отыскать не удалось.

Онъ, получивъ этотъ приказъ, не казнилъ ни одного казака.

Назначеніе военной коллегіей атаманомъ Григорія Меркулева, по прихвѣту доводовъ, пожизненно — являлось въ войскѣ первымъ и самымъ серьезнымъ нарушеніемъ священнаго обычая казачьяго права — выбрать атамана ежегодно, имѣть главу войска вполне независимаго отъ народа, подчиненнаго народу. Этотъ роковой приказъ, какъ увидимъ дальше, привелъ въ послѣдствіи войско къ тяжелымъ и печальнымъ событіямъ, окончившимся пугачевщиной. Не стѣсняемые въ своихъ дѣйствіяхъ волею народа, оставаясь пожизненно атаманами, имѣя за свою спиною поддержку въ военной коллегіи, они съ этого рокового года явились страшнымъ бичемъ для войска, эксплуатируя и обирая вмѣстѣ со старшинами казаковъ. Казаки были бессильны бороться съ ихъ произволомъ и въ тоже время не имѣли права сдѣлать нелюбимаго и недостойнаго атамана.

Получивъ этотъ приказъ 20 августа, Захаровъ вторично написалъ въ коллегію о ходѣ дѣлъ на Яикѣ. Виновики всѣхъ казачьихъ бѣдъ Кроткова, Кемецкаго и другихъ все еще не было на Яикѣ, а безъ нихъ производить слѣдствія было нельзя. Объ Кемецкомъ Захаровъ получалъ донесеніе отъ воеводы „Симбирской провинціи“ *Федора Хрущева*, что Кемецкій въ маѣ мѣсяцѣ умеръ. Объ остальныхъ же не было ни слуху, ни духу.

Захаровъ просилъ коллегію снова приказать выслать ихъ на Яикъ, особенно дѣла Сухарева и астраханскаго подъячаго Муромцева.

Изъ дальнѣйшихъ строкъ его донесенія видно, что къ этому времени прислазъ имъ рота драгунъ на Яикъ еще не прибыла. Смутило Захарова и распоряженіе коллегіи брать подорожныя для посылаемыхъ имъ въ Петербургъ съ донесеніемъ ялицъ отъ казанскаго губернатора Салтыкова.

„А Казань отъ Яика въ осьми стѣхъ верстахъ и болши, — писалъ Захаровъ, — а посылать съ тѣми нужными доношеніями до Казани и тѣмъ посланнымъ курьерамъ откуды имать подорожныя до Казани того во ономъ указѣ не зависано; а намъ вышеозначеннымъ указомъ подорожныя подовисывать запрещено, для того что де по печатному указу повелѣно подорожныя подписывать губернаторамъ и воеводамъ и тѣмъ кому отъ нихъ команда приказана будетъ; а Яикъ вѣдомъ не губернія и не въ воеводствѣ, а поминутая Казани отъ Яику не на прямомъ трактѣ и въ томъ будетъ прогономъ трата излешняя что чрезъ Казань посылать, а прямо трактъ съ Яику на Самару, на Симбирскъ, на Алатырь, на Арзамасъ, на Муромъ, на Володимерь и до Москвы и о подписке подорожныхъ просилъ повелительнаго указа, чтобъ по послѣкамъ нашимъ въ важныхъ дѣлахъ доношеніямъ не было остановки“ ¹⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 191, дѣло 784, листы 408—410.

Въ то же время Захаровъ просилъ выдать его командѣ заслуженное жалованье и о дачѣ фуража лошадамъ.

Этой просьбою кончалось донесеніе Захарова.

На это донесеніе резолюція коллегіи послѣдовала только 21 октября. Приказано было „о дачѣ заслуженнаго жалованья куда надлежитъ послать указъ, объ отъѣздѣ съ Янку полковнику Захарову (по окончаніи слѣдствія) жать указу“. Но самымъ интереснымъ постановленіемъ коллегіи по этому поводу является распоряженіе: „послать на Янкъ кондуктора и велѣть осмотрѣть того мѣста и гдѣ надлежитъ быть городку здѣлать съ масштапомъ чертежъ, который прислать въ военную коллегію. И какъ оттуда отправка полковникъ Захаровъ оставить сто человекъ солдатъ“¹⁾.

Какими соображеніями было вызвано это распоряженіе, остается невыясненнымъ. Ни въ одномъ дошедшемъ до насъ экстрактѣ Захарова не говорится ничего, что бы могло вызвать подобное распоряженіе. Это, вѣроятно, есть плодъ личнаго мнѣнія свѣтлѣйшаго князя Меншикова, хотѣвшаго, ввиду открывавшагося заговора противъ Захарова, построить въ Янцкомъ городѣ редутъ или маленькій фортъ для находившейся тамъ команды. А для пресѣченія и на будущее время могущахъ возникнуть волненій было рѣшено и по отъѣздѣ Захарова оставить на Янкѣ маленькій гарнизонъ.

Очевидно, мѣсто было выбрано и кондукторъ былъ посланъ. Но нигдѣ въ дѣлахъ чертежа городка и укрѣпленія, въ сожалѣнію, не найдено.

Въ то же время состоялся и указъ военной коллегіи по челобитью станичнаго атамана Петра Осипова. Въ войско на имя атамана Григорія Меркульева в всего Янцкаго войска 10 сентября была написана грамота, гдѣ обычно была изложена просьба станичнаго атамана и въ концѣ грамоты говорилось, что станичникамъ за пріѣздомъ и отъѣздомъ приказано выдать жалованье, относительно же прогонныхъ денегъ, издержанныхъ казаками отъ Янка до Москвы „за провозъ рыбы и якры“ во дворецъ о выдачѣ ихъ писать въ дворцовую канцелярію. „А вамъ, говорилось въ грамотѣ войску, когда случится отъ васъ во дворецъ рыба и якра и прочего въ привозе быть я что бы за провозъ заплатить и такъ бы денегъ требовали вы изъ дворца а не изъ военной коллегіи; а что вы будете челомъ, чтобъ для пожараго вашего на Янкѣ разоренія казаковъ, которые опредѣлены при Черешанѣ рѣкѣ для осторожности отъ непріятельскихъ людей, свободить и въ томъ вамъ отказать; а быть онымъ казакамъ въ тѣхъ мѣстахъ по прежнему до указа для того, что ихъ ныне за безбоязненностію отъ набеговъ отъ непріятельскихъ перемывать нечемъ я наряду вскорѣ учинить невозможно“²⁾.

Въ этомъ же году состоялось и другое постановленіе коллегіи вслѣдствіе прибивавшихъ въ Москву казачьихъ станицамъ съ доношеніями и отписками

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 477, листъ 45. Въ концѣ черновой отпуски грамоты помѣта: „Такая подлинная грамота послана черезъ Янцкую почту октября 10 дня“.

„чинить рѣшеніе въ Москвѣ“ и оттуда уже писать въ военную коллегію. Въ Петербургѣ-же посылать только человека два или три, а остальныхъ оставлять въ Москвѣ при канторѣ коллегіи ¹⁾.

Когда возвратилась станица Петра Осипова на Янкъ — неизвестно, но, судя по тому, что грамота объ оставленіи казаковъ на службѣ на рѣкѣ Черемшѣ была отправлена почтой, можно предположить, что станичниковъ въ это время въ Москвѣ уже не было.

Разрѣшить отпущекъ яицкихъ казаковъ съ рѣки Черемши на Янкъ было въ то время невозможно.

Въ калмыцкой и киргизской ордѣ были волненія.

Въ степи было неспокойно. Тамъ на востокъ отъ Янка, въ киргизской ордѣ еще съ 1710 года начались междоусобія. Пользуясь этимъ, ближайшіе сосѣди начали ихъ тѣснить со всѣхъ сторонъ: — съ запада на нихъ напали калмыки, съ сѣвера башкиры, а съ востока главные и вѣчные враги киргизъ — зюнгорскіе калмыки, жившіе вблизи границъ Китая и управлявшіеся своимъ ханомъ *Галданъ-Цыреномъ*. Тѣснящие со всѣхъ сторонъ и раздражаемые междоусобіями, киргизы хотѣли принять русское подданство. Но вліятельный киргизскій батырь и старшина *Буканъ-бай* на собраніи киргизъ въ *Баракумахъ* склонилъ народъ на войну съ калмыками — зюнгорцами. Киргизы окончили свои споры и междоусобія и выбрали предводителемъ *Буканъ-бая* и ханское достоинство было вручено *Абулхауру*. Ударивъ соединенными силами на зюнгорцевъ, киргизы, благодаря ловкости своего предводителя, разбили калмыкъ и отбросили ихъ къ границамъ Китая. Но ведя войну съ главнымъ врагомъ, киргизы должны были одновременно выносить безпрерывные набѣги отъ башкиръ и каракалпаковъ. Борьба была непосильна.

Киргизы снова рѣшили просить русское подданство. Особенно на этомъ настаивали ханы: *Тязка, Камль и Абулхауръ*. Съ этимъ они обратились къ Петру Великому, но Петръ былъ занятъ войною со Швеціей и, зная о междоусобіи среди киргизъ, не рѣшился принять какое-либо участіе въ ихъ дѣлахъ.

Узнавъ объ этомъ, зюнгорскій ханъ, видя неудачу киргизъ въ расчетѣ на русскую помощь, съ раннею весною 1728 года овладѣлъ Туркестаномъ и двинулся снова со всѣми своими силами на киргизъ. Киргизы хотя и соединились съ каракалпаками, но не выдержали натиска и подъ напоромъ калмыковъ стали быстро отходить на сѣверъ и на западъ отъ Туркестана. На сѣверѣ они были вынуждены оттѣснить башкиръ и заставили ихъ уйти за Янкъ въ Уральскія горы, на западѣ-же, перейдя р. Эмбу, киргизы въ среднемъ ея теченіи сблизя кочевавшихъ тамъ калмыкъ и, преслѣдуя ихъ, приближались къ Янку ²⁾.

¹⁾ Урал. войск. арх., дѣло III разр., гражд. опись 76, листы 22—23. Грамота войску 1728 г., мая 20, № 784.

²⁾ Витевскій — Неплюевъ и Оренбургъ, страница 135.

Главные враги казаковъ поселились почти рядомъ. Съ этого времени набѣги киргизъ участились — безконечныя и безпрерывныя стычки казаковъ съ ними стали обычнымъ явленіемъ.

У калмыкъ въ этомъ году тоже было неспокойно, — у нихъ тоже начались междоусобія.

Сынъ Аюки-хана, *Чакдоржана* умеръ, оставивъ нѣсколько сыновей, изъ которыхъ младшій изъ нихъ *Дундукъ-даша* поссорился со старшимъ братомъ *Досангомъ* изъ-за того, что послѣдній не хотѣлъ отпустить его отъ себя и хотѣлъ, чтобы тотъ кочевалъ при немъ. *Дундукъ-даша* уѣхалъ съ жалобою къ Аюкѣ. Но Аюка былъ не въ силахъ заставить *Досанга* отпустить отъ себя *Дундука*. Уже давно его власть въ ордѣ пошатнулась. Приѣхалъ къ нему и *Досангъ*, но, не дождавшись ханскаго суда, уѣхалъ къ себѣ въ улусы. Недовольные поступкомъ *Досанга*, сынъ Аюки *Черекъ-дундукъ* и внучата *Дундукъ-омбо* и *Дундукъ-даша* безъ разрѣшенія хана двинулись со своими войсками на *Досанга*.

Бой произошелъ въ 50 верстахъ отъ Астрахани на рѣкѣ *Берекетѣ* и продолжался съ ранняго утра до трехъ часовъ пополудни. Бой продолжался бы и дальше, но въ это время къ мѣсту битвы подошелъ увѣдомленный объ этомъ Аюкою астраханскій губернаторъ *Волинскій* съ 200 человекъ солдатъ, 50 человекъ драгунъ и 100 довскихъ казаковъ. Онъ прекратилъ бой и развелъ сражающихся. Калмыки потеряли съ обѣихъ сторонъ около ста человекъ убитыми и столько же ранеными. У *Досанга* было отбито до 6 тысячъ кибитокъ съ лошадьми и скотомъ. *Волинскій* успѣлъ спасти *Досангу* только двѣ тысячи кибитокъ съ женами и переправилъ ихъ черезъ двѣ рѣки къ *Красному яру*. Опоздай *Волинскій* нѣсколькими часами, то калмыки *Досанга* были бы разбиты окончательно ¹⁾.

Въ это смутное время къ границамъ калмыцкой земли подошли киргизы. О движеніи киргизъ къ берегамъ Яика калмыки были хорошо освѣдомлены. Но, не зная еще того, что намѣрены они предпринять въ дальнѣйшемъ, Аюка въ первыхъ числахъ іюля послалъ для переговоровъ къ *Абулхайрхану* калмыка *Кочутушу* *Надыко* съ провожатыми — всего десять человекъ. На обязанности *Надыко* лежало явиться къ *Абулхайру* и спросить его: „Съ Аюкою ханомъ въ миру-ли они хотятъ жить или воеваться?“

Но посланецъ, не добравъ еще далеко до киргизскихъ улусовъ, встрѣтилъ всю киргизскую орду на рѣкѣ *Темирѣ*. *Абулхайръ* приказалъ пословъ сѣлать, трехъ человекъ изъ нихъ убилъ, а остальныхъ взяли въ плѣнъ и связанныхъ повезли съ собою.

Но *Кочутушу* удалось бѣжать и онъ 16 августа появился въблизи *Яицкаго городка*, гдѣ встрѣчалъ на казачій отъѣздѣ караулъ, „который стоялъ

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Рос., томъ 18, глава 1.

въ степи у табуна для опасенія отъ непріятельскихъ людей¹⁾. Казаки привели его въ войсковую избу, откуда его представили полковнику Захарову. Здѣсь „въ канцеляріи розскныхъ дѣлъ“ онъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ и сообщилъ, что киргизъ идетъ по степи къ Янку тысячь съ сорокъ и что ханъ идетъ войною на калмыкъ и на русскія украини¹⁾.

Войско стало находиться „въ великомъ опасеніи“. Захаровъ немедленно далъ знать о вѣстахъ въ Казань къ губернатору и къ генераль-маіору князю *Александру Волконскому*, который стоялъ въ казанскомъ уѣздѣ по закамской чертѣ (на Черемшанѣ) съ драгунскимъ полкомъ и съ яицкими казаками; написано было срѣзное увѣдомленіе въ Симбирскъ и въ Астрахань.

Получивъ эти свѣдѣнія, Волконскій срочно написалъ въ военную коллегію, что если на черемшанскіе пасы придутъ киргизы, то ему „за малолюдствомъ здѣшнее мѣсто заполнить некимъ и то какъ бы мнѣ не изыскалось“²⁾.

Не меньшей переполохъ произвело это сообщеніе и въ симбирской воеводской канцеляріи. Въ городѣ солдатъ почти не было. Комендантъ *Федоръ Хрущовъ* послалъ приказъ въ Симбирскій уѣздъ въ солдатскія села и деревни о нарядѣ въ Симбирскъ солдатъ трехсотъ человекъ „съ ружьемъ какое у нихъ есть свое, понеже въ Симбирскѣ ружья и амуниціи ни какой нѣтъ.“ Экстренно-же сообщалъ онъ объ этомъ въ свою очередь и въ Самару маіору *Кушникову* и въ Оренбургъ маіору *Дмитріеву*. Тамъ вышелъ переполохъ неменьшій чѣмъ, въ Симбирскѣ. Кушниковъ донесъ Хрущову: „Въ ономъ городе Самаре пушекъ восемь и те все горелые и къ стрельбѣ не годные, а пороху ручного и пушечного и свѣдцу самое малое число; а пушечные дробы ничего нѣтъ, а городова крепость весьма плоха и самарскими служилыми людьми тое крепость за малолюдствомъ обнять невозможно; и для такого ради случая прошу прислать солдатъ, пушекъ и пушечной дробы“³⁾. Для обороны Самары Хрущовъ вынужденъ былъ послать изъ Симбирска двѣ чугунныхъ пушки, пушечнаго пороху десять пудовъ и дробы желѣзной четыре пуда.

Между тѣмъ киргизы быстро подвигались къ Янку и 22 августа⁴⁾ медвія шайки ихъ подошли къ Янцкому городку, 23-го часть ихъ появилась уже у Черемши, Самары и Алексѣевска. Вблизи Самары они отогнали лошадей, а изъ Алексѣевска „управитель“ *Александръ Колюмовъ* донесъ Кушникову, что 24 августа за часъ до ночи алексѣевскій бобыль *Алексѣй Завидяшъ*, явившись къ нему, заявлялъ: „былъ де онъ за вуждою своею на *Кинезъ рѣчку* у *Бурочки рѣчки* отъ города Алексѣевска впасти верстахъ и напало на него баракалпаковъ двадцать человекъ, отъ которыхъ уметался онъ въ воду; а

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 30/31, листъ 157. Донесеніе изъ Казани княземъ Волконского отъ 28 августа 1728 г.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, опись 47, кн. 30/31, листъ 105, донесеніе въ воен. кол. Федора Хрущова.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 81. Грамота къ войску 9 сентября 1728 г.

саловъ¹⁾ де ихъ, на чемъ переплавлявца, и переплавъ не видалъ, только, де, по Кянехъ рѣкѣ плыветь бревенякъ и мелкій лѣсъ, и знатно, что во-видимому переплавывались многолюдствомъ, а гдѣ того неизвѣстно; а ловила ово Алексѣя, августа 23 числа за два часа до вечера²⁾.

25 августа въ Яецкій городокъ прибѣжалъ другой „выходецъ“ изъ киргизскаго плѣва. Это былъ татаринъ казавскаго уѣзда *Иситкулъ Таймасовъ*. Представленный къ Захарову сказалъ, что „перелѣзли рѣку Яикъ киргизцовъ и каракалпаковъ съ пять тысячъ человекъ тому нынѣ четвертой день близъ реки Илека и идутъ они и намерены быть подъ Его Императорскаго Величества и на черемшанскіе жилища; а овъ Иситулъ отъ нихъ бѣжалъ сего августа противъ 25 числа въ ночи — въ рѣкѣ Бузулуки и прибѣжалъ на Яикъ“³⁾.

Объ этомъ свѣдѣніи Захаровъ снова написалъ письма и князю Волконскому на Черемшу и въ Сызрань. Какъ ухитрились казаки доставлять эти письма по назначенію и пробираться черезъ степь, кишмящую киргизами, является положительно необъяснимымъ. Мало того, что эти письма доставлялись по назначенію, но при этомъ удивительно то, что они доставлялись крайне быстро для того времени. Такъ письма, посланные Захаровымъ 18 августа о сообщеніяхъ калмыка Кочутуша получены на Черемшѣ 27 августа въ Сызранѣ и Самарѣ 23 числа. Последнее-же письмо, написанное Захаровымъ 25 августа, было получено въ этихъ городахъ 28 августа, а на Черемшѣ кн. Волконскимъ 30 августа.

Получивъ письмо отъ Захарова, Волконскій былъ крайне смущенъ, у него, какъ намъ уже извѣстно, кромѣ драгунскаго полка и ямскихъ казаковъ не было никакого войска, между тѣмъ ливія форпостовъ по р. Черемшѣ тянулась чуть не 500 верстъ. Охранять ее ему не было ни какой возможности.

„И доношу, писалъ Волконскій въ военную коллегію, ежели отъ тогого изъ непріятельскаго на здѣшніе мѣста сильнаго приходу обывателямъ учинятца какое разореніе, потому что мне за малолюдствомъ отъ оныхъ непріятельскихъ людей оборонятся не кемъ, и то на мне дабы не взыскивалось, понеже я многократно въ государственную военную коллегію писалъ и требовалъ помочи, равна достойной мне команды, и те мої требованія определеннаго его Императорскаго Величества изъ государственной военной коллегии указу я не имѣю“⁴⁾.

Но напрасны были просьбы Волконскаго. Въ край войскъ не было. Коллегія на всѣ его донесенія отвѣтила ему только въ октябрѣ. Отвѣтъ былъ неутѣшительный. Ему велѣно быть „въ прежней командѣ для того:—пол-

¹⁾ Салъ—салы—легкіе шестки, дѣлаемые обычно изъ ламыша или куги, изъ которыхъ киргизы и казаки переплавляли рѣки. На салы владось оружіе и одежда.

²⁾ Такъ-же, листы 105—106. Донесеніе въ воен. колл. Федора Хрущова.

³⁾ Такъ-же, листъ 156. Донес. кн. Волконскаго воен. колл. 30 августа 1728.

⁴⁾ Такъ-же.

ковъ въ близости нѣтъ и наряду вскорѣ учинить невозможно¹⁾. Военная коллегія рѣшила просить коллегію иностранныхъ дѣлъ чтобы она приказала Аюкъ-хану нѣтъ съ Волконскимъ сношеніе и общую оборону, „а на Яикъ послать грамоту, чтобъ тожъ чинили“.

Черезъ нѣсколько времени киргизы уже заняли всю степь между Яикомъ и Волгою. Яицкіе казаки не оставались спокойными зрителями совершавшихся событій. Одна схватка у нихъ случилась другою. Когда именно происходили эти бои точно неизвѣстно, объ нихъ до насъ дошли самыя скудныя свѣдѣнія.

Объ одной изъ стучекъ съ киргизами въ это время намъ извѣстно изъ сказки о службѣ старшины *Андрея Мостовщикова*, составленной въ 1757 г.

„И былъ онъ,—писало войско о его службѣ,—при атаманѣ *Иванѣ Щелкинѣ* противъ подошедшаго подъ Яицкій городокъ киргизъ-кайсацкаго владѣльца *Баракъ-Балмана*, который, подойдя подъ городокъ, нѣсколько людей плѣнилъ и скотъ отогналъ, съ которыми учинена была немалая баталія и оный непріятель ушелъ отъ насъ съ немалымъ урокомъ. И на другой день онъ-же, Мостовщиковъ, отъ нашего войска посланъ былъ для поджиданія показаннаго непріятеля куда онъ идти съ своими войсками намѣренъ, и велено было ему изъ того войска какъ можно достать языка, который храбрыми своими поступками онаго языка досталъ и въ военную коллегію отослалъ“²⁾.

Не такъ счастливо отдѣлялись отъ киргизъ калмыки. Одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ *Засангъ*, получивъ свѣдѣнія о появленіи киргизъ, нарядилъ партію калмыкъ на развѣдку. Но развѣдка оказалась неудачной. Киргизы разбили всю партію, изъ которой спасся только одинъ человекъ, давній печальную вѣсть своему владѣльцу.

Прескакавъ къ *Засангу*, онъ сообщилъ, что киргизъ-кайсаковъ не менѣе какъ двадцать тысячъ человекъ. „А командиръ надъ ними,—говорилъ онъ,—*Буларимъ ханъ* и *Хабларимъ* салтанъ, которые, переправясь Яикъ рѣку, стоятъ на урочищѣ *Баксантѣ*“³⁾.

Посланный съ этими свѣдѣніями въ астраханскому губернатору *Артемию Волянскому* варочный отъ *Засанга* сообщилъ ему, что *Засангъ* всѣхъ, бывшихъ при немъ Аюки хана владѣльцевъ, отправилъ къ хану съ объявленіемъ, „чтобъ онъ улусы свои оставилъ и въ займище заведомы въ крѣпкихъ мѣстахъ всталъ, а самъ бы съ войскомъ выѣхалъ на границу улусовъ своихъ“. Что

¹⁾ Тамъ-же, резолюція воен. кол.

²⁾ Урал. войск. арх., дѣла Ш раз. 1736—1800 г., 2 грам. опись, дѣло № 76, листъ 73. Объ этомъ же дѣлѣ говорится въ челобитной войска 1752 г. апрѣля 20, о службѣ казака *Ивана Загородина*: „Въ 1723 году былъ при атаманѣ *Иванѣ Щелкинѣ*, гдѣ киргизъ побито не малое число“. Также говорится о службѣ *Северюгина*: „Въ 1723 г. при атаманѣ *Иванѣ Щелкинѣ* былъ хорунжий, гдѣ киргизъ побито не малое число“. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107 книга 78, листъ 69 и тамъ-же, книга 78, листъ 65.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, дѣло № 30/33, листъ 186. Донес. Астр. губери. Волянскаго 11 сент. 1723. Здѣсь предводителя киргизъ названы *исполнителями именами*.

Даржа Назаровъ, собравъ войска пять тысячъ, всталъ у своихъ улусовъ, оберегая ихъ отъ киргизъ, въ посылкѣ же помощи къ Засаангу отказалъ, т. е. „за помянутыми неприятели ему, Даржѣ, съ войсками, оставя улусы свои, быть не мочно“¹⁾.

Въ своемъ-же письмѣ Засаангъ просилъ Волынскаго о пропускѣ его улусовъ „черезъ Бузанъ въ крѣпкія мѣста къ *Красному Яру*“ и о высылкѣ изъ Астрахани для помощи русскихъ войскъ съ пушками.

Но Волынскій былъ безсиленъ помочь Засаангу. Въ его вѣдѣніи было самое ничтожное количество войскъ. Изъ трехъ гарнизонныхъ полковъ, ввиду усиленныхъ службъ, на лицо свободныхъ оставалось всего восемьдесятъ человекъ солдатъ. Были въ Астрахани еще два батальона Астраханскаго и Ингерманландскаго полковъ, но они всѣ были заняты караульною службою²⁾. Волынскій могъ только послать къ Засаангу переводчика *Бакунина* съ письмомъ, въ которомъ говорилъ ему, что войскъ отправить къ нему не можетъ и что пропустить его улусы черезъ Бузанъ онъ уже распоряженіе сдѣлалъ³⁾. !

Но едва онъ отправилъ гонца обратно, какъ вслѣдъ за гонцомъ отъ Засаанга пріѣхалъ въ Астрахань 10 сентября гонецъ отъ Аюк-хана съ письмами о приходѣ тѣхъ-же киргизъ.

Аюк писалъ, что киргизъ идетъ не менѣе двадцати тысячъ, и просилъ Волынскаго „его хана Аюку и прочіе калмыцкіе улусы отъ нихъ оборонить“ и прислать къ нему войскъ изъ Астрахани или изъ Царицына.

Волынскій, посоветовавъ хану не отходить съ улусами отъ Волги, приказалъ стоявшему въ Царицѣнѣ бригадиру *Шамордину*, если возможно, охранять Аюку свою команду и послать-бы къ нему „пять или шесть шквadroновъ (ескадроновъ), чтобы онъ, ханъ, не пропалъ“.

Между тѣмъ посланный Волынскимъ переводчикъ Бакунинъ 9 сентября встрѣтился выше *Красною Яра* въ урочищѣ *Черномъ Ильменѣ* съ братьями Засаанга *Боксадаромъ* и *Нитаръ даржой*. Братья, не дождавшеся вѣрныхъ вѣстей о приходѣ киргизъ, стояли, распустивъ собранныя ими передъ этимъ калмыцкія и татарскія (ногайскія) войска. Но въ день встрѣчи ихъ Бакунинъ къ нимъ прискакалъ гонецъ отъ калмыцкаго владѣльца *Лекбея* съ извѣстіемъ, что киргизамъ разбила его улусы и улусы Назарова сына *Гимбю* и Держинихъ дѣтей всего пять тысячъ кибитокъ, изъ которыхъ успѣла спастись *Лекбея* жена, дочь *Чавдоржапа*, *Батара* съ семью людьми⁴⁾.

Вслѣдъ за этимъ 18 сентября въ Астрахань пришли объ этомъ болѣе подробныя свѣдѣнія отъ Засаанга. Онъ доносилъ, что на улусы *Лекбея* напали киргизы-кайсаки въ шести тысячахъ человекъ подъ командою *Булатари-хана*. Улусъ *Лекбея* состоялъ изъ тысячи кибитокъ, но калмыки съ жанами и

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, листъ 130 на оборотѣ. Донесеніе губернатора Волынскаго въ воен. коллегію 11 сентября 1728 года.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 131.

дѣтми успѣли усакать и киргизцы захватили только двадцать человѣкъ, но зато все имущество калмыкъ досталось киргизамъ. Скота было захвачено: лошадей тридцать тысячъ, верблюдовъ десять тысячъ, и всѣ (сколько не указано) коровы и овцы ¹⁾).

Лекбей, сообщая Волынскому о нападеніи киргизъ, просилъ также помощи войсками и пушками. Посланному онъ приказалъ просить, чтобъ прислали къ нему изъ Астрахани въ Красный Яръ „хотя сто человѣкъ солдатъ съ десятию или съ пятию пушками и нѣсколько донскихъ казаковъ или черкесъ, понеже они калмыки подданные Его Императорскаго Величества“ ²⁾).

Свое письмо Лекбей кончалъ словами: „И тако будемъ смотрѣть, что намъ въ такомъ случаѣ учинено будетъ“ ³⁾).

Волынской наконецъ рѣшился отправить войска. Онъ отправилъ воедою на Красный Яръ двѣ роты изъ Астраханскаго и Ингерманландскаго батальоновъ, 2 пушки и триста человѣкъ донскихъ казаковъ, прибывшихъ въ Астрахань для слѣдованія на службу въ Дербентъ. Къ калмыкамъ-же написалъ, чтобы они со своими улусами приблизились къ Астрахани.

Но пока астраханскія войска двигались къ Красному Яру, калмыцкій владѣлецъ Доржа Назаровъ рѣшилъ выручать Лекбея. Онъ собралъ уже восемь тысячъ человѣкъ и готовился выступить въ походъ, но въ это время каракалпацкій ханъ прислалъ къ нему своихъ пословъ съ увѣдомленіемъ, что онъ, ханъ, „въ прошлыхъ годахъ учиненную съ калмыками присягу не нарушилъ, а нарушилъ присягу владѣлецъ Лекбей, который угналъ у него, хана, нѣсколько тысячъ лошадей, и за то онъ, ханъ, его Лекбея и воевалъ и свою обиду ему отомстилъ, и ежели онъ, Доржа, присягу свою нарушитъ и будетъ съ нимъ, ханомъ, вчинять войну и онъ, ханъ, съ нимъ, Доржемъ, хотя и меньше его имѣетъ войска въ войну вступить готовъ“ ⁴⁾).

Назаровъ, воспользовавшись прїѣздомъ посла, пригласилъ хана къ себѣ въ гости для переговоровъ и для подтвержденія между собою присяги. Ханъ согласился на свиданье и во главѣ ста человѣкъ киргизъ прїѣхалъ въ ставку Назарова, который угостилъ хана обѣдомъ. Подтвердивъ присягу не нападать другъ на друга, Назаровъ сталъ просить хана вернуть плѣнныхъ и все отбитое изъ улусовъ Лекбея. Но ханъ отдалъ только плѣнныхъ, а лошадей и скотъ оставилъ у себя и возвратился со своимъ войскомъ и со взятою добычею назадъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Волынской приказалъ отправленнымъ изъ Астрахани двумъ ротамъ и казакамъ вернуться обратно ⁵⁾).

Дѣлая набѣгъ на калмыковъ, киргизы не оставили въ покоѣ и Явдѣй городокъ. Едва казаки отбили шайку киргизскаго батыра Барабъ-балмана, какъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 182. Донесеніе Волынскаго 1 октября 1728 г.

²⁾ Тамъ-же, листъ 181.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, дѣло ^{30/33}, листъ 182.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 188. Донесеніе Волынскаго, октябрь 1 1728 г.

вслѣдъ за нимъ подъ городокъ подошли киргизы подъ начальствомъ *Джаман-батыря*. Киргизы разбили отъѣзжій казачій караулъ, но на городокъ напасть не рѣшились а, захвативъ въ плѣнъ караульныхъ казаковъ, пошли въ степь.

Войско снаряжало въ погоню отрядъ подъ начальствомъ походнаго атамана *Андрея Пономарева*. Подробностей объ этомъ походѣ, какъ и вообще о всѣхъ схваткахъ съ киргизами, до насъ не дошло. Единственнымъ документомъ для этого служить также сказка о службѣ старшины *Андрея Мостовщикова*.

Объ участіи его въ этой погонѣ за киргизами войско въ своей челобитной говоритъ слѣдующее:

„Да въ томъ-же году (1793 г.) побѣждалъ подъ Яницкій городокъ знатный кайсацкій старшина *Джаман-батырь* въ сильной партіи и разбивши отъѣзжій караулъ отъѣзжалъ, за которыми отъ насъ при атаманѣ *Пономаревѣ* командирована партія, въ которой оный *Мостовщиковъ* былъ и гдѣ изъ всѣхъ старшинъ и казаковъ такую знатную послугу показалъ, что нагнавъ онаго неприятели, Янкъ рѣку перелѣзшаго, и показаннаго *Джангу-батыря* увидѣвъ за Янкомъ рѣкою, на песокъ вѣдвшаго и свою партію, яко знатный человекъ защищающаго, не стерпя и отважа себя, токмо одинъ и на одной лошади и съ однимъ конемъ черезъ Янкъ рѣку поплылъ, и на онаго неприятели напавъ и онаго *Джангу-батыря* побѣдилъ, что видя его *Джанги* родственникъ утерѣтъ не могъ и, прибѣжавъ на лошади, ударилъ его конемъ, и хотя ояъ, *Мостовщиковъ* жестоко былъ раненъ, однако его, *Джангу-батыря*, не упустилъ и оба повалились на землю и дрались; гдѣ *Мостовщиковъ*, какъ отъ показаннаго *Джанги*, такъ отъ его родственника привялъ ранъ съ десять; и если-бы на ту драку другіе казаки не послѣжили, тобъ конечно и живота лишился; однако оный неприятели поймавъ и въ войско привезевъ“¹⁾.

Рыцарскій духъ на Янкѣ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ. Не робкихъ поселенъ встрѣчали киргизы вблизи казачьяго городка. Это было орляное гвздо, гдѣ втились отважные и безстрашные принцыіе орлы. Они сами рвались въ бой, горѣли желаніемъ помѣриться силами съ врагомъ, искали широкаго поля, чтобы потѣшить свою удалъ богатырскую, извѣдать сладости подвига.

Отважный *Мостовщиковъ* горѣлъ только жаждою схватиться одинъ на одинъ съ героемъ киргизомъ, умышленно оставшимъ отъ своего войска и дерзко вызывавшимъ казаковъ на бой. Богатырская душа *Мостовщикова* не выдержала. Геройскій духъ звалъ его на подвиги. И духъ побѣдилъ.

Кромѣ этой схватки съ киргизами у казаковъ произошло этииъ лѣтомъ еще нѣсколько боевъ. Но объ нихъ до насъ дошло такъ же мало свѣдѣній,

¹⁾ Урал. войск. арх., дѣло Ш разр. 1786—1800 г., 2 гражд. описъ, дѣло 76, листъ 73, на обор., изъ грамоты Елизаветы 1767 г. марта 20, № 3007. Объ этой-же стичкѣ говорится въ челоб. войска 1792 г. 16 декабря о службѣ *Андрея Пономарева*: „Подбѣгали подъ насъ неприятелииъ *Жанга-батырь* съ латюю ста человеками, за которыми неприятелииъ посланъ былъ ояъ (*Пономаревъ*) отъ войска атамана и догнавъ тѣхъ неприятелииъ побилъ и самого *Жангу-батыря* убилъ“. Тамъ-же, листъ 74, пунктъ 6.

какъ и о двухъ предыдущихъ.

Казаки ходили выручать и калынкъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ слегка говорится въ войсковой челобитной о службѣ казака *Василія Попова*.

„Въ прошломъ 1723 году командированъ (Поповъ) при атаманѣ *Никитѣ Бородинѣ* за киргизъ-кайсаками за причиненную ими при здѣшнемъ войскѣ владѣльцу *Дашѣ* обиду, гдѣ овъ показанными киргизъ-кайсаками на баталіи взять въ половъ съ прочими здѣшними казаками“¹⁾.

Здѣсь, вѣроятно, говорится о *Дашѣ Вулатовѣ*, причисленномъ къ Яицкому войску и кочевавшемъ вблизи городка. Вой было, видимо, неудачный, такъ какъ нѣсколько казаковъ было захвачено въ плѣнъ.

Но еще болѣе неудачный бой въ этомъ же году былъ у казаковъ на рѣкѣ *Утѣ*.

Киргизская шайка въ триста человекъ, налетѣвъ по обычаю внезапно подъ казачій городокъ, захватила пять казаковъ въ плѣнъ и, отогнавъ нѣсколько головъ скота, стала уходить въ степь. Войско въ погоню за ними снарядило команду въ сто пятьдесятъ человекъ съ походнымъ атаманомъ *Иваномъ Тимофѣевымъ*. Казаки пустились за хищниками въ погоню, но, увлекшись, слишкомъ далеко заѣхали въ степь. Провѣдавъ нѣсколько дней и не догнавъ киргизъ, казаки рѣшили вернуться обратно. Но не доѣзжая до городка, дня за два ѣзды, на рѣкѣ *Утѣ* на казаковъ напала другая шайка киргизъ, человекъ съ триста. Завязался неравный бой. Казаки отбились, но потеряли при этомъ десять человекъ взятыми въ плѣнъ²⁾.

Съ тѣмъ-же атаманомъ *Иваномъ Тимофѣевымъ* казаки ходили другой разъ за киргизами тоже во сто пятидесяти человекъ. На этотъ разъ походное войско пошло „по Самарской сторонѣ до рѣки *Иртеку*“, но киргизъ и на этотъ разъ не догнали. При возвращеніи обратно, не доѣхавъ до Яицкаго городка „конною ѣздой за день у *Дарминскаго озера* идѣ казачьи были зимовья“, отъ команды Тимофѣева отстало четыре человека казаковъ, въ числѣ которыхъ былъ *Михаилъ Бородинъ*. Войско ушло въ городокъ, а казаки остались въ зимовьяхъ, но здѣсь на нихъ напали киргизы и взяли всѣхъ четырехъ въ плѣнъ и продали въ Бухару³⁾.

Болѣе удачно раздѣлялся съ киргизами *Даржа Назаровъ*. Послѣ ухода хана на его улусы, находившіеся въ урочищѣ *Узени*, напала толпа киргизъ, варакалаковъ и башкирцевъ. Но неутомимый и энергичный Назаровъ разбилъ ихъ и въ знакъ своей побѣды прислалъ Волынскому 415 киргизскихъ ушей⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 69, листъ 465. Челоб. войска 1747 г, ноября 27. Половъ пробылъ въ плѣну 10 лѣтъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, связка 12, листъ 150. Челобитная казака *Михаила Бородина*.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, дѣло 21/24, листъ 159. Писаніе *Михаила Бородина* о своей службѣ въ 1739 г. *Бородинъ* пробылъ въ плѣну 6 лѣтъ и былъ выкупленъ потому казакомъ *Иваномъ Сидоровымъ Лобихомъ*.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ 18, глава 1.

Наступилъ октябрь. Киргизы скрылись далеко въ глубь степей. Въ это время на Яикѣ была получена грамота изъ военной коллегіи о предосторожности отъ киргизъ и о сношеніи по этому поводу съ астраханскимъ губернаторомъ Волнскимъ и съ кяземъ Волконскимъ. Войско отвѣтило отпиской:

„Все пресветлейшаго Державнейшаго Императора і Самодержца всероссійскаго Петра Великаго отца отечества Государа Всемилостивейшаго въ государственную воевую коллегію. Сего 723 году октября 8 дня получили мы Его Императорскаго Величества изъ государственной военной коллегіи грамоту, которая прислана къ намъ отъ Казанскаго губернатора и господина Дромятова полку вахмистранъ Мелеромъ, въ которой объявлено, что оставшие члены приговорили въ государственной военной коллегіи иметь осторожность отъ нападенія каракалпаковъ и киргизъ казаковъ, которые шли въ низовые російскіе города и на калмыкъ войною и обьонномъ каракалпацкомъ и киргизъ казаковъ выходе мы чрезъ калмыкъ Лекбеева улуса известны, что каракалпацкое войско воевали съ калмыками улуса Лекбеева, *противъ которыхъ мы Яицкимъ войскомъ выходили съ пушками*; и помянутое каракалпацкое войско, разоря калмыцкой Лекбеевъ улусъ, возвратились въ тою землю, а намъ Яицкому войску никакой траты не учинили и калмыкомъ сверхъ того улуса траты не учинили; и ныне съ того числа о помянутомъ войске каракалпацкомъ у насъ и въ калмыцкомъ владеніи неизвестно понеже больше тово нигде они не явились¹⁾...“

Здѣсь мы видимъ, что въ титулѣ государя казаки уже называютъ Петра отцомъ отечества. Видно также, что войско вышло на защиту Лекбеевыхъ улусовъ по собственному почину, не дожидаясь указаній отъ коллегіи и изъ Казани, а лишь по вѣстямъ отъ калмыкъ.

Интересна также и подпись подъ этой отпискою: „При семъ атаманъ Григорій Меркульевъ и все Яицкое войско челомъ бьетъ“.

До сихъ поръ подобной подписи еще не было²⁾.

Но, вѣроятно, не одними только этими, извѣстными намъ стычками ограничились кровавыя столкновенія казаковъ съ киргизами въ этомъ году. До насъ дошли свѣдѣнія чисто случайныя,—то являть позднѣйшихъ челобитвъ войска, то при перечнѣ службъ какого либо старшины или казака, то въ челобитныхъ ишедшихъ изъ плѣна казаковъ. Подлинныхъ-же доведеній войска о этихъ дѣлахъ нигдѣ не найдено. Сходить казаки въ походъ, вернутся назадъ въ городокъ и на прошлое кладется пелена забвенья. Ни въ Казань, ни въ военную коллегію доносить объ этомъ они не считали нужнымъ. Это было нѣ домашнее дѣло. До насъ дошли свѣдѣнія, можетъ быть, только о самой незначительной части этихъ походовъ и схватокъ, но и по нимъ въ достаточной мѣрѣ открывается предъ нашими глазами картина той безпокойной и тревожной жизни, полной опасности, какою вели тогда казаки на Яикѣ.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга 20/23, листъ 82.

²⁾ См. приложения, страницы 66, 68, 90, 94 и 95.

Г Л А В А XXIX.

Слѣдствіе надъ Кротковымъ, Путиловымъ и другими. Посылка станицъ въ Петербургъ. Продолженіе переписи казаконъ. Нарядъ на Черемшу и набѣги киргизъ. Судъ надъ Воейковымъ. Основаніе городка на рѣкѣ Сакмарѣ. Окончаніе переписи казаконъ. (1723—24).

Въ то время, когда повсюду въ степи у береговъ Яика происходили сватки съ киргизами, въ Яицкомъ городѣ велась перепись и дѣлался Захаровымъ розыскъ по доносу Карташева.

Въ срединѣ сентября войсковою атаманъ, явившись въ разсыльную канцелярію, подалъ Захарову новыи, дополнительный списокъ казаконъ, которые были въ отлучкахъ и не попали въ первый списокъ. Тутъ были пропущенные равнѣ дѣти священнослужителей и ихъ работники, а также списокъ 98 калмыковъ и ихъ дѣтей, вошедшихъ въ составъ войска вмѣстѣ съ калмыкомъ Дашею Булатовымъ ¹⁾.

„Сего 1723 г. сентября 16 числа,—говорилось въ заголовкѣ списка,—росписъ казаконъ и ихъ дѣтей, которые сверхъ поданнаго списку который поданъ въ канцелярію розыскныхъ дѣлъ изъ станичной войсковой избы явились независанными послѣ поданныхъ старшинскихъ сказокъ о чемъ вторично подписуемся, что на Яикѣ болѣе сего никакихъ людей нѣтъ а нижеименованныя казакки и дѣти были въ отлучкахъ для превормленія, того ради и въ поданномъ спискѣ не написаны а нынѣ объявляемъ имена“ ²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 21, листы 182—185. Въ списокѣ были перечислены дѣти и работники родовъ: Иева Клементьева, Тимофея Михайлова, Ивана Иванова, Максима Павлова, Василия Семелова и дыконовъ: Ивана Никитина и Даниила Леонтьева—„всего казачьихъ дѣтей и ихъ работниковъ 54 ч.“

²⁾ Тамъ-же, листъ 182. Подъ спискомъ (росписью) имѣется слѣдующая подпись:

„Къ сему доношенію вмѣсто атамана Григорья Меркульева по его велѣнію войсковою подъячій Иванъ Симагинъ руку приложилъ, вмѣсто Есаула Ивана Степанова Сигаватина казакъ Аника Дмитриевъ по его велѣнію руку приложилъ, Есаулъ Василій Араповъ руку приложилъ, вмѣсто бывшаго атамана Матвѣя Миронова казакъ Аника Дмитриевъ по его велѣнію руку приложилъ, вмѣсто бывшаго атамана Антона Харитоновъ казакъ Василій Марковъ по его велѣнію руку приложилъ, Никита Зевакинъ руку приложилъ, Матвѣй Ивановъ сынъ Пракшиковъ руку приложилъ, вмѣсто бывшаго Есаула Семена Донского казакъ Василій Марковъ по его велѣнію руку приложилъ, вмѣсто бывшаго Есаула Петра Павлова сына Желѣнова казакъ Василій Марковъ руку приложилъ“ (Тамъ-же, листъ 185.)

Въ то же время Захаровъ производялъ слѣдствіе надъ фискаломъ *Путыловымъ*, самарскимъ подъячимъ *Иваномъ Овчинниковымъ*, подъячимъ *Яковомъ Соболевымъ*, дворяниномъ *Евдокимовымъ* и Григоріемъ *Плещинниковымъ*, и, главнымъ образомъ, надъ *Кротковымъ*. Когда прибылъ послѣдній на Янкъ, невѣдство, — слѣдствіе объ немъ было закончено лишь только въ концѣ октября.

Захаровъ допрашивалъ всѣхъ обвиняемыхъ по пунктамъ обвиненія, взыскавшаго въ казацкой челобитной, подавшой въ сенатъ въ 1719 г. 11 декабря Федоромъ Рукавишниковымъ ¹⁾.

Особенно-же строгое вниманіе было обращено Захаровымъ на фискала *Михила Путилова*, взявшаго съ казаковъ взятку 200 р. за отпускъ войска на рыбную ловлю. Фискалы (должность, введенная при Петрѣ) являлись въ то время царскимъ окомъ. На ихъ обязанности было слѣдить за правильнымъ исполненіемъ всѣхъ законовъ государства. Въ случаѣ нарушенія ихъ или открытія какого либо злоупотребленія со стороны властей фискалъ обязанъ былъ доносить объ этомъ въ соответствующую коллегію.

Всякій, кто считалъ себя обиженнымъ произволомъ властей, могъ искать защиты у фискала и подать ему жалобу.

И вотъ представитель справедливости и законности фискалъ *Путиловъ* обвинялся янцкими казаками во взяточничествѣ — въ томъ, за чѣмъ онъ долженъ былъ слѣдить и доносить по начальству.

Первымъ-же вопросомъ, заданнымъ ему, былъ вопросъ о томъ, взялъ-ли онъ взятку 200 р. съ казаковъ.

Путиловъ сказалъ, что онъ „взятокъ не бировалъ и въ томъ подписался подъ смертною казнью“ ²⁾.

Поставленный на очную ставку съ бывшимъ атаманомъ *Никитой Бородинымъ*, онъ также не сознался, между тѣмъ *Бородинъ* заявилъ, что онъ *Путилову* денегъ далъ, но не двѣсти р., какъ писалъ *Рукавишниковъ* въ своемъ доношеніи, а только шестьдесятъ рублей „за то что бѣ онъ съ *Егоромъ Кроткимъ* казаковъ для рыбной ловли отпускали безъ задержки“. Кто еще давалъ *Путилову*, *Бородинъ* не знаетъ.

Не сознался *Путиловъ* и во взяткѣ съ вѣдвшихъ въ калмыцкую орду казаковъ. Но *Андрей Карповъ* на очной ставкѣ уличилъ его и подтвердилъ, что далъ ему 10 р.

По многимъ обвиненіямъ свидѣтелей не оказалось, — нѣкоторые умерли, а иные уѣхали съ Янка въ Русь, особенно вдовы-казачки, которымъ, благодаря хлѣбной голодовкѣ, въ это время на Янкѣ жилось хуже всего.

Послѣ разбора жалобъ на *Путилова* *Захаровъ* сталъ производить слѣдствіе надъ дворяниномъ *Плещинниковымъ*.

¹⁾ См. приложение XV, стр. 91—98.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, свѣдка 28, дѣло 27, листъ 6. Экстрактъ *Захарова* изъ слѣдствія надъ фискаломъ *Путиловымъ*, двор. *Плещинниковымъ*, подъячимъ *Овчинниковымъ* и другимъ.

Онъ также почти ни въ чемъ не сознался. „А дали мнѣ казаки, — говорилъ онъ, — для скудости моей денегъ три рубля да на наемъ подводъ рубль 23 алтына, двѣ деньги, да бутылю вина въ 10 алтынъ, итого въ дачѣ было съ виномъ пять р.^а 1).

Болѣе Племянниковъ ни въ чемъ не сознался.

При допросѣ подъячаго Ивана *Очинникова* слѣдствіе упростилось, т. е. онъ съ перваго-же вопроса сознался во всемъ.

Сознался, что взялъ съ казаковъ двадцать рублей и что эти деньги далъ ему атаманъ Никита Бородинъ; взялъ онъ эти деньги на харчъ „для того что въ ту бытность на Яикѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья ему не дано“. Сознался и въ томъ, что взялъ съ казака Никиты Шапошняка два лясцы цѣною въ 2 рубля съ полтиною 2).

Сознался во всемъ и фискальскій подъячій *Яковъ Соболевъ*. Онъ сказалъ, что 15 рублей съ казаковъ взялъ за то, что онъ на нихъ работалъ: „писалъ сказки, а жалованье ему не дано“ 3).

Сознался во всемъ и дворянинъ *Евдокимовъ*.

Одновременно съ этимъ шелъ допросъ и бывшему поручику, но теперь уже прапорщику Кроткову. За что онъ былъ лишенъ одного чина, незвѣство.

Но прежде чѣмъ поехать на Яикъ, Кротковъ побывалъ въ Петербургѣ въ военной коллегіи, куда, очевидно, былъ вызванъ, какъ и майоръ Воейковъ, для допроса. Но когда онъ былъ тамъ, свѣдѣній не имѣется.

Въ военной коллегіи былъ снятъ съ него подробный допросъ. Но Кротковъ отказался отъ всѣхъ возводимыхъ на него преступленій. Онъ сказалъ, что никакихъ взятокъ съ казаковъ не бралъ, и все то, что написало про него войско въ своей челобитной, поданной въ сенатъ, назвалъ извѣтомъ.

По окончаніи допроса Кротковъ вмѣстѣ съ его показаніемъ былъ отправленъ на Яикъ. Когда онъ прибылъ туда, установить точно, за неизвѣіемъ слѣдственнаго дѣла, не представляется возможнымъ.

Съ его прибытіемъ начался допросъ всѣхъ казаковъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу Кроткова. Первый допросъ Кроткова былъ 3 сентября.

Захаровъ сталъ вести слѣдствіе и допросы, разбирая по очереди одау казачью жалобу за другою, согласно войсковыхъ челобитныхъ 4).

Допрошенный по этому дѣлу еще до прибытія Кроткова на Яикъ, бывший атаманъ Никита Бородинъ показалъ: „Какъ былъ на Яикѣ для розыску и для переписки Егоръ Кроткій и въ тое бытность казаковъ отпускивалъ на рыбау ловлю, для ловли шевригъ, по малому числу и тѣмъ казакомъ чинилъ изневагу, и вида такую изневагу я за то, чтобъ онъ, Кроткой, отпускала

1) Тамъ-же, листъ 10.

2) Тамъ-же, листы 10—11.

3) Тамъ-же, листъ 12.

4) См. приложение XV, страница 90 и далѣе.

казаковъ на рыбную ловлю, принесъ ему, Кроткову, изъ войсковой избы изъ сборныхъ денегъ съ казаковъ 200 рублей, и тѣ деньги онъ, Кроткой, у меня принялъ; а свидѣтелей въ то число у меня никого не было. А какъ тѣ деньги принялъ и тѣхъ казаковъ на рыбную ловлю отпускалъ всѣхъ безъ изъясненія“¹⁾).

Въ показаніи-же Кроткова въ военной коллегіи говорилось, что онъ никакихъ денегъ съ казаковъ не бралъ и ловить рыбы войску не запрещалъ.

Захаровъ сталъ допрашивать Кроткова вторично.

„Ценегъ 200 рублей я у атамана Бородина не принималъ, — говорил Кротковъ, — а приносилъ онъ Бородинъ ко мнѣ денегъ мешокъ, можетъ быть, что двѣсти рублей и было; а тѣ деньги были за войсковою печатью, а толькое-ль число счетовъ тѣхъ денегъ было про то я не знаю; а тѣ деньги приносилъ онъ Бородинъ, а съ нимъ были Матвѣй Мионовъ, Антошъ Бабушкинъ, Митрофанъ Алютинъ²⁾ и оными деньгами меня презентовали, и остави тѣ деньги на квартире моей и пошли; а я призвавъ ового атамана Бородина, на другой или на третей день после того приносу, вскоре со оными старшинами да съ Денисомъ Воронежцомъ да съ Авраомъ Пустоселовымъ и оные деньги при нихъ ему Бородину за тоужъ войсковою печатью отдалъ“³⁾).

Послѣ этого показанія стали снова допрашивать Бородина.

„За неотсутствіи Яицкихъ казаковъ на рыбную ловлю, говорилъ онъ, я въ первой приносѣ приносилъ Егору Кроткову мешокъ денегъ счетовъ 100 рублей, и тѣ деньги онъ Кроткой принялъ и после того приему 100 рублей въ одномъ мешке я у него Кроткова принялъ назадъ. И после того по совѣту Яицкаго войска при несъ я къ нему Кроткову въ двухъ мѣшкахъ 200 рублей съ Яицкими казаками съ Иваномъ Щербаковымъ, съ Митрофаномъ Алютинымъ, съ Константиномъ Железнымъ, съ Остафиемъ Муромцовымъ, съ Авраомъ Пустоселовымъ и при оныхъ свидѣтеляхъ тѣ деньги онъ Кроткой у насъ привалъ, и тѣ деньги отъ него Кроткова я не бралъ и онъ Кроткій мнѣ тѣхъ денегъ въ двухъ мѣшкахъ 200 рублей не отдавалъ; и онъ Кроткой съ меня тѣхъ денегъ не спрашивалъ, а что я въ прежнежъ роспросѣ сказалъ что далъ ему Кроткову 200 рублей безъ свидѣтелей, и то сказалъ для того, что ево Кроткова на Яикѣ не было“⁴⁾).

Стали допрашивать свидѣтелей. Бывшій войсковою атаманъ Иванъ Ивановъ Щербаковъ сказалъ, что онъ съ Бородинымъ дѣйствительно ходилъ къ Кроткову и у Бородина въ это время было за пазухою двѣсти рублей въ двухъ мѣшкахъ „и просили мы, — говорилъ Щербаковъ, — чтобъ онъ Кроткой тѣ

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, часть 5, книга 196, дѣло 784, листъ 438. „Экстрактъ о свѣдѣніи во взысканіи съ Яицкихъ казаковъ, прапорщикомъ Егоромъ Кротковымъ“.

²⁾ Онъ-же Алеша, Митрофанъ Цимковичъ, бывшій походный атаманъ въ Шведскую войну, охотникъ и старшина.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 163, дѣло 784, л. 488.

⁴⁾ Тамъ-же.

деньги привял и онъ Кроткой ничего намъ не сказалъ и онъ Бородинъ тѣ деньги въ два мѣшка 200 рублей вынулъ изъ-за пазухи положилъ на лавку за него Кроткова, и положи тѣ деньги пошли со квартиры; а другіе въ то число кто были-ль сказать не упомянуть“¹⁾.

Допрошенный вслѣдъ за нимъ Матрофанъ Ционовъ Алютинъ подтвердилъ показанія Бородина и сказалъ, что по призыву Бородина онъ вмѣстѣ съ нимъ у Кроткова на квартирѣ былъ, и когда пришли къ квартирѣ, то Бородинъ оставилъ его на крыльцѣ вмѣстѣ съ казакомъ Астафеемъ Муромцевымъ и Бородинъ пошелъ къ Кроткову одинъ, сказавъ, что Кротковъ входитъ въ избу никому не велѣлъ. „И какъ онъ Бородинъ вышелъ на крыльцо и я говорилъ взялъ-ли де деньги Егоръ Кроткой, и онъ мнѣ сказалъ, что взялъ; а сколько счетомъ того я не слышалъ; и какъ пошли съ квартиры никакихъ денегъ я у Бородина не видалъ такъ жъ и отдали-ли онъ Бородинъ ему Кроткому деньги того не вѣдаю“²⁾.

Какъ видимъ, Алютинъ подтвердилъ только пребываніе Бородина у Кроткова, но самое дѣло передачи денегъ ему онъ не подтвердилъ.

Допрошенный послѣ него Астафій Муромцевъ повторилъ слово въ слово показаніе Алютина, но добавилъ, что пошелъ съ Бородинимъ изъ станичной избы и что видѣлъ у него два мѣшка съ деньгами и что по выходѣ изъ квартиры Кроткова этихъ денегъ у Бородина за пазухою не было и на вопросъ, взялъ-ли Кротковъ деньги, Бородинъ отвѣтилъ, что взялъ³⁾.

Авраамъ Пустоселовъ и Константинъ Желѣзной показали, что съ атаманомъ Бородинимъ они у Егора Кроткова не бывали „и ста рублей такожъ и два мѣшковъ дву сотъ рублей никогда съ нимъ Бородинимъ къ нему Кроткову не приващивали“⁴⁾.

Такимъ образомъ изъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрили показаніе Бородина только два человѣка—Щербаковъ и Муромцевъ; Алютинъ-же и другіе передачи денегъ Кроткову своими показаніями не удостовѣрили.

Но Кротковъ, узнавъ о показаніяхъ Щербакова, Муромцева и отчасти Алютина, бывшихъ не въ его пользу, явился 3 сентября въ розыскную канцелярію „и господину полковнику съ товарищи протестовалъ и просилъ словесно“, чтобы допросы этихъ казаковъ „освидѣтельствовать“, т. е. по его убѣжденію они написаны состоявшимъ при судѣ канцеляристомъ *Тарабнинымъ* неправильно и что въ томъ есть „отъ канцеляриста плутовство и на него, Кроткова, посягательство“⁵⁾.

Но на это заявленіе Захаровъ и капитанъ Коробовъ отвѣчали Кроткову,

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, листъ 439.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 454. Протестъ Кроткова въ военной коллегіи на дѣйствіа Захарова и Тарабниина.

что они Алютина и Муромцева неоднократно спрашивали: Деньги у атамана видѣли-ль? и на это нѣз казаки „сказывали прямо, что такихъ денегъ не выдали и о деньгахъ не слыхали и для отдачи такихъ денегъ съ нимъ Бородиннѣ не хаживали и не знаютъ. Только онъ Бородинъ шелъ къ нему Кроткову на поклонъ и взялъ ихъ съ майдану ¹⁾ что де пойдете со мною поклонитца и, какъ де пришли на дворъ, ихъ онъ оставилъ а самъ къ нему Кроткову пошелъ“ ²⁾.

Захаровъ, пересмотрѣвъ показанія казаковъ, нашель, что дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ записаны не совсѣмъ точно, и потому сдѣлалъ канцеляристу замѣчаніе.

„Я одинъ всего усмотрѣть не могу, — отвѣчалъ Тарабыннѣ, — если правжете, я перепису“.

Но Протасовъ заявилъ, что въ этомъ силы нѣтъ и такъ хорошо.

Алютинъ и Муромцевъ остались непереспрошенными.

Допросы стали продолжаться; розыскъ велся по разбору другяхъ жалобъ казаковъ. Но такъ какъ этихъ жалобъ было много и пришлось спрашивать большее число лицъ, то допросы затанулись.

Кротковъ же сталъ сноситься съ казаками и узнавать, кто и что показывалъ ранѣе на него у Захарова. Пронрливый и изворотливый и искусенный въ дѣлахъ, онъ призывалъ къ себѣ казаковъ и угрозами старался добыться отъ нихъ обѣщанія не показывать на него ничего что либо о взяткахъ ³⁾.

По этому во время дальнѣйшаго розыска многіе казаки отказывались отъ своихъ показаній. Изъ всѣхъ этихъ опросовъ выяснилось все то, что мы уже знаемъ изъ предъидущаго очерка, выяснились всѣ тѣ безчисленныя и подчасъ даже мизерныя взятки вродѣ азбуки, которыми не гнушался Кротковъ „отъ бездѣльной своей користи“ ⁴⁾.

Очень многихъ, съ кого Кротковъ бралъ взятки, уже не было въ живыхъ, многіе были въ отлучкѣ. Одинъ-же казакъ по фамиліи Михаилъ Богоуродивнѣ, съ котораго Кротковъ взялъ 7 рублей и всякой мелочи на 2 рубля 16 алтынъ и 4 деньги, не былъ допрошенъ потому, что по посылкѣ и по сказкѣ, посланнаго для розыска отсутствовавшихъ свидѣтелей казака Кабанова „Богоуродивнѣ на Омеранѣ повѣшенъ“.

При всякой уликѣ, при каждомъ допросѣ Кротковъ упрямо отказывался отъ обвиненій и не сознавался ни въ одной взяткѣ.

Когда дошла очередь до выясненія обстоятельствъ, при которыхъ Кротковъ взялъ у новокрещена татарина Ивана Салинна яшака (осла), то Кротковъ, не смотря на явныя улики хозяина яшака и его свидѣтелей, отрицалъ возводимое на него преступленіе и даже выставилъ свидѣтелей: москвича купецкаго челоувѣка *Петра Якимова* и казаковъ *Григорія Зьвакина* и *Андрея Карпова*.

¹⁾ Такъ въ старину назывался базаръ, толкуцій рынокъ.

²⁾ Тамъ-же, листы 454—455.

³⁾ Тамъ-же, листъ Показаніе канцеляриста Тарабынина.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 440—449.

Но всё эти три свидѣтеля при разспросѣ сказали, что они ничего этого не знаютъ.

Видя, что поставленные имъ свидѣтели ничего не сказали въ его пользу, Кротковъ нашель другой выходъ.

„Съ татарина Салимина ишака карева ценою въ 6 рублей я не бирываль, — говорилъ Кротковъ, — а купилъ у него ценою за 3 рубля и торговаль при оныхъ свидѣтеляхъ, а денегъ ему Салимину я при нихъ и после самъ не платилъ того ради, что были мои долговныя деньги на казакѣ Иване Витошномъ, и исъ тѣхъ долговыхъ денегъ тѣ три рубля ему Салимину велѣлъ заплатить и съ нимъ Салиминимъ ово Витошнова свель; и онъ Витошной хотѣлъ заплатить; а платаль-ли или нѣтъ, про то скажетъ онъ Витошной, и я того ишака къ себѣ ввалъ; а что я сказалъ въ военной коллегіи, что того ишака купилъ и деньги далъ при свидѣтеляхъ и то я сказалъ не освѣдомясь зъ домашною запискою, а только того ишака при тѣхъ свидѣтеляхъ торговаль“¹⁾.

Отказался онъ и во взатіи съ казака татарина Чагорина лошади цѣною въ 10 руб. Онъ сказалъ, что купилъ у него сѣрую лошадь 2 лѣтъ за три рубля при казакѣ Коловертинцевѣ.

Но разслѣдовать этого Захарову не было возможности, т. к. тотъ же казакъ Кабановъ, который находился при Захаровѣ для сыска вужныхъ для дѣла лицъ, заявилъ ему, что татарина Чагоръ убить въ ордѣ, а Макарь Коловертинцевъ умеръ.

Тоже случилось при разслѣдованіи о взатіи Кротковимъ съ татарина Ямансара армяка въ 4 рубля. Ямансара во время слѣдствія, будучи арестованнымъ, изъ подъ караула бѣжалъ; не допрешень былъ также свидѣтель Коловертинцевъ, на котораго снова сослался Кротковъ.

По обвиненію Кроткова во взатіи казаковъ въ крестьянство, а также ихъ дѣтей и женъ Никита Воронинъ представилъ списокъ этимъ казакамъ.

Но Кротковъ отказался и отъ этой вины. Онъ не сознался ни въ одномъ возводимомъ на него преступленіи.

Окончивъ слѣдствіе, Захаровъ посадилъ фискала Путилова подъ караулъ, остальныхъ-же, за исключеніемъ Кроткова, ввиду неимѣнія мѣста и малочисленности команды, отправилъ въ Самару къ коменданту Кушнякову съ съ увѣдомленіемъ, чтобы ихъ всѣхъ держаль подъ карауломъ. Экстрактъ-же изъ слѣдствія 21 октября отправилъ въ военную коллегію.

Доноса объ произведенномъ имъ слѣдствіи, онъ, между прочимъ, писалъ, что казаки какъ фискала Путилова, такъ и Кроткова и остальныхъ высланныхъ на Яикъ розыщиковъ уличали. „А по данной намъ инструкціи, писалъ Захаровъ съ товарищами, по четвертому пункту кто изъ нихъ будетъ запертаца а будутъ яснее на нихъ улики теми розыскивать, а буде кто по тому дойдетъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 449.

до пытки то и пытать насрѣшко иначе надъ фискаломъ Путиловымъ". Въ то же время Захаровъ просилъ указанія—какъ поступить ему въ данномъ случаѣ надъ Кротковымъ и фискаломъ, т. е. они оба, несмотря на улики, ни въ чемъ не сознались.

11 декабря въ военной коллегіи по этому поводу состоялось постановленіе, въ которомъ говорилось, что согласно 3 и 4 пунктамъ данной Захарову съ товарищами инструкціи если кто изъ обвиняемыхъ будетъ запараться то тѣхъ пытать насрѣшко, въ особенности фискала Путилова. „Того ради, говорилось въ концѣ постановленія, по силѣ Ея Императорскаго величества указовъ и военныхъ артикуловъ и даннымъ оному полковнику съ товарища инструкціи надъ военными, а именно: надъ прапорщикомъ Кроткимъ и надъ салдатами держать крикъ рехты ¹⁾ обрѣтающимися при нихъ команде при ротяхъ аяцерами, а по окончаніи крикъ рехтовъ, ежели дойдутъ до розысковъ, то и розыскивать и пытать; а фискаломъ Путиловымъ, ежели онъ не изъ военной службы, такъ же и дворяниномъ Племянниковымъ и прочими такими чинами безъ крикъ рехтовъ розыскивать же безъ всякаго послабленія; и что въ томъ розыску будетъ чинитца репортовать; ежели по даннымъ имъ, полковнику съ товарища, указомъ и инструкціи все исполнено и о томъ имъ писать же и присылать обстоятельные репорты, а объ отъѣзде отсюда ожидать указа" ²⁾.

Въ этомъ постановленіи снова подтверждалось, чтобы „для опасности отъ непріятельскаго на Янкъ приходу надлежитъ быть на Янкѣ транжаменту гдѣ бы могло умѣститца до двусотъ человекъ и для того осмотрѣть на Янкѣ удобнаго мѣста, гдѣ таковой транжаментъ построить, который бы могъ оборонять то мѣсто, гдѣ живутъ Яндкіе казака" ³⁾.

Для этого приказывалось послать на Янкъ изъ артиллеріи „добраго кондуктора съ принадлежащими инструментами. И указъ о сочиненіи того плана послать съ тѣмъ кондукторомъ и велѣть оное содержать тайно" ⁴⁾.

Это постановленіе коллегіи было отправлено Захарову 23 декабря.

Вмѣстѣ съ розыскомъ надъ Кротковымъ и Путиловымъ Захаровъ одновременно производилъ слѣдствіе и по другимъ дѣламъ, касавшимся только однихъ казаковъ.

Между прочимъ онъ провѣдалъ слѣдствіе и надъ казаками Ягановымъ и Краснощекловымъ, которыхъ вмѣстѣ съ допросомъ, провѣданнымъ въ Преображенскомъ приказѣ, отправилъ изъ Москвы на Янкъ.

Въ чемъ заключалось это слѣдствіе на Янкѣ—неизвѣстно, т. е. не только самого слѣдствія, но даже и экстракта изъ него разыскать не удалось.

26 декабря Захаровъ, окончивъ эти слѣдствія, послалъ съ нихъ экстрактъ въ военную коллегію. Съ дѣлами побѣдаль прапорщакъ Скрабинъ [25].

¹⁾ Военный судъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 784, листъ 430.

³⁾ Тамъ же, листъ 431.

⁴⁾ Тамъ же.

Въ своемъ донесеніи Захаровъ, между прочимъ, писалъ, что поручикъ Наумовъ, дьякъ Сухаревъ и подъячій Иванъ Муромцевъ на Янкъ еще не прибыли и просилъ распоряженія о скорѣйшей ихъ высылкѣ.

Съ наступившею зимою прекратились набѣги киргизъ. Слѣдствіе было закончено. Захаровъ ждалъ результата своихъ довошеній изъ Военной Коллегии и продолжалъ только производить перепись. Арестованныхъ казаковъ было всего двѣнадцать человекъ. Въ числѣ ихъ находились: Краснощекъ, Ягановъ, бывший атаманъ Иванъ Щербаковъ и вѣроятно и остальные бывшіе атаманы и старшины.

Былъ-ли въ числѣ арестантовъ Карташевъ—неизвѣстно. Его фамилія ни разу не упоминается ни въ одномъ дошедшемъ до насъ экстрактѣ, посланномъ Захаровымъ въ Военную Коллегию. Можно только думать одно, что онъ былъ казненъ такъ-же, какъ и Рукавишниковъ, т. е. въ противномъ случаѣ онъ не сидѣлъ-бы спокойно и его допросы не прекращались бы во все время пребыванія Захарова, и объ этомъ хотя вскользь гдѣ нибудь было бы упомянуто Захаровымъ. Ревко-же ходилъ на свободѣ.

Регулярная команда теперь уже не томила отъ усиленной службы по охранѣ колодниковъ.

Тихо и монотонно текла жизнь въ казачьемъ городкѣ. Эту однообразную тишину лишь въ опредѣленные часы нарушалъ бой барабана. Это были зорю.

Едва лишь зимнее солнце выступало изъ-за сѣвнѣйшей степной равнины и озаряло крыши казачьихъ куреней, и наступало время, когда „человѣкъ въ ста саженахъ въ лицо и цвѣтъ платья свободно видѣть можно“, въ разныхъ мѣстахъ въ городкѣ разносилась дробь барабана. Это были, согласно Петровскому артикулу, утреннюю „побудку“. По этому барабанному бою солдаты должны были вставать и заниматься указанными работами.

Если-же производились ученья то казаки могли видѣть длинныя шеренги солдатъ, одѣтыхъ въ епанчи. Въ зеленыхъ кафтанахъ и цвѣтныхъ штанахъ, треугольныхъ шляхахъ съ напудренными париками, въ длинныхъ чулкахъ и штиблетахъ они упражнялись въ ружейныхъ приемахъ. Тишину нарушали команды начальниковъ:

Мушкетъ на караулъ! Мушкетъ къ заряду! Открой полки! Слышь порохъ на поляхъ! Закрой полки! Перенеси мушкетъ на лѣвую сторону! Вынимай патронъ! Скуси патронъ! Клади въ дуло! Вынимай шомполъ—разъ! другой! Въ третій—окрачивай къ груди! Клади въ дуло—разъ! другой! Въ третій—прибей зарядъ! Вынимай шомполъ, разъ, другой! Въ третій—окарачивай въ груди! Клади шомполъ въ ложу—разъ! другой! Въ третій до мѣста! ¹⁾.

Такъ учили солдатъ въ Петровское время заряжать ружье.

Наступалъ часъ дня и снова въ нѣсколькихъ мѣстахъ по городку раздавался бой барабанщиковъ—это были „зорю“. По этому бою у квартиры За-

¹⁾ Артикулу вонжскій Петра Великаго.

харова собирались всё команды, наряженные въ карауль и разводились по карауламъ. Часовые ставились у арестантовъ и у квартиръ главныхъ начальниковъ; ставились они и у городскихъ воротъ у рогатокъ. Нужно-ли казаку ѣхать въ поле или же въѣхать въ городокъ, передъ нимъ на пути у выѣздныхъ воротъ вставалъ солдатъ и загоразивалъ дорогу мушкетомъ.

„Откуда идешь?“ окликивалъ онъ проходившаго или проѣзжавшаго казака. На зовъ часового выходилъ унтеръ-офицеръ и дѣлалъ подробный вопросъ проѣзжавшему: Откуда идешь? кто ты? куда хочешь идти? какой на тебѣ чинъ и какое дѣло? Какъ твое имя? Идѣешь-ли ты насъ?“ ¹⁾

И лишь только при исполненіи этихъ формальностей и при благополучномъ отвѣтѣ на всѣ вопросы проѣзжавшій въ городокъ или выѣзжавшій въ поле казакъ могъ быть пропущенъ.

Когда же начинало смеркаться всё барабанщики и трубачи собирались у своихъ командъ и играли „тапту“ — это была вечерняя зоря, послѣ которой никто не смѣлъ безцѣльно бродить по улицамъ.

Въ концѣ декабря войско по обычаю послало въ Москву царскій куеъ „съ рябою и икрою ко двору Его Императорскаго Величества“. Со станцією поѣхалъ атаманомъ *Иванъ Степановъ Калмыковъ* ²⁾.

Черезъ двѣ недѣли вслѣдъ за этою станцією была послана въ Москву другая легкая станція съ атаманомъ *Иваномъ Тимофѣевымъ* ³⁾. Со станцією Тимофѣева поѣхалъ въ числѣ другихъ казаковъ бывшій вваменщикомъ въ походѣ князя Черкаскаго въ Хиву казакъ *Денисъ Пермиковъ*. Пробывъ въ плѣну шесть лѣтъ, онъ ухитрился бѣжать и явился въ Астрахань, откуда пришелъ на Янкъ въ концѣ 1723 года.

На обязанности этихъ станицъ возлагалось получать въ Москвѣ окладное жалованье на войско за 1723 и за 1724 годы и крайне нужные для войска „для опасности и обереженья отъ прихода подъ российскіе города непріятельскихъ людей каракалпачковъ и киргизъ-казачковъ — пушекъ и припасовъ: пороху и свинцу... Пояже, — писало войско, — у насъ на Янкѣ оного малое число и за непростроевіемъ отъ пожара себѣ крѣпости имѣемъ въ оныхъ крайнюю скудость и опасность отъ непріятелей“ ⁴⁾.

Станція Калмыкова прибыла въ Москву 30 января, а Тимофѣева 12 февраля. Здѣсь обѣ станицы явились въ контору коллегіи и передали свои челобитныя. Но пока контора дала знать о пріѣздѣ въ коллегію въ Петербургъ, пока въ коллегіи рѣшали, какъ поступить съ войсковыми челобитными, казаки просидѣли въ Москвѣ безъ дѣла весь февраль и мартъ.

¹⁾ Пасъ — пропускъ.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 329, листы 309 и 327. Фамиліи остальныхъ станичниковъ неизвѣстны.

³⁾ Тамъ-же, число и фамиліи остальныхъ станичниковъ тоже неизвѣстны.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 291. Грамота войску 1724 г. мая 16, № 1999.

Девятаго числа этого мѣсяца въ Москву прїѣхала третья станция всего десять человекъ, съ атаманомъ *Иваномъ Серебряковымъ*. Эта станция привезла съ собою плѣннаго киргиза *Бекя батыря*. Въ числѣ станции находился уже известный намъ казакъ *Никита Болдыревъ*, бывший десять лѣтъ въ плѣну у шведовъ и калмыкъ *Дендюкъ Булатовъ* сынъ *Даши Булатова*. 12 марта станячки сдали плѣннаго киргиза въ контору коллегіи и подали войсковыя отписки. Въ чемъ заключались эти отписки — неизвѣстно, т. к. онѣ не найдены.

Дендюкъ Булатовъ подалъ 18 марта доношеніе.

Излагая въ немъ подробно время и обстоятельства поступленія на службу въ Яицкое войско его отца съ калмыками, онъ просилъ коллегію разрѣшить ему и его отцу „принять вѣру греческаго исповѣданія, также и другихъ свою братію калмыковъ привести“.

Просилъ онъ также разрѣшить принимать въ казачество и другихъ калмыкъ, которые приходятъ изъ орды, т. к. войско безъ указа ихъ принимать не желаетъ.

„А отецъ мой нынѣ не прїѣхалъ потому, что былъ въ походѣ за каракалпаками и киргизъ-казаки, — говорилъ въ челобитной Булатовъ, — и былъ бой и на томъ бою израненъ и желаетъ быть въ вѣрѣ греческаго исповѣданія“¹⁾.

Станціи Серебрякова сравнительно повезло. Уже 30 марта вышло рѣшеніе о выдачѣ имъ жалованья за прїездъ и на отъездъ и за привозъ „полоннаго каракалпака“.

Расчетъ сдѣлали по донскому окладу съ 9 марта (со дня прїезда), при чемъ кормовыхъ выдала за житье въ Москвѣ всего на двѣ недѣли²⁾.

3 апрѣля Серебряковъ получилъ грамоту на имя войска о результатахъ ходатайства Булатова.

По этой грамотѣ было разрѣшено принимать войску калмыкъ только изъ владѣнія Дондука, а другихъ калмыкъ до выясненія этого вопроса въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ до новой грамоты не принимать, т. к. „отъ того не возмѣлось бы какой противности“. Крестить-же желающихъ калмыкъ войску разрѣшалось³⁾. Но все же получивъ и жалованье и грамоту, станячки Серебрякова оставались въ Москвѣ, т. к. выдачу жалованья въ штатск-конторѣ задержали продолжительное время.

22 апрѣля подалъ челобитье казакъ *Болдыревъ* за полное терпѣніе въ Швеціи⁴⁾. Но пока шла объ немъ переписка, какъ о плѣнномъ въ швед-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 133. Челобитная Булатова.

²⁾ Всего же было выдано по этому расчету: „кормовыхъ семь рублей четырнадцать алтынъ, за платье по истинной цене семь рублей шесть алтынъ пять денегъ, за сукна и соболи и тафты и пашали и за привозе и на отпуске двести пятьдесятъ одинъ рубль, вместо стога и за харчи по рублю человѣку десять рублей, въ дорогу на два мѣсяца кормовыхъ тридцать одинъ рубль дватцетъ шесть алтынъ четыре деньги, за порохъ и свинець одинъ рубль дватцетъ одинъ алтынъ четыре деньги, прогоновъ отъ Самары до Москвы и отъ Москвы до Самары сорокъ рублей, всего тристо сорокъ девять рублей два алтына три деньги“ (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листы 119—120).

³⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 138.

⁴⁾ См. прилож. XIII, стр. 76.

скую войну, станичники, получивъ расчетъ и грамоту, выѣхали на Яикъ и Болдыревъ ничего не получилъ.

Ставица Серебрякова, вѣроятно, выѣхала 15 мая, что видно изъ полученной станичниками грамоты за это число, въ которой сказано, что ставица Серебрякова—атаманъ, есаулъ и рядовые казаки жалованьемъ и прогонами „пожалованы“ и отпущены съ сею Нашею Императорскаго Величества грамотою на Яикъ по прежнему¹⁾.

Вместѣ съ ними была послана въ войско другая похвальная грамота за привозъ явья²⁾.

Но не такъ счастливы были казаки ставиць Калиныкова и Тимофѣева.

Получивъ разрѣшеніе коллегіи о выдачѣ жалованья войску по старому казанскому окладу, они въ тотъ-же день подали челобитіе объ отпускѣ ихъ „въ дсны“, въ которомъ, между прочимъ, писали:

„1) присланы мы отъ Яицкаго войска ко дворцу Его Императорскаго Величества съ рыбою и икрою и Государственной Военной Коллегіи съ войсковою отпискою; 2) и посланная рыба и икра у насъ во дворецѣ принята, а по отписке отъ Военной Коллегіи на Яицкое войско окладное денежное жалованье отпускается съ нами на прошлой 723 и на 724 годы; 3) а прежде сего отъ Яицкаго войска когда бывали легкие станицы и съ теми ставицами на Яицкое войско отпускалось окладное денежное годовое жалованье и даваны были онимъ ставицамъ выходы которые давались на зимовую станицу сверхъ той дачи ва годъ по сту по три рубли по три алтына по одной денгѣ; 4) а мы на прошлой 723 и на 724 годы такой дачи себѣ противъ прежнихъ дачъ нашей братье не получали; 5) и что бѣ указомъ Его Императорскаго Величества повелено было намъ помянутое жалованье противъ прежнихъ дачъ нашей братье выдать“³⁾.

Станичники не пожелали оставлять въ коллегіи деньги, которые имъ слѣдовало не только за настоящій прѣздъ, но и за прѣздъ прошлаго года, за который войско не получило денегъ лишь только потому, что по неизвѣстнымъ причинамъ легкой станицы не послало.

Подавъ челобитную и бышій въ хивинскомъ плѣну казакъ Чермяковъ. По постановленію коллегіи приказано было Чермякову „за показанную службу и долонное ево терпѣніе противъ другихъ которымъ давало въ военной коллегіи выдать 10 рублей“⁴⁾.

Когда выѣхали станичники изъ Москвы—неизвѣстно, но, вѣроятно, не ра-

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, кн. 229, листъ 125. Грамота за № 1998.

²⁾ Эта грамота не найдена, объ ней говорится въ концѣ расчета о выдачѣ денегъ ставиць Серебрякова: „А на Яикъ и во войску войску Яицкому о вышеписанныхъ послужахъ послать Его Им. Вел. грамоту съ возваломъ“. (Тамъ-же, листъ 120).

³⁾ Тамъ-же, листъ 309. Челобитная Калиныкова и Тимофѣева. Подъ челобитною похвальною на неграмотности Тимофѣева за него и за себя Калиныковъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 18.

вше середины іюня, т. е. въ это время они получили грамоту о выдачѣ жалованья войску. Результатами ихъ ходатайства были грамоты, посланныя на Яикъ. Въ одной изъ нихъ отъ 15 мая говорилось, что приказано къ полковнику Захарову „послать нашъ Императорскаго Величества указъ:— велѣть ему на Яикъ пушки какіе есть и какихъ калибровъ осмотрѣть и описать сколько и всѣ-ль къ службѣ годныя и къ тѣмъ пушкамъ ядерь, картечь, пороху и прочихъ припасовъ имѣется и къ тѣмъ налчичнымъ, по его мнѣнію, сколько въ дополнку наджежить и въ прежнихъ годѣхъ отъ прихода непріятельскаго чѣмъ оборону чинили и впредь чинить могутъ и къ вамъ послать грамоту, въ которой написать какъ отъ вышепомянутаго полковника Захарова вѣдомость поручена будетъ и тогда награжденіе учинено будетъ“¹⁾.

„И какъ вами сія наша Императорскаго Величества грамота получена будетъ,—говорилось въ концѣ грамоты,—и вы бъ объ томъ вѣдали и о полученіи въ государственную нашу коллегію писали“.

Войско, не получая два года пороха и свинца, страшно нуждалось въ нихъ и находилось въ критическомъ положеніи, т. е. борьба съ киргизами принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ и схватки, какъ мы видимъ, становились все чаще и чаще.

Войско осталось безъ пороха и свинца.

Другая грамота была о выдачѣ войску окладного жалованья:

„Вожію милостію Мы Петръ Первыя Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.

На Яикъ атаманъ и казакамъ, войсковому атаману Григорью Меркулеву и всему Яицкому войску. Въ нынѣшнемъ 1724 году Генваря 30 дня да Февраля 12 дня къ Намъ Императорскому Величеству присланы отъ васъ съ Яика въ Москву въ Государственную Нашу Военную Коллегію въ легкихъ дву станицахъ атаманъ: Алексѣй Калмыковъ, да Иванъ Тимофѣевъ съ станишникии свойсковыми отписками и они атаманы и при нихъ обрѣтающіися казаки противъ прежняго обикновенія Нашимъ Императорскаго Величества жалованьемъ, подъемнымъ коркомъ и цитьемъ и на пріездѣ и на отпускѣ награждены такъ-же и васъ атамана и всего Яицкаго войска Нашимъ Императорскаго Величества годовнымъ окладнымъ жалованьемъ на прошлый 723 и на нынѣшній 724 годъ противъ прежняго, а именно по 953 рубля по 50 копѣекъ на годъ, пожаловали и отпущено изъ Москвы къ вамъ на Яикъ со оными атаманами Колюнковымъ и Тимофѣевымъ и съ рядовыми. И какъ вами сія Нашего Императорскаго Величества грамота получена будетъ и вы-бъ войсковой атаманъ и все ваше войско Яицкое вида и себѣ Нашу Императорскаго Величества милость въ полученіи посланнаго Нашего Императорскаго Величества къ вамъ жалованья о томъ вѣдали“²⁾.

¹⁾ Тамъ-же, опись 1, кн. 229, листъ 291.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 327. Грамота помѣчена: „Писанъ въ Москвѣ, лѣта 1724 г. іюля въ 11 день“ № 2649.

Въ то время, когда станичники были въ Москвѣ, на Яикѣ производилась усиленнымъ образомъ перепись казаковъ.

Хотя войсковой атаманъ и подалъ списки казаковъ, но припомнить всѣхъ казаковъ, бывшихъ въ отлучкахъ изъ войска, онъ не могъ и потому приходилось давать Захарову дополнительные списки. Такъ 10 января было ему заявлено о прибытіи на Яикъ казака Василя Торхова, который въ 1714 году былъ взятъ въ плѣнъ каракалпаками, гдѣ пробылъ десять лѣтъ и лишь въ январѣ 1724 г. бѣжалъ и прибылъ на Яикъ. Атаманъ Меркулевъ донесъ объ этомъ Захарову. Подъ донесеніемъ была сдѣлана такая пописка: „вѣсто атамана Григорія Меркулева станичной избѣ сторожъ Аника Дмитриевъ по его веленію руку приложилъ“¹⁾.

Въ апрѣлѣ прибыло нѣсколько человекъ изъ Черемшанскихъ форпостовъ, вѣроятно, уволенные отсюда по болѣзни или по старости; явились въ войске многіе и изъ отлучекъ. Всего прибыло 46 человекъ.

Изъ войсковой избѣ снова написали Захарову доношеніе. Эти доношенія о вновь прибывавшихъ казакахъ были все въ одномъ духѣ:

„1724 г. Апрель въ 20 день доношеніе на Яикѣ въ розискную канцелярію господину полковнику и лейбъ-гвардіи капитану Ивану Ивановичу Захарову стоварищи сего 724 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ въ Яицкомъ войску въ войсковую станичную избу явились сверхъ поданаго списку казаки, которые были въ отлучкахъ и въ службѣ на Черемшанскихъ пасахъ, которые не писаны для того, что при Яицку войску про оныхъ вѣдомостей отъ сотниковъ не было и не сведомы были“²⁾.

По безграмотству атамана на этотъ разъ подъ спискомъ подписался казакъ Степанъ Вянниковъ.

Вместѣ съ этимъ въ апрѣлѣ-же мѣсяцѣ Захаровъ произвелъ осмотръ всѣхъ казакамъ, попавшимъ въ списокъ, годящимъ къ службѣ³⁾.

Во время смотра оказалось, что многихъ казаковъ, числящихся по списку, къ смотру не явилось. Не было главнымъ образомъ казаковъ, которые были на службѣ на Черемшанскихъ пасахъ. Услышавъ на Черемшѣ о прибытіи на Яикъ Захарова, многіе изъ нихъ, большинство бѣглецы изъ Руса, видимо, не были увѣрены въ томъ, что они останутся въ казакахъ и потому по дорогѣ обратно на Яикъ бѣжали, а часть осталась добровольно на службѣ на Черемшѣ, выжидая результатовъ переписи.

Эти казаки въ списокъ, посланнымъ Захаровымъ въ войсковую избу, названы вѣточками. Всего въ вѣточкахъ по списку числилось 126 человекъ. Захаровъ приказалъ ихъ всѣхъ отыскать. Но посланные для ихъ розыска, казаки, бывшіе съ ними на службѣ, никого не нашли.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 21, листъ 187.

²⁾ Тамъ-же, листы 188—189.

³⁾ Тамъ-же, листы 195—206. При осмотрѣ на поляхъ списка дѣлались откѣтки: „голикъ“, „негоденъ“ къ службѣ.

28 апрѣля Меркульевъ донесъ объ этомъ Захарову.

Сего апрѣля 23 дня, — говорилось въ донесеніи, — въ войсковую естанциную язбу прислана ко мнѣ изъ розанской канцеляріи отъ перепеченаго дѣла именная роспись, а въ той росписи написаны казаки нетчики, которые были въ службѣ на Черемшанскихъ пасахъ, а по подавному списку оные казаки въ розанской канцеляріи сказокъ не подали и на смотрѣ не были и оные казаки по той росписи на Яикѣ сыскаваны казаками жъ, которые были съ ними нетчиками въ той же Черемшанской службѣ и ни кого не сыскаю, а сказали оные казаки про тѣхъ нетчиковъ, что изъ тѣхъ нетчиковъ казаковъ осталось въ той Черемшанской службѣ 76 человекъ, бѣглыхъ по отпуску съ службы съ дороги 40 человекъ, въ службѣ померли 4 человека, за болѣзнію въ службѣ остался 1 человекъ, на Самарѣ самовольно остался 1 человекъ, на Самарѣ жъ за болѣзнію остались 2 человека, за долгъ взять на Самарѣ 1 человекъ, съ дороги къ помѣщику своему пошелъ 1 человекъ, итого нетчиковъ 126 человекъ, а кто иваны въ службѣ остался, также бѣгле и умершіе и оставшіе за болѣзнію въ службѣ и на Самарѣ и кто къ помѣщику пошелъ и надъ тѣми именами подписано въ поданномъ Яндига войска спискѣ на Яикѣ въ розанскую канцелярію¹⁾.

При осмотрѣ вызванныхъ въ городокъ казаковъ, которые жили „по Яику вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ“ оказались тоже нетчики. Въжали, уклоняясь отъ переноса, атаманъ Сибиряковъ, есаулъ Шигаи и еще семь человекъ. Явилось на смотрѣ всего 5 казаковъ²⁾.

Не явилось на смотрѣ и пять человекъ калмыковъ, бѣжавшихъ въ орду³⁾.

Не всё явились на смотрѣ и жившіе „вверхъ по Яику при старцахъ“. Изъ нихъ бѣжало 14 человекъ. Это была въ большинствѣ старики отъ 60 до 80 лѣтъ и видимо ушедшіе отъ мірской суеты⁴⁾.

Пересмотрѣвъ всѣхъ казаковъ, Захаровъ на поляхъ списка сдѣлалъ отмітки и раздѣлялъ казаковъ на годныхъ къ службѣ, отставныхъ и малолѣтнихъ дѣтей, къ службѣ еще не годныхъ.

Послѣ осмотра казаковъ стала производиться опись всѣмъ пришлымъ на Яикъ иногороднимъ, жившимъ въ городѣ постоянно или временно.

Всего оказалось иногороднихъ, живущихъ на Яикѣ своими дворами („своедворцевъ“) 57 человекъ, у нихъ дѣтей 14, пасынковъ 1, внучатъ 2⁵⁾.

Но кромѣ домовладѣльцевъ въ войскѣ было много и другихъ иногороднихъ, жившихъ у казаковъ въ работникахъ. Такихъ было 267 человекъ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ-же, листъ 192. За атамана подписался войсковой подъячій Иванъ Сиагаинъ. Списку казаковъ занимаетъ собою листы 687—722 той-же книги. На поляхъ его противъ фамилій пошты: „8ъ дороги бѣжалъ“, „въ службѣ умеръ“, „бѣжалъ“ и друг.

²⁾ Тамъ-же, листы 779—780.

³⁾ Тамъ-же, листы 797—798.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 781—782.

⁵⁾ Тамъ-же, кн. 22, листы 327—331.

⁶⁾ Тамъ-же, кн. 22, листы 332—354.

Многіе прѣшле были старики и 13 человекъ изъ нихъ жили въ боладѣльнѣ, жившейся тогда въ Яицкомъ городѣ ¹⁾.

Въ началѣ мая Захаровъ, согласно полученнаго имъ указа изъ коллегіи, приступилъ къ осмотру казачьихъ пушекъ. По его осмотру оказалось на лицо въ городкѣ пушекъ: „мѣдныхъ: разныхъ калибровъ годныхъ 9, негодныхъ 5; чугуныхъ пушекъ: годныхъ 9, негодныхъ и горѣлыхъ 8. Всего-же годныхъ 18, негодныхъ 13, да ядеръ разныхъ калибровъ 5022“.

Доноса объ этомъ, Захаровъ написалъ, что по его мнѣнію „надлежитъ въ томъ городкѣ быть къ вышеозначеннымъ наличнымъ годнымъ пушкамъ въ прибавокъ чугуныхъ 17 пушекъ да пороку 25 пудовъ“ ²⁾.

Перепись постепенно приходила къ концу, но окончить слѣдствія Захарову не удавалось. Къ нему все еще не были высланы просимые имъ Наумовъ, Муромцевъ и Сухаревъ, между тѣмъ показавія казаковъ были не въ ихъ пользу.

На указъ военной коллегіи выслать подъячаго Муромцева въ Яицъ, астраханскій губернаторъ отвѣчалъ, что Муромцевъ ему необходимъ для дѣла. Въ одной изъ такихъ отписокъ, посланной въ коллегію 24 апрѣля, онъ, между прочимъ, писалъ: „А оной Муромцевъ письменно объявилъ, что оные казаки просили на него затѣвъ напрасно во взяткахъ, а другихъ дѣлъ до него не касается и о томъ къ оному полковнику Захарову я писалъ ежели до него касается важное дѣло, чтобъ о томъ писалъ, понеже онъ обязанъ многими дѣлами, о чемъ я въ Государственную Военную Коллегію писано, а оной полковникъ ко мнѣ о томъ я по сее число неписывалъ. А ницѣ по Его Императорскаго Величества указу велѣно мнѣ быть въ калмыцкихъ улусахъ, а при мнѣ оной Муромцевъ одинъ, на которомъ положена вся моя контора, такожь и прежнихъ его дѣлъ поручить мнѣ вѣкому, того ради прошу дабы оной Муромцевъ былъ при мнѣ доколѣ я буду здѣсь и у калмыцкихъ дѣлъ, тако же и полковникъ Захаровъ писать будетъ, и о томъ Государственная Военная Коллегія что повелитъ“ ³⁾.

Подъ разными другими благовидными предлогами не высылалось и Суревъ и Наумовъ.

25 іюля Захаровъ снова написалъ въ Военную Коллегію донесеніе о высылкѣ ихъ на Яицъ.

Въ своемъ донесеніи онъ говорилъ, что атаманъ Меркульевъ на слѣдствіи показалъ: „когда прѣѣзжалъ Наумовъ на Яицъ для ваятья ево Меркульева и другихъ казаковъ въ Казань и въ бытность ево Наумова на Яицѣ по совѣту старшинъ збиралъ онъ въ десятниковъ деньги и собравъ по ихъ же старшинскому приговору носилъ по два раза по пятьдесятъ рублей итого

¹⁾ Тамъ-же, листы 851—852.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 8, листъ 4.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 6, савка 213, листъ 99.

сто рублей ко оному поручику Наумову въ почестъ, а не изъ неволи ка- кой, а больша того онъ Меркульевъ много ничего ему Наумову не дава- вать. И оный поручикъ, писалъ далѣе Захаровъ, для оного слѣдствія на Янкъ не праслать по двумъ указамъ; а бригадиръ *Оамединъ* писалъ на Янкъ къ розыскнымъ дѣламъ что оной Наумовъ въ командѣ его для переноски душъ и ево Наумова выслать невозможно за умаленіемъ офицеровъ¹⁾.

Не выслали на Янкъ и Сухарева. Еще 21 января Военная Коллегія приказала казанскому вице-губернатору Кудравцеву немедленно выслать Су- харева на Янкъ, но Кудравцевъ донесъ, что Сухаревъ согласно царскаго указа находится у карабельныхъ дѣлъ и ведетъ расходныя и приходныя книги и за нимъ числится на отчетѣ великая сума денегъ въ триста ты- сячъ рублей и потому послать его не можетъ²⁾.

Такимъ образомъ всѣ эти трое, оказавшіеся болѣе пронырливыми, подъ всевозможными предлогами на Янкъ не пріѣхали.

Доноса объ этомъ, Захаровъ одновременно написалъ и другое доношеніе, прося выслать на команду офицерамъ и рядовымъ и заплочному мастеру жа- лованья за 1724 г.³⁾

Но въ коллегіи получили эти донесенія только 15 сентября и отвѣтомъ не торопились.

Между тѣмъ на Янкѣ съ наступленіемъ весны опять появились шайки кир- гизъ и одна схватка у казаковъ смѣнялась другою.

Еще въ степяхъ не зазеленѣла трава, какъ тысячныя толпы киргизъ устре- мились за Янкъ въ калмыцкія степи. 19 февраля умеръ престарѣлый ханъ Аю- ка, правившій калмыками 51 годъ⁴⁾. Вновь утвержденный Петромъ ханъ Цы- ренъ-Дондукъ еще не принялъ власть въ свои руки и разрозненная калмыц- кая орда не могла дать хищникамъ должнаго отпора.

Къ этому способствовала еще рознь и вражда, возникшая между отдѣльными калмыцкими владѣльцами. Часть калмыкъ, кочевавшихъ по нагорной сторонѣ Волги, таготивалась подданствомъ Россіи и стремилась уйти на Кубань, ближе къ Крыну, въ область турецкаго султана. Вахты Гирей — султанъ не разъ посы- лалъ пословъ, чтобы калмыки шли со своими улусами на Кубань. Собранный на совѣтъ, калмыцкіе владѣльцы, кочевавшіе на нагорной сторонѣ Волги, по- слали къ хану калмычовина Бежика, который равнѣ не разъ ходилъ вмѣстѣ съ Гиреемъ на русскія укранны. Бежикъ долженъ былъ окончательно убѣдить- ся въ справедливости словъ крымскаго хана и „если онъ дастъ имъ въ этомъ вѣру то они всѣ къ нему уйдутъ“⁵⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 4.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц. Дѣла Прав. Сената по Воен. Колл., дѣло ^{11/322}, листы 131—132.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 1.

⁴⁾ Моск. Арх. Иностран. Дѣла, дѣла калмыцкія, картонъ 44, дѣло 1724 г., св. 6, листъ 1, доношеніе маюра Веклемишева въ Колл. Иностран. дѣлъ.

⁵⁾ Тамъ же, связка 7. Доносеніе Веклемишева отъ 22 марта 1724 г.

У калмыкъ, вочевавшихъ между Волгою и Яикомъ, шли равноглатія и распрѣ; водворить между ними порядокъ вновь назначенный ханъ не могъ.

Киргизы появились среди калмыцкой орды подъ начальствомъ самого Абзакхиръ-хана. Во главѣ 18 тысячъ человекъ онъ напалъ на улусы Доржи Назарова. Калмыки были разбиты. Киргизамъ досталось въ плѣнъ 50 человекъ, 500 верблюдовъ и 8 тысячъ овецъ. Назаровъ съ улусами отошелъ ближе къ Саратову на *вершины рѣки Тарлыка*, гдѣ его засталъ посланный къ нему царицынскій дворянинъ *Татариновъ* ¹⁾

У другого владѣльца у хана *Тайшина* киргизы захватили добычи еще больше:—взяли до 400 человекъ плѣнныхъ, верблюдовъ 600, коровъ съ три тысячи и до 10 тысячъ овецъ.

Хотя калмыки, защищая свое имущество, и убили до 40 киргизъ и взяли въ плѣнъ 15 человекъ, но устоять противъ нихъ не могли и стали просить состоявшаго при ханѣ майора Беклемишева свести ихъ съ луговой стороны на нагорную. Назаровъ-же просилъ дать ему въ прикрытіе отъ киргизъ драгунскаго войска съ двѣ тысячи ²⁾.

Узнавъ объ этомъ разгромѣ калмыкъ, Яицкое войско снарядило для ихъ выручки походное войско (сколько человекъ—неизвѣстно) и во главѣ походнаго атамана уже извѣстнаго намъ *Ивана Щелкина* и походнаго есаула *Андрея Пономарева* послало его на отходящихъ изъ калмыцкой орды киргизъ.

Войско пошло по слѣдамъ отходящихъ и далеко въ степи нагнало одну изъ шайкъ на *рѣкѣ Булдуртѣ*. Казаки разбили киргизъ, отбили часть колона и захватили семь человекъ въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ былъ взятъ „знатный старшина“ *Букунча-батыръ* ³⁾.

При возвращеніи на Яикъ, по обычаю войска, плѣнныхъ привели въ войсковой кругъ. Плѣнники являлись общему добычю захватившаго ихъ отряда и по казачьему праву могли быть проданы желающимъ при условіи не отпуска ихъ обратно въ орду безъ разрѣшенія войска. Въ числѣ плѣнныхъ было два киргиза: одинъ старикъ Тогузбай Араптеевъ и другой малолѣтокъ Утегей. Первый былъ зятъ казаку татарину Котлыбай Девѣну и лѣтъ двадцать тому назадъ сдѣлалъ послѣднему громадную услугу. Котлыбай былъ тогда захваченъ въ плѣнъ киргизами и Тогузбай вынулъ его и отпустилъ на волю за Яикъ. Малолѣтокъ-же Утегей былъ въ родствѣ съ казаконъ Иваномъ Лобковомъ. Увидавъ въ кругу киргиза Тогузбая, казакъ Котлыбай въ благодарности за

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, кн. 73, листъ 242. Челобитная войска 1751, ноября 16. Говоря о службѣ старшиномъ Григоріи Званкинымъ, войска писало: „командированъ (въ 1724 г.) съ атаманомъ Щелкинымъ на мороскии кайсакии, кои ходили для разоренія волжскихъ калмыкъ, и оиимъ гѣсколько побито и знатимъ ихъ старшиномъ Букунча-батырь въ плѣнъ взятъ“. Тоже говорится въ челоб. войска 1749 г. дек. 17, но показано, что взято было въ плѣнъ 7 человекъ киргизъ (Тамъ-же, опись 107, книга 67, листы 215—217). Объ этомъ боѣ упоминается и въ другихъ казачьихъ челобитныхъ.

прошлую услугу попросилъ его у войска и, заплативъ одиннадцать рублей, ввязъ въ себя съ цѣлью отпустить его впоследствии такъ-же на волю, какъ его отпустилъ когда-то Тогубай.

Малолѣтства-же Утегея купилъ за десять рублей Лобикъ ¹⁾. Это подало поводъ для Кроткова обвинить казаковъ въ отпускѣ киргизъ обратно въ степи и въ сношеніи съ Хивою.

Изъ остальныхъ плѣнныхъ трехъ человекъ купилъ Иванъ Щелкинъ.

Разгромивъ калмыковъ, киргизы не удовольствовались только однимъ воезнимъ набѣгомъ. Все лѣто они шныряли по степи и когда въ іюнѣ мѣсяцѣ обычная казачья ставица возвращалась изъ города Самары послѣ продажи рыбы нагруженная „хлѣбною покушкою“, казаки должны были выдержать бой съ киргизами.

Едва, раставутый по дорогѣ, казачій обозъ подъѣхалъ „къ урочищу Чаяну перелазу“, на ставицу напили „веприятельскіе люди каравалаки и киргизъ-кайсаки большимъ собраніемъ“. Казаки, разбросанные кучками въ длинномъ обозѣ, не могли дать должнаго отпора и потеряли убитыми и взятыми въ плѣнъ шестьдесятъ восемь человекъ ²⁾.

Другой такой-же неудачный бой произошелъ у казаковъ на *рпкѣ Утеѣ* подъ начальствомъ походнаго атамана *Ивана Логинова*. Это тотъ самый Логиновъ, который еще въ 1698 году въ ссорѣ убилъ казака Серебрякова ³⁾, и котораго послѣ этого стали звать душегубникомъ. Теперь уже Логиновъ былъ войсковымъ старшиною. Но ключа эта осталась за нимъ до сихъ поръ. Логиновъ, видимо, страшно тяготился этимъ. Воспользовавшись тѣмъ, что на Яикѣ былъ Захаровъ, онъ пригласилъ его въ концѣ января къ себѣ въ кумовья крестить сына. На шире по этому поводу онъ попросилъ Захарова повѣять на атамана и войско, чтобы его болѣе не называли душегубникомъ. Особенно надобѣдалъ ему этимъ казакъ Андрей Пономаревъ.

2 февраля по просьбѣ Захарова былъ собранъ войсковой кругъ и войско приговорило старшину Логинова болѣе такъ не называть и свой приговоръ изложилъ письменно, копію съ котораго выдало Логинову.

Это любобитное постановленіе круга говорило слѣдующее:

„1724 г. Февраля въ 2 ден при атаманстве ево Грирья Меркульева при есаулахъ Иване Котельникове при Сидоре Дурманове при войску въ кругу приговорили: Яицкому казаку Ивану Логинову по назывке Яицаго же кѣзка Андрея Пономарева, какъ называлъ его Логинова душегубникомъ и ѣную назывку при войску въ кругу объявилъ, и положили всемъ войскимъ чтобъ ево Ивана Логинова отяудѣ душегубникомъ не называть для того что таково дела на него никто не показавъ, а въ назывке своей Андрей Пономаревъ ево

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Шта., опись 47, кн. 268, лѣто 24. Листи въ дѣлѣ не нумерованы. Экстрактъ Захарова по доносу Кроткова о плѣн. киргизахъ.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, омыза 8, листы 484—485 Челобитная войска 1731 г. октября 18.

³⁾ См. страницу 895 настоящаго очерка.

Логинова очищали при атамане Григорье Меркульеве, а ежели кто назовет душегубником ево Логинова ему по суду Яицкаго войска очищатца по надлежащему; того ради приговорили чтоб оному приговору учинить запись а смя запись писана въ войсковой станичной избе зарукою атамана Григорья Меркульева. Къ сей войсковой записи вмѣсто атамана Григорья Меркульева и по приговору Яицкаго войска подъячей Иванъ Симаганъ руку приложилъ¹⁾.

Очищенный этимъ постановленіемъ старшина Логиновъ, впоследствии прелставитель и энергичный глава казачьей партіи, былъ, какъ говорили потомъ его враги, „по прошенію для заслуги смертнаго убійства, назначенъ въ томъ-же году походнымъ атаманомъ въ погоню за киргизами“, взявшаи въ плѣвъ нѣсколько человекъ казаковъ. Былъ ли онъ посланъ за тѣми киргизами, которые разбили казачью станицу, или за другою шайкою—неизвестно²⁾.

Подробностей объ походѣ Логинова, какъ и вообще о всѣхъ бояхъ съ киргизами, не сохранилось. Въ своей челобитной въ 1781 году войско объ этой неудачной послыжкѣ казаковъ писало такъ:

„И въ прошедшемъ 784 году подбѣгали подъ нашу казачію городокъ непріятельскіи люди каракалпаки и киргизъ казаки тысячнымъ числомъ, и мы войскомъ Яицкимъ за оными непріятельскими людьми выбрали изъ старшинъ походнаго атамана Ивана Логинова и при немъ семь сотъ человекъ, и логнали оныхъ непріятельскихъ людей при урочищѣ Утвѣ рѣкѣ; и догнавъ, состоялся съ оными непріятель бой, и билась съ ними два дни и ночь и волю Божию и нашимъ несчастіемъ нашихъ казаковъ семьдесятъ два человека побито, а другихъ многое число ранены и въ полонъ побранн³⁾).

Этотъ неудачный бой станицы Ивана Логинова впоследствии противной ему партіей ставился Логинову въ вину. Потеря казаковъ приписывалась его нерадѣнію и по произведенному по этому поводу слѣдствію казачьи показанія установлено, что эти потери произошли отъ того, что часть казаковъ съ нѣкоторыми старшинами „загнались за оными киргизцами не спросясь оного Логанова, которыхъ пропало старшинъ и казаковъ тридцать четыре человека“⁴⁾. Такимъ образомъ провашихъ, вѣроятно повавшихъ въ плѣвъ, 34 казака были тѣми отважными смѣльчаками, которыхъ не пугало число враговъ и они зарвались, отдѣлились отъ станицы и ринулись за киргизами безъ вѣдома атамана.

Казакамъ въ это лѣто не везло. Однѣмъ неудачный бой слѣдовалъ за другимъ. Въ томъ-же году былъ посланъ за киргизами атаманъ *Никифоръ Боро-*

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 107, св. 31, листъ 22.

²⁾ Въ донесеніи Воеск. Коллегіи въ 1782 г. 16 декабря войско, говоря о службѣ казака Андрея Пономарева, между прочимъ, о этомъ походѣ писало: „При бытности у насъ господина полковника Захарова подбѣгали подъ насъ непріятельскіи люди киркалпаки и киргизъ-найсаки и брали въ полонъ нашихъ казаковъ, за которыми посланъ былъ атаманъ Иванъ Логиновъ и выбранъ былъ отъ войска осадомъ“.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 107, св. 8, листъ 485.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаб., опись 107, кн. 38, листы 3, 6 и 7 и др. (показанія казаковъ).

димъ. Догнавъ киргизъ, овъ потерпѣлъ неудачу. Казаки понесли большой уронъ. „И волею Божию и нашимъ несчастіемъ,—писало потомъ войско объ этой посылкѣ въ своей челобитной,—побито и въ половъ побрано тридцать два человека“¹⁾).

За три боя казаки потеряли болѣе 170 человекъ!

Но не только на Яикѣ, но было неспокойно и на Волгѣ и въ уфимскихъ предѣлахъ по черемшанской границѣ, гдѣ стояло 300 яицкихъ казаковъ и драгуны. Волковскій просилъ о нарядѣ войскъ для усиленія ливнн.

Въ коллегіи рѣшили послать на Черемшу снова яицкихъ казаковъ, чтобы на ливнн ихъ было не менѣе пачисотъ. Рѣшено было нарядить 200 человекъ. Грамота объ этомъ нарядѣ была получена на Яикѣ 28 июля. Какъ ни тяжело было въ то время на Яикѣ, но войско казаковъ снарядило и отправило ихъ 13 августа²⁾).

Едва выступила станица на службу, какъ черезъ шесть дней подѣ городкомъ снова появилась шайка киргизъ, захватила часть скота и поворотила въ степь. Казаки снарядили станицу и пустились въ поговю³⁾).

„И Божию помощью, какъ писали казаки въ челобитной, ихъ догнали разстояніемъ отъ Яицкаго городка конною вѣдою шесть дней близъ реки *Ембы* и угнавъ ихъ побила немалое число, а иныхъ взяли въ азыки зъ двадцать человекъ“⁴⁾).

Возвратившись на Яикъ, казаки разобрали всѣхъ плѣнниковъ по рубашъ, чтобы обижать ихъ на своихъ казаковъ, взятыхъ киргизами⁵⁾. Выбравъ двухъ киргизъ *Белендю-батыря*⁶⁾ и каракалпачевана *Жумака-Меллимура*, войско рѣшило отправить ихъ въ военную коллегію. Для этого были выбраны участники похода: станичнымъ атаманомъ *Остафій Муромцевъ* и еще четыре человека, которые и выѣхали въ Москву 20 сентября⁷⁾).

Цѣль посылки станицы состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы хлопотать позволеніе разиѣваться захваченными плѣнными—взять у киргизъ взаиѣвъ ихъ своихъ казаковъ.

Станичники прибыли въ Москву 30 октября, гдѣ явились въ контору коллегіи и подали челобитную, въ которой вложили свою просьбу о разиѣвъ плѣнными, „дабы оныхъ взятыхъ азыковъ повелено было обижать на своихъ казаковъ, а мы безъ указу оного собою дѣлать не смѣемъ“,—писало войско въ челобитной⁸⁾).

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, свѣдка 8, листъ 435. Челоб. войска 1781 г. октября 18.

²⁾ Тамъ-же, опись 1, книга 229, листъ 412. Войсковая челобитная 1724 г. конессею москов. канцлеру въ воен. колл. Кто былъ походящимъ атаманомъ—неизвѣстно.

³⁾ Кто былъ походящимъ атаманомъ—неизвѣстно, но, судя по многимъ другимъ даннымъ, можно предположить что это былъ Иванъ Логиновъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаб., опись 1, кн. 229, листъ 412.

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ Вѣроятно того киргиза, котораго вѣкъ Василій Араповъ.

⁷⁾ Тамъ-же. Фамилія остальныхъ станичниковъ неизвѣстна.

⁸⁾ Тамъ-же.

Съ прибытіемъ Задарова войско уже не рѣшалось въ этомъ случаѣ поступить по своей волѣ, какъ оно дѣлало ранѣе. Являлась необходимость просить разрѣшенія.

Привезенныхъ киргизъ приказано было по прежнему примѣру отправить въ каторжную работу, о челобитѣ же казаковъ контора донесла въ Коллегію.

Станочникамъ не пришлось дожидаться разрѣшенія, оно было сдѣлано только въ слѣдующемъ году, и они уѣхали обратно на Яикъ.

На Яикѣ шла тревожная жизнь, и бои съ киргизами смѣнялись промежуточной краткаго отдыха отъ боевыхъ заботъ. Такая-же тревожная жизнь была и на Черемшанскихъ форпостахъ. Прибывшіе туда 26 августа въ распоряженіе князя Волконскаго двѣсти яицкихъ казаковъ вступили сразу въ боевую жизнь. Отдаленность этихъ постовъ отъ Казани и Уфы, а также и отъ приволжскихъ селъ и городовъ заставляла форпосты быть осторожными и не надѣяться на скорую помощь откуда бы то ни было. Части, стоявшія по этой линіи, терпѣли всевозможныя лишения. Особенно тяжело отзывалось удаленное положеніе линіи отъ жилыхъ мѣстъ на доставкѣ провіанта и фуража. Несмотря на неоднократныя донесенія Волконскаго въ Военную Коллегію, провіантъ для драгунъ и казаковъ своевременно не доставлялся и части недѣлали сидѣли безъ хлѣба.

По прибытіи на линію новыхъ двухсотъ яицкихъ казаковъ, а также вновь прибывшихъ драгунъ и солдатъ изъ Царицынской линіи и изъ Казани въ провіантъ сталъ чувствоваться крайній недостатокъ. Между тѣмъ вмѣсто провіанта иногда посылались деньги.

31 августа Волконскій снова объ этомъ написалъ въ Коллегію доносеніе.

„На дачу провіанту не только что онымъ новопривывшимъ казакамъ, писалъ между прочимъ Волконскій, но и содержавшемуся при техъ пасахъ Казанскаго гарнизона драгунскому полку и Яицкимъ же прежде бывшимъ трехъ сотному числу казакомъ ничего нетъ о чемъ и въ Государственную Военную Коллегію іюля 18 числа объ определеніи писалъ, одначе жъ еще повелительства указа не имѣю, такожъ и въ Казань въ губернскую канцелярію многократно объ опредѣленіи помянутому драгунскому полку и Яицкимъ прежде содержавшимся трехсотному числу и вновь прибывшимъ двустамъ человекомъ казакамъ требовательне писалъ, на которые свои требованія изъ губернской канцеляріи помянутой драгунскій полкъ и Яицкимъ казакамъ трехсотному числу на покупку провіанта прислано денежной казны пять сотъ рублей, который уже покупается; а на помянутыхъ новопривывшихъ казаковъ на двести человекъ къ покупке провіанта денежной казны не прислано и дачи производить имъ изъ новокупнаго провіанту опредѣленная имъ учинена и въ такомъ губернской канцеляріи провиантомъ неопределеніи оные казаки претерпятъ немалой голодъ безъ чего и пробыть не возможно; но только изъ оной канцеляріи на помянутое же свои требованія получилъ я въ отвѣтственіе прожорую, что на оную новопривывшую команду провіанту губернская канцелярія опредѣлять безъ указа штатскаго советника и казанскаго губернатора господина Салтыкова опасна и о томъ де

къ предложенію до него господина губернатора изъ Казани чрезъ нарочную почту писано и объ определеніи въ немедленныхъ числахъ невопривышшии въ команду мою на Черемшанскіе паны двусотному числу казакомъ на дачу провіанту государственная военная коллегія что повелеть, на что буду ожидать повелательства дабы онии Яцкимъ казакамъ во иище въ продолжительность не претерпеть всеконечной нужды и голоду¹⁾.

На это донесеніе изъ Военной Коллегіи указъ послѣдовалъ только 27 октября. Приказано было Казанскому губернатору довольствоваться всѣ войска по Черемшанской линіи изъ доходовъ Казанской губерніи „по подающимъ отъ командующихъ тѣмъ полками и казаками вѣдомостямъ изъ наличнаго въ казанской губерніи провіанта и фуража“. Въ случаѣ-же если ни фуража ни провіанта почему либо въ наличности не оказалось бы то приказывалось его закупать „въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ способнѣе“. На первые-же мѣсяцы приказывалось выдать его изъ запасовъ, находящихся въ магазинахъ въ Свіажской провинціи²⁾.

9 сентября состоялось постановленіе Коллегіи и по челобатью войска о зачисленіи калмакъ и о крещеніи ихъ. Въ грамотѣ, посланной по этому поводу на Яикъ, говорилось, что согласно шертовальной (присяжной) записи, заключенной съ ханомъ Аюкою и съ прочими тайшами въ 1573 г. о бытіи ихъ въ русскомъ подданствѣ, слѣдуетъ всѣхъ Аюкаевыхъ калмыкъ, которые уходятъ въ русскіе города, отдавать обратно Аюкѣ. Въ слѣдующихъ-же договорахъ съ калмыками заключенныхъ въ 1577 и 1583 годахъ разрѣшалось оставаться въ русскихъ городахъ только тѣмъ калмыкамъ и татарамъ, которые пожелаютъ воспріять православную христіанскую вѣру. По этимъ шертовальнымъ записямъ всѣхъ крещенныхъ калмыкъ возвращалось требовать обратно. „И имъ тайшамъ, говорилось въ записи, и улуснымъ ихъ людямъ изъ не просить и объ нихъ не бить челомъ, а некрещенныхъ калмыковъ и татаръ ихъ улусовъ, которые учнутъ уходить въ російскіе города, отдавать имъ“³⁾.

Въ концѣ грамоты къ войску приказывалось „чинить съ калмыками такъ, какъ въ тѣхъ шертовальныхъ записяхъ учинено“.

Такимъ образомъ, войско могло принимать къ себѣ только тѣхъ калмыкъ, кромѣ пришедшихъ съ Дашею Булатовымъ, которые пожелаютъ креститься.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе по просьбѣ станичнаго атамана *Василія Арапова*. Этотъ атаманъ вмѣстѣ съ нѣсколькими казаками охотниками ушли вверхъ по рѣкѣ Яику и на излюбленномъ мѣстѣ при устьѣ рѣки Сакмары построили Сакмарскій городокъ. *Василій Араповъ*, какъ мы знаемъ, явился не первымъ насельникомъ городка. При

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 1, книга 229, листъ 407. Донесеніе князя Волконскаго въ Военной Коллегіи 31 августа 1724 года.

²⁾ Тамъ-же, листъ 411. Промеморія изъ главы провіантской канцеляріи въ Военной Коллегіи октября 27 1724 года.

³⁾ Мослвской Архивъ Главнаго Штаба, опись 1, книга 229, листъ 148. Грамота войску 1724 года сентября 9, № 8781.

началь переписи Захарова въ 1723 году уже были казаки, „которые обрѣтаются на Яикѣ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ“ съ атаманомъ Ѳомой Сибиряковымъ—всего 14 человекъ. Но и до прїѣзда Захарова тамъ же на рѣкѣ Сакмарѣ былъ и разѣе два раза городокъ, оба раза разорывшіяся башкирцами. Въ архивахъ не сохранилось никакихъ данныхъ ни о томъ, когда впервые яцкіе казаки поселились на этой рѣкѣ, ни о причинахъ, побудившихъ ихъ жить среди враждебныхъ имъ башкирскихъ ордъ, вдали отъ главнаго городка.

Хорошая-ли звѣровая охота, выгодный ли торгъ съ башкирами маняли казаковъ на Сакмару—неизвѣстно. Яцкіе казаки, какъ бывшіе когда-то ушуйники-новгородцы, „пролагатели путей“, не останавливались надъ препятствіями и смѣло двигались въ самыя опасныя и тревожныя мѣста и, рискуя своею головою, получали себѣ добычу, будь то звѣрь или имущество непріятеля. Отвага и смѣлость были ихъ спутниками и вожами.

Когда выѣхалъ Араповъ съ Яика и когда прибылъ въ Петербургъ—неизвѣстно.

На этотъ разъ, Сакмарскаго городка атаманъ Василій Араповъ въ Военной Коллегіи довошеніемъ требовалъ, чтобъ за малолѣтствомъ ихъ войска опредѣлить имъ изъ Яцкаго и изъ Довскаго войска человекъ съ 600, повежа отъ Яику и отъ Уфы городокъ ихъ разстояніемъ въ дальности и въ скорости помощь просить некогда¹⁾.

Это единственное, кромѣ упоминанія въ переписи Захарова, дошедшее до насъ указаніе о первомъ несомнѣнномъ заселеніи яцкими казаками береговъ рѣки Сакмары.

Результата по этой просьбѣ найти не удалось, но судя по тому, что въ челобитъѣ войска въ 1730 году яцкихъ казаковъ въ Сакмарскомъ городкѣ было всего 60 человекъ, видно, что просьба Арапова не имѣла успѣха.

О сношеніяхъ Яцкаго войска съ атаманомъ Сакмарскаго городка въ томъ же 1724 году имѣется указаніе въ челобитной казака *Андрея Латошникова*. „Въ прошломъ 1724 году, писалъ онъ въ челобитной, какъ я посланъ былъ съ Яика въ городъ *Цакмарскъ* къ атаману съ письмами и отъ каракалпаковъ былъ половень и былъ въ рукахъ ихъ три мѣсяца и оттолъ за паролемъ²⁾ на разбитую отиущень по прежнему на Яикъ и опредѣленъ въ службу“³⁾.

Съ этого года Сакмарскій городокъ уже болѣе не разорался башкирцами и во все дальнѣйшее существованіе Яцкаго войска является его младшимъ братомъ и составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое.

Наступала осень, перепись приходила къ концу; подводились итоги. Но яз-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 12, дѣло 2, л. 18. Эта просьба атамана найдена въ болѣе позднѣе дѣлахъ (1780 г.) въ справкахъ военной коллегіи, время ея показано 1724 г. 29 сентября, что является несправильнымъ, т. к. 14 сентября этого года Василій Араповъ былъ въ походѣ за киргизами. Числа 29 сентября 1724 г. нужно считать числомъ постановленія коллегіи по этому дѣлу, т. к. въ постановленіяхъ излагались въ началѣ подробно просьба или суть дѣла, а потомъ уже рѣшеніе коллегіи по этому дѣлу и все это постановленіе помѣчалось числомъ дня рѣшенія дѣла.

²⁾ Упоминаніе въ данномъ случаѣ слова „паролемъ“ является совершенно необъяснимымъ.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 1, листъ 16. Челобитная Латошникова 1725 г. 12 марта.

рѣдка вновь на Яикѣ появлялись казаки, не вошедшіе въ атаманскій списокъ. О такихъ приходилось снова доносить въ розыскную канцелярію и представлять списки. Такъ 8 августа явился казакъ Никита Стяговъ, пришедшій со службы съ Черемшанскихъ постовъ; нашлись казаки, которые только что вышли изъ хивинскаго плѣна и прибыли на Яикъ 11 октября. Большинство изъ нихъ были съ княземъ Бекевичемъ въ несчастномъ Хивинскомъ походѣ ¹⁾.

Доносъ объ нихъ, Меркульевъ писалъ, что кромѣ нихъ у Захарова содержатся казаки подъ карауломъ: „Михайло Дементьевъ сынъ Краснощекій, Яковъ Михайловъ сынъ Ягановъ, да казакъ-же приписной по списку Данило Ларионовъ и оные Краснощекіи и Ягановъ и Ларионовъ нѣмѣ содержатся подъ арестомъ всего двѣнадцать человекъ, а въ поданномъ списку не написаны“ ²⁾.

Осенью-же съ сентября мѣсяца начался вторичный розыскъ надъ Кротковымъ и Путиловымъ. На этотъ разъ Захаровъ, согласно полученнымъ разъясненіямъ изъ Военной Коллегіи разсказывать виновныхъ подъ пыткой, сталъ производить слѣдствіе надъ Кротковымъ и Путиловымъ, уже не стѣсняясь въ дѣйствіяхъ.

Кротковъ-же, стараясь избѣгнуть пытокъ и не имѣя возможности противопоставить что либо свидѣтельству казаковъ и окончательно уличенный ими во взяткахъ, сталъ бороться излюбленнымъ въ то беззаконное время средствомъ: онъ сталъ писать вѣзлымъ на казаковъ и на канцеляриста, сталъ отводить свидѣтелей—однимъ словомъ, пускалъ въ ходъ всѣ тѣ приемы сутяжничества, которые широко приѣмлялись въ то время и благодаря которымъ волонитѣ не было конца. Онъ сталъ играть не на сути дѣла, ибо очевидность была ясна до мелочей и виновность Кроткова во взяткахъ была вѣдъ всякаго сомнѣнія, онъ сталъ играть на формѣ дѣла, на крѣпкотеорствѣ того добраго стараго времени, сталъ бить казаковъ оружіемъ, котораго они еще не знали и протявъ котораго ихъ прямолинейность, простота и честность являлись лишь наивнымъ и дѣтскимъ ледетомъ, тѣмъ болѣе жалкимъ, чѣмъ нахальнѣе были приемы ихъ противника.

Явившійся въ розыскную канцелярію 23 сентября, онъ подалъ Захарову доношеніе.

„Яицкіе казаки, — писалъ Кротковъ, — Ѳеодоръ Рукавишниковъ съ атаманомъ Никитой Вородянымъ, съ Иваномъ Щербаковымъ, съ Ѳеодоромъ Силишниковымъ, съ Трионовомъ Новинскимъ съ товарищи, вѣдомые воры и смертоубійцы и продовцы христіанъ въ бусурманскіе руки и въ подозрительные руки, умысла воровски, въ челобитье своемъ на меня показали будто я въ быт-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 21, листы 198 и 194. Вышли изъ хивинскаго плѣна ч изъ Вухармъ: „Иванъ Ивановъ сынъ Мякушевъ, Иванъ Леонтьевъ, Семеновъ Ивановъ сынъ Мельниковъ, Илья Андреевъ сынъ Идошъ, Федоръ Ивановъ сынъ Ярта, Василій Прокофьевъ сынъ Мильникъ, Миланко Андреевъ сынъ Кузеплякинъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Ищеряцовъ, да съ ними жъ вышелъ изъ плѣну нашъ казакъ, которой вѣдъ былъ по Сырванской дорогѣ въ прошломъ 711 году, а именно: Петръ Федоровъ сынъ Павловъ“. Донесеніе Захарову атамана Меркульева 11 октября 1724 г.

²⁾ Тамъ-же.

ность свою на Яике, учинилъ казакамъ великое разореніе и ваялъ съ ними великіе взятки; противъ котораго челобитья въ Москвѣ въ Военной Коллегіи я и допрашиваю. И на тотъ мой допросъ означенной Руквишняковъ подписался, что будетъ обличать показанной ихъ атаманъ Бородинъ, о чемъ повелено и слѣдовать по указу Его Императорскаго Величества и по уложенію велено розыскать ежели отъ нихъ казаковъ асыны улики. И по прибытію на Яикъ въ розыскной канцеляріи оной Бородинъ въ улику мнѣ допрашиваю и по многимъ статьямъ отпирался токмо показалъ, что будто далъ мнѣ, за отпускъ на рыбную ловлю казаковъ, двѣсти рублей и сими деньги будто ко мнѣ принесъ одинъ и отдалъ мнѣ одинъ на одинъ, а свидѣтелей въ то число у него никого не было. Да они жъ въ челобитьи и оной Бородинъ въ допросе показали, что будто я въ бытность свою на Яике старинныхъ многихъ казаковъ бралъ себѣ и другимъ помѣщикамъ во крестьяни отдавалъ, а ково имяны подалъ ояъ Бородинъ росписъ въ розыскную канцелярію за рукою; а какъ я ныне по указу явился на Яикъ и противъ ево Бородинъ улики въ розыскной канцеляріи допрашиваю и ояъ Бородинъ на тотъ мой допросъ вторично допрашиваю же; и противъ прежняго своего допросу, ныне въ допросе показалъ плутовству своему и поклепному челобитью ясною на себя сами улику, а имянно: о показанныхъ деньгахъ сказалъ, что принесъ ко мнѣ уже при свидѣтелехъ самъ шесть, а не одинъ, а будто тѣ деньги отдалъ мнѣ при нихъ и съ ними обща въ томъ число во свидѣтельство показалъ согласника своего, такова жъ вора и подозрительнаго человѣка что и самъ, Ивана Щербакова, съ которымъ согласясь привезли и убили доносителя Елисѣева и сидятъ въ одномъ мѣстѣ подъ карауломъ другой годъ, котораго и принимать во свидѣтельство и вѣрить не надлежать; а протчіе показанные у него жъ Бородинъ свидѣтели, которыхъ ояъ выбралъ самовольно и послался на нихъ, ихъ же казачьи старшины четыре человѣка, во свидѣтельство въ розыскную канцелярію приняты и допрашиваны, а въ допросехъ своихъ показвали разнo и немало сходства противъ ево ссылки вѣтъ, о чемъ явно въ деле на что и паки поклепъ ихъ и плутовство обличаетъ явна; а что ояъ же Бородинъ показалъ на меня, что я ималъ казаковъ себѣ и другимъ помѣщикамъ отдавалъ во крестьяни и овоо касалось ко интересу Его Императорскаго Величества, а ныне вторично оной же Бородинъ показалъ допросомъ своимъ паки жъ ко обличенію своему плутовству, что въ бытность мою я казаковъ никакихъ къ себѣ во крестьянство не бяривалъ и другимъ помѣщикамъ не отдаывалъ, а отдавалъ ояъ Бородинъ съ войскимъ сами по присланнымъ указамъ изъ Казани, а тѣ указы и росписки ково и кому отдалъ при вторичномъ допросе объявилъ съ которыхъ за рукою ево приняты въ дѣлу копіи. Да въ ихъ же казачьемъ поклепномъ челобитьи написано на меня будто я изъ нихъ казаковъ наисалъ въ солдаты и въ драгуны семьсотъ человѣкъ и того послѣдотводствования дѣла ничего не явилось же—поклепали жъ напрасно, хотя меня раз-

горить, покрывая свое плутовство, о чемъ явно показываетъ поклепъ ихъ. А что въ челобитье жъ и въ допросе показали вора и раскольника поца Дениса сынъ ево Петръ такой же раскольникъ—въ первомъ допросе сказалъ, что будто держалъ я ево подъ карауломъ въ поставке отца ево и взялъ съ него десять рублей и, взявъ такие деньги, и съ-подъ караулу свободилъ, а во вторичномъ допросе сказалъ будто уже такие деньги я съ него взялъ по свободе и съ подъ караулу и потому сталъ быть поклепъ его ясеви. Да въ томъ жъ ихъ казачьемъ челобитье написано что будто я взялъ съ казака жъ Ивана Семенова мѣхъ лисей, да десять лисицъ; и онъ Семеновъ въ допросе сказалъ, что не казакъ, но бѣглою изъ Нижняго посацкой человекъ и сказалъ, что будто мѣхъ ко мнѣ прислалъ съ казакомъ Федоромъ Силиши-внянмъ, а лисицъ де будто самъ ко мнѣ привезъ и отдалъ мнѣ; а во вторичномъ допросе онъ Семеновъ сказалъ, что будто и лисицы съ тѣмъ же Силишинимъ прислалъ, а Силишинъ заирался и потому стало быть плутовство ихъ явное и поклепъ чему и вѣрить не надлежитъ, и оба они плуты и подозрительные люди, а подозрительнымъ людямъ по указу и вѣрить не повелено. И по всему неправое ихъ челобитье и жалоба плутовъ стало явно, что они показали себѣ будто отъ меня имъ было великое разоренье. А въ носильномъ вывозе, будто я себѣ казаковъ во крестьяни бралъ, и въ раздаче казаковъ другимъ помѣщикамъ, имъ же во крестьяни, и въ великихъ съ нихъ будто взатковъ и ежели покажутъ на оное ясное улики то повелено и розыскивать, и оные челобитчики не токмо ясные улики на что предлагали и наконецъ показали сама ва себя и своему неправому челобитью ясную улику и напрасной на меня поклепъ. И по оному дѣлу уже немало касается ко интересу Его Императорскаго Величества и розыску не надлежитъ, понеже осталось по тому исповъ ихъ и съ показанного малой искъ и чего они искали неправо и въ томъ сами жъ себя своими допросами и своимъ свидѣтельствомъ показаннымъ отъ себя, на которыхъ слались, и изобличили свою неправду ясно жъ сами. А по другимъ статьямъ въ иску своемъ сами челобитчики отпирались и сказали, что ничего не давали и не били человекъ. И по тому по всему сталъ быть поклепъ ихъ явевъ и разоряютъ меня и убивать напрасно. И прошу указомъ Его Императорскаго Величества и по уложению, такимъ подозрительнымъ ворамъ явно въ показанномъ поклепе не повелено бѣ было вѣрить и къ решению на ихъ плутовство и съ того дѣла повелено бѣ учинить обстоятельную выписку, а изъ указу Его Императорскаго Величества изъ уложения принадлежащие статьи къ тому дѣлу выписать и потому дѣлу милостивою указъ учинить¹⁾.

Въ тотъ-же день, подавая челобитную, Кротковъ, наикъ протестовалъ чтобы плутовства канцеляриста Тарабниина изслѣдовать и протестъ его записать²⁾, просилъ овъ снова перепросить Алютина и Муромцева, а Тарабниина отставать отъ дѣла³⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, ч. 5, кн. 196, дѣло 734, листы 450—452.

²⁾ Тамъ-же, листъ 455. Доконченіе Кроткова въ слѣдственную комиссію.

Результатомъ этого доношенія состоялся въ розыскной канцеляріи того-же 23 сентября приговоръ, по которому было велено „оного Митрофана Алютина допросить къ прежнему ево допросу въ пополнение для того: въ прежнее ево Алютина допросе сказано какъ де онъ Бородинъ взявъ ево Алютина ходили къ Егору Кроткову на квартиру и какъ де пошли съ квартиры и денегъ де никакихъ онъ Алютинъ у него Бородина не выдалъ, а какъ взявъ ево Алютина онъ Бородинъ и шли на квартиру къ нему Кроткову и онъ Бородинъ ему деньги какіе объявлялъ-ли и онъ Алютинъ какіе деньги выдѣля-ли того въ томъ допросе не показаво“. Алютин допросили. „И онъ, Алютинъ, по тому приговору сказалъ какъ де шелъ онъ Алютинъ съ Никитою Бородинымъ къ Егору Кроткову на квартиру и онъ Бородинъ ему Алютину денегъ никакихъ не объявлялъ и онъ Алютинъ у него Бородина денегъ никакихъ не выдалъ же“¹⁾.

Въ своей жалобѣ, поданной имъ 29 сентября въ розыскную канцелярію на имя Военной Коллегіи, Кротковъ по этому поводу писалъ, что его протестъ записанъ не былъ, а былъ онъ „высланъ вонъ изъ канцеляріи. И въ томъ число, — писалъ Кротковъ далѣе въ своей жалобѣ, — оной плутъ Тарабѣининъ въ канцеляріи при судьяхъ бранилъ меня ругательно. И оной-же плутъ Тарабѣининъ, забывъ страхъ божій и присягу черезъ указъ Его Имп. Вол. давалъ казакамъ изъ розыскной канцеляріи съ дѣлъ списки и о томъ сказывалъ мнѣ онъ самъ Тарабѣининъ, что де то онъ дѣлалъ и списки давалъ не соборомъ — приказомъ маворскимъ; противъ чего онъ ему, мавору, говорилъ что противно того дѣлать и списковъ довать не надлежитъ; и онъ маіоръ сказалъ, что дать имъ списки того ради, что де они люди простые — усмотря могутъ де къ лучшему отповѣдь учинить, и онъ де по приказу ево имъ казакамъ списки давалъ. Да онъ же, плутъ Тарабѣининъ, спорное и розыскное дѣло и давную изъ Государственной Военной Коллегіи инструкцію, съ которой конья за руками господина полковника съ товарищи, приносилъ ко мнѣ на квартиру и оставлялъ то дѣло для чтанія, а инструкцію для списку, и со шти оунктовъ списать далъ. Да оной же, плутъ Тарабѣининъ, въ розыскной канцеляріи при судьяхъ браня меня ругательно и обличалъ, что будто я собираю казаконъ въ себѣ на квартиру, которые показаны на меня въ челобитье и устранивалъ ихъ, велю въ допросехъ отиравца. И дабы о томъ по вышепоказанному повелено было изслѣдовать а ежели онъ, плутъ Тарабѣининъ, на вышепоказанное чрезъ свое плутовство какими вымысла отбивая станеть заправца, а сая ево плутовство повторяне изобличать буду явнымъ свидѣтельствомъ; и такому плуту и подозрительному челоуѣку не только у такихъ сильныхъ дѣлъ быть и ни у какихъ венадлежитъ; и по тому дѣлу, которую онъ дѣлалъ выписку, чтобъ ей на ево споромъ вѣрить было не повелено а повелено бѣ дѣлать другому, того ради, что еще по тому дѣлу не обовсемъ изслѣдовано и оная ви-

¹⁾ Тамъ-же, листъ 439.

писем и прочие допросы по многомому моему прошению миѣ не показана. И оное мое доношеніе того сентября 28 числа въ розыскную канцелярію принято и слушено, а по слушенью присутствовалъ господианъ полковникъ и велѣлъ что бѣ принять и почитать и о томъ слѣдовать; а мазоръ Протасовъ воспретилъ, что бѣ не принимать: и для чего неизменно написало кому онъ (Тарабынинъ) отъ дѣла давалъ списки а то не сила, что онъ написали. Ежели оной Тарабынинъ отбыная будетъ заиратца и я его изобличу какъ яснымъ свидѣтельствомъ, и онаа рѣчь будетъ въ дѣле плодотвита. И отдали миѣ оное доношеніе возвратно для переписки и велели переписать а ево канцеляриста тогожъ числа призвавъ сказали, что есть на тебя доношеніе отъ Егора Кроткова, что ты дачалъ съ дѣлъ казакамъ списки и приносилъ къ нему Кроткову спорное и розыскное ихъ дѣло и за руками нашими копию сыструекши и давалъ ему списывать. И онъ Тарабынинъ, сказалъ миѣ что я то дѣлалъ чего было прежде времени ему и сказывать не надлежало. И оной канцеляристъ по прежнему не уволенъ и подъ караулъ не взятъ. И по всему видно, что учинена попорочка а на меня отъ него мазора, явное посягательство и по тому я съ канцеляріи пошелъ для переписи оного доношенія и капитанъ Коробовъ выгнелъ за мною и меня остановилъ и говорилъ что бѣ то доношеніе я имъ подалъ, и я о томъ имъ объявлялъ, что по приказу вашему переписавъ подамъ. И прошу дабы указомъ Его Императорскаго Величества на вышепоказанное рѣшеніе учинить¹⁾.

При подачѣ этого доношенія Кротковъ вышелъ изъ себя и въ присутствіи всѣхъ членомъ розыскной канцеляріи сталъ ругать канцеляриста Тарабынина „всякою неподобною бранью“ и воромъ и просилъ его выгнать вонъ такъ какъ у него имѣется на Тарабынина дѣло касящееся интересовъ Его Импер. Величества.

Канцеляриста попросили выйти изъ канцеляріи во въ подаваномъ доношеніи Кроткова ни какихъ важныхъ дѣлъ за Тарабыниномъ не оказалось²⁾.

Кротковъ дѣлалъ все возможное для него, чтобы только затянуть розыскъ, растянуть канцелярскую волокиту безконечно и въ концѣ концовъ запутать въ это дѣло и самихъ судей. Эта уловка и приемы были испытанное средство для безконечной волокиты въ то далекое время, когда на Руси почти все было продажно и на правый судъ честному или бѣдному человѣку рассчитывать было нельзя. Онъ такъ же не жалѣлъ красокъ для того, чтобы по возможности очернить казаконъ, главныхъ свидѣтелей его лихоимства и взятокъ, а также Протасова, Коробова и особенно канцеляриста Тарабынина, видимо, державшаго сторону казаконъ или почему либо иному сдѣлавшагося Кроткову ненавистнымъ.

Но прямолинейная и честная натура Захарова была не подкупна и онъ строго повелъ дѣло по буквѣ закона, не стѣсняясь никакими выходками Кроткова.

Ввиду этихъ доносеній въ тотъ же день состоялось постановленіе розыскной

¹⁾ Тамъ же, листы 455—456.

²⁾ Тамъ же, листъ 456.

канцеляріи снова опросить атамана Никиту Бородина и другихъ по дѣлу Кроткова въ отношеніи отъ Бородина взятки въ двѣсти рублей.

Въ этомъ постановленіи причиною новаго разспроса Бородина выставляется противорѣчіе его перваго и втораго показаній. Въ первомъ онъ показалъ, что деньги передалъ безъ свидѣтелей, а во второмъ показалъ свидѣтелей, изъ которыхъ во время допроса показали за него только двое. Но и изъ этихъ свидѣтелей самый главный бывший атаманъ Иванъ Щербаковъ, по мнѣнію розыскаго канцеляріи, оказался незаслуживающимъ довѣрія, такъ какъ „ему вѣрить не надлежитъ, для того, что онъ явился по розыскнымъ дѣламъ на Яикъ пытаемъ и цѣлѣмъ дѣламъ явился виновенъ и подозрителенъ. А по военному артикулу ежели кто явится наказанъ телесно тѣхнхъ въ свидѣтельство принимать не повелено и оноо Щербаково свидѣтельство для того отставить“¹⁾.

Далѣе, разбирая показаніе Алютина, Муромцева, Пустоселова и Желѣзнаго, слѣдственная комиссія сдѣлала заключеніе, что всѣ эти свидѣтели, на которыхъ слагался Бородинъ, „въ сказкахъ своихъ показали не противъ ево Бородина ссылки и потому стало быть знатно по видимому, что онъ Бородинъ тѣ казаконъ вборные деньги двѣсти рублей утаилъ у себя и для того икъ Бородинымъ въ тѣхъ деньгахъ и розыскивать; да и для того надлежитъ икъ Бородинымъ розыскивать, что онъ въ первомъ своемъ роспросе сказалъ тѣ деньги будто далъ безъ свидѣтелей а въ другомъ роспросе показалъ свидѣтелей и тѣ свидѣтели сказали не противъ ево Бородина ссылки“²⁾.

Задаровъ рѣшилъ также опросить и нѣкоторыхъ другихъ казаконъ, въ показаніяхъ которыхъ явилось разногласіе. Дѣло въ томъ, что до пріѣзда Кроткова на Яикъ многіе казаки обвиняли его въ вымогательствѣ и взяткахъ, но съ пріѣздомъ Кроткова стали отказываться отъ этихъ показаній. Было-ли это результатомъ боязни пытокъ или воздѣйствія на нихъ Кроткова — невѣстно, но фактъ тотъ, что такихъ противорѣчивыхъ показаній оказалось нѣсколько. Такія показанія были у казака Федора Силишнина въ дачѣ Кроткову 10 лисиць и лисьяго лапчатого мѣха и другіе.

Предъ лицомъ розыскаго канцеляріи явился виновнымъ и пріпорщикъ Кротковъ. Его нужно было разспросить: „для чего онъ въ Государственной Военной Коллегіи сказалъ подъ присягою и подъ штрафомъ военнаго суда, что онъ съ яцаннхъ казаконъ денегъ не бировалъ, а на Яике противъ роспросу бншаго атамана Никиты Бородина сказалъ: у него де Бородина денегъ дву сотъ рублей не принимавалъ а приносилъ де онъ Бородинъ къ нему денегъ мштовъ можетъ быть что двѣсти рубленъ и было, и тѣ деньги были за войсковон печатью, а тоякое-ль число счетомъ не знаетъ, и тѣми деньгачи ево превентовали, и оставя тѣ деньги на квартирѣ ево, пошши, и признавъ онъ, Кротковъ, оного Бородина на другой или на третей день после того приносу съ

¹⁾ Тамъ-же, листы 452—453.

²⁾ Тамъ-же, листъ 453.

старшинани тѣ деньги за войсковою печатью отдалъ. И потому стало бить что онъ Кротковъ такие деньги принявъ держалъ у себя и о томъ было ему Кроткову надлежало сказать въ допросе въ Военной Коллегіи, что онъ такие деньги принявъ и после отдалъ а не заиратца¹⁾.

Ввиду вторичнаго заявленія Кроткова на канцеляриста Тарабннина слѣдственная канцелярія рѣшила все слѣдственное дѣло „отдать иному подъячему а канцеляриста противъ того доношенія допросить а именно: къ Кроткову инструкцію приносили-ли и давали ли казакамъ списковъ съ дѣлъ и кого Кротковъ ихъ имая въ домъ свой призывалъ для наученія и для какова?“²⁾.

Узнавъ объ этомъ постановленіи канцелярія, Тарабннинъ въ тотъ-же день подалъ въ свою очередь доношеніе на Кроткова.

„Изъ Государственной Военной Коллегіи съ указомъ присланъ на Яикъ подъ арестомъ прапорщикъ Егоръ Кроткой, — писалъ Тарабннинъ, — и велено по показаннымъ дѣламъ на него отъ Яицкихъ казаковъ чинить розыскъ и надъ нимъ держать оegerъ и крикъ-рехтъ и ежели дойдетъ до розыску то и розыскивать; и оной Кроткой пришедъ на Яикъ въ розыскную канцелярію при повеленныхъ Военной Коллегіи судяхъ называлъ меня воромъ и бранилъ всякою неподобною бранью и говорилъ будто я переписываю допросы Яицкихъ казаковъ которые по ево Кроткову слѣдствию касаетца; а я присланъ изъ Государственной Военной Коллегіи для свѣдѣнія и розыску со учиненною выпискою, въ которой выписке касаетца до него Кроткова дѣла и по тѣмъ дѣламъ кого надлежитъ допрашивать и тѣ люди допрашиваны при повеленныхъ у того дѣла судяхъ, а не одинъ; и по тѣмъ ево Кроткова дѣламъ учинена выписка и по слушанью учиненъ приговоръ. И сентября де 28-го числа оной же Егоръ Кроткой пришедъ въ канцелярію и при судяхъ кричалъ, что бѣ меня отдать подъ караулъ и выслать изъ канцеляріи вонъ для того, что будто касаетца до меня Его Императорскаго Величества интересъ и есть де у него о интересе доношеніе. И того жъ часу выславъ я вонъ и онъ Кроткой подавалъ доношеніе, и то доношеніе слушено, и въ томъ доношеніи знатно вачего ни малого во интересу не показалось; и те доношеніе въ то число у него не принято а ежели бѣ явилось какое дѣло о интересе то бѣ надлежало принять того часу и слѣдовать; а я за собою никакого Его Императорскаго Величества интересу не имѣю и воровства моего нигдѣ не явилось, а ежели бѣ явилось то я у дѣлъ ни указахъ такимъ быть не надлежало. И что бѣ повелево было мое доношеніе на Яикъ принять въ розыскную канцелярію для вѣдома а о выписанномъ ево Кроткова о чемъ отъ меня показано будетъ просить впредъ гдѣ надлежитъ“³⁾.

На другой день послѣ этого 29 сентября бывшій атаманъ Никита Вороданъ былъ приведенъ въ застѣнокъ и въ присутствіи Захарова и остальныхъ судій

¹⁾ Тамъ-же, листъ 454.

²⁾ Тамъ-же, листъ 456.

³⁾ Тамъ-же, листъ 456.

„былъ пытанъ и съ пытки говорилъ что оны сборныхъ войсковыхъ денегъ двести рублей въ бытность на Яикѣ Егора Кроткова отнесъ и отдалъ подлинно ему Кроткову“¹⁾).

Стали допрашивать подъ пытками казака Федора Сялишнина. Онъ подтвердилъ свое прежнее показаніе и говорилъ, что въ бытность на Яикѣ Егора Кроткова онъ дѣйствительно взялъ у казака Ивана Семенова шѣхъ лисій и подлинно отнесъ Кроткову а отъ того-же казака Семенова десяти лисидъ не бралъ и Кроткову не относилъ.

Послѣ этихъ показаній подъ пытками по закову того времени считалось, что показанія Бородина и Сялишнина являются правильными и потому Кротковъ по постановленію розыскаго канцеляріи былъ, какъ виновный во взяткахъ, отдавъ въ тотъ-же день подъ караулъ.

На другой день, 30 сентября, былъ допрошенъ канцеляристъ Илья Тарабннннъ.

„По многой прозбѣ прапорщика Егора Кроткова, говорилъ Тарабннннъ, носилъ я на квартиру къ нему Егору списокъ съ инструкціи безъ судейскихъ рукъ, которой списокъ²⁾ учиненъ у меня для дѣлъ, у которыхъ дѣлъ нѣтъ на Яикѣ битъ велено; и ему казалъ и оставилъ у него на квартире; и на другой день тотъ списокъ оной Кроткой нѣтъ отдалъ, а списка ему Егору съ того списка не даывалъ, и онъ съ того списка списывалъ-ли того не знаю. А подлинной инструкціи, которая дана изъ Военной Коллегіи, ему Егору не казывалъ и на квартиру къ нему не навшивалъ, повсеже та инструкція подлинная содержится у определенныхъ судей; а казакомъ Яцкиемъ и никому съ дѣлъ списковъ никакихъ не даывалъ. А что оной Кроткой написалъ въ доношеніи будто я говорилъ ему Кроткову, что онъ Кроткой забираетъ къ себѣ на квартиру казаковъ, которые показанъ на него въ челобитьѣ и устранивая ихъ-велеть въ допросехъ отпиратца, и я такихъ словъ ему Кроткову не говорилъ а говорилъ ему я въ канцеляріи, что онъ Кроткой казаковъ которые въ дѣле показаны на него призываетъ прежде допросовъ въ канцеляріи къ себѣ на квартиру для того, что по призыву его Кроткова былъ у него на квартире и засталъ у него 3) вицеаго казака Емельяна Силкина которой написалъ въ челобитьѣ Яцкиихъ казаковъ, что онъ Егоръ взялъ съ него денегъ семь рублей и въ тѣхъ деньгахъ онъ Силкинъ заперся после того какъ онъ у него былъ на квартире, а ему Егору прежде канцелярскаго допросу того казака и признавать было не надлежало; а другихъ казаковъ которые этому приличны онъ Егоръ къ себѣ признавалъ-ли того не знаю“³⁾).

Для улики канцеляриста въ тотъ же день вызвали Кроткова, но онъ „въ улику управствомъ ничего не сказалъ а говорилъ что онъ его уличить и говорить не можетъ потому, что онъ Кротковъ, битъ, а кто его билъ ничего не сказалъ и боя никакого не показалъ“⁴⁾).

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Списокъ, т. е. копія съ подлинной бумаги.

³⁾ Тамъ-же, листы 456—457.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 457.

Ввиду этого заявления по приговору розыскной канцелярии 2 октября приказано было взять сказку у караульного офицера въ томъ, что не былъ-ли кто прапорщика Кроткова, а бывшему при командѣ Захарова лекарю въвиду Иадриху Шаллеру приказано было его осмотрѣть.

На это постановленіе караульный сфидеръ капитанъ Брунштетъ, вызванный въ канцелярію, въ своей сказкѣ показала, что Егоръ Кротковъ содержится подѣ карауломъ съ 29 сентября и что когда его потребовала канцелярія для розыска, то Брунштетъ приказалъ его проводить въ канцелярію и обратно караульными солдатами, „которые за нимъ были на фатеру, гдѣ онъ содержится подѣ карауломъ, и по прежнему подѣ карауломъ отвели и никто его Кроткова не бивалъ и жалобъ отъ него Кроткова о бою никакого не слышалъ“¹⁾.

Когда же полковой лекарь въ сопровожденіи капитана Усольма пришелъ на квартиру къ Кроткову, чтобы „досмотрѣть прапорщика, что какая на немъ болѣзнь“, то Кроткой никакой ему болѣзни не показалъ, а сказалъ лишь, что онъ битъ.

Лекарь сталъ говорить, ему чтобы онъ показалъ, гдѣ онъ битъ. Но Кротковъ ему ничего не показалъ и показать отказался²⁾.

На другой день караульному уатеръ-офицеру Вологодскаго полка Охоту Некрасову велѣно было снова привести въ канцелярію Кроткова для допроса, почему онъ въ Военной Коллегіи показалъ, что денегъ съ казаковъ не бяривалъ, тогда какъ казенн его во многомъ увеличили.

Но посланный возвратился въ канцелярію безъ Кроткова. Онъ не пошелъ, а сказалъ Некрасову, что идти не можетъ. Снова послали полкового лекаря Шаллера осмотрѣть Кроткова. Лекарь осмотрѣлъ и подалъ въ канцелярію письмо, въ которомъ написалъ:

— „Октября 3 дня посланъ я былъ изъ розыскной канцеляріи къ прапорщику Егору Кроткову досмотреть на немъ болѣзнь, и я къ нему пришелъ и сталъ ему, Кроткову, говорить: покажи свою болѣзнь? И оной Кротковъ отвѣтствовалъ: Я тебѣ не покажу, я битъ. И въ то число былъ у него подпрапорщикъ Кудрявцевъ. Также и при часовомъ (спрашивалъ), что ты покажи гдѣ у тебя битой и онъ Кроткой ничего мнѣ не показалъ“³⁾.

Чего хотѣлъ добаться Кротковъ заявленіемъ, что онъ былъ избитъ, когда въ дѣйствительности этого не было—трудно сказать. Желалъ-ли онъ запутать не только судей, но и членовъ команды Захарова, чтобы осложнить дѣло или какія либо другія побужденія руководили Кротковымъ, но онъ послѣ подачи 28 сентября жалобы въ Военную Коллегію упрямо не желалъ болѣе отвѣчать и на одинъ вопросъ и не выходилъ на судъ и слѣдствіе.

Захаровъ не смущался этимъ обстоятельствомъ. Онъ строго придерживался буквы закона. На основаніи полученнаго имъ 3 апрѣля 1724 года указа въ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 458.

²⁾ Тамъ-же, листъ 457.

³⁾ Тамъ-же, листъ 458.

Воевной Коллегіи (отъ 23 декабря 1723 г.), гдѣ подтверждалось ему строго придерживаться инструкціи Захаровъ, согласно пункта 3, 4 и 5 этой инструкціи ¹⁾, 16 октября вмѣстѣ съ товарищами сдѣлалъ приговоръ: „Надъ оными присланными прапорщикомъ Егоромъ Кроткимъ держать крикъ-рехтъ ²⁾ и бретающимися на Янке при команде при роткахъ офицерами, для того, что по присланному Его Императорскаго Величества указу и по приговору государственной Воевной Коллегіи, велено по присланнымъ съ Янку доношенію и изъ дѣлъ экстрактахъ, по которымъ показано на прапорщика Кроткова во взяткахъ съ нихъ Янцкихъ казаковъ размыскать и съ очныхъ ставокъ оныя Янцкіе казаки уличали а прапорщика Кроткой во всемъ заперался; а повеже надъ военными чинами во всякихъ преступленіяхъ повелено держать фергеры и крикъ рехты и по тѣмъ крикъ рехтамъ ежели кто доидеть до розыску то и розысквать и пытать, а оной Кротковъ, говорилось дагдѣ въ приговорѣ, въ тѣхъ вышепоказанныхъ взяткахъ въ Воевной Коллегіи заперался такъ-же и нынѣ на Янкѣ запирается... И по тѣмъ показаннымъ статьямъ ва него Кроткова отъ казаковъ во взяткахъ такъ-же и въ его Кроткова ослушаніи, что онъ по послыжѣ въ канцелярію не пошелъ и сказалъ на себѣ болезнь, что будто битъ и итти не можетъ и тѣхъ битыхъ имѣтъ посланному лекарю осмотрѣть не даль—держать крикъ-рехтъ“ ³⁾.

Далѣе изъ этого дѣла видно, что приговоръ былъ посланъ при ордерѣ къ капитану Усвалту съ экстрактомъ слѣдственнаго нада Кротковымъ дѣла и съ копіей присланнаго 23 декабря 1723 г. указа изъ Воевной Коллегіи. Ему же вмѣстѣ съ дѣломъ послали и копію жалобы Кроткова поданной имъ 28 сентября на имя Воевной Коллегіи.

Капитану приказывалось держать надъ Кротковымъ крикъ-рехтъ по военному артикулу и уставу; для этого ему предлагалось быть „презусомъ за маэора, асесорамъ за капитановъ—поручикомъ Нормадкому да Огору (3), за поручиковъ—прапорщикомъ Скрыбину да Швеву, за прапорщиковъ—унтеръ офицерамъ Минлеру да Пущешникову“.

„А какъ оной крикъ-рехтъ содержанъ и оконченъ у нихъ будетъ, говорилось въ ордерѣ, чтобъ подать въ розыскную канцелярію“.

Но не долго продолжался назначенный Захаровымъ судъ надъ Кротковымъ.

При первомъ-же требованіи, явившись въ судъ Кротковъ заявилъ презуеу суда капитану Усвалту, что онъ имѣетъ подозреніе на Захарова и всю розыскную канцелярію и въ судъ онъ не пойдетъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ подалъ доношеніе въ Военную Коллегію, гдѣ говорилъ, что какъ на полковника Захарова, такъ и на остальныхъ чиновъ розыскной канцеляріи онъ имѣетъ подо-

¹⁾ См. 720 страницку настоящаго очерка.

²⁾ Военный судъ.

³⁾ Тамъ-же, листъ 458.

зрѣніе и просилъ,—чтобъ поэтому его дѣло было передано въ другой судъ; судьями-же онъ просилъ назначить казанскаго гарнизона полуполковника Анненкова и самарскаго маіора Кушникава ¹⁾).

Захаровъ рѣшилъ судъ надъ Кротковымъ прекратить и донести объ этомъ въ Военную Коллегію.

Одновременно съ этимъ велся вторичный розыскъ надъ фискаломъ Путнловымъ. Онъ оказался менѣе изворотливымъ чѣмъ Кротковъ и отъ пытки уклониться не сумѣлъ. Приведенный въ застѣнокъ онъ во всѣхъ „показанныхъ на него отъ Яицкихъ казаковъ взяткахъ а имянно въ деньгахъ семидесяти рублехъ такоже и въ вышписанныхъ статьяхъ ²⁾ о которыхъ онъ заперался такъ-же и харчъ и питье бралъ и въ томъ во всемъ по приводу его въ застѣнокъ вывился ³⁾).

У фискала были арестованы всѣ „его животы и двory“ въ Сибирскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Козмыльѣ ⁴⁾ девять дворовъ съ полутретью дворомъ и сверхъ того гдѣ явятся ⁵⁾.

29 ноября, окончивъ слѣдствіе, Захаровъ донесъ объ этомъ въ Военную Коллегію и приложилъ въ дѣла экстрактъ. Излагая въ донесеніи всѣ показанія и улики казаковъ противъ Кроткова и Путнлова, онъ просилъ указанія, какъ поступить ему въ дальнѣйшемъ съ прапорщикомъ Кротковымъ ⁴⁾).

Въ ноябрѣ-же была окончена и перепись войска. Всѣ черновыя казачьи показанія были переписаны въ особую книгу, гдѣ казаки были распределены по сотнямъ и десяткамъ. Въ концѣ книги прописью сдѣлавъ итогъ:

„Всего по сей книгѣ атаманъ и казаковъ въ службу годныхъ три тысячи сто девяносто пять, отставныхъ девяти девятнадцать, казачьихъ дѣтей и братьевъ, племянниковъ и шурьевъ за малыми лѣты въ службу не годныхъ девять тысячъ триста пятьдесятъ семь, уршлыхъ, которые живутъ своими дворами в у казаковъ батраковъ и работниковъ триста двадцать четыре; у нихъ дѣтей двадцать шесть, пасынковъ одинъ, вучачъ два, всего вышписанныхъ шесть тысячъ сто двадцать четыре человека да сверхъ вышписаннаго числа послѣ поданнаго отъ атамана списка бѣглыхъ сто двѣнадцать; умершихъ пятьдесятъ четыре ⁵⁾.“

Всѣ годные къ службѣ казаки были раздѣлены на 32 сотни. При чемъ татары и калмыки образовали двѣ отдѣльныхъ сотни. Каждая сотня была разбита на 10 десятковъ, во главѣ каждого десятка стоялъ десятникъ, десят-

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 1, часть 5, книга 196, дѣло 734, листъ 486.

²⁾ По всѣмъ статьямъ обвиненія во взяткахъ.

³⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 121, часть 2, сляка 23, дѣло 27, листъ 16. Экстрактъ изъ слѣдствія надъ фискаломъ Путнловымъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 734, листы 136—137. Донесеніе и экстрактъ были получены въ Петербургъ только 1 февраля 1725 г.

⁵⁾ Тамъ-же, опись 107, кн. 27, листъ 318. Эта цифра казаковъ не складывается съ данными, показанными В. П. Воронинскимъ, который, не имѣя подлинныхъ документовъ, вѣроятно, былъ невольно вовлеченъ въ заблужденіе благодаря ошибкѣ писцовъ, переписывавшихъ Хорошину списокъ казаковъ.

никъ перваго десятка одновременно былъ и сотникомъ. Всѣ старшины и войсковые есаулы изъ рядовъ не выделялись и входили въ составъ какойнибудь сотни.

Въ составъ годныхъ къ службѣ казаковъ вошли всѣ казаки въ возрастѣ отъ 16—17 лѣтъ, способные носить оружіе. Предѣльнаго возраста для службъ не было, служили до глубокой старости, пока не измѣняли силы, если болѣзнь или какое либо увѣчье не заставляли казака бросить строй рябѣ.

Любопытно, что раздѣленіе казаковъ по сотнямъ было произведено неравномерно ¹⁾. Такъ въ нѣкоторыхъ сотняхъ было всего 73 человѣка (8 сотня), въ другихъ-же болѣе ста (151 человѣкъ въ 26 сотнѣ). Причины этому найти весьма трудно. Интересно то, что въ 26 сотнѣ записана исключительно почти одна молодежь и въ ней же почему то поставлено нѣсколько человѣкъ отставныхъ казаковъ. Не была-ли это сотня для подготовки и обученія молодежи воинскому дѣлу отданная подъ наблюденіе болѣе опытныхъ, отставныхъ казаковъ?

Но это предположеніе остается только догадкой.

Изъ всѣхъ показаній казаковъ Захаровъ составилъ краткій экстрактъ, въ которомъ распредѣлялъ казаковъ по ихъ бывшему общественному положенію (въ крестьянъ, стрѣльцовъ и др.) и по національностямъ, который и представилъ въ Военную Коллегію [26] ²⁾.

Какъ ни суха перепись Захарова, но внимательно присматриваясь къ ней, можно уловить нѣкоторыя любопытныя подробности.

Видно, что бѣжавшіе крестьяне уходили изъ тѣхъ волостей и городовъ, гдѣ казакамъ чаще всего приходилось бывать. Этими мѣстами служили тѣ города, которые лежали на старомъ пути, ведущемъ съ Яика въ Москву, Алатырь, Самара, Арамакъ, Нижній-Новгородъ съ ихъ уѣздами—это главныя поставщики казачества на вольный Яикъ. Къ нимъ-же нужно причислить и г. Казань, гдѣ бывали казаки чаще, чѣмъ даже въ Москвѣ. Проѣзжая мимо этихъ городовъ съ зимними и легкими станицами, а также и въ походы, направлялась предварительно къ Москвѣ, гдѣ походныя станицы получали походное жалованье и дальнѣйшее назначеніе, яцкіе казаки своимъ вольнымъ видомъ, такъ и своими разсказами о своемъ удачномъ житіи безъ боярской опеки, безъ привазныхъ людей, безъ помѣщиковъ, конечно, возбуждали интересъ, и злѣбный униженный крестьянинъ невольно мысленно переносился въ благодатныя казачьи края. Полная свобода такихъ-же, какъ и онъ, бывшихъ когда то крѣпостныхъ, которыхъ правительство не только не преслѣдуетъ, но даже жалуетъ, будить въ немъ завѣтную и заветную мечту быть такимъ-же вольнымъ, какъ и они—это не признающіе ни баръ, ни помѣщиковъ лихіе казаки. Отчего-бы и ему не быть казакомъ? Отчего-же-бы и ему не быть вольнымъ человѣкомъ? Идутъ разпросы: можно-ли пробраться на Яикъ, найдеть ли его тамъ помѣщикъ, выдадутъ-ли его казаки? Онъ узнаеть, что пробраться туда можно, что ка-

¹⁾ См. приложение УП, ст 46 приложений.

²⁾ Тамъ же, приложения III, IV, V, VI.

заяки никого изъ бѣглыхъ не выдаютъ, что каждому пришельцу войско радо, ибо на Яикѣ малоллюдно. И послѣ перваго-же разговора, послѣ перрой-же встрѣчи съ казакомъ у болѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ судьба рѣшалась—они бѣжали, уходили въ обѣтованные вольные края, шли казаковать. Крупными штрихами выдѣляются изъ черенки цѣлыя семьи ушедшихъ на волю людей. Бѣжить вначалѣ дѣлалъ или отецъ или старшій братъ, а затѣмъ черезъ годъ или два бѣжить вся семья. Многіе бѣжали глубокими стариками,—должно быть, горько приходилось въ родной сторонѣ.

Но не всѣ бѣжавшіе на Яикъ становились казаками. За пришедшимъ долго наблюдали, слѣдили за нимъ, прежде чѣмъ рѣшались приверстать въ казаки. Приверстываніе прибывшихъ на Яикъ случалось не всегда въ первый-же годъ ихъ побѣга, нѣкоторымъ это удавалось сдѣлатьъ черезъ годъ, другимъ черезъ два, а нѣкоторые-же жили на Яикѣ до девяти лѣтъ, прежде чѣмъ попадали въ казачество; другіе же оставались навсегда только бѣглецами, а въ казачество не приверстывались. Краснорѣчивыми данными для этого, кромѣ показанія казаковъ, служатъ показанія иногороднихъ. Многіе изъ нихъ бѣжали на Яикъ (безъ паспортовъ) далеко до пріѣзда туда Захарова, но бѣжали, очевидно, съ цѣлью попасть въ казаки, но перепись застаётъ ихъ, какъ работниковъ у казаковъ, безъ какой-бы то ни было надежды быть когда нибудь казакомъ.

Оригинально въ показаніяхъ и то, что возрастъ малолѣтнихъ дѣтей казаки въ своихъ показаніяхъ показываютъ или годами или недѣлями, но не мѣсяцами, напримѣръ: полтора года, полгода, сорокъ недѣль, пятьдесятъ недѣль, двѣнадцать недѣль и т. п.

Бѣжалъ народъ на Яикъ неравно, бѣжалъ въ особенно тяжелые годы государства, которые аккуратно приходились черезъ каждые десять лѣтъ, въ годы, оканчивающіеся цифрой 3—1623, 1643 и т. д. до 1703 года и особенно въ царствованіе Петра ¹⁾.

На это вліяли различныя причины, совпадавшія съ этими годами. Исправленіе церковныхъ книгъ, войны съ Польшою и Швеціею (1661—1666), бунтъ Стеньки Разина, изложеніе Никона и словенское возмущеніе (1673—1678), двоевластіе и правленіе Софіи, волненіе стрѣльцовъ (1679—1684) и бунты стрѣльцовъ, рекрутскіе наборы, булавинскій бунтъ въ эпоху Петра—вотъ причины, давшія толчокъ цѣлой волнѣ переселенцевъ на далекій Яикъ.

Правда, списки Захарова не представляютъ собою полностию всѣхъ пребывавшихъ на Яикѣ. Они захватили только бѣглецовъ уже болѣе поздняго времени; старинные же Яикіе казаки, пришедшіе съ атаманомъ Гугнею и Матюшей Мещерякомъ, а такъ-же и участники Смоленскаго похода (въ 1633 г.)—всѣ они эти казаки—рыцари не оставили по себѣ потомства. Они жили, какъ запорожцы, вольною общиною, куда женщаны не допускались ²⁾. Они казаковали,

¹⁾ См. приложение IV, страницу 24 приложений.

²⁾ Первый разъ упоминаніе о семейныхъ казакахъ встрѣчается лишь въ 1630 году.

гибли въ схваткахъ и порѣдѣлые ряды ихъ пополнялись снова такими-же энергичными искателями приволья, какъ и они, — пополнялись постояннымъ наплывомъ изъ Руси. И этотъ наплывъ такъ-же исчезалъ и погибалъ на Яикѣ, не оставивъ потомства, чтобы дать мѣсто другой, третьей волнѣ такихъ же удалцовъ. Потомковъ этихъ старинныхъ яцкихъ казаковъ во время Захарова было всего на всего 74 человека (до бѣжавшихъ на Яикъ съ 1699 г., когда казаки уже помнятъ мѣста роины своихъ дѣдовъ и отцовъ). Семейная жизнь развивалась на Яикѣ въ широкомъ размѣрѣ лишь съ болѣе поздняго времени, приблизительно со второй половины XVI вѣка.

Имена казаковъ этой лихой вольницы, не оставившей потомковъ, дошли до насъ лишь въ единственномъ списокѣ составленномъ Богданомъ Зибеннымъ въ 1633 году, и ярко рисуящемъ намъ тотъ элементъ, изъ какого складывалось тогда казачество. Это были выходцы со всѣхъ концовъ Руси, со всѣхъ границъ и рубежей, слетѣвшіе, какъ орлы, на вольный Яикъ и основавшіе тамъ свое орлиное гнѣздо.

Казачество на Яикѣ пополнялось не одними бѣглецами. Въ его ряды вступали и всѣ плѣнники, разъ они изъявляли желаніе креститься. Плѣнный не былъ рабомъ. Въ вольномъ казачьемъ братствѣ деспотизмъ и насиліе были нестерпимы, никто тамъ не былъ ни рабомъ, ни господиномъ. Прибывъ на Яикъ, плѣнный исполнялъ всевозможныя работы, которыя давалъ ему хозяинъ или войско, — но это было не рабство. Это было скорѣе товарищество. Достаточно было такому плѣннику изъявить согласіе быть православнымъ и онъ являлся полноправнымъ членомъ казачьей семьи — становился казакомъ.

И такими плѣнниками — казаками цестрять списки Захарова. Тутъ есть казаки изъ поляковъ (51), мордвыны (7 ч.), шведы (4), вѣнцы (2), турки (2), волохи (итальянцы) — (8), черемисы (1), чухонцы (1) — всѣ они крещены и зачислены въ казаки ¹⁾.

Въ числѣ казаковъ вмѣются и малороссійскіе казаки (черкасы) 17 человекъ и донцы (54 человекъ).

Фамилии всѣхъ казаковъ происходили изъ прозвищъ этихъ казаковъ. Въ прозвищахъ выливался весь юморъ тогдашняго казачества.

Прозвища: Голой, Азбучка, Безконной, Водрой, Большая Ворода, Большая Шапка, Вѣшенный, Глѣбшникъ, Жидкой, Захаровъ — зять, Коровья Шапка, Краденый, Малая Земля, Овсяной черезъ, Умною матери, Щучьей иври, Волгивъ Вуукъ и много другихъ ²⁾ — все это мѣткія слова по адресу казаковъ, чѣмъ либо выдѣлявшихся изъ общей среды. Казакъ „Умною матери“, вѣроятно, очень часто говорилъ о своей матери, какъ объ женщинѣ очень умной, и этого было достаточно, чтобы его окрестили этимъ прозвищемъ. Какойнибудь смѣшной случай съ другимъ казаконъ, происшедшій гдѣ нибудь во время лихого

¹⁾ См. приложение 26, списокъ Захарова.

²⁾ См. приложіе III, страницу 24.

набѣга на Волгѣ далъ поводъ назвать его „Волгинимъ внукомъ“. Иностранныя же фамиліи искажались немилосерднымъ образомъ. Такъ имя и фамилія итальянскаго выходца Марка Бруна дало его потомкамъ фамилію Маркабруновыхъ. Фамилія выѣзжаго вѣнца Гамильтона дала впоследствии, постепенно видоизмѣняясь, фамилію Хамутовыхъ.

Въ общемъ вся перепись Захарова представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ интересныхъ и драгоцѣнныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ, дающій намъ яркую картину того, изъ какого элемента составлялось тогда яицкое казачество.

Лишь только благодаря этой переписи, возможно разобраться въ этомъ интересномъ для насъ вопросѣ.

Г Л А В А ХХХ.

Станица Ивана Щелкина. Розыскъ Захарова по доносу Кроткова о киргизскихъ плѣнникахъ и хивинскомъ караванѣ. Выдача войску жалованья, пороха и свинца по новому окладу. Станица Василя Арапова. Отправленіе тысячи казаковъ въ низовый корпусъ. Ссылка 25 старшинъ въ Тобольскъ. Судъ надъ Воейковымъ и Кротковымъ. Результаты пребыванія Захарова на Яикѣ и памятники прошедшаго времени, сохранившіеся въ войскѣ. (1724—1725 г.).

Наступила новая зима, но дѣла на Яикѣ не измѣнились. Захаровъ хотя и окончилъ перепись, но все еще оставался въ городѣ, дожидаясь указа о выѣздѣ. Наступилъ декабрь — время отправки зимовой станицы съ царскимъ кусомъ. Въ войскѣ къ этому времени накопилось не мало дѣлъ, рѣшить которые могла только одна Военная Коллегія. Нужно было получить жалованье на войско, порохъ и свинецъ, и получить его не по старому казанскому окладу на 600 человекъ, а согласно произведенной переписи, на полное число казаковъ — на 3195 человекъ. Кроме того, войско рѣшило хлопотать о пожалованіи пушекъ, сгорѣвшихъ во время пожара, тѣмъ болѣе, что послѣ смотра пушекъ Захаровымъ по его заключенію войску наличныхъ пушекъ не хватало.

Предстояло и другое серьезное дѣло. Въ началѣ декабря войско получило грамоту о нарядѣ тысячи казаковъ къ крѣпости св. Креста на Терекъ. Грамота была написана 30 октября, но получена на Яикѣ 8 декабря. Въ грамотѣ, написанной по обычаю на имя войскового атамана и всего войска, между прочимъ говорилось „Велево въ Гялянъ нарядить нѣмъ нерегулярныхъ войскъ конныхъ и оружейныхъ казаковъ тысячу человекъ и чтобъ оны были нарядены и къ походу во всякой готовности, а въ мартѣ мѣсяцѣ предбудущаго 725 года или и ранѣе, ежели въ поляхъ трава будетъ, идтати оныи къ крѣпости Святого Креста, а именно черезъ Астрахань, и пріеждѣ нѣмъ всѣмъ къ появутой крѣпости явиться къ генералъ-лейтенанту *Матюшкину*, а въ небытность его къ генералъ-маіору *Кропотову*. А для того походу выдать нѣмъ яцкамъ казакамъ нашего Императорскаго Величества жалованья по три рубля челвѣку и дать нѣмъ тѣ деньги по указу изъ штатсъ-конторн откуда заспособиѣ та контора разсудеть, о чемъ въ томъ контору и къ генералъ-лейтенанту *Матюшкину* и къ генералъ-маіору *Кропотову* указы изъ Сената посланы“.

Далѣе въ грамотѣ говорилось, что за подъемнымъ жалованьемъ по три

рубля на казака войску надлежитъ послать съ Яика въ Казань „варочныхъ казаковъ по разсмотрѣнiю полковника Захарова съ товарищи, и вашего войскового атамана и казаковъ, которыхъ возможно вѣрить съ принадлежащихъ конвоемъ на своихъ подводахъ“¹⁾.

Но вмѣстѣ съ этою грамотою на Яикѣ была получена копія съ постановленія сената о нарядѣ другихъ нерегулярныхъ войскъ въ ту же крѣпость²⁾. Въ немъ говорилось, что додцамъ, наряженнымъ туда-же, надлежитъ выдать поденнаго жалованія по пяти рублей³⁾.

Это показалось яцкиимъ казакамъ несправедливымъ, — они несли службу одинаковую съ додцами, слѣдовательно и должны были бы получать и одинаковое жалованье.

Черезъ два дня по полученіи грамоты о нарядѣ казаковъ, войско уже выбрало походнаго атамана, есауловъ, старшинъ и казаковъ вдесятаго же числа снарядило зимовую станицу съ атаманомъ *Иваномъ Щелкимымъ*, всего десять человекъ, вручило имъ свои челобитныя и отправило въ Москву⁴⁾.

Но прежде, чѣмъ уѣхала зимовая станица въ Москву, сидѣвшій до сихъ поръ подъ карауломъ и не проявлявшій никакой дѣятельности прапорщикъ Кротковъ напоинялъ о своемъ существованіи.

Перваго декабря онъ подаль Захарову доносъ на этотъ разъ на войско. Поводомъ для этого послужили киргизскіе пѣвники, которыхъ нѣкоторые казаки держали несконными, и захватъ въ началѣ октября казаками-охотниками на рѣчкѣ Эмбѣ хивинскаго каравана.

Дѣло заключалось въ томъ, что въ концѣ сентября нѣсколько человекъ казаковъ во главѣ съ *Василіемъ Арановымъ* отпросились у атамана на рѣку Эмбу за звѣринымъ промысломъ. Въ числѣ охотниковъ („гулѣбщиковъ“) были казаки *Даша Булатовъ*, *Дмитрій Желтый*, *Герасимъ Ложиновъ*, *Сидоръ Фофановъ* и другіе. Всѣ они отправились съ Яика 24 сентября и остановились въ вершинахъ рѣки Эмбы. Въ то время, когда они занимались охотою, изъ калмыцкой орды подвигался торговый караванъ хивинца *Саты Балдуя*. При немъ находился калмычекъ *Мамбетъ Тарбедеевъ*, нанятый имъ за 7 рублей въ работники и купленный въ калмыцкой ордѣ киргизскій пѣвникъ *Енесей Шубасаровъ*. Весь караванъ состоялъ изъ одиннадцати верблюдовъ и двухъ лошадей. Въ числѣ товаровъ находились запрещенные къ вывозу и свободной продажѣ четырнадцать пудовъ рыбьяго клея и четыре ружья.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, связка 16, листъ 80. Грамота за № 4822.

²⁾ Одновременно съ 1000 чел. лицихъ казаковъ въ Визовый корпусъ Сенатомъ приказано было нарядить всѣхъ нерегулярныхъ войскъ доискихъ казаковъ 3 тыс., съ ними калмыкъ, кои у нихъ близъ Черкасского 500 чел., лицихъ казаковъ 1 тыс., бунчуковыхъ (валороссійскихъ) и съ ними добрыхъ казаковъ 2 тыс., и того девять тысячъ. (Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, св. 16, листы 64 и 65).

³⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба опись 47, кн. 14/1, листы 3 и 4. Постановленіе Сената 12 августа 1724 года № 4297.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 61; челобитная войска о нарядѣ казаковъ въ крѣпость святаго Креста отъ 10 декабря 1724 года.

Когда караванъ подошелъ къ вершинамъ Эмбъ, казаки-охотники напали на него и взяли въ плѣнъ.

Хивинецъ Волдуй, зная, что ему не миновать тяжелой доли, если казаки привезутъ его въ Русь, т. е. съ Хивью послѣ похода Вековича еще не было заключено мира, предлагалъ казакамъ уплатить въ калмыцкой ордѣ деньги, лишь бы они отпустили его на волю.

Но атаманъ Араповъ, возвратившись въ войско, предъявилъ собравшемуся кругу какъ хивинца, такъ и остальныхъ взятыхъ имъ плѣнниковъ, товары и верблюдовъ. При этомъ казаки Желѣзный и Логиновъ заявили войску, что хивинецъ предлагалъ имъ за откупъ пятьсотъ рублей. Меркульевъ доложилъ объ этомъ Захарову.

Послѣдній приказалъ ихъ опросить. Собранъ былъ снова кругъ и плѣнники показали:

„Одинъ человекъ сказался именемъ Саты Валдай, а родился онъ въ Хиве и отецъ его свезъ въ малыхъ лѣтахъ въ калмыцкую орду; другой сказалъ, что онъ наваялся у одного Саты Валды въ работники, а онъ де астраханскій татаринъ; а третьей сказалъ что онъ каракалпаченинъ и увиделъ его въ калмыцкой ордѣ оной хивинецъ Салты Валда“¹⁾.

Результаты этого допроса Меркульевъ доложилъ въ розыскную канцелярiю, гдѣ отъ майора Протасова получилъ приказъ „того хивинца держать за карауломъ въ крѣпи, до прѣзду на Янкъ казака Даши, который съ янцзини казакками поймалъ того хивинца и съ нимъ дву человекъ, а какъ оной Даша прѣдетъ, того хивинца послать въ государственную Военную Коллегiю“²⁾.

Атаманъ распорядился плѣнниковъ посадить подъ караулъ и заковалъ ихъ въ цѣпи. Верблюдовъ-же, лошадей, товары и ружья отдалъ подъ росписку казаку Герасиму Логинову и вскорѣ прибывшему потомъ на Янкъ Дашѣ Булатову.

Это обстоятельство въ связи съ находженiемъ у казаковъ въскольکو плѣнныхъ киргизъ и дало поводъ Кроткову подать доносъ.

„Слышалъ я, говорилъ Кротковъ въ своемъ доносѣ, что присланы указы изъ Государственной Военной Коллегiи на Янкъ такожъ и въ Казани отъ генерала Волконскаго чтобъ весьма быть опаснымъ—смотреть и предостерегать отъ башкирцовъ съ каракалпакъ и съ янцзини казакками общества (сообщества) и согласия къ воровству и къ изменѣ, и я увѣдомася чрезъ некоторыхъ, что на Янкѣ татаринъ казакъ Камлыбай и другіе держатъ у себя воровъ каракалпачковъ свободно, и ходятъ и ѣздятъ они поволи какъ и янцзини казакки, что причаю что они шпионы; я всегда каракалпакки немалымъ собравшемъ приходять подъ города и розоряютъ уѣзды и побиваютъ русскихъ людей и

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 263, дѣло 24. Экстрактъ Захарова изъ дѣла киргизскихъ плѣнникъ и о хивинскомъ караванѣ. Листы въ дѣлѣ не нумерованы.

²⁾ Тамъ-же, показаніе Меркульева.

въ половъ берутъ и запродаютъ въ Хиву и въ протчіе мѣста, что явно изобличается къ воровству и къ согласію, противъ вышесказанного, отъ чего Боже сохрани. И чтобъ повѣлено каракалпакѡвъ и хозяина ево Катлыбля взять и роспросить съ пристрастіемъ, и у кого еще у казакѡвъ есть въ такой же свободности каракалпаки и тѣхъ по томужъ забрать, а ежели вѣдая ставитъ заиритца то ихъ изобличу и покажу я къ доказательству" ¹⁾).

Это былъ первый пунктъ доноса. Вторымъ пунктомъ являлось обвиненіе Арапова и другихъ въ утайкѣ Хивинскаго шпіона.

— „Яицкіе казаки, говорилось въ этомъ пунктѣ, Петръ сынъ Железнаго съ товарищи взяли на рѣку Еябу, для поимки зверей, и взяли на дороге хивинца да примемъ служителей ево двухъ человекъ на десяти или болши верблюдахъ съ рыбнымъ клѣмъ и съ ружьемъ, и привезли ва Яикъ къ атаману Григорью Меркульеву, и тѣ люди въ розыскную канцелярію не взяты и не роспрашиваны, а тотъ хивинецъ какъ ево везли просилъ чтобъ ево не возли въ Яикъ и не казали, а сказали бъ друзьямъ ево ва Яикъ то имъ дадутъ за то пятьсотъ рублень, а ежели отвезете въ орду къ калмыкамъ то ядутъ тысячу рублень. И по тому я признаю что есть у яицкихъ казакѡвъ, у русскихъ и у татаръ, которые въ орде торгъ имѣютъ, такъ же и со онимъ хивинцомъ и съ протчими хивинцы торги и дружба; да и явно показуетца воровство потому, которой взять съ хивинцомъ клей а ему хивинцу клею и ружья взять негдѣ кромѣ что чрезъ яицкихъ казакѡвъ прямо или какими переводами. И чтобъ повелено было оного хивинца и служителей ево взять въ розыскную канцелярію немедленно и содержать подъ карауломъ, и оного казака Железнаго и товарищей ево, противъ вышесказаннаго, роспросить порознь и явно о всемъ въ застенке, изъ чего можетъ показатца немалое воровство; а взятой клей и ружья, что съ тѣмъ хивинцомъ взято, взять подъ караулъ и освидѣтельствовать какой тотъ клей севрюжей-ли или осетрей; а какъ хивинцы такъ и каракалпаки согласно Императорскому Величеству непрятеля. И въ вышесказанномъ, которые хотя мало приличатца, что бъ ихъ и меня при томъ ево довошеніи повело было бъ, съ кемъ надлежитъ, послать безъ задержанія въ Государственную Военную Коллегію. А что противъ посланныхъ указѡвъ чего велено смотрѣть и предостерегать накрепко и оное несмотрѣніе и неосторожность о вышесказанномъ въ какой слабости учинено и кто розыскной канцеляріи изъ судей опознанныхъ словахъ Железнаго былъ сведомъ и въ какой силе оставилъ, такожъ и о томъ я покажу обстоятельно въ Военной Коллегіи. А кого еще надлежитъ для посылки со мною въ Военную Коллегію для яснаго изобличенія и свидѣтельства подамъ именованъ ихъ за рукою роспись" ²⁾).

Кротковъ затѣялъ новое дѣло, стараясь запутать и очернить и Захарова

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга 268, дѣло 24.

²⁾ Тамъ-же. Всѣ дальнѣйшія сѣденія объ сѣдствіи Захарова по этому доносу взяты мною изъ дѣла Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга 268, дѣло 24. Листы изъ дѣла не пронумерованы.

и всю слѣдственную комиссію. Ему хотѣлось возможно скорѣе вырваться съ Янка, уйти отъ строгаго допроса и сыска Захарова. Тамъ на Руси у него были пріятель и онъ всегда могъ-бы найти тамъ болѣе повладистыхъ людей, чѣмъ Захарова.

Слѣдственный комиссіи предстояло снова заняться розыскомъ. Кротковъ подалъ списокъ казаковъ, которыхъ онъ обвинялъ въ сношеніяхъ съ хивяцами и каракалпаками, и требовалъ немедленнаго ихъ арестованія и опечатанія имущества.

Казаковъ и киргизъ арестовали, описали ихъ имущество и въ розыскной канцеляріи стали производить слѣдствіе.

Первымъ былъ допрошенъ казакъ татаринъ Котлыбай. Онъ заявилъ, что купилъ киргиза Тогузбая у яицкихъ казаковъ въ кругу за десять рублей для домашнихъ работъ и держитъ его у себя не скованнаго потому, что онъ вѣритъ ему, что онъ не увидитъ. Далѣе въ показаніи Котлыбай, боясь ответственности за то, что онъ хотѣлъ его отпустить обратно въ орду, сталъ говорить, что Тогузбая онъ назадъ „въ каракалпаки отпустить не хотѣлъ“ и что ни въ Хиву ни въ Вухару онъ для торговли не ѣздилъ.

Стала спрашивать Тогузбая. „Полопилъ меня казакъ Иванъ Щалкинъ, говорилъ плѣвнялъ, и продалъ яйцкому казаку татарину Котлыбай, и оной Котлыбай далъ за меня одиннадцать рублей и я ему Котлыбайю зять, и купилъ онъ Котлыбай съ первыхъ дней ковалъ меня въ железа и после усмотря мою работу ковать не сталъ, и жилъ я не скованъ; и оной Котлыбай хотѣлъ отпустить меня весной въ каракалпаки и хотѣлъ дать мнѣ лошадь. Да со мною взять еще въ полонъ братъ мой родной и живетъ на Янкѣ у казака Ивана Щалкина; и я того брата своего видѣлъ скована; да я же видѣлъ у яйцкаго казака Ивана Лобика свойственника своего каракалпаченія Утегена, которой взять въ полонъ со мною же, не скованнаго; и къ тому Утегеню я такъ же и тотъ Утегенъ ко мнѣ хаживали, и про то яйцкой казакъ татаринъ Котлыбай вѣдалъ; а для разоренія подъ рускіе города я не хаживалъ“.

Къ допросу позвали Ивана Лобика, но онъ былъ въ отъѣздѣ въ г. Самарѣ. Тогда для допроса позвали его племянника Кузьму Андреева. Онъ подтвердилъ, что у Лобика дѣйствительно есть каракалпаченнѣ Утегенъ, котораго онъ купилъ изъ войскаго круга за одиннадцать рублей. Что плѣвникъ ходитъ не скованнѣ и что онъ слышалъ, что Утегенъ приходится Лобикю свойственникомъ.

Захаровъ этия показанія придавалъ большое значеніе. Его поразило то обстоятельство, что киргизскіе плѣвники раслаживали на свободѣ и не были скованы, что являлось предъ его глазами преступленіемъ, т. е. киргизы считались вѣчными врагами и, какъ мы знаемъ, при поимѣ ссылались въ каторжныя работы.

Преступленіе было на лицѣ. Киргизскіе плѣвники ходили на свободѣ. Захаровъ командировалъ въ Самару для ареста Лобика и другаго казака татарина Кевека Кичкинеева, виновнаго въ сношеніяхъ съ хивяцами, утеръ-офицера, а имущество Лобика и Кевека были описаны. Слѣдствіе продолжалось дальше.

Стали расспрашивать бывших у Ивана Щелкина каркалпаковъ Вахтубая и Хузяка. Одному было пятнадцать, а другому шестнадцать лѣтъ. Оба они заявили, что взяли ихъ въ плѣнъ Щелкинъ и что оба они ходятъ не скованы и что Щелкинъ отпустить ихъ назадъ въ орду не обѣщаль.

Ввиду же заявленія Тогузбая, что Котлубай хотѣлъ отпустить его вольно на волю и даже дать коня, между ними была сдѣлана очная ставка.

Тогузбай подтвердилъ свое показаніе и рассказалъ, какъ тому назадъ лѣтъ съ двадцать Котлубай попалъ въ плѣнъ къ киргизамъ и что онъ со своими товарищами, человекъ шестьдесятъ, сложившись выкупили его за сто барановъ и отпустили на волю. И что теперь, когда яицкіе казаки привезли Тогузбая на Яикъ, то Котлубай въ благодарность за прежнее добро выкупилъ его у казаковъ и хотѣлъ въ свою очередь отпустить на волю, какъ сдѣлалъ съ нимъ когда-то Тогузбай.

Послѣ этого показанія Котлубай сознался, что дѣйствительно, когда ему было пятнадцать лѣтъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ киргизами, гдѣ пробылъ четыре года и что онъ дѣйствительно хотѣлъ отпустить Тогузбая на волю.

Ввиду признанія Котлубая у него такъ-же, какъ и у Лобика, были описаны всѣ пожитки, а онъ самъ былъ посаженъ подъ караулъ.

Черезъ нѣсколько дней привезенный съ Самары казакъ Лобикъ былъ допрошенъ и подтвердилъ показаніе своего племянника Кузьмы Андреева. Его посадили тоже подъ караулъ.

За нимъ было еще и другое дѣло по доносу Кроткова о новомъ хивинскомъ шпиона.

Первымъ по дѣлу о хивинскомъ караванѣ былъ допрошенъ Дмитрій Желѣзновъ (онъ-же Желѣзничій). Онъ рассказалъ все, что намъ уже извѣстно, добавивъ лишь, что хивинецъ Сата-балда по дорогѣ на Яикъ говорилъ ему:

„Если вы не привезете меня на Яикъ и не покажете казакамъ, то я дамъ вамъ пятьсотъ рублей, а для этого отпустите калмычнина Мамбета въ орду. Если-же его нельзя отпустить, то я хоть въ землѣ а деньги вамъ найду“.

На вопросъ-же Желѣзнова, гдѣ онъ найдетъ деньги въ землѣ, — хивинецъ отвѣтилъ, что если его не будутъ въ городѣ Яикѣ показывать и онъ „хотя ночью ходя на Яикъ по окошкамъ такія деньги сберетъ и ему такія деньги дадутъ“.

Вывшій съ Сата-балдой калмычанинъ Мамбетъ подтверждалъ Желѣзнову, что Сата-балду дѣйствительно хивинецъ и живетъ своимъ дворомъ и у него есть въ Хивѣ жена и братья. Желѣзновъ заявилъ, что весь этотъ разговоръ онъ рассказалъ въ кругу атаману Меркульеву.

Разпрошенный за нимъ Меркульевъ подтвердилъ все, уже намъ извѣстное по этому дѣлу, и рассказалъ что объ этомъ онъ своевременно доложилъ полковнику Захарову.

Атаманъ представлялъ въ комиссію и опись имущества, взятаго у хивинца. Ввиду-же того, что Кротковъ говорилъ, что клей былъ проданъ яицкими ка-

зачаи, Захаровъ сталъ разспрашивать о клеѣ. Но Меркульевъ, Даша Булатовъ и Герасимъ Логиновъ сказали, что у нихъ на Яикѣ клеѣй такимъ образомъ не дѣлаютъ, „а дѣлаютъ такой образецъ въ калмыцкой ордѣ, а у нихъ на Яикѣ дѣлаетца клеѣй скобчетой, что называется карлуштчетой“.

Въ разныиую канцелярію позвали Саты-балду. Хивинцу не хотѣлось сознаться, что онъ хивинецъ. Онъ зналъ, что онъ попадетъ въ тюрьму, хивинцевъ въ Русь послѣ похода Бекевича не пускали. Это были враги. Онъ сталъ говорить неправду. „Родиною я города Тибольска, и съ отцомъ своимъ изъ того города пришелъ въ Казань, и изъ Казани съѣхалъ въ Астрахань тому лѣтъ съ тридцать; и нынѣ, тому осмой годъ, изъ Астрахани пришелъ я въ калмыцкую орду къ хану я изъ той орды ѣзжалъ въ Хиву прежде сего три раза для торговъ своихъ, и живалъ по мѣсяцу; и ныне изъ той орды поѣхалъ было въ Хиву для торгу съ товарами а имянно повезъ клеѣй и повезъ верблюды, и на дороге поймали меня яцкии казаки. Да со мною же былъ пойманъ киргизецъ хана калмыцкаго человекъ, и тотъ киргизецъ ушелъ и гдѣ нынѣ не знаю; и прежде сего ѣзжалъ я въ Хиву а товаръ важивалъ верблюды, и лошади, и юфть красвою. А которые четыре ружья взяты нынѣ со мною и тѣ ружья не мои, а онаго киргизца; а прежда сего прѣживалъ я на Яикѣ для торговли тому лѣтъ съ двенатцать, и живъ три дня поѣхалъ въ орду; а какъ нынѣ взяли меня Яцкии казаки и просили пять сотъ рублей и я давалъ имъ двѣсти рублей; а что бѣ меня отвезли въ орду, то дамъ тысячу рублей такихъ словъ тѣмъ казакамъ не говаривалъ; а которые со мною взятые люди и тѣ люди одинъ калмыкъ изъ орды, и того калмыка нанялъ я для походу въ Хиву а ридилъ ему денегъ семь рублей; а другой купленной мною каракалпаченинъ; а купилъ я того каракалпаченина въ калмыцкой ордѣ. А что нынѣ у хивинцовъ и бухарцовъ съ Его Императорскаго Величества содержитца война я вѣдалъ; а на Яикѣ нынѣ у меня знакомцовъ рускихъ и татаръ никого нѣтъ“.

Спросили Мембета. Онъ подтверждалъ показанія Саты-балды и сказалъ, что онъ уже ѣздилъ одинъ разъ съ Саты балдою въ Хиву и возили туда товаръ воскъ и „краску лавру“ и что у Саты-балды есть въ Хивѣ дворъ, жена и братъ. Что четыре ружья, которыя они везли для продажи въ Хиву, были куплены въ Гурьевъ-городѣ, и что Саты-балда говорилъ яцкимъ казакамъ, чтобъ взятые съ нимъ ружья на Яикѣ никому не объявлять и за то сулилъ казакамъ денегъ двѣсти, а хотабы и триста рублей, и эти деньги хотѣлъ взять въ калмыцкой ордѣ. Слышалъ онъ также отъ своего хозяина, что на Яикѣ у него есть знакомые казаки—татаринъ Кекекей да Иванъ Чухоръ ¹⁾, у которыхъ онъ будетъ просить денегъ на выкупъ, и что Иванъ Чухоръ человекъ богатый.

¹⁾ Имяемъ Чухоръ назывался у калмыковъ неистинный или казакъ Иванъ Сидоровъ Лобкинъ. Чухоръ—это его прозвище до крещенія. (Тамъ-же, смъ показаній Лобкина).

Сирошенный карабалпаченивъ Есенеи сказалъ, что въ прошломъ году половили его калмыки и продали хивянцу Саты-балдѣ, и они поѣхали въ Хиву, но по дорогѣ ихъ поймали янцзие казаки.

Послѣ этихъ показаній Саты балду поставили съ калмыкомъ и съ работникомъ на очную ставку. Но несмотря на улики, хивянецъ отказывался отъ своего происхожденія и говорилъ, что онъ татаринъ изъ Тобольска.

Тогда его повели въ застѣнокъ и стали пытать.

Послѣ первой-же пытки онъ сознался и „съ пытки говорилъ: отецъ ево и онъ Саты балдуй родиною хивянци и родился онъ Саты-балдуй въ Хиве, и братъ матера ево живетъ нынѣ въ Хивѣжъ, а жены у него въ Хивѣ нѣтъ, а что онъ въ роспросѣ своемъ сказалъ что будто онъ и отецъ ево изъ Тобольска и то онъ говорилъ напрасно; и живучи онъ изъ Хивы ѣзжалъ для торговъ своихъ въ Москву, и въ Казань, и въ Астрахань съ товарами такъ же и на Яикъ прѣзжалъ; а знакомцы ему на Яикѣ янцзие казаки татаринъ Кезекей Кечкенѣвъ да татаринъ Мельчей да Иванъ Чухоръ потому оной татаринъ Кезекей бывъ въ калмыцкой орде сказывалъ ему что онъ нынѣ ибѣтъ торгъ съ хивянци и нынѣ послалъ въ Хиву семь сотъ порешняъ ¹⁾ съ казанскимъ татаринкомъ съ Ишкою, а тѣ порешни куплены на макарьевской ярмарке, а больши того нынѣ словъ отъ него Кезекея онъ не слыжалъ; да ему жъ Саты-балде какъ онъ былъ въ калмыцкой орде сказывалъ Даржина улусу татаринъ Анткулъ Мерьгенетъ сывъ, что янцзой казакъ Иванъ Чухоръ далъ брату ево татарину Менле на верблюде вывѣкъ товару а какой тотъ товаръ не слыжалъ; а Мельгея татарина знаетъ онъ Саты балдуй во тому лѣтъ съ тритцать отецъ ево Саты-балдуевъ бывъ въ Астрахане давалъ товаръ брату ево Мельчѣву Векчуру а нынѣ казаконъ на Яикѣ никого не знаетъ; а какъ ево Саты-балдуя нынѣ поймавъ везли на Яикъ янцзие казаки и онъ Саты-балдуй говорилъ тѣмъ казакамъ что бѣ послать работника ево которой де съ нимъ взять Манбетъ въ калмыцкую орду для взятъя у мурзъ денегъ за окупъ ево Саты-балдуя, а ежели въ орду не пустатъ и онъ на откупъ денегъ будетъ просить на Яике у янцзихъ казаконъ у оного казака Кезекея да у Ивана Чохура и какъ онъ Саты-балдуй привезенъ на Яикъ и держали ево въ станишной избѣ и въ тое ставишаую избу онъ Кезекейка приходилъ судитца съ казакими въ драке и онъ Саты-балдуй ево Кезекея видѣлъ и хотѣлъ просить у него денегъ себѣ на откупъ только не просилъ для того, что людей въ то число было много; да еще оной же Кезекей прислалъ къ нему Саты-Балде въ станишную избу ѣсть. А которое ружье съ нимъ взяли казаки и привезли на Яикъ и то ружье купилъ онъ Саты-балдуй въ рыбноиъ Гурьеве городке и хотѣлъ то ружье продать въ Хиве; а какъ онъ Саты-балдуй прежде сего ѣзжалъ въ Хиву для торговъ своихъ съ товарами и въ тѣ поѣздки ружье и пороху и свинцу въ Хиву и въ Вухари не

¹⁾ Порѣшня — пшдра.

важивалъ и про другихъ ни про кого про то не знаетъ; такъ же в писемъ никакихъ какъ въ Хиву и въ Бухару такъ изъ Хавы и изъ Бухары никому не важивалъ и православной христіанской вѣры людей и въ Хиву и въ Бухару и ни въ которые басурманские городы не важивалъ и не продаывалъ; а клей которой взяли съ нимъ Яцкие казаки купилъ онъ у калмыкъ а не у Яцкихъ казаковъ”.

Позвали татарина казака Мелчея Чубаркина. Онъ подтвердилъ показанія Саты-балды, что послѣдній дѣйствительно лѣтъ съ двадцать тому назадъ былъ въ Астрахани и что онъ хивинецъ и заявилъ, что онъ не разъ бывалъ на Янкѣ въ станичную избу съ вѣдоша атамана привозилъ Сату-балды вѣтъ „не по одно время”.

Ввиду того, что предъ этимъ показаніемъ Саты балды Захаровъ опечатавъ имущество Мелчея, теперь послѣ показанія хивинца онъ отиѣвилъ этого приказъ и велѣлъ вернуть Мелчею все его пожитки подъ расписку.

Казака-же татарина Кезекея Кичкенѣева за отѣздомъ его съ Янка въ Самару не допрашивали; было описано лишь его имущество. Допросъ его начался лишь по привезѣ его вѣстѣ съ Лобикомъ изъ Самары.

Онъ сказалъ, что видѣлъ хивинца Саты-балду въ калмыцкой ордѣ и до этого случая его не зналъ „и съ нимъ никакими торгами не торговывался и ни какихъ словъ, что онъ послалъ въ Хиву семь сотъ порѣшнѣ съ татаринномъ Ишкою, не говорилъ”. Порѣшнѣ же онъ купилъ на мичурьевской ярмаркѣ и продалъ ихъ въ калмыцкой ордѣ калмыкамъ порознь — кому сто, кому двѣсти штукъ и никакихъ товаровъ ни въ Хиву и ни въ Бухару не отправлялъ.

Срошенный по этому дѣлу казакъ Иванъ Лобикъ, котораго Саты-балда называлъ Иваномъ Чухаромъ, тоже отказался отъ знакомства съ хивинцемъ и сказалъ что видѣлъ его въ первый разъ въ калмыцкой ордѣ и ни съ нимъ и ни съ другими хивинцами и бухарцами не торговалъ.

„А какъ я въ выѣшнемъ голу лѣтомъ ѣздилъ для торгу въ калмыцкую орду, говорилъ Лобикъ, и былъ у Мурзы Лекбея и оного хивинца Саты-балды я видѣлъ, а розговоромъ никакихъ и ни о чемъ съ нимъ Саты-балдуемъ не розговаривалъ и товаровъ никакихъ ему не продаывалъ, а только, бывъ въ той калмыцкой ордѣ, продалъ я татарину Менле вьюкъ товару съ юфтью и съ суввами; а про другихъ яцкихъ казаковъ кто съ хивинцами торгуетца никого не знаю”.

Послѣ этихъ показаній Саты-балды и татаряну Кезекею сдѣлали очную ставку, но оба они повторили свои прежнія показанія: — хивинецъ увѣрялъ, что Кезекей отправлялъ порѣшнѣ въ Хиву, а Кезекей говорилъ, что онъ ихъ продалъ въ калмыцкой ордѣ.

Саты-балду повели въ застѣнокъ и стали пытать вторично, но онъ и подъ пыткой повторилъ тоже самое и говорилъ, что Кезекей вѣдетъ торговлю съ Хивомъ.

Привели въ застѣнокъ и Кезекея и стали его допрашивать подъ пытками. Но онъ не измѣнилъ показанія.

По закону того времени въ этихъ случаяхъ нужно было допрашивать снова съ пристрастіемъ и лишь только показанія, данныя послѣ третьей пытки, считались окончательными и допросы кончались.

И по тѣмъ пыточнымъ рѣчамъ, говорится въ экстрактѣ Захарова, оные хивинецъ Саты-балдуй да Яицкой казакъ татаринъ Кезекей Кечкенѣвъ проведенъ въ застѣнокъ, и оной хивинецъ пытанъ въ третіе, а съ той пытки говорилъ, что Кезекей Кечкенѣвъ сказывалъ ему Саты-балде въ калмыцкой ордѣ, что онъ Кезекей семь сотъ порѣшивъ казанскому татарину Ишке отдалъ, и тотъ татаринъ Ишка поѣхалъ съ хивинскимъ караваномъ съ купцами въ Хиву, а про посылку порѣшивъ что послалъ въ Хиву съ татаринномъ Ишкою такихъ словъ ему Саты-балде онъ Кезекей не сказывалъ“.

Правду-ли говорилъ хивинецъ или, не зная русскихъ законовъ, онъ рѣшилъ за лучшее сказать то, что отъ него требовали, чѣмъ ожидать новой и можетъ болѣе мучительной пытки—трудно рѣшить. Но во всякомъ случаѣ ему выгоднѣе было сказать, что Кезекей никакой торговли съ хивинцами не имѣлъ. Но все же онъ упрямо твердилъ, что Кезекей далъ порѣшивъ для продажи въ Хиву.

Подъ вторичною пыткою Кезекей отказался снова отъ возводиной на него вини.

„Сказывалъ я ему, говорилъ Кезекей, только такіе рѣчи, что я семьсотъ порѣшивъ отдалъ казанскому татарину Ишкѣ для продажи купцамъ въ ордѣ и тѣ порѣшивы у того татарина Ишки я, пришедъ съ купцами, взявъ и продалъ въ калмыцкой ордѣ, при свидѣтеляхъ при Яицкихъ казакахъ при Свдорѣ Савастыеновѣ да при татарини Ишкакѣ Болтачкинѣ. Да я же сказывалъ ему хивинцу Саты-балде ежели бы тѣ порѣшивы въ ордѣ я не продалъ то хотѣлъ тѣ порѣшивы съ купцами послать въ Хиву, и такіе рѣче сказывалъ для того, чтобъ тѣ порѣшивы купили у него въ ордѣ купцы скорѣе; а подливно тѣхъ порѣшивъ въ Хиву послать я не хотѣлъ; а что я съ пытки говорилъ, что я порѣшивъ казанскому татарину Ишке отдавалъ, а имнѣ сказалъ что такіе порѣшивы отдавалъ и то я говорилъ убоюсь страху“.

Послѣ этихъ показаній допросили свидѣтелей казака Савастыенова и татарина Болтачкина. Оба они „подъ смертною казнью сказали“, что лѣтомъ были въ калмыцкой ордѣ для розыска своихъ пропавшихъ лошадей и видѣли, что Кезекей продавалъ калмыкамъ порѣшивы, а сколько и кому продалъ неизвѣстно и говорилъ имъ, что взялъ за нихъ восемьсотъ рублей.

Такимъ образомъ казачьими показаніями Кезекей былъ обвиненъ и показанія хивинца потеряли силу.

Два мѣсяца тянулось слѣдствіе по доносу Кроткова и всѣ причастные къ этому дѣлу лица находились подъ карауломъ, не зная своей участи. Лишь только въ первыхъ числахъ февраля 1725 года по этому дѣлу состоялся приговоръ. Въ приговорѣ, излагаая кратко все дѣло, розыскаая канцеларія приговорила

татарина Котлубая за то, что онъ хотѣлъ отпустить Тогузбая на волю: „за ту ево вину, что онъ сперва въ распросѣ въ томъ заперлся и держалъ Тогузбая не скованнаго, а съ очной ставки повнелся—учинить ему наказаніе: бити батоги виѣсто кнута нещадно, а того каракалпаченна Тогузбая отлатъ ему съ роспискою и велѣть ево держать у себя во всякой осторожности скованнаго и пожити ево Котлубаевы, которые у него отписаны отлатъ ему съ роспискою“.

Та же участь постигла и казака Ивана Сидорова Лобика. Его также приговорили къ нещадному битю батогами за то, что держалъ каракалпаченна Утегя не скованнаго. Возвратили и ему также имущество и отлати каракалпаченна Утегя.

Казака татарина Кевекея изъ подъ караула освободили на поруки подъ росписку и возвратили имущество.

Хивинца Саты-балду Захаровъ отдалъ Василію Арапову съ товарищи „для того что по данному отъ нихъ доношенію требовали, чтобъ того хивинца отлатъ имъ для отвода въ Москву“.

Вншихъ при хивинцѣ калмыка Макбета велѣно было отлатъ войсковому атаману для отсылки въ калмыцкую орду, а киргиза Есенея казакать, „которые ихъ взявъ отвезли на Янкъ: Герасиму Логинову съ товарищи съ роспискою“. Послѣ этого приговора казакать Лобикку и Котлубаю было учинено должное наказанье—биты нещадно батогами.

На этомъ розыскѣ и кончился.

Пока шло это слѣдствіе, 22 января Захаровъ послалъ въ Казань за жалованьемъ для наряженныхъ въ Низовый корпусъ въ крѣпость Св. Креста 1000 казаковъ легкую станицу съ атаманомъ Алексѣемъ Калмыковымъ, всего 10 человекъ ¹⁾).

Прося выдать жалованье на походное войско, Захаровъ просилъ выслать ему на его команду провіантъ, не полученный имъ еще съ 1 сентября.

Станичники прибыли въ Казань 1 февраля и 2, получивъ три тысячи рублей, уѣхали обратно на Янкъ ²⁾).

Перваго-же февраля прибыли въ Москву станичники Ивана Щелкина. Но пока станичники были въ пути, въ это время въ Петербургѣ совершилось крупное событіе: Великій Петръ, „отецъ отечества“, 28 января умеръ, оставивъ виѣсто себя на русскомъ престолѣ супругу Екатерину I. Сдавъ въ Москвѣ царскій кузь, Щелкинъ съ нѣсколькими товарищами поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ 17 февраля онъ подалъ доношеніе, въ которомъ излагая по пунктамъ обстоятельства наряда тысячи человекъ въ походъ въ Низовый корпусъ, между прочимъ, писалъ: „А въ томъ Его Императорскаго Величества указе написано: велѣно донскимъ казакать жалованья выдать на человека по пяти рублей, а

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 10/12, листъ 97. Доношеніе отъ Казанскаго губернатора.

²⁾ Тамъ-же.

намъ явчимъ казакомъ по три рубля на человѣка. А повеже мы отъ пожарного разоренія и отъ набѣговъ неприятельскихъ, отъ каракалпаконъ и киргизъ казаковъ имѣемъ многое разореніе, а путь намъ до крепости Святого Креста, противъ донскихъ казаковъ, вдвое и больши и онымъ жалованіемъ за дальностію въ пути не пропитатца. Того ради покорно просимъ дабы повелено была за показанною вашею нуждою для подѣму въ пути къ крепости Святого Креста жалованье выдать противъ донскихъ казаковъ повеже противъ нихъ имѣемъ мы дальшой маршъ“¹⁾.

По этому челобитію въ Военной Коллегіи 5 марта было рѣшено удовлетворить ходатайство войска и Щелкину было приказано послать изъ своей станицы двухъ казаковъ въ Казань для полученія тамъ добавочнаго подъемнаго жалованья по два рубля на человѣка. Щелкинъ отправилъ туда *Ивана Устимова* и *Емельяна Иванова*. Посланнымъ отъ Петербурга до Казани дали подводы на двѣ лошади, а казанскому губернатору приказано было отъ Казани до Яика для охраны полученныхъ тамъ денегъ „сколько по разсмотрѣнію тамошнякъ проѣздовъ надлежитъ, командировать изъ казанскаго гарнизона конвой“, а для отвоза денегъ и конвоя, на Яикъ „на подводы деньги заплатить, а буде подводъ не дадутъ, лошадей купить имъ казакамъ изъ тѣхъ-же принятыхъ денегъ и по прибытіи на Яикъ тѣхъ лошадей отдать имъ въ войско“²⁾.

Объ этомъ распоряженіи Коллегія послала указъ въ Казань и грамоту въ войско³⁾.

17 марта Щелкинъ снова подалъ челобитную:

„Въ Государственную Военную Коллегію доношеніе, — доносить яичкой зиковой станицы атаманъ Иванъ Щелкинъ а о чемъ мое доношеніе тому следуютъ пункты: 1) въ прошлыхъ 723-мъ и въ 724-мъ годахъ, по указамъ изъ Военной Коллегіи, отправлено отъ насъ съ Яику на Черемшанские еорпосты казаковъ пять сотъ человѣкъ съ лошадья, которые и понинѣ обрѣтаютца при тѣхъ фарпостахъ, 2) а въ нынешнемъ 725-мъ году по указамъ же изъ Сената и изъ Военной Коллегіи опредѣлено отъ насъ съ Яику отправить въ Нязовой корпусъ казаковъ тысячу человѣкъ съ лошадья, которые ныне и отправлены, 3) а затѣмъ у насъ на Яике казаковъ осталось полторы тысячи съ небольшимъ, а въ летнее время прихаживали къ намъ и недавно нападая каракалпаки и киргизъ казаки многолюдствомъ и брали у насъ людей въ полонъ и лошадей отгоняли, и въ нынѣшнее лето, за прошлагодней нашъ ставишной надъ ними поискъ, и они каракалпаки и киргизъ казаки соединяся грозятъ намъ чинить отищеніе, а намъ малолѣдствомъ противъ неприятельскихъ набѣговъ еорпостовъ и отпору содержать будетъ вѣсь трудности, 4) того ради

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 16/16, листъ 72.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, протоколы Коллегіи дѣло книга 2, листъ 26.

³⁾ Тамъ-же, опись 47, книга 16/16, листъ 87. Грамота войску № 81, 5 марта 1725 г.

всепокорно прошудави повелено было для такихъ нуждъ съ Черемшанскихъ вартостовъ казакоръ отпустить на Янкъ по прежнему, чтобъ намъ отъ неприятельскихъ людей въ конечномъ разореніи не быть — и по сему мосу доношенію учинить милостивое решение¹⁾.

Въ этой челобитной Щелкинъ говорилъ, что казаки 1000 человекъ уже выступили, но въ дѣйствительности они въ это время еще были на Янкѣ. Щелкинъ могъ только предполагать, что они уже выступили. Интереснымъ въ этой челобитной является и то, что въ угоду вѣмецкому вліянію оль заимъвъ русское слово „отъѣзжіи карауль“ или „притину“ вѣмецкимъ словомъ „форпостъ“.

Результата этого челобитья Щелкину дожидаться не удалось.

По подаявой-же челобитной о выдачѣ годового жалованья войску по числу 3195 человекъ въ севатѣ 20 марта состоялся приказъ:

„Требуютъ они яцкіе казаки, — говорилось въ указѣ, — окладного жалованья по присланному отъ полковника Захарова извѣстію на наличное число противъ донскихъ казаковъ по преворціи отпускатъ на годъ окладного жалованья 3835 рублей, да хлѣба по 1547 четвертей, вина простого по 100 ведеръ и чтобъ о присылки въ Военную Коллегію толкаго числа денегъ указъ учинять. Правительствующій сенатъ приказали: вышеозначеннымъ яцкимъ казакамъ окладного жалованья пріѣзжимъ зимовымъ и легкимъ станицамъ кормовыхъ и за сукна отпускатъ изъ штатсъ-конторы по 1500 руб.; а за пріѣзды ихъ съ послугами давать кормовыя деньги и за питыи, сверхъ вышеозначеннаго окладного жалованья, по прежнему противъ пріѣзжихъ же съ Дону легкихъ станицъ“²⁾.

Станицъ отъ войска на годъ было опредѣлено: одна зимовая въ 20 человекъ и три легкія по 10 человекъ въ каждой. На содержаніе („на пріѣздъ и отпускъ и на коры“³⁾) положено было на Яцкое войско особое годовое жалованье въ годъ 2638 руб. 30 коп. Всего вмѣстѣ „съ окладнымъ“ жалованьемъ въ 1500 рублями — 4138 р. 30 к. Жалованье на станицы распредѣлять слѣдующимъ образомъ:

„Зимовой станице изъ 20 человекъ жалованья и на прогоны 1191 р. лехтой одной въ 10 человекахъ 370 р., а тремъ 1110 р. Всего 2301 р. За тѣмъ положенной на станицы годовой суммы востатке 387 р. 30 к., которые употребить на дачу чрезвычайнаго пріѣзжихъ отъ того войска сверхъ станицъ старшинамъ и казакамъ на жалованье на ковши сабли и протчье расходи“⁴⁾.

Такимъ образомъ всему Яцкому войску сенатъ опредѣлялъ давать окладного жалованья всего 1500 руб., т. е. въ два раза меньше, чѣмъ на тоже количество донцовъ, но объ отпускѣ хлѣба и вина не проронилъ ни одного слова.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 1, кн. 229, листъ 425. Это челобитье подписано во множ., какъ было это до сихъ поръ, а знаменіи, имя и фамилія Щелкина подписаны отдѣльными словами въ концѣ каждаго пункта черезъ все челобитье.

²⁾ Полное Собр. Законовъ, томъ VII, № 4685.

³⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, свѣдка 46, листъ 5.

Через два дня, 22 марта, въ сенатѣ состоялся другой указъ по челобитью яцѣнскихъ казаковъ. Сенатъ приказалъ: „для показанныхъ на Яикѣ отъ непріятельскихъ людей опасностей по мнѣнію Военной Коллегіи отпустить съ присланною отъ нихъ зимовою станицею изъ московской артилеріи чулуныныхъ пушекъ вмѣсто негодныхъ такихъ же колиберовъ 13, а изъ мѣдныхъ лодныхъ 1 большую пушку 4-хъ фунтовою съ $\frac{1}{4}$, да негодныхъ 5 пушекъ взять въ Москву“¹⁾.

Тогда же состоялся указъ сената объ отпускѣ ежегодно яцѣнскимъ казакамъ 51 пуда пороха и 33 пуда саница²⁾.

Въ этотъ же день прибыла въ Петербургъ съ Яика новая станица съ атаманомъ *Василіемъ Араповымъ*.

Рѣшивъ послать ильминаго хивинца въ Петербургъ, войско въ серединѣ февраля выбрало для этого легкую станицу. Но для станицы нашлось не одно это дѣло. Въ войскѣ наступила хлѣбная голодовка. Въ бывшій пожаръ сгорѣли всѣ запасы, казаки въ теченіи года едва могли поправиться и кое какъ отстроиться и хотя и закупили въ это лѣто снова хлѣба, но по расчету его должно было хватить только исключительно на казачье населеніе. Каждый казакъ запасъ его лично для себя и для своей семьи. Но этотъ расчетъ казаковъ не оправдался. До этого Захаровъ, получавшій исправно провіантъ на всю свою команду, состоявшую къ этому времени изъ трехъ ротъ³⁾, съ наступившею осенью, несмотря на три донесенія казанскому губернатору, провіанта не получилъ и съ 1 сентября сталъ брать его у войска.

Для этого онъ руководствовался полученнымъ имъ указомъ изъ Военной Коллегіи, по которому провіантъ этотъ долженъ доставлять на Яикъ казанскій губернаторъ. „А ежели тотъ провіантъ, говорилось между прочимъ въ указѣ, на тотъ конвой скорѣ отправленъ не будетъ и отъ того учинятца оному конвою какая нужда и то взыщется на казанскомъ губернаторѣ судомъ; а ежели провіанта вскоре привезено на Яикъ не будетъ а конвою причинятца въ провіанте нужда и въ такомъ случае брать у казаковъ хлѣбъ сколько у нихъ същется, однакожь и имъ оставлять на пропитаніе по рассмотренію, и всемерно старатца, чтобъ не доустать до крайней нужды, съскывая всякой способъ въ пропитанію, а какъ изъ Казани провіантъ привезенъ будетъ тогда взятой у казаковъ провіантъ имъ заплатитъ“⁴⁾.

Но несмотря на этотъ указъ, посланный кромя Захарова и казанскому губернатору, все же послѣ 1 сентября отъ послѣдняго на Яикъ не было получено провіанта ни одного фунта.

Захаровъ былъ вынужденъ брать провіантъ у казаковъ.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, связка 8, листъ 4, на оборотѣ.

²⁾ Полн. Собр. Зак. 1725 г. № 4686. Моск. Арх. Гл. Шт., од. 107, св. 8, дѣло 17, листъ 352.

³⁾ Когда прибыла третья рота на Яикъ, свѣдѣній не имѣется. Къ этому времени у Захарова были Вологодскаго драгунскаго полка одна рота и казанскаго гарнизона одна драгунская и одна пѣхотная роты. (Московский Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 37).

⁴⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 28. Донесеніе Захарова въ Военную Коллегію 1724 г. ноябрь 29.

Уже къ концу ноября имъ было взято у войска ржаной муки „треста тридцать шесть четвертей съ осьминою и полчетверти четверика и шесть гарницъ“.

Доносъ объ этомъ въ Военную Коллегію, Захаровъ просилъ распоряженія о немедленной высылкѣ провіанта „дабы за неприсылкою изъ Кизани на Янкъ провіанта обрѣтающемуся на Янкъ конвою гладу не претерпѣть“.

Но, видимо, провіантъ не былъ высланъ даже и въ наступившемъ новомъ году и войско въ февралѣ мѣсяцѣ вынуждено было само хлопотать объ этомъ.

Казакъ снарядили легкую станицу съ атаманомъ Василиемъ Араповымъ и есауломъ Петромъ Кочуровымъ, всего пять человекъ, и отправили ихъ 14 февраля вмѣстѣ съ взятымъ хивинцемъ, экстрактомъ Захарова объ этомъ дѣлѣ и со своею челобитной о возвратѣ провіанта, въ Москву ¹⁾.

„Прешедшаго сентября въ 14 день, говорило войско въ своей челобитной, написанной все еще по неизбѣжнѣ свидѣній на имя умершаго императора Петра, ходили наши ядѣіе казаки въ походъ къ жилищу неприятельскихъ людей каракалпаковъ и киргизъ казаковъ—атаманомъ Василей Араповъ, есауломъ Петръ Кочуровъ съ товарищи, которые дошли до реки Еябы и наехали на караванъ хивинской и били на нѣво боемъ и ваяли въ языки хивинскаго человека зовуть ево Сату Балди“ ²⁾.

Изъ этого отрывка изъ челобитной видно, что войско называетъ поѣздку Арапова для охоты на звѣрей походомъ и что взяли хивинскій караванъ боемъ. Между тѣмъ это было простою случайностію на охотѣ и, вѣроятно, караванъ съ хивинцемъ сдался безъ всякаго боя. Желало-ли войско предать этому захвату болѣе серьезное значеніе или другіе мотивы заставили казаковъ изложить нѣсколько иначе случившееся происшествіе, сказать трудно. Но челобитныя было написано умышленно несогласно съ дѣйствительностію.

Станица, прибывъ въ Петербургъ 22 марта, отдала въ Военную Коллегію и хивинца и экстрактъ Захарова и челобитныя войска. На другой день по заведенному порядку Араповъ подалъ доношеніе объ отводѣ ему и его станицѣ квартиры „на санктъ Петербургскомъ острову и объ отводѣ квартиру въ полицмейстерскую контору послать изъ Военной Коллегіи проеморію“ ³⁾.

Представленный въ Коллегію, хивинецъ просилъ, чтобы его представляли къ императрицѣ Екатеринѣ „для объявленія нѣкоторыхъ дѣлъ въ пользу государственной“, объ чемъ онъ донесетъ Ея Величеству подлинно и затѣмъ онъ въ Военной Коллегіи объявить не можетъ“, какъ говорится въ постановленіи Военной Коллегіи ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, книга 263, дѣло 24. Челобитная войска и такъ-же донесеніе Захарова съ экстрактомъ изъ свидѣній объ этомъ дѣлѣ, помѣченное 11 февраля 1725 г. Остальными станичниками были: Степанъ Давыловъ, Дмитрій Петровъ и Иванъ Васильевъ (вѣроятно это только одинъ ямокъ и отчество).

²⁾ Такъ-же. Челобитная войска 14 февраля 1725 г. Подъ челобитной подпись: „При оныхъ атаманъ Григорій Меркульевъ и все ядѣіе войско челомаъ бьезъ“.

³⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 1, листъ 23.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. 263, дѣло 24, постановленіе Колл. подъ кав. челобитной.

Видно ли представленъ къ Екатеринѣ хивинецъ, изъ дальнѣйшихъ дѣлъ не видно. Въ одномъ изъ приказовъ Коллегіи по этому дѣлу говорится, что ему былъ сдѣланъ допросъ. „А въ допросѣ показала, — говорится въ приказѣ, — некоторое замѣшательство въ Хивѣ и Бухарахъ, объявляя путь, чрезъ которые мѣста изъ російскихъ городовъ пройти возможно; да онъ же сказалъ, что жилъ въ подданствѣ въ калмыкахъ, гдѣ и женатъ въ чемъ шлетца на калмыцкую ханшу и нововрещенныхъ владѣльцовъ. А понеже помянутое ево объявленіе неважное и видно, что объявляетъ о томъ желая себѣ свободы, того ради оное ево объявленіе имѣть для извѣстия; а что онъ хивинецъ показывается якобы онъ жилъ въ подданствѣ у калмыковъ и тому вѣрить невозможно для того, что ежели бъ онъ подлинной подданной былъ калмыцкой тобъ въ такое время, что онъ въ 724 году взятъ былъ въ полонъ, могли объ немъ изъ калмыцкой орды свидѣтельство предложить къ тому же и на Янкѣ якобы онъ былъ не хивинецъ сперва заперался, а потомъ объявилъ съ пытки по уликамъ для того ко опредѣленію ево въ каторжную работу отослать въ адмиралтейскую Коллегію съ промеморіею¹⁾).

Со своею просьбою о возвратѣ войску взятаго Захаровича провіанта Араповъ хлопоталъ долго, и лишь только въ маѣ, вѣроятно надѣвъ достаточно съ этимъ чинами провіантской канцеляріи, кое какъ покончилъ съ этимъ дѣломъ.

„Янцкихъ казаковъ атаманъ Василій Араповъ и есаулъ Петръ Кочеровъ, говорится въ постановленіи этой канцеляріи, сказкою показали: ежели повелено будетъ за вышеписанную взятую у нихъ муку выдать деньгами и они возьмутъ по рублю по пятидесяти копѣекъ за четверть и тѣ деньги выдать-бы имъ въ Свѣжской провинціи²⁾).

Дальше видно, что на этомъ дѣло и было окончено. Казака получили за провіантъ деньги³⁾).

Но кромѣ военныхъ челобитенъ у Арапова было и свое дѣло. Въ предъидущій свой прѣздъ онъ просилъ о дозволеніи ему набираться въ построенный на устьѣ Сакмары городокъ, для житья вольными людьми охотниками изъ довскихъ и янцкихъ казаковъ и просилъ разрѣшить переселиться до 600 человекъ.

Резолюціи ни сената, ни Военной Коллегіи по этому дѣлу не найдено, и, видимо, ни сенатъ, ни коллегія сразу не рѣшились дать какого либо опредѣленнаго отвѣта, ввиду сложности этого вопроса. Араповъ просилъ о разрѣшеніи жить на границѣ башкирской земли, гдѣ рядомъ жили башкиры, вѣчно волновавшіеся, вѣчно неспокойные, склонные къ возмущенію. Постройка городка и увеличеніе тамъ казачьяго населенія могло дать толчокъ для волненія башкиръ или такъ или иначе дать поводъ къ всевозможнымъ толкамъ о посягательствахъ на ихъ земля со стороны правительства.

¹⁾ Тамъ-же. Постановленіе это состоялось лишь 31 декабря 1725 года.

²⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 40.

³⁾ Грамота войску о выдачѣ денегъ за янцкихъ провіантъ и объ отѣмѣ съ Янка полковника Захарова 1725 г. іюня 22. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 121, часть 2, связка 28, дѣло 27, листъ 45.

Неопредѣленность положенія вынудила Арапова снова подать челобитную; на этотъ разъ 28 апрѣля онъ просилъ уже о дозволеніи *построить* на устьѣ р. Самары городокъ. Подлинная челобитная объ этомъ до насъ не дошла, но изъ указа сената, послѣдовавшаго 27 мая, видно, что Василій Араповъ просилъ дать позволеніе ему „и другимъ яцкимъ казакамъ для обереженія границы на заставахъ по Янку выше яцкаго городка на устьѣ реки Самары близъ банкарцовъ где перелазятъ и въ Россію ходятъ неприятельскіе каракалпаки киргизкайсакіе вгородамъ кои ктому близости чинятъ великое разореніе и людей вполонъ берутъ поселеніе имѣть крепость построить позволеніе дать, ежели яцкой войсковой атаманъ кесе войско пожелаетъ и втомъ ко обережи потребность усмотрять“ ¹⁾.

Сенатъ, разрѣшая постройку крѣпости, вѣнчалъ въ обязанность Военной Коллегіи „быть имъ Арапову съ товарищи подъ смотреніемъ войскового атамана и другихъ яцкихъ старшинъ и казаковъ и подтвердить имъ накрепко, чтобъ беглыхъ какъ великороссійскихъ такъ и малороссійскихъ людей отнюдь непринимали, а для отпору отвеприятельскихъ людей пушки пороохъ, ядра потребованныхъ давать откуда заблаго разсудитъ Военная Коллегія“ ²⁾.

Ввиду этого указа Коллегія послала 4 іюня грамоту на Янкъ о разрѣшеніи постройки городка и приказала отпустить изъ Москвы Арапову для Самарскаго городка пять чугунныхъ пушекъ, въ томъ числѣ двѣ трехъ фунтовыхъ и три двухъ фунтовыхъ, и къ нимъ пороху и ядере „по усмотренію главной артиллеріи... и оные пушки и ядра привавъ ему атаману отвести на Янкъ отъ Москвы до Самары ведомъ на суднѣ, которое нанять или купить изъ данныхъ ему прогоныхъ денегъ, а на Янке объявлять войсковому атаману и казакамъ ежели они устроены и поселены имъ Арапову и прочимъ казакамъ на поманутокъ ибѣтъ позволять то оные пушки съ прapasны отпустить съ Янку степъ Араповымъ стоварищи, а буде же въ томъ позволенія не дадутъ то удержать на Янкѣ“ ³⁾.

Далѣе изъ дѣлъ видно, что Арапову пушки были выданы и къ нимъ отпущено 12 пудовъ пороху, 300 ядеръ и „дробіи и картечи“ двѣсти зарядовъ ⁴⁾.

По пріѣздѣ Арапова на Янкъ видно, что атаманъ и войско ничего не имѣли противъ постройки городка, т. е. въ слѣдующіе же за этииъ годы Самарскій городокъ уже существуетъ не какъ поселеніе, а какъ крѣпость, защищенная валомъ и пушками.

Надо полагать, что въ іюлѣ же ибѣсцѣ, получивъ въ Москвѣ пушки, Араповъ выѣхалъ на Янкъ. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ нимъ выѣхала на

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Правит. сената по Воен. Кол., и дѣло №/405, листъ 178, Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 107, кн. 12, дѣло 1, листы 8 и 13. и подл. Собраніе закон. № 4686.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, савка 8, листъ 372, на оборотѣ

Янкъ и ставица Щелкина, получивши тамъ-же пушки и ядра, отпущенныя войску по его челобитью.

При выдачѣ пушекъ Щелкину въ Московской артиллеріи потребовали одну годовую и пять негодныхъ жѣдныхъ пушекъ, которыя войско должно было сдать въ Москву, какъ негодныя послѣ пожара. Но у Щелкина ихъ не оказалось. Со ставицы взяли „въ поставкѣ пушекъ обязательство съ подписаніемъ ихъ рукъ, чтобы нѣтъ тѣхъ пушекъ того года зимою перевезть въ Москву и отдать въ артиллерію безо всякаго отлагательства“¹⁾.

Такимъ образомъ всѣ просьбы казаковъ были удовлетворены, кромѣ просьбы о дачѣ жалованья хлѣбомъ и виномъ.

Между тѣмъ на Янкѣ во время ихъ отсутствія съ наступившею раннею весною киргизы вновь возобновили свои набѣги. Казаки поѣхали на рыбную ловлю и „булучи на рыбной ловлѣ при атаманѣ *Сидорѣ Дурмановѣ*, писали казаки въ челобитной, отъ оныхъ кайсакъ незапное нападеніе учинено, только добрыми поступки и воинскими отпоромъ сами оные кайсаки разбиты а прочіе въ плѣвъ взяты и къ войску приведены“²⁾.

Наступилъ апрѣль, въ полѣ уже давно зазеленѣла трава и Янцкому войску предстояло послать наряженныхъ еще съ осени тысячу казаковъ въ Низовый корпусъ. Казаки ждали лишь присылки къ нимъ изъ Казани дополнительныхъ двухъ рублей на челобѣтъ. Три тысячи рублей войско получило съ атаманомъ *Калинковичемъ* еще 22 февраля, но роздало ихъ только 5 апрѣля, рѣшивъ не дожидаться добавочныхъ.

9 апрѣля походное войско выступило изъ янцкаго городка во главѣ съ атаманомъ *Сидоромъ Ивановичемъ Дурмановымъ*³⁾.

При этомъ нарядѣ въ войскѣ въ первый разъ появляется званіе „хоружій“, до сихъ поръ неизвѣстное янцкимъ казакамъ. Оно замѣняло званіе знаменщика. Въ Петровское время все передѣлывалось и поддѣлывалось на нѣмецкій ладъ. Въ солдатскихъ полкахъ русское слово знаменщикъ замѣнили словомъ прапорщикъ, въ казачествѣ-же замѣнили словомъ хоружій, — словомъ польскимъ, отъ которыхъ оно перешло къ запорожцамъ, а оттуда, вѣроятно, къ донцамъ, а отъ нихъ, вѣроятно, и къ янцкимъ казакамъ, которые съ этихъ поръ и стали называть своихъ знаменщиковъ чуждымъ и непонятнымъ для нихъ словомъ хоружій.

Но едва уѣхали казаки на службу, какъ 11 числа прибыли въ городокъ посланцы Щелкинымъ въ Казань за добавочнымъ жалованьемъ казаки *Ивановъ* и *Устиновъ*, которые привезли съ собою двѣ тысячи рублей. Войско послало эти деньги въ слѣдъ походному войску, которое посланцы догнали и роздали деньги⁴⁾.

¹⁾ Урал. Войск. Арх., дѣло 1736 - 1800 г., Ш рѣд., № 82, листъ 142.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 67, листы 215—217. Чел. войска 1749 годъ декабря 17-перечень службъ старшимъ Семѣя Землянушова. Точное время этой свѣд. и подроб. ея неизвѣстны.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 1²/₁₆, листъ 179. Челобитная войска 8 іюня 1725 г. Всего выступило старшимъ 20 чел., изъ нихъ: атаманъ 1, есауловъ 5, хоружихъ (знаменщиковъ) 4, сотниковъ 10, рядовыхъ казаковъ 980. Въ числѣ старшимъ были: Герасимъ Пустоселовъ, Иванъ Мухинъ, Герасимъ Логановъ и Иванъ Витомшевъ.

⁴⁾ Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, книга 1²/₁₆, листъ 134. Челоб. войска 1725 г. 15 апрѣля

14 апреля войско снарядило новую станицу съ челобитьемъ въ Петербургъ, прося удовлетворить многія свои нужды. Станичнымъ атаманомъ былъ избранъ *Иванъ Лошиновъ*, а есауломъ *Михаилъ Курпачинковъ*, всего пять человекъ¹⁾.

Въ войскѣ было не мало нуждъ и потому войсковая челобитная на этотъ разъ была длинная.

Войско уведомляло Военную Коллегію о нарядѣ казаковъ въ Низовый корпусъ. «А насъ нынѣ на Яикѣ стало быть малолюдство, — писало войско въ своей челобитной, — и непріятельскихъ людей карыкалпаковъ и киргизъ казаковъ стали подъ насъ частые набеги; об ономъ Ея Величество Государыня Императрица и Самодержица Всероссийской и Государственной Военной Коллегіи просимъ мы для нашего малолюдства отпустить нашихъ казаковъ, которые на Черемчанскихъ пасѣхъ, дабы оныя непріатели за малолюдствомъ насъ не осилѣли и вотчину Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийской в конецъ не разорили.

Прежде сего блаженной и вечно достойной памяти Его Императорского Величества из Государственной Военной Коллегіи просили мы о колоколахъ которыми колоколами пожалованы мы были блаженной и вечно достойной памяти государя і царя Іоанномъ Алексеевичемъ и Петромъ Алексеевичемъ за службу нашу как ходили мы подъ Меззеливскою²⁾ и оныя колокола в пожарное время растопились и нынѣ в оныя колоколахъ имеемъ нужду: когда случится подбегъ непріятельскихъ людей подъ нашъ казачей городокъ тогда бываетъ повестка в набатъ и когда набатъ услышимъ тогда все оруженно имѣемъ крепкую осторожность отъ непріятельскихъ людей; да прошедшаго 724-го году сентября 20-го дня писали мы в Государственную Военную Коллегію в отписке станичнымъ атаманомъ Остаемъ Муромцовымъ о взятыхъ языковъ карыкалпаковъ и киргизъ казаковъ которые казаки в плену у нихъ карыкалпакахъ; об ономъ просимъ Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссийской и Государственной Военной Коллегіи дабы соблагволили указъ обо всемъ учинить³⁾.

Три думы занимали войско — отиѣна службы на Черемшанѣ, недостатокъ колоколовъ для вновь строящихся церквей и не полученіе указа о разиѣтѣ плѣнными.

Ускоряя одну границу государства, правительство виѣстѣ съ тѣмъ ослабило другую, не менѣе опасную — на Яикѣ, гдѣ набѣги киргизъ съ каждымъ годомъ становились все опаснѣе и опаснѣе. Изъ трехъ тысячъ лицкихъ казаковъ, заброшенныхъ въ дикой степи въ трехстахъ верстахъ отъ окраины государства, осталось всего на всего полторы тысячи человекъ — половина всего войска. Этимъ людямъ предстояло не только оберегать эту границу, но добывать себѣ пропитаніе, производить ловли и ѣздить въ Самару за хлѣбомъ. Это были тягчайшіе наряды — половина жителей бралась на службу. Въ кол-

¹⁾ Остальные князи были: Валхромій Ивановъ, Василій Лоскутовъ и Иванъ Каримовъ. (Тамъ же).

²⁾ Походъ подъ башкиръ въ 1683 году.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. 14/15, листы 185 — 186.

легія, очевидно, понимали казачьи войска, какъ обширныя воинскія базарни, откуда можно было наряжать людей, какъ солдатъ, не имѣвшихъ за своею спиною никакихъ заботъ ни о домѣ, ни о семьѣ. Этотъ взглядъ коллегіи проходить и въ дальнѣйшей исторіи войска при всякомъ сношеніи съ казаками, какъ съ военной силой. Тамъ забывали, что казакъ былъ прежде всего житель и домохозяинъ, а потомъ уже воинъ, который сегодня бьется съ врагомъ, а завтра долженъ былъ добывать насущный хлѣбъ и для себя и для семьи. На него смотрѣли не какъ на семьянина — жителя известнаго мѣста, а какъ на безсемеянаго и бездомоваго солдата, не имѣвшаго никакихъ заботъ, кромѣ своего ружья.

Въ концѣ своей челобитной войско, перечисливъ казаковъ, отправленныхъ въ станицы „для отповѣди“ Военной Коллегіи о казакахъ, отправленныхъ въ крѣпость Св. Креста; пишетъ, что посылаетъ станицѣ „со взятимъ языкомъ каракалпачевымъ, о которомъ въ государств-венную Военную Коллегію отъ насъ въ отпискѣ написано съ станишнымъ атаманомъ Иваномъ Щелквинимъ и онаго, помянутова каракалпачевина, завоевала походной атаманъ Іванъ Догиновъ есаулъ Михаило Купреянновъ, котооме нынѣ посылаютца въ Государственную Военную Коллегію съ вышепомянутимъ известьемъ и со взятнемъ языкомъ и велели ему станишному атаману съ товарищи явитца и отписки подать“.

Про какого каракалпачевина шла въ данномъ случаѣ рѣчь и въ какомъ бою онъ былъ захваченъ — неизвѣстно, такъ какъ войсковою челобитной, посланной съ Щелквинимъ не найдено ¹⁾.

Станичники уѣхали 15 апрѣля, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого войско получило наковецъ разрѣшеніе мѣняться плѣнными.

Котлубай, вѣроятно, воспользовался этимъ и отпустилъ Тогузбая на свободу обмѣнявъ его въ ордѣ на плѣннаго казака. Тоже, вѣроятно, случилось и съ остальными киргизами. „Вамъ яцкиимъ казакамъ, — говорилось между прочимъ въ грамотѣ, разрѣшившей войску обмѣнъ плѣнными, — взятыхъ и кои впродъ взаты будутъ, въ полонъ каракалпачовъ и киргизъ-кайсаковъ, по опредѣленію нашей Государственной Военной Коллегіи, размѣнивать, съ подлиннаго свидѣтельства насъ яцкаго атамана и всего войска, на яцкихъ казаковъ, которые отъ насъ взаты будутъ къ нимъ каракалпачамъ и киргизъ-кайсакамъ въ половъ, и при томъ смотрѣть ежели изъ тѣхъ плѣнныхъ нынѣ есть и впродъ будутъ ихъ народа какіе знатные люди, то за знатныхъ яцкихъ казаковъ брать числомъ людей совзвѣшествоимъ, смотря по достоинству, а не одинъ на одного мѣнять, развѣ такихъ одного протявъ другого размѣнять ежели изъ тѣхъ ихъ плѣнныхъ явятся рядовые каракалпачи и киргизцы, убогіе люди, равные яцкимъ казакамъ, а которые за такую размѣною останутся, такихъ отправлять въ Москву для послыки въ работу по прежнему“ ²⁾.

¹⁾ Догиновъ, вѣроятно, былъ въ томъ набѣгѣ, въ которомъ взяли до 20 киргизъ и плѣнъ. См. 798 стр. настоящаго очерка.

²⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 1, кн. 229, грамота отъ 1725 г. 6 апрѣля.

Окончивъ сыскъ о виргинскихъ плѣнникахъ и хивяцѣ, Захаровъ, не имѣя болѣе никакого дѣла, томился бездѣйствіемъ и не смотря на посланное въ Коллегію доношеніе съ просьбою разрѣшенія ему выѣхать съ Яика къ мѣсту службы разрѣшенія не получалъ. Объ этомъ онъ просилъ еще въ январѣ мѣсяцѣ, но отвѣта не имѣлъ. Лишь только 29 апрѣля состоялся приговоръ Военной Коллегіи, по которому было велѣно „полковнику Захарову и обрѣтающемуся конвою съ Яику выѣхать и по прибытіи въ Казань конвой отпустить по полкамъ“¹⁾.

Этотъ указъ былъ посланъ Захарову 4 мая. Того-же числа была послана объ этомъ грамота и войску²⁾.

Но почти одновременно съ этимъ, 6 мая, на Яикѣ былъ полученъ указъ по дѣлу Кроткова. Въ этомъ указѣ Коллегія, ввиду жалобы Кроткова на Захарова и Протасова, приказала капитану Коробову принять отъ Захарова все дѣло о Кротковѣ и если дѣло дойдетъ до суда, то судить по воинскому артикулу „и кѣмъ по указу надлежитъ розыскивать то и розыскивать и во всемъ поступать какъ давная полковнику Захарову въ томъ инструкція и посланные Государственной Военной Коллегіей указы повелѣваютъ“³⁾. Полковнику же и майору Протасову приказано было сдать все дѣло о Кротковѣ Коробову „и по тому дѣлу не слѣдовать“.

Если-же Кротковъ станетъ обличать Захарова и Протасова, то приказано было принять отъ Кроткова „обличеніе на письмѣ по пунктамъ“ и прислать въ Военную Коллегію.

17 мая Коробовъ съ товарищами приступилъ къ слѣдствію. Призванный для допроса въ розыскную канцелярію, Кротковъ подалъ комиссіи „повинное доношеніе“. Онъ призналъ себя виновнымъ въ принятіи взятки. Онъ выказалъ, что рано или поздно ему придется сознаться въ этомъ подѣ оштрами и потому рѣшился за лучшее подать повинную. Это избавляло его и отъ пытокъ и отъ дальнѣйшей волокиты и давало поводъ рассчитывать на милосердіе въ судѣ, еслибы онъ состоялся.

Въ прошломъ 719 году, — говорилось въ повинномъ доношеніи Кроткова, — по челобитію Яицкихъ казаковъ, о чемъ явствуетъ въ подлинномъ дѣлѣ по доказательству на меня показаннаго отъ нихъ казака Вородина въ дачѣ двухъ сотъ рублей, а нынѣ по присланному Кн. Величества Государина Императрицы указу изъ Государственной Военной Коллегіи на Яикѣ къ капитану Коробову съ будущими при конвой офицеры, повелено по тому дѣлу пакы слѣдовать и розыскивать отъ показанныхъ отъ него Вородина двухъ сотъ рублей, такожъ по показательству Денисова и Макарова и Силишанина на что предьявляю по ихъ доказательству, что оныя деньги платить и чтобъ повелено было оныя двѣсти одиннадцать рублей у меня принять въ

¹⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 121, часть 2, св. 28, дѣло 27, листъ 41.

²⁾ Тамъ-же, листы 25—27, грамота за № 2224.

³⁾ Моск. Арх. Главн. Шт., опись 89, св. 9, дѣло 66—1992, листъ .

розписную канцелярію, на что прошу високаго Ея Величества милосердія къ отпущенію моего погрѣшенія для поминовенія вѣчно-достойнаго памяти Его Императорскаго Величества и для многолѣтняго здравія Ея Величества Премилостивѣйшей и Самодержавнѣйшей всероссійской Государини Императрицы, и прошу покорно дабы сіе мое доношеніе повелено было для високаго надо мною милосердія, и рѣшенія послать въ Государственную Военную Коллегію. Къ сему доношенію прапорщикъ Егоръ Кроткой руку приложилъ ¹⁾.

Подавая въ комиссію свою повинную въ принятіи взятки двухсотъ рублей отъ атамана Никиты Бородиня и одиннадцати рублей у казака Силишвина, Кротковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, отрицалъ возводимыя на него казаками остальные обвиненія во взяткахъ. Вмѣстѣ съ этимъ доношеніемъ онъ подалъ на Захарова и Протасова „обличеніе на письмѣ и по пунктамъ“. Въ чемъ онъ ихъ обвинялъ, остается неизвѣстнымъ, т. е. это обличеніе въ дѣлахъ не найдено.

19 мая Коробовъ и товарищи довели о результатахъ въ Коллегію, приложивъ къ доношенію и повинную и обличеніе Кроткова.

Слѣдствія кончились. Долго ли жилъ Захаровъ на Яикѣ, трудно сказать, но въ виду полученія имъ указа о выѣздѣ съ Яика, надо думать, что онъ не оставался далѣе на Яикѣ и въ концѣ мая уѣхалъ въ Казань ²⁾. Уѣзжая съ Яика, Захаровъ повезъ съ собою прапорщика Кроткова и фискала Путилова; отдалъ ли онъ остальныхъ арестованныхъ казаковъ и старшинъ подъ охрану войсковому атаману или увезъ съ собою — тоже неизвѣстно. Съ отъездомъ Захарова войско еще не знало участя, которая постигнетъ всѣхъ виновниковъ казачьихъ противностей, хотя еще съ ранней весны въ Военной Коллегіи уже началось обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ казачьихъ дѣлъ, присланныхъ Захаровымъ. Часть ихъ изъ Военной Коллегіи поступила въ сенатъ, оттуда болѣе серьезныя были даны „Вышнему суду“ — учрежденію, не имѣвшему постоянного состава, а лишь собиравшемуся временно изъ лицъ, назначаемыхъ по особому каждый разъ Высочайшему указу.

Всѣхъ дѣлъ было послано Захаровымъ пятнадцать. До насъ дошли только нѣкоторыя. Рѣшенія извѣстны только по тремъ дѣламъ: по дѣлу Рукавишниковя, о казакахъ Бахаревѣ и другихъ, участвовавшихъ въ казни атамана Бѣлоусова, и о смыслѣ въ каторжина работы казаковъ Яганова и Краснощекова [27]; объ участя остальныхъ виновныхъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Что стало съ Барташенимъ, былъ ли онъ казненъ или оправданъ — неизвѣстно. Ни въ одномъ дѣлѣ не упоминается его фамилія. 23 марта 1725 г. въ Военной Коллегіи состоялся указъ о наказаніи остальныхъ виновныхъ казаковъ. Но ни указа, ни приговора по этому дѣлу не найдено. Объ немъ говорится лишь въ позднѣйшей челобитной войска ³⁾.

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 89, слязка 9, дѣло 66—1992, листъ 3, доношеніе помѣчено 1725 года мая 17.

²⁾ Точно время его отъезда съ Яика неизвѣстно.

³⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 3, св. 56, дѣло 14, листы 1—7. Челобитная войска, поданная въ военную коллегію 1734 г. 24 января.

По этому указу велѣно было всѣхъ явщихъ казаковъ за тѣ убійства (Елѣсьева, Назарова и Мордвинцева) первыхъ зачинщиковъ послать въ дальніе Сибирскіе города и опредѣлить въ казацкую службу¹⁾. Этими виновными оказались старшины. Сослали „старыхъ людей“, — людей, имѣвшихъ громадное вліяніе на войско, пользовавшихся его довѣріемъ, большинство которыхъ были войсковыми и походными атаманами. Эти всѣ старые, сѣдобородые почтенные и зажиточные люди были сосланы въ ссылку въ Сибирь, въ г. Тобольскъ.

Ссылка состоялась въ августѣ мѣсяцѣ. Сослали ихъ съ женами и дѣтьми, — искореняли на Яикѣ все, что могло напоминать казачеству о вольныхъ дѣлахъ, о полномъ самоуправленіи, изгоняли всѣхъ, кто только имѣлъ вліяніе на войско или могъ поддержать духъ непокорности и служить помѣхой при введеніи въ войскѣ дальнѣйшихъ новшествъ. Къ 1734 г. изъ числа этихъ 26 сосланныхъ старшинъ въ Тобольскѣ оставалось въ живыхъ всего тринадцать челомѣкъ: Гаврила Старцевъ, Петръ Фадѣевъ (Осиповъ), Григорій Зубаревъ, Ефимъ Раздвогинъ, Федотъ Ржуновъ, Федотъ Пѣуновъ, Алексѣй Азовской, Авраамъ Пустоселовъ, Астафѣй Муромцевъ, Михайло Тяпуха, Алексѣй Щенеткой, Тимофей Шелудяковъ и Евсеевъ Комай,²⁾ изъ остальныхъ сосланныхъ извѣстны еще бывшій походный и войсковой атаманъ Никита Бородинъ, вернувшійся потомъ изъ ссылки въ 1732 году. Фамиліи остальныхъ 11 челомѣкъ намъ неизвѣстны. Но въ числѣ ихъ безусловно находились Иванъ Щербаковъ, казакъ Мусатовъ, возившій со Старцами Елѣсьева въ Казань, сотникъ Чувашениновъ и другіе казаки, такъ или иначе причастные къ дѣлу.

Не спасли ихъ отъ ссылки ни долголѣтняя служба, ни преклонный возрастъ, ни заслуги предъ родиною и войскомъ.

Этихъ людей сослали, какъ говорится въ указѣ, „безъ наказанія“, т. е. безъ битья плетью, рванія поздрей и клеймъ. Но многихъ казаковъ наказали. Такому наказанію подверглись казакъ Никита Зевакинъ съ товарищи за то, что постановили рѣшеніе: „для челобитья въ Казань никому не ѣздить и Казанью не хвалится, а кто похвалится и тѣхъ бить въ рычажьи пятерныи или шестерныи до смерти“. „И за то велено казакамъ Зевакину съ товарищи учинить наказаніе — высѣчь плутомъ и быть по прежнему на Яикѣ“³⁾. Этому же наказанію долженъ былъ подвергнуться и атаманъ Меркульевъ, но „оного атамана Меркульева отъ вышеписаннаго наказанія за правый доносъ (о разговорѣ казаковъ объ убійствѣ Захарова) велѣно освободить и быть по прежнему атаманомъ“⁴⁾.

Коллегія и вышній судъ, расправившись съ казаками, не оставили безъ наказанія и виновниковъ всѣхъ казачьихъ бѣдъ — тѣхъ захолщевъ и взятчиковъ, которые довели войско до суроваго сиска Захарова.

¹⁾ Тамъ-же, описъ 89, дѣло 1732 г. № 68, листъ 2. Чл. и ср. объ ося. Никиты Норд. изъ ссылки.

²⁾ Тамъ-же. Изъ челоб. видно, что Гавр. Стар. былъ сосл. за то, что привезъ изъ Казани въ Яикъ казен. потомъ Ивана Елѣсьева, а не повезъ его прямо въ Астрахань; остальнымъ-же дѣйствит. чел. были сосланы за то, что они въ кругу о казни ихъ (Елѣсьева и Назарова) приговорились.

³⁾ Тамъ-же, описъ 107, свѣдѣн 8, листъ 557.

⁴⁾ Тамъ-же.

Судъ надъ Воейковымъ состоялся еще въ 1724 г. въ маѣ мѣсяцѣ. Судили его военнымъ судомъ въ Ингерманландскомъ пѣхотномъ батальонѣ въ г. Москвѣ. Пунктами обвиненія служила челобитная Федора Михайлона Рузавишникова, поданная имъ въ сенатъ и экстрактъ изъ дѣла Захарова. Главнымъ-же обвиненіемъ было сорваніе Воейковымъ печати съ войсковыхъ отписокъ, посланныхъ со ставичниками Иваномъ Степановичемъ съ товарищи и отобравіи писемъ и челобитныхъ.

Въ свое оправданіе Воейковъ заявлялъ, что онъ вины по этому пункту не признаетъ. „Для того, — говорилъ онъ, — что хотя о взятіи такой ихъ на меня челобитной, писма вѣказахъ, по которыхъ я для розыску ихъ къ нимъ былъ посланъ и не предложено, и взялъ оную ихъ челобитную, и писма безъ указу однако-жъ, вѣдаючи военной артикулъ сто тридцать третей, по которому такіе общіе челобитные писать весьма запрещено подсмертнымъ штрафомъ, несмотря на то, хотя какую и причину, имѣли, а позволяетца каждому о своихъ обидахъ бить челомъ. А не обще чрезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочинится, а я видя ихъ явное возмущеніе, что посланъ былъ къ нимъ для розыску, разсуждая потому дабы чрезъоные ихъ такую общую челобитную впродолженіи розыска не пришли всѣ къ общему соединенію о чемъ прежде того были розыскы, а они казаки возмутительскимъ вымысломъ написали всѣхъ казаковъ во оной челобитной къ общему лицу, чрезъ которую челобитную искали себѣ что бѣ ихъ возмутителямъ привести всѣхъ къ наибольшему возмущенію, и того ради я еписавъ съ оной ихъ вымышленной челобитной и съ писма копіи послалъ въ тожъ время въ Астрахань въ губернскую канцелярію и не потаялъ, а подлинную ихъ челобитную в писмо оставилъ у себя при указехъ, съ которыми указаніи я посланъ былъ къ нимъ для ихъ возмутительскаго розыску и не послалъ для того что бѣ за дальностію въ пути не утратилось“¹⁾.

Но судъ не призналъ оправданія Воейкова и 10 іюня того-же года составилъ обвинительный приговоръ, мотивируя его тѣмъ, „что оной сто тридцать третей артикулъ слѣдуетъ къ регулярному войску а имъ казакамъ, говорилось въ приговорѣ, о такихъ ихъ общихъ челобитныхъ не запрещено, повеже и изъ оваго дела видно, что обѣ ономъ же дѣлѣ челобитная въ кабинетъ отъ ставившаго ихъ атамана Федора Михайлона съ товарищи, а не отъ одного лица, принята-жъ; а ежели бы такіе ихъ общіе челобитные были противны то бы оная челобитная въ кабинетъ была и не принята, и дѣйства бы по ней не было; а ся, оная ихъ взятая имъ маеромъ челобитная, написана въ обидахъ ихъ партикулярно на него маера а не къ возмущенію, для того еему маеру и братъ было къ себѣ не надлежало, чего ему и указомъ не предложено, или бѣ, хотя и отобравъ, то надлежало ему для такова объявленія въ оную Астрахань, или гдѣ въ надлежащее мѣсто послать тое подлинную челобитную, и письмо, а не копіи“²⁾.

¹⁾ Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 89, свѣзка 3, дѣло 81—2756, листъ 17. Экстрактъ изъ дѣла суда надъ Воейковымъ.

²⁾ Тамъ же, листъ 19.

„И за то онъ маеоръ Воейковъ, говорилось въ концѣ приговора, сочинилъ себя достойнаго штрафа; по снѣдъ ва толкованіе военнаго 28 артикула написать его маеора въ рядовые солдаты на три мѣсяца“ 1).

Приговоръ этотъ былъ утвержденъ 19-го января 1725 г. и Воейкова для отбытія наказанія приказано было выслать въ Петербургъ 2).

Воейковъ, совершенно безкорыстный, благодаря, можетъ быть, только своей запальчивости и излишней горячности, — поплатился трехъ-мѣсячною службою за рядового, главный-же виновникъ всѣхъ бѣдъ лихоимецъ Кротковъ ухитрился выйдти изъ бѣды совершенно чистымъ.

Согласно Высочайшему указу, послѣдовавшему 12 января 1726 г., данному на имя Казанскаго губернатора Волынскаго, Кроткову прощались всѣ его ввни.

„По Ея Императорскаго Величества указу, говорилось въ указѣ, Государственная Военная Коллегія приказали: по дѣлу прапорщика Егора Кроткова, которой будучи на Яикѣ приличился съ мицкихъ казаковъ въ денежныхъ и протчихъ взяткахъ, въ чемъ дошелъ было до розыску но мая 17 числа при назначеніи о томъ слѣдствія принялъ въ томъ повинную, того ради, по снѣдъ состоявшихся Ея Императорскаго Величества милостивѣйшихъ указовъ, ввну ему Кроткову оставить а взятыхъ имъ съ казаконъ денегъ и протчее, допроса за немъ возвратитъ испомъ попржнему и полковнику и генералу адъютанту и Казанской губерніи губернатору господину Волынскому учинитъ въ вше-писанномъ по сему Ея Императорскаго Величества указу 3).

Когда были судимы остальные виновники казачьихъ противностей — Путиловъ, Наумовъ, Сухаревъ и другіе взяточники, неизвѣстно, — въ дѣлахъ объ этомъ ничего не найдено. Но что они судились, объ этомъ упоминается въ другихъ актахъ. Но были-ли они обвинены или оправданы — неизвѣстно.

Два года пробылъ Захаровъ на Яикѣ. Два года казаки должны были, согласно законовъ того времени, нести расходы по содержанію офицерскихъ и драгунскихъ лошадей, отводить командѣ квартиры. Изъ дошедшихъ до насъ войсковыхъ приходо-расходныхъ листовъ того времени видно, что не дешево обошелся этотъ суровый розньскъ казаканъ.

Войску пришлось заплатить полковнику Захарову однихъ „разговныхъ“ (проговныхъ) денегъ 617 р. 13 алтынъ 2 деньги 4). Пока было лѣто, драгунскія лошади были на подножномъ корму, но съ 1 октября нужно было ихъ кормить сухимъ фуражомъ, что лежало на обязанности войска. Съ 1 октября 1728 г. только за четыре зимнихъ мѣсяца войско истратило ча въ прокормъ 4860 р. 11 алт. 5), что представляетъ для настоящаго времени громадную сумму въ 64 тысячи рублей!

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же, листъ 22.

3) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 89, свѣдка 9, дѣло 66—1092, листъ 40. Указъ посланъ въ Казань 24 января 1726 года.

4) Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, км. 83, листъ 124.

5) Тамъ-же, листъ 256, на оборотѣ.

Содержаніе офицеровъ, команды и лошадей за зиму 1724—25 годовъ стоило войску 7472 р. 10 алтынъ 2 деньги ¹⁾, т. е. болѣе ста тысячъ рублей по нашему времени. На свѣчи, чернила, бумагу и дрова истрчено 128 рублей.

Прибавивъ къ этому еще пожаръ, испепелившій горождъ, хлѣбную голодовку, смуты въ войсѣхъ, казнь Рукавишникова, набѣги киргизъ, расходы по наряду на Черемшу и тысячи казаковъ въ визовый корпусъ, мы получимъ полную картину бѣдъ и разоренія, обрушившихся на войско съ прїѣздомъ Захарова. А судебная волокита, длывшаяся чуть не десять лѣтъ,—это тоже стоило что выбуды!

Захаровъ уѣхалъ. Кончилась, казалось, безконечная, тягостная волокита. Жизнь войска вступила на новый путь—на путь постепенно увеличивающагося надъ нимъ контроля и опеки Военной Коллегіи, пошло по этому пути во главѣ хотя и выборнаго войскового атамана, но уже не смѣняемаго войскою, а оставленнаго Коллегіею атаманомъ пожизненно. Полному самоуправленію янцкихъ казаковъ прїѣздъ Захарова принесть тяжелый ударъ—войско лишилось права судить своихъ членовъ по своему обычному праву въ дѣлахъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Со дня прїѣзта его въ войско это право круга казнить своею властью виновнаго казака отошло къ Военной Коллегіи. Войско могло рѣшать дѣла только маловажныя, приговоры круга не шли далѣе тѣлеснаго наказанія.

Организація войска осталась по отъѣздѣ Захарова та-же, что была и до него. Войско представляло собою по старому вольную общину, гдѣ все начальство было выборное. Въ вой не было мѣста ни одному привилегированному классу. Не было ни дворянства, ни баръ, ни крѣпостныхъ,—все были равны между собою.

Во главѣ войска остался по старому войсковой атаманъ, но уже теперь назначенный Военною Коллегіею безсмѣнно и пожизненно; такъ-же, какъ и ранѣе, непосредственными помощниками его и его совѣтниками являлись старшины „старые люди“, выбранные войскою изъ своей среды изъ людей старыхъ и опытныхъ въ дѣлахъ, въ большинствѣ бывшихъ войскскихъ или походныхъ атамановъ. Исполнителями приказаній атамана и установленій войскового круга являлись два войсковыхъ есаула. Это были лица, не имѣвшіе никакого совѣщательнаго голоса въ дѣлѣ общины, а лишь непосредственные помощники войскового атамана по управленію войскою. Они слѣдили за исполненіемъ приговоровъ круга и передавали приказаніе атамана и старшиямъ и исполняли другія возлагаемыя на нихъ порученія.

Войсковой перепискою завѣдывалъ войсковой подъячій или позже—войсковой писарь—должность въ первныя времена войска едва замѣтная, но теперь уже занимающая по своему значенію слѣдующее мѣсто вслѣдъ за войсковымъ атаманомъ. Въ войскового писаря (подъячаго) не обходится ни одинъ кругъ, ни одно его постановленіе. У подъячаго въ распоряженіи имѣлись „писчики“, т. е. писцы. Сколько было старшинъ—неизвѣстно. Определеннаго числа имъ

¹⁾ Тамъ-же, листъ 255.

не полагалось, все зависѣло отъ наличности „старыхъ людей“ въ войскѣ. Было въ войскѣ много опытныхъ, умныхъ и пользующихся довѣріемъ казачьихъ людей, было и старшинъ больше.

Послѣ отъѣзда Захарова войско вступило на новую жизнь. На далекое вольное прошлое былъ поставленъ крестъ. Оглядываясь на это прошлое казачества, мы видимъ на Яикѣ вольницу, не признававшую ничего, кромѣ своей воли, готовую отдать за эту волю все дорогое для нея — отдать жизнь. Василій Гугвя, а потомъ Матюша Мещерякъ съ волжскою вольницею — вотъ первые колонизаторы Яика. Развиваясь и пополняясь бѣглецами изъ Руси, Яицкое войско виѣсть съ донскими, волжскими и гребенскими казаками составляли одну, почти нераздѣльную семью, во главѣ которой стояло и гегемонировало донское казачество. Яицкое войско, благодаря этому, иногда даже называлось не прямо Яицкимъ, а Донско-Яицкимъ войскомъ. Казаки были одною семьей. На Дову рѣшались всѣ важныя казачьи вопросы: набѣги, походы, службы.

Казаки жили совершенно независимо отъ Москвы. Весьма слабая зависимость казачества отъ нея выражалась лишь въ посылкѣ станицъ на службу правительству и охранѣ границъ, за что Москва посылала войскамъ годовое жалованье деньгами и сукнами, а въ Донскомъ войскѣ еще и хлѣбъ и вино.

Нарады на службу производились по царскимъ грамотамъ; но не всегда казаки исполняли эти грамоты и виѣсто указаннаго числа казаковъ выставляли иногда и меньше, т. ч. посланному для этого изъ Москвы приходилось не разъ „угоривать“ казаковъ нарядить требуемое число для похода. При выступленіи въ походъ походное войско получало отъ казны подъемное жалованье въ разнѣрѣ отъ 5 до 7 руб., — жалованье, на которое казакъ могъ не только купить коня, но и шить необходимую для себя одежду и завести оружіе, если бы почему либо олъ такового не имѣлъ. Въ то время лошадь стояла, напримѣръ, на Яикѣ не болѣе 3 — 5 руб. Жизнь была дешева. Состоя на службѣ, казакъ получалъ отъ казны 10 руб. въ годъ, и казенный кормъ себѣ и лошади. Жалованье это было вполне достаточное, чтобы казакъ могъ поддерживать свою одежду и снаряженіе. Переводя это жалованье на наши деньги, мы получимъ, что подъемное жалованье равнялось отъ 75 до 100 рублей, а годовое жалованье на службѣ по 150 р. въ годъ или по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ на казака.

Казаки имѣли возможность просить о своихъ вуждахъ и жаловаться непосредственно царю, посылая для этого въ Москву свои станицы зимонья и легкія.

Этимъ станицамъ давались отъ казны прогоныя деньги въ оба конца пути и кормъ въ дорогѣ. По пріѣздѣ въ Москву они получали квартиры и кормъ на житье въ Москвѣ. Являясь въ приказъ (Донское войско въ Посольскій приказъ, а Яицкое и Гребенское въ приказъ Казанскаго дворца) и иногда и царю, они получали за свои службы и за пріѣздъ жалованныя сабли и конши. На клинкахъ сабель дѣлалась надпись, какому казаку, при какомъ царѣ и при какомъ станичномъ атаманѣ, и когда была выдана эта сабля. Сабли

получали всё станичники. Войсковые же атаманы, старшины и станичные атаманы, являясь въ Москву, получали, кромѣ того, серебряные ковши. На нихъ дѣлалась также самая надпись. Старинныхъ ковшей сохранилось очень мало. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что эти ковши дѣлались по извѣстному установленному въ Москвѣ образцу. О дачѣ одного такого ковша станичному атаману (какого войска — не указано) пишется такой указъ правительствующаго сената:

„1713, марта въ 16 по указу великаго государя правительствующій сенатъ приговорили: легкой станицы атаману Ивану Игнатьеву дать его великаго государя жалованье за службу его ковшъ серебряной, вѣсомъ въ фунтъ, и на то дѣло ковша свое число серебра отсутствовать изъ купецкой палаты въ посольскій приказъ, изъ котораго серебра сдѣлать въ томъ приказѣ ковшъ, противъ прошлыхъ лѣтъ какъ имъ атаманамъ даваны съ надписаніемъ, а за дѣло, что надлежитъ, выдать изъ посольского приказа и о томъ послать въ купецкую палату его великаго государя указъ а въ посольскій приказъ въденіе“¹⁾.

Московская Русь, волюю понимая всю пользу, которую приносили ей казаки, какъ военные люди, охранявшіе ея границы отъ набѣговъ всегда враждебныхъ ей сосѣдей крымцовъ и кубанцевъ на Дону, горцевъ на Терекѣ и киргазъ на Яикѣ, охотно шло навстрѣчу казачеству и снабжало его не только окладнымъ жалованьемъ на войско и подъемнымъ и походнымъ жалованьемъ станицамъ, отправлявшимся на службу, но снабжало казачьи войска порохомъ, свинцомъ, пушками и ядрами. Мало этого, правительство освобождало казаковъ наравнѣ съ остальными служилыми сословіями Москвы: дворянами, боярскими дѣтьми и стрѣльцами, отъ всѣхъ какихъ бы то ни было повинностей, кромѣ военной. Оно не брало съ нихъ никакихъ податей, пошлей и государственныхъ налоговъ, волюю понимая серьезность и трудность службы казачества, какъ пограничной, и почти даровой для него военной силы, нужной государству во всякую минуту.

Такъ жили казаки почти полтора столѣтія.

Такъ было и при Петрѣ. И лишь только послѣ усмиренія Булавинскаго бунта на Дону и съ пріѣзда на Яикъ Захарова дѣла въ казачествѣ нѣсколько измѣнились. Отъ прежней сплоченности казачества не остается и слѣда. Всѣ войска обособились другъ отъ друга и зажили каждое своею жизнью самостоятельно. Сохранивъ всё свои привилегіи — выборное самоуправленіе, окладное подъемное и походное жалованья и право не платить никакихъ государственныхъ налоговъ и пошлей, казачество при Петрѣ теряетъ часть своего самоуправления и вольностей.

Донцы теряютъ войсковой кругъ и управляются старшиною.

Потерявъ же войсковой кругъ, Донское войско уже не могло руководать и другими войсками, особенно Яицкимъ, сохранившимъ всё свои вольности даже по пріѣздѣ Захарова. Оно по старому имѣло войсковой кругъ, собиравшійся

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла Правит. сената, книга 21/21, листъ 1787.

по звону колокола или по призыву одного из войсковых есаулов, сохранило все выборное начальство, атамановъ, есауловъ и управлялось по своимъ обычаямъ. Однимъ словомъ, Яицкое войско осталось по своему внутреннему управленію тѣмъ-же самымъ, каковы оно было и до Захарова. Только атаманъ былъ хотя и избираемъ войскомъ, но оставался атаманомъ лишь только послѣ утвержденія его Военною Коллегіею и правилъ войскомъ пожизненно, а не смѣнялся ежегодно, какъ это было до Захарова. Войско не имѣло право его смѣнять. Это новшество было роковою ошибкою Военной Коллегіи. Несмѣняемые атаманы, правда, были вѣрными слугами правительства, но по отношенію къ массѣ войска въ большинствѣ случаевъ являлись первыми его притѣснителями. Отдѣланная по примѣру доводовъ эта реформа привела потому Яицкое войско къ ряду волненій, нескончаемыхъ судебныхъ волокитъ и, наконецъ, итотщавъ всякое терпѣніе у казаковъ и надежду на лучшее будущее, привела ихъ къ Пугачевщинѣ.

Сыскъ Захарова и его переписи отразились на войскѣ и въ другомъ отношеніи. Войско перестало быть полною самостоятельнымъ въ своей внутренней жизни. Оно почти во всѣхъ своихъ дѣлахъ стало зависѣть отъ взглядовъ и усмотрѣній Военной Коллегіи, вмѣшававшейся иногда даже въ самыя мелочныя дѣла войска. Судъ и расправа были почти отняты отъ войска. Войско рѣшало только самыя простыя дѣла, за которые полагалось наказаніе палками или плетью.

Войско пошло по новому пути — по пути волненій, безправія, безконечныхъ тяжбъ и судебныхъ волокитъ, теряя въ поискахъ за правдою все свои силы и вѣру въ справедливость. Своими же неумѣльными распоряженіями Коллегіи, поддерживая атамановъ, незамѣтно годами подготавливала почву для Пугачевщины. Жизнь войска на этомъ новомъ пути будетъ изложена въ слѣдующей книгѣ.

Волѣе ста пятидесяти лѣтъ просуществовало Яицкое войско до пріѣзда Захарова, но по роковому стеченію обстоятельствъ всѣ дѣла, которыя могли бы сказать намъ что либо о внутренней жизни войска, сгорѣли вмѣстѣ со всѣми дѣлами Кавказскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго находилось войско со дня своего образованія. Мы положительна не можемъ ничего сказать объ жизни казаковъ на Яикѣ за это старое далекое время вплоть до Петра Великаго. Объ этомъ не дошло до насъ ни одного дѣла. Единственными памятниками этого могутъ служить лишь случайно сохранившіеся въ дѣлахъ бумаги, гдѣ атаманы и старшины записывали приходъ и расходъ войсковыхъ денегъ. Эти листки, на самокъ равняетъ изъ которыхъ стоитъ 1695 годъ, были даны старшинами войска во время слѣдствія надъ атаманомъ Меркульевымъ въ 1737 году и представляютъ изъ себя различныя лоскутки бумаги, гдѣ въ самокъ хаотическомъ беспорядкѣ разбросаны всевозможныя статьи прихода и расхода войсковыхъ денегъ, большею частью даже безъ указанія времени производства ихъ. Это скорѣе памятные записки, чѣмъ серьезная записъ движенія войсковыхъ денегъ для отчета въ нихъ.

Изъ этихъ листовъ видно, что казаки далеко до пріѣзда Захарова имѣли дѣленіе на десятки и десятокъ составлялъ самую мелкую единицу административнаго и военнаго дѣленія войска. Всѣ войсковые наряды дѣлались съ десятка, раскладка какихъ либо повинностей денежныя или натуральныя производилась съ десятка.

Особенно это бросается въ глаза въ самомъ раннемъ дошедшемъ до насъ листкѣ за 1695 годъ.

„204 году (1695 г.) октября 21 дня, говорится въ заголовкѣ этого листка, книги записки при атаманѣ при Лексее Васильеве сыне Гречухе да при есаулѣ при Иванѣ Мелшемъ (Меньшемъ?) да при Иванѣ Щербакѣ съ внѣшняго 204 году.

Съ Омива десятка Степанова взято съ 3 человекъ по 8 денегъ да съ 5 по 6 денегъ, 2 на службѣ.

Иванова десятка Долгонова 8 человекъ по 8 денегъ два на службѣ...

Съ Афанасьева десятка Коновова сына Бронника взято со всего десятка по 8 денегъ съ человекъ иного 13 алтынъ 2 деньга^а и т. д. У этого списка конца нѣтъ.

Всего перечислено 63 десятка. Съ каждаго наличнаго казака взято по 8 денегъ. На службѣ находилось (вѣроятно подъ Азовомъ) въ этихъ десяткахъ всего 75 человекъ.

Очевидно, расходъ по 8 денегъ на каждаго казака являлся расходомъ по содержанію какихъ либо внутреннихъ карауловъ. Такъ въ другихъ статьяхъ видно, что съ некоторыхъ казаковъ этихъ денегъ не брали.

„Съ Васки Болдырева да... ряжгива невзато—ошкolloвой (отдѣльнѣй) табунъ пасуть“ или „да съ него Ивана Мельшова не взято овъ де слегъ“. „Не взято съ Ивашки Болдырева овъ у старцевъ“. „Да съ Василя Кожева не взято овъ въ гульбѣ“¹⁾.

Какая ни была служба у казака, въ войскѣ-ли или внѣ войска, служба эта оплачивалась остальными казаками, оплачивалась войскою. Ничего не дѣлалось даромъ.

Платили за содержаніе отъѣзжихъ карауловъ, за караулъ у рогатки, т. е. у воротъ, за походъ за киргизами, за забивку учуга, за караулъ у учуга, за домохдвою команду, — платили за всю работу и службу, которую казакъ несъ войску. Даже караульные у арестнаго дома, которые караулили Матвѣя Мирнова, и конвой, бывшій у Рукавишникова, и тѣ получали деньги за свою службу. Эта плата являлась необходимостью ввиду того, что остальные казаки, не бывшіе на службѣ, могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ и производить промыслы. Изъ отъѣзжихъ карауловъ чаще всего упоминается караулъ у Подстепнаго и р. Барбашовой. Учуговъ было два—одинъ на Яикѣ, другой на Барбашовой, у обомъ учуговъ стояли караулы.

Въ одной изъ статей расхода значится ведро вина, данное Дурманову съ

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 38, листъ 98.

товарищани, „которые учугъ для плавни запирали“. Изъ этого видно, что прежде чѣмъ начать плавию, Яикъ перегораживали учугомъ, чтобы рыба не ушла обратно въ море.

Какъ ни кратки, какъ ни безсистемны эти записи, но все-же нѣкоторыя изъ нихъ являются цѣнными документами, освѣщающими подробности общественныхъ ловель и бытъ войскоа.

Такъ выясняется, что икра и рыба, отправлявшаяся для царскаго обихода— царскій кусъ—покупалась войскою у казаковъ.

Одинъ изъ такихъ расходныхъ листковъ неизвѣстнаго года говорить объ этомъ такъ:

„Реестръ что Чумаковъ на плавиѣ икры и рыбы куплено у кого и по какой цѣнѣ и то писано ниже сего.

У Меркульича выпорота 26 осетровъ—отданы.

У Ивана Григорьевича выпорота 15 осетровъ—отданы.

У Петра Мелехива 29 осетровъ отдано цѣна за десятокъ по 2 руб. 10 к.

У Петра Батракова 1 осетръ отданы цѣна 10 алтынь.

У Осипа Маварова осетръ отдано цѣна 30 алтынь.

У Микиты Осиновскаго 2 осетра отлаво цѣна 1 р. 80 к.

У Дениса Мурашквичева 3 осетра цѣна 2 р. 60 к. отдано.

У Семена Погодаева Малаго 1 осетръ 1 р. взаль отдано.

У Ивана Головачева одинъ шипъ цѣна 60 к. отдано.

У Дѣтвыи Зарвожъ (Ѳ) 1 осет. ц. 31 алт. 4 д.—отдано.

Куплено лукошечекъ 30, ц. по 1 алт. по 1 д.—отдано.

Отдано соли 7 пуд. цѣна по 10 коп.

Отданы лубки на крышки, цѣна 20 коп.

Отдано Григорію Меркульичу за ведро за вино 3 руб.

За масло Чинареву дано 40 алт.

Дано Михайлѣ Чумакову за работу что на войско на плавиѣ икру дѣлалъ 1 р.

Дано Гутарю за уголья за 2 мѣшка 40 к.¹⁾

Изъ этого видно, что для царскаго куса дѣлалась икра на осенней плавиѣ и, видимо, осетры приготовлялись или малосоляными или изъ нихъ для этой-же цѣли выдѣлывался балыкъ.

Кромѣ царскаго куса, войско посылало подарки икрою и рыбою еще и въ Казань митрополиту и вѣрство и воеводѣ, а вислѣдствіи и губернатору, о чемъ иѣется много указаній въ листкахъ болѣе поздняго времени (до 1787 г.).

Сохранилась нѣкоторыя подробности и относительно багренья. Багрять могли только числившіеся на службѣ. Остальные-же должны были взять изъ войсковой казны „печатки.“ Стоимость ихъ неизвѣстна. По печаткамъ могли багрить не только казаки, но иногородцы—работники.

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 88, листъ 216.

На одномъ листкѣ неизвѣстнаго года сохранился полный расчетъ баграчевъ того времени.

Всего войска нивъ по списку на лицо 2854 человека.

Сверхъ сего баграчевъ, которые багрили съ печатми:

Казацкихъ дѣтей 368 человекъ.

Русскихъ работниковъ 238 человекъ.

Остальныхъ казаковъ 26 человекъ.

Всего 632 человекъ баграчевъ.

Всего было баграчевъ на ятови 3486.

А въ Коловертномъ багровѣ было 3316 человекъ для того, что въ караулъ 170 человекъ¹⁾.

Изъ этого списка, кромѣ того, видно, что, производя багренье вблизи горда, войско не наряжало никакого караула, уѣзжая же дальше на низъ и производя тамъ такъ называемое коловертное багренье, баграчен выставляли отъ себя караулъ, численность котораго доходила до 170 человекъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что для царскаго куса во время багренья рыба точно такъ же покупалась у казаковъ, какъ это дѣлалось и на плавиѣ, такъ какъ было бы весьма страннымъ, если бы это дѣлалось только на одной плавиѣ.

Изъ тѣхъ же листковъ видно, что казаки, почему либо не багрявшiе, получали за это отъ войска по 50 коп. Такъ въ одномъ неоконченномъ небольшомъ спискѣ казаковъ, неизвѣстно по какому случаю и когда составленному, противъ всѣхъ фамилiй казаковъ стоитъ поимѣта: „взялъ 50 копѣекъ“; въ рѣдкихъ случаяхъ имѣются отиѣтки: „въ Русе“ или „на Самаре“, „въ Казани“ „умре на Сулацкомъ“ (въ низовомъ корпусѣ) и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поимѣтки: „багрилъ“ и отиѣтки о выдачѣ 50 коп. въ данномъ случаѣ не имѣется. По этому списку ясно видно, что деньги 50 коп. давались войскамъ только тѣмъ казакамъ, которые почему либо были лишены возможности багрить, это видно и изъ другихъ листковъ, такъ въ одномъ изъ нихъ говорится: „Дано за багренье Логинава команды Семену Простому 50 коп.“ и т. д. Тоже имѣется и въ другихъ листкахъ съ отиѣткою „дано за багренье“²⁾ [28].

Мы видимъ въ этихъ листкахъ и цѣны продуктовъ того времени, цѣны на лошадей и различныхъ предметовъ домашняго обихода, во все же и эти листки дѣютъ намъ лишь слабое представленiе о жизни казаковъ на Яикѣ въ то далекое время. Мелочныя подробности ихъ правовъ и быта теряются совершенно. Не осталось почти никакихъ памятниковъ и ихъ обычнаго права, приговоровъ и постановленiй ихъ вольныхъ круговъ.

Предъ нами, въ дошедшихъ до насъ историческихъ документахъ лишь яркою нитью проходитъ ихъ безпокойная и тревожная жизнь, полная опасностей и приключенiй, рядъ безарерывныхъ сѣватоковъ и боевъ, то во время

¹⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 83, листъ 218.

²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. 83, листы 177—182.

морскихъ налетовъ за добычею, то въ борьбѣ съ дикими ордами вначалѣ татарь и калмыкъ, а потомъ и киргизъ. Эти свѣдѣнія дошли до насъ тоже въ самомъ ничтожномъ количествѣ, свѣдѣнія случайныя, свѣдѣнія, не дающія полной картины жизни тогдашняго казачества на Яикѣ. Но и по этимъ даннымъ боевая жизнь яицкаго казака того времени рисуется очень ярко. Это были прежде всего воины, готовые каждую минуту встрѣтить врага съ оружіемъ въ рукахъ. Одни схватки съ киргизами — слѣпое мужество, безстрашіе и геройство. Это цѣлая геройская эпопея упорной борьбы, жестокой безпощадной борьбы за право существованія. Эти схватки шли съ перемѣннымъ счастіемъ, побѣды чередовались съ пораженіями. За часами великаго подъема духа, упоенія побѣдою, шли тяжелыя думы о судьбѣ попавшихъ въ плѣнъ въ неудачномъ бою товарищей по схваткѣ.

Многое забылъ казакъ изъ этого далекаго прошлаго, но память сохранила картины этихъ кровавыхъ боевъ, этихъ безсчетныхъ схватокъ. Время ступало отдѣляя ихъ подробности и въ народной памяти оставило объ нихъ лишь одну общую картину тяжелаго кроваваго пира, гдѣ казацкая кровь и казацкія кости служатъ главнымъ и основнымъ фономъ.

Ужасны были эти схватки, но не объ одной изъ нихъ не сохранилось на Яикѣ такихъ подробностей, какъ о бояхъ на рѣкѣ Утвѣ, на рѣкѣ, гдѣ казаки терпѣли, вѣроятно, не разъ пораженія, гдѣ казацкая кровь лилась болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Объ этихъ бояхъ говоритъ заунывная казацкая пѣсня и передается изъ устъ въ уста печальный разсказъ о легендарныхъ герояхъ богатыряхъ, погибшихъ отъ вражескаго коня.

„Какъ за рѣченькою было за быстрою
 За Утвою,
 За славными было за Утвинскими
 За горами,—
 Распахана была тамъ пашенка
 Яровая,
 Не плугомъ была пашня пахана,
 Не сохою.
 Распахана была пашня булатными
 Копіями,
 Взборонена она была коневыми
 Копытами.
 Не рожью была, братцы, засѣяна,
 Не пшеницею,—
 Засѣяна была, братцы, казацкими
 Головами.
 Засѣялъ ее добрый молодець—
 Самъ ухалъ.

Засъявши ее, онъ, добрый молодецъ,
Самъ слезно завлакалъ:
Ты расти, моя пашенка,
Зеленѣйся.
На поливочку, моя пашенка,
Не надѣйся“.

Такъ говорить казацкая пѣсня о бояхъ на неудачливой Утѣ.

Въ дошедшемъ до насъ преданіи разсказывается нѣсколько подробнѣе объ одномъ изъ такихъ боевъ.

— Въ давніе годы, — говорилъ І. И. Желѣзнову казакъ объ этомъ преданіи, — киргизы отогнали у нашихъ казаковъ изъ подъ самата города табунъ коней. — Казаки, какъ водится, пошли въ погоню за киргизами. Сколько было казаковъ, не умѣю сказать, а полагаю сотъ пять человекъ. Не добѣгая до Утвы-рѣки, казаки попали на огнище, т. е. на такое мѣсто, гдѣ у киргизовъ былъ лагерь. Казаки на нѣкоторое время пріостановились, чтобы осмотрѣть мѣсто. Между казаками былъ одинъ калмыкъ, человекъ старшій, бывалшій, третій валачъ. Осмотрѣлъ онъ огнище и говорить походному атаману:

— Атаманъ, вернитесь назадъ: удачи не будетъ.

— Почему ты знаешь? спросилъ атаманъ. — Развѣ не догонимъ?

— Нѣтъ, догнать — догонимъ, да не осилимъ.

— Отчего жъ не осилимъ? — спросилъ атаманъ. — Развѣ это другой какой народъ, не киргизы?

— Киргизы-то, киргизы, — говоритъ казакъ, — да только выродки изъ нихъ, — народъ самый отчаянный, огневой.

— Почему ты знаешь? — спрашиваетъ атаманъ. — Развѣ видѣлъ?

— Не говоря я слова, казакъ, съ лошади, поднялъ съ земли нѣсколько шашлянокъ (заостренныхъ палочекъ), на которыхъ киргизы маханину жарили, подалъ атаману и говорить:

— Видишь, атаманъ, всѣ шашляки закопчены, значить, всѣ въ дѣлѣ были; на каждомъ шашлякѣ по три маленькихъ, бѣлыхъ пятнышка — выходитъ три маленькихъ кусочка жарились, — значить, люди ѣдятъ мало, а такіе люди храбрые бываютъ. Не осилимъ мы ихъ.

— Трусую пиздаешь, — сказала атаманъ калмыку и приказала отряду гнать дальше, а казакъ свое толкуетъ.

— Постой, — говоритъ онъ атаману, — я тебя до конца доведу.

— Казакъ пошелъ по огнищу и сталъ подбирать шашляки, на каждомъ, словно нарочно, по три бѣлыхъ пятнышка — значить съ каждого шашляка закусывали по трое; казакъ хорошо звалъ эти порядки. По шашлякамъ и по пятнышкамъ сосчиталъ и вонновъ: вышло вдвое больше, чѣмъ казаковъ. Атаманъ и этого въ резонъ не взялъ. Поѣхали дальше. За Утвой-рѣкой опять

набѣжали на огневиче. На этомъ огневичѣ опять тоже, что и на первомъ. Калмыкъ пристаеъ къ атаману: „Вернемся. Удачи не будетъ“.

— Убирайся къ чорту или къ своему бурхану,—сказалъ атаманъ казаку и приказалъ гнать дальше.

Нагнали киргизовъ. Ови, приготовившись къ бою, стоятъ на пригорѣ. Казаки приостановились, чтобы дать вздохнуть конямъ и оправить оружіе. Атаманъ спрашиваетъ совѣта у казаковъ, огонь ли сперва открыть или прямо на „уру“ идти. Подѣбжаетъ къ атаману калмыкъ и говорить:

— Мой совѣтъ: ни огня не открывать, ни на „уру“ не идти, а сейчасъ же слѣпаться и отбиваться. Непрiятель не по нашимъ силамъ. Смотри, весь непрiятель въ панциряхъ.

Не успѣлъ казакъ рѣчь докончить, какъ киргизы закликали и сами пошла на „уру“.

— Крѣпче стой, ребята!—закричалъ атаманъ,—да ужъ было поздно. Казаки дрогнули и пошла на утѣкъ. А сробили казаки, полагать надо, отъ того, что калмыкъ раньше всѣхъ настрашалъ: „люди-де огневые, храбрые, не осилить“. Да, ужъ, отъ того ли. не отъ того ли, а сробили срамники, и вся недолга! Скверно, что и говорить!

Калмыкъ заскакалъ впередъ, оставаявляяетъ казаковъ:

— Стойте, товарищи! Стойте! Перебьютъ они сзади-то всѣхъ насъ.

Куда! На казаковъ робость вошла, они улечетываютъ, а киргизы знай поковыриваютъ ихъ назадъ, да поковыриваютъ,—киргизамъ „лафа“ вышла. Такимъ образомъ, киргизы изрядное число нашихъ добрыхъ молодцовъ перекололи,—самая малость, говорятъ, осталась живѣвъ, вороталась въ городъ.

Вотъ съ чего и пѣсня изалась:

„За рѣченькой за Утвомъ,

За той водой за черною“...

Атаманъ, говорятъ, сложилъ свою голову. Въ пѣснѣ вногда поютъ:

Засѣяна пашенка тѣлами бѣлыми.

Одно тѣло лежать, какъ сѣгъ бѣло,—

Это тѣло казачьяго атаманаушки...

— Не поставь, Господи, въ осужденіе,—сказалъ разсказчикъ:—атаманъ самъ виноватъ. Упреждалъ, вѣда, казакъ, что удачи не будетъ—не послушалъ: самъ на себя пеняй. По человечеству судить, жаль атамана, жаль и казаковъ. Впрочемъ, ничего не подѣлаешь: не они первые, не они послѣдніе. На то и родимся, чтобы кровь свою за отечество пролить. Пуще всего жаль калмыка,—такой герой былъ, такой дошлый. Не вернулся онъ въ городъ, пропалъ. Убили ли его киргизы, въ олоноу ли взяли, невѣвство. Вѣроятнѣе всего убили: такая храбрая душа была ¹⁾“.

¹⁾ Сочиненіе І. И. Желѣзкова, Уральцы, издавіе 2, томъ 3, стр. 67. Утѣинское побоище. Рассказъ казака Афанасія Дмитріевича Барсукова.

Памятники старины, сохранившіеся въ войскѣ отъ образованія войска до царствованія Екатерины I.

Въ теченіи полторастолѣтняго самостоятельнаго существованія Яицкаго казачества, отъ его образованія до начала царствованія Екатерины I, въ войскѣ не сохранилось почти никакихъ памятниковъ. Осталось только мѣсто, гдѣ было когда-то вольное орлиное гнѣздо— Яицкій городокъ, окаймленный съ трехъ сторонъ рѣкою Яикомъ и съ четвертой, со степной стороны, обнесенный землянымъ валомъ со рвомъ. Это мѣсто нынѣ составляетъ часть города Уральска и называется Куренями. Здѣсь когда-то стояли казачьи курени; недалеко отъ Михайло-Архангельскаго собора стояли другія церкви: свят. Алексѣя, привезенная изъ Кирсановской станицы, и во имя св. Петра и Павла; тутъ-же недалеко была и войсковая изба, и пороховой выходъ, и домъ для колодниковъ; тутъ-же собирались по звону соборнаго колокола и войсковые круги. Но на этой колыбели казачьей воли не вмѣстятъ ни одного памятника—свидѣтеля старинъ дѣлъ прицкихъ орловъ. Только по всѣмъ Куренямъ то тутъ, то тамъ находятъ забытыя кладбища „казачковъ—лицарей“, кладбища, бывшія когда-то внѣ города или вокругъ теперь несуществующихъ церквей. Одинокъ только Михайло-Архангельскій соборъ стоитъ на старомъ мѣстѣ, гдѣ былъ когда то такой-же деревянный соборъ, здѣсь вокругъ него и рядомъ подъ домами всюду казачьи могилы. Въ этомъ-же соборѣ видѣются единственныя сохранившіеся отъ сѣдой старины и пощаженныя временемъ памятники этого далекаго времени. Однимъ изъ главныхъ памятниковъ является хранящійся въ соборѣ *соборный диптихъ*. Велся этотъ диптихъ съ основанія войска, со дна первой церкви, появившейся у вольнаго яицкаго казачества, которую, несомнѣнно, нужно считать соборъ Михаила Архангела, вѣроятно, построенной въ честь царя Михаила Федоровича, при которомъ казаки приняли подданство Москвы. Первый старинный диптихъ до насъ не дошелъ. Онъ въ 1800 г. истрепался настолько, что церковный сторожъ Стефанъ Латухинъ рѣшилъ его переписать заново, объ чемъ и гласитъ надпись въ началѣ книги: „переписалъ церковный сторожъ Стефанъ Латухинъ 1800 г., марта 23-го.“

Въ этомъ диптихѣ записаны царя съ Ивана Грознаго до царя Михаила Федоровича; въ немъ среди разныхъ именъ записаны, между прочимъ, имена убитыхъ подъ Азовомъ казачковъ.

Интереснымъ въ высшей степени является и хранящійся тамъ-же образъ, поставленный въ церковь станичнымъ атаманомъ Федоромъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, тѣмъ самымъ Рукавишниковымъ, ходатаемъ за войско, котораго по приговору суда Захаровъ предалъ самой мучительной казни—четвертованію.

Этотъ образъ Казанской Пресвятой Богородицы стоитъ въ алтарѣ, съ

серебряной вытолоченой ризой (съ предстоящими вокруг лика Богоматери святыми: Гуріємъ, Гермазомъ, Фарсеоніемъ, преп. Пименомъ, св. Николаемъ и чудотв. свят. Петромъ, Олимпіемъ и Тихономъ). На оборотѣ образа, на серебряной пластинкѣ надписъ слѣдующаго содержания: „1721 года, октября въ 15 день домоваго Воскресенскаго монастыря, что на Едесскомъ острову, игуменъ Пименъ благословилъ семь образомъ дѣтей своихъ господина атамана Яцкаго войска Федора Михайловича со всѣмъ его войскомъ“.

Образъ этотъ, какъ видно изъ надписи, былъ данъ Рукавишникову во время пребыванія его въ 1721 г. въ Петербургѣ пріѣхавшимъ туда изъ Греціи съ Эдесскаго острова игуменомъ Пименомъ. Очевидно, Рукавишниковъ ѣздилъ къ нему по какому либо дѣлу и тотъ благословилъ его и все войско этимъ образомъ. 15 октября 1721 г. Рукавишникова не было въ Петербургѣ, онъ выѣхалъ оттуда въ іюль, поэтому надо предполагать, что образъ былъ привезенъ къ нему позже, послѣ уже сдѣланной игуменомъ Пименомъ надписи на оборотѣ образа.

Не менѣе цѣннымъ памятникомъ этого времени являются серебряная вытолоченная чаша и нѣсколько такихъ-же малыхъ блюдецъ, находящихся въ томъ же соборѣ. На двѣ чаши имѣется надпись: „сіи сосуды церковныя приложилъ походный атаманъ Иванъ Щелкинъ и есаулъ Иванъ Логиновъ, а вѣсу въ нихъ ривъ“ (т. е. 158 золотниковъ).

Это даръ церкви извѣстнаго уже намъ счастливаго походнаго атамана Щелкина, не разъ разбивавшаго киргизъ. Даръ этотъ былъ, вѣроятно, положенъ имъ и бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ либо бою есауломъ Иваномъ Логиновымъ (впослѣдствіи главаремъ казацкой партіи) послѣ какого либо удачнаго набѣга на киргизъ или какъ исполненіе обѣта, даннаго имъ по случаю счастливаго окончанія какого либо опаснаго дѣла.

Къ этому-же времени надо отнести хранящееся въ томъ-же храмѣ иѣдное паннакидло, пожертвованное казаками послѣ какого-то похода, какъ военная добыча. Это паннакидло о семи свѣчкахъ, внизу его имѣется шаръ, на которомъ надписъ: „PAL HART IVRÇEN HART HABEN DIESE KRON IN DIESE KIRO VOR EHRET 1662.“

Можно предположить, что паннакидло было принесено казаками послѣ или похода подъ Рагу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ или послѣ Шведской войны при царѣ Петрѣ.

Изъ другихъ памятниковъ особенно интересны 12 книгъ мнѣе мѣсячныхъ въ 1/2 долю листа, Московской печати при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичѣхъ и патриархѣ Андріанѣ, напечатанныхъ въ 1692 году.

На одной изъ книгъ, именно Іюня мѣсяца, съ перваго-же листа сдѣлана чернилами надпись скорописью XVII вѣка: „По указу великаго государя куплена сія книга мѣсячная мнѣе изъ его великаго государя казны изъ приказа каванскаго дворца и послана на Ямкъ, вновь построенную церковь святаго небесныхъ силъ воеводы архистратига Михаила, 1706 г. октября мѣсяца.“

Эти книги были даны войску послѣ пожарнаго разоренія, бывшаго приблизительно въ 1683—85 г., когда сгорѣли въ городкѣ всѣ церкви. Видно, окончательно отстроился городокъ и церкви были возобновлены лишь къ 1705 г., когда и были даны книги во вновь построенную, взамѣвъ сгорѣвшей, соборную церковь во имя Михаила Архангела.

Но такъ какъ эти книги были уже новопечатныя, т. е. исправленныя, то совершать по нимъ службу явцаіе казаки, бывшіе тогда сплошь старообрядцами, не пожелали и они хранились безъ употребленія вплоть до середины XIX столѣтія, когда были переданы войскомъ во вновь построенный первый православный храмъ въ г. Уральскѣ во имя св. Александра Невского, гдѣ и находятся въ настоящее время.

Это единственные памятники старины того времени, дошедшіе до насъ. Съ возникновеніемъ въ настоящее время войскового музея этимъ драгоценнымъ реликвіямъ того далекаго времени должно быть отведено почетное мѣсто въ этомъ музеѣ. Вѣдь эти предметы принадлежатъ войску—это его неотъемлемая собственность и потому они и должны находиться, какъ памятники далекой минувшей старины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ собраны и будутъ собираться эти предметы—въ войсковомъ музеѣ.

ГЛАВА XXXI.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Во время печатанія настоящаго очерка было найдено много документов донетровскаго времени, которые не вошли въ соответствующія главы. Ввиду же особой важности въ которыхъ изъ нихъ и ввиду того, что второе изданіе очерковъ едва ли возможно ожидать въ ближайшемъ будущемъ, является необходимо привести здѣсь въ некоторые изъ нихъ, какъ *матеріалы для исторіи войска.*

Помѣщая наиболѣе интересныя изъ нихъ.

1534 г.

Ногайскіе мурзы, Кушумъ-мурза и другіе, не послыав своихъ пословъ въ Москву, какъ выраженіе дружбы, жаловались на царя:

„Да овъ посылаючи своихъ *мещерскихъ казаковъ* на всякое лѣто тысячами у насъ ковей отганивали всякой-же годъ. Баракъ-батыръ въ Казавъ было-бъ еси посланъ—всѣхъ ихъ было шестьдесятъ (60) человекъ да на двѣста тысячъ московскихъ денегъ товару еси съ нимъ послалъ да 400 по головьемъ ковей у нихъ было да у нихъ-же 1000 было овецъ—то все у нихъ поимали наши казаки мещерскіе да у нихъ-же четыре человекъ убили до смерти да двухъ человекъ полонили головами свели, да опрочъ того нашихъ людей сорокъ человекъ изъ Казани шло и мещерскіе казаки у нихъ трехъ людей взяли головами“¹⁾.

1538 г.

На нихъ-же жалуется Калмагметъ мурза: „Когда стояли на Волгѣ *мещерскіе казаки* взяли четыре паробка“ (взрослыхъ ребятъ)... Послалъ посла Байтерена а съ нимъ сто человекъ да съ ними говца своего Кульбазду и съ ними царскій посолъ Рхова Азей (былъ) и казаки ихъ потоптали, 50 человекъ пришли къ ногаямъ живы и взяли у нихъ двѣ тысячи лошадей“²⁾.

На эту жалобу Грозный отвѣтилъ: „На поле ходять казаки *многіе Казанцы, Азовцы, Крымцы, и иные баловны казаки.* А и нашихъ украинъ съ ними мѣшавшихъ ходять и тѣ люди кѣкъ самъ тати, такъ намъ тати и разбойники и на ляхо ихъ никто не учеть а учинивъ которые ляхо, разбѣгаютъ по своимъ землямъ“³⁾.

1549 г.

Письмо ногайскаго князя Юсуфа Грозному: „О сей-же годъ наши ходили къ Москвѣ съ торгомъ. Да осенью, какъ шли вавадъ *то самими казаки и сеерюжи* (русскіе жившіе въ сѣверской украинѣ на лѣвомъ берегу Дѣвпра),

¹⁾ Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Ногайскія, книга 2, листы 9—11.

²⁾ Продолж. Древн. Россійск. Визяюфики, томъ 8, листы 50—51.

³⁾ Тамъ-же, страница 76.

которые на Дону стоятъ, пошли на тѣхъ нашихъ людей да ихъ побили и ушны ихъ взяли а ихъ къ тебѣ повели" ¹⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ просилъ переловить всѣхъ казаковъ на Дону и прогнать ихъ съ Дона: „которые разбойники русь живутъ на Дону ты къ намъ пришлешь или ихъ изведешь то братству знамя будетъ" ²⁾.

На эти письма Грозный отвѣтилъ: „Да писалъ еси къ намъ, что на Дону стоятъ Русь разбойники в гостей вашихъ граблятъ. Къ намъ бы ихъ къ тебѣ прислати или ихъ извести. И тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома а отъ насъ бѣгаютъ и мы напередъ сего посылали и не единова чтобы ихъ перенмати. И наши люди добыти ихъ не могутъ. И ны и вынѣ посылаемъ тѣхъ разбойниковъ побивати и которыхъ добудемъ и мы ихъ казнятъ" ³⁾.

Въ другой грамотѣ, посланной Иваномъ Грознымъ Ногайскому князю Измаилу на Яикъ 28 июня, говорится слѣдующее: „И мецкерскимъ есмя казакомъ приказали накрѣпко чтобъ вамъ лиха никакого во чинили. А вѣ что которые казаки безъ вашего вѣдома учвуть прихолить шапемъ (?) и вы бѣ тѣхъ велѣли имати. Да которыхъ изымаете и вы бѣ тѣхъ къ намъ присладе в мы тѣхъ велѣмъ казняти передъ вашими людьми чтобъ впередъ янне вамъ лиха ни котораго не чинили" ⁴⁾.

1551 г.

Письмо отъ Юсуфа ногайскаго князя Грозному: „И другъ-бы мой пословъ нашихъ и гонцовъ чтилъ то дружба и знамя; а сеерюкомъ и казакомъ своимъ, которые промежъ насъ разбиваютъ не вели ходить то твои бѣ намъ дружба" ⁵⁾.

1554 г.

Изъ грамоты Ивана Грознаго въ Измаилу ногайскому князю на Яикъ: „А которые казаки на Волгѣ гостей вашихъ грабили, били а мы тѣхъ казаконъ предъ вашими послы велели казнятъ. А которые впредъ учвуть на Волгѣ стояти и посломъ и гостемъ лихо дѣлати и мы тѣхъ такъ же велели казнятъ. А которые казаки вынѣ отъ насъ бѣгаютъ и хоронятъ на Волгѣ а какъ ледъ придетъ а мы на тѣхъ посылаемъ многихъ своихъ людей и велѣмъ ихъ тамъ побити чтобы лихихъ людей нежъ нашихъ людей не было" ⁶⁾.

1557 г.

Изъ письма отъ князя Измаила изъ Сарайчика, отъ 1 августа, къ Грозному: „Иванъ Черемшновъ (казакъ) улусы вовалъ и полонъ поймалъ, сто душъ полону взялъ, просили есмя и намъ не отдали и ты бѣ отгрозился на нихъ врѣзкою грозю и полонъ взявъ намъ отдалъ и если тотъ полонъ

¹⁾ Тамъ-же, страницы 146—147.

²⁾ Тамъ-же, стр. 148—149.

³⁾ Тамъ-же, листъ 189.

⁴⁾ Тамъ-же, листы 185—186.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 225.

⁶⁾ Тамъ-же, томъ 9, листъ 121.

до насъ не дойдеть и ино твоя правда нарушилась". Изъ дальнѣйшаго письма видно, что въ Сарайчикѣ на Яикѣ у ногаевъ были пашни: „А пашню Сарайчиковскую вода взяла и улусы наши животиною обмерли и голодны есмь и ты бѣ намъ прислалъ на семена хлѣба и запаса хлѣбнаго и мѣду припаш намъ четыре суды (посуды)"¹⁾.

Изъ этихъ данныхъ видно, что казаки, особенно мецкерскіе, еще до взятія Казани и тотчасъ послѣ ея взятія гуляли на Волгѣ и громили ногаевъ; поэтому вѣтъ ничего удивительнаго, если шайка атамана Гугни въ это время уже была на устьѣ Яика.

1578 г.

Нѣкоторыя подробности относительно грабежа Сарайчика въ 1578 году имѣются, между прочимъ, въ переводскѣ Грознаго съ княземъ Урусомъ. Дѣла выговоръ Урусу за грабежъ пословъ, Грозный въ 1581 году въ маѣ мѣсяцѣ писалъ ему:

„И вамъ впередиахъ мочно терпѣти видя также ваши неправды и такое кроворозлитіе отъ вашихъ людей нашимъ людямъ почивилося, а прѣжь сего нашимъ казаки изъ Астарохани неинюгне безъ нашего вѣдома ходили и что наши казаки надъ вашимъ Сарайчикомъ учивали то вамъ самимъ вѣлово; а то мы за такие ваши неправды и грубость передъ нами повелимъ и васъ самихъ воеватъ і ваши улусы казакамъ же Астароханскимъ і Волскимъ и Донскимъ и казанскимъ и мецкерскимъ и надъ вами надъ самими досаду и не такову учиват и намъ уже нынеча казаковъ своихъ убити не мочно, а к вамъ ныне послѣднее приказали есмь с служилыми татарами и свою грамоту къ тебѣ к Урусу князю послали есмь что намъ своихъ пословъ за такие ваши неправды впередиахъ к вамъ посылати нельзя" ²⁾.

Въ грамотѣ 1581 г. 27 сентября отъ царя Ивана къ астраханскому воеводѣ и къ дѣкамъ Петру Ѳеодорову съ товарищи о грабежѣ Сарайчика приказано было сказать Урусу:

„А будетъ отившемъ къ вамъ Урусу что наши казаки у него Олрачикъ сожгли и на Волгѣ пословъ его побили, а онъ бы послалъ къ намъ и вѣбъ отивсали, что наши казаки на Сарайчикѣ не хаживали, а воровать на Сарайчикѣ приходили бѣлые казаки которые бѣлая отъ насъ живутъ на Теркѣ на морѣ на Никѣ а и на Волгѣ казаки донскіе пришедъ съ Дону своровали и нашихъ дѣтей боярскихъ и ихъ пословъ перебили и переграбили и мы тѣхъ воровъ сыскивать велѣли, а сыскавъ ихъ казнить велѣмъ" ³⁾.

1581—1582 г.г.

Изъ этой-же переводски видно, что многіе казаки, ограбивъ Сарайчикъ,

¹⁾ Моск. Арх. Иностр. Дѣл, дѣла могайскія, книга 5, листы 32—34.

²⁾ Моск. Арх. Мн. Ин. Дѣл, дѣла ногайскія, кн. 10, 1581—1582 г., № 65.

³⁾ Тамъ-же, листъ 247.

ушли снова на Волгу и тамъ въ 1581 г. ограбили ѣхавшихъ отъ Уруса хивинскихъ купцовъ, пословъ Уруса и царскаго посла, бывшаго у Уруса, боярскаго сына Василія Пеленелицина съ товарищи:

„И отпустилъ ихъ Урусъ князь и всѣ мирзы пословъ своихъ къ государю послали, а всего де нагайскихъ пословъ было съ ними и тезиковъ (купцовъ) вязурскихъ и хивинскія земли шестьдесятъ семь человекъ а лошадей съ ними было съ семьсотъ лошадей. И какъ они пришли съ нагайскими послы *подъ Сосновый островъ на Волгу* на перевозъ, и на перевозѣхъ и на Волгѣ казаки *Иванъ Кольцовъ да Богданъ Борбоша да Микита Панъ да Сава Болдыря* съ товарищи почали нагайскихъ пословъ и тезиковъ перевозити по прежнему обычаю, кабы добрымъ дѣломъ, а дѣтемъ боярскимъ *Василью Пеленелицину* съ товарищи и имъ служилымъ татаромъ *Баикешу* съ товарищи говорить почали, что они напередъ перевезутъ татарскую рухлядь и татаръ съ половяну; и пришли съ обѣихъ сторонъ Волги на нихъ многіе люди, и дѣтей боярскихъ а ихъ громилы и переграбили и они де служилые татарове уткли у казаковъ вверхъ по Волгѣ пониже *Лопатина острову*, а дѣти боярскіе *Василій Пеленелицинъ* съ товарищи часть уткли, а нагайскихъ пословъ и тезиковъ переграбили и самихъ перенимали, а на дорогѣ они слышала у мордвина, что дѣти боярскіе уткли на *Алатырскую украйну*“¹⁾.

Объ этомъ-же грабежѣ Пеленелицинъ, прибывъ въ Москву 1 сентября 1581 г., заявилъ слѣдующее:

„А какъ Урусъ князь отпустилъ (*Василія Пеленелицина*) къ государю да своихъ пословъ *Деткиру* (?) съ товарищи всего шестьдесятъ семь человекъ и съ тезики къ государю отпустилъ съ *Васильемъ* вѣстѣ, а лошадей у пословъ и у тезиковъ семьсотъ лошадей, и какъ де пришли они *на Вслу на Сосновый островъ* я послали напередъ себя къ *Волскимъ атаманамъ* и къ *казакамъ*, чтобъ ихъ велели перевозити, и атаманы де и казаки велѣли ихъ перевозитъ да пословъ де нагайскихъ и тезиковъ на перевозѣ побили и лошади и таваръ у пословъ и тезиковъ понмали, да и у *Василья* де у *Пеленелицина* съ товарищи и у служилыхъ татаръ лошади и рухлядь понмали, и *Василій Пеленелицинъ* атаманамъ и казакамъ говорилъ, чтобъ они нагайскихъ пословъ и тезиковъ не побили и грамоты-бъ нагайскія отдали ему *Василью* а казаки де ему сказали, что у нихъ урусовъ посолъ живъ да товарищей его нагайскихъ пословъ человекъ съ тридцать да иныхъ де нагайскихъ пословъ и тезиковъ побили да и грамоты де нагайскія у пословъ ихъ понмала“²⁾.

Что Москва хорошо умѣла отличать казаковъ волжскихъ, довскихъ и другихъ другъ отъ друга, видно изъ многихъ примѣровъ въ перепискѣ царя *Ивана Грознаго* съ нагайскимъ княземъ *Урусомъ*.

¹⁾ Тамъ-же, листы 141—142.

²⁾ Тамъ-же, листы 147—148.

Такъ въ письмѣ 1580—81 годовъ Грозный пишетъ Урусу:— „А иногда ссора чинаца от того з Днепра приходитъ атаманъ Федко Безтужевой Днепровскими казаки по третье лѣто на Волгу и тѣ многое воровство чинять і нашихъ людей грабятъ и побиваютъ и на улусы наши приходятъ и в полонъ емлютъ а посылаетъ король литовскій и тѣхъ атамановъ съ Дѣпура а хочеть насъ съ вами ссорити“¹⁾.

Когда-же атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ въ тѣ-же годы разгромилъ вогайцевъ, то Грозный писалъ Урусу:

„А что у тебя казаки Волские Ермак с товарищи отогнали тысячу шестидесят лошадей да убил твоего человека Батугана и мы того смекат велѣли а сыскав тебѣ о томъ вперед вѣдомо учини с своимъ посломъ а приходятъ на Волгу многие казаки з Днепра и з Дону и воруют и оприв Волскихъ казаков и мы того сыскав велѣли накрѣико“²⁾.

Въ его-же грамотѣ къ Строгановымъ, по поводу найма ими Ермака для охраны своихъ промысловъ и для посланъ въ Сибирь, говорится: „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ атамана Ермака Тимофѣевича съ товарищи“³⁾...

Насколько сильны и многочисленны были въ свое время волжскіе казаки, видно изъ того, что во время войны поляковъ съ турками подъ Хотинку, когда запорожцы оказали лѣтательное участіе, пришло на помощь двадцать тысячъ волжскихъ казаковъ. Они пришли поздно, королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками⁴⁾.

1585 г.

Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что япцкіе казаки не только жили городами на Яикѣ, но и на Эмбѣ, куда заходила, вѣроятно, не иначе, какъ съ моря.

Такъ бывшій въ 1585 г. посланникомъ въ Турціи бояръня Влаговъ доносилъ царю:

„Да приходилъ къ Крымскому царю изъ Ногай отъ Уруса князь посолъ Кутлабердей да отъ Шабай Мурзы посолъ Тумаръ и на посольствѣ-де говорилъ царю... а нинѣбъ турскій (султанъ) посланъ подъ Астрахань своихъ людей а они съ турецкого людьми готовы всѣ а Московской (царь) де нинѣ съ нами завоевался и отъ московскаго намъ учинилась тѣснота велѣвля нине московскій учинилъ на Волгу казаковъ многихъ и улусы мотайскіе пограбили многие и отъ Волги ихъ (вогавевъ) отбили встать и Бузукъ мирзина Севдъ-Ахмета сына улусъ отгромили весь, и Жильдеша вучукова убили а нине ходили войною къ Кину Кайчанъ за Узанърыку, а

¹⁾ Тамъ-же, листъ 37.

²⁾ Тамъ-же, листъ 120.

³⁾ Дополн. къ актамъ истор., кн. 1, статья 128.

⁴⁾ Костомаровъ, бунтъ Степки Разина, его смыслъ на лѣтописъ Сам. Величко, 1 прил., стр. 24.

за Яикомъ днища съ три воевалы по рѣкѣ по Емъ и нѣтъ отъ московскихъ людей впередъ прожить не мочно: на Волгѣ и на Яикѣ и на рѣкѣ на Эми поизтавили городки многіе а крымскихъ пословъ Урусь князь посылалъ къ московскому; тѣмъ посланъ на Москвѣ безчестье было великое мало не побояли на смерть и Урусь князь потому вынѣ съ Московскимъ завоевались¹⁾.

1586 г.

О первыхъ стычкахъ яицкихъ казаковъ съ татарами сохранилось весьма мало документовъ. Лишь весьма незначительныя изъ нихъ найдены въ нагайскихъ дѣлахъ. Изъ этихъ документовъ видно, что у казаковъ на Яикѣ былъ не одинъ городокъ, а три и что казаки не только отбили нападеніе татаръ на Кошъ-Яикъ, но разбили ихъ и преслѣдовали, при чемъ при преслѣдованіи вновь разбили ихъ окончательно.

Въ отпискѣ въ Посольскій приказъ отъ астраханскаго воеводы князя Лобанова-Ростовскаго съ товарищи въ 1586 г. въ августѣ мѣсяцѣ, между прочимъ, о казачьихъ дѣлахъ на Яикѣ говорится слѣдующее:

„Августа въ 25 день прѣѣзжали изъ Нагаи юртовские татарова Балнч-Тей да Казы-Мейданъ, а посланы съ служивыми татарами зъ Бахтеяромъ съ товарищи, а сказалъ что Урусь князь Бахтеяра съ товарищемъ оставилъ у себя а къ Шидихъ-Мету послалъ Вайтерека а Курмаметъ... самъ де ко мнѣ государь что нашь... дани не имати і вы-бѣ де... дани не имали а Івана де Хлопова Урусь князь хотѣлъ отпустить къ тебѣ ко государю и какъ де прѣѣхали Бахтеяръ съ товарищи и Урусь де князь Івана Хлопова оставилъ у себя а были де мы у Уруса князя тово-жъ деи въ которой день прѣѣхали, и Урусь де князь твою государеву грамоту прочелъ да... замолчалъ, а Іванъ де Хлоповъ у Уруса князя въ тѣ поры не былъ, да приходили де казаки на Хозинъ улусъ и убили Бабу-Хозю да жену ево да взяли егъ полону Карашманъ хозина жену Абу Уругову сестру а Карашманъ де Хсезъ утекъ, а были де на томъ дѣле Шадъ-Ахметъ-Мирза да Кучукъ-Мирза да Ханъ-Мирза да Ярасманъ-Мирза да Сатий-Мирза и казаки де отъ нихъ отошли въ лесъ, а взяли де у Нагаевъ казаки нагайскихъ людей и полону съ триста душъ а атаманъ де у казаковъ Матюшею зовутъ, а было де сказываютъ казаковъ человекъ съ пять сотъ, а поставлено де государь у козаковъ на Яике три городки, да взяли де казаки у Нагаевъ съ три тысячи животины да пятнадцать панырей, а приходили де казаки на улусъ на Яике егъ полону, да убили де казаки Сатиева улусу Наниа Накетъ де Ураза, да ханъ-Мирзина Юшана улусу Куджа Багатыря, и дѣти де ихъ насъ не хотѣли отустать и мы де побегали да тому де мѣсяца съ полтора отуст(илъ) было къ тебѣ ко государю

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Турецкія, кн. 2, листы 404—408. Донесеніе посла болгарска влаета.

Урусъ князь Івана Хлопова и приходили де государь казаки на богомольцехъ на Хозимъ улусъ в улусъ погромили, а взяли половину душъ зъ дѣтстве, да убили старово Хозю да Акъ (?) Хозю и животину коровы и овцы отогнали а воевали улусъ три дни и Урусъ князь для того Івана Хлопова и не отпустилъ, а говорил де Урусъ князь и Мирзы: государь де къ намъ прислалъ пословъ да и воину за нами прислалъ, а приходили де тѣ люди на наши улусы съ Астороханскихъ воеводъ вѣдома, а сказываютъ де, что Урусъ князь и мирзы пословъ не грабили и людей ихъ не продаивали, а хочеть де Урусъ князь съ нами холопы твоими поговорити отчево... задоръ сталъ ...вѣтъ (?) (быть) да тогда де и пословъ отпустилъ, а изъ за Яека де Урусъ князь и мирзы поворотили да полонники-жъ сказали поставили де... (воровскіе) люди городъ на Кошъ-Яике... къ городу (приступалъ) Ханъ-Мирза да Ярославъ Мирза съ ногайскими людьми и рускіе де люди Нагаи побили, а у рускіихъ людей побитые есть же, и Урусъ де князь и мирзы собираютца съ людьми а хочеть ити къ новому городу, а говорятъ только де городъ возьмутъ и ивъ де сказываютъ ити кочевати къ Асторохани а только де города не возьмутъ и ивъ де кочевати за Сыръ реку, а какъ де государь Нагайски люди приходили къ новому городу и взяли подъ городомъ твоихъ государевыхъ людей трехъ человекъ и привели ихъ къ Урусу князю, и Урусъ князь ихъ роспрашивалъ про городъ и они сказали что городъ крепокъ взяти имъ города нельзя, а Бухарской де царь сево лѣта въ Нагай торговыхъ людей не отпустилъ имъ одново человекъ, и Нагаи де стали наги, да себъ де весан ходилъ Ханъ-Мирза на Туркменцы и бой у нихъ съ туркменцы былъ а того не вѣдаетъ на чейъ розоделся, а Иванъ де Хлоповъ стоитъ у Тиналѣй-Супы близко Уруса князя, а пословъ де не граблывали а казаковъ де Нагаи облегли а казаки де стоятъ на Яике въ крепости а около ихъ вода и суды и лошади и животина у нихъ есть... Да Ахметъ же сказывалъ какъ де государь на Нагаевъ приходили казаки и отъ те де поры пришелъ на нагаевъ, дожджъ великой и после де дожджа учали нагаи сушились и казаки де на нихъ дружнорядъ пришли потайкомъ да у нихъ побили многихъ людей а нявншихъ людей убили Бочкара Инвадеша Урусова лутчева человекъ, а прежде государь того приходили на казаковъ Шиди-Ахметъ Мирза да Кучубъ Мирза и ише мирзы и къ городку приступали и казаки де убили у нихъ на выласке тридцать человекъ и они де и прочъ пошли да приходилъ де ханъ Мирза къ тѣмъ же казакамъ а съ нимъ шесть сотъ человекъ и казаки де подкралися льсомъ да на нихъ приходили и нагайскіе де люди поутекали... да государь же ставитъ города на Самаре и на Бѣлой Волошке и на Угъ и на Яике и ивъ де какъ государевыхъ пословъ и своихъ за то отпустить и мирзы де государь и черные люди учали Урусу князю говорятъ пословъ де государевыхъ ватѣвъ не держи и своихъ пославъ а о томъ пиши ко государю, и в тѣ де поры пришли казаки на

Хозины улусы на Богомолицовы на Карахзин и на Бабехозин и на Караасман Хозин и тѣ улусы пограмили да в тѣх же де улусех... казаки Исмаилеву княжюю доч Урусову сестру а имени еи не упомянут и Урус де князь учал говорити мирзам и черным людям смотрите де вы государевы правды кой де час к намъ грамоты прислал тот де час на нас и казаки пришли, и мирзы де государь и черные люди о том учали говорити Урусу князю о томъ де яши къ государю а государевыхъ пословъ ве... казаки де у них отгромили тридцатъ нансырев да сѣдла и саадаки поимамъ и после де государь того приходили на тѣх же казаков Урус князь Шияд-Ахмет мирза Ур-Магамет мирза шесть братьев да Хая-мирза Урусоев княжой сынъ а с ними вся нагайская орда и приступили к городку с приметом а хотѣли приметав лѣс да городок зажеч да тут же де было нагай двѣсти человекъ с ружницами и казаки де вылезли из городка да нагайскихъ людей побили и убили у них с двѣсти человекъ и ружницы у них и ружьяд поимали и Урус де князь и мирзы и вся Нагайская орда от городка и проч пошли, да отшедши от городка и приход де на них дождь и град и шол вся воч в ови де омиши (обжюши) да почали было сунитца и казаки де государь пришли на них тиском (тишкомъ) розделяса на шестеро и побили у них полоку нагайского с триста душъ да шесть сот лошадей, и волон де дѣвали казаки на окупъ нагаем а с лошадми пошли на украины да Ахмет же сказал говорят де и мирзы и черные люди толко де на сей зимѣ с Асторозавью не помиримся и у нагаи де умышленье инья хотят итти в Бухару¹⁾.

Отвѣчая Урусу на его жалобу о грабежѣ казаковъ, царь писалъ:

... а слухъ нас дошел будто за то их не отпустили, что бывые казаки воры, которые жили на Воле и нашихъ людей судовыхъ побивали и грабили и на ваши улусы приходили, и мы их велели переимат и казнить и они збежавъ от нашия рати на Яик да Урусовы улусы пограмили и людей побили и... вамъ владива всѣмъ вѣдомо что казаки воры то дѣлаютъ безъ вашего вѣдома какъ вашихъ громятъ такъ и нашихъ судовыхъ людей бьютъ и грабятъ и до смерти убиваютъ, а наши люди гдѣ тѣхъ воровъ кого ни пойхаютъ тут я казнятъ смертью²⁾.

Найдены вѣкоторыя подробности о нарядѣ 150 чел. яицкихъ казаковъ въ 1586 году съ царевичемъ Муратъ-Гиреемъ въ Крымъ (см. 81 стр. наст. очерка.)

Въ числѣ атамановъ, пошедшихъ съ этою ставнцею, была Матюша Мещерякъ (а не Мазышка Мещерякъ, какъ напечатано на 81 стр.)³⁾ Ермакъ Пе-

¹⁾ Моск. Арх. Ин. Дѣл. дѣла нагайскія, дѣло 1586 г. дѣло № 1, картонъ 1, листы 18—34.

²⁾ Такъ-же, дѣло № 4, картонъ 1, листъ 6.

³⁾ Это произошло по ошибкѣ переписчика, переписывавшаго этотъ документъ въ архивъ и сдававшего его Ин. П. Хорошину, который документа не проверилъ. Лишь по свѣдѣнн его мною, далеко позже послѣ напечатанія главы, оказалось, что это не Мазышка, а Матюша Мещерякъ.

тровъ, Ортѣха Болдыревъ и Тихонъ П—шъ. Приѣдя на Самару и явившись воеводѣ, казаки показали дурность. На требованіе воеводы отдать награбленную у ногаевъ добычу, они не только ее не отдали, но заявили бывшимъ тутъ жалобщикамъ ногаямъ, что они громили по указу государя и ограбили ихъ второй разъ. Но воеводѣ удалось захватить атамановъ Мещеряка, П—ша и еще трехъ человекъ и арестовать ихъ. Остальные отправились заслуживать вины въ Астрахань, куда и прибыли благополучно.

Воевода самъ не рѣшался ничего предпринимать съ виновными атаманами, а послалъ донесеніе въ Астрахань. Но пока это донесеніе шло, арестованные атаманы, согласившись вмѣстѣ съ литовскими вольнонаемными ратными людьми, вздумали съжечь городокъ и освободиться при помощи остальныхъ янцкихъ казаковъ, оставшихся на Яикѣ. Объ этомъ говорить дошедшая до насъ челобитная Федора Гурьева съ товарищи, посланныхъ изъ Москвы съ ногайскими посланнми къ ногайцамъ осенью 1586 г. Челобитная эта во многихъ мѣстахъ истлѣла и чернила вылиняли такъ, что разобрать ее весьма трудно.

Государю царю великому князю Федору Ивановичу всеа русіи, — говорится въ челобитной, — холопни твои государевы *Фетъко Гурьевъ да Иванецъ Страхозъ да Рат(з)оецъ (?) Хоровъ* челомъ бѣютъ. Посланны государь мы в наган заморзли суды наши врезни а зазимовали... мы и нагайские послы с нами вмѣсте какъ свеслися с судовъ в зиму ниже Самарского города 20 версты въ *Шилихмицкихъ горахъ*; писал государь к намъ марта въ 19 день твой государевъ воевода князь *Григорей...евичъ Засыкинъ* и (на) Самарского города, что тебѣ государю изменили... которые на твоей государеве службѣ в Самарскомъ городѣ зговорися с казачьими атаманами которые переиманы в твоей государеве опале с Матюшею... Мещерякомъ да с Тимохоемъ с П—шемъ и с ихъ товарищи... и ты намъ итти в наган и Самарского города и велел... сыскавъ (?) нагайского погрому казачья рухляди да... еникуда и детину отдать перед нами нагайскимъ послемъ а в роспросе государь и на пытке твоему государеву воеводе... (ска)зали атаманы и литва что послали вѣсть на Волу на Устькѣ и на Яикѣ к атаманамъ и к ихъ товарищамъ а вел... (ѣли) бытъ всѣмъ явившимаго 95 году (1587 г.) к твоему государеву городу к Самарскому на Олексѣевъ день человекъ Вожиа или на Благодѣщеневъ день а не будут на тѣ сроки... вода росполяца да воеводу и всѣхъ людей побить и городъ жечь и пришедъ в Шелехмечские горы и насъ холопей твоихъ и нагайскихъ послонѣ побити а казна твоя... взятъ и князь Григорей государь велѣлъ намъ бытъ в городъ с твоею государевою казною и нагайскими послы, а мы тотчасъ пришли с нагайскими послы и твою государеву казну на себѣ перенесли в городъ, а мы государь и нагайские послы свою рухлядь возимъ к городу, да нагайскимъ же послемъ князь Григорей далъ рухлядь возитъ двадцать стрельцовъ да всѣхъ улусовъ много татарове изъ зимовья нейдуть в городъ а князь Григорей государь послалъ к татаромъ в зимовье сына боярсково да дватцатъ человекъ стрельцовъ да десетъ человекъ литвы для береженья; писалъ ты государь в новый городъ в Самарской

к воеводе ко князю Григорью Засѣкину с сыном боярским с постыником с *Косаювским* а и нам холопом твоим писал с толмачем служивымъ Зиньгилдѣемъ Иселевнымъ... Матюшу Мещеряка да Тимоху Пи-ша да иныхъ изъ товарищей пушкихъ велѣлъ казнить передъ ними послы смертною казнию, и князь Григорей велелъ повѣситъ пяти человекъ Матюшу Мещеряка да Тимоху Пи-ша да Ивана Камышника да дву товарищей с ними пушкихъ, а ружьедя государь прислав одал ногайскимъ посломъ с послыникомъ с *Косаювскимъ* передьями завѣска... золотная да еерези дороги алы да еерези дороги зелены" ¹⁾ в т. д.

Относительно-же прибывшихъ въ Астрахань 150 ядвяхъ казаковъ явѣется указаніе въ грамотѣ, посланной изъ Москвы въ 1587 г. 26 февраля въ Астраханскому воеводѣ князю Лобанову-Ростовскому.

„И вы-бѣ ратнымъ людемъ, — говорится въ грамотѣ, — всѣмъ стрѣльцомъ и казакамъ велѣли быти наготовѣ съ царевичемъ съ Муратъ Кирѣемъ да и тѣ бы казаки, которые громили нагаи на Яикѣ а нынѣ они прѣѣхали съ вами въ Асторохань и выѣ имъ нашу службу сказали съ царевичемъ, а говорили явѣ, чтобъ они наши опалы на себя неопасались, хотя они съ нагаи и ссорили сами насъ, токмо ихъ нынѣ пожаловали опалы отдали и были-бѣ они на нашу службу готовы а они бы впередъ не воровали а на то бы они не... (здѣсь много строкъ совершенно выцѣпли и прочесть невозможно) переплыли на Волгѣ у Сама(ры) (го)рода и казнили... къ вражьему воровству прибавили много воровства прѣшедъ подъ Самарской городъ началъ съ нагайскими послы всякія неправдѣ дѣла говорить будто мы ихъ нарочно послали нагаи воевати и жены ихъ соромотить и начали рассказывать... Урмагметъ Мурзу и Урусова сына... и какъ жель ихъ соромотили... и полонъ имъ почали вазадъ отдавать... на нихъ почали немѣрныя цѣвы... и перемала и пуцахъ сать казнили а подъ ними того не буд... только-бѣ естя тѣмъ пром... по укрѣпите и по рукамъ... чтобъ неразбѣжались... что имъ казни... никакіе не будетъ и не сказывались-бы яикскими казаки, а говорили-бѣ, что они тутю и не бывали а говорите имъ что въ нихъ вступился царевичъ потому ихъ мы и пожаловали и были-бѣ они наготовѣ на нашу службу съ царевичемъ съ Муратъ Кирѣемъ и съ вами" ²⁾.

Любопытнѣе всего въ этой грамотѣ политика Москвы. Казакамъ прощаютъ вина, т. е. Москвѣ нужна ихъ служба, во чтобы не разсердить ногайцевъ, казакамъ приказано говорить, что они на Яикѣ никогда не были и что они не яикіе казаки и въ тоже время, сознавая всю несостоятельность этого объясненія казаковъ предъ ногайцами, Москва политично приказываетъ говорить казакамъ, что они прощены по просьбѣ царевича Кирѣя.

Изъ другихъ документовъ, относящихся къ этому періоду, самою интересною является челобитная донцовъ 1632 г.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Ногайскія 1586 г., карт. 1, дѣло № 10, листы 82—84.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Крымскія 1579—1589 г., картонъ 1, листы не нумерованы.

Въ этой челобитной допци перечисляютъ всѣ свои службы и вмѣстѣ съ этимъ говорятъ о службахъ и другихъ казаковъ: яицкихъ, гребенскихъ и волжскихъ.

Поводомъ для этой челобитной послужило цѣлованіе креста (дача присага) за все Донское войско царю Михаилу Ѳеодоровичу донской станицы, бывшей въ Москвѣ, и пріѣздъ на Донъ дѣака князя Ивана Дашкова съ требованіемъ къ Донекому войску цѣловать крестъ царю и переписать казаковъ. Вмѣстѣ съ этою посылкою на Донъ, на Яикъ былъ посланъ съ тѣмъ-же порученіемъ Богданъ Зибевъ. Зибеву, какъ мы знаемъ, удалось привести ко кресту всѣхъ яицкихъ казаковъ, но Дашковъ у донцовъ потерпѣлъ неудачу.

И въ вышншемъ государь въ 1632 г. марта въ 1 день... а какъ будетъ князь Иванъ Дашковъ да подъячей Леонтей Полуектовъ на дону и вамъ бы ихъ по вашему государскому указу встрѣтити и принять честно и по вашему государскому указу мы холопы ваши межя собою учинили приговоръ что намъ холопамъ вашимъ на князя Ивана Ондреевича дашкова да подъячего леонтія полуектова ожидать на дону въ съѣздѣ и въ походѣ ни на моря ни на степь нигдѣ въ походѣ ни ходити и съ отовскими людьми ни размиряватца и какъ дѣякъ и князь Иванъ Ондреевичъ Дашковъ да подъячей леонтіи полуектовъ будутъ на дону не доѣзжая насъ, войска, на низъ и сверху к намъ прислали съ вѣстями и по вашему государскому указу и по прибытїи князя ивана ондреевича дашкова да подъячего леонтія полуектова мы холопы ваши судовые и конные встрѣчали маня въ 13 день и приняли ихъ съ великою честью по прежнему какъ и прежнихъ твоихъ государевыхъ дворянъ по вашему государскому указу встрѣчали мы и примали і встрѣтивъ ихъ изъ большого вогненова і изъ мелкова ружья стрѣляли и вашъ государевъ дѣякъ князь иванъ ондреевичъ да подъячей леонтей полуектовъ сказали намъ твое государское жаловальная слова і великаго государя отца твоего великаго государя святѣйшаго патриарха московскаго і всеа русіе благословенію святительскому мы холопы твои обрадовансы велѣли пѣть молебны и знонамъ и за тебя государя і великаго князя михаила Ѳеодоровича всеа русіи и за благовѣрнаго и благородного царевича и князя алексѣя михайловича многолѣтняя здравья и за отца твоего за великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича патриарха московскаго і всеа русіи душевноя спасевія молила бога и дѣякъ князь иванъ ондреевичъ да подъячей леонтей полуектовъ отдали вашу государскую грамоту за приписью дѣака михаила данильа и отдавъ намъ грамоту какова ваша царская грамота съ намъ прислана к намъ холопамъ вашимъ на донъ ко всему войску а по вашей государской грамотѣ намъ указава целовати крестъ тебѣ великому государю царю і великому князю михаилу Ѳеодоровичю всеа русіи и твоею царскаго величества и благовѣрному и благородному царевичю князю алексѣю михайловичю... по записи а по крестному цѣлованью по вашему государскому указу велено привести насъ холопей вашихъ дѣяку князю ивану ондреевичу дашкову да подъячему леонтею полуектову а *приветчи* имъ

кресту насъ донскихъ отомановъ казаковъ холопей вашихъ взяти в смяту сколько насъ будетъ а втичь бы намъ по вашему государскому указу на вашего государя недруга на польскова и на литовскаго короля и на литовскихъ людей и крестнова государя целованья на дону какъ и зачелся донъ козачьи головами не повелось при бывшихъ государехъ старые отоманы казаки вмѣ государямъ неизвѣнно служивали не за крестнымъ целованьемъ въ которое время царь иванъ стоялъ подъ Казанью ¹⁾ и по его государеву указу отоманы казаки выходили з дону и с воли и съ якику и с терка ему отоманъ Сусаръ едорозъ и многие отоманы казаки яму государю подъ кизанью служили не за крестнымъ целованьемъ после того при царе иване михаила черкашенинъ и отоманы казаки во псковъ сидѣли в осаде ²⁾ не за крестнымъ целованьемъ при царе иване выходили отоманы казаки ермакъ тимофеевъ сибирь взял и прислалъ къ москвѣ государю съ языки и царь иванъ и тѣхъ отомановъ казаковъ которые к москве присланы не велѣлъ ко кресту приводити а ермаку і впрѣдъ указалъ бити на свои (ѳ) государеве службе отоманомъ възавкомъ въ сибиря не за крестнымъ целованьемъ при царе иване ходили князь василій пятровичъ ...нинъ князь иванъ шуйскій и о тѣ поры отоманы козакъ царевъ козакъ отоманы триорей картавой иванъ лукьяновъ многие отоманы козакъ государеву службу служили въ осады въ ортыкъ ³⁾ не за крестнымъ целованьемъ блаженныя памяти при царь едоре ходилъ царь едоръ подъ рудоявъ и подо ѡванъ городъ и по его государеву указу выходили отоманы козакъ з дону и с воли и съ якику и с терка со многихъ запольныхъ ртыкъ отоманъ послникъ луневъ многие отоманы козакъ царю едору ивановичю подъ рудоявемъ и под ѡванамъ городамъ служили ⁴⁾ не за крестнымъ целованьемъ на другой годъ после рудоявскаго походу ходили бояря мстиславской с товарищи подъ выборгъ ⁵⁾ и царь едоръ призывалъ отомановъ козакъ з дону и с воли и съ якику и с терка выходили отоманъ послникъ жа луневъ да онъ (ять) с нимъ многие отоманы козакъ з бояря ему государю служили не за крестнымъ целованьемъ а после государя того борисъ едоровичъ стоялъ на береговой в серпуховъ ⁶⁾ былъ с нимъ вся московская государства и отоманы козакъ въ ту пору ему береговую службу не за крестнымъ жа целованьемъ служили да не токмо государя донскихъ и волотыкихъ и яицкихъ и терскихъ выхаживали при бывшихъ царяхъ но украинные города на блмородъ на царевъ городъ на осколъ на на волуйку донецкче козакъ и тѣхъ бывшие-же ко кресту приводить ни гдѣ не указали а (ѳ)нами холопи вашии того крестнова целованья на

¹⁾ Въ 1552 году.

²⁾ Въ 1581 г.

³⁾ Если при Иванѣ Грозномъ, то въ 1554, году, если-же при Федорѣ Ивановичѣ, то въ 1590 г.

⁴⁾ Въ 1590 г. Рудоявъ, правильнѣе Рудодия, т. е. гор. Нарва.

⁵⁾ Зимой 1592 г.

⁶⁾ Когда—неизвѣстно, если-же въ 1591 г., то при нашествіи Крымскаго хана на Москву.

дому не обновитца чело искони вѣкъ не была мы холопи ваши прироче-
ные служимъ ваши государскіе всякие полевые службы и вашихъ государевыхъ
пословъ і посланниковъ і воеводъ по вашему государскому указу встрѣчаемъ
и принимаемъ и провожаемъ не за крестнымъ цѣлованьемъ... (дальше говорится
о убійствѣ Богдана Карамышева)... а креста государя цѣловати мы чело-
битчикамъ своимъ не писали и не приказывали то наши челобитчики бо-
гдавъ тимофѣи учинили не помня старины своими молодыми разумы безъ на-
шего войскового совѣту и безъ приказа вы государи вольны за нашу вину и
преступку въ головахъ нашихъ... а памятуя государи бога и пречистую ево
матерь и московскихъ чудотворцевъ и свою православную крестьянскую вѣру
въ которой мы холопи ваши породилися и возросли и къ прежнимъ госу-
дарямъ старыхъ отомановъ козаковъ не за крестнымъ цѣлованьемъ неизмѣн-
ную службу потому-жъ и мы холопи ваши своимъ сквернымъ беззаконнымъ
жизнемъ недостойнымъ къ такой страсти христовой приступити креста целовати
а твою царскую службу вамъ государямъ ради служить... а расписи намъ
къ вамъ государямъ прислать не угодати потому что живучи на дову и на
степи по запольнымъ рѣчкамъ мы холопи ваши в рози сами себя смѣтати
не умѣемъ сколько насъ холопей вашихъ вамъ государямъ есть а служимъ
государи не спомѣстей и с вотчинъ вашу государскую службу страны да с
водн и о кровѣ вашева государскова жалованья намъ холодемъ вашимъ
ожидати и надѣтца нѣ во что ¹⁾...

Изъ этого документа видно, что казаки участвовали при взятіи Казани
(1552 г.). Правда, подача челобитной послѣдовала послѣ взятія Казани спу-
стя восемьдесятъ лѣтъ, но, принимая во вниманіе, что на Дону въ это время
могли быть такіе-же патріархи, какъ и на Яикѣ во время переплыва Заха-
ровъ, въ родѣ Осипа Бѣлоусова и Ключбея Таучева ²⁾, которые великозвѣсно
могли знать подробности взятія Казани, а можетъ быть и были уча-
стниками ея взятія, показанія донцовъ надо считать заслуживающими пол-
наго довѣрія. Правда и то, что трудно предположить, чтобы въ это
время (до 1552 г.) русскіе люди — казаки могли жить на Терекѣ или
на Яикѣ. Если они и жили въ это время тамъ, то, вѣроятно, жили гдѣ
нибудь на устьяхъ этихъ рѣкъ, какъ говорить преданіе объ Василіѣ Гугаѣ
на Яикѣ.

Можно предполагать также и то, что послѣ взятія Казани вольные ка-
заки, участвовавшіе въ бояхъ, а ихъ было около десяти тысячъ, разбрелись
по запольнымъ рѣчкамъ, спустившись внизъ по свободному пути по р. Волгѣ
къ морю, и здѣсь на устьяхъ рѣкъ Яика, Терека и Эмбы основали свои
вольныя общины. Назывались потомъ яицкими и терскими казаками они

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Разряднаго приказа, Новгородскій стоаъ, связка № 89, листы
380—396. Этотъ документъ найденъ Павломъ Петр. Сахаровымъ, изслѣдователемъ Донской ста-
ршины, который любезно подѣлился своимъ открытіемъ со мною.

²⁾ См. 122—128 стр. наст. очерка.

были въ правѣ считать себя участниками взятія Казани и въ послѣдующіе годы заявляли, что мы, т. е. яицкіе и терскіе казаки, были при взятіи Казани.

Остальныя службы, указанныя въ этой челобитной, подтверждаются другими документами и потому нѣтъ основанія не довѣрять и указаніямъ донцовъ объ участіи ихъ и яицкихъ и терскихъ казаковъ при взятіи Казани.

1590 г.

Служба яицкихъ казаковъ въ 1590 г. въ Орѣшкѣ, при его осадѣ, подтверждается другимъ документомъ, найденнымъ въ Моск. арх. иностранныхъ дѣлъ въ Крымскихъ дѣлахъ ¹⁾.

Онъ представляетъ изъ себя отрывокъ безъ начала и конца.

Начинается онъ со словъ: „Федоръ Ивановичъ Мстиславскій да князь Федоръ Михайловичъ Трубецкой с товарищи *Донскихъ и Волжскихъ и Яицкихъ казаковъ* и стрѣльцовъ по росписи отдадутъ и вы бѣ не тѣхъ запасовъ дали атаманомъ и казакомъ *Донскимъ и Волжскимъ и Яицкимъ* всѣмъ, которыхъ ваши бояре і воеводы *въ Орѣшкѣ съ вами оставляютъ* дали ни тѣхъ запасовъ, что изъ Нова-Города привезутъ“... Далѣе идетъ перечисленіе сколько вужно закупить корму людямъ и лошадамъ на случай осады Орѣшка. Даты на документѣ не имѣется, но, судя по фамиліямъ воеводъ Мстиславскаго и Трубецкого, это должно относиться къ 1590 г. ²⁾.

1630 г.

О первомъ появленіи калмыкъ на Яикѣ и о первыхъ стычкахъ ихъ съ казаками мы до сихъ поръ ничего не знали. На этотъ разъ кое какія указанія по этому поводу удалось найти въ калмыцкихъ дѣлахъ.

Калмыки появились на Яикѣ, какъ и предполагалось, въ 1630 г.

Въ донесеніи царю по этому поводу самарскій воевода *Борисъ Салтыковъ* писалъ слѣдующее: „Въ нынѣшнемъ государь во 138 (1630) году мая въ 17 день прислалъ государь на Самару съ Яика Яицкіе атаманы и казаки Яицкихъ-же казаковъ 11 человекъ *Трошку Филиппова* съ товарищи, а съ ними прислали ко мнѣ, холопу твоему, отписку; а писана къ тебѣ ко государю. А въ респросѣ, государь, мнѣ холопу твоему тѣ Яицкіе казаки сказывали: зимовали де они на Яикѣ въ *Бѣломъ городкѣ* съ атаманомъ съ *Ефремомъ Кулакомъ* 70 человекъ *а иные по инымъ городкамъ а вспахъ де ихъ зимовало на Яикѣ во вспахъ городкахъ съ 300 человекъ*; и нынѣ де прислали ихъ съ Яика бити челомъ тебѣ государю, чтобъ ты государь пожаловалъ ихъ — велѣлъ имъ выходить съ Яика на Самару и въ нынѣ государевы города по прежнему (далѣе неразборчиво)... де государь пожалуешь ихъ велишь ходитъ имъ съ Яика на Самару и они де государь хотять быть всѣ и съ женами и съ дѣтьми на Самару; да нынѣшніе де зимы прикочевали къ нимъ на Яикѣ

¹⁾ Картовъ 2, 1592 г. № 1.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., томъ 2, стр. 380, изд. 2, 1896 г. (шеститомное).

калмыцкіе люди и къ ихъ де государь казачьимъ городкамъ приступали, и они государь многихъ калмыцкихъ людей на приступѣхъ побили и языковъ раненныхъ поимали, и тѣ де калмыцкіе взятые люди въ роспросѣ сказывали, что де идутъ на нихъ войною большіе калмыки, и пришедши де имъ кочевать по рѣкѣ по Яику по обѣ стороны и до Волги; да имъ же де государь ити на большихъ нагаевъ войною—хотятъ де ихъ заворотять къ себѣ-жъ, и послѣ де государь роспросу тѣ калмыцкіе взятые мужики отъ раиъ померли; да апрѣла де государь въ 22 день прикочевали на Яикъ къ тѣмъ же калмыцкимъ людямъ большіе калмыцкіе люди, и былъ де государь у нихъ бой, и тѣ де большіе калмыцкіе люди тѣхъ прежнихъ калмыцкихъ людей многихъ побили а достальныхъ людей поворотили съ собою, а мурзы де съ невеликими людьми ушли на низъ по Яику къ морю и которые де калмыцкіе люди съ розгрому и они де бѣгутъ за мурзами-жъ по Яику на низ; и у нихъ де казачьихъ съ тѣми калмыцкими людьми былъ бой а приступали де къ нимъ тѣ калмыцкіе люди къ Соленому городку ¹⁾ съ щитами и съ приметы, и въ огненной де государь бой у нихъ есть и Божію государь милостию а твоимъ государевымъ счастьемъ многихъ калмыцкихъ людей казаки побили да взяли языка и того взятаго мужика привели ко мнѣ холопу твоему на Самару; и я холопъ твой тѣхъ казачьихъ Трензу съ товарищи спрашивалъ не пошли-ли отъ нихъ съ Яика казаки на море для воровства или на Волгу или на Донъ; казаки государь въ роспросѣ мнѣ холопу твоему сказали де ихъ де поѣзду на святой недѣлѣ пошли съ Яика а сказались на Донъ Яицкіе казаки Лучка-Шалай съ товарищи 30 человекъ, и нынѣ де тѣ казаки объявились въ воровствѣ на Волгѣ, и больше де того отъ нихъ съ Яика никто не хаживалъ; а которые государь казаки атаманъ Лучка Ясаковъ съ товарищи въ прошломъ во 137 (1639) году ходили для воровства на морѣ и съ моря прѣехали на Яикъ и распродавъ погромную рухлядь на Яикѣ да и опять поѣхали на море-жъ 80 человекъ въ прошломъ же во 137 г. и съ моря де и по ся мѣста не бывали, живи-ли они или нѣтъ тое де у нихъ вѣсти нѣтъ; а нынѣ де государь отъ нихъ на море никто неѣзживалъ да и ѣхать нельзя потому, что калмыцкіе люди кочуютъ по Яику по обѣ стороны выше и ниже ихъ городковъ а дорогу де у нихъ перевали и учуги по Яику забили не въ одномъ мѣстѣ; и казаки де государь поѣхали въ стругахъ Яикомъ а вине конные на ковъхъ по привѣтливѣ мѣстамъ вверхъ и внизъ по Яику и для того, чтобъ у калмыцкихъ людей гдѣ вѣсть языковъ; а какъ де государь гдѣ у калмыцкихъ людей языковъ возмутъ и они де съ тѣми языки на Самару пришлютъ тотчасъ; а мужикъ (калмыкъ), государь, котораго они привели на Самару, въ роспросѣ мнѣ холопу твоему сказало нагайской татаринъ Яште... Муравина улуса... а былъ де въ полому у калмыцкихъ людей у Хаанъ-Доря мурзы въ улусѣ, а вѣст на Еабѣ рѣкѣ тому лѣтъ сде(сать.?).; какъ де нынѣ пришли отъ

¹⁾ Вѣроятно, городокъ при устьѣ Илека (Голубое Городище или Кошъ-Чикъ.)

большихъ (калмыкъ)ковъ на Янкъ калмыцкіе люди и былъ де съ прежними калмыцкими людьми бой и на бою де государь многихъ прежнихъ калмыцкихъ людей побилъ, а достальныхъ заворотилъ съ собою, и повелъ къ большимъ калмыцкимъ людямъ въ улусы; а теперь де государь калмыцкіе большіе всѣ улусные люди кочуютъ на Ворсучьихъ коповяхъ за Енбою, а идутъ всѣ на Янкъ и хотятъ кочевать по Янку по обѣ стороны и до Волги и до Карадувана, да имъ же государь приходити на нагайскихъ людей подѣ Астараханъ войною; а хотятъ де всѣхъ нагайскихъ мурзъ со всѣми улусы заворотить съ собою-жь и хотятъ кочевать вмѣстѣ по Янку; іа которые де государь нагайскіе мурзы Салтавей мурза да Ишейбекъ мурза кочевали съ прежними съ калмыцкими людьми вмѣстѣ по Янку и какъ де государь пришли на Янкъ калмыцкіе люди отъ большихъ калмыковъ и тѣ же государь нагайскіе мурзы ебояся отъ нихъ побѣжали подѣ Юргенчъ; іи я холопъ твой ту ихъ яцкую отыску и того взятого мужика и изъ нихъ изъ казакковъ избравъ трехъ человекъ Тренку Филипова съ товарищи, послалъ къ тебѣ государю съ Самарениномъ сыномъ боярскимъ съ Потапомъ Волокитинымъ маа въ 25 день, а достальнымъ ихъ товарищамъ велѣлъ жити на Сымарѣ до твоего государева указа... холопъ твой къ твоему... боярину и воеводамъ ко князю *Алексию Юрьевичу Ситиному* съ товарищи и въ Астараханъ къ стольнику и воеводамъ ко князю *Федору Куракину* съ товарищи и на Саратовъ и на Царьцкнъ и на Черный Яръ къ воеводамъ про тѣ калмыцкіе вѣсти писалъ" ¹⁾.

Приведенный въ приказъ Казанскаго дворца калмыкъ въ допросѣ сказалъ, что онъ не калмыкъ, а татаринъ и что онъ самъ пришелъ къ казакамъ, но казаки показали совсѣмъ другое. Современный документъ говорить объ этомъ такъ:

„А противъ татарскаго Денайкова Московскаго роспросу Яцкіе казаки Тренка Филиповъ допрашиваны въ отыскѣ ихъ про того татарина написано, что звали они его у калмыцкихъ людей въ бою и въ яццѣхъ, а татаринъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ отъ калмыцкихъ людей ушелъ къ нимъ самъ, а въ яццѣхъ его они казаки не вывали, чтобъ они про то сказали правду.

Яцкіе казаки Тренка Филиповъ въ роспросѣ сказали какъ де у нихъ съ калмыцкими людьми былъ бой и съ бою калмыцкіе люди подѣ Янка побѣжали навизъ и послѣ де ихъ тотчасъ побѣжали изъ городка ихъ 2 товарища казаки, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ у нихъ съ калмыцкими людьми былъ бой и куда они побѣжали, и учали развѣзжати, и увидѣла того татарина, а онъ бѣжить за калмыцкими людьми по Янку на визъ въ луку, всего отъ нихъ въ полуверстѣ, и увидѣвъ ихъ, что ему отъ нихъ не утечь, сталъ, и тѣ де казаки тутъ его взяли, привели въ городокъ, а только-бъ де казаки въ развѣздъ не ѣздилъ и тотъ-бы татаринъ къ калмыцкимъ людямъ приближалъ потому, что онъ за ними къ ихъ полкомъ бѣжалъ, а въ городокъ де къ нимъ онъ самъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, калмыцкія дѣла 1630—1632 г., № 1, карт. № 2.

не приказивахъ какъ его взяли такъ про него и сказали и въ томъ волею Бога да государь что укажетъ¹⁾.

1631 г.

15 октября этого года въ Шатскомъ уѣздѣ появились купцы, возвращающиеся изъ торговой поѣздки на Яикъ „къ воровскимъ казакамъ“. На нихъ былъ сдѣланъ доносъ, что они продали казакамъ зелье и свинець, — товары, запрещенные для продажи. Шацкій воевода *Романъ Боборыкинъ* посадилъ ихъ подъ караулъ и сталъ допрашивать подъ пытками. Купцы сознались и въ своихъ показаніяхъ рассказали о своемъ путешествіи на Яикъ и о житьи казаковъ на Яикѣ. Показаніе это очень длинное, привожу изъ него только нѣкоторую часть, характеризующую тогдашнее вольное житье на Яикѣ.

„А жили на Яикѣ у воровскихъ казаковъ четыре недѣли, а въ собраньи-де на Яикѣ воровскихъ казаковъ ста четыре oprичъ тыхъ, которые отъ нихъ пошли на море, а атаманъ-де у нихъ на Яикѣ *Лукьянкомъ* зовутъ *Ясаковъ*, а на моря-де отъ нихъ пошли воровскіе казаки, а атаманъ-де у нихъ *Тимошка Попокъ*; а сколько-де съ нимъ человекъ воровскихъ казаковъ на моря пошло того не вѣдаютъ, потому, что при нихъ съ моря казаки не бывали, только-де, государь при нихъ пришло съ моря передовыхъ людей человекъ двадцать, а про большихъ-де своихъ людей имъ сказали, что они за вами будутъ вскорѣ, а онъ де Горасника съ товарищи (купцы) съ тѣми съ Яицкими съ воровскими казаки ни на каковѣ воровствѣ нигда въ бывали; а вныхъ-де городовъ на Яикѣ никаго ни съ какими товарами не ведали, только-де за день до ихъ прѣзду прибѣжали на Яикъ съ *Саратова* стрѣльцы *Шербакомъ* зовутъ, а съ нимъ стрѣльцовъ человекъ съ тридцать, а былъ де онъ на Яику двѣ недѣли, а съ Яику-де сказанаютъ пошелъ на Волгу воровать, а сколько-де съ нимъ пошло человекъ того не вѣдаютъ, а на Яикѣ-де *Донскіе* казаки въ воровствѣ есть, а сколько ихъ человекъ того сказали не вѣдаютъ, а съ Яику де они *Горасника Меркуловъ* съ товарищи пошли съ *Донскими* казаки съ *Васкою Гладкимъ* съ товарищи а идучи-де съ Яику *Волгу* перелезли на *Тихихъ же* плесахъ и какъ-де они будучи на рѣкѣ на *Сурѣ* бываю *Олаторя* *Васка* де *Гладкой* съ товарищи самъ-пять поѣхали на *Шоромзино* юрдица...“²⁾

1632 г.

Въ числѣ различныхъ документовъ, особенно въ дѣлахъ *Перовскихъ*, *Ирмскихъ* и *Турецкихъ*, нашлось много указаній о грабежѣ кавказскихъ турецкихъ и персидскихъ береговъ. Не приводя ихъ полностью, ввиду обилия матеріала, найденнаго объ этомъ, нахожу важнымъ помѣтить лишь одинъ, упоминающій на совѣстномъ налетѣ яицкихъ казаковъ съ донскими въ 1632 г., за что они пошли заслуживать свои вины подъ Смоленскомъ.

¹⁾ Моск. Арх. Иностран. Дѣлъ, дѣла калмыцкія, 1630 г. № 1, картонъ № 2.

²⁾ Моск. Арх. Минист. Юстиціи, Приказный столъ, столбецъ 57, листы 484—485.

...— „И Оеопасей и Тихонъ (русскіе послы у турецкаго султана) везирю говорили, какъ царское величество повелѣнье свое послалъ с Москвы за Дону къ Донскимъ атаманомъ и казакомъ в заказ учинилъ крепкой под смертною казнью, чтобъ онѣ на Чорное море не ходили і великовой государя брата его Муратъ Салтанова величества городов и селъ и деревень и крымскихъ улусов не воевали и Донские атаманы и казаки исполняя государское повелѣнье на Чорное море прошлаго 140-го (1632) году не ходили и салтанова величества городов и сел и деревень в крымскихъ и нагайскихъ улусов не воевали, и з Дону ходили на Яикъ и собрався стоварыщи своими съ Яицкими казаками со многими людьми ходили на Хвалымское море ишаховы города и ут(з)ды которья блиско моря повоевали и на Хвалымскомъ море бусы погромили мноше и повоевавъ пришли назад на Дон и на Дону всякие визылбашски товары продавали дешевою ценою, то видѣлъ Муратъ Салтанова величество посолъ Ахметъ Ана, какъ ѣхалъ к Москве и с Москвы в Царь-Городъ“¹⁾.

Въ донесеніи же русскаго посла въ Турціи Петра Кантакузина и въ грамотѣ патріарха Филарета Никитыча къ султану и царь-градскому патріарху и къ турецкому послу Тому говорится:

„...Ходили ваши яицкие казаки воевать шаховыхъ городов и купцов и сыну нашему великому государю его царскому величеству и намъ патріарху про то вѣдомо.

И ныне тѣ казаки пошли на нашу службу на вопчихъ нашихъ недруговъ на польскихъ королевичей и на асю Польшу²⁾.

Удалось найти и нѣкоторыя подробности поѣздки Богдана Зиѣева на Яикъ, посланнаго туда одновременно, когда послали князя Дашкова на Донъ. Обоихъ ихъ послали уговаривать казаковъ бросить воровство и идти на службу въ Польшу. Дашкову порученіе выполнить почти не удалось: донцы креста не цѣловали и къ Смоленску пригнали всего 400 человекъ.

Зиѣевъ-же яицкихъ казаковъ уговорилъ (они цѣловали крестъ) и привелъ съ собою къ Смоленску около тысячи человекъ.

По пріѣздѣ въ Москву въ 1633 г. 15 марта онъ подалъ о своей поѣздкѣ челобатную:

„Царю Государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи и великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитычу Московскому и всеа Русіи бѣгетъ челоуъ холоуъ вашъ Богдашко Зиѣевъ: По Вашему Государскому указу посланъ я холоуъ на Вашу государскую службу на Еицъ а велено мнѣ холоуу вашему на Еики атамановъ и ясауловъ и казаковъ уговаривать чтобъ они шли на вашу государскую службу и уговора ихъ велено ко кресту привесть. И я холоуъ вашъ будучи на вашей государской служ-

¹⁾ Моск. Арх. Иност. Дѣл., дѣла Турецкія 1632 г., № 3, карт. № 19.

²⁾ Моск. Арх. Ист. Дѣл., дѣла Турецкія съ 1632 г. сент. 20 по май 1633 г., № 6, картонъ 20. 86**

бѣ на Еникѣ вамъ государямъ служилъ атамановъ и асауловъ и казаковъ уговаривалъ многими статьями чтобъ они вамъ государемъ во всемъ по вашему государскому указу послушни были и уговора ихъ и ко кресту привалъ чтобъ имъ вамъ государемъ служить и на Еникѣ тѣхъ атамановъ и асауловъ и казаковъ поилъ и кормилъ а на твой государевъ ангель все войско поилъ же и кормилъ безъ выбору ¹⁾ и съ Еника съ тѣми атаманы и асаулы и казаки пошелъ не жѣшкая. И на Еникѣ Государи и на море отъ морскіе погоды нужи и убытки были многіе и на море Государи встрѣтились со мною холопомъ вашими казаки, которые ходили изъ юртовъ воровать до моего прѣзду ²⁾ и побили на Еникѣ вашихъ государскихъ астраханскихъ людей и вараждъ поимали. И а жъ холопъ вашъ тотъ нарядъ и зелье и сивецъ у нихъ взялъ на Еникѣ въ юртахъ ихъ и отдалъ въ Астарахани и послѣ государи того бѣи воровали они на море гронили вашихъ государскихъ и всякихъ людей и съ шаховой землѣ. А встрѣтилось со мною холопомъ вашими на моря изъ шаховской землѣ тѣхъ казаковъ три струга а пять струговъ погребанъ кимо на Еникѣ; и я холопъ вашъ и тѣхъ казаковъ пять струговъ поворота уговаривалъ же и какъ они сошлись вѣстѣвъ а учивали на моря кругъ. И я холопъ вашъ по вашему государскому указу въ кругу ихъ на море уговаривалъ многими-жъ статьями ³⁾ чтобъ они впредь не воровали, на вашихъ государскихъ людей воровствомъ не приходили а шлюбъ на вашу государевую службу со мною холопомъ вашими вѣстѣвъ безъ всякого сумненья и шлюбъ вадженъ на вашу государевую милость. И уговора ихъ во всемъ что имъ вамъ государемъ служить ко кресту ихъ привалъ же и ихъ поилъ же и кормилъ и спесокъ ималъ ихъ атамановъ и асауловъ казаковъ выписавъ прислалъ къ вамъ государемъ къ Москвѣ съ прибылыми Аристовыми и прибылой за тотъ прѣздъ вашими государскими многими жалованьемъ пожалованъ. А которые у казаковъ были воровскіе заводы и я холопъ вашъ отъ всякихъ ихъ воровскихъ статей отводилъ и уговаривалъ и о томъ къ вамъ государемъ писалъ и съ Еитцями атаманы и асаулы и казаки пришелъ къ вамъ Государемъ къ Москвѣ ⁴⁾. А будучи на вашей государской службѣ одолжалъ

¹⁾ На листѣ 4 при повтор. этого челобитна въ 1644 г. вѣрѣна 19 въ этомъ мѣстѣ вставлено: „а лучшимъ акидемъ подарилъ дивалъ изъ своихъ животиншковъ а на твой государевъ ангель тѣхъ казаковъ поилъ и кормилъ вѣтѣхъ безъ выбору и склывалъ имъ твою государскую милость и они государь слава твою государскую милость тебѣ государь и сему тачему государю диванцу княю Александру Михайловичу крестъ дѣлавали по поданій записи чтобъ имъ тебѣ служить и не воровать и во всемъ быть послушными и я холопъ твой изъ кругахъ ихъ принималъ къ себѣ лучшихъ людей о томъ говорилъ чтобъ они твою государеву пушечную и зеленую казку, которую владѣи, какъ обман твоихъ государевыхъ астраханскихъ служилыхъ людей, отдали и тѣхъ же астраханскихъ людей побитыхъ позволили имъ погresti. И казники государи твою государеву казку отдали а побитыхъ людей погresti имъ позволили. И я хол. твой тѣхъ побит. людей похороны наймывалъ своими животинками“.

²⁾ Въ челобитнѣ, поданномъ Шибановымъ въ 1639 марта въ 19, это написано такимъ образомъ: „на морѣ встрѣтились съ холопомъ твоими казаки, которые ходили изъ городковъ воровать до моего прѣзду и побили на Еникѣ твоихъ астраханскихъ государевыхъ людей“ (листъ 22).

³⁾ Въ той же челобитной добавлено послѣ слова статьи: „со слезами“ (листъ 5)

⁴⁾ Тамъ-же, послѣ слова „къ Москвѣ“ добавлено: „и видѣвъ твою государскіе очи и близъ челомъ тебѣ государю о своей службѣ“ (листъ 5).

великимъ долгомъ. Милосердный Государь Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа руси и великій государь святѣйшій патриархъ Ѳязаретъ Никитичъ Московскій и всеа Руси пожалуйте меня холопа своего за мое службишко и за терпѣнье и за взрощъ своимъ государскимъ жалованьемъ какъ вамъ праведнымъ великимъ государемъ Бога извѣстити. Государи снѣгуйтеся пожалуйте!"¹⁾

Чѣмъ былъ пожалованъ Зиѣвевъ за свою службу, изъ дѣла не видно, но, видимо, его службу забыли, т. е. эту же челобитную, нѣсколько видоизмѣняя, онъ подавалъ послѣдовательно въ 1639, 1644, 1646 и въ 1650 годахъ, прося за ту же службу жалованья. При дѣлѣ имѣются только справки, кому и какое давалось жалованье за тѣ же послыжки.

Прибылому Аристову за эту службу было дано „20 рублей, камка добрая сукно лундышъ да придано къ прежнему ево окладу сто четь, денегъ 10 рублей“²⁾.

Князю Дашкову за послыжку его одновременно съ Зиѣвенимъ на Донъ „даю государева жалованья ковшъ въ три гривенки камка кѹфтеръ, да придачи учинено къ прежнему окладу сто четь, денегъ 40 рублей и придача выдава“³⁾.

1633 г.

Годовое жалованье, выдаваемое Яицкимъ казакамъ за службу подь Смоленскомъ: „Яицкимъ атаманамъ для смоленскія службы дано большому атаману 16 рублей, ставячнымъ атаманомъ 5 человѣкамъ по 15 руб., есауломъ 11 человѣкамъ по 12 руб. съ полтнкою, казакамъ 802 чел. по 10 руб., всего 818 чел. 8246 руб.; а въ нынѣшнемъ въ 1634 г. по государеву указу велѣно имъ государева жалованья къ прежнему прибавить всѣмъ по рублю и корму по 2 деньги на день человѣку“⁴⁾.

1635 г.

Показаніе татарина *Берды Бека*, въ 1636 году 3 марта о яицкихъ казакахъ и калмыкахъ:

„Того же дни Едисанской татаринъ князь Канаева улуса Тинбаева Мангытцакого родства *Бердыбекъ Ишпердтевъ*, который былъ въ полону въ калмыцкихъ улустѣхъ въ росирѣсть сказалъ: въ прошлочь въ 142 (1634 г.) какъ приходили войною на Нугайскіе и Едисанскіе улусы калмыцкіе люди и въ тѣ де поры его Берды-Бекъ взяли въ олонъ калмыцкіе люди равена, изъ тѣхъ де мѣсть жалъ овъ Берды-Бекъ все въ калмыцкихъ улусахъ, а про вѣсти

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ии. Дѣл. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, картонъ 100, дѣло 1633 года, савка 7, листы 12—18. Этотъ документъ былъ указанъ мнѣ Евгениемъ Дмитр. Сташевскимъ, за что приношу ему глубокую благодарность.

На оборотѣ листа помѣта: „Государь пожаловалъ за службу дали... призожилъ... 1633 марта въ 15 Бѣярику Семену Васильеву Головану да дѣяку Михаилу Динилову Государь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Руси пожаловалъ ведѣть службу его выписати и по выписи доложить себѣ Государю. Дѣякъ Алексѣй Трофимовъ. Именовати“.

²⁾ Тамъ же, листъ 15.

³⁾ Тамъ же, листъ 20.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиц., столбецъ Москва, стола № 90, л. 159. Разсчетъ сдѣланъ за 1633 годъ.

сказалъ *сей де осени* ¹⁾ калмыцкѣй *Дайчинъ Тайша* съ отцомъ своимъ съ *Урлюкъ Тайшею* съ братьею и съ дѣтьми и съ племянники и съ Алтаульскими мурзы думавъ послали въ Астрахань Едисаяскаго татарина Абдулъ Мураива улусу Тинякъева Ялабердерива для того, чтобъ имъ калмыкомъ быти въ холодствѣ у великаго государя и кочевати бы имъ подѣ Астраханью въ ближнихъ кочевьяхъ потому, что они боится на себя калмыцкаго приходу, которые кочуютъ въ дальнихъ кочевьяхъ подѣ Сибирскими городами, и послѣ де того *вскорѣ по рѣкѣ Яику о урочищѣ Чеганъ напѣхали калмыцкіе люди въ городкѣ воровскихъ казаковъ человекъ съ 300 и отогнали де калмыки у тѣхъ казаковъ конскія стада и послѣ де того тѣ воровскіе казаки пришедь въ Дайчинъ Тайшиныхъ улусехъ взяли два двора и калмыцкіе де люди съ тѣми казаки помярся торговали, а поторговавъ вкочевали калмыцкіе люди онихъ по Яику къ морю и на Яикомъ де устьѣ напѣхали калмыцкіе люди воровскихъ казаковъ въ городкѣ съ 500 человекъ и тѣ де воровскіе казаки взяли у Алтаульскихъ мурзъ дворъ и калмыцкіе де люди съ тѣми казаки помярся торговали-жъ...²⁾*

1636 г.

Показаніе толмачи *Офоньки* (фамилію разобратъ невозможно, т. к. чернила во многихъ мѣстахъ выцвѣла и бумага истлѣла), посланнаго къ калмыкамъ въ 1636 году.

...Толмачъ *Офонька*... по государеву указу посланъ (?) из *Астрахани* въ калмыцкіе улусы и онъ де *Офонька* наѣхалъ отъ *Астрахани* въ десати днищахъ на урочищѣ *Узени* калмыцкихъ людей съ 500 человекъ, а въ разговорѣ же онъ *Офонька* отъ тѣхъ калмыцкихъ людей слышалъ, что они калмыцкіе люди посланы отъ *Дайчинъ Тайши* въ подѣзвалъ подѣ *Астрахань* для языку, потому вѣдово де имъ калмыцанимъ людямъ учинилось, что на нихъ калмыцкихъ людей посланы изъ *Астрахани* государевы многіе ратные люди войскою, и тѣ де калмыцкіе люди взявъ его *Офоньку* поѣхали въ калмыцкіе улусы... и слѣзчи де *Дайчинъ тайша*... у него (*Офоньки* грамоту которая послана съ нимъ *Офонькою* къ *Дайч*... подѣ *Юргенч* да привезъ же де *Офонькѣ* калмыцкой *Дайчинъ тайши* прикочевалъ къ рѣкѣ *Яику* на урочищѣ *Чеганъ*, а на *Чигитъ* де въ тѣ поры было воровскихъ *Яицкихъ* казаковъ съ атаманомъ съ *Федькою Боевымъ* съ 700 человекъ и *Дайчевъ* же тайша съ тѣми воровскими казаки... торгоналъ, а казаки де покупали у калмыцкихъ людей съ 3000 лошадей... пошло на *Домъ*... кони съ 800 человекъ... за тѣми воровскими казачки... своихъ калмыцкихъ воинскихъ людей и велѣлъ надѣ тѣми казаки промышленати, чтобъ ихъ побить, а конскіе стада отогнати; да при немъ же де *Офонькѣ* привезли Алтаульскіе мурзы въ *Дайчинъ тайшѣ* съ 60 человекъ воровскихъ казаковъ, а сказали Алтаульскіе мурзы, что они тѣхъ

¹⁾ т. е. осенью 1635 г.

²⁾ Моск. Арх. Иност. Дѣл, калмыцкія дѣла 1786 г., листы въ дѣлѣ не пронумерованы.

воровскихъ казаковъ поимали на Яицкомъ устьѣ и Данчинъ де тайша тѣхъ казаковъ отъ себя отпустилъ къ яицкимъ казакомъ потому, что онъ въ тѣ поры съ Яицкими казаками былъ миренъ" ¹⁾.

1683 г.

Изъ грамоты Яицкому войску отъ 1684 г. 5 янв. видно, что войску изъ Казанскаго дворца отъ правчаго князя *Бориса Алексѣевича Голицына* писано: „октября 15 дня въ 191 (1683) году послано въ тому войску денежное жалованье и пушки съ яицкими казаками станинныи атаманомъ *Иваномъ Кондаковымъ* съ товарищи за вѣхъ службъ, а сколько оныхъ пушекъ и какиихъ калибровъ того неизвѣстно" ²⁾.

Изъ этого документа видно, что войску послѣ пожара Яицкаго городка за службу въ Башкирии были даны не только жалованье на 600 челов. и колокола, но и пушки. Можно также замѣтить, что пожаръ городка былъ между 1680—1683 годами, т. е. колокола, жалованье въ 1683 году, сгорѣли только въ пожаръ 1722 года, т. е. были даны послѣ пожара, случившагося до 1683 года.

1704 г.

Дача Яицкому войску окладного на 1704 годъ жалованья сукнами.

„Изъ золотне же полати взято на дачу на нывѣпчей 704 годъ окладного великаго государя жалованья яицкимъ казакамъ 600 человекомъ суконъ любскіихъ по 4 аршина человеку ценою по 12 алтынъ по 4 деньги аршинъ і того за 2400 аршинъ по цевѣ на 840 рублей" ³⁾.

1714 г.

Отпускъ жалованья Яицкимъ казакамъ, бывшимъ въ Харьковскомъ походѣ въ числѣ 1500 человекъ:

„Яицкимъ казакамъ Мая съ 1 ноября по 1 число ятого на полгода противъ дачи 1713 г. 7500 руб., на годъ 15 тысячъ" ⁴⁾.

По расчету приходится по 10 руб. въ годъ на человека.

¹⁾ Моск. Арх. Иностран. Дѣлъ, казачицкія дѣла 1635 г. кн. 2, листы не нумерованы.

²⁾ Урал. войск. архивъ, дѣла III разряда 1736—1800 г., № 89, л. 144.

³⁾ Моск. отд. Общ. Арх. Минист. Имп. Двора, опись 39, кн. 98, л. 15.

⁴⁾ Моск. Арх. Минист. Юст., дѣла Прав. Сената, дѣло № 38/83, л. 211.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

[1].

Раскопками развалины Сарайчика занимался заведующій Уральской войсковой чертежной корпуса топографовъ штабсъ-капитанъ А. Е. Алексѣевъ. О нихъ Алексѣевъ напечаталъ статью въ „Урал. Войск. Вѣдомостяхъ“ за 1867 г. въ № 30 „О развалинахъ татарскаго города Сарайя Джадита“.

„Въ 1861 г.,—пишетъ онъ,—въ проѣздѣ мой чрезъ Сарайчиковскую крѣпость, исполняя желаніе наказнаго атамана Уральского войска, А. Д. Столыпина, я остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть развалины древняго мусульманскаго города. Это было вечеромъ. На другой день утромъ я пригласилъ къ себѣ стариковъ ¹⁾ и объяснялъ имъ мое намѣреніе. Въ отвѣтъ на это они изъявили согласіе мнѣ сопутствовать и мы, усѣвшись въ рыдванъ, отправились въ дорогу, весьма впрочемъ недалекою, такъ какъ развалины, которыя я хотѣлъ осмотрѣть, отстоятъ отъ крѣпости не болѣе 150 саж. Здѣсь мы остановились и я съ своими спутниками началъ собирать позеленѣвшія отъ времени мѣдныя деньги и осколки битой посуды разныхъ цвѣтовъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза—были неправильныя возвышенія городскаго вала, развалившіеся остатки когда-то бывшей тутъ цитадели. Мѣстность здѣсь совершенно ровная и нѣтъ грунты солощеватой, пережѣтанной съ обломками кирпича, камня и разной посуды. Поверхность этого неуривѣливаго пустыря не оживляется никакой растительностью и только въ двухъ мѣстахъ видѣются деревянные съ перлами ограды, сдѣланныя въ 1846 г. татарами-торговцами, по распоряженію бывшаго хана Букеевской орды, Джангира. Ограды эти построены надъ склепами, гдѣ, по словамъ казакомъ, есть нѣсколько кирпичныхъ гробовъ, занятыхъ извѣстью.

Осмотрѣвъ всѣ развалины, я распорядился послать за Уралъ нанять киргизъ для земляныхъ работъ а самъ, взявъ мензулу и нѣсколько человекъ прислуги, отправился снимать развалины города инструментально, въ масштабъ 100 саж. въ шаг. дѣлать и усилъ къ вечеру снять эту мѣстность. На другой день ко мнѣ явилось много рабочихъ-киргизъ, и изъ нихъ едва только 20 человекъ я угговорилъ наняться разрывать возвышенности города, который они считаютъ святымъ, особенно тѣ его части, которыя огорожены Джангиръ-ханомъ.

Въ этотъ день земляныя работы были бесполезны, такъ какъ киргизы большихъ бугровъ не разрывали. На слѣдующій день привыкшшіе къ за-

¹⁾ У уральцевъ въ этомъ случаѣ именныя стариковъ называются лица не по возрасту ихъ, но по степени вѣдѣнія, которое они имѣютъ на другихъ мѣстахъ жителей.

натіямъ этого рода и въ особенности получившіе отъ меня хорошую плату за труды минувшаго дня возбуждали соревнованіе въ другихъ киргизахъ и моя работа пошла какъ нельзя лучше.

Въ этотъ-же день я разрылъ нѣсколько сложенныхъ изъ обожженнаго и вежженнаго кирпича четырехугольныхъ склеповъ и въ одномъ изъ нихъ нашелъ двѣ гробницы, сдѣланныя изъ большого формата кирпичей, залитыхъ известью; изъ этой же извести выведены весьма отчетливо карнаизъ и навѣденъ глянecъ. Одна изъ склеповъ имѣетъ фундаментъ изъ квадратныхъ плитъ бѣлаго известняка, величиною 5-ть четвертей каждый бокъ и толщиной въ одну четверть аршина.

Жители Сарайчика (или Сарайчиковской крѣпости), узнавшіе, что я за хорошую плату приобретаю все найденное въ развалинахъ, тотчасъ-же взылись за лопаты. Казаки, женщины и даже дѣти рыли, искали и все, попавшееся имъ, приносили ко мнѣ; весь день около меня толпился народъ: одни продавали найденное, а другіе замѣняли свои находки разсказами, изъ которыхъ я упомянулъ слѣдующее: развалины эти изстари называются ими Можары, и прадеды ихъ, первые пришедшіе въ Сарайчикъ, брали изъ этихъ развалинъ кирпичъ и строили изъ него свои дома и службы (надворныя строенія). Кирпичъ этотъ сохранялся и до сихъ поръ: у казака Толстова, равно какъ у нѣкоторыхъ другихъ, службы сдѣланы изъ этого кирпича. Потомъ разсказывали, что и прежде, разрывая склепы, находили въ нихъ не одиѣ только вещи, но и повѣшенную на шеатахъ одежду, разрушившуюся отъ прикосновенія къ ней. Къ вечеру я возвратился въ свою квартиру, гдѣ отчистилъ кое какъ собранныя мною монеты, а съ помощью живущаго въ крѣпости казанскаго татарина Мансурова разбиралъ надписи на нихъ. На одной сторонѣ монеты есть общая для всѣхъ надпись: чеканена въ Сарай-Джадѣтѣ (т. е. въ Новомъ-Сараѣ), почему я и далъ названіе это городу, развалины котораго описаны мною. На третій день я отправился съ Мансуровымъ на древнее кладбище, лежащее на югъ отъ развалинъ города, въ разстояніи 200 саж., на берегу рѣки Сарочинки. Говорятъ, тутъ было много склеповъ, но теперь ихъ смыло водою, кромя двѣхъ, да и этихъ часть обвалилась въ рѣчку Сарочинку, въ берегъ которой видно много череповъ*.

Въ Сарайчиковской-же крѣпости г. Алексѣевъ видѣлъ не менѣе любопытную древность—120-лѣтнюю старуху казачку Толстову, которая разсказывала, что на ея памяти въ Можарахъ послѣ сильныхъ дождей собирали серебряныя и мѣдныя деньги, золотыя и серебряныя колечки съ разными камешками, борки (каменныя ожерелья) и проч.; также на ея памяти брали оттуда для построекъ кирпичи, большіе бѣлые камни вырывали много огромныхъ кушановъ.

На четвертый день, — продолжаетъ г. Алексѣевъ, — я продолжалъ свои розыски. Разрывая бугря, и въ этотъ день нашелъ большое количество денегъ и

вещей, которыми составилъ особое описаніе, а теперь влючаю сюда переводъ надписи съ найденнаго мною въ развалинахъ камня синяго мрамора:

„Благороднѣйшіе потомки пророка, люди, путеводиншіе къ достиженію совершенства въ настоящемъ мірѣ и показавшіе собою примѣръ достиженія жизни будущей: совершенные изъ совершенныхъ, священной фамилии, чудные правомъ, величайшіе изъ великихъ, достигшіе славы, ходжи: Камиль-аль Хаяъ и Сендъ-Хасанъ Касавійскіе, свѣтила наукъ и мудрости“.

Къ этой надписи есть слѣдующее примѣчаніе, написанное по татарски:

„Халжа Андоня, сынъ Хасана, сынъ ходжи Мухамеда старшаго, сына ходжи Маттана Хокейскаго, сына ходжи Ракидулла, сына Абу-Мухамеда Джиравійскаго, сына ходжи Сумяна Дежвнійскаго муалина Мухамеда Самганійскаго, Мухамедъ Загита сына, Ахметъ Вазійскаго, сына Исламъ-Гали Мусы Разійскаго, да будетъ надъ всеми нами благословеніе Божіе“.

На другомъ найденномъ мною камнѣ бѣлаго мрамора можно разобрать слѣдующія имена: „Халжа Камелы-хаке“ и „Сендъ-Хосаяъ изъ Туркестана“.

Вотъ что вишеть о Сарайчикѣ Палласъ ¹⁾, бывшій тамъ въ 1769 году: „Валъ съ рвомъ еще вадеаъ и въ окружности имѣеть до пяти версты. Овъ начинается при углѣ, который тихо текущая изъ степи рѣчка Сарачикъ дѣлаеть съ Яикомъ, около полуторы версты ниже вышшняго форпоста ²⁾, потомъ продолжается вверхъ оной рѣчки и вавослѣдокъ, обшеть форпостъ кривизнами, оканчивается при Яикѣ. Посреда сего мѣста проведенъ сухой ровъ, можетъ быть, для отвода избытой воды. Внутри вала находятя основанія и своды каменнаго строенія, и повняъ можно заключить, что въ городѣ были знатные дома. Употребленные на строеніе кирпичи продолговаты и нарочито велики. Также есть дикой ломанный, съ раковинными отпечатками бурый камень, котораго нигдѣ вокругъ не видво. Нынѣ находятя только черепья старинной посуды, которая была хорошо муравлена отчасти голубою, бѣлою и желтою краскою. Какъ въ городѣ земля очень солова и притомъ мокра, то всѣ остатки желѣзныхъ вещей такъ перержавѣли, что едва узвать можно. Мѣдены почти совсѣмъ превратились въ ир-мѣдяну, а серебряныя — въ бѣлую, блеска лишавшуюся и весьма хрупкую матерію. У живущихъ тамъ казаковъ видѣлъ я провязки разнаго цвѣта и найденныя тамъ-же мелкіе граненыя камешки топаза и кровавика. Могилы, коихъ здѣсь очень много, были выкладены кирпичемъ и въ оныхъ иногда находятя достойныя примѣчанія вещи. Вообще мѣсто сего города, въ разсужденіи болотной и соленою земли и бываемаго весною наводненія, также несноснаго мученія отъ приносимыхъ съ овера комаровъ, избрано весьма худое, и можетъ

¹⁾ Палласъ — „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійск. Имперіи“, часть 1-я, стр. 611—612.
²⁾ Сарайчикевскій форпостъ.

быть во время истощенной татарской силы заложенъ былъ для безопасности помѣнутый городъ Сарайчикъ въ столь худомъ мѣстѣ”.

А вотъ описаніе этихъ развалинъ въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ въ 1861 г. г. Алексѣевъ ¹⁾.

„Развалины эти находятся въ 60 верстахъ отъ Гурьева-городка, и въ 420 отъ города Уральска, на правой сторонѣ р. Урала, на островѣ, между р. Ураломъ и рукавомъ Сарачинки, полъ 69 20 восточной долготы и 47 30 сѣверной широты. Длина города Сарай-Джантъ 1 верста 100 саж., а ширина 1 верста 50 саж., всё это пространство было обнесено землянымъ валомъ, который и теперь хорошо виденъ: вся окружность этого вала 3 версты 350 сажень. Въ западной части развалинъ города есть цитадель, стѣны которой гораздо выше описаннаго вала: фигуру цитадели имѣеть неправильную, длина ея 200 саж., а ширина 100 саж.

Внутри цитадели есть признаки развалившихся построекъ и склеповъ, которые, какъ видно, были сдѣланы изъ хорошаго жженого кирпича и изразца; изъ склеповъ сохранился только одинъ, который называется ханской могилой; внутренность его похожа на кибитку, имѣеть одну дверь съ восточной стороны и три окна въ сводахъ: на сѣверной, западной и южной сторонахъ, внутри есть гробницы, сдѣланныя изъ кирпича и имѣющія шесть имѣстιαщъ: два большихъ и 4 маленькихъ, такъ что можно полагать тутъ похороненнымъ цѣлое семейство. Подобныхъ еще два склепа есть въ восточной части города, въ одномъ изъ нихъ, который я разрылъ, были двѣ большія гробницы, сложенныя тоже изъ кирпича и залитыя известью, изъ алебаstra, на нихъ выведены карнизы, покрытыя глянцемъ синяго цвѣта; длина этихъ гробницъ 1½ арш., ширина въ изголовьѣ 3 четверти, въ ногахъ 2 чет., обращены онѣ съ ю.-в. на с.-з. Когда я вскрылъ эти гробницы, бывшія кости покойниковъ уже совершенно истлѣли, склепъ этотъ былъ четырехугольный изъ кирпича-же, фундаментъ его сдѣланъ изъ большихъ известковыхъ квадратныхъ камней, толщиной въ 1 чет. По Уралу такихъ камней нѣтъ, кромѣ какъ только около Оренбурга, въ Гребевской горѣ. Въ развалинѣ города 200 сажень отъ югозападнаго угла вала, на берегу р. Сорочинки, было большое кладбище, современное этому городу, со множествомъ склеповъ, которые, кромѣ одного, всё, по словамъ Сарайчиковскихъ жителей, обвалились въ р. Сарачинку имѣсть съ зромъ, во время весенняго разлива Урала. Нынѣ, когда я осматривалъ это кладбище, въ яру такъ много торчало череповъ (издали похожихъ на грабы), что я насчиталъ ихъ до 60. По распоряженію покойнаго Джангиръ-хана (ханъ Букеевской орды), клад-

¹⁾ „Урал. В. Вѣд.“ 1867 г. № 30.

бище это загорожено деревянной оградой. Склепы въ цитадели и одинъ склепъ въ городѣ считаются торгующими здѣсь мусульманами за святѣе (Аулье), равно и киргизами, тѣ и другіе въ загородномъ кладбищѣ хоронятъ тѣла умершихъ. Больные отъ продолжительныхъ болѣзней, мужчины и женщины (особенно киргизы), пріѣзжаютъ сюда на нѣсколько дней и поклоняются этому кладбищу, прося объ исцѣленіи. Строепія въ городѣ Сараяль-Двадять, какъ видно по обломкамъ, валяющимся въ развалинахъ его, были изъ кирпича, изразца и частью изъ мрамора. Одинъ кирпичъ форму имѣетъ квадратную въ $1\frac{1}{2}$ четв. каждый бокъ, а другой продолговатый, у котораго одинъ бокъ $1\frac{1}{2}$ четв., а другой $2\frac{1}{2}$ чет.; форма изразцовъ продолговатая съ эмалью и безъ эмали, одного какого нибудь цвѣта: сѣваго или зеленого или съ разными рисунками, прочно наложенными. Вообще въ развалинахъ сихъ мною найдено: мраморный косякъ отъ окна или двери, въ 9 пуд. вѣса, хорошо ограженный; осколки разной фарфоровой, мраморной, стеклянной и глиняной посуды, 3 цѣльные древніе глиняные кувшина, разныхъ формъ, ханхулъ-очаръ, по словамъ казныкъ, слитый изъ мѣди, части серебра и золота. Во время богослуженія казынцкой гилляуль¹⁾ беретъ очаръ въ правую руку и обводитъ имъ въ воздухѣ кругъ, въ лѣвой рукѣ держитъ колокольчикъ, который звонитъ въ это время. Два нагробныхъ камня чернаго и бѣлаго мрамора, съ арабскими надписями имѣетъ похороненныхъ; разные цѣнные камни, служившіе украшеніемъ, заключающіеся въ боркахъ (ожерельяхъ), серьгахъ и перстняхъ, именно: 2 коралла, 2 сапфира, 1 изумрудъ, 2 бирюзы, 1 аметистъ, 1 жемчужина, ятартъ, сердоликъ, топазъ, разныхъ формъ стеклянные бусы, борки съ разными рисунками, часть золотого перстня съ бирюзовымъ вставкомъ и золотая пуговица, потомъ деньги съ арабскими надписями: 9 серебряныхъ монетъ и 36 мѣдныхъ (съ надписью: мѣсто чекана, имя хана и годъ); 18 штукъ мѣдныхъ денегъ съ монгольской надписью; самой старой изъ найденныхъ монетъ 417 лѣтъ. Всѣ вышепроеписанныя вещи найдены въ самыхъ развалинахъ города, а такъ какъ онъ построенъ на солонцовомъ грунтѣ, то всѣ вещи сильно подпорчены, кромя золота, камней и стекла. Мѣдныхъ монетъ изъ найденныхъ много привелось бросить по негодности, а также и часть серебряныхъ“.

[2].

Вотъ что пишетъ объ этихъ колодцахъ на Усть-Уртѣ К. Аничкинъ, бывшій тамъ съ командою уральскъ казакъ въ 1868 г. („Ур Вѣст. Вѣд.“ 1868 г. № 17).

„Кстати о колодцахъ. Удивительное это дѣло, Усть-Уртскіе колодцы! Нѣтъ сомнѣнія, что они сдѣланы народомъ, болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ настоящіе ихъ жалкіе владѣльцы-киргизы. По устройству ихъ несомнѣнно видно, что ихъ работала буравъ, а не лопата. Скорѣе всего, что это дѣло народовъ монгольскаго племени или если и другого, то усвоившаго китайское образованіе.“

¹⁾ т. е. казынцкой пощъ, какъ у насъ говорятъ казаки.

Мнѣ помнится, я гдѣ то читалъ, что первая выдумка бурава, посредствомъ коего просверливаютъ артезіанскіе колодцы, принадлежитъ китайцамъ.

Устройство колодець довольно замысловато: по самой поверхности земли идетъ кругъ самой точной циркулярной правильности; кругъ этотъ, выходящій въ діаметръ сажени полторы, идетъ въ землѣ правильнымъ цилиндромъ до глубины сажень на 10, иногда и болѣе, потомъ, немного суживаясь, идетъ снова въ глубь на такое-же разстояніе, или болѣе, до самой воды. Но что придумано умно, такъ это, что колодець прикрывается одною только платою, на которой просверлено отверстіе такой величины, что въ него можетъ проходить одня кова, что немного болѣе вашей бадьи. Съ перваго раза не замѣчаете въ этомъ простомъ устройствѣ глубокой мысли, но, пообдумавшись, видимъ въ немъ эту затаенную мысль: въ такое узкое отверстіе не можетъ попасть скотина, а во вторыхъ такіе колодцы незамѣтны для постороннихъ, враждебныхъ людей, которые при случаѣ могли-бы ими воспользоваться, овладѣть истомъ и отравить корнь.

У каждаго колодца имѣется непременно колода, высѣченная изъ камня, для водолога скота. Вода колодець 2-хъ свойствъ: прѣсная и солоно-горькая; въ общей скудности нашей ея было почти недостаточно на нашу колонну, состоящую изъ 100 человекъ съ лошадьми и верблюдами, но это было потому, что колодцы были засорены, одни отъ долгой нерасчистки, другіе съ заиленіемъ, ибо изъ крановъ, въ которые должна сочиться вода, нерѣдко приходилось вытаскивать по нѣскольکو колышковъ, воткнутыхъ въ просочки для задержки воды "... Это было сдѣлано, какъ видно далѣе изъ его статьи, туркменами, чтобы помѣшать проходу отряда въ глубь степи.

[3].

Надо замѣтить, что это преданіе Витевскій напечаталъ спустя много лѣтъ послѣ того, какъ были напечатаны талантливыя очерки І. И. Желѣзнова и гдѣ Рыжечка изображенъ, какъ герой Полтавской битвы. Въ другомъ самостоятельномъ разсказѣ І. Желѣзнова „Видѣніе“ разсказывается о перенесеніи Бирсановскаго городка (а не мифическаго „Горячаго“) на устьѣ Чагана, какъ о событіи, бывшемъ далеко ранѣе подвиговъ Рыжечки. Существованіе Бирсановскаго городка, какъ увидимъ далѣе, тоже подтверждается данными изъ переписи Захарова.

Витевскій, составляя свой очеркъ „Яцкое войско до Пугачева“, не могъ не знать объ этихъ статьяхъ Желѣзнова, тѣмъ болѣе что весь черновой матеріалъ, всѣ рукописи Желѣзнова послѣ его смерти находились въ рукахъ Витевского нѣсколько лѣтъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось ихъ взять у него обратно.

Записывая преданіе „уважаемаго“ и „почтеннаго“ О—ва, Витевскій невѣдомо по какимъ причинамъ совершенно игнорировалъ болѣе правдивые и болѣе талантливыя разсказы Желѣзнова, даже и не упомянувъ объ нихъ, тогда какъ въ своемъ очеркѣ „Яцкое войско до Пуг.“ и „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“

онъ пользовался все время трудами Г. Желѣзнова и опять таки почти не упоминая о немъ, а ссылаясь на дѣло Войск. Архива, то на № 76, то на № 85, иначе говоря, именно на соч. Желѣзнова и его неизданные рукописи и материалы, которые подъ этими №№ числятся въ Войск. Архивѣ. Между дѣломъ Войскового Арх. за такимъ то номеромъ и сочиненіями извѣстнаго писателя, котораго знало все войско, существуетъ громадная разница и потому не можетъ быть мѣста ссылки на №№ архивнаго дѣла тамъ, гдѣ взято чужое сочиненіе или материалы.

Можно заключать только, что передававшій Витевскому преданіе о Рыжечкѣ и о видѣніи урядникъ С—евъ былъ или слишкомъ старъ, т. е. перепуталъ двѣ совершенно различныя и по времени происшествій и по содержанию, прочитанныя имъ у Г. Желѣзнова статьи о Рыжечкѣ и Видѣніи, соединивъ ихъ въ одинъ безгладный рассказъ, или же былъ большой балагуръ, желавшій подшутить надъ Витевскимъ. Во всякомъ случаѣ, повѣривъ на честное слово „почтенному“ С—ву, онъ на такомъ же условіи передалъ это замѣчательное преданіе и своимъ читателямъ.

[4].

Вотъ какъ описывается въ этомъ чертежѣ р. Яикъ и его притоки: 1).

Рѣка *Яикъ* вытекла поровень съ *Аралтовою* горою (*Аралъ-тау*)²⁾ противу верховья *Табалы* рѣки (верховья р. Тобола). Отъ *Великія Тюмени* (назв. Вел. Тюм. Славскій объяснить затрудняется), рѣка *Яикъ* вытекла за 250 верстъ.

А въ *Россошахъ* рѣки *Яика* прошли езера: изъ *Россошей* потекла рѣка *Яикъ* въ *Хвалымское* море; а протоку *Яику* до моря 1050 верстъ. А отъ верху рѣки *Яика* впала въ *Яикъ* рѣка *Юрюкь-Сакмаръ* по нашему *Ризваяя*: протоку 350 верстъ, пала въ *Яикъ* противу *Аралтовы* горы съ правнаго странн.

Съ правнаго же странн, ниже *Юрюкь-Сакмара* рѣки, пала въ *Яикъ* *Трюкунъ-Сакмаръ* рѣка: протоку *Трюкуну Сакмара* 100 верстъ. А ниже 60 верстъ пала въ *Яикъ* *Салмышъ-Сакмаръ* рѣка.

А ниже *Салмышъ Сакмары* рѣки 100 верстъ пала въ *Яикъ* *Дюдмила* рѣка; а ниже 50 верстъ другая *Дюдмила* рѣка.

А ниже 60 верстъ третья *Дюдмила* рѣка: вышняго *Дюдмила* протоку 70 верстъ, а нижняго *Дюдмила* протоку 190 верстъ. А ниже *Дюдмила* 30 верстъ пала въ *Яикъ* рѣчка; а ниже тое рѣчки пала двѣ рѣчки, всѣ три однимъ прозваніемъ *Ишуклымъ*. А ниже тѣхъ рѣчекъ 30 верстъ пала въ *Яикъ* три рѣчки однимъ прозваніемъ всѣ три *Дучасъ*.

¹⁾ Г. И. Славскій. „Книга Глаголема Большой чертежъ“, Москва 1846 г. Изд. Имп. Общ. ист. и древ. российскыхъ, стр. 67 - 72.

²⁾ Названія мѣстностей въ скобкахъ служатъ разъясненіемъ страннымъ названій „Большого Чертежа“ и отдѣланы Г. И. Славскимъ въ его изданіи 1846 г. въ отдѣльныхъ выноскахъ, но которыя и вѣнчалъ для удобства въ самый текстъ, эти обыкновенія несутся у Славского во видѣ-

А противъ тѣхъ рѣкъ, съ лѣвня страны Яика, пала въ Яикъ *Измъ* рѣка.

А выше *Измъ* рѣки конецъ *Аралтовы* горы, пала въ Яикъ рѣка *Воръ* (вѣроятно р. Оръ) изъ горы *Урюка*; изъ тоежъ горы вытекла рѣка *Ирыкъ* и пала въ озеро *Ахбашлы* (озеро *Аксакаль-барби*)...

А съ лѣвня страны, ниже *Вора* рѣки 420 верстъ, пали въ Яикъ три рѣчки безъ прозванія, а межъ ними по Яику берегомъ 90 верстъ.

А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ пала въ Яикъ съ лѣвня страны Яика *Илезъ* рѣка (рѣка *Илекъ*), выше горы *Тустеби*, по нашему та гора *Соле-ная*: ломають въ ней соль.

А на устьи тое рѣки островъ *Козъ-Яикъ*. А промежъ тѣхъ протоковъ и рѣки Яика, на острову *Казачій юродокъ*.

А *Илезъ* рѣка вытекла за горою *Урукъ*, а верховьемъ взылася та рѣка съ рѣкою *Темиромъ*: вытекла тремя протоки.

А въ *Илезъ-рѣку* за 60 верстъ отъ устья, съ лѣвня страны пала *Сум-турлука* рѣка; а противъ горы *Тустебе* выше *Сумтурлака* вытекла рѣка *Оиля* (*Уилъ*), и пала *Оиля* рѣка, не дошедъ до рѣки Яика въ землю; а на устьѣ тое рѣки около 8 озеръ *Каритолъ*, по нашему *Черныя озера*.

А промежъ рѣки *Сумтурлука* и *Оиля* рѣки пали двѣ рѣки въ землю: рѣка *Аспана* и рѣка *Кууей*.

А тѣ обѣ рѣки вытекли изъ горы, а горѣ названія не описано, а по той горѣ лѣсъ.

А противъ *Оиля* рѣки 30 верстъ отъ Яика, гора *Индеръ* и подъ тою горою озеро, а въ немъ соль, какъ лѣдъ (*Индерское озеро*).

А противъ тое горы на рѣкѣ Яикѣ, съ лѣвня страны, лѣсъ.

А отъ той горы, ввизъ рѣкою Яикомъ до *Баксана* (правнй рукавъ рѣки Урала *Ваксай*) протоку 50 верстъ, а *Баксана* протокъ 60 верстъ.

Да изъ Яика же рѣки, съ лѣвня страны, выше *Сорочика* острова 25 верстъ, потекъ въ море протокъ *Саваилы*: протоку его до моря 70 верстъ.

А моремъ отъ усть Яика до усть того протоку 25 верстъ*.

[5].

Прозвища *Шатала*, *Пыжала*, *Владъ* и *Вирючьихъ Лапъ* въ переписи *Захарова* не встрѣчаются, т. е., вѣроятно, при переписи они были замѣнены фамиліями, а прозвища остались жить въ обычной жизни. Эти прозвища, какъ фамиліи, встрѣчаются въ архивныхъ дѣлахъ войска только съ 1730 хъ годовъ; подвиси *Шатало* и *Пыжала* имѣются въ контрактѣ объ учугахъ, заключенномъ войскомъ въ 1752 году (*Дѣло Войск. Арх. III раз. № 4*). Оба числятся сотниками первый *Иванъ Михайловъ сынъ Шатала**, другой *Иванъ Дмитриевъ сынъ Пыжало**, оба неграмотны и за нихъ подписался другой. Фамилія *Вирючьихъ Лапъ* имѣется въ дѣлѣ *Войск. Арх. III раз., № 76, стр. 59*, подъ челобитной 1772 г., гдѣ овъ названъ

войсковымъ есауломъ „Петръ Вирючьихъ Лацъ“, не гранатовъ, за него под-
писался другой.

Въ диктихъ Михайло-Архангельскаго собора имѣются фамиліи „Вирюч-
ихъ Шляхъ“. Всѣ эти фамиліи теперь въ войскѣ не существуютъ, вѣроятно,
постепенно замѣнявшися другими, такъ, напр., есть Вирюковы.

[6].

Современный списокъ написанъ столбцомъ на 28 лѣткахъ, изъ которыхъ
многіе отклеились и нѣсколько утрачено. Вѣтъхъ. По обонимъ краямъ столб-
ца, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ гнилости слова совсѣмъ сдѣлали или вы-
рваны. Скрѣпы и подписей нѣтъ.

[7].

Палата, посѣтившій это городище въ 1769 г., пишетъ объ немъ слѣдую-
щее (стр. 604—605):

„Находящаяся при Кулагинѣ древность изъ средней Россійской исторіи
особливо достойна примѣчанія, а именно тамъ есть званый шанецъ, который
называется Яцкимъ казакамъ подъ именемъ Маринкина городка; но она не
знаютъ больше никакого о томъ извѣстія, какъ только сіе, что Маринка
была такая женщина, которая въ прежнія времена ходила на разбой изъ
оного городка. За вѣроятное почестъ можно, что сіе укрѣпленіе и проиме-
новано по Маринѣ Сандомирской супругѣ ложаго Дмитрія. Маринкинъ го-
родокъ находится по сію сторону Кулагиной крѣпости, полторы версты отъ
оной на высокомъ степномъ мѣстѣ при буеракѣ, въ которомъ рѣка Янкъ,
какъ сказываютъ прежде имѣла свое теченіе, но нынѣ она отдалилась на
полверсты отъ оного мѣста. Шанецъ имѣетъ видъ прямого угла съ кривыми
сторонами, которыя кончаются при появутомъ буеракѣ. Расстояніе между концами
шанца считается 385 шаговъ, а отъ угла прямо къ буераку не много больше
половины. Къ оному видны три провѣда, а именно самой большой въ за-
падную сторону къ калмыцкой степи, и два малые отъ сторонъ шанца къ юго-
западу и къ сѣверовостоку. Внутри шанца находятся земляныя кучи, про-
исшедшія отъ подземныхъ жилищъ, которыя, по объявленію казаковъ, прежде
тамъ были“.

[8].

Грязнаго озера въ настоящее время не существуетъ. Рычковъ такъ опи-
сываетъ это озеро (Топогр. Оренб. губ., стр. 154). „Грязное, за рѣкою
Янкомъ, отъ Яцкаго казачьяго городка 270, а отъ рѣки Янка 107 версты.
Окружность оного сочиняетъ 5 версты девяносто сажень, на немъ въ жар-
кіе дни садится соли множество, которую яцкіе казаки добываютъ и на
свои расходы употребляютъ, но въ дождливую погоду всю ту соль разни-
ваетъ и претворяетъ въ тузлукъ“ (т. е. соляной раствор).

[9].

Денежная единица того времени была слѣдующія: Московскій рубль дѣлился

на 200 *денегъ*, т. е. каждая *дема* равнялась вышней полконѣйкѣ (полушкѣ). *Грына* равнялась 20 деньгамъ или (позднѣе) 10 копѣйкамъ. *Алтынъ* — старинный русскій монетный счетъ, названіе котораго получило отъ татарскаго слова алтанъ (шесть) и равнялся при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ 6 деньгамъ. Эта монета до Петра I вовсе не чеканилась, а употреблялась только для счета. При Петрѣ начали было чеканить серебряные алтны, но скоро ихъ уничтожили и даже запретили считать на алтны.

Относительно старинныхъ названій мѣръ и вѣса и другихъ древнихъ и вышедшихъ уже изъ употребленія словъ, но которые будутъ попадаться часто въ слѣдующихъ главахъ очерка, объясненіе даетъ *Ив. Ст. Бяляевъ* въ своей книгѣ: „Практическій курсъ изученія древней русской скорописи“, стр. 27 и 28.

„Земля считалась, — говорятъ Бяляевъ, — не десятинами, а четвертями или „четьми“. Четь свое названіе получила, вѣроятно, отъ того количества зерна, которое высѣвалось на извѣстное пространство земли, отъ того размаха засѣва ржи, которой хватало при разбрасываніи на приготовленную запашку. Обмѣренная четь земли большею частію равнялась нашей полудесятинѣ или 1200 квадр. сажень. Такъ система хлѣбопашества была преимущественно трехпольная, т. е. одна часть земли отводилась подъ овинъ, другая въ ярь и, наконецъ, третья подъ паръ, то это трехполье обозначалось выраженіемъ: „въ полѣ, а въ дву потому жъ“. Если, положимъ, написано: „50 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ“, это значило, что въ каждомъ изъ трехъ полей было по 50 чети, слѣдовательно всего, всей площади земли, надо считать 150 чети, а такъ какъ въ каждой четверти, какъ мы сказали, было по полудесятинѣ, то это равняется 75-ти нашимъ десятинамъ. Сѣнная, или луговая площадь, обыкновенно обозначалась „копнами“, которыхъ въ одной десятинѣ считалось десять.

Теперьшаго изображенія частей цѣлаго дробями не было, а онѣ показывались слѣдующимъ образомъ. Половина „чети“ земли, равняющаяся 600 квадратнымъ саженьмъ, называлась „осминою“. Затѣмъ, чтобы выразить дальнѣйшія четвертую, восьмую, шестнадцатую, тридцать вторую часть „чети“ и т. д. употреблялось слово „пол“. „Полосмины“ равнялось $\frac{1}{4}$, пол пол осмины = $\frac{1}{8}$, пол пол пол осмины = $\frac{1}{16}$ чети и т. д. Третья часть „чети“ называлась „третникомъ“, для всякаго уменьшенія третьихъ долей опять употреблялось „пол“, такъ: пол третника равнялось $\frac{1}{6}$; пол пол третника = $\frac{1}{12}$, пол пол пол третника = $\frac{1}{24}$, пол пол пол пол третника = $\frac{1}{48}$ и пр. „Полтора“ значило половину отнять отъ второй единицы, оставляя первую цѣлой; на этомъ основаніи „полтретья“ значило отъ третьей единицы числа трехъ отнять половину и прибавить въ двумъ цѣлымъ, что равнялось $2\frac{1}{2}$. Въ древней письмени эти „пол“ встрѣчаются нерѣдко, указывая даже двухзначныя числа „полчетырнадцаты“ = $13\frac{1}{2}$, „полсемнадцаты“ = $16\frac{1}{2}$, „пол-

шестидесяти" = 55. Мѣры земли больше чети назывались „вытями“, „сошхами“ и „сошками“, а самый процесс ихъ измѣренія — „четвертными“, „вытными“ и „сошными“ — письмомъ. Мѣсто, гдѣ происходилъ сборъ сѣна, носило имя „пожни“. Берегъ рѣки, выдавшійся и обильный иломъ, взятый подъ запашку, назывался „наолокомъ“, рѣже это слово выражало новый поселокъ. Крестьяне, пахавшіе землю на себя и на другое болѣе сильное лицо съ половиною сбора хлѣба, были извѣстаны подъ именемъ „половничковъ“, непозвопные же крестьяне обозначались „захребетниками“ и „подсосѣдниками“; государевы крестьяне, не помѣщачьи, были „черные“ и „тмлые“; „раменьемъ“ назывался некрупный лѣсъ, выросшій на прежней запашкѣ, „иртънь“ — приборъ для варки соли; „борть“ — колода, или дупло дерева, въ которыхъ жили пчелы; „зоны“ — вѣста для ловли бобровъ; „лѣзь“ — запруда на рѣкѣ для ловли рыбы; „мыто“ — пошлины; „сеумчъ“ — служивый человекъ, пославшійся съ какимъ-нибудь порученіемъ; „языкъ“ — плѣнникъ; „ясуръ“ — инородецъ, взятый въ зѣлогъ или рабство; „ясакъ“ — подать. „Нытчиками“ именовались воинскіе люди, не явившіеся къ походу въ свою часть; противъ ихъ именъ въ спискахъ ставилась отиѣтка: „мѣтъ“, прибывшіе же показывались въ „естелѣ“.

Добавимъ отъ себя, что поручикъ значитъ поручитель, дослусъ — свидѣтели; гривенка — вѣсъ почти равный нашему фунту.

[10].

Изъ этого акта видно, что янцѣе казаки были подъ Смоленскомъ еще равьше съ княземъ Черкасскимъ въ 1614—15 годахъ (Соловьевъ Ист. Рос., т. 9, стр. 41), когда князь Черкасскій съ княземъ Троекуровымъ осаждали этотъ городъ, но безуспѣшно. Безусловно съ ними были тѣ казаки, которые находились въ Москвѣ вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ Пожарскаго и по освобожденіи Москвы пошла частію по Волгѣ съ воеводою Олоевскимъ на Зарудцаго, частію же на Смоленскъ съ Черкасскимъ. Но объ обоихъ этихъ службахъ не вмѣется никакихъ подробностей.

[11].

Палась о р. Рубежной иишетъ слѣдующее: „Рубежна, при которой мы переночевали, получила свое имя, какъ увѣрляетъ преданіе янцѣихъ казакковъ, отъ того, что сія рѣка была границею (рубежъ) частвъ и рыбной ловли между отдѣлившихся янцѣихъ казакковъ: *ибо одна часть оныхъ имѣла жилище на Кирсановскомъ яру, друия же поселилась на 90 верствъ далѣе нынѣшняго мѣста*, куда такъ-же послѣ того, находившаяся на ономъ яру, деревянная церковь перенесена была, которая отъ того и по нынѣ зовется *Кирсановскою*. Можно такъ-же еще и нынѣ видѣть съ високаго угорка (бугорка?), который между такъ называемою Кирсановскою старцею и нынѣшнимъ къ сѣверу кривопрочеденнымъ каналомъ Яика, прежнее мѣсто церкви въ срединѣ выкопаннаго тамъ малаго вала, который отсѣкаетъ южннй конецъ угорка углообразно“. (Палась, часть 3-я, томъ 2, стр. 90—91).

[12].

Муравскій шляхъ шелъ мимо Тулы, верховьямъ рѣки Улы и р. Мечи до г. Ливенъ, потомъ по водораздѣлу притоковъ р.р. Семи, Исела, Ворсклы, Орели и Самары (притокъ Дона) съ другой стороны далѣе по верховьямъ р. Конской до Перекопа. Дорога отъ Изюма къ сѣверу до лѣса Юшковнѣхъ Бояраковъ (въ верховьяхъ р. Семи), гдѣ она соединялась съ Муравскимъ шляхомъ, называлась *Изюмскою*. Она пролегла по водораздѣлу р.р. Оскола и Сѣвернаго Донца. Дорога отъ г. Ливенъ на югъ къ Изюму была известна подъ именемъ *Калмиусской*. Она тоже опредѣляется водораздѣломъ р.р. Сѣвернаго Донца и Оскола. (Объясненіе по Учеб. Атл. по Русск. Истор. Е. Замысловскаго 1887 г., стр. 73.)

[13].

Объ участіи въ этой войнѣ явскихъ казаковъ „Тульского полку“ намъ говорятъ ихъ челобитныя. Такъ неповерстанный сынъ явскаго казака *Миронъ Нестеровъ* въ 1657 г. пишетъ: „...служу я съ 162 (1654 г. и былъ въ полку съ бояриномъ *Василіемъ* Борисовичемъ *Шереметьевымъ* съ товарищами въ *Бѣлгородѣ*, а изъ *Бѣлгорода* послали насъ на твою службу въ польскіе и литовскіе города, и на *Дражиполь* мы съ польскими и литовскими людьми бились, и подъ *Гусятинымъ* городомъ на приступѣ и подъ *Бюльнымъ* городомъ и подъ якими польскими и литовскими городами на приступахъ и на бояхъ былъ и бился не щадя головы своей; да яжъ х. т. былъ на бою на степи подъ *Солонымъ* городкомъ и бился съ литовскими жъ людьми в всякую нужду и бѣдность терѣлъ“ (Моск. Гл. Арх. Ман. Юст., Вѣлгор. ст., столб. 393, листъ 255).

Въ челобитной 1660 г. другого явскаго казака *Абрисима Телешева* объ этой службѣ сказано съ большими подробностями: „Былъ я х. т. на твоей государевой службѣ съ бояриномъ и воеводою съ *Василіемъ* Борисовичемъ *Шереметьевымъ* и бился на *Дражиполь* — убилъ мужика и посылавъ я х. т. былъ въ подѣздѣ съ головою *Клементьемъ* Опухтиннымъ въ городокъ *Тетеевъ* и вялъ мужика; да яжъ х. т. былъ съ бояриномъ и воеводою *Василіемъ* Васильевичемъ *Бутурлинымъ* подъ польскими и литовскими городами, подъ *Каменскимъ-Подольскимъ* и подо *Львовымъ* и на *Потоцкомъ бою* (съ гетманомъ *Потоцкимъ*) былъ и убилъ мужика и подъ *Варвою* и подъ *Лохвицы* съ татари и черкасы бился и подъ *Конотопомъ* и подъ *Лохвицы* и подъ *Нѣжиннымъ* и подъ *Борзною* на бояхъ былъ и на рѣчкѣ *Буровѣ* и въ отводѣ въ *Переяславскомъ* походѣ былъ-же; да яжъ холопъ твой посылавъ былъ изъ *Путивля* съ *Григоріемъ* *Косаковымъ* подъ *Коропѣ* и городѣ вяла и я холопъ твой убилъ двѣ мужиковъ“... (Моск. Гл. Арх. Ман. Юст., столбецъ Моск. стола, № 312, стол. 15, листъ 3).

Почти точно такая же челобитная сохранилась донского казака *Исачи* *Чурова*. (Тамъ-же, листъ 2).

[14].

Въ 1686 г. въ Вѣлгородскому полку Донскихъ, Яцкихъ и Орѣшковскихъ казаковъ было присоединено 51 семейство крещеныхъ калмыковъ, которые были поселены въ Курскѣ. Жалованье имъ выдавалось слѣдующее: денегъ—мурзѣ 50, а рядовымъ отъ 38 до 17 руб. въ годъ. Хлѣба: ржи по 12 и по 10 четвертей и овса то же количество. Всѣхъ донск., яцк. и орѣшк. казаковъ въ это время было 256 человекъ, у нихъ дѣтей и родственниковъ 102 чел. Это жалованье калмыкамъ, такъ-же какъ и казакамъ выдавалось изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, а хлѣбъ въ Вѣлгородѣ и въ Курскѣ изъ окладного наличнаго хлѣба, который собирался на дачу Вѣлгородскому полку (т. е. всѣмъ войскамъ, бывшимъ у Вѣлгородскаго воеводы) съ указанныхъ для этого 32 городовъ—ржи и овса по полуосминамъ съ двора. (Моск. Гл. Арх. Мин. Юстиц., Вѣлгородскій столъ, столбецъ 1674, листы 363—365).

[15].

Первая церковь по преданію названа Казанскою, но если это ошибка, то это легко объяснить тѣмъ, что Казанская церковь сгорѣла въ 1685 г., а вмѣсто нея построили церковь во имя Алексѣя Митрополита или вѣрнѣе всего тѣмъ, что память Ивана Чакрыгина, казака, рассказывавшаго это преданіе І. И. Желѣзнову, измѣнила ему, т. е. во время сыска Кроткова въ 1719 г. имъ не видимъ Казанской церкви, разрѣшеніе построить ее дано только въ 1736 г. казанскимъ епископомъ. Во время пожара 1751 года церкви Алексѣя Митрополита уже не существуетъ, а имѣется Казанская съ придѣломъ во имя св. Алексѣя Митрополита. Такимъ образомъ Казанская церковь вѣрнѣе является наследницею церкви Алексѣя Митрополита и позднѣе въ 1772 г. она носитъ названіе Кирсановской, т. е. принадлежала переселившимся кирсановцамъ и построена взамѣнъ обветшавшей и разобранной въ 1736 году Кирсановской церкви во имя Алексѣя Митрополита.

[16].

Тутъ предполагалось напечатать выборки главъ и статей изъ книгъ священнаго писанія, на основаніи которыхъ старообрядцы крестятся двоеперстно, не бреютъ бородъ, не курятъ и проч., но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эти выписки не были своевременно доставлены и въ печать не попали, а потому будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ.

[17].

Чугуевскій казачій конный полкъ въ 1803 г. переименованъ въ Чугуевскій казачій регулярный полкъ. Въ 1808 г. изъ него сформированъ Чугуевскій-Уланскій полкъ, при чемъ для комплектованія полка послужили только коренные чугуевскіе казаки, потомки донскихъ, орѣшковскихъ и яцкихъ казаковъ. Этотъ полкъ въ настоящее время носитъ названіе 11-й Уланскій-Чугуевскій Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полкъ.

[18].

Отвѣтъ Матвѣя Миронова на розыскъ поручика Кроткова въ 1718 г. въ июнѣ мѣсяцѣ, по дѣлу о сыскѣ бѣжавшихъ послѣ убійства Вѣлюсова казаковъ Фелимонова и Сидорова (Московский Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 28, листы 1322—1323).

„Тогожъ числа противъ вышеозначеннаго допросу Оськиной жены Фелимонова Алены Дмитріевой дочери бывшей атаманъ *Матвѣй Мироновъ* допрашиваяъ.

А въ допросѣ оный Матвѣй сказалъ: въ прошлыхъ годехъ, а сколько лѣтъ того оный не упомянуть вышеозначенные Оська Фелимоновъ и Васька Сидоровъ убить атамана Ивана Вѣлюсова приговаривали и убить оный *по изъ приговору, а убилъ его есаул Григорій Копыловъ*, а приговорили де его убить за то, что оный атаманиъ привезъ изъ Черкаска изъ Донского войска указъ, что по приходѣ на Яикъ русскихъ людей до шести лѣтъ въ казаки не ставить, а до десяти лѣтъ къ Москвѣ никою не отпущать потому, что де въ то число Яицкое ихъ войско было подвѣдомствомъ Донскимъ, а оный де Матвѣй съ старшинами, а именно: Степаномъ Фелимоновымъ и съ прочими отъ того убавства имъ запрещали и въ то де число и ихъ они Оська и Васька съелиношленники своими хотѣли побить до смерти и поубавствѣ онаго атамана вять его Осипъ Вѣлюсовъ вѣдьялъ для челобитья къ Москвѣ и по присылкѣ изъ приказу Казакаго Дворца товарищи ихъ единомышленники вьзаты были въ Москвѣ и „саженны“, а они Оська и Васька въ то число были въ бѣгахъ и пришли они изъ бѣговъ при атаманѣ Федорѣ Семенниковѣ, а въ которомъ году не упомянуть я въ его Семенникова атаманство ходили явно и были въ казакахъ, а оный Мироновъ ему Семенникову говорилъ, для чего они нинѣ въ казакахъ и тѣ де слова происходили къ нему Семенникову отъ него Матвѣя на единѣ и оный де Семенниковъ сказалъ, что де тебѣ донихъ дѣла и повнбору войска послѣ его Семенникова былъ въ атаманакъ оный Матвѣй Мироновъ и ихъ Оску и Васку непоймалъ и въ Казань непослалъ для того, что не въ его атаманство, а до атаманства его года за четыре и какъ де его смѣнилъ атаманъ Григорій Меркульевъ и въ его атаманство они Оска и Васка бѣжижъ и въ прошломъ 1718 г. по указу изъ Казани, а подовошевию Карташева оный Мироновъ и Григорій Меркурьевъ вьзати въ Казань подѣлу которое яветвуетъ въ губернской канцеларіи, а на мѣсто Григорія Меркульева избранъ въ атаманъ Степанъ Фелимоновъ и оные Оска и Васка были по отъѣздѣ ихъ на Яикъ, а послѣ отъѣзду ихъ они куда съ Яику бѣжали до указа или послѣ я въ которыхъ числехъ и нинѣ они гдѣ и кто ихъ у себя держатъ ли не вѣдаеть. Къ сему допросу вмѣсто Матвѣя Мироныча по его велѣвию Яицкой казакъ Иванъ Масниковъ руку приложилъ“.

Въ этомъ показаніи память Миронову вѣдѣвила и оный говорить, что Вѣлюсовъ привезъ съ Дона указъ о томъ, чтобы тѣхъ, кто прибылъ на Яикъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ казаки не ставить, а кто пробылъ на Яикѣ десять лѣтъ то къ Москвѣ не отсылать. Такого распоряженія въ то время (въ 1698 г.)

быть не могло, т. е. перепись была произведена въ 1695 г. и только послѣ этого года приказано было никого не принимать въ казаки. Тотъ приказъ, о которомъ говоритъ Мироновъ, былъ полученъ войскою въ послѣдующіе годы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[19].

Лѣта 7214 сентября въ 20 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца и протавъ Астараханскихъ старшинъ Якова Ивановича Носова Гавриила Даріоновича Гаячикова и всего Астараханскаго великаго войска приказу велѣно Яицкаго Гурьева городка старшинъ Макару Иванову принять на Яикѣ въ Гурьевѣ городѣ у старшина у сотника у Степана Котловскаго и у всего войска служилыхъ людей городъ и городовые ключи и по городу пушечной снарядъ и въ казѣхъ зелье, порохъ и свинець и фетиль и ядра и дробь и что явится чего и то писано ниже сего порозавъ: въ спаскихъ воротахъ 3 пушки чудинныя, 1 ядро вѣсомъ по кружалу 6 фунтовъ, 2 ядро вѣсомъ по кружалу 5 фунтовъ, 3 ядро вѣсомъ по кружалу полъ два фунта; у Казаночанхъ воротъ: пушка чудинная, къ ней ядро вѣсомъ по кружалу 4 фунта; на Угольной Головной башнѣ въ исподи пушка чудинная къ ней ядро вѣсомъ полъ два фунта; на средней Макарьевской башнѣ въ исподи пушка чудинная къ ней ядро вѣсомъ по кружалу полъ 3 фунта; на угольной Удебной башнѣ 2 пушки чудинныя, къ ней ядро по кружалу вѣсомъ полъ 5 фунта; 2 пушки ядро вѣсомъ по кружалу полъ 2 фунта; на башнѣ Степныхъ воротъ пушка чудинная къ ней ядро вѣсомъ по кружалу 1 фунтъ; на угольной круглой башнѣ Хивинкѣ пушка чудинная къ ней ядро вѣсомъ 2 фунта; на средней башнѣ солдатской 3 пушки чудинныя 1 ядро вѣсомъ полъ 5 фунта 2 ядро вѣсомъ полъ 2 фунта 3 ядро вѣсомъ томъ; на Вышешной башнѣ 2 пушки чудинныя, а къ ней ядро вѣсомъ 5 фунтовъ 2 ядро вѣсомъ 4 фунта, а тѣ вышешныя пушки въ станкахъ безъ колесъ; да въ каменной будкѣ ружья фетильнаго цѣлаго и рваннаго и безъ ложъ по счету 89, да въ зеленой казнѣ въ дну бочкахъ пушечнаго пороху 16 пудъ съ деревомъ, да въ той же казнѣ пороху ручнаго и засыпнаго 8 пудъ 10 фунтовъ безъ дерева, свинцу въ дву початыхъ свинцахъ 8 пудъ, двѣ фетилю 5 пудъ и во всемъ съ нимъ росписался. Къ сему росписному списку Спаскій цопъ Петръ Никитинъ вмѣсто старшины Макара Иванова по его велѣнію руку приложилъ.

(Моск. Арх. Инв. Юст. Секретныя дѣла Тайной канцеляріи 1614 - 1722 г.г., опись 286, столбецъ 1144, листы 178—179).

[20].

Главныя матеріалами для настоящаго очерка служатъ, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ выноскахъ, еще слѣдующіе: „Описаніе Каспійскаго моря и чиневанхъ на ономъ россійскихъ завоеваніи“ (Ежегѣс. Сочин. 1763 г.). Затѣмъ дополнительныя свѣдѣнія находимъ: въ части II Журнала Петра В., изданномъ въ 1772 г.; въ сочиненіи Могутова „Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о биз-

шей изъ Россіи въ великую Татарію экспедиціи, Соб. 1772 г.*; въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, Голикова, Москва 1788 и проч. Вслѣдъ за неудачной экспедиціей Перонскаго въ Хиву 1739/40 г., во время приготовленій ко второй экспедиціи, собирались въ разныхъ архивахъ свѣдѣнія о походѣ Бековича. Я. В. Ханьковъ, познакомившись съ собранными такимъ образомъ свѣдѣніями въ Оренбургѣ, въ своей Пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря (Зап. Геогр. Об. кн. V, 1851) сдѣлалъ нѣсколько указаній, касающихся экспедиціи Бековича. Поповъ, въ статьѣ „Свошенія Россіи съ Хивою и Вухарою при Петрѣ Великомъ“ (Зап. Геогр. Об., кн. IX, 1853), къ описанію экспедиціи Бековича приложилъ нѣсколько показаній участниковъ ея. Голосовъ въ статьѣ о походѣ Бековича въ 1717 году въ Хиву (Воен. Сбор. 1861 г., № 10) приложилъ тоже нѣсколько не изданныхъ еще документовъ, которые были собраны въ 1840 г. въ Оренбургѣ. Галкинъ, въ своихъ этногр. и историч. матеріалахъ по Средней Азіи и Оренбургск. краю, Сиб. 1868, напечаталъ извлеченіе изъ дѣла Московскаго сенатскаго архива объ отправленіи Бековича на Касп. море и въ Хиву въ 1714—17 гг. Наконецъ, въ 1-мъ томѣ „Матеріаловъ Военно-Ученаго архива Главнаго Штаба“, изданныхъ въ 1871 г. подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова, помѣщены: „Дѣло 1714—1718 годовъ объ отправленіи князя Александра Бековича Черкаскаго на Касп. море и въ Хиву“ и „Выписка, учиненная изъ столбцевъ объ отправленіи на Касп. море князя Черкаскаго, съ начала его походу съ 1714 году мая по 10 число сего настоящаго 1717 году“. Въ дѣлѣ находятся: письмо дворянъ Воронина и Святова изъ Хивы (XXXVI) и показаніе участниковъ экспедиціи Бековича: яицкаго казака татарина Урахмета Ахметьева (LXXXIII), туркмена Ходжа-Нефеса, татарина Алтына Улейнова и яицкихъ казковъ Федора Евельянова и Михайла Вѣстелкина (LXXXVI и LXXXVIII) и астраханца Николая Федорова (XCVI), но въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ документовъ, напечатанныхъ Голосовымъ*.

(А. И. Максимовъ „Истор. опис. Турк.“, изд. 1790 г., приложение къ главѣ IV, пунктъ 7).

[21].

Чтобы не повторять въ будущемъ расчета казачьихъ ставиць, настоящій указъ, какъ образчикъ всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ-же указовъ, привожу познатию.

„Дѣла 1721 іюня въ 19 день, по указу великаго Государя Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи Самодержца генералу фельдмаршалу и кавалеру тайному дѣйствительному совѣтнику губернатору и Государственной Военной Коллегіи президенту свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову съ товарищи по присланнымъ Его Великаго Государя изъ Военной Коллегіи мая 22 числа указомъ и по приговору въ Государственной штатскъ конторѣ Коллегіи сего іюня въ 7 день велѣно яицкимъ казакамъ ставичному атамалу Ивану Степанову и при немъ есаулу и казакамъ двумъ человѣкамъ которые пребыли съ войсковою отиискою и про обиходъ его Царскаго Величества съ яврою и рыбою и ставичному атамалу Ивану Яковлеву Маснякову и при немъ есаулу и казаку, которые пребыли съ

отпискою о вѣстахъ за издержаннѣ ихъ на наемъ подводъ денегъ первой станицѣ сто двадцать девять рублей шестнадцать алтынъ съ деньгою второй станицѣ тринадцать рублей тринадцать алтынъ съ деньгою. Итого сто сорокъ два рубли двадцать девять алтынъ двѣ деньги да станичному атаману Исау Яковлеву исаулу Савелью Васильеву рядовымъ Василью Леонтьеву его великаго Государя жалованья противъ прежнихъ дачъ кормовыхъ и за пять атаману 8 р. 8 алтынъ съ деньгою, исаулу 6 р. 15 алтынъ 2 деньга, рядовому 4 рубли 25 алтынъ 5 денегъ, итого 19 р. 16 алтынъ; да на приѣзде и на отпуску атаману 43 р. исаулу 32 рубли рядовому 22 р. Итого 97 р. да въ дорогу кормовыхъ противъ здѣшной дачи на 2 мѣсяца, атаману 4 р. шесть алтынъ 4 деньга, исаулу 3 р. 20 алтынъ; рядовому 3 р. итого 10 р. 26 алтынъ 4 деньга, за порохъ и свинецъ каждому по 5 алтынъ по 3 деньга а 3 челоуѣкамъ 16 алтынъ 3 деньга итого за все атаману 55 р. двадцать алтынъ 2 деньга, исаулу сорокъ два рубли семь алтынъ 3 деньга, рядовому 29 рублей 31 алтынъ 2 деньга. Всего 270 рублей 21 алтынъ 5 денегъ выдать изъ рентерей записавъ въ расходъ съ роспискою на счетъ въ положенной окладъ Военной Коллегіи ннѣшняго 1721 году для того что по присланнымъ вѣдомостямъ изъ иностранной коллегіи къ сочиненію штата на оную дачу онимъ казакамъ расходу не написано и о выдачѣ тѣхъ денегъ въ рентерею его великаго Государя указъ посланъ и великій Государь Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ указъ изъ государственной штатсъ-контортъ коллегіи къ ванъ генералу фельдмаршалу и кавалеру тайному дѣйствительному совѣтнику губернатору изъ Государственной Военной Коллегіи президенту свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу стоварищи для вѣдома отписать.

Подписаль: графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ

(Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 107, книга 30, листы 547 и 548).

[22].

М. А. Г. Шт., опись 47, книга 263, дѣло № 2, листъ 5-й.

„И въ Государственной Военной Коллегіи противъ вышеозначенной поимѣти выписано, — въ указѣ Его Императорскаго Величества въ собранномъ уложеніи напечатано, — глава 18, статья 50, — которые Государевы грамоты даны будутъ атаманомъ и исаудомъ и казаконъ которые на Москвѣ и въ городѣхъ кормовыя и ново... мѣстныя въ упронныхъ дѣлехъ и съ тавыхъ грамотъ съ упронныхъ дѣлъ печатныя пошлины имати по указу, а которые грамоты давы имъ будутъ о земляхъ ихъ и съ тѣхъ грамотъ пошлины не имати; — статья 51, — которые стрелецкие же и казачьи головы и сотники и стрельцы и казаки городовыя учнутъ бить челомъ Государю о всякихъ управныхъ дѣлехъ на стороннихъ людей и посылку про стрелецкия и казачьи земли Государевы грамоты имъ по ихъ челобитью будутъ давы и съ управныхъ дѣлъ кто учнетъ бить челомъ на стороннихъ людей печатныя пошлины имати по указу, а которые учнутъ бить челомъ Государю другъ на друга,

а не на стороннихъ людей, или о земляхъ и съ тѣхъ пошлинъ не имать потому что люди служилые, а земли за ними государевы. Статья 53. Которымъ стрелцомъ и казакомъ и пушкаремъ и затинщикомъ, и воротничкомъ и каменщикомъ и кирпичникомъ даны будутъ государевы указныя грамоты въ города о ихъ челобитью на волько рублей имъ торговати безошпливно, и какъ имъ про себя пивье варить и съ такихъ грамотъ печатныхъ пошлинъ для ихъ службы и обѣдности не имать. Глава 24, статья 1. На комъ учнутъ искать или кому отвѣчать атаманы и казаки и имъ въ судныхъ и во всякихъ упривныхъ дѣлахъ чинить указъ по суду и по крѣпостямъ и по смыслу до чего доведется; а государевыхъ пошлинъ на виноватомъ не имать азъ двунатцати рублей, а что будетъ иску сверхъ двунатцати рублей и съ того иску государевы пошлины съ атамановъ и казаковъ имать по указу, а за безчестия атамановъ и казаковъ кто ихъ чемъ обесчеститъ править противъ ихъ денежныхъ окладовъ, а которыхъ вдетъ кормъ и тѣмъ за бесчестья править по пяти рублей*.

[23].

Что у Курилина находилось подлинное дѣло, видно изъ слѣдующихъ строкъ: „у котораго (у подъячаго Андрея Чинарева), какъ мы сказали уже разъ, былъ такой превосходный для того времени почеркъ, какого нѣтъ ни въ одной изъ бумагъ, составляющихъ подлинное дѣло, дающее намъ печатаемне зѣбсь матеріалы (а тутъ, въ дѣлѣ много разныхъ почерковъ и въ донесеніяхъ изъ губернаторскихъ городовъ, и собственнаго дѣлопроизводства Государственной Военной Коллегіи и изъ другихъ столичныхъ присутственныхъ мѣстъ“.

(„Ур. Войск. Вѣд.“ 1871 г., № 47. Курилинъ, Матер. къ Ист. войска, еще нигдѣ не напечатаннае).

[24].

Выписка изъ дѣлъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, по описи 107, кн. 21 Казачьяго повѣтѣя, листы 180—181.

1723 г. іюня въ 25 день по указу Его Императорскаго Величества на Янкѣ въ розньской канцеляріи предъ полковникомъ и лейбъ-гвардіи капитаномъ Захаровымъ стоварищи Янцкой войсковой атаманъ Григорій Мервулевъ, есаулы Иванъ Степановъ, Василій Араповъ, бывшіе атаманы Матвій Мишовъ, Никита Бородинъ, Федоръ Араповъ, бывшіе есаулы Захаръ Яковлевъ, Матвій Ивановъ, Остафей Муромцовъ, Абрамъ Пустоселовъ, Семень Донской, Иванъ Астраханкинъ, Федотъ Донской, Иванъ Витошновъ, Иванъ Мухавъ, Григорій Зубаревъ, Петръ Желтзновъ, старые люди Митрофанъ Алютявъ, Никита Зевакинъ, Антовъ Бабушкинъ, Степанъ Даринецъ сказали который де списокъ именованъ янцамъ казакамъ и дѣтямъ ихъ и работникамъ и хлопцамъ и выходцамъ изъ плону подали въ розньскую канцелярію и въ томъ списку написано въ перечнѣ всего всѣхъ чиновъ иныѣ состоятъ при Янцкомъ городѣ шесть тысячь сто шестнадцать человекъ и то де число на-

писано истинная сущая правда безъ утайки, а окромъ того написаннаго числа вы-
нѣтъ на Яикѣ казаковъ и дѣтей ихъ и работниковъ и хлопцовъ и выходцовъ нѣкого
нѣтъ, а ежели оны атаманъ стоварищи въ томъ поданномъ списку иное число
въ перечне написали не правду, а впредь явится болшии онаго числа или этой
утайки кто впредь донесетъ и зато ему атаману Григорью Меркульеву стова-
рищи учинять смертную казнь по публичному Его Императорскаго Величе-
ства указу каковъ публикованъ на Яикѣ, а именіе ихъ взять на Его Импе-
раторское Величество къ сей сказкѣ вмѣсто атамана Григорья Меркульева по
его велѣнію казакъ Аника Дмитріевъ сынъ Полунавъ руку приложилъ, къ
сей сказкѣ Никита Зевакинъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ Матвѣ Ивановъ
руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Захара Яковлева, Степана Дарница
повхъ велѣнію казакъ Степанъ Ивановъ сынъ Винникъ руку приложилъ, есаулъ
Василій Араповъ руку приложилъ, вмѣсто Матвѣя Миронова по его велѣнію
казачій сынъ Лука Ивановъ руку приложилъ, вмѣсто есаула Ивана Степано-
ва и Федора Арапова повхъ велѣнію соборныя церкви священникъ Іованъ
Ивановъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Семена Донскова по его ве-
лѣнію соборныя церкви пономарь Андрей Петровъ руку приложилъ, къ сей сказ-
кѣ вмѣсто Петра Желѣзнаго по его велѣнію казакъ Степанъ Ивановъ сынъ
Слиняникъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Ивана Астраханкина по его
велѣнію соборный діаконъ Федоръ Михайловъ руку приложилъ, къ сей сказ-
кѣ вмѣсто Ивана Ветошнова по его велѣнію діаконъ соборной Федоръ Михай-
ловъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Никиты Бородиня, Митрофана
Алутана по ихъ велѣнію казакъ Степанъ Ивановъ сынъ Винниковъ руку при-
ложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто казака Абрама Цустоселова по его велѣнію
Лицкой казакъ Федоръ Федоровъ сынъ Ревко руку приложилъ и вмѣсто Федо-
ра Донскова яже Федоръ Ревко по его велѣнію руку приложилъ, къ сей сказ-
кѣ вмѣсто Антона Бабушкина и Ивана Мухина по ихъ велѣнію діаконъ Фе-
доръ Михайловъ руку приложилъ, вмѣсто Григорья Зубарева по его велѣнію
казакъ Петръ Ивановъ руку приложилъ, къ сей сказкѣ вмѣсто Астафья Му-
ромцева по его велѣнію казакъ Иванъ Поцовъ руку приложилъ.

[25].

Въ описи 92 (Аудиторской) въ Моск. Арх. Главн. Штаба значатся слѣ-
дующія утеряныя дѣла съ помятою сбоку, что ихъ „нѣтъ“, но безъ объясне-
нія причинъ этого обстоятельства:

1) Связка 869, дѣло 1719 г. Декабря 28. „По прошенію войска Яиц-
каго казака о изслѣдованіи иностранной коллегіей надъ извинникомъ яиц-
кимъ казакѣмъ Ивановъ Карташевымъ и отаманомъ Никитѣмъ Трифоновымъ
съ товарищи и надъ посланныхъ на Яицъ офицерахъ и другихъ чинов-
ныхъ людяхъ во многихъ съ яицкихъ казаковъ взяткахъ на 98 листахъ“.

Сбоку на полѣ помѣчено „нѣтъ“.

(Страница описи 376).

2) „Реестръ отнесенныхъ по генералъ аудиторской экспедици секретныхъ дѣламъ при которомъ оныя дѣла отданы въ 1767 г. въ архивъ:

Номеръ дѣла.	Когда вступила.	1721 г.
175	1718 августа	Син дѣла подъ камеръ конторою въ маломъ сундукѣ за печатью. По доносу капитана Борнера въ говореніи подполковникомъ князь Федоромъ Хованскимъ про его Величество Государя Императора непристойныхъ словъ.
—	9.	Производимыя въ преображенскомъ приказѣ и на Янкѣ въ розыскной экспедици о тамошнихъ отоманыхъ старшинахъ и казакахъ въ разныхъ обстоятельствахъ, непристойныхъ про его же Величество словахъ и въ измѣнѣ и бунтѣ въ 1723 г. а когда вступили и при чемъ не отыскано,
176	—	подъ № 2 о Афанасѣ Назаровѣ и Васильѣ Мордвицовѣ,
177	—	подъ № 3 о Атаманѣ Иванѣ Щербаковѣ, Федорѣ Руквашниковѣ и прочихъ.
178	—	Подъ № 6 о казакахъ Краснощекотѣ и Ягановѣ и о Атаманѣ Григорѣ Меркульевѣ,
179	—	подъ № 7 о татаринѣ Емвурсѣ Ишяратовѣ и солдатѣ Ларіонѣ Забалтаевѣ,
180	—	подъ № 8 о казакѣ Матвѣ Мироновѣ. Противъ всѣхъ этихъ номеровъ сбоку похѣта „По онымъ дѣламъ каковое рѣшеніе было невидно а только въ концѣ каждаго дѣла подъ черными экстрактами подписано, что таковыя экстракты посланы въ Санктъ-Петербургъ въ Военную коллегію съ праворщникомъ Сирябиннымъ 1723 г. декабря 26“.

(Тамъ-же, стр. 606).

Съ потерю этихъ документовъ войско лишилось однихъ изъ интересѣйшихъ и важнѣйшихъ своихъ дѣлъ.

[26].

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, опись 107, дѣло № 128, листы 370—372.

Вѣдомость учиненная изъ переписанныхъ прошаныхъ 1723 и 1724 годѣхъ посланнами отъ Военной Коллегии въ войско Лицкое полковникомъ Захаро-

внѣ съ товарищи того войска казакамъ книгѣ по которымъ оказались записавшіеся во оное войско разныхъ чиновъ люди и родившіеся на Яикѣ.

Записавшіеся въ войско Яицкое.	Число людей.	Изъ дѣт.	Братья.	Служив- ные.	Шурья.	Итого.
Атаманъ изъ дворцовыхъ крестьянъ	1	1	—	—	—	2
Монастырскихъ крестьянъ	157	106	3	1	—	267
Вълодворцовъ	5	3	—	—	—	8
Мордвиновъ	7	8	—	—	—	15
Поляковъ	46	30	—	—	—	76
Башкирцовъ	52	19	—	—	—	71
Швыдовъ	4	—	—	—	—	4
Ясашныхъ	34	24	—	—	—	58
Вобылей	15	11	—	—	—	26
Изъ выѣзжихъ нѣмцовъ	1	1	—	—	—	2
Изъ служивыхъ по дворянскому списку	5	2	—	—	—	7
Стрѣльцовъ	158	119	1	—	1	279
Татаръ	48	21	—	—	1	70
Изъ татаръ новокрещенныхъ	37	20	—	—	—	57
Калмыковъ	27	6	1	—	—	34
Дворцовыхъ крестьянъ	484	314	4	1	1	804
Посадскихъ	189	119	—	—	1	309
Прародившихъ казаковъ	326	193	3	—	4	526
Помѣщичьихъ крестьянъ	1094	724	10	5	1	1840
Турковъ	2	2	—	—	—	4
Волоховъ	7	10	—	—	—	17
Колжогорцовъ	1	—	—	—	—	1
Ямщиковъ	3	3	—	—	—	6
Кузнецовъ	2	—	—	—	—	2
Нагайцовъ	1	—	—	—	—	1
Подвядчихъ	1	—	—	—	—	1
Изъ Черкасъ	16	7	—	—	—	23
Изъ Черемисъ	1	—	—	—	—	1
Изъ Чюхойцевъ	1	—	—	—	—	1
Да рожденныхъ на Яикѣ, а откуда родомъ не упомянуть	16	8	—	—	—	24
В с е г о	2741	1749	22	8	15	4586

Да по вѣдомости атамана Мерзулева показано казаковъ оставшихъ на

Черешпанъ служить въ 724 году—76 человекъ. Казачьихъ дѣтей, братьевъ и внучатъ по смотру явилось въ службу годныхъ 153. Казачьихъ же дѣтей, которыхъ отцы побиты и померли, а они въ службу явились годными 172 человекъ. Ца по указу Военной Коллегіи 722 году повелѣно калмычнику Даше Вулатову съ своими улусными калмыками служить съ Явцзини козаками вообще... Калмыковъ 52. Дѣтей и половняковъ за малыми лѣтами въ службу негодныхъ 36.

По смотру за старостию и за болѣзнями въ службу негодныхъ.

		Дѣтей.	Племян- никовъ.	Внуковъ.	Итого.
Помѣщичьихъ	16	4	2	1	23
Изъ посадскихъ	3	1	—	—	4
Дворцовыхъ	11	7	—	—	18
Татаръ	2	1	—	—	3
Изъ татаръ новокрещенъ	1	—	—	—	1
Изъ монастырскихъ	3	—	—	—	3
Изъ явцовъ	1	1	—	—	2
Изъ стрельцовъ	1	—	—	—	1
Изъ пришедшихъ козаковъ	1	—	—	—	1
Нѣтъ	1	—	—	—	1
Всего	40	14	2	1	57

Прежніе отставные казаки по смотру стары драхлы и въ службу негодны показаны.

		Дѣт.		Итого.
Изъ помѣщичьихъ	81	17	—	98
Изъ дворцовыхъ	31	4	—	35
Изъ посадскихъ	5	—	—	5
Изъ монастырскихъ	7	—	—	7
Изъ полякъ	5	—	—	5
Изъ волокъ	1	3	—	4
Изъ новокрещенъ	1	1	—	2
Изъ пришедшихъ козаковъ	12	2	—	14
Изъ стрѣльцовъ	5	1	—	6
Изъ черказъ	1	1	—	2
Изъ подъячигъ	1	—	—	1

		Дѣт.		Итого.
Изъ татарь	5	4	1	10
По дворянскому списку	1	—	—	1
Изъ бобылей	1	—	—	1
Изъ ямщиковъ	1	—	—	1
Вортникъ	1	—	—	1
Всего	159	33	1	193

Въ службу негодныхъ по другимъ причинамъ оказалось.

	Число людей.	Дѣтей.	Итого.
Изъ пришедшихъ козаковъ	4	—	4
Изъ помѣщичьихъ	8	1	9
Непомнящихъ родства	1	—	1
Изъ монастырскихъ	2	—	2
Изъ дворцовыхъ	2	—	3
Изъ посадскихъ	1	—	1
Татаринаъ	1	—	1
Всего	20	1	21

Казачьихъ дѣтей и братьевъ за малыми лѣты, а другіе за скорбію и за увѣченъ въ службу негодныхъ безъ сказокъ по именному показану 475.

Пришлыхъ и живущихъ на Яикѣ своими дворами.	Число людей.	Дѣтей.	Вузкѣ.	Итого.
Дворцовыхъ	9	7	1	17
Посадскихъ	6	4	—	10
Помѣщичьихъ	38	2	1	32
Стрѣльцовъ	2	—	—	2
Монастырскихъ	3	2	—	5
Изъ чувашъ новокрещенъ	1	—	—	1

	Число людей.	Дѣтей.	Внуки.	Итого.
Изъ калмыкъ новокрещенъ	1	—	—	1
Черкашенинъ	1	—	—	1
Поляковъ	2	—	—	2
Татарь	3	—	—	3
Всего	57	15	2	74

Пришлые люди, которые живут у казаковъ въ работѣ.

	Число людей.	Дѣтей.
Помѣщичьихъ	124	8
Монастырскихъ	16	—
Дворцовыхъ	26	—
Стрѣльцовъ	8	1
Посадскихъ	17	2
Ясаинныхъ	13	1
Полякъ	5	—
Шведовъ и чюхонъ	10	—
Татарь и чвашь	36	—
По дворянскому списку	1	—
Пришедшихъ казаковъ	3	—
Непомнящихъ родства	2	—
Калмыкъ	1	—
Башкирцевъ	1	—
Турокъ	1	—
Вобыль	1	—
Всего	267	12

А всего всѣхъ выписавшихъ разныхъ чиновъ людей 6124 человека, въ томъ числѣ въ службу годныхъ 3195, оставшихъ 219, казачьихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ и шурьевъ за малыми лѣтами въ службу негодныхъ 2357; пришлыхъ, которые живутъ своими дворами и у казаковъ батраковъ и работниковъ 324, дѣтей у нихъ 26.

[27].

Въ Государственной Военной Коллегіи вписано: въ прошломъ 722 году октября 30 дня въ указе Блаженные и вѣчно достойныя памяти, Его Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ военную коллегію вписано, тогожъ октября 26 дня по Его Императорскаго Величества Указу Правительствующій Сенатъ по подавнымъ изъ военной коллегіи доношениямъ приговорили на Яикъ къ яцкиимъ казакамъ по извѣту яцкаго казака Корташева въ измене ихъ казацкой и въ протчихъ ихъ противностяхъ о которыхъ на нихъ казаковъ показано послать для того розыску по опредѣленію военной коллегіи казанскаго гварнизона полковника Захарова и маюра Протасова капитана Коробова и съ ними две роты казанскаго гварнизона, а ежели ево полковника яцкие казаки на Яикъ для того розыску не пустятъ то ему писать къ Его Императорскому Величеству и въ Сенатъ и въ военную коллегію съ нарочными курьеры немаленно будеше въ томъ противности ихъ не будетъ то ему полковнику о противностяхъ ихъ яцкихъ казаковъ и о всемъ изслѣдовать и розыскать какъ его Императорскаго Величества указы повелевають. А какъ онъ тотъ розыскъ ко окончанію приведетъ тогда ему въ военную коллегію писать. И по тому указу оной полковникъ на Яикъ отправленъ и что по розысканымъ дѣламъ на Яике изслѣдовалъ прислалъ для решения въ военную коллегію

А именно

1) О начинаніи злаго умыслу отъ яцкихъ казаковъ стаячнаго атамана Федора Рукавишника съ товарища.

2) Противъ доношеней доносителя казака Корташева и роспросовъ ево о измене.

3) Противъ доношеней о казняхъ доносителей казаковъ Ивана Елисеѣва, Аванасья Назарова, да старшины Василья Мордвинова и что по доношенію казака Елисеѣва показалось которое взято изъ станишной казны за печатью Царства Казанскаго

4) О яцкихъ казакахъ Федоре Вахареѣ, Василье Сидорове Осипе Бреагинѣ въ смертномъ убійствѣ атамана Ивана Вѣлюсова.

5) Противъ извѣту казака Федора Ревка о продаже девки на казака Федора Силишнина.

Оное дѣло взято въ вышней судъ, а Рукавишниковъ казненъ точно по тому дѣлу содѣржатца колодезника.

Военной Коллегіей оное дѣло решено.

Т о ж ъ.

Оные казаки Вахареѣ Сидоровъ Бреагинъ по розыску козненны смертны повешены По приговору Военной Коллегіи марта 23 дня решено.

6) Противъ извѣту ево жъ Федора Ревка о продаже девки на казака Низату Зевакина

7) О непусканіи въ городоу Яикъ маэора Воейкова.

8) Противъ жалобъ Яицкихъ казаковъ на маэора Воейкова.

9) По присланному указу Военной Коллегіи изъ кавторы о яицкихъ казакахъ о Краснощекове и Яганове которые присланы изъ Преображенскаго приказу

10) Объ яицкомъ казаке татарине Ямансаре Ишкунанове о розыске и о побѣге ево съ Яика изъ-за караулу.

11) Противъ челобитья Яицкихъ казаковъ на бывшаго атамана Матвѣя Мвронова.

12) О присылке экстракту о прапорщике о Егоре Кроткомъ во взяткахъ а оной подозрительство показалъ на онаго полковника и на маэора Протасова и на канцеляриста Тарабынина и подъ судъ вейдетъ.

Кравсъ-рехтъ о салдате Иване Леденскомъ что сбѣжалъ было съ караулпаки въ караулпацкую землю.

По приговору Военной Коллегіи Марта 23 дня решено.

Т о ж ъ.

Т о ж ъ.

Въ Военной Коллегіи решено а подлинное дѣло въ вышней судѣ и для вѣдома о томъ въ вышней судѣ доношение подано.

Въ Военной Коллегіи по приговору Марта 28 дня решено.

Т о ж ъ.

По приговору Феврала 26 дня велено о взяткахъ изслѣдовать канцеляру Коробову и обретающимся аицерамъ еъ комвое а какое подозрение на полковника имѣть велено взять письменное извѣстье и прислать въ военную коллегію и о томъ указъ посланъ.

По конфирмаціи Военной Коллегіи феврала 12 дня сего 725 году велѣно ево отъ штрапа свободить и написать въ отношени вѣчно по немѣ пятанъ.

Да оной же полковникъ доношениемъ требуетъ повелительныхъ указовъ.

О высылке поручика Наумова казавскаго гварнизона дьяка Сухарева подъячего Муромскаго.

О высылке поручика Наумова посланы по преждепосланнымъ отъ него доношениямъ въ Астрахавскую губернию три указа на которые въ астраханской губернии отвѣтствовано оевраля 11-го июля 17-го числа 723 г. что поручикъ Иванъ Наумовъ къ розыскнымъ дѣламъ на Янкъ высланъ, а подъячей Муромкой за приемомъ денежной казны и во многихъ порученныхъ дѣлахъ не высланъ а высланъ будетъ впредь.

(Моск. Арх. Гл. Шт., опись 121, часть 2, ссылка 28, дѣло 27, листы 18—19).

Изъ другихъ документовъ о розыскѣ Захарова, дошедшихъ до насъ, является письмо Аюки хана Петру, посланное имъ 30 января 1724 г.:

„Всемилостивѣйшій Императоръ прошу Вашего Величества послать былъ по указу Вашего Величества на Янкъ для розыску дворянинъ и оному дворянину довели на одного татарина называемаго Кедея Ипбулатова сына, будто онъ Кедей людей продавалъ, в вышеозначенной дворянинъ писалъ ко мнѣ чтобъ я онаго татарина отдалъ, и я по письму онаго дворянина татарина Кедея не отпустилъ, токмо я у него подлинно спрашивалъ продавалъ-ли онъ людей или нѣтъ и онъ мнѣ сказалъ: никакихъ людей не продавалъ и шлется на старшинъ явцяхъ казаковъ, а доноситель на него Кедея познавъ свою неправду ушелъ. А жена и дѣти его Кедева держаться подъ арестомъ на Янкѣ.

Того для покорно прошу Вашего Величества жену и дѣтей онаго татарина Кедея милостиво приказать освободить повеже и отецъ его убить въ службѣ Вашего Величества отъ башкирцевъ, а сыну съ братьями и дѣтьми по указамъ Вашего Величества повелѣно при мнѣ быть.

Такожь на Янкѣ вышеозначенный дворянинъ арестовалъ одного татарина называемаго Исеибета, а доноситель де такоже съ Янка ушелъ, а когда я былъ на Янкѣ и оной Исеибетъ меня во всякихъ моихъ нуждахъ не оставлялъ; покорно прошу Вашего Величества онаго Исеибета вину мѣѣ пожаловать отпустить*.

Это письмо подано было въ Петербургъ посломъ Аюки 29 марта. Чѣмъ кончилась эта просьба — неизвестно. Огвѣта Аюки не послѣдовало, т. е. когда посоль въ Петербургъ, хавъ уже умеръ (19 февраля).

(Моск. Арх. Ив. Дѣл, дѣла Казимирскія, картонъ № 44, связка 1724 г. № 11, л. 382—383).

[28].

Приходо-расходные листки войсковыхъ денегъ съ 1695 г. по 1725 г.

(Ваяты изъ Москов. Арх. Гл. Шт., опись 107, кв. 33).

1695 г.

204 (1695) году октября 21-го дня книга записки при атаманѣ при Лексѣе Васильеве сыне Гречохе да при есауле при Иванѣ Мелшемъ да при Иване Щербакове съ вывещного 204 году сфомина десятка Степанова взято съ 5 чел. по 9 ден. да съ 5 по 6 де. 2 на службѣ.

Иванова десятка долговаво 8 чел. по 8 ден. два на службѣ.

Иванова десятка Кавлоша съ 8 по 8 ден. съ пржея. по 6 ден. и два на службѣ.

Семенова десятка Анисимова взято 5 чел. по 8 ден. съ челоувѣка да съ челоувѣка взято три чел. на службѣ.

Съ васильева десятка Степана взято съ сениа чел. по 8 ден. три челоувѣка на службѣ.

Иванова десятка Павлова сынъ Малилкого взято со 8 чел. по 8 ден. два челоувѣка на службѣ.

Съ Афанасьева десятка Кононова сына Бровника взято со всего десятка. по 8 ден. съ чел. итого 13 алт. 2 ден.

Съ Маркелова десятка Иванова взято со 8 чел. по 8 ден. съ челоувѣка.

Иванова десятка Чернышева взято съ 3 чел. по 8 ден. да два челоувѣка по 6 ден. да челоув. на службѣ.

А не взялъ съ Ивана Малтижтова отсталъ на караулѣ*... и т. д.

Листки представляютъ изъ себя тетрадь въ четвертую долю листа въ 20 страницъ. Описокъ, видимо, не оконченъ; на 14 стр. начать десятокъ: „Съ Макарова десятка“, но далѣе этихъ словъ ничего нѣтъ и слѣдуютъ 6 страницъ чистыхъ.

Всего написано 68 десятка, изъ нихъ показано на службѣ 75 челоувѣкъ.

(Тамъ-же, листы 98—104).

1720 г.

1720 августа въ „ * день кнѣга записная что нынѣ на войскомъ долгу и за какие потребности обо всемъ томъ следуетъ ниже сего именно по статьямъ. Въ битность атамана Щербакова на войскомъ долгу осталась Митрофану Алютину отдавъ заемныхъ денегъ 100 руб. Ивану Сидорову 15 руб. Караульщикамъ что караулили Миروهова 5 руб. Зевакину 10 руб. ему же переменныхъ 22 руб. 4 ал. 4 де. Алексею Кулаве переменныхъ 2 руб. 2 ал. 4 д. Якову Гаврилеву 13 руб. Антову бабужкину за 10 спивокъ 5 руб. Алексею Камыкову за 10 спивокъ 4 руб. 61 ал. 1 де. Черному Плотнику 1 руб. Базеннымъ караульщикомъ 4 человекомъ 4 руб. 26 ал. 4 де. Колокольнымъ караульщикомъ 15 человекомъ 45 руб. Оелоръ Михайловъ на Москве истрясъ своихъ денегъ. Савелью Визянову Василью Левонтьеву за спивокъ не выдано по 26 ал. 4 де. итого 1 руб. 20 ал. Итого старого долгу вышесписанныхъ статьяхъ 229 руб. 4 ал.

Карманову за вино за 2 ведра 3 руб. 13 алт. 2 ден. при Пагадавѣ Якову Гаврилову за оконницы не доплатныхъ денегъ 5 р. 20 алт.

(Такъ-же, листъ 248).

1721—1722 г.г. 1).

При атаманѣ Погадаевѣ да и при Есаулахъ Григоріи Ивановѣ, да Иванѣ Стефановѣ въ расходахъ отправляли по войску за него. У Ильи Мартынова 3 руб. 10 алтынъ. У него жъ лошадь взята за 9 рублей, у Ивана Щелкина взяты двѣ лошади за 20 рублей. У Ивана Турцборина лошадь взята за 10 руб. У Дениса ронехца лошадь взята 10 руб. Да улемяна лошадь взята за 10 рублей. Мѣшокъ хлѣба ему жъ взять за 4 рубли. Итого 80 в. пудовникамъ отправлено денегъ 93 руб. 10 алтына. Калмыцкимъ посламъ, которые были отъ хана для проведыванія о пожарѣ, у Ильѣ Мартынова взято 4 сапога 4 рубли. Лувану взято жъ у него на 20 алтынъ итого издержано 4 руб. 20 алтынъ. У отправления въ Астрахань Михайлу Купреянова зането у Ивана Сидорова 50 руб. У Алики татарки подъ казака пошова взяты двѣ лошади за 12 рублей. Дюна желѣза на тѣхъ каракалпачковъ за 20 алтынъ. Итого отправлено денегъ 62 руб. 20 алтынъ. Картяскимъ караульщикамъ 2 рубли. Въ отправленіи въ Москву. У кнѣжона завакина взято 20 руб. съ отправленіи въ Астрахань Андрей Животина съ ведомостію о оторомъ пожарѣ. Зането денегъ у торгованаго человека Михаила отдаво оныхъ на дорогу 25 рублей. Да калмычину Небеку, который съ оными ѣздилъ 5 рублей итого 30 рублей. Въ посылѣ воевара насилья на Самару, который людемъ съ Прокофьемъ Кошарнымъ отдавъ имъ 6 рублей. Да ему прокофью сверхъ того 2 рубли. Въ посылѣ Ивана Мартыновича Сусоева за

1) Даты на листкахъ нѣтъ, но по содержанию нѣтъ видно, что листки относятся къ 1721—1722 г.г.

Самару дано имъ 3 руб., а зането у атамана Пагадаева. Похоженамъ, которые пославы были до Гтилова для повѣдыванія шляховъ куплено бочка пива за 5 алтынъ у Семена обляина. Въ послыахъ Шукурова зять да полубабкина, да алексѣя Занака, который бѣжалъ службы зароботу 3 рубля 10 алтынъ. Ивану Лотину за лошадь, которая отдаю 6 руб. 61 алт. 4 денежки для офицера. Караульщикамъ 5 человекамъ, которые стояли у рогатовъ 10 руб. 16 ал. 4 денежки. За лѣсъ Андрѣю Кабакову, который и отправленъ на часовню 4 руб. 61 алтынъ 4 денежки. За поило Мартыновъ 5 рублей. *„Да прогосподи Сергжа(нта) взято подводъ 4 руб. на 25 алтынъ астаханскому ширину пола 6 рублей“.* Караульщикамъ, которые караулили часовню 2 человекамъ по 10 алтынъ, а караулили 11 недѣль итого 3 рубля 10 алтынъ. Да которые отъ войска посылались къ Москвѣ за нуждами на каждого по 2 рубли, а именно: атаману Федору Михайлову, есаулу Ивану Карпову, Андрею Чунареву, Василию Арапову, Аитусману Колбеину татарину, Василию Прикащикову, Ивану Логинову, которые въ посольѣ вѣзали. Въ службѣ на черемшѣ: Федоту Савельеву, Сидору Дурнакову, Ивану васильеву. Итого 11 человекамъ 42 рубл. Да вѣдчи въ Москву въ арзамасѣ за ихъ василія Арпова, и съ коей ставицы найму подводъ до Москвы у торгового человека Ивана Серюксланова 30 рублей. Нѣкоторая плата за пиво 2 руб. 20 алтынъ 2 денежки да за медъ 2 руб. 20 алтынъ 4 денежки да еще за пиво 20 алтынъ. Онѣкъ Дмитрѣеву за поило карбелю порутчику Бѣгичеву съ грамотою изъ военной коллегіи куплено поило у него на пушио да за вино 2 алтына 2 денежки Федору Суслеку за посылку къ... азбывавъ... олверно... мастоя въ городскъ 1 руб. Есаулу Ивану Степанову за калачи чивовникамъ 2 алт. За сѣтку икру били 2 алтына. Вушуву за ладовъ какъ посоль ходили 3 алт. 2 денеж. За сѣно учиневъ кошение взялъ Андрей Бородинъ 20 алт. Ивану Михайлову за свѣчи 10 алт. За калачи, что куплены 3 алт. 2 ден. Гарасику Сирбирякину за батогъ 5 алт. За медъ и вино, что брали на васильевъ день 12 алтынъ. За первосортные калачи 1 ал. Калпакову за недоплатное вино 60 алтынъ. За лукошки, что на икру 48 алтынъ. Сиделкину за походъ 9 рублей 10 алтынъ. Торговому человеку Ивану Михайлову 25 рублей. Безматерному василью 4 рубли. Василию Родіонову 12 алтынъ 2 денежки за искливу (і) лошаиъ (і) василью фелорову 8 руб. Ивану Татарину за лошадь 5 руб. Ивану Самагину за рыбу 1 руб. Монсею Семенникову за сѣнокошеніе и карауль 20 руб. Андрею Нарбутову за карауль 7 руб. 8 алт. 4 ден. Макару Мисинку за мясо недоплатчевныхъ 20 руб. 28 ал. 2 денежки. Дмитрѣю Калинкову заѣду въ вилички 2 руб. За осетра ему жъ 5 руб. Савелю Визанову за сѣнокошеніе полторы (і) 8 алтынъ. Есаулу Арапову за осетра 5 алтынъ. Чердыбакову за сивокость 2 руб. Ивану Шеманову за вѣду на Самару 3 руб. Бебеку за вѣду въ Астрахань 3 рубли. Василию Прикащикову 20 рублей за вѣду за тель (і) пуловки. Караульщикамъ за карауль 45 руб. Подрядчику Ивану Спиридову за учуж-

ной лѣсъ 20 руб. Чурбахину за поило 20 алтынъ. Алексѣю Гаврилову 13 руб. 13 алтынъ 2 денежки да ему жъ за околицы недоплаченныхъ денегъ 5 руб. 20 алтынъ. Федору Донскому 40 алт. 4 денеж. Дурманову 40 алт. 4 денежки. Петру курачкину 40 алт. Андрею Ассаку 40 алтынъ. Павову 40 алтынъ. За мѣшокъ, что куплено Татарину Астраханскому 6 руб. 6 алт. 4 денеж. Агарчею Татарину за лошадь 3 рубли. Щалякину отдано за походъ 200 руб. Абраму Пустоселову за ѣзду полтора рубли. Атаману Меркульеву за сазаны, что свадобъ 44 алтына. Пагадаву Простовщику 40 алт. Вавилчу 40 алтынъ. Торноволу Препорщину 40 алтынъ. Паталеву за веревки 4 алтына Софѣ за поило 5 рублей. Ивану Варманову за Сидора долгъ 2 руб. 13 алтынъ 2 денежки. Емаю тарину 11 алт. 4 денежки. За леготь 2 р. 26 алтынъ 4 денежки. За желѣзо 26 алтынъ 4 денежки. Зевакину 12 руб. Ернилецкому зятю жъ 63 алтына 2 денежка“.

(Тамъ-же, листы 248—252).

1723 г.

1723 году генваря 26 дня коликое число на войскомъ долговъ сехъ денегъ и за какия потребности значить ниже сего. Для посланки к Москве дадева да в казань Котельникову зането у Григорья Меркульевича 100 ру. у Литина 100 ру. итого 200 ру.

Да в бытность атамана Щербакова караульщикамъ что караулили Федора Михайлова 10 ру. Караульщикамъ что караулили Матвея Миронова 10 ру. 16 ал. 4 де. Зевакину 10 ру. ему же переменныхъ 2 ру. 24 ал. 4 де. Алексѣю Кулявину переменъ выхъ 2 ру. 2 ал. 4 де. Якову Гаврилову 13 ру. Ему же недоплатныхъ за околицы 5 ру. 20 ал. Онтову Вабушкину за 10 спянокъ 5 ру. Черному Плотянку 10 ру. В бытность атамана Погадаева Ширгею татарину за лошадь 5 ру. Ивану Серебрякову за отежкой караулъ 10 ру. 16 ал. 2 де. Ему же Серебрякову что стояли отъ орьды 5 ру. 13 ал. 2 де. Сманьке татарину за лошадь 5 ру. Макару Мяснику недоплатныхъ за мясо 5 ру. Артемью Ильменеву за лошадь 5 ру. Григорью карманову недоплатныхъ за вино 1 ру. 23 ал. 2 де. Ивану Каплену за ездѣ в послахъ 4 ру. Семенову Мансуровцу на астраханскую ездѣ 4 ру. 13 ал. 2 де. Литке татарину за две лошади 6 ру. Ивану Щелкину за походы какъ корова отбили 9 ру. За отежкой караулъ Андрей Необутову 7 ру. 8 ал. 2 де. Силвѣшину за сенокосной караулъ 20 ру.

(Тамъ же, листы 258—254).

1723 феврала въ 8 ден. съ Яицкого войска збору а вменю по 17 ал. а в зборе денегъ 1010 рублей сверхъ той после собрано 9 ру. 10 ал. Из оной числа расходъ. По писму Федора Рукавишникова Степана Шабрика. Племяннику Василью Семенову 100 ру. Арзамасцу Петру Михайловскому земаныхъ 20 ру. За учужной нижней караулъ отдано 250 ру. Купренинову за осетра 5 ал. Онтову Вабушкину за спянки 5 ру. Вударченко за сено

10 ал. Меркульичу за двухъ осетровъ да Ямшаю за двухъ осетровъ 20 ал. Федору Сумкинну дано за сенокосъ 2 ру. Артемью Ильминнову за лошить 5 ру. Федору Серебрякову 1 ру. Стольнику за караулъ. За муку куплено муки татарину 4 ру. *За караулъ Матвея Миронова шесть рублей съ полтиною.* Серебрякову за караулъ 5 ру. 13 ал. 2 де. Ивану Щелкину недоплатныхъ за лошить 10 ру. За рогожи 31 ал. 2 де. что бралъ на икру* и т. д. (Тамъ-же, листы 251—252).

„Довошенне. Коликое число отдано денегъ рационныхъ за овесъ за соно за солому и за сечку присланныхъ штапъ и оборъ-аенцеромъ. На прошломъ 723 году на зимне мессецы за октябрь за ноябрь за декабрь за каждую рацію по два рубли с полтиною штапъ и оборъ-аенцеромъ денгами въ первой годъ даво денгами 629 ру. 6 ал. 4 де. сена 5936 пуд... за пудъ того ради денегъ 178 ру. 2 ал. 4 де. Полковнику на 3 мессецъ на 17 рацъ итого 51 рацъ. Маэору на 11 рацъ всего 33 рацы. Корабову на 15 рацъ. Устволу 15 рацъ. Поручику Агару 15 рацъ. Лекарю 9 рацъ. Итого на 45 лошадей ценою за рацу по 2 ру. с полтиною всего 135 рацъ всего 337 ру. с полтиною. Государевымъ драгунскимъ лошедамъ 703 четверти по два рубли с полтиною всего денегъ 1757 ру. с полтиною на 4 мессецъ штапъ и оборъ-афицеромъ итого 180 рацъ итого всего 360 ру., а за рацу по 2 ру. Государевымъ драгунскимъ 952—42 гарца по два рубли итого денегъ 1905 ру. 11 ал. итого на показанной годъ рацъ 197 ч. 41 гарца денегъ 4360 ру. 11 ал. (Тамъ-же, листъ 255, на оборотъ).

1724 г.

„Сего 724 году февраля въ 11 день занято денегъ на раздачу старшинамъ которые выбраны на Черемъшанские пасы у виника Василья Алексеева сездьдесятъ рублей въ овне деяги розданы, а именно атаману Федоту Донскому 20 ру. Ясауламъ Ивану Силоватову (?) 15 ру. Леовонътию Маркову 15 ру. Препорщица Василью Стольникову 10 ру. Григорью Качамасову 10 ру. Февраля въ 17 день служивымъ же которые на Черемшю занято у атамана Григорья Меркульева 100 ру. у Микиты Зевакина 100 ру. У Винника у Подовки 50 ру. у Матвея Прикащикова 30 ру. У Колесова 31 ру. Д. Степанъ Стольниковъ не платилъ со всего десятку зачтено имъ по 25 ал. 4 де. Я переписывалъ Михайло Поликарповъ“. (Тамъ-же, листы 80—81).

1725 г.

„Въ 725 году отдаво денегъ штапъ и оборъ-афицеромъ 600 ру. 5 ал. Государевымъ драгунскимъ лошедамъ овса 1135 г. рацъ денегъ 1703 ру. 30 ал. 4 де. и того всего по вышеноказной цене противу афицерскихъ рацъ итого всехъ денегъ сем тысячь четьреста сездьдцать два рубли десать алтынъ две деяги. Свечъ и бумаги и дровъ и чернилъ на сто дватцать восьмъ рублей 26 ал. 4 де. (Тамъ-же, листъ 256).

Роспись что дано *васковая милость из жалованья*. Алексея Митрополита в церкви къ 3 подавъ 3 ру. дякону 1 ру. пономарю 21 ал. 4 де. просвирѣ 8 ал. 2 де. На соборную церковь дякону 1 ру. пономарю 26 ал. 4 де. дачьку 26 ал. 4 де. попу дано за учетъ часовинамъ пономарямъ 20 ал. просвирѣ дано 8 ал. Старшинамъ атаману 3 ру. есауломъ двумъ 4 ру. подъячему 2 ру. талмачю 2 ру. Пушкаремъ по 16 ал. 4 де^а.

Даты на листкѣ нѣтъ, но бумага того-же сорта и написана тѣми-же чернилами и тѣми-же почеркомъ, какъ слѣдующій 124 листъ; т. е. 1725 г.

(Тамъ-же, листъ 123).

Копия расходовъ изъ жалованныхъ денегъ Черному попу 10 ру. фаршелю за равну... 60 ал. переменныхъ недочету 46 ал. 4 де. *Господину полковнику розмонныхъ 617 ру. 13 ал. 2 де.* да старыхъ денегъ 2 ру. 26 ал. 4 де. за добавокъ изъ жалованныхъ денегъ 1 ру. 6 ал. 4 де. и того 4 ру. отданы Прокофью Каширину Ивану Катеряникову изъ жалованныхъ 5 ру. Будачику изъ жалованныхъ 16 ал. 4 де. за багравица Федоту Зеленину 16 ал. Вородиву за ступу учужую 60 ал. Караульщикомъ *что на адинариы 60 ру.* Іеву попу за нуку 1 ру. за дороги 3 ру. 3 ал. 2 де. за шелкъ 2 ал. еще 13 ал. 1 ал. 2 де. еще 9 алт. Плотьякомъ что в церкви престола сооружали дано 2 ру. Миките Болдину отдано за лошадей 20 ру. Овдрею Кыбанову отдаю за бревны 4 ру. 16 ал. 4 де. Полу Живетиву 4 ру. Іеву 4 ру. атаману 3 ру. есауломъ 2 ру 4 ру. подъячему 2 ру. попу Живетиву 13 ал. 2 де. за правоеъ рыбы и вина витошнову за коща 2 ру. Ему жъ 4 ал. за *рабочной караулъ* 4 ал. Максиму попу 10 ал. Григорью Рузану 4 ру. 26 ал. Петру Кочурову за сенокось 2 ру. Ему жъ за караулъ за колвертинской 2 ру. за Багрия 4 ру. Степану Голому 2 ру за караулъ за плавню 4 ал. за багрия 2 ру. 26 ал.^а.

(Тамъ-же, листъ 124. Даты на листѣ нѣтъ, но по содержанию видно, что относится къ 1724—1725 годамъ).

Наемнымъ *сулатукиль* (въ визовый корпусъ на р. Сулакъ) *атаману полковнику 2-мъ есауламъ* дано за караулы по 36 ал. по 4 де. *4-мъ знаменщикамъ 5 сотникамъ 1 писарю 1 Фатеръ мистру* по 18 ал. по 2 де. Степану Онтонову дано 11 ру. за рыжу лошедь за калмыцкую Ивану Чернову дано за работу ширешные лукошки Алексеемъ Талкову дано за плавной караулъ 16 ал. 4 де. за караулъ сенокосной другой неделю дано Гарасиму Потапьеву. Якону Штерскому дано за колвертинской караулъ: *выготцамъ ис Хивы Савелью Потребшишу Пимину Инатъеву* дано 2 ру. *Федору Столову* дано 2 ру. *Ортемяю Иванову* дано 1 ру. *Дукьяну Мостовщикову* 1 ру^а.

(Тамъ-же, листъ 140, на оборотѣ. Даты нѣтъ, но по караулу въ визовый корпусъ относится къ 1725 г.).

К о н е ц ъ.

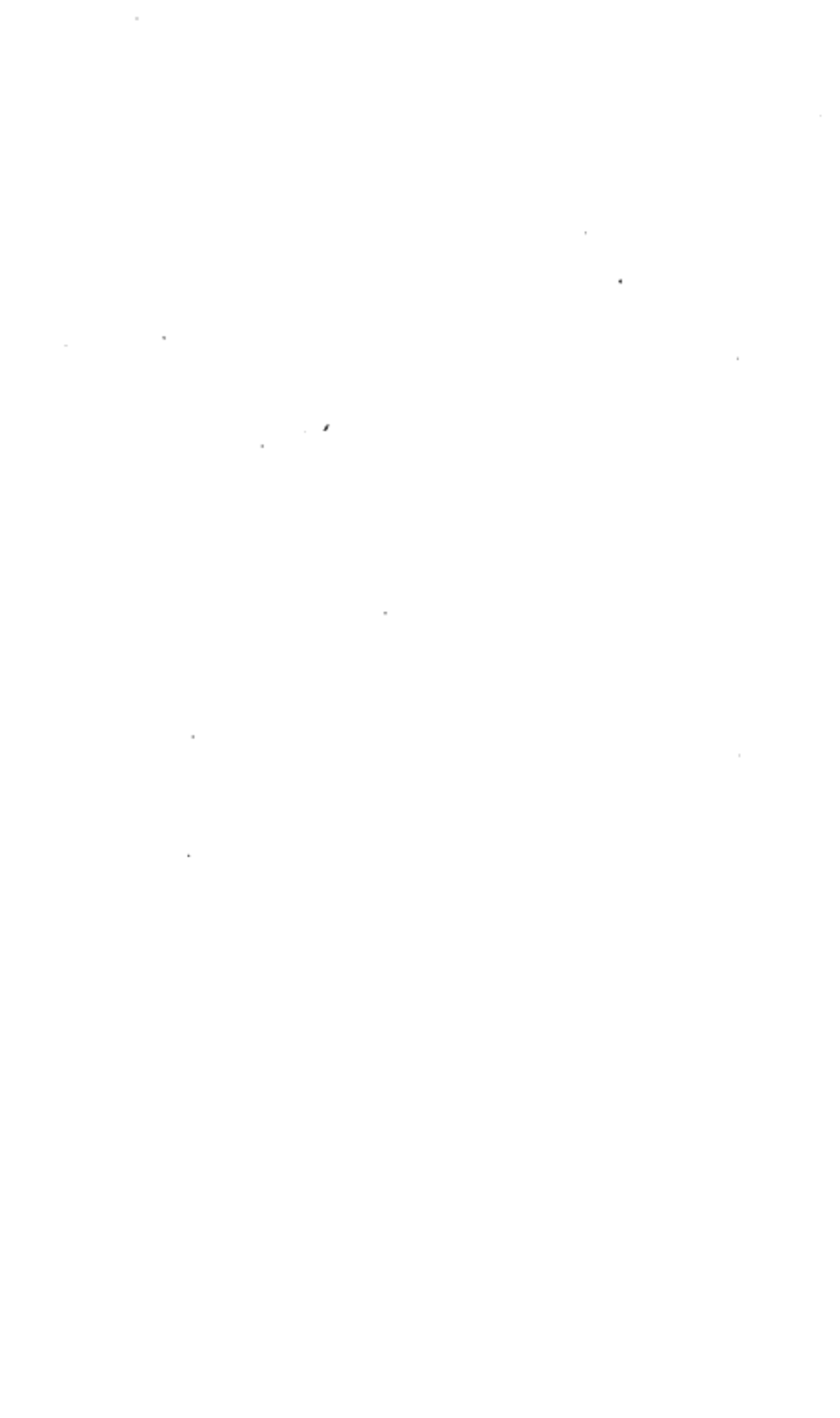

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Историческаго очерка

УРАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

4) Яицкіе Казаки пришли къ Москвѣ, а сказали что они отъ войска отстали въ Темниковѣ, а съ собою привесли прохожую память и скрѣпою слободы отъ прикащика отъ Долмата Барнашева.

Ивашко Гавриловъ*

Митка Тихововъ*

Павликъ Кузминъ*

5) Списокъ Яицкихъ казаковъ, каковъ подалъ Богданъ Зибевъ, которые пригребли съ Волги и изъ-за полныхъ рѣчекъ, а крестъ Государю цѣловавъ въ Темниковѣ въ 141 (1633 г.) генваря въ 21 д.

Ивашко Макаровъ Астраханецъ*

Васка Федоровъ Клениковъ Шценниъ*

Богдашко Елизаровъ Вѣлозерецъ*

Степанъ Ивановъ Казанецъ

Симашко Сафоновъ Ливенецъ*

Ромашко Степановъ Саратовецъ*

Ларка Даниловъ Волоколамскаго*

Васка Григорьевъ Пермичинъ*

Ивашко Васильевъ Арзамасецъ*

Гришка Овдовимовъ Архангельск. гор.*

Павликъ Антоновъ Дмитровецъ*

Федка Игнатьевъ Арзамасецъ

Петрушко Дорюфьевъ Самариниъ*

Игнатко Ивановъ Быковъ Володимирецъ

Ильюшка Федоровъ Темниковецъ*

Петрушко Ивановъ Псковичинъ*

Васка Савельевъ Алатырецъ*

Захарко Ивановъ Ярославци

Васка Ивановъ Сибириниъ.*

Свирдонко Микифор. Устюга Желѣзнаго

Ивашко Осиповъ Вологженинъ*

Игнатко Ивановъ Казанецъ*

Овдуршко Ивановъ Дорогобужанинъ*

Наушка Михайловъ Алатырецъ*

Сенка Тимофеевъ Коломичинъ

Ивашко Константи. Краснослободецъ*

Якушко Тимофьевъ Кашинецъ*

Кондрашко Агаоновъ Алатырецъ

Данилко Ивановъ Вѣжецкаго Верху

Савко Михайл. Зазоркинъ Арзамасецъ

Лучка Семеновъ Нижегородецъ

Сенко Федоровъ Балахонецъ

Федька Олексевъ Муромецъ

Данилка Андѣевъ Муромецъ

Еремка Федоровъ Муромецъ

Гришка Левонтьевъ Алатырецъ*

Захарко Давидовъ Дубровинъ Саратов.*

Тиханко Петровъ Ржевичинъ*

Ивашко Олексевъ Архангельскаго гор.*

Гришка Кузминъ Чебоксариниъ*

Михайла Ивановъ Володимирецъ*

Володко Онтипинъ Дмитровецъ*

Олежка Селиверстовъ Тетюшенинъ

Июдко Федоровъ Солякамской

Митка Микифоровъ Вяземичинъ*

Федка Герасимовъ Москвитинъ*

Гришка Гусевъ Алатырецъ*

Мишка Елисѣевъ Костромичинъ*

Митка Антоновъ Нижегородецъ*

Исайка Ивановъ Переславля Залѣскаго*

Герасимко Ивановъ Казанецъ*

Овдронко Кизяковъ Ростовецъ

Максимко Деметьевъ Казанецъ*

Ловко Овдревъ Шатченниъ*

Терешко Григорьевъ Малмыженинъ*

Герасимко Мартемьяновъ Арзамасецъ*

Анисимко Петровъ Краснослободецъ

Офонко Ивановъ Костромичинъ

Вориско Семеновъ Тетюшенинъ*

Орлоко Потаповъ Казанецъ*

Лучка Пароньевъ Володимирецъ

Кузюшка Григ. Головачевъ Кадомецъ*

Васка Ивановъ Верхотуриниъ*

Потапко Евсѣевъ Темниковецъ*

Мишко Алексѣевъ Володимирецъ
 Максишко Ивановъ Нижегородецъ
 Насевко Родивановъ Сузалецъ
 Митка Ѳедоровъ Ярославецъ
 Ондришка Онисимовъ Нижегородецъ
 Ѳедко Ондреевъ Архангельск. города
 Васка Ларион. Ташликовъ Свіязенинъ
 Степка Ивановъ Арзамасецъ
 Мишка Омеляновъ Ярославецъ

Каринъ Гавриловъ Смольянинъ*
 Левко Ивановъ Вологженинъ
 Якимко Семеновъ Уржумецъ
 Ивашко Степ. Колычевъ Костромитинъ
 Ѳедка Васильевъ Москвитинъ*
 Васка Григорьевъ Нижегородецъ
 Оверка Спиридоновъ Беленинъ*
 Ивашко Харитоновъ Ярославецъ

6) *Казаки* крестъ Государю цѣловали въ Касимовъ.

Ивашко Михайловъ Саратовецъ*
 Сенка Аверкеевъ Астраханецъ*
 Протка Кузьминъ Самаринъ*
 Ѳедка Аршиновъ Москвитинъ
 Оиляка Сысоевъ Кинешенецъ
 Ѳедка Григорьевъ Ярославецъ
 Евсейейко Осиповъ Архангельск. города*
 Ивашко Устин. Епючинъ Арзамасецъ
 Павлинъ Мартемьяновъ Нижегородецъ*
 Петрушка Максимовъ Путивлецъ*
 Сенко Игнатевъ Темниковецъ
 Ондришко Ивановъ Нижегородецъ*
 Степашко Ивановъ Путивлецъ*
 Сидорка Клементьевъ Шатченяинъ*
 Терешка Ереяевъ Воронежецъ*
 Микитка Назаровъ Тюменецъ
 Ивашко Лукьяновъ Нижегородецъ
 Васка Ивановъ Углеченинъ
 Ивашко Тихоновъ Шатченяинъ*
 Ивашко Ларионовъ Шатченяинъ*
 Ѳедко Васильевъ Краснослободецъ*
 Митка Сергѣевъ Устюженинъ
 Панкратко Ивановъ Нижегородецъ*
 Марко Ивановъ Кадомецъ
 Матюшка Семеновъ Курмышенинъ
 Тимошко Михайловъ Астраханецъ
 Олешка Кирилловъ Темниковецъ*
 Родка Микитинъ Вычегодской соли
 Офонка Тимофеевъ Уржумецъ*
 Важенко Савельевъ Краснослободецъ

Васка Ивановъ Михайловъ
 Гарасинко Михайл. Темниковецъ*
 Ивашко Григорьевъ Астраханецъ
 Олешка Микит. Крюковъ Гороховецъ*
 Ивашко Овдокимовъ Тетюшенинъ*
 Павлякъ Максимовъ Новгородецъ*
 Ивашко Маркеловъ Астраханецъ
 Сенко Власовъ Нижегородецъ*
 Осояка Васильевъ Юрьеvecъ
 Ивашко Ивановъ Путивлецъ*
 Гришка Махаровъ Кузнецъ Казанецъ*
 Сенка Макаровъ Казанецъ
 Петрушка Ларионовъ Кадомецъ
 Родка Давидовъ Вяземитинъ
 Микифорко Логиновъ Вѣлозерецъ*
 Ивашко Микитинъ Нижегородецъ
 Сенко Юрьевъ Руженинъ*
 Савко Дмитриевъ Темниковецъ
 Бажевна Микитинъ Темниковецъ
 Язушко Прох. Скворцовъ Астраханецъ*
 Гришко Ивановъ Краснослободецъ*
 Васка Ивановъ Вологженяинъ
 Куземка Матвѣевъ Темниковецъ*
 Мишка Григорьевъ Шатченяинъ
 Ивашко Назаровъ Темниковецъ
 Семеновка Петрек. Юрьевца Поволскаго
 Васка Юрьевъ Нижегородецъ*
 Микитка Китаевъ Краснослободецъ*
 Якимко Ивановъ Уржумецъ
 Микитко Перевальевъ Юрьевченинъ

Лучка Семеновъ Нижегородецъ
 Сенко Ивановъ Казанецъ
 Ивашко Михайловъ Темниковецъ
 Ивашко Кондратьевъ Смольянинъ
 Матюшка Ивановъ Краснослободецъ
 Ивашко Семеновъ Сизой Муромецъ*
 Ивашко Евстихеевъ Галеченинъ*
 Васка Клементьевъ Темниковецъ
 Богдашко Ованьянъ Уржумецъ*
 Оедка Микитинъ Резанецъ
 Оеовька Максимовъ Володимірець
 Павликъ Ивановъ Астраханецъ

Ивашко Исаевъ Колмогорець
 Оролко Ивановъ Алаторецъ*
 Савка Якимовъ Касимовець*
 Мишка Терентьевъ Муромецъ*
 Оедка Оедоровъ Алаторецъ
 Прошка Михайл. Воронинъ Саратовецъ
 Тимюшка Оедоровъ Юрьевченинъ*
 Ивашко Оедоровъ Воложевинъ
 Ивашко Юдивъ Костромитинъ*
 Олешка Семеновъ Устюженинъ*
 Куземка Ивановъ Смольянинъ

7) Казаки же крестъ цѣловали въ Володимирѣ.

Ивашко Ермолинъ Мещериновъ*
 Захарко Гавриловъ Орой Нижегородецъ.
 Давиленко Оедоровъ Коломенитинъ
 Микитко Ивановъ Воронежецъ
 Гришка Ивановъ Кадомецъ*
 Матка Семеновъ Василегородецъ
 Ивашко Оедоровъ Казанецъ
 Трофимко Офонасьевъ Темниковецъ*
 Ондрюшка Михайловъ Вязметинъ
 Ерешка Кондратьевъ Темниковецъ
 Ондрюшка Ермолаевъ Астраханецъ
 Сенка Омельяновъ
 Парамонка Матвѣевъ Павлевецъ*

Герасимко Герасимовъ Саратовецъ*
 Карпиль Марковъ Володимірець*
 Ивашко Елизарьевъ Костромитинъ*
 Васка Оилиновъ Москвитинъ
 Ивашко Васильевъ Новоторжець*
 Сенка Оилиновъ Ярославецъ
 Ивашка Остаф. Вершина Нижегород.
 Микитко Олексѣевъ Мальцовъ Темникъ.*
 Богдашко Ивановъ Темниковецъ*
 Куземка Гавриловъ Чебоксаревинъ
 Ивашко Васильевъ Трусъ
 Обрашко Степановъ Болдырь*
 Сенка Васильевъ Калмыкъ

8) Имена яцкимъ казакамъ, что подалъ атаманъ Тимофей Микифоровъ Поць, а сказалъ что приставала къ нему въ дорогѣ какъ отошелъ съ Самары къ Москвѣ, а сказались тѣ казаки съ Лука и изъ запольныхъ рѣкъ и въ Москвѣ Государю крестъ цѣловали и Государено жалованье дано имъ противъ тѣхъ же по 10 рублей.

Десятникъ.

Вирюкъ Алексій Тимофеевъ*
 Матюшка Кирьяновъ*
 Куземка Ортемьевъ
 Ларка Давиловъ*
 Оедка Оедоровъ*
 Оеовька Левонтьевъ*

Дениска Ивановъ*
 Михалко Ивановъ*
 Назарко Самыловъ*
 Михалко Семеновъ*
 Любимко Григорьевъ*

Десятникъ

Феденитко Осиповъ*
Дорофейко Офонасьевъ*
Ивашко Михайловъ*
Оилька Семеновъ
Юшка Олексѣевъ*
Ивашко Дмитріевъ Новокрещевъ*

Юшка Михайловъ Зипуновъ*
Барпушка Дементьевъ*
Омельянка Филиповъ*
Яшка Семеновъ*
Сенка Родионовъ Кошловъ*

Десятникъ

Сенка Оверкѣевъ
Ивашко Ларионовъ Шатченинъ
Ивашко Михайловъ Москвитинъ
Богдашко Елизарьевъ Бѣлозерецъ
Данилко Овдѣевъ Муронецъ*

Федка Герасимовъ Москвитинъ
Михалко Елисеевъ Костромитинъ
Федка Олексѣевъ Муронецъ
Гришка Чурѣевъ
Федка Ивановъ Астраханецъ*

Десятникъ

Махай Федоровъ*
Гришка Петровъ Смольянинъ
Трофимка Григорьевъ
Елизарко Овасимовъ*
Куземка Федоровъ*

Петрушка Одрѣевъ*
Олешка Обросимовъ*
Ермолка Самсоновъ Астраханецъ
Сенка Филиповъ*
Второйко Ивановъ

Десятникъ

Митка Прокофьевъ*
Парфенко Офонасьевъ*
Михалко Елисеевъ
Петрушка Ларионовъ Долгой
Ивашко Евтифьевъ Животовъ

Ломачка Ороловъ*
Петрушка Ивановъ
Гришка Михайловъ Бородинъ
Гришка Ивановъ Рябой
Яшка Федоровъ Сквордовъ

Десятникъ

Куземка Артемьевъ
Ивашко Семеновъ
Левка Спиридоновъ*
Куририкъ Родионовъ
Клипка Александровъ Астраханецъ
Ивашко Ивановъ Хворой

Михалко Ивановъ
Сенка Оверкѣевъ
Куземка Ортемьевъ Шувенинъ
Олешко Игнатѣевъ*
Михалко Ивановъ

Десятникъ

Ивашко Дмитріевъ Антаутъ
Микитка Кондратьевъ Щока Олмазникъ*
Стенка Кириловъ Гончаровъ*
Ивашко Петровъ*
Федка Дависовъ Астраханецъ*

Гришка Кондратьевъ Рудинъ
Ивашко Овчѣевъ Пешеходъ*
Ивашко Дементьевъ*
Сергѣйко Васильевъ*
Матюшка Михайловъ Кудравой*

Десятникъ

Гришка Карповъ*	Лукьянко Ивановъ Москвитинъ*
Микитка Тимофеевъ Курмышенинъ*	Мокѣйко Олексѣевъ Смольянинъ*
Ивашко Поповъ*	Бориско Офонасьевъ Керженинъ
Шумилка Григорьевъ	Титко Григорьевъ сынъ Петрова*
Стенка Мартыновъ*	Ивашко Осиповъ Вологженинъ
Куземка Ивановъ	Волокитко Ивановъ*
Оксевко Юлинь	Ивашко Овдреевъ Казанецъ*
Герасимко Федоровъ Шатченинъ*	Савва Прокофьевъ Москвитинъ*
Михалко Овдреевъ Смольянинъ	Ивашко Никифор. Балохонецъ*

9) Царю Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Русии бьетъ челоуъ холопъ твой Терской казакъ Онисимовой станицы Ивановъ, Зеновка Павловъ сынъ Лапоша, служу я, холопъ твой, тебѣ, государю, въ твоей государевой вотчинѣ на Дону и на Теркѣ и на Яикѣ всякія твои государевы службы одинадцать лѣтъ и какъ по твоему Государеву указу велѣно насъ холопей твоихъ и къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ съ Терка и съ Яика на твою Государеву службу противъ твоихъ государевыхъ вѣдруговъ польскихъ и литовскихъ людей и присланъ къ намъ на Яикъ Богданъ Семеновичъ Змеевъ и я холопъ твой тебѣ, государю, крестъ цѣловалъ на томъ тебѣ, государю, служить и брелъ я къ Москвѣ на твою государеву службу о дву конѣ и грѣхомъ своимъ какъ намъ прйдти въ Красную Слободу и я холопъ твой отъ той поры на дорогѣ занемогъ и тѣ государь кони мои всякую служилую рудлатъ братья мои и товарищи взяли съ собою, а вынѣ я, холопъ твой, послѣ немощи приволокъся къ тебѣ, государю, къ Москвѣ, а атаману государь и моей братьи казаканъ дано твое государево денежное жалованье и съ Москвы посланы на твою государеву службу подъ Смоленскъ, а я, холопъ твой, скитаюсь на Москвѣ, а твое государево жалованье мнѣ не даво. Милосердый государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всея Русии пожалуй меня, холопа своего, вели государь мнѣ по своему государеву увазу свою государеву службу служить съ атаманы и врядѣ съ моею братьею съ казаки пожалуй меня холопа своего своимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ и поденнымъ кормомъ противъ моей братьи, чтобъ мнѣ холопу твоему твоей государевой службы не отбыть и вперѣ передъ своею братьею въ конецъ не погибнуть, царь государь смилуйся. На оборотѣ написано рукою дьяка: „выписать изъ списка Богдана Змеева и что про него у смотру сказали“.

10) Въ списку каковъ прислалъ съ Саратова Богданъ Змѣевъ за своею рукою съ прибылымъ Аристовымъ ноябра въ 27 день написаны Яцкіе казаки.

1. Зиновій Павловъ—у смотру и у денежной раздачи про него сказали, что онъ умеръ, а Зиновко бьетъ челоуъ государю, что онъ остался отъ

войска на дорогѣ и лежалъ боленъ въ Красной слободѣ и какъ обмоччало прѣхалъ къ Москвѣ. Осматривалъ здоровъ.

2. Ошовка Михайловъ—у смотру и у денежныя раздачи про него сказали, что онъ боленъ.

3. Ивашко Ѳедоровъ Чернояровъ—у смотру и у денежныя раздачи про него сказали, что онъ боленъ.

11) 141 (1633 г.) генваря въ 8 день по сему списку давалъ государево жалованье Ефимъ Самаринъ да подъячій Евсей Юрьевъ Яицкимъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ кормовныя деньги на генварь мѣсяцъ и въ полки подь Смоленскъ послать списокъ съ севунчемъ ¹⁾.

Списокъ Яицкихъ атамановъ и ясауловъ и казаковъ лачи нивъ государева жалованья на кормъ, на муку на генварь атаманомъ по 2 алтына, есауламъ по 10 денегъ, казакамъ по 8 денегъ на день человѣку.

Войсковой атаманъ Микифоръ Прокофьевъ

Ставичные атаманы:

Ондрей прозвище Потапъ Соксаревъ	Онисимъ Ивановъ
Калина Ивановъ	Иванъ Семеновъ Черноярской

Войсковые ясаулы:

Ѳедоръ Дербенской	Сава Овдѣевъ
Яковъ Даниловъ	

Ясаулы станничные.

Василій Псаревъ	Иванъ Ковыто
Яковъ Гуща	Григорій Павловъ
Василій Казанъ	Гаврила Микулинъ
Ондрей Ѳедоровъ сынъ Сазанъ	

Казакы:

Иванъ Шетровъ	Микита Самохваловъ
Давыдъ Семеновъ	Василій Самаричъ
Иванъ Тимоѳеевъ	Овдокимъ Скорянъ Одреевой станицы
Петръ Толстопятой	Панфилъ Елизаревъ
Родивонъ Сухорукъ	Петръ Ѳедоровъ
Дмитрій Соболевъ	Яковъ Вухоновъ
Петръ Казанецъ	Елизаръ Ивановъ Москвитинъ
Осипъ Григорьевъ	Иванъ Родивоновъ Тулецъ
Иванъ Степановъ	Ѳедоръ Ивановъ
Осипъ Михайловъ	Шестой Яковлевъ
Дмитрій Михайловъ	Романъ Савельевъ
Семенъ Степановъ	Иванъ Дементьевъ

¹⁾ Севунчъ—вѣстникъ, гонецъ, тоже что курьеръ. Авт.

Федоръ Ермолаевъ
 Карпъ Ованьянъ
 Михайло Тихановъ
 Матвей Ивановъ
 Василий Савельевъ
 Семень Федоровъ
 Ксандратій Ивановъ
 Григорій Ондреевъ
 Иванъ Семеновъ
 Сергѣй Обрановъ
 Иванъ Сидоровъ
 Григорій Сидоровъ
 Федоръ Ивановъ
 Мелеатій Семеновъ Ермановъ
 Иванъ Сидоровъ
 Ондрей Ивановъ
 Михайло Ивановъ
 Нестеръ Максимовъ
 Самойла Григорьевъ
 Борисъ Ивановъ прозвища Шумила
 Семень Федоровъ
 Семень Лукьяновъ
 Захарій Микитивъ Сухой
 Овдокимъ Обоносевъ
 Елисей Ивановъ
 Якимъ Корняловъ
 Иванъ Осиповъ
 Карпъ Васильевъ
 Степанъ Парфентьевъ
 Жданъ Ондриевъ
 Василий Обоносевъ

Олксимъ Нестеровъ
 Якимъ Кузминъ
 Левонтій Обросимовъ
 Еремей Лаврентьевъ
 Тарасъ Трофимовъ
 Терентій Микитанъ
 Ондрей Семеновъ
 Ондрей Дмитриевъ
 Григорій Степановъ
 Клементій Архиповъ
 Прокофій Момоновъ
 Нестеръ Ксидратьевъ
 Степанъ Романовъ
 Иванъ Максимовъ
 Иванъ Ивановъ сынъ Свинцовъ
 Ондрей Лаврентьевъ
 Еремей Федоровъ
 Игуатій Тимофеевъ
 Григорій Епифановъ
 Иванъ Родивоновъ
 Иванъ Назарьевъ
 Родивонъ Марковъ
 Денисъ Игнатьевъ Олферовскій
 Илья Семеновъ Олферовъ
 Кузьма Прокофьевъ
 Григорій Кузьминъ
 Федосей Нестеровъ
 Трофимъ Степановъ
 Оперка Семеновъ
 Тилоха Моксимова
 Иванъ Ондриевъ

12) Цѣловали крестъ на Мицкомъ устьѣ.

Якимъ Толмелевъ
 Семень Олксимовъ Черноярской
 Кярило Казаицеъ
 Ларионъ Титовъ Щедра
 Дмитрій прозвище Богданъ Бѣлоусъ
 Тилоха Архиповъ
 Иванъ Ивановъ Самарка
 Степанъ Ивановъ
 Иванъ Лаврентьевъ

Иванъ Васильевъ Терской
 Власть Иванова
 Василий Обоносевъ Жиль
 Титъ Степановъ Титовъ
 Сава Семеновъ
 Романъ Семеновъ Казаицеъ
 Степанъ Васильевъ
 Иванъ Ондоровъ
 Степанъ Федоровъ

Викула Ивановъ
 Олексѣй Олексѣевъ
 Олексѣй Дмитриевъ
 Сидоръ Васильевъ
 Иванъ Карповъ
 Ермолай, прозвище Дружина
 Овцифоръ Левонтьевъ
 Ортемей Ивановъ
 Овдокимъ Ивановъ Техививецъ
 Гуръ Петровъ Мингаль Нижегородецъ
 Иванъ Максимовъ Нижегородецъ
 Тамиза Касимовецъ
 Петръ Дмитриевъ Астраханецъ
 Иванъ Григорьевъ Вологженинъ
 Василій Ивановъ
 Ортемей Васильевъ
 Тимофей Офонасьевъ
 Офонасій Степановъ
 Давыла Яковлевъ Николченинъ
 Остафій Ѳедоровъ
 Иванъ Овдреевъ
 Иванъ Яковлевъ
 Микифоръ Борисовъ
 Семенъ Терентьевъ
 Омельянъ Онаньичъ
 Степанъ Микитичъ
 Иванъ Семеновъ
 Ѳедоръ Макаричевъ
 Григорій Микифоровъ
 Иванъ Тимофѣевъ
 Первой Ивановъ
 Кирило Бузминъ
 Павелъ Елизарьевъ
 Григорій Арламовъ
 Василій Игнатьевъ
 Олексѣй Ивановъ
 Иванъ Овдрѣевъ

Иванъ Девисовъ
 Иванъ Ермоловъ
 Иванъ Потаповъ
 Павелъ Семеновъ
 Омельянъ Ивановъ
 Сергѣй Ивановъ Резавецъ
 Яковъ Семеновъ Смольянинъ
 Ѳилиппъ Митрофановъ прозв. Богданъ
 Захаръ Григорьевъ
 Яковъ Игнатьевъ Нижегородецъ
 Дорофей Ѳедоровъ прозв. Касимовецъ
 Андрей Дементьевъ Касимовецъ
 Кирило Олександровъ
 Олпата Ортемеевъ
 Максимъ Петровъ
 Иванъ Тимофѣевъ Муха
 Трофимъ Ивановъ
 Овдрій Гавриловъ
 Яковъ Перфильевъ
 Ѳедоръ Васильевъ
 Симонъ Офонасьевъ
 Иванъ Кондратьевъ
 Василій Сидоровъ
 Ортемей Максимовъ
 Иванъ Михайловъ
 Ѳедоръ Ѳоминаъ
 Тарасъ Павловъ
 Семенъ Васильевъ
 Ѳедоръ Семеновъ
 Дербышь Васильевъ
 Василій Васильевъ
 Максимъ Бѣлоуской
 Тимофѣй Игнатьевъ
 Иванъ Давиловъ
 Кондратій Григорьевъ
 Тимоха Ѳадѣевъ

18) Казаки жъ, которые перешли съ морей, съ Волги и съ косъ.

Потапъ Петровъ Толстой
 Дементій Родіоновъ
 Иванъ Марковъ

Михайло Овдрѣевъ
 Сава Володимировъ Луговской
 Богданъ Михайловъ

Сава Абраховъ Пешехонецъ
 Олексѣй Ивановъ Масла
 Потапъ Семеновъ
 Федоръ Кирѣевъ
 Иванъ Аеоуасеевъ
 Иванъ Андрѣевъ Нижегородецъ
 Фадѣй Григорьевъ Лемзякъ
 Степанъ Лукьяновъ
 Сила Гордѣевъ Телятовъ
 Микифоръ Васильевъ
 Тиховъ Ивановъ
 Иванъ Григорьевъ
 Иванъ Григорьевъ Вубенъ
 Ооонасій Степановъ
 Сава Фадоровъ Нажегородецъ
 Матвѣй Агѣевъ
 Василій Семеновъ
 Мартіанъ Клементьевъ
 Михайло Олферовъ
 Иванъ Кариловъ
 Василій Микитинъ
 Василій Анкядиновъ Колуженинъ
 Дмитрій Ивановъ Золотухинъ
 Логинъ Коринловъ
 Ортемій Ивановъ
 Родивонъ Денисовъ Манацкой Болдырь
 Иванъ Овозовъ
 Фадоръ Ивановъ
 Юръ Васильевъ Епаненокъ
 Родивонъ Ермоловъ
 Тимофѣй Диментьевъ
 Трофимъ Павловъ
 Тимофей Михайловъ
 Исакъ Прокофьевъ
 Осипъ Ивановъ
 Григорій Ивановъ Казанецъ
 Иванъ Сидоровъ
 Микиооръ Мелентьевъ
 Степанъ Офонасьевъ
 Кузьма Тарасовъ
 Левонцій Тимофѣевъ Фуростовъ
 Герасимъ Матвѣевъ

Ванмъ Оандрѣевъ сынъ Астраханецъ
 Дементій Фадѣевъ
 Фома Володимировъ
 Василій Терской
 Гаврила Васильевъ
 Дмитрій Нестеровъ
 Василій Микитинъ
 Василій Филиповъ
 Парювъ Григорьевъ
 Иванъ Ивановъ Москвитинъ
 Иванъ Васильевъ
 Нехоршей Михайловъ Сумароковъ
 Яковъ Олексѣевъ Свіаженинъ
 Фадоръ Микифоровъ
 Иванъ Юревъ
 Образъ Каровъ
 Петръ Дементьевъ
 Григорій Архиповъ Голубчикъ
 Фома Милѣевъ
 Климъ Михайловъ Костромитинъ
 Фадоръ Семеновъ Торопченинъ
 Семенъ Михайловъ Алаторецъ
 Василій Ивановъ
 Василій Родионовъ Краснослободецъ
 Онанія Оацифоровъ
 Григорій Васильевъ
 Микифоръ Фадотовъ
 Милованъ Олексѣевъ
 Олександрикъ Евсеевъ
 Онтонъ Олексѣевъ
 Архинъ Михайловъ
 Карпъ Ивановъ
 Фадоръ Павловъ
 Офонасій Ивановъ
 Оадрей Петровъ
 Фадоръ Осиповъ
 Михайло Ивановъ Рязанецъ
 Иванъ Ивановъ Юшковъ
 Семенъ Лукинъ
 Григорій Ивановъ
 Кууріанъ Офонасьевъ
 Петръ Ерославецъ

Климъ Клементьевъ
 Якимъ Терентьевъ
 Степанъ Михайловъ
 Андрей Микитицъ Казанецъ
 Иванъ Ивановъ
 Федоръ Семеновъ
 Василій Степановъ
 Нефедъ Васильевъ
 Григорій Кулиновъ
 Богданъ Ондреевъ Богженинъ
 Ковдратій Ивановъ
 Григорій Мартыновъ
 Озиятъ Игватьевъ
 Василій Исаевъ
 Иванъ Яковлевъ
 Сава Олямоновъ
 Карпъ Савельевъ
 Иванъ Въллой
 Миходъ Шеховскаго
 Девисъ Ивановъ
 Василій Степановъ
 Богданъ Изьинъ Кузнецъ
 Дружина Матѣевъ Вълзерецъ
 Нехорошій Совлуковъ
 Михайло Демеатьевъ
 Петръ Еремѣевъ
 Иванъ Андреевъ
 Кузьма Ивановъ прозвище Гребенской
 Пократъ Родьяоновъ
 Ома Тимофѣевъ
 Иванъ Андреевъ Шебановъ
 Иванъ Оляповъ
 Семенъ Игнатѣевъ Вязмитинъ
 Перилъ Иязновъ Давшовецъ
 Максимъ Ивановъ Уржумецъ
 Овонасій Ивановъ Коломястивъ
 Олешка Петровъ Чебоксаренинъ
 Лучка Яковлевъ Самаренинъ
 Петрушка Степановъ Нижегородецъ
 Ивашка Пантел. Чумичовъ Вязмитинъ
 Ивашко Васильевъ Устюженинъ
 Сава Ильинъ Муромецъ

Борисъ Хоритоновъ Бахматовъ
 Прокофій Васильевъ Леденевъ, а ска-
 зали что онъ Дариовъ, а не Прокофій
 Обрамя Ивановъ
 Иванъ Федоровъ
 Василій Ивановъ Богженинъ
 Иванъ Семеновъ Башмакъ
 Петръ Ивановъ
 Ондрей Петровъ Нижегородецъ
 Игнатъ Ондурѣевъ
 Олексій Онтищевъ
 Игватъ Клементьевъ
 Игнатъ Оминъ
 Осинъ Прокофеевъ
 Власть Ивановъ
 Олексій Ивановъ
 Федоръ Ивановъ снвъ Огрызковъ
 Иванъ Ерофѣевъ
 Григорій Ивановъ
 Иванъ Петровъ прозвище Окряжааъ
 Семенъ Микитицъ Ярославецъ
 Игватъ Томилинъ
 Игнатъ Ивановъ
 Данила Васильевъ
 Петръ Ширяевъ
 Петръ Ивановъ
 Ондрей Моисѣевъ
 Иванъ Наумовъ
 Василій Ондурѣевъ
 Олексѣй Юрьевъ
 Григорій Яковлевъ Псковитинъ
 Мартынъ Романовъ Костромитинъ
 Осипъ Петровъ Нижегородецъ
 Илья Васильевъ Смольянинъ
 Иванъ Терской Червоарецъ
 Ивашко Клементьевъ Лысковецъ
 Васка Кузминъ Вепренъ
 Мишка Федоровъ Астраханецъ
 Овонасій Вавиловъ Нижегородецъ
 Гаврила Яковлевъ Казанецъ
 Коновъ Ивановъ Шиблевъ
 Дмитрій Семеновъ Черноарецъ

Евсѣй Устьяновъ
 Ондрей Петрекиѣвъ Терской
 Борисъ Микиѳоровъ Казанецъ
 Кузма Петровъ Казанецъ
 Ѳедоръ Ѳедоровъ Казанецъ
 Дружина Григорьевъ Нижегородецъ
 Лука Ѳеѳоановъ Стародубецъ
 Левонтій Дмитріевъ Резанецъ
 Кирій Васильевъ Ярославецъ
 Сергій Титовъ Темниковецъ
 Ѳилипъ Лукьяновъ Жарноклеевъ
 Потапъ Ѳедоровъ Рязаннинъ
 Еремѣй Ѳедоровъ Москвитинъ
 Прокофій Игнатьевъ Орлянинъ
 Корнила Ивановъ Шатченнинъ
 Тимофей Ѳеонасьевъ Уржумецъ
 Василій Иглатьевъ Лучанявъ
 Семень Ивановъ Москвитинъ
 Иванъ Игнатьевъ Курченинъ
 Иванъ Ивановъ Курченинъ
 Василій Еремѣевъ Нижегородецъ
 Семень Гребенецъ Смольяннинъ
 Иванъ Иваи. Машениковъ Кузмодем.
 Иванъ Клементьевъ Володимирецъ
 Гаврила Наумовъ Темниковецъ
 Иванъ Максимовъ Москвитинъ
 Давыло Андреевъ Москвитинъ
 Степанъ Юрьевъ Астраханецъ
 Ѳедоръ Мокѣевъ Москвитинъ
 Матвѣй Романовъ Ярославецъ
 Климъ Ларіоновъ Бѣлевъ
 Иванъ Ѳедоровъ Нижегородецъ
 Иванъ Ѳедоровъ Володимирецъ
 Дружина Окунь Терской
 Матвѣй Матѣевъ Нижегородецъ
 Сава Ивановъ Новгородецъ
 Иванъ Самойловъ Алаторецъ
 Олексѣй Алишиевъ Чебоксаренинъ
 Лучка Ѳедоровъ Балахонецъ
 Машка Ѳедоровъ Шуенинъ
 Исайка Васильевъ Кузмодемьянецъ
 Дмитрій Власовъ Алаторецъ

Василій Ѳилиповъ
 Ѳедоръ Ивановъ Брянченинъ
 Матвѣй Ильинъ Луховецъ
 Микиѳоръ Пареевъ
 Иванъ Кузьминъ Нижегородецъ
 Дмитрій Ивановъ Алаторецъ
 Михаило Васильевъ Казанецъ
 Микита Яковлевъ Москвитинъ
 Бажень Обросимовъ Вологженинъ
 Онтипъ Евсѣевъ Шатченнинъ
 Иванъ Ѳедоровъ Вятченнинъ
 Иванъ Агаитовъ Галеченинъ
 Ѳома Васильевъ Бѣлогородецъ
 Григорій Обрамъ Самаренинъ
 Ларіонъ Сафоновъ Шатченнинъ
 Сидоръ Карповъ
 Иванъ Васил. Моцила Москвитинъ
 Иванъ Ивановъ Краснослободецъ
 Ортемій Прокофьевъ
 Иванъ Яковлевъ Шатченнинъ
 Дементій Сифроновъ Ярославецъ
 Любимъ Ерофьевъ Ростовецъ
 Ѳилипъ Тимофьевъ Володимирецъ
 Павелъ Ивановъ Можестянъ
 Иванъ Петровъ Терской
 Василій Ивановъ Нижегородецъ
 Микита Ѳедоровъ Муромецъ
 Григорій Свирионовъ Курмышенинъ
 Ларя Левонтьевъ Нижегородецъ
 Кузма Москалевъ Казанецъ
 Худякъ Герентьевъ Осинецъ
 Тихонъ Ильинъ Москвитинъ
 Первой Семеновъ Романовъ
 Дмитрій Ивановъ Муромецъ
 Якимъ Андреевъ Курмышенинъ
 Петръ Дорофьевъ Шуенинъ
 Тимоха Савостьяновъ Шатченнинъ
 Митроха Калининъ Устюженинъ
 Петръ Михайловъ Нижегородецъ
 Левка Кондратьевъ Казанецъ
 Овашка Осиповъ Уржумецъ
 Овямъ Нефедьевъ Калуженинъ

Тимоха Васильевъ Вазменинъ
 Миклеоръ Савельевъ Алаторецъ
 Микита Яковлевъ Москвитинъ
 Якимъ Петровъ Свиляженинъ
 Иванъ Григорьевъ Каргополоецъ

Тимоха Васильевъ Воложенинъ
 Левонтій Федоровъ Москвитинъ
 Миклеоръ Черясовъ Алаторецъ
 Дмитрій Семеновъ Резанецъ
 Денисъ Ивановъ Ватченинъ

14) Казаки жъ прїѣхали съ Волги и съ косъ.

Федоръ Гребенскинъ Казанецъ
 Ивашко Тарасовъ Москвитинъ
 Данило Овдѣевъ Алаторецъ
 Дмитрій Григорьевъ Казанецъ
 Иванъ Григорьевъ Алаторецъ
 Пятай Ивановъ Ростовецъ
 Ондришко Ортемьевъ Алаторецъ
 Ивашко Степановъ Курмышенинъ
 Кондрашко Давидовъ Поморенинъ
 Федька Петровъ Сибиренинъ
 Захарка Савельевъ Шуенинъ
 Олешка Игнатъевъ Погорьлова городища
 Гришко Борисовъ Астраханецъ
 Оишка Гавриловъ Москвитинъ
 Ивашка Сафоновъ Кадомецъ
 Микифорко Ивановъ Казанецъ
 Овдришка Ивановъ Кузюдемьянецъ
 Игнатко Николовъ Казанецъ
 Федька Ивановъ Астраханецъ
 Юшка Ивановъ Казанецъ
 Кирюшка Павловъ Костромитинъ
 Оеонька Онтисьевъ Тетюшенинъ
 Ивашко Христофоровъ Москвитинъ
 Федька Ивановъ Касимовецъ
 Петрушка Кипріяновъ Уржумецъ
 Серезка Семеновъ Алаторецъ
 Ивашко Семеновъ Москвитинъ
 Васька Федоровъ Нижегородецъ
 Данилка Максимовъ Казанецъ
 Микитко Ивановъ Нижегородецъ
 Любимко Свиридовъ Свиляженинъ
 Ивашко Ивановъ Устюженинъ
 Ивашко Дмитриевъ Нижегородецъ

Пронька Ларіоновъ Москвитинъ
 Игнатко Сергѣевъ Астраханецъ
 Отюшка Федоровъ Алаторецъ
 Яковъ Ивановъ Устюженинъ
 Якимъ Захаровъ Поморецъ
 Васька Ивановъ Чебоксаринъ
 Ивашка Ерофьевъ Нижегородецъ
 Степанко Ивановъ Сибиренинъ
 Ивашко Васильевъ Саратовецъ
 Федька Игнат. Саврасовъ Москвитинъ
 Трофимко Макаровъ Алаторецъ
 Ондришка Семеновъ Казанецъ
 Миклеоръ Ивановъ Костромитинъ
 Васька Микифоровъ Арзамасецъ
 Ондришко Ивановъ Лаишевецъ
 Семеновъ Савельевъ Краснослободецъ
 Илюшка Ивсѣевъ Смольянинъ
 Мигалко Родивоновъ Казанецъ
 Федоска Ивановъ Мурашкинецъ
 Гришка Федоровъ Новокрестьянъ
 Трофимко Васильевъ Шатченинъ
 Ивашко Михайловъ Нижегородецъ
 Микита Якимовъ Нижегородецъ
 Якушко Степановъ Кузюдемьянецъ
 Оеонька Григорьевъ Карачевецъ
 Степанко Федоровъ Смольянинъ
 Осташко Карил. Кокушкинъ Астрахан.
 Терешка Терентьевъ Вологженинъ
 Мартышко Ворфимьевъ Нижегородецъ
 Федька Лаврентьевъ Нижегородецъ
 Микифорко Карповъ Арзамасецъ
 Оеонька Григорьевъ Нижегородецъ
 Потапко Елистратовъ Шатченинъ

15) Казаки-жъ съ Волги и съ косъ пригребли.

Якушко Тимофѣевъ Рязанецъ	Левка Кириловъ Василевецъ
Осянко Григорьевъ Саратовецъ	Микита Лазаревъ Лебедьянецъ
Мишка Ивановъ Долгорашеннѣ	Максимко Ондреенъ Казанецъ
Елисейко Микитинъ Москвитинъ	Яковъ Кирѣевъ Темниковецъ
Грешка Ѳедоровъ Смольяннѣ	Кленка Тарасовъ Дѣдловецъ
Ѳедька Клементьевъ Волховитинъ	Матюшка Осиповъ Ржевтинъ
Васька Микнѣ. Переяслава Залѣскаго	Ивашко Ѳилиповъ Муромецъ
Ивашко Ивановъ Нижегородецъ	Елисейко Корниловъ Суздалецъ
Ивашко Карповъ Устюга Желѣзнаго	Петрушка Дементьевъ Москвитинъ
Ѳедька Ондрѣевъ Шатченнѣ	Васька Карповъ Шатченнѣ
Ивашко Пареевонъ Москвитинъ	Ершошка Мартемьяновъ Ярославецъ
Мишка Ѳедоровъ Казанецъ	Отюшка Семеновъ Володимирецъ
Ивашко Садоронъ Темнатовецъ	Ѳадѣйко Тимофѣевъ Астраханецъ
Павликъ Родивон. Реткинъ Рязанецъ	Докучайко Ѳедоровъ Псковитинъ
Тямошка Герасимовъ Чивеленинъ	Завьялко Онисимовъ Ярославецъ
Данила Матѣевъ Казанецъ	Гришка Окинѣевъ Осташковецъ
Дорофѣйко Михайловъ Бедени	Якушка Трофимовъ Карачевецъ
Степанко Овфимовъ Терской	Ѳинка Ивановъ Казанецъ
Якимко Григорьевъ Воронежецъ	Ивашко Михайловъ Чебоксарецъ
Сенка Гавриловъ Кузюдемьянецъ	Дружника Семеновъ Чебоксарецъ
Осянко Харитоновъ Галеченинъ	Сенка Мартемьяновъ Углеченинъ
Ивашко Павловъ Уженинъ	Ивашко Тимофѣевъ Кадомецъ
Ивашко Обоносевъ Рязанецъ	Ивашко Дмитрѣевъ Новоторжецъ
Овтошко Одрѣевъ Кашенецъ	Овношко Петровъ Корѣлинъ
Кондрашко Титовъ Самаренинъ	Григорій Васил. Кисельниковъ Темнѣ.
Якушко Лазаревъ Пешеховецъ	Ульянка Ивановъ Москитинъ
Гришка Васильевъ Бостромитинъ	Степанко Ивановъ Москвитинъ
Мишка Прокофьевъ Вязитинъ	Ивашко Обоносевъ Юрьевченинъ
Ѳинка Ивановъ Вятченинъ	Ивашко Васильевъ Нижегородецъ
Иполитко Макифоровъ Юрьевченинъ	Якимко Сидоровъ Вологженнѣ
Гришка Павловъ Никоцкенинъ	Куземко Ларіоновъ Ярославецъ
Петрушка Обоносевъ Колмогорецъ	Свиридко Даниловъ Ржевтинъ
Марселко Ларіоновъ Кадимецъ	Ивашко Поликарповъ Нижегородецъ
Якушко Ворисовъ Казанецъ	Игнатко Олфимовъ Нижегородецъ
Митка Ивановъ Бостромитинъ	Микитка Гавриловъ Пусенинъ
Вторашка Павловъ Темниковецъ	Тарешка Исаевъ Ланшевецъ
Петрушка Игнатовъ Казанецъ	Гаврилка Устиновъ Ярославецъ
Ѳедька Ивановъ Муромецъ	Ѳедька Карповъ Пресляна Залѣскаго
Ивашко Савельевъ Гребенской казакъ	Ивашко Семеновъ Суздалецъ
Ивашко Обоносевъ Арзамасецъ	Обросинко Герасимовъ

Васка Ивановъ Жуковъ	Данилко Ивановъ Нижегородецъ
Лукьянко Ивановъ Астраханецъ	Родка Осиповъ Астраханецъ
Явико Ѳедоровъ Казанецъ	Павликъ Ѳедоровъ Свияженинъ
Ивашко Григорьевъ Астраханецъ	Финка Микитинъ Казанецъ
Ивашко Тимофьевъ Нижегородецъ	Глѣбъ Архиповъ Астраханецъ
Степанко Петровъ Луковецъ	Ивашко Ивановъ Курченинъ

16) Списоковъ Яицкихъ казаковъ которые, *пристали къ Богдану Змъеву* въ Темниковѣ и въ Касимовѣ и въ Володимирѣ и Государю крестъ цѣловали и по Государеву указу дано имъ Государево жалованье *противъ Яицкихъ прямыхъ казаковъ* по 10 рублей человѣку на кормъ, на Ѳевраль мѣсяць дано имъ по сему списку и въ поляхъ подъ Смоленскъ съ Иваномъ Сабуровымъ велѣтъ послать такожь.

Пришли въ Москвѣ съ Самары
Атаманъ Тимофей Микифоровъ и т. д.

(Казакъ эти переименованы въ спискахъ №№ 1, 2, 3 и 4).

17) Пристали въ Темниковѣ кормъ, имъ данъ на Москвѣ на мѣсяць на Ѳевраль по сему списку.

(Казакъ эти переименованы въ спискѣ № 5 и обозначены звѣздочкой)

18) Казакъ же крестъ цѣловали въ Касимовѣ.

(Казакъ эти переименованы въ спискѣ № 6 и обозначены звѣздочкой)

19) Казакъ жъ крестъ цѣловали въ Володимирѣ

(Казакъ эти переименованы въ спискѣ № 7 и обозначены звѣздочкой)

20) Яицкіе же казакъ, которые пристали къ атаману къ Тимофею Попу, а крестъ цѣловали на Москвѣ и Государево жалованье дано имъ противъ товарищей.

Казакъ эти переименованы въ спискѣ № 8 и обозначены звѣздочкой и кромѣ того приписаны новыя, а именно:

Васка Бочмановъ
Осипко Петровъ Вороновъ
Зиновка Павловъ
Осипка Михайловъ
Ивашко Ѳедоровъ Черноярецъ

Въ началѣ столбца помѣщенъ списокъ безъ заглавія. Хотя при слученіи этихъ листовъ столбца (1—21) со спискомъ № 13 видно, что фамиліи и имена казаковъ тѣ же, что и въ спискѣ № 13, но въ виду отсутствія заголовка, изъ котораго можно было бы видѣть къ какому времени и слу-

раю онъ относится и повторенія его въ спискѣ № 13 печатать его особой надобности не представляется. Помѣщенные тутъ казаки написаны на листахъ № 22—83. Такъ какъ списки 16, 17, 18, 19 и 20 заключаютъ въ себѣ повтореніе тѣхъ же казаковъ, которые помѣщены въ спискахъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, то они тоже не печатаются.

Въ спискахъ этихъ (№ 1—8) повторяющіеся имена отиѣчены звѣздочкою противъ имени (*).

(Моск. Гл. Арх. М—ва Юст., столбецъ *Бѣлгородскаго* стола, № 40, листы 22—83).

Приложеніе II. Отличіе Уральцевъ отъ Донцовъ по языку.

(Взято изъ недавняго труда Вячесл. Петр. Бородинъ „Братскій истор. очеркъ Урал. войска“).

“... Кто не узнаетъ при первой рѣчи Уральскаго казака, по рѣзкой скороговоркѣ его; Донца — по особенной примѣнѣ южно-русскаго говора...”
В. И. Даль. Толк. слов. жив. Великорус. яз. 1861.

Въ своемъ очеркѣ я постарался свести нѣмнѣющіяся историческія указанія о происхожденіи янцкихъ казаковъ и надѣюсь, что болѣе давнихъ за то, что янцкіе казаки: произошли не отъ донцовъ, а есть отпрыскъ той вольницы и ушкуйниковъ, которые разгуливали по Волгѣ, а затѣмъ, когда проторилась „саротская дорога“ и на Янкъ,— первоначальное ядро янцкаго казачества быстро начало пополняться бѣглецами и недовольными со всѣхъ концовъ обширнаго русскаго царства.

Подтверженіемъ моихъ положеній о происхожденіи янцкихъ казаковъ служить также и нарѣчіе, — вѣрнѣе говоръ, — которымъ говорили — и теперь говорятъ — янцкіе (янкъ уральскіе) казаки. Извѣстный знатокъ русскаго языка, Вл. Ив. Даль, долго жившій въ Оренбургской губ. болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, часто бывавъ на Уралѣ, участвовалъ съ уральцами въ походѣ на Хиву въ 1839—40 г., отлично зналъ нашего казака и, по отзывамъ его современниковъ — уральцевъ, не придавалъ никакого значенія сложившемуся мнѣнію о происхожденіи янцкихъ казаковъ отъ донцовъ.

Для того, чтобы провести разницу донца отъ уральца и по говору, я долженъ буду на короткое время остановиться на различіи главныхъ нарѣчій русскаго народа, руководствуясь въ этомъ случаѣ изслѣдованіями о русскомъ языкѣ Вл. Ив. Даля.

Извѣстно, что въ русскіихъ нарѣчійхъ два рѣзкихъ говора *акающее* и *окающее*. Это такія характерныя отличія и настолько закрѣпившіяся за народомъ извѣстной мѣстности, что даже десятки лѣтъ жизни между говорящими другамъ нарѣчіемъ не сглаживаютъ рѣзкостей прежняго произношенія. Кромѣ этого, весьма важнаго отличія народнаго говора, часто приходится слышать, что одиѣ и тѣже слова произносятся съ разнымъ удареніемъ, напр.: *высоко* и *высоко́*, *далѣко* и *далекó*, *ворота* и *воротá* и т. д. Эти ударенія вовсе не случайность, но присущи извѣстнымъ нашимъ нарѣчіямъ.

Главное русское нарѣчіе, которымъ говоритъ вся образованная Россія несомнѣнно *московское*; нарѣчіе это *акающее*, т. е. почти вездѣ замѣняющее букву *о* буквою *а*, если только надъ *о* нѣтъ ударенія. Но московское нарѣчіе мягкое и безъ придыханія; напр.: *заварятъ*, *харашо*, *салдатъ* и т. д.

Таже мягкость слышна и въ словахъ, гдѣ гласныя слѣдуютъ за *шипящими ч и щ*, напр.: *чудо, счастье, щюпать* и т. п.

Вотъ въ короткихъ словахъ главныя отличія *московскаго* нарѣчія отъ другихъ.

Отъ Москвы на сѣверъ преобладаетъ нарѣчіе *новгородское*—нарѣчіе *окающее*: *кознá, борáнки* и замѣняющее букву *ъ* буквою *и*:—*хлибъ, сино* и говорящее *що, ви, что*. Творительный и дательный падежи мнж. числа замѣняются одинъ другимъ, напр.: *ходить нога́мъ, беретъ рука́мъ, съ вама, съ намъ, благодаревъ вами*.

Рязанское нарѣчіе преобладаетъ южнѣе Москвы—въ губерніяхъ: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и отчасти въ Саратовской и Астраханской. Нарѣчіе это *акаетъ*, но рѣзко отличается отъ *Московского*, замѣняя даже *е* и *ъ* буквами *а* и *я*: *табѣ́ яму* и т. д.; сравнительно съ *Московскимъ*, это нарѣчіе *картавитъ*. Буква *з* произносится съ придыханіемъ, какъ латинское *h*: *сая́нъ, ста́рано* и т. п. Глаголы 3-го лица оканчиваются мягко: *хóдитъ, лóбитъ*; въ 3-мъ лицѣ единственнаго и мнж. числа эти окончанія *тъ* часто отбываются: *руки балá яна берѣ́*. Частица *что* произносится: *ште, ще*. Во многихъ губерніяхъ средняго рода нѣтъ, напр.: *куриная айцо, стьно хорошь, полотеце бльъ* и т. д.

Владимирское нарѣчіе, или *южно-русское*, преобладаетъ въ губерніяхъ: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской и Сибирской. Это нарѣчіе—*окающее а*—только при удареніи, напр.: *Владимирь, Ондрей, волда* (влага), *тороканъ, стоканъ* и т. п. Буква *е* почти всегда произносится какъ *ё*; по *московски*: *хардишеви, лишиново, своево*, а на *владимирскомъ* нарѣчій: *хордишево, лишинёво, своёво*. Буква *з* безъ придыханія. Частица *что* вездѣ произносится *што*.

Смоленское нарѣчіе—въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и отличительный признакъ его такъ назыв. *дзеканье*, т. е. вмѣсто *д*, *т* произносится *дз*, тс: *дзяи́й* (дята), *дземь* (день), *тсѣтка* и т. д. Такъ какъ это нарѣчіе, а также близкое къ нему, но еще болѣе типичное, *бѣлорусское*, совсѣмъ не подходитъ къ говору уральскаго казака, то я и не буду останавливаться на отличіяхъ этихъ нарѣчій, равно какъ и на типичномъ *малороссійскомъ* нарѣчій.

Если теперь, приведа эти характерныя отличія главныхъ русскихъ нарѣчій, обратимся къ говору *донцовъ*, то прежде всего замѣтимъ, что они сами рѣзко раздѣляются на два говора—*верховцевъ* и *низовцевъ*. *Верховцы* расселены по р. р. Хопру, верхнему Дону, Медвѣдицѣ и Вузлуку, верстъ на 300 отъ Воронежской губ.; всѣ же остальные—*низовцы*. *Верховцы* почти всѣ великороссы, а *низовцы*—*малороссы*.

Говоръ у *верховцевъ* на *а*, а у *низовцевъ*—на *о*; у *верховцевъ* буква *з*,

въ особенности передъ гласными, обращается въ придыханіе; окончаніе въ 3-ѣ лицѣ глаг. — мягкое. Примеры: *Ахонъ яхетъ, іонъ яю стережетъ* и т. д.

„*Начеваъ себѣ здорова*“ — обычное пріветствіе донца; *сколько ты, бра-туша, ведровъ воды принесла: не моги поговорить это; право-жъ-ну; анадъсь были* — обычныя выраженія донца. При всемъ этомъ рѣчь донца плавная.

Говоръ *уральскихъ казаковъ* настолько своеобразенъ, что уральца тотчасъ-же можно узнать, съ первыхъ-же словъ.

Уральцы говорятъ рѣзко, бойко, отрывисто, не повышая и не понижая голоса, притякая, при каждой согласной, концомъ языка къ зубамъ и часто скрадывая гласныя подъ однаѣ общій, средній звукъ. Такъ, напр., обычную свою ругань — *пострѣли тебя* — уралець скажетъ непремѣнно скороговоркой, выпуская даже всѣ гласныя: „*Пстрли те!*“ — то и дѣло слышится, напр., на рыболовствахъ, когда казакъ въ полномъ азартѣ.

Говоръ уральца скорѣе *акающій* и ни въ какомъ случаѣ не *окающій*: скорѣе всего говоръ уральца можно бы было отнести къ *московскому*, но между ними большая разлца въ томъ, что московское нарѣчіе плавное, а говоръ уральца отрывистый.

Чистаго *а, е, о* и *у*, гдѣ нѣтъ удареній, въ говорѣ почти не слышно, въ особенности послѣ шипящихъ: *а* часто (по московски) замѣняется *я, е* — буквою *и*, *о* — буквою *а*, а *у* — буквою *ю*. Примеры: *часы, чирносливъ, чилавлькъ, чюда, цюка* и т. п.

Буква *г* произносится совершенно по-московски; придыханія — латинскаго *h* — рѣзкаго отличія донскаго говора — совершенно нѣтъ.

Характерно въ говорѣ уральца и то, что онъ часто замѣняетъ *а* и *о* буквою *и*: *итаманъ, илародъ* (огородъ), *иурцы* и т. п.

Если спросить стараго уральскаго казака *какъ его фамилія*, — онъ затруднится отвѣтомъ, но тотчасъ-же отвѣтитъ, если спросить: „*ты чей?*“ — *Плотниковъ, Серебряковъ, Маркобруновъ* и т. д. *)

Говоръ *уральской казачки* отличается въ некоторыя особенности отъ говора казака, и похожъ на говоръ самарской губ., что можетъ быть объяснено тѣмъ, что первыя жевщины въ войскѣ появились именно отсюда; но такъ какъ моя цѣль выяснитъ только происхожденіе уральскаго казака, то я и оставляю отличія говора уральской казачки безъ выясненій, напоминая только, что В. И. Далекъ въ одномъ мѣстѣ сказано: „... А уралка, которая шепеляетъ, рѣзко отличаеясь говоромъ отъ отца и мужа ..“.

Приведа отличія говора уральца, я предоставляю самому читателю сдѣлать выводъ, къ какому изъ приведенныхъ нарѣчій болѣе всего подходитъ говоръ уральскаго казака, а главное есть-ли въ его говорѣ что-либо ебщее съ говоромъ донскаго казака.

*) При этомъ примѣрѣ явольно приходитъ на умъ сравненіе съ сибирскими „*чмьтъ оы?*“: — Откуда и фамилія: *Ильиныхъ, Криныхъ, Петровыхъ* и т. п. Прим. В. И. Вородина.

Такъ какъ ящчіе казаки, по моему убѣжденію, произошли отъ разношерстной вольницы, разгуливавшей по Волгѣ и по Каспійскому морю, начало которой относится къ XIV столѣтію, то ясно, что языкъ ящчаго казака долженъ былъ сложиться совершенно своеобразно, унаслѣдовавъ много словъ изъ всѣхъ главныхъ русскихъ нарѣчій, исключая *малороссійскаго*, *смоленскаго*, а слѣд. и *бѣлорусскаго*, но прихвативъ и *татарцины*.

Такъ, изъ *новгородскаго* нарѣчія, несомнѣнно отъ ушкунниковъ, ящчимъ казакомъ взяты, наприм., слѣд., слова, вошедшія въ обиходъ и современнаго уральца:

Уповодъ—часть дня,
Чѣять—слышать,
Тѣрба—мѣшокъ,
Голосить—вить, плакать,
Гнѣла—глина *),
Хлѣпать—ходить по грязи,
Осетжевать—рѣзать скотину,

Бѣклама—боченокъ,
Досконально—подлинно, вѣрно,
Кайкъ—челнокъ,
Сдиговать—удивляться,
Сполѣхъ—тревога,
Убѣвъ—убѣжалъ и т. д.
Боляръ—особо выдѣланная кожа.

Изъ Рязанскаго нарѣчія:

Вызѣкать—дразнить собаку,
Дурѣмъ—сдору, безъ толку,
Дарма—даромъ,
Фатѣра—квартира,
Рассѣя—Россія,
Кіевъ—Кіевъ,

Порусь—быкъ (у допцовъ — *бурай*)
Перенелесый—пестрый,
Машикъ—небольшая лошадь,
Куканъ—веревка, на которую сажаютъ пойманную рыбу,
Будѣрка—небольшая лодка и т. д.

Изъ Владимірскаго нарѣчія:

Кутѣнокъ—щенокъ,
Чекмарь—пестъ, колотушка,
Шабѣръ—сосѣдъ и т. д.
 Изъ этого-же нарѣчія *Казама* и *Симбирскъ* деля татарскія слова:
Малахій—шапка,
Ярыкъ—чапанъ изъ коневыхъ шкуръ,

Джабачъ—баранья шерсть рунонь
Турсукъ—кожаный мѣшокъ,
Балтъ—топоръ,
Каймакъ—кипяченая слявка,
Шабрѣнокъ—сынъ сосѣда,
Айдѣтѣ—пойдемте,
Маръ—курганъ,
Куйнъ—заяцъ и т. д.

В. П. Бородинъ.

*) Старикъ—уральцы и до сихъ поръ говорятъ глина, вл. глина. Молодежь-же говоритъ правильно.
 Прим. В. П. Бородинъ.

Приложение III.

Оригинальные фамилии по переписи Захарова.

Абтувъ	Вѣсокъ	Дека
Агай	Вѣшеной	Докува
Азбучка	Варвакъ	Долгой
Алаба	Вахня	Долотаничь
Алеманъ	Ведервикъ	Дорона
Бакалга	Великаавъ	Донской (очень много)
Баранъ	Волгивъ-Виукъ	Дуда
Барсукъ	Волохъ	Елдашь
Бакай	Волченковъ	Ернелинецъ
Безконной	Воробейко	Живодристовъ (2 ч-ка)
Безкручинный	Выровщикъ	Жидкой
Безродной	Гаврикъ	Жярной
Веркулакъ	Гагара	Жолпа
Вирючекъ	Галка	Журка
Влудений	Гладило	Задвицывъ
Бобасъ	Гладокъ	Занка
Богатой	Главаъ	Закладной
Бодрой	Глухой	Замарай
Волярь	Гнусарь	Заровской
Большая Борода	Голой	Засѣдской
Большая Шапка	Голодной	Захаровъ-Зять
Борзой	Горбунъ	Зоря
Бочкаръ	Горской	Зрячка
Бояринъ	Горшенокъ	Идетъ
Брага	Горшеня	Кабашка
Брегадиръ	Горшень	Каваль
Бритой	Горшекъ	Казанецъ
Будига	Горшня	Казара
Бука	Горячій	Казимировъ
Булдакъ	Грачъ	Калмыкъ
Бурыка	Губанъ	Камай
Бѣлобокъ	Гулещикъ	Камской
Бѣлобровой	Гулащей	Канкашицкъ
Бѣлой	Гуселя	Карга
Бѣлощокъ	Гутаръ	Карженокъ
Бѣлай	Даринець	Кармазиновой

Карташъ	Лобикъ	Петрушко
Катеновъ	Ломакъ	Пацеръ
Кашира	Лушнякъ	Пятерской
Кисель	Лыко	Плотовъ
Кичикъ	Лытунъ	Подгорный
Клотъ	Люба	Пайга
Коконской	Мазанъ	Полозь
Колмыченинъ	Малая-Земля	Польской
Копеечка	Маленькой	Поля
Корженовъ	Малиничъ	Поляна
Коровья-Шапка	Малой	Полянкой
Кородшанъ	Мамонъ	Попъ
Костичъ	Маштакъ	Породный
Котелъ	Метла	Портной
Котъ	Митро	Посковной
Кочевой	Могунъ	Похвала
Кощей	Молевъ	Простой
Краденой	Молодечествовъ	Простеновъ
Красенькой	Молодой	Пудовка
Красной	Моркобруновъ 2 (ч-ва)	Пустобай
Кривой	Москва	Пумра
Кривоговъ	Морянъ	Пьяной
Крикъ	Мочало	Пѣсошной
Круглой	Мурза	Разжена
Крутогускианъ	Мусать	Рамзай
Бузнецъ	Мясникъ	Раненой
Кулага	Мыльнякъ	Ревка
Кулыга	Наврякъ	Роздрога
Кульча	Наугольный	Романовской
Курилка	Небздыхинъ	Ростока
Курило	Носъ	Рудометъ
Курокъ	Нѣмкинъ	Рузанъ
Курска	Овсяной-Черезъ	Русской
Кура	Овторниковъ	Рыга
Кутаръ	Огрызокъ	Рынокъ
Лабаевъ	Окотъ	Рѣчка
Лебедь	Орелъ	Рябой
Лелекъ	Осавой	Рябуха
Легкой	Осерианъ	Сайгакъ
Лабаза	Ость	Сакмарской
Ливунъ	Пастухъ	Самара
Лилекъ	Чердилка	Салманъ

Самарской	Уиной-Матери	Чукала
Самковъ-Шурванъ	Урия	Чумай
Свистунъ	Усъ	Чумакъ
Свѣтило	Утенокъ	Чурбанъ
Свѣчера	Утешъ	Шагай
Сласть	Уфинець	Шадра
Сергѣй	Ученой	Шапошнякъ
Серебрякъ	Флиеть	Шеварковскій
Сирота	Харка	Шера
Соколенокъ	Харласъ	Шестоперъ
Соловой	Хаванской	Шивваркянъ
Солода	Хоперской	Шилвой
Стеклоной	Хохлачь	Широкій
Суханъ	Хохликъ	Шульга
Сухорукъ	Хохоль	Шульня
Сызранъ	Хрипуяъ	Шумило
Съдой	Цапай	Щелюнь
Тарабаря	Чабунко	Щучьей-Икры
Тарабердя	Чанура	Юзай
Телка	Чеботаръ	Южало
Тишевокъ	Челдыбакъ	Яганъ
Толстой	Челечва	Яловой
Торновичъ	Черенокъ	Ярахта
Торшиловъ-Зать	Черенка	Ярыга
Тужило	Черной	Ярыжка
Тумакъ	Черноусъ	Ясанъ
Турецковъ	Чеснокъ	
Турханской	Чиберя	
Удача	Чувиль	
Улченокъ	Чувай	

Кромѣ этихъ, есть еще нецензурныя фамиліи.

Приложеніе IV.

Роспись казакамъ Яицкаго войска по времени ихъ прихода на Яицъ при
переезѣ полковника Захарова (1723 г.)

Въ кото- 1) служащіе 2) умершіе казаки Отставные Всего пришло
ромъ году. казаки. (показанія дѣтей). казаки. въ годъ.

Старинные Яицкіе казаки

12 6 18

Вновь прибывшіе въ войско:

1599	1	—	—	1
1617	2	—	—	2
1622	1	—	—	1
1623	11	1	—	12
1629	2	—	—	2
1633	5	—	1	6
1634	1	—	—	1
1636	1	—	—	1
1638	2	—	—	2
1639	1	—	—	1
1640	2	—	—	2
1641	—	—	1	1
1642	2	—	—	2
1643	41	3	2	46
1644	1	—	—	1
1648	2	—	—	2
1649	1	—	—	1
1652	6	—	—	6
1653	119	2	1	122
1654	8	—	—	8
1655	4	—	1	5
1656	7	—	—	7
1657	4	—	—	4
1658	16	—	2	18
1659	10	—	—	10
1660	5	—	—	5

1661	4	—	—	4
1662	2	—	—	2
1663	284	30	17	331
1664	9	—	1	10
1665	9	—	—	9
1666	4	—	—	4
1667	8	—	1	9
1668	36	1	4	41
1669	8	1	1	10
1670	15	1	4	20
1671	26	—	3	29
1672	10	—	2	12
1673	316	28	19	363
1674	19	—	1	20
1674	15	—	1	16
1676	4	1	1	6
1677	26	—	2	28
1678	79	5	8	92
1679	27	1	3	31
1680	35	—	3	38
1681	13	—	5	18
1682	21	2	2	25
1683	267	28	25	320
1684	18	—	4	22
1685	30	—	2	32
1686	21	—	2	23
1687	24	—	2	26
1688	53	4	9	66
1689	28	—	5	33
1690	34	2	11	47
1691	31	—	1	32
1692	16	1	5	22
1693	170	17	19	206
1694	35	1	1	37
1695	27	1	3	31
1696	14	3	4	21
1697	12	2	1	15
1698	35	2	3	40
1699	12	—	—	12
1700	39	1	1	41
1701	32	1	3	36
1702	38	4	—	42

1703	151	6	10	167
1704	90	4	7	101
1705	88	1	1	90
1706	126	2	3	131
1707	102	7	2	111
1708	106	—	2	108
1709	40	1	1	42
1710	45	—	2	47
1711	16	—	—	16
1712	14	—	1	15
1713	35	—	1	36
1714	25	—	—	25
1715	11	—	1	12
1716	10	—	2	12
1717	3	—	—	3
1718	4	—	—	4
1719	—	3	—	3
1720	42	1	—	43
1721	9	—	—	9
1722	4	—	—	4
Неизвѣстн. город.	16	16	2	36
Ложныхъ показаній	18	—	2	20
Всего	3178	192	225	3595

В. П. Вородянъ.

Приложение V.

СПИСОКЪ

донскимъ казакамъ, поселившимся на Яикѣ.

По переписи полк. Захарова, 1723 г.

№ №	Имя, отчество и фамилія.	Сколько пришло.	Кто пришелъ.	Когда.	Откуда пришли.
	а) Служилые казаки:			Года.	
1	Андрей Карниловъ сынъ <i>Камаришкинъ</i> , 30 лѣтъ.	2	Дѣдъ и отецъ.	1681	Неизвѣстно; сказано про- то донскіе казаки.
2	Вавила Карниловъ сынъ <i>Камаришкинъ</i> , 35 лѣтъ.	—	Тоже	Тоже	Тоже, братъ № 1-го.
3	Никита Григорьевъ сынъ <i>Галуновъ</i> , 54 л.	1	Отецъ его	1633	Дѣдъ и отецъ были дон- скіе казаки г. Черкаскаго.
4	Осипъ Ивановъ сынъ (не сказано), 45 л.	1	Самъ	1704	Изъ донскихъ казаковъ го- родка Троплина.
5	Григорій Тихоновъ сынъ <i>Болдыревъ</i> , 40 л.	1	Самъ	1710	Изъ донскихъ казаковъ го- родка на Усть-Медвѣдицѣ.
6	Семенъ Карповъ сынъ <i>Донской</i> , 30 л.	1	Самъ	1703	Родился на Дову въ Ку- мылговской станицѣ.
7	Лаврентій Филиповъ сынъ <i>Наугольной</i> , 23 л.	1	Отецъ его	1663	Родиною съ Дову, изъ Чер- каскаго городка.
8	Трифилъ Гавриловъ с. <i>Оочинниковъ</i> , 21 г.	4	Дѣдъ, отецъ, братъ и онъ.	1707	Откуда неизвѣстно:—про- то сказано донскіе казаки.
9	Иванъ Дмитр. сынъ <i>Землемишинъ</i> , 50 л.	1	Отецъ его	1653	Дѣдъ и отецъ его донскіе казаки Черкаскаго городка.
10	Петръ Ивановъ сынъ <i>Шолоротовъ</i> , 40 л.	1	Отецъ его	1673	Тоже, что и № 9.
11	Михаилъ Максимовъ с. <i>Пупкинъ</i> , 25 л.	1	Отецъ его	1683	Тоже, что и № 9.

12	Малофей Ивановъ, сынъ <i>Кузнецъ</i> , 33 л.	1	Самъ	1712	Пятизбинскаго городка, изъ донскихъ казаковъ.
13	Савелій Мартыновъ с. <i>Болдыревъ</i> , 38 л.	1	Отець его	1663	Дѣдъ и отецъ его были Рыбнаго Черкасскаго гор.
14	Илья Панкратовъ с. <i>Чеботаръ</i> , 40 л.	1	Самъ	1708	Родился въ г. Саранскѣ, а дѣдъ и отецъ его были донскіе казаки.
15	Козьма Осиповъ сынъ <i>Донской</i> , 45 л.	1	Самъ	1703	Родился на Дону, въ Черкасскомъ городкѣ.
16	Иванъ Борисовъ сынъ <i>Осиповскоевъ</i> , 20 л.	2	Отець и онъ	1704	Городка Пята-Избъ, что на Дону, изъ казаковъ.
17	Кирила Федоровъ с. <i>Глухой</i> , 30 л.	1	Отець его	1643	Дѣдъ и отецъ его были каз. Черкасскаго гор. донскіе каз.
18	Иванъ Елисеѣвъ сынъ <i>Донинъ</i> , 40 лѣтъ.	1	Отець его	1663	Тоже и оттуда-же.
19	Деметрій Петровъ с. <i>Болдырь</i> , 28 л.	1	Отець его	1711	Неизвѣстно:—просто донскіе казаки и дѣдъ и отецъ.
20	Иванъ Евдоким. сынъ <i>Замышалка</i> , 37 л.	1	Дѣдъ его	1617	Дѣдъ родился на Дону, въ Черкасскомъ каз. городкѣ.
21	Никифоръ Ивановъ сынъ <i>Шербаковъ</i> , 25 л.	1	Дѣдъ его	1643	Неизвѣстно:—просто сказано, что дѣтъ и отецъ донскіе казаки.
22	Андрей Никол. сынъ <i>Коттекинъ</i> , 30 л.	1	Отець его	1643	Дѣдъ и отецъ его были донскіе каз. Черкасск. каз. гор.
23	Афанасій Васильевъ сынъ <i>Хохлачевъ</i> , 24 л.	1	Отець его	1679	Дѣдъ и отецъ его были донскіе каз. Черкасскаго Панина городка.
24	Гаврило Иван. сынъ <i>Овчинниковъ</i> , 40 л.	3	Отець, братъ и онъ	1703	Заполянской станицы, изъ казаковъ, которые служили на р. Медвѣдицѣ.
25	Иванъ Ивановъ сынъ <i>Жарка</i> , 28 л.	1	Самъ	1716	Неизвѣстно:—просто изъ донскихъ казаковъ.
26	Кондратій Селиверст. сынъ <i>Донухинъ</i> , 55 л.	1	Самъ	1687	Изъ донскихъ казаковъ Черкасскаго городка
27	Иванъ Григорьевъ сынъ <i>Донской</i> , 35 л.	1	Самъ	1717	Зимлянской станицы, изъ донскихъ казаковъ
28	Осментъ Никифоровъ сынъ <i>Донской</i> , 70 л.	1	Дѣдъ его	1623	Неизвѣстно,—просто дѣдъ его былъ донской казакъ.
29	Федосіевъ Самойловъ сынъ <i>Хоперскій</i> , 41 г.	1	Самъ	1704	Изъ донскихъ казаковъ, Федосѣевской ст., что на р. Хоперь.

30	Иванъ Евдокимовъ сынъ Жигинъ, 24 л.	1	Отець его	1663	Дѣдъ и отецъ его были донскіе каз. Черкасск. гор.
31	Андрей Савельевъ сынъ Савельевъ, 17 л.	1	Отець его	1660	Откуда—неизвѣстно:—про- сто сказано, что дѣдъ и отецъ донскіе казаки.
32	Иванъ Михайловъ сынъ Донской, 25 л.	1	Самъ	1720	Изъ донскихъ казак. Чер- каскаго городка.
33	Михаилъ Гавриловъ сынъ Донской, 45 л.	1	Самъ	1721	Оттуда же, что в № 32.
34	Дмитрій Карповъ сынъ Донской, 35 л.	1	Самъ	1721	Неизвѣстно откуда,—про- сто изъ донскихъ казаковъ.
35	Захаръ Родионовъ сынъ Донской, 30 л.	1	Самъ	1721	Изъ донскихъ казаковъ го- родка Митювина.
36	Самсонъ Михайловъ сынъ Донской, 50 л.	1	Самъ	1721	Изъ донскихъ казак. Вое- вожденнаго городка.
37	Абрамъ Гавриловъ сынъ Донской, 23 л.	1	Самъ	1721	Тоже и оттуда-же что в № 36.
38	Иванъ Трифоновъ (прозвища нѣтъ), 25 л.	1	Отець его	1644	Дѣдъ и отецъ его были донскіе каз. гор. Черкасск.
39	Иванъ Григорьевъ с. Мещеряковъ, 34 л.	1	Отець его	1655	Откуда—неизвѣстно,—про- сто сказано, что дѣдъ и отецъ донскіе казаки.
б) Отставные казани:					
40	Иванъ Ивановъ сынъ Щербаковъ, 75 л.	2	Дѣдъ и отець	1641	Дѣдъ и отецъ были каз. г. Черкаскаго.
41	Федоръ Ивановъ сынъ Широкой, 45 л.	1	Самъ	1716	Изъ городка Паншина, что на Дону; изъ того порядка былъ на службѣ въ арміи и, за ранами, уволенъ и кри- шелъ на Янкъ.
в) Малолѣтні, у ко- торыхъ отцы умерли:					
42	Стенанъ Калентьевъ (прозвища нѣтъ), 15 л.	1	Отець его	1673	Дѣдъ и отецъ родиною дон- скіе казаки, а откуда—неказ.
43	Герасимъ Емельяновъ сынъ Зершиковъ, 15 л.	1	Отець его	1683	Дѣдъ и отецъ его были донскіе казаки, а откуда— не знаетъ.
44	Никита Афанасьевъ сынъ Ковалевъ, 16 л.	2	Дѣдъ и отець	1673	Дѣдъ и отецъ его были донскіе казаки, а откуда пришли—неизвѣстно.
А всего		52			

казанамъ Яицкаго войска, составленная по переписи Захарова,

Названія мѣстъ от- куда пришли.	Крестыяне.	Посадскіи люди.	Копыи и мѣсто сгубленіи.	Юртовые (станичные) ка- заки.	Казачей слободы и приго- рода казаки.	Духовнаго званіи.	Бѣловорцы.	Мордовскій народы.	Бѣлокашатыи казаки.	Дворовые люди.	Польскій народы, инвекци- ныи и др.	Завезенные и бѣга. бат- кирды.	Шведскій и чужонскій по- роды.	Бобыли.	Городские (служилые) ка- заки.	Новаяскіи татары.	Копыи отсталые казани.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I.																	
Служилые казани.																	
Г. Алатырь	—	4	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Алатырскій уѣздъ	544	1	—	3	—	1	—	3	2	3	2	—	—	—	2	—	—
Г. Арзамасъ	—	15	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Арзамасскій уѣздъ	137	—	—	1	—	—	—	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—
Архангелогород. у.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Астрахань	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Валаха	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Валахонскій у.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Бѣлгородъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Г. Бѣлевъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Варшава	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Г. Василь	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Великій устюгъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Г. Вильва	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
Г. Владимиръ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Владим. губ. и уѣздъ	15	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Вологодскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Воронежъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воронежск. уѣздъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Вязники	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вязников. уѣздъ	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Выборгъ и уѣздъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Г. Галичъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Галицкій уѣздъ	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Гороховецъ	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гороховецкій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гребень городокъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Г. Тверь	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тетюшскій уѣздъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Темниковскій уѣздъ	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Терниковскій у. (?)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тобольскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Тула	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Унжа	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Устюгъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Уфа	1	2	4	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	5
Уфимскій уѣздъ	20	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Г. Хлыновъ (Вят. г.)	2	4	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
в уѣздъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Цивильскъ, Каз. г.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Чебоксары	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Шацкъ	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Юрьевъ-Поволжск.	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
(по друг. показаніямъ Юрьевецъ-Поволжскій)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шацкій уѣздъ	—	8	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Юрьевскій уѣздъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ямбургъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ярославль	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Ярославскій уѣздъ	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тилъскъ, пригородъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Родились на яикѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
(Дядь и отецъ старин- ные лиціе казаки)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Невъѣстно откуда пришли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Калинки, пришедшіе по Указу Петра I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Донскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	1688	189	135	87	95	12	6	7	68	34	28	41	5	18	35	2

Примѣчаніе: Общій итогъ служившихъ казаковъ въ переняніи полк. Захаровскій трудъ (и не легкій), который не вѣрнѣе цѣльности этой работы.

19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
																							1
																							2
																							6
																							1
																							2
						3																	6
															1								2
																							1
																				1			15
		13																					74
																							7
																							1
																							3
																							3
																							3
																							9
																							1
																							1
																							11
																							5
																							1
																							74
																							46
																							48
																							42
																							42
26	6	59	1	1	9	3	1	4	2	1	6	2	1	2	2	1	1	1	6		42		2780

съ прибавленіемъ цифръ:
74 + 46 + 48.

2731, а здѣсь, въ итогѣ, 2780. Одишь, значить, проущемъ, но отыскивать его—

В. Бородинъ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Казанскій уѣздъ	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Муромскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нижегородскій уѣздъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Самара	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самбирскій уѣздъ	2	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Неизвѣстно откуда	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
V.																	
Дѣти умер. казановъ.																	
Г. Алатырь	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Алатырскій уѣздъ	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Арзамасъ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Арзамасскій уѣздъ	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Астрахань	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Владиміръ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Владимірсскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Вятка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Гороховецъ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Казанскій уѣздъ	4	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Москва	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московскій уѣздъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Муромъ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Муромскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Нижн. Новгородъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нижегородскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Пенза	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Петровскъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Самара	—	3	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самарскій уѣздъ	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Свияжскій уѣздъ	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Самбирскъ	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Саранскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самбирскій уѣздъ	12	—	—	—	—	2	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—
Суздальскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Сызрань	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Темниковскій уѣздъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Уфа	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уфимскій уѣздъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Г. Хлинновъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г. Ярославль	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не знающіе родины отцовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бѣжавшіе и завоев. казанки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гребенскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Донскіе казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	239	28	17	3	17	1	1	—	7	6	1	8	—	2	2	1	—	—
Служилыхъ каз.	1683	183	135	57	95	12	6	7	68	34	28	41	5	18	35	2	1	—
А всего	1922	211	152	90	112	13	7	7	75	40	29	49	5	20	37	3	1	—

Примѣчаніе: Цифра донскихъ казаковъ этой росписи не можетъ совпадать съ личныя при переписи донскіе казаки, а въ тотъ списокъ занесены пришедшіе ихъ

Въ этомъ спискѣ всѣхъ казаковъ показано 3164 тогда, тогда какъ въ приложеніи казаки, бывшіе на лицо при переписи Захарова, а въ приложеніи IV крокъ ихъ появившимися въ переписи Захарова. Точно такъ-же не совпадаютъ числа стариковъ а въ настоящемъ спискѣ 74 человека—всѣ ихъ потомки, состоявшіе на лицо во время

19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3
2	1	11	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	1	6	1	—	384
26	6	59	1	1	9	3	1	4	2	1	6	2	1	2	2	1	1	1	6	—	42	—	—	2780
28	7	70	1	1	9	4	1	4	2	1	7	2	1	4	2	1	1	1	6	1	48	1	—	1.3164

отдѣльнымъ спискомъ донскихъ казаковъ, потому что въ этой росписи показаны на отцы, дѣды и т. д., а не валачный составъ.

В. Бородинъ.

№ IV ихъ числится 3595. Это происходитъ отъ того, что въ настоящемъ спискѣ помѣщены вошши и дѣды ихъ и отцы, уже умершіе, но *прибывшіе на Никъ вмѣстѣ съ дѣтьми янскихъ казаковъ*:—въ приложеніи IV показаны только дѣды и отцы, всего 18 чел., переписи.

А. Б. Карповъ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33						
40	1				1	1			1	2			2	3	2	1			1		1		1															
41														1		1																						
42														1		2																						
43	1													1		1																						
44															1																							
45			1																																			
46		1					1		1										1																			
47																				1																		
48																																						
49	1																																					
50									1	1											1																	
51																1																						
52																																						
53																																						
54																																						
55																																						
56																																						
57																1																						
58																																						
59																																						
60																																						
61																																						
62																																						
63																																						
64																																						
65																																						
66																																						
67																																						
68																																						
69																																						
70																																						
71																																						
72																																						
73																																						
74																																						
75																																						
76																																						
98	98	95	100	91	92	98	78	94	97	100	95	92	97	95	94	81	85	91	92	95	92	82	97	95	151	97	44	147	20	40	28	18						

В. П. Вородинъ.

Приложение VIII.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Федоровичу вся Русія бьютъ челоуъ холопы твои донскіе и янцкіе казаки, *Ларионовой станицы Михайлова, Панька Сидоровъ сынъ да, Васильевой станицы Писарева, Васька Ивановъ сынъ съ товарищи 23 чел.* Въ янѣвшнемъ Государь во 142 (1634) году, какъ пришли съ твоей царской службѣ изъ подь Смоленска донскіе и янцкіе казаки къ тебѣ Государю къ Москвѣ, и ты Государь ихъ пожаловалъ донскихъ и янцкихъ казаковъ и твои государскіи очи видѣли и у твоей государевой благодатной руки были, а мы х. т. пришли въ послѣднемъ приходѣ, залежали подь Смоленскомъ болыни и твоихъ царскихъ пресвѣтнихъ очей не видали и у твоей благодатной руки не были пришедъ съ твоей царской службѣ изъ подь Смоленска, Милосердый Государь Царь... пожалуй насъ холопей своихъ своимъ царскимъ жалованьемъ, вези Государь намъ х. с. за нашу службишку и за кровь быть у себя царской свѣтлости *у ручки* Царь Государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣлъ написать къ рукѣ.

(Моск. Отд. Архива Мин. Юст., Моск. столъ, столб. 100, листъ 508).

Приложение IX.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Федоровичу вся Русем бьютъ челоуъ х. т. государевъ рязанецъ Васька Васильевъ сынъ Трубинковъ. Былъ я Государь на твоей государевой службѣ подь Смоленскимъ съ твоимъ государевымъ бояриномъ съ Михайломъ Борисовичемъ Шемвыиъ и приходилъ твой государевъ недругъ король польской и литовской на Покровскую гору и у насъ у х. т. былъ бой и на томъ бою меня х. т. ранили и я х. т. государевъ лежалъ замертво и у твоей государевой руки и у стола не былъ. Милосердый государь царь... пожалуй меня холопа своего вези государь меня холопа своего написать къ своей государевой къ *ручкѣ и къ столу*. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ написать къ рукѣ.

(Моск. Отд. Арх. Минист. Юст., Моск. столъ, столб. 100, листъ 617; изъ дѣла видно, что челоубть принадлежитъ нацкому казаку).

Приложение X.

Челобитныя и списки яицкихъ казановъ, относящіеся къ службѣ въ Тулѣ, Ливнахъ и друг. украинскихъ городахъ.

1) Челобитная Яицкаго к-ка Трофима Аеонасьева Ратова Царю Михаилу Теодоровичу о службахъ въ теченіе 8 лѣтъ подъ Смоленскомъ, въ украинскихъ городахъ Тулѣ, Ливнахъ и на Яблоновѣ, о ранахъ въ бояхъ, о приводѣ на Москву 2 языковъ; просить о назначеніи его подъичимъ на Козловѣ и о жалованьѣ.

Царю Государю и вел. кн. Михаилу Теодоровичу всяя Русіи бьетъ челомъ холопъ твой кормовой яицаіи казакъ Трофимко Аеонасьевъ сынъ Ратовъ. Вродилъ я х. т. ¹⁾ съ бѣдности и съ разоренья на твое государево поле и по твоему государеву указу пришла къ намъ х. т. твоя государева грамота, а велѣно намъ х. т. тебѣ государю крестъ цѣловать итить на твою государеву службу подь Смоленскъ, и я х. т. обрадовалса твоему гос. жалованью крестъ тебѣ государю цѣловалъ и былъ на твоей гос. службѣ подь Смоленскимъ съ приходу и до отходу, тебѣ государю служилъ и кровь свою пролилъ за тебя государя и дважды я х. т. на твоей гос. службѣ равенъ: прострѣлена у меня х. т. рука въ мшкетта да лѣвой глазъ выстрѣленъ, и вывѣ я х. т. отъ твоей гос. службы тѣмъ своимъ глазомъ загубченъ; да я жъ х. т. привелъ къ тебѣ государю къ Москвѣ двухъ языковъ, и тѣ государь мои раны и приводные языки записаны у тебя государя, и какъ мы х. т. пришла изъ подь Смоленска къ тебѣ государю къ Москвѣ, и ты государь насъ х. т. велѣлъ поверстать немѣстными оклады и деньгами, и вывѣ я х. т. по твоему гос. указу верстанъ; а пришедъ мы х. т. изъ подь Смоленска служамъ твою гос. службу на украинскихъ городахъ на Тулѣ, и на Ливнахъ, и на Яблоновѣ 8-й годъ безъ перемѣны и безъ сѣзду и явотіе государь у насъ х. т. съ крымскими и съ ногайскими людьми бои бывали и на бояхъ мы х. т. языковъ явчли, а я х. т. на тѣхъ бояхъ билса явственно убилъ двухъ татаринновъ, и тѣ государь убитые мужики у тебя государя записаны, а таскаюсь я х. т. безъ приюту съ жевашкою и съ дѣтишками межъ дворь. Милосердый государь царь.... пожалуй меня х. с. за мою службишко и за кровь и за раны и за убитые мужики и за приводные языки вели государь меня отпустить на Казловъ въ подьячіе бытъ у твоихъ гос. дѣлъ въ приказѣ и своего гос. жалованья въ мой окладъ, чтобы мнѣ х. т. во-

¹⁾ Х. т. означаетъ въ сокращ. видѣ „холопъ твой“.

лочась межъ дворъ, въ конецъ не погнувъ, а прежь сего я х. т. бывалъ у твоихъ гос. дѣлъ. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 149 (1641) г. генваря въ 9 день государь пожаловалъ велѣлъ отпустить, а жалованье выписать.

л. 112. И противъ челобитья яницкаго казака Трофимка Ратова выписано въ розрядѣ въ Козловскихъ строельныхъ книгахъ, строевья ясельничаго Ивана Биркина да Михайла Спешнева 114 (1636 г.) году написано: въ Козловѣ въ сѣзжей избѣ у государевыхъ дѣлъ подьячихъ 3 чел.—Осипъ Прутцкой, Михайло Шелковниковъ, Ивашко Шумовской въ городѣ дворовни и загородными мѣстами устроены. А государева жалованья денежныя оклады имъ Осипу Прутцкому 8 р., Михайлу Шелковникову 6 р., Ивашку Шумовскому 5 р. Да имъ же государева жалованья дано въ Козловскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Турмасовкѣ полъ двора усады вдвину по 70, а понерегъ по 20 саж. человекъ. Двѣаго поля на пашню: Осипу Прутцкому да Михайлу Шелковникову по 15 чети человекъ, Ивашку Шумовскому 10 чети въ поле, а въ деу потому жъ, сѣна межъ полъ и по заполью Осипу да Михайлу по 30, а Ивашку 20 кошевъ.

А нынѣ въ Козловѣ въ сѣзжей избѣ въ подьячихъ Микита Малечкинъ, Михайло Шелковниковъ, а оклады имъ государева жалованья Микитѣ 8 р., Михайлѣ 6 р., а Ивашко Шумовской изъ Козлова шелъ на Валуку въ 147 году (1639 г.).

И нынѣ государю... бьетъ челомъ явцкой казакъ Трофимка Ратовъ, чтобъ государь его пожаловалъ за службу и за раны велѣлъ ему быти въ Козловѣ въ сѣзжей избѣ въ подьячихъ и пожаловалъ бы государь велѣлъ ему свое государево денежное жалованье учинить какъ государю Богъ извѣститъ.

А въ списку *верстанья на Москву* боярина князя *Андрея Васильевича Хилкова* 142 (1634) году явцкому казакъ Трофимку Аванасью сиву Тешниковцу написанъ помѣстной окладъ 300 чети, денегъ 9 рублень, да ему жъ придаво за *Дядиловскую службу* 143 (1635) году и за рану 50 чети, денегъ 8 р.; да за *новосильскую службу* 146-го году (1638) за татарской бой и за убитые мужики 50 же чети, денегъ 2 р. И всего помѣстной окладъ съ придачами 400 чети, денегъ съ гороломъ 14 руб.

Помѣта по скелемъ: 149 г. (1641 г.) генваря въ 30 день государь пожаловалъ велѣлъ ему быти на томъ мѣстѣ подьячимъ и о томъ указъ учинить.

(Моск. Главн. архивъ, Мин. Юст. Вѣдгор. столъ, столб. 188, листы 111 - 113).

2) Раздаточный списокъ Донскимъ и Яницкимъ казакамъ жалованья за декабрь 1637 г. и за январь и февраль 1638 г.г. Списокъ Яницкихъ казаковъ „Тульского полку“ (поселенныхъ въ Тулѣ и въ Москвѣ).

Лѣта 7146-го (1637) декабря въ девь но государеву цареву и вел. вн.

Михаила Федоровича всея Руси указу воевода *Романъ Володимировичъ Игнатъевъ* да подъячій *Юрій Зяблон* давали государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси денежное жалованье мѣсячной кормъ атаманамъ и ясауламъ и казакамъ донскимъ и яцкимъ на декабрь да на генварь да на февраль мѣсяць по указной статьѣ атаманамъ по 2 алтына по 2 деньги, ясауламъ по 2 алтына, казакамъ коннымъ по 10 денегъ челоуьку на день. А государевы денежные казны приславо на Тулу съ польячимъ съ Юрьемъ Зяблымъ на кормъ донскимъ и яцкимъ атаманамъ и ясауламъ и казакамъ 900 рублей.

А кому именомъ государева жалованья поленный кормъ донскимъ и яцкимъ атаманамъ и ясауламъ и казакомъ на декабрь да на генварь да на февраль мѣсяць дано и кто къ деньгамъ не бывалъ и кто за воровствомъ не служить и что за раздачею денегъ осталось и то писано въ сей тетради.

Атаманы:

Ларионъ Анисимовъ
Фарсъ Бурдуковъ

| Ларионъ Курдянь.

Ясаулы:

Сила Семеновъ
Кондратій Кузьминъ

| Аонасіій Ивановъ.

Яцкіе казаки:

Ясауль Григорій Ковтевъ

Его станицы казаки:

Максимъ Федоровъ
Гришка Левонтьевъ Алатырецъ
Тихонъ Петровъ Рженитинъ
Максимъ Дементьевъ Казанецъ
Иманъ Федоровъ Прибылой
Юда Федоровъ Перметинъ
Иванъ Прохоровъ Муромецъ
Дмитрій Антоновъ Нижегородецъ
Аонасіій Левонтьевъ
Анасіій Юрьевъ Нижегородецъ
Трофимъ Аонасасень Ратовъ
Алексій Тимошевъ Вирюкъ
Карпъ Дементьевъ
Алексій Абросимовъ Данковъ
Левка Спиридоновъ Сузаревъ

| Степанъ Кирилловъ Голцовъ
Тимошей Марковъ Курмышеннъ
Иванъ Ермоловъ Мещеренинъ
Иванъ Петровъ
Селиверстъ Кондратьевъ
Вологита Ивановъ
Иманъ Андреевъ Казанецъ
Герасимъ Федоровъ Шатченинъ
Тимошей Михайловъ
Махій Федоровъ
Кузьма Федоровъ
Иванъ Михайловъ
Фроль Потановъ
Иванъ Минифоровъ Балаховецъ.

Андреевы станицы Толстошеина:

Андрей Петровъ	Артемій Прокофьевъ
Клинь Клементьевъ	Алексѣй Ивановъ Семичевъ
Федоръ Игнатьевъ Савратовъ	Павель Ивановъ Астраханецъ
Петръ Ивановъ	Павель Ивановъ Моусантинъ
Нефедъ Кирѣевъ	Василій Родіоновъ.
Вяпріаля Родіоновъ	

Васильевы станицы Писарева:

Василій Ивановъ сынъ Сержаревинъ	Абрамъ Ивановъ
Игнатій Фоминъ	Иванъ Дмитріевъ.
Прокофій Васильевъ Леваевъ	

Дементьевой станицы Олдобева:

Василій Ивановъ	замасецъ
Василій Микифоровъ Балдыръ Ар-	Микифоръ Савельевъ Алатырецъ.

Калининой станицы Иванова:

Павель Родіоновъ Рѣткинъ	Иванъ Тимошевъ Нижегородецъ.
Лука Феофановъ	

Васильевы станицы Будикова:

Иванъ Ковдратьевъ	Ефимъ Нефедьевъ Калуженинъ
Федотъ Нестеровъ	Андрей Савельевъ Гребенской
Костянтинъ Петровъ сынъ Телешовъ	Второй Павловъ Темниковецъ
Василій Игнатьевъ	Трофимъ Васильевъ
Матвѣй Ильянъ сынъ Муромецъ	Трофимъ Макаровъ Алатырецъ

Янцкіе жъ казаки разныхъ станицъ:

Иванъ Ивановъ сынъ Муромецъ	Третьякъ Ивановъ
Иванъ Клементьевъ	Дементій Сафроновъ
Прокофій Михайловъ Ганинъ	Левонтія Климовъ

Казаки же которые были в Литвѣ в полону:

Сергей Антроповъ	Иванъ Ивановъ сынъ Долгой
Афанасій Ванюловъ	Иванъ Михайловъ Татарничъ
Иванъ Семеновъ	Тахонъ Андреевъ
Максимъ Ивановъ	Нестеръ Максимовъ
Сиза Телешовъ	Семеновъ Федоровъ Корданнъ
Иванъ Аванасевъ	Данило Андреевъ
Григорій Абрамовъ	Иванъ Афанасевъ Полевной

Иванъ Кондратьевъ
Василій Сидоровъ
Алексѣй Алексѣевъ
Федоръ Фоминъ
Андрей Лаврентьевъ
Иванъ Тихоновъ

Федоръ Ивановичъ Бричонинъ
Иванъ Тимофеевъ Кадомецъ
Сергѣй Ялышевецъ
Ермей Лаврентьевъ
Гурт Петровъ Мингаевъ.

Казаки жъ розныхъ станицъ:

Гаврило Устиновъ
Савелій Прокофьевъ
Микита Гавриловъ

Ермей Федоровъ
Кузьма Лаврентьевъ.

Всего дано государева жалованья поденнаго корму донскимъ и яицкимъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ на декабрь да на генварь да на февраль мѣсяцы.

3-мъ человекамъ атаманамъ 18 рублей 30 алтынъ по 2 алт. по 2 деньги человекѣу на день.

4-мъ чел. ясауломъ—21 р. 20 алтынъ по 2 алт. человекѣу на день.

185 чел. казакамъ 882 р. 16 алт. 4 деньги.

Всего дано атаманамъ и ясауламъ и казакамъ донскимъ и яицкимъ поденнаго корму на декабрь да на генварь да на февраль мѣсяць 192-мъ человекамъ 873 руб.

А въ остаткѣ денегъ осталось за раздачею и съ тѣми деньгами который казакъ къ деньгамъ не бывалъ и который умеръ и котораго не знаютъ и которне не служатъ за воровствомъ 27 руб.

Казаки жъ—государева жалованья корму иль не дано:

Лазарь Лукьяновъ къ деньгамъ не бывалъ—кормовые деньги даны на Москвѣ.

Романъ Андреевъ—умеръ.

Алексѣй Лаврентьевъ—сказали что у нихъ такса итъ.

Гриша Кочемаровъ—сказали что онъ не служить.

Гуляъ Мисифоновъ—сказали что онъ не служить, все воруетъ.

(Моск. отд. Архива Минист. Юстиціи, Дѣло Десятовъ, кн. 186 листъ 1-2, 7—13).

3) Списокъ полка боиринъ Вас. Васильевича Вутурлина—1655 г.

Донскіе и яицкіе атаманы и ясаулы и казаки и новокрещены:

атаманы по 550 чети, по 2 алт., по 2 деньги на день: Нефедъ Основъ сынъ Медвѣдевъ, Томила Корякинъ,

300 чети: Иванъ Семеновъ сынъ Каторжной—убитъ подъ Гусатинымъ

250 чети, по 3 деньга на день:

Андрей Васильевъ — написанъ въ атаманъ изъ рядовыхъ — по подписной челобитной за помѣтою дьяка Мнѣты Головина

Яицкіе: по 2 алтына на день.

Есаулъ Григорій Коптевъ.

Казакѣ — по 10 денегъ на день.

Максимъ Федоровъ <i>умре на службу</i>	Ивашка Клементьевъ
Сила Гордѣевъ Телешовъ	Левка Климовъ
Гришка Левонтьевъ Алаторецъ	Гришка Абрамовъ
Тихонка Петровъ Ржевитинъ	Ивашка Аванасьевъ
Ивашка Федоровъ Прибылой <i>убитъ</i> <i>подъ Гусятинымъ</i>	Ивашка Аванасьевъ сынъ Угличевинъ
Митка Нижегородецъ	Серезка Лавшевецъ <i>умре на службу</i>
Каринъ Дементьевъ	Федька Фоминъ
Левка Спиридоновъ	Нестерко Максимовъ
Семиверстка Кондратьевъ	Сенька Федоровъ сынъ Карлаинъ
Ивашко Михайловъ Москва	Ефимка Нефедовъ
Савка Прокофьевъ	Провка Ледоневъ
Васька Ивановъ сынъ Самаренинъ — <i>сбытъ подъ Камениа</i>	Ивашко Казанецъ
Ивашка Дмитриевъ	Федька Нестеровъ
Андрюшка Петровъ	Андрюшка Семеновъ сынъ Новгородецъ <i>умре на службу</i>
Федка Саярасовъ	Фролка Потаповъ
Алешка Ивановъ сынъ Семичевъ	Лучка Федоровъ
Павликъ Астраханецъ	Ивашко Тимофеевъ сынъ Кадомецъ <i>убитъ подъ Гусятинымъ</i>
Микифорка Савельевъ	Ивашко Кондратьевъ сынъ Самаренинъ
Павликъ Ретникъ	Васька Яковленъ
Петрушка Осиновъ <i>умре на службу</i>	Ивашко Прохорочъ сынъ Шешинъ
Гришка Ивановъ	Осянко Тимофеевъ сынъ Тимофеевъ
Коська Петровъ Телешовъ	Левка Горляновъ — <i>на службу не былъ</i>
Трофиянка Васильевъ	Филька Шмаковъ
Демка Сафроновъ	Климка Клементьевъ
Алешка Донковъ	Ивашка Муженкой — <i>взяли татарова</i>
Ивашка Ивановъ	Киливка Дементьевъ.

По 8 денегъ на день:

Сидорка Артемьевъ	Абросимко Станяновъ сынъ Телешовъ
Митка Незвановъ — <i>на службу не</i> <i>былъ</i>	Максимко Чевленъ
	Савка Шовуровъ

Васька Гребенской		Ивашко Савельевъ—на службу не
Аничко Алексеевъ		былъ
Ивашко Ерошеевъ Токаревъ		Ивашко Ждановъ.

По 7 денегъ на день:

Васька Ефимовъ		Абрамко Степановъ сынъ Гончаровъ
Степка Алексеевъ		Гришка Волокитинъ на службу не
Можейко Федоровъ Поцковъ		былъ
Гаврилко Тимошеевъ сынъ Марковъ		Мишка Ивановъ.

По 6 денегъ на день:

Доронейко Курьевъ		Петрушка Андреевъ.
Наушко Ивановъ умре на службу		Ромашка Андреевъ Скорнякъ
Федотко Прокофьевъ		Савва Ефановъ
Артюшка Григорьевъ сынъ Марковъ		Федка Ивановъ на службу не былъ

По 5 денегъ на день:

Ларва Звягинъ		Ивашко Дементьевъ
---------------	--	-------------------

По 4 деньги на день.

Куземка Андреевъ		Кирюшка Ивановъ сынъ Москвитинъ
------------------	--	---------------------------------

По 3 деньги на день:

Савостька Фокинъ		Алишка Васильевъ сынъ Микитинъ
Ивашка Фокинъ		

(Моск. Арх. Мин. Юстиц., Москов. столъ, столбецъ 1099, листы 217, 221—224).

1) Челобитная донского казака Вѣлгородскому полку Алтухова. 1693 г.

„Великимъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Ювану Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея великия и маля и бѣлыя Россіи Самохерждемъ— бьетъ челомъ холопъ нашъ кормной донской казакъ Семка Ивановъ сынъ Алтуховъ служилъ я, холопъ нашъ отцу вашему великихъ Государей блаженныя памяти Государю Алексею Михайловичу и былъ на многихъ вашихъ Государскихъ службахъ подъ Варвою съ бояриномъ и воеводою со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромадановскимъ въ полку у Григорья Ивановича Косолава и отъ Варвы отшедь зимовали въ Лосемцахъ, и въ тѣхъ городѣхъ бился я холопъ нашъ съ вашими Государскими неприятелы неща-

ди головы своей, и было встать восемь боев да я жъ былъ съ нимъ-же бояриномъ подъ Конотопомъ, да я-жъ холопъ вашъ посланъ былъ съ столыникомъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Скуратовымъ за поговоею непріятельскихъ людей и въ то число я убилъ съ коней непріятельскихъ людей трехъ человекъ и привезли къ нему боярина въ полкъ ко князю Алексію Никитичу Трубецкому и отъ Конотопу—шли отводомъ къ Путивлю, изъ Путивля посланъ былъ я-жъ холопъ вашъ съ полковникомъ Григорьемъ Ивановичемъ Косошовымъ подъ Короповъ и онъ полковникъ послалъ насъ пятнадцать человекъ для осмотра и подъѣзду подъ полки непріятельскихъ людей и на томъ подъѣздѣ взялъ я непріятелей—одного человека и срубилъ, а знамя привезли въ полкъ къ боярину князю Григорію Григорьевичу Ромадановскому и съ Путивля вышедъ зимовали въ Карповъ и изъ Карпова пошелъ онъ бояринъ въ Малороссійскіе города, да я-жъ холопъ вашъ посланъ былъ съ полковникомъ въ Кременчугъ и въ Кременчугѣ годовали и написанъ былъ я холопъ вашъ разъѣзды о дву конь—за нашими Государскими непріятеля: а вашего великихъ Государей жалованья поденнаго корму было мнѣ по два алтына безъ денги на день; а какъ Государя подъ Кременчугъ подходилъ Батуз полковникъ Луговскаго гетмана со многими вепрѣтели и тутъ бился я не щада жъ головы своей, и по отпискѣ полковника нашего, онъ бояринъ и воевода изъ Вѣлгорода пришелъ подъ Кременчугъ на степь, и съ нимъ Батузомъ и съ татарами онъ борился на степи удне пробился-жъ и на томъ бою взялъ я двухъ татаръ и за поговоею одного срубилъ, и подъ Кательвою и подъ Черневыми былъ и, какъ червевцы сдали и шли в подъ Чернеева и на дорогѣ встрѣтились татары и тутъ бился я на томъ бою ранили меня холопъ нашего подъ правую руку и послѣ раны бить обухомъ и тѣ татары взяли меня въ полонъ и продали въ турецкую землю паше Обрамю и онъ паша Обрамъ умре и смѣлъ его меня изъ полону освободилъ и къ Москвѣ вывелъ меня грекъ Афанасій Михайловъ на своихъ харчахъ и проторяхъ проѣлъ я кормилъ а за прохорихъ заплатилъ мнѣ нечѣмъ, а какъ былъ я холопъ вашъ на вашей Государской службѣ и въ то число дано мнѣ холопу вашему нашего Государскаго жалованья поденнаго корму сентября съ перваго числа марта по первое число—десять рублевъ. Милосердые великіе Государы Цари Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ (титулъ) пожалуйте меня холопа своего за многія мои службишки за кровь и за раны и за полонное терѣніе, велите Государы мнѣ своимъ великихъ Государей кормовыхъ жалованьемъ поденнымъ кормомъ противъ прежняго своего великихъ Государей узаву поверстать и свою великихъ Государей службу—служить по прежнему въ кормовыхъ донскихъ каивакахъ великіе Государы смилуйтеси". 201-го (1698 г.) Мая въ 10 день—выписать". Думной дьякъ Шерфилей Оловенниковъ. Справилъ Глѣбка Афанасеевъ.

„И въ Разрядѣ выписано: Въ списку Вѣлгородскаго полку донскихъ и

лицехъ и орешковскихъ казаковъ прошлаго 176-го (1668 г.) написано: Рядовой Семень Алтуховъ Великихъ Государей жалованья кормовныхъ ему денегъ по 10 деньги на день; а въ Черниловскомъ скотреномъ списку полку боярина и воеводъ князя Григорья Григорьевича Ромадавовскаго съ товарищи 176 (1668) и 177 (1669) годовъ написано: Во 177-мъ (1668) году октября въ 11 числѣ вышенисанной доиской казакъ Семень Алтуховъ взятъ въ полонъ а въ записной книгѣ полонениковъ и раненныхъ вышѣшняго 201 (1698) году написано: Въ прошломъ въ 200 (1692) году онъ, Семень изъ полону окупленъ. А въ Разрядѣ по указу великихъ Государей за то его полонное терпѣніе и за выходы ихъ великихъ Государей жалованье дано ему денегъ 2 рубли, да сукно.

(Моск. Арх. Минист. Юстиц. Вѣлгород. столъ, столбецъ 1490, листы 173—174).

Приложеніе XI.

Вопросные и отвѣтные пункты опроса Яицкихъ казаковъ и Казанскаго губернатора въ 1720 году.

1) Отвѣтъ Яицкихъ казаковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 3-го января 1720 г.

(Выписано изъ дѣлъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба по описи 107 кн. 80 казачьяго новоты. Листы 21—25).

<p>По принятіи Его Великаго Государя указу изъ канцеляріи Правительствующаго Сената января 3 числа вышѣнено въ канцелярію коллегіи иностран. дѣлъ Яицкихъ казаковъ, которые здѣсь изъ Санктъ Петербурга за челобитьемъ допросить по нижеслѣдующимъ пунктамъ.</p>	<p>И января въ 10 день 1720 г. въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Яицкіе казаки Федоръ Михайловъ, Трофимъ Филиповъ, Макаръ Андреевъ по допросу сказали.</p>
--	--

1.

Жизнища ихъ доле-

1.

Жизнища ихъ на луговой сторонѣ рѣки Волги на

коль отъ Астрахани и Терка, на которой стоятъ рѣки Волги, въ которыхъ урочищахъ и какъ мѣсто ихъ зовутся и съ кѣмъ граничатъ.

2.

Сколько ихъ числомъ и кто у нихъ начальники атаманы или иные какіе чины и какъ тѣ чины производятъ.

3.

На предѣ сего гдѣ они были вѣдомы и получали себѣ Великаго Государя жалованье и откуда и по скольку чего и въ какое время.

Яйкѣ рѣкѣ, разстояніемъ отъ Астрахани съ мѣсяць (отъ Терка), отъ Самары Низового города 10 дней конной ѣзды; между рѣки Яйка и другой Чагана сдѣланъ у нихъ деревянный острогъ и кругъ того острога земляной валъ званіе тому ихъ острогу Острогъ. Границы они ни съ кѣмъ не имѣютъ, а то ихъ жилище началось какъ они отъ старинныхъ людей слышали тому нынѣ назадъ лѣтъ со 100, предки ихъ казаки перешли изъ Донскихъ казачьихъ разныхъ городковъ.

2.

Сначала ихъ было только 600 человекъ, а когда Башкирцы бунтовали и отлагались изъ подъ руки Царскаго Величества чему уже минуло лѣтъ съ 40 и въ то время посланы для унятія ихъ они Яйцкіе казаки 500 человекъ и ихъ Башкирцевъ они побили и за тое ихъ службу учинено имъ Его Великаго Государя жалованье и съ того времени войско ихъ умножилось прихожими съ Дону казаки и изъ разныхъ городковъ вольными людьми и крестьяны. Напредѣ сего бывали надъ ними управителями атаманы выбранные войскомъ противъ Донского обмыковенія и нынѣ у нихъ управляетъ ими казаками выбранной отъ нихъ всѣмъ войскомъ атаманъ Никита Трифановъ, родомъ изъ русскихъ людей, а казаковъ всѣхъ нынѣ числомъ 2600 человекъ и напередѣ сего служивали они Яйцкіе казаки и ими служатъ Великаго Государя службы общо съ Донскими казаками и во всякомъ послушаніи и между собою въ приключившихся сеоракъ главную расправу имѣли и ими имѣютъ отъ Донскаго войскового атамана съ войскомъ а отъ Дону до Яйка мѣсяць ѣзды.

3.

Вѣдомы они бывали на предѣ сего всякими дѣлами и нарядомъ и службой въ приказѣ Казанскаго двorca, а по опредѣленію губерней вѣдомы они были и жалованье давано имъ по 1719 годѣ изъ Казанской губерніи и нарядъ имъ былъ на службы отъ турдыжъ и о нарядѣ на Его Великаго Государя службы къ нимъ въ войско присланы изъ приказу Казан-

скаго Дверца Великаго Государя грамоты и давано имъ Его Великаго Государя жалованье по всягодно изъ того жъ приказу на шесть сотное число, а имен-но денегъ по 953 рубли, свиному и пороху на каж-даго казака по фунту, а присланными отъ нихъ въ Москву о жалованье челобитчикамъ 14 человекамъ давано жалованья на приѣзды атаману по 7 рублевъ да по сукну, есаулу по 6 рублевъ да по сукну, рядовымъ по 4 рубли да по сукну, да кормовыхъ атаману по 2 алтына, есаулу по 10 денегъ, рядовымъ по 8 денегъ человекъ на день, на отпуски противъ приѣзжаго атаману по 7 рублевъ да по сукну, есаулу по 6 руб. да по сукну, рядовымъ по 4 рубли да по сукну и въ дорогу кормъ противъ Московской дачи, а на сколько времени того не уномыать, имъ же даваны подводы атаману и есаулу по двѣ, рядовымъ по одной и на нихъ проганы.

4.

Бывали ль гдѣ по на-ряду въ полковныхъ службахъ и въ коли-комъ числѣ и кто при томъ межъ ими началь-ствуетъ и иные какіе службы отправляютъ.

5.

Соль въ которыхъ мѣстахъ они берутъ и сколько той соли у нихъ и въ какиѣ мѣ-стахъ въ годъ быва-етъ, и варятъ ли те-солю или такъ нату-рально отъ себя берет-ся и на какое чис-ло въ продажѣ въ годъ бывало.

4.

На Его Царскаго Величества службахъ бывали они по наряду изъ Казанскаго приказу, а именно: въ быяхъ Азовскихъ и въ другихъ походѣхъ и на Украинѣ противъ Шведскихъ войскъ обше съ Донскими казаками, а при князѣ Александрѣ Бекевичѣ Черкас-комъ по наряду изъ Казани было ихъ казаковъ 1500 человекъ и тѣ всѣ тамо остались и нинѣ ихъ Явц-скихъ казаковъ въ Азовскомъ корпусѣ съ Донскими къ казаками въ службѣ 500 человекъ и за тѣми посланными казаки въ службу вышъ на лицо вышечи-танное число 1600 человекъ.

5.

Соль берутъ они самосадку въ стени въ Индарскихъ оврагахъ, которая лежитъ къ морю прозваніемъ Гурьеву я озеро, въ которыхъ та соль сама садится и ищет-ся оной довольно, разстояніемъ отъ нихъ тѣ озера, въ которыхъ соль берутъ конской фяды съ 5 недель и проходъ весьма трудный, наваждаютъ на нихъ въ пути сарматяки и киргизы по 20000 и больше и бы-ваютъ между ими бои великіе и сидятъ они, казаки, отъ нихъ караульниками въ осадѣ по мѣсяцу и боль-ше и выжидаютъ тѣ орды стени чего ради они ии-дутъ въ лошадахъ великой упадокъ. Вывозать они

той соли въ годъ тысячи по двѣ пудъ, изъ которой держать они про себя по половинѣ, а излишней пудъ по тысячи вывозятъ для продажи въ назовные города на Самару и на Сызрань и въ Алексеевской и съ той продажи имано съ нихъ въ тѣхъ городахъ за сошлину десятой пудъ и на предѣ сего тѣхъ городовъ жители прѣзживали къ нимъ на Янкъ для покупки той соли сами, а вазадъ тому 3 года вышеномянутне города съ тою солью ихъ казаковъ и къ нимъ для покупки соли тѣхъ городовъ жителей не пропускаютъ и которне ихъ Яяцкіе казаки съ продажною солью въ тѣ города прѣзжаютъ и у нихъ тое соль отнимаютъ всю безъ остатку и самихъ ихъ казаковъ сажаютъ въ тюрьмы и для того они въ хлѣбъ имѣютъ великую скудость.

6.

6.

Пашню, промыслы, торги и добычи какіе имѣютъ.

Пашенной земли и хлѣбнаго жазованья не имѣютъ, да и пахать немочно.

7.

7.

Не имѣютъ ли она съ кѣмъ ссоръ и боекъ и буде имѣютъ съ кѣмъ и за что.

Приходятъ на нихъ каракалпаки и киргизы во многомъ собраніи подъ ихъ городокъ часто и отгоняютъ у нихъ табуны и въ прошломъ году держали ихъ казаковъ въ осадѣ цѣлое лѣто. И невозможно имъ также за опасностію отъ нихъ ни для звѣриныхъ добычъ ни для рыбныхъ ловель изъ городка малолюдствомъ выѣзжать, но когда выѣзжаютъ для рыбной ловли по рѣкѣ Янку и то собранся знатнымъ числомъ нойска, а тѣ каракалпаки и киргизы кочевье свое имѣютъ ривостаніемъ отъ нихъ конной ѣзды мѣсяца съ полтора.

2) Отвѣты казанскаго губернатора о состояніи Яицкихъ казаковъ.

Въ Государственную Коллеію Иностранныхъ Дѣлъ отъ Казанской губерніи доношеніе.

Въ вышнемъ 1720 году ноября 30 дня въ грамотѣ Великаго Государя изъ Государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи въ Казанскую губер-

вію писано издonoшеній я съ учиненой въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ о состояніи яццкахъ казаковъ я вопросовъ присланы при первой полученной Великаго Государя грамотѣ копій я велѣно на оное учиненіе я о состояніи ихъ казаковъ вопросомъ объявленія разсмотрѣть я такли они о томъ донесли я буде что не такъ или еще не къ тому надлежитъ дополнять о томъ о всемъ въ казанской канцеларской подлинной выправясь я выписавъ приелать обстоятельное извѣстіе въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ немедленно я по той Его Царскаго Величества грамотѣ о состояніи яццкихъ казаковъ противъ пункта я вопросовъ о чемъ въ губернской канцеларіи извѣстіе есть вѣдомость учина посылаемъ при семъ по посылкѣ оной въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ сими доношу. Подписаль Алексѣй Салтыковъ, декабря 16 дня 1720 году.

Веденіе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ изъ Казанской губерніи по присланнымъ изъ той коллегіи грамотамъ я пунктамъ о состояніи яццкихъ казаковъ.

Въ пунктахъ:

Отвѣтствованіе:

1.

Яццкихъ казаковъ жилища далеко льотъ Астрахани я Терка, въ которыхъ строеніе рѣки Волги, въ которыхъ урочищахъ я какъ мѣсто ихъ зовется я съ кѣмъ граничатъ.

Оныхъ яццкихъ казаковъ жилища далеко отъ Астрахани я Терка я въ которой сторонѣ рѣки Волги я въ которыхъ урочищахъ я какъ мѣсто ихъ зовется я съ кѣмъ граничатъ того въ губернской канцеларіи не вѣдомо, а по вѣдомостямъ ихъ же яццкихъ казаковъ жилища ихъ въ урочище по рѣкѣ Яку на луговой сторонѣ рѣки Волги зовется казачій яццкій городокъ.

2.

Сколько ихъ числомъ я кто у нихъ начальники атаманъ или иныя какіе чины я какъ тѣ чины производятъ.

Яццкихъ казаковъ Великаго Государя жалованья дѣлано въ казанской губерніи на 600 человекъ, а что сверхъ того ихъ казаковъ того въ губернской канцеларіи не вѣдомо, начальники у нихъ атаманъ я при нихъ есаулы, оные чины производятся по ихъ казачью выбору, а не по указамъ изъ Казани.

3.

Напрѣдъ сего гдѣ они были вѣдомы получали себѣ Великаго

До состоянія губерній яццкіе казаки вѣдомы были въ приказѣ Казанскаго дворца, а по состоянія губерній вѣдомы были въ Казанской губерніи я денежное жа-

Государя жалованья и откуды и по скольку чего и въ которовремя.

лованье получали въ Казани, а именно: вкладного 600 человекѣмъ денегъ 200 руб. да за сукна за 600 портищъ по 753 руб. 8 алтынъ 2 денги, всего по 953 руб. 8 алт. 2 денги на годъ, да за привѣздъ для челоубитя жалованье ставичному атаману есаулу и рядовымъ казакамъ 12 человекѣмъ, кормовыхъ и за сукна давано по 103 руб. по 3 алт. по 1 ден., всего по 1056 р. по 11 алт. по 3 денги.

4.

Были ли гдѣ по ряду въ полковыхъ службахъ и въ коликомъ числѣ и кто притомъ межъ ими начальствуетъ и на иные какіе службы отправляютъ.

По указамъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената съ состоянія казанской губерніи оные казаки бывали на службахъ, а именно: въ 711 году въ Кубанскомъ походѣ 1000 человекѣмъ, въ 713 году въ Украинскомъ походѣ 1000 человекѣмъ — въ корпусъ ближняго боярина и губернатора графа Петра Матвѣевича Апраксина, въ 717 съ князь Черкасскимъ въ Хивинскомъ походѣ 1500 человекѣмъ, а начальные люди атаманы и есаулы бывають у нихъ по ихъ казацкому выбору изъ казаковъ.

5.

Соль въ которыхъ мѣстахъ они берутъ и сколько у нихъ той соли въ дѣлѣ и варятъ въ годъ бывають и варять ли тое соль или такъ натурально отъ себя берется и на колкое число чь продажѣ въ годъ бывало.

Соль, гдѣ они берутъ и сколько той соли въ варкѣ въ годъ бывають и варять ли тое соль или такъ натурально отъ себя берется и на колкое число чь продажѣ въ годъ бывало того въ Казани въ губернской канцеляріи невѣдомо и вѣдомостей отъ нихъ казаковъ въ Казань было не представлено.

6.

Пашни, промыслы, торги и добычи какіе имѣють.

Пашни, промыслы и торги и добычи какіе имѣють того въ Казани въ губернской канцеляріи не вѣдомо.

7.

Не имѣють ли съ кѣмъ ссоры и боевъ и буде имѣють съ кѣмъ и за что.

По присланнымъ вѣдомостямъ отъ нихъ же лицехъ казаковъ что бывають у нихъ ссоры съ каракалпакими и съ киргизъ-казаками потому что, оные каракал-

паки и киргизъ-казаки повсягоди подъ ихъ казачей городовъ подходятъ и ихъ яицкихъ казаковъ берутъ въ полонъ и всякой свою отгоняють.

Подписалъ: Алексѣй Салтыковъ,
Справилъ: Михайло Федоровъ.

(Москов. отд. общ. арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. № 30 казачьяг. повѣтъ, листы 252—254)

Приложение XII.

Челобитная запольной рѣки Яину яицкихъ атамана Ивана Иванова Щербанова и всѣхъ рядовыхъ 2600 человекъ въ 1720 году 12 октября.

(Выписано изъ дѣлъ московск. отдѣлен. общаго архива Главнаго Штаба, по описи 107, кн. № 30 казачьяго повѣтъ, листы 352—359).

Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій.

Въ прошлыхъ 1651-мъ году, сентября въ 3 день, по указу брата Вашего Царскаго Величества блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи Самодержца, служили мы рабы твои Вашъ Великому Государю *подъ Чигиринымъ* въ службѣ съ княземъ Булатомъ Мусайловичемъ Черкасскимъ, да съ полковникомъ Козьмою Козловымъ вѣрно и отъ насъ рабовъ твоихъ на тое службу послано было съ атаманомъ сто человекъ, 1682 году по Вашему же Великому Государю указу *во вторичной чигиринской походѣ* со онымъ же полковникомъ были съ атаманомъ *двѣсти* человекъ, а въ 1683 году юлія въ 8 день по Вашему же Царскаго Величества указамъ ходили мы рабѣ твои въ уфанскіе уѣзды на иванниковъ яровъ *башкирцовъ* съ атаманомъ *пятьсотъ* человекъ, хотя Вашъ Великій Государь свою вѣрную службу объявить и помощію Возлею и Вашимъ Государственнымъ счастьемъ вышенаписанныхъ воровъ башкирцовъ побилъ многое число и пришедши *подъ Мизялинскъ городъ* и объявили свою службу въ казны боярину и воеводѣ *Петру меньшему Васильевичу Шереметеву* о той нашей службѣ писалъ къ нашему Царскому Величеству оной бояринъ *Петръ Васильевичъ Шереметевъ*, а въ 1684 году по Вашему же Царскаго Величества указамъ и по грамотѣ съ бояриномъ княземъ *Василіемъ Васильевичемъ Госиминимъ* отпращено было отъ насъ *въ крымской походѣ* съ атаманомъ *сто пятьдесятъ* человекъ, да съ нимъ же княземъ *Васильемъ Васильевичемъ* по другому наряду съ атаманомъ *же двѣсти* человекъ; а въ 1696 году по присланной Вашей Царскаго Величества грамотѣ изъ

приказу казанскаго дворца было насъ со бояриномъ князь *Барисомъ Алексеевичемъ Голицынымъ* подъ *Азовымъ* съ атаманомъ *триста человекъ*, а въ *1697* году по твоей же Великаго Государя грамоте во *вторичной Азовскій походъ* съ бояриномъ *Алексеемъ Семеновичемъ Шенинымъ* было насъ съ атаманомъ *двѣсти человекъ* и съ вышесказаннаго *1684* году по нынѣшній *720* годъ стало быть насъ *работъ твоихъ въ службу съ дѣтми нашими 1600 человекъ*, а въ *701* году по присланной Вашей Великаго Государя грамоте въ *сѣвѣской походъ* отправлено съ атаманомъ *шесть сотъ человекъ*; а въ *703* году по твоему Великаго Государя указу въ тотъ *сѣвѣскій походъ* послано отъ насъ съ атаманомъ *500 человекъ*, а въ *704* году по твоему Великаго Государя указу послано въ тотъ же вышесказанной походъ *500 человекъ*, которые и по нынѣ служатъ при *армии*; а въ *707* году по твоему Великаго Государя указу въ военнаго походу изъ *польши изъ Жалкои* выслано отъ насъ на твою Великаго Государя службу *500 человекъ*; а въ *708* году по присланному твоему Великаго Государя указу изъ *Казани* было насъ въ *убинскаго уѣздѣ* противъ *воровъ башкирцевъ* когда они забунтовали и села и деревни раззоряли и побивали женъ и дѣтей въ *полонѣ* брали да съ атаманомъ *1225 человекъ* въ *711* году по твоему же Великаго Государя указу и по опредѣленію ближняго боярина и губернатора *Петра Матвеевича Апраксина* съ нимъ ближнимъ бояриномъ было насъ на твоей Великаго Государя службѣ въ *Кубанскомъ походѣ 1000 человекъ* съ атаманомъ; въ *713* году по именному Вашего Царскаго Величества указу когда противъ Вашего Царскаго Величества война объявилась и будучи съ нимъ же ближнимъ бояриномъ *Петромъ Матвеевичемъ* было въ *Харьковскомъ походѣ 1500 человекъ* съ атаманомъ и за оныя къ Вашему Царскому Величеству наши службы мы рабы Ваши милостивымъ словомъ награждены и похвалены; а въ *714* году какъ по вашему Царскаго Величества указу отправленъ отъ лейбъ-гвардіи капитанъ князь *Александръ Бѣковъ* сынъ *Черкасскій* на *Каспійское море* и отъ насъ было съ нимъ *100 человекъ* съ атаманомъ; а въ *715* году по присланному Вашему Великаго Государя указу изъ *Казани* съ нимъ же капитаномъ княземъ *Черкасскимъ* отправлено съ атаманомъ *500 человекъ*; а въ *716* году по именному Вашего Царскаго Величества указу къ нему господину князю *Черкасскому* по наряду послать велѣно отъ насъ съ *Яну* въ *два пойма* съ атаманомъ *указныхъ полторы тысячи человекъ* и во оной походѣ опредѣлили имъ рабы твои отъ *двухъ третью*; а въ томъ же *716* году приходили воинскіе люди *каракалпакъ* и *киргизъ-казаки* большіи собраніемъ полъ нашей казачей *городокъ* и *нобиль Алексеевскій* *солдатъ*, которые приходили къ вамъ съ *хлѣбнымъ запасомъ*, да тѣ же воинскіе люди были на *калмыцкую орду* на *Доржу мурзу*, а мы рабы твои были въ *домашнихъ своихъ отъ приходу тѣхъ вышесказанныхъ конскихъ людей* въ *важкомъ обереженіи* дабы Ваша Великаго Государя вотчина какъ

и прежде была не разорена и отъ тѣхъ вѣхъ вышесказанныхъ походовъ въ даче подъемныхъ денегъ съ 1681-го году по 720 годъ одолжали мы Великими долгами, а что намъ рабамъ твоимъ въ которомъ походѣ и котормъ походнымъ атаманомъ и есауломъ и знаменщикомъ и рядовымъ казакамъ почему на подъемъ денегъ давано и что *Вашего Великаго Государя жалованья къ намъ на Яикъ прислали на подъемъ* и то явно при сей нашей челобитвѣ въ росписи; такожь къ намъ съ 701 году приходятъ къ намъ, рабамъ твоимъ, *подъ наши казачій городокъ* и тогда бываемъ для соли и рыбы въ степи во вся годы и до нынѣ войсковіе люди *каракалтаки* и *киргизы-казаки* большимъ собраніемъ и отговяютъ у насъ коней и скотинныя табуны и насъ, рабовъ твоихъ, въ полозъ берутъ и бьютъ на смерть; да мы же рабы твои ходимъ для нуждъ своихъ въ ваши государевы города на Самару и на Сызрань съ тою вышесказанною солью и рыбою, что беремъ за великою войною и нуждою, а возимъ по малому числу и то у насъ берутъ на васъ Великаго Государя, а за тое намъ соль изъ твоей Великаго Государя казны денегъ не даютъ и за малолюдствомъ нашимъ отъ тѣхъ живемъ мы всегда въ великомъ опасеніи, чтобъ твоя Великаго Государя вотчина отъ тѣхъ новоскихъ людей не разорилась и впредь твои Великаго Государя службы; такожь когда мы рабы твои посылаемъ бить челомъ о жалованьи своемъ въ Казанскую губернію и на дорогѣ по городамъ и по селамъ вотчинники и помѣшники казаковъ нашихъ, которые служатъ тебѣ Великому Государю лѣтъ по десяти и по ятнадцати и по двадцати и по тридцати, и держать въ вотчинахъ своихъ не объявля на нихъ крѣпостей и берутъ себя во крестьянство; и съ 702 году когда подданный вашъ Царскаго Величества Ханъ Юка, по изгнаніи дѣтей своихъ пришедъ былъ подъ наши казачьи городокъ съ малыми людьми, а объявилъ намъ войску дабы намъ рабамъ твоимъ тебѣ Великому Государю и боярину князю *Борису Алексѣевичу Голицыну* объ немъ писать, что дѣти его отъ него отошли со всеми улусными людьми оставилъ его одного понеже дѣти его нехотятъ тебѣ Великому Государю служить вѣрно и мы рабы твои хотятъ тебѣ Великому Государю служить вѣрно, видя его *Аюмъ Хана* великую нужду и разореніе и переговори съ нимъ и выбрали своего походнаго атамана *Федора Семеникова* и ходили всѣ за его *Аюковыми* дѣтьми и вносли ихъ по Яику на низъ рѣки въ урочище у *Булякъ Тулакъ* и призывали ихъ подъ твою Великаго Государя руку и смирили ихъ съ отцомъ своимъ по прежнему и доннѣи тебѣ Великому Государю онъ Юка Ханъ служить.

Всеполнотѣвѣйшій Государь просилъ Вашего Величества вели Государя намъ рабамъ твоимъ на пять тысячи на шесть сотъ человекъ своихъ Царскаго Величества денежнымъ жалованьемъ и сукинами, порохомъ и свинцомъ и ядрами и пушками и знаменами и колоколами и за прѣзды наши когда въ которое время для нашихъ Царскаго Величества дѣлъ ни прѣдемъ такожь и подделываемъ своимъ Великаго Государя жалованьемъ за скудость

вашу дабы намъ чѣмъ впредь твою Великаго Государя службу было служить и насъ рабовъ твоихъ пожаловать по своему Царскаго Величества милостивому рассмотрѣнію понеже мы вытѣкаемъ чрезъ степь и въ службахъ бываемъ на своихъ лошадаяхъ и на своемъ коште.

Вашего Величества нижайшіе рабы запольныя рѣки ляку яцкіе атаманъ казаки Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые 2600 человекъ 1720 году октября въ 12 день.

Роспись что по указу Великаго Государя въ которой походъ ходили атаманъ и есаулы и знаменщики и рядовые и по сколько человекъ и почему намъ твое Великаго Государя жилованья присылалось и что намъ самимъ въ тѣ походы становилось подѣлными денегъ.

Со 1681 году по 716 годъ писано ниже сего по статейно:

1) Походъ какъ ходилъ атаманъ *Прокофей Семеновъ* поѣтъ *Чуиринъ*, а съ нимъ было сто человекъ, подмоги имъ дано: атаману 30 руб., двоимъ есауламъ по 25 руб., двоимъ знаменщикамъ—23 руб., рядовымъ по 20 руб. Итого 2026 рублевъ.

2) Походъ подъ тотъ же *Чуиринской* походъ отправленъ атаманъ *Иванъ Блюсовъ*, а съ нимъ было 200 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 25 руб., двоимъ есауламъ по 22 руб., двоимъ знаменщикамъ по 21 руб., рядовымъ по 18 руб. Итого 3621 руб.

3) *Походъ Крымской* отправленъ былъ атаманъ *Пирфилай Талаевскій*, а съ нимъ было 150 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 26 руб., есауламъ двоимъ по 23 руб., знаменщикамъ 2 по 22 руб., рядовымъ по 18 руб. Итого 3016 рублевъ.

4) Походъ въ тотъ же *Крымской* отправленъ *Яковъ Васильевъ*, а съ нимъ было 200 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 28 руб., есауламъ двоимъ по 25 руб., знаменщикамъ дано по 23 руб., двоимъ и рядовымъ по 19 руб. Итого 3829 рублевъ.

5) *Походъ подъ Азовъ* отправленъ атамана *Федоръ Семенниковъ*, а съ нимъ было 300 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 27 руб., есауламъ по 24 руб., знаменщикамъ по 22 руб., четыремъ человекамъ и рядовымъ по 16 рублевъ человекъ. Итого 4744 рубли.

6) Походъ подъ тотъ же *Азовъ* отправленъ былъ атаманъ *Андрей Афанасьевъ*, а съ нимъ было 200 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 29 руб., двоимъ есауламъ по 25 руб., двоимъ знаменщикамъ по 23 руб., рядовымъ по 17 руб. человекъ. Итого 1740 руб.

7) *Походъ Швейцкой* отправленъ атаманъ *Иванъ Витовкинъ*, а съ нимъ было 600 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 31 руб., четыремъ есауламъ по 26 руб., четыремъ знаменщикамъ по 24 руб., рядовымъ по 19 руб. человекъ. Итого 11443 рубли.

8) *Походъ въ тотъ же вышесказанный походъ* отправленъ былъ атаманъ

12) Челобитная яицнаго казана Никиты Болдырева.

Подана апрѣля въ 22 день 1724 году. Записавъ выписать. Всеприветлейшій державнейшій Императоръ и Самодержецъ всероссійскій Петръ Великій отецъ Отечества Государь Всемилостивѣйшій бьетъ челомъ яицкой казакъ Никита Болдыревъ, а о чемъ мое прошеніе слѣдуютъ пункты: 1) въ прошломъ 708 году ¹⁾ по указу Вашего Императорскаго Величества посланы мы съ Яику отъ войска въ армию *пять сотъ человекъ* и служили при арміи въ каманде господина *Бахметева*, 2) и въ 1711 году командированы въ партію съ *мазоромъ Жеребцовымъ* и были въ разезде и напала на насъ шведская партія и въ то число я взятъ въ полонъ и былъ въ полону въ Остеконе по 719 годъ, 3) а въ 719 году изъ полону свободился на размену и съ Савить Питеръ Вурха изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отпущенъ къ войску на Яикъ, а за половное терпенье Вашего Императорскаго Величества жалованья не получалъ, 4) а которая наша братья казаки была въ полону въ Хиве и онымъ за половное терпенье Ваше Императорскаго Величества жалованье повелено выдать, а именно есаузу Григорью Иванову, праворщнику Михайле Степанову, 5) и чтобъ указомъ Вашего Императорскаго Величества повелено было явѣ противъ моей братья Ваше Императорскаго Величества жалованье за половное терпенье выдать. Прошу Вашего Величества о семъ моемъ прошеніи решеніе учинить апрѣля въ день 1724 году къ сему прошенію вместо казана Никиты Болдырева лехкой ставицы атаманъ Алексей Калышковъ по его веленію руку приложилъ.

(Моск. Арх. Гл. Шт., опись № 1, книга № 226, листъ 305).

Приложеніе XIV.

Показанія вышедшихъ изъ хивинскаго плѣна Яицкихъ казановъ
объ участи отряда князя Чернасскаго въ 1717 г.

„Выбѣжаніи изъ плѣна два Яицкіе казака въ 1717 г. октября въ 11 день по приставной изъ Астрахани отпискѣ, въ Казани, въ губернской канцеляріи, передъ ближнимъ бояриномъ и губернаторомъ казанскимъ Петромъ Самоиловичемъ Салтыковымъ съ товарищи, присланные изъ Астрахани нижеупомянутые допрашиваны порознь. Федоръ Емельяновъ сказался: Яицкіи казакъ, про походъ съ Яику со станичнымъ атаманомъ Никитою Воронинымъ. Ихъ Яицкихъ казановъ тысячи пятисотъ человекъ до Астрахани и изъ Астрахани отъ лей-гвардіи съ капитаномъ господиномъ княземъ Чернас-

¹⁾ Здѣсь вѣроятно годъ поставленъ по ошибкѣ надо читать 1704 г.

скимъ чрезъ степь въ Хивинскую землю и по отправленіи изъ пути отъ господина князя Черкаскаго напредъ къ Хиву астраханскаго дворянина Михаила Керейтова съ казаками, и что еще ведомъ они до Хивы были у него господина князя Черкаскаго отъ хивинскаго хана присланные два да отъ онаго Керейтова казакъ одинъ и про тракты и про конскіе кормы и про воды которыя они туда слѣдовали сказалъ тожъ, что и присланные съ Янку яицкій казакъ Уразметъ Ахметовъ, а изъ Астрахани туркменецъ Нефесъ Хаджа, которые были съ нимъ-жъ въ походѣ. А вѣдучи же отъ Гурьева Яицкаго городка до Эмбы рѣки, и отъ Эмбы до хивинской земли и до рѣки Карагачи провіанту побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинута многое число, потому что имъ дано было провіанту въ Гурьевѣ яицкомъ на полгода и за дальностію и за неудовольствомъ кормовъ, лошади многіе пристали и не дошедъ де до той рѣки Карагачи за день съ вѣдома его господина князя Черкаскаго яицкихъ и гребенскихъ казаковъ шестьдесятъ человекъ поѣхали напредъ на тою рѣку Карагачъ для рыбной ловли и до приходу де ихъ тѣхъ казаковъ хивинцы побрали въ полонъ. И какъ де онъ господинъ князь Черкасскій сталъ подходить той рѣки Карагачи къ разливу къ водѣ и не допустя де до того мѣста версты за полторы, хивинскій ханъ съ войскомъ своимъ, по видимоу съ тридцать тысячъ, встрѣтили ихъ и почали наѣдомъ по нихъ стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ, а они де изъ обозу по нихъ такожъ стрѣляли. И онъ де господинъ князь Черкасскій убравшись къ одной разливу къ водѣ и обозъ свой арбами и телѣгами обставили кругомъ съ трехъ сторонъ къ водѣ, а съ четвертою вода. А потомъ того-жъ дня ночью сдѣлали валъ земляной и батарей построили и поставили семь пушекъ и убравшись въ тою крѣпость и были отъ нихъ хивавцевъ въ той крѣпости въ осадѣ три дня. А то де хивинское войско стояло отъ нихъ версты за двѣ и на четвертый де день прислалъ хивинскій ханъ къ той ихъ крѣпости на переговоры двухъ человекъ отъ себя и къ нимъ де изъ той крѣпости онъ господинъ князь Черкасскій, взявъ съ собою князя Михаила Заманова, выѣхалъ самъ и поговорилъ съ полчаса возвратились по прежнему въ крѣпость и на другой день послѣ обѣда онъ господинъ князь Черкасскій поѣхалъ къ хивинскому хану и съ собою повелъ вышесказаннаго князя Заманова, да бригадъ-комисара Волкова, да двухъ братьевъ своихъ Черкеса, да донщиковъ шесть человекъ, арагуизъ съ полтараста, казаконъ ихъ яицкихъ съ атаманомъ Никитомъ Породиномъ сто, гребенскихъ триста человекъ, выбравъ лучшихъ людей изъ мушкетръ, въ томъ числѣ и онъ Федоръ былъ-же, и какъ де стали они подъѣзжать къ Хивинскому обозу и войско де ихъ хивинское было на конѣхъ и раздѣлилось на двое уллицю. А отъ ханской де палатки ему господину князю Черкасскому поставлена была палатка разстояніемъ съ полверсты. И побывъ де въ той палаткѣ часа съ два, отъ него господина князя Черкаскаго къ хану, также и отъ хана къ нему князю Черкасскому была перомыслика и сами между

собою не выдались. И того дня по приѣздѣ ихъ, хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ къ Хивѣ. А онъ де господинъ князь Черкасскій и съ ними ѣхалъ въ срединѣ ихъ войска. И шли до вечера и остановились близъ озера и почевали. И по утру де онъ господинъ князь Черкасскій и съ княземъ Михайломъ Замановымъ поѣхали съ подарками къ нему хану, а за ними де подарки несли казаки сто человекъ, въ томъ числѣ былъ и онъ Федоръ и нескъ сузана краснаго портища аршинъ съ пать, и по прибытїи де онъ господинъ князь Черкасскій и съ князь Михайломъ Замановымъ взаты къ хану въ палатау, а подарковъ до палатки не допустили сажень за лесать и приняли тѣ подарки хивинцы и положили въ одномѣсто и былъ де онъ господинъ князь Черкасскій у него хана съ часъ и приѣхалъ къ своей палаткѣ. И послѣ де того спустя часа съ два хивинскій ханъ тѣ подарки прислалъ къ нему господину князю Черкасскому назадъ навьюча на верблюдѣ и тѣ де подарки онъ господинъ князь Черкасскій приказалъ принять. И того дня на томъ мѣстѣ и почевали. И наутро хивинскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ къ Хивѣ. А между де войска ихъ шелъ и господинъ князь Черкасскій съ ними и тѣмъ днемъ дошли до старой Хивы, гдѣ у нихъ напередъ было туто жалье, а хивѣ туто огородъ и строеніе цѣло. И отъ того мѣста шли два дня и дошли до Аральскихъ пашенъ и въ томъ мѣстѣ остановились и стояли два дни и изъ тѣхъ мѣстъ господинъ князь Черкасскій послалъ дворянина Званскаго да съ нимъ драгунъ пятьдесятъ человекъ и велѣлъ оставшимъ майорамъ Франко-Верху да Пальчикову подойти къ себѣ ближе. И хивинское де войско не допустило ихъ до него господина князя Черкаскаго за версту, и поставили она хивинцы ихъ за буграми и стало быть не видно. И стоялъ де на тѣхъ Аральскихъ пашняхъ, на третїй день объѣздъ въ Гостожинъ постъ угловѣзъ половину, по приказу его господина князя Черкаскаго атаманъ ихъ Никита Вородинъ, взявъ ихъ ящичкхъ казаконъ сто человекъ съ хивинскимъ нурзомъ, какъ зовутъ не знаетъ, поѣхала изъ войска ихъ хивинскаго на квартиры, куда она хивинцы поведугъ и отѣхали версты съ двѣ. И тотъ де ихъ атаманъ послалъ въ настоящїй обозъ, кой шли позая, и приѣхало къ нимъ Ящичкхъ-же ихъ казаконъ сто же человекъ. И собравшись того дня отѣхали версты съ десять, а онъ де господинъ князь Черкасскій съ оставшими остался въ хивинскомъ войскѣ въ срединѣ, а съ ними для проножанїя ихъ на квартиры послано хивинцовъ съ шестьсотъ человекъ, и ночевали они казаки тотъ день у озера. И по утру де оставъ рано, какъ она казаки стали сѣдлатъ лошадей, а хивинцы сѣвши на лошадей и подѣхали къ нимъ ближе, одни соскоча съ лошадей, а другїе сиди на лошадахъ, учали ихъ разбирать по рукамъ трое одного и разобравъ исѣхъ, ружье и одежду и лошадей и что при нихъ было, все обрали и развели врознь. А его де Федора взялъ хивинецъ, какъ зовутъ не знаетъ же, и отвелъ къ водѣ къ займашу, отъ того мѣста, гдѣ разбили сажень съ пятьдесятъ, а самъ онъ

хивинецъ отошелъ отъ него и съ лошадейю своею прочь, сажень съ двадцать. И онъ де Федоръ въ то время бросилса отъ займища и шель водою и камышемъ съ четверть версты, а тотъ де хивинецъ прабъжавъ къ тому мѣсту и вслѣдъ кричалъ ему, чтобъ остановиться и въ воду за нимъ не поѣхаль. И былъ де онъ въ водѣ тутъ день до вечера, а ввечеру вышелъ изъ воды и на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ разбирали осмотрѣлъ и никого нѣтъ и пошелъ назадъ тою дорогою, которою отъ обозу: и дошедъ де до того мѣста, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ ханомъ нашель лежитъ изрубленный человекъ вагъ, знатно что драгунъ. И отъ того де мѣста пошелъ осмотрѣть, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ ханомъ же. И въ томъ мѣстѣ лежитъ порубленныхъ человекъ со сто, пага, а знатно, что драгуны, потому что у нихъ волосы длинныя. И на томъ мѣстѣ его господина князя Черкасского и хивинскаго войска никакого нѣтъ. И отъ страху де больше онъ Федоръ не смотрѣлъ, а разбиты де въ тѣхъ мѣстахъ лежать на землѣ сухари и другое платное драпо: и онъ де Федоръ набравъ тутъ сухарей, и пошелъ назадъ дорогою же, которою они шли съ Яику до Хивы и шель сутки и нашель на той большой дорогѣ на яицкаго же казака Михаилу Спиридонова, идеть раненый, и шли де они нмѣсть день съ десять, и на дорогѣ нашли отсталыхъ трехъ лошадей и поймавъ ѣхали на нихъ. И ве добъжая де до рѣки Ембы за два дни, вѣхали на нихъ калмыки Даржина владѣнья человекъ съ восемь и взявъ ихъ принесли къ нему Даржѣ, и онъ де Даржа отослалъ ихъ въ Гурьевъ городокъ, а изъ Гурьева присланы въ Астрахань.

Михаило Спиридоновъ сынъ, прозвище Блютекинъ сказалъ: Яицкій же казакъ, про походъ съ Яику съ станачнымъ атаманомъ Никитю Воронинимъ ихъ яицкихъ казаконъ тысяча пятьсотъ человекъ до Астрахани, и изъ Астрахани отъ лейбъ гвардїи съ капитаномъ господиномъ княземъ Черкасскимъ чрезъ степь въ хивинскую землю и по отправленїи изъ пути отъ господина князя Черкасского напредъ въ Хиву астраханскаго зворничина Михаила Керейтова съ казакими, и что еще не дошедъ они до Хивы, былъ у него господина князя Черкасского отъ хивинскаго хана присланные два, да отъ онаго Керейтова казакъ одинъ, и про тракты и про конскїе кормы и про воды, которыми они туда слѣдовали, сказаль тожъ, что и присланные съ Яику яицкїи казакъ Уразметъ Ахметонъ, изъ Астрахани туркменецъ Нефесъ-Хаджа и яицкїи же казакъ Федоръ Емельяновъ, которые были съ нимъ въ походѣ. А какъ де господинъ князь Черкасскій изъ учиненной крѣпости поѣхаль къ хивинскому хану въ войско и въ той де крѣпости онъ господинъ князь Черкасскій оставилъ командирами майора Франко-Верха да секунд-майора Григорїя Пальчикова съ служилыми людьми и артиллерїею и онъ де Михаилу оставленъ въ той же крѣпости, и былъ де онъ господинъ князь Черкасскій въ томъ хивинскомъ войскѣ въ обозѣ сутки, приелалъ въ тое ихъ крѣпость отъ себя дворянина Званскаго, да драгунъ пятьдесятъ че-

ловѣкъ и ведѣлъ онимъ маіорамъ съ драгуны и казаки и съ артиллеріею убраться совѣмъ идти за собою, и шли де они позади хивинскаго войска дни съ четыре и пришли въ Аральскія пашни. И до него де господина князя Черкаскаго войско близко ихъ стоять не допустили и остановили за буграми и было невидѣть. И на другой де день маіоръ Франко-Верхъ послышалъ къ нему господину князю Черкасскому вышеписаннаго дворянина Званскаго съ тѣмъ, что ихъ недопустили до него господина князя Черкаскаго, остановило хивинское войско, и онъ де Званскій отъ него господина князя Черкаскаго, сказалъ ему маіору Франко-Верху, что де приказалъ онъ господи́нь князь Черкасскій раздѣлиться имъ по сотенно и идти по квартирамъ, куды хивинцы поведутъ. И какъ де драгуны и казаки раздѣлились и хивинцы де взявъ передними сто человекъ, повели изъ обозу въ сторону, а послѣ того другіе сто человекъ казаковъ, въ тоу часлѣ и онъ Михаила, поѣхали съ ними хивинцы на квартиры. А было де ихъ хивинцовъ съ триста человекъ, а и достальныя почали изъ обозу убраться въ развѣздъ-же. И отѣхали де они изъ обозу верстъ съ пять а вѣдучи вдругъ наѣхавъ на нихъ, хивинцы учали ихъ съ лошадей брать и вязать и перевязавъ, ружье и лошадей, и платье, и скарбъ, что при нихъ ни было, все обрали, и ихъ разобрали, трое одного человекъ и развели неподалеку другъ отъ друга и почали рубить, и его Михаилу хивинцевъ двое взявъ, рубили саблями по шеѣ и по плечамъ и били въ голову чеканомъ. И онъ де Михаилу отъ того упалъ на землю и лежалъ за мертво съ вечера до полуночи, а онѣ де хивинцы его тутъ покинули. И вставъ де онъ, Михаилу осмотрѣлся, и хивинцевъ на томъ мѣстѣ никого вѣтъ, а видѣлъ, что лежить казаковъ ихъ порубленныхъ съ ватъдесять человекъ нагихъ, и онъ де устранился того и больше не осмотрѣвъ, отошелъ прочь и пошелъ съ версту къ рѣкѣ, лежалъ тутъ сутки и вставъ вышелъ на дорогу, взялъ сухарей, которые лежали по дорогѣ разбросаны и пошелъ навадъ дорогою, которою они шли въ Хану. И въ другіе сутки нашелъ на него на дорогѣ вышепомянутый казакъ Федоръ Емельяновъ и шли все вмѣстѣ до влѣтѣ ихъ калмыками и отъ калмыцкаго владѣльца Даржи, присланы они на Янкъ въ Турмевъ городокъ, а съ Янку изъ Астрахань, и оставшіе де служилые люди, драгуны и казаки, въ которыхъ мѣста поведены и живыи, или кто есть порублены, того онъ Михаилу не вѣдаеть. А по осмотру у него Михаилаи шею по чатылку и оба плеча рублены въ трехъ мѣстахъ.

(А. Поговъ. Споминіе Россіи съ Ханомъ и Бухаромъ. Изд. 1858 г., стр. 98—101).

1731 года марта. Челобитые ямцкаго казака Ивана Желѣзнова о награжденіи его за службу и понесеніи имъ лишенія, во время нахождения въ плѣну у хивинцевъ.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій.

Въ прошломъ Государь 716 году, по Твоему Великаго Государя указу,

ходили мы низайшіи съ полковникомъ княземъ Александромъ Бековичемъ Черкасскимъ съ Яику 1500 казаковъ. И по прибытіи въ Хиву и по приказу его князя Бековича, съ посланникомъ Михаиломъ Берейтовнимъ къ нему хану хивинскому пославо насъ сто человекъ и какъ мы прибыли, и онъ приказалъ насъ оковать и посадить въ крѣпкое мѣсто. А послѣ того привезла помянутого князя Бековича и Михаила Заманова двѣ головы, а съ нихъ кожи содраны и набиты соломой. А которые наша братья уходили къ нему Бековичу, ради извѣстія, и тѣхъ на дорогѣ переловили и сакали живыхъ на кольца, губы и носы рѣзали. А насъ оставшихся 50 человекъ приводили въ вѣру бусурманскую, и мы Государи христіанской вѣры не покинули и неубоялись мы того страха, и надѣясь на всещедрого Бога, и на Твое Государево счастье, проломали городскую стѣну и увели у него хана двѣ лошади и бѣжали мы на Караганскую пристань. И мы низайшіе, отъ великаго глуду, одну лошадь зарѣзали и тѣмъ мясомъ питались, а какъ мы пришли на Караганскую пристань, и поймалъ насъ трукчешскій владѣлецъ Балкѣ Бакчи и держалъ насъ окованныхъ годъ и хотѣлъ отослать къ хивинскому хану. И я рабъ твой ему Балкѣ говорилъ: за что де ты насъ хошь отдать хивинскому хану и Царскую милость къ себѣ преврѣтъ, и въ то время прилучился при немъ Балкѣ племянникъ его родной и сталъ Ваше Царское Величество повосить, и я рабъ Твой, прослезясь о здравіи Вашемъ, ухватя топоръ и ушибъ его за Твое Царское здравіе, за что меня хотели смертію казветь. И прилучился вышнѣшею весною, калмыцкій посланникъ шелъ изъ Смуцкой земли Махулай-батыръ; также и я рабъ твой, надѣясь на щедроты Божіе и за Ваше Царское многолѣтнее здравіе, подговоря товарища своего, съ которымъ я изъ Хивы ушелъ, и прибѣгли къ калмыцкому посланнику къ Махулай-батыру, также и онъ насъ спросилъ и мы ему сказвали, что мы Твои Государевы вольные люди. И пріѣзжали въ то число Балкѣ-Бакчи съ товарищи и хотѣли они насъ отнять и хивинскому хану отдать, и онъ насъ не отдалъ и сказалъ, что я де умру и съ войскомъ, а тебѣ Государевыхъ людей не дамъ. И привезъ насъ въ свою землю и объявилъ насъ калмыцкому хану, и сказались служилцы Твои Государевы. И онъ Аюка ханъ, за Твое Царское Величество, насъ надѣлмилъ далъ: по шубѣ, по лошади, по сапогамъ, по рубашкѣ и отпустилъ насъ за Твое Государево здравіе съ честью.

Всемилолюбившій Государи просимъ Вашего Величества да повелитъ Ваше Державство, ради Своего Царскаго многолѣтняго здравія, за наше такое полонное терѣнье, прикажи Государи нашъ: по прежнему жить на Яикѣ и Своєю милостію насъ пожаловать, понеже ниѣ мы не имѣемъ себѣ коней и ружей и жалованья за вышепомянутые годы, и за наше полонное терѣнье Свое Государево жалованье намъ выдать, а мы рыбы Твои за Твое Царское многолѣтнее здравіе, рады служить въ казачьей службѣ до послѣдней капли крови своей.

Вашего Величества нижайшіе рабы Яицкіе казаки Иванъ Желѣзовъ. Марта въ день 1721 года. Къ сей челобитной ярославецъ Иванъ Герасимовъ, вѣсто Ивана Желѣзова, по его прошенію руку приложилъ.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, дѣло № 30).

Челобитная яицкаго каз. Андрея Никитыча Бородина.

Въ Государственной военной коллегіи выписано

И апрѣля въ 29 день въ Государственной Военной коллегіи у сей выписки вышеозначенной челобитчикъ казакъ *Андрей Никитинъ сынъ Бородинъ* сказалъ въ прошломъ де 716 году въ августѣ мѣсцѣ по Его Царскаго Величества указу и по наряду князя Александра Черкаскаго высланъ онъ челобитчикъ съ Яику съ прочими сасемъ братією въ 1500 человекъ въ команду его Черкаскаго и былъ при яицкихъ казакахъ прапорщикомъ и того де 716 году въ ноябрѣ мѣсцѣ какъ они пришли въ Астрахань и тогда по приказу его Черкаскаго дано имъ яицкимъ казакамъ изъ Его Великаго Государя казны денежнаго жалованья на годъ, а именво прапорщикамъ по 15 рублей, рядовымъ по 10 рублей человекъ, въ томъ числѣ и ему челобитчику противъ прапорщичьего оклада выдано 15 рублей и какъ въ 717 году въ іюнѣ мѣсцѣ прибылъ онъ въ Хиву и тогда отъ онаго Черкаскаго откомандировано изъ яицкихъ казаковъ 100 человекъ и посланы въ команду полковника *Михаила Карпѣтова* на предъ къ хивинскому хану и отъ него хивинскаго хана взяты они въ полость и былъ онъ челобитчикъ въ томъ полость года съ три и въ 720 году въ августѣ мѣсцѣ присланъ онъ отъ него хивинскаго хана въ подарокъ къ калмыцкому хану *Аюкѣ*, отъ котораго отправленъ съ письмомъ на Яикъ къ прежнюю казацкую службу и въ томъ же 720 году въ декабрѣ мѣсцѣ прибылъ онъ челобитчикъ съ яицкимъ станишномъ атаманомъ и съ прочими казаки въ легкой станицѣ съ поймавшими каракалпацкими людьми двумя человекъ въ Санктпетербургъ и въ томъ же декабрѣ мѣсцѣ по Его Царскаго Величества указу и по приговору Государственной иностранной коллегіи противъ его братья рядовыхъ казаковъ кормовыхъ и за четье и въ дорогу 29 рублей, 21 алтынъ, 4 деньги, а именъ онъ бьетъ челомъ чѣмъ Царское Величество пожаловалъ его указалъ на оные 3 года, въ которые онъ былъ въ походъ выдать жалованье противъ прапорщиковъ почему имъ отъ онаго князя Черкаскаго давано да и нынѣ обретающимся въ ея Государевой службѣ въ финляндскомъ корпусѣ въ команду генерала князя *Голицына* ихъ яицкимъ рядовымъ казакамъ дается годоваго жалованья по 10 рублей человекъ, а прапорщику предъ рядовыми съ прибавкою, а коляко они прапорщики излишняго предъ рядовыми получаютъ про то онъ вѣдываетъ, а еже ли сказалъ ложно и за то повиненъ

штрафу наковъ по указу Царскаго Величества опредѣленъ будетъ. Къ сей сказкѣ вмѣсто яцкаго казака Андрея Бородина по его велѣнію яцкой станичной подъячій Алексѣй Никитинъ руку приложилъ“.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кв. 30, листы 379—380).

Челобитная яцкаго наз. Данилы Галактіонова.

Въ Государственную коллегію, яцкаго войска *Данилы Галактіонова* покорнѣйшее донесеніе, отъ января 1786 года.

Служу я, нижайшій, въ войскѣ Яцкомъ многіе годы и былъ въ походѣ въ Польшу на *Полтавской баталіи*, а въ прошломъ 716 году командированъ, я, нижепоименованный, съ Янку въ Хиву при князѣ Черкасскомъ въ тысячѣ пяти стахъ человѣкахъ и по учинившемуся тамо несчастію взять я, нижайшій, съ прочими казаками въ пленъ и былъ въ Хавѣ года съ три, а потомъ изъ Хавы ушелъ, а въ пути взять киргизами-кайсаками, у которыхъ былъ въ плѣну лѣтъ съ семь, а потомъ въ пути же взять черными калмыками и былъ въ плеву съ шесть лѣтъ, въ которую мою бытность въ томъ плѣну чрезъ оныя годы перетѣрпѣвалъ великія и несносныя ругательства и мученія, а въ прошломъ 733 г., бытность у тѣхъ калмыкъ, въ посольствѣ маіора *Леснтія Узрюмова* вывезенъ я, нижепоименованный, съ прочими бывшими тамъ плѣвниками, оными маіоромъ въ Сибирь, а изъ Сибири пришелъ на Янкъ, а вѣнъ отпущенъ я, нижайшій, съ Янку въ Зимовой ставницѣ.

Того ради Государственной военной коллегіи покорно прошу, дабы указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было за означенную бытность мою въ плѣну и за положное терпѣніе противъ прочей моей братьи наградить Ея Императорскаго Величества жалованьемъ“.

(Ур. Войск. Вѣд. 1069 г. № 80).

Приложение XV.

Державнѣйшій Царь Государь милостивѣйшій.

Въ прошломъ Государь 719 году били челомъ мы нижеименованные раби твои всѣмъ Яицкимъ войскомъ въ Санктпетербургѣ Вашему Царскому Величеству и доносили мы раби твои Вашему Царскому Величеству на вора измѣнника яицкаго казака Ивана Карташева со отцомъ его Матвѣемъ Мионовымъ съ товарищи и на присланныхъ офицеровъ и подъячихъ, которые по доношенію онаго доносителя Карташева пріѣзжали къ намъ рабамъ твоимъ на Яикъ съ розыскомъ и брали съ насъ рабовъ твоихъ великія взятки; и потому нашему прошенію прислана Ваша Великаго Государя грамота изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Казань ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу Салтыкову съ товарищи, чтобъ насъ нижеименованныхъ рабовъ твоихъ ему ближнему боярину и губернатору съ помянутыми офицерами и съ подъячими во многихъ съ насъ взяткахъ и съ доносителемъ Карташевымъ и со отцомъ его Матвѣемъ Мионовымъ съ товарищи во всемъ разыскать; и по той присланной Вашей Великаго Государя грамотѣ ему ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу съ товарищи били челомъ, и по вышнему прошенію бояривъ и губернаторъ Казанской послалъ изъ Казани Великаго Государя указы по тѣхъ офицеровъ по Егора Броткова и по Ивана Наумова и по другихъ офицеровъ и подъячихъ и оныя офицеры тѣхъ присланныхъ Великаго Государя указовъ не послушали и на судъ не бывали и противъ насъ рабовъ твоихъ не отвѣтствовали а отвѣтствуютъ на письмахъ ему ближнему боярину и губернатору Казанскому Алексѣю Петровичу помянутые офицеры что до ны казанской губерніи неподсудны а присудны мы до къ Астраханской губерніи къ полковнику и астраханскому губернатору Артемию Петровичу Иолыинскому; и ближайій бояривъ и губернаторъ казанской Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи прислалъ къ намъ нижеименованнымъ Великаго Государя указъ съ посланными нашими казаками, которые посланы были отъ насъ въ Казань противъ присланной Вашей Великаго Государя грамоты изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ во отвѣтствіе съ офицерами и съ подъячими, въ которомъ написано, что послалъ до я по оныхъ офицеровъ и подъячихъ противъ присланной Великаго Государя грамоты многи Великаго Государя указы, чтобъ быть имъ во отвѣтствіи противъ челобитья насъ нижеименованныхъ во многихъ съ насъ взяткахъ и помянутые офицеры и подъячіе противъ посланныхъ по нихъ изъ Казани Великаго Государя указовъ учинились де противны и отвѣтствования съ нами нижеименованными противъ присланной Вашей Великаго Государя грамоты, по кото-

рой повелѣно наше дѣло изслѣдовать въ Казани, неученили и о томъ де ихъ офицерской и подъяческой противности писано де въ Санктпетербургъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а намъ рабаѣ твоимъ велѣлъ о томъ быть челомъ Вамъ Царскому Величеству въ Санктпетербургъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ вторично; и въ вышшемъ 720 году октября 12 дня послали мы нижеименованные раби твои быть челомъ Вамъ Царскому Величеству вторично о вышеписанномъ нашемъ доношеніи и о вышшемъ нашемъ прошеніи, чтобъ приказалъ Царское Величество насъ нижеименованныхъ рабовъ твоихъ разыскать въ Санктпетербургъ со изменникомъ Карташевымъ и со отцемъ его Матвѣемъ Мионовымъ съ товарищи и съ помѣнутыми офицерами и съ подъячими во многихъ съ насъ взятыхъ, которыя были у насъ на Янкѣ съ розыскомъ по его вора измѣнника Карташева доношеніи и розыскивали въ его ложномъ доношеніи и вини по розыскъ за нами рабама твоими неявилося. А ему вору и измѣннику Карташеву за обыкновенное такое дѣло затѣвать напрасно потому, что онъ же Карташевъ написалъ въ доношеніи своемъ на бывшаго атамана Григорья Меркульева да на старого человѣка Никиту Зевакина будто они Меркульевъ и казакъ Зевакинъ отпустили въ Хиву Одногула татарина провѣдывать будто хотѣла отъ насъ Царскаго Величества отложиться въ Хиву къ татарамъ на житье; и потому его Карташеву ложному доношенію брали насъ рабовъ твоихъ человѣкъ по двадцати, и по тридцати, и по сороку и съ тѣхъ казаковъ, которые по отговору его вора измѣнника Карташена взяты въ Казань, а другихъ слался во свидѣтельство на нихъ какъ бывшей атамана Григорій Меркульевъ и казакъ Зевакинъ съ товарищи, что будто послали Одногулу татарина въ Хиву для сообщенія съ ними хивинцы и будто къ нимъ хивинцы, покляты твою Великаго Государя вотчину, хотѣли идти къ нимъ на житье; и въ томъ во всѣхъ помѣнутыхъ нашихъ казаковъ и его свидѣтелей, что на которыхъ онъ Карташевъ слался, распрашивая и у очной ставки у допроговъ сказали, что ле мы за помѣнутыми казаками Меркульевымъ и Зевакинскимъ и за всѣмъ войскомъ сообщеніи съ хивинцы и послали татарина Одногулки отъ него Меркульева и Зевакина въ Хиву никакъ не идѣмъ и оной Одногулъ и за своимъ дѣломъ отиудъ въ Хивѣ не бывалъ и въ томъ онъ воръ измѣнникъ Карташевъ доносилъ ложно хоти твою Великаго Государя вотчину и насъ рабовъ твоихъ въ конецъ раззорить; и явде оной воръ измѣнникъ что затѣвалъ и клеветалъ напрасно бывшаго атамана Меркульева и старого человѣка Зевакина и все лицкое войско, принасъ повинную челобитную что въ которой написалъ онъ Карташевъ клеветалъ де я бывшаго атамана Меркульева и казака Зевакина и все лицкое войско напрасно повинствомъ своимъ и цотой его повинной челобитной, которыя по отговору его были взяты въ Казань казники, ялъ Казани отпущены изъ дома свои; и потому оной Карташевъ изменникъ съ мѣсца съ два умысла своимъ воронскимъ умисломъ велѣлъ отъ тѣхъ взятыхъ людей держать бывшаго атамана Гри-

горя Меркульева и казака Никиту Зевакина Федота Донскаго Герасима Погодаева Герасима Логвинова и удержавъ ихъ сказалъ Великаго Государя слово за собою; и противъ его Карташева помянутаго слова посланъ онъ былъ изъ Казани и съ помянутыми казаками съ Меркульевымъ съ товарищи пять человекъ въ Преображенской приказъ; и по приездѣ его доносителя Карташева въ Преображенской приказъ съ бывшимъ атаманомъ Меркульевымъ и съ помянутыми казаками оной доноситель въ Преображенскомъ приказѣ слова Государева за собою не сказалъ и подалъ доношеніе ближнему стольнику князю Ивану Федоровичу Рамодановскому, а въ доношеніи своемъ писалъ что будто мы Яицкіе казаки вновь за собою имѣемъ бунтъ и злое умышленіе и будто отпали отъ христіанскія вѣры къ церквамъ Божиимъ будто не ходимъ и отцовъ духовныхъ у себя будто не имѣемъ; и потому его Карташева доношенію изъ Преображенскаго приказа со онымъ доносителемъ и помянутые казаки присланы въ Казань, а изъ Казани велѣно послать Казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи для подлиннаго розыску, чтобъ насъ рабовъ твоихъ по его Карташеву доношенію розыскать во всемъ; и для того розыску присланъ былъ изъ Казани поручикъ Егоръ Кротковъ да фискаль съ Самары Михайла Пугиловъ а изъ духовныхъ дѣлъ отъ Казанскаго архіерея игуменъ съ попомъ и дьякономъ; и оной Кроткой собралъ насъ нижеименованныхъ противъ его доношенія въ бунту и въ зломъ умышленіи всѣхъ спрашивалъ по рознь а въ духовномъ дѣлѣ игуменъ съ попомъ и дьякономъ розыскивали священническіи чиномъ и отцами духовными и иностранними людьми и за нами рабами твоими противъ его Карташева доношенія бунту и злого умышленія и отпаденія отъ православна христіанскія вѣры не вышло, а что мы раба твои въ допросѣ сказали и то явствуетъ въ дѣлѣ нашемъ; а какъ оной Кроткой розыскать пріѣхалъ въ Казань и вышесказанной же воръ измѣнникъ Карташевъ сидѣвъ въ Казани и видя за собою сущую свою вину у мысля воровскимъ своимъ умысломъ и неиметучи смертнаго часа многихъ людей клеветалъ а другихъ сговаривалъ и къ тому еще вновь оговаривалъ же, изъ тѣхъ помянутыхъ казаковъ два человекъ оставилъ въ Казани до указа, а бывшего атамана Меркульева и казаковъ Зевакина Герасима Погодаева и еще вновь прибавилъ бывшего атамана Стевана Филлимонова; и тѣ помянутые казаки Меркульевъ съ товарищи по его же ложному Карташеву доношенію посланы были въ Преображенскъ аторично; и оттакого его ложнаго доношенія мы нижеименованныя разорились всеконечно потому что оной доноситель Карташевъ доноситъ въ однохъ дѣлѣ про Хиву трижды а подлиннаго дѣла противъ своего доношенія на насъ рабовъ твоихъ не довелъ, а явиъ еще онъ же Карташевъ про ту же Хиву доноситъ въ четвертыя; а помянутые казаки Меркульевъ съ товарищи четыре человекъ изъ Преображенскаго отпущены въ дома свои за поруками до подлиннаго розыску а доноситель Карташевъ изъ Преображенска отдалъ въ Астраханскую губернію для изслѣдованія дѣла; и ведучи его Карташева изъ Преображенска изъ Ка-

зани помянутых казаков которые были за поручками в Казани по оговору его взяты с ними в Астрахань; и сего настоящего 720 году мая 22 дня приславъ къ намъ рабамъ твоимъ для розыску изъ Астраханской губерніи со онымъ доносителемъ Карташевымъ поручикъ Филимонъ Григорьевъ сынъ Кустовъ да съ нимъ же поручикомъ пятьдесятъ человекъ солдатъ да помянутыя казаки Федотъ Данской съ товарищи привезенные же и держатся у него Кустова подъ карауломъ на Яикѣ и умираютъ голодною смертію; и помянутый поручикъ Кустовъ подалъ къ намъ въ войско Великаго Государя указъ послушной изъ Астраханской губерніи чтобъ намъ рабамъ твоимъ быть противъ ложнаго Карташева доношенія въ розыскомъ дѣлѣ послушны и спрашиваетъ на насъ рабовъ твоихъ квартиры самовольствомъ своимъ лутчихъ а на тѣхъ отведенныхъ квартирахъ которые отъ насъ отведены не стоятъ и во всемъ насъ рабовъ твоихъ извезажить; и ны нижеименованные рабы твои противъ присланнаго изъ Астраханской губерніи указу съ нимъ воромъ именникомъ Иваномъ Карташевымъ и со отцомъ его Матвѣемъ Мироновымъ съ товарищи подъ розыскъ не идемъ понеже оной Карташевъ и Мироновъ и прежніе розыски которые были присыланы изъ Казани по твоимъ Царскаго Величества указомъ къ намъ на Яикъ и такія розыски оной Карташевъ и Мионовъ изменялъ въ неправду; и о томъ ны нижеименованные о всемъ вышеписанномъ послали ны Вамъ Царскому Величеству бить челомъ а въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ о всякихъ нашихъ нуждахъ войсковыхъ чтобъ приказалъ Царское Величество насъ рабовъ твоихъ со онымъ доносителемъ Карташевымъ и со отцомъ его Матвѣемъ Мироновымъ съ товарищи и съ присланными къ намъ офицеры и подъячими розыскать въ Санктпетербургѣ, потому что онъ воръ изменялъ отчалъ своего живота и Вашему Царскому Величеству въ 714 году изменилъ изъ Харьковскаго походу съ службы бѣжалъ; а оной Карташевъ выбранъ былъ въ томъ походѣ знаменникомъ и потому его Карташовъ побѣгъ изъ походное наше войско которое было по твоему Царскаго Величества указу въ Харьковскомъ походѣ отъ ближняго боярина и прежде бывшаго губернатора графа Петра Митиловича Ачраксина Великаго Государя указомъ о землѣи его Карташовъ приглаши были чтобъ его сыскать и преслать въ Военную Канцелярію за крѣпкимъ карауломъ; и по томъ Великаго Государя указомъ оной Карташевъ былъ не сысканъ; и послѣ его Карташева подѣлу ны нижеименованные служя тобѣ Царскому Величеству годъ отпущены въ дома свои и послѣ того оной Карташевъ изъ побѣгу своего явился у насъ въ городѣ въ домъ своемъ и старшіе люди казаки познанныи за нимъ побѣгъ его, что онъ бѣжалъ изъ Харьковскаго походу призывали его Карташева въ войсковой кругъ и хотѣли за его побѣгъ учинить наказаніе и въ старшихъ же людей отецъ его Матвей Мироновъ ему Карташеву за побѣгъ его наказаніе учинить не далъ и велѣлъ оной Матвѣи ему жетъ по прощенью въ городѣ; и живучи онъ Карташевъ у насъ на Яикѣ что за его побѣгъ хотимъ учинить наказаніе рьясь на насъ рабовъ твоихъ и доносить лож-

нимъ своимъ доношеніемъ хотя сущее свое воровство и измѣну прикрыть а твою Великаго Государя вотчину раззорить и насъ погубить напрасно и водочить насъ нижеименованныхъ и помянутыхъ казаковъ Маркульова съ товарищи тому третій годъ, а въ нынѣшнемъ же его вновь умышленномъ затейномъ ваводѣ промѣнну что будто оя свѣдомъ отъ друзей своихъ а именно откого свѣдомъ несказываетъ. Да оного же доносителя отецъ его Матвѣй Мионовъ въ прошломъ 719 году по розыскѣ помянутаго поручика Егора Кротова нижеименованные наши челобитчики приходили въ войсковую избу и просили у атамана Никиты Трифонова сына Бородина и у старыхъ людей отписки и подорожнаго письма чтобъ имъ проѣхать до Санктпетербурга и бить челомъ вамъ Царскому Величеству отъовскакихъ нашихъ нуждахъ войсковыхъ чтобъ твои Великаго Государя вотчина отъ того ложнаго доносительнаго извѣту въ козень нераззорилась и помянутый атаманъ Бородинъ съ товарищи тѣмъ нашимъ челобитчикамъ отписки и подорожнаго письма до Санктпетербурга не давалъ, а въ тожъ число помянутой Мионовъ говорилъ нашимъ челобитчикамъ въ той же войсковой избѣ что де вамъ и куда ѣхать бить челомъ и какаа де вамъ нужда развѣ де къ черту едете и на такіа де его Матвѣева слова есть многіа свидѣтели; да и въ нынѣшнемъ же 720 году іюня въ день помянутой Мионовъ, по прибытіи къ намъ на Яикъ изъ Санктпетербурга съ нашею Великаго Государя грамотою которая прислана Казанскому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову и оной Мионовъ тое Вашу Царскаго Величества грамоту обругалъ и назвалъ что де будто тое Вашу Великаго Государя грамоту помянутые челобитчики написали въ бавѣ, и іюня жъ въ 28 день настоящаго 720 года оной же Мионовъ говорилъ въ войсковой избѣ такіа слова нашему атаману Федору Арапову что де ты атаманъ Федоръ Ичановъ такіихъ плутовъ челобитчиковъ слушаешь потому что де оныя челобитчики били челомъ Великому Государю ложнымъ своимъ составнымъ челобитьемъ а не отвойскаго и привезли де они ложныа составныа указы и будто не отъ Царскаго Величества и возмужали де они что на Дову Кузминщина была; а мы Государь раби твои такіи Кузминщиками за собою незнаемъ; и въ тѣхъ его Мионова словахъ у насъ рабовъ твоихъ есть многіа свидѣтели и допрашиваны и свидѣтели скавали что де говорилъ такіа рѣчи оя Мионовъ въ станищной избѣ и ругалъ присланную Великаго Государя грамоту которая прислана изъ Санктпетербурга изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; и сего настоящаго 720 года іюня въ день ходили наши лиціе казаки станицею для продажи якры и рыбы и для покупки хлѣбныхъ занасовъ на Сырань на Ватрацкую пристать и по прїѣздѣ той нашей станицы на Ватрацкую пристать сызранской маіоръ и комендантъ Гаврила Воейковъ починилъ той нашей станице извѣстельство великое въ перевозѣ и въ другомъ обиду жъ чинилъ вопротивъ твоего Царскаго Величества указу и не давалъ помянутымъ нашимъ казакамъ перевозу трои сутки; и какъ оной комендантъ Воейковъ приказалъ перевозъ давать и брали съ насъ ра-

бояв твоихъ за перевозъ непротивъ Вашего Царскаго Величества указу съ человекъ по двѣ а смежа по двѣ же, и вашихъ начальныхъ людей изъ той станицы ловилъ и въ приказъ сажалъ а именно два человекъ есауловъ изъ тѣхъ пойманныхъ есауловъ одного человекъ отпустить; и потомъ прѣхалъ оной Воейковъ на Ватрацкую пристать въ нашу стаянцу и поймалъ нашего казака Ивана Лукьянова насильствомъ своимъ безъ вины незная ради какого вымыслу и взявши того казака посадилъ въ городе Сызранѣ въ тюрьму, и какъ поминутая станица что Ватрацкой пристани подлазася въ дома свои и оной Воейковъ тѣхъ нашихъ пойманныхъ казаковъ отъ себя не отпустилъ и держатся подъ карауломъ и до днесь; да въ бытность той же помянутой станицѣ ояъ же майоръ и комедянтъ Воейковъ прислалъ отъ себя Великаго Государя указъ за своею рукою въ которомъ написано что будто бытъ ему майору Воейкову у насъ на Ичкѣ съ ровыскомъ и чтобъ въ помянутой нашей станицы для провѣдательства и охраненія въ пути покинуть ему конвою сто человекъ, да въ той же помянутой станице атаманъ Степанъ Сумкинъ и съ казаками на помянутого Воейкова въ вышесказанныхъ обидяхъ и налотахъ подали яеожное доношеніе Сызранскому фискалу Алексѣю Иванову и солянымъ бурмистрамъ такожъ и торговнымъ людямъ; и іюня въ . . . день сего жъ настоящаго 720 году ходили жъ наши яцкіе казаки станицею въ городъ Сызмару на приставъ для продажи пернъ и рыбы и для покупки хлѣбныхъ запасовъ и самарскій дворянинъ Тихонъ Волковъ называлъ тое станицу и казаковъ тѣхъ бунтовщиками и измѣнниками, да самарской же дворянинъ Филиппъ Могутовъ такожъ называлъ воѣхъ насъ рабовъ твоихъ что де ваше все куревское войско бунтовщики измѣнники; а мы раби твои служимъ Вашему Царскому Величеству кѣрно и за собою бунту немытны и шатости никакой незнаемъ; и сего настоящаго 720 году августа въ 7 день писали мы нижеименованные въ Сызмару отпискою къ помянутому Волкову о приходѣ воинскихъ людей каракалпакъ и киргизцовъ что пришли воинскія люди вышеозначенныи выше нашего городка великимъ собраніемъ и въ полонъ взяли нашихъ кавказовъ восемь человекъ и чтобъ оной Волковъ по полученіи нашей отписки былъ отъ приходу воинскихъ людей въ великомъ оисненіи и писалъ бы про приходъ воинскихъ людей на подлежащіа города и уѣзды и оной Волковъ той нашей отписки не повѣрилъ и насъ подлежащіа города и уѣзды неписалъ и отъ тѣхъ воинскихъ людей учинилось вочинѣ твоей Великій Государь раззореніе великое; да по прѣздѣ той же помянутой нашей станицы въ Самару подиорутчикъ Иванъ Порецкой поймалъ нашихъ яцкихъ казаковъ шесть человекъ и держалъ въ колодежахъ подъ карауломъ и помянутые станицы атаманъ Иванъ Тимофеевъ объ тѣхъ казакахъ ему Порецкому пришелъ и сталъ говорить что де за какое дѣло пойманы казаковъ и держиши подъ карауломъ и помянутой Порецкой оному атаману о пойманіи казаковъ неостыдствовалъ и его атамана и со есаулами посадилъ подъ караулъ же въ колодежи и сидѣ-

ли въ колодезяхъ сутки потомъ и выпустили ихъ на расписку а за какое дѣло оной Порецкой помянутаго атамана и есауловъ держали подъ карауломъ въ колодезяхъ про то мы раби твои невѣдаемъ; да оной же Порецкой въ помянутой же станице поймалъ нашихъ же казаковъ четыре человекъ которыя къ намъ рабѣ твоимъ съ Самары пришли на житье и служили Вашему Царскому Величеству съ нами въ казакахъ лѣтъ по 18 и по 14 и тѣхъ казаковъ безъ Вашего Царскаго Величества указу поверстали въ солдаты, да изъ помянутыя жъ станицы въ Самарѣ фискаль поймалъ нашего казака Ивана Михайлова и назвалъ его своимъ крестьяниномъ а крѣпостей на него не положилъ и везъ въ свою вотчину а помянутой казакъ служилъ намъ Царскому Величеству двадцать лѣтъ. Да въ прошломъ 717 году по твоему же Великаго Государя указу были отъ насъ отпущены въ Хивинской походъ съ господиномъ княземъ Черкасскимъ 1500 человекъ изъ того походу въ прошломъ 717 году которыя бѣжали тридцать три человекъ и тѣхъ мы бѣглецовъ поймавъ держали подъ карауломъ и послали въ Казань отпавкомъ близшему болриву и прежде бывшему казанскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи о учиненномъ за побѣгъ ихъ указу и по отпискѣ нашей изъ Казани приславъ былъ Великаго Государя указу въ которомъ написано чтобъ за побѣгъ такихъ бѣглецовъ учинить намъ рабамъ твоимъ на Яикѣ по своему казачьему обыкновенному суду какъ обстоитъ право и потому Великаго Государя указу изъ тѣхъ бѣглецовъ мы войскомъ четырехъ человекъ казнили смертью, а другихъ бѣглецовъ били по обыкновенному своему суду въ рычальи чтобъ напредки такимъ бѣглецамъ съ твоей Великаго Государя службы бѣгать было не повадно; и въ прошломъ 719 году по прїѣздѣ къ намъ на Яикъ помянутой Кротковъ бѣглыхъ помянутыхъ казаковъ которые были по указу Вашего Царскаго Величества отъ насъ наказаны велѣлъ всѣхъ сыскать и держать подъ карауломъ и мы войскомъ по его Кроткаго приказу сыскавъ держали подъ карауломъ до отъѣзду его и какъ разскавъ насъ рабовъ твоихъ помянутой Кротковъ по отъѣздѣ своемъ въ Казань тѣхъ помянутыхъ казаковъ двадцать деять человекъ взялъ съ собою въ Казань, повеже оной Кротковъ невѣря твоему Великаго Государя указу что по которому мы раби твои оныхъ казакамъ за побѣгъ ихъ чинили наказаны по своему казачьему обыкновенному суду, и привезучи изъ Казани помянутыхъ казаковъ разобрали помѣщики во крестьянство а другихъ поверстали въ солдаты; да оной же Кротковъ въ прїѣздѣ своемъ бралъ самовольно во крестьяне женъ и дѣтей и съ помѣщиками, которыя нужны ихъ служба тебѣ Великому Государю въ Хивинскомъ походѣ побиты на смерть, а другіе и иныхъ въ илѣу у тивинцевъ и отъ того Кроткова поручика выписанныхъ казаковъ служилыхъ домы ихъ разорились безъ остатку.

Всемилоостивѣвшій Государь проситъ Вашего Величества да повелитъ Ваша Царская Держава насъ нижепомянутыхъ рабовъ твоихъ со оными

доносителемъ Карташевымъ и съ помянутымъ атаманомъ Бородинымъ и съ помянутымъ доносителевымъ отцомъ Матвѣемъ Мироновымъ съ товарищи и съ присланными офицеры и о вышечисленныхъ нашихъ ободахъ и налогахъ розсказать въ Санктпетербургѣ, а что у насъ рабовъ твоихъ которые офицеры и подъячїе въ прїѣздѣ своемъ брали взятки и что которому офицеру въ прїѣздѣ своемъ изневательство чинилъ намъ рабамъ твоимъ и то писано подъ сею челобитною роспись.

Вашего Величества низжайшіе раби заповняны рѣки Яку яцкія атаманъ казака Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые казаки 2600 человекъ, 1720 году октября въ „ „ день. Къ сей челобитной вмѣсто войскового атамана Ивана Иванова и всего яцкаго войска по ихъ велѣнію Алексѣевскія церква священникъ Іевъ Клементьевъ руку приложилъ.

РОСПИСЬ

которыя офицеры прїѣзжали къ намъ на Яикъ и что которой офицеръ съ войскова и порознь нападками бралъ и кто именно и то явствуетъ ниже сего.

Въ прошломъ 717 году въ которомъ мѣцѣ и числѣ того неупомяну въ атаманѣ Григорь Мерзулевѣ прїбылъ въ намъ на Яикъ дворянинъ Тихонъ Волковъ съ указомъ Государевымъ о крестьянехъ свѣтлѣйшаго князя и взялъ съ насъ 100 руб. да онъ же Волковъ взялъ съ насъ колючю шубу цѣною 20 руб. да съ казака Василья Першина взялъ онъ же Волковъ два кумача; а въ прошломъ 718 году въ которомъ мѣсадѣ и числѣ неупомяну въ бытности атамана Степана Иванова какъ прїбылъ къ намъ на Яикъ поруччикъ Иванъ Наумовъ для взятя старыхъ людей и оной помянутой Тихонъ Волковъ съ нимъ же прїбылъ къ намъ рабамъ твоимъ на Яикъ съ указомъ Великаго Государя по которому учинено крестисе цѣлованїе за наследника Государя Царевича Петра Петровича и того числа было према рыбной ловли, и мы раби твои нехота отстать рыбной ловли дали ему Волкову 100 рублей и взяли такіа деньги отнустить на дорогу а послѣ того числа съ вышечисленнымъ поруччикомъ Наумовымъ онъ же Волковъ нападкою великою взяли 200 рублей да оному же поруччику и Волкову дворянину послѣ тѣхъ взятковъ харчешъ и питьемъ переданно всего на 60 руб. 10 алтынъ.

И въ томъ же 718 году какъ прїбылъ къ намъ на Яикъ ундирь-офицеръ Григорій Чирякинъ съ указомъ Великаго Государя для взятя старыхъ людей по оговору того же помянутого вора извѣтника Карташева и сталъ спрашивать безвременно въ скорыхъ числахъ и тѣхъ людей у насъ непривучилось дома и отъ того мы раби твои дали ему деньгами и харчешъ 8 руб. 16 алтынъ 4 деньга; да того жъ 718 году какъ прїбылъ къ намъ рабамъ твоимъ на Яикъ по оговору того жъ вора извѣтника Карта-

Матфей Миронов, а съ нимъ было 500 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 30 руб., есауламъ двумъ человекамъ по 22 руб., знаменщикамъ дано четыремъ человекамъ по 20 руб., рядовымъ по 18 руб. человекъ. Итого 7563 рубли.

9) *Походъ въ тотъ же вышеписанный походъ* отправленъ атаманъ *Матфей Рекуновъ*, а съ нимъ 500 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 28 руб., есауламъ 4 человекамъ по 22 руб., 4 человекамъ знаменщикамъ по 18 руб., рядовымъ по 16 руб., а *твоего Царскаго Величества жалованья онымъ казакамъ дано на Самаре по 5 руб. человекъ*. Итого 8044 р.

10) *Походъ въ польскіе города*, отправленъ атаманъ *Митрофанъ Пимиковъ*, а съ нимъ было 500 человекъ, а *твоего Царскаго Величества жалованья прислано было по 10 руб. человекъ*, да имъ же рабы твои дали имъ на подъемъ: атаману 20 руб., 4 человекамъ есауламъ по 12 руб., знаменщикамъ 4 чел. по 10 р., рядовымъ по 8 руб. Итого 4036 рублей.

11) *Походъ на измѣнники башкирцы*, посланъ атаманъ *Федоръ Семеновъ*, а съ нимъ было 1225 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 20, есауламъ десяти человекамъ по 10 руб., знаменщикамъ десяти человекамъ по 8 руб., рядовымъ по 3 рубли. Итого 3875 рублей.

12) *Походъ подъ Кубань*, атаманомъ былъ *Кононъ Никитевъ*, а съ нимъ было 1000 человекъ, подмоги имъ дано: атаману 35 руб., есауламъ шести человекамъ по 25 руб., знаменщикамъ 6 человекамъ по 20 руб., рядовымъ по 14 руб. Итого 14123 руб.

13) *Походъ подъ Харьковъ*, атаманомъ посланъ былъ *Матфей Ивановъ*, а съ нимъ было 1500 человекъ, а *твоего Царскаго Величества жалованья прислано было къ намъ на Дикъ на подъемъ по 5 руб.*, а имъ рабы твои имъ же на подъемъ давали по 15 руб. человекъ, а какъ приближили походнымъ войскомъ на украинской походъ *подъ Харьковъ*, дано имъ рабамъ твоимъ по 5 руб. же на человека, а станичнымъ довольное излишество: атаману 40 руб., есауламъ по 25 руб. 8 человекамъ, да знаменщикамъ 8 человекамъ по 20 руб., рядовымъ вышеписанное по 15 руб. человекъ. Итого 22642 рубли.

14) *Походъ съ княземъ Александръ Черкасскимъ*, атаманъ былъ отправленъ *Иванъ Котельниковъ*, а съ нимъ было 100 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 40 руб., есаулу 30 руб., знаменщикамъ двумъ по 25 руб., рядовымъ по 20 руб. Итого 2040 руб.

15) *Походъ съ нимъ же княземъ Черкасскимъ*, атаманъ былъ отправленъ *Зимовій Михайловъ*, а съ нимъ было 500 человекъ, подмоги имъ дано: 45 руб. атаману, есауламъ 4 человекамъ по 30 руб., знаменщикамъ 4 человекамъ по 25 руб., рядовымъ по 15 руб. человекъ. Итого 7630 руб.

16) *Походъ съ вышеписаннымъ же княземъ Черкасскимъ въ прошломъ*

716 году, атаманъ *Никита Трифановъ*, а съ нимъ было 1102 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 42 руб., полковнику 35 руб., есауламъ по 32 руб. четыремъ человекамъ, писарю 20 руб., рядовымъ по 14 руб. по 16 алтынь по 4 деньги человекъ. Итого 14905 рублей.

17) *Походъ по вторичному твоему Великому Государю указу* велѣно выслать съ нимъ же княземъ Черкасскимъ 398 человекъ и мы рабы твои отправили атамана *Ивана Котельникова*, а съ нимъ 398 человекъ, а подмоги имъ дано: атаману 40 руб., есаулу 30 руб., знаменщикамъ двоимъ человекамъ по 25 руб., рядовымъ по 22 рубли человекъ. Итого 4652 руб.

И всего во оные походы дано подъемныхъ денегъ 119728 рублей.

Да въ нынѣшнемъ 720 году марта въ день присланъ къ намъ на Дикъ Его Царскаго Величества именн-й указъ изъ Государственной высокочелобитной иностранныхъ дѣлъ коллегіи, а въ указѣ Великаго Государя писано чтобъ вамъ рабамъ твоимъ всему яцкому войску быть въ готовности куда Его Царское Величество вамъ повелитъ и мы рабы твои по твоему Великому Государю именному указу были во всякомъ описаніи и готовности. Къ сей челобитной и росписи войсковой вѣсто войскового атамана *Ивана Иванова* и всего яцкого войска по ихъ велѣнію церкви *Михаила Архангела* священникъ *Яковъ Артемьевъ* руку приложилъ".

(Фотографическая копія съ подписи священника Артемьева и съ послѣд-наго листа этой челобитной приложена къ настоящему очерку).

Приложение XIII.

Челобитныя казановъ и другіе матеріалы, относящіеся къ Сѣверной войнѣ.

1) Челобитная Яицкаго казака Григорія Субботина.

„Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій.

Въ прошлыхъ Государь годехъ по вѣзгн города Выборга посланъ я нижайшій изъ города *Выборга* отъ бригадара что вниѣ генераль маіоръ *Григорья Петровича Чернышева* въ Санктпетербургъ съ письмами и на дороге подъ *Муловою мызою* взяли меня нижайшаго въ половъ шведскіе неприятельскіе люди и отвѣли въ *Стекъ Холма* я близъ въ неволѣ десять лѣтъ и въ прошломъ 1720 году въ осень вывели насъ нижайшихъ изъ *Стекъ Холма* въ Ревель на Шведскомъ кораблѣ и отдали коменданту и отъ коменданта прислали въ Санктпетербургъ въ военную коллегію для выбора въ солдатскую службу.

Всемилоостивѣйшій Государь прошу Вашего Величества повели Государь за оное мое положное терпѣніе призерстать меня въ казачью службу повеже отецъ мой служилъ и вниѣ братья мои служатъ и я служилъ Тебѣ Великій Государь въ Яикѣ казачью службу.

Вашего Величества нижайшій рабъ яицкій казакъ *Григорій Суботинъ* 1721 году генваря въ день въ сей челобитной вѣсто *Григорья Суботина* по его прошенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ капиталь *Петръ Соболевъ* руку приложилъ.

1721 году генваря въ 9 день записавъ въ книгу допросить о всемъ челобитчика.

И сего генваря въ 11 день въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ яицкій казакъ *Григорій Суботинъ* допрашивалъ, а въ допросѣ сказалъ:

Уроженецъ де овъ яицкаго городка казачій сынъ отецъ его *Василій Суботавъ* тугошней ли былъ уроженецъ или пришлой того онъ не знаетъ потому что овъ отъ отца своего остался въ малыхъ лѣтахъ, а овъ *Григорій* на яикѣ и родился и отъ роду ему сорокъ семь лѣтъ И въ иршлыхъ годехъ, а въ которомъ именно не упоментъ *передъ малоскимъ взятъема* посланъ онъ *Григорій* съ яикѣ на службу Великаго Государя въ *другую Нарвскую полкодъ* съ атаманомъ *Митропемъ Гекуннымъ*, всего ихъ было въ высылкѣ пять сотъ человекъ и служили при арміи подъ командою полковника *Дмитрія Билметова* и въ 710 году

по взятіи города Выборга посланъ оный Григорій да другой съ нимъ уфинской казакъ *Василій Маршицъ* изъ Выборга въ Санктпетербургъ къ генералъ-лейтенанту и оберъ-коменданту *Роману Вилимовичу Брюсу* отъ бригадира, что имъ генералъ-майоръ *Григорія Петровича Чернышева* съ письмами и на дорогѣ отъ Выборга въ тридцати верстахъ подѣ *Муловою мызою* начали за нихъ *кисики* и взяли ихъ въ полонъ и отвели ихъ изъ Абовъ и были они въ Абовѣ мѣсяца съ четыре и потомъ отвезли ихъ въ *Стегхольмъ*¹⁾ и держали ихъ въ *Стегхольмѣ* за арестомъ четыре года, а изъ *Стегхольма* свезены они на островъ *Васисов* и на томъ острову держали ихъ три года, а съ острова *Васисов* свезены они съ другими русскими арестантами въ мѣстечко *Икши* и въ томъ мѣстечкѣ держали ихъ годъ, а изъ того мѣстечка вывели ихъ въ мѣстечко *Ланконинъ* и держали ихъ въ томъ мѣстечкѣ годъ, а изъ того мѣстечка перевели ихъ въ мѣстечко *Копорберье* и въ томъ мѣстечкѣ были безъ мала годъ и изъ того мѣстечка взяты въ *Стегхольмъ* и въ *Стегхольмѣ* были мѣсяца четыре изъ *Стегхольма* прошедшаго 1720 году въ сентябрѣ вывели ихъ русскихъ полоняниковъ всего двѣсти восемь человекъ въ которомъ числѣ ихъ яццкихъ казаковъ было два человека на швецкомъ кораблѣ въ *Ревель* и отданы они всѣ генералу и оберъ-коменданту *Фонъ Дальдену* и по разбору его генерала яццкой ихъ казакъ *Никита Болдыревъ* въ *Ревель* приверстанъ въ солдаты въ *Эстлянской полкъ* и вынѣ изъ *Ревель*, а оный Григорій съ другими вывезенными русскими и черкасы всего 98 изъ *Ревеля* присланы въ военную коллегію къ смотру. Къ сему допросу вмѣсто яццкого казака *Григорія Суботина* по его велѣнію яццкой ставишной писарь *Алексѣй Накитинъ* руку приложилъ*.

Вышесказанный казакъ *Григорій Суботинъ* отпущенъ въ томъ его приговорѣ и отпущекъ въ донскихъ дѣлахъ и дано ему на дорожный проѣздъ рубль.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 20, листы 171, 172).

2) 1709 г. апр. 21. Дѣло по прошенію Донскихъ и Яццкихъ плѣнныхъ казановъ атамана *Кондр. Никифорова* съ товарищами, всего 41 челов., объ освобожденіи ихъ изъ заключенія въ *Стегхольмѣ*.

(Моск. Арх. М. Ин. Д., по III реестру Донскихъ дѣлъ, св. 25, к. № 5).

„Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій.

Въ прошломъ Государь 1708 г. по Твоему Великаго Государя указу велѣно вамъ быть на твоей В.-л. Государя службѣ въ *Польшѣ* противъ *Свейскихъ* людей съ войсковымъ атаманомъ съ *Максимомъ Фроловымъ* да съ яццкимъ атаманомъ съ *Митрофаномъ Пименовымъ* и какъ служили вы противъ тѣхъ неаристелей *Свейскихъ* людей въ мѣстечкѣ *Ламши*

1) *Стегхольмъ*. Прим. авт.

кахъ противъ Вѣшневацкаго и Свейскихъ людей въ баталіи и на той баталіи взяли насъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ сорокъ одинъ чел. въ полонъ и взяли привели въ Ригу и въ Ригѣ были скоро, а изъ Рига отвезли насъ за море въ Стекольное¹⁾ вмѣстѣ съ Московскими невольники и сидимъ въ Стекольной въ Баргушѣ въ крѣпн и въ великой нуждѣ, а королевскаго величества идетъ намъ хлѣбъ. Всемилостивѣйшій Государь просимъ Вашего Величества для Соаса и Пресвятія Богородицы и для своего Государева ангела хранителя и для своего Государьскаго многолѣтнаго здравія вели Государь съ насъ бѣдныхъ невольникахъ Донскихъ и Яицкихъ казакахъ свою Государеву милость указъ учинить чтобъ намъ бѣднымъ будучи въ неведѣ напрасною смертію не помереть, а мы бѣдые невольники Тебѣ Великому Государю желаемъ служить вѣрно и за Твое Великаго Государя многолѣтнее здоровье Бога молить вѣчно. Вашего Величества нижайшіе рабы Донскіе и Яицкіе казаки атаманъ Кондратій Никифоровъ, Федоръ Ашиара, Василій Вѣлуга, Федосей Вабской, Яицкой казакъ Тимфей Горшковъ, Потапъ Григорьевъ, Родіонъ Кумшацковъ съ товарищи сорокъ одинъ человекъ нынѣшняго 1709 г. генваря въ 19 день".

Воле въ этомъ дѣлѣ имѣть ничего и какаа судьба постигла подавшихъ эту челобитную — неизвѣстно. На челобитной имѣется такая надпись: „Сію челобитную отдать въ посольскій приказъ. Секретарь Василій Степановъ, а сказать, что ему поручилъ эту — боярину Тихону Никитичу Стрешневу, и дабы послать сію челобитную въ походъ. Отдана апрѣля въ 21 день 1709 году.

Изъ другихъ документовъ, которые могутъ пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на дѣятельность яицкихъ казаковъ во время Сѣверной войны, а также и *въ другихъ походахъ* и хотя слегка намѣтитъ путь, по которому они шли въ этой войнѣ, служатъ сказки старшинъ и казаковъ во время слѣдствія въ 1718, 1719 годахъ и надъ атаманомъ Приткомимъ въ 1739 г., а также показанія другихъ лицъ и нѣкоторыя данныя изъ переписи Захарова. Помѣщая изъ нихъ наиболее существенныя.

3) Показаніе наказнаго атамана Притнова.

Родился я на Яикѣ казачій сынъ, отъ роду маѣ лѣтъ съ пятьдесятъ. Въ службѣ Ея Императорскаго Величества состою при яицкомъ войскѣ я съ 709 годи и былъ въ походѣхъ (1) на молдавско-й баталіи (2) въ турецкоіи акціи (3) съ княземъ Черкасскимъ за Астрахань до Красныхъ горъ францужинкомъ (4) въ низкомъ корпусѣ въ командѣ у генерала Володимера Петровича Шереметева, Газрыла Семеновича Кропотова полтара

¹⁾ Въ заголовкѣ дѣла городъ этотъ называлъ Отоколомъ.

года и былъ тамъ есауломъ (5) по требованію статскаго совѣтника Кирилова былъ съ пятьюстами человекъ атаманомъ и не дошелъ до Самары возвращенъ съ тою командою и въ Самару, а изъ Самары въ Мензелинскъ къ господину генералу лейтенанту и кавалеру Руманцову въ которомъ былъ до половины лѣта и отлученъ съ войскою по прежнему въ домъ.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга № 31/64, дѣло № 4, листъ 1).

Показаніе Прыткова интересно тѣмъ, что онъ единственный говоритъ о „Турецкой акціи“ и въ тоже время, участвуя въ Полтавской битвѣ, говорить, что поступилъ на службу въ 1709 г., а не въ 1707 г., (во время наряда послѣдней станицы *Алестима*). Изъ этого можно только вывести два заключенія: что или Прытковъ ошибся годомъ службы или въ 1709 г. была командирована еще какая-либо станица къ Полтавѣ.

4) Показаніе старшины Тимофея Истомина.

Въ службѣ при Яицкомъ войске тому лѣтъ съ тридцать и былъ въ походахъ 1) съ походнымъ атаманомъ Федоромъ Семеновичемъ въ тысяче человекъ противъ бугацщикоу воровъ башкирцовъ когда Алдарка военалъ редовнымъ 2) съ походнымъ атаманомъ Кирикомъ Успенцовымъ въ тысяче человекъ подъ кубаны редовнымъ и въ протчихъ походахъ изъ городка Яица противъ киргисцовъ своею братьею.

(Тамъ же, листъ 78).

Это показаніе интересно потому, что въ немъ указывается фамилія походнаго атамана Кирова Никѣва.

5) Показаніе старшины Андрея Кузнецова.

Въ службѣ при Яицкомъ войске лѣтъ съ тридцать пять и былъ въ походахъ 1) до *Полтавской батали юда за полтора съ походнымъ атаманомъ Митрофимомъ Пименовымъ сыномъ Алестимымъ* въ пяти стахъ человекъ противъ шведскаго генерала *Лесенюупта* подъ *Леснымъ* на батали, потомъ на другой годъ на батали жь подъ *полтанскою* а по *полтанской батали* пошли въ польшу во ста человекъ съ атаманомъ *Климомъ Кузминымъ* сыномъ *Портимовомъ* знаменщикомъ, а на польшу въ поморанію и далее где былъ въ помораніи и въ другихъ госудирствахъ всего девять лѣтъ 2) Потомъ командированъ изъ Яицкаго городка въ низовой кирпустъ съ атаманомъ *Иваномъ Турьбиннымъ* въ пяти стахъ человекъ знаменщикомъ поль-третью года 3) когда калмыки волновались съ походнымъ атаманомъ *Иваномъ Меркульевымъ* въ тысяче семи стахъ человекъ знаменщикомъ до *краснаго яру* і о протчихъ походахъ изъ городка своею братьею противъ киргисцовъ былъ же.

(Тамъ же, листъ 89).

6) Показаніе наказнаго атамана Копѣчинна.

Въ службѣ Ея Императорскаго Величества при Яицкомъ войскѣ за пять лѣтъ до азовскаго похода и былъ въ походахъ до азовскаго походу 1) когда казаки яицкаго *Качерина* киргизъ кайсаки убили съ атаманомъ *Федоромъ Семеновичемъ* 2) въ первомъ *рублевскомъ* походѣ съ атаманомъ *Иваномъ Сергѣевымъ* сыномъ *Витошинымъ* 3) когда на бывшего хана Юку дети его вольновались тогда былъ съ помянутымъ атаманомъ *Федоромъ Семеновичемъ* казакомъ 4) когда башкирцы *Алдарка* бунтовали тогда былъ съ помянутымъ же атаманомъ *Семеновичемъ* 5) какъ сперва посланы были казаки въ язовой корпусъ былъ съ атаманомъ *Сидоромъ Дурмановичемъ* и были тамъ полтора года 6) какъ въ язовомъ корпусѣ былъ съ атаманомъ *Михаиломъ Куряевичемъ* одинъ годъ есауломъ, а въ вышеписанныхъ походахъ былъ рядовымъ и въ протчихъ походахъ отъ Яицкаго войска бывалъ противъ киргизъ кайсаковъ.

(Тамъ-же, листъ 105.)

7) Показаніе казака *Леонтія Афонасьева* (въ 1718 г.)

„Съ графомъ *Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинимъ* въ походѣ съ атаманомъ *Матвѣемъ Прикащикомъ* есауломъ былъ“. (Въ *Плюмѣ* въ *Харьковскомъ* походѣ).

(Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 107, кн. 54, листы 231—236).

8) Показаніе казака *Ивана Иванова Витошнова* (1719 г.):

„Отцъ его *Иванъ Сергѣевъ* старинный Яицкій казакъ и умре на службѣ въ *Шведскомъ* походѣ“.

(Моск. Арх. Гл. Шт., опись 107, кн. № 29, листъ 4. Смыкъ *Кроткова*.)

9) Изъ *Челобитной Яицкаго войска царю Петру* въ 1719 г.

„Атманнъ *Витошновъ*... былъ въ первомъ *Рублевскомъ* походѣ атаманомъ умре... *Матвѣй Релуновъ* былъ атаманомъ подь *Выборгомъ* убитъ“.

(Тамъ же, опись 107, кн. 54, листы 20—23).

10) Показаніе казака *Федота Донского* (въ 1718 г.).

„Какъ во наряду выслано съ *Яику* въ первый *Нарвскій* походъ 600 человекъ казаковъ въ томъ числѣ онъ *Донской* былъ есауломъ и какъ при были въ *Москву*... встали въ *Сушесть* слободъ... (дальше говорится о подмѣнѣ участника убійства атамана *Ивана Вѣлугина* казака *Оськи Фалкинова*)... и потомъ пошли изъ *Москвы* на службу въ *Нарвскій* походъ“.

(Тамъ же, книга 54, листы 312—317).

Это единственное показаніе о походѣ подь *Нарву* ставицы *Витошнова*. Но оно противорѣчитъ *челобитной* казаковъ въ 1720 г. (см. прил. XII), гдѣ годъ похода указавъ 1701, а *Нарва* взята въ 1700 г., а также и

показанія старшины Болѣечкина и челобитной войска въ 1719 г. (смот. пун. 6 и 9 этого приложения), гдѣ походъ названъ Руделевскимъ и Ругодевскимъ.

11) Показанія казановъ при переписи Захарова. (1723—25 г.).

1) Показаніе казака Василия Донскова: „отець мой Андрей Довсковъ убитъ въ Шведскомъ походѣ“.

(Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 28, стр. 1324).

2) Показаніе казака Василия Азовскова: „отець мой Антипъ Азовскій убитъ подъ Мезеленскимъ“.

(Тамъ же, стр. 1324).

3) Показаніе каз. Алексѣя Феклистова: „исповѣдывался въ Хивинскомъ походѣ въ гсродѣ Валкахъ“.

(Тамъ же, стр. 1403).

4) Пок. каз. Засухина: „былъ въ Харьковскомъ походѣ и тамъ былъ на исповѣди въ Кругоецкомъ уѣздѣ, въ селѣ подъ Красношъ“.

(Тамъ же, листъ 37).

5) Пок. каз. Назарова: „отець мой умеръ въ Крымскомъ походѣ“.

(Тамъ же, листъ 14).

6) Показаніе работника Степана Васильева: „живу у казака Василия Арапова, шведъ города Каяни, завоеванъ Яицкими казаками и крещенъ въ 1710 году.“

(Тамъ же, листъ 348).

7) У него же другой работникъ шведъ: „шведъ города Вазы, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками въ семь сотъ третьемъ на десятъ году (1713 г.), крещенъ въ 1719 г.“

(Тамъ же, листъ 349).

8) Тоже у него работникъ: „шведъ мѣстечка Улы, завоеванъ и крещенъ Яицкими казаками въ семь сотъ второмъ на десятъ году (1712 г.).“

(Тамъ же, листъ 349).

9) Пок. работника Ивана и Егора Алексѣевыхъ: „шведы -- чухонцы, завоеваны Яицкими казаками Алексѣемъ Кулявинимъ съ товарищи и приведены на Яицъ: -- Иванъ въ 1720 г., а Егоръ въ 1706 г., а живутъ у Кулявина“.

10) Пок. работника: „чухонецъ шведъ, завоеванъ подъ Новымъ Городомъ, проданъ московской таможенн сторожу Михайлу, а онъ продалъ его Яицкому казану Семену Чернолу въ 1717 году“.

11) Тоже: „Вислаіъ Корелинъ, финляндецъ, городки Корсмы, чухонецъ, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками, года не помнитъ“ (листъ 349).

12) Тоже: „шведъ, города Вани Карбы, завоеванъ подъ тѣмъ городомъ Яицкими казаками“.

(Тамъ же, листъ 350).

шева для розыску капитанъ Кемецковъ и въ то число мы раби твои были на сѣнныхъ покосахъ и помянутой капитанъ Кемецкой сталъ насъ изневажить и съ сѣнныхъ покосовъ сбивать и оттого мы дали ему капитану Кемецкому дано 100 руб. и взявши съ насъ такія деньги еще отпустилъ на сѣнокосъ, да еще онъ же Кемецкой неотпустилъ насъ въ степь посоль для своей бездѣльной користи и мы раби твои нехота отстать отъ таковой поѣздки дано ему 120 руб. и взявъ такія деньги и отпустилъ въ степь.

Да ему капитану Кемецкому харчемъ и питьемъ и дровами и сѣномъ и отъ провожатыхъ которыхъ онъ наисалъ съ собою коня за старостію не могутъ на конь сѣсть и отѣхъ отъ всѣхъ налогу передавано ему 261 рубль 16 алтынъ.

Да по его жъ капитана Кемецкаго валоги дано солдатамъ которые съ нимъ были 32 руб.

РОСПИСЬ

что капитанъ Кемецкой взялъ порознь и съ кого взялъ и то писано ниже сего.

Съ атаманъ Степана Филимонова взялъ нападкою лошадь цѣною 10 р.

Да старыхъ людей которыхъ бралъ въ сторожи съ Якова Никонова взялъ 5 алтынъ, съ Максима Иванова взялъ 7 алт. да съ Трифона Филиппова 1 рубль, да онъ же Кемецкой раззора казачій курерь изабралъ весь казачій пожитокъ къ себѣ а пожитку на 40 руб. да съ казака взялъ Михаила Филиппова нападкою денегъ 9 руб. да четыре вумача, да съ казачьей жены Феклы Екимовой взялъ нападкою 2 руб. да вумачъ въ полъ, 2 руб., да съ татарина Ямансары взялъ вумачей и зававсокъ на 3 руб., да съ казака съ Григорія Евстева взялъ лисицу цѣн. 1 руб., да съ казака Федора Никитина онъ же взялъ нападкою 1 руб. 16 алт. 4 деньги.

Да въ прошломъ 719 году апрѣля въ 7 день при вѣдомости атамана Никиты Бородина по оговору прежде помянутого жъ вора ивменника Карташева прислащъ изъ Казани поручикъ Егоръ Кротковъ для розыску къ намъ рабамъ твоимъ и по прибытіи своемъ къ намъ на Янкъ оной поручикъ Кротковъ сталъ насъ рабонъ твоихъ изневажить и на рыбную ловлю не отпустить и мы раби твои нехота раззориться до конца и отъ той рыбной ловли отстать дали ему 200 руб. да Фискалу Михаилу Путилову который съ нимъ же Кротковымъ присланъ былъ ему дано отъ той же валоги 200 р., да подьячичъ который были съ нимъ же Кротковымъ у розыску Ивану Муровцеву дано 50 руб. да подьячену Ивану Овчинникову дано 20 руб. да сиварскому подьячену фискальскихъ дѣлъ Якову Соболеву дано 15 руб. да священнику который присланъ изъ Казани отъ архіерея для изслѣдованія духовнаго дѣла и оной священникъ Симіонъ сталъ такожъ непорядочно чинять и въ духовномъ дѣлѣ нападать напрасно и оттого дано ему 50 руб

Да самарскому дворянину дано отъ тойже Егорова нападѣи самарскому дворянину 5 руб.

Да по егожъ порутчика Кроткова велѣнію дано солдатамъ шести чело-вѣкамъ дано 9 руб.; да ему же вышеписанному порутчику Егору Кроткову и Фискалу Михайлѣ Путилову и при немъ дворянину подъячимъ и священ-нику и солдатамъ харчемъ и поиломъ и деньгами и за подводы и на сѣ-но и на дрова и всякихъ налегъ дано 200 руб. 12 алтынъ.

Роспись что по рознь взялъ съ кого нападкою жъ.

У Степана Филимонова взялъ кова въ 50 р.; Иванъ Муромцевъ подъя-чій у него жъ коверъ въ 7 р.; да оиъ же Кротковъ взялъ съ Емелья-на Силкина нападкою 7 рублѣй, да съ казака же взялъ съ Петра Попова 10 рублѣй.

Да фискалъ Михайла Путиловъ съ помянутаго Степана Филимонова взялъ овчину астраханскую въ 1 руб. 1 алтынъ 4 деньги да бѣлужью шинку въ полтину.

Да оиъ же Кротковъ взялъ у казака Дмитрія Макарова азбуку скоро-писную писана золотомъ дана 1 руб. да оиъ же Кротковъ заставлявалъ дѣ-лать лисицъ 55 да 60 косорковъ и оттого дѣла недалъ 4 руб. да оиъ же. Егоръ дѣлалъ 6 уздъ а деньги не далъ а денегъ доведется взять 2 руб. 5 алтынъ, да съ казака съ Овдокима Лаврентьева взялъ 5 алтынъ, да ка-заку Якову Основцу за токарную работу недалъ 1 р. 5 алт., да съ ка-зачей жены Анны Филиповой взялъ денегъ 5 руб., да фискалъ Михайла Путиловъ взялъ со вдовы Варвары Семеновой 7 алтынъ денегъ, да подъячій Иванъ Муромцевъ взялъ съ той же вдовы 5 алтынъ денегъ, да съ Никиты Шапошникова взялъ двѣ лисицы даны 2 руб. 5 алт., да съ казака Овдокима Лаврентьева взялъ оиъ же Муромцевъ 5 алтынъ, да у Ивана Му-ромцева взялъ фуру дана 1 руб.

Да помянутой Кротковъ съ Михайлы Благоуродиваго 7 р. и всякіи мелочи на 2 руб. 5 алт., да съ казака Авдѣкина Лаврентьева взялъ 5 ал-тынъ, да портному мастеру платили за него Кроткова мы раби твои за ра-боту всеиъ войскоиъ 4 руб., да съ Ивана Семенова взялъ оиъ же Кротковъ десять лисицъ мѣхъ ланчатой лисей всего на 16 руб.

Да у татарина Иванки Салмина взялъ оиъ же порутчикъ Кротковъ шена цѣну ему 6 р., да у татарина жъ Чагора взялъ лошадь въ 10 р., да съ Никиты Шапошникова взялъ 4 лисицы даны 3, да съ казака же Григорья Ка-сѣева денегъ 15 р., да десять лисицъ мѣхъ ланчатой лисей всего на 16 р., да съ татарина Енасары взялъ арякъ въ 4 р., да фискалъ Михайла Пу-тиловъ съ казачей жены вдовы денегъ 2 р., и всякихъ харчей стало намъ 3 алт. 2 ден. да оиъ же казачей жены вдовы Елены Черновой 2 р., да съ казака Никиты Шапошникова взялъ четыре лисицы 2 р. 5 алт. даны, да съ Овдокима Лаврентьева взялъ полтину.

Да самарской дворянинъ Григорій Авдоимовъ съ помянутыя вдовы жены Черновой банныхъ денегъ 1 р. Да самарской подъячей Иванъ Овчинниковъ взялъ съ Никиты Шапошникова двѣ ясицы цѣна 2 р. 5 алт. Да онъ же поручникъ Егоръ Кротковъ отявлъ у казака Клементя Иванова дворъ и отявлъ продалъ цѣна 50 р., да оной же Поручникъ Егоръ Кротковъ бралъ насильствомъ нашихъ казаковъ и ихъ женъ и дѣтей во крестьянство и дома съ пожитками побравъ распродалъ, да оной же Кротковъ которыя наши янцѣіе казаки отправлены были въ походъ съ княземъ Черкасскимъ изъ того походу бѣжали и по указу Вашему Царскаго Величества и по нашему обыкновенному суду наказаны были и онъ тѣхъ казаковъ забралъ съ собою въ Казань а оставшія по нихъ отцы и матери и жены и дѣти и дома бралъ къ себѣ во крестьянство и дома ихъ продавалъ и пожитки ихъ къ себѣ забралъ да съ нимъ же Егоровъ вышенисанннмъ поручникомъ Кротковнмъ отъ иныхъ помѣщиковъ прїѣзжали прикащики а именю отъ Никифора Маркова прїѣзжалъ прикащикъ его и побралъ у насъ такожь казачьихъ женъ и дѣтей.

Да вышениманутой фискаль Михайла Путиловъ будучи у насъ рабовъ твоихъ на Янкѣ пренялъ доношеніе у нашего же янцѣаго казака, которой одолжавъ великими долгами и жилъ въ приертыѣ, у Афанасья сына Назарова а въ доношеніи писалъ которыя казаки били челомъ намъ янцѣому войску объ отпускѣ въ калмыцкую орду для иѣны коней про свой обиходъ и будто тѣ казаки на везли съ собою свинець и порохъ и помянутый фискаль Михайло Путиловъ приставя и досматривалъ у нихъ и такого свинцу и пороху необыскалъ и держалъ ихъ для своей бездѣльной корысти на степи двѣ недѣли и видя тѣ наши казаки такое его фискала Михаила Путилова нападеу и нехота себя непрїателямъ отдать потому что отомъ мѣстѣ по часту бываетъ прїѣзгъ непрїателей и берутъ скотину и людей дали ему фискалу 100 р. и взявци такіе деньги ихъ казаковъ отпустилъ.

Да вышениманутой поручникъ Егоръ Кротковъ будучи у насъ рабовъ твоихъ на Янкѣ бралъ насильствомъ своимъ въ писари нашихъ янцѣкихъ казаковъ и прїѣзжихъ людей изъ лавокъ числомъ всѣхъ сорокъ человекъ и намъ рабаиъ твоимъ учинилъ изневательство великое платили мы раби твои помянутымъ писарямъ по разсмотрѣнію по багренью и подва, а багренья продается у насъ по 4 рубли.

Да вышенисанной же капитанъ Дмитрій Кеменковъ бралъ у насъ насильствомъ своимъ писарей на съѣзжей дворъ не малое платили тѣмъ помянутымъ писарямъ по багренью вынмъ и по два, а багренья у насъ продаютца на Янкѣ по 4 рубли.

И въ прошломъ 718 году по прибытіи въ Казань вышениманутаго поручника Ивана Наумова съ нашими янцѣкими казаками и отданы были въ съдѣломъ въ повытѣ подъячему Федору Сухареву и помянутой подъячей взялъ съ тѣхъ казаковъ нападкомъ деньгами 200 р. да харчемъ и одежею даво

ему жъ 100 р. да брату его Алексію Сухареву какъ прибылъ на его Федорово мѣсто даю ему 10 р. Да овъ же, подъячій Федоръ Сухаревъ взялъ съ казака съ Парфена Никифорова 20 р. денегъ.

Да вышеписанные офицеры поручикъ Егоръ Кротковъ и капитанъ Кемецкой будучи у насъ рабовъ твоихъ на Янкѣ съ розыскомъ и брали съ насъ великія взятки и харчехъ и пойломъ и противъ ихъ налогъ намъ рабамъ твоимъ давать стало нечимъ и мы для ихъ издевательства нехотя багрили въ рѣкѣ ятовныя мѣста и оттого мы раба твои всеконечно раззорились женъ своихъ и дѣтей закладывали. Къ себѣ росписи вмѣсто яицкаго атамана Ивана Иванова и всего войска по ихъ велѣнію Алексѣевскія Церкви священникъ Іевъ Клементьевъ руку приложилъ.

(Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 213—223).

Приложеніе XVI.

Челобитная Яицкаго войска 1720 г. о дачѣ грамоты на Янкѣ взятныи сгорѣвшей въ 1685 г.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій.

Въ прошлыхъ Государь годѣхъ, тому будетъ лѣтъ съ сорокъ, били челомъ мы, нижеподписанные, Вамъ Царскому Величеству за прежніе наши рабовъ твоихъ службы, чтобъ Ваше Царское Величество пожаловалъ бы насъ рабовъ твоихъ, что на которой мы раба твои рѣкѣ Янкѣ за Влшу Царскаго Величества волю набрались на житѣ юльными людьми пожаловалъ бы насъ рабовъ твоихъ тою помянутою рѣкою Янкою съ вершинъ и до устья и которые въ Янкѣ текутъ рѣки и протоки такожъ и въ тѣ рѣчки и протоки, которые бѣгутъ воды, и со всѣми угоды; и противъ нашего рабовъ твоихъ прошенія дана *Ваша Царскаго Величества поминутые рѣки во владѣніи грамота* чтобъ намъ рабамъ твоимъ тою помянутою рѣкою владѣть Янкою съ вершинъ и до устья съ рѣчки и протоки такожъ которые съ тѣхъ рѣчки и протоки будутъ воды и со всѣми угоды, а другихъ городовъ обывателямъ тою помянутою рѣкою съ рѣчками и протоки и со всѣми угоды самарянамъ, и сибирякамъ, и прочихъ городовъ людямъ-башкирцамъ и калмыкамъ такожъ рыбы не ловить и другихъ промысловъ и учуговъ не заирать и другихъ обидъ не чинить кромѣ насъ рабовъ твоихъ никому не велѣво; въ прошлыхъ государь годехъ, тому будетъ лѣтъ тридцать и болѣе, волею Божіею церковныя соборныя такожъ и войсковыя наша изба сгорѣла и въ то пожарное время въ помянутой избѣ, которые присланные отъ Вашего Величества грамоты о владѣніи нашей рѣки Янку и о другихъ нашихъ казначныхъ дѣлахъ, погорѣли; и уведомяши о томъ въ прошломъ 716 году градскіе самарскіе жители калмыки и башкирцы, что помянутая у насъ рабовъ тво-

ихъ владѣнная грамота сгорѣла, и въ томъ насъ рабовъ твоихъ самаряне и башкирцы и калмыки чинять изневѣтельство немалое и владѣютъ нашими рѣчками и протоками и всѣми угодыя; тако жъ калмыки въ Яикѣ рѣкѣ рыбу ловятъ и учуги зазираютъ; и противъ той помянутой на насъ рабовъ твоихъ обиды съ вышесписанными самарянами, съ башкирцы и съ калмыки противиться стало не почему.

Да въ прошлыхъ жъ Государь съ семьсотъ перваго году и по нынѣшней 720 годѣ калмыцкіе владѣльцы, а именно *Даржа* и дѣти его *Лобжа* и *Бай*, да владѣлецъ же *Алебей* творять намъ рабамъ твоимъ изневѣтельство немалое: въ Яикѣ рѣкѣ рыбу въ мировыхъ мѣстахъ ловятъ, и табунами своими съ нашихъ урешныхъ мѣстовъ рыбу сгоняютъ, и учуги зазираютъ, и сѣныи наши покосы табунами травятъ, изъ подгородка нашего воровски скотину всякую отгоняютъ, и ударомъ на насъ рабовъ твоихъ бьютъ, и во всемъ насъ роззоряютъ; а противъ ихъ калмыцкаго воровства съ ними, безъ твоего царскаго величества указу, не смѣемъ противиться; да къ нимъ же, помянутымъ владѣльцамъ, пріѣзжаютъ воинскіе люди каракалпаки и киргизцы человекъ по двѣсти и по триста и оны владѣльцы безъ Вашего Царскаго Величества указу съ ними мирятся и живутъ у нихъ владѣльцовъ въ улусехъ ихъ помянутые непріятельскіе люди мѣсяца по два и по три; и тѣхъ помянутыхъ владѣльцовъ улусные ихъ люди подводятъ тѣхъ непріятельскихъ людей подъ твои Государевы города и уѣзды и подъ насъ, рабовъ твоихъ; и оны непріятельскіе люди вотчине твоей Государевей и намъ, рабамъ твоимъ, чинять раззореніе не малое: конскіе и табуны скотинные безпрестанно отгоняютъ и насъ рабовъ твоихъ въ половъ берутъ и на смерть побиваютъ; а какъ де оны воинскіе люди къ нимъ владѣльцамъ пріѣзжаютъ и отъ нихъ въ улусовъ отѣзжаютъ и намъ рабамъ твоимъ про нихъ вѣдомости никакой не учиняютъ.

Всемилоствѣннѣйшій Государь просимъ Вашего Величества вели Государь намъ, рабамъ твоимъ, за службы наши по своему милостивому Царскаго Величества, противъ прежнихъ вашего Царскаго Величества грамоты, что у насъ рабовъ твоихъ сгорѣла, вмѣсто ея во владѣніе помянутые рѣки Яику съ рѣчки и протоками и со всѣми угодыя пожаловать прислать къ намъ, рабамъ твоимъ, свои Великаго Государя грамоту; такожъ насъ нижеименованныхъ отъ обидъ и отъ налоговъ отъ самарскихъ обывателей, отъ башкирцовъ и отъ калмыкъ оборонить, чтобъ твоей Царскаго Величества потчнѣи и намъ рабамъ твоимъ въ конецъ нераззориться и твоей государевой службѣ не отбыть.

Вашего Величества нижайшіе рабы запольные рѣки Яику яцкіе атамань-казани: Иванъ Ивановъ и леѣ рядовые казаки 2600 человекъ, 1720 году октября въ 12 день. Къ сей челобитной вмѣсто яцкаго атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска по ихъ велѣнію Алексѣевскія церкви священникъ Іевъ Клементьевъ руку приложилъ.

(Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 107, книга 30, листы 303 и 304).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Предисловіе	I
Глава I-я. Кто жилъ на Яикѣ до прихода казаковъ	1
Глава II-я. Борьба Москвы съ татарами и образованіе казачьихъ общинъ на Руси	19
Глава III-я. Какъ собиралось Яицкое войско/Атаманъ Василій Гугня. Прибытіе 600 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Матюшей Мещеракомъ въ 1685 году	35
Глава IV я. Откуда собирались казаки на Яикѣ, кто они были, ихъ нравы и обычаи. Слiski Зиѣва въ 1632 г. и перепись Захарова въ 1723 г. Преданіе объ атаманѣ Терскомъ	55
Глава V-я. Борьба яицкихъ казаковъ съ татарами. Первая служба казаковъ: 1586, 1591 и 1594 г.г./Преданіе о трехъ Иванахъ	71
Глава VI я. Смутное время на Руси. Походъ Нечая въ Хиву. Участіе яицкихъ казаковъ въ рядахъ самозванцевъ. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова	88
Глава VII-я. Переселеніе городка къ Бирсановскимъ ярамъ. Поника на Яикѣ Заруцкаго и Марини. Преданіе о пребываніи Марини на Яикѣ. Перенесеніе городка на устьѣ рѣки Чагана. Преданіе о явленіи казакамъ святителя Алексѣя Митрополита. Походъ Шемаи въ Хиву. Служба казаковъ въ 1629 году (1613—1632 г.г.)	109
Глава VIII-я. Старинная жизнь и обычаи яицкихъ казаковъ. Внутреннее управленіе. Атаманъ, круги, судъ, обычаи, одежда, ремесла, рыбные промыслы, добыча соли, военная походная организація, вооруженіе	136
Глава IX-я. Разбой казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Разгромъ персидскихъ береговъ. Высылка противъ нихъ стрѣльцовъ и разбитіе ихъ казаками. Посылка Богдана Зиѣва уговаривать казаковъ. Казаки за-	

служиваютъ вина подѣ Смоленскомъ съ атаманомъ Попко (овъ же Попъ). Осада Смоленска; бои подѣ Смоленскомъ (1632—1634 г.г.) . . . 166

✓ Глава X-я. Первое появленіе калмыковъ на Яикѣ. Разбои казаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ. Доносъ Полѣнова. Постройка на устьѣ Яика города Гурьева (1634—1645 г.г.) . . . 185

Глава XI-я. Служба казаковъ въ Тулѣ, Ливнахъ, Яблонецѣ, Веневѣ, Осколѣ, Усманѣ и въ другихъ украинныхъ городахъ (1634—1645 г.г.) . . . 200

Глава XII-я. Вступленіе на царство царя Алексѣя Михайловича. Намѣреніе калмыковъ идти на русскіе города. Продолженіе службы яицкихъ казаковъ въ Усманѣ, Бѣлгородѣ, Ливнахъ и другихъ украинныхъ городахъ. Приготовленіе къ Польской войнѣ (1645—1653 г.г.) . . . 218

Глава XIII-я. Грабежи казаковъ на морѣ. Походка атамана Ивана Бѣлоусова съ казаками въ Москву съ повинною. Служба казаковъ въ Польнѣ и подѣ Рымю. Первые свидѣнія о высылкѣ жалованья Яицкому войску. Разгромъ казаками Яикъ-Гурьева городка и его учуговъ (1654—1666 г.г.) . . . 235

Глава XIV-я. Атаманъ Разинъ. Грабежи и разбои на Волгѣ. Набѣгъ его на персидскіе и туркменскіе берега. Участіе яицкихъ казаковъ въ дѣлахъ Разина. Преданіе казаковъ о пребываніи Разина на Яикѣ (1666—1669 г.г.) . . . 251

Глава XV-я. Бунтъ Разина. Влзтіе Царицыи в Астрахани. Вой подѣ Сибирскомъ. Волненіе въ восточной Россіи. Прелестныя письма казаковъ. Разгромъ Разина подѣ Сибирскомъ. Казнь Разина. Усиреніе бунта. Дѣла въ Астрахани. Преданіе о Разинѣ на Яикѣ (1670—1671 г.г.) . . . 276

Глава XVI-я. Продолженіе службы казаковъ въ украинныхъ городахъ. Первый и второй Чигиринскій походы. Походъ подѣ Кіевъ. Морской набѣгъ Василки Касимова. Усиреніе башкирскаго бунта. Появленіе киргизъ на Яикѣ. Преданіе о Харьковѣ (1666—1682 г.г.) . . . 300

Глава XVII-я. Переселеніе Кирсаионовской станицы въ Яицкій городокъ. Башкирскій бунтъ. Смыкъ бѣглыхъ стрѣльцовъ Тиги и Гогя. Приходъ донцовъ на Яикъ.

Отъѣздъ десятины съ рыбы. Пожаръ городка. Первый Крымскій походъ. Первое преслѣдованіе старообрядцевъ на Яикѣ. Отписка войска казавскому митрополиту Адриану. Прибытіе донцевъ на Яикъ. Письмо войска московскому патриарху Киръ-Иоакиму. Второй походъ въ Крымъ. Бой съ Самарянами и преданіе о этомъ боѣ . . .

334

Глава XVIII-я. Таможенные сборы въ Гурьевѣ. Служба лицкихъ казаковъ Вѣлгородскаго полка въ укрепленныхъ городкахъ. (Первый и второй походы подъ Азовъ. Перепись на Яикѣ въ 1695 г. Разгромъ башкирцевъ въ казачьемъ городкѣ. Смуты въ войскѣ. Казни и ссылка виновныхъ казаковъ. Разгромъ Гурьева-городка атаманомъ Шаменкомъ. Казни войскаго атамана Ивана Вѣлоусова голутвенными казаками. Судъ надъ виновными въ Пресображенскомъ приказѣ. Казни и ссылки виновныхъ казаковъ. (1690—1699 г.г.). . .

369

Глава XIX-я. Набѣги киргизъ на Яикъ. Наряды въ Шведскій походъ. Смуты въ калмыцкой ордѣ и уходъ калмыковъ отъ Аюкы-хана. Астраханскій бунтъ. Дѣла въ Гурьевѣ. Башкирскій бунтъ. Булавинскій бунтъ на Дону . . .

404

Глава XX-я. Шведская война. Нарядъ ставицы атамана Витошнова, ея службы; могила Витошнова. Станицы Дмитрія Миrowsкаго, Матвѣя Рекунова, Митрофаня Алетина. Полтавскій бой. Преданія объ атаманѣ Прохорѣ Дурмановѣ и казакѣ Рыжечкѣ (1701—1709 г.г.) . . .

435

Глава XXI я. Продолженіе Сѣверной войны. Прутскій походъ. Кубанскій походъ. Харьковскій походъ. Набѣги киргизъ. Походы съ княземъ Черкасскимъ въ 1714—1716 г.г. Походъ въ Хиву въ 1717 г. Гибель отряда. Преданіе о походѣ въ Хиву (1710—1717 г.г.) . . .

464

Глава XXII я. Доносъ казака Чулехтина. Волненія въ войскѣ. Приговоръ о выгнанныхъ въ Русь казакахъ. Розыскъ бѣглыхъ крестьянъ князя Меншикова. Возвращеніе казачьяго каравана изъ Хивы. Изгнаніе Карташева въ Русь, его доносъ на войско. Ссылка на Яикъ поручика Наумова. Осада городка киргизами. Допросы въ Казани. Поѣздка на Яикъ

Черемисина. Розыскъ капитана Кемецкаго. Набѣги киргизъ (1717—1718 г.г.) . 490

Глава XXIII-я. Донось казака Василія Мордвикина. Продолженіе розыска по доносу Карташева. Допросы казаковъ въ Преображенскомъ приказѣ въ Москвѣ. Донось казака Афанасія Назарова. Прибытіе на Янкъ поручика Кроткова и его розыскъ. Письма изъ Хивы плѣнныхъ казаковъ. Взятки и поборы Кроткова (1719 г.) . 527

Глава XXIV-я. Набѣги киргизъ и осада или Яницкаго городка. Повѣдка въ Петербургъ станичнаго атамана Ѳедора Михайловича Рукавишника. Отправленіе Карташева и казаковъ снова въ Москву и новые допросы въ Преображенскомъ приказѣ. Прибытіе Рукавишника въ Петербургъ и его хлопоты: жалоба на взятки Кроткова и другихъ сыщиковъ, просьбы: о зачисленіи всѣхъ прибывшихъ на Янкъ послѣ 1695 г. въ казаки, о продажѣ соли. Подчищеніе войска вѣдѣнію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Назначеніе слѣдствія надъ Кротковымъ и друг. Отправленіе Карташева и колодниковъ въ Астрахань съ поручикомъ Евлеховымъ. Вопросы казакамъ и отвѣты станичниковъ Рукавишника въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Донось казака Ивана Елисѣева. Отправленіе въ Петербургъ станицы Ивана Астраханкина. Прибытіе Рукавишника на Янкъ и волненія въ войскѣ. Отправленіе Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани на Янкъ съ поручикомъ Кустовымъ и назначеніе для розыска майора Воейкова. Прибытіе Кустова на Янкъ. Ссоры казаковъ съ Воейковымъ въ Омзари и Самарѣ. Прибытіе на Янкъ солдатъ Сорвачева и Варакина. Вой съ киргизами (1719—1720 г.г.) 559

Глава XXV-я. Вторичная повѣдка Рукавишника въ Петербургъ. Челобитные войска. Смуты въ Яницкомъ городкѣ. Новая ссоры казаковъ съ Воейковымъ и его повѣдка на Янкъ (1720 г.) . 608

Глава XXVI-я. Смуты въ войскѣ. Казнь казаковъ Елисѣева и Назарова. Вѣсти о киргизахъ. Посылка станицы Ивана Мясникова. Хлопоты Рукавишника въ Петербургѣ. Дача войску знаменъ и пушекъ. По-

сылка станицы Балмашинова на развѣду въ киргизскіе аулы. Нарядъ казаковъ на Терекъ. Посылка въ Петербургъ станицы Балмашинова. Возвращеніе Рукавишникава въ войско и казнь старшиимъ Василія Мордвикина. Возвращеніе на Яикъ изъ Шведской войны станицы Рекунова и плѣнныхъ казаковъ изъ Швеціи (1721 г.)

639

Глава XXVII-я. Нарядъ казаковъ на рѣку Черемшу. Третья посылка Рукавишникава въ Москву. Доносы Карташева и челобитная Рукавишникава. Пожаръ въ Яицкомъ городкѣ. Нарядъ казаковъ въ Персидскій походъ. Доносъ казака Ревка. Схватки съ киргизами. Посылка въ Москву станицы Витошнова. Допросъ казаковъ въ Военной Коллегіи. Назначеніе на Яикъ полковника Захарова и данныя ему инструкціи (1722 г.)

652

Глава XXVIII я. Отправленіе въ Москву станицы Фадѣева. Смыскъ Захарова въ Казани и на Яикѣ. Заговоръ казаковъ и намѣренія войска бѣжать въ Хѣву и за море. Казнь Рукавишникава и другихъ. Доносъ Яганова и Краснощечкова. Перепись Захарова. Набѣги киргизъ (1723 г.)

728

Глава XXIX-я. Слѣдствіе надъ Кротковымъ, Путиловымъ и другими. Посылка станицъ въ Петербургъ. Продолженіе переписи казаковъ. Нарядъ на Черемшу и набѣги киргизъ. Основаніе городка на рѣкѣ Сакмарѣ. Окончаніе переписи казаковъ (1723—24 г.г.)

773

Глава XXX-я. Станица Иванъ Щелькина. Розыскъ Захарова по доносу Кроткова о киргизахъ—плѣнникахъ и хивинскомъ караванѣ. Выдача войску жалованья, пороха и свинца по новому окладу. Станица Василія Арапова. Отправленіе тысячи казаковъ въ низовый корпусъ. Ссылка 25 старшинъ въ Тобольскъ. Судъ надъ Воеяковымъ и Кротковымъ. Результаты пребыванія Захарова на Яикѣ и памятники прошедшаго времени, сохранившіеся въ войскѣ (1724—25 г.г.)

812

Глава XXXI я. Дополненія . . . 850
 Примѣчанія . . . 872
 Проложенія . . . 1—95

Замѣченные опечатки.

Стран.	Строчка.		Напечатано.	Оздуть читать.
	Сверху.	Снизу.		
21	2	—	ѣзжать	ѣзжали
.	4	—	1892 г.	1890 г.
25	—	5	казанскаго царя	астраханскаго царя
42	—	16	Коловоротное	Коловертное
44	10	—	1-го февраля	10-го февраля
45	8	—	военной коллегіи	иностр. кол.
55	—	2	что казаковъ на Яикѣ	что воровскихъ казаковъ на Яикѣ
66	14	—	1682 г.	1678 г.
81	съ 10 до	кон. стр.	Мазинка Мещерякъ	Матюша Мещерякъ
82	12	—	Мазимомъ Мещерякомъ	Матюшей Мещерякомъ
89	—	1	Сягелманъ	Браневскій
96	1	—	яцкіе казаки двинулись	яцкіе казаки вѣроятно двинулись
97	—	13	казаки и толпы крестьянъ	казаки и крестьяне
99	—	16	Госѣвскій	Гонѣвскій
109	5	—	потоплена	позатоплена
111	—	12	Кузнецовъ	Кудрянцевъ
122	—	14	тихо	лихо
128	—	9	Никита Чакрыгинъ	Иванъ Чакрыгинъ
133	—	3	1726 г.	1626 г.
140	18	—	1696 г.	1769 г.
143	—	1	хорейство	хозяйство
165	—	14	развивался	развѣлся
167	17	—	токо	только
180	7	—	10 чети въ поле, а потому жъ	10 чети, а въ поле въ двупотону жъ
187	—	2	станциу	единицу
203	—	8	высвободать	освободить
252	—	12	до конца Александра 1-го	до 1832 г.
255	—	7	Это письмо	Письмо
260	9	—	на поискахъ	въ поискахъ
260	—	5	Разиня	Разинъ
.	—	4	Предлагатъ	Предлагалъ
262	8	—	стрѣльцовъ	стрѣльцами
263	13	—	калмыковъ	кулмыковъ
.	—	3	ихъ	ваши

Страница.	Строчка.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
	Сверху.	Снизу.		
270	12	—	киргизскую	татарскую
305	—	6	XIII	XII
"	—	2	(см. прилож. XIII)	(см. прилож. XII)
306	—	3	(прилож. XIII)	(прилож. XII)
314	—	12	Объ одномъ изъ тавыхъ	Объ одномъ такомъ
318	17	—	Кротковимъ	Кроткимъ
366	—	19	и что ни Москва, ни кому	и что ни Москвѣ, и ни кому
367	—	1	2) Соч. I. И. Желѣзнова	нужно все это примѣчаніе
			и т. д.	перенести на стр. 368 какъ
				выноску:
				¹⁾ Соч. I. И. Желѣзнова
				и т. д.)
368	—	3	1) Моск. Арх. Гл. Шт.	нужно все это примѣчаніе
				перенести на стр. 367 какъ
				выноску:
				²⁾ Моск. Арх. Гл. Шт.
				и т. д.
398	9	—	говорнымъ	оговорнымъ
400	10	—	Въ сохранившихся клочкѣ	Въ сохранившемся полу-
				истлѣвшемъ и выцвѣтшемъ
				клочкѣ
401	—	3	Тамъ-же	Дѣло о казакѣ Кочерешкинѣ
434	—	6	казачій городокъ и Гурь-	казачій городокъ подчинил-
			евъ подчинились	ся Казани, а Гурьевъ под-
				чинился
476	13	—	Кудаберда и Одналуъ.	Кудаберда.
490	—	2	1791 г.	1721 г.
502	—	14	Федота Донского ¹⁾	Федора Донского, Степана
				Деметрѣева ¹⁾
506	13	--	Казани	Казани
"	19	--	Митрофана Пименова,	Митрофана Пименова, Але-
			Остафѣя Трифонова	тѣева, Остафѣя Трифонова
"	20	—	Петра Фадѣева,	Петра Фадѣева, Осипова,
509	—	10	Петръ Фадѣевъ	Петръ Фадѣевъ ⁴⁾
"	—	9	Митрофанъ Пименовъ	Митрофанъ Пименовъ ⁵⁾
"	—	6	Степанъ Лукьяновъ	Степанъ Лукьяновъ ⁶⁾
"	—	5	Семенъ Васильевъ	Семенъ Васильевъ ⁷⁾
"	—	3	Иванъ Матвѣевъ ⁴⁾	Иванъ Матвѣевъ ⁸⁾

Стран.	Строчка.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
	Сверху.	Снизу.		
509	—	1	4) Чеботарь	4) Осиповъ, 5) Алетинъ, 6) Сумкинъ, 7) Муромцевъ, 8) Чеботарь,
512	1	—	Петра Фадѣева.	Петра Фадѣева Осипова,
"	2	—	болѣзненный Фадѣевъ	болѣзненный Осиповъ
529	9	—	мая	мая
556	15	—	Ивана Бѣлоусова и оправдан- ный	Ивана Бѣлоусова оправдан- ный
604	10	—	съ ними и Кустовъ	съ ними и Карташевъ
629	16	—	Всемогушаго десвица	Всемогушаго Бога сохранитъ- ся десвица
715	—	14	ожига	ожидаемаго
736	—	5	родомъ нагаецъ	родомъ казмыкъ
752	—	15	20 человекъ,	14 человекъ,
761	—	1	кн. 191,	книга 196,
793	—	3	Василій Араповъ	Иванъ Щелканъ
810	10	—	XVI вѣка	XVII вѣка
"	—	12	всѣхъ казаковъ	большинство казаковъ
			Замѣченныя опечатки	въ приложеніи.
57	17	—	3 го января	10-го января
68	—	7	рабы твои	рабы твои
81	7	—	29 день въ	29 день 1721 г. въ
"	—	7	въ полоучу	въ полоучу
82	—	1	(Ур. Войск. Вѣд. 1869 г. № 80).	(Ур. Войск. Вѣд. 1869 г. № 80). Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 107, кн. 12, листъ 215.
92	—	9	пшена	пшеница